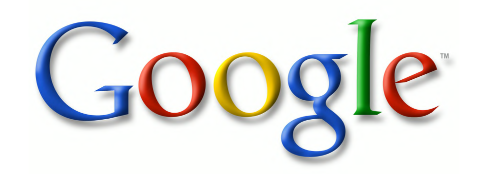
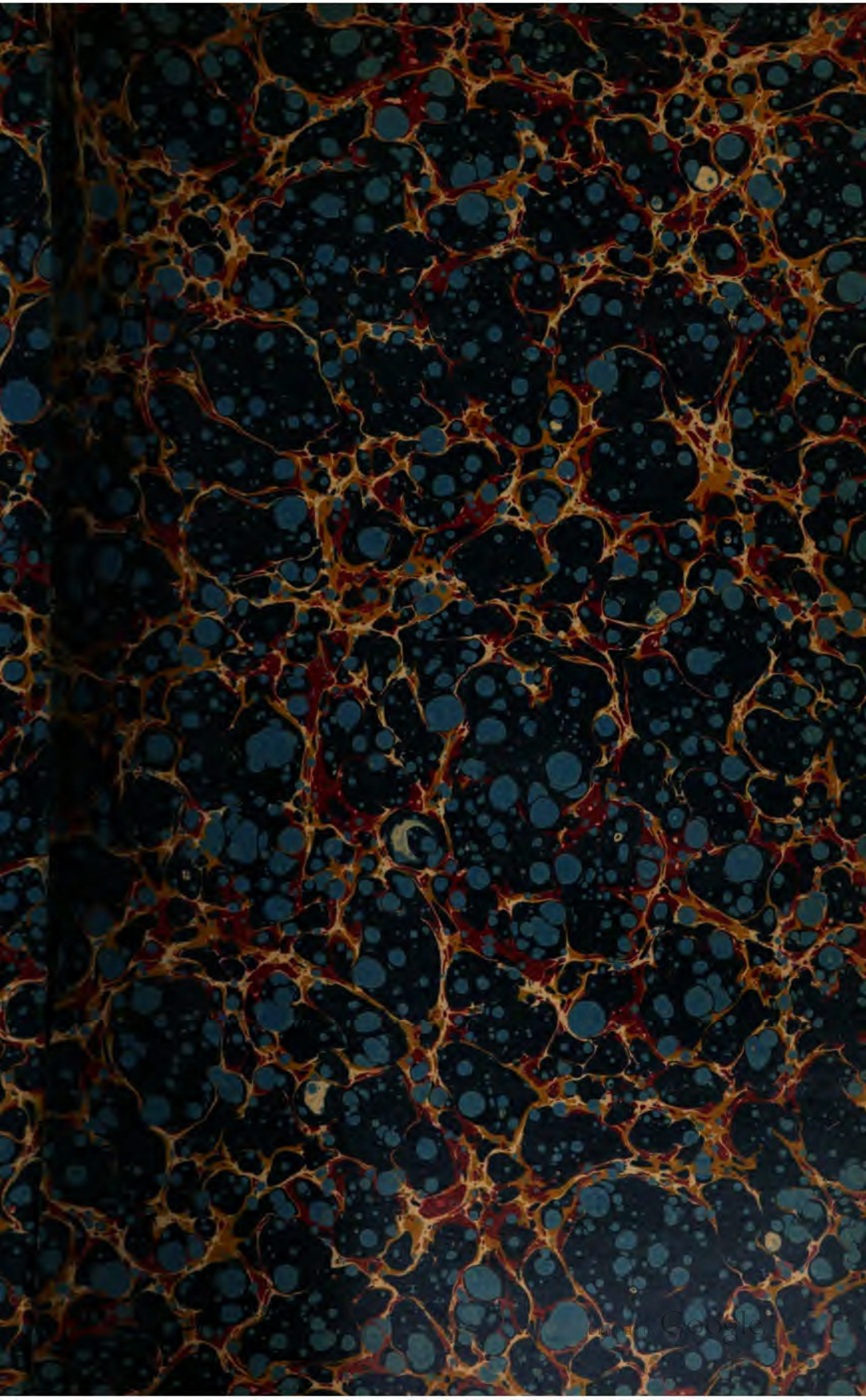


Bd. Sept., 1884.
SIGILL: COLL: HARVARD: CANTAB: NOV: ANGL: 1650.
CHRISTO ET ECCLESIAE
BOUGHT WITH
THE INCOME FROM
THE BEQUEST OF
CHARLES MINOT,
OF SOMERVILLE,
(Class of 1828,)
30 May – 30 June, 1884.



ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ. — ТОМЪ III.

ГОДЪ XLVIII. — ТОМЪ CCLXXXI. — 1/13 МАЯ, 1884.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ – ПОЛИТИКИ – ЛИТЕРАТУРЫ

СТО-СЕДЬМОЙ ТОМЪ

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ

ТОМЪ III

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

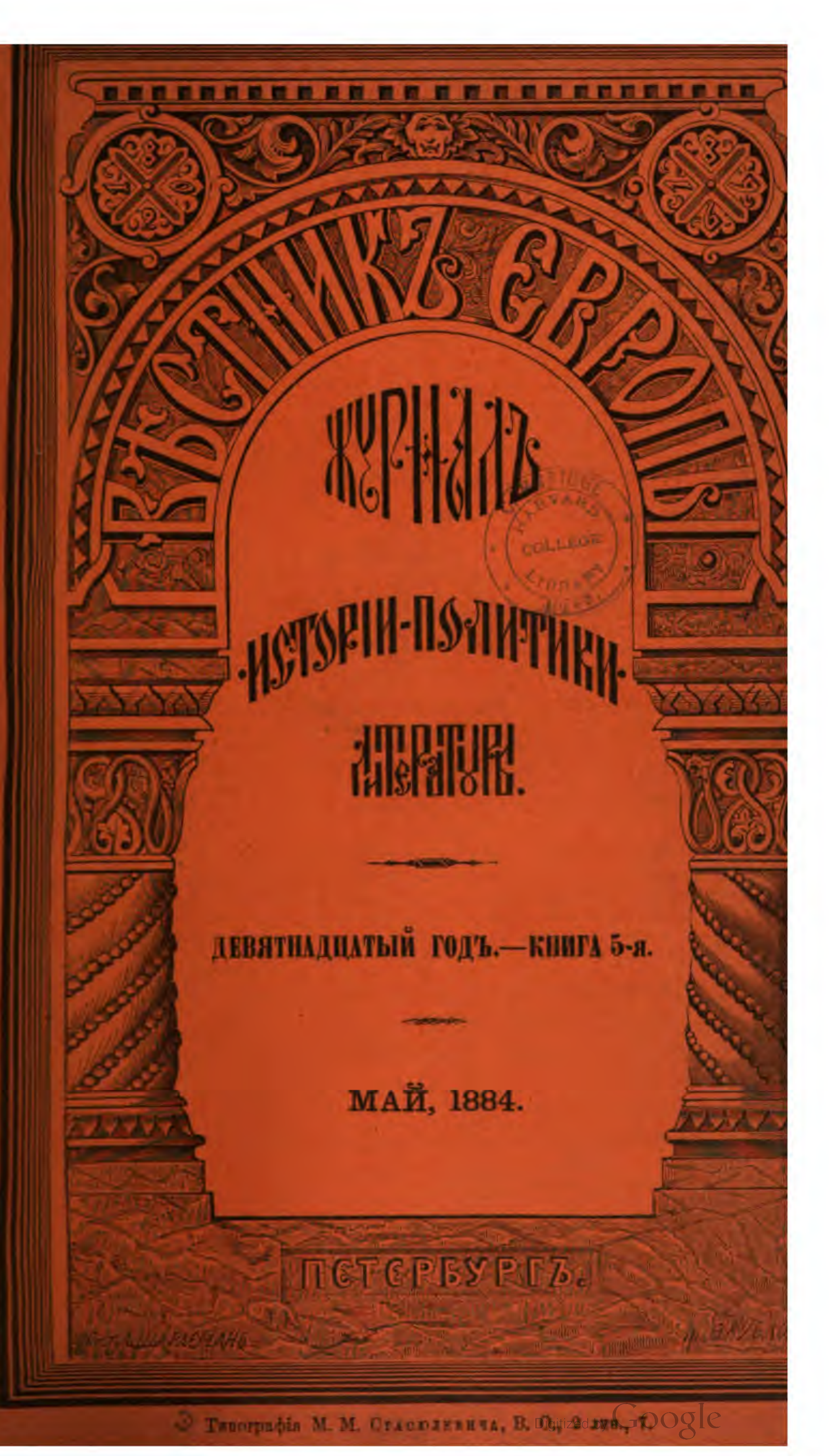
Главная Контора журнала: на Васильевскомъ Острову, 2-я линія, № 7.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ, № 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1884

(899)


ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 5-я.
МАЙ, 1884.
ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 л., 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1884.

Стр.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1884 г., см. ниже, на оберткѣ.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ВОЛОСТИ

Очерки изъ жизни приволжскаго захолустья.

I.

Недавняя старина.

Задумавъ разсказать исторію одной волости, въ которой я прожилъ полъ-жизни, изо-дня въ день сталкиваясь съ сельскимъ людомъ и наблюдая его прошлое и настоящее экономическое положеніе, я твердо рѣшился не отступать отъ дѣйствительности, какъ бы ни была она неприглядна, а главное, забыть все, что писалось и пишется о деревенскомъ бытѣ, все, чему такъ охотно вѣрилось и такъ хотѣлось бы вѣрить. — Что же дѣлать, если большая часть преувеличенныхъ ожиданій и плѣнительныхъ иллюзій безвозвратно погибли, а на мѣсто ихъ остались отчасти уже забытые, или готовые забыться факты — на которыхъ мы и желали бы остановить вниманіе читателя, безъ всякой претензіи на общіе выводы и заключенія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, задавшись мыслью разсказать то, что я ви- ѣлъ и наблюдалъ своими глазами, какъ отражались въ глухомъ у разнообразныя вѣянія, благія начинанія и мѣропріятія, ъ уживалось старое съ новымъ, я въ то же время ясно аю, что наблюденія, относящіяся къ извѣстной мѣстности его громаднаго отечества, при всей ихъ искренности и не- ѣнной правдивости, могутъ имѣть лишь относительную цѣну,

могутъ только служить матеріаломъ для людей, имѣющихъ возможность обсудить дѣло, съ точки зрѣнія болѣе общей, способныхъ отрѣшиться отъ всякихъ мѣстныхъ случайностей и особенностей—а главное, для людей, на которыхъ своеобразная глушь не наложила отпечатка, крайняго, часто переходящаго границы пессимизма, отъ котораго, по нашему наблюденію, не въ силахъ уберечься и спастись никто изъ провинціальныхъ обывателей и дѣятелей, обреченныхъ на болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ захолустьѣ.

Мѣстность, о которой идетъ рѣчь, находится въ 60 верстахъ отъ губернскаго города, основаннаго въ 1648 году и обязаннаго своимъ существованіемъ мысли правительства провести черту, или укрѣпленную линію отъ рѣки Волги до рѣки Суры и далѣе, къ прежде устроенной тамбовской чертѣ, для охраненія русскихъ границъ отъ набѣговъ крымскихъ и ногайскихъ татаръ. Вся эта мѣстность въ настоящее время представляетъ плоскую ширь, разбитую на хозяйственныя десятины, и только съ одной стороны безмѣрно распахнувшагося горизонта, высится непрерывная цѣпь горъ, покрытыхъ чернолѣсьемъ. — Изъ этихъ синѣющихъ вдали горъ бѣжитъ ничтожный ключъ; все увеличиваясь, онъ, наконецъ, превращается въ небольшую рѣчку Пайдурку, десятки разъ перехваченную навозными плотинами съ обмелѣвшими, илистыми прудами и торопливо шумящими мельницами.

Подъ самымъ лѣсомъ у истока благодѣтельной рѣчки, пріютились три деревушки: Елизаветино, Софьевка и Аделевка, а также небольшое село Васильевка, съ старой каменной церковью и ежегодной ярмаркой, представлявшей событіе въ захолустной жизни. Самыя названія деревушекъ свидѣтельствуютъ, что они носили ихъ въ честь размножавшихся потомковъ мѣстныхъ дворянскихъ семействъ, въ большомъ количествѣ населявшихъ не только данную мѣстность, но и всю губернію, къ которой она принадлежала.

Въ Елизаветинѣ обитала бойкая вдова, порядочно жестокая съ крестьянами и приторно ласковая съ сосѣдями, воспитавшая цѣлое поколѣніе исправниковъ, покончившихъ свою дѣятельность уголовнымъ судомъ и ссылкой. Чуждая всякой застѣнчивости, всякихъ колебаній и сомнѣній, неутѣшная вдовица, съ непритворнымъ умиленіемъ и безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти вспоминала о томъ, какъ перебивалась на 24-хъ душахъ, до тѣхъ поръ, пока покойникъ не былъ назначенъ опекуномъ надъ двумя имѣніями, и какъ потомъ онъ получилъ мѣсто уѣзднаго исправника.

Бѣдность и нищенскій видъ Елизаветина представлялъ контрастъ съ привлекательнымъ видомъ Софьевки и Аделевки, находившихся въ женскомъ, но далеко болѣе мягкомъ управленіи; между тѣмъ, какъ въ зажиточномъ селѣ Васильевкѣ благодушествовалъ старый недоросль изъ дворянъ, кое-какъ получившій первый чинъ и посвятившій всю свою жизнь вѣчной войнѣ съ цѣлымъ рядомъ крѣпостныхъ фей и съ своей, крайне эмансипированной по тому времени, супругой, то прилетавшей въ объятія супруга, то неожиданно ускользавшей изъ его объятій, съ новой дарственной записью въ рукахъ.

Далѣе, по р. Пайдуркѣ, тянулся цѣлый рядъ въ то время маленькихъ деревушекъ и поселковъ, лѣпившихся то на правомъ, то на лѣвомъ крутомъ берегу ея, съ верху до низу заваленномъ навозомъ. Тутъ находилась деревушка Баевка, съ помѣщикомъ Баевымъ, только что покинувшимъ Кавказъ и извѣстнымъ своей безумной отвагой; а за Баевкой, усѣлись на навозныхъ кучахъ, другъ противъ друга, небольшія поселки Глѣбовка и Шитовка, изъ коихъ первая состояла изъ трехъ, а вторая изъ пяти дворовъ населенныхъ общиной дворянъ Глѣбовыхъ и Шитовыхъ, то-есть бывшихъ когда-то дворянъ, мало-помалу обратившихся въ однодворцевъ, а потомъ въ крестьянъ. Начало этихъ общинъ относится къ царствованію царя Алексѣя Михайловича, и между актами 1671 — 1676 г. встрѣчаются челобитные Данилы Шитова и Григорья Глѣбова «о пожалованіи имъ въ помѣстье за службишку улишной земли по р. Пайдуркѣ».

Глѣбовы и Шитовы обладали достаточнымъ количествомъ земли, а ихъ просторныя избы, широкіе поднавѣсы, на толстыхъ дубовыхъ столбахъ, съ бродившими въ ихъ темныхъ и прохладныхъ закоулкахъ косматыми конями, выставленные въ лугахъ, около ветелъ, ряды ульевъ,—все это служило предметомъ зависти и удивленія сосѣднихъ крестьянъ.

Далѣе, на правомъ берегу рѣчки вытянулась въ струну весело глядѣвшая деревня Тепловка, противъ которой, изъ густыхъ липъ стараго сада, выступала красная крыша барскаго дома, съ двумя бѣлыми трубами.—Въ этомъ уютномъ, но очень похожемъ на ящикъ домѣ, обитала престарѣлая дѣвица Марья Митрофановна, замѣчательная въ своемъ родѣ женщина. Она уже лѣтъ сорокъ безвыѣздно жила въ своей Тепловкѣ, не знаясь съ сосѣдями, чуждая сплетенъ, и наслаждаясь жизнью по своему. Она страстно любила цвѣты, свой старый садъ, своихъ мужиковъ, возилась съ ихъ дѣтьми, наслаждалась хороводными и

свадебными пѣснями, радовалась малѣйшему признаку зажиточности своихъ крестьянъ, и вовсе не потому, что это доставляло ей деньги, а потому, что крестьяне замѣняли ей семью и составляли единственный предметъ вѣчныхъ заботъ и даже нѣкоторой гордости. Она рыдала въ три ручья, провожая рекрута, а если не находила виноватаго, то-есть въ чемъ-нибудь провинившагося мужика, то на послѣднія деньги покупала человѣка въ другихъ имѣніяхъ, такъ какъ въ то время находились охотники для подобныхъ сдѣлокъ. Даже теперь, въ 83-мъ году, каждый мужикъ д. Тепловки, при одномъ имени Марьи Митрофановны, непремѣнно скажетъ: «да, теперь хорошо, а тогда, при Марьѣ Митрофановнѣ, было еще лучше», что, впрочемъ, нисколько не помѣшало тѣмъ же самымъ мужикамъ забыть о существованіи самой могилы ихъ благодѣтельницы, очутившейся на выгонѣ и заросшей крапивой и бурьяномъ.

Далѣе, на высокомъ холмѣ, отдѣленномъ отъ сосѣднихъ деревушекъ двумя крупными оврагами, проживалъ бывшій дворянинъ Журавлевъ или Журавленокъ, какъ называли его сосѣдніе мужики; семья его состояла изъ бойкой и умной жены, трехъ дочерей красавицъ и сына, разбитаго параличемъ идіота, не покидавшаго полатей. Лѣтъ двадцать тому назадъ, еще живо было воспоминаніе о рыжемъ маіорѣ, дѣдушкѣ Журавленка, державшемъ себя, по выраженію крестьянъ, «на дворянской аканціи» и слывшемъ забіякой первой руки; но внукъ ничѣмъ не походилъ на дѣда и, не взирая на 150 десятинъ крѣпостной земли, работалъ за пятерыхъ, считаясь первымъ хозяиномъ и первымъ пьяницей во всемъ околоткѣ. — А между тѣмъ, въ 1676 году, одинъ изъ предковъ этого Журавленка, выпрашивая у государя Алексѣя Михайловича участокъ земли, на рѣчкѣ Пайдуркѣ, въ своей челобитной напоминалъ великому государю, «что онъ его царскій холопъ Журавлевъ исполнялъ всякія службы зимнія и лѣтнія въ польскихъ, литовскихъ, въ нѣмецкихъ и черкасскихъ городахъ, на многихъ бояхъ и приступахъ былъ, а какъ ходилъ изъ Смоленска за польскими людьми, то его холопа царскіе люди въ полонъ взяли и мучили много времени». — И вотъ, послѣ многихъ ратныхъ подвиговъ и повышеній въ чинахъ, Журавлевы, когда-то вышедшіе изъ крестьянъ, снова возвратились въ народъ, что представляетъ весьма типичную подробность для исторіи нашего дворянства.

Тотчасъ же за оврагомъ прижалась наводящая уныніе деревня Бачмановка, поражавшая покачнувшимися и почернѣвшими избами, обвалившимися трубами и тусклыми окнами, тоск-

ливо глядѣвшими изъ-подъ косматыхъ, насквозь прогнившихъ соломенныхъ крышъ. Здѣсь безгранично властвовалъ бывшій капитанъ Бачмановъ, перенесшій въ глухую деревушку всѣ ротные порядки того безпощаднаго времени, вмѣстѣ съ страстью къ экзекуціямъ, исполненіе коихъ никому безъ себя не довѣрялъ. Виновныхъ приводили на барскій дворъ, выходилъ капитанъ въ засаленномъ бухарскомъ халатѣ и татарской ермолкѣ, усаживался на крыльцѣ и, попивая чай и потягивая изъ длиннаго чубука, съ видомъ знатока приступалъ къ экзекуціи, ни на минуту не переставая поучать и наставлять, благимъ матомъ вопившаго мужика.—«Слава тебѣ Творцу Небесному, какъ вышла воля, такъ и пѣсни на Бачмановскомъ дворѣ порѣшились»—съ добродушнымъ смѣхомъ вспоминали потомъ обыватели окрестныхъ поселеній, только-что не ежедневно наслаждавшіеся даровыми концертами.

Противъ Журавлевки и Бачмановки, на противуположномъ берегу р. Пайдурки, на широкой, зеленой площади, съ бѣлой церковью по серединѣ, точно городокъ, раскинулось село Никольское, съ примыкавшей къ нему деревней Большой-Карцовкой. Тутъ же на площади красовались потемнѣвшіе отъ времени барскіе хоромы, съ высокой крышей, покрытой мохомъ и громаднымъ, давно уже запущеннымъ садомъ, превратившимся въ грачевникъ, а въ небольшомъ пристроѣ, прилѣпившемся къ ветхимъ хоромамъ, помѣщался управляющій Никольскаго, Степанъ Савельевичъ Малеевъ, человѣкъ очень солидный, мягкій и вообще порядочный на видъ. Онъ былъ отпущенникомъ сосѣдней помѣщицы, когда-то обучался живописи, потомъ находился при городскомъ архитекторѣ, затѣмъ отданъ былъ на выучку къ пьяницѣ землемѣру, а въ заключеніе сдѣлался управляющимъ значительнаго имѣнія и исполнялъ свое дѣло, если не лучше, то и не хуже другихъ управляющихъ, довольствуясь крайне скромнымъ вознагражденіемъ. — Изъ своего прошлаго, Степанъ Савельевичъ вынесъ кучу поверхностныхъ свѣденій, носился съ этимъ хламомъ, какъ съ какой-нибудь драгоцѣнностью и свысока взиралъ не только на невѣжественныхъ крестьянъ, но и на столь же невѣжественныхъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Единственнымъ лицомъ, передъ которымъ видимо робѣлъ и терялся, полный чувства собственнаго достоинства, Степанъ Савельевичъ, былъ владѣлецъ с. Никольскаго, гвардіи полковникъ Алхазовъ, изрѣдка наѣзжавшій въ свою вотчину. Это былъ невообразимо величавый, гордый и пунктуальный баричъ, съ выставленной впередъ грудью и закинутой назадъ головой. Баринъ, привыкшій повелѣвать,

не терпѣвшій и не допускавшій возраженій, но въ то же время чуждый всякой несправедливости, всякаго притѣсненія или вымогательства, и горой стоявшій за своихъ мужиковъ, извѣстныхъ въ окрестности своимъ благосостояніемъ. Особеннымъ же довольствомъ отличался такъ называемый «красный порядокъ», выстроившійся противъ церкви и населенный первыми богачами въ селеніи, даже въ то время державшимися особнякомъ въ отношеніи своихъ односельцевъ.

Такой же, тотчасъ же бросавшейся въ глаза, зажиточностью отличалась и примыкавшая къ с. Никольскому деревня Большая-Карцовка, уже болѣе 30 лѣтъ находившаяся въ управленіи бурмистра, большого дипломата, тучнаго старика, не забывавшаго ни себя, ни барина, но при всемъ этомъ управлявшаго по-божески.

Въ трехъ верстахъ отъ Большой-Карцовки, находилась деревня Малая-Карцовка, состоявшая изъ 80 душъ и находившаяся подъ управленіемъ того же дипломата - бурмистра. Вдоль глубокаго оврага съ ничтожнымъ, мутнымъ ключкомъ на его днѣ, по одной сторонѣ вытянулись крѣпкіе амбары; по другой—нѣсколько болѣе двадцати исправныхъ сосновыхъ избъ, изъ числа коихъ были и двухъ-этажныя, съ разукрашенными крылечками и обитыми жестью воротами.—Тотчасъ же за избами зеленѣли конопляники, а за ними высилась такая сплошная, никогда не убывавшая, масса желтыхъ, сѣрыхъ и уже почернѣвшихъ отъ времени хлѣбныхъ копенъ, что ихъ и пересчитать было трудно.— Такимъ образомъ, Малая - Карцовка, даже и въ то привольное время, выступала изъ ряда вонъ по своей зажиточности, что же касается до такъ-называемыхъ «деревенскихъ богачей» по большей части раскольниковъ, то о ихъ капиталахъ, тщательно скрываемыхъ и далеко запрятанныхъ, ходили самые невѣроятные и преувеличенные слухи.

Старый вдовецъ Карцовъ, обладатель Большой и Малой Карцовки, былъ въ полномъ смыслѣ забубенный помѣщикъ, проживалъ въ сосѣднемъ уѣздѣ и только осенью наѣзжалъ въ имѣніе, чтобы разбудить мертвую степь звуками охотничьихъ роговъ и на всю зиму оставить въ глухомъ углу воспоминанія и разговоры о его лихихъ охотникахъ и первыхъ въ губерніи борзыхъ и гончихъ собакахъ.

Пожилой, но вѣчно юный, вдовецъ, здалъ на руки своей сестры, старой восторженной дѣвицы, единственнаго сына, чувствительнаго мальчика уже двѣнадцати лѣтъ, проливавшаго слезы надъ «Фрегатомъ Надежды» Марлинскаго, а самъ, развер-

нувшись во всю ширь, задавалъ пиры на цѣлый уѣздъ, держалъ музыкантовъ, шутовъ, пѣсенниковъ и каждую зиму улеталъ въ Москву, чтобы наслаждаться игрой Мочалова и провожать его за-границу. А между тѣмъ, при неодолимой наклонности закладывать и перезакладывать свои имѣнія, при страсти къ мотовству и кутежу, забубенный баринъ всю свою жизнь оставался идеально хорошимъ помѣщикомъ и съ крайней щепетильностью относился къ крестьянамъ и ихъ собственности.

Громадный оврагъ, о которомъ мы упомянули выше, отдѣлялъ Малую-Карцовку отъ небольшой деревушки бывшаго удѣльнаго вѣдомства «Колодцы», на половину населенной русскими и новокрещенными въ православіе татарами, никогда не бывавшими въ церкви и спеціально занимавшимися конокрадствомъ. Наконецъ въ силу давности сосѣди до такой степени привыкли къ періодическимъ тревогамъ и къ тому, что мимо ихъ дворовъ, время отъ времени, проносились татары, съ только-что украденными лошадьми, что никто уже не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія, тѣмъ болѣе, что конокрады никогда не обижали ближайшихъ сосѣдей.

Возникало дѣло, пріѣзжалъ судебный слѣдователь, наводилъ справки о поведеніи татаръ, и убѣдившись, что поведеніе ихъ безукоризненно, уѣзжалъ обратно, ясно сознавая, что вся окрестность запугана и никто не рѣшится сказать правду — каждый себя бережетъ, трепещетъ за своихъ лошадей, за свое имущество. Такимъ образомъ, вслѣдствіе укоренившейся привычки, или особенностей русскаго характера, отношенія между конокрадами и мужиками, а также мелкими помѣщиками, ихъ ближайшими сосѣдями, представляли примѣръ невообразимой, въ наши дни, патріархальности. Татаринъ-конокрадъ былъ первымъ гостемъ на престольныхъ праздникахъ, а его откровенные разсказы о кражахъ и смѣлыхъ наѣздахъ слушались съ особымъ наслажденіемъ и сопровождались общимъ, только-что не одобрительнымъ смѣхомъ.

Въ очень близкомъ сосѣдствѣ съ селомъ Никольскимъ, находилась деревня Волковка, почти сплошь населенная раскольниками въ то время, такъ же какъ и въ наши дни, представлявшими вѣчную заботу для Никольскаго священника, совершавшаго всегда неудачныя покушенія возвратить заблудшихся овецъ въ свое стадо. Помѣщикъ Волковъ (владѣлецъ дер. Волковки) принадлежалъ къ самымъ виднымъ, до конца жизни молодымъ московскимъ кавалерамъ. Онъ изрѣдка показывался въ имѣніи и только для того, чтобы предаваться амурнымъ похожденіямъ

и срывать полевые цвѣтки, къ которымъ питалъ особенную склонность, между тѣмъ, какъ все управленіе довольно большимъ имѣніемъ сосредоточивалось въ рукахъ его бывшаго камердинера, женатаго на одной изъ десятка крѣпостныхъ фаворитокъ и очень ловко и старательно копировавшаго своего патрона. Аркадій Ивановичъ, такъ звали управителя, крестьянъ не притѣснялъ, держалъ себя ни дать ни взять, какъ провинціальный актеръ, исполняющій роли великосвѣтскихъ людей, почитывалъ романы Сю и Дюма, но болѣе всего былъ занятъ своими пестрыми панталонами въ клѣтку и своей тройкой, съ невѣроятно завивавшимися пристяжными. Ко всему сказанному остается добавить, что крестьяне деревни Волковки отличались особенной домовитостью и выдающейся зажиточностью.

Выше Волковки, на пригоркѣ бѣлѣла каменная церковь села Ракитова, замѣчательнаго стройностью и опрятностью барской усадьбы, а также благообразностью въ нитку выровненныхъ и бодро глядѣвшихъ крестьянскихъ избъ. Каждые три года наѣзжалъ въ село Ракитово помѣщикъ Ракитовъ, проживавшій или въ столицахъ, или за-границей. Отношенія его къ имѣнію, къ управителю имѣнія, ссыльному поляку, и вообще къ провинціальной жизни, были особенныя. Онъ искалъ полнаго уединенія, и никто кромѣ управителя, съ которымъ Ракитовъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, не проникалъ въ его заваленный книгами кабинетъ. Такимъ образомъ, Ракитовъ всегда оставался загадкой для сосѣдей, не одобрявшихъ его таинственнаго образа жизни и рѣшительно не знавшихъ, какъ опредѣлить и даже назвать занятія, которымъ онъ отдавался чуть ли не со школьной скамьи. Въ этомъ недоумѣніи не было ничего удивительнаго, такъ какъ литераторъ того времени, особенно въ захолустьѣ, считался не то ученымъ, не то сумасшедшимъ, не то человѣкомъ опаснымъ и подозрительнымъ, не то шутомъ гороховымъ. Полнымъ хозяиномъ Ракитова, съ его широкими, какъ море, полями, лугами и кудрявыми дубовыми рощами, съ незапамятныхъ временъ былъ управляющій имѣнія, плотный старикъ съ посѣдѣвшей бородой во всю грудь, съ орлинымъ носомъ и проницательнымъ, умнымъ взоромъ изъ-подъ нависшихъ бровей. Францъ Антоновичъ, тотъ часъ же переименованный мужиками въ Франта Антоновича, полякъ, давнымъ давно сосланный на Приволжье, при нѣкоторыхъ слабостяхъ, свойственныхъ полякамъ, обладалъ выдающимся, близко знакомымъ каждому непредубѣжденному человѣку качествомъ польскаго характера, и именно несокрушимымъ, неизмѣннымъ «гоноромъ» въ самомъ благород-

номъ и возвышенномъ смыслѣ этого слова. Такое рѣдкое качество привлекало всѣхъ окружающихъ, и можно съ увѣренностью сказать, что въ теченіе десятковъ лѣтъ, въ данной мѣстности, не было человѣка болѣе популярнаго и уважаемаго, какъ Ракитовскій управляющій. Сосѣдніе помѣщики наперерывъ знакомились съ нимъ, а мужики и близкіе, и дальніе, давнымъ-давно рѣшили, что Франтъ Антоновичъ справедливый человѣкъ, и что сказалъ, то свято.

Параллельно съ рѣчкой Пайдуркой, протекала рѣчка Карабаевка, такая же узенькая, мелкая и столь же драгоцѣнная въ безводной степи. На этой рѣчкѣ, въ четырехъ верстахъ отъ села Никольскаго, высились развалины бывшей суконной фабрики, и тутъ же въ ветхомъ, покосившемся домикѣ влачилъ свои дни ея основатель, помѣшавшійся на обогащеніи и въ конецъ разорившійся помѣщикъ Кочкарниковъ; а не вдалекѣ отъ бывшей фабрики въ полномъ смыслѣ благодушествовала оброчная деревушка Дубенка. Затѣмъ нѣсколько выше, по теченію рѣчки, точно громадный складъ дровъ, чернѣло невзрачное село Хапковка, принадлежавшее бывшему становому приставу Клочкову, женатому на помѣщицѣ Хапковой и вмѣстѣ съ женой и двумя ея сестрами только-что выпущенному изъ тюремнаго замка, гдѣ содержался по подозрѣнію въ отравленіи недоросля Хапкова. Три сестры, превосходившія другъ друга въ безобразіи, души не чаяли въ Клочковѣ, завоевавшемъ сердца ихъ своими курчавыми, густо напомаженными кудрями, небольшими, заплывшими жиромъ, но страстными глазами, а главнымъ образомъ — гитарой и удалыми цыганскими пѣснями, то-и-дѣло оглашавшими неуклюжій барскій домъ и со всѣхъ сторонъ обступившій его темный садъ.

Узенькая дорожка вела изъ села Хапковки къ лѣсу, о которомъ мы говорили выше... Еще двѣ, три версты, и вдругъ точно изъ земли выростала высокая колокольня села Лихачевки, а напротивъ горделиво высился и сіялъ свѣжей окраской, большой барскій домъ, свѣтло-розовый, съ бѣлыми колоннами, вычурными фронтонами и балконами, съ флигелями, оранжереями, безконечными заборами и цѣлымъ лѣсомъ липъ и акацій, смотрѣвшихся въ свѣтлыхъ прудахъ. А на другомъ концѣ селенія еще громадная, красивая крыша барскаго дома, съ такой же широкой и привольной обстановкой. Улица направо, улица налѣво, отъ околицы еще улица, самая широкая и длинная въ селеніи, ведущая къ церкви и барскому дому. Тѣсно прижавшись другъ къ другу стоятъ вереницы опрятныхъ избъ, разукрашенныхъ

рѣзными коньками и расписными ставнями, а позади ихъ тянутся непрерывные ряды хлѣбныхъ копенъ.

Братья Лихачевы, владѣльцы села Лихачевки, родовитые помѣщики, постоянно проводили лѣто въ деревнѣ, а въ глубокую осень неизмѣнно возвращались въ городъ, гдѣ у нихъ имѣлись собственные дома, на Дворянской улицѣ, съ такими же вычурными фронтонами, колоннами и балконами, какъ и въ деревнѣ, Лихачевы жили по старинному, кормили на-убой званыхъ и не званыхъ, славились знаменитыми поварами и кучерами, но еще болѣе красивыми горничными. Хозяйствомъ они почти не занимались, крестьянамъ благодѣтельствовали, въ ихъ мірскія дѣла не мѣшались, и только съ каждымъ годомъ плодились и множились, увеличивая и безъ того безчисленное множество кормилицъ, нянекъ, экономокъ, крестниковъ, крестницъ, фаворитовъ, фавориток и всякой дворовой челяди, тѣсными, почти родственными узами связанной съ ихъ семействами. Добродушное, нѣсколько распущенное отношеніе Лихачевыхъ къ крестьянамъ перешло отчасти и къ ихъ управляющимъ, такимъ же благодушнымъ, цвѣтущимъ, ограниченнымъ и безпечнымъ, какими были господа. Съ своей стороны, мужики, громко прославляя добродѣтель Лихачевыхъ, десятки лѣтъ привыкали къ тому, чтобы съ каждой нуждой обращаться къ господамъ и получать желаемое, а также безъ зазрѣнія совѣсти ставить коней къ барскому овсу, во время сѣва, травить барскія озими и развозить по домамъ большую часть барской соломы и колоса, во время зимней, ручной молотьбы, тянувшейся не менѣе пяти мѣсяцевъ.

Тутъ же, около самой Лихачевки, точно игла торчалъ минаретъ старой мечети, около которой, какъ попало, скучилась татарская деревушка Цыльна, все богатство коей заключалось въ множествѣ самоваровъ, перинъ и подушекъ; а далѣе, на небольшой возвышенности, выплывало чувашское село Аркаши, которое издали можно было принять за сплошное, необъятное гумно, съ кое-гдѣ затерявшимися между хлѣбными копнами, маленькими неряшливыми на видъ избенками.

Аркашинскіе чуваши, въ то время еще мало сближавшіеся съ русскими крестьянами, своими ближайшими сосѣдями, пользовались извѣстностью самыхъ хлѣбныхъ и трудолюбивыхъ крестьянъ, и въ то же время играли какую-то особенную роль во всей этой мѣстности. Съ одной стороны, непригдядный, только-что не идіотскій видъ чувашъ вызывалъ постоянныя насмѣшки со стороны русскаго населенія, но съ другой, тѣ же самые чуваши были предметомъ не только зависти, но даже какого-то страннаго

поклоненія русскихъ крестьянъ. Между послѣдними, какъ въ то время, такъ и теперь, только и слышится: чуваши говорятъ, что будетъ урожай; или: въ чувашахъ толкуютъ, что овсы будутъ не прорѣзные, а ржи не будетъ; или же: чуваши сказываютъ, что кто позже посѣетъ, тотъ будетъ съ хлѣбомъ, а кто поспѣшитъ, у того будетъ одна лебеда и т. д. Однимъ словомъ, всѣ хозяйственныя предсказанія и предостереженія шли всегда отъ чувашъ, и имъ безусловно вѣрили.

Далѣе, за Аркашами, точно море, разлилась необозримая степь, почти сплошь населенная чувашами... Это было настоящее чувашское царство, молчаливое, безжизненное и въ то же время кропотливое, какъ муравейникъ. Ни возвышенности, ни деревца, ничего выступающаго, яркаго, красиваго, и какая-то странная тревога невольнымъ образомъ охватывала человѣка, при одномъ взглядѣ на весь этотъ невыразимый, подавляющій избытокъ простора.

Только-что описанная нами мѣстность, еще въ 60-хъ годахъ, то-есть наканунѣ великаго дня освобожденія, слыла подъ именемъ «золотого дна» и возбуждала зависть помѣщиковъ сосѣднихъ уѣздовъ.— «Вамъ хорошо говорить: знаемъ мы ваши карабаевскія земли»,—говорили они обладателямъ этихъ земель. И дѣйствительно, «золотое дно» отличалось рѣдкимъ, глубочайшимъ черноземомъ, хотя въ то же время и страдало отсутствіемъ всякаго ландшафта, грандіозности, или разнообразія. Глазъ видѣлъ одни поля, разбитыя на квадраты и хозяйственныя десятины, смотря по времени года, то черныя, то зеленыя, то желтыя... И только бѣлыя, едва замѣтныя пятна церквей отмѣчали затерявшіяся въ туманной дали селенія, да старые, по большей части запущенные сады, не разлучные съ помѣщичьими усадьбами, смотрѣли какими-то оазисами среди однообразной равнины, между тѣмъ какъ неуклюжія, деревянныя барскія хоромы, съ мезонинами и красными крышами, разыгрывали роль феодальныхъ замковъ, поражая мужиковъ своей убогой роскошью и аляповатыми украшеніями, придуманными крѣпостными плотниками. За исключеніемъ Елизаветина, Бачмановки, отчасти Хапковки и татарской Цыльны, всѣ только-что перечисленныя нами села и деревни могли бы соперничать между собой количествомъ хлѣбныхъ копенъ, широкимъ кольцемъ окружавшихъ каждое поселеніе,— хотя въ то же время большинство крестьянскихъ избъ топилось «по черному», и никакого внѣшняго различія между богатыми и бѣдными не существовало, такъ какъ тѣ и другіе носили одинаковыя синія рубахи и черные кафтаны домашняго издѣлія,

на ногахъ у всѣхъ были одни и тѣ же лапти, а «богачи», то-есть болѣе зажиточные крестьяне, имѣвшіе залежныя, запрятанныя за половицу деньги, прежде всего заботились о томъ, чтобы какъ можно менѣе тратить на себя, на свое платье и на удобства жизни.

Во всѣхъ девятнадцати, только что перечисленныхъ поселкахъ, не было ни одного кабака, а самый ближайшій кабакъ находился въ 17-ти верстахъ, въ заштатномъ городкѣ Гаѣ, по этому случаю, разыгрывавшему роль какъ-то Содома въ патріархальной жизни описанной нами мѣстности. Не было кабаковъ, но не было и школъ... и можно было пересчитать по пальцамъ всѣхъ до единаго грамотныхъ помѣщиковъ, помѣщицъ, священниковъ (грамотныхъ «матушекъ» въ то время почти не встрѣчалось), управляющихъ и конторщиковъ, во всѣхъ 19-ти поселкахъ.

Большинство крупныхъ помѣщиковъ находилось въ отсутствіи, изрѣдка наѣзжая въ свои вотчины, продавая, по крайне дешевой цѣнѣ, громадное количество хлѣба, который улетучивался въ «Питеръ», или къ нѣмцамъ и англичанамъ, между тѣмъ какъ крестьянскій хлѣбъ, изъ года въ годъ, копился на гумнахъ и только отчасти употреблялся на свое продовольствіе и выкармливаніе замѣчательно хорошихъ и рослыхъ коней, размножавшихся благодаря безчисленнымъ конскимъ заводамъ помѣщиковъ. Луговъ было много, и вокругъ каждаго поселка зеленѣли обширные выпуски, на которыхъ ходилъ мірской скотъ.

Исправно получая свои довольно скудные доходы, исправно проживая ихъ и считая какъ бы своей священной обязанностью закладывать и перезакладывать свои имѣнія въ опекунскомъ совѣтѣ, крупные помѣщики очень мало вмѣшивались въ крестьянское самоуправленіе, и благодаря такому равнодушію къ мірскимъ дѣламъ, въ подневольной жизни крестьянъ все еще, такъ или иначе, отражалось излюбленное прошлое, когда община и міръ были полноправными распорядителями въ волостяхъ и селахъ. Нѣтъ и никогда не было въ данной мѣстности никакихъ фабрикъ, заводовъ, кустарныхъ или отхожихъ промысловъ, нѣтъ ни лѣсовъ, ни большихъ рѣкъ, или озеръ, доставлявшихъ заработки, а потому все населеніе ничего не знало, не могло и не хотѣло знать, кромѣ своихъ, казалось, вѣчно неистощимыхъ и изобильныхъ полей. Такимъ образомъ, крестьяне данной мѣстности, за исключеніемъ татаръ, перебивавшихся мелкой торговлей, были настоящіе, коренные земледѣльцы, живущіе только землей и помышлявшіе только о землѣ. Каждый былъ при своемъ мѣстѣ, при своемъ клочкѣ земли, при своей сохѣ Объ отдачѣ круговъ

въ обработку, о наймѣ годовыхъ батраковъ или лѣтниковъ не было и помину, никакихъ условій на работы не заключалось, и самая сдача земли встрѣчалась какъ рѣдкое исключеніе, не поднимаясь выше 15 рублей за кругъ, то-есть, 10 руб. за паровую и 5 руб. за яровую десятину, между тѣмъ, самая лучшая земля, и только въ хлѣбородной мѣстности, продавалась по 40 руб. за казенную десятину. Но при всемъ видимомъ довольствѣ и изобиліи всякихъ злаковъ, какая-то апатія и мертвенность чувствовалась и царила въ этомъ глухомъ, словно застывшемъ, отрѣзанномъ отъ всего міра углу, гдѣ привольно жилось только какому-нибудь одичавшему помѣщику, да мужику, давно уже примирившемуся съ своей судьбой-мачихой. Какъ будто въ цѣломъ населеніи навсегда пропала и вымерла всякая способность чего-нибудь желать, надѣяться, ожидать, чему-нибудь удивляться, чѣмъ-нибудь возмущаться. Никто не замѣчалъ самоотверженія и добродѣтели Марьи Митрофановны, никто не порицалъ «концертовъ», то-и-дѣло повторявшихся на дворѣ капитана Бачманова, не возмущался безчеловѣчной жестокостью вдовы-исправницы, никому дѣла не было ни до татаръ-конокрадовъ, ни до безпутной жизни помѣщика Клочкова, ни до полицейскихъ чиновниковъ, проживавшихъ въ уѣздѣ на положеніи какихъ-то завоевателей, собиравшихъ дань съ побѣжденныхъ, ни до неистовства кавказскаго героя Баева, среди бѣлаго дня носившагося изъ одной деревушки въ другую, съ папахой на затылкѣ, съ пистолетомъ за поясомъ, и крестившаго плетью кого попало, направо и на-лѣво, праваго и виноватаго.

Невозможно даже вообразить себѣ такое беззаконное, даже преступное дѣяніе, которое было бы въ состояніи хотя на минуту расшевелить и разбудить сонное царство, каждому было только до себя, до своихъ грошовыхъ интересовъ, каждый зѣвая и протирая глаза повторялъ мудрую пословицу: «моя хата съ краю—ничего не знаю», и тотчасъ же засыпалъ богатырскимъ сномъ... Никто не хотѣлъ знать и слышать, что тутъ же, рядомъ съ нимъ, его ближній, его сосѣдъ страдаетъ, стонетъ, вопитъ о помощи или взываетъ къ закону и справедливости.

Такимъ образомъ, изо-дня въ день, сотни лѣтъ жилось въ темномъ и сытомъ углу, вплоть до самой зимы памятнаго 1861 года, — отличавшейся особенной суровостью и лютостью. Все пропало и исчезло подъ снѣжными заносами, и только синеватые столбы дыма свидѣтельствовали о существованіи селъ и деревень; но уже не спалось мѣстному населенію подъ бѣлымъ сплошнымъ покровомъ, такъ же крѣпко и

безпробудно, какъ въ былые годы, и изъ деревни въ деревню, изъ избы въ другую, изъ устъ въ уста шопотомъ передавалась вѣсть о близости великаго дня освобожденія. Боялись вѣрить, а недовѣрять еще пуще боялись... Всѣмъ и каждому хотѣлось отдаться необузданной радости, хотѣлось бы прокричать на всю окрестность: «конецъ барщинѣ,—конецъ произволу!» но всѣ сдерживали порывы восторга и готовыя хлынуть слезы благодарности.

Въ свою очередь притихли и помѣщики, и помѣщицы, съ ихъ управляющими, бурмистрами и старостами, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ поджидая, чтó будетъ? А по уѣзду разъѣзжалъ одинъ родовитый князь, изъ татарскихъ мурзъ, извѣстный враль и пустомеля, вдругъ, ни съ того, ни съ сего, выступившій непрошеннымъ защитникомъ сословныхъ интересовъ. Князь цѣлый мѣсяцъ не вылѣзалъ изъ дорожнаго возка и, вмѣстѣ съ капитаномъ Бачмановымъ, собиралъ подписку для поднесенія какого-то таинственнаго, сочиненнаго въ Петербургѣ проекта, долженствовавшаго облагодѣтельствовать какъ помѣщиковъ, такъ и крестьянъ, устройствомъ какихъ-то полукрѣпостныхъ отношеній между первыми и послѣдними.

Путешествіе князя живо напоминало странствованіе Чичикова, и въ рѣдкомъ барскомъ домѣ, средней руки, не разыгрывалась извѣстная сцена Чичикова съ Коробочкой. Князь горячился, настаивалъ на необходимости подписи, убѣждалъ, угрожалъ, но въ большинствѣ случаевъ встрѣчалъ недовѣріе, недоумѣніе или испугъ. Ропотъ, недовольство или напрасныя попытки составить партію «недовольныхъ», встрѣчались только между немногими крупными землевладѣльцами, столпившимися въ столицахъ, между тѣмъ какъ помѣщики и помѣщицы средней руки, коренные обитатели захолустья, очень мало интересовались ходатайствомъ большинства губернскаго комитета (состоявшаго изъ мѣстной аристократіи) о вознагражденіи помѣщиковъ за уничтоженіе личнаго крѣпостного права и рѣшительно не въ состояніи были оцѣнить прелесть вотчиннаго права и фермерскаго хозяйства, долженствовавшаго замѣнить крестьянское. Въ большинствѣ же случаевъ они относились къ ожидаемому съ часу на часъ перевороту, или съ свойственной русскому человѣку безпечностью, или же съ покорностью людей, привыкшихъ безпрекословно исполнять волю начальства.

II.

Медовые мѣсяцы.

Ранняя весна 1861 года вступила въ свои права... Сильно пригрѣваетъ солнышко, хотя по голубому, словно итальянскому небу, все еще бѣжали обрывки бѣлыхъ снѣжныхъ тучъ, живо напоминавшихъ зиму и морозы. Мѣстами открылись и точно дымились озими, а надъ ними въ недосягаемой вышинѣ залились жаворонки. Журчатъ и шумно бѣгутъ ручьи, мигомъ превративъ убогія степныя рѣчки въ широкіе потоки, гордо несущіе свои волны.

Весенній воздухъ переполненъ колокольнымъ звономъ, доносившимся изъ сосѣднихъ селеній, а на площади села Никольскаго толпится народъ и внѣ себя отъ волненія и восторга прислушивается къ звону, то тутъ, то тамъ гудѣвшему въ туманной дали и громко возвѣщавшему появленіе станового пристава, переѣзжавшаго изъ одного села въ другое съ манифестомъ о волѣ. Нѣтъ силъ, нѣтъ возможности описать торжественность и прелесть этой минуты, переполнявшей душу радостными ожиданьями.

Дошла очередь и до Никольскаго,—громче, радостнѣе, чѣмъ когда бы то ни было, грянулъ церковный колоколъ, а въ концѣ площади показался, съ ногъ до головы забрызганный грязью, становой, верхомъ, въ сопровожденіи цѣлой свиты конныхъ провожатыхъ.

Настежъ распахнулись двери храма, тотчасъ же переполненнаго тулупами и зипунами, но не долго длилась торжественная, давно ожидаемая минута: растерявшійся священникъ, то и дѣло сбиваясь и путаясь, быстро прочелъ дрожавшій въ рукахъ его манифестъ, а потомъ выдвинулся въ конецъ измученный становой, и грозно поводя усами, проговорилъ: «два года по старому»; не проронивъ болѣе ни одного слова, онъ поспѣшилъ вонъ изъ церкви, чтобы тотчасъ же сѣсть на свѣжую лошадь и скакать далѣе.

Всѣ остались на своихъ мѣстахъ, всѣ точно остолбенѣли, такъ какъ въ тайнѣ ожидали отъ воли чего-то другого, чего-то болѣе привлекательнаго, но минутное недоумѣніе вскорѣ смѣнилось порывомъ опьяняющей радости. Цѣлый день и всю ночь на пролетъ пѣсни и ликованія не умолкали на площади, а на слѣдующій день все уже пошло по старому, по будничному:

мужики покорно и весело спѣшили на работу, и при самыхъ старательныхъ наблюденіяхъ невозможно было бы замѣтить ни тѣни антагонизма, ни малѣйшаго признака мести въ отношеніяхъ крестьянъ къ ихъ господамъ. Марья Митрофановна устроила пиръ на весь міръ, выставила бочку вина, горы пироговъ, радуясь и восхищаясь едва ли не болѣе самихъ крестьянъ; солидный Степанъ Савельевичъ витіевато и пространно объяснялъ никольскимъ мужикамъ, «что теперича (это было его любимое словцо) на ихъ совѣсти лежитъ обязанность показать, какъ они цѣнятъ щедроты и милости монарха и т. д., и т. д.; необузданно пылкій и горячій Франтъ Антоновичъ пѣтушился и кричалъ громче обыкновеннаго: «а вотъ я посмотрю, кто будетъ ослушникомъ! я посмотрю! посмотрю!» Но мужики смиренно, безъ шапокъ, выслушивали честнаго старика и торопились исполнять его приказанія. Шипѣли и терзались въ безсильной злобѣ: вдова-исправница, тотчасъ же почувствовавшая свои руки связанными; бывшій становой Клочковъ, на другой же день послѣ объявленія воли, превратившійся изъ самовластнаго барина въ проходимца, не имѣвшаго ничего общаго ни съ крестьянствомъ, ни съ барствомъ; кавказскій джигитъ Баевъ, почувствовавшій необходимость перейти съ военнаго на мирное положеніе, да любитель вечернихъ «концертовъ», капитанъ Бачмановъ, ежеминутно ожидавшій чуть ли не революціи и за нѣсколько дней до объявленія воли перебравшійся въ губернскій городъ, гдѣ проживаетъ и до нашихъ дней въ постоянномъ и напрасномъ ожиданіи поджоговъ, грабежей и вообще возмездія со стороны крестьянъ.

Наступили дни и мѣсяцы, которые безъ всякаго преувеличенія можно назвать медовыми. Милліоны только-что освобожденныхъ людей, на нѣкоторое время, остались какъ будто, безъ всякаго управленія и власти; исправники превратились чуть не въ сизокрылыхъ голубей и ворковали о мѣрахъ кротости. Пристава возвращали въ полнѣйшей неприкосновенности присылаемыхъ къ нимъ для внушенія дворовыхъ людей, ссылаясь на циркуляръ начальника губерніи, строго воспрещавшій розгу; въ редакціонную коммиссію, былъ вызванъ человѣкъ, еще вчера считавшійся отъявленнымъ якобинцемъ и только-что наканунѣ 19-го февраля ни за что ни про что высланный начальникомъ губерніи изъ города, на безвыѣздное проживаніе въ деревнѣ; наконецъ, тотъ же самый якобинецъ всталъ потомъ во главѣ главнаго учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ въ губерніи, и не было ни одной уставной грамоты, которая бы миновала его рукъ—и при всемъ

этомъ, кругомъ царило невозмутимое спокойствіе, не дававшее ни малѣйшаго повода предполагать какіе бы то ни было безпорядки и волненія.

Да, это были настоящіе медовые мѣсяцы, даже по той невѣроятной, въ наши дни, безпечности, съ которой администрація, дворянство и крестьянство, одимъ словомъ, всѣ вообще относились къ будущему!—Никто ни на минуту не задумывался надъ тѣмъ, что совершившійся переворотъ затрогивалъ не только всѣ стороны сельскаго быта, но и всѣ стороны русской жизни, что никакихъ приспособленій къ новымъ условіямъ не существовало, что судъ и власть, до сихъ поръ находившіеся въ вѣденіи дворянства, должны были перейти въ руки крестьянскаго самоуправленія и сельской полиціи, а мало-мальски способныхъ людей не было, и подготовить ихъ было некогда.

Все дѣлалось въ попыхахъ, на скорую руку и, нужно сказать, на первый разъ выходило необыкновенно гладко и удачно. Изъ бывшихъ крѣпостниковъ выбрали мировыхъ посредниковъ, но и изъ этого, казалось бы, крайне рискованнаго шага, вышло совсѣмъ не то, чего возможно было ожидать въ настоящемъ случаѣ, главнымъ образомъ, благодаря общественному настроенію, весьма благопріятно отразившемуся на первыхъ дѣятеляхъ, взвалившихъ на свои плеча невѣроятно трудную задачу устройства поземельныхъ отношеній между помѣщиками и крестьянами.—Не только богатые люди, увлекшіеся новой должностью, отчасти благодаря модѣ, отчасти подчиняясь искреннему, вдругъ охватившему стремленію послужить народному дѣлу,—но даже господа средней руки, прежде всего обратившіе вниманіе на приличное вознагражденіе, и тѣ вели себя безукоризненно-честно и тотчасъ же встали на сторону крестьянъ и ихъ интересовъ. Точно иначе и не могло быть, точно отыскалась пропавшая совѣсть и громко заговорила въ каждомъ изъ посредниковъ. Если же и встрѣчались исключенія, то-есть односторонніе и не-безукоризненные люди, то дѣятельность ихъ, по нашему наблюденію, отражалась неблагопріятнымъ образомъ на помѣщикахъ, а не на крестьянахъ, и не рѣдко объяснялась желаніемъ насолить сосѣду, или свести старые забытые счеты. Такъ, напримѣръ, только-что забаллотированный предводитель дворянства, попавши въ посредники, прежде всего позаботился о томъ, чтобы вымѣстить неудачу на своихъ бывшихъ антагонистахъ. Другой, давно перессорившійся съ сосѣдями, посредникъ тотчасъ же распустилъ по домамъ всѣхъ служащихъ изъ крестьянъ, и такимъ образомъ оставилъ большую часть помѣщиковъ безъ всякой прислуги,

такъ что какому-то отставному штабсъ-ротмистру пришлось возить воду для своего дома...

Новое волненіе въ селѣ Никольскомъ. Весь народъ высыпалъ на площадь и ждетъ не дождется мирового посредника.

— Ѣдетъ! ѣдетъ!—раздается по селенію и точно на пожаръ скачетъ тройка, а лихой ямщикъ въ дикомъ восторгѣ съ ожесточеніемъ накаливаетъ пристяжную и только чудомъ какимъ-то не давитъ народъ, безъ шапокъ бѣгущій впереди и позади экипажа.

Тарантасъ остановился возлѣ избы карцовскаго бурмистра, а изъ него выпрыгиваетъ легкій, какъ перышко, юноша, съ ярко блестѣвшей цѣпью на груди. За нимъ вылѣзаетъ письмоводитель, мрачный, лысый господинъ, съ плутовскими, исподлобья глядѣвшими глазами.

Юный посредникъ, мѣстный аристократъ, только-что покинувшій университетъ, принадлежалъ къ разряду добрыхъ, честныхъ и способныхъ малыхъ, въ одинаковой степени готовыхъ увлекаться какъ гражданскими подвигами, такъ и кутежомъ, какъ полезнымъ дѣломъ, такъ и полнымъ бездѣльемъ. Съ неистощимымъ остроуміемъ на устахъ, потѣшавшимъ губернскихъ дамъ, онъ шутя достигалъ хорошихъ результатовъ, неизмѣнно оставаясь на сторонѣ крестьянъ и ихъ интересовъ. До глубокой ночи провозился юноша въ селѣ Никольскомъ и, наконецъ, послѣ массы непривычнаго труда, положилъ основаніе Никольской волости, въ составъ коей вошли всѣ селы и деревни, только что перечисленныя нами въ первой главѣ.

Новый поводъ для ликованія, и въ нарядной, шумной толпѣ впервые послышались толки о волостномъ старшинѣ, мірскомъ старостѣ, о выборахъ, о томъ, что у такого-то «завѣсило двумя шарами», а у другого однимъ шаромъ меньше и т. д.; но не взирая на невообразимую путаницу, выбрана была масса всякихъ сельскихъ властей, тотчасъ же снабженныхъ разнообразными знаками и приглашенныхъ въ правленіе, для выслушанія статей и инструкцій, до нашихъ дней не заученныхъ какъ слѣдуетъ волостными старшинами и старостами.

Такимъ образомъ совершилось открытіе никольскаго волостного правленія, занявшаго одну изъ лучшихъ сельскихъ избъ, въ которой немедленно поселился старшій писарь въ образѣ отставного чиновника, въ халатѣ и теплыхъ валенкахъ, всегда на-веселѣ и полнаго презрѣнія къ невѣжественному мужику. Искать и выбирать было некогда, а потому волостныхъ писарей хватали гдѣ попало, лишь бы наполнить необходимый комплектъ. Тотчасъ же заскрипѣли перья, запахло сургучемъ,

два подручныхъ писаря работали, не разгибая спины, между тѣмъ какъ старшій, забравшись на полати, распоряжался письмоводствомъ и безграмотнымъ старшиной, и спускался съ верху только для принятія добровольныхъ приношеній, одновременно съ нимъ водворившихся въ правленіи. Не прошло и мѣсяца, какъ все уже пришло въ должный порядокъ, то-есть вошло въ канцелярскую колею, а первый никольскій старшина, еще недавно умный и работящій мужикъ, набравшись важности, понесъ непонятную галиматью въ такомъ родѣ: «перво-наперво войди прошеніемъ къ посреднику, на что посредникъ положитъ резолюцію и сейчасъ дастъ предписаніе въ волость, а волость занесетъ въ журналъ, и предпишетъ сельскому старостѣ, а сельскій отлепортуетъ... а впрочемъ, лучше всего обратись къ старшему писарю, онъ все знаетъ!..» обыкновенно добавлялъ старшина, указывая недоумѣвающему просителю на торчавшія съ полатей валенки чиновника.

Между тѣмъ, вся дѣятельность юнаго посредника обратилась на введеніе уставныхъ грамотъ, въ большинствѣ случаевъ написанныхъ его письмоводителемъ, такъ какъ только немногіе изъ помѣщиковъ могли справиться съ такимъ мудренымъ дѣломъ. Прямо съ бала, кутежа или охоты, мчался юный дѣятель въ свой участокъ и тотчасъ же всякими правдами и неправдами принимался ублажать и соглашать помѣщиковъ и помѣщицъ съ ихъ бывшими крестьянами. На однихъ онъ дѣйствовалъ неистощимымъ остроуміемъ, на другихъ любезностью, третьихъ запугивалъ опекой.

— Это за что! — восклицала какая-нибудь неподатливая и въ то же время крайне трусливая Коробочка.

— А вотъ за то, что не исполняете высочайшую волю...— полу-шутя, полу-серьезно, отвѣчалъ юноша, и струсившая помѣщица спѣшила подписать грамоту.

Нашлась такая барыня, что ни подъ какимъ видомъ не соглашалась уступить крестьянамъ небольшой лѣсокъ, въ которомъ съ самаго дѣтства привыкла пить чай въ лѣтнее время; но находчивый юноша присягалъ и клялся всѣми святыми, что никакихъ препятствій со стороны мужиковъ не будетъ, и все улаживалось къ обоюдному согласію.

Несокрушимое упорство встрѣчалось только въ рѣдкихъ случаяхъ, вызывая продолжительную ожесточенную борьбу, въ конецъ утомлявшую какъ посредника, такъ и помѣщика съ крестьянами. Посредникъ пріѣзжалъ по нѣскольку разъ и едва успѣвалъ войти въ барскій домъ, какъ тотчасъ же завязывались утомительныя пренія въ такомъ родѣ.

— Пожалѣйте и насъ—умоляли мужики.

— Нѣтъ, вы меня пожалѣйте... —въ свою очередь умолялъ помѣщикъ.

— Не для насъ, такъ для дѣтей нашихъ...—взывали мужики и разомъ, всѣмъ обществомъ, опускались на колѣни.

— Что вы этимъ хотите доказать... Я то же умѣю—и къ удивленію посредника и крестьянъ, упорный помѣщикъ такъ же преклонилъ колѣни.

— Какъ уже и дышать-то намъ, безъ шишовской пустоши... — продолжали мужики, послѣ того, какъ посреднику удалось прекратить трогательную сцену съ колѣнопреклоненіями.

— А я отвожу гору...—уже храбрился помѣщикъ.

— Это неподходящее дѣло, мы должны брать землю, которая стоитъ полтину за десятину.

— Нужно просить... просите...—подбавилъ юноша, указывая на помѣщика, успѣвшаго вскочить на диванъ и продолжавшаго отстаивать свои интересы.

— Батюшка! отецъ!—снова приступали мужики.

— Нельзя, нельзя, невозможно!—уже изъ сосѣдней комнаты упавшимъ голосомъ отвѣчалъ помѣщикъ.

— Отецъ, тебѣ все можно, никто какъ ты...—настойчиво молили мужики, отирая градомъ катившійся потъ.

— И толковать нечего... и слушать не хочу,—уже изъ третьей комнаты слышался все болѣе и болѣе ослабѣвавшій голосъ.

Но проходилъ часъ, другой, помѣщикъ не выдерживалъ, желаніе развернуться, показать, что онъ не какой-нибудь скаредъ, не Плюшкинъ (прозвище болѣе всего страшное для русскаго человѣка)—пересиливало хозяйственные разсчеты, и онъ не только отдаетъ шишовскую пустошь, но неожиданно для себя самого, даритъ крестьянамъ какой-то лѣсокъ съ лугами.

Борьба заключалась трогательной сценой: всѣ обнимаются, плачутъ, крестятся, а взволнованный и уже жестоко раскаявшійся въ своей уступчивости помѣщикъ уводитъ юношу и усаживаетъ за простывшій обѣдъ.

Но и медовые мѣсяцы, съ ихъ праздничнымъ настроеніемъ, не обошлись безъ шиповъ для Никольской волости. Такъ, напримѣръ, въ селѣ Ракитовѣ появилось что-то въ родѣ броженія, разумѣется, самаго невиннаго свойства. Единственный сельскій грамотѣй Константинъ Ивановъ, до того времени игравшій весьма жалкую роль между своими односельцами, вдругъ сдѣлался первымъ человѣкомъ въ вотчинѣ, вошелъ въ славу и принялся вкривь и вкось объяснять и толковать совершенно непонятное

для крестьянъ положеніе... Но чѣмъ болѣе росла слава Константина Иванова, тѣмъ болѣе неистовствовалъ Францъ Антоновичъ, поджидая только удобнаго случая, чтобы обрушиться на несчастнаго чтеца. Такой случай скоро представился. Въ сосѣднемъ съ Никольской волостью уѣздѣ мужики отказались принять надѣлъ и не хотѣли исполнять издѣльной повинности, послѣдствіемъ чего была довольно крутая экзекуція, на мѣсто коей были вызваны крестьяне сосѣднихъ волостей, замѣченныхъ въ излишнемъ любопытствѣ и въ избыткѣ фантазіи.

Прочитавъ такой приказъ исправника, Францъ Антоновичъ, тотчасъ же вызвалъ Константина Иванова и между ними произошелъ слѣдующій разговоръ:

— Есть у насъ въ Ракитовѣ умные люди?—спросилъ управляющій.

— Какъ не быть умныхъ людей, въ такой вотчинѣ,—отвѣчалъ ничего не подозрѣвавшій грамотѣй.

— Такъ вотъ же тебѣ приказъ начальства: изъ всѣхъ умныхъ людей выбери ты троихъ самыхъ умнѣйшихъ и завтра чуть свѣтъ выѣзжай съ ними въ Репьевку.

Умный человѣкъ просіялъ отъ восторга и со всѣхъ ногъ бросился отыскивать товарищей...

— Некогда! не время!—отвѣчаетъ онъ на разспросы сосѣдей и, задыхаясь отъ волненія, бѣжитъ по селу и разыскиваетъ умныхъ людей.

Наконецъ, умные люди были отысканы и съ величайшимъ почетомъ выпровожены изъ Ракитова.

Возвращеніе умныхъ людей было самое плачевное; охая и почесывая спину, разбрелись они по домамъ, проклиная Константина Иванова съ его затѣями.

Похожденія умныхъ людей долгое время забавляли обитателей Никольской волости, всегда вызывая общій, единодушный смѣхъ. Покатывался со смѣху, до педантизма честный, Францъ Антоновичъ, ни сколько не подозрѣвая отталкивающаго свойства своей выдумки; ему дружно вторили помѣщики, помѣщицы, управители, управительши, батюшки и матушки, мужики и бабы, а въ скоромъ времени къ нимъ присоединились и сами потерпѣвшіе, то-есть ни за что, ни про что наказанные исправникомъ умные люди...

Такое было время, не даромъ же его зовутъ старымъ, добрымъ временемъ.

III.

Счастливое десятилѣтіе.

Десятилѣтіе, слѣдовавшее за открытіемъ никольской волости (съ 61—71 годъ) по справедливости можетъ быть названо болѣе, или менѣе счастливымъ. Это были годы непрерывныхъ урожаевъ, поднявшіе на ноги многихъ, въ конецъ разореныхъ помѣщиковъ, и значительно увеличившіе благосостояніе работящихъ и трезвыхъ крестьянъ.

Уставныя грамоты вводились, а соглашенія и отношенія между временно-обязанными и ихъ бывшими владѣльцами такъ или иначе улаживались.

Самыми податливыми въ волости оказались крестьяне деревни Большой-Карцовки, тотчасъ же составившіе приговоръ, которымъ предоставляли своему бывшему помѣщику составить уставную грамоту по его личному усмотрѣнію и уполномочивали довѣренныхъ для ея подписи. Разсчетъ оказался какъ нельзя болѣе вѣрнымъ: восхищенный Карцевъ не только составилъ грамоту, весьма выгодную для крестьянъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ подарилъ обществу цѣнные луга, о которыхъ крестьяне и не мечтали. Не такъ гладко пошло дѣло съ крестьянами Малой-Карцовки, какъ мы уже сказали выше, на половину состоявшей изъ раскольниковъ—и «богачей», то-есть очень зажиточныхъ мужиковъ. Они выжидали, что̀ будетъ, разсчитывая на избытокъ земли, а главнымъ образомъ, на зеленую степь удѣльнаго вѣдомства, примыкавшую къ ихъ гумнамъ. Крестьяне деревни Тепловки получили полный, даровой надѣлъ, по завѣщанію Марьи Митрофановны, скончавшейся вскорѣ послѣ объявленія воли. Ракитово, Лихачевка, Волковка и Хапковка пожелали полный надѣлъ и, получивъ его, остались на издѣльной повинности, — такъ же какъ и бѣднѣйшіе въ цѣлой волости крестьяне деревни Бачмановки, поспѣшившіе раздѣлаться съ своимъ владѣльцемъ и отойти отъ грѣха.

Дошла очередь и до с. Никольскаго, а всѣ окрестныя, по большей части мелкія деревушки, только и ждали, какъ подѣлаются никольскіе мужики, чтобы тотчасъ же послѣдовать ихъ примѣру. Полковникъ гвардіи Алхазовъ, какимъ-то чудомъ попавшій въ число пяти, такъ называемыхъ «красныхъ», составлявшихъ меньшинство губернскаго комитета, выступившаго съ проектомъ, въ свое время признаннымъ «первымъ отраднымъ явленіемъ и пріятнымъ отзывомъ дворянства на призывъ правительства въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ»,—проектомъ, сохраняв-

шимъ для крестьянъ ихъ надѣлъ и довольно умѣренныя, то-есть сходныя съ существующими въ губерніи цѣны на землю,—этотъ полковникъ, поневолѣ попавшій въ разрядъ «красныхъ», давно уже трудился надъ составленіемъ во всѣхъ отношеніяхъ выгодной для крестьянъ уставной грамоты и, покончивъ, наконецъ, свою работу, пріѣхалъ въ село Никольское, заранѣе разсчитывая на благодарность и признательность крестьянъ.

Дѣло приняло нѣсколько торжественный видъ (полковникъ шагу не могъ ступить безъ нѣкоторой торжественности и помпы). Толпа крестьянъ, значительно увеличенная депутатами отъ мелкихъ деревушекъ, долженствовавшихъ тотчасъ же извѣстить своихъ односельцевъ о рѣшеніи дѣла, съ ранняго утра окружала барскій домъ. Появился полковникъ, въ сопровожденіи посредника, старшины и управителя—и, обращаясь къ народу, началъ такъ: «исполняя священную волю монарха и считая своей обязанностью выполнить эту волю по долгу и совѣсти» и т. д. и т. д.; но онъ не успѣлъ еще развернуться какъ слѣдуетъ и описать выгоды назначеннаго имъ надѣла, какъ изъ заднихъ рядовъ густой толпы уже раздались настойчивые голоса: на одну десятину! желаемъ на одну десятину! на царскую десятину! на даровую!.. Въ одинъ мигъ полный хаосъ заступилъ мѣсто торжественности: полковникъ горячился, посредникъ, старшина и управитель наперерывъ убѣждали крестьянъ выкинуть изъ головы вздорную мысль, но тѣ продолжали просить и настаивать на своемъ. Затѣмъ, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, поднялся такой шумъ и гвалтъ, что не было уже возможности что-нибудь понять, или разобрать... Всѣ присутствующіе, начиная съ величественнаго полковника, казалось, только о томъ и думали, чтобы, во чтобы то ни стало, перекричать другъ друга и заглушить остальные голоса. Наконецъ, полковникъ потерявъ голосъ и выбившись изъ силъ, безнадежно махнулъ рукой, скрылся въ своемъ кабинетѣ и тотчасъ же въ сотый разъ, съ замираніемъ сердца, принялся повѣрять списокъ своихъ долговъ, которые разсчитывалъ уплатить выкупными свидѣтельствами.

А между тѣмъ толпа мужиковъ безъ шапокъ продолжала стоять вокругъ барскаго дома и еще съ большей настойчивостью просить одну десятину.—Уже стемнѣло, когда потерявшій голову полковникъ вышелъ къ народу и, выразивъ свое негодованіе въ весьма крѣпкихъ и выразительныхъ словахъ, изъявилъ свое согласіе.—Уставная грамота была тотчасъ же написана и подписана, довольные и торжествующіе мужики разошлись по домамъ, а депутаты сосѣднихъ деревушекъ стремглавъ понеслись во свояси,

—чтобы скорѣе сообщить своимъ односельцамъ о томъ, какъ отбились Никольскіе мужики отъ надѣла и поставили на своемъ, то-есть получили дарственную десятину.

Примѣръ никольскихъ крестьянъ заразительнымъ образомъ повліялъ на всю ближайшую окрестность и въ самомъ непродолжительномъ времени село Васильевка, деревни Елизаветино, Софьевка, Аделевка, Баевка, часть Хапковки и Малая-Карцовка, къ большому смущенію ихъ владѣльцевъ, заявили несокрушимое желаніе получить одну, то-есть дарственную десятину.

Долѣе другихъ помѣщиковъ не сдавался старикъ Карцевъ. Онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ въ Малую-Карцевку, убѣждалъ, умолялъ, снималъ со стѣны образъ, но ничто не помогло. Крестьяне были непреклонны, и всѣ предположенія старика, относительно выкупныхъ, разсѣялись какъ дымъ.—Не зная, какъ взяться за дѣло, что дѣлать съ землей и долгами, терзаясь мыслью о будущности сына, въ которомъ уже видѣлъ пролетарія и нищаго, бывшій забубенный помѣщикъ окончательно надломился, разомъ рухнуло, казалось, богатырское здоровье, и онъ безвременно сошелъ въ могилу.

Такимъ образомъ, несчастная статья о даровомъ надѣлѣ, по какому-то странному недоразумѣнію попавшая въ положеніе и находящаяся въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ духомъ означеннаго законодательнаго акта, эта статья получила самое широкое примѣненіе въ Никольской волости.—Что побудило крестьянъ съ такимъ упорствомъ настаивать на полученіи дарственной десятины, это вопросъ такъ же трудно разрѣшимый, какъ и всѣ вопросы сельскаго быта и хозяйства. Само собою разумѣется, что всякое затрудненіе тотчасъ же устраняется, если допустить, что сами помѣщики заманивали крестьянъ на такъ называемый «нищенскій надѣлъ», но такая афера могла родиться только впослѣдствіи времени, такъ какъ въ памяти каждаго изъ насъ еще живо сохранилось воспоминаніе о настроеніи помѣщиковъ того времени, вынужденныхъ подарить одну десятину на душу и положительно не знавшихъ куда дѣваться съ остальной землей, на которую, къ довершенію отчаянія, тотчасъ же переходилъ долгъ опекунскому совѣту. Въ эту критическую минуту, каждый помышлялъ только о завтрашнемъ днѣ, о своихъ домахъ, о будущности дѣтей, о невозможности продолжать хозяйство безъ гроша денегъ, и у большинства помѣщиковъ средней руки не было даже смутнаго представленія о землѣ, какъ объ извѣстной цѣнности, способной рости и упрочить положеніе владѣльца.—Значеніе земли выросло и было сознано только впослѣдствіи

времени, новымъ, далеко болѣе смѣтливымъ и ловкимъ поколѣніемъ землевладѣльцевъ, явившихся на смѣну своихъ недальновидныхъ, простоватыхъ и въ большинствѣ случаевъ крайне безпечныхъ отцевъ.—Итакъ, мысль о дарственномъ надѣлѣ, для большинства помѣщиковъ въ первое время послѣ освобожденія крестьянъ,—была равносильна мысли о полномъ разореніи, тѣмъ болѣе, что на всѣ уговоры и доводы мужики съ величайшей увѣренностью и стойкостью возражали, что земли много, гдѣ хочу, тамъ и возьму.

Въ настоящее время, когда уже минуло болѣе двадцати лѣтъ съ рокового, для Никольской волости, дня, когда крестьяне, получившіе одну десятину, со страхомъ и трепетомъ помышляютъ о своемъ положеніи, посылая проклятья на своихъ вожаковъ, когда разговоры о прошломъ стали возможнѣе и откровеннѣе, намъ не разъ приходилось слышать отъ бѣднѣйшихъ крестьянъ села Никольскаго, что ихъ обездолили и посадили на одну десятину «богачи», между тѣмъ какъ послѣдніе, то-есть болѣе зажиточные мужики, оправдывались тѣмъ, что боялись денежнаго платежа, круговой поруки, а главное, отвѣтственности за слабосильныхъ и неимущихъ. Такимъ образомъ, если вѣрить никольскимъ крестьянамъ, то желаніе получить одну десятину можетъ быть объяснено недовѣріемъ состоятельныхъ крестьянъ къ бѣднѣйшимъ и нежеланіемъ первыхъ смѣшиваться съ послѣдними. Такое предположеніе можетъ быть подкрѣплено еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, по нашему собственному наблюденію, чѣмъ болѣе имѣлось въ обществѣ «богачей» въ извѣстномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ охотнѣе рвалось оно на одну десятину и вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ либеральнѣе (въ тогдашнемъ смыслѣ этого слова) былъ помѣщикъ, тѣмъ съ большей готовностью жертвовалъ онъ дарственную десятину.

Понятное дѣло, что все сказанное нами о даровомъ надѣлѣ, можетъ быть отнесено только къ первымъ сдѣлкамъ такого рода, послѣдовавшимъ за объявленіемъ воли, а вовсе не къ тѣмъ, которыя устраивались впослѣдствіи времени, при иныхъ обстоятельствахъ и условіяхъ, такъ какъ въ первое время даровая десятина казалась жертвой, а впослѣдствіи времени—выгодной спекуляціей, на которую охотно заманивали крестьянъ, и отъ которой они еще охотнѣе уклонялись.

Когда наконецъ въ Никольской волости были введены всѣ уставныя грамоты, то самыми счастливыми и многоземельными оказались крестьяне деревни Тепловки, получившіе полный надѣлъ по завѣщанію и тотчасъ же снявшіе на десять лѣтъ остав-

шуюся за надѣломъ землю; оброчные крестьяне деревни Дубенокъ, изъ числа коихъ десять дворовъ (изъ двадцати трехъ) купили у своего бывшаго помѣщика всю остальную землю, съ разсрочкой уплаты на нѣсколько лѣтъ; однодворцы, какъ собственники значительнаго количества земли, и наконецъ крестьяне деревни Болодцы, бывшаго удѣльнаго вѣдомства, получившіе, благодаря случайному стеченію обстоятельствъ, около 12 десятинъ на душу. Такой необычайный, въ описанной нами мѣстности, надѣлъ, сложился послѣ ссылки въ томскую губернію новокрещенныхъ татаръ, составлявшихъ почти половинную часть населенія. Татары, и послѣ 19-го февраля 1861 года продолжавшіе заниматься своимъ спеціальнымъ дѣломъ, то-есть конокрадствомъ, не сообразили при этомъ, что времена перемѣнились, а обновленная администрація жаждетъ дѣятельности и желаетъ отличиться передъ новымъ, только что вступившимъ въ должность начальникомъ губерніи. Произошелъ невиданный погромъ, конокрады были жестоко высѣчены, а потомъ высланы изъ губерніи, а оставшіеся на своихъ мѣстахъ мужики сдѣлались самыми многоземельными крестьянами въ цѣлой волости.

Наступилъ конецъ всякой суеты, всякимъ волненіямъ, недоразумѣніямъ, спорамъ и тревожнымъ ожиданіямъ.—Дворянство средней руки вполнѣ примирилось съ своимъ положеніемъ, ни мало не помышляя о возвращеніи своей власти и обаянія, и не имѣя ничего общаго съ англоманской теоріей, тотчасъ же послѣ освобожденія крестьянъ проявившейся въ средѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, представителями коихъ были пять, много шесть человѣкъ въ цѣлой губерніи. Никакихъ дворянскихъ стремленій не существовало, никто не мечталъ о вотчинномъ правѣ... Въ большинствѣ имѣній Никольской волости все пошло по просту, по божески, а вся земля, съ первой же весны разошлась исполу, и такимъ образомъ землевладѣльцы тотчасъ же пріобрѣли обязательныхъ рабочихъ, очень мало отличавшихся отъ бывшихъ крѣпостныхъ.

Съ 1863-го года, то-есть съ отмѣной откупа, затишье, водворившееся въ Никольской волости, въ значительной степени поколебалось быстрымъ размноженіемъ питейныхъ заведеній, въ буквальномъ смыслѣ наводнившихъ Никольскую волость, и въ мѣстности, сотни лѣтъ не видавшей ни одного кабака, разомъ водворилось двадцать три такихъ заведенія, изъ числа коихъ три настоящихъ вертепа красовались на площади села Никольскаго... Разомъ поднялось неслыханное пьянство: пьянство отъ бездѣлья, начинавшееся съ осени и тянувшееся вплоть до ярового сѣва,

пьянство дѣловое, неразрывно связанное съ каждымъ судбищемъ, или мірскимъ дѣломъ, будничное, праздничное, дневное, ночное, пьянство легендарное, о которомъ до нашихъ дней сохранилось между крестьянами самое живое воспоминаніе, пьянство, оставившее въ наслѣдство Никольской волости массу совершенно промотавшихся голышей и не имѣющее ничего общаго съ пьянствомъ нашего времени, противъ котораго такъ горячо ополчается общество и правительство. Само собою разумѣется, что это безшабашное и дикое пьянство, въ первое время вызванное новинкой, избыткомъ свободнаго времени и весьма понятной радостью, еще не остывшей послѣ освобожденія, главнымъ образомъ поддерживалось и развивалось, благодаря полнѣйшему равнодушію, если не поощренію со стороны лицъ, призванныхъ поучать народъ, или поставленныхъ наблюдать за порядкомъ и благоустройствомъ въ селеніяхъ. Волостныя правленія и сельскія власти подавали только примѣръ безобразнаго разгула и изо-дня въ день пріучали крестьянъ къ добровольнымъ приношеніямъ водкой, между тѣмъ какъ большинство сельскихъ пастырей Никольской волости, за ничтожнымъ исключеніемъ, сами одержимы были несчастной слабостью, противъ которой должны бы были ратовать. Если же сообразить все это, то придется не только порицать, или злословить народъ, а скорѣе удивляться, что онъ окончательно не погибъ при такой невозможной, развращающей обстановкѣ.

Здѣсь мы могли бы представить цѣлый рядъ правдивыхъ картинъ, относящихся къ тому разгульному времени, но, не желая вызывать отталкивающія воспоминанія, мы ограничимся указаніемъ на то, что послѣдствіемъ дикаго разгула, охватившаго Никольскую волость, было распаденіе населенія на двѣ части, изъ коихъ первая и, разумѣется, значительно большая, продолжала свою трудовую жизнь, между тѣмъ какъ сравнительно ничтожное меньшинство, состоявшее изъ какого-то, никогда прежде невиданнаго, безпардоннаго народа, какъ будто существовало для того только, чтобы удивлять своихъ односельцевъ небывалыми въ крестьянскомъ быту подвигами мотовства и разгула. Это былъ загулявшій народъ, постепенно привыкавшій къ безпечной жизни, постепенно отстававшій отъ земли и черной мужицкой работы, не имѣвшій никакого опредѣленнаго занятія кромѣ пьянства, не имѣвшій гроша за душой и при всемъ этомъ всегда находившій средство продолжать оргію, если не на свой, такъ на чужой счетъ.

Итакъ, одни стояли на томъ, чтобы удивлять своей удалью,

а другіе, состоявшіе изъ коренныхъ хозяевъ, разыгрывали роль зрителей и все свободное время наполняли пересудами и толками о подвигахъ какого-нибудь Андрюшки Косого, или Трошки Блошенкова.

Справедливость требуетъ сказать, что то же самое явленіе, хотя и въ другой формѣ, замѣчалось и въ средѣ землевладѣльцевъ, совершенно отуманенныхъ и выбитыхъ изъ обычной колеи приливомъ никогда не бывшихъ въ рукахъ капиталовъ, полученныхъ изъ выкупныхъ учрежденій. Вдругъ, неизвѣстно откуда, явилась потребность роскоши и комфорта, явилась особаго рода любознательность. Каждому захотѣлось всюду побывать, все видѣть и насладиться всѣми благами міра. Живо развернулись и преобразились провинціальныя барыни, на скорую руку слетавшія въ Парижъ, между тѣмъ какъ ихъ мужья и братья быстро усвоили себѣ пріемы кавалеровъ Casino, Valentino, или Closerie de Lilas... Мигомъ народились и размножились въ глуши небывалые львы и львицы, спекуляторы, безстыднѣйшимъ образомъ выставлявшіе свои аристократическія фамиліи на кабакахъ всего уѣзда, спекуляторши и великосвѣтскія Митрофаніи, строго порицавшія распущенность нравовъ и въ тоже время всею душою преданныя кабачной спекуляціи, музыканты и музыкантши, литераторы и литераторши, замѣчательные пѣвцы и пѣвицы, даровитѣйшіе актеры и актрисы, отличавшіеся на вошедшихъ въ моду любительскихъ спектакляхъ; и вся эта, въ большинствѣ случаевъ разгульная, компанія, тотчасъ же завоевавшая городъ и пожалованная въ губернскую аристократію, скорѣе походила на веселый, безпечный артистическій кружокъ, нежели на общество землевладѣльцевъ, озабоченныхъ процвѣтаніемъ своихъ имѣній и преслѣдующихъ какія-либо серьезныя цѣли. Но въ тоже время, какъ патріархальный и чинный городъ, съ длинными улицами, сплошь застроенными деревянными барскими хоромами, превращался въ уголокъ Парижа, небольшая часть помѣщиковъ стараго закала засѣла въ своихъ деревняхъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за тѣмъ, что совершалось въ Новомъ-Вавилонѣ, хватая налету и быстро распространяя между сосѣдями всякую новость и сплетню о такъ-называемой губернской аристократіи.

Великій переворотъ, то-есть освобожденіе крестьянъ, въ нѣкоторой степени отразился и на внѣшнемъ видѣ Никольской волости: съ одной стороны, мѣстность стала еще печальнѣе, такъ какъ мужики тотчасъ же истребили старые помѣщичьи сады, вошедшіе въ составъ ихъ надѣловъ, но съ другой стороны, одно-

образная равнина нѣсколько оживилась почти одновременнымъ появленіемъ трехъ хуторовъ, или фермъ, какъ называли ихъ крестьяне.

Первымъ выселился въ поле ракитовскій управитель и на голой степи поставилъ избу, амбары и другія хозяйственныя заведенія. Устроивая хуторъ и прилаживаясь къ новымъ порядкамъ, неугомонный старикъ какъ будто не замѣчалъ, или не хотѣлъ знать упраздненіе крѣпостного права и такъ же точно, какъ въ старину, покрикивалъ на крестьянъ и неистовствовалъ при малѣйшемъ упущеніи. Почти одновременно выселился изъ села Никольскаго и солидный Степанъ Савельевичъ, продолжавшій завѣдывать имѣніемъ уже скончавшагося полковника Алхазова. Онъ пріютился около пруда и выстроилъ весьма правильно, но некрасиво расположенную усадьбу, живо напоминавшую хозяйственныя заведенія бывшихъ военныхъ поселеній. Водворившись на хуторѣ, Степанъ Савельевичъ тотчасъ же перенесъ туда и бывшіе порядки. Каждый вечеръ въ контору являлся сельскій староста, получавшій отъ имѣнія двѣ десятины въ полѣ, и вмѣстѣ съ хозяйственнымъ старостой ожидалъ приказаній... Въ извѣстный часъ выходилъ пунктуальный Степанъ Савельевичъ и назначалъ работы, а сельскій ходилъ по избамъ и наряжалъ на «барщину». Вмѣстѣ съ кончиной крутого полковника Алхазова и переселеніемъ на хуторъ, положеніе Степана Савельевича значительно измѣнилось къ лучшему. Наслѣдница села Никольскаго, дочь полковника, увеличила его содержаніе, а всѣ свои отношенія къ нему ограничила тѣмъ, что однажды въ годъ присылала свой петербургскій адресъ и въ краткихъ, но внушительныхъ выраженіяхъ требовала немедленной высылки денегъ. Какъ разъ въ это время сосѣдніе помѣщики и помѣщицы возмечтали о молотилкахъ и вѣялкахъ и, вспомнивши, что Степанъ Савельевичъ чему-то учился, то и дѣло обращались къ нему за совѣтами. Слава его росла не по днямъ, а по часамъ, и въ самомъ непродолжительномъ времени у большинства сосѣдей появились молотилки, устроенныя доморощеннымъ механикомъ. Машины пускаются въ ходъ, куски дерева или чугуна съ трескомъ летятъ въ голову рабочихъ, тѣ обращаются въ бѣгство, но это нисколько не мѣшаетъ Степану Савельевичу считать себя великимъ механикомъ-самоучкой. Онъ уже выписываетъ земледѣльческую газету, толкуетъ о раціональномъ хозяйствѣ, въ тайнѣ измѣняетъ жнею-молотилку, получаетъ благодарственное письмо отъ агрономическаго общества за модель никуда негодной зерносушилки, вѣшаетъ его въ золотой рамѣ на стѣнѣ своего каби-

нета, ѣздить по работамъ не иначе, какъ въ тарантасѣ тройкой, и въ концѣ-концовъ начинаетъ болѣе походить на барина, нежели на скромнаго управляющаго.

Нѣсколько позднѣе выселился молодой помѣщикъ Карцевъ, заступившій мѣсто своего покойнаго отца и вовсе не попавшій, какъ ожидалъ несчастный отецъ, въ разрядъ пролетаріевъ и нищихъ. Цѣлый рядъ необычайно урожайныхъ годовъ помогъ молодому хозяину расплатиться съ отцовскими долгами и осуществить свою завѣтную думу о хуторѣ: точно волшебствомъ какимъ, не болѣе какъ въ два мѣсяца, на голомъ пустырѣ, возлѣ повалившейся на бокъ мельницы, выросъ домикъ, съ одной стороны похожій на швейцарское шалэ, съ другой—на ярославскую избу. Отъ домика вправо и влѣво потянулись заборы: на углу встала изба, за ней погреба, кладовыя и т. д. Противъ домика насажено нѣсколько тощихъ березокъ и липъ, а вокругъ пруда и мельницы набиты ветловые колья, и пустырь пересталъ быть пустыремъ. Такая метаморфоза приводила въ восторгъ новаго владѣльца, наслѣдовавшаго отъ своей воспитательницы тетки переходящую черезъ край впечатлительность — и когда ему случалось, въ ночное время подъѣзжать къ своему хутору, то онъ уже и не зналъ, чтó дѣлать—торопить ли запоздавшаго ямщика, или остановить его и любоваться привѣтливо мигавшими огоньками только-что возникшаго поселенія.

Восторженное настроеніе юнаго владѣльца тотчасъ же охладилось, какъ только пришлось искать годовыхъ работниковъ, такъ какъ, не смотря на хорошее жалованье—рабочіе не находились.

— Что же это значитъ?—приставалъ юноша къ своему приказчику, изъ бывшихъ крѣпостныхъ.

— У всѣхъ одна отговорка,—обыкновенно отвѣчалъ крайне флегматичный и молчаливый Евлампій.

— Какая же?

— Скучно.

— Почему же скучно?—допрашивалъ баринъ.

— А кто ихъ знаетъ — скучно, и кончено дѣло,—въ сотый разъ повторяетъ Евлампій.

Наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ Евлампію удалось отыскать себѣ товарища въ образѣ 50-ти лѣтняго вдовца, такого же молчаливаго, какимъ онъ былъ и самъ. По ночамъ забѣгали волки и, нерѣдко усѣвшись противъ уединеннаго хутора, поднимали такой концертъ, что благочестивый и робкій Евлампій, засвѣтивши лампаду, цѣлую ночь проводилъ въ бдѣніи и молитвѣ. Наступила зима, и однѣ только верхушки трубъ и крышъ

обличали существованіе возникшаго хутора, а молотильщики, ежедневно пріѣзжавшіе изъ деревни Большой-Цыльны, прежде чѣмъ приступить къ работѣ, должны были отрывать его обитателей.

Что же касается до остальныхъ землевладѣльцевъ Никольской волости, то они замѣтно пріободрились, благодаря постояннымъ урожаямъ, большому спросу на испольную землю и возвышенью цѣнъ на рожь и овесъ. Всѣхъ находчивѣе и практичнѣе оказались помѣщицы, сгруппировавшіяся въ одномъ мѣстѣ, извѣстномъ подъ именемъ «бабьяго угла», да кавказскій джигитъ Баевъ, въ одинъ мигъ превратившійся изъ героя и наѣздника въ величайшаго афериста и кулака, уже въ то время начинавшаго всячески приспособляться къ мужицкому карману. Что же касается до капитана Бачманова, то онъ продолжалъ оставаться въ городѣ, и все болѣе и болѣе входилъ въ роль неугомимаго, озлобленнаго, хотя и бездарнаго обличителя и корреспондента одной изъ сѣренькихъ газетъ. Онъ рѣшительно и на долгое время взялъ подъ присмотръ все мѣстное общество, и то самое наслажденіе, которое получалъ и испытывалъ при экзекуціяхъ своихъ крестьянъ, замѣнилъ неусыпнымъ бичеваніемъ своихъ согражданъ, а особенно такъ-называемыхъ либераловъ и красныхъ того времени. Мало измѣнилось положеніе управителя деревни Волковки, продолжавшаго щеголять пристяжными, но въ то же время, въ тихомолку, начинавшаго пить горькую. Бывшій становой приставъ Хапковъ получилъ нѣсколько тысячъ выкупныхъ и съ радости, не зная что съ ними дѣлать, принялся покупать всякія ненужныя и дорогія вещи... Онъ покупалъ все, что попадалось на глаза: ружье съ золотой насѣчкой, турецкіе пистолеты, серебряный сервизъ, вѣнскую коляску, породистаго водолаза, кровнаго рысака и вскорѣ остался безъ гроша, въ то же время обладая массой ненужныхъ вещей. Такъ же быстро распорядились выкупными и братья Лихачевы: они устроили свое хлѣбосольство, вступили въ открытое соперничество съ аристократіей, вновь народившейся послѣ освобожденія крестьянъ, а весьма миловидная, но очень простоватая супруга одного изъ нихъ, мать многочисленнаго семейства, вихремъ слетала въ Парижъ за нарядами, наповалъ убила царицу губернскихъ баловъ и въ теченіе цѣлаго сезона блистала на ея мѣстѣ.

В. Назарьевъ.

БЕЗЪ МУЖЕЙ

ПОВѢСТЬ.

Памяти великаго мастера.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ *).

I.

Часовъ около восьми—обѣдъ за общимъ столомъ давно уже отошелъ; на боковой площадкѣ, позади сѣраго дома, разсѣлись вокругъ стола пріѣзжіе изъ Ялты.

Это было то самое общество, что̀ обѣдало въ отелѣ «Россія», въ отдѣльномъ кабинетѣ. Четырехмѣстная коляска четверней отдыхала за угломъ, въ тѣни. Татаринъ, рослый и молодой, весь въ золотомъ шитьѣ, проваживалъ трехъ лошадей. Одна — иноходецъ — покачивалась подъ дамскимъ сѣдломъ темно-малиноваго бархата.

На скамейкѣ со спинкой, между двумя мужчинами сидѣла купчиха Боченкова, въ свѣтлосиней амазонкѣ и низкомъ мужскомъ цилиндрѣ. Дымчатый вуаль она откинула на плечо. Высокій, стоячій воротникъ сдавливалъ ей шею и подпиралъ ея двойной подбородокъ. Грудь сжималъ узкій корсажъ; пуговицы чуть держались на немъ. Амазонку она носила короткую. Изъ подъ приподнятаго края юбки выставила она подъемистую ногу, обутую въ лакированный сапогъ.

Справа отъ нея развалился хорошенькій брюнетикъ, тотъ,

---

*) См. выше: апр., стр. 483.

что сидѣлъ рядомъ съ ней и за обѣдомъ въ Ялтѣ. Слѣва, бокомъ, вытянулся, а правую руку закинулъ на спинку и наклонилъ къ ней голову мужчина лѣтъ подъ сорокъ, смуглый, волосатый и толстогубый. Носъ его сплюснутый и ноздрявый сжималю золотое pince-nez. Скулы щекъ остро выдавались впередъ. Бородка мелко росла и торчала въ разныя стороны. Волосы онъ зачесывалъ назадъ, низковатый лобъ на половину загорѣлъ. И его, и двоихъ мужчинъ его же лѣтъ, занимавшихъ два стула по ту сторону стола, по бокамъ пожилой дамы изъ нѣмокъ, всякій бы принялъ за московскихъ купцовъ. Но онъ былъ адвокатъ по бракоразводнымъ дѣламъ; его визави — рябой блондинъ, тоже въ бородѣ, неопрятный и близорукій — піанистъ и композиторъ; а третій — съ лысиной, въ бородкѣ и въ клѣтчатой парѣ — секретарь желѣзно-дорожнаго съѣзда, изъ студентовъ. Этотъ всего больше походилъ на конториста. Его глазки-корinки возбужденно перебѣгали отъ одного лица къ другому. Хорошенькій брюнетъ смотрѣлъ не русскимъ купчикомъ, а скорѣе сыномъ иностраннаго банкира. На немъ плотно сидѣли гороховая куртка и такіе же рейтузы, въ обтяжку, на два вершка ниже колѣнъ, съ двумя пуговицами надъ высокими сапогами. Свою черную войлочную шляпу съ вуалемъ онъ снялъ.

II.

— Чтожъ они не несутъ?! — закричалъ брюнетикъ голосомъ избалованнаго мальчика и задвигался на своемъ мѣстѣ.

— Володенька, не бурлите!

Лысый, обращаясь къ Боченковой, прибавилъ:

— Гликерія Уаровна, успокойте юношу.

Она провела влажными бѣлками своихъ глазъ по лицу и фигурѣ брюнета, откинула голову назадъ и раскрыла ротъ, откуда крупные зубы блеснули двумя полосками.

— Да если жарко, — выговорила она ласково и со вздохомъ.

— Доброта вы наша неутолимая! — сказалъ адвокатъ. — Ручку вашу. Во всемъ московскомъ царствѣ нѣтъ другой души такой, какъ у Лукерьи Уваровны.

Онъ произносилъ ея имя по-просту и дѣлалъ это нарочно; а она не обижалась. И многое позволила бы она адвокату, только бы онъ ее поскорѣе развелъ. За это дѣло онъ, по условію, получалъ сорокъ тысячъ.

— Голубушка, — попросилъ композиторъ, — и мнѣ пожалуйте.

Онъ потянулся черезъ столъ. Глаза его давно уже посоловѣли, и послѣ обѣда, въ Ялтѣ, онъ всю дорогу дремалъ. Къ десяти часамъ вечера онъ рѣдко не бывалъ «готовъ», и Гликерія Уаровна говорила ему:

— Ахъ, Лаврентій Ильичъ... Опять вы не годитесь, голубчикъ; а обѣщали мнѣ поиграть.

Въ Крымъ привезла она его на свой счетъ, такъ же какъ и адвоката, и секретаря съѣзда. Это вмѣстѣ съ нѣмкой и была ея «свита», о которой сообщилъ швейцаръ отеля.

— Лавря—тово?..—подмигнулъ секретарь съѣзда.

— Блаженъ мужъ!

Всѣ засмѣялись остротѣ адвоката, кромѣ брюнетика. Онъ ёжился и хмурилъ брови.

— Шеломовъ!.. Вы ужасный человѣкъ!—заговорилъ съ нимъ секретарь. — Разстраиваете наше веселье. И хоть бы вы пили по-христіански... А то вы только видъ дѣлаете... А сами себѣ на умѣ.

— Ну, полно болтать... Лукичъ!—оборвалъ его Шеломовъ, какъ обрываетъ дядьку барченокъ при матери баловницѣ.

И прозвище «Лукичъ» пришлось отлично къ секретарю. Его звали Сергѣй Лукичъ Полотеровъ. Всѣ засмѣялись.

— Сейчасъ... милый,—успокоительно проговорила Боченкова, сняла замшевую перчатку съ правой руки и положила ее на плечо Шеломова.—Вонъ и несутъ.

Изъ-за угла показались два лакея. Они несли вино и все остальное для крюшоновъ.

III.

Когда секретарь состряпалъ питье съ сахаромъ и апельсинами—всѣ стали наливать себѣ суповой ложкой и пить. Боченкова подливала Шеломову, и бѣлки ея глазъ еще томнѣе прохаживались по немъ. Адвокатъ медленно процѣживалъ искристую жидкость сквозь свои выпяченныя губы, секретарь смаковалъ и пилъ короткими глотками; а музыкантъ тянулъ какъ квасъ, стаканъ за стаканомъ, посапывалъ, закрывалъ глаза и облизывалъ усы. Черезъ двадцать минутъ вокругъ нихъ ходили пары, пахло виномъ и апельсинами. Щеки у всѣхъ горѣли, кромѣ нѣмки. На ея землистомъ лицѣ застыла улыбка широкаго рта. Трудно было бы сказать: зачѣмъ держитъ ее при себѣ Гликерія Уаровна.

Пошли разговоры особаго свойства: о мужчинахъ и женщи-

нахъ, о мужьяхъ и женахъ, намеки на любовныя связи въ Москвѣ изъ міра комерсантовъ и присяжныхъ повѣренныхъ, желѣзно-дорожниковъ и модныхъ врачей, актеровъ, скрипачей и дантистовъ. Сдавалось, что въ этомъ мірѣ—все возможно, были бы деньги. По лицу Боченковой, красному и разомлѣвшему, расплылась улыбка; она какъ будто говорила: «Съ нашимъ капиталомъ—какія же могутъ быть задержки тому, что намъ угодно?»

Передъ своей свитой она вела себя съ Шеломовымъ, какъ съ женихомъ, и если не на «ты», то скорѣе по привычкѣ. Она и мужу, когда еще была влюблена въ него, говорила тоже «вы». Валерьянъ Ѳадѣичъ — адвокатъ — ведетъ дѣло мастерски. Свидѣтели давно подготовлены. Мужъ долго упираться не сталъ, онъ теперь «обзавелся», жениться во второй разъ не захочетъ; а еслибъ его кто подбилъ—«не бери на себя вины»—то можно уличить и съ настоящими, а не съ подставными свидѣтелями. На это Валерьянъ Ѳадѣичъ—первый ходокъ на Москвѣ. И онъ не изъ одной жадности, самъ говорилъ ей, не такъ давно:

— Матушка, Лукерья Уваровна, да зачѣмъ вы на себя опять ярмо это накладывать хотите? Ну, живите себѣ, какъ вамъ угодно. У васъ видъ отдѣльный. И милліоны свои. Хоть, къ себѣ въ домъ этого красавчика поселите. Кто вамъ можетъ препятствовать?

Она не пожелала жить *такъ*. Володя ея на восемь лѣтъ моложе,—уйдетъ. Положимъ и вѣнчанье, по нынѣшнему времени, не много значитъ; а все—придержка. За что же она ему сразу сказала, когда они сошлись:—Володя, половина моего—твое?..

А у ней четыре дома въ Москвѣ, рыбныя ловли въ Астрахани да капиталу больше шестисотъ тысячъ. Неужели за это и подъ вѣнецъ не стать, пока еще онъ такой красавчикъ?

Гликерія Уаровна смотрѣла на Володю Шеломова, какъ на свое пріобрѣтеніе. Можетъ, послѣ вѣнчанья, онъ ее и побивать будетъ... Тогда она увидитъ.

IV.

— А знаете исторію съ картинкой изъ цирюльни? — спросилъ секретарь.

— Это еще что?—лѣниво отозвалась Боченкова.

Рука ея лежала въ рукѣ Володи. Композиторъ открылъ одинъ глазъ и съ трудомъ выговорилъ:

— Ужъ ты..... анекдотистъ!..

— Спи!—крикнулъ ему Володя.—Контрапунктъ!

Посмѣялись и этому прозвищу.

— Разскажите, голубчикъ, не тяните, — пригласила Гликерія Уаровна.

— Изъ какой цирюльни?—заинтересовался адвокатъ, положилъ локти на столъ и наклонилъ свою долговолосую голову.

— Да отъ нашего куафера. Теодоръ... или какъ онъ прозывается... Сидоровъ изъ Парижа... знаете, туда, за персидскую лавку?..

— Ну, знаю! Дальше!—крикнулъ Володя.

— Слушаюсь, ваше благородіе... не извольте сумнѣваться... Получите все въ аккуратѣ.

Секретарь состроилъ смѣшное лицо и приложилъ руку къ лѣвому виску, какъ дѣлаютъ подъ козырекъ.

— Не мямли!

Володя, послѣ трехъ стакановъ, принялъ тонъ хозяина, который прихлебателями своей столовой можетъ понукать — какъ вздумаетъ. Свита Гликеріи Уаровны допускала съ собой такой тонъ, даже и адвокатъ.

— Такъ вотъ-съ, государи мои, вы видали княжну Тергасову съ маменькой?..

— Усы у ней, — перебила Боченкова. — И, Господи, какъ тянется! Плечи впередъ. Да и подлѣточекъ. Навѣрно старше меня, даромъ что въ дѣвицахъ. Изъ армянокъ, небось?

— Совершенно вѣрно,—продолжалъ разсказчикъ. — Но теперь въ нее втюримшись старче... графъ Гольденкранцъ.

— Да, вѣдь, у него жена, дѣти, внуки?—выговорилъ композиторъ, смутно понимавшій еще о чемъ идетъ рѣчь.

— Что-жъ изъ этого? Онъ до того дошелъ, что хоть разводиться.

— Да годокъ-то ему который?—спросилъ адвокатъ,—можетъ, подъ восемьдесятъ? И вѣнчать не будутъ.

— Сердце не разбираетъ,—вымолвила Боченкова.—Старичка жалко, ей Богу... Разсказывайте, Лукичъ.

Она уже переняла прозвище у Шеломова и при этомъ подумала: «какой Володя у меня на словѣ находчивый, что твоя бритва!»

Володя прилегъ къ ней плечомъ—и, не смущаясь тѣмъ, что они на виду у всѣхъ постояльцевъ сѣраго дома, — прикоснулся губами къ затылку Гликеріи Уаровны. Ее отъ этого глухого поцѣлуя такъ и обдало жаромъ.

V.

— Разсказывайте, Лукичъ! — немного задыхаясь, повторила она.

— Ну вотъ-съ... Княжна съ маменькой изволила ѣздить по лавкамъ. И заѣхали къ Теодору... на счетъ шиньона... что ли... или какой-нибудь косметики. У него всякая штука есть. Такое событіе — ихъ сіятельства — чуть король испанскій не сватался послѣ смерти первой жены... а вдругъ попали на двѣ минуты въ парикмахерскую, гдѣ нашего брата стригутъ и брѣютъ.

— Особенно Лукичу... маковку!—крикнулъ Володя и расхохотался.

— Я продолжаю: у Теодора, или какъ тамъ его... забылъ... во второй-то комнатѣ, въ салонѣ прямо противъ двери, на стѣнѣ—олеографія. Знаете, новая вещь — въ Парижѣ года три, какъ была выставлена. Жанръ съ сюжетцемъ. На террассѣ сидитъ генералъ, въ домашней формѣ, въ кэпи, одна нога у него лежитъ укутанная на стулѣ... подагра значитъ. Играетъ съ нимъ въ шахматы молодая жена, красивая. И мораль къ этому имѣется, нравоученіе. Это-де благоразумный бракъ — mariage de raison.

— Ты что намъ переводишь... Мы понимаемъ... и говоримъ! —крикнулъ Шеломовъ.

Онъ началъ уже «тыкать» секретаря. Пьянъ онъ не былъ, но воспользовался выпитымъ виномъ, чтобы позволить себѣ эту безцеремонность. На «ты» онъ бы не сталъ пить съ ними.

Секретарь только покачалъ головой, глядя на Боченкову: «Избаловали, молъ, голубушка, въ лоскъ».

Гликерія Уаровна отвела свои глаза на Володю и шепнула ему:

— Ужъ вы дайте ему выболтать.

— Да-съ, благоразумный бракъ... Картинка пикантная. Только олеографія... одно слово... Я къ себѣ не повѣшу. По моему это хуже въ сто разъ фотографій.

— Почему?—вдругъ спросилъ композиторъ, совсѣмъ сонный.

— Нишкни!—кинулъ ему секретарь, и хлебнулъ изъ стакана.—Олеографія, какъ олеографія. Въ цирюльной ей и висѣть. Но княжна восхитилась. Уѣхали онѣ съ маменькой. А сюжета-то она, издали, хорошенько не разглядѣла... видѣла только, что-то пестренькое. И говоритъ она, въ тотъ же день, вечеромъ, старцу: какую я интересную картинку видѣла сегодня... Гдѣ?— ей не хотѣлось упоминать о парикмахерской. — Въ какой-то

лавкѣ. И чтожъ? Старецъ поднимаетъ на ноги всѣхъ альгвазиловъ. Рыщутъ по Ялтѣ, въ лавкахъ во всѣхъ. Никакой нѣтъ олеографіи съ интереснымъ сюжетикомъ. Въ аптеки даже забрались, въ булочныя... Нѣтъ олеографіи!..

— Ха, ха, ха! вдругъ точно прорвало композитора.

И всѣ захохотали разомъ.

VI.

— Ну, завернули и къ Теодору. Тамъ-то она, голубушка и ждетъ. Сейчасъ ее цапъ-царапъ. Утромъ только-что княжна открыла глаза, и надъ ея кроватью виситъ она.

— И только-то?—спросилъ Володя.

— А что-же вамъ? — обидѣлся немного секретарь.—Вы не изволили понять весь смакъ этого происшествія?

— Только-то?—школьнически повторилъ Шеломовъ.

— Мало?! Старецъ, не зная сюжета, взбудоражилъ весь городъ и точно въ поученіе предмету своей страсти повѣсилъ: на-молъ, ангелъ мой, смотри, любуйся, знай—что тебя ожидаетъ, еслибъ я, добившись развода съ законной супругой, поступилъ въ твои мужья. Стала бы ты со мной въ шахматы поигрывать и ногу мнѣ укутывать.

— Только-то?!—въ третій разъ крикнулъ Шеломовъ.

— Лукерья Уваровна, — сказалъ адвокатъ и взялъ ее за руку,—уймите вы маленько вашего птенца. Что-жъ! Исторія, какъ исторія—не хуже самой олеографіи...

— Ахъ, господа,—прервала Боченкова и, тоже какъ и сосѣдъ ея, положила локти на столъ.—Вы только на смѣхъ поднимать этого старика. А онъ, сердешный, любитъ, страдаетъ. Вѣдь онъ не виноватъ, что ему столько годовъ? Не разбираетъ любовь-то...

— Это точно,—перебилъ ее Шеломовъ.—Разбираетъ только вино. Вотъ оно и разобрало контрапунктиста!

— Браво!—крикнулъ адвокатъ.—Володенька! На этотъ разъ каламбуръ славный! Разбираетъ...

— А!.. Разбираетъ! — съ просонья догадался музыкантъ и захохоталъ.

— Довольно!—скомандовалъ Шеломовъ.—Душно! Отсидѣли всѣ бока. Пройдемтесь хоть къ морю. Выкупаться бы славно.

— Всѣмъ вмѣстѣ?—спросилъ секретарь.

— Ахъ, Лукичъ! Какой вы безстыдникъ, — остановила его Боченкова.

— Пойдемте, пойдемте! Я знаю ходъ,—вызвался секретарь. —Посмотримъ на монаха.

— Какого?—спросилъ Шеломовъ.

— Утесъ въ море выдался... точно монахъ съ капюшономъ на головѣ.

— Выдумываешь?

— Есть охота!..

Секретарь немного поморщился отъ этого «ты».

— Идемте... только потише, голубчики,—застонала Гликерія Уаровна и грузно стала вставать со скамьи.

Ее повели подъ руки ея кавалеры. Секретарь предложилъ руку нѣмкѣ, не проронившей ни одного слова. Музыкантъ поплелся за ними, опираясь на палку. На площадкѣ гуляющіе оглядывали ихъ издали. Весь домъ уже зналъ, что это за пріѣзжіе и откуда. Сверху все время смотрѣли на нихъ двѣ пожилыя дѣвицы изъ своихъ комнатъ.

VII.

Они спускались по шоссе, громко говорили, смѣялись, оставливались на пути, присаживались на скамейки. Тѣмъ, кто имъ попадался навстрѣчу — мужчины кланялись и дѣлали гримасы. Двѣ-три дамы хотѣли даже идти жаловаться смотрителю дома и требовать, чтобы ихъ пригласили вести себя скромнѣе.

Къ берегу моря они спустились не по дорожкѣ, а прямо по откосу. Начался визгъ. Гликерія Уаровна чуть не упала. Нѣмка тоже оступилась. Музыканта Шеломовъ толкнулъ, и тотъ скатился внизъ на кучу кремней, при взрывѣ хохота. Сѣли они на эту самую кучу и начали бросать оттуда камешки; завязались пари у Володи съ адвокатомъ. Пошло на сотни рублей. Въ пари приняла участіе Боченкова, большая охотница до азартныхъ игръ. Съ кучи они поднялись, и у самой воды стояли и кидали камни, спорили о разстояніяхъ; Шеломовъ сказалъ нѣсколько дерзостей секретарю. Тотъ тоже сталъ держать пари и почти каждый разъ побивалъ расходившагося Володю. Всѣ они разомъ кричали и махали руками. Одинъ только музыкантъ сѣлъ на облизанные водой голыши, склонился на бокъ, а потомъ и совсѣмъ легъ.

— Лавра! баиньки!—крикнулъ ему Шеломовъ и, повернувшись къ водѣ взмахнулъ рукой.

Камень взвился и упалъ въ воду въ десяти саженяхъ.

— Я дальше.

— И не думали!—возразилъ секретарь.

Заключеніе давалъ адвокатъ.

— Вровень,—рѣшилъ онъ.

— Довольно, господа. Теперь бы чудесно выкупаться,—предложилъ секретарь.

— Какъ же это?—спросила Боченкова и разсмѣялась.

— Раздѣвайте Лаврю! Берите его за сапоги!—скомандовалъ Шеломовъ и подбѣжалъ къ музыканту.

Двое другихъ схватили его за ноги. Тотъ поднялъ голову и сталъ отпихивать ихъ ногами. Произошла свалка. Купчиха взвизгивала отъ смѣху. Такъ возились нѣсколько минутъ. Музыкантъ лежалъ подъ всей кучей и громко охалъ. Первый сжалился надъ нимъ секретарь. Они встали и начали оправляться. Боченкова обмахивала Володю расшитымъ батистовымъ платкомъ.

VIII.

Изъ-за кустовъ, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ дурачились эти пріѣзжіе, выглядывало блѣдное женское лицо, мелькало черное платье.

Лидія Никаноровна Прежнева всматривалась въ одного изъ мужчинъ, въ самаго молодого. Она вышла погулять раньше обыкновеннаго. До нея донеслись крики, смѣхъ, взвизгиванія, хлопанье камней о воду. Первый вечеръ могла она выходить. Дня три пролежала она. За ней ухаживала ея новый другъ, Марья Денисовна. И сегодня Усманская пробыла у ней отъ завтрака до обѣда.

«Какъ только оправлюсь—рѣшила она, наканунѣ — поѣду въ Ялту. Узнаю, точно ли это Володя, пойду къ нему, прямо брошусь на шею. Онъ меня не оттолкнетъ. Однимъ глазкомъ взглянуть на него!»

И вотъ только-что пошла она отъ себя къ каменной лесенкѣ, голоса веселой компаніи остановили ее. И тотчасъ-же она подумала:

«Это изъ Ялты пріѣхали. Знаютъ, быть можетъ, моего Володю».

Она разглядѣла, что было четверо мужчинъ и двѣ дамы, узнала, кто изъ нихъ самый молодой; но онъ стоялъ все спиной, у берега моря, и только разъ повернулся въ профиль. Трудно ей было рѣшить навѣрно; а сердце все-таки сильно застучало и

холодный потъ выступилъ на лбу. Она схватилась за вѣтви, чтобы не пошатнуться отъ внезапной слабости. Онъ-ли? Прошло цѣлыхъ десять лѣтъ. Больше! Одиннадцать. Тогда у Володи волосы вились свѣтлорусые. А этотъ брюнетъ. Но вотъ онъ обернулся всѣмъ лицомъ и подбѣжалъ къ кучѣ камней, гдѣ лежалъ рябой съ взъерошенными волосами, точно совсѣмъ пьяный мужчина. Ее насквозь пронзило. Она впилась глазами въ лицо. Этотъ носъ! — точно отцовскій, круглыя брови, улыбка... Онъ, онъ!

Еще сильнѣе должна была она схватиться за вѣтви. Головокруженіе не прошло до тѣхъ поръ, пока она не закрыла глазъ и не сдѣлала надъ собой усилія. И опять сомнѣніе: онъ-ли? Но почему же не подойти, не спросить? А если онъ отвѣтитъ: «да, я Владиміръ Шеломовъ, что вамъ угодно?» Сказать: «Володя, я мать твоя, Прежнева!» Онъ можетъ отвѣтить: «У меня матери нѣтъ, я ее не знаю». И скажетъ это при посторонних, при какихъ-то кутилахъ... при той толстой блондинкѣ... Кто она? Усманская говорила, что видѣла ее за обѣдомъ въ отелѣ. Эта амазонка держитъ съ нимъ себя, какъ родная, какъ жена или... любовница.

«Побѣгу къ Марьѣ Денисовнѣ! Она мнѣ скажетъ». За эту мысль схватилась она и, ничего не видя передъ собой, бросилась по лѣсенкѣ наверхъ.

IX.

Марья Денисовна шла къ ней. Онѣ встрѣтились на первой террассѣ, выше большой площадки. Прежнева вся дрожала и схватила обѣ ея руки.

— Что съ вами? Зачѣмъ выходили? — успѣла выговорить Марья Денисовна.

— Идемте! Они уѣдутъ. Вы...

Досказать Прежнева не могла и сѣла на траву, охваченная опять головокруженіемъ. Шатаясь, встала она, оперлась на руку Усманской и сама повела ее внизъ. Та узнала въ чемъ дѣло.

Когда онѣ подходили къ дому, коляска тронулась.

— Глядите, глядите!—отчаянно крикнула Прежнева и такъ рванулась впередъ, что чуть-чуть не упала внизъ съ крутого спуска.

Боченкова уже сидѣла на бѣлой лошади и подбирала поводья. Татаринъ оправлялъ ей амазонку. Ея кавалеръ горячилъ своего караковаго: лошадь прыгала и повертывалась.

— Это... онъ? Онъ?—спрашивала задыхаясь Прежнева.

— Да, это тотъ брюнетъ... Шеломовъ.

— Володя!—глухо крикнула Прежнева и пошатнулась.

Ея пріятельница взяла ее за талію и отвела къ скамейкѣ, подъ грушевое дерево. Кавалькада скакала внизъ по шоссе. Клубы пыли заслоняли всадниковъ; только бѣлый вуаль на шляпѣ Шеломова мелькалъ еще издали.

— Володя... онъ... онъ... —шептала Прежнева и всхлипывала.

Марья Денисовна стояла нагнувшись, и у ней, тамъ гдѣ-то, внутри, отдавались всхлипыванія этой женщины. «Зачѣмъ назвала я ей Шеломова?» подумала она. «Можетъ быть, она и не стала бы розыскивать». Но ей вспомнились сейчасъ же—безконечныя рѣчи этой матери, возбужденныя морфіемъ, какъ она поѣдетъ въ Ялту, какъ упадетъ на грудь къ своему сыну и выплачетъ свое десятилѣтнее горе, и одинъ часъ свиданія вознаградитъ ее за все, за все.

«Все равно — случилось бы», думала Марья Денисовна и повела, почти понесла Прежневу, еле переступая съ ноги на ногу. Она взяла по другой дорогѣ, минуя большую площадку, чтобы не попадаться гуляющимъ.

X.

Сердцу ея еще мало говорили терзанія матери. Она понимала ихъ больше головой. Зачѣмъ бросаться къ сыну, поднимать старое? Мальчикъ—фатъ, испорченный, вѣроятно, состоитъ при богатой купчихѣ въ роли друга.

Мало еще перенесла мукъ эта обездоленная Лидія Никаноровна! Одно ея замужество могло устрашить каждую дѣвушку, какъ бы ей плохо ни приходилось. Въ три дня, въ промежуткахъ припадковъ и крайней слабости, отрывками, безпомощно и скомканно, передавала ей Прежнева свою повѣсть. Родилась она въ богатой, дворянской семьѣ, была одна дочь. Отецъ и мать такъ и дышали на нее. Учили ее дома. Тогда только-что пошли идеи о воспитаніи, гуманности. Брали на домъ учителей, профессоровъ изъ университета. Отецъ былъ въ большихъ дѣлахъ, мать умерла, когда ей минуло четырнадцать лѣтъ. Конторой отца завѣдывалъ нѣкто Шеломовъ, университетскій кандидатъ, смѣлый и вкрадчивый. Онъ вліялъ и на ея воспитаніе; отецъ ввѣрялся ему слѣпо. Всѣмъ ворочалъ онъ. Дѣвочкѣ управляю-

щій проповѣдывалъ тайно самыя «новыя» тогда идеи, билъ себя въ грудь, когда говорилъ о народѣ, неравенствѣ, о гнусномъ барствѣ, о высокомъ служеніи всѣмъ «нуждающимся и обремененнымъ». И она стала на него молиться. Ей еще не наступило шестнадцати лѣтъ, когда она объявила отцу, что любитъ Шеломова и хочетъ быть его женой. Старикъ согласился. Черезъ два года онъ умеръ. Все состояніе перешло ей. Въ первые три года мужъ проповѣдывалъ ей тѣ же идеи; но дѣла все забиралъ въ свои руки. Она, какъ малое дитя, дала ему полную довѣренность; а потомъ и совсѣмъ уступила почти все. Смутно ей казалось, что между словами и всей жизнью мужа было противорѣчіе. Но онъ держалъ ее, какъ малолѣтка, во всемъ, вплоть до выбора кормилицъ и нянекъ для сына. Все чаще уѣзжалъ онъ по дѣламъ, на Уралъ, на Волгу, за границу. Когда Володѣ пошелъ восьмой годъ, Шеломовъ потребовалъ развода. Это ее ошеломило. Въ своемъ ослѣпленіи, въ рабской любви она не замѣчала, охладѣлъ онъ къ ней, или нѣтъ, а та женщина, которую онъ приготовилъ себѣ во вторыя жены, жила въ томъ же городѣ, бывала у нихъ. Ей приказали—она повиновалась, только молила оставить при ней сына. Сына обѣщали. Она пошла на все:—взяла вину на себя, даже отсидѣла на покаяніи.

XI.

Но сына у ней отняли и назначили годовое содержаніе въ полторы тысячи рублей. Вторая жена пожелала, чтобъ мальчикъ воспитывался при отцѣ; а отецъ явился ей доказывать, что этого требовала «логика»—въ глазахъ «всѣхъ порядочныхъ людей».

— Вы взяли на себя вину,—сказалъ онъ ей,—съ чѣмъ же сообразно, что сынъ мой будетъ при васъ?.. Онъ носитъ мою фамилію, а вы—госпожа Прежнева.

И въ этомъ она ему покорилась. Отъ его голоса и взгляда ее пробирала дрожь. Но натура не выдержала. Съ тѣхъ поръ напала на нее хворость, цѣлый рядъ всякихъ болей: и въ головѣ, и въ груди, и ногахъ; доходило до постоянныхъ конвульсій, куда она ни ѣздила, на какія воды—не помогало... И лечиться стало слишкомъ дорого; а мужъ больше не давалъ. Сына совсѣмъ отняли, уѣхали на три года за границу; оттуда они пріѣзжали въ Россію только по дѣламъ. Пошли у второй жены дѣти; двое осталось въ живыхъ. Ни одного письма не получила она въ десять лѣтъ отъ сына; а ей не отвѣчали. Но она узнавала—

гдѣ онъ; когда его отдали въ гимназію—знала она, что онъ вышелъ оттуда, не кончивъ курса, что собой очень красивъ, слышала, что сталъ помогать отцу въ подрядахъ; отецъ его балуетъ, отдѣлилъ ему часть своего капитала.

Въ послѣдній годъ она потеряла его слѣдъ, слышала только, что переѣхалъ въ Москву. Цѣлую зиму проболѣла она въ Крыму. Въ десять лѣтъ три раза ее лечили отъ душевной болѣзни; а она знаетъ, что никогда съ ума не сходила. Нестерпимыя боли и безсонницы пріучили ее къ морфію. А потомъ тоска, потребность забвенія тянули все чаще и чаще дѣлать себѣ вспрыскиванія; а потомъ—ходить, лежать, говорить въ туманѣ. Вотъ почему ее считаютъ полубезумной, а иные увѣряютъ, что она пьетъ: она и это знаетъ.

Въ послѣднія двѣ недѣли передъ встрѣчей съ Усманской, на нее нападала такая тоска, что она только морфіемъ спасалась отъ безмѣрныхъ душевныхъ страданій. И точно какой-то внутренній голосъ—увѣряла она—говорилъ ей, что сынъ ея живетъ по близости. Она часто бредила, доходила до галлюцинацій, видѣла его; но всегда маленькаго въ курточкѣ, въ кудряхъ.

XII.

Дόма Прежнева стала бодрѣе. Марья Денисовна усадила ее въ кресло, растворила настежъ окно и дверь.

— Не смѣйте волноваться,—хмуря нарочно брови, сказала она ей.—И говорите вы слишкомъ много. Все будетъ... Не уйдетъ отъ васъ сынъ.

Ей была вновѣ роль сидѣлки и старшей сестры. Это ей позволяло уйти отъ самой себя.

— Я ничего, я ничего,—повторяла Прежнева, улыбалась, вся трепетала, оправляла руками косынку на головѣ. Глаза ея усиленно мигали, пальцы вздрагивали.

— Успокойтесь, умоляю васъ; а то сейчасъ же опять припадокъ будетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... только...

И она поглядѣла быстро-быстро на ящикъ на столикѣ.

Значеніе этого взгляда уже знала Марья Денисовна. Тамъ лежала игла и морфій.

— Нѣтъ, Лидія Никаноровна,—строго выговорила дѣвушка,—этого не будетъ. И я у васъ отберу... Вы мнѣ обѣщали.

— Отберете?.. Какъ же это?.. Ну хорошо, ну хорошо. Я

вѣдь рѣже... Ей Богу, я рѣже... Я могу и день, и даже недѣлю... Но сразу—нельзя!..

— Не говорите!

— Молчу.

Усманская уже слышала отъ нея, еще сегодня, послѣ завтрака, длинный разсказъ, какъ она брала съ собою всюду морфій и иглу. На какой-то публичной лекціи ей такъ захотѣлось разъ впрыснуть, что она побѣжала въ дамскую комнату, расталкивая всѣхъ и впустила тамъ себѣ сколько нужно.

— Голубчикъ вы мой,—шептала она вчера, когда была еще очень слаба,—вы этого не знаете... Это хуже пьянства... Зато все изъ сердца вышибетъ... Такъ въ туманѣ и живешь... Или точно давно, давно ничего не чувствовалъ. Не веселье, а одуреніе... Вы на меня смотрите и думаете: жалкая... безумная... хуже пьяницы.

И тогда она долго плакала. Марья Денисовна боялась, что и теперь польются слезы, и не удержать ихъ.

— Право, я возьму,—сказала она и открыла ящикъ.

Прежнева слѣдила за ней глазами, видѣла какъ та завернула все въ бумагу и положила въ карманъ.

— Можетъ пригодиться,—вымолвила она и жалобно улыбнулась.

XIII.

Но долго молчать она не могла.

— Милая,—зашептала она и глазами ловила взглядъ Марьи Денисовны,—какъ же теперь? Я поѣду.

— Вы не поѣдете, Лидія Никаноровна.

— Десять лѣтъ!

Слезы уже заблистали на рѣсницахъ.

— Если онъ помнитъ васъ... онъ пріѣдетъ самъ.

— Какже онъ пріѣдетъ?

— Напишите ему письмо. Я вамъ напишу.

— Нѣтъ, я сама!

— Пошлю вамъ на почту. Все сдѣлаю.

— Голубушка!..

Слезы уже текли по щекамъ крупными каплями.

Больше Марья Денисовна не позволила говорить Прежневой. Та ее послушалась.

— Посидите на воздухѣ. Я вамъ вынесу кресло; а сама пойду погулять,—а то вы будете все говорить.

Ей было ново и пріятно ухаживать за этой женщиной, укладывать ее, оттирать. Такъ жила она третій день.

Она пересадила Прежневу на постель, вынесла кресло подъ навѣсъ, привела и усадила ее, покрыла ноги пледомъ и, уходя, сказала:

— Ужъ какъ угодно... я вамъ иголки не дамъ и этого ужаснаго лекарства.

— А если боли... невыносимы?..

— Вы притворяться не будете? Нѣтъ, боли теперь не явятся. А, такъ я ни за что не дамъ!..

Она засмѣялась и поглядѣла еще разъ на Прежневу.

— Милая,—прошептала та и протянула къ ней обѣ руки, всѣ высохшія и желтыя,—поцѣлуйте меня.

Теперь она могла ее цѣловать—привыкла; а въ первый день она должна была каждый разъ подавить въ себѣ брезгливое чувство. Отъ Прежневой шелъ лекарственный запахъ. Бѣлье на ней было заношенное: неряшливость давно пришла къ ней отъ леканья, припадковъ, одиночества, житья по меблированнымъ комнатамъ.

— Вы понимаете меня... даромъ, что—не мать!..—прошептала Прежнева.

XIV.

Эти слова всколыхнули Марью Денисовну. И такъ нежданно!

«Даромъ, что не мать!» — повторяла она мысленно, поднимаясь отъ Прежневой.

И ее обманываетъ она, выдаетъ себя за непорочную дѣвушку даже передъ такимъ безобиднымъ, жалкимъ существомъ, какъ эта женщина. Нѣтъ! Она бы ее не стала обманывать, еслибъ та спросила ее прямо, почему съ ней случился на дорогѣ истерическій припадокъ? Но Прежнева сама впала въ истерику, и цѣлыхъ два дня говорила все о себѣ; а про то, что заставило рыдать Марью Денисовну,—она уже забыла. И вообще она не могла останавливаться по долгу ни на чемъ, нѣсколько разъ возвращалась къ одному и тому же факту и спрашивала все:

— Вѣдь я вамъ это не говорила еще?

Обманывать она не будетъ Прежневу. И вчера еще захотѣлось разсказать ей—все, до послѣдней черточки—не скрывать своего позора; но безъ слезъ, безъ истерикъ. Къ чему это? Только выказывать свое малодушіе. Вѣдь у ней нѣтъ угрызеній. Она только гадливость чувствуетъ къ прошлому, къ тому, что

когда она вступить въ связь съ такимъ созданіемъ, какъ гусаръ Скопинъ. Изъ Ялты убѣжала она просто оттого, что не хотѣла ни подъ какимъ видомъ быть съ нимъ вмѣстѣ, испытывать добровольной кары. Это «паденіе» и само по себѣ было нелѣпо, да и всю ея дѣвичью жизнь сдѣлало еще ужаснѣе; при каждомъ сближеніи съ порядочнымъ человѣкомъ — надо было мучиться тѣмъ: когда она должна объявить ему о пятнѣ своего прошедшаго?

И встрѣча съ бывшей акушеркой потрясла ее, какъ второй ударъ въ теченіе одного дня. Не раскаяніе говорило въ ней, а только страхъ быть узнанной — все равно, еслибъ она когда-нибудь украла у модистки кусокъ кружева, была замѣчена и потомъ встрѣтилась съ ней... Повѣсть Прежневой, рана материнской души, страстное желаніе видѣть сына, казались ей почти маніей — «пунктикомъ», какъ выразилась бы Ольга Евграфовна. Ни разу, въ эти три дня, проведенные въ домикѣ Прежневой, не вспыхнулъ въ ея сердцѣ огонекъ материнства. Жена доктора ее не узнала. О чемъ же больше сокрушаться? Въ Алупку она не поѣдетъ. Все утонетъ въ прошедшемъ. Былъ ребенокъ. Теперь нѣтъ его. Навѣрно, умеръ. Она помнитъ только что-то красное и сморщенное.

XV.

Хорошо ужъ и то, что она вотъ идетъ одна, куда хочетъ, не ночевала дома, третій день проводитъ съ больной, домой возвращается только завтракать и обѣдать.

И все обошлось съ матерью въ какихъ-нибудь полчаса, и оттого, что она, когда шла домой, утромъ третьяго дня, ничего не боялась — даже самой отвратительной сцены. Первой начала она сама говорить, и такъ еще никогда не говорила.

— Жить, какъ вы желаете, — сказала она матери, — я не могу, да и для васъ это не выгодно.

— Не выгодно? — закричала мать.

— Да, не выгодно.

Сцена шла по-французски.

И она стала доказывать матери, что нелѣпо разсчитывать на блестящую партію. Онѣ не могутъ занимать мѣста, какъ надо, въ свѣтскомъ обществѣ. Если искать жениховъ — она выразилась: «faire une chasse aux promis» — то необходимо держать себя свободно, почти какъ молодой дамѣ, выбирать между людьми немолодыхъ лѣтъ, вдовцами, изъ средняго общества: докторовъ, адвокатовъ, прокуроровъ, коммерсантовъ, помѣщиковъ.

Мать была поражена ея тономъ и доводами. Окрики и брань —какъ на «дѣвчонку»—были уже неумѣстны. Это поняла Ольга Евграфовна и сидѣла, перебирала ртомъ и общипывала бахраму на платкѣ. Угрозы никакой ей не сказала дочь; но въ звукахъ ея голоса впервые слышалось что-то, подсказавшее матери:

«Если ты не сдашься—все равно она сбѣжитъ!»

Объ исторіи въ Ялтѣ, объ этой escapade, было сказано всего нѣсколько словъ.

— Не хотѣла быть въ обществѣ Скопина,—смѣло выговорила Марья Денисовна. — Онъ дерзокъ и глупъ. Я встрѣтила знакомыхъ,—она выдумала фамилію,—вы ихъ не знаете. Они меня подвезли; а потомъ я попала къ больной. У ней и провела ночь. Вотъ и все.

Это: «voilà tout» показалось Ольгѣ Евграфовнѣ чѣмъ-то чудовищнымъ по своей «irrévérence», но прежняго вернуть было уже нельзя.

— Знайте, — сказала она подъ конецъ разговора, — что я вамъ даю сроку пять мѣсяцевъ. Къ новому году вы должны найти себѣ мужа. Намъ нечѣмъ жить.

— Я это знаю,—отвѣтила дочь.

XVI.

На краю площадки, подъ лавровымъ деревомъ, на складномъ стулѣ, сидѣлъ Гущинъ, въ своемъ шелковомъ костюмѣ. Марья Денисовна увидала его шаговъ за пятьдесятъ. Ей захотѣлось поговорить съ нимъ.

Нужды нѣтъ, что онъ женатый. Теперь она будетъ съ нимъ по-другому. Отбивать его у жены она не хочетъ: не настолько тщеславна, да ей и не по вкусу были бы всякій раздоръ, ревность, бракоразводный процессъ, скандалъ. Можетъ быть, къ тому же, профессорша красивѣе ее и не старше лѣтами... Но Павелъ Павлычъ человѣкъ нужный. Жаль, что онъ служитъ не въ Петербургѣ и не въ Москвѣ. Такіе люди—бываютъ центры кружковъ... Свѣтскимъ выѣздамъ приходится сказать — прости. Искать надо именно въ кружкàхъ, куда вхожъ такой пріятный профессоръ, какъ Гущинъ. У него навѣрно множество друзей и товарищей—по всей Россіи... Съ нимъ надо начать бесѣдовать въ другомъ духѣ, выслушивать его совѣты, не разбирать его про себя, жестко и зло, а создать себѣ изъ него союзника. Съ нимъ она привыкнетъ къ болѣе простому обращенію, выучится

вести по-русски разговоръ, не какъ чопорная барышня, а какъ говорятъ вонъ тамъ, за общимъ столомъ, всѣ эти дамы и дѣвушки, разныя курсистки и жены чиновниковъ, докторовъ, ученыхъ. А то она чувствуетъ себя, среди ихъ, совершенно «dépaysée»... И съ ними полезно сходиться, изучать ихъ. Разумѣется, очень скоро можно будетъ оставить ихъ позади. У нихъ нѣтъ ея теперешней опытности и свѣтскости. Стóитъ только овладѣть тѣмъ, что у нихъ въ ходу, что составляетъ ихъ «topics of conversation», какъ называла ея англичанка... Вѣдь она говоритъ и читаетъ на четырехъ иностранныхъ языкахъ. Мать не пустила бы ее ни на какіе курсы—о курсахъ въ ихъ свѣтѣ говорятъ съ ужасомъ — но она любила и любитъ читать. Дѣльныхъ книгъ мало перебывало въ ея рукахъ, да и некогда было — ни по зимамъ, ни въ лѣтніе сезоны. Заняться этимъ, попросить указаній вотъ у такого Гущина, и черезъ два-три мѣсяца можно навести на себя совсѣмъ другой «genre».

Въ ту минуту, когда она подходила къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ Гущинъ, Марья Денисовна почувствовала даже родъ удовольствія именно оттого, что она можетъ держаться съ нимъ совершенно иначе. Двѣ недѣли, какія онѣ проведутъ еще въ Крыму, получили для нея не тотъ смыслъ, какъ прежде: ими нужно было воспользоваться.

XVII.

— Ахъ! mademoiselle Усманская! Какъ я радъ!

Гущинъ подошелъ къ ней съ книгой въ одной рукѣ, а другой снялъ и низко опустилъ шляпу.

— Читаете?—спросила она его и указала глазами на книгу, въ восьмую долю, въ темносѣрой обертѣ.

Видно было, что онъ ее только что разрѣзалъ.

По звуку ея вопроса Гущинъ понялъ, что она будетъ иначе себя вести съ нимъ. Онъ весело блеснулъ своими свѣтлокарими, еще очень молодыми глазами и разсмѣялся.

— Вы мнѣ сегодня нравитесь.

— Очень рада,—отвѣтила Марья Денисовна также бойко.

— Право!.. Въ первый разъ вы взяли хорошій тонъ. А то вы были какъ на веревочкѣ. Хотите присѣсть... Тутъ есть еще другой складной стулъ.

Они сѣли рядомъ. Внизу темнѣло море.

— Точно чернила,—сказала Марья Денисовна.

— Вы любите реальныя сравненія?

— У меня такъ вырвалось. Вы со мной, Павелъ Павлычъ, — она еще не звала его такъ, — не употребляйте мудреныхъ словъ.

— Какъ? Васъ пугаетъ слово реальный? Быть не можетъ. Вы навѣрно знаете три иностранныхъ языка.

— Реальный... Это—réaliste. Я понимаю. Но по-русски я не привыкла къ такимъ выраженіямъ.

— Пріучитесь!

— Хочу.

— Въ добрый часъ!

— И вы мнѣ, пожалуйста, помогите.

— Помилуйте... всей душой.

— Вотъ пріѣдетъ ваша жена—познакомьте насъ.

Она нарочно поторопилась сказать это: пускай онъ не думаетъ, что у ней виды на него съ хищнической цѣлью.

— Буся моя будетъ ужасно рада.

— Вы такъ зовете жену вашу?

— Да, она такая маленькая.

«Въ самомъ дѣлѣ онъ славный человѣкъ,—думала дѣвушка, —и нѣтъ въ немъ никакой ученой важности».

— Что это за книга? Русская?—спросила она.

— Переводъ извѣстнаго этюда Морлея о Руссо.

— Вы и по-англійски, конечно, знаете?

— Знаю; но мнѣ прислали переводъ. Хорошо сдѣланъ. Вы знакомы съ книгами Морлея?

— Никогда не слыхала такого имени, — отвѣтила Марья Денисовна.

— Быть не можетъ!..

— Какъ видите.

XVIII.

Такъ они проболтали до половины десятаго. Ночь уже спустилась также быстро, какъ и тогда, какъ они шли къ ея домику. Профессоръ разспрашивалъ ее о поѣздкѣ въ Ялту и попенялъ за то, что она убѣжала изъ столовой, не захотѣла съ нимъ протанцовать тура вальса.

Она начала горячо увѣрять его, что никакого нежеланія тутъ не было; а сдѣлалось ей слишкомъ горько отъ картины веселья и она разрыдалась.

— Съ той ночи многое перемѣнилось, — значительно выго-

ворила она,—и если у васъ опять будетъ что-нибудь—разсчитывайте на меня.

— И верхомъ поѣдете?

— Непремѣнно.

Гущинъ, на ея разспросы о постояльцахъ большого дома и домиковъ, давалъ ей подробныя свѣденія. Онъ всѣхъ зналъ. Марья Денисовна пожелала «поглядѣть» на тѣхъ изъ дамъ и дѣвицъ, кто, по его мнѣнію, занимательнѣе.

— Вамъ чтó нужно!—вскричалъ Гущинъ, обрадованный такой быстрой перемѣной въ «задерганной» барышнѣ.—Благой примѣръ независимыхъ русскихъ женщинъ васъ вылечитъ, безъ всякихъ проповѣдей. Вы увидите, какъ можно, живя на крошечныя средства, блаженствовать.

— Ужъ и блаженствовать,—насмѣшливо повторила Усманская.

— Да-съ! блаженствовать! Да вотъ, чтобъ не далеко ходить... Угодно я съ вами побываю въ скиту?

— Что это такое скитъ?

— Скитъ—вы знаете чтó... гдѣ монашки-раскольницы живутъ... Это я прозвалъ одинъ домикъ... тамъ вонъ, у самаго въѣзда, его не видно изъ-за кипарисовъ. Живутъ тамъ двѣ дѣвицы... пожилыя. Одной ужъ подъ сорокъ лѣтъ...

— Успокоилась,—точно для себя выговорила Усманская.

— Вовсе нѣтъ! И не думала успокоиваться. Вся пылаетъ, вся кипитъ! Одна у ней цѣль и отрада—знаніе, идеи... И дружба. Хотите къ нимъ?

— Какъ, сейчасъ?.. Какже это будетъ...

— Ну вотъ видите... и барышня сказалась. Да также. Онѣ навѣрно сидятъ на балкончикѣ, чаекъ пьютъ съ простоквашей, яйцами. Хлѣбъ свой, разныя лепешечки. Я имъ скажу: вотъ барышня хочетъ знакомиться съ хорошими людьми, больше никакихъ представленій не нужно.

Она подумала и согласилась.

XIX.

Гущинъ повелъ ее подъ руку. Теперь она и не замѣтила даже, какъ ея рука очутилась около его стана. Они шли скоро и продолжали весело разговаривать. И Гущинъ чувствовалъ себя вполнѣ въ своей стихіи. Можетъ быть, онъ приписывалъ даже вліянію ихъ перваго разговора то, что «барышня» набирается

другихъ мыслей и сбрасываетъ съ себя свои претензіи. Это его искренно радовало.

«У ней навѣрно есть характеръ — думалъ онъ, продолжая перекидываться фразами;—какія брови и губы, и все лицо энергично! Надо только показать ей новые исходы».

— Вотъ и скитъ!—вскричалъ Гущинъ и ускорилъ шагъ.— Мы попадемъ какъ разъ впору.

Они подходили къ домику съ крытой галерейкой. Можно было издали разсмотрѣть фигуру надъ перилами.

— Это Катерина Яковлевна Русанова!—вскричалъ Гущинъ.

— У ней короткіе волосы. Нигилистка?

— Ха, ха! Какъ вы это спросили!.. На взглядъ вашей maman, конечно, изъ «нигилистиковъ». Такъ вѣдь въ Москвѣ называютъ серьёзныхъ дѣвушекъ кумушки съ Поварской и Сивцева-Вражка. Вотъ увидите. Только лучше ужъ я вамъ сразу скажу, что у ней докторскій дипломъ.

— Лечитъ?

— Никого не лечитъ. Она докторъ естественныхъ наукъ.

— Гдѣ же она училась?—спросила Усманская и подумала: «вотъ еще охота».

— За границей.

— Въ Швейцаріи?

— Почему же непремѣнно въ Швейцаріи? Это у васъ тоже одно изъ свѣтскихъ пугалъ. Въ Германіи защищала докторскую диссертацію.

— Какъ это страшно!

Оба разсмѣялись.

— Павелъ Павлычъ!—крикнули ему съ галереи.

— Только, право, мнѣ не совсѣмъ ловко, — весело выговорила Марья Денисовна.

— А вотъ я сейчасъ васъ выдамъ.

— Нѣтъ, не надо... Я такихъ ученыхъ боюсь. Я ничего не знаю.

— Старая пѣсня!

XX.

Съ этими словами Гущинъ подвелъ Марью Денисовну къ домику.

Черезъ перила галерейки перегнулась женщина въ темномъ платьѣ и протянула Гущину руку.

Въ двѣ-три секунды оглядѣла ее Усманская, насколько можно

было въ густыхъ сумеркахъ надвинувшейся ночи. Лицо—худощавое, кажется, съ просѣдью въ волосахъ, большіе глаза, зубы сохранились и сверкнули въ широкой и ласковой усмѣшкѣ.

— Ха, ха, ха!—разсыпался по воздуху ея смѣхъ—еще очень молодой—лѣтъ на двадцать моложе ея лѣтъ.—Павелъ Павлычъ, вы глазами ищите Котика?

Но она не договорила, увидавъ, что онъ съ дамой.

— Катерина Яковлевна, я вамъ веду гостью. M-lle Усманская. Хочу познакомить ее со скитомъ. А Котикъ?

— Вотъ видите... О Котикѣ сейчасъ же освѣдомится профессоръ... Котикъ!

— Иду, иду!—крикнулъ изъ комнаты женскій, тонкій голосокъ,—свѣчку уставляю въ фонарѣ.

— Какъ всегда—изображаетъ евангельскую Марѳу,—сказалъ Гущинъ, все еще стоя съ Марьей Денисовной у крыльца.

— Да, да... въ своемъ элементѣ... Да что-жъ вы стоите?.. Милости просимъ,—сказала Русанова въ сторону гостьи,—мѣста хватитъ.

— И угощеніе будетъ?—спросилъ Гущинъ.

— И угощеніе. Есть простокваша... есть вареныя сливы со сливками... Котикъ сегодня самъ хлѣбъ пекъ, на молокѣ. Самоваръ тоже готовъ... Всего будетъ.

«Сами хлѣбы пекутъ, варятъ варенье,—думала Марья Денисовна, поднимаясь по ступенькамъ... Какъ здѣсь славно пахнетъ!»

Пахло свѣжеиспеченымъ хлѣбомъ, молочной ѣдой, хорошимъ вареньемъ. Все это было разставлено на столикѣ, занимавшемъ собою почти всю ширину галереи. Стулья стояли съ боковъ.

Русанова крѣпко пожала руку гостьи и посмотрѣла на нее прищурившись, но съ улыбкой. Марьѣ Денисовнѣ въ этомъ пожатіи и во всей манерѣ почуялось что-то свое, дворянское.

«Эта докторша не всегда была такая»—подумала она, и ей стало сразу удобнѣе.

— Мы будемъ много ѣсть!—вскричалъ Гущинъ.

— Не объѣдите. У Котика цѣлыя катакомбы запасовъ.

XXI.

Изъ комнатъ выбѣжала сожительница Русановой, та, кого она звала «Котикомъ», вся розовая, хорошенькая, съ маленькой темнорусой косой на затылкѣ и гладкими волосами, въ голубой

блузѣ; полувасученные рукава открывали руки по локоть, бѣлыя и тонкія. Она несла свѣчу въ стеклянномъ колпакѣ и плоскую чашку съ чѣмъ-то молочнымъ.

При видѣ посторонней дамы, она покраснѣла. Марья Денисовна также быстро оглядѣла и ее. Она навѣрно—дѣвица, еще очень свѣжа и моложава, хотя и худая. Сразу понравился ей взглядъ свѣтло-голубыхъ глазъ, привѣтливый и пугливый. Движенія, несмотря на домашнюю неприбранность туалета — показывали, какъ и въ Русановой, порядочность бывшихъ «барышень».

— Ахъ!—тихо ахнула она.—Павелъ Павлычъ... А я въ такомъ видѣ...

Она кланялась частымъ наклоненіемъ головы, и ему, и гостьѣ.

— Не взыщемъ, не взыщемъ... Вы евангельская Марѳа... всего намъ изготовили—на всякій случай. Гостью привелъ освѣжиться въ вашемъ скитѣ... душой освѣжиться. Марья Денисовна Усманская. А это... Надежда... Надежда...

— И забылъ! — крикнула Русанова.—Не нужно никакихъ именъ и отчествъ. Котикъ—Захарова.

— Что же вы не кушаете?—захлопотала Захарова, возбужденная своимъ ненасытнымъ гостепріимствомъ.

— Дайте срокъ!—утѣшилъ ее Гущинъ и принялся за свѣжій хлѣбъ,—и простокваша также будетъ?

— Будетъ! Будетъ! Самоваръ уже вскипѣлъ,—обрадовалась Захарова.—У меня еще есть кое-что.

И она, торопливо оправляя рукава книзу, убѣжала.

— Вотъ созданіе-то! — пустилъ ей вслухъ Гущинъ, когда пережевалъ первый кусокъ.—Чтó за полнота любви и милосердія!

— Милосердія!—повторила со смѣхомъ Русанова.

— А то какже?.. Катерина Яковлевна! Вамъ-то бы, кажется, не надо возражать. Вы видите,—обратился онъ къ Усманской,—въ той особѣ, что такъ насъ кормитъ въ эту минуту—примѣръ всецѣлой преданности другу. Она посвятила всю жизнь свою вотъ Катеринѣ Яковлевнѣ, неразлучна съ ней, сидитъ надъ ней цѣлыя ночи, вы не удивляйтесь: у Катерины Яковлевны видъ бодрый и крѣпкій, а здоровье слабое. Страдаетъ мучительными припадками по цѣлымъ мѣсяцамъ... И всегда ея подруга была съ ней, всю Европу изъѣздили... На Адріатикѣ, въ Скандинавіи... у какихъ-то гуцуловъ и то побывали...

XXII.

— Павелъ Павлычъ! Ради Бога! Я не позволяла!..

Лицо Котика выставилось изъ двери.

— Занимайтесь своимъ дѣломъ! — крикнулъ ей Гущинъ и хлебнулъ полную ложку жирной простокваши.

— Обо мнѣ—не нужно! Что за реклама!..

— Извольте отправляться къ самовару... Мы сейчасъ чаю захотимъ... ваше дѣло!..

— Ваша сосѣдка ничего не кушаетъ, церемонится—не удержалась Захарова и указала головой на Усманскую.

— Развѣ не вкусна ея стряпня?—спросила Русанова.

— О, да! — вырвалось у Марьи Денисовны, и она стала ѣсть съ большимъ аппетитомъ.

Въ первый разъ во все лѣто ей приводилось ѣсть такія хорошія домашнія вещи.

— Вотъ такъ, прекрасно!—поощрилъ ее Гущинъ.

Русанова тоже начала ѣсть очень основательно. Ея подруга прибѣгала нѣсколько разъ, ставила тарелки и чашки, принесла сама самоваръ, крендельковъ и бутылку вина, за что Гущинъ хотѣлъ поцѣловать ея руку, но она не далась.

— Я кухарка!—засмѣялась она.—У кухарокъ рукъ не цѣлуютъ.

Послѣ ѣды, за чаемъ, завязался сейчасъ же горячій споръ между Гущинымъ и Русановой, по поводу какой-то книги. Усманская не знала — чтó это за книга, не могла судить, кто правъ, кто виноватъ—ее укололо, впервые, сознаніе своего малолѣтства. Она сидѣла тутъ, пила чай, сначала снисходительно улыбалась, а потомъ состроила серьезное лицо и все-таки не могла принять участія въ разговорѣ, даже извлечь изъ него что-нибудь. Конечно, такой споръ между мужчиной и дамой въ любой свѣтской гостиной былъ бы невозможенъ. Но отчего? Оттого, что никакой мужчина не станетъ спорить съ дамой или дѣвушкой о чемъ-нибудь дѣльномъ. Можетъ быть, о романѣ, да и то больше перебирать: можно этотъ романъ читать порядочной женщинѣ или нѣтъ?

XXIII.

Вдругъ Марья Денисовна вспомнила, что у ней больная. Пора бѣжать въ другой домикъ. Она поспѣшно допила чай, встала и начала извиняться.

— Куда?..—громко остановилъ ее Гущинъ.—У насъ еще не рѣшенъ вопросъ... Катерины Яковлевны вы еще порядкомъ не видали... Я васъ долженъ проводить.

Отъ провожанья она отказалась, пожала руку Русановой, но затруднилась сказать ей нѣсколько обыкновенныхъ свѣтскихъ фразъ.

— Безъ прощанья!—сказала ей та, все еще пожимая руку. Мы каждый вечеръ дома, гуляемъ только по ночамъ, поздно.

— Да мнѣ кажется, что я въ вашемъ обществѣ... слишкомъ... глупа—тише выговорила Усманская и разсмѣялась.

— Здѣсь наберетесь всего...—заговорилъ Гущинъ.—Вотъ разспросите Катерину Яковлевну, какъ она покинула родительскій домъ. Тоже вѣдь воспиталась въ шелкахъ и бархатахъ...

«Не такъ, какъ я»,—подумала Усманская.

— Если позволите... буду у васъ, — вымолвила она и почувствовала себя совсѣмъ дѣвчонкой.

— Котикъ!—позвала Русанова,—m-lle Усманская уходитъ.

— Не безпокойте, пожалуйста.

— Не подаю вамъ руки,—извинилась Захарова, подбѣжавъ къ столу, не успѣла вымыть.—Павлу Павлычу хочу сдѣлать сюрпризъ.

— Видите, видите,—весело подхватила Русанова,—Котикъ въ васъ влюбленъ...

— Катя!.. Что ты?.. Что ты!

Захарова вся зардѣлась и тотчасъ же убѣжала.

Гущинъ порывался проводить Марью Денисовну; но она рѣшительно отказалась и пошла одна.

— Слово свое сдержите! Ждемъ васъ!—проговорила ей вслѣдъ Русанова, перекинулась черезъ перила и долго кивала головой во мглѣ засвѣжѣвшей ночи.

Вернется ли она? Ее охватило тамъ что-то совсѣмъ новое; обѣ онѣ—симпатичны; особенно этотъ «Котикъ»; только сама-то она не подходитъ къ нимъ! Но Гущинъ правъ: въ ихъ «скиту» она привыкнетъ къ другому складу жизни, будетъ умѣть говорить и спорить съ дѣльными мужчинами, найдетъ «исходъ» — какъ выражался Павелъ Павлычъ.

Скорой ходьбы понадобилось двадцать минутъ. Когда она заглянула въ окно при свѣтѣ ночника, Прежнева спала.

XXIV.

Четыре дня спустя, опять подъ вечеръ, у ключа, Прежнева подбѣжала къ Усманской, безъ косынки на головѣ, съ развѣвающимися волосами, красная и трепещущая.

— Неслась къ вамъ, — задыхаясь заговорила она, и чуть не упала.

— Что? Будетъ?

— Да, да!..

Надо было усадить ее на скамью. Онѣ вмѣстѣ сочиняли письмо къ Володѣ. Усманская отправила его съ хозяиномъ гостинницы. Отвѣта тотъ не привезъ; но видѣлъ Шеломова, который сказалъ ему, что напишетъ по почтѣ. Всѣ эти три дня надо было ходить за Прежневой: ея агитація не ослабѣвала до ночи. Нѣсколько разъ она начинала упрашивать Марью Денисовну впрыснуть хоть капельку морфію; но та была непреклонна. Послѣ просьбъ со слезами, она бранила себя всякими бранными словами, рвала волосы, переходила къ смѣху, къ ласкамъ, мечтала вслухъ — какъ Володя будетъ у ней, она его совсѣмъ передѣлаетъ въ «чудное созданіе», онъ возметъ ее жить къ себѣ... Марья Денисовна нарочно охлаждала ее, доказывала, что въ двѣнадцать лѣтъ онъ, конечно, забылъ мать; хорошо, если откликнется хоть нѣсколькими словами и не огорчитъ ее своей холодностью и непочтительнымъ обхожденіемъ. Лучше же было подготовить ее ко всему худшему. Но Прежнева не спорила, даже не огорчалась. Она, въ промежуткахъ слезъ и упрашиваній — дать ей морфію — мечтала и мечтала... Минутами Усманской казалось, что передъ ней полусумасшедшая.

Она спрашивала себя: «Можно ли такъ безумствовать? Какая радость увидать испорченнаго фатишку?»

Материнство все еще спало въ ней. Въ душѣ не поднималось ничего около этой покинутой матери, ушедшей въ мечты и порывы. Усманская ставила себя — мысленно — въ такое же положеніе. Она была бы слишкомъ обижена поведеніемъ мужа, возмущена его предательствомъ; ревность, гордость, сознаніе своихъ законнѣйшихъ правъ давно перешли бы въ ней въ полную презирающую холодность. Ее она распространила бы и на сына, воспитаннаго въ забвеніи матери женщиной разбившей, отнявшей у ней все. Только «божья коровка», какъ Лидія Никаноровна, съ ея нервами, распатанными морфіемъ, могла еще терзаться, исходить въ надеждахъ и воздушныхъ замкахъ...

XXV.

— Вотъ, вотъ... прочтите...—задыхаясь, говорила Прежнева и шарила лѣвой рукой въ карманѣ платья, не находила его, искала въ правомъ; еще больше заволновалась и наконецъ вытащила скомканный листокъ модной бумаги, нарѣзанной вдоль, нѣжно-перловаго цвѣта, съ длинной золотой монограммой.

Она опустила голову на плечо Усманской и поцѣловала ее въ щеку.

— Читайте...—шептала она съ закрытыми глазами.

Голосъ замиралъ въ сладкой истомѣ блаженства.

«Какое безуміе!»—почти брезгливо сказала про себя Усманская и разгладила рукой скомканную записку.

Стояло нѣсколько строкъ. Записка не начиналась даже словомъ «мамаша», или «матушка» или «maman».

«Въ четвергъ — написано было конторскимъ почеркомъ съ усами и расчерками, — послѣ обѣда пріѣду васъ провѣдать и посидѣть на вольномъ воздухѣ. Однако прошу никакихъ исторій не поднимать.

«Владиміръ Шеломовъ».

И такая-то записка наполняетъ эту несчастную блаженствомъ!

— Въ четвергъ!—порывисто прошептала она,—вѣдь это завтра, понимаете ли, душа моя, завтра!

Прежнева вскочила и стала прыгать и бить въ ладоши. Глаза ея забѣгали по сторонамъ, волосы еще больше растрепались. Усманская поглядѣла на нее со страхомъ, поднялась со скамьи, взяла ее за обѣ руки и стала успокоивать.

— Ха, ха!..—смѣялась Прежнева, обнимала и цѣловала ее —вы боитесь... душа моя... Я вижу... думаете, чудачка съ ума сошла... да? Я такъ и знала. Нѣтъ же, нѣтъ, милая... Я отъ радости... Вѣдь двѣнадцать лѣтъ Володя...

Голова ея упала въ колѣни Усманской. Рыданія и взвизгиванія чередой колыхали ея изможденное тѣло вмѣстѣ со смѣхомъ, но не истерическимъ, а безумно-радостнымъ.

Марью Денисовну кольнуло. Потомъ это блаженство, хлынувшее черезъ край материнской души, начало мутить ее физически. Желчь—съ ней часто случались припадки—подступила вдругъ. Она не могла больше выносить радости Прежневой, высвободила свои колѣни изъ подъ головы ея и проговорила тихо:

— Полноте... довольно... Я такъ не могу!

XXVI.

Прежнева смолкла, испуганно, какъ дѣвочка, взглянула на нее, сдержала новый взрывъ смѣха, обняла ее и приникла головой къ ея груди.

— Милая... не буду! Не бойтесь. Простите. Вамъ непріятно. Кто же можетъ понять?.. Оставьте меня. Я побѣгу... наверхъ... Измучить себя надо. Бѣгу... не ходите за мной... Не бойтесь... Чай будемъ пить—да? Черезъ часикъ... И вы увидите... Какая я тихонькая буду!

Прежнева побѣжала сначала внизъ взяла направо по крутой дорожкѣ вверхъ между виноградниками, обернулась еще, сдѣлала Марьѣ Денисовнѣ ручку и скрылась за двумя дубками.

Бояться за нее не хотѣлось Марьѣ Денисовнѣ. «Не упадетъ! Будетъ дома». Она это подумала почти съ сердцемъ. Но ей было все-таки не по себѣ. Подъ ложкой сосало. Вотъ сейчасъ замутитъ еще сильнѣе. Надо торопиться или домой, или къ домику Прежневой. Лучше домой. Если это желчь, то не пройдетъ до ночи, да и завтра придется лежать пластомъ съ ужасной головной болью. Нѣтъ, это не желчь. Жутко стало на душѣ; а не отъ печени... Тоскливое и раздражающее чувство, еще совсѣмъ невызванное и неуясненное, засѣло внутри, просится куда-то и не можетъ выдти, лопнуть, разрѣшиться слезами или чѣмъ-нибудь инымъ.

Сидѣть на мѣстѣ—несносно. Она спустилась къ берегу; попадающіе подъ ноги камешки раздражаютъ ее. Поскорѣе—къ большимъ глыбамъ, у самаго края воды. На одинъ изъ этихъ камней можно слегка подняться и сѣсть наверху, смотрѣть, какъ подъ нимъ кипитъ пѣна прибоя.

Добралась она до большого камня, перескочила черезъ двѣ щели, куда вода подтекаетъ и сѣла на гладкую площадку, всю пестрѣющую изломомъ мраморныхъ слоевъ, перемѣшанныхъ съ гранитомъ. Сидѣть удобно, протянувъ ноги къ морю. Въ лицо летятъ брызги, вѣтерокъ играетъ волосами на лбу, пахнетъ солью и водорослями. Но на душѣ все также нудно. И съ каждой минутой хуже и хуже. За горло схватитъ родъ спазма, къ глазамъ подступаютъ слезы; но онѣ не текутъ изъ орбитъ, рыданія не вырываются изъ груди. Въ голову бьетъ, мысль витаетъ около чего-то забытаго, постылаго; какъ будто не можетъ вспомнить, а потомъ пугается, не хочетъ вспоминать. Лучше было бы убѣжать куда-нибудь мыслью, за море... или смотрѣть

на одну точку, на горизонтѣ, вонъ на парусъ рыбачьей лодки, или вверхъ на звѣзду...

XXVII.

«И ты—мать!»

Эти три слова внезапно выплыли и встали въ головѣ, не какъ смутная мысль, а какъ слова, начертанныя на темномъ фонѣ яркими буквами.

«Да!»—повторила она и поникла головой. Жаръ запылалъ у ней на лбу и на груди,—по всему тѣлу... Испарина смѣнила его мгновенно...

«Да—и я мать» продолжала она читать слова въ своей головѣ, «а гдѣ же мой ребенокъ?»

Вопросъ выскочилъ самъ: она его не хотѣла задавать! Зачѣмъ онъ ей теперь? То сгинуло. Того не было никогда. Кромѣ стыда и безплодной боли что же принесутъ ей такіе вопросы? Злость напала на нее. Стряхнуть съ себя это непонятное, дикое настроеніе, бросить его въ море, окунуться туда, въ воду, и выплыть со свѣжей головой, какъ ей случалось испытывать по утрамъ, послѣ тяжелаго сна съ видѣньями.

Руки ея, полусознательно, начали было разстегивать платье. Голова же подумала, что еще не стемнѣло, что могутъ въ пяти шагахъ быть гуляющіе.

Платье осталось на ея плечахъ. Она не окунулась, а сидѣла согнувъ колѣни, положила на нихъ голову и смотрѣла на одну точку—на чуть бѣлѣющее пятно паруса. Вопросъ опять стоялъ въ головѣ, не хотѣлъ уходить ни за что.

«Гдѣ твой ребенокъ?»

И она, какъ бы противъ воли, начала думать, что этотъ ребенокъ можетъ жить, живетъ и теперь, ему четыре года, онъ красивый мальчикъ, въ черныхъ кудряхъ, похожъ на нее... Но гдѣ онъ? Она никогда объ этомъ не спрашивала себя. Гдѣ-то, когда-то слыхала она или читала, что дѣтей, отнесенныхъ въ воспитательный домъ, отдаютъ въ деревни. Да, она читала случайно въ газетѣ цѣлую статью. Вотъ теперь вспомнила и то, что ихъ зовутъ «питомцы». Воспитываютъ ихъ бабы, изъ подгородныхъ деревень, кормятъ гадко, держатъ въ грязи, дѣти мрутъ сотнями... бабы скрываютъ часто ихъ смерть, чтобъ получать за нихъ содержаніе.

Какъ быстро и отчетливо она возстановила въ памяти га-

ветную статью. Стало быть, и ея мальчикъ прошелъ черезъ то же... умеръ!

Слово «умеръ» прозвучало внутри ея и облило ее тотчасъ холодомъ эфира. Но почему непремѣнно онъ? Баба полюбила его, выкормила; онъ здоровый, краснощекій, проживетъ сто лѣтъ...

XXVIII.

«Но вѣдь онъ, все равно, умеръ для тебя! Ты его не найдешь».

«Не найду»,—повторила она про себя и тутъ только хлынули рыданія.

Они не облегчили ее. Чѣмъ больше лилось слезъ, тѣмъ ядовитѣе капли горечи падали ей на сердце. Ничего такого она не испытала во всю свою жизнь. Чувство было невыносимѣе всѣхъ дѣвичьихъ мукъ, дрязгъ, огорченій, схватокъ съ матерью, отчаянныхъ вызововъ судьбѣ и позорной доли барышни, обреченной на ловлю жениха. Она не умѣла утишить боли, справиться съ нею. Море тутъ, подъ ногами. Броситься въ него?! Не боязнь удержала ее, а что-то впереди, въ туманѣ—какой-то приказъ, зарокъ; онъ тянулъ ее, удерживалъ отъ легкаго исхода вольной смерти. Пальцы ея правой руки безпричинно стали отряхивать и ощупывать платье. У ней въ карманѣ что-то лежитъ. Игла и морфій. Она забыла ихъ въ этомъ платьѣ. Чего же лучше? Вѣдь она видѣла, какъ Прежнева, черезъ десять секундъ, переставала плакать и мучиться, улыбалась полубезумной улыбкой и начинала болтать долго, несвязно и уноситься куда-то, въ такой же міръ забвенія, какъ отъ опіума или гашиша. Здѣсь можно проколоть себѣ что хочешь: ногу, грудь; никого нѣтъ, никто не увидитъ.

Рука схватила въ карманѣ свертокъ и выхватила его безповоротнымъ движеніемъ.

«А вдругъ хуже будетъ?» съ ужасомъ подумала она и также быстро спрятала свертокъ въ карманъ. Нѣсколько разъ опускала она туда руку и выдергивала ее. Волны душевныхъ колебаній качали ее изъ стороны въ сторону. Ей немного какъ будто полегчало; она встала безъ усилій, потребность въ ходьбѣ, въ усталости явилась сейчасъ-же. По другой тропочкѣ, каменистой и обсыпчатой, хватаясь за пни и сучья, полѣзла она наверхъ, все выше и выше. Только-бы скорѣе выбиться изъ силъ, задохнуться, что нибудь ощутить такое, послѣ чего тѣло падаетъ, какъ снопъ, а голова переходитъ въ небытіе обморока...

Такъ бѣгала она по скалистымъ верхамъ — покуда могла лѣзть все кверху. Но силы не оставляли ее. Съ крикомъ ярости махнула она рукой въ одномъ мѣстѣ, откуда нельзя уже было подниматься и побѣжала внизъ; платье цѣплялось за сучья, ботинки давно уже были разодраны. Бѣжала она по направленію къ домику Прежневой...

XXIX.

Подъ навѣсомъ шумѣлъ на столикѣ самоваръ. Лидія Никаноровна сидѣла въ креслахъ, тихо улыбалась и поглядывала на записку перловаго цвѣта. Лампа освѣщала окно, и столъ, и всю сторону навѣса.

Шумно сбѣжала къ ней Усманская по лѣсенкѣ, задыхаясь, сдѣлала еще нѣсколько шаговъ и упала на колѣни, около ея кресла, головой приникла къ ней и беззвучно всхлипывала, вся потрясенная.

Долго не могла она говорить; но когда подняла голову, поглядѣла прямо въ глаза Прежневой и увидала ея все еще блаженное выраженіе глазъ, крикнула:

— И я мать! Хочу! хочу! Отдайте мнѣ моего ребенка!

Прежнева пугливо оглядѣла ее. Не подѣйствовала-ли она сама на Усманскую? Не припадокъ-ли это душевнаго разстройства?

— Милая, милая, — начала она ее успокоивать. — Полноте, что вы... выпейте... капли у меня прекрасныя.

Рыданія прекратились. И однимъ духомъ Марья Денисовна открыла ей первой свою тайну.

— Гдѣ онъ? — уже шопотомъ спрашивала она, все еще стоя на колѣняхъ передъ Прежневой. — Бросила его... какъ собаченку!..

По мѣрѣ того, какъ она это говорила, у ней внутри разгоралось новое чувство. Для нея вдругъ стало ясно, зачѣмъ она живетъ, что ей нужно дѣлать, куда идти, для кого работать?!.. У ней есть одна цѣль — ребенокъ!

Это чувство покрывало собою терзанія за свое преступленіе: она такъ назвала свой дѣвическій проступокъ.

Прежнева слушала ее съ участіемъ; но она сама была слишкомъ переполнена своей радостью, чтобы уйти въ душу Усманской. Когда она услыхала разсказъ о двухъ встрѣчахъ въ одинъ день: съ гусаромъ и съ бывшей акушеркой, то что-то припомнила, взяла Усманскую руками за голову, поцѣловала и прошептала.

— Бѣдная вы моя... вѣдь ныньче... нельзя...

— Чего нельзя?—вся встрепенувшись спросила Усманская.

— Кажется... я читала.

Но она уже испугалась, что сказала лишнее.

— Вотъ вы понимаете меня... не смѣетесь... надо мной... понимаете.

Теперь только Усманская поняла ее.

XXX.

Но Прежнева такъ и не досказала ей, когда волненіе Усманской унялось, того, что ей пришло на память. Она гдѣ-то читала, или слышала, что дѣтей, отданныхъ въ воспитательный домъ уже не возвращаютъ назадъ, номеровъ больше не выдаютъ. Не хотѣла она убить ее сразу.

— Номеровъ вы не велѣли взять тогда?—спросила она.—Припомните.

Марья Денисовна помнила, что сама акушерка посовѣтовала ей взять номеръ; но гдѣ онъ,—она не знаетъ. Она такъ поглощена была тогда тѣмъ: какъ ей вернуться домой къ чаю, да и не хотѣла она знать этого ребенка, можетъ быть, обрадовалась-бы, если-бъ онъ родился мертвымъ.

А теперь!..

— Вотъ... Богъ-то и помогъ,—шептала, наклонившись надъ нею Прежнева, авось... надо узнать... быть можетъ эта... жена-то профессора...

— Да, да!—вскричала Марья Денисовна и начала ходить около домика, по дорожкѣ.

Хоть сейчасъ-бы полетѣла она въ Алупку.

— Вамъ самой-то... неловко... душа моя. Я съѣзжу... къ этой профессоршѣ.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—вскричала Марья Денисовна, остановилась и сдѣлала сильный жестъ правой рукой.—Завтра-же я къ ней, утромъ.

— Милая... вы... барышня... можетъ кто услыхать... Вы мнѣ все запишите на бумажкѣ. Ей Богу, я не забуду ничего... Завтра пріѣдетъ Володя... Онъ меня воскреситъ... А въ пятницу я сама утромъ.

На это Усманская не согласилась. Она начала говорить сильно и горячо: какъ она отправится къ женѣ профессора,

сразу ей откроется, напомнитъ ей все, до мельчайшихъ подробностей, добьется отъ нея непремѣнно!

Обѣ матери сидѣли рядомъ, на кровати, полуосвѣщенныя лампой, рука въ руку, глядѣли одна на другую умиленными глазами и жили однимъ чувствомъ. Время шло. Имъ не было ни скучно, ни страшно. Онѣ обѣ вѣрили.

Шелъ уже двѣнадцатый часъ, когда Усманская собралась домой. Прежнева проводила ее до спуска къ ключу.

— Звѣздъ-то, звѣздъ-то сколько—съ дѣтской радостью говорила Прежнева, закидывая голову.—Вотъ... та звѣздочка... моего Володи... А вашего, милая, какъ зовутъ?.. Можетъ также Володя —да?.. Вонъ ему ту отдадимъ... что прямо надъ головой...

Дѣвушка-мать ничего не отвѣчала; но долго глядѣла на звѣзду, и въ душѣ ея все росла и росла потребность жертвы...

XXXI.

Съ матерью у ней уже не было больше переговоровъ насчетъ того: куда идти и въ которомъ часу? Но Марья Денисовна, вернувшись, зашла къ матери проститься. Сразу смякъ ея тонъ съ нею. Она захотѣла повести совсѣмъ по другому свое обхожденіе.

«Притворюсь,—говорила она себѣ, когда шла домой,—смирю себя, поддѣлаюсь къ ней, какъ только возможно».

Такая ложь будетъ для нея сладкой ложью, высокимъ притворствомъ. Она способна была увѣрять въ своемъ желаніи сдѣлать блестящую или денежную партію, выслушивать всѣ совѣты матери по туалету, умѣнью вести себя въ обществѣ, насчетъ разныхъ «manoeuvres». Будетъ обнадеживать и тѣмъ, что онѣ могутъ еще протянуть двѣ зимы на разные «expédients». Только бы она оставила ее въ покоѣ до возвращенія въ Москву.

Обдумывая все это, она не казалась гадкой самой себѣ. Вѣдь впереди онъ, ея ребенокъ, ея сынъ! «Только не Володя», добавила она умственно. Не только на хитрость и притворство, но она готова пойти на униженія, выслушивать брань, испытать хоть побои. Сейчасъ же вернулись къ ней силы. Она знаетъ себѣ цѣну. Нужды нѣтъ, что у ней нѣтъ диплома на гувернантку; языкамъ ее выучили хорошо, по-французски и по-англійски пишетъ лучше, чѣмъ по-русски. Неужели она не пропитаетъ и не сдѣлаетъ человѣкомъ одного мальчика, не продавая себя въ замужство, какъ барышня, тайно имѣвшая когда-то

ребенка?.. Вотъ мужчинѣ — ни одному она лгать никогда не будетъ. Да и не нужно ей никого! Женихъ!—это только необходимый предметъ разговоровъ съ матерью до той минуты, когда она уйдетъ.

А это будетъ, какъ только ей вернутъ ребенка. Въ этомъ она не сомнѣвалась,—забыла вырвавшуюся у Прежневой фразу. Увѣренность переходила у ней во что-то непоколебимое.

Матери она предложила, прощаясь съ нею — даже поцѣловала у ней руку—завтра передъ обѣдомъ, почитать ей по-французски, въ тѣни кипарисовъ, внизу, надъ обрывомъ морского берега; выбрала для этого, взятую съ собою книжку «Revue des deux Mondes». Ольга Евграфовна считала этотъ журналъ незамѣнимымъ и высоко нравственнымъ. Въ головѣ матери, уже третій день, какъ складывался выводъ:

«Marie bâcle un mariage. Laissons la faire».

XXXII.

Въ Алупку Марья Денисовна разсчитала пойти утромъ, пораньше, чтобы вернуться къ завтраку. Мать знала, что она, по утрамъ, уходитъ купаться и долго гуляетъ. Вечеромъ жену профессора можно было и не застать. Они, навѣрно, каждый день ѣздятъ кататься. Самый удобный часъ — утромъ, за чаемъ или —только-что та одѣнется.

День начинался большимъ жаромъ; но это ее не испугало. Хозяинъ гостинницы ѣздилъ за провизіей каждый день, въ тильбюри, гдѣ оставалось еще одно мѣсто. Но она не хотѣла просить его, не изъ боязни толковъ и сплетенъ, а ей тяжелъ бы былъ всякій разговоръ дорогой, да и все равно придется идти назадъ пѣшкомъ: она не можетъ же заставлять его дожидаться.

Въ половинѣ осьмого она, въ холстинковомъ туалетѣ, и подъ такимъ же зонтикомъ пошла ровнымъ шагомъ по направленію къ Алупкѣ, сдерживала свой шагъ и старалась даже думать о чемъ-нибудь другомъ—до такой степени новое чувство наполняло ее съ утра. Хозяинъ гостинницы давно уже уѣхалъ. Но врядъ ли кто-нибудь встрѣтитъ или обгонитъ на дорогѣ. Да и не все ли ей равно? Только бы застать въ Алупкѣ жену профессора. Вѣдь они могли уѣхать...

При этой мысли она, на одну секунду, похолодѣла и остановилась; но сейчасъ же пошла быстрѣе. Еслибъ, и въ самомъ дѣлѣ, она ихъ не нашла больше въ Алупкѣ, жена профессора

все-таки не уйдетъ отъ нея. Ея мужъ—извѣстный консультантъ. Мѣсяцъ позднѣе, какихъ-нибудь двѣ-три недѣли, и она у ней, и все ей припомнитъ, и добьется, и спасетъ своего сына...

Такъ должно быть!

На поворотѣ, около мыса — онъ напомнилъ ей побѣгъ изъ Ялты—она заслышала конскій топотъ. Ей сдѣлалось тревожно. Всадникъ, весь въ бѣломъ, скачетъ къ ней на встрѣчу, окруженный клубами пыли.

Это былъ Гущинъ. Онъ ее узналъ и замахалъ шляпой. Отъ разспросовъ не уйдешь.

— Марья Денисовна! — закричалъ онъ за десять шаговъ и придержалъ лошадь, нагнулся впередъ, и поѣхалъ мелкой рысью. Лошадь пошла съ перевальцемъ, иноходью.

Поровнявшись съ Усманской, онъ остановился, еще разъ снялъ шляпу и нагнулся къ ней.

— Каково утро! — радостно крикнулъ онъ.—Отчего же вы пѣшкомъ?.. Куда? Просто гуляете?

Она могла бы сказать «да»; но лгать она не хотѣла.

— Въ Алупку.

— Туда и обратно?

— Какъ видите.

XXXIII.

— И я туда ѣздилъ... справляться: не тамъ ли живетъ профессоръ Сапіентовъ.

— Сапіентовъ!—вырвалось у ней.

Какъ она себя ни превозмогала; но кровь отхлынула отъ ея лица и ноги подкосились.

— Вы его знаете?.. Брали консультацію?.. Можетъ быть, къ нему?.. Такъ я васъ долженъ предупредить, что онъ отъ всѣхъ скрывается... никакихъ больныхъ не принимаетъ. Мнѣ ужъ это говорили. А мы съ нимъ товарищи по университету, только на разныхъ факультетахъ. Еще снитъ!.. И жена также. Я тамъ велѣлъ сказать имъ, что прошу ихъ къ намъ, вечеромъ, и чтобъ они мнѣ дали знать—когда будутъ. Во вторникъ я жду жену.

Отвѣчать на прямой вопросъ уже не нужно было. Гущинъ слишкомъ много наговорилъ послѣ того.

— Я не лечусь! — сказала Усманская, выпрямилась и перевела духъ.

— А вы, кажется, жаловались на печень?.. Такъ вы просто гулять? Не схватите солнечнаго удара. Я, какъ пріѣду — въ

волны!.. Прощайте. Сапіентовъ голова замѣчательная. Если пріѣдетъ—я вамъ дамъ знать. И жена у него славная. Изъ акушерокъ кажется.

Гущинъ ускакалъ. Она стояла посреди дороги и озиралась. Опять судьба играла съ ней. Сапіентовъ пріѣдетъ къ нимъ съ женой. Гущинъ будетъ непремѣнно знакомить. Какъ тогда быть?

Но это еще—«тогда». А теперь она сама идетъ на розыски.

Къ гостинницѣ она подходила опять съ прежнимъ настроеніемъ. Пекло ужасно; но ее не томилъ жаръ. Прямо подошла она къ дому, поднялась на галерейку и спросила у лакея, съ самоваромъ въ рукахъ:

— Госпожа Сапіентова?

— Вамъ къ нимъ самимъ? На счетъ леченія?—Такъ господинъ Сапіентовъ не принимаютъ.

— Нѣтъ, я просто въ гости.

— Сейчасъ только сама барыня встали. Вотъ я самоваръ несу.

— Скажите, что дама желаетъ ихъ видѣть. Знакомая.

— Скажу-съ.

Дожидаться пришлось тутъ же. Лакей унесъ самоваръ; но вернулся не тотчасъ же. Профессорша, видно, не была еще одѣта, какъ должно.

XXXIV.

Отворилось окно на галерейку и голова съ волосами кудельнаго цвѣта выглянула оттуда.

— Ахъ, это вы! Сейчасъ. Пожалуйте ко мнѣ. Только... безпорядокъ... у меня.

Сапіентова сейчасъ же узнала ее. Марья Денисовна подбѣжала къ окну, взяла ее за обѣ руки, и быстро прошептала:

— Вамъ нельзя выдти? Въ паркъ?

— Чаю еще не пила. Поздно встали. Тутъ пріѣзжалъ товарищъ... Иванъ-Иваныча — Гущинъ. Онъ не у васъ ли тамъ живетъ? Да войдите ко мнѣ. У мужа особенно спальня. Онъ еще не скоро придетъ. И чайку бы напились... Чашечку?..

Видно было, что профессорша боится жары и въ паркъ не выйдетъ.

Въ дверяхъ своей комнаты Сапіентова еще разъ поздоровалась съ гостьей и пригласила ее откушать чаю.

— Вы къ Ивану Иванычу? — спросила она вполголоса и указала головой на дверь.—Такъ онъ отъ практики здѣсь бѣгаетъ, совѣтовъ не даетъ... Ужъ вы извините.

— Я къ вамъ,—выговорила Марья Денисовна и ощутила мгновенное смущеніе.

Но къ столу присѣла она уже въ полной рѣшимости сейчасъ, безъ всякихъ вступленій, поставить бывшей акушеркѣ страшный вопросъ. Она даже не спросила ее: слышно ли черезъ перегородку, и только спустила немного звукъ голоса.

— Вотъ и прекрасно. Мы очень рады. Иванъ Иванычъ тогда безпокоился, какъ вы дойдете пѣшкомъ. А ассистентъ такъ тотъ просто влюбился въ васъ.

— Вы меня не узнаете?—прервала Усманская, и встала во весь ростъ.—И тогда по дорогѣ не вспомнили?

— Ахъ, батюшки! Вѣдь что-то тогда мнѣ показалось.

Сапіентова отошла, повернула голову на тотъ и на другой бокъ, прищурила глаза и засмѣялась.

— Да, да! Что-то есть, какъ будто знакомое, а не могу назвать...

— Я—Усманская... вы имени моего не знали.

Она припомнила Сапіентовой ноябрьскій день, барышню, пріѣхавшую на извощикѣ, ребенка, отвезеннаго ею въ воспитательный домъ.

— Голубчикъ!—крикнула Сапіентова,—и вдругъ стала говорить шопотомъ, по старой привычкѣ акушерокъ.—Это вы!.. Вотъ встрѣча-то. Молодцомъ какимъ вы тогда... ха, ха!.. Послѣ вы ко мнѣ не являлись...

XXXV.

Съ отрывистымъ смѣхомъ Сапіентова говорила долго-долго. Усманская не скоро могла остановить ее. Но она почувствовала, что тонъ профессорши сталъ безцеремоннымъ. Нѣсколько словъ сразу произвели между ними сближеніе, которое даютъ сообщничество, пятно и грѣхъ. Глаза бывшей акушерки веселѣе замигали. Она наливала чай и повертывалась головой, и раза два похлопала ладонью по плечу своей гостьи.

— Замужемъ небось? — спросила она, и подмигнула правымъ глазомъ.

— Я дѣвушка,—отвѣтила Усманская уже строже.

— А надо бы... какъ говорится... грѣхъ прикрыть.

Щеки Усманской зардѣлись. Долго она не могла выносить такой фамильярности.

— Вы носили моего ребенка, — заговорила она такъ, что Сапіентова притихла,—я отчетливо помню, что вы взяли номеръ

и сказали мнѣ, что такъ лучше будетъ... можно потомъ... отыскать его.

— Вонъ у васъ память-то какая!.. Что-жъ... можетъ, такъ оно и было. Я всегда напоминала. Только, теперь ужъ нельзя этого...

— Чего нельзя?—вся вздрогнувъ, спросила Усманская.

— Назадъ-то брать. Иванъ Иванычъ мой разсуждаетъ, что этакъ лучше. Острастки больше для господъ Донъ-Жуановъ.

— Но вѣдь это тогда было? Вы сохранили номеръ?..

— Вамъ, чай, отдала?.. Вы не помните?

— Нѣтъ, этого не было, я не подумала.

— Вотъ оно что,—проговорила серьезнѣе Сапіентова и приложила даже палецъ ко лбу — этому жесту ее учили еще въ театральной школѣ.

— Не убивайте меня! — прошептала Усманская, и слезы выступили у ней на рѣсницахъ.

— Погодите, погодите... Надо сообразить.

Съ минуту Сапіентова молчала, встала изъ-за стола, подошла къ окну, опять вернулась, и наклонившись надъ Усманской, раздѣльно и тихо выговорила:

— Счастливъ вашъ Богъ, что у меня аккуратность есть... Мои всѣ дѣла по акушерской части я въ сохранности держала. Ежели я номеръ тогда взяла, онъ у меня найдется.

— Здѣсь?..—радостно прервала Усманская.

— Нѣтъ, голубушка, со мной здѣсь ничего, кромѣ платьевъ да бѣлья нѣтъ.

Дверь тихонько отворилась, Сапіентова замолчала и отошла отъ гостьи.

XXXVI.

Оглянулась и Усманская. Просунулъ голову въ дверь ассистентъ и въ нерѣшительности остановился.

— Можно?—боязливо спросилъ онъ.

— Ну, Николай Васильичъ, — заговорила Сапіентова, протягивая ему руку, — вы, голубчикъ, чайку получите — я вамъ сейчасъ стаканчикъ налью, да и отправляйтесь себѣ на вольный воздухъ. У насъ, тутъ... свой разговоръ.

— Извините, я не зналъ.

Ассистентъ поклонился Усманской, сдѣлалъ два шага въ ея сторону и сталъ, отъ смущенія, застегивать свой лѣтній сюртучекъ.

— Ваше здоровье? — позволилъ онъ себѣ спросить гостью.

Она ему отвѣтила разсѣянно.

— Вотъ вамъ чай, а вотъ вамъ и Богъ! — разсмѣялась профессорша, выпроваживая его въ дверь.

У стола она опять приняла ту же позу и тотъ же тонъ — доброй соумышленницы.

— Дайте срокъ, — заговорила она, — мы вернемъ.

— Когда? — не утерпѣла спросить Усманская.

— Мой Иванъ Иванычъ поѣстъ еще винограду деньковъ пятокъ... Ему и пора... къ лекціямъ. А вы-то на Москву?

— На Москву.

— Такъ чего же лучше!.. только, душечка, вы ужъ приготовьтесь къ тому: можетъ, нынче не выдаютъ назадъ ребятъ и по старымъ запискамъ. У меня все въ сохранности. Такая и шкатулочка у меня есть. И книжка. Иванъ Иванычъ хвалитъ меня. Иной разъ загляну, такъ даже взгрустнется, захочется поработать. Я теперь не практикую, въ барыняхъ, въ профессорскихъ дамахъ состою... ха, ха!..

И она закурила папиросу.

За перегородкой кто-то началъ ходить.

— Это Иванъ Иванычъ, — шопотомъ сказала Сапіентова. — Вамъ его пугаться нечего. Я вѣдь васъ не выдамъ.

Правый глазъ опять мигнулъ.

— До Москвы, — глухо вымолвила Усманская.

— Да, до Москвы. Адресъ нашъ легкій.

Усманская записала адресъ. Ей больше нечего было говорить. Видѣть профессора она не хотѣла. Боялась она сильнѣе всего возвращаться къ вопросу: выдадутъ ли ребенка, если и сохранился его номеръ? Въ головѣ у нея сдѣлалось смутно. Не предложи ей Сапіентова чаю съ хлѣбомъ, она вдругъ бы ослабѣла. Чай выпила она торопливо и ушла до прихода профессора.

— Счастливъ вашъ Богъ, — шепнула ей еще разъ Сапіентова, — что у меня аккуратность есть!

XXXVII.

Съ утра до обѣда, Прежнева не могла присѣсть ни на минуту. Сначала она прибирала свою комнатку, обтирала пыль, добыла цвѣтовъ, связала въ букетъ, поставила ихъ въ стаканъ. Ее заботило и то — какъ приготовить вечерній чай. Купила она вина; но не знала — придется ли оно по вкусу Володѣ; нашлись

у ней американскіе сухари, да боялась она—не сухи ли. Виноградъ всѣмъ надоѣлъ; а грушъ такихъ, какъ въ Ялтѣ, у татаръ не нашлось.

Своимъ туалетомъ она занялась съ такой же тревожной заботой. Вмѣсто своего ежедневнаго чернаго платья изъ дешеваго кретона, она надѣла батистовое, суроваго цвѣта, приготовила кружевную наколку и даже пристегнула цвѣтокъ къ груди. И цѣлый день, не выпускала она изъ рукъ оливковой вѣтки, позанно вертѣла и теребила ее.

Она знала, что Усманская уйдетъ въ Алупку. Да ей и не нужно было никакой помощи. Слабости, обморока—она уже не боялась, къ морфію ее не тянуло. Чѣмъ ближе время подходило къ обѣду, тѣмъ чаще она выбѣгала подъ навѣсъ. Володя обѣщалъ быть къ вечеру; она это знала; но все-таки оглядывалась и при каждомъ шорохѣ поднималась по лѣсенкѣ на шоссе.

Скоро и семь часовъ. Дни стали короткіе. Въ половинѣ осьмого уже заходитъ солнце за горы. Неужели его не будетъ?..

Ей послышался конскій топотъ. Она выбѣжала на шоссе, шаговъ на сто отъ того мѣста, гдѣ поднимается лѣстница. Всадникъ приближался на гнѣдой лошади. Это онъ!

У ней потемнѣло въ глазахъ. Она замахала платкомъ; но онъ не прибавилъ шагу. Покачиваясь въ сѣдлѣ, онъ курилъ сигару и помахивалъ хлыстикомъ. Она подбѣжала къ нему и чуть не схватилась за стремя. Лошадь шарахнулась въ сторону.

— Осторожнѣе!—рѣзко крикнулъ онъ ей, приподнялся на стременахъ, осадилъ и не сталъ еще слѣзать.

— Володя!—замирающимъ голосомъ вскрикнула Прежнева.

— Гдѣ же лошадь оставить? — спросилъ онъ, — къ вамъ можно спуститься?..

— Нѣтъ, нѣтъ, — заволновалась она, — туда, ко мнѣ лѣсенка... А то далеко кругомъ... Надо вотъ тамъ, къ дереву.

— Украдутъ пожалуй. Лошадь чужая. Я одинъ изъ Алупки. Тамъ меня компанія ждетъ.

Тутъ онъ слѣзъ съ лошади.

XXXVIII.

Броситься къ нему на шею она не посмѣла, а только схватила его за свободную руку и впилась глазами въ лицо. Она искала милыхъ, незабвенныхъ для нея чертъ мальчика съ свѣтло-русыми кудрями. Волосы — почти черные, но также вьются;

оналъ лица вытянулся, сталъ сухощавъ, и носъ тонкій, съ горбинкой; глаза потемнѣли, почти синіе; но такіе же большіе. Красавецъ!.. Она не могла оторвать глазъ. Сынъ сдѣлалъ движеніе и высвободилъ руку. Ея руки онъ не поцѣловалъ; видно было, что ему не пришло это и въ голову.

— Нѣтъ, не украдутъ... тутъ караульщикъ...—лепетала она.

— Куда же идти?

— Прямо... Тамъ моя комнатка... Только у меня тѣсно... Мы подъ навѣсомъ... хорошо будетъ... чайку.

— Чаю я не желаю.

— Чего-нибудь... вина.

— Сейчасъ пилъ въ Алупкѣ. И безъ того жара. Каждый день все выпивки.

Щеки его раскраснѣлись; но онъ былъ трезвъ; къ ежедневнымъ обѣдамъ, завтракамъ и ужинамъ онъ давно припился.

Они говорили, не употребляя ни «ты», ни «вы».

— Все верхомъ изъ Алупки?—спросила Прежнева.

— Изъ Ялты... мнѣ не въ диковинку.

Шагъ онъ ускорилъ. Мать едва успѣвала за нимъ. На его лицѣ ничего не значилось кромѣ гримасы отъ заходящаго солнца: одинъ глазъ онъ закрылъ и наморщилъ щеку.

И вдругъ онъ засвисталъ. Мать все глядѣла на него съ тѣмъ же экстазомъ и не слыхала этого свиста. Ничего она не хотѣла спрашивать; боялась чѣмъ-нибудь огорчить его; но еслибъ она смѣла, она остановила бы его, припала къ его груди, сдавила его въ объятіяхъ и повторяла бы безъ конца:

— Володя, Володя!.. Радость моя!..

Такъ дошли они до спуска къ лѣсенкѣ.

— Здѣсь, что ли, привязать?—спросилъ онъ и остановился.

— Да, да... Не удобно... Какъ бы не вырвалась!..

Стыдно ей стало, какъ дѣвочкѣ: не могла она объ этомъ подумать?..

— Ну, хорошо!..

Его голосъ, жидкій и женоподобный, становился все непріятнѣе.

Лошадь онъ привязалъ за поводъ къ низкой сосенкѣ, попробовалъ — крѣпко ли и пошелъ впередъ. Спускаясь по ступенькамъ, опять засвисталъ.

XXIX.

Чаю Шеломовъ не захотѣлъ; отъ вина также отказался; взялъ раскусилъ сливу, насилу ее доѣлъ и закурилъ новую сигару; разсѣлся въ кресло и высоко заложилъ правую ногу на лѣвую.

Подъ ней точно горѣла земля. Ни минуты она не могла сохранять одного положенія. То встанетъ, то сядетъ, то принесетъ что-нибудь и поставитъ передъ нимъ на столъ, а оливковая вѣтка все въ рукѣ и судорожно вертится въ разныя стороны.

— Вамъ угодно было видѣть меня, — началъ онъ, снялъ шляпу и положилъ себѣ на колѣни.

— Володя! — тутъ только посмѣла она выговорить. — Неужели?..

Она не смѣла докончить и разрыдалась.

— Пожалуйста! Безъ слезъ!—сказалъ онъ съ новой гримасой.—Я не люблю сценъ! Вотъ видите—я пріѣхалъ. Что же-съ... Васъ я почти не помню. Вы точно моя мать.

— Да, да... — всхлипывая, повторяла она, и звукъ этихъ словъ схватилъ бы всякаго за сердце; но ему было только скучно.

— Я это знаю. Но между вами и папенькой давно все кончено. Меня вы уступили. Судить васъ я не желаю. Кто правъ, кто виноватъ... Это совершенно излишне. Если вамъ что нужно попросить у отца... Это, собственно, не мое дѣло... Но я, пожалуй, попрошу. Онъ мнѣ не откажетъ. Особливо теперь... Когда я такую партію дѣлаю.

— Партію... — повторила она, подавленная тѣмъ, что сейчасъ слышала.

— Да... Вотъ я здѣсь тогда пріѣзжалъ съ моей невѣстой. Коммерціи совѣтница Боченкова.

— Замужемъ,—не въ тонѣ вопроса, а точно для себя прошептала Прежнева.

— Это — пока. Разводъ не за горами. Первая невѣста во всей Москвѣ—это можно сказать безъ хвастовства. Отцу очень пріятно будетъ въ насъ компаньоновъ имѣть. Только мы папенькѣ не очень дадимся въ лапы. Онъ тоже — ловкачъ!

Шеломовъ свиснулъ и ударилъ хлыстомъ по воздуху.

— Будь счастливъ, радость моя!..

— Да ужъ это наше дѣло.

Глаза его остановились на лицѣ матери. Ему тутъ только

пришло на память, что ее давно считали полоумной; а въ последнее время онъ слыхалъ отъ отца, что она тайкомъ пьетъ.

XL.

— Дитя мое! — глухо крикнула она и близко подошла къ нему.

Обѣ руки ея вытянулись, она хотѣла, видно, схватить его за голову.

— Полноте,—остановилъ онъ,—вы не разстраивайте себя. У васъ, кажется, припадки бываютъ... и безъ того... Все это лишнее.

Неподвижно, съ устремленными на него глазами, стояла она, опустивъ руки.

— Неужели,—съ трудомъ выговорила она, какъ бы искала словъ,—неужели ничего нѣтъ между нами? Дитя мое!

Голова опустилась въ ладони рукъ, быстро поднявшихся до лица. Все тѣло вздрагивало. Она пошатнулась и чуть не упала на уголъ стола. Шеломовъ всталъ и взялъ ее за талію.

— Къ чему все это?—уже съ сердцемъ сказалъ онъ.—Мнѣ совсѣмъ не пристало входить въ ваши старые счеты съ папенькой. Кажется, понять это не трудно.

— Умерла...—прошептала она,—умерла—нѣтъ сына.

— Надо правду говорить. Другая женщина обо мнѣ заботилась. Да и зачѣмъ все это? Извините... Я думалъ чтò серьезное, дѣльное... Тогда я, быть можетъ... Вотъ и невѣста моя... добрая барыня. А тутъ помилуйте... Смеркается. Меня ждутъ.

Силы оставили ее. Онъ пододвинулъ ей кресло, куда она безпомощно опустилась. Шляпу онъ уже надѣлъ и только что хотѣлъ сказать «прощайте», какъ позади заслышалъ шаги по лѣсенкѣ и обернулся.

Оттуда сошла Усманская. Она еще сверху все видѣла и поняла.

— Вашей матушкѣ дурно?—спросила она его.

— Кажется... не знаю,—отвѣтилъ онъ и поглядѣлъ на нее, надвинувъ брови.

— Ничего...—пролепетала Прежнева.—Володя, ты ужъ уходишь... дитя мое?

При Усманской она сдѣлала надъ собой усиліе и начала говорить ему «ты», что бы показать ей свои материнскія права.

На ея вопросъ Шеломовъ промолчалъ и надѣвалъ перчатку на правую руку.

— Ваша мать васъ спрашиваетъ,—сказала ему Усманская и поглядѣла на него въ упоръ.

— Слышу-съ! — отвѣтилъ онъ съ нахальнымъ блескомъ въ зрачкахъ глазъ.—Успокоитесь когда... и коли, что особенно нужно —напишите. Только поскорѣе. Наше житье въ Крыму на исходѣ. Въ Москву пора.

Видя, что онъ собирается идти, Усманская шепнула ему:

— Извольте поцѣловать у ней руку.

Онъ, совсѣмъ уже злобно, вытянулъ нижнюю губу, сдѣлалъ общій поклонъ, и пошелъ къ лѣстницѣ.

XLI.

— Володя!..—застонала Прежнева; но она была уже пригвождена къ креслу. — Милая... — позвала она Усманскую, — упросите его... еще разокъ... Я виновата... безумная!

Усманская пожала ей руку, успѣла поцѣловать въ лобъ и догнала Шеломова въ ту минуту, когда онъ уже принялся-было отвязывать поводъ лошади.

— М-г Шеломовъ!—крикнула она и сама не узнала своего голоса: такъ онъ задрожалъ въ воздухѣ.

Голова у ней болѣла. Послѣ завтрака, отъ ея возвращенія въ жаръ, схватилъ ее припадокъ мигреня, почему она и не могла сбѣгать до обѣда къ Прежневой. Но боль головы только усиливала ея негодованіе.

— Что вамъ угодно?—спросилъ онъ, не поднимая шляпы.

— Вы не можете такъ вести себя съ родной матерью!

Эту фразу она сказала нарочно по-французски, желая вызвать его на французскій разговоръ.

— Извините. Я привычку имѣю по-русски выражаться.

— Вы хотите убить ее?

— Зачѣмъ-же-съ такія слова употреблять. Да и вы, кажется, посторонній человѣкъ.

Она не дала ему докончить и заговорила съ такой силой, что онъ притихъ, и когда она пріостановилась, громко вздохнулъ.

— Все это такъ-съ, — выговорилъ онъ съ насмѣшечкой въ голосѣ;—но въ себѣ чувства нельзя разогрѣть. Къ ней—хоть она и мать мнѣ приходится—я не имѣю... какъ бы сказать...

— Такъ не обращаются съ несчастной женщиной!—перебила Усманская.

Голова болѣла у ней такъ, что она еле шла. Они двигались медленно вверхъ по шоссе.

— Несчастная?.. То дѣло... разводъ—давно быльемъ поросло... какъ говорится. Она получаетъ годовое содержаніе. Въ разсудкѣ она, кажется, не совсѣмъ тверда... да,—онъ оглянулся,—кромѣ того... Я самъ теперь вижу, что добрые люди не врали... Слабость какую имѣетъ...

— Какую?—чуть не крикнула Усманская.

— Вамъ должно быть извѣстно, если вы съ ней пріятельницы. Слабость на счетъ напитковъ...

— Это—ложь!

Но она захотѣла сказать этому бездушному мальчишкѣ до чего довели его мать, до какой другой страсти.

— Знаете ли вы?—спросила она и остановилась.

«Нѣтъ, и этого онъ не узнаетъ!»

XLII.

— Помилуйте,—возразилъ Шеломовъ,—да это сейчасъ видно. Къ ней надо бы кого-нибудь приставить. У меня самого нѣтъ такихъ капиталовъ. Но я скоро женюсь. Невѣста моя—милліонное состояніе имѣетъ, и душа у ней мягкая. Мы, пожалуй, можемъ...

— Вы женитесь?—перебила Усманская, и у ней внутри такъ заклокотало, что она ѣдко и сурово прибавила:—московскую купчиху, старше себя берете, конечно.

— Почему же это—конечно?—возразилъ онъ, разозлился и поблѣднѣлъ.

— Вы пошли по папенькѣ,—отвѣтила Усманская, изумляясь сама, откуда у ней берутся такіе звуки и фразы по-русски.

— Вамъ что же до этого за дѣло?—спросилъ совсѣмъ грубо Шеломовъ и всталъ противъ нея, посреди дороги.

— Въ первый разъ вижу такое созданіе какъ вы,—сказала она и сложила на груди руки.—Смотрю на васъ, и мнѣ невыносимо жаль вашей несчастной матери. Какъ можно было рваться къ такому сыну! Но я прошу васъ сказать мнѣ сейчасъ и не лгать: когда вы уѣзжаете изъ Ялты?

— Коли это васъ такъ интересуетъ—дней черезъ пять собираемся.

— Вы вѣдь не пустите къ себѣ мать вашу въ Москвѣ? Или гдѣ вы будете тамъ жить?..

— Къ чему же это? Тамъ отецъ съ моей мачихой. Тамъ

вся родня моей невѣсты. Чужая женщина и съ такими еще слабостями. Страшное дѣло!

— Благодарю васъ. Вы можете ѣхать, я васъ больше не удерживаю.

Шеломовъ поклонился, вскочилъ въ сѣдло и вдругъ расхохотался, звонко, на всю дорогу. Смѣхъ звучалъ школьнически.

XLIII.

Усманская нашла Прежневу на лѣсенкѣ, еле живую. Она прилегла и вытягивала вверхъ голову, желая слышать хоть топотъ лошади. Съ трудомъ можно было увести ее въ комнату и уложить на постель. Вмѣсто слезъ, криковъ или горькихъ жалобъ, она увидала у ней ея блаженную улыбку, сладко блуждающіе зрачки; а голосъ былъ убитый, но мечтательный, уносящійся куда-то...

— Ничего... Я счастлива...— говорила она.—Какой красавецъ!.. Вѣдь правда?.. Не сердитесь на него... милая... Я сама виновата. Онъ такъ добръ. Сейчасъ хотѣлъ помочь мнѣ.

Возражать было бы слишкомъ жестоко. Но и обманывать ее она не хотѣла, считала еще опаснѣе.

— Лидія Никаноровна, забудьте вашего сына. Онъ такъ воспитанъ, что не можетъ сойтись съ вами.

— Это будетъ, это будетъ...—повторяла Прежнева.—Я ничего не требую. Вотъ видите: какъ у меня на сердцѣ ангелы поютъ... Не нужно ничего. И... отрады моей не прошу у васъ... Онъ отца любитъ; но я его увижу... А кто мнѣ помѣшаетъ въ Москвѣ?.. Его невѣста добрая... Онъ самъ говорилъ.

— Вы радуетесь его женитьбѣ на милліонщицѣ-купчихѣ?

— Какже не влюбиться въ него?

— Но онъ-то...

И тутъ опять Усманская не договорила.

На Прежневу нашло затемнѣніе. Она продолжала быть въ экстазѣ. Про свою тайну, свиданіе съ Сапіентовой, надежды и планы Усманская не могла говорить съ этой женщиной, дошедшей до какого-то бреда на яву. Да и не хотѣлось ей теперь изливаться никому—будь у ней хоть подруга ея лѣтъ, возстань изъ гробу ея сестра Лили. Одного человѣка она спросила бы— Гущина. Можетъ быть, онъ въ состояніи сказать ей навѣрно то, чего не знала Сапіентова. Съ нимъ она способна заговорить и о воспитательномъ домѣ.

Прежнева заснула.

«Нужно ли такъ жалѣть ее?» подумала Усманская,—сѣла въ кресло и опустила голову, ослабленную пятичасовой болью. «Живетъ въ мірѣ призраковъ. И *такой* сынъ можетъ быть и у меня», прибавила она и содрогнулась.

XLIV.

Подходилъ день отъѣзда Усманскихъ. Дочь ни въ чемъ не противорѣчила матери; но Ольга Евграфовна не могла снаряжаться въ путь, не перебравъ опять всего, что ее раздражало въ теченіе глупо проведеннаго сезона. Не совсѣмъ спокойно ждала Марья Денисовна пріѣзда профессора Сапіентова въ гости къ Гущину, и сама объ этомъ не спрашивала Павла Павловича. Но разъ, встрѣтившись съ нею на берегу, онъ попенялъ на то, что Сапіентовъ обманулъ его, посулилъ быть и уѣхалъ слишкомъ поспѣшно въ Москву.

— Вы когда?—спросила Усманская.

— Да вотъ и мнѣ пора. Буся моя сюда не пріѣдетъ; она вернется съ знакомыми прямо домой, а купаться будетъ въ Нѣмецкомъ морѣ.

— А скитъ?

— Скитинцы васъ ждутъ. Право, передъ отъѣздомъ, побывайте у нихъ, заставьте Катерину Яковлевну разсказать вамъ— какъ она ушла изъ дому. Это придастъ вамъ бодрости.

— Развѣ я похожа на боязливую?

Вопросъ этотъ Марья Денисовна задала веселой нотой.

— На что-то вы рѣшились—это вѣрно,—въ тонъ ей отвѣтилъ Гущинъ.

— Рѣшилась — повторила она.

— Отлично!—вскричалъ онъ и протянулъ ей руку.

— Павелъ Павлычъ,—заговорила она тише и серьезнѣе,— можетъ быть, придется придти къ вамъ за чѣмъ-нибудь... вы не отдѣлаетесь фразой... нѣтъ?

— Что вы, Богъ съ вами!..

Но больше она ничего ему не сказала. Ее наполняло упорное желаніе все сдѣлать самой, тихо, безвѣстно, безъ сочувствій и сожалѣній. Больше и не слѣдовало говорить съ нимъ, чтобъ не позволить себѣ чего-нибудь лишняго. Всякая нескромность была бы хвастовствомъ, бравадой. То, что̀ ее ждало тамъ... въ Москвѣ, не требуетъ болтовни и чувствительныхъ откровенностей.

— Мы еще не прощались? — спросилъ Гущинъ, когда она уходила.

— Ѣдемъ мы въ среду.

— Позволите принести вамъ букетъ?

— Merci... лучше безъ цвѣтовъ. Это можетъ раздражить maman. Она, вѣдь, знаетъ, что вы не женихъ. Что же дразнить?

Они оба разсмѣялись и еще разъ пожали другъ другу руку.

— А верхомъ мы такъ и не ѣздили,—крикнулъ ей Гущинъ, отойдя шаговъ на тридцать.

— И никогда не буду ѣздить!

— Что такъ?

Она только махнула рукой.

XLV.

Скитинцы дѣйствительно поджидали «барышню» — такъ онѣ называли Усманскую въ разговорахъ съ Гущинымъ. Онъ зашелъ сказать имъ, что она придетъ съ ними проститься и просилъ Катерину Яковлевну — «подбодрить ее» своимъ примѣромъ, исторіей всей своей жизни.

— Въ барышнѣ,—говорилъ онъ, благодушно улыбаясь,— проснулся протестъ. Она, кажется, совсѣмъ готова сдѣлать рѣшительный шагъ.

Въ фантазіи Павла Павлыча развивалась уже картина тайныхъ стремленій свѣтской дѣвицы къ наукѣ, къ самостоятельному труду. Вотъ она исчезаетъ изъ родительскаго дома, переходитъ границу, друзья поддерживаютъ ее и первые два семестра она страстно отдается занятіямъ, кто-нибудь тронетъ сердце матери, мать смягчается и дастъ ей средства кончить курсъ. Она—докторъ парижскаго университета, какъ та русская дѣвушка, которую чествовалъ весь факультетъ и, во главѣ, знаменитый Шаркö... У ней сейчасъ же практика, газеты кричатъ объ ней, зарабатываетъ она до сорока тысячъ франковъ. Мать пріѣзжаетъ къ ней и преклоняется передъ ея талантомъ и силой души. Разныя русскія барыни дѣлаютъ ей визиты, ухаживаютъ за ней, пріѣзжаютъ за совѣтами, дожидаются въ ея пріемномъ салонѣ, гдѣ ихъ поражаетъ роскошь обстановки. И онъ заѣдетъ къ ней, уже пожилымъ человѣкомъ, какъ къ доброй знакомой, порадуется ея торжеству, станетъ сначала звать ее домой, а потомъ согласится, что не изъ чего ей покидать столицу міра, гдѣ такъ скоро признали ея талантъ и дали ей всесвѣтную извѣстность. Пускай

то общество, которое замораживало ея порыванія, почувствуетъ, что оно недостойно никакихъ жертвъ...

Долго мечталъ Павелъ Павлычъ за Марью Денисовну, когда лежалъ передъ обѣдомъ, на пледѣ, въ кипарисовой рощицѣ, въ промежуткахъ между чтеніемъ англійской книжки по обычному праву. И то, что онъ читалъ, нравилось ему, и великодушныя думы о дѣвушкѣ, куда присасывалась частичка сознанія превосходства мужчины, пробившаго себѣ дорогу, вливали въ него особое возбужденіе и давали ему полноту жизненнаго пульса. Голова содѣйствовала желудку. Аппетитъ послѣ купанья, верховой ѣзды, чтенія и думъ — удвоивался. За общимъ столомъ Павелъ Павлычъ выпьетъ свою бутылку Рислинга, повторитъ второго кушанья, закуритъ сигару и пойдетъ отдохнуть на галерею въ качающемся креслѣ послѣ веселаго разговора съ дѣвицами и дамами. Ему тогда такъ хорошо! Онъ забываетъ даже, что черезъ двѣ недѣли надо взойти на каѳедру и состроить серьезное лицо, и въ который уже разъ произносить громогласно:

— Милостивые государи!..

XLVI.

— Такъ вотъ-съ,—разсказывала Усманской Катерина Яковлевна, у стола, гдѣ Котикъ опять наставилъ всякой всячины,— латинскій языкъ для меня былъ—все... у другихъ подъ подушкой—романъ, а у меня грамматика. Мать ни о чемъ, конечно, не догадывалась. Никуда меня, безъ компаньонки или ливрейнаго лакея. А грамматику Цумфтая все-таки купила въ гостиномъ дворѣ и не разставалась съ ней, какъ Котикъ не разстается съ своимъ «Спутникомъ жизни».

— Спутникъ жизни?..—переспросила Марья Денисовна.

— Котикъ! Покажи ей своего Спутника.

— Сейчасъ!—крикнула Захарова изъ комнаты и выбѣжала съ толстой книгой въ рукѣ.—Вотъ посмотрите, тутъ все есть.

На первомъ листѣ стояло заглавіе: «Спутникъ жизни».

— Московскаго производства,—указала Катерина Яковлевна на то, гдѣ отпечатана книга.—Всю мудрость Котикъ оттуда черпаетъ.

— А какже? — перебила Захарова.—И по астрономіи все есть, и по исторіи, и какъ простоквашу дѣлать!.. Катя, больше не нужно?.. У меня еще много дѣла.

— Ступай и уноси своего Спутника.

Катерина Яковлевна закурила папиросу и, нагнувшись надъ столомъ, продолжала въ томъ же веселомъ тонѣ:

— Когда все подготовили мнѣ добрые люди, подошелъ день какихъ-то имeнинъ. Я съ утра была въ туалетѣ, мамѣ нездоровилось. Послала она меня къ теткѣ, что бы съ ней дѣлать визиты. Я, какъ была въ платьѣ изъ фая, въ бархатной шубкѣ съ соболями, прямо и очутилась на большой дорогѣ... бѣглянкой... Какія на мнѣ были Juwelen—продала; а въ пять часовъ сидѣла уже въ третьемъ классѣ варшавской дороги. И тутъ... ха, ха!.. препотѣшная подробность... Подходитъ ко мнѣ какая-то дама, спрашиваетъ: до какого города я ѣду... и проситъ взять подъ свой присмотръ двухъ барышенъ, отправляющихся въ первый разъ въ жизни въ Вильно.

Разсказъ былъ подробный. Переходить черезъ границу, не имѣя паспорта, приходилось по болоту, въ легкихъ ботинкахъ, въ туманъ; не обошлось безъ тревоги—пограничный стражникъ стрѣлялъ въ нее. Но черезъ два дня бѣглянка была уже на мѣстѣ; а черезъ полгода мать пріѣхала къ ней на свиданіе. Семь лѣтъ работъ въ университетахъ и поѣздахъ съ научной цѣлью пронеслись точно семь недѣль. Давно у ней степень доктора, родители умерли, примиренные съ нею, хоть и жалѣли про себя, что она промѣняла хорошую партію на латынь и всякую другую ученость. И не вѣрится ей самой, что она когда-то танцовала на балахъ, рядили ее въ цвѣты, декольтировали, прочили за флигель-адъютантовъ... у нихъ съ Котикомъ теперь по два лѣтнихъ, да по два зимнихъ платья; у ней сундукъ книгъ; а у Котика — ея «Спутникъ», гдѣ и астрономія, и простокваша.

XLVII.

Слушала Марья Денисовна и спрашивала себя: почему же этотъ разсказъ не говоритъ ей, какъ будто, ничего новаго? Развѣ она сама испытала что-нибудь похожее на это? Вѣдь Катерина Яковлевна была настоящая свѣтская барышня, изъ знатнаго дома, воспиталась подъ строгимъ надзоромъ, въ воздухѣ, переполненномъ предразсудками. Чего стоило рѣшиться бѣжать въ визитномъ туалетѣ безъ перемѣны бѣлья, съ сорока рублями, въ глухую осень? Это ли не смѣлость и не выдержка?..

Но сама она уже не нуждалась въ такомъ примѣрѣ. Павелъ Павлычъ напрасно хлопоталъ о такой «притчѣ». Она не побѣжитъ за-границу, въ нее не будутъ стрѣлять, она не станетъ

учиться по-латыни, не пріобрѣтетъ степени доктора и не будетъ жить потомъ жизнью ученаго. То, что она сдѣлаетъ, будетъ проще, безвѣстнѣе и гораздо «ужаснѣе» для дочери генеральши Усманской. Она будетъ кормить и воспитывать своего сына, больше ничего.

— Кушайте, — пропѣлъ надъ ея головой ласковый голосъ Захаровой.—Вотъ и крендельки. Если понравятся... я еще испеку.

Вотъ такой, какъ этотъ Котикъ она желаетъ быть: умѣть все варить и печь, хлопотать и ухаживать. И чтобы домовитость шла рука объ руку съ работой внѣ дома.

Она горячо поцѣловала Захарову, а потомъ и ея сожительницу.

— Ну чтожъ?—спросила ее Катерина Яковлевна послѣ большой паузы,—если въ самомъ дѣлѣ васъ нужно переправить...

— Нѣтъ, мнѣ за-границей нечего дѣлать.

— Какъ такъ? А Павелъ Павлычъ намъ наговорилъ тутъ...

— Онъ своимъ воображеніемъ...

— Такъ, такъ! Слышишь, Котикъ! Вотъ и тебя онъ по своему идеализируетъ; а ты и размякла. Стало, внутри отечества останетесь?—обратилась она опять къ Усманской:—а все же если рѣшились съ домашнимъ рабствомъ покончить...

— Позвольте мнѣ пока помолчать объ этомъ,—выговорила Усманская и крѣпко пожала ей руку.—Это не отъ недостатка довѣрія...

— Понятное дѣло! Вы въ Питерѣ будете?

— Еще не знаю... можетъ, попаду и туда.

— Насъ тамъ найдете. Вы когда отсюда?

— Послѣ завтра.

— Слышишь, Котикъ! Она вамъ сюрпризъ на дорогу готовитъ. Только смотрите—не увлекайтесь, а то въ лоскъ желудокъ испортите.

— Ахъ, Катя!.. Кто тебѣ позволилъ... болтать? Это ужасно!

Захарова вся затрепетала, и даже, убѣгая, погрозила пальцемъ своему другу.

Катерина Яковлевна проводила Усманскую до подъема въ гору.

XLVIII.

Прежнева получила изъ Ялты письмо отъ сына.

«Предупреждаю васъ,—писалъ онъ,—что я съ сегодняшняго дня въ Ялтѣ больше не нахожусь; а въ Москвѣ — куда я ѣду

съ невѣстой моей—не могу для васъ ничего предпринять и вообще вмѣшиваться въ старыя дѣла. Меня прошу не безпокоить по причинамъ, которыя я вамъ доподлинно объяснялъ. Напраслины на себя не могу говорить и чувствъ имѣть къ вамъ, какъ къ матери. Отъ излишнихъ же разстройствъ буду всячески остерегаться.

«Владиміръ Шеломовъ».

Когда Марья Денисовна пришла къ ней проститься, Прежнева сначала глядѣла на нее блуждающими глазами, ничего не слушала, только громко вздыхала; а потомъ упала передъ ней на колѣни и стала упрашивать возвратить ей то, что одно помогаетъ забывать всѣ ея муки.

— Вы не получите этого!—горячо отвѣтила Усманская.

Чувство прежней жалости къ Прежневой прошло въ ней. Эта женщина скорѣе тяготила ее; но все-таки она не хотѣла возвращать ей отравы.

— Вѣдь я достану же,—начала ее уговаривать Прежнева болѣе связнымъ языкомъ.—Каждый докторъ мнѣ пропишетъ; у меня рецептъ есть.

— Рецептъ?—переспросила Усманская.

— Ей Богу, есть... я пошлю въ Ялту... Но это цѣлые сутки... Я не могу, не могу!

Она стала ползать на колѣняхъ и просить.

— Отдайте! Вы не имѣете права!.. Это хуже чѣмъ ограбить!.. Отдайте!

Надо было прекратить сцену. Черезъ часъ она принесла ей свертокъ; онъ такъ и пролежалъ у ней въ карманѣ другого платья.

— Гдѣ же вы будете жить?—спросила она, уходя.

Ей стало стыдно своей сухости. Жалость опять прокрая въ сердце.

— Здѣсь останусь... здѣсь... здѣсь...—повторяла Прежнева, качая головой.

Она уже успѣла впрыснуть себѣ, и блаженная улыбка заблуждала на губахъ; а въ правой рукѣ уже торчала какая-то вѣтка.

— Не ищите его больше,—сказала ей Усманская, какъ старшіе говорятъ дѣтямъ.

— Видѣла... Красавецъ!.. Милліонщица невѣста. Вотъ какого родила... Сама кормила... Сама!..

Что же было съ ней дѣлать? Душная комнатка, какъ гробъ

начала тѣснить Марью Денисовну. Она поцѣловала Прежневу, сдѣлавъ надъ собой усиліе.

Та даже не спросила: куда она ѣдетъ.

XLIX.

Послѣ бурливаго дня—самыя смѣлыя купальщицы не рѣшались идти въ воду—замирала мягкая вечерняя заря. На томъ самомъ камнѣ, гдѣ съ Усманской произошелъ передомъ, она не сидѣла, а стояла и прощалась съ моремъ. Незамѣтно полюбила она его. Съ нимъ, съ этой многоцвѣтной зыбью связаны были для нея никогда еще не испытанныя чувства...

Глядѣла она на отблескъ заката—солнце скрылось за утѣсомъ — и жалѣла, что нѣтъ на этомъ прибрежьѣ такихъ закатовъ солнца, какъ въ сѣверной Франціи. Вспомнила она одинъ вечеръ въ Нормандіи.

Сначала половина неба была темнофіолетовая и совсѣмъ заволокла солнце. Оно выглянуло щелью въ видѣ треугольника. Щель все дѣлалась больше, и рубиновый шаръ выплылъ и всталъ посрединѣ закруглившагося облака.

Онѣ сидѣли съ сестрой Лили, на «plage», въ соломенной будочкѣ и любовались. И когда она сравнила цвѣтъ солнца съ рубиномъ, то Лили вздохнула по-институтски и выговорила:

— Настоящій! Настоящій рубинъ!

Потомъ облако растаяло. Рубиновый шаръ пустилъ отъ себя, черезъ широкій рукавъ молочной полосы, потокъ лавы, въ родѣ столба, такого же цвѣта, только съ огненными краями. Потокъ этотъ всплывалъ въ поперечную зыбь, лиловую, съ розовыми сверкающими нитями.

— Такъ въ балетахъ бываетъ!—сравнила Лили.

Какъ живо ей это представилось теперь, въ минуту разставанья съ мѣстами, откуда она ѣдетъ *другою*. Лили погибла въ водѣ, потому только, что недостало духу сказать матери:

— Я не хочу быть проданной этому противному генералу, не хочу!..

А вотъ она не бросится въ море теперь, не бросилась бы, еслибъ весь этотъ лечебный табельд'отъ узналъ, что она около пяти лѣтъ тому назадъ сдѣлалась матерью. Не стала бы она показывать всѣмъ своего ребенка и хвастаться имъ, но и хорониться отъ всѣхъ не стала бы. И будь жива Лили, она съумѣла

бы и ее настроить такъ, чтобъ перемѣнить свою долю на что-нибудь иное...

Тихо шла она по берегу, переступая по камешкамъ. Нѣсколько гладкихъ кремней, красивыхъ, съ крапинками, она выбрала и взяла съ собой. По дорогѣ она глазами прощалась со всей природой. Такого чувства у ней прежде не было. Останься она одна, на свободѣ — она зажила бы съ этой природой въ любви и единеніи. Когда-нибудь—вернется она сюда и не одна, съ мальчикомъ; поведетъ его на высоты, будетъ ему разсказывать про все, о чемъ онъ ее только станетъ разспрашивать.

О Володѣ Шеломовѣ она и забыла. И мать его не представилась ей въ эту минуту.

L.

— Вотъ гдѣ вы!—вызвалъ ее изъ раздумья возгласъ Гущина.

Это было на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они говорили, въ первый разъ, по другому.

— Шла съ вами прощаться,—сказала Усманская и протянула ему руку.

— То-то! Грѣшно было бы уѣхать тайкомъ.

Глаза его ласково оглядывали ее. Точно онъ ее снаряжалъ въ путь— подъ своимъ благословеніемъ и покровительствомъ. Она чуть замѣтно усмѣхнулась отъ этой мысли. Припомнилось ей ихъ возвращеніе, ночью, подъ руку. Сущность не измѣнилась. Какъ тогда, такъ и теперь, Павелъ Павлычъ смотрѣлъ на нее взглядомъ мужчины, которому кажется, что онъ видитъ ее насквозь и готовъ оказать ей поддержку, если она исправится; а *настоящей-то* правды онъ не зналъ, не только ея прошедшаго, ея дѣвичьяго проступка, но и того, кто она такая теперь, что перебывало въ ея душѣ. Она чувствовала себя гораздо старше его. Этотъ добрый Гущинъ только еще тѣшился жизнью; а она уже собралась нести свой крестъ.

«Чтобы ты мнѣ ни сказалъ, думала она, я все это знаю, и не туда пойду, куда ты думаешь».

Но она не обижалась тономъ Гущина. Пускай его тѣшится! Онъ добрый и чистенькій человѣкъ. Встрѣча съ нимъ, когда она начнетъ жить по другому, будетъ ей пріятна. Это сказалось въ ея прощальныхъ словахъ и новомъ рукопожатіи. Гущинъ пошелъ съ ней и все говорилъ о будущемъ русскихъ женщинъ, доказывалъ—хотя она и не спорила—что нравственность не будетъ ничего значить до тѣхъ поръ, пока женщина

радикально не добьется всѣхъ правъ на трудъ. Она слушала его и соображала:

«Только бы мнѣ въ какомъ-нибудь занятіи получать хоть тридцать рублей въ мѣсяцъ, при готовомъ содержаніи — я воспитаю его непремѣнно!

Быть можетъ, придется попросить протекціи и у Павла Павлыча... Какъ-то онъ тогда заговоритъ съ ней? Не барышня въ модномъ туалетѣ, которую здѣсь всѣ считаютъ «аристократкой», а безвѣстная дѣвушка съ ребенкомъ, «дѣвушка-мать», — «fille-mère» — подумала она по-французски, нищая, разорвавшая съ тѣмъ, что мать ея одно только и считала «обществомъ»?

И тутъ вспомнилась ей Прежнева. У той вѣдь все-таки есть кусокъ хлѣба. Но порывы и упованія всей ея жизни — во что они воплотились? Въ купеческаго «Альфонса», въ бездушнаго мальчишку, котораго можно задушить своими руками — до такой степени онъ гадокъ!..

Все могло случиться и съ ней...

LI.

Раньше, чѣмъ въ то утро, когда онѣ ѣздили въ Алупку, коляска ждала у изгороди. Подрядили опять Николая. Ольга Евграфовна сама торговалась, и торги заняли два дня. Денегъ было совсѣмъ на исходѣ. Дочь предлагала ѣхать на пароходѣ; но въ Ялтѣ случился сильный прибой, прошелъ слухъ, что убило даже пріѣзжаго барина, старика, ударивъ его о столбъ купальни. Одинъ пароходъ изъ Севастополя сильно запоздалъ. Страхъ качки и бури не давалъ покоя Ольгѣ Евграфовнѣ. Когда и она уговорилась съ Николаемъ за шестнадцать рублей — опять довольно дешево — и дала задатокъ, то всю ночь не спала отъ мысли, что этотъ цыганъ, гдѣ-нибудь, столкнувшись съ шайкой разбойниковъ, зарѣжетъ ее или по меньшей мѣрѣ ограбитъ.

— Вѣдь вырѣзали же здѣсь цѣлую фамилію, — говорила она дочери, — и до сихъ поръ не могутъ найти злодѣевъ.

— Тогда поѣдемъ на пароходѣ.

Но отъ слова «пароходъ» Ольга Евграфовна сердилась и кричала, что не дѣло ея дочери распоряжаться и умничать.

На всѣ эти выходки Марья Денисовна не давала никакого отпора. Такая кротость, минутами, смущала мать, и она начинала тогда думать: не замышляетъ ли дочь чего-нибудь... если не ограбить ее, то произвести «une indignité».

На такой мысли она останавливалась не по долгу. Въ ней притуплялась уже прежняя рьяность матери свахи. Смутно она уже допускала, что, можетъ быть, оно и лучше такъ — предоставить на волю Божію и позволить «дѣвкѣ на возрастѣ» промыслить себѣ самой мужа.

Въ пять часовъ она уже умывалась, охая и жалуясь черезъ перегородку на то, что всю ночь она не сомкнула вѣкъ. Укладываніе еще не было, однако, кончено. Хозяйку разбудили. Марья Денисовна напоминала матери, что лучше бы было заплатить по счету съ вечера; но получила въ отвѣтъ:

— Вотъ еще какія нѣжности!.. C'est une hôtelerie, rien de plus!

Поднялась только для нихъ и вся прислуга. Насилу дочь уговорила Ольгу Евграфовну дать хоть по два двугривенныхъ человѣку и горничной.

Сундуки уже были вынесены. Николай возился около нихъ съ лакеемъ, когда въ калиткѣ изгороди подошла Русанова съ своимъ другомъ. Марья Денисовна увидала ихъ.

— Qui est ce?—спросила строго Ольга Евграфовна.

— De très bonnes personnes, — отвѣтила она и пошла къ нимъ на-встрѣчу.

Захарова держала въ рукахъ свертокъ въ газетной бумагѣ, краснѣла и часто вскидывала рѣсницами.

— Вотъ онъ сюрпризъ-то!—показала рукой Русанова.—Перепеловъ сама изжарила. Жирные, прежирные!..

— Не бойтесь! она всегда пугаетъ,—перебила Захарова и обѣими руками подала ей пакетъ.

— Marie!—позвала Ольга Евграфовна.

— Тсъ! начальство! — шепнула дурачливо Русанова. — Добраго пути! И въ Питерѣ насъ не забывайте.

Торопливо поцѣловались онѣ съ нею и побѣжали по аллеѣ, обернулись шаговъ въ десяти, и каждая махнула платкомъ.

Свертокъ былъ очень тяжелъ и отъ него превкусно пахло.

LII.

По холодку онѣ ѣхали немного. Солнце все ярче пригрѣвало; но жаръ не томилъ. Что-то такое ворчала Ольга Евграфовна; но что — дочь ея не могла бы ни повторить, ни вспомнить. Всю дорогу, до Байдарскихъ воротъ, она не отрывала глазъ отъ моря, скалъ и зеленыхъ спусковъ. Ни какой тоски,

тревоги, страха или сомнѣнія она не испытывала. Такъ должны идти на бой новобранцы. Весело, хоть и знаешь, что впереди не одна смерть — наповалъ, а чаще увѣченье, зіяющія раны, гангрена, мученья операцій, зараза госпиталей, агонія съ страшнымъ бредомъ... Уже за одно это она благодарила все: и ласковое небо, откуда цѣлыхъ три недѣли не лило хмураго дождя, и еще болѣе радостную, многоцвѣтную воду, и скалы, и деревья, и воздухъ, и Ялту, оставшуюся позади, и Алупку, и всѣхъ, съ кѣмъ судьба столкнула ее. Даже того пошлаго офицера благодарила она за внезапную встрѣчу. Безъ него она возвращалась бы съ матерью такой же озлобленной рабыней, безъ просвѣта въ будущемъ, съ мѣднымъ пятакомъ вмѣсто сердца, живымъ трупомъ.

— Байдары! — крикнулъ Николай и указалъ вдали ворота, когда они миновали туннель.

Ей стало жаль разстаться съ дорогой по приморской выси.

Ольга Евграфовна выбранила пыль и прибавила съ подергиваніемъ плечъ:

— Si jamais je mets le pied dans ce pays bête!

Остановились онѣ на станціи, по ту сторону воротъ. Николай почти требовалъ остановки въ самихъ Байдарахъ, такъ какъ получалъ тамъ въ трактирѣ даровой кормъ; но Ольга Евграфовна сообразила, что тутъ казенная станція, и все будетъ дешевле, и закричала на него. Дочь должна была ее поддержать.

На станціи нашелся обѣдъ; но онѣ спросили себѣ только борщу. Свертокъ Котика вмѣщалъ въ себѣ, кромѣ сдобнаго хлѣба, лепешекъ, грушъ, цѣлый десятокъ жареныхъ, чрезвычайно жирныхъ, перепеловъ.

Съ жадностью накинулась на нихъ Ольга Евграфовна. Дочь замѣтила ей:

— Prenez garde, maman.

Та, конечно, не послушалась и съѣла пять штукъ и пожелала соснуть. Молодой смотритель ходилъ съ Марьей Денисовной въ горы — показывать ей пещеру, переводилъ ее съ камня на камень въ одномъ опасномъ мѣстѣ; она крѣпилась и ни разу даже не вскрикнула. Вернулись они — Ольга Евграфовна еще спала. Но не успѣла мать сѣсть въ коляску, какъ ее замутило отъ перепеловъ и всю дорогу она ныла и повертывалась съ боку на бокъ, заставляла останавливаться и кончила бранью, увѣряла, что ее «отравили съ намѣреніемъ».

Среди этого шумнаго вздора катился экипажъ по тихимъ отлогостямъ, миновалъ и поле съ памятникомъ Инкерманскому

дѣлу, засвѣтло былъ уже верстахъ въ двѣнадцати отъ Севастополя; а мимо Георгіевскаго монастыря проѣхалъ когда начало смеркаться.

— Quelle poussière! — дала окрикъ на пыль Ольга Евграфовна.

И Марья Денисовна закрыла на минуту глаза. По обѣ стороны пошли бѣлесоватыя груды камней, заборы, развалины домовъ.

— Севастополь! — объявилъ Николай и ударилъ по лошадямъ.

LIII.

Въ полутемнотѣ, на ступеняхъ Графской пристани сидѣла Марья Денисовна. Мать должна была лечь сейчасъ же по пріѣздѣ въ отель, и когда она успокоилась — можно было пойти погулять. Сна совсѣмъ не было.

Внизу разбросаны фонари въ докахъ, на пароходахъ, въ бухтѣ, на желѣзной дорогѣ. Чуть проглядываетъ и мѣсяцъ сквозь тусклое пятно облаковъ; но при блескѣ звѣздъ можно было разсмотрѣть на холмѣ обнаженный остовъ длиннаго зданія и черную статую во весь ростъ на высокомъ пьедесталѣ... Кругомъ шли тихіе разговоры гуляющихъ.

Она закрыла глаза. На нее нашло въ этомъ разрушенномъ городѣ, съ его пылью, грудами камней, тишиной, уныніемъ расплывающихся улицъ и въѣздовъ — настроеніе, неизвѣданное по своей не то сладкой, не то сосущей грусти. Особенно тутъ, на этихъ ступеняхъ.

Становилось уже поздно. Она поднялась подъ портикомъ, пошла по троттуару съ запыленными акаціями, мимо ярко освѣщенныхъ фруктовыхъ лавокъ. Но цвѣтныя пятна грушъ, винограда, яблокъ, сливъ не веселили понурой площади, расходившейся въ три стороны. Около отеля она наткнулась на что-то.

Нищій татаринъ-калѣка съ подогнутыми ногами, ползая на рукахъ, попросилъ у ней милостины, у ней не было ничего. Она поспѣшно перешла наискосокъ черезъ площадь туда, гдѣ подъемъ на бульваръ съ воротами и лѣстницей. Неровныя плиты говорили также о разрушеніи. Поднялась она къ памятнику и сѣла на первую скамейку. Городъ замеръ. Ощущеніе каменной могилы нашло на нее. Никогда она не думала во всю свою

жизнь барышни, о томъ, что было здѣсь... Сотни тысячъ смертей... Смутно она что-то слыхала отъ брата. Читала какіе-то разсказы. Имя русскаго писателя пришло ей на память.

Ей стало стыдно. Еще утромъ она чуть не сравнивала себя съ героями, идущими на бой.

Гдѣ-то внизу, въ трактирномъ садикѣ, вдругъ забренчала арфа и хриплый дѣтскій голосъ затянулъ «Стрѣлочка». А по всѣмъ улицамъ и съѣздамъ, на площади и на бульварѣ за ея спиной чуть видимая бѣлая пыль крутила и лѣзла въ глаза.

Дѣвушка застыла въ нѣмой и строгой думѣ.

Она еще больше знала теперь, для чего ей жить и куда идти.

П. Боборыкинъ.

ПОЛЕВАЯ ПОЧТА
ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ
1877—1878 гг.

Изъ воспоминаній.

Окончаніе.

IX [1]).

7-го января 1878 года, при переходѣ главной квартиры черезъ Балканы, когда занесенная снѣгомъ Шипка представилась во всей своей ужасающей красотѣ, когда самъ главнокомандующій и вся его свита могли пробираться только пѣшкомъ, когда и легкіе экипажи приходилось поднимать на высоты св. Николая помощію людей, а спускать на южный склонъ Балканъ съ помощію канатовъ—Непокойчицкій телеграфировалъ Романусу, чтобы корреспонденцію въ главную квартиру направлять въ Габрово, а оттуда на вьюкахъ черезъ Шипку въ Казанлыкъ, лошадей же съ вьюками нанимать въ Габровѣ, и на нихъ уже корреспонденцію изъ Казанлыка перевозить въ Габрово. Войска наши перешли тогда Балканы безъ обозовъ, даже не всѣ артиллерійскіе зарядные и пѣхотные патронные ящики непосредственно слѣдовали за войсками.

Романусъ немедленно командировалъ въ Габрово и Казанлыкъ надежныхъ своихъ чиновниковъ Петичинскаго и Энгельгардта, но не надѣясь, чтобы имъ удалось добыть вьючныхъ ло-

---

[1]) См. выше: апр., стр. 619.

шадей въ Габровѣ, 11 января телеграфировалъ Непокойчицкому, что почтовое сообщеніе Габрова съ Казанлыкомъ вѣрнѣе всего устроить помощію казаковъ; такое же сообщеніе устроить между корпусами, и прибавилъ, что его особенно безпокоитъ гренадерскій корпусъ, который болѣе мѣсяца не получалъ корреспонденціи, что этотъ корпусъ отъ Плевны къ Шипкѣ шелъ по такой дорогѣ и при такихъ условіяхъ, что съ нимъ невозможно было поддерживать почтоваго сообщенія.

Въ то время письменная корреспонденція въ главную квартиру и въ корпуса 4, 8 и гренадерскій скоплялась въ Габровѣ; къ счастью, болгарская почта на Тырновъ и Габрово еще существовала; въ отрядъ ген. Гурко письменная корреспонденція направлялась на Плевну и Орханіо по почтовому тракту Шталя, а далѣе на Софію и Филиппополь на обозныхъ лошадяхъ полевой почты и на нанятыхъ воловьихъ подводахъ. На сѣверѣ, съ открытіемъ движенія по бендеро-галацкой желѣзной дорогѣ, роль Унгенъ перешла на Бендеры, а роль Бухареста на Галацъ; въ Галацѣ и Бухарестѣ задерживались посылки, адресованныя въ части арміи, находящіяся за Балканами, а въ сѣверную Болгарію направлялись на Зимницу и Систовъ, и изъ Систова развозились на наемныхъ подводахъ; съ переходомъ арміи за Балканы, наемъ подводъ въ Болгаріи значительно облегчился.

Чиновникъ Энгельгардтъ 15 января писалъ Романусу, что съ трудомъ добрался въ Габрово къ 14 числу: дорога къ Тырнову и отъ Тырнова къ Габрову такъ была загромождена и войсками, тянувшимися за Балканы, и встрѣчными турецкими плѣнными, взятыми на Шипкѣ, а особенно военными обозами,—что онъ едва могъ пробираться; въ Габровѣ скопилось много корреспонденціи, которая сложена въ болгарскомъ почтовомъ отдѣленіи, и комендантъ, по его просьбѣ, приставилъ къ ней часового; что въ повозкахъ проѣхать черезъ Шипку нѣтъ никакой возможности: нѣсколько дней назадъ въ почтовыхъ болгарскихъ повозкахъ были брошены на горѣ почтовые чемоданы, сложены грудою на снѣгу, а повозки исчезли: онѣ или занесены снѣгомъ, или сожжены проходящими войсками и обозными людьми; Петичинскому, при содѣйствіи окружнаго начальника, удалось 13 числа добыть вьючныхъ лошадей и провести почту въ Казанлыкъ; окружный начальникъ и для него, Энгельгардта, обѣщалъ къ полудню 16 января подготовить 10 вьючныхъ лошадей, но для поднятія той корреспонденціи, которую онъ засталъ въ Габровѣ, мало и 20-ти лошадей, а сегодня изъ Тырнова еще подошла почта; большіе чемоданы онъ переза-

дѣлываетъ на малые, но въ малыхъ чемоданахъ большой недостатокъ; завтра, 16 числа, онъ къ болгарскимъ вьючнымъ лошадямъ прибавитъ своихъ, и самъ верхомъ отправится въ Казанлыкъ, а если тамъ не застанетъ главной квартиры, какъ носится слухъ, то по слѣдамъ ея отправится на Ени-Загру въ Адріанополь; содѣйствія отъ проходящихъ войскъ и военныхъ обозовъ нельзя и просить, всѣ такъ заняты и обременены своимъ дѣломъ, что имъ ужъ не до почты; болгарскій почтмейстеръ обѣщалъ давать всякій день 5 вьючныхъ лошадей до Казанлыка; Петичинскій, возвратясь сюда, направитъ это дѣло, а онъ, Энгельгардтъ, озаботится о перевозкѣ почты отъ Казанлыка до Ени-Загры, оттуда по желѣзной дорогѣ въ Адріанополь, а потому изъ Систова можно, хоть черезъ день, но пересылать корреспонденцію въ Габрово.

Петичинскій 16 января повторялъ многое изъ того, что сказалъ Энгельгардтъ, и оговорилъ, что вьючная пересылка почты отъ Габрова до Казанлыка дѣло случайное: доставитъ лошадей окружный начальникъ—хорошо, самъ найдетъ—еще лучше, а при неудачѣ въ томъ и другомъ почта застрянетъ въ Габровѣ.

Почти въ описываемое Энгельгардтомъ время я проѣзжалъ, или, вѣрнѣе, проходилъ, черезъ Шипку два раза, 11 января на пути въ главную квартиру и 14 января на обратномъ пути. Шипка была завалена обозомъ, но какимъ?—тяжелыми 9-ти дюймовыми артиллерійскими батареями, полковыми патронными и артиллерійскими зарядными ящиками, отсталымъ обозомъ разныхъ штабовъ и управленій, отсталымъ офицерскимъ обозомъ, транспортами краснаго креста съ сестрами милосердія, которыя слѣдовали при обозѣ верхомъ и проч.; тяжелыя же войсковыя провіантскія фуры и не поднимались на перевалъ. Снѣгъ на дорогѣ мѣстами былъ выше сажени, мятели были такъ сильны, что сброшенную на сторону ломанную повозку тотчасъ заносило снѣгомъ и поверхъ ея ѣздили; множество лошадей переломали себѣ ноги, проваливаясь въ снѣгу.

По донесеніямъ Энгельгардта и Петичинскаго нельзя было признать обезпеченнымъ почтовое сообщеніе съ главною квартирою, что̀ и по закону составляло главную обязанность начальника полевой почты; съ другой стороны, извѣстно было, что обѣ колонны, перешедшія Балканы, соединились, и потому корреспонденцію во всѣ забалканскія войска слѣдовало направлять на Габрово. Романусъ, телеграммой отъ 19 января, вновь проситъ Непокойчицкаго устроить временно казачьи и вообще конные пикеты по всему протяженію отъ Габрова до Ени-Загрской желѣз-

но-дорожной станціи. Непокойчицкій вызываетъ самого Романуса въ главную квартиру. Романусъ, телеграммою отъ 26 января, отвѣчалъ, что въ данную минуту не можетъ оставить Систовъ, который все еще представлялъ главный пунктъ сношенія съ Россіей, что ужъ цѣлую недѣлю нѣтъ почты изъ Россіи за разливомъ рѣки Веды, что изъ Систова письменная корреспонденція во всѣ забалканскія войска отправлена на Габрово, оттуда на Казанлыкъ и Ени-Загру пересылается по частямъ; казачьи пикеты значительно ускорили бы движеніе почты; а почтовое отдѣленіе при главной квартирѣ усилено настолько, что можетъ справиться съ дѣломъ и дѣйствовать покуда, какъ вторая полевая контора, но въ то же время за совершеннымъ неимѣніемъ свободныхъ почтовыхъ чиновъ, онъ не могъ исполнить просьбу гражданскаго управленія объ учрежденіи почтовыхъ отдѣленій въ Софіи и Филиппополѣ. Далѣе, Романусъ доносилъ, что посылки въ Адріанополь можно бы изъ Систова направить на Филиппополь, но за провозъ ихъ на это разстояніе менѣе полуимперіала съ пуда не берутъ, на наши деньги 8 рублей; была проба посылать посылки изъ Систова на Плевну, вслѣдъ за ушедшими войсками, но возчики, добравшись до Эгрополя и не найдя тамъ нашихъ войскъ, возвратились съ посылками въ Систовъ. На эти донесенія отвѣта не было, а Непокойчицкій, отъ 3 февраля, не телеграммой, а бумагой, сообщилъ Романусу мѣста расположенія корпусовъ и желаніе свое направить корреспонденцію за Балканы не на Шипку, а отъ Тырнова на Елену и Твердицкій перевалъ; бумага запоздала, событія шли скорѣе, чѣмъ ходила тогда почта.

Главная квартира перешла въ С.-Стефано, заключенъ С.-Стефанскій договоръ; по сношеніямъ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, съ одесскимъ обществомъ пароходства и торговли и съ турецкимъ правительствомъ, почту изъ Россіи въ забалканскія войска стали направлять на Одессу, оттуда на пароходахъ общества, два раза въ недѣлю, прямо въ С.-Стефано; Романусъ съ своимъ управленіемъ былъ уже тамъ. Въ войска, находящіяся въ сѣверной Болгаріи, почта направлялась на Бендеры, Галацъ, Бухарестъ и Журжево въ Рущукъ; полевая почтовая контора была переведена въ Рущукъ.

Позаботились о посылкахъ, адресованныхъ въ забалканскія войска; онѣ четыре мѣсяца скоплялись въ Бухарестѣ и въ придунайскихъ городахъ: въ Галацѣ, Журжевѣ, Зимницѣ, Систовѣ и Рущукѣ. Эти посылки, по распоряженію генерала Дрентельна, были сплавлены водой прямо въ С.-Стефано; ихъ было много,

за перевозку ихъ платили по вѣсу; въ 611 тюкахъ было слишкомъ 3500 пудовъ, были посылки и значительно легче пуда, всѣхъ же посылокъ можно полагать до 4000.

Посылки прибыли въ С.-Стефано въ концѣ апрѣля 1878 года, въ самое тяжелое время с.-стефанскаго сидѣнія; въ войскахъ свирѣпствовалъ страшный тифъ, и войска томились неизвѣстностью, будетъ ли новая война или нѣтъ. Прибытіе посылокъ было развлеченіемъ для войскъ, расположенныхъ вблизи С.-Стефано; стояли жаркіе дни, и когда стали раскрывать тюки съ посылками, то поднялась такая вонь, что оставалось только хохотать, и хохотали отъ души. По первымъ вскрытымъ тюкамъ обнаружилось, что сортировку посылокъ слѣдуетъ начать съ раздѣла ихъ на двѣ группы: на посылки съ сохранившимися адресами и по наружному виду не обличавшія гніенія внутри, и на посылки, на которыхъ адресы вовсе не сохранились, отъ которыхъ несло страшною вонью, и наружность которыхъ покрыта была протекшею изнутра гнилою жидкостью. Вторую группу приказано было уничтожить, и вотъ тутъ-то былъ смѣхъ; изъ разбитой посылки, крюкомъ или штыкомъ вытащатъ, напримѣръ, фуфайку, пропитанную Богъ знаетъ какимъ составомъ, смѣсью варенья, масла, икры, вина, пирожковъ, сардинокъ и проч., и предлагаютъ любопытствующей публикѣ, евреямъ, армянамъ, грекамъ, туркамъ, никто не беретъ,—ну такъ въ ворохъ ее для сожженія, а между тѣмъ, по уцѣлѣвшимъ уголкамъ видно, что фуфаечка была хорошенькая и можетъ быть была связана прелестными ручками. И такія посылки считались, но за всеобщимъ хохотомъ сбивались со счета.

Въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1880 года, были помѣщены письма изъ арміи священника 3 гренадерской дивизіи Вакха Гурьева. Привожу выписку изъ письма его къ женѣ, отъ 8 мая 1878 года, изъ Чорлу:

«Со мною опять курьезъ: вчера получилъ твою посылку съ пирожками и печеньями, посланную 16 ноября прошлаго года. Можешь представить, что изо всего этого вышло? Бѣдные пирожки! Отъ нихъ осталась одна только зеленая пыль съ тяжелымъ запахомъ гнили... И за это удовольствіе я еще приплатилъ 3 р. 80 к., такъ какъ посылка была адресована въ Трестеникъ, но меня тамъ уже не застала и отправилась обратно въ Систовъ, откуда, по заключеніи мира, проѣхалась по Дунаю, по Черному морю, Босфору, Мраморному морю, посѣтила резиденцію главной квартиры русской дѣйствующей арміи въ С.-Стефано и шестого числа мая мѣсяца наконецъ-то обрѣла меня въ

турецкомъ городѣ Чорлу, употребивъ на это обрѣтеніе ровно полгода безъ десяти дней... Честь и слава нашей полевой русской почтѣ!... Сначала я хотѣлъ-было отказаться отъ полученія этой посылки, предоставивъ самому почтовому вѣдомству полакомиться мнѣ присланными гостинцами, но чѣмъ же виноваты бѣдные чиновники нашего почтоваго отдѣленія? Подумалъ, подумалъ, заплатилъ и получилъ. Впрочемъ, въ утѣшеніе тебѣ и себѣ долженъ прибавить, что не я одинъ удостоился получить подобную посылку и приплатить за нее: получили и приплатили почти всѣ наши офицеры и не одного нашего полка, а цѣлаго корпуса. Два вагона привезли однѣ только посылки, и всѣ почти въ такомъ же видѣ, какъ моя... Вотъ ужъ «благодарю, пріемлю и ничто же вопреки глаголю». Прощай».

Почтенный отецъ Вакхъ, вмѣсто утѣшенія себя и жены своей тѣмъ, что не онъ одинъ получилъ гнилую пыль отъ печенія, что и многіе получили то же самое, и вмѣсто издѣвательства надъ почтовымъ вѣдомствомъ, чтобы оно лакомилось его гнилыми пирожками,—долженъ бы былъ вразумлять женъ и матерей, что на войну не слѣдуетъ высылать лакомства, не слѣдуетъ обременять полевую почту подобнымъ вздоромъ и тѣмъ затруднять доставку дѣйствительно необходимыхъ вещей; что во время войны могутъ залеживаться полугодіями предметы и посерьезнѣе его пирожковъ. Для примѣра укажу на приказаніе генералъ-адъютанта Дрентельна комендантамъ желѣзно-дорожныхъ станцій въ Румыніи, *отъ 12 іюня 1878*, № 115, о розысканіи нѣкоторыхъ боевыхъ артиллерійскихъ принадлежностей. Вотъ что гласило то приказаніе:

«Изъ артиллерійскаго имущества, доставленнаго въ прошломъ 1877 году на станцію Унгени, для потребности дѣйствующей арміи, *по настоящее время* не прибыло по назначенію: въ осадную артиллерію—102 ящика съ призматическимъ порохомъ, а въ складъ огнестрѣльныхъ припасовъ — 101 десятигнѣздныхъ ящика съ 500 обыкновенныхъ 9-ти фунтовыхъ шарохъ и такимъ же числомъ 3-хъ фунтовыхъ пороховыхъ зарядовъ и деревянныхъ подкладокъ съ накладками, а также одного патроннаго вѣка съ 11-ю запасными пороховыми зарядами подъ эти же шарохи. Изъ собранныхъ по этому предмету справокъ видно, что 102 ящика съ призматическимъ порохомъ доставлены изъ Россіи на станцію Унгени 19 августа 1877 года и пришедшій съ ними вагонъ отправленъ обратно порожнимъ, а что сдѣлано съ порохомъ, никакихъ свѣденій не имѣется. Что же касается 101 ящика съ 9-ти фунт. шарохами, то таковые, отправленные изъ Яссъ въ

вагонѣ № 3116, были 6 октября перегружены на станціи Бакеу въ вагонъ № 640, но этотъ вагонъ, по прибытіи 19 ноября на товарную станцію Тырговишти, оказался съ нижними чинами, а не съ огнестрѣльными припасами».

X.

По заключеніи санъ-стефанскаго договора, въ самомъ началѣ марта 1878 года, въ числѣ другихъ лицъ, не занимавшихъ штатныя должности, я былъ уволенъ изъ арміи. Тутъ послѣдовали перемѣны: отправка войскъ изъ Турціи въ Россію была пріостановлена, генералъ-адъютантъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ, впослѣдствіи графъ, былъ назначенъ главнокомандующимъ дѣйствующей арміи, кн. Имеретинскій начальникомъ полевого штаба. Я былъ уже въ деревнѣ, въ тихвинскомъ уѣздѣ, какъ телеграммою, въ маѣ, былъ вызванъ въ Петербургъ, по случаю назначенія начальникомъ военныхъ сообщеній въ Болгаріи; 12 мая выѣхалъ изъ Петербурга, и 18 мая прибылъ въ С.-Стефано. Главные дѣятели тогда готовились къ новой войнѣ и заботы ихъ вращались преимущественно на интендантской и санитарной частяхъ; въ арміи свирѣпствовалъ тифъ; окончательное рѣшеніе другихъ вопросовъ, о путяхъ сообщенія, объ этапахъ, о почтѣ и телеграфѣ—послѣдовало уже по моемъ пріѣздѣ.

Когда въ частномъ совѣщаніи у главнокомандующаго зашла рѣчь о полевой почтѣ, то кн. Имеретинскій поставилъ этотъ вопросъ совершенно правильно; онъ говорилъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ трудно добиться благоустройства почты; почта наша представляетъ три отдѣла, совершенно независимые одинъ отъ другого, и подъ главнымъ начальствомъ разныхъ лицъ: почтовая гоньба, вѣденія отдѣла почтъ и телеграфовъ, состоитъ подъ главнымъ начальствомъ начальника военныхъ сообщеній; надъ полевою почтою, онъ, начальникъ штаба, есть главный начальникъ, но большую часть представленій начальника полевой почты онъ можетъ удовлетворить или исполнить только при содѣйствіи или по непосредственному распоряженію начальника военныхъ сообщеній, слѣдовательно онъ представляетъ тутъ лишнюю инстанцію, лишнюю проволочку; и третій отдѣлъ—болгарская письменная и полевая почта состоитъ подъ главнымъ начальствомъ императорскаго коммисара. Онъ,—продолжалъ Имеретинскій,—уже говорилъ кн. Дондукову-Корсакову, что интересы военной и гражданской почты тождественны, и для един-

ства дѣйствія обѣ эти почты слѣдовало бы соединить въ одно, и кн. Дондуковъ раздѣлилъ это мнѣніе, прибавивъ, что такъ и должно быть по крайней мѣрѣ до того времени, покуда управленіе Болгаріей совершенно не отдѣлится отъ управленія арміей. Тотлебенъ на это сказалъ, обратясь къ Имеретинскому: «такъ вы полагаете все почтовое дѣло отдать въ руки Виктора Даниловича». Имеретинскій говоритъ:—да, но мы не имѣемъ права измѣнять законъ; главнокомандующій для пользы дѣла можетъ принять всякую мѣру, какую онъ признаетъ полезною, но какъ мѣру временную, и потомъ, сообразно съ результатомъ, представить въ случаѣ надобности для утвержденія ея законодательнымъ порядкомъ. Тотлебенъ говоритъ: «ну да, да, мы такъ и сдѣлаемъ». Кн. Имеретинскій продолжалъ:—тутъ есть еще важное обстоятельство,—начальникъ тыла арміи ген.-адъют. Дрентельнъ желаетъ учредить въ Румыніи отдѣльное военно-почтовое управленіе, независимо отъ полевой почты, а чтобы почтовое сообщеніе сѣверной Болгаріи съ Россіей производилось помимо Румыніи, то оно только и можетъ совершаться по Дунаю, отъ Рени или Галаца на Рущукъ или Силистрію, по усмотрѣнію В. Д.; но вся дунайская флотилія состоитъ въ вѣденіи Дрентельна, и тутъ могутъ быть столкновенія. Но я, давно зная Александра Романовича Дрентельна, какъ человѣка дѣла, а не словъ, — прямо отвѣчалъ, что съ этой стороны я совершенно спокоенъ, съ Дрентельномъ я сойдусь, и мы направимъ дѣло на общую пользу. Я умолчалъ при этомъ, что при отъѣздѣ моемъ въ армію, 9 мая, военный министръ графъ Д. А. Милютинъ сказалъ мнѣ, что въ случаѣ войны съ Англіей и Австріей, въ Румыніи сформируется армія, подъ начальствомъ Дрентельна, совершенно независимая отъ Задунайской арміи Тотлебена; и когда я замѣтилъ, что тогда, при закрытіи для насъ Чернаго моря, обѣ арміи, и Румынская, и Задунайская будутъ пользоваться одной и той же желѣзной дорогой, причемъ неизбѣжны будутъ столкновенія, вредныя для обѣихъ армій— гр. Милютинъ сказалъ, что все это скоро разрѣшится. Итакъ, съ 24 мая, полевая почта поступила подъ мое начальство [1]).

[1]) Въ отзывѣ по этому предмету военному министру говорилось: «Опытъ минувшей войны показалъ, что по полевой почтовой части необходимо сдѣлать двѣ существенныя перемѣны: 1) Полевое почтовое управленіе изъять изъ непосредственнаго подчиненія начальнику полевого штаба и подчинить начальнику военныхъ сообщеній, и 2) отъ отдѣла телеграфовъ отдѣлить почтовую гоньбу и образовать при начальникѣ военныхъ сообщеній особый отдѣлъ полевой почты, въ вѣденіи котораго будутъ состоять и рассылка корреспонден-

При принятіи мною въ свое вѣденіе почтовой части, мнѣ сочувствовали и начальникъ штаба, и самъ главнокомандующій, и всѣ вообще интересовавшіеся тогда дѣлами въ арміи—въ томъ отношеніи, что во главѣ соединенныхъ полевого почтового управленія и болгарской почты, долженъ былъ стать не Романусъ, а начальникъ болгарской почты Трубачеевъ. Романусъ по Высочайшему повелѣнію былъ устраненъ отъ должности. Объ этомъ буду говорить особо.

Почта тогда была въ слѣдующемъ состояніи: казенныя почтовыя лошади Шталя оставались на трактахъ плевно-орханіевскомъ и фратешто-зимницкомъ; болгарскіе почтовые тракты проходили отъ Рущука на Бѣлу, Тырново и Габрово до Казанлыка и отъ Габрова на Плевну. Усиленное почтовое отдѣленіе при главной квартирѣ служило какъ бы второю полевою конторою для четырехъ корпусовъ, гвардейскаго, гренадерскаго, 4 и 8, расположенныхъ въ окрестности С.-Стефано и для 9-го корпуса, занимавшаго Адріанополь и Филиппополь съ окрестностями; отдѣленіе это сортировало корреспонденцію, прибывающую изъ Одессы въ С.-Стефано, и разсылало въ указанныя войска по желѣзной дорогѣ и на обозныхъ лошадяхъ отдѣленій тѣхъ войскъ. Въ сѣверную Болгарію почта изъ Россіи доставлялась по бендеро-галацкой и румынской желѣзнымъ дорогамъ на Бухарестъ и Журжево въ Рущукъ, гдѣ была полевая почтовая контора;

ціи, и почтовая гоньба. Начальникъ военныхъ сообщеній, устраивая главныя военныя дороги, устроитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и почтовое сообщеніе по этимъ дорогамъ; направленіе же корреспонденціи по желѣзнымъ дорогамъ и воднымъ путямъ лежитъ на прямой его обязанности. Онъ, имѣя въ своемъ распоряженіи транспорты, не состоящіе при войскахъ, можетъ помогать перевозкѣ тяжелой почты, не ослабляя почтовой гоньбы; въ крайнемъ случаѣ онъ можетъ усиливать почтовыя учрежденія чинами, при немъ состоящими, не касаясь боевыхъ элементовъ арміи. Онъ, имѣя въ своемъ вѣденіи этапы, въ случаѣ надобности самъ назначаетъ конвой и охрану почтѣ, на что до сего времени начальникъ полевой почты просилъ начальника штаба арміи, и исполнялось все-таки чрезъ начальника военныхъ сообщеній. Контроль или повѣрка дѣйствій почтовыхъ учрежденій ближе, сподручнѣе начальнику военныхъ сообщеній, у него есть и надежные къ тому органы, въ лицѣ этапныхъ комендантовъ. При настоящемъ устройствѣ почтовой части начальникъ штаба арміи, во время военныхъ дѣйствій, цѣлыми недѣлями, не имѣлъ физической возможности выслушивать доклады по почтовой части, а разрѣшеніе многихъ представленій начальника почты дѣлались опять-таки чрезъ начальника военныхъ сообщеній, тѣмъ болѣе, какъ опытъ показалъ, что ни начальникъ почты, ни полевая почтовая контора, не могли быть постоянно при главной квартирѣ». Результатомъ была, кажется, замѣтка, чтобы имѣлось въ виду при пересмотрѣ положенія объ управленіи арміей.

въ сѣверной Болгаріи тогда были расположены три корпуса, 12, 13 и 14-й, на пространствѣ между Кюстенджи, Черноводами, Силистріей, Рущукомъ, Разградомъ и Оглу-Базарджикомъ; Шумла и Варна были еще въ рукахъ турокъ; эти корпуса, со всѣми другими частями войскъ, вблизи расположенными, составляли сѣверный отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Ванновскаго, нынѣшняго военнаго министра, квартира котораго была въ Силистріи; 11-й корпусъ былъ въ Румыніи. Изъ Рущука въ войска корреспонденція развозилась на обозныхъ лошадяхъ полевой почты и на войсковыхъ лошадяхъ, нарочно присылаемыхъ за корреспонденціей; генералъ Ванновскій особенно хлопоталъ объ ускореніи почтоваго сообщенія и самъ нанималъ австрійскій пароходъ для перевозки почты изъ Рущука въ Силистрію.

Помощникъ начальника полевой почты г. Реслейнъ входилъ съ представленіемъ о наймѣ австрійскихъ пароходовъ для развоза почты отъ Галаца на Черноводы, Силистрію и Рущукъ, минуя румынскую желѣзную дорогу; это стоило бы дешевле платы румынамъ, но не было принято въ виду предполагавшагося открытія своего почтоваго сообщенія по Дунаю. Австрійскіе пароходы за провозъ почты брали какъ за простую кладь съ пуда, на наши кредитные билеты, отъ Рущука до Силистріи, за разстояніе, по Дунаю, въ 112 верстъ, около 45 коп. съ пуда, причемъ за почталіона слѣдовало платить, какъ за отдѣльнаго пассажира.

Почтовое сообщеніе Рущука съ главною квартирою шло очень медленно: отъ Рущука до Казанлыка по болгарскому почтовому тракту, а отъ Казанлыка до ени-загрской желѣзно-дорожной станціи нанимались воловьи или лошадиныя подводы. Такое медленное сообщеніе заставило полевой штабъ устроить сношенія съ корпусами помимо почты, для чего разставлены были офицерскіе и унтеръ-офицерскіе кавалерійскіе пикеты по всѣмъ дорогамъ отъ главной до корпусныхъ квартиръ Это дѣло, подъ руководствомъ начальника штаба свиты Его Величества генералъ-маіора Левицкаго, устроено было превосходно. Вообще, хотя почтовыя дѣла шли по канцеляріи начальника штаба, а не по части генеральнаго штаба, но генералъ Левицкій въ продолженіе всей войны съ большимъ участіемъ относился къ полевой почтѣ и впослѣдствіи много помогалъ ей.

Первая квартира моя назначена была въ Разградѣ, на главномъ рущукскомъ трактѣ, при рущуко-варнской желѣзной дорогѣ, туда я прибылъ 8 іюня и туда же перешло почтовое

управленіе съ Трубачеевымъ. Но еще до выѣзда изъ С.-Стефано, какъ только утверждены были главные сухопутные тракты, отъ Ямболя, конечно, пункта южно-турецкой желѣзной дороги, въ одну сторону — къ Дунаю, на Казанъ, Османъ-Базаръ, Эски-Джуму, Разградъ и Рущукъ, а въ другую сторону—къ Черному морю на Карнабадъ, Айдосъ и Бургасъ,—я, 24 мая, телеграфировалъ генералу Шталю, чтобы казенныя лошади немедленно были переведены на ямболь-рущукскій трактъ, а болгарскому почтъ-содержателю или подрядчику еврею Шернеру, чтобы тотчасъ же были поставлены лошади по ямбольбургаскому тракту, и къ 29 мая оба эти тракта были открыты, «имѣя на первое время по 10—12 лошадей на станціи. Изъ Разграда 14 іюня я телеграфировалъ кн. Имеретинскому, что по этимъ двумъ трактамъ установилось правильное почтовое сообщеніе, что отъ конечныхъ пунктовъ, отъ Рущука и Бургасова до С. Стефано и обратно, почта ходитъ два раза въ недѣлю и поспѣваетъ на четвертый день, а въ экстренныхъ случаяхъ, если предупредить по телеграфу, то почта можетъ поспѣть и на третій день; что въ Ямболѣ и Бургасѣ устроены почтовыя отдѣленія для пріема и выдачи всякаго рода корреспонденціи, а въ попутныхъ городахъ устроены станціи для пріема и выдачи простой корреспонденціи. Въ это время получены были заявленія: отъ генерала Ванновскаго объ устройствѣ почтоваго сообщенія отъ Силистріи до Оглу-Базарджика, какъ центральнаго города въ расположеніи сѣвернаго отряда, и отъ кн. Дондукова-Корсакова о продленіи рущуко-казанлыкскаго тракта къ его резиденціи Филиппополю и Габрово-Плевенскаго тракта до Никополя къ Дунаю; 24 іюня сообщено кн. Имеретинскому, что всѣ эти три тракта открыты, но въ весьма слабомъ числѣ лошедей, собственно для почтоваго сообщенія, по 6—7 лошадей на станціи.

Полевая почта поступила въ мое вѣденіе въ составѣ 120 чиновниковъ и 107 почталіоновъ, всего 236 чел., но изъ этого числа въ госпиталяхъ было 32 чел. По заявленію корпусныхъ командировъ, что необходимо увеличить составъ почтовыхъ чиновъ, что многіе изъ состоявшихъ на лицо чиновниковъ, послѣ перенесенной болѣзни, такъ слабы, что едва волочатъ ноги, я, приказомъ 13 іюня, лучшихъ 12 почталіоновъ повысилъ въ сортировщики, а вмѣсто почталіоновъ назначилъ 18 грамотныхъ, расторопныхъ нижнихъ чиновъ. Въ болгарской почтѣ тогда состояло 16 чиновниковъ и 24 почталіона.

21 іюня, я былъ въ Бухарестѣ у А. Р. Дрентельна, наши соглашенія пришли наконецъ къ тому, что онъ усту-

пилъ мнѣ, отказавшись формировать въ Румыніи особое почтовое управленіе; онъ ограничился тѣмъ, чтобы ему назначить особаго старшаго почтоваго чиновника, г. Реслейна, который бы передавалъ во всѣ почтовыя учрежденія въ Румыніи его, генерала Дрентельна, распоряженія по почтовой части, а самъ во всѣхъ подлежащихъ случаяхъ относился въ полевое почтовое управленіе. Съ своей стороны, я призналъ совершенно основательными доводы генерала Дрентельна, что неудобно отдѣлять часть пароходовъ въ мое вѣденіе для почтоваго сообщенія по Дунаю. Дунайскую флотилію тогда составляли частью казенныя суда, но большею частью наемныя у разныхъ лицъ по контрактамъ, на разныхъ условіяхъ, будутъ ли пароходы возить отдѣльные грузы и людей, или буксировать нагруженныя баржи, такъ что при отдѣленіи пароходовъ безъ баржъ, можетъ произойти путаница въ разсчетахъ, но генералъ Дрентельнъ обѣщалъ мнѣ устроить немедленно правильные рейсы по Дунаю, 2 раза въ недѣлю отъ Галаца на Черноводы, Силистрію и Рущукъ и обратно, и одинъ разъ въ недѣлю на Систовъ, Никополь и Виддинъ, и выслать росписаніе пароходнаго движенія. Если же мнѣ нужны будутъ пароходы и вообще водяныя перевозочныя средства для другой цѣли, независимо отъ почтоваго сообщенія, то чтобы я относился прямо къ начальнику инженеровъ тыла арміи генералу Подымову, которому предпишется исполнять всѣ мои требованія. 28 іюня, телеграммою я просилъ ускорить высылку росписанія пароходныхъ рейсовъ по Дунаю, и А. Р. Дрентельнъ въ тотъ же день отвѣчалъ, что немедленно вышлетъ, но составить это росписаніе не такъ легко, какъ казалось. Затѣмъ, на неоднократныя мои напоминанія генералу Подымову, онъ постоянно отвѣчалъ, что тотчасъ, тотчасъ исполнитъ, а по отъѣздѣ генерала Дрентельна, на повторяемую мою просьбу ускорить почтовое пароходное сообщеніе по Дунаю, генералъ Подымовъ отвѣчалъ, что пароходы еще не готовы, что они въ починкѣ; это тянулось со дня на день до 1-го октября. Въ іюнѣ же, іюлѣ и августѣ меня особенно затрудняло сообщеніе Рущука съ Силистріей; всякій день поджидая правильнаго пароходнаго сообщенія, я могъ только пользоваться случайно проходившими казенными или частными пароходами.

По болгарскимъ почтовымъ трактамъ за провозъ почты и за проѣздъ почтовыхъ чиновниковъ и лицъ, ревизующихъ трактъ, не платились прогонныя деньги, всѣ же остальные проѣзжіе, по какой бы надобности они ни ѣхали, должны были платить въ пользу почтъ-содержателя Шернера съ версты и лошади по

5 к. металлическихъ, обращенныхъ потомъ въ $7^1/_2$ к. на наши кредитные билеты. Чтобы не ставить въ затрудненіе офицеровъ, командируемыхъ по дѣламъ службы, при переѣздахъ съ безплатнаго казеннаго тракта на платный болгарскій, я еще до выѣзда изъ С.-Стефано просилъ разрѣшеніе, чтобы и на казенномъ трактѣ всѣ проѣзжающіе платили такія же прогонныя деньги, которыя будутъ поступать въ пользу казны, и тогда всѣмъ командируемымъ по дѣламъ службы выдавать прогонныя деньги. Это было разрѣшено, составлены были бланки подорожныхъ, простыя по казенной надобности и курьерскія, и розосланы во всѣ штабы и управленія.

Шернеръ, кромѣ сбора прогонныхъ денегъ, какъ и нѣмцы кн. Черкаскаго, получалъ по 100 рубл. кредитн. билетами на лошадь въ мѣсяцъ; контрактъ съ нимъ, еще до вступленія въ должность императорскаго коммисара, былъ заключенъ съ тѣмъ тяжелымъ условіемъ, что, если откажутъ ему, по какимъ бы то ни было причинамъ, ранѣе чѣмъ черезъ годъ, то все-таки должны заплатить ему за цѣлый годъ; въ пользу же казны выговорено было, что если Шернеръ въ теченіе 10 дней не исправитъ указанныя ему неисправности въ содержаніи почты, то подвергается денежному штрафу въ размѣрѣ, опредѣленномъ въ контрактѣ, штрафъ долженъ быть вычитаемъ изъ слѣдуемой ему ежемѣсячной платы. Шернеръ сначала пробовалъ, онъ не вѣрилъ, чтобы кто-нибудь поѣхалъ подробно осматривать его станціи и записывать все, оказавшееся неисправнымъ, особенно не вѣрилъ въ возможность того, чтобы черезъ 10 дней повторился осмотръ. Но когда стали доходить до меня жалобы на неисправность болгарской почты, то безпрерывно посылались довѣренныя лица для осмотра станцій, посылались чиновники изъ управленій, подъ моимъ вѣденіемъ состоявшихъ; офицерамъ, при мнѣ состоявшимъ, В. М. Иванову, В. С. Юрьеву, В. Л. Романову и полковнику Н. Л. Шепелеву, при всѣхъ командировкахъ по разнымъ дѣламъ службы, всегда поручалось осматривать почтовыя станціи; особенно помогали мнѣ губернаторы въ Болгаріи; они посылали чиновниковъ осматривать станціи въ своей губерніи; каждый осмотръ сопровождался составленіемъ акта найденнымъ неисправностямъ, акты подписывались понятыми, даже служащими на станціяхъ у Шернера, и тѣ были имъ недовольны. Шернеръ и тутъ пробовалъ прибѣгать къ обыкновеннымъ уловкамъ: бракованныя лошади и тѣлеги на одной станціи переводилъ на другую станцію, какъ будто вновь пріобрѣтенныя, но когда и это

не удавалось и каждый мѣсяцъ удерживали съ него штрафъ въ 3—5 тысячъ рублей и болѣе, то Шернеръ образумился.

27 іюня, открылось движеніе по рущуко-варнской желѣзной дорогѣ, сначала только до демаркаціонной линіи, а по занятіи нами Шумлы 12 іюля и Варны 24 іюля, — по всему протяженію дороги. Это значительно облегчило и ускорило почтовое сообщеніе въ Болгаріи. Почтовый трактъ отъ Ямболя уже не доходилъ до Разграда и Рущука, а поворачивалъ отъ города Эски-Джумы на Шумлу, изъ Шумлы на желѣзно-дорожную станцію Шумла-Родъ. Но уже съ первой половины іюля начались распоряженія о расформированіи арміи и объ эвакуаціи войскъ въ Россію. Въ половинѣ іюля императорскій коммисаръ кн. Дондуковъ-Корсаковъ присылалъ ко мнѣ, изъ Филиппополя въ Разградъ, состоявшаго при немъ генералъ-маіора Грессера, нынѣ генералъ-лейтенанта, петербургскаго градоначальника, для соглашенія объ отдѣленіи отъ арміи и устройства болгарскихъ почты и телеграфа. Въ это время управлявшій соединенною полевою болгарскою почтою, Трубачеевъ, по своимъ особымъ обстоятельствамъ, просилъ увольненія отъ службы, да онъ и не могъ пособить мнѣ въ расформированіи полевой почты, онъ слишкомъ мало былъ знакомъ съ чинами этой почты, а потому я настойчиво просилъ главнокомандующаго разрѣшить Романусу вновь вступить въ исправленіе должности, и 9 августа дано было это разрѣшеніе,—а случилось съ нимъ слѣдующее.

XI.

Еще въ октябрѣ 1877 г., когда квартиры императорская и главнокомандующаго были въ Горномъ Студнѣ, пріѣзжалъ туда государственный контролеръ генералъ-адъютантъ Грейгъ. Онъ ѣхалъ по румынской желѣзной дорогѣ, въ Унгенѣ зашелъ въ почтовую контору и, видя тамъ массу посылокъ сложенныхъ открыто на дворѣ, спросилъ почтмейстера, почему посылки не отправляются въ армію. Почтмейстеръ отвѣчалъ, что для отправки ихъ въ армію онъ долженъ всякій разъ ожидать наряда или указанія начальника полевой почты. Такой отвѣтъ, повидимому, не понравился генералу Грейгу, и онъ приказалъ почтмейстеру немедленно отправить посылки въ армію. Почтмейстеръ телеграфировалъ о томъ Романусу, и ужъ не знаю, были ли отправляемы изъ Унгенъ посылки въ армію во время пребыванія тамъ генерала Грейга и новый приливъ ихъ изъ Россіи пополнилъ унгенскій складъ,

но къ обратному проѣзду г. Грейга въ Унгенѣ было столько же посылокъ, какъ и при первомъ его проѣздѣ.

Въ Горномъ Студнѣ генералъ Грейгъ зашелъ въ полевую почтовую контору и, не заставъ тамъ Романуса, просилъ, чтобы его проводили къ палаткѣ Романуса, но и въ палаткѣ Романуса не было. Отыскать кого бы то ни было въ Горномъ Студнѣ было очень трудно, тамъ и начальники отдѣловъ гнѣздились по задворкамъ. Какъ только узналъ Романусъ, что его желалъ видѣть генералъ Грейгъ,—тотчасъ отправился къ нему, въ расположеніе императорской квартиры. Генералъ Грейгъ очень ласково и привѣтливо встрѣтилъ Романуса и сказалъ ему, что желаетъ переговорить съ нимъ о полевой почтѣ по порученію великаго князя главнокомандующаго.

Почему великій князь поручилъ ген. Грейгу переговорить съ Романусомъ, когда самъ, а также и Непокойчицкій видѣли Романуса всякій день за обѣдомъ и за завтракомъ, объясняется тѣмъ, что въ тотъ день великій князь съ Непокойчицкимъ ѣздилъ подъ Плевну, и его высочество, не имѣя времени выслушивать Грейга, предложилъ ему обратиться прямо къ лицу, вѣдавшему полевою почтою. По возвращеніи великаго князя въ Горный Студень, Романусъ передалъ Непокойчицкому весь послѣдующій свой разговоръ съ генераломъ Грейгомъ, и объ этомъ разговорѣ знали тогда многіе въ главной квартирѣ.

На вопросъ генерала Грейга, почему задерживаются посылки въ Унгенѣ, Романусъ отвѣчалъ, что посылками завалены не только унгенская почтовая контора, но и всѣ попутные склады въ Бухарестѣ, Фратештахъ, Зимницѣ и Систовѣ, что сюда берется только то, что можно разослать въ войска, что заваливать посылками полевую контору нельзя, полевая контора—учрежденіе подвижное; мы уже испытали, какъ при выступленіи сюда, въ Горный Студень, изъ Тырнова, внезапно приказано было запрягать лошадей и слѣдовать за полевымъ штабомъ, слѣдовательно, все, что скопляется въ полевой конторѣ, мы во всякую минуту должны быть готовы захватить на своихъ собственныхъ обозныхъ лошадяхъ; что въ полевой конторѣ, кромѣ посылокъ, скопляется множество простой и денежной корреспонденціи, которую не знаемъ куда отправлять, и полевой штабъ не можетъ дать намъ указаній: части войскъ, находящіяся въ движеніи, назначаются въ распоряженіе извѣстныхъ лицъ, а куда онѣ будутъ направлены, о томъ не тотчасъ доходятъ свѣденія и до полевого штаба; оставить же посылки здѣсь и самимъ уйти, тоже не возможно; многолюдный теперь Горный Студень можетъ моментально опу-

стѣть; да и войска не охотно забираютъ посылки, боятся возиться съ ними, пріѣзжающіе сюда офицеры просятъ только простую корреспонденцію для своихъ товарищей, а отъ посылокъ отказываются, тѣмъ болѣе, что за посылки слѣдуетъ платить; полевая контора вызываетъ изъ Зимницы и изъ другихъ попутныхъ станцій столько посылокъ, сколько можетъ отправить въ корпусныя почтовыя отдѣленія на своихъ обозныхъ лошадяхъ. «Но я вамъ дамъ денегъ и чиновниковъ, устройте свой транспортъ для перевозки посылокъ», говорилъ г. Грейгъ. На это Романусъ отвѣчалъ тоже, что впослѣдствіи письменно отвѣчалъ Непокойчицкому на такое же предложеніе, что почтовые чиновники совершенно несвѣдущи въ формированіи и содержаніи транспорта, что они слишкомъ обременены своимъ собственнымъ дѣломъ; для формированія транспорта потребуется столько времени, что онъ можетъ быть готовъ тогда уже, когда въ немъ и надобности не будетъ; кромѣ формированія транспорта, заготовка фуража дѣло такое сложное для почтовыхъ чиновъ, что законъ оградилъ ихъ отъ этого даже и въ мирное время. Генералъ Грейгъ говорилъ: «законъ можетъ быть завтра же измѣненъ, устройте это дѣло, знаете ли, вѣдь это святое дѣло, матери, жены, сестры,— тамъ льютъ слезы о находящихся здѣсь братьяхъ, сыновьяхъ, мужьяхъ, устройте это дѣло, вы прославите свое имя, неужели это не заманчиво»? Романусъ отвѣчалъ, что онъ дѣлаетъ все, что въ силахъ его, но принять на себя формированіе новаго обоза и наблюдать за нимъ, это превыше его силъ и умѣнія; князь Черкаскій располагаетъ огромными средствами, имѣетъ при себѣ множество спеціалистовъ по разнымъ частямъ, и все-таки четыре мѣсяца формируетъ болгарскую почту, и она все еще не готова. На этомъ и кончилась бесѣда генерала Грейга съ Романусомъ.

Въ маѣ 1878 года, вскорѣ по прибытіи моемъ въ С.-Стефано, князь Имеретинскій передалъ мнѣ, что главнокомандующій получилъ письмо отъ военнаго министра, съ выпискою изъ всеподданнѣйшаго отчета государственнаго контролера за 1877 годъ. Въ этой выпискѣ, въ заключеніе отдѣла о почтовомъ дѣлѣ въ Россіи, говорится: «Дѣла полевой почты и почтоваго сообщенія въ арміи, лежащія на полевомъ почтовомъ управленіи, велись такъ дурно, что заставили Августѣйшую Супругу Вашего Императорскаго Величества открыть пріемъ посылокъ въ аппартаментахъ Зимняго Дворца. Безпорядки по полевой почтѣ объясняются исключительно безпечностью, бездѣйствіемъ и отсутствіемъ чувства долга начальника полевого почтоваго управленія, коллежскаго совѣтника Романуса». Противъ этого мѣста, съ боку, послѣдо-

вала собственноручная резолюція» Его Величества: «его слѣдовало бы отрѣшить и предать суду». Эти строки пишу со словъ кн. Имеретинскаго; можетъ быть, я ихъ передаю не совсѣмъ точно, можетъ быть, и самъ кн. Имеретинскій, хотя и обладающій изумительною памятью, передалъ ихъ не вполнѣ точно, но смыслъ приведенныхъ строкъ вѣренъ. Далѣе кн. Имеретинскій сказалъ, что, по поводу такого письма отъ министра, главнокомандующій приказалъ состоящему при немъ свиты Его Величества генералъ-маіору Чингисъ-хану произвести дознаніе, а Романуса удалить отъ должности.

Дознаніе заключалось въ томъ, что генералъ Чингисъ-ханъ просилъ отъ Романуса письменнаго объясненія въ взведенныхъ на него обвиненіяхъ; но какъ по самому обвиненію видно было, что ген. Грейгъ ошибочно полагалъ, будто-бы полевая почта и полевое почтовое сообщеніе составляли нераздѣльное учрежденіе въ вѣденіи Романуса, то по почтовому сообщенію просилось объясненіе генерала Шталя; кромѣ того, моя записка по этому предмету, представленная главнокомандующему, и личный взглядъ Чингисъ-хана были приложены къ дознанію.

Не привожу объясненія Романуса, оно длинно, это было бы повтореніемъ многаго изъ того, что сказано въ настоящей статьѣ; въ сущности, Романусъ говорилъ обо всемъ, что онъ могъ бы сдѣлать въ пользу почты, и о чемъ представлялъ тогда-то и за такими-то №№, но что ему не было разрѣшено, и о томъ, что онъ находилъ невозможнымъ истолковать, какъ напримѣръ, допущеніе въ арміи пудовыхъ посылокъ, и что было введено, не смотря на его протестъ. Лично о себѣ Романусъ сказалъ, что можетъ быть, онъ недостаточно свѣдущъ, не имѣетъ достаточныхъ способностей для того, чтобы успѣшно выполнить такую сложную обязанность, какая была возложена на него, но положительно отрицаетъ обвиненіе, чтобы въ немъ не было сознанія долга въ исполненіи своей обязанности.

Генералъ Шталь въ сущности сказалъ, что въ устройствѣ почтовыхъ трактовъ онъ не былъ иниціаторомъ, а простымъ исполнителемъ, и коротко изложилъ весь ходъ казенной полевой почты.

Я, въ короткой запискѣ, сказалъ, что свыше 10 милліоновъ штукъ разной корреспонденціи, прошедшей черезъ руки полевой почты, въ теченіе года, лучше всего могутъ свидѣтельствовать о дѣятельности полевой почты. На каждое изъ 15-ти дѣйствовавшихъ тогда почтовыхъ отдѣленій, въ каждый Божій день, приходится свыше 2000 штукъ разной корреспонденціи. Не много

въ Россіи найдется почтовыхъ конторъ, гдѣ бы совершалась такая ежедневная операція, а если принять въ соображеніе, что отдѣленія полевой почты переносили въ то же время всѣ трудности и лишенія походной жизни, что они зачастую помѣщались даже зимою или въ палаткахъ, или подъ холоднымъ навѣсомъ, не имѣя даже столовъ для письма, то надобно отнестись съ благоговѣніемъ къ такимъ скромнымъ труженикамъ, какими заявили себя чины полевой почты.

Генералъ Чингисъ-ханъ въ своемъ мнѣніи сказалъ, что главная причина неудовлетворительнаго состоянія полевой почты заключалась въ розни управленія почтовымъ дѣломъ, да, можетъ быть, вредила почтовому дѣлу мягкость характера Романуса и робость его передъ начальствомъ.

Всѣ эти четыре заявленія кн. Имеретинскій при своемъ письмѣ переслалъ на заключеніе генералъ-адъютанта Непокойчицкаго, какъ бывшаго начальника штаба, подъ главнымъ начальствомъ котораго состояла почта. Непокойчицкій не замедлилъ отвѣтомъ, и въ отвѣтѣ своемъ показалъ свое благородство.

Въ объясненіи Романуса Непокойчицкій подтвердилъ каждый пунктъ. Не вдаваясь въ подробности, чѣмъ онъ руководствовался, отказывая въ представленіяхъ Романуса, или предписывая исполнить то, что Романусъ находилъ невозможнымъ, Непокойчицкій, повторяю, безусловно подтвердилъ все, сказанное Романусомъ.

На объясненія Шталя, Непокойчицкій замѣтилъ, что полевая почта представляла бы не то, чѣмъ она была, если бы управлявшій гражданскою частью кн. Черкаскій исполнялъ свое обязательство и быстро устроилъ бы болгарскую почту.

О запискѣ моей Непокойчицкій отозвался, что она лучше всего обрисовываетъ дѣятельность чиновъ полевой почты, и онъ вполнѣ согласенъ съ моимъ мнѣніемъ о безпримѣрности трудовъ этихъ скромныхъ тружениковъ.

На мнѣніе Чингисъ-хана Непокойчицкій отозвался, что основа розни устройства почтоваго дѣла въ арміи была и имъ замѣчена, но въ военное время трудно измѣнять законы; положеніе объ управленіи арміей въ военное время впервые примѣнялось къ дѣлу, опытъ послѣдней войны можетъ послужить къ исправленію недостатковъ положенія.

Наконецъ, лично о Романусѣ Непокойчицкій заявлялъ, что чиновникъ этотъ былъ всегда примѣрнымъ исполнителемъ своихъ обязанностей и вполнѣ оправдалъ выборъ высшаго начальства; что онъ, Непокойчицкій, не можетъ согласиться съ мнѣніемъ Чингисъ-хана относительно излишней мягкости характера и даже

робости передъ начальствомъ Романуса, который при докладахъ всегда выражалъ мнѣнія свои съ полною откровенностью и съ надлежащею самостоятельностью.

Главнокомандующій, въ письмѣ къ военному министру, коротко изложилъ ходъ дознанія и, приложивъ всѣ документы, оговорилъ, что Романусъ, отрѣшенный отъ должности начальника полевого почтоваго управленія въ маѣ текущаго года, нынѣ, по моему ходатайству вновь допущенъ къ временному ея исправленію. Въ заключеніе своего письма главнокомандующій говорилъ: Изъ всего изложеннаго ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что въ настоящемъ дѣлѣ нѣтъ поводовъ къ дальнѣйшему преслѣдованію кол. сов. Романуса, и что произведеннымъ дознаніемъ, хотя и обнаружены большіе безпорядки по почтовому вѣдомству дѣйствующей арміи, но виновникомъ въ оныхъ не можетъ быть признанъ Романусъ, и означенные безпорядки слѣдуетъ отнести къ недостатку перевозочныхъ средствъ по путямъ почтъ дѣйствующей арміи, а главнымъ образомъ къ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ военныхъ дѣйствій. Почему я, съ своей стороны полагалъ бы кол. сов. Романуса отъ дальнѣйшей отвѣтственности по сему дѣлу освободить и оставить по прежнему на службѣ въ дѣйствующей арміи. Впрочемъ, таковое мнѣніе мое имѣю честь представить вашему сіятельству для всеподданнѣйшаго доклада.

На это письмо сообщена была Высочайшая резолюція: «дѣло прекратить, безъ всякихъ послѣдствій».

Каждому понятно, какъ тяжелы были и для самаго Романуса и для всѣхъ чиновъ полевой почты тѣ мѣсяцы, въ которые производилось дознаніе. И въ эти-то мѣсяцы въ одной изъ петербургскихъ газетъ появилась корреспонденція изъ арміи г. М.; этой корреспонденціи я не читалъ и не видалъ ее, не могу привести подлинныя слова корреспонденціи и передамъ только смыслъ ея: за безпорядки въ полевой почтѣ, бывшій начальникъ ея, по Высочайшему повелѣнію преданъ суду, и по дѣломъ; почтовые чины, получая свѣденія объ убитыхъ и умершихъ, присвоиваютъ себѣ адресованныя имъ деньги. И не жгутъ эти деньги сердца почтовыхъ чиновъ?

Я всегда былъ и буду почитателемъ гласнаго изобличенія всѣхъ беззаконныхъ дѣйствій, съ прописвою полнаго имени и званія виновныхъ, безразлично, на какой ступени служебной лѣстницы они стоятъ, но съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы оглашалась сущая правда, а не слухъ, часто умышленно распускаемый по личной злобѣ. Почему г. М. не указалъ ника-

кихъ данныхъ по распущенной имъ молвѣ, почему не указалъ тѣхъ источниковъ, откуда почтовые чины получали свѣденія объ убитыхъ и умершихъ, кто имъ доставлялъ эти свѣденія, войска ли, госпитали, или медики съ перевязочныхъ пунктовъ. Въ подобномъ воровствѣ должно быть много участниковъ; всѣ денежныя письма записывались въ шнуровыя книги, книги хранились у одного чиновника, а самыя письма съ деньгами хранились въ ящикѣ подъ замкомъ у другого чиновника; чтобы расписаться въ книгѣ въ полученіи денежнаго письма, должно было явиться третье лицо съ фальшивою довѣренностью изъ войсковой части; трудно было улучить время, чтобы наединѣ отдѣлить письма умершихъ, всѣ почтовые чины тамъ же и жили, гдѣ стояли ящики съ денежными письмами; общій воровскій заговоръ цѣлаго почтоваго отдѣленія скоро бы огласился, тѣмъ болѣе, что въ отдѣленіяхъ почтовые чины часто мѣнялись, и до поступленія въ армію они между собою вовсе не были знакомы. Ошибки въ передачѣ крупныхъ суммъ и въ арміи быстро обнаруживались; напримѣръ, денежное письмо попадало однофамильцу не въ ту часть войскъ, куда слѣдовало; 25 рублей, присылаемые въ армію, считались крупною суммою, огромное большинство писемъ было съ однимъ до 3 рублей. Не говоря уже о совѣсти, но и разсудокъ не допустилъ бы рисковать и службою и добрымъ именемъ за похищеніе рубля.

XII.

При начавшемся расформированіи арміи, въ августѣ 1878 года, при выступленіи въ Россію гвардейскаго, гренадерскаго, 8 и 11 корпусовъ и трехъ отдѣльныхъ дивизій, сдѣлано было распоряженіе, чтобы почтовыя отдѣленія тѣхъ корпусовъ продали лошадей и повозки, а почтовые чины съ дѣлами собирались въ Рущукъ, куда переведено изъ Разграда полевое почтовое управленіе, вмѣстѣ съ управленіемъ начальника военныхъ сообщеній. Романусъ получилъ указаніе почтоваго департамента, куда отправлять почтовыхъ чиновъ при сокращеніи полевыхъ почтовыхъ учрежденій, но отправка въ Россію почтовыхъ чиновъ была пріостановлена. Тутъ послѣдовала перемѣна, дальнѣйшее выступленіе войскъ въ Россію было пріостановлено, главной квартирѣ назначено было перейти изъ С.-Стефано въ Адріанополь; 13 и 14 корпуса изъ сѣверной Болгаріи были переведены за Балканы. На почтѣ это отразилось тѣмъ, что корреспонденцію изъ Одессы въ армію стали направлять не въ С.-Стефано, а въ Бургасъ, оттуда на

Ямболь въ Адріанополь. Съ 9-го сентября, со дня вступленія главной квартиры въ Адріанополь, установилось ежедневное почтовое сообщеніе Адріанополя съ главными почтовыми пунктами въ Болгаріи, въ одну сторону на Ямболь, Бургасъ, Варну и Рущукъ, а въ другую на Филиппополь и Софію, куда перешла квартира императорскаго коммисара. Въ кавалерійскихъ пикетахъ для сообщенія съ корпусами уже не было надобности, они были сняты.

Скоро обнаружилось, что арміи, оставшейся въ Турціи, не миновать зимовки тамъ, не миновать адріанопольскаго сидѣнія. Это послѣднее 6-ти мѣсячное сидѣніе было тяжелѣйшимъ изъ всѣхъ сидѣній; всѣ понимали, что оно было слѣдствіемъ упорства Турціи и постороннихъ вліяній на нее, а русская армія должна была томиться въ Турціи и Россія, должна была нести огромные расходы.

Къ 1 октября управленію начальника военныхъ сообщеній приказано было перейти въ Адріанополь, туда же перешло и полевое почтовое управленіе съ полевою конторою. Вотъ доказательство, что и по прекращеніи военныхъ дѣйствій полевая контора оставалась учрежденіемъ весьма и весьма подвижнымъ. Въ виду наступившихъ въ Черномъ морѣ осеннихъ волненій, сильно отражавшихся въ Бургаской бухтѣ, что затрудняло почтовымъ пароходамъ подходить къ пристани, Романусъ, 6 октября, былъ командированъ въ Константинополь, для соглашенія, чрезъ наше посольство, съ турецкимъ правительствомъ и для соглашенія съ нашимъ южнымъ обществомъ пароходства и торговли, чтобы почта наша по прежнему доставлялась изъ Одессы въ Константинополь, и чтобы константинопольское агентство этого общества само отправляло нашу почту по желѣзной дорогѣ въ Адріанополь, и точно также почту изъ Адріанополя въ Россію само принимало бы въ Константинополь и перевозило бы на пароходъ. Торги и соглашенія по этому предмету затянулись почти на двѣ недѣли, и только съ 19 октября почта стала приходить въ Адріанополь чрезъ Константинополь; за это мы платили, сверхъ стоимости пароходовъ отъ Одессы до Константинополя и обратно, еще за провозъ почты съ парохода до Адріанополя, и обратно отъ Адріанополя до парохода, по 150 рублей металлическихъ, или кредитными по курсу. Почта возилась два раза въ недѣлю, слѣдовательно каждую недѣлю платили обществу по 600 рублей металлическихъ, или около 900 руб. кредитными билетами.

Болгарская почта все еще не отдѣлялась отъ военной, и какъ

почта въ западной Болгаріи тогда могла имѣть значеніе только для гражданскаго управленія страной и очень мало для военныхъ цѣлей, то кн. Дондуковъ-Корсаковъ, въ началѣ октября, вновь командировалъ ко мнѣ въ Адріанополь генерала Грессера, для соглашенія по устройству почты въ Болгаріи, и это дѣло хорошо уладилось.

Съ 1 октября, какъ было сказано, устроилось правильное пароходное сообщеніе по Дунаю. Чтобы миновать Румынію, положено было почту изъ Россіи по бендеро-галацкой желѣзной дорогѣ не довозить до Галаца, а изъ Рени отправлять въ прирѣчные болгарскіе города; когда же съ закрытіемъ навигаціи пароходное сообщеніе по Дунаю прекратится, то и тогда почту изъ Рени положено было направлять въ Измаилъ, оттуда на Тульчу въ Добруджу. Армія еще содержала почтовыя отдѣленія въ Рени и Измаилѣ и устраивала почтовое сообщеніе по Добруджѣ. А что было сдѣлано по почтовой части въ той мѣстности, которая по берлинскому договору возвращена Россіи отъ Румыніи, почтовый департаментъ не сообщилъ намъ; мы не знали, учреждены ли почтовыя конторы въ новыхъ нашихъ пограничныхъ пунктахъ, въ Рени и Измаилѣ, и устроено ли почтовое сообщеніе отъ Измаила до бендеро-галацкой желѣзной дороги. На телеграфный запросъ мой по этому предмету кишиневскому губернатору, онъ отвѣчалъ телеграммой 14 октября: «Почтовыя конторы въ Измаилѣ и Рени открыты, возка одной лишь корреспонденціи производится временно нанятымъ содержателемъ; направленіе тракта: отъ Измаила чрезъ Болградъ на Волканешты, отсюда до Рени и до Кагула, и отъ Болграда на Кубей и отсюда на Кишиневъ и Акерманъ. Почтовая гоньба для пассажировъ откроется по утвержденію министерствомъ торговъ, назначенныхъ въ Кишиневѣ на 16 и 30 октября, на отдачу въ содержаніе почтовыхъ станцій». Это тоже интересное обстоятельство, почему не разрѣшено было губернатору окончательно утвердить торги, чтобы не терять времени на представленіе въ Петербургъ, въ министерство; тогда уже было предназначено всю кавалерію изъ Турціи направить въ Россію на Тульчу и Измаилъ, слѣдовательно, войска наши могли вступить на русскую землю, гдѣ не было никакихъ почтовыхъ сообщеній.

Въ раіонѣ расположенія арміи, къ 20 октября, окончательно устроилась почтовая часть. О состояніи ея, въ управленіи начальника военныхъ сообщеній была составлена записка съ почтовой картой, напечатана въ большомъ числѣ экземпляровъ и при

циркулярѣ начальника полевого штаба разослана во всѣ войска и управленія. Въ запискѣ было сказано:

1) Корреспонденція изъ Россіи въ армію, направлявшаяся до сего времени изъ Одессы на Бургасъ, нынѣ направляется на Константинополь и Адріанополь два раза въ недѣлю; при замерзаніи одесскаго порта, почта будетъ направляться изъ Россіи чрезъ Севастополь. Корреспонденція, направлявшаяся до сего времени въ Сѣверную Болгарію чрезъ Румынію, нынѣ, покуда возможно пароходство по Дунаю, направляется отъ Рени въ дунайскіе прирѣчные города, а затѣмъ будетъ направляться отъ Измаила на Тульчу, по Добруджѣ.

2) Для пріема и выдачи всякаго рода корреспонденціи, т.-е. казенныхъ конвертовъ, частныхъ писемъ, газетъ, денежныхъ и заказныхъ пакетовъ и посылокъ, учреждены 25 мѣстныхъ военно-почтовыхъ отдѣленій, въ городахъ: Адріанополь, Киркъ-Килиса, Сливно, Ямболь, Бургасъ, Шумла, Варна, Разградъ, Рущукъ, Силистрія, Оглу-Базарджикъ, Меджидіе, Тульча, Тырновъ, Габрово, Филиппополь, Софія, Виддинъ, Ломъ-Паланка, Никополь, Систовъ, Берковацъ, Орханіе, Плевна и Сельви. Кромѣ того, пріемъ и выдача простой корреспонденціи производится въ слѣдующихъ 12-ти городахъ: Демотика, Ени-Загра, Казанлыкъ, Татаръ-Базарджикъ, Айдосъ, Карнабадъ, Котелъ или Казанъ, Османъ-Базаръ, Эски-Джума, Праводы, Черноводы и Кюстенджи.

Примѣчаніе. Всѣ корпусныя почтовыя отдѣленія временно закрыты, но на случай надобности сохраняется обозъ на два отдѣленія.

3) Движеніе почтовой корреспонденціи производится:

Ежедневно: Между Адріанополемъ, Филиппополемъ и Софіей; между Адріанополемъ, Сливной, Ямболемъ и Бургасомъ; между Адріанополемъ, Варною и Рущукомъ на Ямболь, Казанъ, Османъ-Базаръ, Эски-Джуму, Шумлу и Разградъ.

Черезъ день: Между Адріанополемъ и Киркъ-Килисой.

Два раза въ недѣлю: Между Рущукомъ и Филиппополемъ, на Бѣлу, Тырновъ, Габрово и Казанлыкъ; между Софіей и Османъ-Базаромъ на Орханіе, Плевну, Сельви и Тырновъ; между Плевной и Никополемъ; между Варной и Тульчей на Оглу-Базарджикъ, Меджидіе и Бабадагъ и между Оглу-Базарджикомъ и Силистріей.

Примѣчаніе: По Добруджѣ всякаго рода корреспонденція перевозится только разъ въ недѣлю, а другой разъ идетъ простая корреспонденція по верховой почтѣ.

4) Если не послѣдуетъ перемѣны въ расположеніи арміи, то

перемѣны по почтовой части могутъ быть только въ томъ, что увеличится число станцій для обмѣна простой корреспонденціи, и нѣкоторыя изъ этихъ станцій могутъ быть обращены въ почтовыя отдѣленія.

5) Въ экстренныхъ случаяхъ могутъ быть отправляемы эстафеты, только по направленіямъ между Адріанополемъ, Софіей, Киркъ-Килисой, Бургасомъ, Варной и Рущукомъ. Въ Софіи и Киркъ-Килисѣ эстафета должна быть сдаваема въ почтовое учрежденіе, а во всѣхъ прочихъ мѣстахъ этапному коменданту. Но при установившемся правильномъ ежедневномъ движеніи почты по этимъ трактамъ, эстафета не выиграетъ въ скорости.

и 6) Для проѣзда по почтовымъ трактамъ, по казенной надобности, разосланы подорожныя къ начальникамъ дивизій и во всѣ штабы и управленія. Для проѣзда по частной надобности, безъ подорожной, почтовыя лошади будутъ даваемы тогда только, когда за отдѣленіемъ тройки подъ почту и двухъ троекъ, сохраняемыхъ для проѣзда по казенной надобности, будутъ еще оставаться свободныя лошади. Проѣзжающіе и по казенной надобности платятъ прогонныя деньги по $7^1/_2$ коп. за версту и лошадь на кредитные билеты.

Вообще съ іюля 1878 года почта дѣйствовала сносно, но конечно, бывали промахи, напримѣръ: позднее открытіе почтоваго пароходнаго сообщенія по Дунаю было причиною большого замедленія въ доставкѣ корреспонденціи въ войска сѣвернаго отряда; передвиженіе 13 и 14 корпусовъ изъ сѣверной Болгаріи за Балканы недѣли на три задержало полученіе корреспонденціи тѣми корпусами; 17 октября, начальникъ 8 кавалерійской дивизіи телеграфировалъ мнѣ, что дивизія цѣлый мѣсяцъ не получаетъ почты; генералъ Ванновскій 8 ноября изъ Варны телеграфировалъ, что съ 29 октября не получаетъ почты; по всѣмъ подобнымъ заявленіямъ тотчасъ производилось разслѣдованіе. Были и такіе случаи: 15 іюля, на 2-й верстѣ отъ станціи Мокрени, на южномъ склонѣ Балканъ, при сильномъ дождѣ, почта переѣзжала ручеекъ; ручеекъ широкій, но до того мелкій, что и при дождѣ его спокойно переходили и переѣзжали, вдругъ, моментально, сильный потокъ съ горъ настигаетъ почтовую телѣжку въ ручейкѣ, лошади и передокъ телѣги спасены были случившимися тутъ болгарами; почтальіонъ и ямщикъ отнесены были на 100 саженей, но спаслись, а задокъ телѣги, съ почтовыми чемоданами унесены были водой такъ, что весь вечеръ 15 іюля и все утро 16-го числа, квартировавшіе тутъ гусары не могли ихъ найти; къ вечеру 16 числа чемоданы

были найдены и три дня просушивались... Или, сильнымъ потокомъ съ горъ, 30 декабря, вырвана была часть ямболь-бургасской дороги, образовался глубокій оврагъ, въ 40 саженей широтой; покуда засыпали оврагъ, на 5 дней прерывалось движеніе почты. Почтальоны часто заболѣвали во время пути, ихъ на этапахъ замѣняли унтеръ-офицерами.

Далеко нельзя было назвать удовлетворительнымъ состояніе почтовыхъ трактовъ и почтовой гоньбы. Болгарской почты невозможно было оставлять въ покоѣ, ея станціи необходимо было часто и часто ревизовать; на этой почтѣ для проѣзда пассажировъ служили только два тракта, между Филиппополемъ и Софіей и отъ Софіи на Казанлыкъ, Габрово и Тырновъ; на станціяхъ по этимъ трактамъ было по 10—12 лошадей, на всѣхъ остальныхъ болгарскихъ трактахъ по 6 — 7 лошадей. Для правильной платы прогонныхъ денегъ требовалось точное измѣреніе разстояній между станціями, объ этомъ, какъ и объ отводѣ теплыхъ станціонныхъ домовъ, я обращался къ генералу Грессеру. Онъ много хлопоталъ, писалъ ко всѣмъ губернаторамъ, но не вездѣ это скоро устроилось.

Казенныхъ почтовыхъ трактовъ было два: съ конца мая ямболь-рущукскій, называемый впослѣдствіи ямболь-исумлинскимъ трактомъ, въ составѣ 10—12 лошадей на станціи, и въ началѣ октября открытъ ямболь-бургасскій трактъ, съ 18-ю лошадьми на станціи; лошадями Шернера съ этого тракта усилены были другіе болгарскіе тракты. Въ зиму 1878 — 1879 годовъ ямболь-бургасская дорога, протяженіемъ всего около 110 верстъ, была важнѣйшею военною дорогою; только почта изъ Одессы пересылалась на Константинополь, а все вообще сообщеніе арміи съ Россіей и обратно производилось Чернымъ моремъ на Бургасъ. Въ іюлѣ превращено было военное ремонтированіе всѣхъ дорогъ въ Болгаріи, и дороги были сданы въ гражданское вѣдомство; когда же выяснилась возможность вторичнаго зимованія арміи въ Турціи, то главные военные тракты предписано было вновь принять въ военное вѣдомство, и съ 1 октября приступлено было къ ремонтированію ямболь-бургасской дороги. Дорога эта, слегка шоссированная, пролегала по глубокому чернозему, на низменной, легко заливаемой мѣстности, при подошвѣ южнаго склона Балканъ. Съ октября начались дожди, почти безъ перерыва продолжавшіеся до января; дорога промокла болѣе чѣмъ на аршинъ глубины, тонкая щебенка проваливалась подъ колесами телѣгъ, тысячи рабочихъ и наемныхъ, и наряжаемыхъ реквизаціоннымъ порядкомъ, и отъ войскъ высылаемыхъ, ничего

не могли подѣлать; дорога эта уподобилась систовской дорогѣ предъидущаго года. Почта на этомъ 110 верстномъ разстояніи ходила отъ 36 до 40 часовъ, а проѣзжіе, если не было задержки въ лошадяхъ, то и тогда изъ Ямболя въ Бургасъ, или обратно, попадали на третьи сутки; проѣзжимъ давали на двѣ лошади платныхъ одну безплатно. Въ январѣ 1879 года сначала морозы, а потомъ теплая сухая погода скоро поправили дѣло.

Не одна дорога виновата была въ жалкомъ состояніи ямболь-бургасскаго почтоваго тракта, были и другія причины: на станціяхъ не было заготовлено фуража, его развозили по тракту съ оконечныхъ пунктовъ, изъ городовъ Ямболя и Бургаса, или закупали въ сторонѣ, верстъ за 30 — 40 и все-таки подвозили на тѣхъ же почтовыхъ лошадяхъ; не на всѣхъ станціяхъ были кузницы, а гдѣ и были, то самыя жалкія, при ковкѣ лошадей портили имъ ноги, кузнецы, набранные отъ войскъ, не умѣли сварить ломанныхъ желѣзныхъ вещей при телѣгахъ или перетянуть шины на колесахъ; мастеровыхъ для починки телѣгъ и сбруи не было и не было никакихъ инструментовъ и снадобій къ тому; ямщиками при лошадяхъ и старостами на станціяхъ были нижніе чины изъ резервныхъ баталіоновъ, совершенно неумѣлые обращаться съ лошадьми, а руководить ихъ некому было, а самая главная причина — дѣло это было въ ненадежныхъ рукахъ. Почта оставалась въ вѣденіи отдѣла почтъ и телеграфовъ, тамъ не было ни одного свѣдущаго или опытнаго чиновника по этой части, самъ начальникъ отдѣла, генералъ Шталь, спеціалистъ по телеграфной части, былъ мало знакомъ съ лошадинымъ хозяйствомъ. Когда удалось добыть артиллерійскаго капитана Татищева, дѣло нѣсколько уладилось.

Шумлянскій трактъ былъ въ лучшемъ состояніи, на немъ и ѣзды было менѣе, но на немъ, по ночамъ, пошаливали турки изъ окрестныхъ селеній, почта конвоировалась казаками, разставленными по всѣмъ станціямъ.

Главнокомандующій и особенно кн. Имеретинскій жестоко бомбардировали меня требованіемъ, чтобы не было задержки въ лошадяхъ для пассажировъ, и оба тракта, постепенно усиливаясь, доведены были: шумлянскій до 36 лошадей, а бургасскій до 60 лошадей на станціи. Я долженъ былъ творить волю пославшихъ мя, но мнѣ жаль было бросать большія деньги на временную почту, существованіе которой можно было считать только мѣсяцами, и потому во всемъ соблюдалъ возможную экономію.

Сбруя добывалась такъ: въ началѣ октября, съ аукціона продавалась въ Рущукѣ сбруя, оставленная войсками, ушедшими въ Россію. Я приказалъ раздѣлить сбрую на 2 сорта и на первомъ аукціонѣ продать по нѣскольку штукъ того и другого сорта сбруи; по состоявшейся продажной цѣнѣ взялъ всю сбрую на почтовыя станціи, только не большая часть новой сбруи прикуплена была въ Адріанополѣ.

Телѣги для шумлянскаго тракта куплены были въ Румыніи, по распоряженію генерала Яковлева, всего 50 телѣгъ, по 70 р. кредитными, съ доставкою въ Рущукъ; телѣги были подержанныя, но годныя къ употребленію. Для бургасскаго тракта телѣги были выписаны изъ Одессы, всего 90 телѣгъ, по 120 р. кредитными, съ доставкою въ Бургасъ. Тогдашній одесскій градоначальникъ генералъ Гейнцъ былъ очень обязателенъ въ исполненіи моей просьбы, но мы не тѣмъ ему отплатили. 13 октября я телеграммою просилъ его о заготовкѣ телѣгъ, 19 октября онъ отвѣчалъ, что телѣги заготовляются, но что ему необходимы деньги, примѣрно 10,500 руб., которыми онъ временно попользовался изъ другого вѣдомства, 19-го же числа я просилъ полевого интенданта ассигновать эту сумму, и 19-го же числа полевой интендантъ отвѣчалъ мнѣ, что далъ знать одесскому интенданту объ уплатѣ этихъ денегъ, а я 19-го же числа передалъ о томъ Гейнцу,—кажется, все сдѣлано очень быстро, а на дѣлѣ вышло иначе. 29 октября телѣги были уже въ Бургасѣ; Гейнцъ телеграфировалъ, что нужно еще 1,300 руб., но что онъ и первые 10,500 руб. еще не получилъ и вновь проситъ ускорить уплату. Въ тотъ же день повторилось то же, что 19-го числа: я прошу полевого интенданта и отвѣтъ его сообщаю Гейнцу. 9 ноября и затѣмъ 17 ноября Гейнцъ уже упрашиваетъ избавить его отъ непріятности: онъ для исполненія нашей просьбы воспользовался чужими деньгами; я опять повторяю ту же продѣлку, съ прибавленіемъ того, что независимо отъ телеграммы полевого интенданта, самъ телеграфировалъ одесскому интенданту. Только 14 декабря получилъ отвѣтъ одесскаго интенданта, что деньги уплачены, что въ интендантствѣ денегъ не было, что херсонское казначейство замедлило высылкой денегъ.

Лошадей мнѣ не жаль было назначать въ почтовую гоньбу, я зналъ, что состоявшій въ моемъ вѣденіи конскій запасъ предназначался въ подарокъ Болгаріи по уходѣ арміи, и потому ни одной лошади не было куплено для почты, туда брались лошади изъ конскаго запаса; содержаніе же почтовыхъ лошадей

стоило не многимъ дороже содержанія лошадей запаса, почтовымъ лошадямъ полагалась усиленная дача овса.

Въ Добруджѣ военная почта устроена была въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ, собственно для перевозки корреспонденціи, тамъ, на каждую изъ 16-ти станцій дано было по одной телѣгѣ и по 3—4 лошади, всего 58 лошадей.

Въ январѣ бургасская дорога стала исправляться и почтовый трактъ болѣе и болѣе организовался. Почта на этомъ трактѣ совершала свой путь уже не въ 48 часовъ, а въ 18, въ 15 и даже 12 часовъ; пассажиры проѣзжали сутки и менѣе.

Меня все-таки считали не только скупымъ, но скрягою на казенныя деньги. Помню, что 2 декабря, въ адріанопольскомъ военномъ клубѣ, на прощальномъ обѣдѣ отъѣзжавшему изъ арміи главноуполномоченному краснаго креста, г-ну Панютину, (нынѣ статсъ-секретарь) было множество тостовъ и спичей. Кн. Имеретинскій, обратясь ко мнѣ, между прочимъ сказалъ: «громко говорю въ глаза, какъ и заглавно, что въ Викторѣ Даниловичѣ огромный недостатокъ — это, ужъ чрезмѣрная скупость на казенныя деньги». Главнокомандующій подтвердилъ это, сказавъ: «да, да, это я давно знаю». Сколько помнится, на возгласъ кн. Имеретинскаго отвѣчалъ главный казначей арміи, Н. В. Кидошенковъ, сказавъ что-то въ родѣ слѣдующаго: «да сохранитъ Богъ на весь вѣкъ В. Д. это качество».

Въ Адріанополѣ, кромѣ главной квартиры, были расположены штабы двухъ корпусовъ, 4-го и 13-го, штабы нѣсколькихъ дивизій и всѣ возможныя управленія и учрежденія арміи. Городъ Адріанополь очень обширенъ, кривыя, узкія улицы въ немъ такъ перепутаны, что оріентироваться въ нихъ весьма трудно; названія улицъ такія, что солдаты наши ни выговорить ихъ, ни запомнить не могли; вѣстовой, посланный съ конвертомъ изъ одного управленія въ другое, въ самомъ городѣ находящееся, прошлявшись цѣлый день, возвращался съ отвѣтомъ, что не нашелъ управленія и возвращалъ конвертъ. Это заставило меня, съ октября мѣсяца, устроить въ Адріанополѣ нѣчто въ родѣ городской почты. Въ центрѣ города, въ большомъ зданіи, называемомъ конакомъ, при квартирѣ коменданта, былъ устроенъ пріемъ и раздача всѣхъ конвертовъ, адресованныхъ въ управленія, въ городѣ находящіяся. Въ эту пріемную комнату, вѣстовые со всѣхъ управленій должны были приходить три раза въ день, въ назначенные часы; вѣстовой, напримѣръ, отъ артиллерійскаго управленія принеся туда конверты въ полевой штабъ, въ интендантство и проч. и сдавъ ихъ, самъ получалъ конверты,

адресованные въ артиллерійское управленіе отъ всѣхъ другихъ управленій, въ городѣ находящихся.

XIII.

Въ началѣ января 1879 г. для ближайшаго наблюденія за ямболь-бургасскимъ трактатомъ и за предстоявшимъ эвакуированіемъ войскъ въ Россію, квартира моя была переведена изъ Адріанополя въ Бургасъ. Въ началѣ февраля туда же перешло управленіе Романуса съ полевою конторою и болгарскимъ почтовымъ управленіемъ. Съ того времени русская почта изъ Одессы стала направляться не въ Константинополь, а въ Бургасъ; хотя главная квартира еще болѣе мѣсяца оставалась въ Адріанополѣ, но направленіе почты измѣнено вслѣдствіе карантина, устроеннаго въ Босфорѣ, по случаю нашей ветлянской чумы.

Въ константинопольскомъ карантинѣ задержаны были двѣ наши почты изъ Одессы. Когда Романусу телеграфировали, что въ карантинѣ будутъ вскрывать всѣ чемоданы и прокалывать каждый конвертъ, онъ немедленно послалъ туда 8 своихъ чиновниковъ. Посолъ нашъ въ Константинополѣ былъ недоволенъ присылкою такого числа почтовыхъ чиновъ; онъ говорилъ, что турки придадутъ почтѣ еще большее значеніе, чѣмъ она имѣетъ; но въ тотъ же день обнаружилось, что пріѣздъ почтовыхъ чиновъ напугалъ карантинныхъ чиновниковъ предстоявшею имъ громадною работою проколки каждаго письма. Турки съ трудомъ справились съ газетнымъ чемоданомъ, они сорвали всѣ бандероли и слегка развертывая газеты, прокалывали ихъ; но когда раскрыли чемоданы съ письмами, то убѣдились, что дѣйствуя только четырьмя иглами, имѣвшимися у нихъ, они и въ недѣлю не справятся съ этою работою, а наши чиновники торопили ихъ, въ виду долженствующаго вновь прибыть почтоваго парохода. Турки отказались отъ прокалыванія писемъ, прокололи только рогожи, въ которыхъ были затюкованы чемоданы и предложили взять назадъ почту, не направляя ее въ Адріанополь. Почта была отправлена въ Бургасъ, и изъ Одессы почта стала ходить въ Бургасъ.

Скоро и въ Бургасъ прибыла турецкая карантинная коммиссія. Посолъ нашъ изъ Константинополя предварялъ о прибытіи коммиссіи и просилъ, чтобы ее принять какъ можно ласковѣе, что присылка этой коммиссіи есть не болѣе, какъ фор-

мальность, требуемая международными договорами. Коммиссія, по прибытіи въ Бургасъ, тотчасъ сдѣлала визитъ мнѣ, какъ старшему военно-начальнику; она состояла изъ двухъ турокъ и одного француза доктора, который и руководилъ коммиссіей. Французъ очень любезно заявилъ, что готовъ сдѣлать всевозможное снисхожденіе, все мнѣ угодное и полагаетъ не прокалывать письма, какъ это дѣлалось въ Константинополѣ, а только всю почту складывать въ особое помѣщеніе, раскрывать чемоданы и цѣлые сутки дезинфецировать ее, и просилъ дать ему для того помѣщеніе поближе къ пристани. Я отвѣчалъ, что помѣщеніе можно дать у самой пристани, но суточная дезинфекція меня не радовала; при полученіи писемъ изъ Россіи мы всѣ дорожимъ каждымъ часомъ; я не отрицаю необходимости дезинфекціи, но полагаю, что этого можно достигнуть, не теряя ни одного часа на полученіе корреспонденціи; почтовые чемоданы можно дезинфецировать въ Одессѣ, а по приходѣ почтоваго парохода въ Бургасъ, на самой пристани, провѣрять, были ли дезинфецированы чемоданы, и для этого я просилъ, чтобы коммиссія, или одинъ ея членъ, какъ будетъ угодно рѣшить самой коммиссіи, къ приходу почтоваго парохода была на пристани. Французъ согласился на это, за нимъ и другіе члены коммиссіи. Тогда я телеграфировалъ въ одесскую почтовую контору, чтобы всѣ почтовые чемоданы и тюки, идущіе изъ Одессы въ Бургасъ, были пропитываемы карболовой кислотой, особенно сильно должны быть пропитаны верхнія пачки въ чемоданахъ, чтобы при вскрытіи ихъ отзывалось сильнымъ запахомъ карболовой кислоты. Въ вашихъ газетахъ, не зная подробностей, знаками восклицанія сопровождали извѣстіе, что начальникъ военныхъ сообщеній обязалъ одесскую почтовую контору обливать карболовою кислотой почтовые чемоданы, отправляемые въ Бургасъ.

Французъ, одинъ или съ другими членами коммиссіи, исправно являлся на пристань къ приходу почтоваго парохода; почта ни на минуту не была задерживаема: въ первыхъ снятыхъ съ парохода чемоданахъ, онъ просилъ приподнять верхнюю покрышку и удостовѣрялся въ запахѣ карболовой кислотой. Этотъ французъ скоро познакомился съ офицерами, при мнѣ состоявшими, увѣрялъ въ своей любви къ Россіи и во всѣмъ русскимъ и проговорился, что былъ бы счастливъ, если бы удостоился получить русскій орденъ. Офицеры передали мнѣ, и какъ французъ дѣйствительно помогъ тому, что карантинъ нисколько не задерживалъ ходъ почты, то я представилъ его къ станиславу 3 ст., и крестъ вышелъ.

Газеты безъ бандеролей, привезенныя изъ константинопольскаго карантина, сложены были по №№, они подкладывались подъ бандероли вновь получаемыхъ газетъ. По телеграфу получено было нѣсколько жалобъ на невысылку газетъ, преимущественно отъ чиновъ гражданскаго управленія. Нельзя не замѣтить, что въ армію нерѣдко приходили газеты съ оторванными бандеролями; не знаю чѣмъ это объяснить.

По почтовой части въ это время сдѣланы небольшія перемѣны: 1) между Софіей и Тырновымъ установлено ежедневное почтовое сообщеніе, верховою почтой, по случаю назначенія на 6 февраля перваго народнаго собранія въ Тырновѣ; и 2) по положенію о полевой почтѣ международная корресподенція изъ арміи должна быть отправляема черезъ Одессу, но какъ былъ случай, что нужный конвертъ изъ арміи на имя нашего посла въ Константинополь пришелъ туда на 7-й день, то всю корреспонденцію въ константинопольское посольство стали отправлять съ нарочными чрезъ полевой штабъ.

Несмотря на то, что на ямболь-бургасскомъ трактѣ было по 60 лошадей на станціи, что трактъ этотъ къ февралю былъ приведенъ въ исправное состояніе, проѣзжихъ, при началѣ эвакуаціи арміи или въ началѣ февраля, было такъ много, что на станціяхъ собиралось по 10 офицеровъ, ожидавшихъ очереди своей на полученіе лошадей. Въ числѣ проѣзжихъ было много офицеровъ и чиновниковъ, не совершенно оправившихся послѣ болѣзни и отпущенныхъ въ Россію впередъ отъ своихъ полковъ и другихъ мѣстъ служенія.

И передъ расформированіемъ полевой почты, почтовый департаментъ какъ бы умышленно хотѣлъ показать, что выдержалъ до конца свою систему дѣйствія относительно полевой почты, совершенно противуположную системѣ директора телеграфнаго департамента. Тотъ, покойникъ, до конца помогалъ полевому телеграфу, а почтовый департаментъ до конца затруднялъ полевую почту. Привожу выписки изъ отзыва почтоваго департамента, на имя Романуса отъ 10 января 1879, № 759, и изъ отвѣта Романуса отъ 23 того же января.

Почтовый департаментъ писалъ, что почти цѣлый годъ не можетъ добыть отъ полевой почты удовлетворительнаго отвѣта на справки, куда дѣвались двѣ посылки, посланныя въ армію на имя подпоручика Леонтьева; присылаемыя объясненія отдѣленіями полевой почты были неясны, непонятны; на повторительные запросы, или неполучалось никакого отвѣта, или отвѣты еще болѣе запутывали справку, и въ заключеніе было сказано:

«Такая безпечность, бездѣйствіе и несознательность въ дѣятельности полевыхъ учрежденій указываетъ на то, что центральное полевое почтовое управленіе не поняло цѣли своего учрежденія, признавая себя только какъ бы за передаточное мѣсто, безъ сознанія лежащей на немъ прямой и главной обязанности контроля за полевыми почтовыми учрежденіями и преслѣдованія совершенно противузаконнаго, упорнаго и недобросовѣстнаго ихъ бездѣйствія, которое свидѣтельствуетъ о совершенной несостоятельности всего полевого почтоваго учрежденія».

Романусъ отвѣчалъ, что отвѣты, даваемые почтовыми отдѣленіями, для него совершенно понятны и ясны; онъ самъ долго былъ начальникомъ почтовыхъ учрежденій въ ярославской губерніи, потомъ помощникомъ московскаго почтъ - директора, хорошо знаетъ порядокъ почтовыхъ справокъ въ Россіи, тамъ большею частью одни и тѣ же чиновники завѣдуютъ справками, у нихъ все подъ рукой; полевую почту и сравнивать нельзя съ почтами внутри Россіи, въ полевой почтѣ все подвижно, все перемѣнчиво; самое полученіе посылокъ въ арміи нельзя сравнивать съ порядкомъ полученія ихъ въ Россіи, въ армію посылки приходили большею частью безъ всякихъ документовъ, документы высылались на цѣлую партію посылокъ, а на военныхъ поѣздахъ, по распоряженію желѣзнодорожнаго начальства, партія посылокъ дѣлилась на части, документы оставались при одной части, а другія части приходили безъ всякихъ документовъ; полевая контора отправитъ посылки въ корпуса, а черезъ мѣсяцъ получитъ документы на тѣ посылки; возможенъ ли при такихъ обстоятельствахъ систематическій порядокъ въ наведеніи справокъ?—во время войны были явленія и невоображаемыя въ мирное время, артиллерійское вѣдомство цѣлый годъ не могло отыскать 200 ящиковъ съ зарядами, въ полевой почтѣ пропадалъ цѣлый вагонъ съ посылками: 19 декабря 1877 года изъ Унгенъ отправлены были въ Галацъ два вагона съ посылками, а прибылъ только одинъ вагонъ, куда дѣвался другой вагонъ—и слѣдъ простылъ, долгія справки ничего не выяснили; впослѣдствіи, случайно обнаружилось, что посылки съ пропавшаго вагона сложены были въ бухарестскомъ складѣ краснаго креста; въ С.-Стефанѣ сотни посылокъ, неизвѣстно откуда и кому присланныя, были уничтожены по распоряженію военнаго начальства.

XIV.

При расформированіи арміи, пѣхота и артиллерія направлялись на Бургасъ, оттуда на пароходахъ перевозились въ Одессу и Севастополь; и кавалерія шла на Рущукъ и частію на Силистрію, оттуда на баржахъ сплавлялась по Дунаю и высаживалась въ Рени, Румынію миновали. На меня возложено было главное наблюденіе за эвакуаціей арміи; лично мнѣ предоставлена была отправка въ Россію двухъ резервныхъ дивизій, расформированіе всѣхъ отдѣловъ управленія военными сообщеніями арміи; формированіе этихъ отдѣловъ въ уменьшенномъ видѣ для окупаціонныхъ войскъ, а также и формированіе для Болгаріи почтовыхъ и телеграфныхъ учрежденій, по соглашенію съ императорскимъ коммиссаромъ, кн. Дондуковымъ-Корсаковымъ. Эвакуація арміи производилась въ Бургасѣ съ 6 февраля по 20 марта, а въ Рущукѣ и Силистріи съ половины марта по 6 апрѣля. На этомъ основаніи, къ 20 марта я перенесъ свою квартиру изъ Бургаса въ Рущукъ, а 6 апрѣля простился съ Болгаріей. Почтовыя учрежденія полевой почты и почтовые тракты сокращались сообразно съ ходомъ эвакуаціи арміи, а всѣ соглашенія съ императорскимъ коммиссаромъ сдѣланы были благовременно.

Начальникомъ военной почты при окупаціонномъ отрядѣ назначенъ былъ начальникъ болгарской почты г. Вощининъ, главное же начальство надъ почтами и телеграфомъ въ Болгаріи возложено было на генерала Грессера.

При окупаціонныхъ войскахъ не учреждалась полевая контора, ограничились сформированіемъ почтоваго управленія, четырехъ отдѣленій: въ Филиппополѣ, Сливнѣ, Ямболи и Бургасѣ и 3-хъ станцій для простой корреспонденціи: въ Айдосѣ, Ени-Загрѣ и Татаръ-Базарджикѣ.

Въ Болгаріи учреждены были двѣ почтовыя конторы, въ Софіи и Варнѣ; три почтовыя отдѣленія: въ Рущукѣ, Тырновѣ и Ломъ-Паланкѣ и 12 станцій для простой корреспонденціи: Виддинъ, Никополь, Систовъ, Силистрія, Оглу-Базарджикъ, Разградъ, Шумла, Сельвія, Габрово, Плевна, Берковацъ и Орханіо, но какъ Болгарія не успѣла еще подготовить достаточное число своихъ почтовыхъ чиновъ, то къ болгарской почтѣ временно были прикомандированы изъ полевой почты 21 чиновникъ и 13 почталіоновъ, всѣ на томъ же содержаніи, какое получали въ арміи и съ тѣмъ, чтобы они оставались не долѣе, какъ до закрытія окупаціонной почты.

23 февраля г. Вощининъ выѣхалъ изъ Бургаса съ чинами, назначенными въ его вѣденіе, и 1 марта, въ Софіи, открыли дѣйствіе и болгарская и окупаціонная почта.

Относительно расформированія почтовыхъ трактовъ, кн. Дондуковъ-Корсаковъ вполнѣ раздѣлилъ мое мнѣніе, что шумлянскій трактъ вовсе не нуженъ будетъ ни для окупаціоннаго отряда, ни для Болгаріи, и его можно будетъ совершенно упразднить; ямболь-бургасскій трактъ нуженъ будетъ для окупаціоннаго отряда, но въ самомъ слабомъ составѣ, этотъ трактъ можетъ занять Шернеръ своими лошадьми съ упраздняемаго филиппопольказанлыкскаго тракта, который также признанъ не нужнымъ ни для Болгаріи, ни для окупаціи. Постепенное сокращеніе и окончательное закрытіе обоихъ казенныхъ трактовъ предоставлялось моему усмотрѣнію, только кн. Дондуковъ просилъ не закрывать окончательно бургасскій трактъ, покуда не подойдутъ туда лошади Шернера, что можетъ быть къ 1 марта. Вслѣдствіе этого я предписалъ генералу Шталю, къ 1 марта оба тракта, и шумлянскій и бургасскій, сократить на половину, излишнихъ лошадей и другія принадлежности продать установленнымъ порядкомъ и вырученныя деньги внести въ казначейство, а къ 7 марта окончательно закрыть оба тракта.

Тутъ послѣдовала перемѣна: сначала предполагалось, что главнокомандующій со всею главною квартирою, къ 1 марта, переѣдетъ изъ Адріанополя въ Варну моремъ на Константинополь; но 20 февраля генералъ Левицкій телеграфировалъ мнѣ, что полевой штабъ и всѣ управленія поѣдутъ изъ Адріанополя по желѣзной дорогѣ въ Константинополь, оттуда моремъ въ Варну, главнокомандующій тоже будетъ въ Варнѣ 1 марта, но поѣдетъ сухимъ путемъ на Ени-Загру, Казанлыкъ и Шипку, изъ Шипки опять въ Казанлыкъ, оттуда на Сливну, Шумлу и Варну; что главнокомандующій желаетъ осмотрѣть Шипку и Шумлу; что у главнокомандующаго будетъ свой экипажъ, а подъ свиту потребуется шесть большихъ телѣгъ, всѣ 7 экипажей четверками, много клади. Хотя дорога отъ Ени-Загры на Казанлыкъ и Сливну не была почтовою, но лошадей успѣли перевести туда съ бургасскаго тракта.

2 марта, изъ Варны, кн. Имеретинскій, телеграммой подтвердилъ мнѣ приказаніе главнокомандующаго оставить шумлянскій и бургасскій почтовые тракты въ томъ состояніи, какъ они находятся въ настоящее время. Я отвѣчалъ телеграммою же, что это невозможно, что расформированіе уже началось, по полученному мною письменному на то разрѣшенію, что нѣтъ ям-

щиковъ; резервныхъ солдатъ предписано немедленно отправить въ Россію, они подлежатъ увольненію отъ службы, что тракты эти оставить въ настоящемъ составѣ совершенно безполезно, если главнокомандующему угодно ихъ сохранить, то хоть въ уменьшенномъ составѣ. Сносились съ кн. Дондуковымъ, и 9 марта я получилъ окончательное, рѣшительное приказаніе оставить для окупаціонныхъ войскъ бургасскій трактъ въ составѣ 20 лошадей, а шумлинскій 12 лошадей на станціи[1]).

Всего на казенной почтѣ, во-второй годъ пребыванія арміи въ Турціи, содержалось:

Въ Добруджѣ	58	лошадей
На ямболь-бургасскомъ трактѣ	414	»
На ямболь-шумлинскомъ	402	»
	Итого 874	

Почтовый трактъ въ Добруджѣ закрытъ къ 1 марта.

Изъ 874 лошадей пало 137 и выранжировано за негодностью до 140 лошадей; какъ павшія, такъ и негодныя лошади замѣнялись лошадьми изъ конскаго запаса. Бракованныя лошади продавались съ аукціона по 2, по 3 и по 5 рублей металлическихъ; тутъ нельзя не замѣтить, что и благое распоряженіе въ частномъ случаѣ можетъ быть не благимъ. По арміи было распоряженіе, чтобы негодное казенное имущество продавалось съ аукціона не иначе, какъ въ присутствіи контролера, но контролера часто и въ двѣ недѣли нельзя было дождаться, кормить же бракованныхъ лошадей стоило дороже выручаемыхъ за нихъ денегъ.

Прогонныхъ денегъ, на казенныхъ почтовыхъ трактахъ, съ

[1]) Съ этимъ рѣшеніемъ и теперь не мирюсь, признаю, что на почту много потрачено казенныхъ денегъ совершенно безполезно. Вотъ разсчетъ: къ 7 марта мною назначено было совершенно закрыть оба тракта, какъ сообразно съ ходомъ эвакуаціи арміи, такъ и потому, что 7-го же марта лошади конскаго запаса передавались болгарамъ, слѣдовательно съ 7 марта слѣдуетъ считать полный расходъ казны на содержаніе почтовыхъ лошадей; до 7 марта эти лошади, если бы и не были на почтѣ, все-таки кормились бы, состоя въ запасѣ. По тогдашнимъ цѣнамъ содержаніе одной почтовой лошади въ день обходилось 1 р. 35 к. на кредитные билеты. Съ 7 по 24 марта, 17 дней, на обоихъ трактахъ содержалось 816 лошадей, что обошлось въ 18,727 рубл. Съ 24 марта оставалось на обоихъ трактахъ 292 лошади, онѣ во время окупаціи содержались по меньшей мѣрѣ 2 мѣсяца, и это стоило 23,436 р., слѣдовательно, на казенную почту, уже по уходѣ арміи, по меньшей мѣрѣ, истрачено 42,163 руб., говорю, по меньшей мѣрѣ, потому что на окупаціи почтовыя лошади содержались долѣе, чѣмъ до 24 мая.

15 іюня 1878 по 1 марта 1879 года, собрано 14,385 рубл. 17½ к. кредитными билетами.

Движеніе почтовой корреспонденціи, съ 1 мая 1877 года по 1 марта 1879 года.

Простыхъ писемъ, казенныхъ конвертовъ и бандерольныхъ отправленій:

Получено въ арміи	8.095,894
Отправлено изъ арміи.	9.145,389
Итого	17.241,283

Денежныхъ и заказныхъ писемъ:

Получено въ арміи.	1.316,736
Отправлено изъ арміи.	355,845
Итого	1.672,581

Посылокъ получено въ арміи	279,157 р.
Капиталовъ отправлено изъ арміи	26.677,562 » 12 к.
Поступило почтоваго сбора	303,067 » 61 »
Заплачено Румыніи за провозъ нашей почты кред. билет. .	1.332,158 » » »

При закрытіи полевой почты нельзя было собрать свѣденій о количествѣ капиталовъ, полученныхъ въ армію, документы по этому предмету отправлялись въ контрольныя учрежденія. Вообще, денегъ въ армію, по почтѣ, прислано несравненно менѣе, чѣмъ отправлено изъ арміи, хотя поступившихъ денежныхъ писемъ вчетверо болѣе отправленныхъ денежныхъ писемъ. Это потому, что изъ арміи отправлялись деньги офицерами и чиновниками, а поступали въ армію денежныя письма почти исключительно на имя нижнихъ чиновъ, со вложеніемъ одного, двухъ, трехъ рублей.

Милліоны безплатныхъ писемъ, прошедшихъ въ армію и обратно изъ арміи въ Россію, не уменьшили почтоваго дохода въ имперіи. Война, напротивъ, способствовала чрезвычайному размноженію переписки въ Россіи. По оффиціальнымъ отчетамъ почтоваго вѣдомства извѣстно, что:

Въ 1875 году, почтовый доходъ въ имперіи, превысилъ доходъ 1874 года почти на 300 тысячъ рублей.

Въ 1876 году, почтовый доходъ превысилъ доходъ 1875 года почти на 200 тысячъ рублей.

Въ годъ войны, въ 1877 году, почтовый доходъ превысилъ доходъ 1876 года на полтора милліона рублей.

Въ другой годъ войны, въ 1878 году, почтовый доходъ превысилъ доходъ 1877 года, на милліонъ сто тысячъ рублей.

Въ два года войны почтовый доходъ увеличился на 2.600,000 рублей.

Въ 1879 году почтовый доходъ уменьшился на 300 тысячъ рублей.

Прошло почти пять лѣтъ, какъ я оставилъ Турцію и Болгарію, нервное возбужденіе успокоилось, говорю безъ малѣйшаго лицепріятія и все-таки преклоняюсь передъ неимовѣрными трудами чиновъ полевой почты. Ни клевета, распускавшаяся на нихъ, ни ропотъ въ арміи на медленное полученіе писемъ, ни всевозможныя лишенія, ничто не охлаждало въ нихъ безграничнаго усердія къ дѣлу. Въ сущности пустое замѣчаніе, но я долженъ высказать его: я всегда вставалъ очень рано, бывало, молодежь говаривала обо мнѣ, что я встаю наканунѣ,—но мнѣ и на разсвѣтѣ ни разу не удалось застать почтовыхъ чиновъ спящими, а по другимъ вѣдомствамъ и въ 10-мъ часу утра я заставалъ крѣпко спящихъ.

Говорить ли о злоупотребленіяхъ по полевой почтѣ. Могу указать два случая пропажи денежныхъ постъ-пакетовъ на сумму 6 тысячъ рублей, но и эти случаи при мнѣ не были выяснены, гдѣ именно пропали постъ-пакеты, на полевой ли почтѣ, или въ предѣлахъ имперіи, а для хищеній былъ большой просторъ съ нѣкоторою увѣренностью въ безнаказанности; если бы чины полевой почты были склонны къ тому, то чрезъ ихъ руки прошло до 30 милліоновъ рублей, они дѣйствовали разбросанно, часто безъ всякаго надзора.

Конецъ всякаго служебнаго порученія, выходящаго изъ ряда обыкновенныхъ служебныхъ занятій, у насъ, какъ и вездѣ, сопровождается наградами наиболѣе отличавшихся дѣятелей. Такъ и при расформированіи полевой почты, предписано было представить къ наградамъ достойнѣйшихъ, не болѣе $^1/_3$ всего числа почтовыхъ чиновъ. Наградные списки были утверждены главнокомандующимъ и пересланы военному министру для всеподданнѣйшаго доклада. Но бывшій военный министръ, гр. Милютинъ, вмѣсто того, чтобы представленіе главнокомандующаго прямо повергнуть на высочайшее воззрѣніе, передалъ наградные списки о почтовыхъ и телеграфныхъ чинахъ на предварительное разсмотрѣніе министра внутреннихъ дѣлъ, а этотъ министръ, по принадлежности, списки о почтовыхъ чинахъ передалъ на заключеніе директора почтоваго департамента, и почтовый департаментъ кассировалъ значительную, если не большую часть представленія.

Ко мнѣ, какъ главному начальнику телеграфа и почты въ

арміи, оба департамента, и телеграфный и почтовый, были совершенно въ одинаковомъ отношеніи.

Телеграфный департаментъ обо всемъ позаботился, все предусмотрѣлъ; въ пограничныхъ городахъ имперіи устроилъ склады всѣхъ телеграфныхъ принадлежностей, устроилъ резервы телеграфистовъ и телеграфныхъ чиновниковъ; склады и резервы тотчасъ пополнялись по мѣрѣ расхода въ нихъ; все требуемое изъ арміи высылалось моментально; не дожидаясь запроса изъ арміи департаментъ самъ спрашивалъ, достаточно ли того-то и того, не нужно ли того-то; самъ указывалъ, какія отступленія можно сдѣлать въ существующихъ телеграфныхъ положеніяхъ, чтобы съ одной стороны облегчить полевой телеграфъ, а съ другой стороны доставить возможность публикѣ скорѣе получать извѣстія изъ арміи.

Почтовый департаментъ, ни о чемъ не позаботился и ничего не сдѣлалъ въ пользу полевой почты.

Почему почтовый департаментъ до открытія военныхъ дѣйствій не усилилъ Унгенскую почтовую контору до размѣра одесской или кіевской? Можно было предвидѣть, что она, сдѣлавшись пограничною, будетъ играть огромную роль въ сношеніяхъ арміи съ Россіей,—но нѣтъ, маленькая унгенская контора застигнута была врасплохъ, она до того завалена была корреспонденціею и изъ Россіи, и изъ арміи, что несчастные чины ея потеряли и силы и головы. Пограничная контора, долженствовавшая болѣе всего помогать полевой почтѣ, поставлена была въ такое положеніе, что на первыхъ же порахъ тормазила полевую почту, перепутывая корреспонденцію.

В. Д. Кренке.

ДЖОРЖЪ ЭЛІОТЪ

Очеркъ жизни и сочиненій.

—'George Eliot, by Mathilde Blind. Lond. 1883.

Въ первой книжкѣ «Серіи знаменитыхъ женщинъ», издаваемой Джономъ Ингремомъ [1]) вышла въ свѣтъ біографія «Джоржа Эліота» т.-е. Маріи-Анны Ивенсъ, составленная Матильдой Блайндъ. Книжку эту ожидали въ Англіи съ нетерпѣніемъ и встрѣтили сочувственно. Не будучи полнымъ жизнеописаніемъ, она въ значительной мѣрѣ удовлетворила справедливому желанію публики узнать наконецъ личную повѣсть великой романистки, мало извѣстную до сихъ поръ, вслѣдствіе замкнутаго характера послѣдней и сдержанности избраннаго кружка друзей, пользовавшихся ея довѣріемъ. Кромѣ того, безъ всякихъ притязаній на критическое изслѣдованіе, эта вообще занимательная книжка сообщила много интересныхъ подробностей и о сочиненіяхъ Дж. Эліота. Главное достоинство труда г-жи Блайндъ состоитъ однако въ томъ, что она черпала свои свѣденія изъ вѣрныхъ источниковъ. Друзья, знакомые и родные Дж. Эліота оказали ей содѣйствіе письменными и устными сообщеніями. Многія подробности изучены ею на мѣстѣ.

Мы воспользовались этой біографіей и иностранными журнальными статьями двухъ послѣднихъ лѣтъ для предлагаемаго очерка. При всей его неполнотѣ, онъ, вѣроятно, найдетъ читате-

---

[1]) Eminent Women Series, edited by John H. Ingram. George Eliot, by Mathilde Blind. 1883.

лей, такъ какъ Джоржъ Эліотъ имѣетъ и у насъ горячихъ поклонниковъ, а въ русскихъ журналахъ за послѣднее время не явилось ни одной статьи, посвященной ей, если не считать некрологовъ. Подобное молчаніе, собственно говоря, непонятно, относительно писательницы, которая, по силѣ ума и таланта, ширинѣ взглядовъ и гуманности направленія, занимаетъ почетное мѣсто между самыми первоклассными европейскими романистами. Остается пожелать, чтобы этотъ компилятивный очеркъ вызвалъ въ нашей печати болѣе полное и самостоятельное критическое изслѣдованіе.

При обсужденіи вліянія обстановки дѣтства и юности на развитіе выдающихся людей—общемъ мѣстѣ всякой біографіи и автобіографіи—обыкновенно не обращаютъ должнаго вниманія на врожденныя наклонности и способности, хотя слишкомъ хорошо извѣстно, что на ребенка съ задатками будущаго поэта, мыслителя или ученаго, все дѣйствуетъ иначе, чѣмъ на остальныхъ дѣтей. Г-жа Блайндъ въ своемъ повѣствованіи до извѣстной степени исключеніе изъ общаго правила, вѣроятно, вслѣдствіе того, что Дж. Эліотъ оставила въ образѣ «Мегги Тёлливеръ» цѣнныя автобіографическія указанія, выясняющія взаимодѣйствіе среды и личности въ ея дѣтствѣ. Это не мѣшало однако знаменитой писательницѣ—въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда она говорила о себѣ—заявлять категорически, что не только своимъ направленіемъ, но и «всѣмъ, что въ ней было добраго», она обязана обстановкѣ своихъ первыхъ лѣтъ.

Обстоятельства жизни Маріи-Анны Ивенсъ дѣйствительно сложились особенно благопріятно для ея развитія, и условія, въ которыхъ она росла, справедливо могутъ быть названы идеальными. Мы имѣемъ здѣсь, во-первыхъ, происхожденіе отъ честныхъ, умныхъ и трудолюбивыхъ людей; жизнь въ живописной и плодородной мѣстности; многолѣтнее и многостороннее соприкосновеніе съ сельскимъ и провинціальнымъ населеніемъ разныхъ классовъ; а рядомъ съ этимъ школьныя и книжныя впечатлѣнія, расширившія мысленный кругозоръ и освѣтившія своеобразно близкую сердцу, скромную и почтенную среду. Но все это могло создать будущаго «Джоржа Эліота» изъ маленькой «Маріанны», разумѣется, только благодаря тѣмъ задаткамъ, которыми судьба надѣлила свою избранницу—благодаря высшему пониманію, тонкой наблюдательности, поэтическому чутью и любящему сердцу, не говоря уже о крупномъ талантѣ, давшемъ возможность облечь впослѣдствіи все понятое и прочувствованное въ художественные образы.

Робертъ Ивенсъ, отецъ писательницы, началъ свое поприще въ Стаффордширѣ столяромъ и имѣлъ собственную мастерскую. Потомъ онъ перебрался съ сѣвера въ варвикское графство, въ окрестности г. Ненитона, на ферму Грифъ-гаузъ, гдѣ, сверхъ веденія собственнаго хозяйства, занималъ послѣдовательно должности лѣсничаго, земельнаго таксатора и наконецъ управляющаго имѣніями и дѣлами богатыхъ сквайровъ графства. Онъ былъ человѣкъ замѣчательный по уму и характеру. Всѣ, имѣвшіе съ нимъ дѣло, отъ простолюдиновъ до аристократовъ, относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ. Его честность и стойкость убѣжденій были совершенно неподкупны, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ обладалъ добрымъ и нѣжнымъ сердцемъ, выражавшимся въ его отношеніяхъ ко всѣмъ людямъ, но особенно рѣзко въ любви къ дѣтямъ. Дж. Эліотъ глубоко чтила память отца, любила вспоминать его мельчайшія привычки и въ своихъ романахъ часто изображала его въ томъ или другомъ видѣ. Ея Адамъ Бидъ— м-ръ Ивенсъ въ молодости; Калебъ Гартъ—онъ же въ пожилыхъ лѣтахъ. Всѣ ея честные, преданные дѣлу люди, и особенно всѣ отцы, имѣютъ общія черты съ Робертомъ Ивенсомъ.—Цѣльнаго портрета матери, о которой Дж. Эліотъ съ нѣжностью вспоминаетъ въ своихъ сонетахъ, въ ея романахъ нѣтъ. Много общаго съ этой почтенной женщиной находятъ въ г-жахъ Гекитъ, Пойзеръ и Гартъ. Миссисъ Ивенсъ была нѣжной и заботливой матерью, неутомимой и образцовой хозяйкой и отличалась здравымъ смысломъ и добродушіемъ, при языкѣ «остромъ какъ бритва». Дѣтей у нея было трое [1]). Старшая дочь Христина отличалась наклонностями барышни и тихимъ кроткимъ нравомъ; сынъ Исаакъ былъ цвѣтущій юный британецъ, не злой и не глупый, но дюжинный; а младшая дочь, Марія-Анна, или, какъ всѣ ее звали, «Маріанна» (род. 19 ноября 1820 г.), росла дѣвочкой не красивой, не складной и чудной, но необыкновенно смышленой и любящей. Мать нерѣдко огорчалась ея вспышками и странностями, а также привычкой ходить вѣчно съ книжкой въ рукахъ и читать даже въ постели при свѣчкѣ. Тетки приходили отъ нея въ ужасъ и отчасти вліяли на Ивенсъ. Пристрастный отецъ не поддавался никакимъ вліяніямъ и всегда былъ готовъ защищать или оправдывать свою «дѣвчонку».

Юное поколѣніе Ивенсовъ знакомо всѣмъ читателямъ Дж. Эліота изъ романа «Мельница на Флоссѣ», въ которой во всѣ времена подозрѣвали автобіографію—что справедливо только до

---

[1]) Она была второй женой Р. Ивенса, имѣвшаго дѣтей и отъ перваго брака.

извѣстной степени, такъ какъ правда и вымыселъ сплетены въ романѣ неразрывно. Безусловно вѣрны только дѣтскіе портреты Люси, Тома и Мегги, т.-е. Христины, Исаака и Маріанны, и— что для насъ всего важнѣе—нравственный обликъ дѣвочки, долженствовавшей сдѣлаться Дж. Эліотомъ. Въ этомъ смыслѣ значеніе «Мельницы» не преувеличено, и если бы даже приключенія Мегги и Тома были отчасти вымышлены, ни одному будущему біографу дѣтскихъ лѣтъ писательницы не удастся, конечно, создать жизнеописанія, болѣе художественнаго и правдиваго.

Подобно своей «Мегги», Маріанна была страстно «какъ щенокъ» привязана къ брату, который любилъ ее по своему, но мягкостью не отличался. Всѣ ея радости и горести вращались вокругъ Исаака: она была счастлива или рыдала въ отчаяніи на мансардѣ, смотря по тому, былъ ли онъ доволенъ ею или нѣтъ. Послѣднее случалось чаще, вслѣдствіе ея опрометчивости и разсѣянности, составлявшихъ рѣзкій контрастъ съ благоразуміемъ и спокойствіемъ товарища ея игръ и прогулокъ. Дѣти особенно любили дѣлать экскурсіи, для которыхъ живописныя окрестности съ рощей, прудомъ и рѣкой, давали полный просторъ. Изъ Грифъ-гауза открывается далекій видъ на зеленые холмы, поля и луга, окаймленные боярышникомъ, на красныя крыши коттеджей, тонувшихъ въ садахъ, на разсѣянные тамъ и сямъ могучіе дубы и вязы, остатки Шекспировскаго Арденскаго лѣса [1]). Жилище Ивенсовъ было уютно и красиво. Густой плющъ покрывалъ кирпичныя стѣны; большой садъ и огородъ дѣлали ферму, похожей на дачу. Украшеніемъ фасада служило большое тисовое дерево, касавшееся вѣтвями верхнихъ оконъ, цвѣтникъ и лужайка съ двумя старыми кедрами. Сзади шелъ дворъ, хлѣвъ, конюшня и всѣ принадлежности фермы, содержавшіяся въ такой же образцовой опрятности, какъ кладовая и молочная—предметы гордости г-жи Ивенсъ (и г-жи Пойзеръ). Читая описаніе Грифъ-гауза и его окрестностей, понимаемъ отчасти, почему Дж. Эліотъ говорила, что «всѣ чудеса тропиковъ не могли бы затмить въ ея сердцѣ тихой прелести отцовскаго дома и мирнаго родного ландшафта» [2]).

---

[1]) Англичане обращаютъ вниманіе на то, что родиной Дж. Эліота была родина Шекспира, съ которымъ часто сравнивали писательницу по глубинѣ анализа человѣческаго сердца и чисто англійскому складу ума; что подобно ему, Дж. Эл. вышла изъ скромной среды; что одинъ и тотъ же ландшафтъ запечатлѣлся въ воображеніи обоихъ художниковъ, послуживъ какъ бы основой тяготѣнія къ родному гнѣзду, наперекоръ всему, что дали имъ образованіе и слава.

[2]) Любовь къ родному гнѣзду Дж. Эліотъ считала необходимымъ условіемъ вся-

М-ръ Ивенсъ по роду своихъ занятій имѣлъ постоянныя и близкія сношенія съ людьми разныхъ классовъ и обширныя знакомства въ сосѣдствѣ. Дочь любила ходить и ѣздить съ нимъ по дѣламъ и принимала въ нихъ живѣйшее участіе. Каждый коттеджъ, куда они заходили, былъ для нея особымъ міромъ, на который она смотрѣла пытливыми дѣтскими глазами. Когда къ отцу приходили посѣтители, она была тутъ же, слушая и нерѣдко вмѣшиваясь въ разговоръ. Маріанна любила всюду «совать носъ», а отецъ не мѣшалъ ей высказываться и подчасъ громко восхищался ея умомъ. По мѣрѣ того, какъ съ годами кругъ дѣятельности и кругъ знакомыхъ м-ра Ивенса расширялся, увеличивалась и сфера наблюденія для дѣвочки. Ничто не проходило мимо ея глазъ и ушей, и ничто не забывалось ею. Можно сказать, что она ребенкомъ узнала жизнь не съ одной лицевой или праздничной стороны и научилась понимать, думать и чувствовать совсѣмъ не по-дѣтски, оставаясь въ то же время въ другихъ отношеніяхъ наивной свыше лѣтъ.

Школа и книги дополнили раннее развитіе Маріанны. Сначала она вмѣстѣ съ братомъ посѣщала приходское училище, гдѣ водила дружбу съ его товарищами и особенно съ мальчикомъ, изображеннымъ въ «Мельницѣ» подъ именемъ Боба Джекинса. Мальчики не исключали ея изъ игръ и экскурсій, не смотря на то, что она при рыбной ловлѣ ни за что не могла насадить червяка на крючекъ и морщилась, когда это дѣлали другіе.

Поворотнымъ пунктомъ въ отношеніяхъ брата и сестры былъ отъѣздъ Исаака въ школу, гдѣ мальчикъ отвыкъ отъ сестры и сталъ смотрѣть на нее свысока. Маріанну около того же времени стали посылать въ Нёнитонское училище для дѣвочекъ. Тамъ она не скучала, потому что училась охотно; но по праздникамъ ей сильно недоставало брата, и она сидѣла задумчиво по угламъ или разгоняла тоску чтеніемъ и занятіями въ воскресной школѣ съ деревенскими дѣтьми, съ которыми ловко справлялась. Одинъ изъ сосѣдей, видѣвшій ее въ эту пору жизни (лѣтъ 12-ти), характеризовалъ ее какъ угловатую, некрасивую, застѣнчивую дѣвчонку, любившую слѣдить за старшими изподтишка. Начитанностью и способностями Маріанна такъ рѣзко выдавалась надъ прочими дѣтьми, что не только учителя, но и мало-образованные родители признавали въ ней нѣчто необыкновенное. Это обстоя-

---

каго человѣческаго развитія. Мысль эта повторяется ею на всѣ лады въ первыхъ и послѣднихъ повѣстяхъ. Въ „Дерондѣ" (гл. II) есть, напр., прелестная страница на ту же тему. Безсердечная Гвендолина оттого и безсердечна, по мнѣнію ея творца, что у нея не было прочныхъ корней въ какомъ-нибудь завѣтномъ уголкѣ.

тельство и побудило послѣднихъ ничего не жалѣть на ея образованіе.

Въ то время весьма славилось заведеніе для дѣвицъ сестеръ Фрэнклинъ въ Ковентри, и 13-лѣтнюю Маріанну помѣстили туда. Младшая миссъ Фрэнклинъ руководила школой и была дѣйствительно весьма образованной и утонченной леди, хотя и не чуждой педантизма. Въ школѣ изучали иностранные языки и обыкновенныя науки, но главное вниманіе было обращено на общую выправку, знаніе англійскаго языка, правильность выговора красоту и точность рѣчи и слога. Съ этой стороны миссъ Фрэнклинъ особенно круто прибрала къ рукамъ Маріанну. Провинціальный говоръ ея вскорѣ уступилъ мѣсто изящному лондонскому произношенію; фразы стали отчеканиваться въ строго размѣренныя формы; даже голосъ утратилъ рѣзкость и сдѣлался мягкимъ и ровнымъ. Домашнихъ поразила манерность прежде столь непосредственной дѣвочки; но съ теченіемъ времени искусственность исчезла, и привычка стала второй натурой. Маріанна Ивенсъ сохранила на всю жизнь особенную прелесть совершенно естественной и правильной рѣчи и пріятный и тихій голосъ. У своей учительницы она, сверхъ того, переняла умѣніе читать стихи, которое со временемъ развила до большого совершенства.

Школьныя подруги вообще любили Маріанну, не смотря на ея умственное превосходство и обращенное на нее вниманіе всѣхъ учителей. Кличка «мамаши» доказываетъ, что, сверхъ солидности, она уже въ то время отличалась нѣжностью и заботливостью. По словамъ одной изъ товарокъ 13-лѣтнюю Маріанну никто бы не могъ вообразить себѣ ребенкомъ, до того она была сосредоточена и серьёзна. Блѣдное лицо ея съ крупными угловатыми чертами имѣло въ себѣ такъ мало дѣтскаго, что родственникъ одной изъ ученицъ принялъ Маріанну за миссъ Фрэнклинъ, которую по слухамъ зналъ за даму среднихъ лѣтъ. Маріанна держалась въ школѣ особнякомъ, погруженная въ книги, думы и соображенія, чуждыя легкомысленнымъ школьницамъ. Но одиночество должно было сильно тяготить ее. Разъ она излила свою тоску въ стихахъ на внутренней обложкѣ общаго нѣмецкаго лексикона. Упомянутая выше подруга случайно увидала ихъ и была совершенно сбита съ толку. Какъ, ученая Маріанна, гранитная скала, плакала и томилась жаждой дружбы и симпатіи! Страстная душа дѣвочки искала выхода то въ экзальтированной религіозности, то въ занятіяхъ «запоемъ», то въ порывахъ къ мірской суетѣ. Противорѣчивые элементы ея богатой и сложной природы не могли еще улечься въ опредѣ-

ленныя сочетанія, боролись и бродили. Нервность и впечатлительность доходили у нея въ эту пору почти до болѣзненныхъ явленій.

На 16-мъ году Маріанна кончила курсъ наукъ въ заведеніи г-жъ Фрэнклинъ и вернулась домой, гдѣ ее вскорѣ поразило страшное горе—смерть любимой матери. Семья Ивенсовъ мало-по-малу распалась, сестра вышла замужъ и уѣхала; братъ женился. Маріанна осталась одна съ старикомъ отцомъ. Заботы о немъ и неизбѣжныя хлопоты по хозяйству, за которое она взялась съ энергіей и знаніемъ дѣла, служили ей убѣжищемъ противъ жгучаго горя первой безвозвратной потери. Она вела всѣ внутреннія дѣла фермы, поддерживала идеальный порядокъ, заведенный матерью, и сама дѣлала масло и сыры, не жалѣя своихъ рукъ. (Впослѣдствіи Дж. Эліотъ, у которой руки были необыкновенно красивы, говорила, что правая у нея шире лѣвой «отъ работы»). Но, не смотря на постоянную дѣятельность, она сильно тосковала въ осиротѣломъ домѣ, гдѣ многое перестало уже удовлетворять утонченную молодую леди, вышедшую изъ рукъ г-жъ Фрэнклинъ. Въ добавокъ между нею и братомъ обнаружился рѣзкій разладъ во взглядахъ, повлекшій къ окончательному охлажденію—съ его стороны, главнымъ образомъ. Маріанна долго не могла утѣшиться. Плѣнительныя страницы «Мельницы» и сонеты «Братъ и Сестра» ясно говорятъ о живучести ея привязанности къ брату и тоскѣ по поводу ихъ разошедшихся путей. Сюда же относится и слѣдующее замѣчаніе въ «Адамѣ Бидѣ»: «семейное сходство подчасъ грустная вещь. Великій драматургъ, природа, скрѣпляетъ насъ костями и мышцами и разъединяетъ въ болѣе тонкихъ тканяхъ мозга; переплетаетъ влеченія и антипатіи; привязываетъ нитями сердца къ существамъ, отталкивающимъ насъ ежеминутно. Мы видимъ глаза—точь въ точь глаза нашей матери—отворачивающіеся отъ насъ въ холодномъ отчужденіи». (Исаакъ Ивенсъ, кстати замѣтить, былъ весь въ родню матери; Маріанна—въ отцовскую).

Второй серьёзной причиной тоски Маріанны были религіозныя колебанія—противорѣчія между требованіями обрядовой религіи и той, которой жаждала ея душа. Противорѣчія эти, обостряясь по мѣрѣ того, какъ она думала и читала, внесли въ ея жизнь много никому невѣдомыхъ тревогъ и мукъ. Всегдашняя любовь къ чтенію не уменьшилась у молодой дѣвушки по выходѣ изъ школы, напротивъ постепенно наростала; но хозяйство и заботы объ отцѣ не позволяли отдавать много времени книгамъ.

Въ эту пору фермерства, она, между прочимъ, сдѣлалась весьма популярной въ средѣ поселянъ. Ей повѣрялись семейныя тайны и горести; у нея просили совѣта. Она не только не тяготилась, но даже любила входить въ жизнь и интересы всякаго человѣка. Способность сочувствовать была основнымъ свойствомъ ея природы. Служеніе ближнимъ удовлетворяло сверхъ того ея экзальтированному душевному настроенію и служило убѣжищемъ отъ внутреннихъ бурь. Такъ прожила Маріанна въ Нёнитонѣ до 20 слишкомъ лѣтъ.

Въ 1841 г. отецъ сдалъ Грифъ-гаузъ и всѣ дѣла сыну и переѣхалъ въ Фольсгилль, близъ г. Ковентри. Здѣсь началась для молодой дѣвушки иная, болѣе блестящая, почти исключительно умственная жизнь, давшая ей, вмѣстѣ съ серьёзнымъ и многостороннимъ образованіемъ, новый и болѣе широкій взглядъ на міръ, а въ томъ числѣ и на свое прошлое. Но какъ ни многимъ обязана великая писательница развивающимъ вліяніямъ послѣдующихъ годовъ, Нёнитонская жизнь дала ей именно то, что она признавала лучшимъ изъ своихъ качествъ—«органическую привычку любви и дружелюбныхъ отношеній къ окружающимъ» и «чувство кровнаго родства съ людьми».

Джорджъ Эліотъ не напрасно дорожила этими свойствами. Благодаря имъ, ея любовь къ человѣчеству была не искусственной филантропіей, усиливающейся по мѣрѣ разстоянія и разбивающейся въ прахъ о камни будничной дѣйствительности, а живымъ и дѣятельнымъ сочувствіемъ, чуждымъ сантиментальности и обольщеній, но за то способнымъ противостоять личнымъ разочарованіямъ. Точно также благодѣтельно отразились эти свойства и на ея литературной дѣятельности. Ея повѣсти такъ увлекательны и оставляютъ такое глубокое впечатлѣніе, потому что дышатъ правдой и неподдѣльнымъ, горячимъ чувствомъ. Маріанна Ивенсъ въ Грифъ-гаузѣ, совершенно непосредственно, въ силу обстоятельствъ и по естественному влеченію, дѣлила скорби и радости простыхъ душъ, гораздо раньше чѣмъ научилась теоретически понимать «величіе драматизма и поэзію, скрытые въ ихъ незрачной жизни»; прониклась интересомъ къ непритязательному будничному труду изъ ежедневныхъ столкновеній съ нимъ, прежде, чѣмъ ея глаза открылись на «значеніе этого труда въ жизни общества»; сблизилась съ скромной средой и привыкла уважать ея представителей, прежде нежели исключительное образованіе и развитіе открыло ей «тѣ блестящія возможности общей всѣмъ намъ человѣческой природы», въ виду которыхъ «самое убожество этихъ людей пріобрѣло въ ея гла-

захъ трогательный, умиляющій оттѣнокъ». — Долгому пребыванію въ одной мѣстности Дж. Эліотъ обязана, сверхъ обильнаго запаса точныхъ наблюденій, еще двумя выдающимися качествами ея романовъ — подробнымъ и точнымъ знакомствомъ со всѣми особенностями сельскихъ и провинціальныхъ нравовъ средней Англіи и глубокимъ знаніемъ языка различныхъ слоевъ общества. Наконецъ самый юморъ ея—наслѣдіе матери, и одно изъ главныхъ очарованій женщины и писательницы,—получилъ свои отличительныя черты въ Грифъ-гаузѣ. Маріанна по уму и развитію была съ дѣтства выше своей среды, какъ бы старше ея, и должна была смотрѣть критически на окружающихъ. Смѣшныя стороны, отсталость или недомысліе обывателей захолустья не могли остаться незамѣченными, потому что она была необыкновенно чутка ко всему забавному. Но при сердечномъ отношеніи къ средѣ, странности и слабости возбуждали не пренебреженіе или насмѣшку, а добродушную улыбку или веселый смѣхъ. Такими-то улыбками озарены лучшіе изъ ея романовъ— тѣ, въ которыхъ она, въ осязательно живыхъ типахъ, воспроизводитъ тихую и немного сонную жизнь англійской провинціи, въ милое ея сердцу, доброе старое до-реформенное время — и этотъ ясный юморъ пріобрѣтаетъ особую прелесть по контрасту съ ея серьёзнымъ, глубокимъ, подчасъ даже мрачнымъ взглядомъ на жизнь.—Рядомъ съ житейскимъ опытомъ, въ Маріаннѣ развивалось въ Нёнитонѣ врожденное поэтическое чувство подъ вліяніемъ мирныхъ красотъ природы. Даже чистый деревенскій воздухъ, столько лѣтъ проникавшій въ ея кровь, сдѣлалъ свое: онъ какъ будто даетъ себя чувствовать въ здоровой нравственной атмосферѣ ея произведеній и трезвомъ ясномъ пониманіи жизни и людей. Словомъ, Нёнитонъ дѣйствительно было за что поминать добромъ..

Загородный домъ Фольсгилль — новое жилище м-ра Ивенса —тоже стоялъ въ живописной мѣстности. Онъ былъ изящнѣе и больше Грифъ - гауза и подобно ему окруженъ садомъ. Садомъ этимъ Маріанна много занималась, стараясь сдѣлать его похожимъ на прежній, съ которымъ было связано много дорогихъ воспоминаній; она заботилась также гораздо больше о внутреннемъ убранствѣ и комфортѣ дома и своихъ туалетахъ. Но затѣмъ—свободная отъ хозяйственныхъ хлопотъ и предоставленная себѣ съ утра и до вечера (отецъ былъ въ частныхъ разъѣздахъ по дѣламъ)—она наконецъ могла уйти въ книги, къ которымъ ее такъ давно тянуло. Жизнь въ Фольсгиллѣ, какъ уже было замѣчено, сдѣлалась для молодой дѣвушки періодомъ обогащенія

солидными и разнообразными познаніями, періодомъ высокаго умственнаго развитія и вообще расцвѣта. Матерьяльное положеніе м-ра Ивенса значительно улучшилось, и Маріанна могла нетолько дополнять свою библіотеку, но и позволить себѣ роскошь учителей по разнымъ спеціальностямъ. Она брала уроки греческаго, латинскаго и итальянскаго языка, старалась усовершенствоваться въ французскомъ и нѣмецкомъ, и сама выучилась немного по-еврейски. Музыкѣ и пѣнью (у нея былъ небольшой, но пріятный контральтъ) училъ ее старый нѣмецъ, органистъ ковентрійскаго собора, чудакъ, но артистъ въ душѣ, научившій ее любить нѣмецкихъ композиторовъ. Умѣніемъ передавать духъ Бетховена и Шуберта, она была обязана герру Симсу. За то Дж. Эліотъ и платила ему дань благодарности въ лицѣ выводимыхъ ею энтузіастовъ музыки, немного забавныхъ, но всегда симпатичныхъ.

Въ Фольсгиллѣ разыгрался также первый романъ Маріанны. Ей очень нравился одинъ молодой человѣкъ, который былъ настолько не по душѣ м-ру Ивенсу, что онъ настоялъ на разрывѣ. Разрывъ этотъ оставилъ большую пустоту въ замкнутой жизни дѣвушки; но по счастью одно обстоятельство вывело ее вскорѣ и разъ навсегда изъ одиночества внѣшняго и внутренняго. Она познакомилась съ семействомъ Брей—молодой четой, поселившейся по сосѣдству въ Розгиллѣ, и вошла въ кругъ людей свѣтскихъ и крайне образованныхъ, чуждыхъ англійской исключительности, вслѣдствіе живыхъ умственныхъ связей съ континентомъ, но сохранившихъ во всей неприкосновенности преданія англійской семейной жизни.

Въ Розгиллѣ, гдѣ все дышало довольствомъ, радушіемъ и непринужденностью, серьезно занимались литературой, много читали и увлекались философскими и теологическими вопросами. М-ръ Брей, сынъ богатаго фабриканта, былъ по призванью философъ-позитивистъ, успѣлъ уже написать нѣсколько выдающихся статей и подготовлялъ свою «философію необходимости». Миссисъ Брей была очень милая особа и принадлежала къ большой семьѣ, весьма талантливой и дружной. Сама она тоже писала книжки—разсказы для дѣтей—но больше занималась собственными дѣтьми и много времени отдавала заботамъ о бѣдныхъ прихода. Маріанна Ивенсъ сдѣлалась вскорѣ членомъ розгилльской семьи, но особенно сошлась съ сестрой хозяйки Сарой Геннель, поглощенной въ это время философскими и метафизическими трактатами. Понятно, какое вліяніе долженъ былъ имѣть подобный кружокъ на молодую дѣвушку, въ которой сырой ма-

терьялъ, накопленный изъ жизни и книгъ, не успѣлъ еще прійти въ ясность и порядокъ. Возможность высказаться, наконецъ, вполнѣ, постоянный обмѣнъ мыслей, дружеское общеніе съ людьми, равными по развитію, но болѣе опытными и знающими, послужили для ума Маріанны тѣмъ толчкомъ, отъ котораго происходитъ кристаллизація насыщеннаго раствора. Дружба съ съ семействомъ Брей послужила ей сверхъ того существенной поддержкой въ различныхъ огорченіяхъ и испытаніяхъ фольсгильской жизни.

Въ ранней молодости Маріанна Ивенсъ, какъ мы говорили, была очень религіозна и, по собственному выраженію, «всячески старалась привести англійскую quasi-христіанскую жизнь въ нѣкоторое согласіе съ духомъ и требованіями евангелія». Воспитанная въ нѣдрахъ англиканской церкви, она не уклонялась ни въ какія религіозныя общества, но искала знакомства съ диссидентами разныхъ сектъ «отъ анабаптистовъ до унитаріанцевъ», надѣясь найти отвѣтъ на тревожившіе ее вопросы или указаніе пути «къ жизни болѣе достойной чѣмъ простое существованіе ради самой себя» [1]). 17-ти лѣтъ, Маріанна была страстной евангелисткой подъ вліяніемъ одного мѣстнаго проповѣдника и благочестивой тетки (Елизаветы Ивенсъ, послужившей образцомъ для созданія Дины). Старушка жила на сѣверѣ, но время отъ времени посѣщала Грифъ-гаузъ и вела долгія бесѣды съ племянницей. Въ Фольсгиллѣ въ молодой дѣвушкѣ почти внезапно произошелъ давно подготовлявшійся переворотъ; и тетка, найдя ее здѣсь въ мрачномъ отрицательномъ настроеніи, съ болью въ сердцѣ отшатнулась отъ своей прежней любимицы. Вся родня пришла въ смятеніе. Уже раньше замѣчали, что съ Маріанной что-то неладно; когда же убѣдились въ ея отступничествѣ, то ее стали всячески мучить и преслѣдовать. Даже ея вѣчный заступникъ, нѣжно-любимый отецъ, и тотъ возсталъ противъ нея. Послѣднее было невыносимо больно Маріаннѣ: она тосковала до болѣзни и проливала слезы «ведрами». Дочь не могла лицемѣрить; отецъ не могъ усвоить себѣ ея точки зрѣнія и понять ея чувствъ; оба были способны горячо отстаивать свои убѣжденія словомъ и дѣломъ, и потому разладъ между ними дошелъ до того, что Маріанна, въ припадкѣ отчаянія, чуть не ушла изъ родительскаго дома. Участіе и вмѣшательство розгилльскихъ дру-

[1]) Она говорила впослѣдствіи, что „желала найти нѣчто такое, что для нравственной жизни соотвѣтствовало бы прибавленію большого центральнаго узла къ нервной системѣ животныхъ".

зей удержало ее отъ неразумнаго поступка. М-ръ Брей успѣлъ убѣдить ее, что уступка отцу, напримѣръ, относительно хожденія въ церковь, не будетъ ни лицемѣріемъ, ни малодушіемъ, а исполненіемъ прямого долга по отношенію къ старику, глубоко-убѣжденному и достойному уваженія, и она пошла на компромиссы, водворившіе снова покой въ семьѣ, но, разумѣется, не въ ея сердцѣ. Прошли года, прежде, чѣмъ Маріанна нашла мирное рѣшеніе смущавшихъ ее вопросовъ въ ученіи позитивистовъ, любви къ человѣчеству и вѣрѣ въ его будущее; слѣды же пережитыхъ страданій остались въ ней навсегда, наложивъ особый оттѣнокъ печали на ея личный характеръ и на ея произведенія.

Между тѣмъ, разъ возбужденные толки не унимались, хотя внѣшнихъ поводовъ къ нимъ уже не было. Тетушки и кумушки, продолжая ахать и сокрушаться по поводу загробной участи Маріанны, значительно отягчали ея существованіе по сю-сторону вѣчности. Ея стали избѣгать въ обществѣ, и мѣстный пасторъ чуть-было не запретилъ своей дочери продолжать съ ней занятія нѣмецкимъ языкомъ и даже знакомство. По счастью, однако, почтенный служитель церкви пожелалъ сначала откровенно поговорить съ отступницей и послѣ этой бесѣды пересталъ бояться за спасеніе души дочери. Пріятельницы продолжали читать вмѣстѣ Гёте и Шиллера, а миссъ Мери—развиваться подъ благотворнымъ вліяніемъ миссъ Ивенсъ. Воспоминаніе объ этихъ урокахъ не изгладилось у ученицы до позднихъ лѣтъ. Она любила разсказывать, какъ однажды миссъ Ивенсъ сразу осадила ея молодое самомнѣніе словами: «мы всѣ склонны судить о себѣ потому, что собираемся совершить, а не по тому, что сдѣлали». Или какъ разъ, на ея замѣчаніе, что въ «Валленштейновомъ лагерѣ» лица «такъ похожи на настоящихъ людей», наставница рѣзко воскликнула: «Похожи! Скажите лучше, что это настоящіе люди». И стала приводить примѣры изъ разговоровъ англійскихъ поселянъ, извощиковъ, мясниковъ и др. простолюдиновъ, съ неподражаемой вѣрностью интонаціи и склада рѣчи.

Въ Розгиллѣ, разумѣется, не были исключительно поглощены философіей и метафизикой. Веселости, шутокъ и всякихъ молодыхъ затѣй было достаточно, при почти ежедневныхъ свиданіяхъ близкихъ родственниковъ и короткихъ знакомыхъ. Серьезная Маріанна Ивенсъ способствовала оживленію общества не менѣе брата хозяйки, Е. Геннеля, неистощимаго въ забавныхъ выходкахъ. Никто изъ постороннихъ не заподозрилъ бы въ этой сосредоточенной, молчаливой и даже нѣсколько угрюмой съ виду

дѣвушкѣ того неистощимаго запаса юмора и блестящаго остроумія, которымъ надѣлила ее природа. Сама она не знала за собой этихъ свойствъ: при ея уединенной жизни имъ не было случая развернуться. Даже многіе изъ хорошихъ знакомыхъ считали ее только необыкновенно умной, но слишкомъ впечатлительной особой, наклонной къ задушевнымъ разговорамъ или даже слезамъ, скорѣе чѣмъ къ шуткамъ. Веселость находила на нее приступами, въ кругу близкихъ людей; и тогда Маріанна была неузнаваема даже по наружности. Лицо ея, вообще некрасивое и какъ бы не-женское, мѣнялось или преображалось согласно настроенію и внутреннему оживленію. Одна дама, видѣвшая ее вечеромъ «въ ударѣ», и восхищавшаяся ея сіяющими глазами и очаровательной улыбкой, при встрѣчѣ на слѣдующее утро, не хотѣла вѣрить, что передъ ней одна и та же особа. Находили вообще, что «миссъ Ивенсъ хорошѣетъ съ годами». Внутренняя красота замѣняла недостатокъ внѣшней, и выраженіе, полное доброты и мягкости, стушевывало рѣзкія черты. Впрочемъ, она обыкновенно производила на всѣхъ хорошее впечатлѣніе своей оригинальной и умной физіономіей [1]), пріятнымъ голосомъ и присущимъ всей ея особѣ изяществомъ.

По письмамъ Маріанны видно, что изъ прочитанныхъ ею за это время книгъ, на нее особенно подѣйствовало «Изслѣдованіе о происхожденіи христіанства». Она называла это чтеніе скорымъ рожденіемъ. Чтобы, однако, убѣдиться окончательно въ аргументахъ автора, она рѣшилась, съ свойственной ей добросовѣстностью, перечесть вновь всю Библію, отъ доски до доски вмѣстѣ съ миссъ Геннель. Въ это же время она изучала Огюста Конта подъ вліяніемъ бесѣдъ съ м-ромъ Брей. Хотя послѣдній былъ очень занятъ, но часто отрывался отъ своего сочиненія для разсужденій и споровъ съ миссъ Ивенсъ. Спорили они обыкновенно съ ожесточеніемъ, и Маріаннѣ случалось убѣгать изъ Розгилля совершенно внѣ себя. Дружескія отношенія отъ этого ни мало не страдали и прерванный разговоръ возобновлялся на другой же день съ новымъ жаромъ.

Въ 1842 г., вышло въ свѣтъ соч. Штрауса, «Leben Jesu». Въ Розгиллѣ имъ увлеклись настолько, что рѣшили перевести на англійскій языкъ. М-ръ Геннель нашелъ издателей и указалъ на переводчицу—дочь извѣстнаго ученаго теолога Бребента, которая была въ перепискѣ съ какими-то германскими мысли-

---

[1]) Находили, что она похожа на Савонаролу. Подруги дразнили ее сходствомъ съ Дантомъ.

телями, отлично знала нѣмецкій языкъ и теологическія тонкости; Миссъ Бребентъ изъявила согласіе и усердно принялась за работу, но на полъ-или даже четверти пути увлеклась м-ромъ Геннелемъ, который, въ свою очередь, плѣнился ею. Приготовленія къ свадьбѣ отвлекли мысли обоихъ отъ Штрауса, и «Leben Jesu» такъ бы и остался недоконченнымъ, еслибъ М. Ивенсъ, видя затрудненіе невѣсты, не предложила своихъ услугъ. Это произошло въ Тенби, во время лѣтняго пребыванія всей компаніи на морскомъ берегу. Кстати замѣтить, что здѣсь обѣ переводчицы столь серьезнаго теологическаго сочиненія не проявляли соотвѣтствующей солидности и даже задумали однажды отправиться въ мѣстный клубъ на балъ... принесшій, впрочемъ, одни разочарованія... Кавалеровъ было мало и барышни жестоко проскучали.

Не легкую задачу взяла на себя Маріанна въ минуту великодушія. При всей своей выдержкѣ, она порой просто изнемогала надъ переводомъ и окончила его не прежде трехъ лѣтъ; да и то только при поощреніи друзей, заботившихся вмѣстѣ съ тѣмъ объ ея отдыхѣ и развлеченіи. Виновница ея мукъ, молодая г-жа Геннель увезла ее, между прочимъ, гостить къ д-ру Бребенту, сильно скучавшему послѣ замужества своей веселой и ученой дочки. Добрый старикъ не былъ педантомъ, и жизнь съ нимъ была легка. Тѣмъ не менѣе, въ атмосферѣ дома существовало вѣроятно, нѣчто особенное, потому что здѣсь народился въ умѣ М. Ивенсъ образъ Кэзобона и Доротеи. Документомъ служитъ письмо, гдѣ она, въ припадкѣ веселости, мистифицируетъ розгильскихъ друзей и сообщаетъ приблизительно слѣдующее: «наконецъ-то имѣла она счастье познакомиться съ настоящимъ нѣмецкимъ ученымъ. Отъ него и его костюма, правда, вѣетъ немало затхлостью,—но это пустяки. Важно то, что профессоръ пріѣхалъ въ Англію съ цѣлью перевести на англійскій языкъ свои сочиненія—интереснѣйшія изслѣдованія древности до Хеопса и изображенія гіероглифовъ—томовъ двадцать, неизданныя дома по интригамъ завистниковъ. Но что еще важнѣе—профессоръ желаетъ найти переводчицу и жену въ одномъ лицѣ. Онъ знаетъ, что имя переводчицъ легіонъ, но большинство невѣжественно и вообще не удовлетворяетъ его требованіямъ. Ему нужна жена, отлично знающая нѣмецкій языкъ, очень дурная собой и обладающая небольшимъ капитальцемъ, котораго хватило бы ему на табакъ и пиво, за покрытіемъ издержекъ по изданію. За этимъ-то фениксомъ онъ и пріѣхалъ въ Ковентри по совѣту друзей». Въ ней (т.-е. М. Ивенсъ) онъ нашелъ искомый идеалъ

и, не теряя времени, сдѣлалъ ей предложеніе. Она, благоразумно сознавая, что это для нея послѣдній шансъ, дала слово; и отецъ, хотя и былъ противъ брака съ иностранцемъ, тоже изъявилъ согласіе, подъ условіемъ, впрочемъ, чтобы профессоръ не увозилъ ее изъ Англіи. Свадьба назначена черезъ недѣлю. Она надѣется, что друзья пріѣдутъ и т, д.»

Переводъ Штрауса былъ испытаніемъ еще съ другой стороны. Ко времени его окончанія, доброхотные издатели успѣли разсѣяться и позабыть о своихъ намѣреніяхъ, и книга вышла въ свѣтъ единственно по щедрости одного изъ богатыхъ знакомыхъ Розгилля. Издатель (Ченменъ) за трехлѣтніе труды и превосходно выполненную работу могъ предложить всего 20 фунтовъ. Зато М. Ивенсъ стала извѣстна многимъ лондонскимъ знаменитостямъ какъ переводчица Штрауса.

Оскомина, набитая первой литературной работой, и кошмары, навѣянные ученой теологіей д-ра Бребента, прошли у Маріанны очень скоро. Отдохнувъ, она принялась исподволь за Фейербаха (Сущность Христіанства), а тамъ за Спинозу (о Богѣ)—изъ одной любви къ предмету, потому что матеріальныхъ выгодъ трудно было ожидать на основаніи перваго опыта. Оба перевода были признаны знатоками за цѣнный вкладъ въ англійскую литературу. Удовольствіе работы и радость успѣха были, однако, въ это время отравлены для Маріанны болѣзненнымъ состояніемъ отца. Пребываніе на о. Уайтѣ, куда доктора отправили м-ра Ивенса, не принесло никакой пользы, и онъ медленно угасалъ въ теченіе цѣлаго года. На Уайтѣ, въ свободные часы, и затѣмъ дома, для развлеченія больного, она читала много романовъ. В. Скоттъ былъ любимымъ авторомъ м-ра Ивенса, да и дочь его никогда не измѣняла писателю, доставлявшему ей столько наслажденія въ дѣтствѣ, и потому всѣ лучшіе его романы были прочитаны ею вновь.

Смерть м-ра Ивенса повергла его дочь въ такое состояніе тоски и унынія, что друзья порѣшили увезти ее поскорѣе на континентъ, въ Швейцарію и Италію, въ надеждѣ на благотворное вліяніе перемѣны мѣста и красотъ природы. Они ошиблись. Нервы Маріанны были до того разстроены—отчасти можетъ быть вслѣдствіе физическаго утомленія при уходѣ за больнымъ отцомъ,—что ее ничто не радовало. Она какъ будто не замѣчала величественныхъ картинъ, представлявшихся въ первый разъ ея глазамъ, часто истерически рыдала и сверхъ того отравляла экскурсіи верхомъ и въ экипажѣ, пугаясь альпійскихъ пропастей и спусковъ до ребячества. Тѣмъ характернѣе слѣдующій маленькій эпизодъ

изъ экскурсіи въ Шамуни: когда проводники привели лошадей, то одно изъ дамскихъ сѣделъ оказалось столь плохо пригнаннымъ, что сидѣвшая на немъ рисковала ежеминутно съѣхать на бокъ, пожалуй съ опасностью жизни, при отсутствіи навыка. Лишь только зашла объ этомъ рѣчь между м-ромъ Брей и проводниками, М. Ивенсъ, не взирая на всѣ убѣжденія, вскочила въ зловѣщее сѣдло и на этотъ разъ ни пропасти, ни спуски не вызвали въ ней признаковъ трусости.—Путешествіе такъ мало поправило душевное состояніе М. Ивенсъ, что супруги Брей, на обратномъ пути, уговорили ее отложить возвращеніе въ Англію и оставили ее въ Женевѣ.

Женева пришлась по сердцу Маріаннѣ. Она тамъ жила и для красотъ природы, и для другихъ интересовъ. Чудныя окрестности, полныя завѣтныхъ воспоминаній, увлекали ее въ далекія прогулки. Она изучала Руссо, Вольтера, Сенъ-Симона, Прудона и др. французскихъ писателей, восхищаясь преимущественно первымъ. Политическія событія 1849 года тоже волновали ее, хотя она не вѣрила въ спасительность внезапныхъ переворотовъ. Въ Женевѣ она подружилась съ семействомъ художника д'Альбера, въ домѣ котораго жила около восьми мѣсяцевъ. По мнѣнію біографа Дж. Эліота, симпатичный Филиппъ «Мельницы» похожъ на д'Альбера, отличавшагося образованіемъ и утонченностью. Можно сверхъ того прочесть между строками, что молодой художникъ питалъ къ Маріаннѣ чувства сильнѣе простой дружбы; изъ самихъ же строкъ мы узнаемъ только, что онъ былъ ей весьма преданъ, писалъ ея портретъ, вызвался проводить робкую путешественницу въ Англію и, по странной случайности, перевелъ впослѣдствіи «Адама Бида», не подозрѣвая имени автора.

Возвращеніе въ Ковентри было не радостное. Не говоря о воспоминаніяхъ, всплывшихъ при видѣ знакомыхъ мѣстъ, для Маріанны не существовало уже родного дома, и вопросъ о кровѣ и средствахъ къ жизни выдвигался на первый планъ. Жить у родственниковъ, Пуллетовъ и Глегговъ, было то же, что «идти на распятіе». Попытки поселиться у брата ярче прежняго освѣтили образовавшуюся между ними пропасть, и потому пришлось уступить убѣжденіямъ розгилльскихъ друзей и переѣхать къ нимъ.—Вся обстановка этого дома была какъ нельзя болѣе приспособлена, чтобы разсѣять тоску. Видъ изъ оконъ и балконовъ былъ очарователенъ; садъ не оставлялъ ничего желать; для занятій и чтенія былъ полный просторъ; въ домѣ были дѣти, которыхъ Маріанна очень любила; симпатичные хозяева были искренно расположены къ ней; избранные и пріятные посѣтители поддержи-

вали постоянное оживленіе... И тѣмъ не менѣе, ни веселія, ни счастія въ душѣ Маріанны не было. Напротивъ, мрачное настроеніе ея бросалось въ глаза даже постороннимъ—хотя всѣ неизбѣжно очаровывались ея разговоромъ, все равно—была ли она въ печальномъ, серьезномъ или веселомъ настроеніи. Друзей —ея душевный мракъ тревожилъ и огорчалъ. Были ли у Маріанны какія либо особыя причины для огорченія, неизвѣстно. По замѣчанію ея біографа, «тоска, слезы и постоянное внутреннее безпокойство служили, быть можетъ, выраженіемъ стремленія къ болѣе широкому поприщу, или предвѣстниками близкаго перелома. Она въ ту пору не успѣла еще выработать въ себѣ той покорности судьбѣ, которою отличалась впослѣдствіи».—Въ такомъ тяжеломъ душевномъ состояніи Маріанна получила письмо изъ Лондона: д-ръ Чепменъ, съ которымъ она познакомилась годъ назадъ, проѣздомъ черезъ Лондонъ, предлагалъ ей мѣсто при редакціи *Вестминстерскаго Обозрѣнія*. Безъ всякихъ колебаній, и даже съ радостью, приняла она это предложеніе, хотя ей было жаль разстаться съ розгилльскими друзьями. Ее манила перспектива самостоятельнаго труда, возможность испытать наконецъ свои силы,—и она, не теряя времени, собралась въ Лондонъ (1851).

Въ Лондонѣ, въ домѣ м-ра Чепмена [1]), гдѣ Маріанна Ивенсъ прожила цѣлый годъ, она очутилась сразу въ центрѣ кружка выдающихся мыслителей и литераторовъ. Гербертъ Спенсеръ, Дж. Льюисъ, братъ и сестра Мартино, Комбъ, Форбсъ и др., участвовали въ *Вестминстерскомъ Обозрѣніи*, сдѣлавъ этотъ журналъ передовымъ выразителемъ философской и научной мысли того времени. Новая сотрудница пріобрѣла очень скоро общія симпатіи и сдѣлалась необходимымъ членомъ блестящаго общества, собиравшагося въ извѣстные дни у редактора.

М. Ивенсъ была сначала помощницей редактора по отдѣлу критики и библіографіи. Но съ 1853 г. устранилась отъ обязанности, бывшей ей не по-сердцу, и до 1858 г. участвовала въ журналѣ лишь отдѣльными статьями.

Г-жа Блайндъ оказала большую услугу всѣмъ почитателямъ Дж. Эліота, остановившись съ нѣкоторой подробностью на ея журнальной дѣятельности. Статьи М. Ивенсъ, не обратившія на себя въ то время особеннаго вниманія, нелюбимыя ихъ авторомъ [2])

---

[1]) У жены д-ра Чепмена былъ родъ пансіона, въ который допускались избранные сотрудники—дебютанты.

[2]) Особенно не любила она библіографическихъ статей и сохранила эту антипатію до конца жизни. „Не требуйте отъ меня критическихъ отзывовъ (пишетъ Дж. Эліотъ въ 1875 г. американкѣ, желавшей знать ея мнѣніе о какой-то книгѣ). Роль судьи

и до начала нынѣшняго года не имѣвшія особаго изданія [1]), нетолько интересны по содержанію и остроумному, блестящему изложенію, но драгоцѣнны для ознакомленія съ личностью великой писательницы. «М. Ивенсъ — (замѣчаетъ ея біографъ) не успѣла еще спрятаться подъ маску Дж. Эліота, и мы, такъ сказать, проникаемъ за кулисы и видимъ ее, какой она была прежде, нежели вошла въ роль романиста и стала показываться свѣту подъ личиной своихъ дѣйствующихъ лицъ. Изъ этихъ статей, написанныхъ въ цвѣтущую пору жизни, мы узнаемъ ея мнѣнія о разныхъ предметахъ, имена любимыхъ и нелюбимыхъ писателей, ея взглядъ на искусство и литературныя произведенія, ея отношеніе къ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ дня, ея представленія о жизни вообще. Тутъ много такого, что мы ожидали встрѣтить, но много и поражающаго насъ неожиданностью». Въ этихъ журнальныхъ статьяхъ насъ удивляетъ сверхъ того начитанность и многосторонность ихъ автора. Запасъ познаній, пріобрѣтенныхъ до переѣзда въ Лондонъ, долженъ былъ очевидно постепенно дополняться подъ вліяніемъ серьезныхъ занятій и новой среды, интересы которой сосредоточивались преимущественно на философскихъ и біологическихъ вопросахъ [2]). Но любопытно, что знакомство съ естественными науками проявлялось, уже въ самомъ началѣ литературной дѣятельности М. Ивенсъ, въ тѣхъ сравненіяхъ и замѣчаніяхъ, которыя впослѣдствіи ставили въ упрёкъ Дж. Эліоту, считая ихъ, вдобавокъ, чѣмъ-то напускнымъ и взятымъ съ чужихъ словъ. — Предѣлы очерка не допускаютъ подробностей; ограничимся поэтому заглавіями лучшихъ статей и указаніемъ нѣкоторыхъ особенно интересныхъ этюдовъ: „Carlyle's Life of Sterling", Jan. 1852; „Woman in France: M-me de Sablè", Oct. 1854; „Evangelical teaching: Dr. Cumming", Oct. 1855; „German wit: Heinrich Heine", Jan. 1856; „Silly Novels by Lady Novelists", Oct. 1856; „The natural History of German Life", July 1856; „Worldliness and other-Worldliness: the poet Joung", Jan. 1857.

мнѣ ненавистна, и я скорѣе готова убѣждать публику, что она много выиграетъ, читая книгу безъ предвзятыхъ мыслей, чѣмъ навязывать ей мои личные вкусы. Потоки вздора, печатаемаго подъ именемъ критическихъ очерковъ, кажутся мнѣ одними изъ бичей нашего времени, существеннымъ препятствіемъ къ истинному развитію".

[1]) Только въ февралѣ вышли въ Лондонѣ особымъ изданіемъ журнальныя статьи Дж. Эліота, избранныя ею самой, подъ заглавіемъ: „Essays by George Eliot" (Blackwood); къ нимъ присоединена часть ея записной книжки, еще неизвѣстная публикѣ.

[2]) Всякій помнитъ, что начало пятидесятыхъ годовъ было временемъ появленія книги Дарвина „О происхожденіи видовъ" и вообще расцвѣтомъ естествознанія въ Англіи.

Всего любопытнѣе, конечно, знать взгляды М. Ивенсъ на женщинъ, на задачи искусства, на беллетристику вообще, и въ частности, на тотъ родъ повѣстей, въ которомъ ей было суждено стяжать впослѣдствіи громкую славу—повѣстей изъ сельскаго и провинціальнаго быта.

Въ статьѣ: «Женщина во Франціи», мы читаемъ, между прочимъ, что однѣ только француженки имѣли положительное вліяніе на развитіе литературы. «Только во Франціи внезапное исчезновеніе произведеній женскаго пера оставило бы замѣтный пробѣлъ въ національной исторіи». Объясняется это тѣмъ, что «однѣ француженки имѣли храбрость быть женщинами. Онѣ думали и чувствовали какъ женщины, и если брались за перо, то высказывались непосредственно, руководясь личнымъ опытомъ, личными впечатлѣніями—словомъ, жили своимъ умомъ, а не шли рабски по слѣдамъ мужчинъ. Оттого ихъ письма, мемуары, романы и даже картины, своеобразны и имѣютъ важное, можно сказать, единственное значеніе для историка». Совсѣмъ инымъ путемъ, т.-е. путемъ подражанія, шли англичанки, и соотвѣтственно этому ихъ произведенія въ большинствѣ случаевъ блѣдны и лишены оригинальности. — Важнымъ условіемъ превосходства француженокъ надъ прочими европейскими женщинами авторъ считаетъ, между прочимъ, большую свободу въ отношеніяхъ половъ. «Боже избави отъ аналогіи легкой французской морали, но нельзя отрицать, что союзы, заключенные при полной зрѣлости мысли и чувства, основанные единственно на взаимномъ влеченіи и внутренней гармоніи, способствовали умственному сближенію мужчинъ и женщинъ и отвели послѣднимъ болѣе высокую роль въ жизни и политическихъ событіяхъ». «Покой и увѣренность брачной жизни благопріятны проявленію высшихъ качествъ у людей, уже достигшихъ высокаго уровня; но рѣдко питаетъ страсть довольно сильно, чтобы вызвать и обострить всѣ способности человѣка до высшей степени, ради обладанія любимымъ предметомъ;—чтобы превратить лѣнь въ дѣятельную энергію, индифферентизмъ въ ярый духъ партіи и надѣлить проницательностью даже людей вообще тупыхъ» (М. Ивенсъ какъ бы отстаиваетъ здѣсь союзъ, предназначенный ей самой).—Разсуждая о женщинахъ вообще, и нѣмкахъ и англичанкахъ въ частности, М. Ивенсъ замѣчаетъ, что «на теперешней ступени развитія женщины, даже богато одаренныя, рѣдко способны идти далѣе усвоенія чужихъ мыслей. Въ нихъ не успѣло накопиться количество энергіи, необходимое для самостоятельнаго творчества: вольтовъ столбъ не

довольно силенъ для кристаллизаціи. Благопріятныя условія могутъ, однако, быстро подвинуть ихъ на требуемую высоту».

Высшей задачей искусства М. Ивенсъ (см. «Нелѣпыя повѣсти») считаетъ правду и естественность, и находитъ, что антитезъ реализма—ложь и фальшь, а вовсе не идеализмъ, совмѣстимый съ художественной правдой въ твореніяхъ высшаго порядка (прим., Сикстинская Мадонна). Она признаетъ истинное искусство великимъ цивилизующимъ средствомъ, «потому что правдивая картина человѣческой жизни, созданная великимъ художникомъ, увлекаетъ вниманіе даже пошлыхъ и себялюбивыхъ людей, незамѣтно для нихъ самихъ, къ предметамъ, лежащимъ внѣ ихъ; а такого рода вниманіе можно уже назвать сырымъ матеріаломъ сочувствія». Искусство, какъ приближеніе къ жизни, расширяетъ опытъ и увеличиваетъ число точекъ соприкосновенія между людьми».—При изображеніи народной жизни и ея неизмѣнныхъ нуждъ и интересовъ, на художникѣ лежитъ болѣе серьезная отвѣтственность за правду, нежели при изображеніи искусственныхъ и условныхъ формъ существованія высшихъ круговъ, потому что ложныя понятія и ложное направленіе нашихъ симпатій относительно меньшей и обездоленной братьи имѣютъ громадное значеніе.—Вошедшія въ моду «сельскія идилліи» ей не по душѣ, потому что онѣ лживы. Простолюдинъ, встрѣчаемый въ книгахъ, на картинахъ и на сценѣ, не похожъ на простолюдина истиннаго. М. Ивенсъ нападаетъ на замашку выставлять простой народъ цвѣтущимъ, улыбающимся и отпускающимъ остроты, или же наивнымъ и простодушнымъ. «Труженики съ виду не приглядны и обыкновенно серьезны, если не унылы. Веселыми они становятся всего чаще подъ пьяную руку и тогда шутятъ и смѣются не по нашему; настоящее царство остроумія и вымысла для записного деревенскаго весельчака находится на днѣ третьей кварты».—Что касается деревенскаго простодушія, то, по мнѣнію М. Ивенсъ, «молотильщикъ безспорно окажется въ большинствѣ случаевъ наивнымъ въ сложномъ ариѳметическомъ обманѣ, но зато ловко унесетъ часть хозяйскаго зерна въ карманахъ или обуви; жнецъ не будетъ сочинять просительныхъ писемъ, но съумѣетъ ухаживать за ключницей въ надеждѣ выманить бутылку эля, вмѣсто положеннаго легкаго пива». «Себялюбивые инстинкты человѣка не побѣждаются зрѣлищемъ полевыхъ цвѣтовъ, и безкорыстіе не насаждается классическимъ сельскимъ занятіемъ мытья овецъ. Чтобы сдѣлать людей нравственными, не достаточно поставить ихъ на подножный кормъ» — заключаетъ

писательница, умѣвшая соединить глубокое знаніе простого люда и безпристрастный взглядъ на него—съ горячей любовью.

Статьи: «Евангелическое ученіе» и «Суетность въ этомъ и томъ мірѣ» («Worldliness and oiher-Worldliness»), принадлежатъ къ наиболѣе блестящимъ и остроумнымъ произведеніямъ М. Ивенсъ. Въ жестокихъ нападкахъ ея на ханжество и особенно на лицемѣріе, создавшее цѣлую систему лазеекъ и уклоненій отъ евангельскаго закона подъ предлогомъ его истолкованія, можно видѣть, до чего были еще свѣжи раны ея сердца и память пережитой борьбы съ рутиннымъ благочестіемъ. Но тонъ этихъ злыхъ и ядовитыхъ насмѣшекъ тѣмъ не менѣе поражаетъ читателя неожиданностью. — Въ статьѣ, посвященной Юнгу, его «Ночамъ» и его астрономической религіи въ частности, а лицемѣрію по преимуществу,—мы встрѣчаемъ между прочимъ мотивъ, столь знакомый по «Адаму Биду» и другимъ повѣстямъ великой писательницы—первое заявленіе открытой симпатіи ко всему здѣшнему и не-заоблачному, земному, общему всѣмъ людямъ.

Незначительный журнальный заработокъ, вмѣстѣ съ 80 — 100 фунтами въ годъ, завѣщанными отцомъ, вполнѣ удовлетворялъ скромнымъ требованіямъ М. Ивенсъ, позволяя ей даже помогать роднымъ. Она жила въ небольшой квартиркѣ недалеко отъ Гайдъ-парка, много читала и въ то же время переводила «Этику» Спинозы для собственнаго удовольствія.

Трудовую лондонскую жизнь М. Ивенсъ разнообразила поѣздками къ знакомымъ въ Розгиллъ, Эдинбургъ и окрестности. Въ обществѣ она бывала не часто и вообще предпочитала сидѣть дома или быть въ пріятельскомъ кругу. Въ числѣ ея друзей первое мѣсто занималъ Гербертъ Спенсеръ, оставшійся всю жизнь преданнымъ ей человѣкомъ, и Дж. Г. Льюисъ, судьба котораго стала вскорѣ неразлучной съ ея собственной.

Льюисъ былъ необыкновенно талантливый, живой и многосторонній человѣкъ, но неусидчивый и склонный къ увлеченіямъ. Онъ началъ свое поприще клэркомъ (приказщикомъ) въ торговой конторѣ, откуда бѣжалъ на медицинскій факультетъ—не надолго впрочемъ. До 30 лѣтъ онъ успѣлъ испробовать свои силы въ области публицистики, критики, романа, біографіи, драмы и философіи (манившей его, между прочимъ, еще со временъ бѣднаго студенчества); много читалъ онъ, много путешествовалъ, былъ гдѣ-то лекторомъ, издавалъ газету, игралъ даже на сценѣ — «роль арлекина съ странствующей трупой», по увѣренію злоязычныхъ друзей. Про него ходило вообще много анекдотовъ, и онъ добродушно позволялъ трунить надъ собой. Его называли и ртутью, и вѣчнымъ

жидомъ за непосѣдство, и постоянно ждали какой-нибудь безумной выходки съ его стороны. Теккерей увѣрялъ, напр., что ни мало не удивится, встрѣтивъ въ одно прекрасное утро своего друга Дж. Г. Льюиса въ Пиккадилли на бѣломъ слонѣ. Льюисъ напоминалъ иностранца по непринужденности пріемовъ, а также небрежности костюма и отсутствію ухода за шапкой курчавыхъ волосъ, лежавшихъ всегда какъ попало. Еще менѣе походилъ онъ на 36-лѣтняго англичанина по своей подвижности, веселой остроумной болтовнѣ и молодому задору. Нѣкоторая необузданность и заносчивость были ему свойственны, и порой столь же непріятно дѣйствовали на друзей, какъ и отсутствіе выдержки, не позволявшее его богатымъ дарованіямъ найти достойнаго приложенія. Съ другой стороны, доброта, искренность и непосредственность располагали къ нему всѣхъ. Льюисъ былъ несчастливо женатъ и внутренно разошелся совершенно съ женой къ тому времени, когда въ знакомствѣ съ М. Ивенсъ нашелъ теплое участіе, общность взглядовъ и нравственную поддержку, которыхъ ему недоставало въ жизни.

Легкомысленный Льюисъ нравился Маріаннѣ, какъ Ладиславъ Доротеѣ, или Фредъ-Мери—Гарту. При немъ очаровательная улыбка чаще оживляла ея серьезное лицо; она любила подтрунивать надъ нимъ и имѣла огромное вліяніе на все болѣе и болѣе привязывавшагося къ ней непосѣда. Кончилось тѣмъ, что Льюисъ написалъ ей письмо, въ которомъ изложилъ всѣ обстоятельства своей жизни и, между прочимъ, причины, дѣлавшія его разводъ невозможнымъ, и просилъ ее согласиться на жизнь съ нимъ безъ легальныхъ формъ. Причины эти остались до сихъ поръ загадкой, и біографъ Дж. Эліота констатируетъ фактъ безъ поясненій. Такъ или иначе, Маріаннѣ Ивенсъ приходилось рѣшать свою судьбу. Она не обольщала себя насчетъ послѣдствій задуманнаго шага; и если припомнить, что она была женщиной чувствительной и впечатлительной до-нельзя, притомъ недовѣрчивой къ себѣ и робкой, несмотря на внѣшнюю спокойную рѣшимость поступковъ, и что она со всѣхъ временъ больше всего на свѣтѣ дорожила людской симпатіей, — то понятно, что перспектива общаго отчужденія не могла показаться ей вещью маловажной. «Но отказъ отъ любимаго человѣка, жизнь котораго стала бы во всѣхъ отношеніяхъ хуже безъ нея», былъ немыслимъ для ея сердца, какъ была немыслима и лицемѣрная маска, ради внѣшней респектабельности. Словомъ, она приняла предложеніе Льюиса и не скрыла этого отъ своихъ друзей.

Нечего и говорить, что вся родня пришла въ ужасъ при

этомъ извѣстіи и порвала всякія сношенія съ Маріанной. Нѣкоторыхъ изъ своихъ она любила и уважала, и разрывъ былъ тяжелъ. Розгилль и всѣ добрые знакомые были «точно поражены громомъ», и «не могли прійти въ себя отъ изумленія». Если тетушки могли сказать, что всегда ожидали чего нибудь подобнаго, то ея пріятельницы были готовы поручиться головой, что Маріанна никогда не уклонится отъ пути долга и приличія. Добрыя отношенія съ Розгиллемъ и Сарой Геннель возстановились мало-по-малу, но не прежде однако, чѣмъ всѣ успѣли убѣдиться въ неизбѣжности и прочности этого нелегальнаго союза [1]).

Союзъ оказался дѣйствительно удачнымъ во всѣхъ отношеніяхъ и принесъ счастье обоимъ. Г-жа Льюисъ, какъ всѣ стали вскорѣ называть М. Ивенсъ, съумѣла сдѣлать домъ настолько привлекательнымъ и такъ увлечь товарища примѣромъ собственнаго трудолюбія, что онъ, незамѣтно для самого себя, бросилъ прежнюю разсѣянную жизнь и сталъ усидчиво работать. Направленіе его литературной и научной дѣятельности опредѣлилось, и его имя получило вскорѣ почетную извѣстность. Много перемѣнъ къ лучшему произошло и въ его характерѣ. Съ другой стороны, слишкомъ сосредоточенная подруга расцвѣла подъ вліяніемъ счастія взаимной привязанности, подвижнаго и заразительно-веселаго характера м-ра Льюиса и постоянной нѣжной заботливости («въ этой заботливости было нѣчто материнское», замѣчаетъ г-жа Блайндъ)—стала счастливѣе и привлекательнѣе.

Въ 1854 г., м-ръ и миссисъ Льюисъ поѣхали въ Германію, гдѣ вмѣстѣ изучали нѣмецкихъ писателей, посѣщали музеи, дѣлали экскурсіи и т. д. Въ *Вестминстерскомъ Обозрѣніи* по-

[1]) Послѣ многихъ лѣтъ отчужденія и англійское общество пренебрегло наконецъ, ради заслугъ Дж. Эліота, самыми закоренѣлыми изъ своихъ убѣжденій, и имя „миссисъ Льюисъ“ пріобрѣло полныя права гражданства. Интересно привести по этому поводу отзывъ респектабельной „Academie“ (№ 453, 8 янв. 1881): „Было бы педантизмомъ, или, хуже того, лицемѣріемъ умалчивать объ отношеніяхъ, установившихся между Дж. Эліотомъ и Льюисомъ, имя котораго она носила всю остальную жизнь. Кромѣ того, это было бы жестокой несправедливостью, такъ какъ умалчиваніе можетъ дать поводъ заключить, что въ положеніи, которое она съ такимъ достоинствомъ удерживала передъ лицомъ свѣта, никогда не пытаясь маскировать его, было нѣчто требующее извиненія или оправданія“. Далѣе говорится, что Льюиса можно было считать разведеннымъ съ женой, что миссъ Ивенсъ въ данномъ случаѣ пожертвовала собой, и что всѣ, посѣщавшіе ихъ домъ, считали ихъ союзъ идеальнымъ съ точки зрѣнія взаимной любви, уваженія и вѣрности въ счастіи и несчастіи. „Она считала себя и была признана всѣми истинной женой м-ра Льюиса, а для его сыновей была нѣжной и заботливой матерью, вполнѣ заслужившей ихъ любовь и уваженіе“.

явилось нѣсколько статей о нѣмецкой жизни, литературѣ и искусствѣ. Повидимому, работа обоихъ сотрудниковъ журнала была на этотъ разъ совмѣстной, до того много общаго въ мнѣніяхъ, высказанныхъ ими. Льюисъ сверхъ того передѣлалъ свою «жизнь Гёте», а г-жа Льюисъ докончила переводъ Спинозы (начатый и брошенный Льюисомъ въ дни легкомыслія) — единственно изъ любви и уваженія къ великому еврейскому философу [1]). На зиму путешественники вернулись въ Лондонъ и поселились вмѣстѣ съ дѣтьми отъ перваго брака. Г-жа Льюисъ сдѣлалась для нихъ въ полномъ смыслѣ слова второй матерью и была нѣжно любима ими до конца своей жизни.

Льюисъ своей постоянной заботливостью не только создалъ атмосферу счастья и покоя, наиболѣе благопріятную для развитія великаго таланта, котораго его подруга и не подозрѣвала въ себѣ, но непосредственно навелъ ее на мысль испробовать свои силы на романѣ или повѣсти изъ личныхъ воспоминаній, а затѣмъ поддержалъ въ первыхъ робкихъ попыткахъ. Ея необыкновенная наблюдательность и умѣніе передавать все видѣнное и слышанное были ему давно извѣстны, и онъ былъ убѣжденъ, что ея повѣсти не уступятъ устнымъ разсказамъ. Плохія денежныя обстоятельства, по возвращеніи въ Лондонъ, послужили толчкомъ для изобрѣтательнаго ума Льюиса, и онъ такъ настойчиво, и шутя, и серьезно, началъ выставлять всю пріятность и всю пользу этого рода литературной дѣятельности сравнительно съ журнальной, что долго колебавшаяся и не вѣрившая въ себя г-жа Льюисъ рѣшилась попытаться. Въ одинъ прекрасный вечеръ имъ нужно было ѣхать на званый обѣдъ: «поѣзжай одинъ», сказала она собиравшемуся Льюису, «и когда вернешься, не заходи ко мнѣ, я буду занята». Это былъ вечеръ рожденья «Амоса Бартона» — первой изъ трехъ «Сценъ изъ клерикальной жизни». На другое утро Льюисъ прочелъ первыя страницы разсказа и былъ изумленъ ихъ поэтической прелестью.

«Изъ сказаннаго отнюдь не слѣдуетъ, — замѣчаетъ г-жа Блайндъ, — что Льюисъ вліялъ на Дж. Эліота въ какомъ бы то ни было отношеніи, кромѣ первоначальнаго толчка и поощренія при дебютѣ. Всѣ сюжеты первыхъ повѣстей и всѣ дѣйствующія лица были заимствованы ею изъ жизни, изъ того запаса наблюденій, который былъ собранъ въ Графъ-гаузѣ и Фольгиллѣ [2]). Никто ко-

[1]) Переводъ этотъ не изданъ до сихъ поръ.

[2]) Біографъ Дж. Эліота, при разборѣ повѣстей, постоянно указываетъ на типы и обстоятельства изъ личныхъ воспоминаній автора. Мы отчасти послѣдуемъ ея примѣру, хотя убѣждены, что подобный пріемъ вредитъ непосредственному впечатлѣнію,

вечно не могъ принимать участія въ работѣ ума, черпающаго вдохновеніе изъ своего личнаго прошлаго и своихъ завѣтныхъ воспоминаній. Доказательствомъ можетъ служить, что въ первой изъ «Сценъ клерикальной жизни» мѣсто и церковь, и пасторъ, и въ особенности его трогательная жена—все взято съ натуры. Мать Дж. Эліота была очень дружна съ первообразомъ «Милли» и вѣроятно разсуждала о ней въ присутствіи дочери совсѣмъ какъ миссисъ Геккитъ».

Когда «печальная исторія достопочтеннаго Амоса Бартона» была кончена, начались новыя препирательства между авторомъ и м-ромъ Льюисомъ насчетъ печатанія. Но послѣдній одержалъ верхъ, обѣщавъ безусловное инкогнито, и получилъ рукопись въ полное распоряженіе. Рукопись эту онъ отнесъ къ своему доброму знакомому м-ру Блэквуду, весьма разборчивому редактору Blackwood's Magazine'а, съ просьбой просмотрѣть это «произведеніе юнаго пріятеля» и помѣстить въ своемъ журналѣ, если оно окажется подходящимъ. Блэквуду разсказъ очень понравился и онъ сразу призналъ въ авторѣ несомнѣнный большой талантъ (чѣмъ всю жизнь гордился). Однако, какъ человѣкъ практическій, онъ принялъ въ расчетъ возможность случайной удачи и пожелалъ просмотрѣть второй разсказъ обѣщанной серіи, ранѣе напечатанія перваго. Такая осторожность и нѣсколько замѣчаній, справедливость которыхъ была несомнѣнна, смутили робкую дебютантку, у которой, на бѣду, второй разсказъ не былъ еще готовъ. Льюисъ сообщилъ Блэквуду письменно о впечатлѣніи, произведенномъ его требованіемъ. «Если вы думаете, что это можетъ поощрить автора, то я напечатаю немедленно», былъ отвѣтъ. Въ январской книжкѣ Blackwood's Mag. за 1857 годъ появился «Амосъ Бартонъ». Второй разсказъ: «Романъ м-ра Джильфиля» (впервые подписанный знаменитымъ впослѣдствіи псевдонимомъ) послѣдовалъ нѣсколькими мѣсяцами позже, а въ концѣ года былъ напечатанъ третій: «Исповѣдь Жанеты».

«Сцены изъ клерикальной жизни» были тотчасъ замѣчены знатоками, и въ литературныхъ кружкахъ стали поговаривать о появленіи на горизонтѣ новой звѣзды. «Давно не приходилось читать вещей до такой степени свѣжихъ, трогательныхъ, проникнутыхъ такимъ тонкимъ юморомъ», писалъ Блэквудъ Льюису. Теккерей, просмотрѣвъ первый разсказъ, сказалъ, что «жаль

и вообще врядъ ли справедливъ художникъ, черпая изъ жизни какъ можетъ черпать только художникъ, возводя намеки въ живые образы, а такъ какъ въ таинственную работу его ума и воображенія и въ сочетаніе его мыслей проникнуть невозможно, то безполезно и пытаться.

разстаться; а Диккенсъ, по выходѣ послѣдней повѣсти, написалъ Блэквуду письмо, полное горячихъ похвалъ Дж. Эліоту [1]). Льюисъ передавалъ эти похвальные отзывы автору, который выслушивалъ его съ радостнымъ изумленіемъ. Особенную отраду доставило ей задушевное письмо Диккенса. Сомнѣваться въ себѣ она не перестала, но пристрастилась къ новому роду работы, сознавая, что жребій брошенъ и ея дальнѣйшій путь выясненъ.

Разсуждая о поэтахъ, Гейне отрицаетъ возможность совершенствованія: «у льва сразу родятся львята, безъ пробныхъ опытовъ въ видѣ щенковъ или котятъ; такъ и великій поэтъ виденъ въ первомъ своемъ твореніи», говоритъ онъ. Если провѣрить это мнѣніе на «Сценахъ» и позднѣйшихъ произведеніяхъ, то оно оказывается справедливымъ. Правда, Дж. Эліотъ выступила на литературное поприще взрослымъ и зрѣлымъ человѣкомъ, съ умственной подготовкой, какую имѣлъ рѣдко кто изъ романистовъ, и съ вполнѣ выработанными взглядами и убѣжденіями. Тѣмъ не менѣе сила таланта, его основное направленіе и даже всѣ существенныя особенности опредѣлились сразу въ ея первыхъ разсказахъ. Здѣсь можно найти указаніе на все, что будетъ удивлять въ ея позднѣйшихъ романахъ, рядомъ съ обаятельной свѣжестью, простотой и художественной непосредственностью, присущими только самымъ лучшимъ изъ нихъ.

Избравъ тэмой своихъ повѣстей обыкновенную жизнь, Дж. Эліотъ не сомнѣвалась въ томъ, что стоитъ на настоящемъ пути; но она какъ будто опасалась за читателя, и потому въ первомъ же разсказѣ старается разсѣять его предубѣжденіе и выставить свои основанія: «Читатель воленъ бросить книгу, если не хочетъ знать жизни обыкновенныхъ, ничѣмъ не выдающихся людей. Но пусть онъ подумаетъ, что таковы 80 на 100 всѣхъ людей на свѣтѣ. И большинство ихъ обладаетъ совѣстью; большинство, хоть когда-нибудь, желало выполнить непріятный долгъ; у всѣхъ были невысказанныя скорби и завѣтныя радости: сердце нѣжно льнуло къ первенцу; слезы лились надъ безвозвратными потерями. Наконецъ, не хватаетъ ли за душу самое ихъ ничтожество—сравненіе ихъ убогаго и блѣднаго существованія съ богатыми возможностями общей всѣмъ намъ человѣческой природы. Право, мы безконечно выиграемъ, научившись понимать трагедію и комедію, скрытую въ душѣ человѣческой, которая смотритъ на

[1]) Письмо это было прислано редакторомъ Льюису съ слѣдующей запиской „Скажите Дж. Эліоту, чтобы онъ перестадъ сомнѣваться въ своихъ силахъ. Онъ пріобрѣлъ уже почетную извѣстность между знатоками, публика неизбѣжно послѣдуетъ за ними въ непродолжительномъ времени".

насъ сквозь блѣдно-сѣрые глаза и высказывается самыми обыкновенными голосами». Замѣтимъ, по поводу этого a parte одну неизмѣнную черту Дж. Эліота—наклонность бесѣдовать съ читателемъ. Хотя разсужденія эти не нарушаютъ цѣльности впечатлѣнія, многіе порицали эту замашку, усиливавшуюся съ годами, находя, что мыслитель преобладаетъ въ романахъ надъ художникомъ. Другіе возражали, что хорошія мысли вообще слишкомъ рѣдки, чтобы быть гдѣ-либо лишними, и что мысли Дж. Эліота именно изъ тѣхъ, надъ которыми стоитъ призадуматься.

«Амосъ Бартонъ» точно написанъ на премію золотой медали за искусство увлечь читателя сюжетомъ, который онъ впередъ назоветъ избитымъ, скучнымъ и приторнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя придумать событій менѣе эффектныхъ, и въ особенности лица менѣе интереснаго, чѣмъ этотъ пошловатый пасторъ съ его ограниченностью, самодовольствомъ и неприглядной наружностью, усугубленной неряшествомъ. А между тѣмъ онъ насъ занимаетъ, порой злитъ, порой трогаетъ. Мы съ живымъ участіемъ слѣдимъ не только за его крупными огорченіями—заботами о кускѣ хлѣба — но и за мелочными житейскими затрудненіями, каковы: сочиненіе проповѣдей, при отсутствіи воображенія и шаткости грамматическихъ правилъ; руководство школой (представителемъ которой служитъ неприличный мастэръ Фоджъ съ чадолюбивой маменькой за спиной), при недостаткѣ находчивости и твердости духа; посѣщеніе паствы безъ требуемыхъ обстоятельствами шиллинговъ въ карманѣ и т. д.—слѣдимъ съ живымъ участіемъ, потому что Амосъ облеченъ въ плоть и кровь. Главный интересъ повѣсти сосредоточивается, впрочемъ, не на немъ, а на его женѣ, которая дѣлается для насъ сразу дорогимъ и близкимъ существомъ, несмотря на всѣ ея идеальныя и неисчислимыя совершенства: Милли, чтобы свести концы съ концами, работаетъ безъ устали днемъ, а подчасъ и ночью. Милли своей кроткой красотой и врожденнымъ изяществомъ скрашиваетъ убогую обстановку дома, дѣйствуя на нервы усталаго и забитаго Амоса, какъ свѣжій воздухъ или теплый лучъ (понимать и цѣнить жену онъ не въ состояніи, а способенъ лишь безсознательно ощущать ея благотворное вліяніе). Горячаго сердца ея достаетъ не только на то, чтобы, глядя на своихъ, дѣйствительно, прелестныхъ дѣтей, забывать всѣ труды и лишенія; не только на то, чтобы терпѣливо сносить невзгоды, навлекаемыя на весь домъ, а на нее въ особенности, глупымъ честолюбіемъ и самомнѣніемъ Амоса (знакомство съ сомнительной графиней, сѣвшей имъ на шею, и ссора съ духовнымъ начальствомъ, лишившая его мѣста). Нѣтъ,

этого сердца достаетъ на искреннюю привязанность къ мужу и довольство своей судьбой. «Милый, милый другъ мой,—говоритъ, умирая, выбившаяся наконецъ изъ силъ молодая женщина,—ты былъ всегда такъ добръ ко мнѣ и дѣлалъ все для моего счастья». И все, что Милли дѣлаетъ и говоритъ, выходитъ такъ естественно и просто, что для насъ всѣ впечатлѣнія сливаются въ одно теплое чувство любви къ ней, какъ къ живому лицу.

Когда, послѣ смерти жены, съ глазъ Амоса спадаетъ чешуя, и онъ, совсѣмъ потерянный, горько оплакиваетъ свою утрату, мы не только миримся съ нимъ, но намъ его душевно жаль. Когда же, по маломъ времени, постигшее его горе возвращаетъ ему расположеніе начальства, а 12-ти-лѣтняя Патти, продолжая дѣло матери, приноситъ себя въ жертву его удобствамъ и покою, въ насъ возникаетъ враждебное чувство, потому что Амосъ несомнѣнно перебралъ противъ обычной доли любви и заботливости, отпускаемой судьбой посредственностямъ. Это единственный упрекъ, который можно сдѣлать разсказу. Все остальное въ немъ вполнѣ согласно съ художественной правдой. Сантиментальныя скалы и мели пройдены побѣдоносно. Впечатлѣніе отъ предсмертной сцены и похоронъ Милли почти слишкомъ сильно для слезъ. Монотонность печальныхъ картинъ разсѣяна появленіемъ кумушекъ и докторовъ, изображенныхъ съ неподражаемымъ юморомъ. Дѣти неизмѣнно радуютъ сердце (талантъ Дж. Эліота изображать дѣтей разныхъ типовъ сказался тоже сразу). Нѣтъ ни одного вводнаго лица, которое не дышало бы жизнью и не было строго необходимо для хода событій, развивающихся съ поразительной послѣдовательностью. Наконецъ, весь разсказъ проникнутъ глубокой поэзіей картинъ природы.

Читатель, который тѣмъ не менѣе нашелъ бы исторію Амоса однообразной или прѣсной, останется гораздо довольнѣе «Романомъ м-ра Джильфиля». Здѣсь, въ обстановкѣ аристократическаго деревенскаго дома, разыгрываются двѣ сердечныя драмы — одинаково глубокія и трогательныя, но различныя по характеру, соотвѣтственно различіямъ темпераментовъ и національностей героевъ: юной итальянки пѣвицы, пылкой и необузданной въ любви и ненависти, невзирая на англійское воспитаніе; и молодого чистокровнаго британца, въ которомъ энергія, самообладаніе и страсть соединены почти съ женской нѣжностью.

Такимъ свойствамъ молодого клерджимена Майнарда Джильфиля дано въ повѣсти широкое примѣненіе, потому что Тина, предметъ его страсти, влюблена, разумѣется, не въ него, а въ красавца Антони (сына добряка лорда и чопорной лэди,

призрѣвшихъ чужестранную сиротку). Майнардъ долженъ быть молчаливымъ зрителемъ ея горячей привязанности къ негодяю, и небрежнаго ухаживанья послѣдняго за нею, и наконецъ ея страданій при беззастѣнчивой помолвкѣ Антони съ высокомѣрной дурой, оскорбляющей бѣдную дѣвушку. Долженъ смотрѣть терпѣливо на все это, не отступать и не выдавать своей тайны, потому что Тинѣ нуженъ другъ, которому она бы довѣрялась какъ брату.

Дж. Эліотъ умѣетъ немногими штрихами сдѣлать Майнарда живымъ лицомъ и изобразить отчаяніе влюбленной дѣвочки во всей подавляющей силѣ перваго большого горя. Картина ночи въ одинокой комнаткѣ, гдѣ Тина негодуетъ и плачетъ, взята прямо изъ жизни и пріобрѣтаетъ особое освѣщеніе отъ намека автора на невозмутимое теченіе вселенной среди бурь, разбивающихъ отдѣльныя существованія. «Что такое маленькая Тина и ея горе въ могучемъ потокѣ, несущемся отъ одного страшнаго неизвѣстнаго къ другому? Ничтожнѣе мельчайшей единицы трепетной жизни въ каплѣ воды, незамѣтнѣе и безразличнѣе острой боли въ груди пташки, которая спѣшитъ къ гнѣзду съ трудно добытымъ кормомъ—и находитъ гнѣздо разореннымъ и пустымъ».

Послѣ того, какъ бѣдная итальяночка, ослѣпленная ревностью, едва не дѣлается убійцей и бѣжитъ изъ дому, Майнардъ превращается въ самоотверженную няньку. Удается ли ему залечить окончательно глубокія раны въ сердцѣ Тины, остается неяснымъ. Молодая дѣвушка, однако, какъ-будто оживаетъ подъ лучами его преданной любви, и разъ вечеромъ, по собственному побужденію, кладетъ голову на его вѣрную грудь и протягиваетъ свой алый ротикъ для поцѣлуя. Счастье Майнарда во всякомъ случаѣ не продолжительно: Тина таетъ на его глазахъ и умираетъ въ первыхъ родахъ.

«Какъ мощное дерево покрывается наростами и рубцами, если отрубить вѣтви, которымъ оно привыкло отдавать лучшіе соки,—замѣчаетъ Дж. Эліотъ въ заключеніе,—такъ захудалъ и Джильфиль послѣ этой утраты. Между молодцомъ съ открытымъ взоромъ и ясной улыбкой, котораго мы видимъ на портретѣ въ завѣтной комнатѣ (рядомъ съ блѣднолицей дѣвушкой съ задумчивыми черными глазами), и тѣмъ старикомъ, который сидитъ у камина съ трубкой и стаканомъ грога, обмѣниваясь время отъ времени унылымъ взглядомъ съ вѣрнымъ Понто, лежащимъ у его ногъ — можно сказать цѣлая пропасть. А между тѣмъ, на перекоръ узламъ и наростамъ, въ добрякѣ пасторѣ сохранились

всѣ великодушныя, честныя, нѣжныя черты его природы—основныя свойства могучаго ствола, питавшаго нѣкогда его первую и единственную любовь». Съ этими-то чертами знакомимся мы въ началѣ повѣсти, въ живыхъ сценахъ между почтеннымъ чудакомъ-пасторомъ и прихожанами разнаго возраста (отчасти уже знакомымъ по «Амосу Бартону», такъ какъ приходы лежатъ по сосѣдству). Сцены эти составляютъ рамку для приведеннаго выше романическаго эпизода — рамку, отъ которой онъ безконечно выигрываетъ, потому что читатель видитъ въ героѣ стараго и въ высшей степени симпатичнаго знакомаго.

«Романъ м-ра Джильфиля», какъ и слѣдовало ожидать, понравился всѣмъ еще болѣе «Амоса Бартона». Но рѣшительной пробой великаго таланта былъ третій и послѣдній разсказъ серіи, почти романъ по объему, содержанію и разнообразію лицъ.

Передавать содержаніе «Исповѣди Жанеты» довольно мудрено. Борьба чахоточнаго евангелическаго проповѣдника, Тріана, съ старой церковной рутиной и предубѣжденіями обывателей провинціальнаго городка; и вліяніе, которое онъ постепенно пріобрѣтаетъ надъ ними, а особенно надъ одной молодой женщиной, предававшейся пьянству вслѣдствіе семейныхъ огорченій, — не такая тэма, чтобы въ чужѣ показаться интересной. Она пріобрѣтаетъ невыразимое обаяніе лишь подъ перомъ Дж. Эліота, умѣвшей соединять глубокія душевныя драмы съ идиллическими картинами и забавными бытовыми сценами [1]).

Въ драмѣ, развертывающейся здѣсь передъ читателемъ, всего поразительнѣе встрѣча между Тріаномъ и Жанетой. Однажды ночью, послѣ крупной ссоры, пьяный извергъ-мужъ выталкиваетъ Жанету прямо съ постели на улицу, и она, во избѣжаніе позора, принуждена искать убѣжища у сосѣдки, отъявленной тріанитки. Добрѣйшая сосѣдка, испуганная тупымъ отчаяніемъ молодой женщины, убѣждаетъ ее на другое утро обратиться къ м-ру Тріану за совѣтомъ (хотя знаетъ, что Жанета принадлежитъ къ его врагамъ и даже принимала участіе въ недостойномъ заговорѣ, устроенномъ Демпстеромъ) и приглашаетъ проповѣдника къ себѣ. Нервы Жанеты такъ натянуты, оскорбленіе такъ свѣжо, и такъ явно служитъ извиненіемъ ея пороку и намѣренію никогда не возвращаться къ мужу, что явись передъ нею суровый обличи-

---

[1]) На сцену въ трактирѣ „Краснаго льва" указываютъ обыкновенно какъ на одинъ изъ образчиковъ таланта Дж. Эліота изображать живыхъ людей изъ чуждой ей среды. Въ поэтической картинѣ сада м-ра Джерома узнаютъ Грифъ-гаузскій садъ.

тель или даже просто праведникъ, сознающій свое превосходство надъ падшими, она дошла бы до изступленія. Но кроткое, болѣзненное лицо Тріана, задушевныя слова утѣшенія, которыя она слышитъ отъ него вмѣсто укоровъ, его скорбное признаніе въ собственныхъ грѣхахъ, вмѣсто суда надъ нею—все это производитъ въ гордой красавицѣ неожиданную реакцію. Она видитъ передъ собой друга, ищетъ у него защиты отъ самой себя, отъ ненависти къ мужу, отъ искушающаго ее демона. Вся скорбная душа ея изливается въ пламенной исповѣди, и эта минута служитъ началомъ ея нравственнаго возрожденія. «Есть слова, которыя навсегда остаются для насъ посторонними звуками, но другія—превращаются въ нашу плоть и кровь: такія слова умѣлъ найти Тріанъ. Тяжкая болѣзнь спившагося Демпстера [1]) освобождаетъ вскорѣ Жанету отъ колебаній по поводу возвращенія въ домъ мужа: забыто все, кромѣ жалости къ нѣкогда любимому человѣку и желанія примириться съ нимъ. Послѣ смерти Демпстера, Жанета посвящаетъ себя служенію ближнимъ, и между нею и Тріаномъ постепенно растетъ и крѣпнетъ духовная близость и глубокая сердечная пріязнь. Дж. Эліотъ считала духовный союзъ идеаломъ человѣческихъ отношеній и много разъ олицетворяла этотъ эдеалъ въ своихъ романахъ. Въ данномъ случаѣ она, не боясь ложныхъ толкованій, скрѣпила его «святымъ поцѣлуемъ обѣтованія—прощальнымъ поцѣлуемъ—«въ которомъ слились блѣдныя губы умирающаго Тріана и полныя жизни уста спасенной имъ Жанеты».

Сверхъ личной привлекательности, Жанета интересна, какъ первая представительница типа, часто повторяющагося въ романахъ Дж. Эліота—женщинъ, стремящихся къ нравственному со-

---

[1]) Стряпчій Демпстеръ—первый изъ серіи негодяевъ, созданныхъ Дж. Эліотомъ. Съ тонкимъ знаніемъ человѣческой природы, писательница, никогда не изображавшая людей съ одной стороны, оставила въ этомъ загрубѣломъ сердцѣ живыя мѣста—любовь къ матери и уваженіе къ доброму м-ру Крью. Съ другой стороны, симпатичный Тріанъ вовсе не выставленъ совершенствомъ, и Дж. Эліотъ замѣчаетъ по этому поводу: „Святое дѣло обращенія людей къ добру, по счастью, не требуетъ святости въ руководителяхъ. Ни Лютеръ, ни Беньянъ, не соотвѣтствуютъ современному представленію идеальныхъ героевъ. Настоящіе герои, созданные Богомъ, не подходятъ подъ нашу мѣрку. Они получили естественное наслѣдіе любви и совѣсти съ молокомъ матери, познали одну или двѣ изъ тѣхъ глубокихъ духовныхъ истинъ, которыя познаются лишь изъ долгой борьбы съ собственными грѣхами и печалями; и пріобрѣли вѣру и силу, насколько трудились и страдали. Все остальное и въ нихъ сухая, безплодная теорія, холодный предразсудокъ, смутная наслышка“. Тріанъ взятъ съ нѣкоего м-ра Джонса, которымъ Маріанна Ивенсъ увлекалась въ юности.—Мильби во всѣхъ подробностяхъ соотвѣтствуетъ Ненитону.—Джильфиль тоже живое лицо.

вершенству, жаждущихъ самопожертвованія и подвига. Восхищаясь этими идеалами, одинъ изъ критиковъ, хорошо знакомый съ взглядами писательницы, замѣчаетъ: «отличительное и почти непонятное свойство ея генія то, что на почвѣ разрушительнаго и безплоднаго скептицизма, возникъ у нея цѣлый міръ существъ, заявляющихъ свою человѣчность въ горячихъ порывахъ мысли, вѣры, страсти».

Помимо непосредственныхъ своихъ достоинствъ «Сцены изъ клерикальной жизни», наравнѣ съ прочими романами Дж. Эліота, наглядно знакомятъ съ англійской сельской и провинціальной жизнью, благодаря тому, что авторъ всегда дѣлаетъ своихъ лицъ членами цѣлыхъ группъ, вліяющихъ другъ на друга. Этотъ пріемъ позволяетъ не только показывать людей съ разныхъ сторонъ, при разныхъ житейскихъ столкновеніяхъ, но и изображать среду, въ которой развиваются и живутъ индивидуальные типы, т.-е. общество. «Если бы романы Дж. Эліота не имѣли другихъ качествъ, обезпечивающихъ имъ долговѣчіе,—говорятъ англичане,—то одно это—т.-е. отраженіе нравовъ въ художественномъ и правдивомъ зеркалѣ—сдѣлало бы ихъ драгоцѣнными для будущихъ историковъ первыхъ десятилѣтій царствованія королевы Викторіи».

По мѣрѣ выхода «Сценъ» въ литературныхъ кружкахъ начали интересоваться личностью, скрывавшейся за изящнымъ псевдонимомъ. Сила художественнаго творчества въ созданіи характеровъ, ширина міросозерцанія, глубина и богатство юмора, рядомъ съ сжатостью слога и строгой сдержанностью даже въ самыхъ патетическихъ мѣстахъ, какъ бы невольно исключали мысль, что Дж. Эліотъ можетъ быть женщиной [1]). Одни увѣряли, что авторъ духовное лицо, до того точно было знакомство съ положеніемъ церковныхъ вопросовъ того времени. Другіе думали, что это ученый, отдыхающій въ области вымысла (многостороннее образованіе автора бросалось всѣмъ въ глаза). Третьи, наконецъ, подозрѣвали мистификацію со стороны какого нибудь изъ первоклассныхъ романистовъ—до того невѣроятнымъ казалось, чтобы такой знатокъ человѣческаго сердца могъ быть дебютантомъ. Правду угадалъ одинъ Диккенсъ, основывая свой выводъ на отношеніи автора къ мужчинамъ и женщинамъ. «Въ мужскихъ характерахъ,—говорилъ онъ,—схвачено все то, что можетъ внушать женщинѣ симпатію или отвращеніе, или же досаждать

[1]) Сама Дж. Эліотъ маскировалась въ своихъ первыхъ произведеніяхъ очень хитро—а подчасъ забавно.

ей. Женщинамъ же отдана та глубокая справедливость, какую можетъ отдать имъ только женщина большого ума, способная понимать ихъ вполнѣ и сочувствовать имъ, по человѣчеству, безъ примѣси страстнаго или личнаго элемента, всегда проглядывающаго въ оцѣнкѣ женщинъ мужчинами». Дж. Эліотъ, какъ видно, сама обладала свойствомъ, которымъ впослѣдствіи надѣлила одну изъ своихъ героинь: «сердцемъ, способнымъ обнять все доброе въ другомъ женскомъ существѣ» [1]).

Въ то время, какъ столько занимались ею, Дж. Эліотъ была поглощена новымъ романомъ, который окончила въ октябрѣ 1858 г., т.-е. черезъ годъ послѣ «Жанеты». Нужно удивляться быстротѣ ея работы, особенно принимая въ разсчетъ ту тщательность, съ которой она обдумывала и отдѣлывала мельчайшія подробности, не позволяя себѣ небрежности даже въ рукописи. (Въ рукописи, отдаваемой въ печать, все было написано какъ бы въ одинъ присѣстъ, ровнымъ крупнымъ почеркомъ и безъ всякихъ помарокъ). Въ добавокъ лѣто было проведено на континентѣ, гдѣ правильность кабинетныхъ занятій неизбѣжно нарушалась. По желанію автора, «Адамъ Бидъ» былъ напечатанъ сразу отдѣльной книгой (янв. 1859). Посылая Дж. Эліоту первый экземпляръ, Блэквудъ писалъ: «Какъ бы ни пошла подписка, я убѣжденъ въ успѣхѣ, въ крупномъ успѣхѣ. Книга такъ оригинальна и такъ правдива, что остается въ моей памяти, какъ рядъ дѣйствительныхъ событій въ жизни знакомыхъ людей. «Адамъ Бидъ» никогда не войдетъ въ кругъ романовъ для легкаго чтенія; но люди, способные цѣнить силу, глубокій юморъ и вѣрность природѣ, отдадутъ должное вашему симпатичному столяру и группамъ живыхъ людей, которыми вы населили Гейслопъ и его окрестности». Въ первыхъ книжкахъ журнала вышелъ разборъ «Адама Бида», написанный лицомъ, удостоивавшимъ отзываться лишь о выдающихся произведеніяхъ. Его оцѣнка побудила Дж. Эліота написать издателю: «я бы очень желала выразить мою признательность автору рецензіи. Вижу съ радостью, что онъ сочувствуетъ тѣмъ именно мѣстамъ, которыя мнѣ всего болѣе хотѣлось уберечь отъ похвалъ третьестепенныхъ оцѣнщиковъ. Онъ доставилъ мнѣ большую отраду, отмѣтивъ страницы, написанныя мною подъ вліяніемъ искренняго чувства или точнаго знанія, безъ всякаго разсчета произвести впечатлѣніе на критиковъ».

«Адамъ Бидъ» завоевалъ сразу симпатіи избраннаго круга

[1]) Царица—въ „How Lisa loved the king“.

читателей, а затѣмъ и публики, обратившей на него особенное вниманіе послѣ похвалъ «Times'a». Къ апрѣлю 1859 г. понадобилось второе изданіе, и книга переводилась на всѣ языки. Общее любопытство на счетъ имени автора обострилось [1]) и получило неожиданное удовлетвореніе, благодаря довольно забавной случайности. Именно, сходство нѣкоторыхъ лицъ и обстоятельствъ въ «Сценахъ изъ клерикальной жизни» заставило обывателей Ненитона подозрѣвать, что авторъ долженъ быть мѣстнымъ жителемъ. Когда же въ «Адамѣ Бидѣ» вышла новая коллекція портретовъ, подозрѣніе перешло въ увѣренность. А такъ какъ Ненитонъ не кишилъ талантами, то всѣ глаза устремились на м-ра Лиггинса, промотавшагося джентльмена, получившаго университетское образованіе. Сначала тотъ отнѣкивался,—что было принято за скромность; но успѣхъ «Адама Бида» превозмогъ его любовь къ правдѣ, и въ «Times'ѣ» появилось заявленіе какого-то знакомаго клерджимена, что авторъ «Сценъ» и новаго романа не кто иной, какъ ненитонскій м-ръ Лиггинсъ. Такая наглость вызвала протестъ отъ имени Дж. Эліота, послѣ чего возникла полемика уже безъ всякаго участія со стороны писательницы, и для прикосновенныхъ къ литературѣ псевдонимъ разоблачился вполнѣ. Публика однако узнала настоящее имя автора «Адама Бида» не прежде выхода въ свѣтъ «Мельницы на Флоссѣ».

Дж. Эліотъ не разъ говорила, что сѣверъ Англіи былъ съ ранняго дѣтства окруженъ для нея особымъ ореоломъ поэзіи, вслѣдствіе разсказовъ отца и семейныхъ преданій. Этотъ поэтическій ореолъ она сообщила Адаму Биду (гдѣ театромъ дѣйствія избранъ Дербиширъ) и здѣсь въ самомъ дѣлѣ уподобилась «чародѣю, открывающему въ каплѣ чернилъ видѣнія прошедшаго». Естественность завязки и постепеннаго развитія дѣйствія въ этомъ романѣ поистинѣ изумительна. Послѣ четверти часа, проведеннаго по волѣ автора въ столярной мастерской, мы уже въ общихъ чертахъ знакомы съ героемъ повѣсти, энергическимъ и разсудительнымъ Адамомъ и съ его мягкимъ, мечтательнымъ братомъ Сэтомъ; видимъ ясно умственное и нравственное превосходство перваго надъ товарищами по ремеслу; догадываемся про любовь Сэта къ юной методисткѣ Динѣ Моррисъ [2]) и наконецъ сильно

---

[1]) Блэквудъ былъ уже въ это время лично знакомъ съ Дж. Эліотомъ, но строго хранилъ ввѣренную ему тайну.

[2]) Дж. Эліотъ выводитъ на сцену методистовъ конца прошлаго столѣтія, сохранявшихъ еще слѣды наивной вѣры Веслея. По общему мнѣнію, сюжетъ романа и многія лица заимствованы изъ разсказовъ м-ра Ивенса о его житьѣ въ Дербиширѣ. Образъ Дины навѣянъ, какъ уже было сказано, воспоминаніями о теткѣ, которая

подозрѣваемъ, что и для Адама существуетъ магнитъ на той же фермѣ Пойзеровъ. Слѣдующая затѣмъ картина проповѣди на лугу подъ развѣсистымъ вязомъ—верхъ совершенства. Она точно на самомъ дѣлѣ освѣщена лучами заходящаго солнца, полна росистой свѣжести и вечерней тишины. Пестрыя группы поселянъ, женщинъ, дѣтей и забавная особа трактирщика придаютъ ей жизнь и движеніе. Центральная фигура картины—проповѣдница Дина—нарисована съ особенной любовью. Но при всемъ удивительномъ согласіи между красотой внутренней и внѣшней, которыми украсилъ ее художникъ, въ Динѣ нѣтъ ничего несовмѣстнаго съ жизненной правдой. Она во всѣхъ случаяхъ простая, кроткая дѣвушка изъ фабричной среды, и возвышается надъ этой средой только любящимъ сердцемъ и поэтическимъ воображеніемъ, которое (какъ это бываетъ у простолюдиновъ) сосредоточивается на религіозныхъ предметахъ, не переходя въ безплодный мистицизмъ, вслѣдствіе привычки къ труду. Она служитъ ближнимъ по естественному влеченію и потому, что это евангельскій законъ; проповѣдуетъ тоже по искреннему убѣжденію, что слова даются ей отъ Бога. Она ищетъ небеснаго указанія для всѣхъ своихъ поступковъ и ничего не предпринимаетъ, не посовѣтовавшись съ библіей. Въ Динѣ однако на первомъ планѣ любящая женщина, а не холодная исполнительница закона. Правда, она идетъ, куда зоветъ долгъ, но она болѣетъ сердцемъ съ каждой скорбной душой и оттого способна утѣшать и смягчать людей. «Взглянувъ на лицо Дины, можно угадать ея судьбу,—говоритъ Бэйнъ [1]).—И точно всякій ждетъ, что эту чистую полевую лилію подкоситъ земная страсть. Она будетъ бѣжать отъ любви, какъ отъ грѣховной слабости; но природа возьметъ верхъ, и библейскій текстъ не откажетъ въ санкціи».

Англичане удивляются рѣшимости Дж. Эліота включить въ романъ длинную евангелическую проповѣдь, и еще болѣе тому, что эта вставка не нарушаетъ впечатлѣнія. Напротивъ, восторженное чувство, которымъ она проникнута, какъ будто сообщается читателю. «Не странно ли, что люди думаютъ, будто я

разсказала племянницѣ, между прочимъ, какъ разъ провела ночь въ тюрьмѣ съ дѣвушкой, приговоренной къ смерти за дѣтоубійство. Отсюда возникъ образъ Гетти. Но сходство обѣихъ героинь не идетъ далѣе намековъ, возведенныхъ, что называется „въ перлъ созданья“ великимъ художникомъ. Въ письмѣ къ С. Геннель, Дж. Эліотъ прямо говоритъ, что существующіе толки должны быть приняты съ большими ограниченіями, хотя въ нихъ есть нѣкоторая доля правды, и затѣмъ подробно излагаетъ исторію знакомства съ Ел. Ивенсъ.

[1]) Авторъ „Серіи Очерковъ“ о Дж. Эліотѣ, „Literary News“ 1881.

заимствовала откуда нибудь проповѣдь и молитвы Дины, между тѣмъ, какъ я писала ихъ въ горячихъ слезахъ совершенно такъ, какъ онѣ складывались въ моемъ воображеніи», пишетъ Дж. Эліотъ своей пріятельницѣ, С. Геннель [1]).

Послѣ отвлеченной поэзіи первыхъ главъ, мы переносимся въ осязательно-реальную житейскую прозу, знакомясь съ матерью обоихъ братьевъ. Лизбета Бидъ довольно несносная, ворчливая и слезливая старуха, которая слегка трусить своего любимаго старшаго сына и смѣло вымещаетъ хандру на безотвѣтномъ Сэтѣ. Лизбета *несносна*, но до такой степени живое лицо, что мы проникаемся сознаніемъ ея правъ на нытье и пиленье, и слушаемъ съ соотвѣтствующимъ интересомъ [2]). Какъ однако ни замѣчательна въ художественномъ отношеніи Лизбета, она для насъ далеко не первенствующее изъ вводныхъ лицъ. Насъ занимаетъ гораздо болѣе г-жа Пойзеръ, умная, дѣльная и работящая фермерша, необыкновенно бойкая на языкъ и мягкосердечная подъ нѣсколько бранчивой внѣшностью. Миссисъ Пойзеръ безподобна, хотя и не замысловато построена, природное остроуміе бьетъ у нея ключомъ, притомъ именно та категорія остроумія, которая

---

[1]) Письмо написано по поводу книжки „Сэтъ методистъ", вышедшей вскорѣ послѣ „Адама Бида". Здѣсь неизвѣстнымъ авторомъ построено цѣлое зданіе на фактѣ родства Дж. Эліота съ Елизаветой Ивенсъ, и „проповѣдь на лугу", перепечатанная слово въ слово, выдается за подлинную проповѣдь тетки. Около того же времени появилась еще брошюрка на ту же тэму (Дж. Эліотъ въ Дербиширѣ). Наконецъ на надгробной плитѣ Елизаветы вырѣзали: такая то, болѣе извѣстная свѣту подъ именемъ Дины Моррисъ. Все это свидѣтельствуетъ о жизненности художественнаго творчества въ Адамѣ Бидѣ.

[2]) По поводу этой ноющей старухи Бейнъ сравниваетъ Дж. Эліота съ Диккенсомъ. Диккенсъ тоже искренно любитъ меньшую братью, знаетъ ей цѣну и смотритъ добродушно на ея слабости. Но онъ не можетъ относиться къ ней серьезно. Инстинктъ каррикатуры беретъ у него верхъ надъ юморомъ; онъ смѣется и смѣшитъ другихъ. Пеготти и вся ея родня (чтобы не цитировать менѣе знакомыхъ именъ) забавны при всей симпатичности. Въ Дж. Эліотѣ уваженіе къ людямъ исключало даже самое невинное глумленіе. Подобное отношеніе къ человѣку, безъ различія званія и степени развитія, встрѣчается и у В. Скотта (прим., семья рыбака въ „Антикваріѣ" и сцена починки лодки, какъ параллель ночной работы Адама надъ гробомъ). Любопытно сужденіе самой Дж. Эліотъ о Диккенсѣ. Отдавая должную дань удивленія вѣрности созданныхъ имъ народныхъ типовъ и патетичности его паріевъ, она замѣчаетъ: „Еслибъ Д. съумѣлъ изобразить ихъ психологическій характеръ, понятія и чувства такъ же вѣрно, какъ воспроизводитъ ихъ рѣчь и внѣшніе пріемы—его сочиненія были бы драгоцѣннѣйшимъ вкладомъ искусства на пользу человѣчества". В. Скотта она считала однимъ изъ тѣхъ великихъ художниковъ, которые способствуютъ смягченію сердецъ и расширенію человѣческихъ симпатій, а слѣдовательно удовлетворяютъ высокимъ задачамъ искусства.

свойственна фермершѣ; она передъ нами точно живая, и пока она на сценѣ, и у насъ съ лица не сходитъ улыбка.

Мыза Пойзеровъ вообще уютный семейный уголокъ. И хозяинъ, и дѣти, и слуги—все полно жизни и довольства; порядокъ и чистота кухни и молочной—соблазнительны, и миссисъ Пойзеръ гордится своимъ хозяйствомъ не напрасно. Кромѣ временной гостьи, Дины, здѣсь можно видѣть и другую племянницу, красотку Гетти (у которой «сердце не мягче кремня», по замѣчанію тетки). Ради нея-то ходитъ сюда Адамъ Бидъ, и ради нея же заѣзжаетъ капитанъ Артуръ Донниторнъ, молодой человѣкъ добродушный и веселый, легко плывущій по теченію въ сладкой увѣренности, что всѣ его любятъ и что онъ того стоитъ. Молодой сквайръ засматривается на Гетти, которая замѣтно кокетничаетъ передъ нимъ (перемывая масло) и гордится его вниманіемъ. Она по своему даже влюблена въ него, хотя наряды и коляски всегда рисуются въ ея воображеніи рядомъ съ его фигурой. Ухаживанье Адама она только терпитъ, отчасти тоже изъ тщеславія: ей пріятно помыкать этимъ молодцомъ, котораго всѣ побаиваются.

Понятно, что дѣло кончается обольщеніемъ Гетти. Но Дж. Эліотъ не дѣлаетъ изъ Артура низкаго соблазнителя или безсердечнаго негодяя—и въ этомъ глубокое нравоученіе этой исторіи. «Онъ не думалъ поступать дурно; онъ не могъ имѣть безчестныхъ намѣреній; онъ только не размышлялъ о томъ, что творилъ», ухаживая за Гетти. «Онъ—корабль, который съ виду сулилъ благополучное плаванье, и обнаружилъ свои недочеты при первой бурѣ». Въ очарованной вечерней сценѣ въ паркѣ все какъ будто сводится на то, что «глазамъ Артура недостаетъ твердости египетскаго гранита» при видѣ заплаканнаго личика Гетти. «У него кружится голова, языкъ говоритъ не то, что надо, руки протягиваются, губы цѣлуютъ... время и дѣйствительность исчезаютъ».

Такъ или иначе, упоеніе молодого сквайра губитъ Гетти и навлекаетъ не мало горя и стыда на всѣхъ близкихъ ей, начиная съ Адама. Артуру, хотя онъ и уѣзжаетъ своевременно въ полкъ, тоже бываетъ не по себѣ, когда въ его головѣ мелькаетъ образъ Гетти и мысль, что слуги и друзья могутъ презирать его. На его счастье, онъ не склоненъ сосредоточиваться на одномъ предметѣ, особенно на непріятномъ.

Описаніе страданій Гетти, ея бѣгства, ея покушеній на самоубійство и убійство ребенка, способно растрогать самаго спокойнаго читателя—до того жалко это хрупкое созданье, «это хе-

рошенькое юное животное съ легкимъ налетомъ человѣческихъ аттрибутовъ», въ своей безпомощности и сосредоточенности въ себѣ самой. Глубина и вѣрность анализа характера Гетти выше всякихъ словъ. Въ мелочахъ будничной жизни, въ мечтахъ о любви, передъ лицомъ большого горя, въ тюрьмѣ, наканунѣ казни — Гетти вездѣ одна и таже мелкая природа, не способная подняться надъ уровнемъ себялюбивыхъ разсчетовъ и личныхъ огорченій, но способная тѣмъ безпредѣльнѣе быть несчастной. Патетическая сцена въ тюрьмѣ, между Гетти и Диной, пришедшей провести съ осужденной послѣднюю ночь, заканчивается геніальнымъ штрихомъ. Динѣ удалось растрогать окаменѣлую Гетти, заставить ее плакать, молиться и каяться. Но лишь только исповѣдь кончена, у Гетти, еще заплаканной, является разсчетъ на награду — на избавленіе отъ мучительныхъ галлюцинацій: «Теперь, когда я все сказала, дастъ ли Богъ, чтобы я перестала слышать этотъ плачъ?»

Судомъ надъ Гетти, приговоренной къ казни, кончаются идеальныя совершенства романа. Помилованье черезъ посредство скачущаго откуда-то Артура, является непріятнымъ диссонансомъ въ дивной гармоніи этой правдивой повѣсти. Романъ между Адамомъ и Диной тоже менѣе интересенъ, хотя бракъ ихъ (послѣ смерти Гетти въ колоніяхъ) удовлетворяетъ чувству справедливости читателя. Дж. Эліотъ вообще мастерица распутывать болѣе сложныя нити человѣческаго сердца, чѣмъ менѣе замысловатые узлы внѣшнихъ происшествій. Въ первой области у нея почти нѣтъ соперниковъ, но для событій и развязокъ ей часто недостаетъ воображенія и энергіи [1]). Съ другой стороны, созданныя ею лица въ такой степени поглощаютъ вниманіе, что событія отодвигаются на второй планъ.

Говоря о привлекательныхъ характерахъ въ «Адамѣ Бидѣ», нельзя не вспомнить о м-рѣ Ирвайнѣ, нерадивомъ пастырѣ духовнаго стада; а по поводу этого симпатичнаго джентльмена не обратить вниманія на отношеніе Дж. Эліота къ духовнымъ лицамъ. Расходясь съ ними въ основныхъ взглядахъ, ненавидя ханжество и лицемѣріе, она въ своихъ повѣстяхъ никогда не выставляетъ клерджименовъ въ смѣшномъ или отталкивающемъ свѣтѣ—самое большое, если позволитъ себѣ добродушную улыбку надъ слабостями какого-нибудь м-ра Крью. Добрая память о ви-

[1]) При сравненіи «Адама Бида» съ «Эдинбургской темницей» В. Скотта (гдѣ положенія героинь сходны), многіе отдаютъ предпочтеніе Дженни передъ Диной, какъ типу болѣе жизненному, не говоря уже о сценахъ суда и помилованія, полныхъ драматизма и движенія у В. Скотта.

каріѣ школы, гдѣ она училась, и о многихъ почтенныхъ пасторахъ, у которыхъ искала просвѣтленія въ дни юности, сохранилась въ ней рядомъ съ уваженіемъ къ прежней вѣрѣ и убѣжденіяхъ другихъ. Этимъ воспоминаніямъ мы обязаны цѣлой галереей симпатичныхъ и художественныхъ портретовъ, отъ Джильфиля до Лайонса.

Любопытно при этомъ прослѣдить взглядъ французовъ на Дж. Эліота и потому приводимъ существеннѣйшія мѣста изъ статьи одного умнаго и справедливаго оцѣнщика отношенія англійскаго романа къ натурализму [1]). По мнѣнію этого критика, «Дж. Эліотъ представительница истиннаго реализма и натурализма—т.-е. правды и естественности, въ искусствѣ. Она стоитъ на твердой почвѣ дѣйствительности, и вся принадлежитъ ей. Она открыто сознается (продолжаетъ онъ, перифразируя то, что Дж. Эліотъ говоритъ о себѣ самой въ XVIII гл. II ч. Адама Бида) въ нежеланіи даже умѣть изображать иной лучшій и высшій міръ, чтобы не породить равнодушія къ тому, въ которомъ мы призваны жить, и къ тѣмъ не идеальнымъ людямъ, съ которыми суждено быть близкими. Красота во всѣхъ видахъ, ангелы и мадонны, крайнія проявленія высоты нравственной во всѣхъ областяхъ жизни и искусства, разумѣется, восхищаютъ ее. Но всего ближе ея сердцу обыкновенные люди-братья, голландская живопись съ ея теплымъ колоритомъ, задушевнымъ и правдивымъ отношеніемъ къ будничной жизни. Она желаетъ, чтобы рядомъ съ художниками, изображающими небесныя видѣнія, находились и такіе, которые любили бы изображать будничный бытъ и наслаждались бы сами, показывая намъ, какъ ласково падаютъ солнечные лучи на простыхъ обитателей хижинъ и ихъ убогую обстановку. Лично для писательницы, неуклюжій лавочникъ, у котораго она обыкновенно беретъ сахаръ, интереснѣе всякаго заморскаго мошенника въ зеленыхъ перьяхъ и красномъ шарфѣ». — Принадлежа симпатіями сердца скромной средѣ, Дж. Эліотъ не изучаетъ ее извали, а живетъ въ ней, вникая въ чувства, понятія, языкъ.

[1]) Revue politique et littéraire (Sept. 17, 1881): „Le naturalisme du roman anglais", par M. F. B.—Авторъ замѣчаетъ съ сожалѣніемъ, что на 100 французовъ 60 не имѣютъ понятія о романахъ Дж. Эліота, откуда могли бы научиться многому даже первоклассные французскіе писатели. Зола, по его мнѣнію, не напечаталъ бы своихъ отзывовъ о протестантскихъ литературахъ, будь онъ знакомъ съ этими романами. „Безъ голландской живописи и безъ англійскаго романа, натурализмъ бродячая система въ полѣ метафизики. Уничтожить ихъ, значитъ уничтожить половину современнаго искусства. Но вся прелесть бытовыхъ разсказовъ и картинъ исчезла бы, еслибы, рядомъ съ высшимъ пониманіемъ, въ нихъ не просвѣчивала любовь и та добродушная улыбка художника, которую называютъ юморомъ".

Оттого рѣчь ея простолюдиновъ такъ вѣрна по тону и складу, такъ образна и проста.—У нея нѣтъ ни презрѣнія, ни насмѣшки, ни высокомѣрной снисходительности, ни сантиментальной приторности по отношенію къ меньшей братьи (продолжаетъ M. F. B.) —словомъ, ни одного изъ недостатковъ, которыми грѣшитъ французская школа.—Ея обличенія никогда не растравляютъ старыхъ ранъ, не будятъ улегшихся ненавистей, а между тѣмъ начертанныя ею картины нравственнаго паденія или нравственной несостоятельности способны отрезвить и привести въ содроганіе самые сонные умы. Она врагъ всякихъ нецѣлесообразностей и въ особенности напрасныхъ жестокостей, въ которыхъ современные французы находятъ усладу. Ея мысли устремлены къ вѣчнымъ и неизмѣннымъ причинамъ добра и зла, благоденствія и страданія въ обществѣ—и повѣсти ея полны высокихъ уроковъ безъ помощи рѣзкихъ эффектовъ и кричащихъ красокъ.—Все, что она даетъ намъ,—отраженіе жизни въ зеркалѣ ея души. «Она сознаетъ погрѣшности этого зеркала; но покажетъ ту правду, которую видитъ въ немъ, какъ на скамьѣ свидѣтелей» [1]).

Окончивъ или оканчивая «Адама Бида», Дж. Эліотъ поѣхала въ Италію и жила нѣкоторое время во Флоренціи. Подробностей этого путешествія не имѣется. Извѣстно только, что въ бытность въ Италіи, ей пришло на умъ написать романъ изъ средневѣковой флорентинской жизни и сдѣлать Савонаролу его героемъ. Въ попыткахъ объяснить, почему писательница, принадлежавшая всей душой родной землѣ и настоящему, вздумала заняться чужеземнымъ прошлымъ, разумѣется, нѣтъ недостатка. Одни предполагаютъ, что планъ итальянской повѣсти зародился у нея давно, подъ вліяніемъ красотъ природы и историческихъ воспоминаній. Другіе находятъ, что, въ католической странѣ, мысль Дж. Эліота, долго занятая Диной Моррисъ, должна была естественно перенестись отъ смиренной проповѣди кроткой сѣверянки къ болѣе яркимъ проявленіямъ религіознаго и реформаторскаго духа въ фанатикахъ юга, и всего скорѣе остановиться на Савонаролѣ. Третьи, наконецъ, увѣряютъ, что Савонарола интересовалъ Дж. Эліота во всѣ времена («чему, быть можетъ, способствовали постоянные намеки на сходство съ нимъ»); и что разсматриваніе его знаменитаго флорентинскаго портрета усилило интересъ и навело на мысли, которыя она и пожелала олицетворить въ

---

[1]) Также высоко ставитъ Дж. Эліота одинъ изъ нашихъ критиковъ, Дружининъ, посвятившій ей двѣ превосходныя статьи, по выходѣ въ свѣтъ „Адама Бида“ и „Ромолы“.

романѣ. Такъ или иначе, планъ этотъ овладѣлъ ея умомъ, и она стала дѣятельно изучать итальянскій бытъ XV вѣка и личность своего героя. Выполненіе задачи, по трудности и сложности, растянулось на нѣсколько лѣтъ. Въ промежуткахъ между этими занятіями Дж. Эліотъ продолжала однако писать повѣсти изъ англійскаго быта и успѣла создать «Мельницу на Флоссѣ» (1861) и «Сайлеса Марнера» (1862), которыми заканчивается первый и наиболѣе блестящій періодъ ея литературной дѣятельности и исчерпываются нѣнитонскія воспоминанія, внушившія ей все, что она создала если не лучшаго, то самаго поэтическаго.

Автобіографическій интересъ, связанный съ «Мельницей на Флоссѣ», не можетъ усилить непосредственнаго наслажденія, которое даетъ эта увлекательная повѣсть дѣтскихъ и юношескихъ страстей [1]). Дж. Эліотъ не имѣетъ соперниковъ въ умѣньи изображать дѣтскія чувства и говорить дѣтскимъ языкомъ. Первая половина романа, гдѣ мы видимъ героевъ дѣтьми, совершенство въ своемъ родѣ, и потому всякая мелочь этой дѣтской жизни интересуетъ насъ точно крупное событіе (отъ чердака съ куклой или дѣлежа пирожка, до рыбной ловли и сцены съ палашемъ) и оставляетъ впечатлѣніе, не уступающее передъ драматическими происшествіями второй части повѣсти, гдѣ тѣ же дѣти являются взрослыми.

Героиня романа, Мегги, нравится вообще болѣе всѣхъ женщинъ, созданныхъ Дж. Эліотомъ, и дѣйствительно, она полна молодой жизни и непосредственной поэтической прелести. Дѣвочкой—она своеобразное и премилое маленькое существо, живущее отчасти въ мірѣ, созданномъ собственнымъ воображеніемъ, и дѣлающее много промаховъ въ дѣйствительномъ. Особенно туго поддается Мегги условнымъ формамъ приличія и внѣшней культурѣ, которую ея мать и тетки считаютъ необходимыми для барышни. Отсюда возникаетъ для нея много огорченій, доводящихъ ее до бѣгства къ цыганамъ [2]). Г-жа Телливеръ и ея три сестрицы (урожденныя Додсонъ!)—разновидности одного и того-же

---

[1]) „Сцены“ и „Адамъ Бидъ“ нашли у насъ превосходныхъ переводчиковъ (Русск. Вѣстн. 1857—59), сохранившихъ по-возможности прелесть оригинала для незнающихъ англійскаго языка. „Мельницѣ“ же, напротивъ, очень не посчастливилось. Все искажено въ ней; но наиболѣе страдаетъ первая и лучшая часть. По неуклюжимъ фразамъ перевода нельзя составить себѣ понятія о прелести дѣтской болтовни, обрисовывающей особенности мальчика и дѣвочки и составляющей главное очарованіе большинства сценъ.

[2]) Случай изъ жизни Дж. Эліота.

типа респектабельныхъ англійскихъ идіотовъ средняго сословія, отличающихся болѣе или менѣе неумолимой опредѣленностью и китайской незыблемостью основъ, какъ по части домашняго хозяйства, такъ и всего міроваго порядка. Тетушки, особенно сварливая тетка Глеггъ, очень забавны въ началѣ, но подъ конецъ надоѣдаютъ однообразіемъ и вообще смахиваютъ нѣсколько на тѣхъ тряпичныхъ куколъ, которыхъ вертитъ иногда Диккенсъ на потѣху себѣ и другимъ, но которыми Дж. Эліотъ обыкновенно не развлекается. Можно подумать, что она поддалась здѣсь чувству личной мести, подобно своей Мегги, и вбила нѣсколько лишнихъ гвоздей въ голову своего фетиша. Хотя истязанія куклы (изображавшей тетку Глеггъ) и другія выходки дѣтской запальчивости плохо рекомендуютъ Мегги со стороны кротости, но она добрая и великодушная дѣвочка, и затронуть хорошія стороны ея богатой природы гораздо легче дурныхъ. Она горячо привязана къ отцу, неизмѣнно заступающемуся за свою «дѣвчонку», и къ брату, который ее частенько обижаетъ, и за нихъ готова, что называется, отдать душу.

Телливеръ, владѣлецъ мельницы (служащей театромъ дѣйствія) очерченъ очень рельефно. Честный и добрый, но упрямый и запальчивый старикъ сознаетъ, что въ нынѣшнемъ мудреномъ свѣтѣ ему трудно разобраться, и старается обезпечить сына противъ подобной безпомощности образованіемъ, котораго самъ не получилъ. Но несмотря на убѣжденіе, что мошенники всегда берутъ верхъ надъ честными людьми, онъ постоянно заводитъ тяжбы; дѣлая крупныя ошибки, упорно стоитъ на своемъ и винитъ въ своихъ неудачахъ всѣхъ, кромѣ самого себя. Своихъ противниковъ онъ видитъ въ самомъ черномъ и безпощадномъ свѣтѣ. Такъ, адвокатъ, выигравшій противъ него тяжбу и косвенно участвовавшій въ его разореніи, «мерзавецъ», котораго онъ ненавидитъ всѣми силами души, требуя, чтобы и дѣти чувствовали за-одно съ нимъ и поклялись на библіи въ ненависти къ всему роду Уокима. Между тѣмъ ловкій дѣлецъ далеко не негодяй; и въ его сердцѣ скрыта живая и нѣжная струна любви къ горбатому сыну Филиппу, съ которымъ, между прочимъ, черноглазая Мегги водитъ дружбу съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ онъ ухаживалъ за больнымъ Томомъ въ школѣ (изъ любви къ Мегги, разумѣется).

Нѣжно-любимый Томъ далеко неравнодушенъ къ сестрѣ и не золъ, но относится къ ней немного свысока и, главное, проникнутъ чувствомъ справедливости, т.-е. принципомъ возмездія. Фатумъ преслѣдуетъ разсѣянную и стремительную Мегги всего

чаще именно въ отношеніи ея любимца: она, по забывчивости, моритъ его кроликовъ; она слизываетъ картинку съ его коробочки (цѣлуя ее въ порывѣ восторга); она упускаетъ въ рѣку удочку; она умудряется даже проткнуть головой его бумажный змѣй — словомъ, она бываетъ часто виновата. А разъ она виновата, юный отпрыскъ Додсоновъ считаетъ нужнымъ такъ или иначе наказать ее. Въ разсудительномъ и недалекомъ Томѣ мы видимъ настоящаго англійскаго мальчика и юношу средняго сословія — типичнаго представителя того сорта людей, безъ которыхъ, по замѣчанію Бэйне, «міръ, въ особенности міръ дѣловой и коммерческій, не могъ бы существовать, но которые не привлекаютъ къ себѣ симпатій. Это люди полезные и почтенные и далеко не безсердечные для тѣхъ, кто, подобно имъ, поступаетъ какъ слѣдуетъ. Только ждать отъ нихъ сочувствія или жалости къ заблудшимъ и падшимъ немыслимо. Спокойные и добродѣтельные отъ рожденія, они не вѣдаютъ сомнѣній въ себѣ или раскаянія, сложныя же и увлекающіяся натуры, типа Мегги, всегда готовы винить и терзать себя, искупая легкіе проступки дорогой цѣной». Къ Тому нельзя не чувствовать уваженія, когда онъ 16-лѣтнимъ юношей беретъ на свои плечи обузу отцовскихъ долговъ и съ энергіей мужчины отстаиваетъ достоинство разоренной семьи. Когда онъ, скопивъ извѣстную сумму, говоритъ безпомощному отцу, что тотъ еще собственными руками заплатитъ свои долги и доживетъ до дня, когда опять будетъ смѣло смотрѣть всѣмъ въ глаза — ему хочется пожать руку. Относительно кузины Люси, которая не платитъ ему взаимностью, Томъ тоже безупреченъ. Но хорошія и почтенныя стороны его характера блѣднѣютъ и меркнутъ передъ — нельзя сказать, сухостью его сердца, а деспотическими наклонностями, и всего болѣе передъ неумолимой суровостью его приговоровъ. Томъ можетъ служить образчикомъ того, какъ относится Дж. Эліотъ къ своимъ лицамъ. Даже такой несложный характеръ имѣетъ у нея много сторонъ, и мы узнаемъ ихъ изъ различныхъ столкновеній съ обстоятельствами и людьми, также естественно, какъ будто бы мы имѣли дѣло съ живымъ лицомъ. Выводя на сцену сложныя природы въ сложныхъ положеніяхъ, Дж. Эліотъ всегда остается на высотѣ своей задачи. Поэтому ея «характеры» поглощаютъ обыкновенно все вниманіе читателя, почти въ ущербъ его интересу къ внѣшнимъ происшествіямъ романа.

Если Тому, съ его хладнокровіемъ и разсудительностью, приходится переживать ломки въ жизни и даже испытывать

разочарованія въ любви, то понятно, что много испытаній и бѣдъ должно выпасть на долю его безпокойной и страстной сестры въ «тернистой пустынѣ», которую придется пройти до окончательнаго крушенія. Томъ застрахованъ хоть отъ самаго себя; Мегги открыта внутреннимъ, разнообразнымъ и весьма сильнымъ бурямъ. Изъ перваго серьезнаго испытанія — озлобленія, вслѣдствіе обстоятельствъ, сопровождавшихъ банкротство отца — 15-лѣтняя Мегги выходитъ побѣдительницей, благодаря случайно попавшей ей въ руки книгѣ, ветхаго экземпляра «Подражанія Христу». Исторія этого чтенія интересна, и какъ художественная картина и какъ автобіографическій фактъ [1]). Раскрывъ книгу, въ минуту тоски и досады, Мегги видитъ на потемнѣвшихъ поляхъ черту, читаетъ отмѣченныя строки и съ возрастающимъ волненіемъ продолжаетъ слѣдить за невидимой рукой, указывающей мѣста, точно нарочно для нея написанныя. Да, ея печали вытекали изъ себялюбія. Она забыла про другихъ людей; искала радостей для себя одной; не думала, что она ничтожнѣйшая частичка великаго цѣлаго. Мегги потрясена и даетъ себѣ слово работать надъ собой и перемѣниться. «Книга Ѳомы Кемпійскаго до сего дня творитъ чудеса,—замѣчаетъ Дж. Элiотъ,—потому что она не пышная проповѣдь, — придуманная на бархатномъ креслѣ для внушенія безропотности тѣмъ, кто ходитъ по камнямъ окровавленными ногами, — а задушевная исповѣдь брата, скорбной души, которая хотя и въ далекомъ прошломъ, но все подъ тѣмъ же безотвѣтнымъ небомъ, томилась одинаковой съ нами жаждой, боролась, изнемогала».— Всѣ въ домѣ замѣчаютъ нѣчто особенное въ Мегги, и мать спѣшитъ воспользоваться этимъ добрымъ настроеніемъ, чтобы уложить наконецъ непокорные волосы дочери вѣнкомъ на маковкѣ. Смуглая красавица, съ непривычнымъ выраженіемъ кроткой задумчивости и восторга на лицѣ, прелестна въ этомъ царственномъ уборѣ. Понятно, глядя на нее, что восторженный аскетизмъ долженъ вскорѣ уступить мѣсто увлеченіямъ, болѣе свойственнымъ ея годамъ.

Менѣе счастливымъ можно назвать исходъ второй бури, постигшей Мегги—ея перваго романа съ умнымъ, талантливымъ и симпатичнымъ художникомъ Филиппомъ, имѣвшимъ большое вліяніе на ея развитіе и заставившимъ забыть Ѳ. Кемпійскаго для свѣтскихъ поэтовъ и писателей. Бѣдный Филиппъ давно

---

[1]) Книга Ѳомы Кемпійскаго имѣла большое вліяніе на юную Маріанну Ивенсъ и осталась настольной книгой Дж. Элiота.

знаетъ, что его не можетъ полюбить никакая женщина; но въ обожаемой имъ съ дѣтства Мегги онъ видитъ существо особенное, и, наперекоръ разсудку, ему кажется порой, что она не отвергнетъ его преданной любви. Молодые люди, разлученные семейной враждой, встрѣчаются случайно въ рощѣ. Между ними быстро возстановляется короткость школьныхъ дней, а затѣмъ выступаетъ на сцену любовь. Собственно говоря, страсть существуетъ здѣсь съ одной стороны; Мегги, увлекаемая дружбой и состраданіемъ къ Филиппу, только старается убѣдить себя, что платитъ ему взаимностью. И вотъ—въ одну изъ тѣхъ опасныхъ минутъ, когда слова бываютъ искренни и въ тоже время обманчивы, когда чувство, поднявшись высоко надъ обычнымъ уровнемъ, оставляетъ знаки, до которыхъ ему не суждено болѣе подняться — она цѣлуетъ блѣдное лицо Филиппа, смотрящее на нее съ робкой мольбой. У нея на глазахъ слезы, въ сердцѣ трепетъ; и въ то же время она говоритъ себѣ: «если тутъ жертва, тѣмъ выше и достойнѣе будетъ любовь». Когда грубое вмѣшательство Тома кладетъ внезапный конецъ идилліи, и Мегги, ради больного отца, рѣшается на временную разлуку съ Филиппомъ (взявъ мѣсто учительницы въ сосѣднемъ городѣ), ей уже приходится презирать себя за то, что, въ разлукѣ съ женихомъ, она ощущаетъ не печаль, а смутное чувство освобожденія...

Конечная катастрофа въ жизни Мегги во многихъ оставляетъ неудовлетворенное чувство. Обстоятельства усложняются здѣсь такъ внезапно и сердечныя драмы нѣсколькихъ лицъ достигаютъ такой интенсивности, что обыкновенное воображеніе не въ силахъ придумать другого исхода кромѣ смерти, и сама Дж. Эліотъ принуждена обратиться къ этому крайнему средству.

Въ первые каникулы, которые Мегги проводитъ въ Оггсѣ въ домѣ кузины, она знакомится съ женихомъ Люси, Стифеномъ Гестомъ. Оба чувствуютъ другъ къ другу внезапное, необъяснимое, непобѣдимое влеченіе, и съ обѣихъ сторонъ идетъ борьба между страстью и долгомъ. Невинная Люси ничего не замѣчаетъ; чуткій Филиппъ, сообразивъ въ чемъ дѣло, всячески старается стушеваться, чтобы облегчить своей невѣстѣ отступленье. Вслѣдствіе этого старанія и умышленнаго отказа отъ условленной прогулки, между влюбленными происходитъ неожиданный tête-à-tête въ лодкѣ, который и рѣшаетъ ихъ судьбу. Въ какомъ-то магнетическомъ упоеніи, безотчетно и безсознательно плывутъ они съ отливомъ по теченію Флосса, мимо знакомыхъ береговъ, мимо сборнаго пункта, гдѣ ихъ ждетъ Люси, мимо береговъ незнакомыхъ и приходятъ въ себя только въ

открытомъ морѣ. При видѣ моря и корабля, у Стифена внезапно родится мысль увезти Мегги и обвѣнчаться съ нею; но всѣ его страстныя убѣжденія разбиваются въ прахъ передъ рѣшимостью дѣвушки, пришедшей въ себя и терзаемой совѣстью. Корабль доставляетъ пассажировъ въ ближайшую гавань, и черезъ нѣсколько дней мы видимъ бѣдную Мегги, принесшую на алтарь долга свою любовь, но тѣмъ не менѣе безповоротно погибшую въ общемъ мнѣніи и разбившую счастье Филиппа, Люси и безумно влюбленнаго Стифена—видимъ бѣдную, еле живую Мегги у дверей мельницы. «Томъ, я пришла къ тебѣ, пришла домой искать пріюта и разсказать тебѣ все». — «Нѣтъ для тебя дома подъ одной кровлей со мной», отвѣчаетъ Томъ, задыхаясь отъ ярости; «ты опозорила всѣхъ насъ, опозорила имя отца, ты поступила низко и подло. Я умываю руки, я не хочу тебя знать!» — Печально доживаетъ свой вѣкъ Мегги, въ семьѣ стараго пріятеля Боба, въ домишкѣ на берегу рѣки. Всѣ попытки добрыхъ людей оправдать ее, разбиваются о видимость факта. Утѣшеніемъ служитъ только прощеніе доброй Люси и письмо Филиппа, написанное, можно сказать, кровью самаго великодушнаго и нѣжнаго сердца. Стифенъ напрасно шлетъ ей страстныя письма — она рѣшила, что не должна принадлежать ему. Но сумма всѣхъ страданій очевидно выше ея силъ и исходъ—каковъ бы онъ ни былъ,—весьма желателенъ. И вотъ, въ одну бурную ночь, происходитъ наводненіе. Флоссъ, игравшій столь сложную роль въ ея жизни [1]), столько разъ грозившій затопить окрестность, разливается наконецъ до тѣхъ размѣровъ, о которыхъ съ ужасомъ вспоминаютъ старожилы. Мегги бросается въ лодку искать Тома. Томъ, при видѣ опасности и блѣдной исхудалой сестры, забываетъ всякое умыванье рукъ и съ прежнимъ ласковымъ *Мегзи* садится подлѣ нея. Мимо ихъ волны мчатъ груды снесенныхъ бревенъ и обломковъ; большая черная глыба несется прямо на ихъ лодку. «Берегись», кричитъ кто-то. Томъ и Мегги прижимаются другъ къ другу, какъ дѣти былого времени. — Еще минута — и они исчезаютъ въ волнахъ, «примиренные въ смерти».

Критики порицаютъ искуственность этого финала и находятъ, что сила творчества постепенно падаетъ къ концу романа, и что Дж. Эліотъ «какъ настоящая женщина», проявляетъ необык-

---

[1]) Мѣсто дѣйствія романа не вымышлено, а только перенесено. Оггсъ списокъ съ Генсбери на р. Твидѣ, подверженномъ частымъ разливамъ вслѣдствіе близости моря.

новенную изобрѣтательность въ житейскихъ мелочахъ и теряется передъ катастрофами». Піетисты-англичане черпаютъ сверхъ того въ этомъ романѣ аргументы противъ скептицизма, омрачающаго міросозерцаніе писателей.

Хотя исторія таинственнаго обоюднаго влеченія между Стифеномъ и Мегги полна правды, поэтической прелести и какого-то особаго обаянія, дѣйствующаго на нервы читателя,—она по преимуществу возбуждаетъ пересуды. Одни находятъ любовныя сцены слишкомъ грубо-реальными, что вполнѣ несправедливо. Другіе, съ бóльшимъ правомъ замѣчаютъ, что «хотя въ жизни нерѣдко случается видѣть, какъ прелестныя дѣвушки влюбляются въ недостойныхъ субъектовъ и гибнутъ, законы художественной правды не допускаютъ подобныхъ аномалій въ области вымысла. Дѣвушка, подобная Мегги, можетъ чувствовать нѣжность къ симпатичному Филиппу и, презрѣвъ его уродство, считать бракъ съ нимъ возможнымъ. Это понятно, хотя практически нежелательно. Но ея увлеченіе ничтожнымъ фатомъ—ошибка, которая въ романѣ разрушаетъ иллюзію, и слѣдовательно непростительна. Стифенъ Гестъ къ тому же не вышелъ у Дж. Эліота живымъ лицомъ и напоминаетъ нелѣпые мужскіе характеры дюжиннаго женскаго творчества» [1]).

Но невзирая на нѣкоторыя погрѣшности, поэтическая «Мельница на Флоссѣ», вся проникнутая свѣтомъ и теплом молодой жизни и страсти, имѣла громадный и вполнѣ понятный успѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ публика въ первый разъ и не безъ удивленія узнала, что авторъ этого романа женщина, нѣкая г-жа Ивенсъ, скрывающаяся подъ псевдонимомъ—Дж. Эліота.

А. С.

---

1) Cornh. Mag., Febr. 1881.

СЕМЬЯ ЗВѢРЕВЫХЪ.

Изъ народнаго житья-бытья.

I.

Не мало различныхъ именъ перемѣнили съ теченіемъ времени представители того сословія, къ которому принадлежала семья Звѣревыхъ. Такъ, въ старинные годы ихъ прозывали: «черной костью» и «смердами», въ менѣе отдаленные: — «холопями»;—имя «людей» давалось имъ вообще только тогда, когда они именно теряли кое-что изъ общечеловѣческихъ свойствъ. Сами себя они всегда звали: «хрестьянами».

Семья Звѣревыхъ состояла изъ Ивана Пахитонова Звѣрева, или Звѣря, какъ его для краткости звали по деревнѣ; жены его Марьи—Звѣрихи,—и сына, Звѣренка—Васьки.

Звѣревы были исконными обывателями сельца Грачовки, прозваннаго такъ отъ большого количества грачей, водившихся съ стародавнихъ временъ въ рощѣ, высившейся когда-то за деревней. Десятка два съ половиною лѣтъ тому назадъ рощу купилъ на срубъ у бывшаго грачевскаго барина Ѳома Степанычъ Суриковъ, деревенскій богачъ и церковный староста; рощу вырубили, распилили и распродали ея бывшихъ исполиновъ, выкорчевали и вѣковые пни ихъ и вспахали мѣсто, надъ которымъ сотни и сотни лѣтъ шумѣла зеленая листва, и гдѣ изстари поколѣніе за поколѣніемъ ютились грачи. Улетѣли тогда грачи и не возвращались больше. Люди сначала жалѣли и о рощѣ, и о грачахъ, но годъ за годомъ стало исчезать или мѣняться къ худшему такъ многое, что и роща, и грачи, позабылись за наплывомъ новыхъ сожалѣній и болѣе ѣдкихъ заботъ.

Имя свое Грачовка однако сохранила. Стояла она теперь на голомъ юру: на десятки верстъ кругомъ деревца не было видно. Вдоль единственной ея улицы, представлявшей въ дождливое время непроходимое болото грязи, въ безпорядкѣ лѣпились крестьянскіе дворы—иные еще крѣпкіе, иные обветшалые и покосившіеся;—было и два совершенно новыхъ дома: жилище Ѳомы Степаныча Сурикова и двухъ-этажная изба новаго кабатчика. За дворами тянулись огороды, за огородами общественныя поля, которыхъ уже и по числу десятинъ было далеко недостаточно для прокормленія двухъ-сотъ душъ грачевскихъ обитателей.

Много лѣтъ Иванъ Звѣрь живмя-жилъ въ «Питерѣ», работая тамъ поденно, то на пристани, то на желѣзно-дорожныхъ вокзалахъ, то Господь его вѣдаетъ гдѣ. Денегъ домой онъ посылалъ мало и появлялся въ деревнѣ очень рѣдко—тогда только, когда паспортъ ему не высылали, вслѣдствіе какихъ-нибудь накопившихся на немъ недоимокъ. Подъ-конецъ — за недоимки же — паспорта ему и совсѣмъ не выдали, и онъ волей-неволей принужденъ былъ окончательно вернуться домой и водвориться тамъ на постоянное жительство.

Жену свою, Марью, болѣзненную и, по обыкновенію, быстро постарѣвшую бабу, Иванъ не бралъ съ собою въ Петербургъ, оставляя ее дома «соблюдать хозяйство». Марья свято исполняла завѣтъ мужа и тѣмъ не менѣе подъ-конецъ оказалось, что уже и соблюдать нечего: что̀ попродалось за недоимки, что̀ сами прожили — расползлось куда-то хозяйство: не осталось ни коровы, ни овецъ, ничего, кромѣ павшей на переднія ноги лошаденки, которую Иванъ, уже по возвращеніи изъ Петербурга, купилъ за три рубля у сосѣда, ведшаго продавать ее на шкуру. И сама изба стала разваливаться, и огородъ запустѣвалъ. Обвинить Марью въ такомъ разореньи нельзя было: она отказывала себѣ во всемъ, работала отъ зари и до темной ночи, и хозяйственные недохватки старалась пополнять посторонними заработками. Исполнивъ работы по своему дому, она находила время еще жать у другихъ, помогала сосѣдямъ на сѣнокосахъ, зимой пряла, когда могла достать заказъ на пряжу для чужихъ... Но все это давалось не легко: односельчане были небогаты, и помѣщиковъ вокругъ было мало, а какіе были, такъ тѣ являлись больше наѣздомъ, на короткое время—больно ужъ мѣстность была неказистая, не манила она къ себѣ даже лѣтомъ и состояла, помимо тощихъ полей, изъ гнилыхъ болотъ по низинамъ. Были

тутъ когда-то и лѣса, и озера, и рѣчки—но лѣса мало-по-малу исчезли, озера затянуло тиной и травой, а рѣчки сначала обмелѣли и затѣмъ пересохли.

Бывало каждый изъ пріѣздовъ Ивана домой оканчивался приростомъ семьи; жизнь тогда становилась для Марьи особенно трудною: работать надо было какъ и всегда, а силы тратились вдвое—и на добыванiе пищи себѣ, и на вынашиванье и выкармливанье новаго члена семейства. Дѣти въ трудахъ и болѣзняхъ родились, хворали, тянули послѣднiе соки и силы изъ Марьи и—помирали.

— Боже мой милосливый!—иногда въ отчаянiи восклицала баба;—да когда же конецъ всему этому? хоть бы развязалъ ты меня, Господи!

Когда Иванъ окончательно вернулся въ деревню, Марья опять забеременѣла, и ей стало совсѣмъ не въ моготу. Силъ на работу не было вовсе—да не было, впрочемъ, уже и заработковъ: совсѣмъ обѣднѣло и большинство односельцевъ. Съ одной стороны, разоряли тяжкiе поборы, съ другой—и года настали неурожайные. Кто прежде круглый годъ ѣлъ чистый хлѣбъ—подмѣшивалъ теперь въ него мякину; кто питался раньше мякиной—рубилъ теперь овсяную солому въ хлѣбъ...

Вернувшись, Иванъ, конечно, принялся пахать свой надѣлъ, но отъ этого положенiе семьи не улучшилось: были и прежнiе недоборы и поборы впереди, того же, что давала земля, едва хватало на текущiя подати.

Взвыла Марья при мысли о томъ, что у самихъ ничего нѣтъ, а тутъ еще ротъ прибавится... Побѣжала она къ сосѣдкѣ Акулинѣ: «Помоги! Вонъ ты, да Маланья, да Луверья съ тѣхъ поръ, какъ бѣдность такая пошла, хоть однимъ счастливы—что годъ стали робятъ не донашивать... Скажи, что сдѣлать надо?..»

Акулина сначала отнѣкивалась, но кончила тѣмъ, что посовѣтовала Марьѣ намочить въ воду красной крайки и пить настой съ нея натощакъ.

Не легко было Марьѣ добыть крайки. Продала она для этого послѣднюю нечаянно уцѣлѣвшую и блуждавшую на пустомъ дворѣ ея курицу, сходила въ городъ, купила крайки, вернувшись домой, намочила ее и стала пить настой.

То-ли она мало пила, то-ли природы была крѣпкой, то-ли ужъ судьба ея была такая—но сына она родила живого и въ срокъ, только сама съ этого времени стала все больше хворать,

иасохла, какъ щепка, животъ сталъ пухнуть, въ головѣ, рукахъ и ногахъ не прекращалась ломота...

Какъ остался живъ ея мальчуганъ, какъ сталъ подростать— одному Богу извѣстно. Молока у нея по слабости почти не было: голодалъ мальчишка и сосалъ кислую соску изъ хлѣба съ овсяной соломой—и росъ. Кляла она его въ минуты отчаянья и колотила даже, а Васютка все-таки росъ. Хворалъ мальчуганъ всякими болѣзнями и росъ себѣ да росъ. Впрочемъ, какъ ни сурова была Марья съ сыномъ и какъ ни желала избавиться отъ него до его рожденья, однако, разъ онъ появился на свѣтъ, она почла бы непрощеннымъ грѣхомъ погубить его сознательно, и потому дѣлала все, что умѣла, чтобы помочь его выздоровленью отъ всѣхъ египетскихъ язвъ, которымъ онъ, наравнѣ съ остальными деревенскими ребятами, подвергался въ первые годы своей жизни.

Такъ, когда на него нападали «крикливцы», то-есть, онъ по цѣлымъ ночамъ корчился, дрыгая ноженками, и кричалъ во всю мочь, не давая сомкнуть глазъ ни на мгновеніе ни отцу, ни матери, она, по совѣту дошлой во всѣхъ лечебныхъ дѣлахъ сосѣдки Акулины, носила его подъ куръ, туда, гдѣ онѣ на насѣсти на ночь садятся, тамъ она клала его на землю, потомъ приносила ковшъ воды и приговаривала: «Куры сѣрыя, куры бѣлыя, куры волохатыя, куры мохноногія—на-те вамъ крикливца, дайте молитвенному, нарожденному Василью сонливца».

Затѣмъ она плескала воду на куръ, а ребенка купала въ отварѣ пырейника, набраннаго по мѣстамъ, гдѣ онъ проростаетъ сквозь заборъ. «Крикливцы», впрочемъ, долго не отставали, можетъ быть, потому, что Марьѣ не удалось подвергнуть сына полному леченію; сама она не имѣла куръ и обращалась за дозволеніемъ носить ребенка подъ нихъ къ пономарицѣ, дьячихѣ и попадьѣ, а тѣ скоро перестали допускать ее въ свои курятники, находя, что плесканье водой пугаетъ куръ, и онѣ послѣ этого растериваютъ яйца. Тѣмъ не менѣе со временемъ мальчишка таки выздоровѣлъ.

За «крикливцами» на Ваську напала «плиснявка»:—побѣлѣли у него языкъ, нёбо, десны... онъ не могъ сосать ни груди, ни соски и пуще прежняго надрывалъ крикомъ Марьину душу. Тутъ она трижды вытерла его своей косой, приговаривая: «Свинья къ корыту—плиснявка съ языка! Свинья къ корыту прибѣжитъ —плиснявка съ языка сбѣжитъ!»

Черезъ нѣсколько времени прошла и плиснявка, какъ раньше крикливцы.

Сталъ по второму году у Васьки животъ пухнуть, а самъ онъ высохъ какъ щепка—тогда Марья подпоясала его кромкой отъ новой скатерти, и онъ также поправился.

На третьемъ году отъ рожденья сдѣлалась у Васьки сначала краснуха, а тамъ стали пухнуть и гноиться глаза. Отъ краснухи Марья не лечила сына ничѣмъ, но глаза пользовала: по три раза заливала ихъ женскимъ молокомъ и неожиданно для мальчишки брызгала въ нихъ водкой,—а когда это не помогло, и у ребенка по всему лицу и даже головѣ пошла «бышиха» [1]), то она прикладывала ему зеленую глину и звала куму Акулину «вéрхомъ крутить». Акулина брала верхъ съ трубы, зажигала въ немъ сажу и окуривала ребенка, махая при этомъ отъ себя и приговаривая: «Бышинникъ, я тебя прошу: отступись отъ молитвеннаго, нарожденнаго Василья, ибо ты тутъ укоренился и пустилъ поросты по всѣмъ суставамъ и по семидесяти-семи жиламъ, — и пока я тебя не знала, потà я тебя не сгоняла; теперь я стала знати, стала Матерь Божью просити — стала Матерь Божья мнѣ въ помочи стояти. Разойдись и по полямъ, и по морямъ, и по лѣсамъ, гдѣ люди не ходятъ, гдѣ вѣтеръ не вѣетъ, гдѣ собаки не лаютъ,—по лугамъ, по очеретамъ, гдѣ избы пусты и гдѣ зáмки пусты...»

Выздоровѣлъ Васька и отъ бышихи.

Хворалъ онъ поносами и лихорадками, падалъ, обжигался, рѣзалъ себѣ руки и ноги, подвергаясь всякимъ напастямъ въ отсутствіе матери—не до него было Марьѣ: когда она уходила на работу въ поле, не было у нея силъ носить его теперь съ собой, какъ дѣлала она, когда онъ былъ поменьше. Она оставляла его въ деревнѣ, иногда подъ присмотромъ какой-нибудь старухи, а иногда и просто такъ на улицѣ съ другими ребятишками—мало ли ихъ тамъ было на волѣ Божьей: авось ничего не случится! За помощью во всѣхъ приключавшихся сыну бѣдахъ Марья опять-таки прибѣгала къ Акулинѣ.

Годамъ къ шести Васютка перенесъ оспу. Отъ этой болѣзни Марья даже не хотѣла лечить сына: смерть отъ оспы—счастье: на томъ свѣтѣ будетъ ходить въ золотыхъ ризахъ, а мѣсто каждой рябины заступитъ жемчужина.

Всѣ эти болѣзни и напасти не мѣшали Васюткѣ рости. Годамъ къ семи онъ совсѣмъ выправился: сухотка давно прошла, брюхо опало, глаза больше не болѣли, и онъ вообще ничѣмъ особеннымъ не отличался отъ остальныхъ своихъ сверстниковъ.

[1]) Рожа.

Кличка Звѣренка, данная ему въ деревнѣ, отлично пришлась по немъ. На какого звѣренка былъ похожъ мальчишка, съ перваго разу трудно было сказать. Остренькая, загорѣлая, рябая мордочка его напоминала лисицу, въ ловкихъ движеніяхъ было что-то перенятое у котенка; добродушные сѣрые глаза напоминали еще не помышляющаго зла щенка—и въ то же время, въ минуту обиды упрямо глядя исподлобья, вызывали въ постороннемъ зрителѣ восклицаніе: «Ишь волченокъ!» Однимъ словомъ, звѣренокъ—да и только.

Бѣлые, какъ ленъ, волоса Васютки были вѣчно всклочены. Руки и особенно ноги всегда зимою и лѣтомъ—покрыты густымъ слоемъ грязи; и лѣтомъ и зимою онъ ходилъ босикомъ, иногда съ завистью посматривая на немногихъ счастливцевъ изъ сверстниковъ, которые во время большихъ морозовъ обувались въ онучи и лапти. О сапогахъ ему никогда и въ голову не приходило думать—ихъ не было ни у кого изъ деревенскихъ ребятишекъ, и «духовнымъ» ребятамъ ихъ заводили только тогда, когда отправляли ихъ въ городъ—въ ученье. Лице Звѣренка, не знаю, бывало ли когда мыто, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда Марья, сама предварительно выпарившись въ печкѣ, парила тамъ и его и при помощи щелока отмывала съ него грязь, а иногда и самую кожу. Послѣ этихъ чистокъ у Васьки долго бывали струпы на всемъ тѣлѣ, и преимущественно на головѣ, ради избавленія которой отъ непрошенныхъ гостей особенно тщилась Марья. Но со временемъ все, по обычаю, «присыхало на мальчишкѣ, какъ на собачкѣ», и онъ приходилъ опять въ надлежащій видъ и положеніе.

Одѣтъ былъ Звѣренокъ, по обыкновенію, въ поношенную, грязную, холщевую рубашку, штановъ ему пока не полагалось, шапки онъ отъ роду не имѣлъ и считалъ себя богачемъ, когда раздобывалъ веревочку на опояску. На шеѣ его, тоже на засаленной веревочкѣ, болтался мѣдный копѣечный крестикъ, данный ему при крещеніи.

Внутренній мірокъ Звѣренка постороннимъ извѣстенъ не былъ, такъ какъ онъ никому не высказывался, помимо отца, котораго не боялся и любилъ. Что касается матери, то онъ ея трусилъ: онъ зналъ, что по временамъ она почему-то поднимаетъ на него руку и бьетъ, иногда пребольно... и случается это такъ, вдругъ—иной разъ отъ того, что онъ скажетъ: «Мамка—ѣсть хочу!» иной разъ оттого, что останется долго на улицѣ, или не скоро вернется оттуда, куда его послали, или рубаху порветъ, или же возьметъ что безъ спросу, или что разобьетъ... Сначала, когда

онъ былъ поменьше, онъ вовсе даже не связывалъ достававшихся ему побоевъ съ причинами, вызывавшими ихъ—и тогда колотушки бывали еще чаще. Со временемъ у него составилась въ головѣ какая-то формула, соотвѣтствовавшая рѣшенію: «Post hoc—ergo propter hoc», и онъ пересталъ просить ѣсть, а ждалъ пока ему дадутъ чего-нибудь, на улицѣ оставался не долго и не удалялся отъ избы,—порученія исполнялъ быстро, старался не рвать одежи,—если случалось что стащить, то кралъ ловче и только у чужихъ,—дома ни до чего не дотрогивался изъ боязни напракудить, а если нечаянно и разбивалъ что-нибудь, то сворачивалъ на сосѣдскую кошку—своей не было, какъ не было и мышей, по недостатку корму для нихъ. Получивъ какъ-то нѣсколько здоровыхъ подзатыльниковъ отъ подпившихъ мужиковъ—увидѣвъ пьянаго, онъ сторонился и вообще очень недовѣрчиво относился ко всякому человѣку, про котораго не зналъ доподлинно, что отъ него нельзя ожидать толчка или зуботычины. Съ товарищами—однолѣтками Звѣренокъ водился охотно: игралъ съ ними въ прятки, въ чехарду и въ камушки—въ бабки не приходилось,—бабки, помимо взрослыхъ, имѣлись только у духовныхъ ребятъ, да у кабатчикова Проньки; въ эту компанію Звѣренка не принимали, да эти ребята и по годамъ были ему не товарищи, будучи гораздо старше его.

Не мудрено, что отца Васютка не боялся. Вообще было трудно бояться Ивана-Звѣря: рѣдко можно было встрѣтить болѣе незлобиваго, мягкаго человѣка. Сына своего Иванъ не только никогда не билъ, но и щелчка ему не далъ сроду. По деревнѣ разсказывали, что и отъ нападающей на него собаки Иванъ не обороняется, а отдѣлывается заговоромъ,—если же злая собака встрѣтится ему на мосту или вообще не на землѣ, а гдѣ-нибудь на крыльцѣ или на помостѣ, то онъ обращается въ бѣгство—потому что, извѣстно, въ такомъ случаѣ собаку уже заговорить нельзя, а у Ивана рука не поднимется даже на безсловесное животное.

И видъ у Ивана былъ такой, что не только сынъ, но и никто изъ деревенскихъ ребятъ его не боялся. Онъ былъ не высокъ ростомъ, широкоплечъ и сутуловатъ; волосы его были неопредѣленнаго бѣлесоватаго цвѣта; въ молодости его они были свѣтлорусы и вились, такъ же какъ и рыжеватая небольшая бородка, но со временемъ посѣклись и полиняли; годамъ къ сорока въ нихъ стала пробиваться сѣдина, а изъ усовъ и бороды точно

кто мѣстами клочья повыщипалъ. Сѣрые глаза Ивана, когда-то блестящіе и веселые, потухли и стали слезиться; вѣки покраснѣли, ресницы повыпали, и самое выраженіе лица съ годами измѣнилось: лѣтъ до тридцати Иванъ часто улыбался,—теперь, въ сорокъ лѣтъ, губы его только по привычкѣ складывались временами въ улыбку, и улыбка эта, образовавшись на половину, вдругъ какъ-то замирала, и все лицо мужика выражало словно недоумѣніе. Воли своей Иванъ не имѣлъ: дома дѣлалъ то, чего хотѣла жена, на вопросы общественные отзывался словами: «Какъ міръ, такъ и я!»

Онъ во всей своей жизни только одинъ разъ и поставилъ на своемъ: когда послѣ нѣсколькихъ лѣтъ трудовъ и лишеній и онъ и односельчане убѣдились, что даннымъ надѣломъ жить невозможно, и большинство крестьянъ стало запродавать душу и тѣло кулакамъ, Иванъ рѣшилъ, что не пойдетъ въ кабалу къ міроѣдамъ. На каждую десятину надѣла ему приходилось платить около пяти рублей налоговъ,—онъ нашелъ болѣе выгоднымъ сбыть землю сосѣду за два рубля арендной платы съ десятины и самому уйти на заработки въ Питеръ, чтобы добывать тамъ хлѣбъ, платя оттуда налоги за угодья, которыми не пользовался. Но въ Питерѣ помимо него было довольно такихъ же безграмотныхъ бѣдняковъ, не знающихъ никакого ремесла; къ тому же жизнь тамъ была дорога, и поэтому не оказалось возможнымъ и оттуда высылать домой деньги въ достаточномъ количествѣ. Рѣшивъ не идти въ кабалу къ міроѣдамъ, Иванъ не уговаривалъ другихъ поступать такъ, какъ онъ, но въ то же время и не скрывалъ причины своего ухода изъ деревни и черезъ это нажилъ себѣ въ Ѳомушкѣ Суриковѣ врага, что въ свою очередь имѣло долю вліянія на то, что ему подъ-конецъ и совсѣмъ не выдали паспорта на житье въ Петербургѣ, хотя числившіяся за нимъ недоимки были нисколько не тяжеле, чѣмъ недоплаты многихъ изъ его сосѣдей, къ отъѣзду которыхъ препятствій сдѣлано не было. Водворившись снова въ Грачовкѣ, Иванъ хорошо понялъ, почему писарь, которому онъ попенялъ за отказъ въ паспортѣ, замѣтилъ ему: «Гордостью тоже не слѣдъ бы заниматься, когда жрать нечего... въ долгу кругомъ неоплатномъ... смѣху подобно!» Тѣмъ не менѣе Иванъ по старому остался «самъ по себѣ, самъ себѣ хозяиномъ».

Жилось Ивану пока хоть и очень бѣдно, но довольно спокойно; о долгахъ онъ старался не думать: «думой, молъ, этому дѣлу не поможешь, лучше работать, пока силы есть, а тамъ что Богъ дастъ». День онъ работалъ въ полѣ, а если тамъ дѣлать

было нечего—возился дома около своего убогаго добра, стараясь, поскольку возможно, привести въ порядокъ избу, разваливающійся дворъ и запустѣвшій было совсѣмъ огородъ. Чувствуя въ часы обѣда и ужина назойливыя подергиванья въ желудкѣ, онъ шелъ въ избу, зная, что хоть Марья и стонетъ и охаетъ съ хворости, но поѣсть ему чего-нибудь да сварила. Плохъ былъ внѣшній видъ Ивановой избы и двора—внутри было еще хуже: полъ и протерся мѣстами, и сгнилъ, печь грозила разрушеніемъ, углы осѣли; сквозь крышу и потолокъ въ дождь протекала вода, въ щели и разбитыя окна вьюга зимою наносила цѣлые сугробы снѣга. Конечно, всѣ эти щели и дыры затыкались соломою и тряпьемъ, но это мало помогало.

Но каковъ ни былъ этотъ домъ, а онъ былъ его домъ, и онъ шелъ въ него и, помолясь на закоптѣлый образъ въ углу, садился за свой обѣдъ или ужинъ, состоявшій изъ густой похлебки съ лебедою, крапивой или сѣрой капустой, смотря по временамъ года,—отрѣзывалъ себѣ кусокъ хлѣба, который былъ хлѣбомъ развѣ по названію, и ѣлъ все это какъ могъ; а поѣвши, сколько душа приняла, обтиралъ ложку, клалъ ее на столъ, вставалъ, снова крестился на образъ и уходилъ изъ избы; послѣ обѣда—на новую работу, если же дѣло было послѣ ужина, то садился на завалинкѣ. Съ тѣхъ поръ, какъ Васютка подросъ, Иванъ бралъ туда съ собой и его. Марья, едва поболтавъ ложкой въ мискѣ, тоже вставала изъ-за стола и крестилась, а тамъ охая и кряхтя ложилась на печь, гдѣ часто до свѣту ворочалась, не смыкая глазъ. Что касается Ивана съ мальчуганомъ, то они сидѣли на завалинкѣ, пока сонъ не начиналъ смыкать глазъ ихъ. Но не молча сидѣли они. Васютка, намолчавшись за день съ матерью, которая по безпомощности отъ болѣзни часто нуждалась въ немъ и рѣдко выпускала его на улицу, высказывалъ отцу накопившіеся у него за день вопросы.

— Тятька, а тятька,—иногда спрашивалъ онъ,—а кто церкву нашу выстроилъ?

— Церкву-то?—ласково повторялъ Иванъ:—да баринъ покойный... Сказываютъ, много денегъ вложилъ... Своихъ не хватило, самъ ѣздилъ, собиралъ по людямъ на церкву-то... За грѣхи свои потрудиться хотѣлъ на старости—молодымъ больно лютовалъ. Онъ и живописцевъ нанялъ. Ишь у насъ въ церкви-то благодать какая: ажъ потолокъ росписанъ.

— Тятька,—продолжалъ Васютка,—а избы кто строилъ?

— Избы-то? Избы отцы да дѣды строили. Нынче вонъ и

вовсе у насъ лѣсу нѣтъ, а прежде ишь красный былъ... Старыто избы, гляди, новыхъ лучше.

— А поле кто сдѣлалъ, тятька?

— Поле-то? Поле Господь Богъ сотворилъ — вонъ той, что у насъ въ церкви на потолкѣ написанъ.

— А кто послѣ ево будетъ, какъ онъ помретъ? Микола чудотворецъ али Илья?.. Старенькій вѣдь онъ написанъ, сѣдой...

— Ишь ты глупенькій!.. Развѣ Богъ-то помираетъ?.. Онъ какъ есть всегда былъ и будетъ во вѣки вѣковъ.

— Да развѣ онъ желѣзный?—недоумѣвалъ Васютка.

— Ахъ, ужъ истинно мало да глупо...—съ обычной полуулыбкой произносилъ Иванъ и самъ задумывался, наведенный всѣми этими вопросами на рядъ непривычныхъ размышленій.

— Тятька,—обратился однажды къ отцу Васютка, — баяла ныньче мамка тетушкѣ Акулинѣ, что какъ крѣпостные мы были, такъ лучше намъ было; баяла, у насъ тогда и корова была, и лошадь не такой одеръ, и овечки были, и куры...

Весь растревожился Иванъ отъ такой рѣчи:

— Нишкни, нишкни, неразумный! Ахъ, грѣхи! То матка съ хворости брешетъ, а ты и повторяешь. Да сама то-она, кабы ее теперь опять закрѣпостить, не то бы заговорила поди! Не забыла еще и она вѣдь про то, что было. Да Богъ съ ними и съ курами, и съ овечками... Теперича, что говорить, лучше... Хоть одно то слово что вольные — да вольные-же!.. А ежели мнѣ Богъ счастья пошлетъ, такъ жить-то и мы съ тобой, Васюнька, припѣваючи станемъ. А ужъ что Господь счастья пошлетъ—да и не мнѣ одному—это вѣрно... Только-бы удалось дожить до того времени, какъ землю ровнять станутъ... А я не доживу, такъ тебя Господь сподобитъ... А она, матка-то неразумная, что выдумала: крѣпостными быть лучше!.. да я... да ты...

Иванъ отъ волненья едва могъ говорить. Вырвалось нечаянно, неожиданно для него самаго его затаенная надежда, вѣрованье всей его жизни—дожить до того времени, когда землю ровнять станутъ. Въ это онъ вѣрилъ съ самыхъ тѣхъ поръ, какъ услышалъ отъ прохожей богомолочки, зашедшей къ нимъ на ночлегъ, что у кулаковъ землю отберутъ, только имъ жалованья не дадутъ — больно много сами награбили... И отдадутъ всю землю крестьянамъ — такъ, сколько кто въ силахъ пахать — столько и бери. И вода и лѣса—все пойдетъ рабочему народу,—а кому по старости или хворости работать не въ моготу, того самъ міръ соблюдать будетъ.

И вотъ этой-то надеждой и жилъ Иванъ, никому о ней не

сообщая, такъ какъ богомолочка предупреждала его, что если дойдетъ до кого что онъ объ этихъ дѣлахъ знаетъ, такъ спасибо ему за это тоже не скажутъ.

— Эхъ, дурни!—иногда говорилъ самъ себѣ Иванъ, глядя на односельцевъ, разоренныхъ до тла, какъ и онъ, да еще къ тому-же стонавшихъ подъ тяжестью обязательствъ Ѳомушкѣ Сурикову, кабатчику и разнымъ міроѣдамъ по сосѣдству: «переждать-бы вотъ только годикъ-другой... Сами въ хомутъ лѣзутъ... и не легче-же имъ отъ этого, а тяжеле—и все лѣзутъ!..»

II.

Такъ-бы и жила себѣ семья Звѣревыхъ: Иванъ работая, Марья хворая, Васютка подростая и набираясь отъ отца дѣдовскому уму-разуму; но вдругъ пошли опять перемѣны—объявилась общая воинская повинность, заговорили о всеобщей грамотности, стали основываться повсюду земскія школы. По сосѣдству, верстахъ въ трехъ отъ Грачовки, богатый помѣщикъ даже подарилъ земству помѣщеніе для новой школы и на свой счетъ нанялъ туда учительницу.

Всѣхъ грачевскихъ ребятъ было велѣно посылать въ школу; сталъ туда ходить и Васютка. Ему было въ то время лѣтъ восемь.

Не трудно было мальчишкѣ сдѣлать три версты въ школу и обратно въ теплое время, но позднею осенью и зимой было-бы не совсѣмъ удобно, еслибъ ребята не дружной гурьбой бѣжали туда и обратно, несмотря ни на дождь, ни на холодъ, ни на снѣгъ, ни на волковъ, которые, случалось, попадались имъ по дорогѣ и, испуганные криками десятковъ голосовъ, щелкая зубами, сворачивали въ сторону. Плохо пришлось бы тому изъ ребятъ, кто въ это время отсталъ бы отъ товарищей.

Вернувшись вечеромъ домой, Васютка разсказывалъ отцу о томъ, что видѣлъ и слышалъ въ школѣ. Изученіе грамоты Иванъ вполнѣ одобрялъ. Одно ему не совсѣмъ нравилось съ самаго начала уже—это то, что въ школѣ ребятъ не наказываютъ. Хоть, какъ сказано, самъ онъ пальцемъ никогда не притронулся къ Васюткѣ, но ему было странно, какъ это учительница держитъ дѣтей не въ страхѣ... не даромъ-же пословица сложилась, что «учитель—робячій мучитель», такъ этому уже искони и быть положено... а эта, ишь, только «добрымъ словомъ»!.. И мерещилось Ивану, что учительница не вполнѣ предана своему дѣлу, а такъ занялась школой—больше, чтобы время провести,—извѣстно,

барышня! и онъ очень боялся, что въ концѣ-концовъ толку изъ этого для ребятъ никакого не выйдетъ. Но когда Васютка, однако, началъ дѣлать быстрые успѣхи и къ концу перваго-же школьнаго полугодія читалъ и писалъ, если не особенно хорошо, то во всякомъ случаѣ не хуже издавна славившагося по деревнѣ грамотѣйствомъ дяди Антипа, то Иванъ успокоился было... Но, впрочемъ, не надолго. Причиною новаго и гораздо болѣе сильнаго безпокойства Ивана послужило слѣдующее обстоятельство: однажды Васютка разсказалъ отцу, какъ учительница объясняетъ имъ происхожденіе дождя и росы. Въ деревнѣ между тѣмъ начали носиться слухи о разныхъ лжеученіяхъ, распространяемыхъ какими-то переряженцами. Услышавъ отъ сына объ объясненіяхъ барышни Иванъ сначала было крикнулъ: «Э, брешетъ!» но, впрочемъ, тотчасъ устыдился и замолчалъ, смутно понимая, что не слѣдуетъ подрывать у мальчика вѣру въ авторитетъ школы, которую и самъ онъ уважалъ, хотя бы и не съумѣлъ доподлинно объяснить почему.

Словами: «Э, брешетъ!» такъ Иванъ на первый разъ и ограничился,—но когда Васютка сообщилъ ему о томъ, что солнце стоитъ, а земля вертится,—и что есть звѣзды, которыя больше земли,—и что мѣсяцъ не отъ грудей Божіихъ, и громъ не отъ Ильи пророка и даже не отъ того, что апостолъ Петръ громовыми стрѣлами чертей побиваетъ,—то Иванъ и возмутился, и ужаснулся и тотчасъ пошелъ къ батюшкѣ посовѣтоваться, нѣтъ-ли чего грѣшнаго въ томъ, что онъ посылаетъ сына въ школу, гдѣ проповѣдуются такія новшества. Батюшка, не совсѣмъ терпѣливо выслушавъ мужика, постыдилъ его за то, что онъ позволяетъ себѣ разсуждать о томъ, что допущено начальствомъ, и сталъ внушать ему, что его первая обязанность заключается въ повиновеніи властямъ предержащимъ: велѣно посылать ребятъ въ школу—и посылай... приказано дома оставлять—держи у себя... разсуждать тутъ ему нечего. А ежели учительница окажется дѣйствительно болтающею о пустякахъ, вмѣсто того, чтобы дѣломъ заниматься, такъ объ томъ самому начальству вѣдать надлежитъ... и нечего ему, дураку темному, соваться не въ свое дѣло съ разными недоумѣніями.

Послѣ этого разговора съ Иваномъ батюшка не преминулъ, при случаѣ, посовѣтовать управляющему имѣніемъ, гдѣ помѣщалась земская школа, чтобы тотъ по знакомству намекнулъ учительницѣ, что не слѣдуетъ смущать умовъ и нужно быть очень осторожной, касаясь вопросовъ, до пониманія которыхъ не доросъ еще русскій крестьянинъ. При этомъ батюшка справился,

не распространяетъ ли учительница и въ самомъ дѣлѣ между дѣтьми и взрослыми какихъ-нибудь превратныхъ толкованій не только научнаго, но и общественнаго характера, и, повидимому, успокоился на томъ, что пока ничего подобнаго за нею не замѣчено.

Не знаю, былъ-ли управляющій однихъ вглядовъ съ батюшкой или нѣтъ, но при слѣдующемъ свиданіи съ учительницей серьозно сталъ уговаривать ее, чтобы поумѣрила свое рвеніе... Какая нужда «развивать» ребятъ... Учила-бы ихъ грамотѣ и все тутъ... «что еще тамъ за естественно-научныя лекціи выдумали вы читать въ нашихъ палестинахъ, сударыня!» прибавилъ онъ даже пріятно шутливымъ тономъ, и затѣмъ, перейдя опять въ серьезный, посовѣтовалъ ей въ виду временъ быть очень и очень осторожной. Кухарка управляющаго, по какому-то случаю то и дѣло приникавшая ухомъ къ хозяйской двери во время этого разговора, происходившаго въ квартирѣ управляющаго,—слышала большую часть сказаннаго и не преминула подѣлиться слышаннымъ со своими друзьями-пріятелями. Ея редакція была такова, что за учительницей замѣчено, будто она сообщаетъ дѣтямъ въ школѣ богопротивныя вещи, за что управляющій ее и корилъ. Отъ друзей кухарки свѣденія о происходившемъ были перенесены въ кабакъ, изъ кабака въ волостное правленіе... и чѣмъ дальше распространялись, тѣмъ чреватѣе становились всякими послѣдствіями...

Разговоръ съ батюшкою нисколько не успокоилъ Ивана и только увеличилъ въ немъ сознаніе собственнаго безсилія и ничтожности. Не допускать однако, чтобы его Васютка впитывалъ всѣ эти лжеученія, онъ не могъ и потому сталъ пользоваться каждымъ случаемъ, чтобы сообщать сыну собственныя воззрѣнія и убѣжденія — мудрость почерпнутую отъ отцовъ и дѣдовъ и людей прохожихъ-бывалыхъ. Въ то же время по присущей русскому человѣку въ его положеніи осторожности, онъ никогда явно не оспаривалъ мнѣній учительницы.

Вотъ что, между прочимъ, разсказывалъ Иванъ сыну о томъ, какъ была сотворена земля: «Взялъ-де Господь съ собою своего старшаго архангела, Сатанаила, и полетѣли они вмѣстѣ надъ моремъ. А море-то темное, глубокое, все равно, что бездонное... и велѣлъ Богъ Сатанаилу достать во имя Господне со дна моря горстку песку, чтобъ изъ него землю создать. Кинулся Сатанаилъ на самое дно, ажъ подъ песокъ, и стало ему завидно, завидно на Бога: дай, думаетъ, приточу и свое имя—пусть будетъ разомъ и твое и мое дѣло! Захватилъ онъ горсть песку во

имя Божье и свое... а вода ему песокъ изъ руки и вымыла—такъ съ пустой рукой и вынырнулъ. И говоритъ ему Господь: «Не хитри, Сатанаиле!» А онъ вдругорядь тоже сдѣлалъ, и опять ему землю вода изъ руки вымыла,—только на третій разъ и вынесъ онъ полную горстку песку изъ моря, помянувши одно имя Господне, а свое не сказавши.

Вотъ Богъ и сталъ сѣять песокъ по морю... а Сатанаилъ взялъ да и слизнулъ съ своей руки что тамъ какія крупицы песку остались: дай, думаетъ, схороню ихъ пока во рту, а тамъ и себѣ землю сдѣлаю. Только Господь его и спрашиваетъ: «Что, есть еще песокъ?»—«Нѣту, Господи», отвѣчаетъ Сатанаилъ.—Ну, Господь благословилъ свой посѣвъ—земля и стала рость съ того песку. Стала это земля въ морѣ рость да шириться, сама гладкая да ровная, что укатанная, и у Сатанаила во рту растетъ, ажъ ему губы и щеки распираетъ; и сталъ онъ ее изъ роту выплевывать—и, гдѣ ни плюнетъ, тамъ горы да скалы. И опять поблагословилъ Господь землю—она и остановилась рость, а Сатанаиловы горы все-бы росли да росли, коли-бъ апостолы Петръ и Павелъ по Господнему велѣнью не закляли ихъ.—И что ни создастъ Господь на землѣ, то опять-таки Сатанаилу завидно станетъ: дай, думаетъ, я и себѣ сотворю! Да у Господа то хорошо, а у идола все на кривъ-бокъ выходитъ. Сотворитъ Богъ овесъ, а у Сатанаила взойдетъ только осотъ. Создастъ Господь корову, а Сатанаилу только коза удастся...

Много разсказывалъ Иванъ сыну и про созданіе животныхъ и растеній. Такъ, по его словамъ, конь произошелъ отъ того, что какъ сталъ Адамъ поле боронить—самъ борону тащитъ, «а чортъ взялъ да и сѣлъ сзади на нее, думаетъ: «пускай, молъ, еще тяжеле Адаму станетъ!» А Господь увидалъ да и велѣлъ ангелу обратить его въ коня да въ борону впречь: пусть теперь самъ ее таскаетъ! Такъ и стала лошадь изъ чорта, и потому она человѣку всегда врагъ, не то, что собака—ту Господь такъ собакой человѣку на пользу и создалъ. А медвѣдь, такъ то съ мельника: шелъ какъ-то Богъ по землѣ, а мельникъ вывернулъ полушубокъ да какъ крикнетъ страшнымъ голосомъ: «у-гу!» Разсердился Господь и говоритъ: «Оставайся-же ты навсегда медвѣдемъ!»—И про ласточку разсказывалъ Иванъ, что Господь за какую-то провинность запретилъ ей летать на зиму на теплыя воды, а велѣлъ зимовать на мѣстѣ въ колодцахъ.—И про кукушку, что она съ женщины, которая мужа убила.—И про воробья, какъ онъ Христовымъ мученьямъ радовался и все кричалъ: «живъ, живъ!» пока голубь ворковалъ да плакалъ, что: «умеръ,

умеръ!» — И про пчелу, какъ она Бога просила, чтобъ тотъ умиралъ, кого она ужалитъ, а Господь ей отвѣчалъ: «лучше ты сама умирай!» — И про лѣса, что они выросли по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ подъ землею прошелъ проклятый Богомъ змій... Училъ Иванъ сына и примѣтамъ разнымъ: — что на порогѣ, напримѣръ, грѣхъ дрова рубить — тутъ лихорадки прикованы. И вообще говорилъ Иванъ сыну, какъ жить надо, и какихъ грѣховъ опасаться, и чтó насъ за какія провинности на томъ свѣтѣ ожидаетъ.

Что касается Васютки, то онъ въ школу ходить любилъ и вовсе не подозрѣвалъ какія нравственныя мученія причиняетъ отцу его эта школа. Противорѣчія между взглядами отца и учительницы не безпокоили мальчика; онъ слушалъ и то, и другое, и отцовскія поученія считалъ, конечно, тѣми, которыя запомнить слѣдуетъ — потому что, какъ тятька говоритъ, такъ оно и на самомъ дѣлѣ есть, — учительницыны слова также, однако, не слѣдуетъ забывать, потому что она можетъ велѣть ему повторить что-нибудь изъ своихъ разсказовъ и объясненій и дуракомъ передъ ней Васюткѣ стоять тоже не хочется. Онъ даже и любилъ свою учительницу — во-первыхъ, за то, что она не дралась и не бранилась, какъ слышно дѣлаютъ иные учителя, да еще и за другое. Какъ-то разъ Васютка цѣлую недѣлю не былъ въ школѣ: Марья крѣпко прихворнула, Иванъ былъ на неотложной полевой работѣ, и Васюткѣ пришлось остаться дома съ матерью. Узнавъ о причинѣ его неявки, учительница, выбравъ свободное время, навѣстила Марью, захвативъ для нея съ собою немного чаю и сахару. Не была еще привычна молодая, вновь взявшаяся за дѣло городская жительница къ деревенской голотѣ и нищетѣ: положенье Марьи — больной и голодной — произвело на нее необычайно тяжелое впечатлѣніе. У нея тотчасъ явилось — да и не могло не явиться — желаніе помочь, и она удѣлила бабѣ часть своего скуднаго жалованья — на покупку настоящаго хлѣба хоть во время болѣзни. И еще нѣсколько разъ навѣстила учительница больную, принося съ собою утѣшеніе и помощь, и Марья, собиравшаяся было уже совсѣмъ помирать, опять ожила на время.

Вотъ за это-то, главнымъ образомъ, и полюбилъ Васька «барышню». «Ишь», думалось ему — «добрая!» И Марья часто вспоминала о ней, говоря: «кабы не она, давно бы я и ножки протянула». И вотъ это самое столкновеніе съ теплой душой и было первою причиною такого «случая», о которомъ врядъ ли во всю свою жизнь *позабудетъ* Васютка.

Итакъ, подаяніе учительницы подняло Марью на ноги, и въ

головѣ бабы укоренилась мысль, что если бы у нея пища была получше да уставать бы ей приходилось поменьше, то она поправилась бы и вполнѣ. Съ утра и до вечера она ныла о своихъ бѣдахъ да какъ было и не ныть. Марья помнила прежнее время: помнила себя молодой, здоровой, сильной, красивой. «Бывало пашу,—причитывала она,—и отъ мужиковъ не отстаю. Сѣна стогъ смечу въ перегонку съ парнями. Какъ замужъ вышла да отяжелѣла — мнѣ и горюшка мало: иду на работу, все одно будто что дѣвчонка молоденькая,—а отчего? хлѣбъ былъ! Потомъ пошла бѣдность: стала я хворать... А все ты!—обращалась она къ мужу:—вонъ добрые люди какъ ни какъ, а добываютъ хлѣбъ—только у насъ ничего нѣту...»

— Ну, что, Марья, Бога гнѣвишь,—возражалъ Иванъ:—всѣмъ худо, не намъ однимъ. Гляди другимъ еще хуже нашего—насъ хоть къ мировому не таскаютъ да въ волость. Дастъ Богъ заработать какую малость—все наше... И лошадь у насъ есть... Хлѣбъ, правда, съ соломой ѣдимъ, да хоть какой ни какой, а есть—по міру не ходимъ...»

— А вотъ пойду по-міру, пойду... — стонала Марья.—Не могу я этого хлѣба ѣсть — душа не принимаетъ... И все-то у насъ мякина да лебеда, крапива да солома... Господи, какъ мнѣ учителька-то чайку принесла, такъ, я думаю, въ царство небесное я попала... Лежала вѣдь ужъ недѣлю на печи, не сходила, думаю: вотъ захотѣлось Господу и всамдѣлѣ развязать меня... а тутъ опять и пошла... Неужто-жъ мнѣ вотъ теперь такъ и помереть съ голодухи изъ-за тебя окаяннаго... Вонъ, кума Акулина... баяла, что Ѳомушка Суриковъ людей нанимаетъ глину возить—нанялся бы и ты, все что ни на есть заработалъ бы.

Иванъ молчалъ.

— Ты что-жъ молчишь? Не правду что-ли говорю?

— Ты говоришь глину возить...—наконецъ отвѣчалъ Иванъ —да за этой глиной вонъ съ лошадью поѣзжай... а люди говорили, что съ лошадью на тѣхъ промыслахъ и не прокормиться, не то что домой что привезть... Да еще какъ не станешь пить тамъ въ ихнемъ же кабакѣ да у нихъ же харчиться, то и житью не радъ будешь... А ежели еще на тебя за что штрафъ наложутъ, то и во вѣки изъ кабалы не выбьешься... Какъ-ни-какъ, а все на ту же мякину выйдетъ.

— Да тебѣ-бъ Ѳома задатку сколько-бъ тамъ ни было далъ бы... хлѣбушка бы купили...

— Такъ. А писарь да староста задатокъ-то мой и задержали-бы въ счетъ недоимокъ... Съ рукъ на руки бы имъ отъ

Ѳомы пошелъ, какъ стали бы мнѣ билетъ выправлять... вѣдь знаешь, мнѣ билета-то безъ Ѳомкинаго поручительства не дадутъ... а промыслы-то у него у зятя въ другой губерни, почитай верстъ двадцать-пять, а не то всѣ тридцать отсюдова—билетъ надоть.

— А ты Ѳомѣ поклонись... попроси зададку на руки...

— Не за поклономъ дѣло стало.

— Нѣтъ, это все гордость наша,—плакалась Марья,—жена съ голодухи околѣваетъ, а онъ пальцемъ объ палецъ ударить лѣнится...

— Побойся ты Бога, баба!—возмущался, наконецъ, Иванъ,—да коли-бъ толкъ... толкъ-то коли-бъ изъ того выдти могъ, да я не то что Ѳомѣ, а ужъ не знаю кому-бъ въ ноги палъ!..

Подобные разговоры были не рѣдки, и съ каждымъ разомъ укоры Марьи становились все острѣе. Она доходила до того, что упрекала мужа даже тѣмъ, что онъ не умѣетъ хоть бы воровствомъ добыть тотъ грошъ, который имъ такъ смертельно нуженъ.—Ты,—говорила она,—худшій вора злодѣй, душегубъ окаянный—завѣдомо жену въ гробъ голодомъ уложить хочешь!

Васютка, конечно, все это слышалъ, если разговоръ заходилъ въ то время, когда онъ былъ дома. Ни Марьѣ, ни Ивану и въ голову не приходило остерегаться мальчика.

Не легко жилось и Марьѣ. Какъ ни была она больна, но, пока держалась на ногахъ, все продолжала работать. Положимъ, коровы, овецъ, куръ у нея не было, а въ огородѣ хотя былъ овощь—хрѣнъ—однако за нимъ уходу не полагалось: онъ росъ самъ и заглушилъ почти весь огородъ,—но по дому, тѣмъ не менѣе, было что дѣлать. Хоть когда-нибудь да нужно было вымыть прогнившій полъ, наносить воды, истопить печку, а такъ какъ дровъ не было и купить ихъ было не на что, то хоть изъ своего или чужого забору натаскать хворосту; надо было обѣдъ и ужинъ состряпать, и посуду перемыть, и постирать порты мужу и сыну, и починить кое-что... да мало ли найдется работы и въ самомъ нищенскомъ хозяйствѣ. И каково было дѣлать все это несчастной бабѣ, у которой болѣли всѣ суставы, при всякомъ движеніи отъ сердцебіенія зеленѣло въ глазахъ, а на остеклянившихся отъ водяной ногахъ отъ каждаго толчка или царапины дѣлались раны. О томъ, что отвращенье брало Марью при одной мысли о той пищѣ, которою ей приходилось насыщаться, и говорить нечего. Мечты о томъ, что еслибы ей поѣсть хоть съ недѣлю хорошихъ щей да свѣжаго чистаго хлѣба, тѣмъ болѣзненнѣе и неотвязчивѣе бередили ей душу, чѣмъ менѣе Иванъ поддавался ея просьбамъ идти на работу къ Ѳомѣ. Отъ учитель-

ницы ждать тоже было больше нечего—та сама сидѣла безъ денегъ, ожидая всегда почему-то неаккуратно выдаваемаго жалованья.

— Кажись коли-бъ прежняя сила,—говорила иногда Марья самой себѣ вслухъ, точно въ бреду,—ушла бы отъ васъ постылыхъ за тридевять земель, нанялась бы хоть въ купцу въ работницы... У купцовъ хорошо жить... хлѣбъ, какъ пухъ мягкій... А масла-то въ кашу льютъ не жалѣючи... А каша-то разсыпчатая, румяная... щи жирныя, съ говядиной. Сколько лѣтъ-то я говядины не ѣдала?.. Да вотъ, кажись, какъ Васюткой забеременѣла—мыла я полы тогда у матушки, такъ у ихъ вчерашнихъ щецъ съ говядинкой похлѣбала да на вѣки вѣчныя и заговѣлася... Баяли люди, идутъ и пироги работникамъ у купцовъ въ праздникъ, а въ постный день всегда кашица или похлебка со снѣткомъ, или ботвинья, либо щи съ соленой рыбой... Господи, бываетъ же людямъ счастье!.. Да не то что въ купцу—по міру бы пошла, коли-бъ не хворость моя... Стала бы батожкомъ подъ окнами стучать, подоконники грызть... Кто бы копѣечку подалъ, кто бы хлѣбца кусочекъ, а кто въ достаткахъ человѣкъ да милостливый и пирожка бы краюшекъ далъ. У, чтобъ васъ!—накидывалась она на мужа или сына, если тотъ или другой изъ нихъ заглядывалъ въ это время въ избу и тѣмъ прерывалъ ея сны на-яву.

Одышка и отеки Марьи все усиливались; однажды утромъ она опять оказалась не въ силахъ встать и вдругъ присмирѣла, словно сразу примирилась съ мыслью, что жизнь кончена со всѣми ея частыми горестями и рѣдкими радостями. Она стала просить, чтобы ее положили на лавку подъ образа, мужа больше не бранила, а съ сыномъ заговорила совсѣмъ ласково и начала прощаться съ семьею.

Ивана ножемъ по сердцу рѣзнула такая перемѣна въ обхожденіи жены. Онъ понялъ, что должно быть она и въ самомъ дѣлѣ умирать собралась. Онъ ушелъ изъ избы и вмѣсто того, чтобы взяться за какое-нибудь дѣло, отправился бродить по полямъ, куда глаза глядятъ. Онъ точно въ первый разъ отдалъ себѣ отчетъ, что Марья съ ея блѣднымъ точно восковымъ лицомъ, съ синими губами, съ вѣчно полуоткрытымъ вслѣдствіе одышки ртомъ, съ ея худобой, отеками и ранами, дѣйствительно не въ состояніи, не можетъ жить дольше. Вспомнилась она ему, какъ была въ дѣвкахъ: круглолицая, бѣлолицая, съ румянцемъ во всю щеку, съ блестящими карими глазами и алыми смѣющимися губами, съ густой косой за поясъ и сильными загорѣлыми руками,

которыя такъ хлестко дули его по чемъ ни попало, когда онъ на бесѣдѣ или въ хороводѣ позволялъ себѣ спутить съ нею какую-нибудь шутку. Разъ подстерегъ онъ ее вечеромъ, когда она какъ-то запоздала, идя домой отъ колодца съ коромысломъ на плечахъ и полными ведрами. Давно онъ ее караулилъ и теперь крѣпко схватилъ за руки. «У, лѣшій!»—крикнула дѣвка, не трогаясь съ мѣста, чтобы не расплескать воды; но когда замѣтила, что онъ на этотъ разъ никакой шутки себѣ больше не позволяетъ, и услышала, что онъ только тихо и какъ-то смущенно спрашиваетъ: «засылать что-ль сватовъ», то и она смутилась и тоже тихо проговорила: «что-жъ, засылайте!» И послѣ этого оба они точно чего-то стыдились, встрѣчаясь другъ съ другомъ. А тамъ пошли они проситься у барина, а тамъ и свадьбу сыграли и стали жить другъ съ дружкой мирно и ладно. Никого у нихъ не было въ домѣ—ни свекрови, ни тещи, ни невѣстокъ, ни золовокъ, кто бы свару заводилъ—одиночки были. И хлѣба у нихъ хватало. Думали вѣкъ прожить такъ. Тутъ и воля вышла—чего бы лучше. Потомъ что годъ пошли у нихъ ребята. Мало-по-малу стала деревня бѣднѣть, стало и имъ жить труднѣе; думали впереди лучше будетъ... лучшее не приходило. Стали ребята мереть. Вздумалъ Иванъ пойти въ Питеръ:—годикъ другой поживу—добуду казны и вернусь,—говорилъ онъ Марьѣ. Но годъ за годомъ шелъ—ни казны, ни счастья не прибывало... Стала Марья хворать. «Можетъ, и всамдѣлѣ я виноватъ?» думалъ теперь Иванъ, бродя по полю: «вонъ другіе люди оборотливые—а я словно пень какой: ни себѣ, ни людямъ, прости Господи! А ужъ могъ бы хоть жену соблюсти—вѣрная была, трудящая, вѣкъ вмѣстѣ прожили... Можетъ, еще я за нее передъ Богомъ въ отвѣтѣ буду... Можетъ всамдѣлѣ это моя гордость только такая, что не хочу міроѣдамъ кланяться... Коли-бъ то они только кровь нашу пили, такъ развѣ бы шелъ къ нимъ всякъ съ поклономъ?»—Всѣ взгляды и понятія Ивана словно смѣшались и спутались. Всю-то жизнь онъ думалъ, что правъ, поступая какъ поступаетъ... Жилъ онъ всегда по божески, трудился весь вѣкъ, и вотъ до чего дошло—помираетъ жена и помираетъ, можетъ быть, по его винѣ...

«Пойду глину возить», рѣшилъ онъ: «поклонюсь Ѳомѣ, выпрошу задатокъ на руки хлѣбомъ, не деньгами...»

И точно какъ люди идутъ на тяжелую, необходимую и болѣзненную операцію, пошелъ Иванъ къ Сурикову и чѣмъ дальше шелъ, тѣмъ больше ускорялъ шагъ.

III.

Домъ Ѳомушки Сурикова стоялъ на концѣ деревни. Онъ былъ новый, крытый тесомъ, выкрашеннымъ въ красную краску. У оконъ были зеленыя ставни, расписанныя крупными розовыми и голубыми цвѣтами, какъ дуги ломовыхъ извощиковъ подъ Москвою. Стѣны были не только мшаныя, но между новыми, бѣлыми, едва начинавшими сѣрѣть отъ дождевыхъ потёковъ бревнами торчалъ войлокъ. Высокія тесовыя ворота вели на большой до половины крытый дворъ, вмѣщавшій съ одной стороны хлѣвы для скота, съ другой свободное мощеное деревомъ пространство, служившее сараемъ. Тамъ вверхъ оглоблями стояли обыкновенно пары три саней и телѣгъ и даже небольшой открытый тарантасикъ, тоже расписной, какъ и ставни. Тамъ же висѣли хомуты, шлеи, дуги и возжи и вверхъ дномъ стояли кадки и ушаты. Входъ въ жилье былъ со двора. Лѣстница, ведшая въ избу, была чистая, съ перилами, устланная снаружи веревочнымъ половикомъ, а въ домѣ бѣлымъ холщевымъ. Сама изба была двухъэтажный пятистѣнокъ, т.-е. занимала столько мѣста, сколько двѣ обыкновенныхъ крестьянскихъ избы. Внизу было два помѣщенія: черная изба, или кухня, и задняя клѣть, или кладовая, съ подпольемъ внизу и тяжелымъ замкомъ на двери. Вверху тоже было два помѣщенія: зимняя изба, выходившая окнами на улицу, и задняя лѣтняя, или свѣтелка, глядѣвшая во дворъ и огородъ. Отъ каждаго изъ этихъ помѣщеній рѣзной не доходящей до потолка перегородкой отдѣлялась одна треть, и въ каждой изъ этихъ третей стояла большая русская печь. Въ нижней, черной избѣ Ѳомушка принималъ своихъ кліентовъ—за перегородкой стряпала его супруга Марѳа Савишна.

Ѳома Суриковъ не былъ грачевскимъ уроженцемъ. Отцы и дѣды его были, правда, крѣпостными грачевскихъ господъ, отцовъ и дѣдовъ барина, продавшаго Ѳомѣ грачевскую рощу, но жили Суриковы вмѣстѣ со своими господами въ другой, дальней вотчинѣ. Будучи мальчишкой лѣтъ четырнадцати-пятнадцати, Ѳомка отличался отъ остальныхъ деревенскихъ ребятъ, сверстниковъ, только необыкновенною красотою. Лицо у него было бѣлое и румяное, чисто дѣвичье,—волосы золотисто-русые, вьющіеся, глаза голубые. Разъ барыня его, генеральша старуха, увидѣвъ въ церкви, какъ Ѳомка повторно крестится, бѣгая глазами по верху иконостаса, шепнула, вся растроганная, своей наперсницѣ: «Какъ

молится усердно мальчикъ-то, посмотрите, Гликерія Андревна, и на небо глядитъ—праведникъ будетъ!»

Ахнула и Гликерія Андревна и умилилась... А когда будущаго праведника взяли за благочестіе въ казачки къ господамъ въ услуженіе, то она впослѣдствіи, при удобномъ случаѣ, преисправно дирала его за вихры.

Что касается генеральши, то она всегда была къ нему добра и звала его не иначе, какъ «Ѳомушкой».

Выросъ Ѳомка, попалъ сначала въ лакеи, а потомъ во что-то въ родѣ прикащиковъ. Онъ былъ далеко не глупъ, очень хорошо понялъ, чтó отъ него требуется, и продолжалъ отличаться набожностью и благочестіемъ. Выучившись читать, онъ всегда сидѣлъ въ лакейской за чтеніемъ духовныхъ книгъ, и разговоръ пересыпалъ болѣе или менѣе удачно текстами, почерпнутыми оттуда. Кралъ онъ не больше и не меньше себѣ подобныхъ, въ сношеніяхъ съ мужиками былъ вѣжливъ и мягокъ, и кляли они его тоже не больше и не меньше, чѣмъ другихъ прикащиковъ. Передъ смертью своею генеральша отпустила его на волю, а когда новый баринъ, внукъ ея, открылъ завѣщаніе бабушки, то нашелъ въ немъ упоминаніе и о «Ѳомушкѣ»: «А слугѣ моему вѣрному, Ѳомушкѣ, завѣщаю отдать избу запасную, гдѣ нынѣ гусей щиплютъ, и десять десятинъ земли пахатной и покосу за Кривыми Горками»... Новый баринъ почему-то видѣть не могъ «подлеца Ѳомки» и рѣшился дать ему даже лишнее, противъ отказаннаго ему генеральшей, съ тѣмъ только, чтобы это было не здѣсь, а въ Грачовкѣ. Ѳомушка не прекословилъ, переѣхалъ въ Грачовку, сталъ разживаться, давать деньги въ ростъ, брать подряды, ссужать мужиковъ хлѣбомъ, купилъ грачовскую рощу и женился на Марѳѣ Савишнѣ, дочкѣ сосѣдняго прасола, зажилъ, однимъ словомъ, припѣваючи. Богобоязненъ онъ остался по прежнему и красивъ тоже—до самой старости. Бѣлые какъ снѣгъ волосы и борода его придавали ему видъ патріарха. Говорилъ онъ картаво, тихимъ и ласковымъ голосомъ, никогда дурнымъ словомъ не ругался, не пилъ и не курилъ и водилъ дружбу съ батюшкой, становымъ и даже исправникомъ. Теперь ему было лѣтъ за шестьдесятъ. Женился онъ поздно и имѣлъ только дочерей, которыхъ успѣлъ уже всѣхъ и попристроить за зятьевъ съ достатками. Жена его была лѣтъ на двадцать его моложе и «аспидская баба», какъ выражался о ней подпивши грачевскій пономарь, котораго она какъ-то крѣпко обругала за то, что онъ остался недоволенъ сборомъ у нея въ Петровки.

Была суббота, когда Иванъ собрался къ Ѳомушкѣ наниматься возить глину на кирпичный заводъ, который тотъ затѣялъ пополамъ съ зятемъ верстахъ въ тридцати отъ Грачовки. Ѳомушка только что вернулся оттуда и вмѣстѣ съ работникомъ выпрягалъ сытенькаго буланаго изъ зеленаго расписного тарантасика. Марѳа Савишна, ожидавшая назавтра зятя и дочку, обѣщавшихъ прибыть къ обѣдни, такъ захлопоталась по хозяйству, что не успѣла даже убрать выставленныхъ студиться на лавкахъ крыльца хлѣбовъ. Ихъ было разложено тутъ съ дюжину на чистыхъ полотенцахъ разостланныхъ на обернутыхъ вверхъ дномъ рѣшетахъ. Хлѣбы были черные, и ситные, и бѣлые съ румяными верхушками и краями и разливали по всему двору свой щекочущій желудокъ запахъ, раньше всего ударившій въ носъ Ивану, когда онъ, далеко заранѣе снявъ шапку, появился въ воротахъ Ѳомушкинаго двора. Цѣлые годы уже Иванъ не то, что не ѣдалъ, но и не видалъ даже такого чудеснаго хлѣба... Не даромъ Марѳа Савишна по всему околотку славилась отличной стряпухой и хозяйкой.

— Слава-те Господи, что Марья не видитъ! — подумалось мужику. Онъ издали уже поклонился Ѳомѣ и, подойдя поближе, остановился молча, не зная, какъ начать разговоръ.

— Здорово, что скажешь?—разсѣянно, но по обычаю мягко обратился къ нему Ѳома. Онъ очень былъ занятъ разсматриваніемъ чего-то у задней ноги буланаго. Работникъ держалъ согнутую въ колѣнѣ ногу обѣими руками, «тпру»-кая на лошадь, которая настораживала уши и дрыгала ногой каждый разъ, какъ Ѳома до нея дотрогивался.

— Къ твоей милости, Ѳома Степанычъ! Глинки бы вотъ повозить...

Ѳома поднялъ голову, узналъ говорившаго и усмѣхнулся:— Аль пришло и тебѣ, Иванъ Пахитоновъ, время добрымъ людямъ поклониться...

— Сдѣлай милость, Ѳома Степанычъ... Кланялся мужикъ.

— Горды вы, вотъ что... Былъ я у тебя доселѣ Ѳомкой міроѣдомъ... что-жъ ты міроѣду кланяешься?..

— Сдѣлай милость... нужда...—заговорилъ опять Иванъ, у котораго начало между тѣмъ снова подниматься прежнее отвращеніе къ тому, чтобы закабаляться человѣку, живущему крестьянской нуждой.

— То-то нужда! А то бы и не пошелъ?.. А ежели теперича Ѳомка-то милости и не сдѣлаетъ?..

— Да ты не куражься, Ѳома Степанычъ, ты бы Бога вспомнилъ...—вырвалось у Ивана при мысли о состояніи Марьи.

— Такъ ты вотъ еще какъ?.. Ступай-ка, любезный, съ Богомъ со двора... Много вашего брата такого ко мнѣ шляется— не я за вами, вы за мной ходите...

— Какъ же теперича такъ?..—растерянно произнесъ Иванъ.

— Ѳома Степанычъ, а вѣдь заковали буланаго, какъ есть!— перебилъ его работникъ, успѣвшій-таки разсмотрѣть изъянъ, заставившій буланаго прихрамывать во время дороги. Въ кузницу что-ль съ нимъ таперича?

— Ахъ, грѣхи! Въ кузницу, въ кузницу!.. —захлопотался Ѳомушка.—Ахъ ты Господи!.. Да постой... есть у меня бальзанъ такой... Вотъ постой, достану. Какъ раскуютъ его, ты ему сейчасъ ногу-то и натри — безпремѣнно... Да осторожно... понѣжнѣе, значитъ... Онъ хоть и скотъ безсловесный да въ писаніи сказано: блаженъ мужъ иже и скоты милуетъ!.. Да самъ сбѣгай—перехвати чего—Марѳа Савишна дастъ... А ты, братецъ, ступай, ступай себѣ!—обратился онъ къ Ивану, все еще безъ шапки стоявшему посреди двора.

— Жена помираетъ... съ голодухи... — глухо вырвалось у Ивана.

— Давно она у тебя такъ помираетъ-то... было раньше за умъ браться, теперь поздно! Не мальчишка я тоже, чтобы вамъ на смѣхъ даться...

И, не обращая уже больше вниманья на Ивана, Ѳомушка отправился за «бальзаномъ» наверхъ въ свѣтелку, а работникъ, и раньше словно не замѣчавшій Ивана, ушелъ на кухню.

Ивану было и стыдно, и обидно, и досадно, а главное ему было Марью жаль, жаль до боли, до слезъ, и всѣ эти чувства слились въ одномъ чувствѣ ненависти къ Ѳомкѣ... Кажется, тутъ же бы искалѣчилъ онъ подлеца... да что — руки коротки!.. Дѣлать, однако, было нечего... не до вечера-же стоять тутъ, когда хозяинъ двора уже два раза приказывалъ ему уходить. И поплелся Иванъ домой. А съ чѣмъ онъ туда придетъ? Положимъ, Марья ничего и не ожидаетъ, не знаетъ она на что онъ рѣшился—да развѣ ей отъ этого легче? И какъ бы обрадовалась она, если-бы ей хоть одинъ вотъ изъ этихъ разставленныхъ здѣсь хлѣбовъ достался... Ожила-бы, поправилась бы опять, можетъ быть... Вонъ какъ учительница ей помогла, не легче теперешняго было бабѣ, а вѣдь ожила... И тутъ ему стало казаться, будто онъ что-то даже обѣщалъ Марьѣ, что она ждетъ его, и что нельзя ему придти къ ней съ пустыми руками да еще съ

отказомъ отъ Ѳомы... она вѣдь все надѣялась на эту глину... его все къ Ѳомѣ посылала... А дальше съ Иваномъ произошло, что-то еще болѣе странное, какъ это случилось, Богъ его знаетъ, но онъ, совершенно и мгновенно успокоившись, протянулъ руку къ чужому добру, чего во всю жизнь съ нимъ не бывало... и взялъ одинъ хлѣбецъ, самый маленькій, крайній, и затѣмъ, вышедши со двора, пошолъ домой по улицѣ, не пряча украденнаго и самъ вовсе не думая о томъ, что среди бѣла дня на чужомъ дворѣ совершилъ воровство.

Только уже подходя къ собственной избѣ онъ какъ будто опомнился и хотѣлъ было поворотить назадъ и отнести хлѣбъ на мѣсто, но однако не пошелъ, онъ вошолъ въ избу и положилъ хлѣбъ на столъ передъ Марьей. И если-бы ему пришлось въ сто разъ еще хуже сдѣлать, чтобы вызвать на лицѣ жены ту блаженную улыбку, которая въ эту минуту заиграла на немъ, онъ и въ сто разъ большій грѣхъ сдѣлалъ бы и сдѣлалъ бы его сознательно. Давно не виданное выраженіе счастья и довольства пробѣжало по лицу больной. Она показалась Ивану опять и молодой, и красивой, какъ бывало. Впалые и потухшіе глаза блеснули огнемъ, на исхудавшихъ блѣдныхъ щекахъ заигралъ румянецъ, губы заалѣли... Не спрашивая откуда и какъ добылъ мужъ этотъ свѣжій, чистый, давно невиданный хлѣбъ, она схватила его дрожащими руками и старалась отломать отъ него кусокъ. Иванъ молча досталъ съ полки ножъ и нарѣзалъ ломтей. Марья съ неожиданной силой приподнялась на лавкѣ, забрала ломти въ подолъ и жадно принялась ѣсть, недовѣрчиво поглядывая на мужа, точно боясь, чтобы и онъ не потребовалъ своей доли. Но Ивану и въ помыслы не приходило требовать этой доли. Онъ сидѣлъ на лавкѣ, опустивъ голову, не обращая ни на что вниманья, не думая даже ни о чемъ, точно большое нравственное усиліе, сдѣланное имъ, когда онъ рѣшился идти кланяться Ѳомѣ, и не приведшее ни къ чему, кромѣ воровства, надломало его. Онъ не видалъ, какъ Марья ѣла, не слыхалъ и все болѣе возраставшаго гвалта и шума на улицѣ и опомнился только тогда, когда крикъ и топотъ раздались уже на его крыльцѣ и за дверью, которая вдругъ съ грохотомъ растворилась, чуть не слетѣвъ съ петель. Въ избу ввалилась галдѣвшая толпа—впереди всѣхъ была Марѳа Савишна.

— Гладите, люди добрые!—визгливо выкрикнула она:—вотъ, такъ и есть, съ поличнымъ поймали! Гдѣ бы имъ, голодной командѣ, иначе хлѣба чистаго достать, какъ бы не краденый

былъ... Сказывала кабатчица: идетъ, молъ, съ вашего двора—на виду у всѣхъ и ковригу несетъ!..

Марья, широко раскрывъ глаза и совсѣмъ побѣлѣвъ отъ испуга, смотрѣла на наступавшую на Ивана съ пѣной у рта Савишну. Она не понимала въ чемъ дѣло, но безсознательно прятала недоѣденные ломти подъ лохмотья, которыми была прикрыта. На нее никто не обращалъ вниманья. Староста, писарь, понятые, кабатчикъ и его супруга, ворвавшіеся въ избу за Маѳой Савишной, схватили оставшіеся на столѣ полъ-хлѣба, передавали его изъ рукъ въ руки и разсматривали его точно невидаль какую. Всѣ говорили и кричали въ разъ—съ минуту трудно было и разобрать, что-нибудь въ этомъ крикѣ, потомъ стали слышны обрывки рѣчей въ родѣ:—Нѣтъ, братъ, ты тово!.. Эго что-жъ?.. Теперь ты хлѣбъ, а опосля и до казны... Нѣтъ, за это, братъ, тоже попадаетъ...

— Вяжи его, тащи въ холодную! — опять было взвизгнула Савишна.

— На что вязать и такъ пойдетъ!—отвѣтилъ ей спокойнымъ голосомъ Ѳома, входившій въ это время въ избу.

Только теперь Иванъ началъ отдавать себѣ отчетъ въ случившемся, но сказать, что-нибудь, начать оправдываться, просить милости, не было силъ: языкъ онѣмѣлъ, въ голову стучало точно молотомъ. Когда чья-то дюжая рука схватила его за шиворотъ и стала тащить куда-то, онъ покорно всталъ съ лавки и пошелъ туда, куда его стали толкать. Марья опомнилась, когда изба опустѣла. Она поняла, что дѣло вышло изъ-за хлѣба — взяли вѣдь краюху-то, что на столѣ оставалась, слава-тѣ Господи, что хоть два ломтя успѣла припрятать... и нѣту больше дома ничего, кромѣ этихъ двухъ ломтей да горстки сухарей изъ своб хлѣба съ макиной да съ соломой—когда съѣстся это, что тогда? И вотъ еще Ивана схватили и повели... Кричала Савишна, что въ холодную,—что-жъ это будетъ, коли его тамъ надолго запрутъ?.. Надо пойти просить милости у начальства, упасть въ ноги кому-нибудь, выплакать, чтобы Ивана отпустили, сдѣлать, что-нибудь... Она попробовала встать—въ глазахъ пошли зеленые круги. Она безпомощно опустилась на лавку и жалко заплакала.

Тоже широко раскрытыми отъ ужаса глазами смотрѣлъ и и Васютка на всю предъидущую сцену. Его было услала матка за лебедой на похлебку; мальчишка и набралъ цѣлый ворохъ травы и уже шелъ домой, когда увидѣлъ толпу на своемъ дворѣ; вслѣдъ за нею онъ пробрался въ сѣни и, при видѣ происходившаго разронялъ свою добычу у порога, гдѣ ее растоптали выхо-

дившіе. Увидавъ, что отца ведутъ куда-то, Васька было побѣжалъ за толпой, но вдругъ услышалъ жалобный плачъ матери и вернулся въ избу:—Мамушка, а мамушка, за что это тятьку-то?..

— Въ отвѣтъ Марья заторопилась задыхаясь: «Бѣги, Васенька, бѣги! Пади, батюшка, имъ въ ноги, проси за тятьку... да нѣтъ, постой... тебя не послушаютъ... Господи! гдѣ бы заступы найти намъ?.. Бѣги, Васенька, бѣги къ учителькѣ... она добрая... чайку, вишь, принесла... бѣги... она попроситъ за тятьку... скажи...»

Приступъ удушья и кашля перебилъ Марьину рѣчь — она только рукой указывала на дверь, и когда Васютка не сразу побѣжалъ, то лицо ея до того исказилось и она такъ судорожно потрясла рукою по направленью къ двери, что мальчишка стрѣлой вылетѣлъ на дворъ и помчался быстрѣе вѣтра въ село къ учительницѣ.

Прибѣжалъ онъ прямо къ школѣ.

«Тебѣ куда?» — окликнула его проходившая мимо кухарка управляющаго. «Къ учительницѣ?.. Ищи вѣтра въ полѣ!.. Нѣту вашей учительницы... вчера убралась...

И когда Васютка раскрылъ-было ротъ, чтобы что-то сказать, то баба крикливо припугнула его: «Ступай, ступай!.. Много тутъ вашего брата, шляющаго... брысь!.. И своихъ голоштанниковъ у насъ довольно: курицы выпустить нельзя... полотенецъ нельзя развѣсить... оглянись только—и нѣту! И что это ноньче только пошло на свѣтѣ, что пошло? Слава-тѣ Господи, что хоть начальство ихнему брату тоже спасибо не говоритъ... не-то въ отвѣтъ введутъ тебя же... должно скоро свѣтопреставленіе будетъ!..

И побрелъ мальчишка назадъ, сначала потихоньку, а потомъ и бѣгомъ. Онъ-то ужъ рѣшительно ничего не понималъ изъ случившагося. Что-то щемило ему душу, онъ чувствовалъ, что надо бѣжать куда-то и сдѣлать что-то для тятьки—но что? И за что это схватили тятьку и повели въ холодную и что ему тамъ будетъ? Мамка послала его къ учительницѣ—тутъ была и помощь, и разрѣшенье всего... а учительница вдругъ уѣхала куда-то. Куда и зачѣмъ, объ этомъ Васюткѣ теперь некогда было раздумывать—онъ опять безъ оглядки мчался домой и, добѣжавъ до Грачовки, взялъ для краткости задворками.

Пока Васютка бѣгалъ къ учительницѣ, Ивана свели и заперли въ холодную, а обвинители и поимщики отправились въ кабакъ по приглашенію Ѳомушки, который хотя самъ не пилъ, но другихъ паивалъ. На улицѣ была толпа, собравшаяся на крикъ и гвалтъ, во время поимки и отвода Ивана въ тюрьму.

Были тутъ мужики, и бабы, и ребятишки, но всѣ они толпились молча, рѣдко кто ронялъ слово. Въ кабакѣ было шумно. Изъ отворенныхъ на улицу дверей несся голосъ Савишны.

— И срамота я вамъ скажу, люди добрые, что у себя на дворѣ своего добра не устеречи отъ этой измори... Не въ холодную только его подлеца—въ острогъ бы надо!..

— Это какъ есть!—подтверждалъ голосъ кабатчика.

— Ну, ну, баба! Чего ужъ такъ больно раскудахталась!—картавилъ Ѳомушка:—нельзя тоже въ острогъ человѣка изъ-за краюхи... Проучить это слѣдуетъ, что говорить, а въ острогъ, нѣтъ! зачѣмъ же?..»

— Разумное это ваше слово, Ѳома Степанычъ!—проговорилъ писарь:—нельзя также и высшее начальство изъ-за, такъ сказать, краюхи одной безпокоить... а проучить—это слѣдуетъ, чтобы и другимъ неповадно было...

— Да вы хоть въ волости его отстегайте, батюшки!—взмолилась Марѳа Савишна: а то вѣдь это жить страшно: какъ есть до ниточки разграбитъ насъ эта голытьба... мало ли ихъ тутъ: чуть не полъ-деревни, а то и больше, да еще и Звѣревыхъ бѣднѣе...

— И стегать не надо, а постращать да постыдить это нужно...

— Такъ, такъ! А какъ проучить, это я вамъ сейчасъ скажу, —перебилъ Ѳома, но замѣтивъ, что дверь на улицу раскрыта и каждое сказанное въ кабакѣ слово доносится до стоящихъ передъ нимъ людей, всталъ и собственноручно затворилъ дверь. Итакъ, народъ уже не услышалъ предложеннаго имъ способа постращать и постыдить Ивана,—до улицы донесся только громкій и веселый ревъ засѣдавшихъ въ кабакѣ судей. Не слыша ничего, люди стали мало-по-малу расходиться.

Засѣданіе въ кабакѣ продолжалось болѣе часу. Всѣ, повидимому, остались довольны предложенными Ѳомою исправительными мѣрами. Даже Марѳа Савишна не противорѣчила. Она, вся сіяя удовольствіемъ, вышла изъ кабака и направилась къ своему дому. Остальные собесѣдники тоже вышли и толпою двинулись къ холодной, т.-е. старой покосившейся банѣ, на теперешнее назначеніе которой, служить тюрьмой, указывала новая крѣпкая дверь съ большимъ висячимъ наружнымъ замкомъ.

— Староста, у котораго въ рукахъ былъ ключъ, хотѣлъ-было отпирать замокъ, но писарь остановилъ его замѣчаніемъ: —Дождемтесь лучше Марѳы Савишны.

Марѳа Савишна не заставила себя долго ждать. Не прошло пяти минутъ, какъ она уже возвращалась изъ дому, неся что-то

завернутое въ передникѣ. Тамъ оказались: краюха хлѣба, старая продыравленная сковорода и кусокъ сломанной кочерги. Ее встрѣтили смѣхомъ, и вся подгулявшая компанія ввалилась въ сырую, темную и тѣсную холодную. На улицѣ не было теперь никого, кромѣ мальчишекъ-подростковъ, игравшихъ въ бабки и бросившихъ игру, чтобы послѣдовать за деревенской аристократіей при выходѣ ея изъ кабака и шествіи къ холодной. Ребятишки остановились въ почтительномъ отдаленіи, ожидая что будетъ. Вдругъ изъ холодной раздался полный отчаянія и тоски голосъ Ивана:

— Батюшки! простите, помилуйте!

— Смѣхъ заглушилъ его мольбу.

— Теперь милости просить, а воровать гораздъ! — визжала Марѳа Савишна—ея голоса смѣхъ заглушить не могъ:—теперь вотъ сорому-то наберись передъ народомъ, такъ воровать не то, что у тебя, а и у другихъ охота пропадетъ!»

— Иди, иди, выходи! — слышалось изъ бани. Нѣсколько сильныхъ рукъ вытолкали оттуда Ивана. За нимъ вышли и остальные.

— Эй, ребятки!—позвалъ Ѳомушка, обращаясь къ ребятишкамъ:—кто хочетъ семитку заработать?

Мальчишки всѣ стадомъ бросились къ нему.

— Гляди, ребятушки,—продолжалъ онъ, указывая на Ивана: —вотъ вора ноньче съ поличнымъ поймали, ну и поведутъ его такъ по деревнѣ: спереди-то на шеѣ у него краюха болтаться будетъ, а на спинѣ сковорода... а по сковородѣ-то барабанить будутъ кочергой вотъ, чтобы всему міру слышно было, какая у насъ въ Грачовкѣ ворамъ честь! На, бери кочергу, любой изъ васъ, да колоти хорошенько, во всю мочь, чтобы на всю деревню слышно было... А потомъ я за это семитку дамъ. Да глядите не передеритесь, кому барабанить... одного, либо много двухъ полно будетъ.

Но ребята не трогались съ мѣста и, выпучивъ глаза, смотрѣли на дядюшку Ивана, отъ котораго никогда не видали ничего, кромѣ доброжелательства и пріязни. На шеѣ Ивана дѣйствительно висѣла краюха на продѣтой сквозь нее веревкѣ; грудь мужика была обнажена; воротъ рубахи его разорвался, когда онъ оборонялся въ то время, какъ его наряжали и тащили на нравственную казнь; за спиной его висѣла сковорода. Голова Ивана была опущена, лицо блѣдно, — крупныя капли пота катились по немъ и смачивали волосы, космами нависавшіе ему на лобъ и глаза. Руки его были скручены, столько же для

острастки, сколько для того, чтобы онъ не могъ сорвать съ себя краюхи и сковороды.

— Что-жъ вы, глупенькіе, вы не бойтесь! — ласково уговаривалъ между тѣмъ Ѳомушка отступавшихъ ребятъ:—Ступай сюда двое»...

Но ребята все отступали, прячась одинъ за другого.

Какъ разъ въ это время изъ-за огородовъ вынырнулъ на улицу Васютка. Онъ остановился на минуту при видѣ народа и потомъ хотѣлъ-было опять припустить домой, когда примѣтилъ отца въ его позорномъ нарядѣ и съ скрученными за спиной руками.

— Тятька, тятька, тятька!—неистово заревѣлъ Звѣренокъ и бросился къ отцу.

— А, и ты тутъ, воровское отродье!—накинулась на него Марѳа Савишна:—веди ихъ вмѣстѣ вдоль деревни!

Васютка схватился руками за отцовскую полу и такъ и замеръ.

— Вести, чего не вести... веди обоихъ! — вторили Марѳѣ Савишнѣ другіе голоса.

— Что-жъ ребята? — продолжалъ уговаривать мальчишекъ Ѳома:—иди, по три копѣйки дамъ на брата... сколько васъ не будетъ...

— Но и ребята, какъ давеча взрослые, одинъ по одному разошлись; оставалось только двое-трое духовныхъ ребятъ да кабатчиковъ Пронька. Что было дѣлать? Старосту, писаря и кабатчика нельзя было и просить взяться за выбиванье дроби на Ивановой спинѣ, а понятые, хотя и выбранные изъ наиближайшихъ пріятелей Ѳомы, на предложеніе взяться за это, отвѣтили единогласно еще въ холодной: «Нѣтъ, ужъ увольте молъ, люди добрые, насъ отъ такого дѣла!»

Выручилъ Пронька. «Дайте пятачекъ, дяденька! Я его за двоихъ отваляю»... Видя отношеніе къ дѣлу остальныхъ сверстниковъ онъ сначала не рѣшался выдѣлиться — теперь же, въ одиночку, отчего не заработать пятачка!

— Много захотѣлъ брать, ну да ужъ иди... И вы что-ль ребятки? — обратился Ѳома къ причетническимъ сыновьямъ, но тѣ попятились молча, только одинъ проворчалъ въ полголоса: «Ишь сволочь!» относя это названье не то къ Пронькѣ, не то къ самому Ѳомѣ. Пронька вооружился кочергой, и шествіе двинулось. Васютка шелъ рядомъ съ отцомъ и ревѣлъ опять во всю мочь. Пронька выбивалъ неожиданно искусную дробь; провожатые громко смѣялись. Иванъ шелъ молча, опустивъ голову еще ниже и спотыкаясь на ходу. На шумъ окна избъ подыма-

лись и опять захлопывались торопливо, точно со злостью; только кое-откуда слышалось восклицанье бабьяго голоса: «Нѣту на васъ суда, аспиды!» Встрѣчные молча сторонились, иной невольно снималъ шапку, словно на похоронахъ. Лицо Ивана стало какъ-будто еще блѣднѣе; потъ пополамъ съ пылью высохъ на лицѣ и волосахъ, нижняя челюсть отвисла. Иванъ сталъ чаще и чаще спотыкаться... Шествіе поровнялось съ его избой... Вдругъ за ворота выскочила кума Акулина.

— Безбожники! — крикнула она какимъ-то не своимъ голосомъ: — не будь вамъ отъ Господа ни милости, ни прощенья!.. Вѣдь кончается Марья-то!..»

Въ отвѣтъ ей Пронька зачастилъ-было кочергой по сковородѣ, но кто-то изъ понятыхъ же очень неласково хватилъ его по рукѣ, такъ что и кочерга выпала изъ нея на землю.

Тетушка Акулина, не обращая болѣе вниманья на присутствующихъ, протолкалась къ Ивану, вмигъ сбросила съ него краюху и сковороду и потянула его за собой въ избу. Даже Марѳа Савишна и та не посмѣла воспротивиться этому и подобно остальнымъ отправилась во-свояси.

Умирающая уже не узнала мужа. Часа черезъ полтора она вытянувшись и съ строгимъ выраженіемъ на желто-восковомъ лицѣ и пятаками на глазахъ лежала на столѣ подъ образами. Наступила ночь. Въ головѣ у покойницы мерцала грошовая свѣчка. Акулина ушла. Вася, свернувшись на печкѣ, тихо всхлипывалъ во снѣ. Иванъ понурившись сидѣлъ на лавкѣ.

На утро Васютка бросился искать отца и нашелъ. Иванъ качался на чердакѣ на старомъ недоуздкѣ. Мужика вынули изъ петли, но оживить уже не могли. На третьи сутки Марью похоронили. По поводу Ивана начальство собиралось-было начать слѣдствіе, но однако не начало, и дѣло было предано забвенію.

Было тетушкѣ Акулинѣ хлопотъ и съ Васюткой. Сначала онъ пропалъ куда-то, послѣ того какъ, обезумѣвши и съ крикомъ: «тятька, тятька виситъ!..» кубаремъ скатился съ лѣстницы чердака. На третій, впрочемъ, день его нашли ребятишки на задворкахъ, въ пустой ригѣ, и привели туда Акулину. Мальчишка метался въ горячечномъ жару и послѣ этого недѣль шесть хворалъ, но, по старому, и эта болѣзнь: «присохла на немъ, какъ на собачкѣ».

Тощи поля кругомъ Грачевки, пыльны и ухабисты дороги, грязны и топки болота... но и тамъ вѣчно юная природа без-

устанно пытается исправить и украсить то, что истощено, обезображено, искалѣчено человѣкомъ.

За самой Грачевской кладбищенской оградой тянется длинный и глубокій, заросшій кустами и травой оврагъ—волчій вражекъ. На дно его зимою бросаютъ всякую падаль и туда по ночамъ прибѣгаютъ волки и лисицы и рвутъ ее другъ у друга. Туда временами прибѣгаютъ они осенью, когда и добычи нѣтъ, и воютъ и брешутъ, высоко поднявъ морду вверхъ, къ лунѣ, и нагоняя тоску и страхъ на всякаго, кто слышитъ ихъ зловѣщіе голоса. Но весною и особенно лѣтомъ во вражкѣ безопасно — волки и лисицы далеко, въ болѣе лѣсистыхъ мѣстностяхъ выводятъ свой приплодъ, и на днѣ оврага не видно даже выбѣленныхъ дробными дождями и буйнымъ вѣтромъ костей,—высокая зеленая трава прикрыла и схоронила ихъ на время. По одному краю вражка тянется полуразвалившаяся кладбищенская ограда, поросшая вьюнками и другой сорной травой; съ другого—колеблющіеся отъ вѣтра, золотые колосья хлѣбнаго поля заглядываютъ въ узкую зеленую глубину.

Внѣ церковной ограды, лицомъ къ восходу солнца, какъ разъ напротивъ волнующагося хлѣбнаго поля зарыли Ивана.

Узнавъ объ этомъ, Марѳа Савишна чуть-было не произнесла: «собакѣ и собачья яма!» Но вдругъ и у ней шевельнулось что-то необычайное въ груди, и она молча перекрестилась.

На убогой могилѣ Ивана чья-то неизвѣстная рука поставила крестъ изъ двухъ связанныхъ лыкомъ березовыхъ вѣтокъ. Могила скоро поросла зеленой травой; по кресту, какъ и по кладбищенской оградѣ, завились вьюнки; и если люди обходили этотъ несвященый уголокъ земли, за то сюда прилетали птицы и пѣли, здѣсь и пчелы жужжали, и кузнечики неумолчно трещали въ травѣ. Вставая утромъ, солнце посылало свои золотые лучи заглянуть сюда, какъ и на кладбище вокругъ церкви, и на деревню, и на далеко раскинувшіяся поля... Пройдя небо отъ края до края, оно садилось, по верхамъ травъ и кустовъ пробѣгало прохладное дуновеніе, отъ земли отдавало сырымъ тепломъ, небо мало-по-малу синѣло... тѣни залегали на дно вражка, и оттуда вставалъ бѣлый туманъ, ползъ вверхъ и садился росой на Иванову могилу, и на убогій деревянный крестъ, и на желтую рожь, испещренную макомъ и васильками... Потомъ и совсѣмъ темнѣло, и небо загоралось звѣздами...

Порой въ это время по межѣ хлѣбнаго поля пробирался къ отцовской могилѣ Васютка и вздрагивалъ, когда мокрые колосья хлестали его по лицу. Потомъ онъ спускался въ оврагъ, путаясь

ногами въ высокой травѣ и спотыкаясь на скрытыя въ ней иссохшія, бѣлыя кости. Добравшись до могилы, онъ молча опускался на траву и приникалъ лицомъ къ послѣдней отцовской домовинѣ. Плакалъ ли онъ, клялъ ли кого, призывалъ ли на кого Господню кару, просто ли уносился душой въ невозвратное прошлое?.. А Богъ его знаетъ! Чужая душа потемки... Да и какъ вообще узнать, что дѣлается въ душѣ всѣми заброшеннаго крестьянскаго ребенка?..

Васютку общество отдало въ подпаски къ деревенскому пастуху, Ильѣ, искалѣченному ломотой и старостью. Безпрекословно поступилъ Звѣренокъ на мѣсто и сталъ исполнять на немъ свои несложныя обязанности. Своего дома у него теперь уже не было—изба Звѣревыхъ совсѣмъ развалилась, и сосѣди по бревнушку растаскали ее на дрова и на что другое. Васютка, понедѣльно, по очереди, ночевалъ и харчился у грачевскихъ обывателей—только къ Ѳомѣ его палкой загнать нельзя было, и въ ту недѣлю онъ поселялся у тетушки Акулины, которая и чаще брала бы его къ себѣ, коли бы не ея убогіе достатки. Много приходилось терпѣть мальчишкѣ.

И вотъ растетъ онъ, весь проникнутый недоумѣніемъ, непониманіемъ того, что вокругъ него творится, и тоской по прошломъ, и страхомъ въ настоящемъ, и неопредѣленной надеждой на что-то лучшее въ будущемъ. Школа и все слышанное тамъ давно позабыты—живы въ душѣ ребенка только поученія отца о томъ, что тучи небесныя—это отъ думъ Божіихъ... что звѣзды ясныя—это отъ очей Господніихъ... Вѣритъ Вася и въ вѣдьмъ, и въ лѣшихъ, и въ водяныхъ, и въ бабу лѣсную, косматую, каракатицу, и еще въ то, что прежде лучше было, а теперь худо, но что, можетъ быть, Богъ дастъ, и опять полегчаетъ...

А. Л.

РУССКАЯ НАУКА

и

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

въ XVIII-мъ вѣкѣ.

I.

Народныя „основы“ и наука.—Забытая дѣятельность XVIII-го вѣка.—Труды Петра Великаго, относящіеся къ научному изслѣдованію Россіи.—Вліянія западной науки.—Географическія изысканія; первые атласы Россіи.—Ученыя экспедиціи.—Путешественники XVIII-го вѣка, нѣмецкіе и русскіе.

Новѣйшая народническая школа, во всякихъ ея оттѣнкахъ, продолжаетъ донынѣ твердить объ оторванности русскаго образованнаго общества, или «интеллигенціи», отъ народа и клеймитъ послѣднюю щедрыми обвиненіями въ отступничествѣ, въ измѣнѣ народности. Однимъ изъ источниковъ этого стараго и теперь усердно подновляемаго взгляда было простое незнаніе исторіи. Не будемъ останавливаться на вопросахъ: когда и какая «рознь» являлась съ XVIII, или еще съ XVI и XVII вѣка, между общественными классами; насколько образованное общество само могло быть виновато въ отдаленіи отъ народа; въ чемъ состояло самое отдаленіе? Первыя обвиненія подобнаго рода, какъ извѣстно, падаютъ обыкновенно на Петровскую реформу и на образованность XVIII вѣка; и предшественниками новѣйшихъ народниковъ были здѣсь, конечно, славянофилы 40-хъ годовъ.

По ихъ извѣстному представленію, Петръ Великій совершилъ измѣну русской народности, увлекъ за собой въ эту измѣну высшіе классы, съ тѣхъ поръ и чуждые народу, словомъ, вырылъ пропасть между древней и новой Россіей, къ ущербу, чуть не гибели, истинно-русскаго народнаго духа.

Насколько однако вѣрно такое представленіе съ простой исторической точки зрѣнія? Не говоря о множествѣ Петровскихъ нововведеній, имѣвшихъ чисто утилитарное государственное значеніе, и необходимость которыхъ молча признается самими врагами реформъ, — существеннымъ элементомъ, который былъ внесенъ дѣятельностью Петра въ русскую жизнь и дѣйствительно совершилъ въ ней чрезвычайно важныя измѣненія, было *знаніе*: во-первыхъ, элементарное, практическое знаніе (въ старой Россіи часто однако совсѣмъ неизвѣстное), во-вторыхъ, знаніе научное. Нѣтъ спора, что Петръ Великій впадалъ нерѣдко въ большія излишества, что онъ нарушалъ народныя привычки, оскорблялъ иные стародавніе обычаи (хотя люди, имъ воспитанные, все-таки не переставали быть самыми настоящими русскими), — но обыкновенно забываютъ о томъ многообразномъ, глубокомъ и все болѣе распространявшемся вліяніи, какое долженъ былъ произвести въ нашей жизни именно этотъ, внесенный имъ, элементъ знанія. Славянофилы прежняго времени множество разъ заявляли, что они — не враги знанія, хотя бы оно приходило даже отъ запада; что русскому народу знаніе было необходимо, и нужно было только, чтобы сохранены были неприкосновенными исконныя основы народной жизни. Они утверждали, что до-Петровская Россія будто бы уже и усвоивала, какъ слѣдуетъ, нужное ей европейское знаніе; но въ томъ и дѣло, что она усвоивала его слишкомъ микроскопическими дозами, урывками, а также и чужими руками, что люди, умѣвшіе дѣйствительно цѣнить знаніе, были очень рѣдки, и его право на роль въ русской жизни далеко не было обезпечено: заслуга Петра Великаго была въ томъ, что онъ увидѣлъ, что было опасно медлить съ усвоеніемъ знаній, когда предъ народомъ и государствомъ вставали трудныя, нешуточныя задачи. Но какъ бы то ни было, если простому элементу *знанія* давалось разъ мѣсто въ процессѣ народной жизни, необходимо было ожидать (и современнымъ судіямъ надо было это уразумѣть), что этотъ элементъ не можетъ не нарушить и не отвергнуть многаго въ старомъ міровоззрѣніи, не можетъ не произвести «розни», — которую нынѣшніе обскуранты и желаютъ называть разрывомъ съ народностью. Знаніе не могло не подорвать многихъ первобытныхъ понятій, которыя шли съ давнихъ

вѣковъ, были, пожалуй, «народнымъ преданіемъ», но въ которыхъ люди знанія видѣли только суевѣріе, и видѣли совершенно справедливо. Знаніе не могло не быть иной разъ противоположностью съ тѣмъ патріархальнымъ состояніемъ, которое въ его глазахъ было невѣжествомъ—и часто бывало такимъ дѣйствительно. Для людей стараго вѣка и старыхъ взглядовъ это знаніе, нарушавшее ихъ умственную дремоту, легко могло представляться въ непріязненныхъ формахъ новизны, которая казалась и произвольной, и насильственной (потому что они не понимали его внутренней логической обязательности) и нарушала привычные старые обычаи («дѣды наши не глупѣе насъ были» и проч.). Хотя бы новое знаніе и не являлось даже, какъ это случилось при Петрѣ, въ сопровожденіи новыхъ обычаевъ, новаго мундира, сбритой бороды и т. п., этотъ раздоръ стараго и новаго былъ неминуемъ. Мундиры и сбритыя бороды могли прибавить недовольства, но дѣло было вовсе не въ этомъ одномъ; сущность раздора была въ области понятій, состояла въ противоположности патріархальнаго преданія и науки, суевѣрія и научнаго факта. Во времена Алексѣя Михайловича не было ни Петровскихъ костюмовъ, ни бритья бородъ, но это не предотвратило того «раскола» въ народной религіозной жизни, котораго не въ силахъ была примирить московская Россія, хотя еще не была испорчена реформой: источникъ раскола былъ въ столкновеніи понятій. Научное знаніе кое-какими отрывками начинало проникать въ палати бородатыхъ бояръ и тогда уже возбудило подозрительность и вражду: элементарная физика казалась волхвованіемъ (припомнимъ хоть разсказы Олеарія), простѣйшій, дѣтскій опытъ приводилъ въ истинный ужасъ суевѣрнаго невѣжду; боярина Матвѣева обвиняли въ чернокнижіи; кіевскихъ ученыхъ схоластиковъ подозрѣвали въ латинствѣ и т. д. Ученый сербъ, заѣхавшій въ Россію во второй половинѣ XVII вѣка, горячій славянскій патріотъ, возлагавшій на Россію величайшія надежды, ужасался невѣжества, которое подрывало силы русскаго народа и распространялось на самые элементарные предметы. Русская жизнь оставалась въ теченіе многихъ вѣковъ такъ далека отъ развитія науки, что при первой встрѣчѣ эта наука не могла не показаться ересью, латинствомъ или лютерствомъ, вольнодумствомъ или безбожіемъ. Новое знаніе пугало и внушало вражду не только людямъ совсѣмъ необразованнымъ, но и самимъ книжникамъ стараго вѣка, о какихъ напримѣръ разсказываетъ Кантемиръ. Чтобы совершить «разрывъ съ народностью», достаточно было принять вмѣсто географической системы Козьмы Индико-

плова систему Коперника и заговорить объ обращеніи земли вокругъ солнца; вмѣсто происхожденія Москвы отъ Мосоха заговорить о настоящихъ историческихъ свидѣтельствахъ, о происхожденіи Варяговъ изъ Скандинавіи и т. п.; вмѣсто послушнаго выполненія иныхъ бытовыхъ суевѣрій говорить объ ихъ пустотѣ или даже вредности и т. д. Исторія первыхъ шаговъ научнаго знанія въ нашемъ отечествѣ представляла множество случаевъ подобныхъ столкновеній, и мелкихъ, и крупныхъ, и смѣшныхъ или глупыхъ, и нерѣдко серьёзно опасныхъ для тѣхъ, кто неосторожно высказывалъ новыя понятія между мало приготовленными людьми. Такихъ примѣровъ довольно въ извѣстныхъ фактахъ литературы прошлаго вѣка.

Былъ ли здѣсь, въ этой простой встрѣчѣ незнанія и знанія, суевѣрія и здраваго смысла, разрывъ съ «народностью»? Вопросъ о «разрывѣ» сводится однако къ этому, и для разрѣшенія его надо поставить другой вопросъ:—какъ слѣдуетъ понимать «исконныя начала народной жизни»? соединяются ли они неразрывно съ непониманіемъ физики, астрономіи, географіи, исторіи?—и затѣмъ взглянуть, по историческимъ фактамъ, какъ научное знаніе прививалось къ русской жизни со времени реформы, какъ оно дѣйствовало на русскихъ ученыхъ и образованныхъ людей, какъ направляло ихъ научные труды, какіе давало результаты? Славянофилы и ихъ новѣйшіе послѣдователи усиленно заявляютъ, что-де между основами народности и наукой вовсе нѣтъ противорѣчія, что сами они не отвергаютъ науки, но отвергаютъ только науку западную. Говорятъ они объ этомъ всегда чрезвычайно туманно и никогда ясно не отвѣчали на то возраженіе, какое имъ дѣлалось, что никакой особенной западной науки нѣтъ, что есть только одна общечеловѣческая наука, основанная вовсе не Западомъ, но имъ принятая отъ его предшественниковъ въ классическомъ мірѣ, которые въ свою очередь были продолжателями древней цивилизаціи восточной; что въ новѣйшіе вѣка Западъ былъ однако единственнымъ продолжателемъ древняго научнаго преданія и совершилъ для науки великіе подвиги въ многоразличныхъ областяхъ знанія, и что намъ, если мы хотимъ воспользоваться этими результатами общечеловѣческой мысли и присоединиться къ общему труду человѣчества, необходимо усвоить пріобрѣтенія, сдѣланныя доселѣ въ западной наукѣ. Такъ это и дѣлалось у насъ съ XVIII вѣка и дѣлается до сихъ поръ. Ничего спеціально западнаго, по содержанію, нѣтъ конечно ни въ физикѣ, ни въ астрономіи, ни въ географіи, ни въ исторіи. Если вслѣдствіе нѣкотораго распространенія науки въ нашей жизни со времени

реформы стало проявляться большее или меньшее разнорѣчіе въ понятіяхъ, которое въ крайнихъ пунктахъ становится полнымъ противорѣчіемъ, то виною его была не западная наука, а *наука вообще*, и это разнорѣчіе вовсе не есть какая-нибудь спеціальная принадлежность нашего положенія, а составляетъ общую судьбу научной мысли во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ. Наука преслѣдовалась вездѣ, гдѣ люди, не вышедшіе изъ преданій патріархальнаго невѣжества, не были къ ней приготовлены, гдѣ суевѣріе боролось противъ здраваго смысла. Въ древности Аристофанъ поднималъ на смѣхъ Сократа; въ первые вѣка христіанства фанатики убили Гипатію; арабскій завоеватель сжегъ, какъ говорятъ, Александрійскую библіотеку; инквизиція сожигала Джіордано Бруно, изъ снисходительности вынуждала отреченіе у Галилея, потому что иначе сожгла бы и его, и т. д.; затѣмъ, наука прибѣгала къ иносказательному языку, къ латыни и т. п., чтобы скрываться отъ гоненій со стороны невѣжества. Исторія науки, этого величайшаго созданія человѣческой мысли, величайшаго факта человѣческаго достоинства, въ мрачные періоды была мартирологомъ. И вездѣ, гдѣ знаніе встрѣчалось съ преданіемъ, закоренѣлымъ суевѣріемъ, оно было принимаемо за ересь, за нарушеніе народной вѣры, т.-е. за разрывъ съ «исконными началами народности». Въ прежнее время это такъ откровенно и говорили: знаніемъ пользовались, когда практическая польза его была слишкомъ очевидна, но преслѣдовали его, когда оно прикасалось къ патріархальнымъ традиціямъ; ученый прямо объявлялся еретикомъ, когда утверждалъ, что земля обращается вокругъ солнца, а не на оборотъ. Литературные обскуранты нашего времени не имѣютъ этой откровенности: наука многое успѣла ввести въ понятія нѣсколько грамотныхъ людей, и называть, напр., упомянутое мнѣніе ересью теперь уже довольно мудрено; вражда къ наукѣ высказывается болѣе осмотрительно и прибѣгаетъ къ темнымъ фразамъ, въ родѣ того, что русскому народу нужна наука, но только не западная.

Когда съ прошлаго вѣка, или еще съ конца XVII столѣтія, у насъ появились первые зародыши научной мысли, она не могла не произвести того же дѣйствія, какое всегда производила, вступая въ среду патріархальную, и этимъ положено было начало той «розни», которой даютъ видъ отступничества отъ народности и въ которой обвиняютъ деспотизмъ Петра Великаго, легкомысліе высшихъ классовъ и ихъ равнодушіе къ народнымъ основамъ и т. д. Обвинители обыкновенно уклоняются отъ прямого признанія того факта, что съ появленіемъ *науки* неизбѣжно

должна была являться рознь *понятій*, что съ первыми вліяніями научнаго знанія новое направленіе понятій было *логической необходимостью;* и уклоняясь отъ этого факта, обвинители ссылаются на туманные термины «народнаго духа», «основъ», «началъ» и т. п. Но въ чемъ же наконецъ состоятъ эти основы и начала? Очевидно, что кромѣ извѣстныхъ бытовыхъ формъ, образовавшихся исторически и составившихъ въ извѣстный періодъ особенность русскаго народа, въ содержаніе этихъ основъ входитъ много общихъ представленій нравственнаго и теоретическаго характера: представленій религіозныхъ, представленій о человѣкѣ, о природѣ, объ ихъ отношеніяхъ, словомъ, обо всемъ, на чемъ недавна останавливалась человѣческая мысль въ области нравственныхъ и физическихъ явленій. Достаточно самаго элементарнаго понятія объ исторіи человѣческой культуры, чтобы видѣть, что эти представленія народовъ не оставались неизмѣнны, и что, напротивъ, онѣ съ теченіемъ вѣковъ очень измѣнялись, какъ впрочемъ ни упорны бывали всегда народныя идеи. Русскій народъ въ своей исторіи также прошелъ нѣсколько весьма различныхъ ступеней въ этомъ отношеніи. Довольно указать на тотъ переворотъ, какой должно было произвести введеніе христіанства. Въ самомъ христіанскомъ періодѣ была значительная разница между состояніемъ умовъ въ X и XIII столѣтіи, или въ XIII и XVII вѣкѣ, была даже разница мѣстная—между югомъ и сѣверомъ, и даже позднѣе—между Москвой и Новгородомъ. Какую же изъ этихъ историческихъ ступеней считать за подлинную «основу»? Славянофилы, очевидно, считаютъ, что основой должно быть признано состояніе русскихъ умовъ въ XVII столѣтіи: туда, «домой», приглашали они недавно русское общество. Но если бы мы и рѣшились послѣдовать этому приглашенію, все-таки возникаютъ недоумѣнія: если состояніе умовъ и бытовыхъ формъ измѣнялось, *до* XVII-го вѣка (которымъ хотятъ ихъ закрѣпить), то почему состояніе этого вѣка не могло измѣняться и дальше по тому же историческому процессу? И въ самомъ этомъ вѣкѣ, которая изъ основъ была настоящая народная—основа ли людей, принявшихъ Никонову реформу, или основа старовѣровъ? Новѣйшіе историки все больше приходятъ къ убѣжденію, что истинно народная основа въ то время должна быть признана скорѣе именно за старовѣріемъ, гораздо вѣрнѣе хранившимъ преданія XV—XVI вѣка.

Съ другой стороны ясно, что содержаніе «народныхъ основъ» неизбѣжно переплетается съ тѣми представленіями о человѣкѣ и природѣ, которыя составляютъ предметъ науки. Понятія рели-

гіозныя и нравственныя могутъ быть грубы или возвышенны по мѣрѣ того, какъ могутъ быть грубы или болѣе развиты понятія о человѣкѣ и природѣ; религіозное чувство не подлежитъ, конечно, контролю знанія, но связываемыя съ нимъ практическія выраженія измѣняются вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ крѣпнетъ мысль человѣка и обогащается знаніями. Наука всегда и вездѣ враждебно встрѣчалась съ суевѣріемъ; но что такое суевѣріе, какъ не грубѣйшая форма религіи? Противъ извѣстныхъ суевѣрій издавна возставала сама церковь; въ большей или меньшей степени и въ разныхъ формахъ, суевѣрія живутъ у всѣхъ народовъ и донынѣ; и такія суевѣрія, противъ которыхъ борется церковь, и такія, которыя стремится ослаблять наука, а иногда сама правительственная власть. Между тѣмъ, эти суевѣрія часто такъ распространены, что въ данную минуту несомнѣнно принадлежатъ къ чертамъ народнаго характера. Народный обычай, объ уваженіи къ которому такъ много говорятъ, и соблюденіе котораго (если даже онъ не раздѣляется) во многихъ случаяхъ должно быть уже просто дѣломъ приличія и общежитейской внимательности,—этотъ народный обычай есть обыкновенно далекое воспоминаніе, осадокъ отъ прошлыхъ вѣковъ, общія идеи которыхъ давно нами забыты и оставлены. Обычай измѣняется въ самомъ народѣ, и притомъ не только постепенно, но иногда довольно быстро: гдѣ же основаніе для требованія его абсолютной неподвижности? Столкновенія стараго и новаго неизбѣжны, и вліяніе научнаго знанія только ускоряетъ ихъ; часто въ средѣ самого народа старое уступаетъ мѣсто новому безъ всякаго прямого столкновенія съ этимъ знаніемъ, но подъ дѣйствіемъ его незамѣтно, неуловимо просачивающихся вліяній. Есть ли возможность указать предѣлы такому вліянію?—Но если такимъ образомъ въ народной жизни совершается съ большимъ или меньшимъ дѣйствіемъ науки (или даже безъ его прямыхъ проявленій, и путемъ практическихъ опытовъ) измѣненіе многихъ понятій и обычаевъ, то очевидно, что или «основы» измѣняются, или онѣ не состоятъ въ абсолютномъ сохраненіи старины, какова бы она ни была, не состоятъ въ окаменѣломъ характерѣ народной мысли и бытовыхъ формъ.

Такимъ образомъ, если по мнѣнію славянофиловъ и народниковъ наука въ принципѣ не противорѣчитъ сущности нашего народнаго характера, они должны допустить за ней право вліянія на складъ народной жизни и понятій, и слѣд. допустить законность тѣхъ явленій, какія она производила; или же, если эти проявленія имъ не нравятся, открыто сказать, что они воз-

стаютъ противъ самой науки. Ссылки на ея «западный» характеръ, какъ мы выше указывали, не имѣютъ смысла: не западъ изобрѣталъ математику, физику, химію, а только продолжалъ начатую раньше науку; новую космографическую систему изобрѣлъ даже нашъ братъ-славянинъ, Коперникъ; нѣмцы, которые были первыми профессорами нашихъ школъ, преподавали тамъ не ими изобрѣтенную физику, географію и т. д. Тѣ *иноземныя вліянія*, на которыя такъ жалуются, состояли всего больше въ обильномъ притокѣ *знаній*, которыхъ до тѣхъ поръ не вѣдала старая Россія,—знаній изъ точныхъ наукъ, не окрашенныхъ никакими признаками чужой національности, одинаковыхъ у нѣмца, француза, голландца и т. д., или знаній практическихъ, ремесленныхъ и т. п., усвоеніе которыхъ, вѣроятно, было полезно даже въ глазахъ самыхъ закоренѣлыхъ староvѣровъ Петровскихъ временъ. И эти-то знанія, чисто теоретическія и національно безразличныя, именно и не могли не столкнуться съ старымъ преданіемъ, потому что оно, между прочимъ, заключало въ себѣ много отжившихъ и ложныхъ представленій, сохраненіе которыхъ, удлинняя періодъ нашего патріархальнаго невѣжества, въ концѣ-концовъ должно было стать не безопаснымъ для самаго національнаго бытія,—такъ какъ должно было отдавать народъ и государство въ жертву эксплуатаціи, какой всегда подвергается народъ менѣе развитый отъ болѣе образованнаго, и какую уже старая московская Россія начала довольно серьезно испытывать отъ иноземцевъ (въ торговлѣ, въ фабричномъ, заводческомъ, даже военномъ дѣлѣ).

Обратимся къ дѣятельности нашей науки въ XVIII столѣтіи.

Главные факты распространенія школъ и ученыхъ учрежденій прошлаго вѣка довольно извѣстны. Исторія высшихъ учебныхъ и ученыхъ учрежденій того времени и не многосложна: двѣ духовныя академіи, академія наукъ съ ея «академическимъ университетомъ», затѣмъ университетъ московскій и россійская академія—вотъ всѣ учрежденія, въ которыхъ находили мѣсто интересы высшаго научнаго знанія. Внѣ ихъ дѣйствовали иногда отдѣльныя ученыя силы, особенно иностранцы, которыхъ вызывали еще съ конца XVII столѣтія. Для насъ любопытенъ вопросъ именно о томъ, какъ дѣйствовала вновь явившаяся съ Запада наука: откуда брались ея русскіе адепты и какъ новая наука воспринималась ими, какъ относилась она къ русскому содержанію, оставалась ли чужда ему или, напротивъ, умѣла его понимать и служить ему? Намъ столько наговорили о томъ, что XVIII вѣкъ былъ оторванъ отъ русской народности, рабски

подчинялся Западу и т. д.; изученій этой стороны XVIII вѣка относительно еще такъ немного, и тѣ, какія есть, такъ мало возбуждаютъ вниманіе массы общества, что въ послѣдней надо предполагать довольно смутныя представленія о томъ, чѣмъ было XVIII столѣтіе въ его научной дѣятельности и какъ эта дѣятельность относилась къ нашему національному вопросу. Распространеніе народническихъ теорій съ повтореніемъ славянофильскихъ взглядовъ на XVIII вѣкъ, кажется, подтверждаетъ такое предположеніе, и въ интересахъ не только исторической науки, но и общественнаго смысла, было бы важно отдать себѣ болѣе точный отчетъ въ умственныхъ движеніяхъ и интересахъ прошлаго столѣтія. Важно это по многимъ отношеніямъ. Восемнадцатый вѣкъ былъ вообще нашимъ историческимъ предшественникомъ и, въ частности, многіе изъ нашихъ народныхъ интересовъ несомнѣнно коренятся еще въ трудахъ и стремленіяхъ образованныхъ людей XVIII вѣка. Познакомившись съ ними нѣсколько ближе, мы должны будемъ убѣдиться, что уже въ то время являлись многія изъ тѣхъ мыслей, какими заняты наши умы теперь, что уже тогда начаты изученія, заслугу которыхъ мы часто приписываемъ своему времени. Изученіе этого прошлаго не только избавитъ насъ отъ самомнѣнія, но разъяснитъ и исторію самыхъ вопросовъ: мы найдемъ, что они старѣе, чѣмъ намъ обыкновенно кажется, что наше нынѣшнее дѣло не совсѣмъ наше собственное изобрѣтеніе, а часто только продолженіе и дальнѣйшее развитіе того, что было начато раньше насъ людьми другого вѣка; что трудности, съ которыми мы встрѣчаемся, лежатъ вовсе не тамъ, гдѣ мы ихъ ищемъ, что мы напрасно отдѣлываемся отъ нихъ ссылками на XVIII вѣкъ, который-де оторвался отъ народа и задалъ намъ мудреную задачу возстановленія этой связи, или прячемся отъ вопроса за фразами о западной наукѣ, которая будто бы помѣшала намъ остаться вѣрными своему народу и предаваться самобытному творчеству. Заглянувъ въ исторію, не трудно убѣдиться въ фальшивой безсодержательности подобныхъ жалобъ. Не западная наука отрывала насъ отъ народа и не реформа была источникомъ тѣхъ общественно-политическихъ тягостей, которыя пришлось переносить и сознать нашему времени; напротивъ, только наука доставила намъ возможность болѣе широкаго общественнаго и національнаго самосознанія, и только ея широкое дѣйствіе облегчитъ намъ выходъ изъ этихъ тягостей.

Петровская реформа и труды Петра для русскаго просвѣщенія вызывали въ старину и до нашего времени безконечное мно-

жество панегириковъ, и въ самомъ дѣлѣ нельзя не изумляться этой дѣятельности, которая распространялась на всѣ возможные предметы и потребности національной жизни и полагала глубокія основанія дальнѣйшаго развитія. Историки Петра разсказали и объ его трудахъ на пользу школы и образованія. Заботы его простирались на самыя разнообразныя стороны этого дѣла. Учреждая элементарныя цыфирныя школы и техническія училища: «навигацкое», инженерное, артиллерійское и пр., онъ позаботился объ основаніи учрежденія, которое обезпечило бы интересы высшей науки и послужило разсадникомъ ученыхъ силъ на самой русской почвѣ. Безпристрастные наблюдатели давно замѣтили, что у Петра вовсе не было пристрастія къ самимъ иноземцамъ, что, напротивъ, они были для него только средствомъ къ развитію русскихъ силъ, что это были въ его глазахъ только учителя, нужные на время, а затѣмъ вовсе не желательные. И дѣйствительно, онъ гонитъ русскихъ въ школу, какъ (замѣтимъ для успокоенія славянофиловъ) гоняли ихъ при Ярославѣ; онъ обязывалъ иностранныхъ мастеровъ брать русскихъ учениковъ; академія наукъ, основанная по его плану, должна была служить не только для цѣлей самой науки, но и для образованія ученыхъ русскихъ.—На вопросъ, нужно ли было введеніе западной науки, отвѣчала уже старая Москва, когда населила Нѣмецкую слободу вызванными изъ-за границы техниками, докторами, иноземными офицерами, когда вызывала изъ Кіева ученыхъ богослововъ, схоластическихъ философовъ и стихотворцевъ. При Петрѣ несравненно шире понята была государственная и народная важность науки: она была нужна не только для просвѣщенія умовъ, но для здраваго отправленія самаго государственнаго хозяйства. Нужны были хорошо организованныя армія и флоты, нужно было знаніе горное, инженерное, промышленное и т. д.; государству нужно было сосчитаться въ своемъ хозяйствѣ, опредѣлить и начертить свою территорію, узнать ближе свои народы — для Россіи особенная и нелегкая задача; нужно было наконецъ узнать свою исторію, правильно устроить средства народнаго образованія. Очевидно, старая Россія не давала для этого средствъ, и обращеніе къ содѣйствію западной науки было по здравому смыслу неизбѣжно, чтобы сами русскіе научились пользоваться средствами научнаго знанія для многоразличныхъ потребностей своего отечества. Нужна была наука со всѣми ея теоретическими основами, и практикой какъ онѣ были понимаемы у народовъ, имѣвшихъ тогда науку. Надо было призвать компетентныхъ людей, совѣтоваться

съ авторитетными людьми, и Петръ не ошибся въ выборѣ, когда совѣтовался съ Лейбницемъ, однимъ изъ знаменитѣйшихъ людей того вѣка. И по сосѣдству, и по обилію ученаго люда, наибольшее число профессоровъ и учителей доставила тогда Германія. Вызовы ученыхъ нѣмцевъ въ академію наукъ и въ московскій университетъ не всегда, конечно, бывали удачны; но число удачныхъ было, вѣроятно, гораздо больше, а нерѣдко въ числѣ приглашаемыхъ бывали люди съ большими научными заслугами и съ честнымъ, просвѣщеннымъ отношеніемъ ко взятой на себя обязанности. Многіе пріобрѣли европейскую славу своими трудами на русской почвѣ и надъ русскимъ содержаніемъ: назовемъ имена Миллера, Шлёцера, Палласа, Гмелина и т. д. Понятно, что иноземные ученые приносили науку въ той формѣ, какъ они сами приняли ее на своей родинѣ, съ тѣми общими идеями, на какихъ она тогда строилась, и съ той внѣшностью, какую она имѣла. На современный взглядъ наука, являясь въ такомъ видѣ, съ чуждыми нашему вѣку, часто еще схоластическими формами, устарѣлымъ языкомъ, терминологіей, странно переводившейся на русскій языкъ, можетъ, пожалуй, показаться чѣмъ-то чуждымъ, чтó произвольно и насильственно навязывалось русскимъ умамъ, чтó не имѣло связи съ жизнью и народностью. Но слѣдуетъ же наконецъ понять, что мы имѣемъ дѣло съ исторической формой науки, которая въ тѣ времена и не имѣла иныхъ идей и иного выраженія; она являлась къ намъ съ тѣмъ содержаніемъ и въ той одеждѣ, въ какихъ жила на западѣ; въ настоящее время эта форма науки и у себя дома является такимъ же, иногда страннымъ, архаизмомъ. Перелагаясь на русскій языкъ, эта наука получала новую долю какой-то чуждой странности отъ трудности перевода: въ самомъ дѣлѣ русскій языкъ отъ Никоновской лѣтописи, или даже отъ Симеона Полоцкаго, не могъ вдругъ легко перейти къ изложенію теорій естествознанія, философскихъ и реторическихъ тонкостей и т. п. Потребовалось потомъ цѣлое столѣтіе на то, чтобы нашъ литературный языкъ преодолѣлъ всѣ трудности передачи сложной научной техники и художественнаго выраженія. На первое время онъ часто бывалъ совершенно безсиленъ передъ этими задачами, въ научной терминологіи употреблялъ цѣликомъ иностранныя слова, греческія, латинскія, даже нѣмецкія и французскія [1]), или пе-

[1]) Сколько нѣмецкихъ словъ принято было въ терминологіи чиновнической, это слишкомъ извѣстно; но забавно, что сама академія наукъ очень долго щеголяла подъ названіемъ „де-сіансъ академія".

редавалъ ихъ, какъ Богъ послалъ, славяно-русскими выраженіями, для нашего времени тяжелыми, уродливыми и смѣшными. Неудивительно и это послѣднее: въ началѣ XVIII вѣка и сами нѣмцы были въ подобномъ затрудненіи—нѣмецкій языкъ въ то время считался еще неспособнымъ къ передачѣ высшихъ литературныхъ научныхъ понятій; его замѣняла латынь и даже французскій языкъ, и послѣдній не только въ высшемъ свѣтскомъ быту, но и въ области науки. Частію съ нѣмецкимъ и французскимъ, частію съ латинскимъ языкомъ наука пришла въ первое время и къ намъ; на этихъ языкахъ шло нерѣдко преподаваніе въ «академическомъ университетѣ» въ Петербургѣ, и въ университетѣ московскомъ; почти до нашихъ дней дожила схоластическая латынь въ духовныхъ академіяхъ и семинаріяхъ и латинское преподаваніе классиковъ въ университетахъ. Западныя литературы со временъ Возрожденія и вплоть до XIX столѣтія были переполнены латинскими книгами по всякимъ отраслямъ науки: по-латыни писали не только Коперникъ, но Лейбницъ и Ньютонъ. Можно себѣ представить, что появленіе науки въ подобной формѣ, на чужомъ языкѣ или въ грубомъ невразумительномъ переводѣ, испещренномъ чужими словами, должно было быть очень дико для тѣхъ, кому приходилось знакомиться съ нею въ первый разъ; люди Петровскаго времени бывали въ положеніи простого человѣка, которому приходится выговаривать слова чужого языка. Эта первая трудность была естественна и неизбѣжна, какъ трудно всякое усвоеніе новаго предмета: она уже скоро стала изчезать, по мѣрѣ ознакомленія съ предметомъ; самый языкъ привыкалъ овладѣвать новыми понятіями, находить для нихъ простое, легкое, живое выраженіе. Знакомство съ наукой въ обществѣ больше и больше отнимало у нея ту непонятную, отталкивающую внѣшность, которая поражала въ ней на первый разъ; наконецъ, уже въ XVIII столѣтіи, какъ напр. у Ломоносова и другихъ русскихъ академиковъ, наука успѣла выработать себѣ правильное выраженіе на русскомъ языкѣ. Къ тому же сводятся и повторяемыя теперь глупыя противоположенія западной науки и русской народности: наука могла казаться чѣмъ-то чужимъ, пожалуй враждебнымъ, для школьниковъ Петровскихъ временъ, но русское образованіе тѣмъ не менѣе усвоило ее, и точно также она перестанетъ быть чуждой народу, когда онъ будетъ грамотнѣе, когда ему доступно будетъ и слова и понятія физики, географіи, исторіи и т. п.

Нѣтъ сомнѣнія, что школьникамъ Петровскихъ временъ при-

ходилось въ первое время очень жутко; нелегко было и тѣмъ, кого Петръ разсылалъ для науки за границу, какъ тому князю Голицыну который, будучи посланъ, уже не молодымъ, учиться навигацкой наукѣ, недоумѣвалъ, какъ ему быть: «наука опредѣлена самая премудрая: хотя мнѣ всѣ дни живота своего на той наукѣ себя трудить, а не принять будетъ, для того—не знамо учитца языка, не знамо науки». Но собирая черты того времени, можно не разъ убѣждаться, что трудность усвоенія науки была все-таки для тогдашнихъ новичковъ не такъ велика. Ученыхъ людей было немного, немного было ученыхъ учрежденій,—да въ большинствѣ немного было и охоты къ ученью, — но тѣ, которые брались за науку и имѣли удовлетворительныхъ учителей, часто поражаютъ своими быстрыми успѣхами. Въ біографіяхъ тогдашнихъ ученыхъ можно найти не мало примѣровъ, что юноши 18—20 лѣтъ становились уже разумными помощниками своихъ профессоровъ въ ученыхъ трудахъ и экспедиціяхъ, когда въ наше время они въ эти года едва получаютъ аттестатъ зрѣлости (т.-е. собственно говоря, незрѣлости, потому что съ нимъ они только что получаютъ право приступить къ настоящему высшему образованію): молодые, только-что начинавшіе свое поприще, ученые оказывались уже замѣчательными работниками; многіе изъ нихъ были люди изъ низшихъ классовъ, и во главѣ ихъ — Ломоносовъ.

На что же направлялась вновь введенная наука; какъ она принималась своими адептами; какіе приносила результаты?

Чтобы сообщить наглядный примѣръ и войти въ фактическое изложеніе предмета, приведемъ нѣсколько подробностей изъ Петровскихъ временъ о первыхъ прямыхъ воздѣйствіяхъ западной науки. Извѣстно, какимъ чрезвычайнымъ разнообразіемъ отличались и теоретическіе, и практическіе интересы самого Петра, сколько личной заботы и труда положилъ онъ для перваго введенія элементарныхъ знаній и для утвержденія на русской почвѣ высшей науки. Исторія всей русской науки возводится къ его времени, и очень часто къ его собственной личной инициативѣ.

Съ первыхъ годовъ основанной по его плану академіи наукъ въ нее приглашены были ученые разныхъ спеціальностей: математики, физики и астрономы; классическіе филологи, историки, оріенталисты. Работа всѣхъ ихъ была необходима и для утвержденія теоретической науки на русской почвѣ, и вмѣстѣ для выполненія разныхъ практическихъ задачъ, важныхъ для государственныхъ цѣлей. На эти послѣднія было особенно обращено вниманіе Петромъ Великимъ.

Для правильнаго устройства государства практическая помощь науки становилась необходима, какъ сложныхъ раціональныхъ пріемовъ требуетъ большое, правильно поставленное хозяйство. Однимъ изъ первыхъ вопросовъ явилось правильное опредѣленіе самой государственной территоріи. Этой надобности стремилось удовлетворить уже московское государство разными описями (на глазомѣръ) и «Книгой Большому Чертежу». Книга эта заключала много свѣденій, но онѣ состояли только въ номенклатурѣ мѣстностей и были совершенно лишены той точности, какая нужна для правильной картографіи, и какая доставляется только астрономическими опредѣленіями мѣстностей и геодезическими измѣреніями. При Петрѣ впервые начаты были эти геодезическія работы: по разнымъ краямъ Россіи разосланы были геодезисты «для сочиненія ландкартъ» съ тѣмъ, чтобы послѣ изъ ихъ «партикулярныхъ» картъ составить «генеральную карту». Впослѣдствіи эти работы съ новыми дополненіями были изданы въ 1726—1734 годахъ подъ латинскимъ заглавіемъ: Atlas imperii rossici и пр.; это былъ первый правильный атласъ Россіи. Второй атласъ изданъ былъ академіей наукъ въ 1745 году въ большой коллекціи подробныхъ картъ [1]). Къ петровскимъ временамъ относятся и первыя ученыя экспедиціи: одного ученаго иностранца Петръ Великій взялъ съ собою въ персидскій походъ; другой изслѣдовалъ съ естественно-научной точки зрѣнія восточную полосу Россіи (и между прочимъ открылъ нынѣшнія Сергіевскія минеральныя воды); третій, наиболѣе извѣстный, докторъ Мессершмидтъ, совершилъ первое ученое путешествіе по Сибири. Съ этимъ докторомъ Мессершмидтомъ (1685 — 1735) былъ заключенъ контрактъ, въ которомъ онъ обязывался ѣхать въ Сибирь для занятій: a) географіею страны; b) натуральною исторіею; c) медициною, лекарственными растеніями, эпидемическими болѣзнями; d) описаніемъ сибирскихъ народовъ и филологіею; e) памятниками и древностями, f) вообще всѣмъ достопримѣчательнымъ. Все это Мессершмидтъ взялъ на себя, не имѣя помощниковъ, на очень скромныя средства, и труды его были поистинѣ удивительны: онъ собиралъ растенія, самъ набивалъ чучелы попадавшихся ему птицъ и дѣлалъ съ нихъ рисунки; на каждомъ значительномъ мѣстѣ, если показывалось солнце, бралъ высоту полюса, составлялъ карты и т. д.; въ тоже время онъ

[1]) Russischer Atlas, welcher in einer General-Charte und neunzehen Special-Charten das gesamte Russische Reich und dessen angränzende Länder, nach den Regeln der Erd-Beschreibung und neuesten Observationen vorstellig macht. St. Pet. 1745'

собиралъ сибирскія древности, хлопоталъ у сибирскихъ властей, чтобы ему доставляли всякія «въ древности принадлежащія вещи, якобы языческіе шейтаны (кумиры), великія мамонтовы кости, древнія калмыцкія и татарскія письма и ихъ праотеческія письмена; такожде каменные и кружечные могильные образы». Наконецъ онъ былъ оріенталистъ, искалъ монгольскихъ рукописей, собиралъ слова изъ языковъ сибирскихъ инородцевъ и первый понялъ историческую важность ихъ сличенія и т. д. Труды Мессершмидта въ свое время не были изданы [1]); сдѣланныя имъ коллекціи сохранились въ академіи наукъ. По его донесеніямъ, списки которыхъ также сохранились въ академической библіотекѣ, можно составить себѣ понятіе о трудностяхъ, какими сопровождались его изысканія; онъ жалуется между прочимъ, что изъ русскихъ ему «не обрѣтается» помощниковъ, и просилъ, чтобы ему дали помощника изъ шведскихъ плѣнныхъ, какихъ было тогда не мало въ Сибири, и которые вообще не разъ съ пользой служили самимъ русскимъ властямъ (и въ Сибири, и во внутренней Россіи), какъ люди со свѣдѣніями. Такимъ помощникомъ и для Мессершмидта оказался плѣнный шведъ Таббертъ: взятый въ плѣнъ послѣ полтавскаго сраженія, онъ провелъ около 13 лѣтъ въ Сибири, гдѣ отчасти и работалъ съ нѣмецкимъ ученымъ; вернувшись впослѣдствіи домой, онъ получилъ тамъ дворянство и фамилію Страленберга и подъ этимъ именемъ издалъ въ Стокгольмѣ очень извѣстную въ свое время книгу: «Das nord- und ostliche Theil von Europa und Asia» (1730). При Петрѣ была предпринята и гораздо болѣе отдаленная экспедиція: въ 1719 году отправлены были два геодезиста изъ «навигаторовъ» для описанія Камчатки; между прочимъ, имъ велѣно было сдѣлать разысканіе—«сошлася ли Америка съ Азіею, что̀ надлежитъ зѣло тщательно сдѣлать, не только Зюдъ и Нордъ, но и Остъ и Вестъ, и все на картѣ исправно поставить». Хотя имъ и не удалось рѣшить вопроса, сошлась ли Америка съ Азіей, Петръ остался доволенъ трудами навигаторовъ и незадолго передъ смертью написалъ новую инструкцію объ осмотрѣ сѣвернаго берега, исполнителемъ которой, уже послѣ его смерти, былъ извѣстный капитанъ Берингъ [2]).

Этотъ интересъ къ географическимъ работамъ у Петра Великаго былъ возбужденъ, какъ предполагаютъ, въ особенности зна-

[1]) См. о нихъ у Палласа: „Neue nordische Beiträge". St. Pet. 1782, Bd. III: Messerschmidts siebenjährige Reise in Sibirien. Пекарскій, Наука и литер. при Петрѣ В., I, стр. 350—362.

[2]) Пекарскій, тамъ же, I, стр. 348 и слѣд.

комствомъ его съ учеными французской академіи во время его путешествія 1717 года, когда онъ самъ былъ избранъ въ члены этой академіи. Эти работы были однимъ изъ первыхъ примѣровъ прямого вліянія «западной науки»: результатомъ его была обоюдная польза; въ европейской наукѣ явились новыя географическія свѣденія; у русскихъ прибавилось знанія своего собственнаго отечества, и возникалъ собственный научный опытъ [1]).

Эти двѣ стороны научнаго знанія проходятъ и во множествѣ послѣдующихъ трудовъ, исполненныхъ иностранными (особливо нѣмецкими) и русскими учеными въ теченіе XVIII вѣка. Русскій народъ впервые вступалъ въ образовательное общеніе съ Европой: русскіе ученые и ученые нѣмецкіе, работавшіе въ Россіи и для Россіи, слѣдовали примѣру Петра—сообщать «ученому свѣту» разнообразныя свѣденія о Россіи, которыя вмѣстѣ съ тѣмъ становились достояніемъ и русскаго образованія. Это время представляетъ вообще замѣчательный въ исторіи науки эпизодъ усиленнаго взаимодѣйствія, до сихъ поръ еще не вполнѣ изслѣдованный и оцѣненный. Избитое славянофильское представленіе о «подчиненіи Западу» есть только одностороннее преувеличеніе одной части совершавшагося тогда историческаго явленія. Если Петръ прорубилъ въ Европу окно, то въ это окно кинулись смотрѣть и сами европейцы; если мы искали въ Европѣ *необходимыхъ* намъ знаній, то и для Европы Россія впервые какъ бы открывалась. Новыя сношенія простирались не только на интересы политическіе, промышленные, торговые, но и на благороднѣйшіе интересы научнаго знанія. Основаніе школъ, начавшееся приглашеніе ученыхъ въ академію, призывы иностранцевъ на разныя техническія службы произвели громадный наплывъ образованныхъ иноземцевъ въ Россію [2]).

---

[1]) Впослѣдствіи Миллеръ такъ отзывался о значеніи заботъ Петра о русской картографіи: картографія Россіи, благодаря мудрымъ распоряженіямъ Петра Великаго, чрезъ посылку по губерніямъ геодезистовъ и труды оренбургской экспедиціи, „приведена къ такому совершенству, что почти уже мало къ нимъ прибавленія потребно, ибо и въ чужестранныхъ государствахъ, гдѣ науки уже чрезъ несколько сотъ лѣтъ процвѣтаютъ, чуть могутъ похвалится такимъ прилежнымъ раченіемъ въ сочиненіи своихъ ландкартъ", Пекарскій, Ист. Акад. Наукъ, I, стр. 339—340. См. также „Записки Геогр. Общества". 1849, кн. III, статья Бэра о заслугахъ Петра Великаго по части распространенія въ Россіи географическихъ знаній.

[2]) Укажемъ для образчика рядъ именъ въ одной спеціальности. Въ книгѣ г. Я. Чистовича: „Исторія первыхъ медицинскихъ школъ въ Россіи", Спб. 1883, приведенъ алфавитный списокъ докторовъ медицины, практиковавшихъ въ Россіи въ XVIII столѣтіи. Здѣсь были люди всевозможныхъ европейскихъ націй: нѣмцы изъ всѣхъ концовъ и университетовъ Германіи, нѣмцы русскіе, голландцы, шведы, французы, англи-

Эти силы были, конечно, неравномѣрнаго качества, но, вообще говоря, было много людей съ хорошими знаніями, съ добросовѣстнымъ отношеніемъ къ дѣлу и, наконецъ, было не мало людей съ замѣчательными достоинствами. Случалось, что академія находила своихъ дѣятелей между такими, безъ ея вызова пріѣзжавшими учеными [1]). Эти иноземцы иногда оставались въ Россіи недолго, на время своихъ «контрактовъ» (потому что часто ихъ дѣйствительно нанимали, какъ ученыхъ рабочихъ, на извѣстное время и для извѣстнаго дѣла), но часто оставались въ Россіи на всю жизнь, принимали русское подданство, усвоивали русскій языкъ и дѣйствовали въ русской литературѣ. Ихъ труды имѣли вообще двоякую цѣль—обогащеніе общей науки и пользы русскаго государства и просвѣщенія: поэтому работы ихъ (и не только иностранцевъ, но и русскихъ) писались на какомъ-нибудь иностранномъ языкѣ, латинскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, и когда представляли интересъ общедоступный, выходили и по-русски. Русскіе академики свои труды подобнаго рода издавали на русскомъ языкѣ.

Съ другой стороны, для европейской науки вновь открывшаяся Россія представила величайшій интересъ. Путешествія западныхъ европейцевъ въ Россію или чрезъ Россію начинаются чуть не съ первыхъ вѣковъ нашей исторіи. Въ нихъ уже проглядываетъ серьезная любознательность, которую возбуждали страна, ея жители, ихъ нравы и исторіи. Знаменитое путешествіе Герберштейна было уже трудомъ съ сознательными научными цѣлями: извѣстно, какимъ важнымъ источникомъ оно осталось до сихъ поръ для нашихъ ученыхъ историковъ. Довольно еще назвать Мейерберга, Флетчера, Олеарія, чтобы указать, съ какимъ серьезнымъ вниманіемъ относились образованнѣйшіе западные люди къ изученію Россіи. Петровская реформа сдѣлала и для европейской науки новое открытіе; съ облегченіемъ сношеній, съ первымъ приближеніемъ къ европейскому образованію стала чрезвычайно рости иностранная литература о Россіи, наполняющая теперь огромный отдѣлъ «Rossica» въ нашей Публичной библіотекѣ. Иностранными силами, частію по русской

чане, шотландцы, португальцы, греки, поляки, датчане и пр., наконецъ русскіе, учившіеся за границей и дома. Подобное разнообразіе мы встрѣтимъ и во многихъ другихъ спеціальностяхъ, для которыхъ въ прошломъ столѣтіи иноземцы были приглашаемы или пріѣзжали сами, напр. въ дѣлѣ военномъ, морскомъ, инженерномъ, горномъ, и проч.

[1]) Такъ принятъ былъ въ академію Герардъ-Фридрихъ Миллеръ, Гмелинъ-старшій.

иниціативѣ, частію независимо отъ нея, сдѣлано было множество разнообразныхъ изученій. Ученыя работы, издававшіяся въ Россіи на иностранныхъ языкахъ, прямо дѣлались достояніемъ европейскихъ литературъ; кромѣ того переводились замѣчательнѣйшіе труды, выходившіе по-русски, — такъ переведены были, вскорѣ послѣ своего появленія, знаменитыя путешествія Крашенинникова, Лепехина, Рычкова; на нѣмецкомъ языкѣ является первый научный комментарій и высокая оцѣнка древнѣйшаго русскаго лѣтописца у Шлёцера, съ котораго начинаютъ вполнѣ научную разработку русской исторіи. Въ самой Германіи ученые люди посвящаютъ неутомимый трудъ на изученіе географіи, исторіи и этнографіи Россіи, какъ знаменитый Бюшингъ, издатель первой научно составленной географіи Россіи и извѣстнаго «Магазина», наполненнаго богатымъ матеріаломъ для русской исторіи. Описанія путешествій, совершённыхъ нѣмецкими учеными на русской службѣ, появлялись по-русски и переводились на другіе европейскіе языки: французскій, англійскій, итальянскій, и въ этихъ переводахъ выдерживали иногда по нѣскольку изданій. Русскія ученыя имена еще въ XVIII столѣтіи пріобрѣтали европейскую извѣстность, какъ имя Ломоносова, Крашенинникова, Лепехина; работы старыхъ русскихъ ученыхъ цѣнятся и новѣйшими учеными авторитетами. Словомъ, это было дѣйствительное общеніе въ лучшихъ стремленіяхъ научнаго знанія. Мы дальше увидимъ, какимъ одушевленіемъ бывали проникнуты и наши нѣмецкіе академики, и русскіе ученые, когда въ своеобразныхъ явленіяхъ русской природы и жизни имъ открывалось новое, прежде невѣдомое, поле научныхъ изслѣдованій и наблюденій.

Откуда набирались эти силы новой русской науки? Обыкновенно говорятъ, что къ новому образованію, а затѣмъ къ разнымъ крайностямъ подражанія иноземному, имѣли пристрастіе только высшіе классы (т.-е. собственно дворянство), которые при этомъ забыли о народѣ и вслѣдствіе того оторвались отъ него. Дѣйствительно, высшіе классы всего больше принимали это образованіе, и это было совершенно естественно: вѣдь это и въ старой московской Россіи былъ цвѣтъ народа, откуда набирались царскіе приближенные и совѣтники; они еще тогда ставились властью надъ народомъ, за свою службу надѣлялись помѣстьями (и жившими на нихъ людьми). По справедливому понятію Петра, новое ученье было той же службой государству; кого же надо было привлечь къ ней, какъ не тѣхъ, кто, владѣя помѣстьями, обязанъ былъ службой? Самъ — человѣкъ рабочій, Петръ ненавидѣлъ тунеядство и былъ совершенно правъ, когда расталкивалъ

лежебоковъ и заставлялъ недорослей учиться. Мало по малу недоросли привыкали учиться, хотя и долго спустя, во времена Екатерины II, было много дворянства безграмотнаго (какъ это видно, напримѣръ, изъ исторіи коммиссіи о сочиненіи уложенія), слѣдовательно, никакъ не зараженнаго европейскимъ просвѣщеніемъ. Но все-таки никакъ нельзя сказать, чтобы новое образованіе принималось однимъ дворянствомъ; было еще другое сословіе, которое также естественно привлекалось къ ученью, а именно духовенство, искони владѣвшее грамотностью. Еще съ XVIII вѣка, съ основанія славяно-греко-латинской академіи въ Москвѣ, оно стало знакомиться, по кіевскому примѣру, съ высшей наукой, и, хотя эта духовно-академическая наука слишкомъ часто была сухой схоластикой, тѣмъ не менѣе она все-таки вводила въ новый міръ научныхъ понятій. Ученое духовенство XVII вѣка уже сильно отличается отъ своихъ предшественниковъ въ до-Петровской Москвѣ (крайніе примѣры того и другого въ началѣ столѣтія,—напр., извѣстный священникъ Лукьяновъ, путешественникъ ко святымъ мѣстамъ, или Ѳеофанъ Прокоповичъ—раздѣлены цѣлою пропастью), и дало теперь своихъ представителей не только въ церковную, но и въ свѣтскую научную образованность. Въ новыя школы правительство, въ Петровскія времена и послѣ, брало и дворянъ, напр., изъ дѣтей «солдатъ» гвардейскихъ полковъ (преображенскаго, семеновскаго, измайловскаго), которые часто бывали дворянами, брало учениковъ духовныхъ семинарій, которые бывали всякаго званія. Наконецъ, надо опять напомнить о Ломоносовѣ, этомъ величайшемъ изъ всѣхъ дѣятелей новой науки въ XVIII столѣтіи, который вышелъ изъ самаго подлиннаго крестьянства. Пересматривая біографіи ученыхъ людей прошлаго столѣтія, проходившихъ петербургскую академическую гимназію и академическій университетъ, мы находимъ такіе примѣры: Румовскій — сынъ священника, учился сначала въ семинаріи; Лепехинъ—сынъ солдата семеновскаго полка, дворянинъ; Озерецковскій—сынъ священника, учился въ семинаріи; Котельниковъ—сынъ преображенскаго солдата, изъ школы Ѳеофана Прокоповича; Протасовъ—сынъ семеновскаго солдата, учился въ той же школѣ; Соколовъ—сынъ сельскаго пономаря; Иноходцовъ — сынъ преображенскаго солдата; Севергинъ—сынъ «вольнаго человѣка», придворнаго музыканта, и т. д. Если прибавить примѣры изъ біографій русскихъ писателей прошлаго столѣтія, мы найдемъ такое же разнообразіе общественныхъ положеній: доходило до того, что бывали писатели—крѣпостные, и писатели не безъ достоинствъ. Какъ мы выше замѣчали, усвое-

ніе науки, повидимому, не сопровождалось у ея молодыхъ адептовъ никакимъ страданіемъ ихъ національнаго чувства: нѣтъ факта, который бы указывалъ на какое-нибудь болѣзненное «отрываніе» ихъ отъ ихъ народа. Напротивъ, они преспокойно учились и у русскихъ, и у нѣмецкихъ учителей, выучивались по-латыни или по-нѣмецки, слушали академическія лекціи, ѣздили за границу, усердно отдавались потомъ научнымъ трудамъ «для чести и пользы своего отечества» и между прочимъ съ великой любовью занимались изслѣдованіями народнаго быта, промысловъ, обычаевъ, преданій и т. д. Далѣе мы приведемъ примѣры.

Очень часто высшее образованіе въ академическомъ и московскомъ университетахъ и другихъ заведеніяхъ завершалось посылкой за границу; къ концу столѣтія многіе отправлялись сами въ заграничные, особливо нѣмецкіе университеты: когда императоръ Павелъ по вступленіи на престолъ велѣлъ вытребовать домой русскихъ подданныхъ, учившихся въ иностранныхъ университетахъ, то оказалось, что въ Лейпцигѣ было 36, въ Іенѣ 65 учившихся русскихъ. Путешествія бывали обыкновенно не такъ продолжительны, чтобы передѣлывать русскихъ въ иностранцевъ, но, конечно, не мало облегчали знакомство съ состояніемъ ученыхъ идей времени и укрѣпляли ту благородную солидарность, которая соединяетъ людей разныхъ обществъ въ одномъ интересѣ достоинства человѣческой мысли и знанія. Эту послѣднюю черту не трудно замѣтить въ біографіяхъ и самыхъ сочиненіяхъ нашихъ ученыхъ прошлаго вѣка. На «ученый свѣтъ» ссылается не разъ уже Ломоносовъ, когда хочетъ сильнѣе доказать свою мысль или рекомендовать свой совѣтъ, и обыкновенно эти ссылки бывали совершенно основательны: «ученый свѣтъ» давалъ правильное объясненіе явленій природы, указывалъ вредъ какого-нибудь ходячаго обычая или нелѣпость какого-нибудь суевѣрія, давалъ полезный практическій совѣтъ и т. д. «Ученый свѣтъ» дѣйствовалъ, конечно, не на однихъ спеціалистовъ, но и на всѣхъ образованныхъ людей; и кромѣ науки спеціальной, дѣйствовала литература вообще, въ томъ числѣ литература поэтическая. По поводу вліянія западной поэтической литературы въ нашемъ XVIII вѣкѣ, историки расточали много обвиненій, осуждая подражательность нашихъ писателей прошлаго столѣтія; но если не останавливаться только на условной фальшивости ея внѣшняго пріема, составлявшей общую черту вѣка, и вникнуть въ содержаніе ея идей, то нельзя не признать за ней большой образовательной цѣны. Еще болѣе такого вліянія оказывала (конечно, только въ кругу наиболѣе образованныхъ людей) та

литература, которая прямо ставила вопросы о судьбѣ народовъ, о происхожденіи обществъ, о правахъ человѣка и гражданина и т. д. Если подводить итоги умственной жизни нашего общества въ прошломъ вѣкѣ, то, очевидно, наибольшее вліяніе Запада надо отнести къ этимъ двумъ сторонамъ его дѣятельности: чистой наукѣ и общественнымъ теоріямъ. Нечего, кажется, говорить, что эти вліянія были совершенно законны: въ общей надобности просвѣщенія соглашаются и сами обскуранты, и русскій народъ, если не во имя человѣческаго достоинства, то во имя собственной практической пользы долженъ былъ столько же, сколько всякій другой, знакомиться съ науками, развивавшими его мысль. дававшими правильное понятіе о природѣ и т. п. Что касается до теорій нравственно-общественныхъ (которымъ не меньше, чѣмъ чистой наукѣ приписываютъ вину отдаленія русскихъ образованныхъ людей отъ ихъ «почвы»), то у человѣка, нѣсколько образованнаго, опять нельзя отнять права интереса къ существеннымъ вопросамъ объ обществѣ и о человѣческой личности, а рѣшеніе этихъ вопросовъ у первостепенныхъ писателей тогдашней европейской литературы часто поражало глубиною и человѣчностью мысли, которая продолжаетъ иногда дѣйствовать и до нашего времени. Въ глазахъ тогдашнихъ образованныхъ людей, въ Европѣ и у насъ, эти произведенія были высшимъ достигнутымъ тогда результатомъ человѣческаго знанія и, конечно, только невѣжество можетъ относиться свысока къ трудамъ людей, какъ мыслители XVIII вѣка, какъ Бэйль, Монтескьё, Вольтеръ, Руссо, энциклопедисты, или какъ представители чистой науки—Ньютонъ, Лейбницъ, Эйлеръ и т. д. Всѣ эти вліянія овружили ту первую образованность, которая возникала въ средѣ русскаго общества, и нѣтъ ничего удивительнаго, что она имъ поддадала,—это было просто вліяніе логической мысли, и смѣшно думать, чтобы вліяніе логики было противонародно. Для образованныхъ людей прошлаго вѣка не было сомнѣнія въ благотворномъ вліяніи принятой ими западной науки; имъ не приходило въ голову заподозрить ее потому, что она—западная. Это послѣднее придумано уже нашимъ временемъ. Правда, уже моралисты XVIII вѣка жаловались на введеніе чужеземныхъ нравовъ, на французское воспитаніе,— но теперь обобщаютъ эту жалобу, или ненависть, на все принятое отъ запада образованіе. Но должно, наконецъ, положить границу между различными фактами. *Разные люди* могли заимствовать, и на дѣлѣ заимствовали, *разныя вещи*—и дурное, и хорошее. Если свѣтское общество брало моды и испорченные нравы, это не значило, что была дурна и вредна заимствованная

наука; если для свѣтскаго тунеяднаго общества шла изъ западныхъ свѣтскихъ образцовъ новая порча, изъ науки выростали здравыя человѣческія понятія, обезпечивались успѣхи общественности и образованія...

Опредѣляя западныя вліянія прошлаго вѣка, наши историки отмѣчали разные ихъ періоды и источники,—указывали, наприм., вліянія шведскія и голландскія при Петрѣ, позднѣе — нѣмецкія (къ которымъ причисляется и бироновщина), далѣе періодъ галломаніи и т. д. Но эти опредѣленія бывали обыкновенно слишкомъ случайныя, и въ нихъ смѣшивались совсѣмъ разныя вещи, напр., морская или военная практика, канцелярсвое управленіе, наука и школа, свѣтскіе обычаи, литературные вкусы и т. д.

Но если обращать вниманіе не на одну беллетристику или свѣтскія моды и т. п., то мы найдемъ, что, напр., въ самомъ разгарѣ такъ называемой «галломаніи» оказываются, напротивъ, очень сильныя вліянія нѣмецкой и англійской литературы. Вообще вліянія основныхъ западныхъ литературъ такъ переплетаются, что довольно трудно, или даже невозможно, указать имъ какіе-нибудь опредѣленные періоды или точный кругъ дѣйствія,—тѣмъ болѣе, что къ концу столѣтія въ самой европейской литературѣ происходило уже сильное взаимодѣйствіе: въ нѣмецкой школѣ, въ Лейпцигѣ, наша молодежь напитывалась Гельвеціемъ и Монтескьё; Карамзинъ вычитывалъ у Лессинга высокое уваженіе къ Шекспиру и т. д. Въ нашей научной литературѣ прошлаго вѣка можно постоянно встрѣчаться съ многоразличными вліяніями европейской науки, всего больше едва ли не нѣмецкой, которую особенно распространяла и «де-сіянсъ академія»; но въ результатахъ трудовъ нашихъ ученыхъ мы напрасно искали бы какого-нибудь спеціальнаго нѣмецкаго или иного вліянія: пріобрѣтался научный методъ, но національность нашихъ ученыхъ не терпѣла никакого ущерба. Бывали примѣры особаго вкуса и наклонности къ извѣстнымъ явленіямъ европейской жизни и науки, но частью они взаимно уравновѣшивались, частью примирялись и умѣрялись здравымъ смысломъ и чувствомъ дѣйствительности: чужой авторитетъ не становился вѣрой, но часто будилъ собственную мысль и заставлялъ присматриваться къ своей жизни. Если какія-нибудь національныя теоріи оказывали слишкомъ исключительное вліяніе, то имъ находился противовѣсъ въ другомъ опытѣ и изученіи. Приведемъ для примѣра нѣсколько словъ замѣчательнаго юриста прошлаго вѣка, профессора московскаго университета, Десницкаго (ум. 1789). Посланный по обычаю за границу для довершенія своего ученаго образованія, Десницкій слушалъ лекціи

въ глазговскомъ университетѣ: онъ получилъ здѣсь степень магистра свободныхъ наукъ, затѣмъ доктора правъ, причемъ получилъ и привилегію гражданства, званія особенно почетнаго для иностранца. Воспитавшись на англійской наукѣ, Десницкій ревностно изучалъ англійскія учрежденія и проникся къ нимъ величайшимъ почтеніемъ; вслѣдствіе того онъ уже тогда относился съ большой критикой къ нѣмецкимъ метафизическимъ теоріямъ. Это былъ одинъ изъ первыхъ русскихъ «англомановъ».

Десницкій съ великимъ уваженіемъ говоритъ объ Англіи, выработанныхъ ею здравыхъ началахъ политической и общественной жизни, объ ея высокой образованности, ея трудовой предпріимчивости. «Нѣтъ въ подсолнечной нынѣ,—говоритъ онъ, — таковаго растущаго, выкапываемаго и животворящагося въ трехъ натуры предѣлахъ, котораго бы могущество британской коммерціи не достало. Британцы, возлюбленные сынове страшныхъ волнъ, открылись свѣту великими въ предпріятіяхъ, счастливыми въ совершеніяхъ, страшными во браняхъ, преславными въ побѣдахъ, неутомимыми въ трудахъ и съ цѣлымъ несравненными свѣтомъ въ отважности. Британія возсіяла аки солнце; явилась благодать на горахъ—на брегахъ британскихъ; увѣнчалъ Богъ труды сего народа, и слава громкая пронеслась о немъ до конецъ земли». Эту славу британцы добыли тяжелымъ трудомъ и непоколебимымъ уваженіемъ къ *правамъ разума* и къ *святости закона*. «Вольность и собственность,—говоритъ онъ,—написанныя на лицѣ почти у всякаго британца, какъ природныя права, имѣютъ закономъ предписанный предѣлъ, за который вредная наглость и своевольство прейти не могутъ. Судіи не смѣютъ и не могутъ въ законѣ беззаконствовать. Привести правосудіе въ такое совершенство, чтобы судителю закона и дѣлъ совсѣмъ возможности не было къ злоупотребленію закона, есть такая премудрость правленія, которою кромѣ великобританскаго никакой еще другой изъ древнихъ, ни изъ нынѣшнихъ народовъ праведно похвалиться не можетъ». Напротивъ, Десницкій мало сочувствуетъ Германіи и ея наукѣ и смѣется надъ схоластической метафизикой нѣмецкихъ юристовъ, которые—«могутъ выдумывать столько юриспруденцій, сколько имъ угодно. Изъ всѣхъ писателей, которыхъ я имѣлъ случай читать, усматривается, что нынѣ вездѣ почти нравоучительная философія не совсѣмъ къ дѣлу ведетъ. Юриспруденція же натуральная преподается или совсѣмъ старинная, обыкновенно нынѣ называемая казуистическою, или другая, не лучше прежней, сочиняется вновь, и вся почти выбранная изъ римскихъ правъ». Указавъ образчикъ такой схоластической ка-

зуистики, Десницкій продолжаетъ: «въ такомъ лабиринтѣ они ищутъ общаго всѣмъ натуральнымъ правамъ начала. Суть и другія principia juris naturae, которыя изысканы больше для меридіана нѣмецкаго, нежели къ дѣлу въ судахъ. Сей родъ ученыхъ тщеславнѣйшій въ своихъ изобрѣтеніяхъ» [1]).

Словомъ, въ результатѣ научныхъ вліяній западной школы оказывалось вовсе не «рабское подчиненіе», а просто такое же усвоеніе знанія, какое совершается *новичкомъ* и въ собственной школѣ. По необходимости, первымъ пріемамъ учились на чужомъ языкѣ, но съ первыхъ же шаговъ является забота создать научное изложеніе на русскомъ языкѣ. На первый разъ это русское изложеніе страдало угловатостью, нескладностью языка, излишествомъ иностранныхъ словъ, но это было неизбѣжнымъ слѣдствіемъ того, что старина ничѣмъ, или почти ничѣмъ, не облегчила трудности передачи неизвѣстныхъ ранѣе научныхъ понятій и терминовъ; съ теченіемъ времени эта нескладность сглаживается, по мѣрѣ того, какъ научная техника становится дѣломъ болѣе знакомымъ, и языкъ науки все болѣе сливается съ живой рѣчью общества. Это образованіе научной терминологіи идетъ параллельно съ развитіемъ новаго литературнаго языка, которое вообще представляетъ чрезвычайно интересное явленіе роста языка съ обогащеніемъ понятій, и естественная послѣдовательность этого роста даетъ наглядное доказательство жизненности самого историческаго факта, который его вызвалъ. Какъ сильно было именно стремленіе усвоить чужую науку русской жизни и заставить говорить ее на русскомъ языкѣ, можно видѣть во мно-

[1]) По всей вѣроятности Десницкій былъ тотъ неизвѣстный „англоманъ“, который доставилъ въ Вольное росс. Собраніе при московскомъ университетѣ переводъ александрійскими бѣлыми стихами монолога Гамлета: „быть или не быть?“ напечатанный въ „Опытѣ Трудовъ“ Вольнаго Собранія (1774—83). Переводчикъ жалуется въ письмѣ, что русскіе стихотворцы слишкомъ робки въ употребленіи метафоръ, и указываетъ на образецъ въ Шекспирѣ и другихъ англійскихъ поэтахъ. Самый переводъ замѣчателенъ для своего времени простотой и вѣрностью подлиннику. „Англоманъ“ рѣзко и вѣрно осуждаетъ французскіе переводы, напр., переводы Вольтера, и думаетъ, что „говорить на французскомъ языкѣ такъ, какъ Шекспиръ говорилъ на англійскомъ, почти невозможно, а на русскомъ можно ему, по крайней мѣрѣ, подражать, и когда не силу и не красу его, то духъ его сохранить“. На письмо „Англомана“ отвѣчалъ профессоръ Барсовъ ссылками на древнихъ риторовъ и слѣдовавшаго имъ Ломоносова, которые остерегали противъ „безмѣрности“ метафоръ, и съ своей стороны, по примѣру Ломоносова, совѣтуетъ искать силы слога въ церковномъ языкѣ; этотъ источникъ, многимъ неизвѣстный или презираемый, однако много изобильнѣе „предъ новѣйшими, часто не весьма чистыми потоками“. См. Біограф. Словарь моск. профессоровъ, М. 1855, I, стр. 56, 297 и слѣд.; Сухомлинова, Исторія Росс. Академіи, т. V (Сборникъ р. отд. акад., т. XXII), 1881, стр. 5—7.

жествѣ случаевъ, когда ученые и писатели прошлаго вѣка говорили о своемъ трудѣ въ «насажденіи науки» въ Россіи. Мы постоянно встрѣчаемся здѣсь съ выраженіемъ желанія, чтобы трудъ ихъ послужилъ на пользу русскому просвѣщенію, на славу и честь россійскаго народа, чтобы россійскій народъ сравнялся въ просвѣщеніи съ другими «славными націями», чтобы россійская земля рождала собственныхъ Платоновъ и Невтоновъ,—какъ въ то же время поэтическая литература хлопотала о томъ, чтобы поскорѣе завести своихъ Малербовъ и Буало, своихъ Корнелей и Расиновъ. Обыкновенно смѣются надъ этими хлопотами и считаютъ ихъ явнымъ доказательствомъ рабства мысли; но если сопоставить ихъ съ упомянутыми сейчасъ заботами объ усвоеніи обществу самостоятельной науки, не трудно видѣть, что въ основѣ лежало не подчиненіе, а именно стремленіе къ независимости, желаніе противопоставить чужой славѣ и авторитету свои, жить собственными, а не чужими силами. Въ литературѣ это желаніе выражалось очень простодушно, и она поторопилась наскоро испечь своихъ Малербовъ и Расиновъ, надъ которыми послѣ столько смѣялись; но не забудемъ, въ какомъ состояніи образованія и при какихъ литературныхъ антецедентахъ все это дѣлалось: новая литература находилось буквально въ младенческомъ состояніи; ея дѣятелей можно было сосчитать по пальцамъ; она еще ломала языкъ, чтобы съумѣть сказать новыя возникавшія понятія,—немудрено, что ея стремленія переходили въ желаніе сравняться съ данными образцами и авторитетами. Не забудемъ, что французскій псевдо-классицизмъ господствовалъ и надъ такой старой и сильной литературой, какъ германская,—въ которой едва возникала дѣятельность Лессинга. Чтобы увѣриться въ настоящихъ стремленіяхъ литературы, надо обратиться къ тѣмъ писателямъ, которые по своему труду и дарованіямъ и должны считаться настоящими ея представителями. Таковъ былъ Ломоносовъ. Онъ стоитъ такъ высоко, что на него не посягаютъ насмѣшки надъ XVIII вѣкомъ; его труда не осмѣливаются отвергать ни явный обскурантизмъ, ни—нѣсколько беззаботное вообще на счетъ исторіи, народничество. Но таковъ же былъ, и раньше Ломоносова, Татищевъ, самый коренной русскій человѣкъ, хотя великій почитатель «Баиля» (Bayle) и Пуффендорфія. Таковы были, послѣ, молодые ученые путешественники по Россіи, какъ Лепехинъ, питомецъ нѣмецкой школы, немного раціоналистъ и скептикъ, и однако самый непосредственный русскій патріотъ. Таковъ былъ англоманъ Десницкій, котораго, однако, новые историки науки признали «отцомъ природной русской юриспру-

денція» [1]). Таковъ былъ Болтинъ, который, начитавшись французскихъ философовъ, былъ однако строгимъ хранителемъ національныхъ преданій, чуть не народникомъ среди VXIII вѣка...

Въ настоящемъ очеркѣ мы коснемся только тѣхъ сторонъ нашей старой науки, гдѣ она ближе относилась именно къ русскому содержанію. Наперекоръ всѣмъ расточаемымъ нынѣ фразамъ о разрывѣ съ народностью, самый простой обзоръ фактовъ убѣждаетъ, что съ первыхъ своихъ шаговъ наша наука высшей практической цѣлью ставила именно изученіе Россіи, ея природной области, ея прошлаго и ея народной жизни. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ смысла говорить о разрывѣ тамъ, гдѣ собиралось первое точное знаніе о географіи своей страны, о свойствахъ ея природы, ея удобствахъ и неудобствахъ для человѣческой жизни; гдѣ впервые начиналось критическое изслѣдованіе народнаго прошлаго, собирались его памятники и письменные остатки; гдѣ изучался русскій народъ въ разныхъ краяхъ его громадной территоріи, описывались его нравы, составлялось первое сознательное понятіе объ его цѣломъ; гдѣ являлась первая широкая мысль объ изученіи различныхъ формъ его языка; гдѣ впервые заносимы были въ книгу произведенія его поэзіи и т. д. Было бы любопытной тэмой сравнить въ этомъ отношеніи понятія русскихъ людей XVII и XVIII столѣтій. Русскій человѣкъ XVII вѣка зналъ обыкновенно только свою тѣсную ближайшую обстановку и не помышлялъ о такомъ знаніи своего отечества, къ какому стремилось XVIII столѣтіе; онъ былъ грубый эмпирикъ, который безъ помощи иноземца не умѣлъ оцѣнить богатствъ своей собственной страны, нуждался въ чужеземномъ руководствѣ для всякаго нѣсколько сложнаго промысла, для торговли и даже для военнаго дѣла; онъ не зналъ въ сущности своей исторіи, потому что о старинѣ получалъ только смутныя понятія изъ древней лѣтописи, уже на половину невразумительной, или изъ исторіографическихъ опытовъ въ родѣ «синопсиса», изъ исторіи ближайшей зналъ факты, не освѣщенные критикой; народное чувство было въ немъ сильно, но часто это былъ только фанатическій темный инстинктъ, которому въ чужомъ народѣ видѣлись «поганые» (хоть бы и христіанскіе католики или протестанты), которому казалась богопротивнымъ волшебствомъ наука, и который отталкивалъ въ ней средства своего умственнаго и

---

[1]) См. Біогр. Словарь моск. проф. I, 297.

матеріальнаго успѣха. Восемнадцатый вѣкъ питалъ много заблужденій, много своихъ грубыхъ ошибокъ, но, по крайней мѣрѣ, онъ сталъ на вѣрный путь, путь научнаго знанія, которое одно могло вывести его изъ патріархальнаго мрака въ сознательную общественную и народную жизнь.

Въ исторію литературы обыкновенно не входитъ изложеніе исторіи науки и распространенія образовательныхъ свѣденій. У насъ есть по этому предмету только отдѣльныя (и даже немалочисленныя) работы, не сведенныя, однако, къ общей исторической мысли. Между тѣмъ для точнаго пониманія хода нашей литературы, какъ «отраженія общества и народа», именно важно было бы сопоставлять ее съ исторіей образованія и научныхъ свѣденій. Въ переворотѣ понятій, отличающемъ XVIII вѣкъ, важную роль играло именно это распространеніе знаній черезъ новыя школы и учебныя книги, черезъ иностранныя пособія и собственныя работы. Когда новая поэзія заговорила о величіи «дѣлъ Петровыхъ», когда новая литература поднимала вопросъ о россійскомъ народѣ и его просвѣщеніи, объ исправленіи нравовъ и т. д., всему этому предшествовала школьная наука, политическія свѣденія, о сообщеніи которыхъ народу впервые заботился Петръ Великій, и всякіе книжные и практическіе иноземные образцы. Такимъ образомъ, исторія образованія и науки послужила бы введеніемъ и комментаріемъ къ исторіи самой литературы. Какъ мы сказали, эта исторія существуетъ у насъ пока только въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ, не связанныхъ въ цѣльную послѣдовательную картину. Таковы, напр., юбилейная «Исторія московскаго Университета» и «Біографическій Словарь» его профессоровъ (1855); книги Пекарскаго: «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ» (1862) и «Исторія Академіи Наукъ, (1870—73, только начатая); Сухомлинова» «Исторія Россійской Академіи» (донынѣ въ шести томахъ, 1875—83, и еще далеко не конченная!); далѣе, исторіи духовныхъ академій, кіевской и московской; исторія разныхъ правительственныхъ учрежденій и спеціальныхъ училищъ—исторія медицины (отъ старой цѣнной книги Рихтера до сочиненія г. Чистовича), флота и морского кадетскаго корпуса, горнаго института, вольно-экономическаго общества, военныхъ учрежденій и т. д., и т. д. Если представить себѣ всю массу внесеннаго этими путями знанія, часто абсолютно необходимаго для практическихъ нуждъ государства и народа, это одно могло бы внушить болѣе здравое и честное отношеніе къ нашимъ предкамъ прошлаго столѣтія, положившимъ много добросовѣстнаго и самоотверженнаго труда для

блага отечества; оказалось бы при этомъ и другое,—что воспринятое знаніе не было однимъ подражаніемъ и, напротивъ, усвоивалось органически, возбуждая самостоятельную и плодотворную дѣятельность...

Мы сказали выше, какъ при Петрѣ Великомъ положено было начало изученіямъ географическимъ. Упомянутая задача, данная отъ самого Петра его первымъ «навигаторамъ»—отыскать, сошлась ли Азія съ Америкой,—весьма характерно указывала, что Россія въ эту сторону не знала конца своихъ владѣній... Первые учебники географіи, какъ, напр., «Географія или краткое земного круга описаніе», напечатанная повелѣніемъ царскаго величества въ 1710 году, свидѣтельствуютъ о тѣхъ крайнихъ затрудненіяхъ, какія встрѣчала передача на русскомъ языкѣ географической терминологіи: не было словъ для обозначенія техническихъ названій, и они очень часто оставлялись просто безъ перевода [1]. Съ новыми работами по этому предмету языкъ видимо привыкаетъ къ нему, и въ географической терминологіи мало по малу убавилось число иностранныхъ словъ и передача понятій очень облегчилась. Иначе это и не могло быть, потому что все здѣсь надо было создавать вновь. При Петрѣ издано было нѣсколько учебниковъ географіи, все по его же повелѣнію, между прочимъ книга Бернарда Варенія, знаменитаго ученаго XVII вѣка, котораго Гумбольдтъ въ своемъ «Космосѣ» называетъ великимъ географомъ. Не перечисляя книгъ, выходившихъ по этому предмету съ начала прошлаго столѣтія, довольно сказать, что географія съ этихъ поръ впервые правильно вошла въ русскую школу, и вообще въ умственный запасъ русскаго народа. Съ основаніемъ академіи наукъ развитіе географическихъ знаній получаетъ и твердую научную опору: географія обставляется тѣми науками, изъ которыхъ она почерпаетъ свои теоретическія основанія, какъ астрономія, физика, математика и разныя отрасли «натуральной исторіи». Мы упоминали о первыхъ научно составленныхъ атласахъ, изданныхъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія Кириловымъ и академіей наукъ. Въ Россіи впервые

[1]) См. примѣры въ книгѣ Пекарскаго и также въ сочиненіи Л. Весина: „Историческій обзоръ учебниковъ общей и русской географіи, изданныхъ со времени Петра Великаго по 1876 годъ (1710—1876)", Спб. 1877. Эта обширная книга, стоившая составителю не малаго труда, къ сожалѣнію буквально ограничивается обзоромъ учебниковъ. Нѣсколько расширивъ свою задачу, напр. сдѣлавши хотя краткій обзоръ географической литературы вообще, въ основныхъ чертахъ, авторъ далъ бы важный трудъ для исторіи русскаго образованія;—въ теперешнемъ видѣ, трудъ далеко не вознаграждается результатомъ.

начинаются астрономическія наблюденія и опредѣленія мѣстностей, безъ которыхъ немыслима точная географія (труды астронома Делиля, доѣзжавшаго до Березова и др.); впервые начинаются наблюденія физическія и собираются данныя для опредѣленія климата, почвы и т. д.; наблюденія естественно-научныя, измѣренія геодезическія, собираніе экономическихъ свѣденій, словомъ, вся та масса матеріала, какая требуется для точнаго географическаго описанія страны. Ко второй половинѣ столѣтія изложенія географіи, и особенно русской, получаютъ правильный систематическій видъ; они являются какъ отдѣльныя изслѣдованія, научныя путешествія, общіе курсы предмета, мѣстныя описанія, наконецъ, географическіе словари. Нѣмецкіе ученые работаютъ параллельно и рядомъ съ русскими. Такъ, однимъ изъ наиболѣе заслуженныхъ географовъ былъ ученый полигисторъ, какихъ такъ много производилъ XVIII-й вѣкъ,—Антонъ-Фридрихъ Бюшингъ (1724—1793). Родомъ нѣмецъ, онъ учился въ университетѣ въ Галле; въ 1748, въ качествѣ домашняго учителя въ домѣ датскаго посланника Линара, онъ прибылъ съ нимъ въ Россію и по возвращеніи въ Германію въ 1750, началъ рядъ ученыхъ работъ, изъ которыхъ главною и обширною было «Землеописаніе». Въ 1754 онъ получилъ профессуру философіи въ Гёттингенѣ, но навлекши себѣ враговъ своимъ свободнымъ протестантизмомъ, онъ оставилъ въ 1759 профессуру, и во второй разъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ сдѣлался пасторомъ при лютеранской церкви св. Павла. Въ Россіи онъ остался до 1765, и затѣмъ по приглашенію Фридриха II занялъ мѣсто совѣтника консисторіи и директора гимназіи въ Берлинѣ. Кромѣ «Землеописанія» [1]), гдѣ заняла мѣсто и Россія, Бюшингъ оказалъ великую услугу изученіямъ Россіи своимъ знаменитымъ «Магазиномъ» (Magazin für Historie und Geographie, 25 томовъ, Гамбургъ, 1765—93), который донынѣ остается богатымъ, неисчерпаннымъ источникомъ важныхъ свѣденій о Россіи. Въ тѣ же годы, раньше и позже, предпринимались любопытныя работы въ самой Россіи. Таковы болѣе или менѣе извѣстные труды Татищева, о которыхъ будемъ имѣть случай упомянуть далѣе, историко-географическія и натуралистическія экспедиціи академиковъ. Въ 1759, академія наукъ, предполагая составить новый географическій атласъ Россіи, возъимѣла мысль собрать подробныя свѣденія о всей имперіи черезъ правительствующій сенатъ (которому въ тѣ времена она была подчинена въ высшей инстанціи). Когда послѣдовало согласіе

[1]) О различныхъ русскихъ переводахъ изъ него, см. у Весина, стр. 28—39.

сената, въ академіи составлены были вопросы, на которые должны были отвѣчать провинціальныя канцеляріи. Въ январѣ 1760, сенатъ разослалъ въ провинціи указъ съ академической программой, въ тридцати вопросахъ. Въ теченіе семи лѣтъ собралось значительное количество отвѣтовъ, хотя не всѣ и не одинаковаго достоинства, и академія постановила издать изъ нихъ точную выборку. Такъ составились «Топографическія извѣстія, служащія для полнаго географическаго описанія Росс. Имперіи», изданныя подъ редакціей Лудвига Бакмейстера (4 ч. Спб. 1771—1774). Любопытно, что въ то же время подобную мысль возъимѣлъ шляхетный кадетскій корпусъ, желавшій составить географическое описаніе имперіи. Для собранія свѣдѣній онъ употребилъ то же средство: воспользовавшись академической программой, онъ расширилъ ее для своей цѣли нѣкоторыми новыми вопросами, и въ декабрѣ 1760 она также была разослана сенатомъ. Понятно, что отвѣты были отчасти тождественные, но иногда болѣе подробные; шляхетный корпусъ подѣлился ими съ академіей и Бакмейстеръ воспользовался ими для своего изданія [1]). Къ концу столѣтія являются уже хорошо составленные учебники, напр., книга московскаго профессора Харитона Чеботарева (1776); «Обозрѣніе Россійскія Имперіи въ нынѣшнемъ ея новоустроенномъ состояніи», флота капитана Сергѣя Плещеева (четыре изданія, 1786—1793) и др. Любопытно «Новѣйшее повѣствовательное землеописаніе всѣхъ четырехъ частей свѣта... Россійская имперія описана статистически, какъ никогда еще не бывало» (5 ч., Спб. 1795), которое было «сочинено и почерпнуто изъ вѣрнѣйшихъ источниковъ... учеными россіянами». Правда, вѣрнѣйшіе источники повели авторовъ и къ большимъ нелѣпостямъ, напр., въ разсказахъ о славянской древности, но въ книгѣ собрано было и много полезныхъ свѣденій [2]).

Упомянемъ, наконецъ, о географическихъ словаряхъ. Первый трудъ этого рода составленъ былъ (и доведенъ до буквы К) еще въ первой половинѣ столѣтія Татищевымъ,—но одно время затерялся и изданъ былъ уже только въ 1793. Академикъ Миллеръ издалъ «Географическій лексиконъ Россійскаго государства»,

[1]) Вѣроятно, исполненіемъ этого плана (впрочемъ недоконченнымъ) была „Политическая географія, сочиненная въ Сухопутномъ Шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ для употребленія учащагося въ ономъ корпусѣ шляхетства", 1758—72,—о которой см. въ книгѣ Весина, стр. 25—28.

[2]) Объ этихъ учебникахъ, подробности у Весина, стр. 49, 53, 79 и слѣд., 413—414. Объ „ученыхъ россіянахъ" у Неустроева, „Историч. розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802". Спб. 1875, стр. 534.

составленный любителемъ, воеводой города Вереи, Өедоромъ Полунинымъ, и значительно дополненный самимъ Миллеромъ (М. 1773). Затѣмъ географическій словарь Россіи явился въ многотомномъ трудѣ Льва Максимовича, послѣ еще болѣе размноженномъ въ изданіи Аөанасія Щекатова. Это были уже цѣлыя обширныя предпріятія, богатыя историческими и географическими данными о разныхъ краяхъ и мѣстностяхъ Россіи [1]. Словарь Щекатова, составленный весьма трудолюбиво по оффиціальнымъ даннымъ и по книжнымъ свѣденіямъ, въ свое время и послѣ служилъ нашимъ историкамъ обильнымъ источникомъ справокъ по исторической географіи и вообще оставался у насъ незамѣненнымъ до извѣстнаго «Географическаго Словаря» г. Семенова и его сотрудниковъ, изданнаго Географическимъ Обществомъ.

Но замѣчательнѣйшимъ фактомъ въ развитіи географическаго изученія Россіи былъ длинный рядъ ученыхъ путешествій, начинающихся, какъ выше упомянуто, еще со временъ Петра и по его иниціативѣ. По основаніи академіи наукъ, когда установились болѣе или менѣе ея внутренніе порядки и явился достаточный запасъ русскихъ ученыхъ силъ въ ея ученикахъ, ученыя экспедиціи стали однимъ изъ основныхъ предметовъ ея заботъ. Эти путешествія были дѣломъ до тѣхъ поръ небывалымъ: впервые изъ правительственнаго центра направлены были въ разные и между прочимъ отдаленнѣйшіе края государства ученые люди, которымъ поручалось собирать всевозможныя свѣдѣнія о странѣ и народѣ, о природѣ и нравахъ, объ историческомъ прошломъ и современномъ характерѣ и трудахъ населенія, его достаткахъ и недостаткахъ и т. д. Это были люди, не облеченные властью, но люди знающіе и просвѣщенные, цѣль которыхъ была научное изслѣдованіе, предназначенное для пользы правительства и общества. Мы замѣчали выше, что въ этихъ работахъ нашихъ ученыхъ равно одушевляло стремленіе служить чистой наукѣ и

[1]) „Новый и полный географическій словарь Россійскаго государства, собранный Львомъ Максимовичемъ", 6 ч. М. 1788—1789. Новая обработка этого труда, въ семи томахъ, явилась въ 1801—1808 году. Первая часть озаглавлена такъ: „Географическій словарь Россійскаго государства, сочиненный въ настоящемъ онаго видѣ". М. 1801, 4°,—безъ имени составителей на заглавномъ листѣ, но посвященіе императору Александру подписали: всеподданнѣйшіе надворный совѣтникъ Максимовичъ и коллежскій регистраторъ Щекатовъ. Вторая часть имѣетъ очень длинное заглавіе: „Словарь Географическій Россійскаго государства, описывающій азбучнымъ порядкомъ географически, топографически, идрографически, физически, исторически, политически, хронологически, генеалогически и геральдически всѣ губерніи, города и ихъ уѣзды, крѣпости, форпосты, редуты" и пр., и пр. „Собранный А. Щ.". М. 1804. Съ третьяго тома и до конца ставится имя одного Аөанасія Щекатова.

интересамъ своего общества, и большею частью они дѣйствительно исполняли свое дѣло съ великой ревностью, доходившей до настоящаго самоотверженія. Находясь тогда подъ высшимъ вѣдѣніемъ сената, академія въ этихъ дѣлахъ обыкновенно получала отъ него внимательное содѣйствіе. Тѣмъ не менѣе дѣло было нелегкое: путешественники получали достаточныя денежныя средства, подготовленныхъ сотрудниковъ изъ студентовъ академическаго университета и другихъ необходимыхъ помощниковъ, снабжаемы были сенатскими указами и т. д.; но при всемъ томъ имъ приходилось бороться съ большими затрудненіями. Не говоря о трудностяхъ самаго пути въ далекихъ, мало населенныхъ краяхъ, по первобытнымъ мѣстностямъ, путешественникамъ приходилось иногда встрѣчаться съ весьма недружелюбными мѣстными властями (напр., съ сибирскими воеводами), защищать отъ нихъ свое дѣло, испытывать неудобства отъ канцелярскихъ проволочекъ, когда притомъ донесеніе въ академію или въ сенатъ шло туда и обратно по нѣскольку мѣсяцевъ, подвергаться придиркамъ и доносамъ, и даже «слову и дѣлу». Не легко было и собираніе научныхъ свѣдѣній, когда на мѣстѣ приходилось имѣть дѣло съ людьми, которымъ былъ совершенно непонятенъ смыслъ дѣла, или просто съ людьми полудикими. Не легко было (какъ и по настоящую минуту) собираніе этнографическихъ свѣдѣній: если въ академикѣ подозрѣвали чиновника, это заставляло относиться къ нему опасливо и подозрительно.

Было бы слишкомъ длинно разсказывать исторію этихъ многочисленныхъ странствій, въ которыхъ съ самаго начала рядомъ выступали и нѣмецкія, и русскія научныя силы. Мы ограничимся только общимъ указаніемъ ихъ и остановимся ближе только на нѣсколькихъ эпизодахъ *русскихъ* путешествій, которые могутъ характеризовать отношеніе нашей науки прошлаго вѣка къ народному вопросу. Послѣ путешествій Мессершмидта, предприняты были изслѣдованія сѣверо-восточнаго края Азіи и Камчатки экспедиціями Беринга, Стеллера и Крашенинникова; далѣе большая сѣверная экспедиція для топографической съемки всего сѣвернаго берега Сибири; далѣе сибирская экспедиція Миллера и Гмелина-старшаго, къ которой относятся также труды академика Фишера; наконецъ, знаменитыя экспедиціи шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, гдѣ работали знаменитый Палласъ, Георги, Фалькъ, Гильденштедтъ, Гмелинъ-младшій, затѣмъ рядъ русскихъ ученыхъ, какъ Лепехинъ, Озерецковскій, Иноходцовъ, студенты Соколовъ, Зуевъ, Кошкаревъ, далѣе Севергинъ и др.

Какихъ трудовъ и опасностей стоили иногда эти путешествія, объ этомъ могутъ дать понятіе нѣсколько примѣровъ. Нечего говорить о томъ, какъ тяжки были полярныя экспедиціи или странствованія въ Камчатку и по (неизвѣстному еще) Охотскому морю, въ сибирскихъ пустыняхъ, восточно-русскихъ степяхъ. Многіе изъ изслѣдователей заплатили за свое дѣло жизнью. Берингъ, сдѣлавши свое открытіе, что Азія не сошлась съ Америкой, потерпѣлъ кораблекрушеніе и умеръ отъ лишеній на необитаемомъ островѣ Охотскаго моря, куда спасся со своими спутниками. Академикъ Стеллеръ, который былъ въ числѣ спутниковъ Беринга и во время путешествія долженъ былъ выносить всякія притѣсненія отъ враждебнаго ему капитана, провелъ жестокую зиму на томъ же островѣ послѣ кораблекрушенія, не переставая дѣлать ученыя наблюденія; потомъ, въ Сибири подвергся кляузному доносу, вслѣдствіе котораго уже на возвратномъ пути въ Россію былъ арестованъ въ Соликамскѣ для отправки подъ конвоемъ обратно въ Иркутскъ для допроса, на пути догнало его оправданіе, и предпринявъ снова обратную дорогу въ Петербургъ, онъ умеръ въ Тюмени послѣ девяти-лѣтняго путешествія (1737—1746). Гмелинъ-младшій, возвращаясь изъ своего путешествія по юго-восточной Россіи и Персіи, былъ захваченъ татарами и умеръ въ плѣну въ 1774. Исторія трудовъ астронома Ловица и его спутника и сотрудника Иноходцова была рядомъ подвиговъ самоотверженія на пользу науки. Странствуя въ степяхъ нижней Волги, ученые подвергались всевозможнымъ лишеніямъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ,—разсказываетъ біографъ Иноходцова,—съ ранней весны и до поздней осени, Ловицъ и Иноходцовъ дѣлались обитателями песчаныхъ степей, поселялись въ палаткахъ, окружали себя научными снарядами и работали неутомимо, подвергаясь разнаго рода невзгодамъ и одолѣвая препятствія и затрудненія. Самыя приготовленія къ ученымъ работамъ требовали многихъ и многихъ усилій. Нигдѣ въ окрестностяхъ нельзя было найти мастера для устройства и починки инструментовъ, и Ловицъ долженъ былъ обратиться въ чернорабочаго и дѣлать все собственными руками. Трудно исчислить всѣ бѣды, большія и малыя, которыя насылались на нашихъ путешественниковъ и силою негостепріимной природы и враждебною волею людей. Палящій зной степей, доходившій въ срединѣ лѣта до тридцати-пяти градусовъ въ тѣни, и въ противоположность ему весенніе и осенніе холода дѣйствовали разрушительно на здоровье, такъ что палатка астрономовъ часто обращалась въ лазаретъ. Степные вѣтры заносили песками наблюдательные пункты, поражая и глаза, и

легкія наблюдателей. Едва только наладили они свои инструменты и горячо принялись за дѣло, надъ степью разразился страшный ураганъ, снесшій палатку и разметавшій всѣ инструменты. Но еще горшая бѣда угрожала въ будущемъ, и шла уже не отъ природы, а отъ людей, которыми впрочемъ владѣла въ ту минуту стихійная сила. Все Поволжье было взволновано пугачевцами [1]). Извѣстно, что Ловицъ былъ захваченъ и убитъ пугачевцами въ 1774 г. Иноходцовъ едва спасся отъ той же участи.

Переходя къ самымъ путешествіямъ, и сначала къ нѣмецкимъ, мы не будемъ останавливаться на подробностяхъ странствій и частныхъ научныхъ результатахъ; намъ важно указать ихъ общее значеніе и личное отношеніе ученыхъ русскихъ и нерусскихъ къ своему дѣлу, отношеніе научное и нравственное [2]). Если гдѣ имѣютъ смыслъ слова: преданность наукѣ, служеніе пользѣ общества и народа, то они именно съ полнымъ правомъ могутъ быть употреблены о трудахъ нашихъ путешественниковъ прошлаго вѣка.

Таковъ былъ Георгъ-Вильгельмъ Стеллеръ (1709—1746), извѣстный своими путешествіями въ Камчаткѣ въ связи съ экспедиціей Беринга. Молодой нѣмецкій «гелертеръ», натуралистъ и медикъ, Стеллеръ не былъ вызываемъ въ академію и попалъ въ Петербургъ довольно случайно, посланный сюда изъ-подъ Данцига съ больными русскими солдатами; въ Петербургѣ, живой, веселый и ученый Стеллеръ полюбился Ѳеофану Прокоповичу, черезъ котораго и вступилъ въ отношенія съ академіей наукъ. Въ 1737 г. онъ по «контракту» съ академіей причисленъ былъ къ камчатской экспедиціи и отправился въ путь. Гмелинъ-старшій, съ которымъ Стеллеръ познакомился уже въ Сибири, въ описаніи своего путешествія разсказываетъ, какъ онъ былъ радъ назначенію Стеллера. «Мы очень обрадовались, — говоритъ онъ о себѣ и Миллерѣ,—что этотъ даровитый человѣкъ, послѣ краткаго пребыванія у насъ, достаточно показалъ, что онъ былъ въ силахъ совершить такое великое дѣло и добровольно самъ предложилъ себя для выполненія его». Гмелинъ замѣчаетъ «откровенно», что если бы онъ, Гмелинъ, взялся за это предпріятіе, т.-е. путешествіе въ Камчатку, то экспедиція обошлась бы ея величеству гораздо дороже, такъ какъ онъ не удовлетворился бы такими

[1]) Исторія Росс. Академіи, III, стр. 194—195.

[2]) Исторія этихъ путешествій еще не собрана въ цѣлое; но въ отдѣльности многія изъ нихъ пересказаны въ академическихъ исторіяхъ Пекарскаго и Сухомлинова.

скромными средствами, какими удовольствовался Стеллеръ. По разсказамъ Гмелина и по оффиціальнымъ свѣденіямъ, характеръ Стеллера представляется въ очень оригинальныхъ и привлекательныхъ чертахъ человѣка простого, трудолюбиваго, подвижнаго и беззавѣтно-преданнаго своему дѣлу, притомъ человѣка съ недюжинными дарованіями ученаго. «Мы могли, — продолжаетъ опять Гмелинъ,—сколько намъ было угодно представлять Стеллеру о всѣхъ чрезвычайныхъ невзгодахъ, ожидавшихъ его въ этомъ путешествіи,—это ему служило только бо̀льшимъ побужденіемъ къ тому трудному предпріятію, къ которому совершенное имъ до сихъ поръ путешествіе (отъ Петербурга до Енисейска, гдѣ онъ встрѣтился съ Гмелиномъ) служило только какъ бы подготовкою. Онъ вовсе не былъ обремененъ платьемъ. Если кто принужденъ возить съ собою по Сибири хозяйство, то оно должно быть устроено въ такихъ малыхъ размѣрахъ, въ какихъ только это возможно. У Стеллера былъ одинъ сосудъ для питья и пива, и меда, и водки. Вина ему вовсе не требовалось. Онъ имѣлъ одну посудину, изъ которой ѣлъ и въ которой готовили всѣ его кушанья: причемъ онъ не употреблялъ никакого повара. Онъ стряпалъ все самъ, и это опять съ такими малыми затѣями, что супъ, зелень и говядина клались разомъ въ одинъ и тотъ же горшокъ и такимъ образомъ варились. Въ рабочей комнатѣ Стеллеръ легко могъ переносить чадъ отъ стряпни. Ни парика, ни пудры онъ не употреблялъ, и всякій сапогъ, и башмакъ были ему въ пору. При этомъ его нисколько не огорчали лишенія въ жизни; всегда онъ былъ въ хорошемъ расположеніи духа, и чѣмъ болѣе было вокругъ него кутерьмы, тѣмъ веселѣе становился онъ. У него не было печалей, кромѣ одной, но отъ нея онъ хотѣлъ отдѣлаться, и, слѣдовательно, она служила ему болѣе побужденіемъ предпринимать все, чтобы только забыть ее. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы примѣтили, что, не смотря на всю безпорядочность, высказываемую имъ въ его образѣ жизни, онъ, однако, при производствѣ наблюденій былъ чрезвычайно точенъ и неутомимъ во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ; такъ что въ этомъ отношеніи у насъ не было ни малѣйшаго безпокойства. Ему было ни почемъ проголодать цѣлый день безъ ѣды и питья, когда онъ могъ совершить что-нибудь на пользу науки [1])».

Встрѣтившись въ Сибири съ сотрудникомъ Беринга, капитаномъ Шпангебергомъ, которому велѣно было отправиться къ берегамъ Японіи, Стеллеръ очень желалъ участвовать въ этомъ

[1]) J. G. Gmelin's Reise durch Sibirien, Göttingen, 1751—52, III, стр. 175—183.

путешествіи и, объясняя въ просьбѣ къ сенату свои ученые планы, о самомъ себѣ выражался: «я, какъ силою, здравіемъ, а паче несказаннымъ желаніемъ ко всякимъ трудностямъ и трудамъ *какъ водою влекомъ*, и притомъ намѣренъ я въ тѣхъ новоизобрѣтенныхъ мѣстахъ побывать, понеже безъ того едва быть можетъ чтобъ туда кто не былъ отправленъ». Изъ приведеннаго разсказа Гмелина видно, что это не было у Стеллера фразой, а настоящей правдой. Присоединившись къ Берингу, Стеллеръ долженъ былъ вынести отъ этого моряка не мало грубыхъ притѣсненій, но не унывалъ, и когда наши мореплаватели потерпѣли кораблекрушеніе и должны были зимовать на одномъ изъ необитаемыхъ Алеутскихъ островов (названномъ послѣ Беринговымъ), Стеллеръ, не смотря на холодъ, голодъ и всякія лишенія, не падалъ духомъ, исполнялъ должности то лекаря, то повара, таскалъ съ другими прибиваемый моремъ лѣсъ для топлива и т.-п. и въ то же время не покидалъ своихъ ученыхъ трудовъ и написалъ здѣсь свое знаменитое изслѣдованіе de bestiis marinis. Выбравшись съ острова, онъ странствовалъ въ Камчаткѣ, гдѣ между прочимъ производилъ изслѣдованія о способахъ мѣстнаго питанія (одною рыбою, корнемъ растенія сарана, безъ хлѣба) на самомъ себѣ. «Едва на Камчатку прибылъ,—говоритъ Стеллеръ,—не для скупости, но для любопытства, самовольно чрезъ четыре недѣли опытъ учинилъ: держалъ себя отъ хлѣбнаго корму, нанявъ одного изъ тамошнихъ служивыхъ, чтобъ довольствовалъ меня тѣмъ кормомъ, который они сами имѣютъ, дабы я могъ знать, чтó у нихъ видѣлъ, и самъ бы тожъ при случаѣ (какъ и нынѣ случилось) сказать могъ. И отъ употребленія по тамошнему обыкновенію корму никакой скуки себѣ не имѣлъ» и т. д. [1]).

Труды Герарда-Фридриха или Өедора Ивановича Миллера (1705—1784) для русской исторіи, географіи и научно-популярной литературы такъ извѣстны, что нѣтъ надобности особенно на нихъ останавливаться. Пріѣхавши въ Россію 20-лѣтнимъ юношей, по вызову Коля, Миллеръ усердно принялся за трудъ и уже въ 1732 году издалъ первый томъ своего извѣстнаго сборника по русской исторіи «Sammlung russischer Geschichte», а

[1]) Труды Стеллера печатались послѣ его смерти въ академическихъ „Комментаріяхъ", въ „Neue nordische Beyträge" Палласа и отдѣльными книгами: Beschreibung von dem Lande Kamtschatka... herausgegeben von J. B. S. (cherer). Franckf. und Leipz., 1774; Reise von Kamtschatka nach Amerika mit Bering. Ein Pendant zu dessen Beschreibung von Kamtschatka. St.-Pet. 1793. Его біографія въ „Исторіи Ак. Н.", I, 587—616, тамъ же отзывы новѣйшихъ ученыхъ о достоинствѣ трудовъ Стеллера.

въ 1733 уже началъ извѣстное сибирское путешествіе, продолжавшееся 10 лѣтъ (1733—1743). Охоту къ сибирскому путешествію возбудилъ въ немъ капитанъ Берингъ, съ которымъ Миллеръ былъ хорошо знакомъ, и обстоятельства помогли осуществиться этому желанію. Путешествіе оказалось далеко не легкимъ, но «никогда потомъ не имѣлъ я,—говоритъ Миллеръ,—повода раскаяваться въ моей рѣшимости, даже и во время тяжкой моей болѣзни, которую выдержалъ въ Сибири. Скорѣе видѣлъ я въ томъ какъ бы предопредѣленіе, потому что этимъ путешествіемъ впервые сдѣлался *полезнымъ россійскому государству*, и безъ этихъ странствій мнѣ было бы трудно добыть пріобрѣтенныя мною знанія». Въ какомъ настроеніи приступалъ онъ къ своему ученому дѣлу, о томъ даютъ понятіе слова его въ русскомъ рукописномъ описаніи сибирскаго путешествія. Путь по рѣкѣ Иртышу былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ во всемъ его странствіи. «Въ то время,—говоритъ онъ о себѣ и Гмелинѣ,—были мы еще *въ первомъ жару*, ибо неспокойствія, недостатки и опасности утрудить насъ еще не могли. Мы заѣхали въ такія страны, которыя отъ натуры своими преимуществами многія другія весьма превосходятъ, и для насъ почти все, чтб мы ни видѣли, новое было. Мы подлинно зашли въ *наполненный цвѣтами вертоградъ*, гдѣ по большей части растутъ незнаемыя травы;—въ звѣринецъ, гдѣ мы самыхъ рѣдкихъ азіатскихъ звѣрей въ великомъ множествѣ передъ собою видѣли;—въ кабинетъ древнихъ языческихъ кладбищъ и тамо хранящихся разныхъ достопамятныхъ монументовъ. Словомъ—мы находились въ такой странѣ, гдѣ прежде насъ еще никто не бывалъ, который бы о сихъ мѣстахъ свѣту извѣстіе сообщить могъ. А сей поводъ къ *произведенію новыхъ испытаній и изобрѣтеній въ наукахъ* служилъ намъ неинако какъ съ крайнею пріятностью». Не обошлось, конечно, безъ такихъ вещей, которыя должны были очень охлаждать жаръ: кромѣ трудностей пути пришлось испытать разныя каверзы отъ сибирскихъ начальствъ, напр., въ особенности отъ сибирскаго губернатора Плещеева; но это не помѣшало Миллеру собрать изъ сибирскихъ архивовъ громадный историческій матеріалъ. Этотъ матеріалъ послужилъ основаніемъ для первой сибирской исторіи, начатой Миллеромъ и продолженный академикомъ Фишеромъ, и впослѣдствіи служилъ для изданій самого Миллера и другихъ ученыхъ: изъ этого матеріала черпали князь Щербатовъ въ своей «Исторіи», Новиковъ въ своей «Древней Вивліоѳикѣ», позднѣе издатели Румянцовскаго «Собранія Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ»; этотъ матеріалъ не былъ

истощенъ даже нынѣшней археографической коммиссіей. Мы скажемъ дальше объ историческихъ понятіяхъ Миллера и упомянемъ здѣсь еще только объ его историко-географическихъ изслѣдованіяхъ во внутренней Россіи, примыкающихъ къ категоріи мѣстныхъ изысканій [1]).

Однимъ изъ знаменитѣйшихъ именъ въ этой области изслѣдованій было имя Іоганна-Георга Гмелина старшаго (1709—1755). Сынъ нѣмецкаго аптекаря и хорошаго натуралиста, Гмелинъ очень молодымъ юношей кончилъ курсъ въ тюбингенскомъ университетѣ, защитилъ тамъ двѣ медицинскія диссертаціи и 18-ти лѣтъ пріѣхалъ, по совѣту одного изъ первыхъ академиковъ, Бильфингера, въ Петербургъ, гдѣ для него тотчасъ нашлось ученое дѣло при академіи. Въ 1731, онъ сдѣланъ былъ профессоромъ химіи и натуральной исторіи, а въ 1733 назначенъ въ сибирскую экспедицію, продолжавшуюся десять лѣтъ, и гдѣ товарищемъ его былъ Миллеръ. Это путешествіе составило ученую славу Гмелина: результатомъ его было донынѣ высоко цѣнимое спеціалистами сочиненіе о сибирской флорѣ и описаніе самаго путешествія, изданное имъ уже за границей. По окончаніи путешествія Гмелинъ недолго оставался въ Россіи и вернулся на родину въ Тюбингенъ, гдѣ ему была предложена профессура. «Путешествіе» Гмелина, которымъ къ сожалѣнію мало пользовались русскіе изслѣдователи, чрезвычайно замѣчательно по богатству свѣдѣній о мѣстномъ бытѣ, по внимательности и точности разнообразныхъ наблюденій, любопытныхъ тѣмъ болѣе, что они дѣлались въ такое время, когда еще не изгладились воспоминанія о первомъ завоеваніи Сибири и еще замѣтна была враждебность между русскими и туземцами. Свое сочиненіе онъ предпочелъ напечатать за границей, и по мнѣнію новѣйшаго историка академіи наукъ прекрасно сдѣлалъ, потому что тогдашняя мелочная цензурная придирчивость, съ какой смотрѣли въ Россіи на все печатное, не позволила бы ему сохранить своего труда неприкосновеннымъ. По выходѣ въ свѣтъ, книга Гмелина и не преминула вызвать въ Россіи строгія осужденія, и въ академіи былъ поднятъ вопросъ о разсмотрѣніи этого сочиненія, чтобы разыскать, «что въ немъ излишняго, непристойнаго и сумнительнаго находится» [2]).

[1]) Пекарскій, Ист. Акад. Н., I, стр. 418—424.

[2]) Flora Sibirica, 4 т., St.-Pet. 1747—1769; Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1748, 4 т., Göttingen, 1751—1752. Голландскій переводъ 1752—1757; французскій 1767. Англійское извлеченіе въ сборникѣ, извѣстномъ намъ по нѣмецкому переводу: Sammlung der besten und neuesten Reisebeschreibungen in

Очень извѣстны также труды Самуила-Георга Гмелина-младшаго (1744—1774). Это былъ племянникъ Іоганна-Георга, такъ же рано начавшій свою ученую карьеру: въ 1763 онъ получилъ докторство въ Тюбингенѣ, въ 1767 приглашенъ въ Петербургскую академію, а въ слѣдующемъ году, одновременно съ Палласомъ, Лепехинымъ, Фалькомъ и другими, началъ свое путешествіе по юго-востоку Россіи, закончившееся смертью въ плѣну. Онъ странствовалъ по Дону, Волгѣ, по южному и западному берегу Каспійскаго моря [1]).

Назовемъ далѣе академика Іоганна-Петра Фалька, родомъ шведа, принявшаго участіе въ большой экспедиціи, отправленной въ 1768, и умершаго въ семидесятыхъ годахъ [2]); трудолюбиваго Іоганна-Готтфрида Георги [3]); А. І. Гильденштедта, который принялъ участіе въ той же экспедиціи 1768, проѣхалъ центральную и юго-восточную Россію и много странствовалъ по Кавказу [4]); наконецъ, названнаго ранѣе Іоганна-Эбергарда Фи-

einem ausführlichen Auszuge etc. Aus dem Englãndischen übersetzt, 19 т., Berlin, изд. Миліуса, въ 1760—1770-хъ годахъ. Здѣсь т. V, 1767: Reisen durch Sibirien aus denen Beschreibungen Gmelins und Müllers, стр. 63—249. Біографія у Пекарскаго, Исторія Акад. Н., I, стр. 431—457.

[1]) Reise durch Russland zur Untersuchung der drey Natur-Reiche, 4 т., St.-Pet. 1770—1784. Извлеченіе въ томъ же Sammlung der besten und neuesten Reisebeschreibungen, Миліуса, т. XII, 1774 и т. XVIII, 1778, и также въ Sammlung russischer Reisen oder Geschichten der neuesten Entdeckungen im russischen und persischen Reiche, etc. Aus den kostbaren und seltenen Werken Pallas, Gmelin, Georgi, Lepechin, Falk, etc. ausgezogen. 6 томовъ, Bern, 2-te Ausgabe, 1795. Русскій переводъ: Путешествіе по Россіи для изслѣдованія трехъ царствъ естества, въ 1768—1771; 4 части, Спб. 1773—1785; 2-е изд. первой части, 1806.

[2]) Beyträge zur topographischen Kenntniss des russischen Reichs, 3 т., St.-Pet., 1785—1786; Reise in Russland. In einem ausführlichen Auszuge mit Anmerkungen von J. A. Martyni-Laguna. Berlin, 1794. Русскій переводъ: Записки путешествія Фалька, съ приложеніемъ двухъ атласовъ, въ „Полномъ собраніи ученыхъ путешествій по Россіи“, изд. Акад. Н., 7 ч. Спб. 1818—1825.

[3]) Bemerkungen einer Reise im russischen Reich im Jahre 1772, St.-Pet. 1775; тоже—in den Jahren 1773 und 1774, тамъ же, 1775; Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion... und übrigen Merkwürdigkeiten. 4 кн., St.-Pet. 1776 — 1780; тоже: Russland, Beschreibung и проч., два тома, Leipzig 1783; французскій пер. Спб. 1776; Versuch einer Beschreibung der Residenzstadt St.-Petersburg und der Merkwürdigkeiten der Gegend. 2 тома, Спб. 1790; 2-е изд. Рига, 1793; французскій пер. Спб. 1793; Geographisch-physikalische und naturhistorische Beschreibung des Russischen Reichs, 7 томовъ, Königsberg, 1797 - 1802. Русскіе переводы: Описаніе всѣхъ въ Россійскомъ государствѣ обитающихъ народовъ, пер. съ нѣм., 3 части, Спб. 1776—1777; 2-е изд., исправл. и доп., 4 части, Спб. 1799; Описаніе столичнаго города Санктпетербурга, 3 части, Спб. 1794.

[4]) Betrachtungen über die natürlichen Produkten Russlands, zur Unterhaltung eines beständigen Uebergewichts im auswärtigen Handel. Frankf. und Leipz. 1778;

шера (1697—1771), путешествовавшаго въ Сибири въ 1739—1747).

Но, быть можетъ, величайшая заслуга въ этихъ путешествіяхъ и описаніяхъ Россіи принадлежитъ знаменитому Палласу (1741—1811). Петръ-Симонъ Палласъ, сынъ берлинскаго медика, очень рано заявилъ свои научныя силы; юношей 19-ти лѣтъ онъ защищалъ въ лейденскомъ университетѣ свою диссертацію по зоологіи, которая произвела въ ученомъ мірѣ большое впечатлѣніе. Ученая дѣятельность его дала ему мѣсто между величайшими естествоиспытателями прошлаго вѣка; его изслѣдованія распространялись на самыя разнообразныя отрасли естествознанія, касаясь самыхъ глубокихъ теоретическихъ его основаній, и вмѣстѣ съ тѣмъ на предметы этнографіи и исторіи, гдѣ имъ затронуто было также не мало важныхъ и новыхъ вопросовъ. Вызванный въ Россію въ 1768 году, Палласъ отправился тогда же въ сибирское путешествіе, гдѣ ученымъ предстояло тогда любопытное наблюденіе надъ прохожденіемъ Венеры черезъ дискъ солнца. Въ результатѣ этого и другихъ путешествій Палласа по Россіи и иныхъ изслѣдованій явился длинный рядъ трудовъ, доставившихъ его имени европейскую славу и послужившихъ богатымъ вкладомъ въ физическое, этнографическое и историческое изученіе Россіи [1]). Для нашихъ ученыхъ путешествен-

---

Reisen durch Russland und im caucasischen Gebürge. Herausgegeben von Pallas. 2 тома, St.-Pet. 1787—1791; Reisen nach Georgien und Imerethi. Aus seinen Papieren gänzlich umgearbeitet und mit Anmerkungen begleitet von Jul. von Klaproth. Berlin, 1815; Beschreibung der Kaukasischen Länder. Aus seinen Papieren umgearbeitet von Jul. Klaproth, Berlin, 1834. Русскій переводъ Германа: Географическое и статистическое описаніе Грузіи и Кавказа, изъ путешествія академика Гильденштедта, чрезъ Россію и по кавказскимъ горамъ, 1770—1773, Спб. 1809. Въ свое время обстоятельныя свѣденія объ этихъ путешествіяхъ сообщались Бакмейстеромъ въ его „Russische Bibliothek".

[1]) Не касаясь его спеціальныхъ сочиненій по естествознанію, какъ знаменитая „Flora rossica" (1784—1788), „Zoographia rosso-asiatica" (1811) и др., назовемъ лишь тѣ, которыя представляютъ болѣе общій интересъ:

Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs, 3 тома, St.-Pet., 1771—1776 (нѣсколько изданій, нѣмецкихъ и французскихъ 1785—1794, итальянскій переводъ 1816; извлеченія: въ Voyages en Sibérie, Berne, 1791 и въ упомянутыхъ сборникахъ — Sammlung der besten und neuesten Reisebeschreibungen, Миліуса, т. XII, 1774 и т. XIX, 1774, и въ Sammlung russischer Reisen, Bern, 1795); Sammlung historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, 2 тома, St.-Pet., 1776—1801; 2-е изд. Франкфуртъ и Лейпцигъ, 1779; Betrachtungen über die Beschaffenheit der Gebürge und die Veränderungen der Erdkugel, besonders in Beziehung auf das russische Reich. St.-Pet., 1777; 2-е изд. 1778; французскій пер. 1777; Neue nordische Beiträge, 7 томовъ, St.-Pet. и Leipz. 1781—1796; Tableau physique et topographique de la Tauride, St.-Pet. 1795, потомъ 1796, 1798,

никовъ того времени молодой Палласъ былъ уже авторитетнымъ руководителемъ.

Перечисленныя предпріятія и другія путешествія, совершенныя русскими учеными и къ которымъ мы теперь перейдемъ, имѣли великое значеніе и для науки вообще, и въ частности для интересовъ русскаго просвѣщенія и практической государственной пользы. «Путешествія, — говоритъ Риттеръ въ «Землевѣденіи Азіи»,—путешествія, которыя, вслѣдствіе Мессершмидтова, петербургская академія, не щадя издержекъ, устраивала, при вспомоществованіяхъ императрицъ Анны, Елисаветы и Екатерины II, должно причислить къ самымъ блестящимъ и успѣшнымъ предпріятіямъ для науки, просвѣщенія и народнаго благополучія Россіи... Это обширное государство, только посредствомъ такихъ путешествій, могло достигнуть до самопознанія и самосознанія своихъ частей, природныхъ силъ и ихъ благотворнаго употребленія для своихъ подданныхъ» [1]). Это значеніе ученыхъ экспедицій XVIII вѣка было тѣмъ болѣе дѣйствительно, что въ нихъ съ самаго начала принимали дѣятельное участіе русскія силы. Въ ряду ихъ упомянемъ прежде всего тѣхъ петровскихъ геодезистовъ, которые работали надъ сочиненіемъ первыхъ правильныхъ русскихъ ландкартъ. Выше мы называли издателя перваго географическаго атласа Россіи, Кирилова. Это былъ сенатскій оберъ-секретарь Иванъ Кириловичъ Кириловъ, о патріотической ревности котораго приводимъ слова Миллера; онъ называетъ его главнѣйшимъ двигателемъ дѣла о второй камчатской экспедиціи Беринга: «Кириловъ былъ великій патріотъ и любитель географическихъ и статистическихъ свѣдѣній. Онъ былъ знакомъ съ капитаномъ Берингомъ, который, вмѣстѣ съ двумя своими лейтенантами, Шпангебергомъ и Чириковымъ, изъявилъ готовность предпринять второе путешествіе. Кириловъ составилъ записку о выгодахъ, которыя могла изъ того извлечь Россія, и присоединилъ притомъ другія предположенія о расширеніи русской торговли до Бухаріи и Индіи, что̀ потомъ подало поводъ къ воз-

нѣм. пер. St.-Pet. 1796; Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jahren 1793—1794, 2 тома, Leipzig, 1799—1801 2-е изд. 1803; нѣсколько изданій французскаго перевода 1799 — 1801, и англійскаго, 1802 — 1803. Русскіе переводы: Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійскаго государства, пер. съ нѣм. Өедора Томанскаго и Василія Зуева, 5 томовъ, Спб. 1773—1788; 2-е изд. 1-го тома, 1809; Краткое физическое и топографическое описаніе Таврической области, пер. съ фр. Ивана Рижскаго, Спб. 1795.

[1]) „Землевѣденіе Азіи", пер. Семенова, II, 344. Ср. Исторію Росс. Акад. II, 247; IV, стр. 4 и слѣд.; Щапова, Соц.-педагог. условія умств. развитія рус. народа, Спб. 1870, стр. 170 и слѣд.

никновенію извѣстной оренбургской экспедиціи, которою онъ самъ начальствовалъ и при которой онъ умеръ въ 1737 году» [1]).

Назовемъ дальше Степана Крашенинникова (1712—1755), автора знаменитаго описанія Камчатки: въ 1733 онъ, будучи студентомъ академіи, отправился въ извѣстную сибирскую экспедицію, въ 1736 поѣхалъ въ Камчатку, куда не могли отправиться сами академики, и возвратился въ Петербургъ въ 1743 [2]).

Въ 1768 году академіей предпринятъ былъ обширный планъ ученыхъ экспедицій во всѣ края Россіи, для изслѣдованій естественно-научныхъ, этнографическихъ, археологическихъ и т. д. Эти экспедиціи составляютъ одинъ изъ лучшихъ фактовъ во всей исторіи академіи наукъ и вообще въ исторіи русскаго образованія. Экспедиціи направились на сѣверъ, востокъ и югъ Россіи, въ края вообще мало извѣстные, а на востокѣ и югѣ едва только присоединенные къ Россіи; исполнителями были авторитетные ученые нѣмецкіе и русскіе. Знаменитѣйшимъ дѣятелемъ этихъ экспедицій былъ Палласъ, затѣмъ Георги, Фалькъ, Гильденштедтъ, Ловицъ, затѣмъ русскіе — Лепехинъ, Озерецковскій, Зуевъ, Иноходцовъ, Соколовъ.

Замѣчательнѣйшимъ изъ русскихъ путешественниковъ былъ Иванъ Ивановичъ Лепехинъ (1740—1802). Сынъ семеновскаго солдата, Лепехинъ учился въ академической гимназіи и университетѣ до 1762 года, затѣмъ посланъ былъ въ страсбургскій университетъ, гдѣ пробылъ до 1767, занимаясь разными отраслями естествознанія и медициной; онъ получилъ тамъ степень доктора медицины, и въ 1768, по возвращеніи въ Петербургъ, былъ выбранъ въ адъюнкты, а въ 1771—въ академики. Въ то же время онъ началъ свои путешествія, изъ которыхъ одно продолжалось съ половины 1768 до половины 1772, а другое сдѣлано было въ 1773. Результатомъ путешествія были многотомныя

---

[1]) О Кирилловѣ см. Пекарскаго, жизнь Рычкова стр. 5 и сл.; Исторія Акад. Н., I, 320; Устрялова, Исторія Петра В., т. I, стр. LIX; Свенске, Матеріалы для исторіи составленія атласа росс. имперіи, изданнаго Имп. Академіею Наукъ въ 1745 году. Спб. 1866 (изъ IX тома „Записокъ Ак. Н.“); Бестужева-Рюмина, Біографіи и характеристики, Спб. 1882, стр. 38 и сл.

[2]) „Описаніе земли Камчатки“, издано Миллеромъ съ его предисловіемъ и двумя картами, 2 ч., Спб. 1755, 2-е изд. 1786, 3-е изд. въ „Полномъ собраніи ученыхъ путешествій по Россіи“, ч. I, Спб. 1818. Англійскій переводъ, Glocester, 1764; нѣмецкій (сдѣланный съ англійскаго), Lemgo, 1766, (два изданія); французскій переводъ, Lyon, 1767, и другой, 1768; голландскій, Haerlem, 1770. Извлеченіе въ Sammlung der besten und neuesten Reisebeschreibungen. Миліуса, т. V, 1767, стр. 250—301. — Отзывы тогдашнихъ иностранныхъ ученыхъ о Крашенинниковѣ см. у Пекарскаго, Исторія Акад. Н., I, 608, 611.

«Дневныя Записки», которыя составили его главную ученую и литературную заслугу. На разнообразномъ ихъ содержаніи мы остановимся далѣе [1]).

Другимъ замѣчательнымъ путешественникомъ былъ Ник. Як. Озерецковскій (1750—1827). Сынъ сельскаго священника, онъ учился въ троицкой семинаріи, въ 1767 былъ вызванъ въ академическій университетъ и уже въ слѣдующемъ году, въ качествѣ студента академіи, сдѣлался спутникомъ Лепехина на все время его странствій, 1768—1773. Годы 1774—1779 Озерецковскій провелъ за границей и продолжалъ свои естественно-научныя занятія сначала въ Лейденѣ, потомъ въ Страсбургѣ, гдѣ и получилъ степень доктора медицины. По возвращеніи въ Россію въ 1779, онъ былъ назначенъ адъюнктомъ, а въ 1782 академикомъ. Во время путешествія съ Лепехинымъ Озерецковскій не разъ совершалъ по его указанію самостоятельныя поѣздки и вообще объѣхалъ много мѣстностей на юго-востокѣ и сѣверѣ Россіи, отъ Архангельска до Астрахани. Впослѣдствіи онъ дѣлалъ другія путешествія на Ладожское и Онежское озера, къ верховьямъ Волги, въ Новгородскій край, и въ описаніи своихъ поѣздокъ собралъ очень много важнаго матеріала естественно-научнаго, этнографическаго и историческаго [2]).

Астрономъ и физикъ Петръ Борис. Иноходцовъ (1742—1806), сынъ преображенскаго солдата, учился въ академической гимназіи и университетѣ, потомъ посланъ былъ за границу и, вернув-

---

[1]) Дневныя Записки путешествія по разнымъ провинціямъ россійскаго государства, въ 1768—1771 годахъ, 3 ч. Спб. 1771—1780; 2-е изд. тамъ же, 1795—1814; 4-й томъ „Записокъ", заключающій путешествіе 1772, изданъ былъ уже послѣ смерти Лепехина, Спб. 1805—Humanissimo Lepechinii genio sacrum. Печатаніе 4-го тома начато было самимъ Лепехинымъ и доведено до 80 страницъ; по смерти его рукописи не нашлось, и съ 81-й страницы идетъ разсказъ Озерецковскаго (до 419; далѣе, двѣ отдѣльныя записки, Крестинина и Ѳомина). Послѣднее изданіе записокъ Лепехина въ книгѣ: „Полное Собраніе ученыхъ путешествій по Россіи, издаваемое Академіею Наукъ", вмѣстѣ съ соч. Крашенинникова и Фалька, Спб. 1818—1825, 7 ч. Далѣе: „Словарь минералогическій, на нѣмецкомъ, россійскомъ и латинскомъ языкахъ", изданный Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ, Спб. 1770. Нѣмецкій переводъ „Дневныхъ Записокъ", 3 тома, Altenburg, 1774—1783. Извлеченія въ Sammlung russischer Reisen, Bern, 1795. Подробныя свѣденія о жизни и ученой дѣятельности Лепехина въ Исторіи Росс. Акад., Сухомлинова, т. II (Сборникъ Академіи, т. XIV), стр. 157—299 и др.

[2]) Путешествіе по озерамъ: Ладожскому и Онежскому, Спб. 1792; Описаніе Колы и Астрахани, Спб. 1804; Обозрѣніе мѣстъ отъ Санктпетербурга до Старой Русы и на обратномъ пути, Спб. 1808; путешествіе на озеро Селигеръ, Спб. 1817. Подробныя свѣденія о жизни и дѣятельности Озерецковскаго въ Исторіи Росс. Акад., т. II, стр. 299—388, 525—542, 574—582.

шись, принялъ участіе въ большой академической экспедиціи, въ которой онъ странствовалъ вмѣстѣ съ Ловицомъ по востоку и юго-востоку Россіи, на Уралѣ и Волгѣ, въ 1769—1775. Мы упоминали выше, что Ловицъ былъ убитъ во время этого путешествія; Иноходцовъ едва спасся отъ подобной участи заблаговременнымъ бѣгствомъ. Впослѣдствіи Иноходцовъ совершилъ другую большую поѣздку въ 1781—1785 по разнымъ краямъ европейской Россіи для астрономическаго опредѣленія мѣстностей. Его работы были весьма разнообразны, простираясь на астрономію, геодезію, физику, минералогію, географію, а также на исторію и этнографію [1]).

Натуралистъ и медикъ, Никита Петр. Соколовъ (1748—1795), сынъ сельскаго пономаря, учился въ семинаріи, и только-что поступивъ въ академію студентомъ, назначенъ былъ вскорѣ въ оренбургскую экспедицію, «подъ команду» профессора Палласа, и провелъ въ этой экспедиціи шесть лѣтъ, до 1774 года. Затѣмъ онъ былъ посланъ за границу, откуда вернулся въ 1780, получивъ въ Страсбургѣ степень доктора медицины; въ 1783 онъ былъ назначенъ адъюнктомъ, а въ 1787 членомъ академіи. Въ экспедиціи Соколовъ былъ дѣятельнымъ и разумнымъ помощникомъ своего профессора. Задача была не изъ легкихъ. Молодой профессоръ и еще болѣе молодой сотрудникъ его должны были вынести не мало опасностей и лишеній, и Палласъ отдаетъ великую похвалу трудамъ и характеру своего помощника, которому не разъ поручалъ отдѣльныя путешествія и наблюденія. Путевыя записки Соколова въ извлеченіяхъ вошли въ книгу Палласа, гдѣ многія страницы, по указанію послѣдняго, принадлежатъ Соколову. Путешествіе, какъ мы сказали, было не легкое. «*Блаженство видѣть натуру* въ самомъ ея бытіи, — говоритъ Палласъ, — гдѣ человѣкъ весьма мало отъ нея отшибся, и ей учиться служило мнѣ за утраченную при томъ юность и здоровье изряднѣйшимъ награжденіемъ, котораго отъ меня никакая зависть не отыметъ»! Онъ не разъ говоритъ о тѣхъ трудностяхъ, какія переносилъ Соколовъ, странствуя въ непроходимыхъ дебряхъ, горахъ и безводныхъ пустыняхъ Урала и Западной Сибири [2]).

Упомянемъ еще «Путешественныя записки Василья Зуева отъ С.-Петербурга до Херсона въ 1781 и 1782 году» Спб.

[1]) Не упоминая объ его спеціальныхъ работахъ, отмѣтимъ его статьи: О различіи и измѣненіи климатовъ, Мѣсяцесловъ на 1779; статьи историческія и этнографическія въ Мѣсяцесловахъ на 1789, 1790, 1796. Біографія его въ Исторіи Росс. Акад., т. III („Сборникъ“, т. XVI), стр. 168—264, 364—430.

[2]) Біографія его въ Ист. Росс. Акад. III, стр. 123—168, 341—356.

1787. Зуевъ прежде уже дѣлалъ путешествіе по Россіи и Сибири «подъ предводительствомъ г. Палласа». Въ 1781 академія наукъ поручила ему изслѣдованіе края, не затронутаго прежними экспедиціями, а именно главнымъ предметомъ, ему порученнымъ, былъ осмотръ вновь пріобрѣтенныхъ тогда мѣстъ между рѣками Бугомъ и Днѣпромъ, устьевъ Днѣпра и его лимана съ около лежащей страной. Въ «Запискахъ» Зуева разсѣяно также немало интересныхъ подробностей: таковы, напр., свѣденія о духоборцахъ (онъ называетъ ихъ «духовѣрцами»), цыганахъ и цыганскомъ языкѣ, описаніе (только наружное, впрочемъ) изслѣдованнаго теперь Чертомлыцкаго курана, и пр.

Назовемъ, наконецъ, Вас. Мих. Севергина (1765—1826), дѣятельность котораго переходитъ уже и въ XIX столѣтіе. Сынъ «вольнаго человѣка», придворнаго музыканта, Севергинъ учился въ академической гимназіи и университетѣ, въ 1785 былъ посланъ за границу и по возвращеніи избранъ былъ въ 1789 адъюнктомъ, а въ 1793 академикомъ. Натуралистъ по спеціальности, онъ занимался въ особенности минералогіей. Севергинъ былъ ученый весьма трудолюбивый, и главной его заботой было именно примѣненіе добытыхъ наукою свѣденій къ русскому содержанію и распространеніе этихъ свѣденій въ обществѣ: «единая изъ обязанностей академика есть собранныя наукой свѣденія распространять въ Россійскомъ государствѣ», къ чему стремились и вообще всѣ наши ученые, постоянно заботившіеся не только о теоретическихъ интересахъ науки, но и о ближайшей пользѣ соотечественниковъ. Севергинъ предпринималъ нѣсколько путешествій: въ 1802 по западному краю, въ 1803 въ Новгородской, Псковской, Витебской и Могилевской губерніяхъ, 1804 въ Финляндіи [1]).

А. Пыпинъ.

---

[1]) Записки путешествія по западнымъ провинціямъ Россійскаго государства, или минералогическія, хозяйственныя и другія примѣчанія, учиненныя во время проѣзда чрезъ оныя въ 1802, 1803 и 1804 годахъ, 3 ч. Спб. 1803—1805; Обозрѣніе Россійской Финляндіи, Спб. 1805. Біографія, въ Исторіи Росс. Акад., т. IV, стр. 6—185, 339—395.

НОВЫЕ СБОРНИКИ
РУССКОЙ ПОЭЗІИ

— Стихотворенія *графа А. А. Голенищева-Кутузова.* С.-Петербургъ, 1884.
— Стихотворенія *А. Яхонтова.* С.-Петербургъ, 1884.
— Пѣсни жизни. Стихотворенія *Омулевскаго* (И. В. Ѳедорова). С.-Петербургъ, 1883.
— Стихотворенія и поэмы, *Михаила Хрущова.* Томъ I. С.-Петербургъ 1884.

Нашъ недавній гость, Фридрихъ Шпильгагенъ, высказалъ, въ одной изъ своихъ петербургскихъ рѣчей, скептическій взглядъ на будущность поэзіи. Безсильная справиться съ громаднымъ, до безконечности разнообразнымъ содержаніемъ современной жизни, поэзія не можетъ—такова сущность этого взгляда—удержаться на своей прежней высотѣ; для полета фантазіи нѣтъ прежняго простора, роль *поэта* стушевывается передъ ролью *писателя.* Какъ ни парадоксально мнѣніе Шпильгагена,—во внѣшнихъ, видимыхъ основаніяхъ для него нѣтъ недостатка. Поэзія—особенно если понимать это слово въ тѣсномъ его смыслѣ—вездѣ переживаетъ критическую эпоху. Мѣсто крупныхъ дарованій, сошедшихъ или сходящихъ со сцены, остается, большею частью, не замѣщеннымъ. Наслѣдство В. Гюго едва ли окажется по плечу соединительнымъ силамъ Коппе, Сюлли-Прюдомма и другихъ парнассцевъ и не-парнассцевъ; въ Англіи ничего не слышно о преемникахъ Теннисона и Свинберна; въ Германіи первые ряды поэзіи опустѣли уже со времени смерти Гейне. Больше движенія и жизни представляетъ, судя по слухамъ, итальянская поэзія—но и въ ея средѣ никто, кажется, не возвышается до уровня Леопарди. Россія не составляетъ исключенія изъ общаго правила; пишутъ стихи у насъ многіе, даже очень многіе, но завоевать себѣ славу поэта

давно уже не удается никому. Сборники стихотвореній, вышедшіе въ свѣтъ въ послѣднее время, помогутъ намъ, быть можетъ, опредѣлить нѣкоторыя причины этого факта.

Медовый мѣсяцъ русской поэзіи окончился еще лѣтъ сорокъ тому назадъ, не только потому, что къ этому времени не стало Пушкина, Лермонтова, Кольцова, но и потому, что измѣнились требованія читающей публики. Пока правильный, звучный, изящный стихъ оставался непривычной для русскаго уха новинкой, пока радость пріобрѣтенія, сдѣланнаго нашей молодой литературой, не уступила мѣста болѣе спокойному отношенію къ дѣлу, прослыть поэтомъ было весьма легко; интересъ ко всему, являвшемуся въ видѣ риѳмованныхъ строчекъ, былъ чрезвычайно великъ, и критическая способность была развита крайне слабо. Стихотворенія составляли необходимую принадлежность и лучшее украшеніе альманаховъ и журналовъ. Dii minores сплошь и рядомъ блестѣли и шумѣли ничуть не меньше настоящихъ олимпійцевъ; не мало было и такихъ цѣнителей и судей, которые предпочитали золоту мишуру, ставили Бенедиктова или Языкова выше Пушкина. Реакція, начавшаяся съ появленіемъ Бѣлинскаго, усиливалась вмѣстѣ съ ростомъ русской прозы, вмѣстѣ съ торжествомъ натуральной школы. Къ концу сороковыхъ годовъ одной внѣшней отдѣлки стиха уже недостаточно для сопричисленія къ сонму поэтовъ; побѣда надъ трудностями стихосложенія перестаетъ казаться чѣмъ-то цѣннымъ an und für sich, перестаетъ заслонять собою содержаніе. Писатели, не только не уступающіе второстепеннымъ талантамъ Пушкинской плеяды, но далеко превосходящіе ихъ поэтическимъ даромъ, не достигаютъ и половины того успѣха, которымъ пользовались ихъ предшественники; назовемъ, для примѣра, имена покойныхъ Тютчева и гр. А. Толстого, гг. Майкова, Фета, Я. Полонскаго. На первый планъ, между поэтами новаго періода, выдвигается не тотъ, который всего лучше владѣетъ поэтической формой, а тотъ, который всего сильнѣе дѣйствуетъ на мысль и чувство. И это не случайность, не капризъ, не результатъ мимолетной моды; мѣсто, занятое Некрасовымъ въ пятидесятыхъ годахъ, остается за нимъ и до настоящей минуты. Мѣняются вѣянія и направленія, перевѣсъ переходитъ отъ одной критической школы къ другой, борьба старыхъ эстетическихъ партій усложняется примѣсью новыхъ элементовъ (напр., ультра-натурализма)—а поэтъ «мести и печали» неизмѣнно сохраняетъ за собою любовь русскаго общества, сохраняетъ ее вопреки собственнымъ ошибкамъ (припомнимъ стихотвореніе: «*Неизвѣстному другу*»), сохраняетъ

ее и послѣ смерти, несмотря на хоръ непріязненныхъ голосовъ, несмотря на Пушкинское движеніе 1880 года. Никто не отрицаетъ теперь величія и славы Пушкина и Лермонтова, никто, кажется, не ставитъ имъ въ вину отсутствіе опредѣленныхъ политическихъ или соціальныхъ тенденцій; поклоненіе имъ никогда, можетъ быть, не было настолько общимъ и настолько сознательнымъ, какъ въ наше время—и все-таки рядомъ съ нимъ держится, нисколько не ослабѣвая, сочувствіе къ поэту, по преимуществу тенденціозному. Насмѣшекъ и пренебреженія такъ-называемая чистая поэзія ни съ чьей стороны больше не вызываетъ, и все-таки фонды представителей ея, живущихъ между нами, стоятъ развѣ немногимъ выше, чѣмъ въ моментъ наибольшаго преобладанія безусловно враждебныхъ ей критическихъ взглядовъ. Что это значитъ, нѣтъ ли здѣсь какого-нибудь внутренняго противорѣчія? Прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, посмотримъ на книги, названныя въ заголовкѣ нашей статьи.

На стихотвореніяхъ г. Хрущова мы долго останавливаться не будемъ. Быть можетъ въ тридцатыхъ годахъ они и доставили бы своему автору почетную извѣстность. Поэмы: «Фантина», «Волшебный кладъ», «Ненеkеджанъ-Ханымъ» кажутся написанными именно въ эту отдаленную эпоху; чтобы оцѣнить ихъ по достоинству, нужно было бы отодвинуться мысленно на пятьдесятъ лѣтъ назадъ, а этотъ tour de force не всякому по силамъ. «Загубленная сила» современна по сюжету, но только по сюжету; откиньте мѣста, въ которыхъ говорится о нигилизмѣ и нигилистѣ—и вамъ покажется, что вы читаете поэму Подолинскаго или Козлова:

Широкъ, прекрасенъ Днѣпръ могучій...
Между высокихъ береговъ
Онъ шумно бьетъ волной гремучей
О цѣпи синія холмовъ..
То, укротивъ свой путь опасный,
Спокойно катитъ онъ струи,—
И любитъ солнце въ полдень ясный
Въ нихъ погружать лучи свои.

На берегахъ Днѣпра стоитъ барскій домъ: «теперь онъ пустъ; —печать молчанья на немъ суровая лежитъ,—но повѣсть грустную страданья—въ своемъ безмолвьи онъ хранитъ». Еслибы задачей автора было воскрешеніе въ памяти читателей давно забытыхъ образцевъ, то ее можно было бы назвать вполнѣ удавшеюся. Довершеніемъ иллюзіи могло бы служить, въ такомъ случаѣ, обращеніе къ русскимъ нянямъ: «о, няни русскія! гоненье—на васъ воздвигли въ наши дни—и иностранки лишь одни—всѣхъ получили

одобренье». *Въ наши дни*, какъ извѣстно, никто не занимается преслѣдованіемъ русскихъ нянь и восхваленіемъ воспитательницъ-иностранокъ; это было злобою дня именно въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ. Чѣмъ-то давно прошедшимъ вѣетъ и отъ мелкихъ стихотвореній г. Хрущова; любовь, разочарованіе, грусть, стремленіе неизвѣстно куда, высокое призваніе поэта—всѣ эти старые мотивы разработываются имъ, бо́льшею частью въ столь же старыхъ, избитыхъ формахъ. Далеко ли отошли, напримѣръ, отъ заурядно-романтическихъ шаблоновъ стихи въ родѣ слѣдующихъ: «но этой бури злые звуки—въ больной душѣ моей родятъ—всю память скорбную разлуки,—такой недугъ, такія муки,—*что передъ ними блѣденъ адъ*.. «Страшны, дитя, природы грёзы (?),—*но что въ груди моей страшнѣй*;—и жгутъ, какъ пламень, эти слезы,—что въ глубинѣ дрожатъ очей»... «Вдали ужъ полночь прозвонили,—раздался глухо мѣдный звонъ,—*какъ сходенъ съ блѣдной онъ могилой*,—какъ онъ похожъ на тяжкій стонъ»... «Кто можетъ гору съ мѣста сдвинуть,—кто можетъ къ солнцу долетѣть?—такъ и души моей холодной—никто не въ силахъ вновь согрѣть!» Встрѣчаются у г. Хрущова, изрѣдка, и пьесы съ болѣе современнымъ оттѣнкомъ, но онѣ всѣ страдаютъ крайней темнотой мысли, а иногда и прозаичностью, деревянностью стиха. Вотъ, для примѣра, отрывокъ изъ стихотворенія «Безплодно тратя наши силы»: «всю жизнь губя безъ сожалѣнья—своихъ безчисленныхъ враговъ,—мы, съ дикимъ стономъ озлобленья,—нисходимъ въ сѣнь нѣмыхъ гробовъ. —И послѣ насъ лишь слѣдъ печальный,—нашъ будетъ ветхій мавзолей.—Надъ нашей урной погребальной—почіетъ лишь ненависть людей... И къ намъ названье человѣка—едва ли, кажется, идетъ,—*но имя: нравственный калѣка—какъ наилучшее пойдетъ*». Несчастнымъ *нравственнымъ калѣкамъ* противопоставляется у г. Хрущова (см. стихотворенія: «Не легко», «Ты говоришь», «Отвѣтъ М. Н. Воронову», «Моя лира») «пророкъ», «избранникъ Бога», «защитникъ правды», который, «не устрашась дороги полной страданій», «смѣло пойдетъ на бой съ неправдой» и «тьму невѣжества разгонитъ глаголомъ истины святой». Кто этотъ великій мужъ, скоро ли онъ начнетъ обѣщанную борьбу и озаритъ насъ чудеснымъ свѣтомъ — это остается покамѣстъ тайной г. Хрущова. Буквально понимая нѣкоторыя выраженія автора, можно было бы предположить, что онъ говоритъ о самомъ себѣ; но мы не хотимъ останавливаться на этой догадкѣ, потому что слишкомъ велика оказалась бы пропасть между намѣреніемъ и исполненіемъ.

Стихотворенія г. Яхонтова обнимаютъ собою промежутокъ

времени въ тридцать слишкомъ лѣтъ; самыя раннія изъ нихъ написаны въ 1849 г., самыя позднія—въ 1883-мъ. Поэтическое дарованіе автора не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вполнѣ самостоятельнымъ оно названо быть не можетъ; произведенія г. Яхонтова иногда напоминаютъ г. Майкова («Кубокъ», «Far niente», «Голосъ природы»), иногда — гр. А. Толстаго («Сила земская»), всего чаще — Некрасова. Это не заимствованіе, не подражаніе — сходство результатовъ зависитъ здѣсь, по всей вѣроятности, просто отъ сходства настроеній; но читателемъ сразу овладѣваетъ знакомое чувство, и даже наслаждаясь могучимъ или звонкимъ стихомъ, онъ невольно сравниваетъ его съ другимъ, весьма похожимъ и давно извѣстнымъ. Сравненіе, большею частью, оказывается не совсѣмъ выгоднымъ для г. Яхонтова, тѣмъ болѣе, что онъ не всегда остается вѣрнымъ однажды взятому тону. Беремъ, для примѣра, стихотвореніе «Народъ»:

«Знакомъ съ тобой я чуть ли не съ пеленокъ,
Народъ великорусскихъ деревень!..
Темна среда, невзраченъ образъ твой
Въ годину рабства и томленья!
Ты жертвой былъ ошибки роковой
И вѣкового преступленья;
Въ невѣжествѣ, въ грязи ты брошенъ былъ
На произволъ грабителей и барства,
Ты на цѣпи наслѣдственной изнылъ,
Безсмѣнный стражъ полунощнаго царства!..
Все пережилъ и все ты перенесъ,
Безъ горечи, безъ злобы и упрека!..
Какъ нѣкогда съ синайской высоты
Народъ богоизбранный,—принялъ ты
Гражданскихъ правъ и вольностей скрижали.
Что сдѣлалъ ты съ великой той поры?..
Поправился-ль?—прошло не мало лѣтъ—
Красна-ль изба? Полны-ль твои закрòмы?
Изъ тьмы глухой ты вышелъ ли на свѣтъ,
Опомнился-ль отъ круговой истомы?..
Нѣтъ... истомленъ природою суровой,
Въ глуши и тьмѣ, безъ помощи, одинъ,
Ты выросги не могъ для жизни новой,
Какъ вѣрный стражъ закона—гражданинъ.

Отголоски Некрасова слышатся здѣсь на каждомъ шагу; близость основнаго мотива влечетъ за собою близость пріемовъ и формъ. Мѣрно катящимся стихамъ нельзя отказать ни въ выразительности, ни въ задушевности; они начинаютъ пробуждать то самое настроеніе, которое такъ часто вызываютъ Некрасовскія поэмы — но ему не даетъ созрѣть фальшивая нота, которою

неожиданно заканчивается стихотвореніе. Къ правдивой картинѣ приклеивается мораль, не имѣющая съ нею ничего общаго. «Прозрятъ твои осмысленныя очи,—говоритъ поэтъ, обращаясь къ народу,—созрѣетъ духъ, поднимется среда»—

Узнаешь ты, что честный трудъ—свобода,
Что изъ бѣды иного нѣтъ исхода;
Что тотъ—прямой заступникъ твой и другъ,
Кто, предъ толпой не расточая лести,
Врачуетъ твой невѣжества недугъ
И отъ тебя не ждетъ хвалы и чести»...

Можно подумать, право, что господствующій недостатокъ русскаго народа — праздность, что онъ сбитъ съ толку поклонниками и льстецами, ожидающими отъ него великихъ и богатыхъ милостей, что ему слѣдуетъ отрезвиться отъ самообольщенія, пріучиться къ болѣе сдержанному пользованію своею силой. Нужно ли доказывать, что въ дѣйствительности нѣтъ ничего подобнаго, что между наставленіями г. Яхонтова нѣтъ ни одного, примѣнимаго къ настоящему положенію русскаго народа? Такихъ ошибокъ мы у Некрасова не найдемъ—и отсутствіемъ ихъ обусловливается, между прочимъ, его сила. У г. Яхонтова, наоборотъ, диссонансы далеко не составляютъ исключенія. Въ «Болѣзни вѣка» идетъ рѣчь объ одномъ изъ тѣхъ самоубійствъ, которыхъ «причины неизвѣстны». Послѣ догадокъ о томъ, что положило конецъ молодой жизни, поэтъ говоритъ самъ себѣ: «Эхъ, замолчи предъ трупомъ неотпѣтымъ—рѣчь осужденья праздная! грѣшно! —Вѣдь счастіемъ заботливо пригрѣтымъ—понять людское горе не дано»... — и тотчасъ же ослабляетъ дѣйствіе этихъ простыхъ, искреннихъ словъ повтореніемъ давно наскучившихъ жалобъ на «духъ времени»:

Въ нашъ вѣкъ себялюбиваго растлѣнья,
Всесильной власти идоловъ земныхъ,
Безвѣрія, страстей безъ наслажденья
И оргій—безъ пѣсенъ молодыхъ,
Не вмочь намъ ждать, въ паденіи глубокомъ,
Конца всѣхъ бѣдъ, съ таинственнымъ ихъ срокомъ.

Такими же контрастами наполнено стихотвореніе: «Современному поэту». Осужденіе вѣры въ близость, доступность добра и счастья изображено въ яркихъ, мѣткихъ чертахъ—и вслѣдъ за тѣмъ попадаются фразы, напоминающія не то Бенедиктова, не то Хомякова:

Великъ судьбой указанный ей (Россіи) путь,
Борьба за правду, честь—ея призванье,
Ей мощь нужна,—а червь любостяжанья
Глубоко ей сосетъ и точитъ грудь.

Всего менѣе удаются г. Яхонтову такъ называемыя pièces de circonstance—«пьесы на случай». Изъ трехъ стихотвореній, внушенныхъ послѣдней войной, ни одно не возвышается надъ уровнемъ посредственности; то же самое можно сказать и о давнишней пьесѣ: «Передъ памятникомъ Минина и Пожарскаго», и объ обращеніи къ «Побѣдителю», написанномъ во время осады Парижа. Довольны слабы также попытки автора вдохновиться мелочами повседневной народной жизни, втиснуть, напримѣръ, въ поэтическую форму всѣ различные фазисы обработки льна («Ленъ»), или протестъ противъ излишняго обилія праздниковъ въ рабочую пору («Яровая страда», оканчивающаяся по-истинѣ невозможнымъ стихомъ: «Весь ли секретъ вы открыли?.. *Ужъ не Фролы и Лавры ли?*»). Не лишена своеобразной прелести, между стихотвореніями этого рода, только картина осенней сельской работы, сопоставленная съ осенью жизни («Плоды жизни»). Изъ числа «сатирическихъ очерковъ» — припомнимъ, что этотъ жанръ далеко не всегда удавался и Некрасову—одни слишкомъ растянуты и посыпаны слишкомъ крупной солью (напр., «Реакціонеры», изъ которыхъ мы приведемъ слѣдующее четверостишіе: «За градскою заставой, начальство—отпускаетъ браду и усы,—надѣваетъ, забывши капральство,—токъ фригійскій, для вящшей красы»); другіе напоминаютъ трату зарядовъ по воробьямъ («Наши города», «Дорожныя думы». «Новая манія», «Бѣглыя замѣтки») или не идутъ далѣе забавной шутки («Статистическій Комитетъ», «Рѣчь губернатора при открытіи земскаго собранія»). Указавъ слабыя стороны г. Яхонтова, спѣшимъ замѣтить, что между стихотвореніями его, и ранними, и поздними, есть пьесы истинно поэтическія, безукоризненныя по отдѣлкѣ, часто полныя мысли. Назовемъ, для примѣра, стихотворенія 1851 г.: «Горный ручей», «Природа человѣку», «Двѣ зари», «Пронеслася гроза стороною» —и рядомъ съ ними «Двойникъ» (1874), «Осень» (1877), «Танталъ» (1880), «Въ любви ты клялся такъ умно» (1880), «Земля» (1882). Очень хороша, въ своемъ родѣ, и «Сила земская» (1883), напоминающая гр. А. Толстого не столько по содержанію, сколько по формѣ. Склонный къ мечтательности, къ спокойному созерцанію природы, г. Яхонтовъ не замыкается въ своемъ внутреннемъ, личномъ мірѣ; онъ все чаще и чаще выходитъ на большую дорогу общественной жизни, по мѣрѣ того,

какъ растетъ и усложняется происходящее на ней движеніе. Онъ не примыкаетъ всецѣло къ той или другой изъ движущихся группъ; ему болѣе свойственно колебаніе, чѣмъ увлеченіе, болѣе знакомо уныніе, чѣмъ надежда. Въ двухъ его стихотвореніяхъ, стоящихъ одно подлѣ другого [1]), отражаются иногда два почти противоположныя чувства; тревога, которою очевидно полна душа поэта, уменьшаетъ иногда ясность мысли (см., напр., не совсѣмъ понятный конецъ стихотворенія: «Предъ образомъ распятаго Христа»), но иногда за то, сообщаетъ его стиху особенную силу. «Какъ и встарь, — читаемъ мы въ заключительной строфѣ «Земли»:

— Отъ земли я какого-то жду
Освѣжительно-мощнаго слова...
Отчего жъ, словно чуя бѣду,
Такъ скорблю и мятуся я снова?
Отчего-же мнѣ снится, порой,
Будто стонетъ земля подъ ногами,
Будто, къ ней припадая, родной,
Я горючими плачу слезами?!

Графъ Голенищевъ-Кутузовъ началъ писать нѣсколько десятилѣтій спустя послѣ г. Яхонтова — но если сравнить между собою тѣ пьесы, въ которыхъ они оба соприкасаются съ современной дѣйствительностью, то преимущество свѣжести, душевной юности окажется, пожалуй, не на сторонѣ болѣе молодого писателя. «Глубже все въ грудь проникаетъ безстрастья цѣлительный холодъ» — такъ начинается одно изъ стихотвореній гр. Голенищева-Кутузова; въ другомъ, озаглавленномъ: «Самому себѣ», мы находимъ указаніе на источникъ теплоты, отыскиваемый поэтомъ:

Пади во прахъ передъ святыней
Отчизны—матери твоей!
Ея смиреннымъ, кроткимъ духомъ
Свой духъ болящій обнови,
Благоговѣйнымъ, чуткимъ слухомъ
Внимай призывъ ея любви —
И, озаренный Божьимъ свѣтомъ,
Воспрянешь ты отъ бѣдъ и золъ,
Понявъ душой въ призывѣ этомъ
Предвѣчной истины глаголъ!

Не слышится ли въ этихъ словахъ отголосокъ того мотива, который ни разу еще не приносилъ счастья русскому поэту,

---

[1]) Стихотворенія г. Яхонтова раздѣлены на три отдѣла, и внутри каждаго отдѣла слѣдуютъ одно за другимъ въ хронологическомъ порядкѣ.

который не спасъ отъ забвенья стиховъ Хомякова, внесъ нѣсколько фальшивыхъ нотъ въ творчество Тютчева, заставилъ г. Майкова измѣнить своему настоящему поэтическому призванію? Славянофильская тенденція проглядываетъ еще яснѣе въ обращеніи къ А. Н. Майкову, возводимому авторомъ, за драму: «Два міра», на вакантный престолъ русскаго поэтическаго царства («Тѣнь Пушкина тебя усыновила—и на главу твою сложила свой вѣнецъ!»), а также въ стихотвореніи, начинающемся слѣдующими словами:

Мнѣ часто говорятъ: свобода не обманъ
И не напрасно къ ней людскихъ сердецъ стремленье;
Взгляни — на Западѣ, въ предѣлахъ чуждыхъ странъ,
Ея уже не разъ свершалось воплощенье.
Нѣтъ, други—нѣтъ и нѣтъ! То лести звукъ пустой,
То праздныхъ словъ игра, то призракъ лишь свободы!

Нѣчто въ томъ же родѣ написалъ кн. Вяземскій, лѣтъ двадцать тому назадъ [1]); но вѣдь это было въ концѣ его поэтической карьеры. Хорошо еще, что гр. Голенищевъ-Кутузовъ рѣдко отдается во власть своего новаго исповѣданія; рѣдко водружаетъ «мощный стягъ», данный ему свыше «для битвы честной и суровой съ неправдой, злобою и тьмой» (вмѣстѣ съ бойцемъ, возвѣщеннымъ въ стихотвореніяхъ г. Хрущова, у насъ оказываются, такимъ образомъ, уже цѣлыхъ два проводника на пути «отъ мрака къ свѣту»). Мы видимъ въ немъ, большею частью, пѣвца интимныхъ, неопредѣленныхъ настроеній, сотканныхъ изъ тоски, порывовъ, воспоминаній—настроеній, часто затрогивающихъ созвучную струну въ душѣ читателя. Съ изображеніемъ этихъ настроеній сливаются иногда поэтическія картины природы («Первый громъ», «Я былъ одинъ—межъ мной и небесами», «Поэту», «Зимою», «Снилось мнѣ небо лазурное, чистое», «Сказка ночи», «Прекрасенъ жизни бредъ»). Особнякомъ стоятъ, съ одной стороны, два глубоко-прочувствованныя стихотворенія, внушенныя дружбой поэта съ покойнымъ Мусоргскимъ, съ другой—три пьесы, вызванныя созерцаніемъ мраморовъ Антокольскаго; послѣдняя изъ нихъ («Къ Мефистофелю»), извѣстная читателямъ «Вѣстника Европы», принадлежитъ къ числу лучшихъ произведеній гр. Голенищева-Кутузова.

Кромѣ мелкихъ стихотвореній, сборникъ гр. Голенищева-

---

[1]) У насъ нѣтъ подъ руками этого стихотворенія, но мы помнимъ, что оно было напечатано въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1861 или 1862 г. и начиналось словами: „Свободой дорожу, но не свободой вашей“.

Кутузова заключаетъ въ себѣ одну драматическую сцену («Смерть Святополка») и нѣсколько поэмъ или отрывковъ изъ поэмъ. Общее ихъ достоинство—звучный, красивый стихъ; общій ихъ недостатокъ—бѣдность содержанія. Въ «Смерти Святополка» всего интереснѣе изображеніе душевнаго недуга, тяготѣющаго надъ преступнымъ княземъ и приводящаго его къ новому, ненужному преступленію; но если «психіатрическій этюдъ» рѣдко удается даже въ прозѣ, даже въ примѣненіи къ современности, слишкомъ богатой всякаго рода психіатрическимъ матеріаломъ, то тѣмъ труднѣе сдѣлать изъ него поэтическую тэму, особенно когда герой этюда—человѣкъ, жившій почти тысячу лѣтъ тому назадъ. Угрызенія совѣсти могли, безъ сомнѣнія, терзать и Святополка, но едва ли въ формѣ тѣхъ утонченныхъ, сложныхъ галлюцинацій, которыя проходятъ передъ нами въ «драматической сценѣ». Можно удивляться искусству, съ которымъ авторъ преодолѣлъ трудности сюжета—но въ болѣе сильное чувство это удивленіе не переходитъ. Въ «Отрывкахъ недописанной поэмы» недурно изображено прощанье съ студенческою жизнью; но оно невольно напоминаетъ чудныя страницы, посвященныя тому же предмету у Тургенева (особенно въ «Рудинѣ»)—и сравненіе даетъ результатъ, неблагопріятный для поэта. Оригинальной показалась намъ только слѣдующая картина, гдѣ на молодое веселье точно падаетъ «тѣнь будущаго» (the shadow of coming events):

Нашъ пиръ гремѣлъ, какъ вешній громъ,
И волны звуковъ колебали
Огни на таявшихъ свѣчахъ,
Межъ тѣмъ какъ тѣни на стѣнахъ
Росли, метались и плясали.
И вдругъ, какъ бы въ мгновенномъ снѣ,
Почудилося смутно мнѣ,
Что эти тѣни издѣвались
Надъ нашимъ юнымъ торжествомъ;
Что въ видѣ пошломъ и смѣшномъ
Тамъ наши образы являлись:
Ужимки искаженныхъ лицъ,
Головъ огромныхъ колебанье,
Ихъ безобразное скаканье,
Какъ взмахи крылъ зловѣщихъ птицъ —
Нелѣпый бредъ! Но мигъ промчался,
Vivat торжественно раздался
Вокругъ меня — и вновь объятъ
Восторга общею волною,
Я радостно махалъ рукою
И громче всѣхъ кричалъ: Vivat

Поэма: «Дѣдъ простилъ», испорчена натянутымъ сюжетомъ и еще болѣе натянутой развязкой. Дочь, выходящая замужъ вопреки волѣ отца и потомъ, много лѣтъ сряду, терзающаяся угрызеніями совѣсти, пока, наконецъ, прощенье умершаго не нисходитъ на нее въ видѣ громового удара—это тэма слишкомъ мелодраматичная, чтобы произвести впечатлѣніе на современныхъ читателей. Слишкомъ явная погоня за эффектомъ приводитъ къ противоположному результату. Раскаянье дочери представляется через-чуръ несоразмѣрнымъ ея винѣ; по меньшей мѣрѣ столь же виноватымъ является и отецъ, наложившій свое veto на свадьбу дочери изъ чисто эгоистическихъ соображеній. Въ поэмѣ: «Разсвѣтъ», интересна попытка изобразить переходъ отъ жажды жизни къ спокойному, радостному ожиданію смерти—переходъ, совершающійся почти внезапно, какъ только смерть заглядываетъ прямо въ глаза своей жертвѣ и овладѣваетъ ею, еще живою. Стóитъ лишь назвать это душевное состояніе, чтобы вспомнить послѣдніе дни князя Андрея Болконскаго въ «Войнѣ и мирѣ». Превзойти картину, начертанную гр. Л. Толстымъ, или даже сравняться съ нею—едва ли возможно; гр. Голенищевъ-Кутузовъ сдѣлалъ, вдобавокъ, ту ошибку, что заставилъ говорить самого умирающаго, между тѣмъ какъ настроеніе, отражающееся въ его словахъ, едва ли оставляетъ мѣсто для анализа, для самонаблюденія. Лучшей изъ поэмъ мы считаемъ «Старыя рѣчи»; и въ дневникѣ, составляющемъ ея центръ, и въ рамкѣ, въ которую онъ вставленъ, есть нѣсколько страницъ талантливыхъ и горячихъ.

Авторъ «Пѣсенъ жизни» немногимъ, къ сожалѣнію, пережилъ выходъ въ свѣтъ сборника его стихотвореній; ему не суждено было дождаться тѣхъ сочувственныхъ словъ, которыхъ вполнѣ заслуживаетъ его продолжительная, мало кѣмъ въ свое время замѣченная дѣятельность. У графа Голенищева-Кутузова, даже у г. Яхонтова, форма перевѣшиваетъ содержаніе, у Омулевскаго (Ѳедорова)—наоборотъ; въ его стихахъ всегда чувствуется живая мысль, но ему слишкомъ рѣдко удается облечь ее въ поэтическіе óбразы. Онъ принадлежитъ къ числу продолжателей и подражателей Некрасова; въ основаніи его стихотвореній лежатъ, сплошь и рядомъ, чисто-публицистическія тэмы. Бѣды въ этомъ не было бы никакой, еслибы самая обработка тэмъ отличалась бóльшею художественностью, еслибы менѣе замѣтно было усиліе, котораго она стóитъ автору—усиліе, не всегда оканчивающееся успѣхомъ. Ненужно долго искать, чтобы натолкнуться у Ѳедорова на стихи въ родѣ слѣдующихъ: «да, самый гибельный раз-

вратъ, какого въ мірѣ нѣтъ гнуснѣе — развратъ пера, — когда вредятъ съ недобрымъ умысломъ идеѣ»... «Витали наши рѣчи, въ тотъ вечеръ памятный, далече отъ всякой розовой мечты. Да! не о розахъ рѣчь живая шла въ этотъ вечеръ; разговоръ касался язвъ родного края, и помню я, какъ день, свѣтая, въ слезахъ засталъ нашъ долгій споръ»... «Есть у меня для тебя тайна презрѣнія къ жизни: я ее въ даръ получилъ за неудачи въ отчизнѣ»... «И у меня не отнялъ ничего ты взамѣнъ такихъ даровъ, такой щедроты»... «Ужъ если капелька, и та не искажаетъ красокъ міра — тебѣ должна быть простота дороже всякаго кумира»... «Не разъ, когда ты (сердце) обливалось кровью подъ спрятаннымъ предательски ножемъ, въ рукѣ, протянутой къ тебѣ врагомъ, съ невыразимой будто бы любовью»... «Кто видитъ глазами, кто уши имѣетъ, кто разуму вѣдаетъ мѣру, — обязанъ усвоить идею, что стыдно принять все отъ предковъ — на вѣру!» О такихъ стихахъ можно сказать, перифразируя извѣстныя слова Некрасова, только одно — что они хуже «вялой прозы» и едва ли взволнуютъ даже самыя «мягкія сердца». Иногда контрастъ между намѣреніемъ и исполненіемъ доходитъ почти до смѣшного; можно ли, напримѣръ, не улыбнуться, читая заключеніе «Невеселой ночи»: «да еще каково-то тебѣ, гражданинъ, безъисходною думой томиться, что въ отчизнѣ, быть можетъ, одинъ только ты неспособенъ со зломъ помириться?»... Все сказанное нами до сихъ поръ касается, однако, только одной стороны медали; чувство, одушевлявшее Ѳедорова, было слишкомъ сильно и глубоко, чтобы не находить, отъ времени до времени, другихъ, болѣе гармонирующихъ съ нимъ выраженій. Очень хороши, во-первыхъ, нѣкоторыя изъ полу-юмористическихъ стихотвореній Ѳедорова, немного напоминающія Беранже, полныя бодрости и свѣжести, мужественно борющіяся съ невзгодою и тоскою (напр., «Моя примѣта», «Богачамъ», «Свобода», «Теплый уголъ», «Письменный столъ», «Мои богатства»). Наряду съ ними могутъ быть поставлены тѣ пьесы, въ которыхъ патетическое настроеніе автора взяло верхъ надъ не всегда послушной ему формой, подчинило ее, хоть отчасти, своему вліянію. Сюда относятся, напр., стихотворенія: «Къ молодому поколѣнію», «Пѣсня», «У гроба», «Послѣдняя мысль», «Неволя», «Все ближе клонится къ закату», «Лѣсная греза», «Порой на небѣ голубомъ». Послѣднія двѣ пьесы свидѣтельствуютъ о томъ, что поэтическая струна звучала въ Ѳедоровѣ и не подъ вліяніемъ однихъ только тенденціозныхъ мотивовъ:

Мы ѣдемъ лѣсомъ. Ночь глухая;
Все ярче звѣзды. Тишь кругомъ;
Лишь хрустнетъ вѣтка гдѣ сухая,
Да вздохъ послышится...—Родная!
Ты не тоскуешь ли о чемъ?—
О, нѣтъ! отрадно мнѣ съ тобою;
Но звѣзды смотрятъ на меня
Съ такой любовью неземною,
Какъ будто съ грѣшною землею
Должна разстаться скоро я...

Я ѣду лѣсомъ. Тѣни ночи
Меня, какъ призраки, страшатъ;
Свинцомъ мнѣ слезы давятъ очи...
Хоть вы бы, звѣзды полуночи,
Послали ласковый мнѣ взглядъ!
А звѣзды шепчутъ: Небо то же,
Таковъ же нашихъ блескъ лучей,
И все на прежнее похоже;
Но только... только отчего же
Съ тобой подруги нѣтъ твоей?

Изъ числа четырехъ, просмотрѣнныхъ нами сборниковъ стихотвореній, ничего цѣннаго, такимъ образомъ, не вноситъ въ нашу литературу только одинъ; во всѣхъ остальныхъ есть страницы, носящія на себѣ ясный слѣдъ поэтическаго дарованія. И все-таки, произведенія гг. Яхонтова, Ѳедорова, гр. Голенищева-Кутузова мало кому у насъ извѣстны, еще меньше кому дороги; быстро забываемыя послѣ появленія въ журналахъ, они и въ новомъ своемъ видѣ едва ли займутъ выдающееся, прочное мѣсто въ русской поэзіи. Объяснить это охлажденіемъ общества къ такъ - называемой изящной литературѣ никакъ нельзя; не говоря уже о томъ вниманіи, которымъ пользуется романъ, даже не въ лицѣ главныхъ своихъ представителей достаточно напомнить, что обаяніе великихъ поэтовъ, русскихъ и иностранныхъ, въ послѣднее время у насъ скорѣе возрасло, чѣмъ уменьшилось. Мы только что упомянули о романѣ; въ значеніи, имъ пріобрѣтенномъ, кроется, быть можетъ, одинъ изъ ключей къ изучаемому нами вопросу. Реалистическій романъ—если понимать это слово въ самомъ широкомъ его смыслѣ, т.-е. не ограничивать его однимъ французскимъ нео-реализмомъ или натурализмомъ— пріучилъ насъ къ точности деталей, къ обстоятельности описаній, къ правдивости тона и колорита; онъ подорвалъ господство фразы, уничтожилъ или вывелъ изъ моды романтическія преувеличенія,

невѣроятныя комбинаціи событій, сверхчеловѣческихъ героевъ и злодѣевъ. На новой почвѣ стиху гораздо труднѣе состязаться съ прозой, чѣмъ на прежней. Ему труднѣе проникнуть во всѣ мельчайшіе изгибы чувства и мысли, труднѣе возстановить ту или другую сторону дѣйствительности, со всѣми ея безчисленными, разнообразными чертами, труднѣе довольствоваться тѣми простыми средствами и пріемами, которыми пользуется проза. Не идти дальше общихъ штриховъ, значитъ остановиться на такой степени наглядности, которую далеко оставляетъ за собою романъ; углубиться въ подробности, значитъ рисковать цѣльностью поэтическаго впечатлѣнія. Современные поэты не даромъ рѣже своихъ предшественниковъ пишутъ длинныя поэмы повѣствовательнаго типа; конкурренція съ прозой именно здѣсь всего болѣе опасна.

Параллель между стихомъ и прозой можетъ привести еще къ одному выводу, прямо связанному съ нашей тэмой. Власть стиха, царившая столь абсолютно полъ-вѣка тому назадъ, обусловливалась, между прочимъ, его звучностью, его музыкальностью, его пластичностью. Съ тѣхъ поръ эти качества все болѣе и болѣе становятся достояніемъ прозы. Въ западной Европѣ неравенство между стихомъ и прозой было гораздо менѣе замѣтно, чѣмъ у насъ; и тамъ, однако, усилія Мериме, Теофиля Готье, Флобера, Гонкуровъ, Фрейтага, Ауэрбаха, Диккенса, Эллiота были направлены къ тому, чтобы ввести въ прозу гармонію стиха, чтобы сообщить ей, вмѣстѣ съ скульптурной отдѣлкой, твердость и красоту «мрамора и бронзы». Въ Россіи никто, можетъ быть, не задавался сознательно такою задачей; но цѣлый рядъ великихъ мастеровъ языка, между которыми достаточно назвать величайшаго—Тургенева,—довелъ русскую прозу до небывалаго совершенства, въ то самое время, когда къ послѣднему слову русскаго стиха, сказанному на рубежѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, ничего новаго не прибавлялось. Этого мало; современная проза, иностранная и русская, представляетъ такіе образцы истиннаго патетизма, которые ничѣмъ не уступаютъ лучшимъ перламъ лирической поэзіи. Чѣмъ не поэтъ, напримѣръ, Диккенсъ, когда все, затрогиваемое имъ — вѣтеръ, буря, сверчокъ, колокольный звонъ—начинаетъ жить своеобразною жизнью? Чѣмъ не поэтъ Додэ, когда онъ даетъ волю своей фантазіи или своему чувству? Чѣмъ не поэтъ Салтыковъ, въ заключительныхъ страницахъ «Господъ Головлевыхъ» или «Больного мѣста»? Поэзія, если можно такъ выразиться, осаждена прозой въ самыхъ главныхъ своихъ позиціяхъ; демаркаціонная линія между ними стерта, нарушена въ тысячѣ пунктовъ. Отсюда новое положеніе, со-

данное для поэта. Ему уже не такъ легко отмежевать себѣ опредѣленную область и чувствовать себя въ ней, какъ дома; онъ можетъ хорошо владѣть орудіями своей профессіи—и все-таки не проложить себѣ дорогу къ успѣху. Онъ долженъ считаться съ новыми соперниками, болѣе свободными въ своихъ движеніяхъ, потому что ихъ не связываютъ никакія условныя узы, — съ новыми требованіями, часто идущими въ разрѣзъ съ особенностями поэтической формы. Торжеству генія—или даже очень крупнаго таланта—всѣ эти трудности, конечно, помѣшать не могутъ; но мы говоримъ теперь о дарованіяхъ болѣе обыкновенныхъ — единственныхъ, которыя можно найти во всякое время во всякой литературѣ. Пускай появится между нами новый Лермонтовъ или Пушкинъ—и дремлющій интересъ къ стиху, безъ сомнѣнія, пробудится снова; но мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что даже въ этомъ случаѣ вождь останется безъ арміи — поклоненіе выпадетъ всецѣло на долю новой планеты, а не раздѣлится между нею и ея спутниками. «Плеяда», въ прежнемъ смыслѣ этого слова, едва ли составится уже потому, что съ появленіемъ великаго поэта требовательность общества должна будетъ подняться еще выше настоящаго ея уровня.

Истинная поэзія обращаетъ въ золото все, чего бы она ни коснулась. Для великаго поэта нѣтъ старыхъ, избитыхъ тэмъ; подъ его рукою все можетъ стать источникомъ глубокихъ, сильныхъ впечатлѣній. И для него, однако, содержаніе поэзіи не можетъ быть названо совершенно безразличнымъ; съ значительностью идеи или сюжета возрастаетъ и здѣсь—при равенствѣ другихъ условій—значительность произведенія. «Фаустъ» и «Германъ и Доротея» отличаются одинаковымъ мастерствомъ—но едва ли кто-нибудь рѣшится поставить послѣднее изъ этихъ двухъ созданій Гёте выше перваго. Чѣмъ дальше поэту до формальнаго совершенства, тѣмъ больше его значеніе зависитъ отъ избираемыхъ имъ предметовъ и отъ самаго отношенія его къ нимъ. Мы вовсе не хотимъ сказать, чтобы отношеніе это *непремѣнно* должно было быть тенденціознымъ—но должны признаться, что видимъ въ тенденціи, искренней и живой, могучаго союзника поэзіи, особенно въ настоящее время. Оставаться нейтральнымъ посреди политической и соціальной борьбы дано сравнительно немногимъ; еще рѣже способность отдѣлять міръ фантазіи отъ дѣйствительной жизни, имѣть симпатіи и убѣжденія—и не выражать ихъ въ своемъ творчествѣ. Отсюда вторженіе тенденціи въ поэзію—вторженіе, отъ котораго ни она, ни поэтъ часто ничего не теряютъ. Вопросы настоящаго и будущаго не стано-

вятся менѣе властными надъ умами, когда облекаются въ поэтическую форму; наоборотъ, они могутъ заимствовать отъ нея новую силу—и въ свою очередь увеличивать дѣйствіе ея на массу. Говорятъ, что дѣйствіе этого рода не можетъ быть продолжительнымъ, что тенденція, какъ результатъ временныхъ, скоропреходящихъ обстоятельствъ, исчезаетъ вмѣстѣ съ ними, увлекая за собою и все созданное подъ ея вліяніемъ. Едва ли это такъ; есть тенденціи столь же долговѣчныя, какъ и идеи, изъ которыхъ онѣ исходятъ — но еслибы даже тенденціозность и уменьшала шансы устойчивости произведенія, то за нею осталось бы могущество въ настоящемъ, также вѣдь имѣющее хоть нѣкоторую цѣну. Не всѣмъ же писать для отдаленнаго будущаго—нужно же кому-нибудь работать и съ болѣе скромными цѣлями. Вдохновляясь шумомъ ежедневной борьбы, поэтъ, положимъ, рискуетъ быть скоро забытымъ—но систематически игнорируя этотъ шумъ, онъ рискуетъ остаться одинаково чуждымъ и современникамъ, и потомству. Многое ли уцѣлѣетъ изъ произведеній Некрасова черезъ полъ-вѣка, черезъ вѣкъ—этого мы предугадать не беремся; но еслибы даже изъ нихъ не уцѣлѣло ничего, менѣе ли завидной сдѣлается отъ того судьба поэта, и при жизни, и послѣ смерти «ударявшаго по сердцамъ съ невѣдомою силою»? Больше ли, чѣмъ Некрасова, грядущія поколѣнія будутъ знать тѣхъ сверстниковъ его, которые иначе употребили свой талантъ, посвятили себя всецѣло чистому искусству?.. Громадное преимущество тенденціи заключается въ томъ, что она раздвигаетъ границы поэзіи, вводитъ въ ея область множество новыхъ, постоянно обновляющихся элементовъ, противодѣйствуетъ однообразію, отъ котораго только одинъ шагъ до вялости, до застоя. Мы выразимся еще точнѣе, если замѣнимъ здѣсь слово: *тенденція*—словомъ: *идея*. Въ основаніи тенденціи—если только она достойна этого имени—всегда лежитъ идея, но идея не всегда переходитъ въ тенденцію. Тенденція—это стремленіе провести идею въ жизнь, приготовить ея торжество, приблизить дѣйствительность къ идеалу. Понятно, что не всѣ идеи одинаково поддаются такому стремленію; идеи философскія располагаютъ къ нему гораздо меньше, чѣмъ идеи политическія или соціальныя. Въ поэзіи есть мѣсто и для тѣхъ, и для другихъ; стихотворенія Аккерманнъ имѣютъ такое же право на существованіе, какъ ямбы Барбье или «Châtiments» В. Гюго. Чѣмъ шире рамки поэзіи, чѣмъ больше число вновь пролагаемыхъ ею путей, чѣмъ ближе соприкосновеніе ея со всѣмъ волнующимъ современную мысль, тѣмъ легче для нея соперничество съ прозой.

Какъ ни велики преимущества послѣдней, велико, до сихъ поръ, и обаяніе стиха; если онъ часто служитъ помѣхой, то можетъ иногда являться и подспорьемъ. Все дѣло въ томъ, какія задачи разрѣшаются съ его помощью, и какъ разрѣшаются.

Русская поэзія давно уже не находила новыхъ дорогъ, новаго содержанія. Съ одной стороны, она продолжаетъ работу, начатую Некрасовымъ, не поднимаясь выше учителя, почти ничего не прибавляя къ завѣщанному имъ наслѣдству; съ другой стороны, она вдохновляется Пушкинымъ, не замѣчая, что неисчерпаемымъ и этотъ источникъ вдохновенія названъ быть не можетъ. Отъ времени до времени въ Пушкинскую—или, лучше сказать, въ псевдо-Пушкинскую—школу пробивается тонкая политическая струйка изъ Москвы-рѣки, почти изсохшая еще во времена Хомякова. Само собою разумѣется, что она ничего не оживляетъ и не оплодотворяетъ. Мы видѣли, какую ничтожную роль она играетъ у гр. Голенищева-Кутузова, какъ далеко ей даже до тѣхъ результатовъ, которыхъ достигаютъ, въ переложеніи Ѳедорова и г. Яхонтова, Некрасовскіе мотивы. Мы видѣли, далѣе, что умѣнье владѣть стихомъ, безспорно доведенное до высокой степени г. Яхонтовымъ и гр. Голенищевымъ-Кутузовымъ, не приводитъ, само по себѣ, къ желанной цѣли; мы видѣли, что недостаточно и однихъ добрыхъ намѣреній, честныхъ стремленій, которыми такъ богатъ авторъ «Пѣсенъ жизни». Мы видѣли, наконецъ, что выше всего, въ трехъ разсмотрѣнныхъ нами сборникахъ стихотвореній, должны быть поставлены тѣ пьесы г. Яхонтова, которыя соединяютъ красоту стиха съ значительностью содержанія. Ошибочно было бы, безъ сомнѣнія, судить по немногимъ образцамъ о всей воинствующей русской поэзіи—но нѣкоторый свѣтъ на положеніе ея они все-таки бросаютъ. Спѣшимъ прибавить, что признаки перемѣны—перемѣны къ лучшему—становятся все болѣе и болѣе замѣтными. Между молодыми поэтами, только что выступающими или недавно выступившими на сцену, есть дарованія, отъ которыхъ можно ожидать многаго, весьма многаго. Нельзя не пожелать, чтобы они—да и всѣ вообще наши поэты, сколько-нибудь по праву носящіе это имя—послѣдовали примѣру авторовъ, которымъ посвящена настоящая статья, т.-е. издали въ свѣтъ сборники своихъ произведеній; тогда гораздо удобнѣе было бы подвести итогъ тому, чѣмъ мы располагаемъ теперь и на что можемъ разсчитывать въ ближайшемъ будущемъ.

К. Арсеньевъ.

БЕЛИНДА

Романъ, соч. Роды Броутонъ.

ПЕРІОДЪ ВТОРОЙ.

I *).

Ноябрь на дворѣ; второй разъ уже наступалъ этотъ мѣсяцъ съ тѣхъ поръ, какъ Чорчили вернулись изъ Дрездена. Вторично лѣто смѣнило весну, и вторично осень послѣдовала за лѣтомъ. Прошло цѣлыхъ полтора года. Время неутомимо несется на своихъ мощныхъ крыльяхъ, и столѣтія безсильны связать ихъ,—а приноситъ оно съ собою различные дары: кому — удовлетворенное честолюбіе; кому — суровую бѣдность; кому — цѣлый рядъ удовольствій; кому — домъ умалишенныхъ, а кому и могилу. Въ большинствѣ же, время одаряетъ одними мелкими радостями и горестями, слишкомъ ничтожными для того, чтобы оставить по себѣ какой-нибудь слѣдъ.

Что принесло оно Чорчилямъ? Миссисъ Чорчиль получила прекрасную, новую челюсть съ зубами. Сарѣ время поднесло шестерыхъ новыхъ поклонниковъ и новую собачку; Белиндѣ — такое умѣнье различать шаги почтальона, и вдали, и вблизи, что она могла бы поспорить въ этомъ отношеніи съ кѣмъ угодно изъ обитателей своей или всякой другой улицы. До возвращенія въ Англію, она радовалась при мысли о частомъ разносѣ почты въ Лондонѣ. Но не прошло и полгода, какъ ей стала ненавистна эта самая почта.

---

*) См. выше: апр. 717 стр.

Цѣлыхъ полтора года ждала Белинда, и ни разу слухъ ея не былъ обрадованъ тѣми шагами, къ которымъ она прислушивалась съ такимъ томительнымъ нетерпѣніемъ. Райверсъ ни разу не написалъ. Ни разу не явился онъ лично объяснить свое молчаніе. Онъ просто на просто исчезъ изъ ея жизни. Вотъ и все!

Онъ, конечно, былъ волёнъ приходить и не приходить; она повторяла себѣ это неустанно, убѣждая себя, что не въ правѣ сердиться на него за то. Но онъ омрачилъ ей свѣтъ солнца и отнялъ всю радость у жизни. По его милости ей стала постылою и жизнь, и природа. Лѣто съ его пышной красой, осень съ ея тихой прелестью — для нея сдѣлались безусловно скучны и неинтересны.

— Еслибы даже онъ вернулся ко мнѣ, — говорила она сама себѣ, — еслибы я даже дожила до девяносто-лѣтняго возраста и видѣла его каждый день и каждую минуту, пока не умерла, то и это не вознаградило бы пустоту этихъ дней: они на вѣки останутся мертвыми, потерянными днями въ моей жизни!

По временамъ и даже очень часто она возмущалась противъ мысли, которая гложетъ ея сердце и портитъ ея жизнь. Она вычеркнетъ его изъ своей жизни; она вычеркнетъ ту часть своей жизни, въ которой онъ игралъ роль.

— Я была счастлива и довольна своей судьбой, пока его не знала, — говорила она себѣ просто съ негодованіемъ; — онъ существовалъ самъ по себѣ, а я сама по себѣ; онъ улыбался, какъ и теперь—желала бы я знать, улыбается ли онъ теперь?— и это меня вовсе не касалось. Онъ не застилъ мнѣ солнца; онъ не мѣшалъ мнѣ ѣсть, говорить, дышать. Пусть все станетъ по старому! Неужели же это невозможно? Я хочу, чтобы все было по старому!

На минуту она чувствуетъ себя сильной и доброй; принимается весело напѣвать; снова ощущаетъ, что она молода. Но затѣмъ тоска опять охватываетъ ее. Онъ ушелъ, ушелъ, совсѣмъ ушелъ! И весь міръ, жизнь, вселенная пусты, скучны, отвратительны!

Ноябрь мѣсяцъ наступилъ; день склоняется къ закату; чай уже отпитъ, и гости всѣ разошлись. Пора одѣваться къ обѣду. Но ни миссисъ Чорчиль, ни Сарѣ, не хочется двинуться съ мѣста; миссисъ Чорчиль потому, что прогулка утомила ее, а сумерки и тепло, разливаемое каминомъ, нагоняютъ на нее сладкую дремоту; Сарѣ—потому что она погружена въ хитроумное, хотя и мало полезное занятіе, а именно: раскрашиваетъ большого бѣлаго терріера,—свою новую собаку—пестрыми поло-

18*

сами, долженствующими изображать одѣяніе клоуна. Къ счастью, Дженъ—такъ зовутъ новую собаку—не изъ породы чувствительныхъ псовъ и съ хладнокровнымъ добродушіемъ выдерживаетъ операцію, которая повергла бы сердце нервной Слютти въ безъисходное отчаяніе.

— Белинда запоздала, — говоритъ миссисъ Чорчиль, переходя изъ лежачаго въ сидячее положеніе и дѣлая такимъ образомъ первый шагъ къ неизбѣжному непріятному восхожденію вверхъ по лѣстницѣ.

— Я надѣюсь, что она не вернется прежде, чѣмъ я успѣю раскрасить Джена, — отвѣчаетъ Сара съ жаромъ, съ минуту колеблясь въ выборѣ краски, между тѣмъ какъ Дженъ зѣваетъ во весь ротъ съ терпѣливымъ, скучающимъ видомъ.

— Быть можетъ, общество оказалось не такимъ скучнымъ, какъ она ожидала, — продолжаетъ миссисъ Чорчиль, неохотно предпринимая второй шагъ къ передвиженію и вставая съ креселъ.

— Можетъ быть, — разсѣянно отвѣчаетъ Сара, закинувъ голову назадъ, чтобы лучше судить объ эффектѣ гуммигутта, которымъ она только что вымазала правую щеку Джена.

— Какое чучело ты сдѣлала изъ этой бѣдной собаки!—лѣниво смѣется бабушка.

— Ей это нравится,—серьезно отвѣчаетъ Сара. — Она находитъ, что ей это идетъ. Не разувѣряйте ее въ этомъ. Если она выйдетъ эффектной, то я раскрашу тѣхъ двухъ арлекиномъ и коломбиной.

— Я бы желала, чтобы Белинда поскорѣе вернулась,—замѣчаетъ миссисъ Чорчиль тономъ легкаго любопытства, не имѣющаго ничего общаго съ той неразумной тревогой, которая овладѣваетъ любящимъ сердцемъ, когда предметъ этой любви или заботливости запоздаетъ минутъ на пять, и взволнованному ожиданіемъ человѣку уже мерещатся всякіе ужасы, которые могли съ нимъ приключиться.

— Надѣюсь, что она не придетъ раньше, чѣмъ я докончу туалетъ Дженъ! — повторяетъ Сара серьезно и съ удвоеннымъ жаромъ принимается за работу.

— Надѣюсь, что она весело провела время.

— Гмъ! — сомнительно возражаетъ Сара. — Если такъ, то она будетъ первою, кому весело на такого рода собраніяхъ. При томъ же Белинду не такъ-то легко развеселить. Но надѣюсь, — добавляетъ она съ спокойной, гордостью,—что Дженъ позабавитъ ее!... Ахъ! какая досада, вотъ и она сама!

Въ самомъ дѣлѣ въ то время, какъ она произноситъ эти слова, дверь отворяется и ея сестра входитъ. Если вы закроете глаза, или еслибы вы были слѣпы, то ни за что бы не догадались, что въ комнату вошла молодая особа, до такой степени поступь у ней размѣренная и вялая.

— Не подходи ко мнѣ! не гляди на Джена!—кричитъ Сара отчаяннымъ голосомъ, набрасывая сукно, о которое она вытераетъ свои кисти, на многострадальную спину собаки. — Стой тамъ, гдѣ стоишь, и не двигайся! Такъ! теперь можешь идти!

— Что же мнѣ теперь дѣлать? — спрашиваетъ Белинда и голосъ ея такъ же вялъ, какъ и ея походка.

— Ну?—кричитъ миссисъ Чорчиль тономъ радостнаго ожиданія, довольная, что можетъ отложить свой туалетъ, снова сѣсть въ кресло и ждать, чтобы ее занимали.

— Ну?—повторяетъ безучастно Белинда.

Она подошла къ огню и стоитъ теперь у камина.

— Тебя не стоитъ посылать въ гости, — говоритъ миссисъ Чорчиль разочарованная и раздосадованная, — ты никогда не сообщишь ничего новаго и интереснаго, а потому право могла бы сидѣть дома.

Года два тому назадъ Белинда шутливо согласилась бы, что она не наблюдательна, и что постарается на будущее время исправиться. Теперь же она отвѣчаетъ съ угрюмымъ лицомъ:

— Что же такое я могу сообщить вамъ? что можно сообщить о такого рода собраніи? Была толпа женщинъ, и было жарко и душно, вотъ и все.

— Мужчинъ не было, конечно? — спрашиваетъ Сара изъ отдаленнаго угла, куда она забралась съ злополучнымъ Дженомъ, чтобы докончить его туалетъ безъ помѣхи.—Какъ я рада, что не поѣхала!

Белинда улыбается. Когда она улыбается, то невыразимая безжизненность ея лица выступаетъ еще рельефнѣе.

— Было двое или трое мужчинъ.

— Обычный сбродъ, должно быть, который встрѣчаешь въ литературныхъ салонахъ второй руки,—презрительно возражаетъ Сара;—неопрятные поэтики и растрепанные позитивисты?

Белинда продолжаетъ улыбаться безъ веселости, но не безъ ироніи.

— Тамъ былъ одинъ мужчина, котораго ты когда-то не считала недостойнымъ своего особеннаго вниманія.

— Кто такой? — спрашиваетъ Сара, навостривъ уши съ

внезапнымъ интересомъ. — Вотъ никакъ бы не думала, что ты встрѣтишь тамъ кого-нибудь изъ моихъ знакомыхъ.

— Угадай кого!

— Je vous le donne en trois; je vous le donne en dix; je vous le donne en mille!—говоритъ миссисъ Чорчиль, досада которой проходитъ какъ только развязался языкъ у ея внучки.— Ужъ не встрѣтила ли ты синьора Валетту, учителя пѣнія, который въ половинѣ урока становился обыкновенно на колѣни.

— Нѣтъ.

— Знаю! это тотъ нѣмецъ, который писалъ: «ich liebe dich!» на заглавномъ листѣ грамматики!

— Нѣтъ, не онъ!

Сара остановилась и наморщила брови, вызывая въ памяти фалангу своихъ поклонниковъ.

— Всѣ были наиболѣе причастными къ литературѣ людьми, какихъ я только знавала, — съ сомнѣніемъ замѣчаетъ она, — кромѣ...—и вдругъ лицо ея оживаетъ и вспыхиваетъ—кромѣ... неужели ты встрѣтила... профессора Форта.

— Да, я встрѣтила профессора Форта.

— Воображаю, какъ тебѣ было неловко, — вскрикиваетъ миссисъ Чорчиль, заинтересованная въ свою очередь; — и онъ, конечно, не настолько свѣтскій человѣкъ, чтобы выручить изъ такого затруднительнаго положенія.

Въ волненіи Сара нечаянно выпустила Джена, который немедленно направляется къ огню съ недоконченнымъ туалетомъ, причемъ одна половина ея мордочки бѣлая, между тѣмъ, какъ другая раскрашена очень пестро—обстоятельство, которое, однако, безсильно нарушить его стоическое спокойствіе, не смотря даже на гнѣвное и негодующее удивленіе остальныхъ двухъ собакъ.

— Говорилъ онъ съ тобой?—говорила ты съ нимъ?—кричитъ Сара, въ сильномъ возбужденіи подбѣгая къ камину.

— Я разговаривала съ нимъ добрыхъ полчаса.

— Словомъ, онъ держалъ себя какъ ни въ чемъ не бывало,— замѣчаетъ миссисъ Чорчиль.—Ну, чтожъ, я, признаюсь, не ожидала отъ него столько такта.

— Говорилъ онъ обо мнѣ? спрашивалъ про меня?—освѣдомляется Сара съ любопытствомъ.

— Онъ освѣдомился о бабушкѣ; а потомъ спросилъ и про тебя.

— Надѣюсь, что онъ спросилъ обо мнѣ не сразу только потому, что не могъ справиться съ своимъ голосомъ?—кричитъ

та, смѣясь. — Неужели его голосъ не дрожалъ при этомъ. Надѣюсь, что онъ дрожалъ.

— Нисколько.

— Ты разговаривала съ нимъ съ полчаса? о чемъ же вы говорили?

— Мы говорили о стихотвореніяхъ Броунинга.

— О стихотвореніяхъ Броунинга? — повторяетъ Сара пренебрежительно.—Воображаю, какъ тебѣ было скучно! я думала что ты будешь съ нимъ говорить обо мнѣ.

— Скучно? — повторяетъ Белинда съ горькимъ оживленіемъ. — Напротивъ того, я была этому очень рада. Мнѣ нисколько не хотѣлось говорить про тебя, бабушку или про себя. Мы только и дѣлаемъ, что разговариваемъ про тебя и меня и про бабушку. Очень было пріятно перейти отъ людей къ отвлеченнымъ предметамъ.

— Сознаюсь, что Броунингъ превышаетъ мое разумѣніе,—презрительно вставляетъ свое слово миссисъ Чорчиль.—Я тоже очень люблю стихи, но только такіе, которые понятны.

— Но неужели вы все время говорили только о Броунингѣ?—спрашиваетъ Сара, недовѣрчиво поднимая брови.—Не можетъ же быть, чтобы только о Броунингѣ?

— Все время, — отвѣчаетъ Белинда, непріятно подсмѣиваясь.—А затѣмъ онъ читалъ вслухъ; его попросили читать.

— А вы всѣ сидѣли вокругъ него и восхищались!—восклицаетъ Сара, снова заливаясь смѣхомъ. — То же самое было и въ томъ домѣ, гдѣ я съ нимъ встрѣтилась въ первый разъ. Хочешь вѣрь, хочешь нѣтъ, но я тоже сидѣла и восхищалась!

— Они очень ахали и восторгались! — отвѣчаетъ Белинда, и ея губы кривятся при этомъ воспоминаніи.

— А что онъ читалъ? Читалъ онъ что-нибудь интересное? Но разумѣется этого не могло быть.

— Онъ читалъ «Похороны Грамматика».

— «Похороны Грамматика!»—повторяетъ миссисъ Чорчиль, пожимая плечами.—Какое удивительное названіе для поэмы!

— Похороны Грамматика! - откликается Сара точно эхо, но съ инымъ выраженіемъ въ голосѣ, чѣмъ ея бабушка. — Да эту самую поэму онъ читалъ, когда я въ первый разъ съ нимъ встрѣтилась. Я ничего не поняла, но притворилась, что нахожу ее прекрасной. Белинда, берегись! а не то нашей семьѣ придется вторично пожалѣть о томъ, что этого Грамматика вообще схоронили!

— Какая курьезная встрѣча!—замѣчаетъ миссисъ Чорчиль

съ веселымъ смѣхомъ. — Я думаю, какъ это напомнило тебѣ Дрезденъ.

Белинда вздрагиваетъ. Очень нужно ей напоминать Дрезденъ. А между тѣмъ, она сама удивилась той живости, съ какой видъ и присутствіе живого второстепеннаго лица въ ея маленькой драмѣ обновили прошлое въ ея памяти. Неужели же она начинаетъ забывать? о! еслибы это было такъ!

— Что его мать все еще жива? — спрашиваетъ Сара, поспѣшно стараясь отвести разговоръ отъ того направленія, какое ему расположена, повидимому, придать бабушка.—Надѣюсь, что ты не отстала отъ него въ вѣжливости и догадалась, послѣ того какъ онъ спросилъ про бабушку, спросить про его мать?

— Нѣтъ; я думала, что она умерла. Но кажется, что она жива. Онъ упоминалъ о ней; онъ, между прочимъ, сказалъ: «моя матушка».

— Ну такъ, конечно, она жива, — рѣшаетъ Сара,—въ противномъ случаѣ онъ сказалъ бы: «моя бѣдная матушка!» Бабушка, когда вы умрете, я всегда буду говорить про васъ: «моя бѣдная бабушка».

— Неужели!—рѣзко возражаетъ миссисъ Чорчиль.—Ну такъ позволь мнѣ тебѣ сказать, что я намѣрена еще не скоро доставить тебѣ случай говорить это.

— Не говорилъ онъ, что собирается къ намъ?—спрашиваетъ Сара съ интересомъ.

— Ни слова.

— Но можно было вывести изъ его словъ, что онъ придетъ.

— Нѣтъ.

— А какъ ты думаешь, придетъ онъ?

— Разумѣется, нѣтъ; онъ завтра уѣзжаетъ обратно въ Оксфордъ. Я бы желала сама уѣхать завтра въ Оксфордъ. Я бы желала, чтобы мы жили въ Оксфордѣ.

— Чтобы быть поближе къ нему, — смѣется Сара.

Сестра ее тоже смѣется, но не весело.

— Не совсѣмъ такъ; но судя потому, что онъ говоритъ, что всѣ говорятъ, тамъ должно быть такое сильное умственное оживленіе.

— Праведное небо! — кричитъ Сара скандализированная, — что съ тобой сдѣлалось? ты начинаешь говорить въ его тонѣ. Вотъ такія вещи онъ мнѣ всегда говорилъ и ожидалъ, что я буду ему сочувствовать.

— Я, можетъ быть, не такъ выразилась, — отвѣчаетъ Белинда, слегка конфузясь,—но я бы все кажется дала, чтобы перемѣ-

нить наше скучное, однообразное существованіе на что-нибудь другое.

— Мнѣ нравится наше однообразное существованіе,—отвѣчаетъ Сара довольнымъ тономъ,—кстати, ты напомнила мнѣ... Дженъ, гдѣ ты? Дженъ, какъ ты смѣешь? какъ можешь ты быть такимъ неделикатнымъ и показываться на глаза Пончу и Слютти полуодѣтымъ. Иди сюда сію минуту.

Но Дженъ, хотя и махаетъ лѣниво своимъ обезображеннымъ хвостомъ, однако не двигается съ мѣста и продолжаетъ грѣться у камина.

— Быть можетъ, однообразіе и хорошо для того, кому оно нравится,—замѣчаетъ Белинда, недовольно,—но пріятно было бы время отъ времени мѣнять свои впечатлѣнія. Мнѣ кажется, еще никогда въ жизни не было такъ скучно, какъ сегодня.

II.

Она повторила себѣ то же самое въ уединеніи своей спальни, въ томъ уединеніи, въ которомъ наименѣе правдивый говоритъ правду. Она повторила это себѣ и на слѣдующее утро. Возможно ли, чтобы для нея открылся новый интересъ въ жизни? Вѣдь другіе, профессоръ Фортъ, напримѣръ, жили и живутъ умомъ и повидимому очень довольны и счастливы. Почему не жить и ей также? Сердце у ней окаменѣло, и что же теперь можетъ помѣшать ей жить умомъ?

— Миссисъ, — докладываетъ Томми, появляясь въ дверяхъ маленькой пріемной, интимной комнаты, окнами во дворъ, куда всѣ три леди забрались по особому случаю,—пришелъ джентльменъ отъ Гиггинса и Роусона и дожидается въ передней.

Это уже другой Томми; прежній успѣлъ за это время вырости и окончательно развратиться, а потому и былъ удаленъ. Новый Томми, крошечный мальчикъ съ лицомъ херувима, оставляетъ желать многаго по части знанія имъ своего дѣла.

— *Джентльменъ* отъ Гиггинса и Роусона! — съ негодованіемъ повторяетъ миссисъ Чорчиль;—у Гиггинса и Роусона нѣтъ джентльменовъ, это холщевой магазинъ! Спроси, что ему нужно.

Херувимъ удаляется съ трепетомъ, и вниманіе его госпожи, отвлеченное его появленіемъ, обращается снова къ тому предмету, который вызвалъ ее сюда вмѣстѣ съ своими внучками. Это—мытье собакъ, занятіе, періодически выполняемое Сарой.

Дженъ уже вымытъ; онъ большая выскочка и всюду лѣзетъ

впередъ. Бѣлѣе снѣгу, очищенный отъ индиго и охры, онъ больше не смѣшенъ, и очень красиво и величественно возлежитъ на коврѣ. Теперь очередь злополучной Слютти, погруженной въ ванну съ намыленной жирной спиной, которую изо всей мочи скребетъ сильная, бѣлая ручка Сары.

Пончъ сидитъ поодаль въ подавленномъ состояніи духа, такъ какъ знаетъ, что та же участь предстоитъ и ему, но пытается увѣрить себя, что можетъ избѣжать ее, если будетъ держаться въ сторонѣ и не отвѣчать на обращаемые къ нему вопросы.

Белинда сидитъ тутъ же, по временамъ помогая Сарѣ справляться съ Слютти, когда послѣдняя начинаетъ особенно барахтаться; время отъ времени она переворачиваетъ страницы стихотвореній Броунинга, которыя лежатъ открытыя у нея на колѣняхъ, и за которыя она принялась, выполняя свою програму: жить отнынѣ исключительно умомъ.

Томми снова появляется.

— Миссисъ, извините, пришла лэди съ тамбуриномъ.

— *Лэди* съ тамбуриномъ?—повторяетъ миссисъ Чорчиль съ ужасомъ въ голосѣ.—Что ты хочешь этимъ сказать, Томми? Лэди не ходятъ съ тамбуриномъ по улицѣ! Ты хочешь сказать должно быть *женщина* съ тамбуриномъ? Прогони ее.

Вторично Томми удаляется сконфуженный, но не надолго. Послѣ краткаго отсутствія онъ возвращается.

— Извините, какой-то человѣкъ желаетъ васъ видѣть и дожидается въ передней.

— Человѣкъ! — соображаетъ миссисъ Чорчиль.—Ну вотъ такъ-то лучше; какой-нибудь прикащикъ должно быть! Сказалъ онъ изъ какого магазина?

— Извините, миссисъ, я не думаю, чтобы это былъ джентльменъ изъ... я не думаю, чтобы онъ пришелъ изъ магазина. Онъ сказалъ, что его фамилія Фортъ и велѣлъ мнѣ передать вамъ эту карточку, — поясняетъ Томми, подавая карточку миссисъ Чорчиль.

Посмотрѣвъ на карточку, миссисъ Чорчиль вскакиваетъ съ мѣста, съ легкимъ возгласомъ.

— Праведное небо! — восклицаетъ она въ смущеніи,—это профессоръ Фортъ. Съ какой стати Томми ты его называешь *человѣкомъ* и держишь въ передней? Проси его немедленно въ гостиную.

— Извините,—оправдывается стыдливымъ голосомъ Томми,—вы не приказывали мнѣ называть ихъ джентльменами.

— Пришелъ-таки!—кричитъ Сара торжествующимъ тономъ,

выглядывая съ сіяющимъ лицомъ изъ-за мыльной пѣны.—Какъ вы думаете пріятно ему будетъ видѣть, какъ я мою собакъ?

— Не могу представить себѣ, съ какой стати онъ явился,— говоритъ миссисъ Чорчиль, раздосадованнымъ тономъ.—У этого народа нѣтъ никакого такта. Я никогда не знала, о чемъ съ нимъ говорить. Прошу тебя, Сара, не вздумай опять водить его за носъ! Тебѣ, быть можетъ, это и весело, но намъ съ Белиндой онъ положительно помѣшаетъ.

— Мнѣ онъ не помѣшаетъ!—возражаетъ Белинда, холодно;— я довольна, что онъ пришелъ. Мнѣ надо съ нимъ поговорить! Я не думаю, чтобы онъ пришелъ для Сары. Онъ пришелъ для меня.

Она говоритъ это холоднымъ, положительнымъ, равнодушнымъ тономъ. Такъ же холодно, равнодушно и спокойно поднимается она по лѣстницѣ и входитъ въ гостиную, напутствуемая порученіемъ сестры:

— Скажи ему, что я сейчасъ приду, но что для меня долгъ важнѣе даже любви, а потому я должна сначала докончить мытье Слютти.

М-ръ Фортъ глядитъ на дверь въ тотъ моментъ, какъ входитъ Белинда, и невыразимое чувство облегченія выражается на его лицѣ, когда онъ видитъ, что она одна.

— Я взялъ смѣлость явиться къ вамъ,—начинаетъ онъ, но она перебиваетъ его:

— Я рада васъ видѣть, — сказала она, глядя ему прямо въ глаза съ холодной искренностью. Я желала переговорить съ вами. Садитесь пожалуйста.

И однако, теперь, когда она можетъ удовлетворить своему желанію, она, повидимому, не знаетъ чтó сказать.

Согласно своимъ зябкимъ привычкамъ, Фортъ усѣлся у камина, напротивъ окна, а она садится по другую сторону. Въ то время, какъ она глядитъ ему въ лицо, цѣлый вихрь мучительныхъ воспоминаній налетаетъ на ея бѣдную душу. Среди шума и суматохи прошлаго вечера память въ ней работала далеко не такъ живо. Она подумала, что можетъ безъ боли увидѣться съ нимъ, лишь съ тѣмъ застывшимъ равнодушіемъ, съ какимъ она теперь взираетъ на все и всѣхъ. И вотъ теперь оказывается, что въ каждой морщинѣ, проведенной размышленіемъ надъ его глазами, въ каждой недовольной складкѣ, сложившейся вокругъ его рта, гнѣздится демонъ воспоминанія.

Маленькая, зимняя, омраченная густымъ туманомъ лондонская гостиная уступила мѣсто солнечному дрезденскому салону.

Въ ушахъ снова раздаются ѣдкія насмѣшки Сары надъ ея поклонникомъ и смѣхъ Райверса, сопровождающій ихъ. Сотни незначительныхъ замѣчаній Райверса касательно слабостей послѣдняго, его манеры вѣчно кутаться, его скупости, его пищеваренія, замѣчанія, казавшіяся пустыми и веселыми тогда, когда они произносились, и представляющіяся теперь торжественными и зловѣщими, снова хлынули въ ея голову. О! неужели же сердце ея не можетъ обратиться въ камень! Нѣтъ, оно должно стать камнемъ, должно! и станетъ!

Молчаніе ея длится долѣе, чѣмъ она это сознаетъ, и нѣкоторая обида звучитъ въ тонѣ ея посѣтителя, когда онъ произноситъ:

— Надѣюсь, что я не помѣшалъ вамъ своимъ визитомъ?

— Нисколько! нисколько! — поспѣшно отвѣчаетъ она; но спокойствіе, съ какимъ она вошла въ комнату и поздоровалась съ нимъ, покинуло ее. Лихорадочный румянецъ горитъ на ея щекахъ и торопливость слышна въ ея рѣчахъ.

— Какъ уже я говорила вамъ, я рада васъ видѣть. Я желаю поговорить съ вами. Отчего вы не уѣхали обратно въ Оксфордъ?

— Я уѣду съ пятичасовымъ поѣздомъ,—отвѣчаетъ онъ,—и думаю, что не могу лучше воспользоваться остающимся времеменемъ, какъ...

— Да, да, понимаю,—кричитъ она, рѣзко перебивая его любезности.—Я хотѣла спросить у васъ, я хочу, чтобы вы мнѣ сказали, я думаю, что вы самый компетентный въ этомъ судья, вполнѣ ли возможно для человѣка жить исключительно однимъ умомъ?

Онъ съ сомнѣніемъ глядитъ на нее. Такой вопросъ въ устахъ особы, принадлежащей къ фамиліи Чорчиль! Урокъ, данный ему Сарой, сдѣлалъ его очень недовѣрчивымъ.

— Я хочу сказать,—говоритъ она, нервно вертя японскимъ вѣеромъ, который она взяла въ руки, чтобы защитить лицо отъ огня,—лицо, которое горитъ, но не отъ каминнаго жара,—я хочу сказать,—продолжаетъ она нѣсколько задыхаясь,—дѣйствительно ли вы думаете, что самая пріятная жизнь, самая удовлетворительная во всякомъ случаѣ... жизнь, всего менѣе подверженная разочарованіямъ... это та, которая построена на... на книгахъ знаете... на умственныхъ интересахъ?

— Вамъ извѣстно,—отвѣчаетъ онъ сухо,—что направленіе всего моего преподаванія клонится къ тому, чтобы доказать, что

тремленіе къ знанію ,есть единственное, которое дѣйствительно безусловно вознаграждаетъ затраченныя усилія.

— Вы такъ думаете?—возражаетъ она, задыхаясь и торопливо наклоняясь впередъ, устремляя свои большіе, тоскующіе лаза на него.—Вы думаете, что этого *достаточно*, что это ожетъ удовлетворить человѣка, что кромѣ этого ничего не ужно!

Въ тонѣ, какимъ она произноситъ эту послѣднюю фразу, учитъ невыразимая и страстная печаль. О, еслибы онъ могъ ть ей замѣну счастія, съ какимъ восторгомъ она упала бы ь его ногамъ и благословила его.

— Такъ какъ знанію нѣтъ предѣловъ,—начинаетъ онъ, но а снова перебиваетъ его.

— Нѣтъ, нѣтъ, конечно нѣтъ! Я понимаю! но какъ пріобрѣсти знанія, вотъ вопросъ! я думала... я полагала... я наялась.... что можетъ быть вы поможете мнѣ въ этомъ... соглатесь руководить мною!

Снова онъ подозрительно взглядываетъ на нее. Вѣдь съ имъ самымъ требованіемъ лживая Сара начала свой походъ а него? Не такого же ли разбора эта жажда знанія и не поухнетъ ли такъ же быстро и легко?

— Разумѣется,—торопится она, перетолковывая смыслъ его олебанія,—я не могу ожидать, чтобы вы тратили на меня много ремени, но я думала, что... что, быть можетъ, вы согласитесь олько направить меня... одолжите мнѣ время отъ времени каую-нибудь книгу.

— Я не имѣю привычки ссужать книгами,—отвѣчаетъ онъ все еще подозрительно,—но былъ бы счастливъ сдѣлать исключеніе въ вашу пользу, еслибы могъ повѣрить, что ваше желаніе образовать себя искреннее.

— Искреннее,—кричитъ она съ негодованіемъ и удивленіемъ.—Но почему же оно будетъ неискреннее, какой мотивъ можетъ у меня быть для притворства.

Нѣкоторое смущеніе пополамъ съ досадой выражается на его лицѣ.

— Вы не забыли, конечно,—говоритъ онъ,—что когда-то и ваша сестра притворялась, что интересуется литературой...

Онъ внезапно умолкаетъ, такъ какъ особа, которой его слова касаются, входитъ въ комнату подъ прикрытіемъ бабушки и цѣлой своры чистенькихъ собакъ.

— Какъ поживаете?—кричитъ она, подавая ему руку съ такой веселой добродушной улыбкой, точно они разстались только

наканунѣ и величайшими друзьями. Воспоминаніе о непріятномъ объясненіи, сопровождавшее ихъ послѣднее свиданіе, повидимому, не смущаетъ ее ни мало. Нѣтъ сомнѣнія также и въ томъ, что она приписываетъ себѣ всю честь настоящаго визита.

Но такому заключенію отнюдь не соотвѣтствуетъ поспѣшность, съ какой ея эксъ-поклонникъ берется за шляпу, бормоча что-то про поѣздъ, на которой боится опоздать.

— А что же книги?—говоритъ Белинда съ смущеніемъ и колебаніемъ, когда доходитъ очередь до нея проститься съ нимъ. — Вы не забудете, что обѣщали мнѣ книгъ.

Ей кажется, что онъ какъ будто уноситъ съ собой ея новую, слабую лихорадочную надежду, и она не въ силахъ упустить ее безъ всякой борьбы.

— Я подумаю объ этомъ,—поспѣшно отвѣчаетъ онъ, бросая подозрительный взглядъ на Сару,—я... я увѣдомлю васъ.

— Что эта за исторія съ книгами?—спрашиваетъ Сара любопытно, какъ скоро дверь за нимъ затворилась. Развѣ онъ собирается ссужать тебя книгами? Старый дуракъ. Вѣдь и мое юное сердце онъ соблазнилъ когда-то посредствомъ книгъ! Я думаю, что онъ собирается послѣдовать примѣру Іакова: не получивъ Рахили, онъ пытается заполучить Лію? Ну, Лія, что ты на это скажешь?

— Что у него за манера ёрзать на стулѣ!—говоритъ миссисъ Чорчиль съ досадой, направляясь къ стулу, на которомъ передъ тѣмъ сидѣлъ гость, чтобы поправить на немъ чехолъ.— Эти свободные чехлы никуда не годятся. Ну я надѣюсь по крайней мѣрѣ, что онъ не скоро повторитъ свой визитъ... Одно несомнѣнно: что никто изъ насъ не выражалъ желанія поскорѣе увидѣть его снова.

— Если я и не выражала этого, то думала,—отвѣчаетъ Белинда раздражительно.—Я желаю снова увидѣть его.

Въ отвѣтъ на это миссисъ Чорчиль только пожимаетъ плечами. Она и Сара усвоили себѣ въ послѣднее время эту манеру въ отвѣтъ на взрывы досады у Белинды,—взрывы, часто повторяющіеся и по поводу всякихъ пустяковъ, такъ какъ нѣкогда мягкій и кроткій характеръ Белинды сталъ совершенно неузнаваемъ.

— Какъ онъ курьезно дуренъ собой—кричитъ Сара, я не могу безъ смѣха глядѣть на него. Онъ напоминаетъ мнѣ то, какъ Чарльзъ Ламбъ описываетъ миссисъ Конради: — «всякій, кто хоть разъ видѣлъ миссисъ Конради, объявлялъ, что это самая некрасивая женщина, какую только ему случалось встрѣ-

чать въ жизни. Минута, когда вы увидите ее, становится эпохой въ вашей жизни».

Миссисъ Чорчиль лѣниво смѣется.

— Какая у тебя память дитя мое.

— Я помню и дальше,—заявляетъ Сара, поощренная похвалой: «Никто не скажетъ, чтобы ее можно было забыть, разъ увидѣвши. Никто и никогда не извинялся передъ ней въ томъ, что встрѣтивъ ее на улицѣ, не узналъ. Никто бы не повѣрилъ такому заявленію».

— Ты всегда была къ нему несправедлива,—строго замѣчаетъ Белинда,—въ немъ есть одна сторона, умственная его сторона, которую ты совершенно неспособна оцѣнить!

— Совершенно!—соглашается миролюбиво ея сестра,—да и ты также надѣюсь!

— Я по крайней мѣрѣ знаю, что она у него есть!—сердито кричитъ Белинда, безпокойно забѣгавъ по комнатѣ, — манера, которую она усвоила въ послѣдній годъ и которая довольно непріятна для ея сожительницъ.—Я признаю ее, я допускаю ее, я бы желала подражать ей, если бы могла.

— Съ какихъ это поръ?—сухо вопрошаетъ Сара.

Въ ея повидимому невинномъ вопросѣ есть что-то такое, что больно задѣваетъ разстроенные нервы Белинды.

— Тяжело видѣть, — что надъ человѣкомъ смѣются и стараются нарядить его въ шутовскій колпакъ, когда онъ употребляетъ всѣ усилія для самоусовершенствованія! Стоитъ ли стараться при такихъ условіяхъ. Стоитъ ли бороться...

Она заливается слезами и убѣгаетъ изъ комнаты.

— Ея характеръ становится невозможнымъ!—восклицаетъ миссисъ Чорчиль, поднимая къ небу свои хорошенькія, старушечьи, бѣлыя ручки.

Но Сара замѣчаетъ на это: — Бѣдняжка! — и цѣлуетъ собачекъ.

III.

Годъ прошелъ. Каждый день сумерки отвоевываютъ лишнюю частицу у свѣта. Но Лондонъ веселъ и оживленъ, въ немъ замѣтно даже болѣе оживленія, больше общественнаго возбужденія, чѣмъ даже въ обычный іюльскій сезонъ. Двѣ или три хорошихъ піэсы даются въ театрѣ, и окна магазиновъ завалены мѣховыми вещами. Чорчили осаждены приглашеніями на обѣды и на танцовальные вечера.

Вотъ и первая половина декабря мѣсяца. Желаніе миссисъ Чорчиль, чтобы визитъ профессора Форта болѣе не повторялся, подверглось общей участи всѣхъ желаній: оно не исполнилось. Фортъ сталъ бывать у нихъ и бывалъ такъ часто, что даже собаки перестали на него лаять, хотя не дошли еще до такого лицемѣрія, чтобы махать хвостомъ при его появленіи. Да по-правдѣ сказать онъ ничего не дѣлалъ для того, чтобы заслужить ихъ расположеніе. Однако даже тупоумный Томми понялъ, что долженъ приглашать его не въ гостиную, но въ маленькую пріемную, изъ которой насильственно удалены всѣ банки съ красками Сары и вообще весь тотъ мусоръ, который она обожаетъ. Вмѣсто того въ пріемной появились перья, чернильница и лексиконы и она перекрещена въ кабинетъ. Страсть Белинды къ ученью проявляется съ такимъ неудержимымъ жаромъ, что наблюдательный человѣкъ былъ бы склоненъ сомнѣваться въ ея прочности и постоянствѣ.

Она изучаетъ латинскій синтаксисъ; она учится греческому языку; она проходитъ университетскій курсъ исторіи и немногія свободныя минуты свои посвящаетъ алгебрѣ. Рѣдко-рѣдко проводитъ вечеръ съ своей семьей. По большей части она остается наверху, пишетъ латинскія упражненія, учитъ неправильные греческіе глаголы и трудится, трудится до поздней ночи. Ей хотѣлось бы заниматься безъ перерыва и забить всѣ уголки и щелки въ мозгу, гдѣ еще можетъ гнѣздиться воспоминаніе.

Но достигла ли она своей цѣли? помогаетъ ли лекарство? Вотъ вопросъ, который она не смѣетъ задавать себѣ. Порою онъ самъ напрашивается на языкъ въ безсонныя ночи. Порою перо падаетъ изъ ея окоченѣлыхъ пальцевъ, а утомленный мозгъ измѣняетъ надъ трудной страницей, и она стонетъ про себя:

— О! напрасно все это! напрасно! Развѣ жизнь стала слаще съ тѣхъ поръ, какъ она учится? Развѣ ученье помогаетъ ей сдерживать страшную раздражительность, отъ которой страдаютъ всѣ окружающіе? Развѣ оно разсѣяло ея угрюмое настроеніе, которымъ она отравляетъ жизнь своему небольшому кружку? На всѣ эти вопросы она по совѣсти не можетъ отвѣтить утвердительно.

Но быть можетъ не наступило еще время для того, чтобы лекарство подѣйствовало. Вѣроятно, дѣйствіе его медленное, но за то прочное. Ей слѣдуетъ упорствовать; было бы безуміемъ не упорствовать. Она сжимаетъ руками свои утомленные, сильно бьющіеся виски и снова берется за перо.

Часы бьютъ два, а она все еще пишетъ. Теперь не ночь,

а день. Миссисъ Чорчиль и Сара, закутанныя въ мѣха, въ хорошенькихъ, теплыхъ шляпкахъ и съ веселыми лицами сѣли въ наемную карету, чтобы ѣхать въ магазины за покупками и съ визитами.

Белинда осталась въ маленькой, пасмурной пріемной съ своими учебниками. Она сегодня еще не выходила на свѣжій воздухъ,—свѣжій, хотя наполненный дымомъ и копотью. Она просидѣла одна весь день, за исключеніемъ тѣхъ десяти минутъ, которыя не охотно пожертвовала на кофе и завтракъ.

Она была все утро одна, но теперь больше не одна. Профессоръ Фортъ пришелъ раздѣлить съ ней ея уединеніе. Она встрѣтила его жалобой.

— Я ждала васъ вчера.

— Меня задержалъ митингъ въ коллегіи и еще другія обязательства, — отвѣчалъ онъ. — Надѣюсь, — прибавилъ онъ церемонно,—что моя невольная неаккуратность не помѣшала вамъ.

— Нѣтъ, помѣшала,—рѣзко отвѣчаетъ она.—Мнѣ васъ было очень нужно. Я совсѣмъ была сбита съ толку вотъ этимъ мѣстомъ,—заявляетъ она, кладя руку на школьное изданіе «Комментарій Цезаря». Я ломала надъ нимъ голову до тѣхъ поръ, пока она у меня не пошла кругомъ.

И говоря это, раскрываетъ книгу и оба склоняются надъ ея страницами; его старое, безцвѣтное, морщинистое лицо съ облысѣвшимъ лбомъ, и ея свѣжее, молодое, обрамленное густыми каштановыми волосами.

Затрудненіе устранено, и она снова опрокидывается на спинку стула.

— Нѣтъ никакой надежды на успѣхъ, — мрачно говоритъ она, когда наши уроки идутъ такъ неправильно. Какъ было бы хорошо, если бы мы жили въ Оксфордѣ! какъ бы я желала, чтобы мы жили въ Оксфордѣ.

Она сидитъ рядомъ съ нимъ, но не глядитъ на него, высказывая это желаніе. Она, повидимому, говоритъ его въ пустое пространство.

Онъ подозрительно глядитъ на Белинду, на ея прелестный, молодой профиль, недовольный ротъ, тонкій, дерзкій, вздернутый носикъ и тоскливые, мрачные глаза. Онъ почти пересталъ подозрѣвать ее въ послѣднее время, но ея послѣдняя фраза снова будитъ въ немъ сомнѣнія. Вѣдь и Сара такъ ревностно заявляла о своемъ желаніи жить въ университетскомъ городѣ!

— Тогда было бы гораздо легче заниматься,—жалобно продолжаетъ она, не подозрѣвая объ его сомнѣніяхъ.—Если бы что-

нибудь меня затрудняло, я бы могла прямо обратиться къ вамъ. Я бы желала лучше жить въ Оксфордѣ, чѣмъ здѣсь.

Онъ все еще исподтишка наблюдаетъ за ней и не отвѣчаетъ.

— Должно быть тамъ хорошая жизнь! — продолжаетъ она съ тѣмъ же безпокойнымъ желаніемъ, какое овладѣваетъ больнымъ, мечтающимъ о какой-нибудь странной и необыкновенной яствѣ. Эта жизнь полна умственныхъ интересовъ, она должна поглощать, отвлекать человѣка отъ него самого!

Говоря это, она закидываетъ обѣ руки за голову и мечтательно глядитъ въ потолокъ. Онъ отводитъ отъ нея глаза. Быть можетъ, онъ доволенъ результатомъ своихъ наблюденій. Онъ теперь смотритъ въ открытую передъ нимъ латинскую книгу, а въ рукахъ вертитъ разрѣзательный ножъ, и необычное выраженіе появляется на его тонкихъ губахъ.

— Если вы искренни въ своемъ желаніи учиться...— начинаетъ онъ медленно; но она съ жаромъ перебиваетъ его:

— Искренно!—повторяетъ она съ сердцемъ,—не могу понять, почему вы предпосылаете всѣмъ своимъ замѣчаніямъ сомнѣніе въ моей искренности! Какая мнѣ корысть быть не искренней.

Она прямо и гнѣвно глядитъ на него, и взгляды ихъ скрещиваются; его старые, тусклые, осторожные глаза и ея молодые несчастные, сверкающіе, встрѣчаются.

— Если моя фраза оскорбила васъ, я измѣню ее,—отвѣчаетъ онъ сухо.—*Такъ какъ* вы искренни въ своемъ желаніи уч.....

Но ему не даютъ договорить слова. Раздается звонокъ у входной двери.

— Къ вамъ гости,—говоритъ онъ недовольнымъ тономъ:— Намъ помѣшаютъ.

— Нѣтъ, не помѣшаютъ, — отвѣчаетъ она, качая головой.— Томми знаетъ, что когда вы здѣсь, то меня нѣтъ дома ни для кого.

Эти слова могли бы быть истолкованы въ лестномъ для него смыслѣ, если бы не были произнесены такимъ равнодушнымъ и дѣловымъ тономъ; и онъ былъ бы величайшимъ фатомъ, если бы нашелъ ихъ для себя лестными.

— Пожалуйста продолжайте,—слабо улыбается она.—Такъ какъ я искренна въ своемъ желаніи ...въ какомъ именно?

Но онъ очевидно потерялъ нить своихъ мыслей.

— Должно быть вашъ слуга не понялъ вашихъ приказаній,—говоритъ онъ съ раздосадованнымъ взглядомъ.—Онъ кого-то впустилъ.

Оба прислушиваются, и Белинда мѣняется въ лицѣ.

— Если бы мы были въ Дрезденѣ, — говоритъ она вполголоса и съ волненіемъ, — и если бы я не знала, что это невозможно, то я бы сказала, что это голосъ...

Дверь раскрывается настежъ.

— Вотъ и я! — кричитъ миссъ Уатсонъ, врываясь въ комнату все въ томъ же повидимому клѣтчатомъ, бѣлое съ чернымъ, платьѣ и съ сѣдоватой гривой волосъ на лбу и съ тѣмъ же багрово-краснымъ лицомъ, которое, впрочемъ, какъ будто еще постарѣло и подурнѣло.

Ее не то, что вводитъ, но безпомощно сопровождаетъ злополучный Томми, тщетно протестуя своимъ дѣтскимъ голоскомъ противъ поведенія своего врага, подобно тому, какъ это такъ часто приходилось дѣлать его предшественнику.

— Я угадала по виду Томми, что вы дома! — весело кричитъ она: — кстати, это уже другой Томми! куда вы дѣвали прежняго? Я не хотѣла дать ему своей карточки. Я сказала ему: — нѣтъ! я сдѣлаю имъ сюрпризъ!

И ей это удалось. И м-ръ Фортъ, и его ученица, вскочили съ мѣста и стоятъ передъ посѣтительницей, впродолженіе нѣсколькихъ секундъ, ни слова не говоря отъ недовольнаго удивленія.

— И м-ръ Фортъ здѣсь! — кричитъ миссъ Уатсонъ, хватая его за руку, которую тотъ неохотно предоставляетъ ей для пожатія. — Да мы точно опять въ Дрезденѣ! Если бы съ нами были Сара и Райверсъ, то можно было бы подумать, что мы снова въ Дрезденѣ.

Никто изъ присутствующихъ этого не замѣчаетъ, но Белинда вздрагиваетъ. Съ той самой минуты, какъ голосъ миссъ Уатсонъ впервые коснулся ея испуганнаго слуха, она знала, что ей придется переносить звукъ имени Райверса. Въ сущности съ тѣхъ поръ прошло всего какихъ-нибудь двѣ минуты, но ей они показались долгими, мучительными часами.

— Какъ у васъ тутъ тѣсно! — покровительственно заявляетъ посѣтительница, оглядываясь кругомъ. Но почему вы тутъ сидите? почему вы не сидите въ гостиной? Развѣ тамъ каминъ не топится? О! вѣроятно Сара и бабушка въ гостиной! я пойду, навѣдаюсь къ нимъ.

— Ихъ нѣтъ дома.

— Нѣтъ дома! — повторяетъ та, смѣясь: — Сары никогда нѣтъ дома. Я бы желала, чтобы онѣ вернулись домой. Какъ скоро вы ждете ихъ назадъ? мы бы тогда были всѣ въ сборѣ, какъ въ Дрезденѣ, кромѣ Райверса!

Белинда опять вздрагиваетъ,—но стискиваетъ губы. Она *должна* вынести это. Она *должна* спокойно выслушивать это имя и даже сама произносить его.

— Какая ужасная исторія случилась съ его отцомъ, неправда ли?—продолжаетъ миссъ Уатсонъ, беззаботно высказывая мысли, навѣянныя именемъ Райверса. Обанкрутился на цѣлый милліонъ и перерѣзалъ себѣ горло. Говорятъ, что онъ оставилъ очень большое семейство... что-то двѣнадцать, или десять, или девять человѣкъ дѣтей? не знаете, сколько ихъ всѣхъ именно? Говорятъ, что они всѣ очутились на иждивеніи прихода. Но я не вѣрю этому; каждый день слышишь про банкротства разныхъ людей и затѣмъ видишь, какъ они разъѣзжаютъ въ собственныхъ каретахъ.

Сердце Белинды мучительно бьется, а руки ея дрожатъ такъ сильно, что она спѣшитъ поскорѣе сжать ихъ, чтобы скрыть эту дрожь. Но она справляется съ собой. Ей представляется случай освѣдомиться о немъ, и если она упуститъ его, то не дождется вторично долгія недѣли, мѣсяцы, можетъ быть годы. Она пользуется этимъ случаемъ и старается равнодушно произнести его имя.

— А что? развѣ м-ръ Райверсъ разъѣзжаетъ въ собственной каретѣ?—спрашиваетъ она съ принужденной улыбкой.

Усиліе выговорить это имя такъ велико, что ей кажется, будто она говоритъ необыкновенно громко; но такъ какъ слушатели не выказываютъ удивленія, она приходитъ къ заключенію, что это не такъ.

— Не знаю, ѣздитъ ли онъ въ каретѣ, — отвѣчаетъ миссъ Уатсонъ съ своимъ оглушительнымъ, самодовольнымъ смѣхомъ:— но знаю, что бываетъ въ креслахъ въ театрѣ, чего я не могу себѣ позволить, я бываю только въ балконѣ; хотя тамъ ногамъ и тѣсновато, но за то такъ же хорошо видно, какъ и на самыхъ лучшихъ мѣстахъ.

Белинда наклонилась надъ столомъ и перекладываетъ съ мѣста на мѣсто грамматики, учебники и письменныя принадлежности.

— Вы видѣли его въ театрѣ?—торопливо спрашиваетъ она.

— Да, я видѣла его недавно вечеромъ въ Сенъ-Джемскомъ театрѣ, — отвѣчаетъ миссъ Уатсонъ, любопытно слѣдя за непостижимой дѣятельностью Белинды. Что вы ищете? вы что-нибудь потеряли? Нѣтъ? Да, въ Сенъ-Джемскомъ театрѣ. Шла піеса «*Сквайръ*» —вы видѣли ее? она очень хорошо идетъ. Мистрисъ Кендаль въ ней лучше всего.

— Нѣтъ, кажется, — отвѣчаетъ безсвязно Белинда.—Я не думаю, я... я не видѣла ее. Вы говорите...

— Что я говорю? *(глаза ея продолжаютъ съ любопытствомъ слѣдить за безцѣльными движеніями Белинды)* вы, право, должно быть потеряли, что-то! ахъ, да!.. Я видѣла молодого Райверса въ театрѣ. Онъ былъ въ креслахъ съ какой-то дамой, вѣроятно съ сестрой... Хотя она нисколько на него не похожа *(съ многозначительнымъ взглядомъ)*. Если она находится на иждивеніи прихода, то послѣдній одѣваетъ ее необыкновенно хорошо.

Даже губы у Белинды побѣлѣли. Она сознаетъ это и крѣпко третъ ихъ рукой. Онъ въ Лондонѣ! онъ можетъ ходить въ театръ! онъ способенъ веселиться съ другими женщинами! Она думала про себя, что онъ долженъ былъ не разъ пріѣзжать въ Лондонъ впродолженіе этихъ полутора лѣтъ, но никогда до сихъ поръ этотъ фактъ не представлялся ея уму съ такой жестокой, очевидной несомнѣнностью. Какъ молнія поразилъ ее контрастъ между ихъ вечерами. Ея одинокія бдѣнія, посвящаемыя скучному ученью въ тщетной надеждѣ вытѣснить его изъ своей головы; и его времяпрепровожденіе въ покойномъ креслѣ ярко освѣщеннаго театра въ обществѣ красивой, чужой, но дорогой ему женщины. Красоту и любовь мгновенно присочинило ея больное воображеніе. А что то могла быть его сестра—этого ни на минуту не допускаетъ ея ожесточенная душа.

— Я пыталась поймать его, когда они выходили изъ театра,— продолжаетъ въ повѣствовательномъ тонѣ миссъ Уатсонъ.—Я видѣла, какъ онъ былъ занятъ своей дамой, онъ очень внимательный *братъ*!—со смѣхомъ дѣлаетъ она удареніе на этомъ послѣднемъ словѣ;—онъ закуталъ ее какъ ребенка! но хотя я изо всѣхъ силъ пробиралась сквозь толпу, но не могла продраться. Такой толпы кажется еще никогда не бывало. Я позвала его, и мнѣ показалось сначала, что онъ меня слышалъ, такъ какъ онъ оглянулся и встрѣтился со мной глазами, но должно быть я ошиблась, потому что послѣ этого онъ пошелъ еще скорѣе!

Въ прежнее счастливое время Белинда улыбнулась бы при этихъ словахъ.

Но теперь она не улыбается.

— Видали вы его съ тѣхъ поръ?—спрашиваетъ миссъ Уатсонъ, съ упорнымъ любопытствомъ глядя ей въ лицо;—неужели онъ у васъ ни разу не былъ? Я непремѣнно скажу ему, что это очень невѣжливо съ его стороны. Въ первый же разъ, какъ я его увижу, я пришлю его къ вамъ.

— Пожалуйста не надо,—говоритъ Белинда рѣзко, вытяги-

вая руку впередъ и блѣднѣя, какъ смерть. — То-есть я хочу сказать, — поправляется она, стараясь овладѣть собой въ виду удивленнаго и злораднаго любопытства, изображеннаго на лицѣ миссъ Уатсонъ, — что этого вовсе не нужно. Если онъ хочетъ придти къ намъ, то можетъ сдѣлать это безъ зова. У него есть нашъ адресъ.

IV.

Наступаетъ слѣдующій день. На дворѣ идетъ снѣгъ, но рыхлыми нерѣшительными хлопьями, которыя таятъ, падая на мостовую и дѣлаютъ ее еще грязнѣе. Миссисъ Чорчиль стоитъ у окна, съ отвращеніемъ наблюдая погоду, а Сара съ собаченками помѣстилась на коврѣ передъ каминомъ.

— И вотъ, что насъ ждетъ въ продолженіе цѣлыхъ пяти мѣсяцевъ! — восклицаетъ миссисъ Чорчиль, обращаясь съ этимъ сердитымъ замѣчаніемъ частью къ уличной грязи и непогодѣ, частью къ своей внучкѣ.

Но отвѣта не слышно. Все вниманіе Сары поглощено усиліями заставить Понча выполнить, для полученія сахарнаго бисквита, припрятаннаго отъ завтрака, самую лучшую изъ своихъ штукъ, а именно: прикинуться мертвымъ.

Какъ бы то ни было, а Materials Пончъ всего неохотнѣе выполняетъ эту пьэсу своего репертуара. Приказаніе умереть приходится повторить нѣсколько разъ, прежде нежели онъ повалится, наконецъ, неохотно на одинъ бокъ; но даже и тогда, онъ безпрестанно поднимаетъ голову и вскакиваетъ, такъ что зритель долженъ дополнить воображеніемъ картину смерти.

— Что за климатъ! — продолжаетъ сердито восклицать миссисъ Чорчиль. — Господи, Сара, зачѣмъ ты позволяешь Джену такъ отчаянно шумѣть.

И вопросъ этотъ дѣйствительно кстати. Дженъ, сидя на заднихъ лапкахъ, добровольно производитъ цѣлый рядъ упражненій, танцуетъ, прыгаетъ, служитъ, умираетъ — все это самымъ неумѣлымъ образомъ и только затѣмъ, чтобы отвлечь вниманіе, монополизированное Пончемъ.

— Какъ можно проводить зиму въ Англіи, это свыше моего разумѣнія! — продолжаетъ старая лэди, съ дрожью отходя къ камину. — Еслибы Белинда намъ не мѣшала, то мы поѣхали бы за-границу.

— Почему же Белиндѣ не ѣхать съ нами... Не смѣть, — гро-

зитъ она пальцемъ Пончу, который стремится преждевременно воскреснуть,—смирно! умри! умри!

— Денегъ не хватитъ, и кромѣ того,—пожимаетъ плечами бабушка,—она испортитъ все удовольствіе; она стала такая угрюмая.

— Не всѣ могутъ вѣчно паясничать, какъ мы съ вами,— отвѣчаетъ непочтительно Сара.

— Мы бы поѣхали на югъ,—продолжаетъ миссисъ Чорчиль, не обращая ровно никакого вниманія на непочтительный тонъ внучки, къ которому она, впрочемъ, привыкла, и глаза ея сіяютъ при одной мысли о такомъ праздникѣ;—мы провели бы недѣлю въ Парижѣ и каждый бы вечеръ ходили въ театръ. Мнѣ хочется посмотрѣть Жюдикъ въ новой пьесѣ. Мы бы побывали въ Монако, чтобы попытать свое счастье. Еслибы только... — и ея веселый тонъ переходитъ въ тонъ нетерпѣливой досады,—еслибы только Белинда намъ не мѣшала.

Миссисъ Чорчиль слишкомъ благовоспитанная женщина, чтобы говорить громко, но произношеніе у ней чистое и ясное; она не глотаетъ окончаніе словъ, какъ всѣ мы, англичане, привыкли это дѣлать. Человѣку, вошедшему въ комнату, нельзя было бы ее не разслышать, тѣмъ болѣе, что Дженъ, наконецъ, угомонился и пересталъ лаять и визжать.

Сара приподнимаетъ голову. Ей показалось, что дверь тихо затворяется. Мысль, быстрая, какъ молнія, заставляетъ ее оттолкнуть собачекъ и броситься за дверь. Да! она не ошиблась! Белинда медленно сходитъ съ лѣстницы, повернувшись спиной къ сестрѣ. Но прежде чѣмъ даже она оборачиваетъ къ ней лицо на ея зовъ, Сара угадываетъ, что она слышала слова бабушки. Она въ пальто и очевидно уходитъ изъ дому.

— Ты уходишь?—спрашиваетъ Сара съ такимъ виноватымъ лицомъ и голосомъ, какъ будто бы она сама, а не ея бабушка, изрекла злополучныя слова, услышанныя Белиндой.

— Да.

— Въ такую погоду?

— Да.

— Одна?

— Да.

— Гулять?

— Нѣтъ.

— На извощикѣ?

— Да.

— Куда ты отправляешься?—кричитъ Сара, съ тревожнымъ

любопытствомъ идя за сестрой, которая направляется къ выходной двери.

— Я ѣду въ Національную галерею, гдѣ должна встрѣтиться съ м-ромъ Фортомъ.

— Въ Національную галерею? но почему же онъ не можетъ пріѣхать сюда?

— Потому что къ несчастью здѣсь нѣтъ такой прекрасной картинной галереи какъ тамъ,—отвѣчаетъ непріятнымъ тономъ Белинда;—онъ желаетъ показать мнѣ одну картину старой итальянской школы.

Горькое предчувствіе охватываетъ Сару.

— Не ѣзди!—кричитъ она, хватая сестру за руки;—я увѣрена, что его картина такъ же неинтересна, какъ и онъ самъ. Пусть его дожидается. Пойдемъ въ гостиную и сядемъ у камина.

Но Белинда рѣшительно высвобождаетъ свои руки и открываетъ дверь на улицу.

— Я рада, что хотя въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ не буду мѣшать вамъ, говоритъ она ледянымъ тономъ.

Смеркается. Короткій зимній день близится къ вечеру. Въ Національной галереѣ, въ ея красивыхъ, но пустыхъ залахъ попадаются обычные посѣтители, представляющіе собой весь дневной контингентъ любителей искусства, доставляемый четырехмилліоннымъ населеніемъ Лондона: трое или четверо растрепанныхъ ремесленника и двое или трое дѣтей. Нельзя лучше выбрать мѣста людямъ, желающимъ безъ помѣхи переговорить другъ съ другомъ, но не имѣющихъ причины прятаться отъ постороннихъ глазъ. Передъ какой-то картиной, изображающей извивающуюся между длиннымъ рядомъ тополей тропинку, ведущую къ отдаленной деревенькѣ, къ которой направляется одинокій путникъ, стоятъ Белинда и профессоръ. Предлогъ свиданія, картина Джіотто уже осмотрѣна ими. Профессоръ медленно говоритъ что-то Белиндѣ, которой кажется, что путникъ въ картинѣ успѣетъ дойти до деревни прежде, нежели профессоръ окончитъ свою рѣчь. Но путникъ все еще на пути, а профессоръ уже кончилъ. Онъ высказался и не по-гречески. И теперь говоритъ Белинда. Глаза ея устремлены съ какимъ-то стекляннымъ взглядомъ на холодную и спокойную картину давно умершаго мастера, и тополи на ней какъ будто мѣрно раскачиваютъ верхушками въ тактъ ея словамъ. Голосъ ея тихъ и спокоенъ, хотя и жестокъ.

— Я очень рада слышать, что личная привязанность не

играетъ роли въ тѣхъ мотивахъ, которые побуждаютъ васъ предложить мнѣ вашу руку; вы не требуете любви...—она чуть замѣтно останавливается послѣ этого слова...—и я не могу вамъ ее дать; поэтому мы во всякомъ случаѣ не обманываемъ другъ друга.

Онъ дѣлаетъ жестъ согласія.

— Я не довѣряю, и не безъ основательной причины, завѣреніямъ въ нѣжной привязанности,—сухо отвѣчаетъ онъ.

Оттѣнокъ злопамятности въ его тонѣ говоритъ его слушательницѣ, что онъ разумѣетъ ея сестру, и въ умѣ ея мелькаетъ удивленная догадка, до какой мѣры Сара довела притворство, когда увѣряла его въ невозможной страсти. Невозможность ея особенно ясно выступаетъ въ настоящую минуту.

— Все, чего я требую, все чего я желаю—это имѣть умнаго, симпатичнаго товарища.

— Симпатичнаго? — повторяетъ она задумчиво; — я не чувствую къ вамъ ни малѣйшей симпатіи и не хочу обманывать васъ. Нѣтъ! поймемъ другъ друга вполнѣ. Я такъ же мало могу отдать вамъ свои симпатіи, какъ и свою любовь.

Новая чуть замѣтная пауза.

— Хорошо,—отвѣчаетъ онъ съ нетерпѣніемъ и какъ будто раздосадованный ея противорѣчіемъ:—съ своей стороны считаю нужнымъ предупредить васъ о томъ, что впрочемъ вамъ уже извѣстно, а именно: что ни многочисленныя занятія, ни состояніе моего здоровья не позволяютъ мнѣ предаваться тѣмъ развлеченіямъ, которыя считаются многими необходимыми, но отъ которыхъ вы должны будете отказаться.

— Я не нуждаюсь въ развлеченіяхъ!—возражаетъ Белинда мрачно;—развлеченія не развлекаютъ меня. Мнѣ нужно дѣло, и вы обѣщаете мнѣ дать это?

На лицѣ его мелькаетъ слабая усмѣшка.

— Думаю, что могу обѣщать вамъ, — живя со мной, вы не ощутите недостатка въ дѣлѣ. Моя матушка...

— Ваша матушка! — рѣзко перебиваетъ Белинда; — развѣ она все еще жива?

— Богъ еще сохранилъ ее для меня!—отвѣчаетъ онъ набожно, но ея тонкое ухо улавливаетъ въ его тонѣ такой звукъ, который говоритъ ей, что онъ не сталъ бы упрекать Всевышняго, еслибы онъ взялъ къ себѣ въ «горнія селенія» его престарѣлую родительницу.

— Она должно быть очень стара! — говоритъ опрометчиво Белинда, не сообразивъ, что изъ ея словъ можно вывести не совсѣмъ лестное для него заключеніе.

Онъ соглашается, что лѣта его матушки довольно преклонныя.

Белинда съ минуту молчитъ. Глаза ея все еще разсѣянно устремлены на ту же картину, а въ умѣ блуждаетъ смутное желаніе пойти вмѣстѣ съ изображеннымъ на ней человѣкомъ по той же тихой дорогѣ къ селенію съ красными крышами.

— Что она...—начинаетъ-было Белинда и умолкаетъ.

Въ ея памяти воскресаютъ различные факты, сообщенные Сарой объ ея будущей свекрови, факты не совсѣмъ пріятнаго свойства.

— Что она... (очень трудно высказать вѣжливымъ манеромъ: «съумасшедшая», «полоумная»;—она ищетъ подходящаго слова, но всѣ кажутся ей слишкомъ грубыми). — Что она пользуется еще хорошимъ здоровьемъ?

Онъ колеблется съ минуту.

— Она немного глуха.

— А зрѣніе у ней хорошо?

— Нѣтъ, къ сожалѣнію она почти ничего не видитъ.

— Но она пользуется умственными способностями?—продолжаетъ настойчиво Белинда.

— Ея умъ уже не такой, какъ прежде!—коротко отвѣчаетъ онъ, и Белинда чувствуетъ, что продолжать долѣе разспросы невозможно.

Да и къ чему? Развѣ тонъ его словъ не достаточно убѣдилъ ее, что на сей единственный разъ Сара сказала правду.

— Физическое здоровье моей матушки превосходно,—продолжаетъ онъ,—я бы желалъ быть хоть на половину такъ же бодръ тѣломъ, какъ она, но ея недуги такого свойства, что требуютъ очень нѣжной заботы, больше,—доканчиваетъ онъ со вздохомъ,—чѣмъ мои занятія дозволяютъ мнѣ оказывать ей!

Белинда молчитъ, выводя очевидное, хотя и не особенно пріятное заключеніе, что эти нѣжныя заботы должны выпасть на ея долю.

— Я по натурѣ не особенно люблю старыхъ людей,—медленно произноситъ она.—Я слишкомъ мало водилась съ ними; единственная старая женщина, которую я близко знаю, — это бабушка, а она пожалуй крѣпче меня. Я буду, насколько отъ меня это зависитъ, добра къ вашей матушкѣ, но это не тотъ родъ занятій, какой мнѣ нуженъ; мнѣ нужно, — отворачивается она отъ картины и устремляетъ ему въ лицо свой безпокойный взглядъ,—мнѣ нужно такое занятіе, которое наполняло бы мой умъ, мнѣ нуженъ непрестанный умственный трудъ!

— Я полагаю, что ничто не помѣшаетъ вамъ заниматься какой угодно наукой,—отвѣчаетъ онъ какъ бы съ досадой.

— А вы полагаете, что вкусъ къ этимъ занятіямъ *непремѣнно* разовьется во мнѣ? — съ жаромъ допытывается она. — Развѣ не бываетъ случаевъ противнаго? Я не хочу обманывать васъ; до сихъ поръ у меня нѣтъ вкуса къ этимъ занятіямъ; ученье не доставляетъ мнѣ удовольствія; мнѣ кажется, что у меня такъ же мало способностей къ ученью, какъ и у... (Сары, хотѣла она сказать, но во-время останавливается) какъ у самыхъ тупыхъ людей. Но вы думаете, что мнѣ удастся побѣдить себя, если я буду упорствовать? (въ ея лихорадочныхъ вопросахъ и въ жалобномъ выраженіи глазъ чувствуется мольба). Вы думаете, что настойчивость можетъ привести къ цѣли даже не особенно способныхъ людей. Я знаю, конечно, — прибавляетъ она смиренно, — что я не изъ очень способныхъ.

— У васъ довольно хорошія среднія способности, — сухо отвѣчаетъ онъ, — но было бы лестью съ моей стороны утверждать, что у васъ блестящія способности!

— Конечно, конечно! — поспѣшно соглашается она.

И затѣмъ снова наступаетъ молчаніе.

Профессоръ Фортъ нарушаетъ его наконецъ. Белинда очевидно не намѣрена говорить. Она снова въ воображеніи своемъ шествуетъ вмѣстѣ съ путникомъ на картинѣ. Будетъ ли это селеніе похоже на Везенштейнъ, когда она дойдетъ до него?

— Я полагаю, — церемонно произноситъ профессоръ Фортъ, — что вы позволите мнѣ пріѣхать завтра утромъ и сообщить вашей бабушкѣ о нашемъ намѣреніи; я не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, какъ она къ нему отнесется; не будетъ ли она ему противиться?

— Ни въ какомъ случаѣ! — отвѣчаетъ Белинда, возвращаясь изъ страны мечтаній и жестко смѣясь. — Напротивъ того, она будетъ очень рада избавиться отъ меня.

— А... а ваша сестра? — говоритъ онъ съ тѣмъ легкимъ злопамятнымъ усиліемъ, какого ему всегда стоитъ произнести это имя, — она тоже будетъ рада отъ васъ избавиться?

— Н-нѣтъ! не думаю! — медленно произноситъ Белинда. — Хотя она имѣла бы полное на это право, такъ какъ въ послѣднее время я все сдѣлала, чтобы отравить ей жизнь; но нѣтъ, все-таки не думаю. Кстати, — взглядываетъ она на него съ оживленіемъ, представляющимъ странный контрастъ съ ея предварительнымъ саркастическимъ равнодушіемъ, — я должна поставить условіемъ, что вы позволите ей навѣщать меня. Вы не будете на нее сердиться, — наивно прибавляетъ она, — за... за то, что было?

— Я вовсе не расположенъ сердиться, — отвѣтилъ онъ съ сухой усмѣшкой, — за такой образъ дѣйствій, которому я по крайней мѣрѣ имѣю основаніе въ настоящее время быть благодарнымъ.

— Хорошо,—безпечно замѣчаетъ она, пропуская мимо ушей его накрахмаленную любезность: — теперь, кажется, мы все обсудили. Кажется, нѣтъ ничего невыясненнаго, неправда ли?

Она говоритъ это съ такимъ спокойнымъ дѣловымъ видомъ, какъ будто бы дѣло шло о покупкѣ земли или новаго платья. Въ настоящую минуту зала, гдѣ они находятся, совсѣмъ пуста. Наступаетъ часъ, когда галерея запирается, и рѣдкіе посѣтители спѣшатъ убраться. Ничто не помѣшало бы поцѣловаться на прощанье двумъ людямъ, готовящимся соединить свои жизни. Но возможность чего-нибудь подобнаго даже мимолетно не возникаетъ въ умѣ Белинды, ни даже тогда, когда ея нареченный женихъ подходитъ къ ней ближе и говоритъ голосомъ, въ которомъ звучитъ больше чувства, чѣмъ она когда-либо слышала отъ него:

— Позвольте мнѣ еще разъ поблагодарить васъ.

— За что?—спрашиваетъ она, пронизывая его своимъ ледянымъ взглядомъ. — Мы съ вами вошли въ дѣловую сдѣлку и больше ничего. Вамъ нуженъ секретарь, экономка и сидѣлка для вашей матери; мнѣ нуженъ свой собственный домъ и «руководитель, философъ и другъ», — прибавляетъ она съ жесткимъ смѣхомъ.—Намъ не за что благодарить другъ друга.

Что отвѣчать на такія рѣчи. И онъ ничего и не отвѣчаетъ.

— Теперь мнѣ можно вернуться домой,—говоритъ она тѣмъ же холоднымъ, дѣловымъ тономъ,—обо всемъ остальномъ мы переговоримъ, когда вы завтра пріѣдете. Вы спрашиваете въ которомъ часу? когда вамъ это будетъ удобно; раньше или позже, какъ хотите. Мнѣ рѣшительно все-равно. Я должна попросить васъ кликнуть мнѣ извощика.

Когда они выходятъ на улицу, то оказывается, что идетъ дождь, тотъ противный дождь, который каждую минуту грозитъ превратиться въ снѣгъ. Онъ хлещетъ ее въ лице, когда она сходитъ съ лѣстницы, но она не ускоряетъ шаговъ, чтобы поскорѣй избавиться отъ него. Ей все равно, остаться сухой или промокнуть до костей. Дождь хлещетъ и тогда, когда она садится въ извощичью карету, но не позволяетъ поднять стекла. Не все ли ей равно. Всю дорогу до самаго дома ее терзаетъ воспоминаніе о лѣсѣ въ Везенштейнѣ. Ей не только онъ видится, но чувствуется даже его ароматъ, чувствуется тотъ воздухъ, которымъ она въ немъ дышала.

— Бабушка, — говоритъ Белинда, входя въ гостиную и направляясь прямо къ миссисъ Чорчиль, передъ которой останавливается, не обращая вниманія на привѣтственные взмахи хвостомъ всѣхъ трехъ собаченокъ, — вы съ Сарой можете укладывать свои сундуки и ѣхать въ Монако, какъ скоро вамъ вздумается. Я вамъ не помѣшаю.

Миссисъ Чорчиль поднимаетъ глаза, въ которыхъ отсутствуетъ обычное веселое оживленіе, и холодно устремляетъ ихъ на свою молодую внучку, блѣдная и строгая фигура которой стоитъ передъ ней. Она всегда находила, что Белинда слишкомъ высока ростомъ, и въ настоящую минуту это ощущеніе еще сильнѣе овладѣваетъ ею. Въ Белиндѣ вообще всего имѣется сверхъ мѣры, кромѣ пріятности.

— Ужъ не намекъ ли это на Ватерлоскій мостъ, съ цѣлью разсѣять наше дурное расположеніе духа?—саркастически вопрошаетъ она.

Миссисъ Чорчиль совсѣмъ не въ томъ пріятномъ и добродушномъ настроеніи, какимъ обычно славится. Въ этомъ виноваты: погода, нѣсколько скучнѣйшихъ посѣтителей и ни одного веселаго, а также сознаніе своей вины передъ Белиндой,—сознаніе, переходящее въ досаду, благодаря упрекамъ Сары, съ которой она однако не рѣшается ссориться, такъ какъ радость и спокойствіе ея жизни слишкомъ зависитъ отъ Сары. Но ничто не можетъ мѣшать ей поссориться съ Белиндой, и она чувствуетъ, что это было бы пріятнымъ развлеченіемъ.

— Ватерлоскій мостъ!—повторяетъ Белинда, не понявъ сразу въ чемъ дѣло;—ахъ! понимаю! нѣтъ, есть еще и другіе способы, кромѣ смерти, устраняться съ дороги.

— Быть можетъ ты намѣрена сообщить намъ о своемъ предстоящемъ замужествѣ?—иронически спрашиваетъ старушка.

— Вы освободили меня отъ этого труда, — отвѣчаетъ сухо дѣвушка, усаживаясь и принимаясь разстегивать пальто, въ которомъ ей начинаетъ быть душно въ жарко натопленной комнатѣ.

— Ты выходишь замужъ?—кричитъ старая лэди, вскакивая съ мѣста и подбѣгая къ внучкѣ.

Скука, досада, дурное расположеніе духа разсѣеваются какъ бы по мановенію волшебнаго жезла и уступаютъ мѣсто радостному оживленію.

— Неужели? милое дите мое, ты меня просто поразилаЯ. давно уже такъ не радовалась.

— Не спѣшите радоваться; — холодно перебиваетъ ее Белинда.—Прежде выслушайте за кого я обѣщала выйти замужъ.

— Я только что хотѣла спросить объ этомъ. Кто онъ такой? Милое дитя мое, ты не можешь представить себѣ, какъ ты меня интригуешь,—быстро перебираетъ бабушка въ умѣ немногосложный списокъ поклонниковъ Белинды и рѣшительно недоумѣвая кто изъ этихъ смѣльчаковъ, къ которымъ Белинда относилась постоянно съ неумолимой суровостью, рѣшился предложить ей руку и сердце.

— Профессоръ Фортъ!

Лицо у миссисъ Чорчиль вытягивается. Ямочки на щекахъ (у ней все еще появляются ямочки, когда она смѣется) пропадаютъ. Нѣсколько секундъ она не въ состояніи произнести ни звука, и даже по прошествіи нѣкотораго времени разражается одними безсвязными восклицаніями.

— Профессоръ Фортъ! Что ты говоришь! Чепуха! Не можетъ быть!

— Если вы не вѣрите мнѣ,—спокойно замѣчаетъ Белинда, —то спросите у него самого. Онъ пріѣдетъ завтра освѣдомиться у васъ: рѣшитесь ли вы разстаться со мной? Я сказала ему, что думаю, вы рѣшитесь.

— Профессоръ Фортъ! — повторяетъ миссисъ Чорчиль, постепенно, хотя и медленно, приходя въ себя.—Не могу постичь, что съ вами, дѣвочками, такое творится. Сначала Сара, теперь... Онъ должно быть колдунъ!

— Не думаю,—отвѣчаетъ, Белинда, съ тѣмъ же блѣднымъ спокойствіемъ.—Дѣло проще: ему нужна жена, а мнѣ нуженъ... —мужъ, хотѣла она сказать, но не договариваетъ, такъ какъ губы ея отказываются произнести такое дикое и неподходящее слово.

— Ну чтожъ, tous les goûts sont respectables,—замѣчаетъ миссисъ Чорчиль, цинически пожимая плечами.

— Къ чему вы примѣняете это свое любимое изреченіе, моя дорогая престарѣлая родственница?—шутливо спрашиваетъ Сара, неожиданно появляясь въ комнатѣ, потирая свои маленькія холодныя ручки и съ примирительнымъ видомъ подходя къ бабушкѣ.

Она чувствуетъ смутное облегченіе, видя, что Белинда вернулась. Никто не отвѣчаетъ: Белинда, потому что не хочетъ лишить свою бабушку удовольствія сообщить такую новость; миссисъ Чорчиль потому, что остатокъ чувства оскорбленнаго достоинства связываетъ языкъ, который ей не терпится развязать.

— Къ кому или къ чему примѣняете вы эти слова?—повторяетъ Сара рѣзче, подозрительно переводя взоры съ бабушки на сестру.

— Къ Белиндѣ,—отвѣчаетъ старуха, не будучи въ силахъ удерживаться долѣе.—Не знаю, пріятно ли тебѣ будетъ узнать, что она отбила у тебя поклонника, но она сейчасъ сообщила мнѣ, какъ когда-то ты это сдѣлала, что профессоръ Фортъ готовится стать моимъ внукомъ.

— Неправда!—громко и сердито кричитъ Сара, вспыхивая, какъ огонь.—Белинда, — беретъ она сестру за плечо и сердито трясетъ ее,—отчего ты молчишь? отчего ты ее не опровергаешь? зачѣмъ ты позволяешь ей говорить про тебя такія вещи? Вѣдь это неправда? скажи, что это неправда, что это *утка*. Ты сказала это только затѣмъ, чтобы подразнить ее: скажи, что это неправда.

— Почему же это не можетъ быть правда?—спрашиваетъ Белинда, обращая къ Сарѣ свое красивое, холодное лицо и свои мрачные глаза.

Послѣдняя нервно отнимаетъ свои руки отъ плечъ сестры и отступаетъ назадъ.

— Такъ это правда?—говоритъ она въ ужасѣ.

— По твоимъ манерамъ никакъ нельзя было бы вообразить, что когда-то ты сама собиралась выдти за него замужъ,—возражаетъ сухо Белинда,—а вѣдь это когда-то было.

— Тѣмъ хуже для меня,—кричитъ та яростно,—но я могу по крайней мѣрѣ сказать въ свое оправданіе, что никогда серьезно не собиралась за него замужъ.

— Въ этомъ мы отличаемся другъ отъ друга,—говоритъ Белинда, медленно вставая и направляясь, съ пальто на рукѣ, къ двери,—такъ какъ я имѣю серьезное намѣреніе выйти за него замужъ, и поэтому, бабушка,—она поворачивается къ нимъ и спокойно окидываетъ ихъ обѣихъ взглядомъ,—вы можете, какъ я уже вамъ сказала, укладывать свои сундуки и ѣхать въ Монако, когда вамъ вздумается.

— Какъ она мнѣ надоѣла съ этимъ Монако!—кричитъ миссисъ Чорчиль съ досадой, разыгрывающейся тѣмъ сильнѣе, что совѣсть ея, хотя и не особенно чуткая, все же нѣсколько укоряетъ ее.

— Это все вы надѣлали!—мрачно произноситъ Сара, сердито гремя каминными принадлежностями и дергая собаченокъ за уши;—вы довели ее до этого! Я знала, что рано или поздно вы этого добьетесь!

— Ба!—возражаетъ сердито та,—ее не такъ-то легко подвинуть въ ту или другую сторону. Еслибы дѣло шло объ ея счастіи,—напускаетъ она на себя родительскую заботливость,—

то не могу сказать, чтобы очень сожалѣла объ ея замужествѣ; но если она дѣйствительно выйдетъ замужъ—конечно бракъ съ такимъ amant pour rire возмутителенъ, но она кажется настоятельно этого хочетъ,—и если это состоится, то я не вижу причины,—и лицо ея снова проясняется,—почему бы намъ не отправиться на югъ.

V.

Наступаетъ утро. Миссисъ Чорчиль встаетъ свѣжая и здоровая послѣ пріятныхъ ночныхъ грезъ, въ которыхъ ей мерещились солнце и ландскнехтъ. Сара провела очень дурную ночь; ей снились гадкіе сны, смѣнявшіеся непривычной для нея безсонницей. А Белинда? Белинда не жалуется на то, что худо провела ночь. Она какъ будто постарѣла сравнительно со вчерашнимъ днемъ, но во первыхъ, нестерпимо холодно, а во-вторыхъ, за послѣдніе полтора года она вообще постарѣла. Наступило утро, и профессоръ пріѣхалъ. Сегодня онъ пришелъ не въ маленькую темную пріемную, но въ гостиную, куда былъ введенъ великолѣпнымъ, въ безукоризненной ливреѣ Томми, и гдѣ уже возсѣдала бабушка, поджидавшая его.

Быть можетъ имъ не о чемъ было очень много толковать другъ съ другомъ. По крайней мѣрѣ свиданіе длилось не долго, и явившійся на звонъ колокольчика Томми получилъ приказаніе пригласить въ гостинную миссъ Чорчиль. Она сидѣла въ своей маленькой, холодной спальной, приложивъ щеку къ оконному стеклу и лѣниво слѣдя глазами за грязными воробьями на крышѣ.

Она тотчасъ же идетъ на зовъ. Когда она входитъ въ комнату, женихъ направляется къ ней на-встрѣчу.

— Я счастливъ, что могу сообщить вамъ,—говоритъ онъ своимъ сухимъ, старческимъ голосомъ,—ваша бабушка такъ добра, что объявила,—она не видитъ препятствій къ нашему союзу.

— Я говорила вамъ,—отвѣчаетъ спокойно Белинда,—я знала, что она можетъ безъ меня обойтись.

Слова ея просты и просто сказаны,—безъ всякаго намека или подчеркиванья, но старая лэди задѣта ими.

— Дѣло совсѣмъ не въ томъ могу или не могу я обойтись безъ тебя,—рѣзко замѣчаетъ она.—Само собой разумѣется, что это будетъ утратой для нашей маленькой семьи, но я не имѣю права поддаваться личнымъ чувствамъ. Ты настолько уже взрослая дѣвушка, что сама можешь отвѣчать за себя. Ты совершен-

колѣтняя. Въ подобныхъ дѣлахъ третье лицо не должно путаться; само собой разумѣется, если вы искренно расположены другъ къ другу...

Белинда вздрогнула.

— Расположены! тутъ вопросъ вовсе не *въ расположеніи!*— говоритъ она сосредоточеннымъ и низкимъ голосомъ, тяжело дыша. —Я думала, что м-ръ Фортъ объяснилъ вамъ это; это un mariage de raison; мы вступаемъ въ бракъ потому, что можемъ быть полезны другъ другу. Неправдали?—обращается она къ нему.

— Миссисъ Чорчиль такъ же хорошо знаетъ, какъ и вы,— досадливо отвѣчаетъ онъ,—что у меня нѣтъ основанія желать преувеличенныхъ выраженій привязанности.

— Хорошо; я предоставляю вамъ самимъ переговорить обо всемъ этомъ,—говоритъ миссисъ Чорчиль поспѣшно, захвативъ свою работу и направляясь къ двери, чтобы уклониться, какъ *она* это дѣлала всю жизнь, отъ сцены, грозящей стать непріятной.

— Вы, конечно, останетесь къ завтраку, м-ръ Фортъ.

Кивая головой и улыбаясь, она исчезаетъ, и собаки, съ ихъ обычнымъ тонкимъ тактомъ слѣдуютъ за ней, всѣ, кромѣ Джена. Какъ только что дверь за ними затворилась, Белинда начала́:

— Я надѣюсь, — сказала она, устремляя на него безрадостный, пристальный взоръ, настолько холодный, что могъ бы заморозить вулканъ,—что между нами нѣтъ никакихъ недоразумѣній, и что вы понимаете наши взаимныя отношенія такъ же хорошо, какъ и я.

— Я полагаю,—что нѣтъ никакой надобности снова возвращаться къ этому пункту,—замѣчаетъ онъ недовольно.

Его недовольство ее не трогаетъ.

— Лучше теперь заблаговременно условиться во всемъ, нежели тогда, когда уже будетъ поздно,—серьезно отвѣчаетъ она.

Онъ приблизился къ своему обычному магниту, огню, и грѣетъ безкровныя руки. Быть можетъ, это служитъ причиной, почему онъ не выражаетъ ни согласія, ни не согласія.

— Я желаю,—чтобы вы меня вполнѣ поняли,—продолжаетъ она съ той же серьезностью въ голосѣ: и чтобы не упрекали впослѣдствіи и не считали, что я поступила съ вами несправедливо; я не чувствую къ вамъ ни малѣйшей искры любви и никогда не буду чувствовать. Многіе мужчины... большинство мужчинъ отказались бы жениться на женщинѣ при такихъ условіяхъ. И вы еще можете отказаться отъ меня.

Бѣдный женихъ, къ которому она обращалась, нетерпѣливо ёрзалъ на стулѣ.

— Я думалъ,—замѣтилъ онъ сердито,—что мы вчера вполнѣ обсудили этотъ вопросъ.

— Этотъ вопросъ—такой вопросъ, что заслуживаетъ всесторонняго обсужденія,—настаиваетъ она:—хотя я не могу любить васъ—къ счастью для васъ, вы и не требуете отъ меня любви... но я постараюсь исполнить свои обязанности къ вамъ; я буду такъ полезна, какъ только могу. Судя по тому, что мнѣ извѣстно объ обстоятельствахъ вашей жизни, я думаю, что могу быть очень вамъ полезна. Вы немолоды; не пользуясь хорошимъ здоровьемъ, вы одиноки.

Ерзанье на стулѣ, близко придвинутомъ къ огню, показываетъ, что этотъ перечень недуговъ не совсѣмъ пріятенъ тому, къ кому онъ относится.

— Я тоже одинока въ извѣстномъ отношеніи,—продолжаетъ Белинда, съ безсознательной жалобной нотой въ голосѣ;—мы можемъ быть полезны другъ другу; вы будете учить меня,—взываетъ она къ нему съ свойственной ей безнадежной, холодной мольбой.—Я буду плохой ученицей и никогда не принесу вамъ чести, но вы все-таки будете меня учить, и мы постараемся насколько можно помогать другъ другу.

Проговоривъ это, она подходитъ къ нему и протягиваетъ свою молодую, нѣжную ручку какъ бы затѣмъ, чтобы скрѣпить этотъ договоръ. Онъ церемонно беретъ ея руку, но пожимаетъ ее не нѣжнѣе, чѣмъ руку ея бабушки. Быть можетъ, у него нѣтъ желанія пожать ей нѣжно руку, а быть можетъ онъ не рѣшается этого сдѣлать.

Белинда садится напротивъ его; свѣтъ изъ окна падаетъ ей прямо на лицо; руки ея сложены на колѣняхъ, а глаза неподвижно устремлены въ пространство. Въ ея позѣ есть что-то такое натянутое и мучительное, что Дженъ, добрая, хотя и глупая собака, подходитъ къ ней и трется носомъ объ ея колѣни, чтобы развеселить ее.

— Еслибы ваша бабушка удостоила удѣлить мнѣ еще нѣсколько минутъ, начинаетъ м-ръ Фортъ тономъ, въ которомъ слышится нѣкоторая обида, то я могъ бы объяснить ей нѣкоторыя подробности, которыхъ я не успѣлъ даже и коснуться вскользь. Напримѣръ, относительно срока свадьбы; я бы не хотѣлъ неприлично торопить васъ, но...

Она чувствуетъ, что говоря эти послѣднія слова, онъ зорко слѣдитъ за ней. Неужели это тотъ оселокъ, на которомъ онъ испытываетъ ея искренность? Ужъ не думаетъ ли онъ, что она

способна такъ же зло насмѣяться надъ нимъ какъ Сара? Эта идея мелькаетъ въ ея умѣ и кажется даже слегка забавной.

— Вамъ незачѣмъ совѣтоваться съ бабушкой,—холодно отвѣчаетъ она;—вамъ лучше устроить это такъ, какъ вамъ будетъ всего удобнѣе.

Въ ея взглядѣ и въ голосѣ выражается такая очевидная правдивость, такое безусловное отсутствіе всякаго желанія уклониться отъ исполненія своего обѣщанія, что его недовѣріе разсѣявается.

— Мнѣ все-равно,—продолжаетъ она,—откладывать свадьбу нѣтъ причины.

Въ тонѣ ея голоса слышится такая покорная и безграничная безнадежность, что Дженъ снова третъ свой носъ объ ея колѣни и издаетъ короткій, симпатизирующій лай. Если и это не развеселитъ ея госпожу, то ужъ послѣ этого, значитъ, ничто не поможетъ.

— Я конечно охотно предоставлю вамъ все время для всякихъ приготовленій, какія для васъ необходимы,—заявляетъ м-ръ Фортъ.

— Какія приготовленія?—отрывисто спрашиваетъ она.—Вы, полагаю, уже не въ тѣхъ лѣтахъ, когда свадебныя увеселенія могли бы доставить вамъ удовольствіе, и они будутъ совсѣмъ неумѣстны въ настоящемъ случаѣ.

— Однако, въ такихъ случаяхъ принято, какъ мнѣ кажется,—возражаетъ онъ недовольнымъ голосомъ,—приносить нѣкоторыя жертвы приличіямъ; принято...

— Принято любить другъ друга!—перебиваетъ она его съ горькимъ смѣхомъ,—то, что принято другими, до насъ не относится; вамъ нечего стѣсняться моими приготовленіями.

Онъ молчитъ, но лицо его выражаетъ досаду.

— Лучше назначить свадьбу скорѣе,—продолжаетъ холодно Белинда.—Я стѣсняю свою семью своей особой. Онѣ желаютъ отъ меня освободиться; онѣ хотятъ ѣхать на югъ Франціи; намъ лучше скорѣе обвѣнчаться.

Но даже и тутъ профессоръ Фортъ не тотчасъ отвѣчаетъ. Быть можетъ, такое отношеніе къ наступающему браку кажется ему еще досаднѣе, нежели отношеніе Сары. Наконецъ онъ медленно изрекаетъ:

— Мнѣ очень пріятно (причемъ въ голосѣ его не выражается ни капли удовольствія) встрѣтить въ васъ такую готовность исполнить мое желаніе.

— Намъ незачѣмъ ждать,—коротко повторяетъ она.

Можно подумать, что эта фраза ей понравилась.

Снова наступаетъ пауза, въ продолженіе которой глаза Белинды устремлены въ лицо ея жениха съ холоднымъ ожиданіемъ.

— Еслибы равнодушіе, выражаемое вами относительно срока, не придавало мнѣ смѣлости,—говоритъ онъ наконецъ,—то я не рѣшился бы просить назначить нашу свадьбу на десятое будущаго мѣсяца.

— А раньше нельзя?—спрашиваетъ Белинда коротко.

Онъ глядитъ на нее съ нескрываемымъ удивленіемъ. Неужели въ этой семьѣ ему суждено встрѣчать или искреннія проволочки, или неженственную торопливость?

Белинда видитъ и понимаетъ смыслъ его взгляда, но не опускаетъ глазъ передъ нимъ; щеки ея не краснѣютъ.

— По моему разъ дѣло рѣшено, его не слѣдуетъ откладывать въ долгій ящикъ,—говоритъ она съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ, идущимъ въ разрѣзъ съ тѣмъ мертвымъ спокойствіемъ, которое она передъ тѣмъ высказывала.—Я ненавижу проволочки.

— Я боюсь,—отвѣчаетъ онъ смущеннымъ и не особенно довольнымъ тономъ,—что мои обязательства не позволятъ мнѣ ускорить свадьбу. Я думаю, что если мы назначимъ ее на десятое января, то въ нашемъ распоряженіи будутъ цѣлыхъ двѣ недѣли для того, чтобы приготовиться къ предстоящему путешествію...

— *Путешествію!*—перебиваетъ она его почти грубо.—Какому путешествію? неужели вы разумѣете свадебную поѣздку (*съ неописаннымъ отвращеніемъ въ голосѣ*). Къ чему намъ путешествовать? отчего намъ не отправиться прямо въ Оксфордъ?

— Мнѣ очень непріятно идти противъ вашего желанія,—сухо возражаетъ онъ,—но не говоря уже о томъ, что у меня сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія на этотъ счетъ, и мой врачъ, кромѣ того, совѣтуетъ мнѣ перемѣну воздуха, для того, чтобы успѣшнѣе отдохнуть отъ напряженныхъ занятій въ Оксфордѣ.

Она съ минуту молчитъ. Затѣмъ произноситъ ворчливо:

— Конечно, если этого требуетъ здоровье, то я не стану возставать противъ путешествія,—хотя что до меня касается,—то я охотно поѣхала бы въ Оксфордъ.

— Слава Богу!—онъ таки не остался къ завтраку!—кричитъ Сара съ восторгомъ;—его присутствіе лишило бы меня всякаго аппетита! я не могу сидѣть съ нимъ за однимъ столомъ.

— Я полагаю,—что тебѣ предстоитъ примириться съ этимъ обстоятельствомъ современемъ!—сухо замѣчаетъ Белинда.

— Онъ ушелъ по-добру, по-здорову, неправда-ли?—продолжаетъ радоваться Сара.—Ты одумалась?—ты вѣдь пошутила?—

Если это только шутка, то, сознаюсь, что она довольно забавна. Могу сказать даже,—прибавляетъ Сара, бросая на сестру взглядъ негодующаго восхищенія, что въ этомъ отношеніи ты меня заткнула за поясъ. Да, да!—ты пошутила.

— Напротивъ того,—возражаетъ Белинда съ прежнимъ ледянымъ спокойствіемъ,—день свадьбы назначенъ!

Сара такъ поспѣшно вбѣжала въ комнату, что забыла затворить за собой дверь, въ которой теперь показывается бабушка. Она очевидно слышала послѣднія слова Белинды, потому что повторяетъ съ радостными глазами:

— Какъ уже и день назначенъ!—Милая Белинда, ты намъ не даешь опомниться—мы совсѣмъ захвачены въ расплохъ! Но когда же именно вы назначили свадьбу?

— На десятое будущаго мѣсяца, — отвѣчаетъ коротко Белинда, отворачивая свое мрачное лицо отъ сіяющаго лица разспрашивающей ея бабушки и говоря еще холоднѣе, если только это возможно.

— Десятое!—повторяетъ миссисъ Чорчиль тономъ, которому честно, хотя и не вполнѣ успѣшно, пытается сообщить, оттѣнокъ сожалѣнія;—какъ скоро ты спѣшишь насъ покинуть!

— Не зачѣмъ откладывать, — возражаетъ Белинда, машинально повторяя свою скучную фразу.

— Не постигаю, какъ мы поспѣемъ приготовить приданое въ такой короткій срокъ!—говоритъ миссисъ Чорчиль, вспыхивая отъ удовольствія, причемъ ямочки появляются на ея лицѣ.— Намъ слѣдуетъ сегодня же ѣхать заказать тебѣ бѣлье. Мэри Смитъ въ Слонъ-Стритѣ превосходная бѣлошвейка, но навѣрное уже занята изготовленіемъ полудюжины приданыхъ.

— Не затрудняйте ее седьмымъ, — возражаетъ Белинда съ горькой усмѣшкой.—Мнѣ не надо никакого приданаго.

— Это значитъ, разумѣется, что ты не серьезно собралась выходить замужъ,—замѣчаетъ миссисъ Чорчиль съ сильнымъ разочарованіемъ въ голосѣ.—Ты бы такъ сразу и говорила! Все это однѣ басни.—Лучъ надежды мелькаетъ въ ясныхъ глазахъ Сары, съ жаднымъ ожиданіемъ взглядывающей на сестру; но выраженіе лица послѣдней сразу убиваетъ эту надежду.

— Не бойтесь,—отвѣчаетъ спокойно Белинда.—Это не басни; но я не хочу новаго гардероба; тѣмъ больше денегъ останется вамъ на поѣздку въ Монако.

— Монако! Монако!—повторяетъ миссисъ Чорчиль, прикрывая досадой сознаніе своей вины;—Монако сталъ кажется для тебя какой-то idée fixe, но что касается гардероба...

— Что касается гардероба,—то просто на-просто мнѣ его не надо,—объявляетъ Белинда повелительнымъ и рѣшительнымъ тономъ.

— Я считала,—что это единственное утѣшеніе для меня въ этомъ безотрадномъ дѣлѣ... приданое и подарки.

— Подарки! — нетерпѣливо повторяетъ Белинда; — мнѣ не надо подарковъ!

— Короче сказать, — замѣчаетъ миссисъ Чорчиль саркастически,—вы съ профессоромъ намѣрены отправиться въ кэбѣ въ контору брачныхъ записей въ восемь часовъ утра.

— Если вы замѣните контору церковью, то вы какъ разъ угадали мое намѣреніе.

Наступаетъ смущенное молчаніе. Сара и миссисъ Чорчиль переглядываются. Что-то въ ихъ взглядѣ раздражаетъ Белинду.

— Вы никакъ не хотите понять, — говоритъ она, переходя изъ своего ледяного спокойнаго тона въ крайне раздражительный, который такъ хорошо знакомъ ея семьѣ въ послѣднее время,—и безполезно вамъ это объяснять, по крайней мѣрѣ, я устала вамъ это объяснять, что это не обыкновенная свадьба. Радоваться, пировать и шить приданое въ этомъ случаѣ совершенно неумѣстно. Я вамъ объясняла, что это простое дѣловое обязательство; я прожужжала вамъ этимъ всѣ уши, а вы все не понимаете! *Это просто на-просто дѣловая сдѣлка!*

Она еще и еще разъ повторяетъ это, какъ бы для того, чтобы убѣдить самое себя столько же, сколько и своихъ слушательницъ, которыя ей однако не противорѣчатъ.

— Достаточно ли ясно ты представила это профессору Форту? —сухо спрашиваетъ миссисъ Чорчиль,

— Вполнѣ!—отвѣчаетъ Белинда съ возбужденіемъ;—вполнѣ! Я представила ему это такъ ясно, какъ божій день; онъ вполнѣ понимаетъ; вполнѣ со мной согласенъ; вполнѣ раздѣляетъ мои взгляды.

— Какой однако странный женихъ! — замѣчаетъ миссисъ Чорчиль саркастически.

— Это бракъ по разсудку! — возражаетъ Белинда, продолжая волноваться и подозрительно и сердито оглядываясь на присутствующихъ: не смѣются ли онѣ надъ ея словами.—Я думаю, что нѣтъ ничего страннаго въ томъ, что два человѣка надѣятся достичь раціональнаго счастія на основаніи разсудка.

Миссисъ Чорчиль отворачивается, чтобы скрыть улыбку, отъ которой не въ силахъ удержаться.

— Бракъ по разсудку! — повторяетъ Сара съ нескрываемымъ

отвращеніемъ;—я слыхала про то, но въ первый разъ въ жизни имѣю счастіе во-очію созерцать одинъ изъ такихъ браковъ и смиренно надѣюсь, что это будетъ и въ послѣдній.

VI.

Зима протекаетъ; приходитъ Рождество, и какъ то теперь часто бываетъ въ Лондонѣ, приходитъ почти въ потемкахъ непроглядныхъ, сѣрыхъ потемкахъ. Газъ приходится зажигать съ десяти часовъ утра. Скучный свѣтъ его мелькаетъ съ непримѣтнаго разсвѣта до безспорной ночи. Подъ его губительнымъ дыханіемъ, за-одно съ убійственнымъ дѣйствіемъ зловоннаго тумана, проникающаго во всѣ щели, печально вянутъ и блекнутъ растенія и цвѣты въ жардиньеркахъ, не смотря ни на какой тщательный уходъ. Сквозь удушливую темноту колокола звонятъ какимъ-то подавленнымъ, скучнымъ звономъ: кэбы осторожно ѣдутъ шагъ за шагомъ, а омнибусы и совсѣмъ не ходятъ. Никто изъ семьи Чорчилей не могъ отправиться въ церковь, и отъ этого или подъ вліяніемъ тумана расположеніе духа всѣхъ членовъ семьи стало еще хуже.

Миссисъ Чорчиль любитъ ходить въ церковь на Рождество; для нея это своего рода условіе, неисполненіе котораго можетъ, по ея мнѣнію, повредить ей и въ здѣшней, и въ будущей жизни.

— Не понимаю, что, кромѣ самой неизбѣжной необходимости, можетъ заставить людей проводить зиму въ Англіи! — кричитъ она, капризно захлопывая молитвенникъ, въ которомъ читала дневныя молитвы.

Сара, ея единственная собесѣдница, ничего не отвѣчаетъ; не потому, чтобы она была поглощена какимъ-нибудь занятіемъ, но потому что замѣчаніе это надоѣло ей и кажется неинтереснымъ.

— И я совсѣмъ неувѣрена, что намъ можно будетъ въ концѣ концовъ уѣхать,—продолжаетъ старуха, не дождавшись сочувственнаго отвѣта.—Я не увѣрена въ Белиндѣ,—объявляетъ она раздраженнымъ голосомъ,—она вполнѣ способна прогнать его въ послѣднюю минуту. Какъ ты думаешь?—слышишь, что я тебѣ говорю, или нѣтъ? какъ ты думаешь: не прогонитъ она его въ послѣднюю минуту?

Если она этого не сдѣлаетъ, то не по моей винѣ,—отвѣчаетъ Сара, угрюмо.

— Я право не считаю, чтобы ты имѣла право отговаривать ее, — возражаетъ миссисъ Чорчиль сердито.—Я нахожу, что это не твое дѣло. Что ты очень дурно поступила съ нимъ, — такъ это еще не резонъ, чтобы подбивать сестру поступить съ нимъ точно также. По чести я считаю себя обязанной относительно его настаивать на томъ, чтобы ты не отговаривала ее!

— Можете настаивать сколько вамъ угодно, — отвѣчаетъ непочтительно Сара, причемъ ея мягкое, круглое личико вдругъ становится жесткимъ и сердитымъ, — но пока я жива, я употреблю всѣ силы для того, чтобы помѣшать такому чудовищному самоубійству!

— Самоубійству! — повторяетъ раздражительно миссисъ Чорчиль, — полно! ты могла бы поблагодарить судьбу, еслибы ктонибудь когда-нибудь такъ хорошо обезпечилъ тебя, какъ онъ ее! Какое же это самоубійство?

— Почему вы сами не выйдете за него замужъ, если онъ вамъ такъ нравится?—цинически вопрошаетъ Сара; — ему же кажется все равно на комъ изъ насъ ни жениться. Онъ, кажется, увлеченъ нашей фамиліей вообще, а не кѣмъ-либо изъ нея въ частности. Выходите за него и увозите его въ Каннъ; увѣряю васъ, что я палецъ о палецъ не ударю, чтобы помѣшать этому!

— Онъ человѣкъ не безъ достоинствъ въ своемъ родѣ, — продолжаетъ миссисъ Чорчиль, притворяясь, что не слышитъ ироническаго предложенія своей внучки, — хотя его достоинства такого свойства, что не могутъ быть оцѣнены тобой. Онъ не красивъ, конечно, но...—ищетъ словъ миссисъ Чорчиль...—у него выразительное лицо. Онъ прекрасно обезпечилъ ее; я даже была удивлена. Ей уже двадцать-одинъ годъ, и это ея первый bona-fide претендентъ; я нахожу, что ты окажешь ей плохую услугу, если заставишь отказаться отъ такого выгоднаго случая пристроить себя.

— Окажу я ей этимъ услугу или нѣтъ,—упрямо возражаетъ Сара, идя къ двери,—но клянусь вамъ, что до самаго вѣнца буду отговаривать ее; и такъ поступили бы и вы, еслибы только сознавали свой долгъ. Знайте,—сердито оборачивается она, уже взявшись за ручку двери,—что я и теперь иду къ ней затѣмъ, чтобы отговаривать ее.

Сказано, и сдѣлано. Она находитъ Белинду, какъ и ожидала, въ маленькой темной пріемной, но не за тѣмъ занятіемъ, за какимъ ожидала ее найти. Она ожидала найти ее за ея вѣчными учебниками и упражненіями, но на этотъ разъ Белинда отложила ихъ въ сторону. Она сидитъ на коврѣ у камина; газъ

ярко горитъ надъ ея головой и бросаетъ некрасивыя тѣни на ея щеки, которыя кажутся худыми и впалыми. Передъ ней раскрыты старые бювары, старые рабочіе ящики и тому подобныя дѣтскія утѣхи. На колѣняхъ у ней лежитъ раскрытая карманная записная книжка, переплетенная въ сафьянъ, которую она поспѣшно закрываетъ руками при входѣ Сары.

— Я привожу свои вещи въ порядокъ,—говоритъ она съ виноватой улыбкой.—Видишь, какой вокругъ меня хаосъ. Вотъ коробочка съ англійскимъ пластыремъ, которую ты мнѣ подарила на мое рожденіе, когда мнѣ исполнилось восемь лѣтъ. Помнишь, какъ мы любили дарить другъ другу англійскій пластырь? Вотъ рабочій ящикъ, который бабушка привезла мнѣ изъ Бата; я помню, что я плакала, потому что тебѣ она привезла гораздо лучше. Значитъ, вотъ уже когда это началось,—прибавляетъ она, задумчиво глядя на маленькія, старыя, заржавѣвшія ножницы.

— Что ты разсматривала, когда я вошла? — спрашиваетъ вдругъ Сара, опускаясь на колѣни передъ сестрой.

Белинда вздрагиваетъ. Ея первымъ движеніемъ крѣпче прижать руками свое сокровище. Но она раздумываетъ.

— Смотри, если желаешь, такъ какъ сейчасъ это отправится въ огонь,—говоритъ она спокойно, хотя щеки ея вспыхиваютъ. —Не вижу причины отъ тебя прятаться; это залоги привязанности почти такой же жаркой и такой же надежной, какъ и бабушкины. Вотъ, — подноситъ она къ глазамъ Сары одинъ за другимъ засохшіе цвѣты,—это было когда-то гарденіей, а вотъ капскій жасминъ, а вотъ тубероза! Какъ они красивы! какъ они хорошо теперь пахнутъ! ну, наглядѣлась? А теперь въ огонь.

И говоря это, не смотря на невольное движеніе, которое дѣлаетъ Сара, чтобы остановить ее, она бросаетъ скелеты цвѣтовъ въ каминъ, гдѣ они сгораютъ съ легкимъ трескомъ.

Белинда слѣдитъ за ними жесткими, сухими глазами.

— Довольна ты? — говоритъ она поворачиваясь къ сестрѣ и перелистывая передъ ней книжку, въ страницахъ которой не осталось больше ни одного сухого цвѣтка.—Теперь цвѣты всѣ сожжены, остается только сжечь мое любовное письмо; обидно, не правда ли, получить всего только одно любовное письмо въ жизни? Желаешь перечитать это прежде нежели оно послѣдуетъ за цвѣтами, или прикажешь сейчасъ же бросить его въ огонь?

— Дай его мнѣ!—кричитъ Сара, хватая небольшой листокъ бумаги, весь измятый и истрепанный отъ частаго перечитыванія и закапанный слезами.—Я перечитаю его. Быть можетъ прочитавши его хладнокровно, я лучше пойму его смыслъ!

— Если желаешь, я могу облегчить тебѣ задачу,—говоритъ горько Белинда.—Я могу сказать тебѣ его наизусть, если желаешь.

Огонь въ каминѣ горитъ слабо и тускло. Сара встаетъ и подъ самымъ газовымъ рожкомъ разсматриваетъ документъ. Но еслибы даже она читала его и при яркомъ іюньскомъ солнцѣ, результатъ былъ бы тотъ же.

— Изъ него ничего не выжмешь, — говоритъ она уныло, возвращая письмо Белиндѣ,—но... но не сжигай его!

Съ минуту Белинда колеблется и съ дрожащими рѣсницами и подергивающимися губами глядитъ на маленькую и истрепанную бумажку. Затѣмъ швыряетъ ее въ огонь, вслѣдъ за цвѣтами.

Послѣ этого наступаетъ молчаніе. Сара угрюмо опускается въ кресло, а Белинда снова принимается перебирать свои дѣтскія сокровища и приводитъ ихъ въ порядокъ, но видно, что руки ея дѣйствуютъ машинально, а умъ занятъ совсѣмъ другимъ.

По прошествіи четверти часа, Белинда заговариваетъ тѣмъ вялымъ и безжизненнымъ тономъ, который вошелъ у нея въ привычку:

— Я хочу спросить у тебя совѣта; скажи мнѣ свое мнѣніе, какъ ты думаешь, обязана я по совѣсти сказать обо всемъ профессору Форту?

Она вдругъ умолкаетъ съ рыданіемъ въ горлѣ.

— Если ты думаешь, что такое признаніе съ твоей стороны заставитъ его порвать съ тобой, то разумѣется поскорѣй разскажи ему,—говоритъ Сара, раздражительно. Не только разскажи ему про то, что было, но и про то, чего никогда не бывало. Обѣщаю тебѣ, что и я призову на помощь все свое воображеніе.

— Неужели я въ самомъ дѣлѣ должна разсказать ему?—говоритъ Белинда съ такой болью въ голосѣ, что сердце Сары сжимается.

— Разсказать ему!—кричитъ она съ соболѣзнованіемъ въ голосѣ.—Голубушка моя, но что же ты ему скажешь?

— Дѣйствительно!—соглашается Белинда съ горькой покорностью.

Но она, повидимому, чувствуетъ себя все-таки облегченной.

— Если бы мнѣ было что сказать,—прибавляетъ она спустя минуту,—но, какъ ты вѣрно замѣтила, мнѣ нечего сказать; вѣдь человѣкъ не отвѣчаетъ за свои мимолетныя фантазіи. Даже если бы и было что сказать, такъ вѣдь мое прошлое до него не касается, неправда ли? Я обязана ему отчетомъ въ своемъ поведеніи только съ десятаго числа будущаго мѣсяца!

— Съ десятаго будущаго мѣсяца!—повторяетъ Сара.—Значитъ въ этотъ день тебѣ непремѣнно будетъ воздвигнута висѣлица?

— Если ты думаешь, что выражаясь такъ, ты заставишь меня отказаться отъ замужества, то ты ошибаешься, отвѣчаетъ Белинда съ горькимъ юморомъ;—ты знаешь, что чѣмъ скорѣе я «перестану мѣшать», тѣмъ скорѣе вамъ можно будетъ отправиться на югъ.

— Прибереги свои шпильки для бабушки, которая ихъ заслуживаетъ,—замѣчаетъ Сара, задѣтая за-живо;—я ихъ не заслуживаю.

— Я это знаю! но ты мнѣ дороже всѣхъ на свѣтѣ, а меня точно кто толкаетъ язвить тѣхъ, кто мнѣ всего дороже на свѣтѣ!

— Это какъ разъ приличное настроеніе для того, чтобы идти на вис... къ алтарю, неправда ли?—возражаетъ Сара саркастически.

И снова обѣ погружаются въ молчаніе.

— Я теперь страстно жалѣю,—прерываетъ наконецъ Сара тягостное молчаніе,—что сама не вышла за него замужъ. Какъ бы мнѣ ни противенъ былъ этотъ бракъ, но онъ не могъ бы сдѣлать меня такой несчастливой, какъ тебя. Тростинка клонится къ землѣ тамъ, гдѣ дубъ ломается. Къ тому же благочестивая надежда на скорое вдовство, которой ты неспособна предаваться при твоей честности, поддерживала бы меня!

Белинда печально улыбается.

— Ты же бы жила съ бабушкой и съ собаченками,—продолжаетъ серьезно повѣствовать Сара — она бы стала любезнѣе обращаться съ тобой, когда бы знала, что ей больше не на кого разсчитывать, а право она можетъ быть очень мила, когда захочетъ. И наконецъ, кто знаетъ, со временемъ Райверсъ вернулся бы. Нѣтъ! нѣтъ!—рѣшительно захватываетъ она въ свои маленькія, но сильныя ручки руки сестры, которыми та хотѣла закрыть свое измученное лицо. — Мнѣ все равно пріятно тебѣ это слышать или нѣтъ, больно или нѣтъ; ты *должна* меня выслушать и выслушать. *Со временемъ Райверсъ... можетъ вернуться назадъ!* Онъ можетъ вернуться, и представь, что это случится послѣ десятаго января?

Она драматически умолкаетъ, не спуская глазъ съ несчастнаго, подергивающагося лица сестры, вынужденной выносить ея пронизывающій взглядъ.—Вмѣсто отвѣта раздается вздохъ, похожій на стонъ.

— Я не могу объяснить тебѣ причины—продолжаетъ Сара: —я такъ же мало о немъ знаю, какъ и ты, но я твердо убѣж-

дена... какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что тутъ произошла какая-то ошибка, какое-то недоумѣніе, отсрочка, независящая отъ его воли!

— Отсрочка, независящая отъ воли, въ впродолженіе цѣлыхъ полутора лѣтъ!—произноситъ Белинда съ болѣзненной ироніей. —Какъ это вѣроятно!

— Письмо могло пропасть.

— Письма никогда не пропадаютъ.

— Ну какъ хочешь,—нетерпѣливо кричитъ Сара,—но все-таки убѣжденіе мое непоколебимо,—что онъ со временемъ вернется.—Какъ тебѣ пріятно будетъ его увидѣть!—Какъ пріятно будетъ представить его твоему мужу, м-ру Форту!

Невѣроятными усиліями Белиндѣ удается вырвать одну руку, но другая остается въ цѣпкихъ ручкахъ Сары.

— Я точно вижу какъ онъ входитъ въ комнату съ своими блестящими глазами, — продолжаетъ Сара въ припадкѣ пророческаго вдохновенія;—и ты представляешь ихъ другъ другу: — мой мужъ, м-ръ Фортъ! м-ръ Райверсъ! Нечего сказать, завидное будетъ твое положеніе въ эту минуту!

— Я не могу больше всего этого выносить, — произноситъ Белинда задыхающимся голосомъ, порываясь къ двери.—Пусти меня, я больше не могу терпѣть!

Но Сара падаетъ на колѣни и удерживаетъ сестру за платье.

— Вѣдь въ дѣйствительности будетъ еще хуже!—убѣждаетъ она сестру.—И развѣ ты думаешь, что тебѣ удастся убѣжать отъ дѣйствительности? Да вѣдь на всемъ земномъ шарѣ не найдется уголка, куда бы ты могла укрыться отъ дѣйствительности.

Что-то такое въ тонѣ голоса Сары скорѣе, чѣмъ ея жесть, остановили Белинду. Она словно пригвождена къ мѣсту съ мертвенно-блѣднымъ лицомъ.

— Слишкомъ поздно!—съ отчаяніемъ шепчетъ она.

— Нѣтъ, еще не слишкомъ поздно!—кричитъ Сара въ волненіи, охватывая колѣни сестры; будетъ слишкомъ поздно послѣ десятаго, а теперь еще не слишкомъ поздно. Откажи ему! прогони его! что ему сдѣлается отъ этого? какая для него въ этомъ бѣда? Посмотри: развѣ онъ сталъ несчастнѣе отъ того, что я отказала ему?

Белинда все еще стоитъ блѣдная и дрожащая, безсмысленно устремивъ глаза въ пустое пространство. Передъ нею носится картина, только что нарисованная сестрой.

— Это не можетъ быть!—слабо произноситъ она.

— Отчего не можетъ быть!—убѣждаетъ съ страстной тороп-

живостью Сара.—Дай мнѣ волю и ты увидишь, можетъ это быть или нѣтъ. Поручи мнѣ спровадить его! Дай мнѣ въ руки это дѣло вмѣсто рождественскаго подарка, это будетъ для меня пріятнѣйшій изъ подарковъ!—Я скажу ему,—прибавляетъ она съ истерическимъ смѣхомъ,—что это фамильная особенность нашей семьи!

Быть можетъ, смѣхъ Сары приводитъ ея сестру въ болѣе нормальное состояніе. Глубоко переводя духъ, она возвращается къ дѣйствительности.

— А кто скажетъ объ этомъ бабушкѣ?—спрашиваетъ она съ саркастической улыбкой. Кто осмѣлится объявить ей, что ея дорогая внучка останется при ней.

— Я скажу!—кричитъ Сара съ восхищеніемъ.—Это будетъ для меня такимъ невыразимо пріятнымъ дѣломъ! Хочешь я сейчасъ пойду и скажу ей объ этомъ. Надо ковать желѣзо, пока горячо.

И въ свою очередь бросается къ двери, но Белинда удерживаетъ ее.

— Да!—холодно произноситъ она,—это былъ чистый бредъ съ моей стороны. Весело было бы попугать ее. Но ей серьезно нечего опасаться. Что же случилось такого, что могло бы заставить меня перемѣнить мое намѣреніе? Ты такъ краснорѣчива, что одну минуту мнѣ представилось, что онъ можетъ вернуться. Но нѣтъ! этого не можетъ быть. Я думаю,—доканчиваетъ она съ горькой улыбкой, — если бы я вздумала ждать этого, то прождала бы всю свою жизнь.

— Я не прошу тебя ждать всю жизнь,—кричитъ Сара съ удвоенной энергіей и убѣдительностью, которыя къ сожалѣнію расточались ею до сихъ поръ совсѣмъ попустому. — Я прошу тебя подождать *только одинъ мѣсяцъ!* Неужели радости, которыхъ ты ждешь отъ своей замужней жизни такъ велики, что ты не въ силахъ отложить ихъ на четыре недѣли,—насмѣхается она.

— Къ чему я буду откладывать?—спрашиваетъ Белинда съ безпокойной раздражительностью во взглядѣ и въ движеніяхъ. —Если бы все дѣлалось по моему, то я была бы уже теперь замужемъ. Настоящее неопредѣленное положеніе всего хуже; оно можетъ съ ума свести.

Сара снова падаетъ на колѣни передъ сестрой и снова охватываетъ руками ея колѣни.

— Одинъ мѣсяцъ! одинъ только мѣсяцъ!—умоляетъ она.—И можетъ быть и мѣсяца не пройдетъ какъ ты на колѣняхъ будешь благодарить меня за то, что я спасла тебя отъ погибели. Одинъ мѣсяцъ! одинъ только мѣсяцъ.

Она прижалась головой къ платью сестры, и слезы ея, на которыя она вообще такъ скупа струятся, по его шерстяной ткани...

Въ голосѣ ея слышится такое глубокое чувство, что остылое, больное сердце Белинды тронуто. Снова проносится передъ ней чудное видѣніе: Райверсъ входитъ въ комнату, и между нимъ и ею не встаетъ никакая антипатичная педантическая фигура.

Но въ то время какъ она стоитъ въ нерѣшительности, греза на-яву, дверь комнаты въ самомъ дѣлѣ отворяется, и кто-то входитъ въ нее. Не Райверсъ ли? увы! нѣтъ, не онъ!

— Съ праздникомъ васъ!—гремитъ миссъ Уатсонъ, шумно вваливаясь въ комнату и кидая имъ свое поздравленіе въ голову точно булыжникомъ.

— Я только что поздравила бабушку съ рождественскимъ праздникомъ, но она что-то не весела, старушка! Вы не находите, что она постарѣла какъ будто? Она не въ своей тарелкѣ!

Сара вскочила на ноги, нѣсколько растерявшись противъ своего обыкновенія, и первымъ ея движеніемъ было скрыть свое заплаканное лицо отъ пронзительныхъ глазъ навязчивой гостьи.

— Эге! да и вы тоже невеселы!—кричитъ послѣдняя, вопросительно поглядывая на разстроенныя лица обѣихъ дѣвушекъ. —Что случилось? Рождественскіе расходы одолѣли! Или простудились? У васъ точно будто бы насморкъ?—сосредоточиваетъ она все свое вниманіе на Сарѣ, личико которой такъ непривычно къ слезамъ, что слѣды ихъ обозначаются на немъ болѣе рѣзко, чѣмъ на всякомъ другомъ, для котораго слезы—обычное явленіе.

— У меня страшный насморкъ! — отвѣчаетъ та, съ жадностью хватаясь за эту отговорку, причемъ обычное самообладаніе понемногу возвращается къ ней.—И кромѣ того застарѣлый насморкъ. На вашемъ мѣстѣ я бы не подходила ко мнѣ, изъ боязни заразиться отъ одного взгляда на меня!

— Вотъ еще! — пренебрежительно отвѣчаетъ миссъ Уатсонъ. —Вамъ бы слѣдовало брать холодныя ванны и зиму,—и лѣто, и носить фланель прямо на тѣлѣ. Я такъ и дѣлаю.

— И вы полагаете,—что у васъ такая пріятная внѣшность, благодаря холоднымъ ваннамъ и фланели?—спрашиваетъ съ невиннымъ видомъ Сара, поглядывая изподтишка на свое собственное изображеніе въ маленькомъ зеркалѣ надъ каминомъ, чтобы видѣть: остыло ли у нея лицо.

Но миссъ Уатсонъ не слышитъ этого вопроса.

— Я до сихъ поръ не понимаю, какъ я добралась до васъ!— продолжаетъ она, пододвигая кресло къ огню и ставя свои

огромныя ноги на каминную рѣшетку. На улицѣ нѣтъ ни одного кэба. Я растянулась на рельсахъ около Беркели-Сквера, меня чуть было не раздавили.

— Боже мой, какъ жаль, что этого не случилось!—бормочетъ Сара сквозь зубы.

— Я не запомню такого Рождества? а вы? я только что спрашивала у вашей бабушки, не припомнитъ ли она на своемъ долгомъ вѣку, чтобы бывала когда такая погода въ Рождество?

— Если вы взывали къ долгому вѣку бабушки,—саркастически замѣчаетъ Сара, — то мудренаго нѣтъ, что вы нашли ее не въ духѣ; это самая непріятная вещь, какую ей можно только сказать.

— Я сказала ей, что нахожу, — у ней не совсѣмъ хорошій видъ, — продолжаетъ гостья, комфортабельно грѣясь у огня и потирая свои колѣни;—она говоритъ, что это отъ климата. Ей, кажется, очень хочется ѣхать на югъ; почему она до сихъ поръ не уѣхала?—устремляетъ она снова свои пытливые глазки на обѣихъ сестеръ. — Она говорила, что есть какая-то помѣха въ этомъ дѣлѣ? что бы это было такое?

— Мы не въ силахъ съ вами разстаться,—насмѣшливо возражаетъ Сара, тревожно взглядывая на сестру.—Вотъ въ чемъ главная помѣха.

Но любопытство миссъ Уатсонъ не обуздаешь насмѣшкой.

— Можетъ, денегъ не хватитъ? Нѣтъ? Ну что-нибудь у васъ затѣвается? Да? Можетъ быть... сватовство какое-нибудь? Да?

— Вы угадали!—насмѣшливо восклицаетъ Сара;—отъ васъ не скроешься: у насъ идутъ переговоры о моемъ бракѣ съ архіепископомъ Кентерберійскимъ, а такъ какъ онъ не можетъ оставить свою эпархію, то и я не могу уѣхать изъ Англіи.

Очевидно, что изъ Сары ничего не вытянешь, а потому гостья устремляетъ все свое вниманіе на ея сестру.

— Вы все за латинскимъ языкомъ, Белинда?—спрашиваетъ она шутливымъ тономъ. — Профессоръ Фортъ помогаетъ вамъ заниматься латынью? онъ часто у васъ бываетъ? вы часто его видите? онъ не приглашалъ васъ къ себѣ въ Оксфордъ?

На эти вопросы Белинда отвѣчаетъ такъ неохотно, что младшая сестра снова подоспѣваетъ на выручку.

— Еще бы, — иронически отвѣчаетъ она, — но только онъ говоритъ, что желаетъ, чтобы мы пріѣхали лишь въ такомъ случаѣ, если привеземъ васъ съ собою.

— Что до этого касается,—возражаетъ миссъ Уатсонъ, нечувствительная къ уколамъ сердитой насмѣшницы Сары,—то я

и сама думаю побывать тамъ. Что вы скажете на счетъ того, чтобы отправиться туда цѣлой компаніей? Мы заставимъ его угостить насъ завтракомъ и показать все коллегіи. Они это обожаютъ. И если можно, то прихватимъ съ собой и Райверса.

Она съ тріумфомъ поглядываетъ на своихъ слушательницъ, воображая, что тѣ съ радостью уцѣпятся за ея предложеніе. Но тѣ и не глядятъ, и не слушаютъ.

— A propos Райверса, — продолжаетъ миссъ Уатсонъ;—ей слишкомъ весело слушать самое себя, чтобы ее могло смутить то, что ей не отвѣчаютъ,—и при этомъ она обращается преимущественно къ Белиндѣ:—какая странная вещь со мной случилась. Въ прошлый разъ какъ я была у васъ, я не прошла и пяти шаговъ, какъ встрѣтила Райверса почти у вашего дома. Я спросила его: не къ вамъ ли онъ идетъ?

— И что же онъ вамъ отвѣчалъ?—спрашиваетъ Сара, стараясь говорить равнодушно, но съ невольной торопливостью въ голосѣ.

— Онъ сказалъ: нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ, коротко и ясно, — возражаетъ Сара, принужденно смѣясь и стараясь своей тоненькой дѣвичьей фигуркой загородить сестру отъ гостьи.

— Я спросила его: почему же нѣтъ? И сказала: подите къ нимъ, онѣ васъ ждутъ.

— Однако, нельзя сказать, чтобы вы всегда говорили правду, — рѣзко замѣчаетъ Сара; — мы совсѣмъ его не ждемъ. Но что же, однако, онъ вамъ сказалъ на это? Былъ ли его отвѣтъ и на этотъ разъ такъ же кратокъ и вѣжливъ?

— Онъ ничего не отвѣтилъ; онъ пошелъ скоро, скоро и сѣлъ на извощика; но я думаю, что онъ все-таки придетъ къ вамъ, — утѣшаетъ миссъ Уатсонъ. — Я закричала ему вслѣдъ, чтобы онъ не забылъ побывать у васъ. Неужели это звонокъ къ завтраку? Боже мой, какъ скоро прошло утро! Я надѣюсь, — заключаетъ она съ громкимъ и увѣреннымъ смѣхомъ,—что вы дадите мнѣ ломтикъ говядины и плюмпудинга, не правда ли?

VII.

Послѣ этого Рождественскаго утра Сара только даромъ тратила свое краснорѣчіе, уговаривая сестру. Какія бы картины она ни рисовала, и какія бы горькія слезы ни проливала, толку изъ этого ровно никакого. Стоитъ ли взывать къ

хамню или плакать надъ нимъ? По уступчивости характера и впечатлительности, Белинду отнынѣ можно сравнить только съ камнемъ. Она отвѣчаетъ угрюмымъ молчаніемъ на всѣ мольбы и убѣжденія сестры.

Неизвѣстно даже, слышитъ ли она ихъ. Она ни однимъ знакомъ не выражаетъ этого и они не производятъ на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія. Она слушаетъ или не слушаетъ съ невозмутимой флегмой и равнодушіемъ сарказмы, упреки, угрозы и насмѣшки надъ своимъ будущимъ мужемъ. Послѣднихъ Сара, разумѣется, не щадитъ. Но все это не вызываетъ въ Белиндѣ ни гнѣва, ни огорченія. Она не дѣлаетъ попытокъ остановить сестру. Повидимому, ей все равно; говоритъ она или нѣтъ; но въ концѣ концовъ Сара всегда убѣждается, что говорила на вѣтеръ и потратила свое краснорѣчіе.

Разбитая и обезкураженная, она, наконецъ, сдается, и облегчаетъ свою душу только тѣмъ, что облекаетъ всѣхъ собачекъ въ трауръ и привязываетъ имъ вокругъ хвоста черный крепъ: обстоятельство, отъ котораго Пончъ гнѣвается, Слютти конфузится, а Дженъ—гордится. Дженъ любитъ наряды со страстью, какъ большинство некрасивыхъ женщинъ.

Съ лицомъ, жесткимъ какъ кремень, идетъ Белинда на-встрѣчу своей судьбѣ. И ни люди, ни стихіи не въ силахъ удержать этой судьбы. Никакія приготовленія не могутъ помѣшать ей. Она твердо стоитъ на томъ, что не желаетъ, чтобы ей шили приданое.

— Съ упрямой женщиной ничего не подѣлаешь!—говоритъ миссисъ Чорчиль, но глаза ея становятся веселѣе, а щеки румянѣе по мѣрѣ того, какъ приближается десятое января и предполагаемая поѣздка на югъ.

— Тебѣ лучше знать, что тебѣ требуется, и, конечно, въ Оксфордѣ тебѣ не понадобятся наряды; единственный разъ, когда я была тамъ, я нашла, что всѣ женщины тамъ ужасно fagotté!

Она умолкаетъ и пожимаетъ плечами при этомъ воспоминаніи; но въ то же самое время улыбка невольно появляется у ней на губахъ. Она размышляетъ, что денегъ въ самомъ дѣлѣ останется больше на путешествіе, благодаря тому, что Белинда отказывается отъ приданаго.

— Белинда меня очень огорчаетъ, — говоритъ она спустя нѣкоторое время своей младшей внучкѣ,—но ты вѣдь знаешь, что ее не переубѣдишь. Она упряма какъ оселъ! И такъ какъ она стоитъ на томъ, что не хочетъ, чтобы я на нее расходы-

валась, то, знаешь, я думаю, что могу позволить себѣ нѣсколько лишнихъ расходовъ: я куплю тебѣ то плюшевое пальто, которое такъ тебѣ понравилось на дняхъ въ магазинѣ, гдѣ мы были. Хочешь?—прибавляетъ она, ласково трепля внучку по щекѣ.

— Нѣтъ, не хочу,—отвѣчаетъ Сара сердито.—Это цѣна крови!

Контрактъ подписанъ; Белинда обезпечена на случай своего вдовства, а также обезпечены и могущіе у ней быть дѣти. Оглашеніе церковное сдѣлано и кольца куплены. Профессоръ Фортъ привезъ ихъ примѣрить въ одно прекрасное утро, и Белинда, спокойная, хотя и блѣдная, надѣла свое кольцо на палецъ. Въ домѣ по-прежнему тихо. Ни суетни, ни картоновъ, ни узловъ отъ портнихъ, ни свадебныхъ подарковъ. Миссъ Чорчиль упрямо настаиваетъ на томъ, чтобы замужество ея держалось въ тайнѣ. Она готова вынести замужество, но не можетъ вынести подарковъ и поздравленій. Гости и посѣтители ихъ дома ни о чемъ не подозрѣваютъ.

Миссисъ Чорчиль съ своей стороны предпочла бы, чтобы о замужествѣ ея внучекъ прокричали со всѣхъ крышъ. Это придало бы ему ту прочность, которой оно пока не имѣетъ. Помолвку, о которой всѣмъ извѣстно, труднѣе разстроить, нежели такую, о которой знаютъ всего два-три человѣка.

— Какая странная эта Белинда, — говоритъ она, возвращаясь какъ-то изъ парка съ младшей внучкой;—почему, если она твердо рѣшила выдти за него замужъ, не хочетъ она, чтобы объ этомъ было всѣмъ объявлено. Какъ ты думаешь: могу я шепнуть объ этомъ Крауфордамъ и Довелямъ, и леди Гонтъ... то есть самымъ короткимъ изъ нашихъ знакомыхъ? Я увѣрена, что они будутъ обижены тѣмъ, что мы скрывали это отъ нихъ, и кромѣ того, они навѣрное подарятъ ей что-нибудь хорошенькое. Если даже она и не хочетъ нарядовъ, то они могутъ подарить ей серебра. Какъ ты думаешь, вѣдь въ домѣ Фортовъ не должно быть много серебра?

— И кромѣ того, вы считаете, что чѣмъ больше народу будетъ объ этомъ знать, тѣмъ безповоротнѣе будетъ связана Белинда?—возражаетъ Сара съ негодующимъ взглядомъ и дрожащими губами.—Неужели вы думаете, что проживя съ вами столько лѣтъ, я не понимаю васъ?

Старушка смущена и не повторяетъ больше своего предложенія.

Но вотъ наконецъ даже и она успокоивается на счетъ неизмѣнности участи, ожидающей ея внучку. Даже для нея ста-

новится очевидно, что нѣтъ никакой надобности связывать Белинду узами общественныхъ приличій и общественнаго мнѣнія. Десятое января наступило, а она по прежнему непоколебима. Для большей скромности и незамѣтности бракосочетанія, оно назначено въ девять часовъ утра. Ни одной души приглашенныхъ въ церкви, ни подружекъ невѣсты, ни шаферовъ.

Даже миссисъ Чорчиль, услышавъ про ранній часъ, назначенный для свадьбы, попросила, подобно тѣмъ приглашеннымъ, о которыхъ говоритъ Писаніе, извинить ее. Быть можетъ, не одно только холодное зимнее утро пугаетъ ее. Быть можетъ, ей не особенно весело присутствовать на свадьбѣ, которую она конечно ускорила своими молитвами.

— Я надѣюсь, что ты не разсердишься на меня за то, что я не ѣду въ церковь, — говоритъ она внучкѣ, которая идетъ садиться въ извощичью карету.—Но ты вѣдь знаешь каковы лондонскія церкви и знаешь, какъ я страдаю отъ невральгіи. Какая ты хорошенькая!—съ улыбкой прибавляетъ она, оглядывая простенькое, темное, домашнее платье внучки, и простенькую, темную шляпку, въ которой она ѣдетъ къ вѣнцу.

Белинда улыбается; объ этой улыбкѣ бабушка ея не могла впослѣдствіи вспомнить безъ непріятнаго чувства.

— Въ самомъ дѣлѣ? — говоритъ она,—и такъ похожа на невѣсту, неправда ли?

— Въ сущности,—продолжаетъ старушка, поспѣшно заминая свой неудачный комплиментъ,—я буду гораздо полезнѣе дома; я распоряжусь, чтобы весь домъ былъ отопленъ къ твоему возвращенію изъ церкви. Ты найдешь во всѣхъ комнатахъ ярко пылающій каминъ.

— Я не вернусь назадъ,—отвѣчаетъ Белинда спокойно.

— Не вернешься?—спрашиваетъ бабушка крайне удивленнымъ тономъ.—Развѣ вы тотчасъ же послѣ вѣнца уѣзжаете заграницу?

— Нѣтъ; но намъ не зачѣмъ возвращаться.

— А по чьей винѣ,—спрашиваю тебя?—возражаетъ бабушка съ неловкимъ смѣхомъ.—Если бы ты позволила мнѣ дѣйствовать такъ, какъ я хочу, то вамъ стоило бы возвратиться изъ церкви, потому что я приготовила бы хорошій завтракъ, полный домъ гостей, спичи!

— Да!—но это было бы противъ моего желанія, — отвѣчаетъ Белинда, слабо улыбаясь,—а вѣдь вы сами говорите, что tous les goûts sont respectables. Я боюсь, бабушка, что опоздаю, если еще промедлю. Прощайте, бабушка.

Она мягко и дружески произноситъ послѣднія слова и подставляетъ миссисъ Чорчиль свою холодную щечку для поцѣлуя. Миссисъ Чорчиль неохотно вспоминала впослѣдствіи объ этомъ поцѣлуѣ и о взглядѣ и улыбкѣ Белинды. И то, и другое было, какъ у мертвеца.

И вотъ Белинда ѣдетъ въ церковь по мрачнымъ, грязнымъ улицамъ съ сестрой, которая сидитъ съ ней рядомъ.

Слезы текутъ по щекамъ Сары, и она не думаетъ вытирать ихъ. Въ своихъ горячихъ маленькихъ ручкахъ она крѣпко сжимаетъ холодныя руки Белинды. Прикащики отворяютъ ставни магазиновъ; служанки скребутъ ступеньки подъѣздовъ; на улицѣ появляются телѣжки, въ которыхъ развозятъ молоко.

— Я бы желала, чтобы ты хоть поплакала,—говоритъ наконецъ Сара, сквозь рыданія.

— Зачѣмъ я буду плакать? — спокойно отвѣчаетъ Белинда.— Я сама выбрала свою долю.

— Это-то всего хуже!—кричитъ Сара страстно,—если бы ты дѣйствовала ради какой-нибудь великой цѣли, — чтобы спасти бабушку отъ богадельни или меня отъ висѣлицы, то въ этомъ еще былъ бы смыслъ! А теперь выходитъ безсмыслица!

Выходитъ безсмыслица!—эти слова звучатъ въ ушахъ Белинды во весь остальной путь. Наконецъ онѣ у дверей церкви. Экипажъ останавливается.

— Вотъ мы и подъѣхали къ висѣлицѣ,—говоритъ Сара съ новымъ взрывомъ рыданій, отчаянно сжимая руки сестры:— Белинда! еще не поздно! еще есть время! еще ты можешь отступить!

— Я вовсе не желаю отступать,—возражаетъ Белинда съ твердостью, хотя голосъ ея слабъ и тихъ, а губы бѣлыя.—Зачѣмъ я буду отступать, когда я сама выбрала свою долю.

И вотъ они входятъ въ церковь. У дверей ихъ встрѣчаетъ двоюродный братъ, который въ качествѣ ближайшаго родственника долженъ напутствовать Белинду, и который дожидался ихъ не въ духѣ и пожимаясь отъ холода.

— Онъ уже пріѣхалъ? онъ здѣсь? я его не вижу!—говоритъ Сара съ послѣднимъ проблескомъ надежды. Увы!—прибавляетъ она съ внезапнымъ разочарованіемъ въ голосѣ,—его такъ-таки не хватилъ параличъ въ послѣднюю минуту, какъ я ожидала.

Онѣ входятъ въ церковь; Белинду ведетъ подъ руку двоюродный братъ, Сара слѣдуетъ за ними. Они подходятъ къ алтарю, на которомъ зажжены свѣчи, и ихъ мигающее пламя оза-

ряетъ нетерпѣливаго пастора и двухъ пожилыхъ людей: женихъ привезъ съ собой изъ Оксфорда пріятеля однихъ съ нимъ лѣтъ и одной профессіи. Кузенъ Чорчиль до сихъ поръ не видалъ жениха, а пріятель послѣдняго еще не видалъ невѣсты. Обѣ стороны съ непритворнымъ удивленіемъ взираютъ другъ на друга. Впродолженіе всей церемоніи молодой Чорчиль, который самъ ухаживалъ за Белиндой, но былъ твердо, хотя и вѣжливо отстраненъ, сердито дивится про себя:—какой чортъ заставилъ Белинду предпочесть ему этого стараго, безобразнаго сморчка.

Впродолженіе всей церемоніи свидѣтель жениха съ неописаннымъ удивленіемъ глядитъ на печальную красавицу-дѣвушку, которая, неизвѣстно по какимъ причинамъ, согласилась соединить свою судьбу съ судьбой его престарѣлаго друга. Онъ съ досадой размышляетъ о томъ, что она, по всей вѣроятности, положитъ конецъ ихъ сходкамъ, и безконечнымъ спорамъ, за трубкой, которые велись ими чуть ли не сорокъ лѣтъ къ ряду. Впродолженіе всей церемоніи женихъ раздражительно поглядываетъ черезъ плечо, чтобы видѣть, откуда дуетъ сквозной вѣтеръ, который онъ чувствуетъ, несмотря на черную бархатную шапочку, прикрывающую его голову. Одна Белинда не глядитъ ни на-право, ни на-лѣво. Еслибы она была настоящая статуя, которую напоминаетъ своей стройной фигурой, то не могла бы быть болѣе неподвижной. Она слушаетъ или не слушаетъ—не разберешь,— съ каменнымъ равнодушіемъ. Только разъ оживаетъ она на минуту, съ такимъ ощущеніемъ, какъ будто бы ей вонзили ножъ въ сердце! Ударъ ножа, возвращающій Белинду къ жизни, наносится словами: «Отринувъ всѣхъ другихъ, будь до гроба вѣрна ему одному!»

«Отринувъ всѣхъ другихъ!» Но вѣдь ей не приходится отринуть Райверса. Онъ предупредилъ ее! Не самъ ли онъ отринулъ ее!

Сара, внимательно наблюдающая за ней, видитъ, какъ ея блѣдное лицо искажается мучительной судорогой, и невольно подается впередъ. Что если она упадетъ въ обморокъ! Ее вынесутъ изъ церкви, и она еще можетъ быть спасена! Она, вѣдь, еще не обвѣнчана! Церемонія еще не окончена! новый взглядъ на сестру разсѣеваетъ эту минутную надежду. Белинда не упадетъ въ обморокъ. Къ ней снова вернулась ея неподвижность. Она снова замерла.

И вотъ все кончено; все... даже имена подписаны въ ризницѣ. Пасторъ поздравляетъ молодыхъ, но разсѣянно и торопливо. Онъ думаетъ о томъ, успѣетъ ли онъ обогрѣться и позавтракать, прежде нежели отправится на похороны, предстоящія ему.

Пріятель жениха и кузенъ Чорчиль тоже поздравляютъ, но въ поздравленіи перваго слышится недовѣріе, а поздравленіе второго звучитъ ироніей.

Одна Сара молчитъ. Извощичья карета дожидается у подъѣзда, и лошадь нетерпѣливо переступаетъ ногами и бьетъ копытами отъ холода. Какой-то прохожій и двое уличныхъ мальчишекъ смотрятъ на странный брачный поѣздъ. Молодой, закутанный до самаго носа въ просторное, теплое пальто, прощается съ своимъ пріятелемъ. Молодая поворачивается къ сестрѣ:

— Кончено!—говоритъ она прерывистымъ голосомъ;—возврата больше нѣтъ!

— Нѣтъ!—отвѣчаетъ Сара мрачно.

— Скажи мнѣ что-нибудь, Сара; пожелай мнѣ хорошаго!

Она охватила руками шею сестры въ припадкѣ непривычной нѣжности и прижалась ледяной щекой къ горячей, заплаканной щечкѣ Сары.

— Я желаю тебѣ... я желаю тебѣ,—кричитъ Сара сквозь рыданія и не доканчиваетъ чего она желаетъ сестрѣ.

— Ты... ты не находишь, что пожелать мнѣ!—говоритъ Белинда дрожащимъ голосомъ,—и ты права; желать дѣйствительно нечего.

— Я... я желаю тебѣ,—говоритъ Сара, доведенная до послѣдней степени отчаянія этимъ тономъ и судорожно цѣпляясь за сестру, какъ бы желая отнять ее у десяти мужей...—я желаю тебѣ многихъ счастливыхъ дней впереди,—разражается она истерическимъ смѣхомъ.—Это двусмысленное желаніе, и я могу вложить въ него какой угодно смыслъ.

Вотъ послѣднія слова, которыя слышала Белинда Фортъ, прежде чѣмъ экипажъ увезъ ее. Кузенъ Чорчиль проводилъ Сару домой и чувствовалъ себя очень непріятно всю дорогу, такъ какъ Сара всю дорогу заливалась горючими слезами, упрекая себя за то, что не съумѣла придумать добраго напутствія сестрѣ.

А. Э.

КРЕСТЬЯНСКІЕ ВЫБОРЫ

ВЪ

ГЛАСНЫЕ УѢЗДНЫХЪ ЗЕМСКИХЪ СОБРАНІЙ *).

„Знаю отъ самихъ крестьянъ, какъ сильны на нихъ посторонніе вліянія и какъ мало гласныхъ, дѣйствительно представляющихъ общественное мнѣніе и интересы большинства крестьянъ".—Заявленіе А. И. Кошелева въ рязан. губ. собранія 1879 г.

Коммиссія по преобразованію мѣстныхъ учрежденій, состоящая подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, дѣйствуетъ уже нѣсколько лѣтъ. Неизвѣстно, сколько времени продлятся ея работы. Причину этого медленнаго хода занятій должно искать въ объемѣ задачъ, предложенныхъ коммиссіи: она призвана преобразовать всю систему мѣстнаго управленія, во всѣхъ его степеняхъ. Ей предстоитъ, слѣдовательно, найти и общія начала, на которыхъ могло бы быть преобразовано наше разносистемное мѣстное управленіе и разработать подробности каждаго учрежденія, безъ чего система, превосходная въ принципѣ, можетъ оказаться несостоятельною на практикѣ.

Остается терпѣливо ждать окончанія этого полезнаго труда. Но мѣстная жизнь продолжаетъ предлагать вопросы чисто практическаго характера и требующіе своего разрѣшенія. Вопросы эти возникли не вчера, и количество ихъ невольно наводитъ на вопросъ,

*) Читано въ засѣданіи административнаго отдѣленія Спб. Юридическаго Общества, 24 марта 1884 г.

не слѣдуетъ ли параллельно съ общими работами, производящимися въ коммиссіи, обратить вниманіе и на нѣкоторыя частныя неудобства нынѣ дѣйствующихъ учрежденій, ибо эти неудобства продолжаютъ разстраивать ходъ мѣстныхъ учрежденій, безъ того не налаженныхъ.

Я избралъ съ этою цѣлью одинъ изъ такихъ вопросовъ, который касается именно нашихъ земскихъ выборовъ. Я остановился на этомъ вопросѣ потому, что цѣли, указанныя земскимъ учрежденіямъ, по преимуществу имѣютъ отношеніе къ благосостоянію крестьянскаго сословія, составляющаго огромное большинство уѣзднаго населенія. Дѣятельность земствъ по народному образованію, по земской медицинѣ, по всѣмъ хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ можетъ быть плодотворна, т.-е. имѣть значеніе для массы населенія, только при томъ условіи, если она будетъ имѣть въ виду прежде всего нужды крестьянскаго сословія. Такое направленіе земской дѣятельности во многомъ зависитъ отъ состава и качества земскаго представительства и въ особенности отъ состава того разряда гласныхъ, которые призваны говорить именемъ сельскихъ общинъ.

Между тѣмъ, именно организація крестьянскаго представительства составляетъ одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашего земскаго устройства. Сами земскія учрежденія обращаютъ на это вниманіе, а одинъ изъ самыхъ видныхъ земскихъ дѣятелей, покойный А. И. Кошелевъ, употреблялъ всѣ усилія для устраненія зла, принимавшаго все бо̀льшіе и большіе размѣры.

Въ послѣдніе годы своей жизни, онъ часто возвращался къ двумъ вопросамъ, рѣшеніе коихъ онъ считалъ настоятельными: къ вопросу о совершенномъ преобразованіи уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, и къ порядку избранія гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Дѣятельность нынѣшнихъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, по мнѣнію Кошелева, совершенно парализовала крестьянскія учрежденія; порядокъ избранія гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, установленный земскимъ положеніемъ, не даетъ настоящаго *крестьянскаго* представительства въ земскихъ собраніяхъ.

Дѣйствительно, правила объ избраніи гласныхъ этого разряда принадлежатъ къ числу наименѣе обдуманныхъ и разработанныхъ, какъ въ *мотивахъ*, такъ и въ *постановленіяхъ* положенія. Обращаясь къ мотивамъ, мы находимъ весьма слабое и даже сбивчивое объясненіе установленнаго порядка. Обращаясь къ постановленіямъ земскаго положенія, мы встрѣчаемся съ неправильнымъ проведеніемъ основной мысли. Обращаясь къ практикѣ, мы слышимъ многочисленныя жалобы, вызываемыя самыми прискорбными фактами.

I.

Мотивы нынѣшняго порядка избранія гласныхъ отъ сельскихъ обществъ находятся, конечно, въ связи съ общими началами нашего земскаго представительства. Эти общія начала достаточно извѣстны. Представительство въ земскихъ учрежденіяхъ, призванныхъ къ завѣдыванію хозяйственными пользами и нуждами, должно быть представительствомъ интересовъ и пропорціонально степени этого интереса. Знаменіемъ или признакомъ послѣдняго является имущество, главнымъ образомъ, недвижимое. Отсюда два послѣдствія. Во-первыхъ, образуется классъ лицъ, которыя по отсутствію имущества или по малому его размѣру, предположительно не имѣютъ никакого „интереса“ въ хозяйственныхъ пользахъ и нуждахъ. Во-вторыхъ, въ классѣ лицъ, обладающихъ имуществомъ, пропорціонально размѣру послѣдняго, предполагается и различная степень интереса, которою опредѣляется и степень участія въ земскихъ выборахъ. Одни, владѣющіе участкомъ земли въ опредѣленномъ размѣрѣ, пользуются правомъ непосредственнаго голоса въ избирательныхъ съѣздахъ; другіе, имущество которыхъ не достигаетъ указаннаго размѣра, участвуютъ въ съѣздахъ чрезъ уполномоченныхъ, представляющихъ, такимъ образомъ, коллективный, собирательный голосъ нѣсколькихъ владѣльцевъ.

Но сверхъ матеріальнаго, такъ сказать, признака въ различіи интересовъ имѣются еще и другіе,—порядка общественно-юридическаго. Нельзя не видѣть разницы между имуществомъ, владѣемымъ на правѣ личной собственности, и „пространствомъ земли“, находящейся въ общинномъ владѣніи; нельзя не видѣть разницы между лицомъ, владѣющимъ недвижимою собственностью въ уѣздѣ, и владѣльцемъ имущества въ городѣ. Отсюда понятно раздѣленіе всѣхъ избирателей гласныхъ уѣзднаго земскаго собранія на три разряда: уѣздныхъ землевладѣльцевъ, городскихъ избирателей и сельскія общества. Иначе говоря: въ земскомъ собраніи должны быть представлены *три* интереса: интересъ уѣзднаго землевладѣнія, городского общества и сельскихъ общинъ.

Ведетъ ли это различіе интересовъ къ необходимости образованія трехъ различныхъ съѣздовъ, должно ли вводить въ устройство земскихъ учрежденій сословный элементъ, эти вопросы въ данную минуту еще слишкомъ трудны и не относятся прямо къ предмету статьи. Не останавливаясь на ихъ рѣшеніи, мы не сойдемъ съ почвы дѣйствующаго положенія. Мы будемъ исходить изъ твердаго убѣжденія, что составители земскаго положенія желали дать сельскимъ обществамъ особое представительство въ земскихъ собраніяхъ,—

представителей, самостоятельно и сознательно ими избранныхъ. Исходя изъ этого убѣжденія, намъ должно будетъ разсмотрѣть, насколько означенная мысль была разработана и, затѣмъ, осуществлена.

Сами составители положенія сознавали, что устройство крестьянскаго представительства въ земскихъ собраніяхъ довольно трудно.

„Болѣе сложный вопросъ [1]), — читаемъ мы въ соображеніяхъ коммиссіи, — составляетъ представительство сельскихъ общинъ въ земскихъ учрежденіяхъ. Здѣсь общія основанія ценза, принятыя для частныхъ землевладѣльцевъ и городскихъ общинъ, не приложимы, ибо частной недвижимой собственности почти не существуетъ, различіе въ имущественныхъ интересахъ членовъ сельскихъ общинъ весьма мало, вообще говоря, даже совсѣмъ нѣтъ“.

Послѣ признанія вопроса о представительствѣ сельскихъ общинъ „сложнымъ“, можно было ожидать тщательной и подробной его разработки. Къ сожалѣнію, послѣдняя не соотвѣтствуетъ указанному признанію.

„Эти обстоятельства,—говорится въ соображеніяхъ,—указываютъ на необходимость образовать въ сельскихъ общинахъ такъ называемое *коллективное* право избирательства, т.-е. лица, составляющія избирательное собраніе, сами должны быть *избраны* и уполномочены извѣстною частью *населенія*“.

Остановимся на этихъ немногихъ словахъ, содержащихъ въ себѣ большой и ничѣмъ не оправдываемый логическій скачекъ. Отправляясь изъ того факта, что „между *членами сельскихъ общинъ* нѣтъ различія въ имущественныхъ интересахъ“, составители соображеній усмотрѣли въ сельскихъ общинахъ нѣкоторую однородную „массу населенія“, отдѣльныя *части* которой имѣютъ право участвовать въ выборахъ чрезъ уполномоченныхъ. Итакъ, вмѣсто имущественнаго основанія, вмѣсто земельнаго владѣнія, крестьянское представительство должно быть основано *на населеніи*, т.-е. элементѣ, существенно отличномъ отъ начала имущественнаго. Но при этомъ забыто, что если между *отдѣльными членами* общины почти нѣтъ различія въ имущественныхъ интересахъ, то изъ этихъ членовъ образуются *сельскія общества*, имѣющія значеніе юридическихъ лицъ въ мѣрѣ, никакъ не меньшей, чѣмъ разныя „компаніи, товарищества и разныя учрежденія“, коимъ дано право, по владѣемымъ ими недвижимымъ имуществамъ, посылать отъ себя уполномоченныхъ въ избирательные съѣзды. По духу и смыслу всѣхъ проектовъ положенія и самого положенія *эти сельскія общества* должны быть представлены въ

[1]) Т.-е. сравнительно съ вопросомъ о представительствѣ другихъ разрядовъ.

земскихъ собраніяхъ, а никакъ не „сельское населеніе", отвлеченное отъ земли.

Отсюда видно, что имущественное основаніе въ организаціи представительства сельскихъ общинъ исчезло въ силу нѣкотораго волшебства. Оно было замѣнено другимъ, безъ достаточнаго объясненія основаній для такой замѣны. Во всякомъ случаѣ „сложный" вопросъ былъ разрѣшенъ довольно легко, хотя и не согласно съ общими началами земскаго представительства, принятыми коммиссіею. Справедливость требуетъ замѣтить, однако, что числовой принципъ „населенія" не выступаетъ такъ рѣзко въ способахъ организаціи крестьянскаго представительства, предлагаемыхъ въ „соображеніяхъ".

„За принятіемъ этого основанія,—продолжаютъ „соображенія",—существующія сельскія учрежденія представляютъ два способа организовать сельскія избирательныя собранія: во-первыхъ, образовать эти собранія изъ выборныхъ волостныхъ сходовъ. По закону (общ. полож. о крест. ст. 71) каждый выборный волостного схода избирается отъ 10 дворовъ; каждый дворъ, по среднему разсчету, заключаетъ до 4 душъ мужского пола; слѣдовательно, каждый волостной выборный служитъ представителемъ интересовъ 40 душъ населенія или, другими словами, 40 душевыхъ надѣловъ. Эта цифра близко подходила бы къ цензу, опредѣленному для частныхъ владѣльцевъ. Другой способъ, *въ сущности мало разнящійся отъ перваго*, состоитъ въ томъ, чтобы образовать крестьянскія избирательныя собранія изъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ. Сельскіе старосты, избранные самими крестьянами, могутъ служить, безъ сомнѣнія, лучшими представителями интересовъ крестьянскихъ общинъ, ихъ избирающихъ, тѣмъ болѣе, что и назначеніе ихъ есть по преимуществу административно-хозяйственное; волостные старшины точно также суть естественные представители общественныхъ интересовъ цѣлой волости"...

„Образованіе избирательныхъ сельскихъ собраній тѣмъ или другимъ изъ изложенныхъ выше способовъ, какъ сказано уже выше, имѣетъ мало существеннаго различія. Можно замѣтить только, что избирательныя собранія старостъ и старшинъ, по всей вѣроятности, будутъ сознательнѣе и вѣрнѣе производить выборъ. Кромѣ того, очевидно, что въ такомъ избирательномъ собраніи интересы общинъ будутъ представляемы совершенно правильно и съ полнымъ равновѣсіемъ; тогда какъ въ избирательныхъ собраніяхъ, составленныхъ изъ волостныхъ выборныхъ, будетъ, повидимому, перевѣсъ большихъ общинъ и волостей надъ малыми [1]".

---

[1]) Труды коммиссіи: «Соображенія», стр. 36 и слѣд.

Эта пространная выписка изъ соображеній коммиссіи даетъ полную возможность судить о ходѣ ея разсужденій. Изъ нея видно, что она стремилась еще согласовать начало „населенія“ съ началомъ имущественнымъ; она заботилась о томъ, чтобы каждая община была равномѣрно представлена на избирательномъ съѣздѣ чрезъ ея выборныхъ на волостной сходъ или чрезъ сельскаго старосту. Но способы исполненія такого намѣренія остались безъ надлежащаго обсужденія. Это видно уже изъ того, что, по мнѣнію коммиссіи, между двумя предложенными ею способами не представлялось существеннаго различія. По ея мнѣнію, составленіе избирательныхъ собраній изъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ представляется даже предпочтительнѣе. Конечно, это предположеніе родилось въ коммиссіи тотчасъ послѣ освобожденія крестьянъ, когда новыя сельскія учрежденія и дѣятельность мировыхъ посредниковъ перваго состава не только возбуждали значительныя надежды, но и оправдывали ихъ. Но что можно бы было сказать теперь на предложеніе составить избирательные съѣзды изъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ? Замѣтимъ, что и тогда образованіе *избирательныхъ* съѣздовъ изъ лицъ, имѣющихъ не только хозяйственное, но и *администра-тивное* значеніе, должно бы было показаться страннымъ.

Тѣмъ не менѣе именно этотъ способъ былъ принятъ послѣ но-ваго разсужденія [1]) и предложенъ въ первоначальномъ проектѣ зем-скихъ положеній [2]). Такимъ образомъ, способъ представительст[ва] чрезъ волостныхъ выборныхъ остался на степени возможности, ги-потезы, о которой упомянули съ тѣмъ, чтобы тотчасъ же ее отверг-нуть. Ею воспользовались въ послѣдующихъ законодательныхъ ра-ботахъ, но уже въ совершенно иномъ видѣ.

Числовое начало „народонаселенія“ было прочно установлено [...] въ другомъ отношеніи: въ отношеніи *числа гласныхъ*, предоставлен-наго каждому разряду избирателей. Сама коммиссія осталась, впро-чемъ, на почвѣ имущественныхъ основаній, хотя и предложила да[ть] въ представительствѣ преобладаніе личному землевладѣнію. Именно число гласныхъ, избираемыхъ уѣздными землевладѣльцами, предло-жено опредѣлить въ пропорціи по 1 на 3,000 *среднихъ* душевыхъ надѣловъ, а число гласныхъ отъ крестьянъ по 1 на 6,000 таковыхъ же надѣловъ. Но въ государственномъ совѣтѣ предположили устра-нить этотъ принципъ преобладанія личнаго землевладѣнія надъ общиннымъ и постановили опредѣлить число гласныхъ, избираемыхъ сельскими обществами въ пропорціи по 1 на 3,000 душъ.

[1]) Журналъ общ. прис. ком. 10 и 12 марта 1862, стр. 7 и слѣд.

[2]) Ст. 20.

Въ практическомъ своемъ примѣненіи, это правило привело къ тому же, если не къ болѣе рѣзкому результату.

Во-первыхъ, 3,000 *душъ*, на которыя положенъ одинъ гласный, не соотвѣтствуютъ 3,000 *среднихъ* душевныхъ надѣловъ, ибо дѣйствительные надѣлы, особенно у государственныхъ крестьянъ, *выше* среднихъ, по коимъ произведенъ разсчетъ пространства земли, дающаго право участія въ избирательныхъ съѣздахъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Во-вторыхъ, государственный совѣтъ, въ видахъ возможнаго равновѣсія между гласными двухъ многочисленнѣйшихъ разрядовъ, постановилъ, чтобы число гласныхъ каждаго разряда не превышало совокупнаго числа гласныхъ двухъ другихъ разрядовъ, кромѣ случаевъ исключительныхъ, какъ напримѣръ малочисленности уѣздныхъ землевладѣльцевъ или значительности городскихъ поселеній.

Примѣнить это правило къ гласнымъ, избираемымъ городскими обществами, было не затруднительно, въ виду незначительности большинства нашихъ городскихъ поселеній. Но результатъ, который долженъ былъ получиться отъ примѣненія этихъ правилъ къ многочисленнѣйшимъ разрядамъ избирателей, зависѣлъ отъ того, съ какого разряда будетъ начатъ разсчетъ и къ какой нормѣ будетъ, слѣдовательно, примѣняться число гласныхъ отъ прочихъ разрядовъ.

Разсчетъ былъ начатъ, очевидно, съ разряда уѣздныхъ землевладѣльцевъ, и указанное правило было выдержано въ распредѣленіи числа гласныхъ, но выдержано приблизительно, какъ это показываетъ роспись, составляющая приложеніе къ ст. 33 (1849, т. II, изд. 1876). Правило, что число гласныхъ отъ каждаго разряда не должно превышать совокупнаго числа гласныхъ отъ прочихъ разрядовъ имѣетъ тотъ смыслъ, что ни одинъ разрядъ, самъ по себѣ не долженъ образовать *большинства* въ земскомъ собраніи. Въ этомъ смыслѣ, повторяемъ, правило выдержано. Но остается еще и другой вопросъ, не менѣе важный, именно, въ *какой мѣрѣ* одинъ разрядъ, соединенный съ другимъ, можетъ образовать такое большинство? На основаніи указанной росписи, можно сказать, что въ значительномъ числѣ губерній, въ коихъ развито личное землевладѣніе, гласные отъ землевладѣльцевъ, соединившись съ гласными отъ городовъ, образуютъ большинство, а гласные отъ крестьянъ, соединенные съ гласными отъ городовъ, такого большинства не образуютъ, или составляютъ большинство, слабѣйшее противъ перваго. Вотъ и доказательство тому:

Орловская губернія:

Уѣзды.	Гласныхъ отъ уѣздн. земл.	Гласныхъ отъ городовъ.	Гласныхъ отъ крестьянъ.	Гласныхъ отъ зем. и гор. вм.	Гласныхъ отъ крест. и гор.
Орловскій .	28	10	18	38	28
Болховской	22	8	14	32	18
Брянскій. .	19	6	13	25	19
Дмитровск.	16	4	12	20	16
Елецкій . .	33	10	28	43	38
Карачевскій	19	6	13	25	19
Кромскій. .	16	2	14	18	16
Ливенскій .	33	6	32	39	38
Малоарханг.	25	2	23	27	25
Мценскій. .	18	6	12	24	18
Сѣвскій . .	20	4	16	24	20
Трубчевскій	14	4	13	18	17

Рязанская губернія:

Уѣзды.	Гласныхъ отъ уѣздн. земл.	Гласныхъ отъ городовъ.	Гласныхъ отъ крестьянъ.	Гласныхъ отъ зем. и гор. вм.	Гласныхъ отъ крест. и гор.
Рязанскій .	29	9	20	38	29
Данковскій.	17	3	14	20	17
Егорьевскій	19	3	16	22	19
Зарайскій .	20	4	17	24	21
Касимовск.	27	5	22	32	27
Михайлов. .	20	3	17	23	20
Пронскій. .	16	2	14	18	16
Ранненбург.	22	4	18	26	22
Ряжскій . .	18	2	16	20	18
Сапожковск.	21	3	18	24	21
Скопинскій.	16	6	18	22	24
Спасскій . .	24	3	21	27	24

Итакъ, въ *орловской* губерніи изъ 12 уѣздовъ только въ тре[х] гласные отъ сельскихъ обществъ, соединившись съ гласными от[ъ] городовъ, могутъ составить большинство; во всѣхъ прочихъ уѣзда[хъ] оба эти разряда, вмѣстѣ взятые, равны разряду гласныхъ отъ уѣз[д]ныхъ землевладѣльцевъ, или (какъ въ уѣздѣ болховскомъ) даже м[а]лочисленнѣе его. Въ губерніи *рязанской* только въ двухъ уѣзда[хъ] (зарайскомъ и скопинскомъ) гласные отъ крестьянъ и городовъ м[о]гутъ составить большинство; въ прочихъ 10 уѣздахъ число гласны[хъ] этихъ разрядовъ, вмѣстѣ взятыхъ, равно числу гласныхъ отъ зем[ле]владѣльцевъ. Напротивъ, гласные отъ землевладѣльцевъ и городо[въ] во всѣхъ уѣздахъ могутъ составить большинство. Мы можемъ у[ка]зать и на исключенія, преимущественно въ тѣхъ губерніяхъ, гд[ѣ] личное землевладѣніе развито слабо. Но эти исключенія не осла[б]ляютъ значенія общаго правила. Это видно изъ того, что общее к[о]личество гласныхъ отъ уѣздныхъ землевладѣльцевъ превышаетъ к[о]личество гласныхъ отъ сельскихъ обществъ на 876: именно, всѣх[ъ] гласныхъ отъ землевладѣльцевъ положено 6,405, отъ сельских[ъ] обществъ 5,529.

Это не показываетъ, однако, чтобы пространство земли, влад[ѣе]мой сельскими обществами, было меньше количества земель, наход[я]щихся въ частномъ владѣніи. Напротивъ, достаточно извѣстно, ч[то] количество земель перваго рода значительно превышаетъ простра[н]ство земель второго разряда. Такъ въ одной изъ указанныхъ вы[ше] губерній, въ губ. *рязанской*, во владѣніи крестьянскихъ общест[въ] состоитъ 1.916,921 дес.; во владѣніи частныхъ лицъ 1.290,399 дес., слѣдовательно почти въ $1^1/_2$ раза меньше. Гласныхъ же въ уѣздн[ыхъ]

земскія собранія землевладѣльцы посылаютъ 249, крестьянскія общества—213. Вообще въ 8 центральныхъ губерніяхъ Россіи сельскія общества владѣютъ 56% общаго количества земель, а частные владѣльцы 37%. „Изъ 96 уѣздовъ губерній центральной земледѣльческой области (губ. тамбовская, тульская, пензенская, калужская, воронежская, орловская, курская, рязанская), въ 13 уѣздахъ крестьяне владѣютъ болѣе, чѣмъ 70% всей земли, причемъ крестьянское землевладѣніе достигаетъ своихъ высшихъ размѣровъ въ уѣздахъ коротоякскомъ (88,4%), богучарскомъ (84,6%) и нижнедѣвицкомъ (83,4%)... Затѣмъ, въ большинствѣ уѣздовъ крестьяне владѣютъ: въ 32 отъ 60 до 70% и въ 30 отъ 50 до 60% всѣхъ земель. Несравненно менѣе значительно число уѣздовъ, въ коихъ крестьяне владѣютъ отъ 40 до 50% всей земли, а именно, оно не превосходитъ 17 [1]).

Если мы примемъ другое и болѣе дѣйствительное основаніе для оцѣнки дѣйствующей системы представительствъ, именно *количество земскихъ сборовъ*, причитающееся на гласнаго каждой категоріи, то по тамбовской, напримѣръ, губерніи окажется:

Въ настоящее время избираютъ изъ общаго числа гласныхъ (620): уѣздные землевладѣльцы 234, города 69 и сельскіе общества 267; пропорціонально сборамъ слѣдовало бы избирать: уѣзднымъ землевладѣльцамъ 229, городамъ 31 и сельскимъ обществамъ 360.

Но мы не будемъ здѣсь настаивать на этомъ предметѣ, такъ какъ, во-первыхъ, въ мотивахъ къ земскому положенію прямо высказано, что на первое, по крайней мѣрѣ, время, представляется необходимымъ дать перевѣсъ болѣе образованному классу уѣздныхъ жителей и, во-вторыхъ, для измѣненія числа гласныхъ по разрядамъ, необходимы общія перемѣны въ избирательныхъ условіяхъ не только для сельскихъ обществъ, но и для уѣздныхъ землевладѣльцевъ и общее увеличеніе числа гласныхъ въ уѣздныхъ земскихъ собраніяхъ, слишкомъ малолюдныхъ. Мы сосредоточиваемъ свое вниманіе на вопросѣ, по скольку выборы того числа гласныхъ, которое предоставлено сельскимъ обществамъ, поставлены въ условія правильныя и соотвѣтствующія требованіямъ представительства.

Для этой цѣли мы обращаемся прежде всего къ основному вопросу: *кто* долженъ быть представленъ въ земскихъ собраніяхъ по точному смыслу самого положенія? Отвѣтъ мы находимъ, повидимому, въ 14 ст. положенія, которая гласитъ:

„Уѣздное земское собраніе составляется изъ земскихъ гласныхъ, избираемыхъ: 1) уѣздными землевладѣльцами, 2) городскими обще-

[1]) „Статистика поземельной собственности“, изданіе Центр. Ст. Ком. (1880), стр. XXX.

ствами и 3) сельскими обществами". Итакъ *сельскія общества* должны быть представлены въ земскомъ собраніи наряду съ уѣздными землевладѣльцами и обществами городскими. Но что разумѣть подъ именемъ „сельскихъ обществъ"? Должны ли мы понимать подъ этимъ словомъ простое собраніе извѣстнаго рода людей или нѣчто иное? Этотъ вопросъ, въ его отношеніяхъ къ земскимъ выборамъ, разрѣшается простою постановкою другого вопроса: во имя чего „сельскія общества" допускаются къ представительству въ земскихъ собраніяхъ? Отвѣтъ несомнѣненъ: во имя того, что они владѣютъ землями, подлежащими обложенію земскими сборами. Поэтому каждое сельское общество должно быть разсматриваемо какъ нѣчто цѣлое въ своихъ имущественныхъ правахъ и обязанностяхъ, въ его отношеніяхъ къ земству и къ правительству. Слѣдовательно община, какъ таковая, должна участвовать въ выборѣ гласныхъ, призванныхъ говорить и дѣйствовать именемъ „сельскихъ обществъ", представлять и защищать ихъ интересы. Представительство отъ сельскихъ обществъ имѣетъ этотъ смыслъ или не имѣетъ никакого.

Отсюда можно вывести то заключеніе, что гласные отъ сельскихъ обществъ должны избираться такимъ способомъ, при которомъ избираемый стоялъ бы какъ можно ближе къ избирателямъ,—способомъ, который по возможности давалъ бы прямое участіе каждой общинѣ въ избраніи гласныхъ. Мы употребляемъ выраженія „по возможности", „сколько можно", въ виду того, что прямое избраніе гласныхъ сельскими обществами, при многочисленности сельскаго населенія и при ограниченности числа гласныхъ, конечно невозможно. Но ни то, ни другое обстоятельство не устраняютъ значенія общей цѣли, которую долженъ имѣть въ виду законодатель—по возможности приблизить избираемаго къ избирателю.

Важность этого условія сознавалась отчасти коммиссіею, какъ это видно изъ первоначальныхъ ея работъ. Предлагая два способа составленія сельскихъ избирательныхъ съѣздовъ, она, въ видѣ перваго способа, проектировала образовать съѣздъ изъ выборныхъ отъ волостныхъ сходовъ, т.-е. систему *двустепенныхъ выборовъ*, причемъ каждая община была бы представлена на избирательномъ съѣздѣ пропорціонально владѣемой ею землѣ. Но осуществленіе этого плана очевидно встрѣтило то препятствіе, что округомъ для производства земскихъ выборовъ былъ признанъ *уѣздъ*, который могъ быть подраздѣленъ на участки, но не меньше стана или мирового участка. Соединеніе всѣхъ выборныхъ волостного схода не только въ общій уѣздный съѣздъ, но даже въ съѣзды по станамъ или мировымъ участкамъ, представлялось затруднительнымъ, въ виду многолюдства такихъ собраній. Изъ такого затрудненія представлялось два выхода: или

уменьшить число выборщиковъ, или увеличить число избирательныхъ округовъ, приблизивъ ихъ къ волостямъ. Но послѣдній исходъ въ то время представлялъ затрудненія въ виду того, что государственные крестьяне не были еще переданы въ завѣдываніе общихъ крестьянскихъ учрежденій, и ихъ волости не могли быть слиты съ волостями бывшихъ владѣльческихъ крестьянъ.

Итакъ, законодательство остановилось на уменьшеніи числа избирателей. Избирательные съѣзды отъ сельскихъ обществъ, на основаніи 30 ст., составляются изъ выборщиковъ, назначаемыхъ волостными сходами. Число ихъ не должно превышать $^1/_3$ лицъ, имѣющихъ по закону право участвовать на сходѣ, съ тѣмъ, чтобы отъ каждаго сельскаго общества, въ средѣ выборщиковъ находилось не менѣе одного представителя. Общая масса выборщиковъ, избранныхъ волостными сходами, раздѣляется на нѣсколько съѣздовъ по мировымъ участкамъ или станамъ и каждый съѣздъ избираетъ гласныхъ, причитающихся на участокъ.

Таковъ порядокъ, установленный 30 и 31 ст. положенія. Нашему вниманію подлежатъ три существенныхъ пункта въ этихъ постановленіяхъ.

Во-первыхъ, существующій порядокъ вводитъ *трехстепенную* систему выборовъ, т.-е. удаляетъ избираемаго отъ избирателей еще на одну степень. Сельскія общества избираютъ выборныхъ волостныхъ сходовъ—первая степень; волостные сходы назначаютъ выборщиковъ—вторая степень; выборщики избираютъ гласнаго—третья степень. Въ результатѣ, выборы гласныхъ поручаются собранію, достаточно отдаленному отъ сельскихъ обществъ, чтобы послѣднія не интересовались исходомъ выборовъ, на которые они не могутъ имѣть никакого вліянія.

Во-вторыхъ, при такой системѣ, пропорціональное вліяніе сельскихъ обществъ на выборы исчезаетъ. Правда, по составленіи 30 ст. интересы общества не были вполнѣ забыты. Установлено, что въ составѣ выборщиковъ долженъ быть по крайней мѣрѣ одинъ представитель отъ каждаго сельскаго общества. Но если это общество, пропорціонально числу дворовъ, имѣетъ право на 2 или 3 представителя?

Въ-третьихъ, 31 ст. установляетъ такую форму выборовъ, которая трудно примѣнима даже къ странамъ и классамъ, болѣе образованнымъ, чѣмъ Россія и русское крестьянство. Именно, она установляетъ такъ-называемый scrutin de liste, который Гамбетта тщетно старался провести во Франціи. Каждый избирательный съѣздъ долженъ избрать *нѣсколькихъ* гласныхъ. Напримѣръ, предполагая, что съѣзды устроены по станамъ, въ курской губерніи каждый съѣздъ

новооскольскаго уѣзда долженъ избрать 5 гласныхъ, бѣлгородскаго отъ 4—5, въ ливенскомъ (орловской губ.) отъ 10—11, въ малоархангельскомъ (той же губ.) отъ 7 до 8, и т. д.

Если мы представимъ себѣ средній уровень крестьянскаго образованія, развитія, знакомства съ окрестными жителями и владѣльцами, то мы несомнѣнно придемъ къ убѣжденію, что крестьянинъ избиратель можетъ сознательно и съ убѣжденіемъ подать голосъ за *одно*, много *два* лица, живущихъ въ его сосѣдствѣ и имѣющихъ съ нимъ частыя отношенія. Но трудно представить себѣ, чтобы онъ, безъ внѣшняго руководства, подалъ сознательно голосъ за 5—6, а иногда за 10—11 лицъ, подлежащихъ выбору.

Въ результатѣ—избирательные крестьянскіе съѣзды суть собранія лицъ, избранныхъ ad hoc, и потому случайно отрѣшенныхъ отъ своихъ сельскихъ обществъ, мало знающихъ даже другъ друга и призванныхъ подать голоса за людей, не всегда имъ извѣстныхъ. Понятно, что эти съѣзды, болѣе чѣмъ какіе-нибудь другіе, должны были сдѣлаться игралищемъ въ чужихъ рукахъ, орудіемъ постороннихъ происковъ и вліяній, средствомъ ловко пройти въ земскія собранія для цѣлей, постороннихъ интересамъ „сельскихъ обществъ". Бывали, конечно, случаи, когда крестьянскіе съѣзды служили прибѣжищемъ противъ интригъ партій на съѣздахъ землевладѣльцевъ; бывали случаи, когда иные достойные дѣятели, вытѣсненные гг. землевладѣльцами, получали званіе гласныхъ отъ крестьянъ. Но на нѣсколько примѣровъ удачныхъ, сколько неудачныхъ и прискорбныхъ!

При существующей системѣ выборовъ не могла быть осуществлена и цѣль правила ст. 35 (1851 ст. II т.), въ силу котораго сельскимъ избирательнымъ съѣздамъ предоставляется избирать гласныхъ не только изъ числа своихъ сочленовъ, но и изъ членовъ избирательнаго съѣзда землевладѣльцевъ, и изъ православныхъ священниковъ и священнослужителей.

Правило это могло бы принести пользу только въ томъ случаѣ, если бы выборы происходили въ условіяхъ мѣстныхъ (законныхъ, конечно) вліяній и падали на лицъ давно и близко знакомыхъ мѣстному населенію съ хорошей стороны. Но участковые и становые „съѣзды" открыты вліяніямъ другого рода,—вліяніямъ, которыя (выражаясь наиболѣе деликатно) могутъ быть названы „нежелательными".

Къ этому должно прибавить, что правилами самого положенія о зем. учр., составители котораго, конечно, не могли предусмотрѣть позднѣйшей судьбы крестьянскихъ учрежденій 1861 года, созданы условія, усугубившія плачевное состояніе сельскихъ избирательныхъ съѣздовъ.

Во-первыхъ, въ числѣ лицъ, которыя не могутъ быть избраны въ гласные, по 36 ст. пол., не включены волостные старшины и писаря.

Во-вторыхъ, руководство выборами предоставлено членамъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій.

Затрудняемся, съ котораго изъ этихъ двухъ условій начать. Хронологически должно начать съ вопроса о волостныхъ старшинахъ, хотя плоды этого недосмотра обнаружились вполнѣ только съ учрежденія уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій.

II.

Мы видѣли, что составители земскаго положенія такъ довѣрчиво смотрѣли на судьбу крестьянскихъ учрежденій, что предлагали даже составить избирательные съѣзды изъ волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ, какъ „естественныхъ представителей" интересовъ своихъ обществъ. Тѣмъ менѣе могло входить въ ихъ намѣреніе исключить волостныхъ старшинъ изъ числа лицъ, могущихъ быть избранными въ гласные. Но, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ дѣйствія крестьянскихъ учрежденій, обнаружились, вѣроятно, такіе симптомы, что одинъ изъ губернаторовъ представилъ пр. сенату о разъясненіи, могутъ ли волостные старшины быть гласными земскихъ собраній. Сенатъ нашелъ, что, во-первыхъ, 116 ст. общ. положенія воспрещаетъ соединеніе съ должностію старшины другихъ должностей, но что *званіе* гласнаго не подходитъ подъ понятіе должности; во-вторыхъ, что 36 ст. п. о з. у. не упоминаетъ о волостныхъ старшинахъ. Не встрѣчая, такимъ образомъ, формальныхъ препятствій къ избранію старшинъ въ гласные, прав. сенатъ прибавилъ къ этому, что „подобное запрещеніе можетъ устранить участіе многихъ полезныхъ дѣятелей въ дѣлахъ земства" [1]). Послѣдующія событія явились нагляднымъ комментаріемъ этого предположенія. Событія эти тѣсно связаны съ судьбою мировыхъ учрежденій. Она весьма поучительна, и въ ея отношеніяхъ къ занимающему насъ вопросу, можетъ быть, не совсѣмъ извѣстна.

Открытіе и, до извѣстной степени, руководство сельскими избирательными съѣздами, предполагалось, какъ извѣстно, предоставить *мировымъ судьямъ*, а впредь до учрежденія ихъ, мировымъ посредникамъ. Въ этомъ духѣ редактирована 32 ст. положенія о з. у., нынѣшняя 1848 ст. II т. изд. 1876.

„Избирательный сельскій съѣздъ,—читаемъ мы здѣсь,—открывается

---

[1]) Сборникъ г. Верховскаго, стр. 35.

мировымъ судьею, а гдѣ *его нѣтъ*, мировымъ посредникомъ, которые предлагаютъ выборщикамъ назначить изъ своей среды предсѣдателя съѣзда, утверждаютъ это назначеніе, и затѣмъ рѣшаютъ всѣ возникающіе при выборахъ гласныхъ недоразумѣнія".

Но напрасно будемъ мы видѣть въ 1848 ст. постановленіе *дѣйствующаго* законодательства. Правило это не дѣйствовало ни одного дня со времени обнародованія земскихъ положеній, несмотря на то, что учрежденіе мировыхъ судей было введено почти во всѣхъ губерніяхъ, гдѣ имѣлись земскія установленія. Можетъ быть въ силу большаго административнаго значенія мировыхъ посредниковъ, сочтено было полезнымъ оставить за ними указанныя 32 ст. обязанности. Такъ въ 1867 году, по поводу выбора гласныхъ на новое трехлѣтіе, подлежащимъ губернскимъ начальствомъ было сообщено отъ министерства слѣдующее:

„По 1 примѣч. ко 2-му пункту Высочайше утвержденнаго мнѣнія государственнаго совѣта 25 окт. 1865 г., открытіе сельскихъ избирательныхъ съѣздовъ, и по учрежденіи должности мировыхъ судей, относится къ обязанностямъ мировыхъ посредниковъ".

Ссылка на указанное мнѣніе госуд. совѣта снова сдѣлана въ циркулярѣ М. В. Д. отъ 20 января 1868 года [1]).

Обращаясь къ самому мнѣнію государственнаго совѣта, мы едва ли найдемъ въ немъ основаніе къ выводу, сдѣланному М. В. Д. Правила 25 октября 1865 г. касались предоставленія въ вѣденіе новыхъ судебныхъ установленій нѣкоторыхъ обязанностей мировыхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій, слѣдовательно они относились къ числу правилъ о приведеніи въ дѣйствіе *судебныхъ уставовъ* и указывали на *судебныя* обязанности посредниковъ, переходившія въ вѣденіе новыхъ установленій.

Первая ихъ статья гласитъ, что со дня введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, вѣденію судебныхъ установленій, образуемыхъ на основаніи сихъ учрежденій, подчиняются всѣ *иски* и *споры*, не относящіеся до исполненія уставныхъ грамотъ и предметовъ, въ нихъ обозначенныхъ, и не истекающіе изъ обязательныхъ отношеній помѣщиковъ и временно-обязанныхъ крестьянъ. Затѣмъ 2 ст., въ трехъ пунктахъ перечисляетъ какія именно дѣла „на семъ основаніи" изъемлются изъ вѣдомства крестьянскихъ учрежденій. Наконецъ, примѣчаніе 1-е къ 2-й ст. (на которое ссылалось министерство) гласитъ буквально:

„Всѣ прочія затѣмъ дѣла вѣдомства мир. по кр. дѣл. учрежде-

---

[1]) Сборникъ, т. II, стр. 218.

ній, *означенныя въ положеніи о сихъ* учрежденіяхъ, остаются въ вѣденіи сихъ же учрежденій".

Итакъ, примѣчаніе постановляло, что за изъятіями, указанными въ 1 и 2 ст. прав. 1865 года, за мир. кр. учр. оставались обязанности, указанныя въ *положеніи о сихъ* учрежденіяхъ. Обязанности же по открытіи сельскихъ избирательныхъ съѣздовъ не были и не могли быть указаны въ означенномъ положеніи, такъ какъ объ нихъ упоминалось въ положеніи о зем. учрежд., въ видѣ временной мѣры, не установлявшей постоянной обязанности мировыхъ посредниковъ.

Трудно было, слѣдовательно, раскрыть въ означенномъ примѣчаніи „смыслъ", который бы далъ основаніе мин. внутр. дѣлъ отмѣнить дѣйствіе 32 ст. пол. о з. учр. Затѣмъ, едва ли юридическое значеніе такого распоряженія усилилось отъ того, что министерство внутреннихъ дѣлъ предварительно снеслось съ министерствомъ юстиціи (цирк. 1868 г.); Высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 25 октября 1865 года не имѣло и, по существу своему, не могло имѣть никакого отношенія къ учрежденіямъ земскимъ.

Необходимость въ такихъ ссылкахъ устранилась сама собою съ учрежденіемъ, въ 1874 году, уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, замѣнившихъ упраздненную должность мировыхъ посредниковъ и ихъ съѣздовъ.

Извѣстно, что эти присутствія введены именно въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ имѣются какъ земскія, такъ и *мировыя учрежденія*. Несмотря на это, къ числу обязанностей присутствія отнесено, между прочимъ:

„Назначеніе изъ числа членовъ присутствія лицъ для исполненія указанныхъ въ 32 ст. пол. о з. учр. обязанностей по открытіи сельскихъ избирательныхъ съѣздовъ" [1]).

Это ясное постановленіе, очевидно, не было принято въ разсчетъ при новомъ изданіи II тома, и 1848 ст. утверждаетъ, что сельскіе избирательные съѣзды открываются мировыми судьями. Итакъ, съ самаго начала дѣйствія пол. о з. у., этотъ важный вопросъ разрѣшался двумя разрядами постановленій, изъ коихъ одни, какъ 32 ст. п. о з. у., составляли органическую часть этихъ положеній, а другіе воздѣйствовали на него со стороны, отмѣняя дѣйствіе его статей. Такъ было въ 1867, 1868 и 1874 годахъ. Въ настоящее время, и послѣ новаго изданія II и IX т. св. зак., мы имѣемъ два постановленія, изъ коихъ одно занесено въ земское положеніе, а другое въ учрежденія крестьянскія; но первое не дѣйствуетъ и никогда не дѣйствовало, а второе опредѣляетъ то, что есть на самомъ дѣлѣ.

---

[1]) Полож. уѣзд. и губ. по кр. д. учр. ст. 143, п. 9.

Обращаясь къ практическимъ плодамъ послѣдняго, мы остановимся на нѣкоторыхъ данныхъ относительно дѣятельности какъ мировыхъ посредниковъ, такъ и уѣздныхъ присутствій.

Мировые посредники, въ концѣ 70-хъ годовъ, оставались лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи, въ коихъ не были введены новыя судебныя учрежденія. Къ числу ихъ относилась пермская губернія. Въ камышевскомъ уѣздѣ этой губерніи былъ, въ 1876 году, слѣдующій случай. Въ избирательномъ сельскомъ съѣздѣ 1 участка предсѣдателемъ оказался самъ мировой посредникъ, г. Андрущенко, избранный, какъ свидѣтельствовали потомъ, „единогласно". Начальникъ губерніи счелъ долгомъ возразить противъ такой существенной неправильности и сообщилъ свой отзывъ земскому собранію. Послѣднее, какъ значится по росписи, состоитъ всего изъ 12 гласныхъ, изъ коихъ 8 отъ сельскихъ обществъ. Въ такомъ составѣ земское собраніе нашло, что г. Андрущенко предсѣдательствовалъ на съѣздѣ не какъ мировой посредникъ, а какъ уѣздный землевладѣлецъ (!), избранный единогласно (!), и такъ какъ на съѣздѣ не произошло никакого нарушенія правъ избирателей (!), постановило признать выборы правильными. Нашелся, однако, одинъ гласный, подавшій особое мнѣніе, въ коемъ онъ просилъ разъяснить, какимъ образомъ г. Андрущенко могъ на съѣздѣ играть одновременно роль мирового посредника, уѣзднаго землевладѣльца и волостного выборнаго, и какъ онъ могъ сложить съ себя посредничество, чтобы сдѣлаться предсѣдателемъ съѣзда, и затѣмъ вновь обратиться въ посредника, чтобы утвердить произведенные подъ его предсѣдательствомъ выборы? Недоумѣніе почтеннаго гласнаго осталось неразъясненнымъ [1]).

Но этотъ оригинальный случай, свидѣтельствуя объ изобрѣтательности одного изъ мировыхъ посредниковъ въ отдаленной губерніи, не указываетъ еще на *органическіе* пороки системы выборовъ, развившіеся подъ дѣйствіемъ правилъ объ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіяхъ. Мы называемъ эти пороки *органическими* по той причинѣ, что они вытекаютъ изъ свойствъ законодательствъ по этому предмету.

Во-первыхъ, неудобства отъ допущенія волостныхъ старшинъ къ избранію въ гласные, неудобства, ощущавшіяся и прежде, теперь, вслѣдствіе особеннаго подчиненія ихъ уѣздному присутствію вообще и исправнику (по 153 и 155 ст. общ. пол. о кр.) въ частности, сдѣлались явленіемъ зауряднымъ. Хотя Правительствующій Сенатъ и разъяснялъ, что гласный есть не должность, а званіе, но и для отправленія этого званія требуется сознаніе нѣкоторой самостоя-

---

[1]) Земскій Ежегодникъ, I, № 6168.

тельности и спокойствіе духа. Ни того, ни другого не можетъ получиться у старшины, знающаго существованіе 125 ст. общ. пол. и 155 пол. о кр. уст., въ силу которыхъ исправникъ можетъ подвергнуть его денежному штрафу до 5 рублей и аресту до семи дней.

Послѣдствіе этого права не замедлило обнаружиться.

Въ 1876 симферопольское (таврической губ.) земское собраніе опредѣлило „просить начальника губерніи освободить, на время собранія, гласнаго, старшину Смышляева, посаженнаго исправникомъ подъ арестъ“ [1]). Вѣроятно подъ вліяніемъ этого и другихъ подобныхъ случаевъ, Таврическое губернское земское собраніе въ томъ-же году постановляетъ: „въ виду того, что *многіе* старшины и старосты состоятъ гласными, ходатайствовать, чтобы гласные земскихъ собраній на время засѣданія этихъ собраній не подвергались личному задержанію административнымъ порядкомъ“ [2]). Въ томъ-же году *Тверское* собраніе представило ходатайство болѣе общее: „чтобы волостные старшины, *какъ чины полиціи*, были изъяты изъ числа лицъ, имѣющихъ право быть гласными [3]). Такое же ходатайство было предоставлено въ 1879 г. Новгородскимъ губ. зем. соб. [4]). Оно было отклонено комитетомъ министровъ, по представленію г. министра внутр. дѣлъ, представившаго слѣдующія соображенія: 1) что волостные старшины суть лица выборныя и по характеру своихъ обязанностей не принадлежатъ къ чинамъ полиціи; 2) что въ эти должности избираются обыкновенно крестьяне, наиболѣе развитые и пользующіеся довѣріемъ общества; 3) что лица эти, по своей опытности и знанію всѣхъ нуждъ и потребностей своихъ избирателей, могутъ приносить въ собраніяхъ существенную пользу“.

Эти соображенія вѣрны примѣнительно къ условіямъ, въ которыя были поставлены означенныя должности по положенію 19 февраля 1861 г. Но въ виду нынѣшней постановки должности волостныхъ старшинъ, они могутъ быть причислены къ чинамъ полиціи и быть подведены подъ дѣйствіе 36 ст. пол. о з. у.

Слѣдующій случай выяснитъ въ чемъ и какъ можетъ обнаружиться зависимость старшинъ отъ власти исправниковъ.

Въ 1877 году, въ засѣданіи дмитровскаго (моск. губ.) земскаго собранія, слушался докладъ управы о недоимкахъ по земскимъ сборамъ. Докладъ происходилъ въ присутствіи исправника, который старался доказать, что недоимки по земскимъ сборамъ не только не увеличиваются, но постоянно уменьшаются, благодаря энергическимъ

[1]) „Земскій Ежегодникъ“, т. I, № 74.
[2]) Тамъ же, № 5878.
[3]) Тамъ же, № 5909.
[4]) Сборникъ по ст. зем. собр. новгор. губ. за 1879, стр. 2.

дѣйствіямъ полиціи. Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ сослался на гласныхъ изъ волостныхъ старшинъ. Всѣ старшины подтвердили, кромѣ одного, который промолчалъ. Засѣданіе происходило утромъ. Въ вечернемъ засѣданіи того же дня собраніе узнало, что молчавшій старшина арестованъ исправникомъ. Собраніе постановляетъ ходатайствовать предъ московскимъ губернаторомъ объ освобожденіи гласнаго на время засѣданій. Но исправникъ самъ освободилъ старшину, который и прибылъ въ засѣданіе; собраніе, однако, постановило просить губернатора объ огражденіи собранія на будущее время отъ такихъ дѣйствій". Исправникъ, въ свою очередь, препроводилъ въ собраніе бумагу, объяснявшую причину ареста. Въ ней говорилось, между прочимъ: „бывъ свидѣтелемъ совершеннаго равнодушія волостного старшины къ моему заявленію, я, пользуясь нахожденіемъ его въ городѣ [1]), арестовалъ его, *какъ старшину*, на три часа, не лишивъ его въ то же время возможности, какъ гласнаго, быть въ собраніи, и во всякомъ случаѣ не имѣлъ въ виду нанести, какое либо оскорбленіе собранію, лишивъ старшину на время, свободное для собранія, и *отправилъ его въ собраніе* въ свое время, о чемъ долгомъ считаю объяснить собранію, въ виду могущаго произойти какого либо *недоразумѣнія*, которое конечно было бы для меня весьма прискорбно" [2]).

Въ дѣйствительности дмитровскій исправникъ напрасно опасался „недоразумѣнія". Нѣтъ недоразумѣнія тамъ, гдѣ есть ясное *право*, основанное на опредѣлительныхъ статьяхъ закона. При существованіи такого *права* могутъ возникнуть только вопросы большаго или меньшаго *такта* въ пользованіи правомъ. Конечно, исправникъ могъ опасаться, что московскій губернаторъ найдетъ его поступокъ безтактнымъ и соотвѣтственно сему приметъ какую либо строгую мѣру. Но по праву, онъ могъ-бы арестовать старшину не на три часа, а на 7 дней, т.-е. почти на все время сессіи уѣзднаго земскаго собранія.

При такой постановкѣ дѣла, представляется двоякій выходъ: или устранить дисциплинарную власть исправниковъ надъ старшинами, или изъять послѣднихъ изъ числа лицъ, могущихъ быть гласными. Мы ничего не говоримъ о первомъ исходѣ, потому что не занимаемся здѣсь крестьянскими учрежденіями. Но принятіе второй мѣры представляется безусловно необходимымъ. Необходимость эта сознается многими земствами. Къ приведеннымъ выше ходатайствамъ, можно прибавить, напримѣръ, ходатайство горбатовскаго (нижег. губ.)

---

[1]) На волости, въ которой завѣдывалъ старшина, числилась недоимка.

[2]) В. Ю. Скалонъ, „Земскіе Вопросы", стр. 41 и слѣд.

земства о воспрещеніи волостнымъ старшинамъ и писарямъ быть гласными [1]). Юрьевецкое же (костр. губ.) собраніе прямо постановило „не допускать въ гласные отъ сельскихъ обществъ волостныхъ старшинъ" [2]).

Законъ 1874, усиливъ неудобства отъ допущенія старшинъ къ званію гласныхъ, расширилъ вмѣстѣ съ тѣмъ административное вліяніе на самый ходъ выборовъ въ сельскихъ съѣздахъ. Мы видѣли, что 9 п. 143 ст. учр. кр. уст. предоставилъ уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію назначать изъ своей среды члена для исполненія обязанностей по открытію избирательныхъ съѣздовъ. Слѣдовательно присутствіе можетъ поручить исполненіе этихъ обязанностей исправнику, какъ одному изъ своихъ членовъ. Сочетаніе этого правила съ указанными выше отношеніями исправниковъ къ старшинамъ, даже теоретически, должно предсказать результаты неблагопріятные. Практика подтверждаетъ гипотезу.

Въ 1879 году, въ елецкомъ окружномъ судѣ разсматривалось дѣло о подкупѣ сельскихъ избирателей, дѣло, весьма извѣстное, а потому не требующее продолжительнаго разсказа. Двое мировыхъ судей елецкаго уѣзда не прошли въ гласные въ съѣздѣ уѣздныхъ землевладѣльцевъ. Они рѣшились выставить свою кандидатуру въ одномъ изъ сельскихъ съѣздовъ. Но противъ ихъ избранія былъ предводитель дворянства и исправникъ. Послѣдній былъ назначенъ для открытія того съѣзда, въ которомъ хотѣли выступить кандидатами указанныя лица. Исторія этого памятнаго съѣзда разсказана въ свое время непремѣннымъ членомъ елецкаго присутствія, присутствовавшаго въ мѣстѣ съѣзда. Остановимся на главнѣйшихъ пунктахъ его разсказа, освѣтивъ ихъ предварительно постановленіями земскаго положенія объ обязанностяхъ лицъ, открывающихъ сельскіе избирательные съѣзды.

По 32 ст. п. о з. у., лицо, открывающее съѣздъ, предлагаетъ выборщикамъ назначить изъ своей среды предсѣдателя, утверждаетъ это назначеніе и затѣмъ разрѣшаетъ всѣ возникающія при выборѣ гласныхъ недоразумѣнія. По 37 ст. прав. о прив. въ дѣйствія пол. о з. у., лицо, открывающее съѣзды, „подробно объясняетъ избирателямъ ихъ права и обязанности, на основаніи положенія". Этимъ и ограничиваются обязанности лицъ, коимъ поручено открытіе съѣздовъ. Но изъ показаній непремѣннаго члена елецкаго присутствія, видно, что елецкій исправникъ понялъ ихъ гораздо шире.

Во-первыхъ, еще до выборовъ, одинъ изъ старшинъ заявилъ не-

---

[1]) „Земскій Ежегодникъ", IV, № 2447.

[2]) Тамъ же, II. № 33.

пременному члену, что его потребовалъ приставъ 2 стана и прика-
залъ, именемъ исправника, не выбирать названныхъ мировыхъ судей,
угрожая отрѣшеніемъ отъ должности. Во-вторыхъ, послѣ открыті
съѣзда, исправникъ предложилъ выборщикамъ разойтись по *волостям*
и заявить тѣхъ лицъ, которыхъ они желаютъ выбрать, т.-е. какъ б
принялъ на себя обязанности предсѣдателя. „Выборщики“ стали за-
являть о своихъ кандидатахъ чрезъ *старшинъ*, причемъ заявле
было и объ двухъ мировыхъ судьяхъ. Въ третьихъ, хотя гласных
должно было выбрать 9 и кандидатовъ было заявлено довольно, и
исправникъ предложилъ прибавить еще нѣсколько лицъ, вслѣдстві
чего составился списокъ въ 14 или въ 16 лицъ. Затѣмъ исправни
отправился въ волость, чтобы переписать списокъ, и поставилъ имен
двухъ мировыхъ судей послѣдними.

Открылись выборы; во время ихъ исправникъ говорилъ непр
мѣнному члену, что все идетъ хорошо и нѣтъ „ни одного пьяного
Казалось, что выборы идутъ хорошо и не въ одномъ этомъ смысл
Первые 9 кандидатовъ были избраны; остальныхъ стали забаллот
ровывать. Можно было надѣяться, что и мировые судьи, поставленн
послѣдними въ спискѣ, подвергнутся той же участи. Вышло напр
тивъ. Они были избраны огромнымъ большинствомъ.

Послѣ этого результата, начались обвиненія въ подкупѣ, подг
ворѣ и подпоѣ, удаленіе отъ должности волостныхъ старшинъ, су
надъ обвинявшимися въ подкупѣ, словомъ, вся драма, разыгравшая
для однихъ полнымъ оправданіемъ по суду, для старшинъ — отр
шеніемъ по приговору присутствія. Замѣтимъ при этомъ, что уѣз
ное присутствіе возвело себя въ судью законности выборовъ, что
отвѣтственности были привлечены старшины, участвовавшіе въ в
борахъ не въ качествѣ старшинъ, а въ качествѣ выборщиковъ
что на выборахъ они не имѣютъ никакихъ служебныхъ обязанносте

Все это можетъ показаться вполнѣ непонятнымъ, даже странны
Но мы выйдемъ изъ всѣхъ недоумѣній, ставъ на почву постановле
1874 года. Открытіе сельскихъ съѣздовъ поручено членамъ уѣздна
по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, т.-е. учрежденія начальству
щаго надъ крестьянскимъ управленіемъ. Начальникъ открывае
съѣздъ; онъ видитъ въ немъ своихъ подчиненныхъ, т.-е. волостны
старшинъ, и требуетъ отъ нихъ благопріятныхъ выборовъ, точно такъ ж
какъ ихъ требуютъ отъ него. Если старшины находятся въ завис
мости отъ исправника, то послѣдній находится въ зависимости ка
отъ губернскаго начальства такъ и отъ партіи, возобладавшей в
уѣздѣ и находящей поддержку въ „губерніи“. Полицейскій чино
никъ не можетъ, подобно судьѣ, завернуться въ свою тогу и сказат
что я ограничусь исполненіемъ формальныхъ обязанностей, предп

санныхъ 32 ст. положенія о з. у. Есть обязанности, которыхъ нельзя поручать административнымъ и полицейскимъ властямъ, и если они поручены, тщетны будутъ жалобы на ихъ такъ называемыя злоупотребленія. Въ большинствѣ случаевъ то, что называется „злоупотребленіемъ" есть прямой плодъ неправильной, ложной постановки самой должности. Къ числу обязанностей, которыя не могутъ быть возлагаемы на власти административныя, относятся, конечно, и обязанности по руководству выборами. Если 36 ст. полож. о з. у. постановляетъ, что въ гласные, не могутъ быть избираемы „чины мѣстной полиціи", то тѣмъ болѣе этимъ чинамъ не можетъ быть поручаемо руководство выборами.

Случайный составъ сельскихъ избирательныхъ собраній, участіе въ нихъ волостного начальства, возможность вліянія и давленія на выборы, обусловливаетъ различныя въ нихъ неправильности, о коихъ упоминается въ журналахъ земскихъ собраній. Конечно, эти неправильности могутъ быть раскрыты при провѣркѣ выборовъ, возложенной по 37 ст. п. о з. у. на земскія собранія. Но къ сожалѣнію должно сказать, что сами земскія собранія относились иногда къ этой обязанности довольно небрежно и руководствовались странными взглядами, оставляя безъ послѣдствій иныя справедливыя возраженія губернаторовъ.

При нынѣшнемъ устройствѣ сельскихъ избирательныхъ съѣздовъ, важно наблюдать за тѣмъ, чтобы лица, въ нихъ участвующія, были выборщиками, т.-е. были назначены для этой цѣли волостными сходами. Между тѣмъ, земскія собранія допускаютъ иногда явныя уклоненія отъ этого правила. Такъ, по поводу избранія одного гласнаго въ сельскомъ губернскомъ съѣздѣ ковровскаго (владим.) уѣзда, земское собраніе признало „несущественнымъ" то обстоятельство, что въ съѣздѣ принималъ участіе волостной писарь, не бывшій выборщикомъ, но явившійся на съѣздъ *вмѣсто* волостного старшины. Обстоятельство это было признано „несущественнымъ" на томъ основаніи, что избранный гласный получилъ 29 голосовъ противъ 6 и потому *одинъ* голосъ волостного писаря не могъ имѣть значенія [1]). Отсюда вытекаетъ, что, по мнѣнію собранія, законность состава избирательныхъ съѣздовъ опредѣляется числомъ голосовъ, полученныхъ избранными гласными.

Можетъ быть, вслѣдствіе такого отношенія, случаи самовольнаго, такъ сказать, участія въ выборахъ, встрѣчаются довольно часто,—и земскимъ собраніямъ приходилось исключать изъ своей среды глас-

[1]) „Зем. Ежег.", III, № 3.

ныхъ, незаконно участвовавшихъ въ выборахъ [1]). Въ иныхъ случаяхъ земскія собранія относились къ дѣлу столь же снисходительно, какъ по указанному выше случаю съ волостнымъ писаремъ [2]).

За то, въ видѣ нѣкоторого возмездія, имъ приходилось терпѣть въ своей средѣ гласныхъ—печальнаго свойства.

Въ 1878 году ставропольскому (самарской губ.) земскому собранію было сообщено мѣстнымъ присутствіемъ по крестьянскимъ дѣламъ, что писарь одной волости, онъ же гласный собранія, удаленъ отъ должности за злоупотребленія, по составленію незаконныхъ приговоровъ отъ имени сельскаго схода, и преданъ суду мирового судьи, за нанесеніе въ волостномъ правленіи, при исправленіи имъ обязанности волостного писаря, побоевъ одному крестьянину. Земское собраніе не нашло законныхъ основаній къ исключенію означеннаго гласнаго. Но нравственная характеристика его отъ этого не измѣнилась [3]).

Бывали, наконецъ, случаи, когда *всѣ* выборы, произведенные сельскими избирательными съѣздами въ уѣздѣ, должно было признать неправильными. Такъ въ 1877 году *краснинское* (смол. губ.) у. з. собр., согласно протесту губернатора, признало неправильными выборы по всѣмъ тремъ избирательнымъ сельскимъ съѣздамъ и, затѣмъ, „не находя удобнымъ приступать къ разсмотрѣнію дѣлъ безъ участія представителей цѣлаго сословія, постановило закрыть собраніе впредь до избранія гласныхъ отъ крестьянъ". Собраніе было открыто вновь чрезъ мѣсяцъ послѣ этого постановленія [4]).

III.

Всѣ приведенные факты указываютъ, по нашему мнѣнію, на свойство исправленій, къ которымъ должно бы приступить безотлагательно. Во главѣ ихъ мы поставили бы видоизмѣненіе избирательныхъ округовъ. Выборы гласныхъ отъ сельскихъ обществъ должны происходить по волостямъ. Это уничтожило бы лишнюю степень между избираемыми и избирателями, ввѣрило бы избраніе не случайно составленному съѣзду, но постоянному и лучше устроенному учрежденію, дало бы избирателямъ возможность производить выборы болѣе сознательно и изъ круга лицъ, ближе имъ извѣстнаго.

Покойный А. И. Кошелевъ, въ 1879 году предложилъ Сапожковскому (ряз. губ.) з. собр. ходатайствовать объ этой перемѣнѣ. Со-

[1]) „Зем. Ежег." II, 36, 64, 89, 3718, 3725.
[2]) Тамъ же, I, № 6084.
[3]) Тамъ же, III, 18.
[4]) Тамъ же, II, 73.

браніе приняло его предложеніе, но оно было отклонено губернскимъ собраніемъ. Послѣднее полагало, „что при проектированномъ порядкѣ, на волостные сходы, составъ которыхъ заранѣе извѣстенъ, нежелательныя вліянія могутъ дѣйствовать успѣшнѣе, чѣмъ на съѣзды сельскихъ избирателей. Увеличеніе же пунктовъ выборовъ легко можетъ быть достигнуто простымъ соглашеніемъ съ губернскимъ правленіемъ [1])".

Оба возраженія не могутъ быть признаны основательными. Шансы „нежелательныхъ вліяній" на волостные сходы при производствѣ выборовъ уменьшатся потому, что, во 1-хъ, общее количество избирателей увеличится втрое; во 2-хъ, при производствѣ выборовъ сходами явится возможность предварительнаго и сознательнаго соглашенія между избирателями, котораго не можетъ быть въ случайно составленномъ съѣздѣ; въ 3-хъ, увеличится возможность посторонняго контроля, со стороны лицъ, живущихъ въ предѣлахъ волости и, *при* нынѣшней системѣ, не имѣющихъ возможности знать, что происходитъ въ отдаленномъ пунктѣ съѣзда. Что касается возможности „увеличенія числа избирательныхъ пунктовъ чрезъ простое соглашеніе съ губернскимъ правленіемъ", то во 1-хъ 31 ст. п. о з. у. (1847 ст. II т. св. зак. изд. 1876) категорически говоритъ, что „съѣзды раздѣляются по мировымъ участкамъ, а въ случаѣ мѣстнаго для того неудобства по станамъ". Это постановленіе не можетъ быть устранено „соглашеніемъ съ губернскимъ правленіемъ. Во 2-хъ, дѣло идетъ не о простомъ измѣненіи *объема* избирательнаго округа, а объ измѣненіи *свойствъ* избирательной коллегіи, о замѣнѣ трехстепенныхъ выборовъ двухстепенными, избранія по спискамъ избраніемъ единоличнымъ, случайно составленнаго съѣзда избирателей правильно устроеннымъ сходомъ.

Серьезное затрудненіе для осуществленія этой мѣры представляется, повидимому, въ томъ, что *число* гласныхъ, избираемыхъ отъ сельскихъ обществъ по существующему росписанію не совпадаетъ съ числомъ волостей и что, поэтому, слѣдовало бы видоизмѣнить самое количество гласныхъ. Не отрицая необходимости серьезнаго пересмотра началъ нашего земскаго представительства, мы должны, однако, признать, что эта мѣра потребовала бы долгихъ предварительныхъ работъ, а потому едва ли было бы полезно ставить въ зависимость отъ нея исправленія, настоятельно необходимыя. Но это не исключаетъ возможности и даже необходимости увеличенія числа гласныхъ отъ крестьянъ въ уѣздахъ, въ коихъ при опредѣленіи этого числа допущены значительныя неправильности и не-

[1]) „Зем. Ежег." IV, 2449.

сообразности. Поставивъ распредѣленіе гласныхъ по волостямъ главною цѣлью преобразованій, мы считаемъ увеличеніе ихъ числа въ нѣкоторыхъ уѣздахъ одною изъ необходимыхъ для этой цѣли мѣръ. При такомъ условіи, перенесеніе выбора въ волости не представляло бы важныхъ затрудненій.

Во-первыхъ, въ губерніяхъ центральныхъ и густо населенныхъ, число гласныхъ, избираемыхъ отъ сельскихъ обществъ, нерѣдко выше числа волостей, вслѣдствіе чего инымъ волостямъ пришлось бы избирать нѣсколькихъ гласныхъ. Остановимся на нѣкоторыхъ примѣрахъ.

Въ губерніи *воронежской*, имѣющей 12 уѣздовъ, число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ выше числа волостей въ 8. Именно:

Уѣзды.	Волостей.	Гласныхъ.	Гласныхъ больше на
Задонскій	12	14	2
Землянскій	18	24	6
Бирюченскій	23	29	6
Воронежскій	15	21	6
Бобровскій	24	29	5
Новохоперскій	14	18	4
Острогожскій	29	31	2
Валуйскій	16	22	6

Число гласныхъ ниже числа властей въ 4 уѣздахъ.

Уѣзды.	Волостей.	Гласныхъ.	Гласныхъ меньше на
Нижнедѣвицкій	13	12	1
Коротоякскій	14	6	8
Павловскій	19	18	1
Богучарскій	28	21	7

Изъ этихъ данныхъ видно, что въ двухъ уѣздахъ — нижнедѣвицкомъ и павловскомъ — число гласныхъ ниже числа волостей, но слѣдовательно при введеніи предлагаемаго способа выборовъ, только одна изъ менѣе обширныхъ волостей должна быть присоединена (для производства выборовъ) къ волости многолюдной. Уѣзды же коротоякскій и богучарскій наводятъ на другія размышленія. Первый изъ этихъ уѣздовъ вообще имѣетъ слишкомъ малое число гласныхъ—всего 12 отъ всѣхъ разрядовъ, что и вызывало неоднократныя ходатайства мѣстнаго земства объ увеличеніи ихъ числа. Ходатайство это должно бы быть удовлетворено [1]). Соотвѣтственно

[1]) Въ нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, имѣющемъ наименьшее послѣ коротоякскаго число гласныхъ (24), во владѣніи сельскихъ обществъ имѣется 267,119 дес. земли, а въ коротоякскомъ 274,970, слѣд. *больше*, чѣмъ въ первомъ. Между тѣмъ въ нижнедѣвицкомъ уѣздѣ сельскія общества избираютъ 12 гл., а въ коротоякскомъ 6. Это

этому возвысится и число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Въ уѣздѣ богучарскомъ стремленіе уравновѣсить вліяніе землевладѣльцевъ съ одной и сельскихъ обществъ съ другой стороны выразилось въ самыхъ крайнихъ формахъ. Именно, сельскимъ обществамъ принадлежитъ здѣсь 705,346 десятинъ, частнымъ лицамъ 116,186, т. е. почти въ 7 разъ меньше. Между тѣмъ землевладѣльцамъ предоставлено 19 гл., а сельскимъ обществамъ 21, т.-е. почти равное число. Справедливость требовала бы увеличенія числа гласныхъ отъ сельскихъ обществъ по крайней мѣрѣ до числа волостей.

Въ *курской* губерніи число гласныхъ отъ сельскихъ обществъ ниже числа волостей всего въ четырехъ уѣздахъ изъ 15; въ двухъ (новооскольскій и рыльскій) оно равно ему, въ остальныхъ выше [1]). Обращаясь къ уѣздамъ, въ коихъ число гласныхъ ниже числа волостей, мы находимъ слѣдующія отношенія:

Уѣзды.	Волости.	Гласныхъ.	Гласныхъ меньше на
Старооскольскій	19	18	1
Льговскій.	18	14	4
Дмитровскій	18	15	3
Путивльскій	21	15	6

Разсматривая отношеніе пространства земли, находящагося во владѣніи сельскихъ обществъ къ таковому же частныхъ землевладѣльцевъ, мы находимъ:

Уѣзды.	Земли с. об.	Частн. зем.
Старооскольскій . . .	168478	87367
Льговскій	[illegible]10626	117339
Дмитровскій	135922	129178
Путивльскій	109226	1210[illegible]8

Въ двухъ уѣздахъ, такимъ образомъ, сельскія общества владѣютъ большимъ количествомъ земли, чѣмъ уѣздные землевладѣльцы; въ одномъ изъ нихъ (староок.) имъ принадлежитъ почти вдвое большее простран-

несоотвѣтствіе объясняется желаніемъ соблюсти пропорцію между гласными отъ землевладѣльцевъ и отъ сельскихъ обществъ. Въ нижнедѣвицкомъ уѣздѣ, уѣздные землевладѣльцы имѣютъ 55,426 и 10 гласн., а въ коротоякскомъ 33,727 дес. и 4 гласн.

[1])

Уѣзды.	Число гласныхъ больше на
Тимскій.	7
Щигровскій.	1
Фатежскій	1
Курскій	1
Обоянскій	7
Корочанскій.	1
Бѣлгородскій	4
Грайворонскій	5
Суджанскій	3

ство. Слѣдовательно здѣсь увеличенiе числа гласныхъ до числа волостей представлялось бы справедливымъ. Въ уѣздахъ льговскомъ и путивльскомъ пространство земель с. об. нѣсколько ниже противъ пространства земель частныхъ. Но здѣсь представляется возможнымъ присоединенiе, для производства выборовъ, двухъ меньшаго объема волостей, по преимуществу сосѣднихъ или же дальнѣйшее сокращенiе волостей. Это представляется возможнымъ въ силу того соображенiя, что въ путивльскомъ уѣздѣ общее число владѣемой с. об. земли немногимъ выше, чѣмъ въ уѣздѣ рыльскомъ, именно, въ последнемъ 108466, а въ первомъ 109226; число сельскихъ обществъ въ уѣздѣ рыльскомъ 284 при 366 общинахъ; въ путивльскомъ — с. об. 294 при 374 общинахъ; дворовъ въ рыльскомъ уѣздѣ 16187; въ путивльскомъ—16098. При этихъ приблизительно равныхъ условiяхъ рыльскiй уѣздъ имѣетъ 16 волостей, а путивльскiй 21. Вслѣдствiе этого, въ послѣднемъ мы видимъ волости незначительнаго объема. Въ рыльскомъ уѣздѣ ни одна волость не имѣетъ меньше 500 дворовъ; семь волостей имѣетъ ихъ свыше 1000; остальные свыше 500. Въ путивльскомъ уѣздѣ свыше 1000 дворовъ имѣютъ двѣ волости; 17—среднимъ числомъ около 700; двѣ волости меньше 500.

Въ *орловской* губернiи изъ 12 уѣздовъ въ 4 количество гласныхъ отъ сельскихъ обществъ превышаетъ число волостей и притомъ значительно. Именно:

Уѣзды.	Волостей.	Гласныхъ.	Гласныхъ больше на
Елецкiй	19	28	9
Ливенскiй. . . .	25	32	7
Малоархангельскiй	12	23	11
Трубчевскiй . . .	9	13	4

Слѣдовательно инымъ волостямъ (въ малоархангельскомъ почти 1/2) должно быть предоставлено право избирать 2 гласныхъ.

Въ брянскомъ уѣздѣ число гласныхъ равно количеству волостей (13 и 13). Затѣмъ въ 7 уѣздахъ число гласныхъ ниже числа волостей и притомъ въ пропорцiи, часто странной, именно:

Уѣзды.	Волостей.	Гласныхъ.	Гласныхъ меньше на
Мценскiй	15	12	3
Болховской . . .	20	14	6
Орловскiй. . . .	19	18	1
Кромской	17	14	3
Дмитровскiй . . .	21	12	9
Карачевскiй . . .	17	13	4
Сѣвскiй.	26	16	10

Изъ этихъ цифръ наибольшее вниманiе обращаютъ на себя относящiяся къ дмитровскому и къ сѣвскому уѣздамъ. Для освѣщенiя

ихъ, мы обратимся къ сравненію ихъ съ уѣздами, въ коихъ число гласныхъ выше числа волостей въ той же пропорціи. Такъ въ малоархангельскомъ уѣздѣ число гласныхъ превышаетъ число волостей на 11; волостей 12, гласныхъ 23. Въ дмитровскомъ — волостей 21, гласныхъ 12, слѣдовательно меньше на 9. Малое число волостей въ малоархангельскомъ уѣздѣ должно бы навести на предположеніе, что пространство крестьянской земли и число жителей здѣсь меньше, чѣмъ въ дмитровскомъ. Но значительно большее число гласныхъ, предоставленныхъ с. общ. малоархангельскаго уѣзда противъ числа гласныхъ отъ крестьянъ въ дмитровскомъ (23—12), ясно указываетъ, что такое предположеніе ошибочно.

Дѣйствительно, обращаясь къ статистическимъ даннымъ, мы находимъ, что во владѣніи с. общ. въ уѣздѣ малоархангельск. состоитъ 193036 десятинъ, въ дмитровскомъ 106848, т.-е. почти вдвое меньше; населеніе муж. пола, по семейнымъ спискамъ, въ малоархангельск. уѣздѣ 75165, въ дмитровскомъ 39,334, т.-е. почти вдвое меньше; дворовъ въ малоархангельск. уѣздѣ 21,322, въ дмитровскомъ 10019, т.-е. слишкомъ въ два раза меньше. И при этихъ условіяхъ въ малоархангельск. уѣздѣ сочли возможнымъ образовать 12 волостей, а въ дмитровскомъ оказалось необходимымъ устроить ихъ 21. Вслѣдствіе этого, въ малоархангельск. уѣздѣ изъ 12 волостей 10 имѣютъ дворовъ отъ 1—2 тысячъ, а двѣ—свыше 2000. Въ дмитровскомъ уѣздѣ ни одна волость не имѣетъ 1000 дворовъ; число ихъ по волостямъ колеблется между 900 (*одна* волость, большебобровская, 844 двора) и 200. Три волости имѣютъ меньше 300 дворовъ. Данныя эти не свидѣтельствуютъ и большей разбросанности населенія въ дмитровскомъ уѣздѣ сравнительно съ малоархангельскимъ.

Именно, въ малоарх. уѣздѣ, при 75,165 душъ м. п., имѣется 439 селеній, въ составѣ коихъ образовано 279 сельскихъ обществъ, при 514 общинахъ. Въ дмитровскомъ уѣздѣ, при 39334 д. муж. п. имѣется 156 селеній, въ составъ коихъ входитъ 195 сельскихъ обществъ и 227 общинъ. Слѣдовательно при вдвое почти меньшемъ числѣ жителей, дмитровскій уѣздъ имѣетъ почти втрое меньше селеній.

Тѣ-же соображенія имѣютъ значеніе и для *сѣвскаго* уѣзда, въ коемъ с. общ., при 26 волостяхъ, избираютъ 16 гласныхъ, т.-е. десятью меньше, противъ числа волостей. Земли во владѣніи с. общ., въ немъ состоитъ 176942 дес., слѣд. на 17 тыс. меньше противъ малоарх.; жителей мужескаго пола 53515, почти на 22 меньше противъ того-же уѣзда; селеній 162, вмѣсто 439 селеній малоарх. уѣзда; дворовъ 14765

вмѣсто 21322. Не смотря на это, въ немъ образовано было на 14 волостей больше, чѣмъ въ уѣздѣ малоархангельскомъ.

Эти данныя прямо указываютъ, что при болѣе правильномъ образованіи волостей и при увеличеніи числа гласныхъ отъ крестьянъ тамъ, гдѣ отношеніе этого числа къ пространству владѣемой крестьянами земли слишкомъ ненормально, позволятъ, въ большинствѣ случаевъ, распредѣлить выборы гласныхъ по волостямъ. Въ другихъ же мѣстностяхъ возможно соединеніе, въ иныхъ случаяхъ, двухъ волостей, причемъ выборы производились бы соединенными волостными сходами.

Мы остановились такъ долго на этой мѣрѣ потому, что считаемъ ее важнѣйшею, и наиболѣе необходимою для улучшенія порядка избранія земскихъ гласныхъ отъ сельскихъ обществъ. Но безъ всякаго сомнѣнія, означенная мѣра не приведетъ къ цѣли, если она не будетъ подкрѣплена другими, ей соотвѣтствующими правилами.

Прежде всего необходимо возстановить силу 32 ст. положенія о земскихъ учр., т.-е. передать обязанности по открытію съѣздовъ мировымъ судьямъ. Правила, изложенныя въ 32 ст. никогда не отмѣнялись; статья оставалась въ земскомъ положеніи; она вошла и въ новое изданіе II т. св. зак. подъ № 1848. Дѣйствіе ея было устранено законоположеніями, чуждыми земскимъ учрежденіямъ. Они привели къ результатамъ, выше указаннымъ.

Наконецъ необходимо взглянуть прямо и на положеніе волостныхъ старшинъ и писарей, созданное учрежденіемъ уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Старшины и писаря поставлены въ такое подчиненіе уѣздному присутствію вообще и исправникамъ въ особенности, что ихъ нѣтъ возможности отдѣлить отъ „чиновъ полиціи", избраніе коихъ въ гласные не допускается, 36 ст. полож. о земск. учр. Ограниченіе это должно-бы, по нашему мнѣнію, идти дальше. Старшины и писаря должны-бы быть не только изъяты изъ числа лицъ, имѣющихъ право быть избранными въ гласные, но и устранены отъ самаго *участія* въ выборахъ. Если выборы въ гласные будутъ производиться по волостямъ, то предсѣдательство на сходѣ должно бы принадлежать лицу, особо избранному сходомъ ad hoc и утвержденному мировымъ судьей, открывающимъ сходъ.

При помощи этихъ мѣръ для выборовъ гласныхъ отъ крестьянъ будутъ, въ предѣлахъ возможнаго, созданы условія, обезпечивающія сознательность и свободу выборовъ, т.-е. то, безъ чего выборы не имѣютъ достоинства.

Насколько намъ удалось по слухамъ ознакомиться съ предположе-

ніями, выработанными коммиссіею ст.-секретаря Коханова, предположенія эти близки къ тому, что предполагается здѣсь. Конечно волости и волостное управленіе предположены къ отмѣнѣ и замѣняются единицами и учрежденіями, построенными на иныхъ основаніяхъ. Но мысль о приближеніи избирателей къ избираемымъ проводится и въ предположеніяхъ коммиссіи. Насколько мы слышали, по ея мнѣнію, съѣзды для избранія гласныхъ отъ сельскихъ обществъ, составляемые теперь по обширнымъ участкамъ, полезно было бы обратить въ собранія, менѣе многочисленныя, для установленія болѣе сознательнаго отношенія выборщиковъ къ своему дѣлу. Затѣмъ предположено также увеличить число лицъ, изъятыхъ отъ правъ быть избранными въ земскія собранія, сверхъ указанныхъ въ 36 ст., должностями волостелей, ихъ помощниковъ и письмоводителей и лицами, служащими по найму въ канцеляріяхъ земскихъ управъ. Наконецъ для открытія избирательныхъ сходовъ предположено возстановить силу 32 ст. п. о зем. учр.

Такимъ образомъ, предполагаемыя здѣсь мѣры согласуются съ началами проектируемыхъ преобразованій; въ то же время онѣ согласны съ духомъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Слѣдуетъ-ли откладывать ихъ до общаго преобразованія мѣстнаго управленія? Намъ кажется, что нѣтъ. Это значило бы поставить настоятельно необходимую, но частную мѣру, въ зависимость отъ успѣха проекта общей реформы, который никто не можетъ считать обезпеченнымъ. Еще на-дняхъ послѣдовало частное измѣненіе положенія о земскихъ учрежденіяхъ относительно представительства церквей и монастырей. Почему такія же частныя мѣры не могутъ улучшить условій представительства сельскихъ обществъ? Почему не устранить зло, достаточно сознанное?

Въ заключеніе, да будетъ позволено мнѣ сдѣлать одно общее замѣчаніе. Данныя и факты, подобные вышеприведеннымъ, способны указать правильную точку зрѣнія для оцѣнки новыхъ учрежденій нашихъ. Всѣмъ достаточно извѣстно, что практическая польза многихъ преобразованій прошлаго царствованія подвергается теперь въ печати сомнѣнію. Критика, къ которой такъ наклоненъ русскій человѣкъ, идетъ, однако, путемъ не совсѣмъ правильнымъ. Отправляясь отъ нѣсколькихъ взятыхъ на удачу частныхъ фактовъ, она быстро восходитъ до общихъ началъ и стремится поразить преобразованія въ самой ихъ идеѣ. Намъ кажется, что прежде критики принциповъ и общей идеи преобразованій прошлаго царствованія, необходимо прежде всего провѣрить, какъ эти начала были выражены въ положительномъ законѣ и какъ при-

мѣнялись самые законы. Всегда-ли то, что написано было въ законѣ, выражало точно истинную мысль законодателя, насколько ее можно понять изъ мотивовъ къ закону? Всегда-ли законы, уставы и учрежденія можно было съ увѣренностью назвать *дѣйствующимъ* законодательствомъ? Подобная критическая работа, работа кропотливая и трудная (болѣе трудная, чѣмъ критика „идей"), должна, кажется намъ, привести къ убѣжденію, что ближайшая задача нашего времени состоитъ въ возстановленіи преобразованій императора Александра II во всей ихъ правдѣ, т.-е. именно—въ ихъ *идеѣ*.

А. Градовскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое мая, 1884.

Газетные слухи о новой почтовой таксѣ для русскихъ періодическихъ изданій.—Настоящее положеніе школы грамотности.—Отношеніе ея къ нормальной земской школѣ.—Необходимость всесторонняго ея изслѣдованія.—Мировой судъ въ Петербургѣ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ концѣ второй половины 1868 г., прежде нежели успѣлъ проникнуть въ печать какой-либо слухъ о вырабатывавшейся тогда въ тиши почтоваго департамента реформѣ почтоваго дѣла, вдругъ появилась въ свѣтъ сама реформа, измѣнившая радикально пересылку періодическихъ изданій внутри Россіи, и вступила въ дѣйствіе съ января 1869 г. Публика и до сихъ поръ помнитъ эту реформу, по ея первымъ послѣдствіямъ, которыя получили названіе „почтоваго затмѣнія": съ недѣлю, Петербургъ оставался совсѣмъ безъ газетъ; черезъ нѣсколько дней, газеты начали появляться къ подписчикамъ, но въ такомъ хаосѣ, что сегодня являлась одна газета, завтра—другая, и какъ-разъ не та, на которую была сдѣлана подписка, потомъ третья, и т. д.; ежемѣсячные журналы, прежде нежели могли быть направлены къ своимъ адресатамъ, оставались по двѣ и по три недѣли въ кладовыхъ почтамта. Такъ продолжались дѣла цѣлыхъ два мѣсяца: январь и февраль 1869 г.; редакторы здѣшнихъ періодическихъ изданій обратились тогда въ почтовый департаментъ съ просьбою о пересмотрѣ новой реформы и предложили свои услуги, въ качествѣ экспертовъ; въ департаментѣ эта просьба была отклонена, но тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ взглянулъ на дѣло иначе, и въ мартѣ, при почтовомъ департаментѣ, открылась коммиссія, куда были приглашены и издатели періодическихъ изданій съ совѣщательнымъ голосомъ. Коммиссія работала цѣлыхъ два мѣсяца, подъ предсѣдательствомъ г. почтъ-директора В. Ѳ. Шорра, и результатомъ этихъ работъ былъ

законъ 7 августа 1869 г. объ устройствѣ газетной почтовой операціи, которое должно было вступить въ дѣйствіе съ 1870 года—и остается дѣйствующимъ и по-нынѣ.

Все это было не такъ давно и легко припоминается всѣми; но едва ли также хорошо всѣ помнятъ первый пунктъ вышеупомянутаго закона 7 августа 1869 г., гласившій и не переставшій и по нынѣ гласить слѣдующее: „Пріемъ въ почтовыхъ учрежденіяхъ подписки на періодическія изданія, какъ *русскія*, такъ и иностранныя, не дѣлать обязательнымъ, предоставивъ министру внутреннихъ дѣлъ назначать почтовыя учрежденія въ Имперіи, въ которыхъ бы *принималась* подписка на періодическія изданія, выходящія въ *Россіи*, или заграницею". Мы нисколько не были бы удивлены потому, еслибъ явился теперь слухъ, что готовится, наконецъ, проектъ осуществленія вполнѣ правильной мысли, положенной въ основаніе Высочайше утвержденной почтовой реформы 1870 года, и отложенной только до болѣе удобнаго времени; но совершенно иначе приходится отнестись къ слуху, не только распространенному, но и подробно комментированному въ газетахъ столичныхъ и провинціальныхъ, въ теченіе апрѣля мѣсяца. „Какъ слышно — говоритъ одна газета, — почтовое вѣдомство предлагаетъ новый способъ разсчета платы за пересылку газетъ и журналовъ иногороднымъ подписчикамъ... Въ основаніе новаго разсчета платы за пересылку періодическихъ изданій положенъ вѣсъ бумаги. Невольно рождается вопросъ—не проектируется ли налогъ въ придачу къ почтовой таксѣ? или только увеличивается послѣдняя вслѣдствіе увеличенія (?) расходовъ самого почтамта на пересылку газетъ и журналовъ"?—„Измѣненіе произойдетъ — говорится въ другой газетѣ уже болѣе рѣшительно — въ такомъ смыслѣ, что съ ежедневныхъ изданій плата будетъ возвышена; такимъ образомъ, новая мѣра есть своего рода налогъ на умственныя потребности населенія, который издатели газетъ принуждены будутъ перевести на читателей, поднятіемъ подписной цѣны",—что̀, замѣтимъ мимоходомъ, и случилось послѣ реформы 1870 года, когда для иногороднихъ подписчиковъ дореформенная цѣна годовой платы въ 16 рублей поднялась на рубль, и въ такомъ видѣ остается и до настоящаго времени.

Такъ какъ въ отношеніи государственнаго и общественнаго значенія почтоваго дѣла не можетъ быть двухъ мнѣній, то нисколько неудивительно, что газеты, по поводу слуха объ увеличеніи таксы на пересылку періодическихъ изданій, высказались единодушно и вполнѣ согласно: почта, равно какъ школа, больницы или полиція, составляетъ одно изъ средствъ государственнаго благоустройства, и не можетъ быть потому разсматриваема, какъ всякій другой объектъ

фискальнаго обложенія. Никто въ наше время не задается мыслью получать общегосударственный доходъ со школъ, больницъ или, наконецъ, съ полиціи; во всѣхъ этихъ случаяхъ, и государственная казна, и общественная, даже приплачиваютъ, или содержатъ въ цѣлости предметъ благоустройства на свой счетъ; все, что можно желать въ отношеніи такихъ предметовъ, состоитъ въ томъ, чтобы они находили возможность оплачиваться изъ собственныхъ средствъ; если же такой предметъ, какимъ является у насъ почта, не только цѣликомъ оплачивается, но и даетъ остатокъ, весьма значительный (нашей казнѣ ничего не стоитъ громадная собственная корреспонденція, освобождающая бюджетъ отъ соотвѣтственнаго тому расхода),—въ такомъ случаѣ подобный остатокъ долженъ быть обращаемъ на усовершенствованіе этого самаго дѣла, путемъ увеличенія содержанія трудящихся, при удешевленіи почтовой операціи, съ цѣлью ея общедоступности, которая всегда влечетъ за собою новое возвышеніе доходовъ и даетъ новыя средства къ усовершенствованію дѣла. Съ этой точки зрѣнія мы совершенно хорошо понимаемъ полезное значеніе доходности даже предметовъ государственнаго благоустройства, и остаемся увѣренными, что *правильно* понятыя мѣры къ возвышенію доходности, напримѣръ, почтоваго дѣла, непремѣнно и всегда явятся въ согласіи и съ интересами общества. Между тѣмъ, что мы видимъ до сихъ поръ на дѣлѣ?—съ одной стороны, слухъ, который, послѣ вышеупомянутаго опыта лѣтъ 15 тому назадъ, намъ кажется даже мало вѣроятнымъ, а съ другой—мы можемъ указать цѣлый рядъ почтовыхъ доходовъ, который давно практикуется вездѣ, и на который у насъ не обращаютъ никакого вниманія, какъ бы отъ избытка доходности дѣла. Въ эпоху „почтоваго затмѣнія“, мы объясняли тогда подробно, что, въ финансовомъ отношеніи, тогдашняя реформа должна будетъ принести убытокъ почтовой казнѣ, такъ какъ въ основаніе ея былъ принятъ ошибочно предположенный будто бы подоходный налогъ на журналы и газеты: полагали, что подписная цѣна есть выраженіе доходности періодическаго изданія, между тѣмъ какъ наоборотъ,—и 5-ти рублевая газета можетъ быть въ нѣсколько разъ доходнѣе 15 рублевой. Кромѣ того, при одной и той же цѣнѣ и при одномъ и томъ же количествѣ экземпляровъ, газета и журналъ не представляютъ также одной и той же степени доходности, такъ какъ журналъ имѣетъ одинъ источникъ дохода—подписку, а газета—сверхъ того и объявленія, не считая розничной продажи. Хотятъ ли теперь поправить эту ошибку, сдѣланную 15 лѣтъ тому назадъ, и избрать основаніемъ для разсчета вѣсъ бумаги—мы этого не знаемъ, хотя не можемъ скрыть отъ себя, что и при такомъ основаніи весьма легко изъ одной ошибки впасть въ другую, такъ какъ на этомъ пути

можно получить въ результатѣ вторичное „почтовое затмѣніе“, особенно если къ газетамъ примѣнить, напримѣръ, разсылку письменной корреспонденціи, основанной также на вѣсѣ, съ ея почтовыми марками, или сдѣлать вообще что-нибудь подобное.

Въ 1870 г. дѣло ограничилось, впрочемъ, не однимъ повышеніемъ пересылочной платы: на газеты и журналы наложенъ былъ еще болѣе тяжелый натуральный расходъ, вслѣдствіе котораго и до сихъ поръ продолжается совершаться ненормальное явленіе. Издатели берлинскихъ, парижскихъ и т. д. періодическихъ изданій пользуются привилегіею открывать подписку на иностранныя газеты въ главныхъ русскихъ почтамтахъ, а издатели русскихъ газетъ лишены, съ 1870 г., этого права. Доходъ, и весьма значительный, съ собиранія подписки наше почтовое управленіе уступило съ того времени книжнымъ магазинамъ, а на редакціи возложила обязанность имѣть особыя газетныя или журнальныя экспедиціи, что̀ обходится несравненно дороже одной центральной. Редакціи охотно уступили бы почтамту вдвое противъ того, что онѣ уступаютъ книжнымъ магазинамъ, и остались бы еще съ прибылью, если устроить для подписки на русскіе журналы и газеты тотъ же порядокъ, какой существуетъ для иностранныхъ изданій. Русская публика была бы въ такомъ случаѣ приравнена къ иностранной; почтамтъ получилъ бы отъ такой операціи сборъ несравненно высшій, нежели какой можетъ дать простое увеличеніе платы за пересылку; и наконецъ, вышеупомянутый пунктъ 1-й закона 7 августа 1869 г. нашелъ бы себѣ примѣненіе, которое открыло бы почтовому дѣлу новый источникъ дохода, не увеличеніемъ платы, а увеличеніемъ услугъ со стороны почтоваго вѣдомства.

У насъ, какъ извѣстно, не приведена еще къ нормѣ даже и письменная внутренняя корреспонденція. Во всѣхъ государствахъ, весьма естественно, отличается цѣна внутренней и иностранной корреспонденціи; такъ, въ Берлинѣ письмо, идущее за-границу, оплачивается 20 пфеннигами (7 коп. сер.), а письмо внутри Германіи и Австріи (по особому договору)—10-ью пфеннигами; то же самое во Франціи и вездѣ; а у насъ и до сихъ поръ письмо въ Нью-Іоркъ и письмо, напримѣръ, въ Царское Село изъ Петербурга оплачивается, какъ иностранное—одинаково 7-ью копѣйками. Увеличеніе платы за пересылку газетъ внутри имперіи, основанной на вѣсѣ бумаги и очищаемой почтовыми марками, какъ заграничныя газеты, приравняетъ и разсылку газетъ внутри имперіи къ разсылкѣ заграничныхъ изданій, но вѣдь оно должно повысить и подписную плату на русскія газеты до тѣхъ же размѣровъ, а слѣдовательно, уменьшить почтовый доходъ.

Если почтовое вѣдомство нуждается для усовершенствованія сво-

его дѣла на пользу общую въ бо́льшихъ средствахъ, а государственный бюджетъ не можетъ понести на то жертвъ съ своей стороны, то, какъ мы выше сказали, настоящій путь къ тому представляетъ не простое увеличеніе платы за прежнюю службу, что̀, по понятнымъ причинамъ, можетъ даже повлечь за собою обратное явленіе, а именно, паденіе почтоваго дохода,—но совершенно иные пріемы: увеличеніе почтовыхъ услугъ обществу. Мы уже указали, какъ въ 1870 г. русская почта, продолжая попрежнему служить издателямъ иностранныхъ газетъ и русскимъ подписчикамъ на заграничныя газеты, отказалась отъ этой службы въ отношеніи подписчиковъ на русскія газеты, уступивъ доходы, весьма значительные, по этому предмету—въ пользу книжныхъ магазиновъ. Но это далеко еще не все: наша почта до сихъ поръ уклоняется отъ другихъ функцій, которыя для заграничныхъ почтамтовъ служатъ источникомъ наибольшаго обогащенія, послѣ письменной корреспонденціи, и вмѣстѣ оказываютъ громадныя услуги общественной жизни и торговымъ сношеніямъ. Во Франціи существуютъ такъ-называемыя „mandat de poste", посредствомъ которыхъ мелкія суммы до извѣстнаго maximum свободно обращаются, въ то время какъ деньги остаются на мѣстѣ; въ небольшихъ городахъ мѣстныя казначейства поддерживаютъ почтовыя конторы, гдѣ не оказалось бы достаточно наличныхъ денегъ въ кассѣ. У насъ же ежедневно въ пути находятся цѣлые милліоны, странствуя изъ угла въ уголъ, а съ другой стороны громадныя суммы пересылаются при помощи банковъ, которымъ наше почтовое вѣдомство уступаетъ громадный доходъ, вмѣсто того, чтобы самому воспользоваться имъ. Въ Пруссіи существуетъ весьма важная почтовая операція, подъ именемъ: „Nachnahme",—облегчающая всѣ мелкія торговыя сношенія центровъ съ провинціями и приносящая не малые доходы почтамту. При помощи такой „уплаты по востребованію", лицо, живущее вдалекѣ отъ столицы и неизвѣстное магазину или фабрикѣ, заказываетъ вещь и уплачиваетъ деньги мѣстному почтамту, выдающему заказанное на руки. Деньги и при этой операціи не двигаются съ мѣста: провинціальная контора извѣщаетъ только столичный почтамтъ о полученіи имъ денегъ, а столичный выдаетъ деньги пославшему вещь: извѣстный процентъ этой операціи опять можетъ составить существенный доходъ почтамту. Такая дѣятельность почтамта, при дальнѣйшемъ ея развитіи, не только обогатила бы его, не только оказала бы существенную услугу торговлѣ и всѣмъ общественнымъ отношеніямъ, но получила бы и финансовое значеніе, освободивъ громадное число денежныхъ знаковъ отъ путешествія по желѣзнымъ и не желѣзнымъ дорогамъ. Правда, всѣ такія мѣры для своего проведенія потребуютъ новой энергіи,

новаго труда, между тѣмъ какъ увеличеніе платы можетъ быть и проэктировано, и исполнено въ 24 часа; но, при всей легкости исполненія, такая мѣра не цѣлесообразна и находится въ прямомъ противорѣчіи съ тѣмъ принципомъ, которому слѣдуетъ то же почтовое вѣдомство въ отношеніи главной своей дѣятельности—письменной корреспонденціи, гдѣ удешевленіе операціи составляетъ главный секретъ увеличенія ея доходности. Наконецъ, наше почтовое вѣдомство бѣдно средствами, какъ мы видѣли, не потому что практикуемые имъ до сихъ поръ сборы ниже иностранныхъ почтъ, но вслѣдствіе того, что наша почта не принимаетъ на себя тѣхъ службъ, какія давно несутся заграничными почтамтами, къ пользѣ какъ общества, такъ и самого почтамта.

До какой степени всякая доходность почтоваго дѣла, вытекающая не изъ его дальнѣйшаго развитія и усовершенствованія, можетъ быть пагубна въ общественномъ значеніи, а иногда и въ государственномъ, лучшимъ доказательствомъ того служитъ помѣщенная у насъ статья В. Д. Кренке: „Полевая почта", во время послѣдней турецкой кампаніи [1]). Изъ данныхъ этой статьи читатель наглядно убѣдится, какіе печальные плоды приносила для военнаго дѣла экономія нашего почтоваго департамента той эпохи: каждый выигранный почтою рубль дорого обходился арміи и наносилъ вредъ ея самымъ жизненнымъ и драгоцѣннымъ интересамъ. Прусская армія въ 1870 г. имѣла при себѣ 2,140 почтовыхъ чиновъ; принимая въ соображеніе численное отношеніе нашихъ 4 корпусовъ къ прусской арміи, намъ слѣдовало бы имѣть въ турецкой кампаніи 356 почтовыхъ чиновъ, а вмѣсто того нашъ почтовый департаментъ доставилъ всего 57! Преслѣдуя въ почтовомъ дѣлѣ доходъ, наше почтовое вѣдомство поступило, какъ будто, правильнѣе, нежели прусскій почтамтъ; оно сдѣлало большія сбереженія, выславъ 57 чиновъ, вмѣсто 356; но доходъ, достигнутый подобнымъ путемъ, какъ то видно изъ статьи В. Д. Кренке, хуже иного расхода. Очевидно, главное назначеніе почтоваго дѣла—вовсе не доходъ, а достиженіе, при помощи почты, цѣлей общественнаго и государственнаго благоустройства.

Потребность въ грамотности появилась въ нашемъ народѣ гораздо раньше, чѣмъ успѣла организоваться правильно устроенная народная школа. Учителя-самоучки, сами иногда едва грамотные, работали въ безвѣстности и тишинѣ, уже въ то время, когда оффиціально еще и не помышляли о просвѣщеніи народа. Никто не поощрялъ ихъ ра-

[1]) См. выше: апрѣль, 622 стран.

боты, но никто и не ограничивалъ ее; въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, *народная* жизнь имѣла у насъ мало общаго съ жизнью *государства*. По странному стеченію обстоятельствъ, первыя ограниченія самодѣльной народной школы совпали съ первыми широкими мѣрами на пользу начальнаго обученія. Одновременно съ учрежденіемъ земской школы начинаются ограниченія такъ называемой школы грамотности, т.-е. школы, основываемой по собственному почину крестьянъ, руководимой непатентованными учителями и ускользающей отъ формальнаго надзора и контроля. Недовѣріе къ этой школѣ возрасло ко времени изданія Положенія 25 мая 1874 года. Право на существованіе признается исключительно за училищами, подходящими подъ дѣйствіе Положенія — а подходятъ подъ него только училища гораздо высшаго уровня, чѣмъ крестьянская школа стараго типа. Между тѣмъ, развитіе начальныхъ училищъ новаго устройства идетъ впередъ далеко не такъ быстро, чтобы сдѣлать излишнею школу грамотности. Множество селеній остается внѣ района дѣйствія земскихъ и министерскихъ школъ, множество дѣтей не находитъ въ нихъ мѣста; есть, наконецъ, семьи и цѣлыя группы, не желающія опредѣлять туда своихъ дѣтей, хотя и желающія обучить ихъ грамотѣ. Жизнь, при такихъ условіяхъ, несомнѣнно беретъ свое, тѣмъ болѣе, что необходимость или польза грамотности сознается массой все яснѣе и яснѣе; школа грамотности продолжаетъ существовать, не смотря на запрещенія, иногда доходящія даже до уголовнаго преслѣдованія. Фактъ, наконецъ, одерживаетъ и оффиціально верхъ надъ фикціей: министерское распоряженіе 1882 г. узаконяетъ школу грамотности, или по крайней мѣрѣ тотъ классъ учителей, которымъ она преимущественно держится. Оно признаетъ, что отъ лицъ, занимающихся домашнимъ обученіемъ грамотѣ въ селахъ, не слѣдуетъ требовать учительскаго званія. Съ этого времени школа грамотности становится возможнымъ объектомъ наблюденія и изученія. Прежде о ней нельзя было говорить иначе какъ въ общихъ выраженіяхъ, потому что указаніе точныхъ, конкретныхъ данныхъ могло привести къ нежелательнымъ полицейскимъ мѣропріятіямъ; теперь эта опасность миновала, и ничто не мѣшаетъ основательному изслѣдованію одной изъ самыхъ важныхъ и интересныхъ сторонъ народной жизни. Къ сожалѣнію, свѣденій о школѣ грамотности до сихъ поръ появлялось и появляется въ печати весьма мало. Какъ понимается и примѣняется на практикѣ распоряженіе 1882 г. [1]); какъ оно отражается на числѣ и устройствѣ школъ гра-

---

[1]) Возможность различныхъ его толкованій была указана нами въ свое время (см. Внутр. Обозр. въ № 5 Вѣст. Евр. за 1882 г., стр. 359—363).

мотности; какое установилось отношеніе между этими школами и школами казенными и земскими—обо всемъ этомъ почти ничего не слышно. Отсюда возможность появленія, въ одной изъ петербургскихъ газетъ, передовой статьи, которая совершенно игнорируетъ распоряженіе 1882 г. и доказываетъ необходимость разрѣшить открытіе школъ грамотности, какъ будто бы запрещеніе ихъ по прежнему оставалось въ силѣ. Газета полагаетъ, что „обучать грамотѣ дозволено только учителямъ начальныхъ училищъ, и по полнымъ программамъ этихъ деревенскихъ пансіоновъ". Исходя изъ этой ошибочной точки зрѣнія, она ставитъ такія pia desideria, дальше которыхъ давно уже ушла дѣйствительность; она обусловливаетъ открытіе школъ грамотности извѣстнымъ разстояніемъ отъ начальнаго училища, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ открытіе ихъ не стѣснено никакими географическими условіями; она готова удовольствоваться разрѣшеніемъ преподаванія однимъ солдатамъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ право преподаванія въ школѣ грамотности принадлежитъ всѣмъ и каждому, безъ различія сословія и званія. Въ виду такихъ недоразумѣній, мы считаемъ полезнымъ обратить вниманіе читателей на тѣ немногіе факты, которые бросаютъ хоть нѣкоторый свѣтъ на настоящее положеніе школы грамотности.

Цифровыя данныя, относящіяся къ этому предмету, мы находимъ въ отчетѣ о лужскомъ учительскомъ съѣздѣ 1883 г., напечатанномъ подъ заглавіемъ: „Задачи и организація школьнаго дѣла въ уѣздѣ" [1]). По свѣденіямъ, собраннымъ инспекціею, число домашнихъ крестьянскихъ школъ въ лужскомъ уѣздѣ простиралось, въ 1880—81 учебномъ году (т.-е. до разрѣшенія школъ грамотности), до одиннадцати; въ 1881—2 г. (т.-е. въ тотъ годъ, когда разрѣшеніе состоялось)—до двадцати-трехъ, а въ 1882—3 г. до *сорока-двухъ*. Весьма вѣроятно, что эти свѣденія далеко не полны; они обнимаютъ собою 17 волостей изъ 25, между тѣмъ какъ едва ли найдется хоть одна волость, гдѣ бы такъ называемаго домашняго обученія грамотѣ не было вовсе; но они характеристичны въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуютъ наглядно о вліяніи большей свободы обученія. Нѣкоторыя изъ школъ, показанныхъ открытыми въ 1882—3 г., существовали, безъ сомнѣнія, и раньше, никому невѣдомыя; но столь же несомнѣнно и то, что число школъ грамотности, благодаря распоряженію 1882 г., возрасло, въ лужскомъ уѣздѣ, не на одной бумагѣ: Учащихся въ 42 школахъ числилось, въ 1882—3 г., 752 (въ томъ числѣ 99 дѣвочекъ), среднимъ числомъ по 18 на школу. Эта послѣдняя цифра даетъ

---

[1]) Объ этомъ трудѣ В. А. Александрова была рѣчь въ одномъ изъ послѣднихъ литературныхъ обозрѣній нашего журнала (№ 3, стр. 409—411).

право предполагать, что обученіе ведется именно *въ школѣ*, т.-е. группируетъ вокругъ себя не однихъ только членовъ одной и той же семьи, а дѣтей, собирающихся изъ разныхъ домовъ одного и того же селенія. Къ тому же заключенію приводитъ и то обстоятельство, что обученіе происходило иногда въ особомъ помѣщеніи, нанятомъ для того родителями учащихся; тамъ же жилъ и учитель. Въ другихъ случаяхъ, учитель—а вмѣстѣ съ нимъ и школа—переходилъ изъ одного дома въ другой, по очереди, установленной между родителями учениковъ. Итакъ, понятіе о *домашнемъ* обученіи толкуется здѣсь въ широкомъ смыслѣ, безъ напрасныхъ мелкихъ придирокъ; *домашняя* школа обращается въ общественную, публичную школу грамотности. Учителями, въ сорока-двухъ домашнихъ школахъ лужскаго уѣзда, были слѣдующія лица: 9 унтеръ-офицеровъ и солдатъ, 9 мѣщанъ, 7 крестьянъ, 6 дворянъ, 3 лица духовнаго званія, 2 фельдшера, 5 окончившихъ курсъ въ начальномъ училищѣ, 1 окончившій курсъ въ семинаріи Воспитательнаго дома. Нижніе чины, какъ видно вовсе не играютъ между учителями грамотности той преобладающей роли, какую предназначаетъ имъ упомянутая нами газета. Вознагражденіе учителя получали или за каждаго учащагося (отъ 20 до 50 коп. въ мѣсяцъ), или огуломъ, отъ 15 до 35 рублей за зиму. Харчи учителю шли обыкновенно отъ родителей учащихся, большею частью понедѣльно; родителями же пріобрѣтались книги и учебныя принадлежности. Распоряженіе 1882 г. предоставило надзоръ за школами грамотности исключительно полиціи и духовенству; на практикѣ, однако, это не исключаетъ попеченія о нихъ со стороны инспекціи и училищнаго совѣта. По предложенію инспектора, лужскій училищный совѣтъ призналъ возможнымъ оказывать пособіе лучшимъ домашнимъ школамъ, путемъ снабженія ихъ учебниками — и такимъ пособіемъ воспользовались въ 1882-3 г. шесть школъ.

Въ отчетѣ о другомъ учительскомъ съѣздѣ — учительницъ, окончившихъ курсъ въ земской (тверской) учительской школѣ П. П. Максимовича — мы не встрѣтили точныхъ цифровыхъ данныхъ о школахъ грамотности; но изъ сообщеній, сдѣланныхъ учительницами, видно, что въ тверской губерніи школы грамотности составляютъ явленіе весьма обычное. Онѣ бываютъ двухъ типовъ—стараго и новаго. Въ школахъ стараго типа учатъ отставные солдаты, дьячки, грамотѣи изъ пожилыхъ крестьянъ, чернички; въ школахъ новаго типа—молодые крестьяне, окончившіе курсъ въ земской начальной школѣ. Въ одной только волости (чистинской, весьегонскаго уѣзда), въ продолженіе одного только 1882 года, открыто три школы послѣдней категоріи. Успѣхъ учениковъ оказался здѣсь довольно значительнымъ, хотя учебный годъ въ школѣ грамотности еще короче,

чѣмъ въ земской (полевыя работы отвлекаютъ отъ занятій не только учениковъ, но и учителя); мальчики, поступившіе въ школу совершенно неграмотными, въ продолженіе одной зимы научились читать довольно правильно и бойко, и писать безъ пропуска буквъ и искаженія словъ. Въ другомъ мѣстѣ школы грамотности открыты бывшими ученицами земской школы, и обученіе въ нихъ также ведется весьма удовлетворительно. Понятно, что тверской съѣздъ отнесся съ особымъ сочувствіемъ именно къ школамъ этого рода. „Ученики и ученицы земскихъ школъ, особенно выдающіеся по своимъ способностямъ и складу характера"—таково общее заключеніе съѣзда—„могутъ быть оставляемы при земской школѣ, по окончаніи курса, на два, на три года. Въ это время они занимаются, подъ руководствомъ учительницы, преимущественно младшими дѣтьми; учительница толкуетъ имъ пріемы преподаванія и контролируетъ ихъ занятія. Въ то же время они продолжаютъ и собственное ученье, занимаясь въ особенности самостоятельнымъ чтеніемъ и изложеніемъ прочитаннаго. Сдѣлавшись учителями школъ грамотности, они не прерываютъ своей связи съ земской школой и обращаются къ учительницѣ за совѣтами и указаніями. Было бы въ высшей степени желательно, чтобы земская школа имѣла возможность снабжать школы грамотности учебниками и другими пособіями. Учительница два-три раза въ годъ навѣщаетъ эти школы, провѣряетъ и направляетъ занятія". Къ такому же выводу пришелъ и лужскій съѣздъ (совершенно независимо отъ тверского; занятія обоихъ съѣздовъ происходили въ одно и то же время); онъ также выразилъ убѣжденіе, что лучшими учителями въ школахъ грамотности могутъ быть ученики, обучавшіеся въ правильно организованныхъ начальныхъ училищахъ, особенно если они пройдутъ дополнительный курсъ, приспособленный къ ихъ будущимъ занятіямъ, и сохранятъ живую связь съ бывшей своей школой. Всѣ оканчивающіе курсъ въ земскихъ и министерскихъ школахъ лужскаго уѣзда получаютъ уже теперь подвижныя буквы и руководство къ обученію грамотѣ, на случай, еслибы они пожелали подѣлиться своими свѣдѣніями хотя бы съ младшими членами собственнаго семейства.

До того времени, когда школа грамотности перейдетъ всецѣло въ руки бывшихъ учениковъ и ученицъ земской—или равной ей—начальной школы, во всякомъ случаѣ еще весьма далеко; господствуетъ пока, и долго еще, по всей вѣроятности, будетъ господствовать школа грамотности стараго типа. Интересно, поэтому, выслушать мнѣніе о ней учителей и учительницъ земскихъ школъ. Мнѣніе это, въ большинствѣ случаевъ, крайне неблагопріятно. „Особенно неудобны домашнія школы съ солдатами и крестьянами"—говоритъ одинъ изъ участниковъ лужскаго съѣзда, спеціально изу-

чившій домашнія школы двухъ волостей; „ученики сидятъ съ утра чуть не до ночи, твердя одно и то же безъ всякаго пониманія, такъ какъ преподаваніе ведется безъ всякихъ разъясненій“. По удостовѣренію инспекціи, ученики, поступающіе изъ школы грамотности въ начальную школу, въ большинствѣ случаевъ должны переучиваться съ самаго начала и могутъ идти въ уровень только съ младшимъ отдѣленіемъ. „Дѣти, поступающія въ земскія школы изъ школъ грамотности стараго типа“—читаемъ мы въ отчетѣ тверского съѣзда—„отличаются послушной исполнительностью, робостью, скрытностью и полнѣйшимъ отсутствіемъ сознательности по отношенію къ предметамъ ученія. Они всѣ прекрасно читаютъ механически, но не могутъ разсказать прочитаннаго; они довольно красиво пишутъ, но только съ прописей, а не съ голосу. Только къ концу перваго года пребыванія въ земской школѣ, они мало-по-малу привыкаютъ давать отчетъ въ своихъ занятіяхъ... Дисциплина въ школахъ грамотности стараго типа поддерживается особенно строгимъ отношеніемъ учителя къ ученикамъ, побоями и другими подобными наказаніями“. Еще рѣзче отзывы отдѣльныхъ учительницъ. “Учителя-солдаты“—говоритъ одна изъ нихъ—„бываютъ по большей части пьяницы, часто оставляютъ учениковъ однихъ, а сами уходятъ изъ школы... Такіе учителя приносятъ положительный вредъ, потому что ученики ихъ привыкаютъ не уважать ни ученье, ни учителя“. „По понятію бывшихъ учениковъ школы грамотности“—говоритъ другая учительница—„работать или нѣтъ—все равно, но сидѣть нужно смирно; *дядя* ихъ бивалъ за непорядки“. Какъ же относятся къ подобнымъ школамъ грамотности сами крестьяне? На этотъ вопросъ тверской съѣздъ даетъ слѣдующій отвѣтъ: „Крестьяне ставятъ земскую школу несравненно выше школы грамотности стараго типа и отдаютъ въ послѣднюю своихъ дѣтей только въ томъ случаѣ, когда по близости нѣтъ земской школы, или когда послѣдняя переполнена учащимися. Старыя школы постепенно вымираютъ или отодвигаются дальше отъ земской школы... Учителя старыхъ школъ нерѣдко угощаютъ крестьянъ водкою, чтобы склонить ихъ отдать къ нимъ въ ученье дѣтей“. „Хожалые учителя“—утверждаетъ, съ своей стороны, председатель лужскаго съѣзда—„нанимаются теперь крестьянами положительно только потому, что въ ихъ деревнѣ некому изъ крестьянъ заняться обученіемъ грамотѣ, а на устройство нормальнаго училища у нихъ не хватаетъ средствъ“.

Если остановиться на мнѣніяхъ обоихъ учительскихъ съѣздовъ, то значеніе школы грамотности можетъ показаться вполнѣ яснымъ. Она является довольно жалкимъ суррогатомъ настоящей начальной школы, до поры до времени неизбѣжнымъ, но все больше и больше

отступающимъ на задній планъ; самый лучшій для нея исходъ—это сдѣлаться зеркаломъ, копіей земской школы, получивъ отъ нея, вмѣстѣ съ учителями, и учебныя пособія, и методы обученія. Совершенно иначе, однако, разцѣниваютъ старую и новую школу другіе судьи, также близко знакомые съ дѣломъ. Есть земскіе учителя, не только констатирующіе предпочтеніе крестьянъ къ своей собственной, доморощенной школѣ, но и оправдывающіе это предпочтеніе, признающіе его вполнѣ законнымъ [1]). Въ подтвержденіе своего взгляда они могутъ ссылаться—и дѣйствительно ссылаются—на авторитетъ Г. И. Успенскаго, нѣсколько разъ (съ особенною силой—въ „Власти Земли") выступавшаго защитникомъ „часословной, псалтырной" школы. Вопросъ, такимъ образомъ возникающій, очевидно имѣетъ громадную важность. Если новая школа не составляетъ шага впередъ въ сравненіи съ старой, то чѣмъ оправдать требуемыя ею затраты—затраты силъ и средствъ, постоянно возрастающія и далеко не достигшія еще своей предѣльной нормы? Какое громадное развитіе могла бы получить школа грамотности, еслибы усилія земства были обращены съ самаго начала на ея распространеніе и поддержку, а не на созданіе *новой* школы! Гдѣ теперь существуетъ одна школа, тамъ могло бы ихъ быть чуть не десять; гдѣ число грамотныхъ опредѣляется теперь сотнями или тысячами, тамъ оно могло бы опредѣляться десятками тысячъ. Для недовѣрія, для скептическаго отношенія къ школѣ не оставалось бы тогда ни повода, ни мѣста; народъ видѣлъ бы въ ней нѣчто родное, созданное имъ самимъ, а не чуждое, извнѣ навязанное. *Крестьянская* школа дала бы крестьянамъ именно то, въ чемъ они нуждаются—дала бы имъ не только грамотность, но и *воспитаніе*. Таковъ рядъ выводовъ, вытекающихъ изъ восхваленія старой школы, изъ превознесенія ея надъ новою. Еслибы они были справедливы хоть отчасти, оставалось бы только сознаться въ ошибкѣ—печальной, громадной ошибкѣ,—и поворотить назадъ, пока еще не слишкомъ поздно. Мы глубоко убѣждены въ томъ, что истина, къ счастію, не на сторонѣ хвалителей старой школы. Попробуемъ сгруппировать тѣ данныя, на которыхъ основано наше убѣжденіе.

Не лишенъ значенія, прежде всего, самый фактъ быстраго и повсемѣстнаго развитія земской школы. Еслибы она не отвѣчала народнымъ потребностямъ, еслибы она шла прямо въ разрѣзъ съ народными взглядами, ничто не могло бы спасти ее отъ самой плачевной неудачи. Земская школа никогда не устраивалась и не на-

---

[1]) См. статью г. Пучниюка въ «Устояхъ» 1882 г., и статью г. А. Г. въ № 1 «Русскаго Богатства» за 1884 г.

полнялась тѣмъ путемъ, которымъ проникали въ народъ разныя несимпатичныя ему учрежденія; никто не приказывалъ ей существовать, никто не *сгонялъ* туда крестьянскихъ дѣтей. Нигдѣ, можетъ быть, она не осуществлялась въ столь широкихъ размѣрахъ, какъ именно въ губерніяхъ или уѣздахъ съ преобладающимъ крестьянскимъ элементомъ, съ земствомъ по преимуществу „мужицкимъ". Мы не знаемъ такого земскаго собранія, въ которомъ противодѣйствіе земской школѣ исходило бы отъ гласныхъ-представителей сельскихъ обществъ—и знаемъ очень много такихъ, гдѣ поддержка этихъ гласныхъ заранѣе обезпечена за всякой мѣрой, клонящейся къ развитію земскаго школьнаго дѣла. Весьма характеристично, съ этой точки зрѣнія, слѣдующее явленіе, извѣстное намъ по личному опыту. Въ одномъ изъ уѣздовъ петербургской губерніи училищный совѣтъ рѣшилъ привлечь сельскія общества къ участію въ содержаніи земскихъ школъ, посредствомъ отвода имъ квартиры, съ отопленіемъ. Какъ только это сдѣлалось извѣстнымъ въ уѣздѣ, со стороны сельскихъ обществъ посыпались приговоры о готовности ихъ исполнить требованіе совѣта [1]). Не было почти школы, обладаніе которою не оспаривалось бы нѣсколькими селеніями; гдѣ уже была школа, тамъ ее хотѣли удержать—гдѣ ея не было, тамъ старались получить ее. Отъ совѣта зависѣло, такимъ образомъ, выбрать, для помѣщенія школы, ту деревню, положеніе которой наиболѣе центрально или представляетъ какія либо другія существенныя удобства. Въ концѣ концовъ, изъ тридцати, слишкомъ, земскихъ школъ безъ дарового помѣщенія осталась только *одна*. А между тѣмъ, распоряженіе совѣта совпало съ узаконеніемъ школъ грамотности, устранившихъ главное препятствіе къ ихъ распространенію. Еслибы школа грамотности была дорога крестьянству сама по себѣ, болѣе дорога чѣмъ земская школа, то что же заставило бы крестьянъ держаться именно послѣдней, соглашаться на новый расходъ, лишь бы только сохранить или пріобрѣсти правильно организованное училище? Наемъ квартиры для земской школы, съ отопленіемъ и сторожемъ, обходится, въ большинствѣ случаевъ, вдвое дороже, чѣмъ maximum вознагражденія хожалому учителю. Въ томъ же уѣздѣ замѣчается, сплошь и рядомъ, слѣдующій фактъ: гдѣ существуетъ земская, министерская или хорошо устроенная частная школа, тамъ—при достаточной помѣстительности школьнаго зданія или при слабой населенности деревни—она посѣщается *всѣми безъ исключенія* мальчиками школьнаго возраста, ничего, такимъ образомъ, не оставляя для

[1]) О понужденіи, прямомъ или косвенномъ, здѣсь не могло быть рѣчи уже потому, что дѣятельности училищнаго совѣта вовсе не сочувствовало мѣстное крестьянское присутствіе.

домашней крестьянской школы. *Все* население, какъ одинъ человѣкъ, высказывается въ пользу нормальной школы, сознательно выбираетъ именно ее, а не доступную наравнѣ съ нею школу стараго, „часословнаго“ типа.

Посмотримъ теперь, въ чемъ заключаются, по мнѣнію приверженцевъ старой крестьянской школы, преимущества ея передъ школой новаго устройства. Говорятъ, что крестьянская школа болѣе свободна отъ формализма, легче приспособима къ потребностямъ крестьянъ и условіямъ крестьянской жизни; указываютъ, въ видѣ примѣра, на ограниченія, установляемыя въ земской школѣ относительно срока поступленія и числа учениковъ. Кто знакомъ практически съ школьнымъ дѣломъ въ разныхъ мѣстностяхъ, тотъ знаетъ, что подобныя ограниченія вовсе не составляютъ общаго правила. Избыткомъ регламентаціи земская школа страдаетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ; ея устройство почти вездѣ и почти всегда отличается эластичностью и простотою. Кому не приходилось видѣть земскихъ школъ съ тремя отдѣленіями—по имени, четырьмя или пятью—на самомъ дѣлѣ, именно потому, что учитель не отказываетъ въ пріемѣ новичковъ (т.-е. безграмотныхъ) и передъ Рождествомъ, и даже послѣ Рождества? Кому не приходилось видѣть земскихъ школъ до крайности переполненныхъ учениками, несмотря на тѣсноту помѣщенія, не взирая на теорію, по которой одному учителю не должно быть поручаемо болѣе 50—60 учениковъ? Обыкновенный ходъ дѣла въ земской или вообще правильно организованной начальной школѣ слѣдующій: пока она не пріобрѣла довѣрія и расположенія мѣстныхъ жителей, она не требуетъ отъ учениковъ ни своевременнаго начала ученія, ни аккуратной явки въ классъ. Болѣе строгія правила вводятся въ дѣйствіе постепенно, и то безъ всякой исключительности, безъ всякаго педантизма; всѣ особенности крестьянскаго быта принимаются въ разсчетъ—противодѣйствіе оказывается лишь тѣмъ привычкамъ, которыя могутъ быть искоренены не только безъ вреда, но съ пользой для населенія. Когда мальчикъ необходимъ дома для полевыхъ работъ, его не требуютъ въ школу — но въ отпускѣ на цѣлую недѣлю, по случаю деревенскаго праздника или свадебнаго сезона, ему отказываютъ. Съ такими порядками деревня свыкается весьма легко; оттолкнуть ее отъ школы они могли бы развѣ въ самомъ началѣ, когда для крестьянъ еще не выяснилась разница между школами противоположныхъ категорій. Исключенія, безъ сомнѣнія, возможны; мы готовы вѣрить, что земскія школы грѣшили и грѣшатъ иногда игнорированіемъ особенностей крестьянскаго быта, казеннымъ, если можно такъ выразиться, отношеніемъ

къ дѣлу—но выводить изъ отдѣльныхъ случаевъ этого рода какіе-либо общіе выводы было бы крайне неосторожно.

Гораздо важнѣе другой упрекъ, дѣлаемый земскимъ школамъ — упрекъ въ томъ, что онѣ начинаютъ не съ того конца, переносятъ къ намъ цѣликомъ чужую систему, игнорируютъ главное и совершенно законное требованіе, предъявляемое къ школѣ русскимъ народомъ. Знаніе священнаго писанія—вотъ „насущный хлѣбъ", котораго не даетъ, будто бы, народу земская школа. А развѣ его даетъ—спросимъ прежде всего—домашняя крестьянская школа? Развѣ здѣсь не происходитъ нѣчто въ родѣ оптическаго обмана, могущаго, пожалуй, сбить съ толку самихъ крестьянъ, но совершенно очевиднаго для посторонняго глаза? Первой книгой для чтенія въ школѣ грамотности часто является часословъ или псалтырь; но развѣ этого достаточно, чтобы познакомить учениковъ съ *содержаніемъ* книги, чтобы раскрыть передъ ними ея духъ и смыслъ? Въ огромномъ большинствѣ случаевъ обученіе въ „часословной" школѣ давало только *возможность* узнать священное писаніе—возможность, обусловливаемую умѣньемъ читать по славянски; но развѣ эта возможность не обезпечивается и земской школой? Безспорно, изученію священнаго писанія должно и можетъ быть отведено въ земской школѣ гораздо больше мѣста, чѣмъ отводилось и отводится ему до сихъ поръ; но желанной перемѣнѣ мѣшаетъ, во всякомъ случаѣ, не сама земская школа. Во многихъ мѣстахъ перемѣна уже совершается или совершилась—и мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что *въ общей сложности* Евангеліе даже теперь читается гораздо больше (не говоря уже о степени сознательности) въ новой школѣ, чѣмъ въ старой. Чрезвычайно любопытныя свѣденія по этому предмету мы находимъ въ упомянутомъ уже нами отчетѣ тверского учительскаго съѣзда. „Отцы и матери дѣтей" — читаемъ мы въ отчетѣ—„настойчиво, по единогласному заявленію всѣхъ учительницъ, требуютъ отъ школы, чтобы она научила бѣгло читать по церковно-славянски. Успѣхи дѣтей въ церковно-славянскомъ чтеніи безконечно радуютъ родителей и поднимаютъ въ ихъ глазахъ значеніе школы и учителя. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ родители требуютъ пониманія индикта и пасхаліи, а также умѣнья отыскивать въ святцахъ день празднованія извѣстнаго святого... Очень часто, наканунѣ праздниковъ, дѣти (ученики земской школы) въ семейномъ кругу читаютъ и объясняютъ взрослымъ Евангеліе. Лучшіе ученики и во время школьнаго курса, и по окончаніи его, читаютъ на клиросѣ часы, шестопсалміе. Чтеніе дѣтей на клиросѣ очень радуетъ родителей и нравится имъ больше, чѣмъ чтеніе дьячка. Читаютъ ученики и псалтырь по покойникамъ, въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ этотъ обычай.

Хотя читающимъ по покойникамъ дѣтямъ и платятъ, по большей части, за ихъ труды, но чтеніе это не заключаетъ въ себѣ ничего промышленнаго; родители смотрятъ на него, какъ на доброе дѣло; они рады, сверхъ того, показать другимъ успѣхи своихъ дѣтей". Мы жалѣемъ, что недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ привести цѣликомъ сообщеніе одной изъ учительницъ (г-жи Барковой), показывающее особенно наглядно, какую роль можетъ играть и въ земской школѣ—или, лучше сказать, *именно* въ земской школѣ—чтеніе и изученіе Евангелія. „Читать сознательно евангельскій текстъ",—говоритъ г-жа Баркова,—„должна научить школа, и опытъ убѣдилъ въ возможности достиженія этой цѣли до извѣстной степени. Вѣдь читать Евангеліе—все равно, что смотрѣть на звѣздное небо: чѣмъ дольше вглядываешься, тѣмъ больше открывается звѣздъ, и какая-то неотразимая сила приковываетъ взглядъ и уводитъ все больше и больше въ глубину міровъ. Смыслъ Евангелія, хотя немного понятый сначала, уже останавливаетъ вниманіе, и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе раскрываются передъ вами евангельскія истины, полныя любви, добра и свѣта; этотъ свѣтъ влечетъ къ себѣ, заставляетъ вдумываться и жить духовною жизнью". Всѣ учительницы, сообщенія которыхъ напечатаны въ отчетѣ, настаиваютъ на необходимости начинать церковно-славянское чтеніе именно съ Евангелія. Стоитъ только не останавливать и не стѣснять движенія, все больше и больше овладѣвающаго земской школой—и тотъ родъ знаній, который иногда ошибочно отождествляется со старой школой, станетъ повсемѣстно достояніемъ новой школы; вся разница будетъ состоять въ томъ, что изъ механическаго, формальнаго знаніе сдѣлается сознательнымъ и прочувствованнымъ. Создастъ ли оно народныхъ подвижниковъ, объ исчезновеніи которыхъ жалѣетъ г. Гл. Успенскій—это вопросъ иной; мы имѣли уже случай замѣтить въ другомъ мѣстѣ, что разсадникомъ подвижничества никогда не была и старая школа.

Твердо вѣруя въ будущность новой школы, мы не видимъ никакой надобности обезпечивать за нею *искусственное* преобладаніе надъ старой. Газета, высказавшаяся недавно за узаконеніе школы грамотности, съ преподавателями-солдатами, предлагаетъ подчинить ее надзору народныхъ учителей, на правахъ инспекціи. Менѣе цѣлесообразнаго предложенія нельзя себѣ и представить. Обратить народныхъ учителей въ начальниковъ надъ кѣмъ-то или надъ чѣмъ-то, значило бы совершенно извратить ихъ характеръ, внести бюрократизмъ въ профессію, которая должна оставаться — и покамѣстъ дѣйствительно остается—всего болѣе отъ него свободной. Чего касался бы, притомъ, контроль народныхъ учителей? Пріемовъ обученія, употребляемыхъ хожалымъ учителемъ? Ожидать педагогіи отъ

не-педагога было бы напрасно, заботиться о развитіи его—слишкомъ поздно. Обращенія его съ учениками? Пока родители послѣднихъ ничего не имѣютъ противъ палки, а учитель видитъ въ ней чуть ли не единственное орудіе воспитанія, усиліямъ случайнаго посѣтителя школы не удастся вывести ее изъ школьнаго обихода. Политической благонадежности хожалаго учителя? Слѣдить за нею и опредѣлять ея степень—очевидно не подходящее занятіе для народнаго учителя. Между народнымъ учителемъ и грамотѣемъ стараго типа часто существуетъ естественный антагонизмъ, слѣды котораго весьма замѣтны и въ нѣкоторыхъ отчетахъ учительскихъ съѣздовъ. Безпристрастное отношеніе народнаго учителя къ школѣ грамотности было бы явленіемъ исключительнымъ; съ недостатками отживающаго порядка всего труднѣе примириться именно представителямъ системы, заступающей его мѣсто. Между школой грамотности и земской школой можетъ установиться modus vivendi — но только подъ условіемъ полной взаимной свободы. По мѣрѣ обновленія преподавательскаго состава въ школѣ грамотности, она подчинится, быть можетъ, *добровольно* педагогическому контролю своей болѣе опытной и образованной сестры, какъ молодая колонія добровольно подчиняется метрополіи; насильственное ускореніе этого момента не могло бы привести ни къ чему, кромѣ неудачи, одинаково вредной для обѣихъ сторонъ.

Мы понимаемъ, какъ нельзя лучше, недостаточность данныхъ, съ помощью которыхъ обрисовано нами настоящее положеніе школы грамотности и отношеніе ея къ нормальной начальной школѣ. Главною нашею цѣлью было напомнить о полу-забытомъ вопросѣ и доказать необходимость всесторонней его разработки. Прежде всего желательно было бы собрать точныя свѣдѣнія о числѣ школъ грамотности и о мѣстномъ ихъ распредѣленіи. При этомъ обнаружилось бы само собою, открываются ли онѣ въ тѣхъ селеніяхъ, въ которыхъ существуютъ нормальныя школы, и если открываются, то вслѣдствіе ли недостатка вакансій въ этихъ послѣднихъ школахъ, или по другимъ причинамъ. Весьма важно было бы, далѣе, привести въ извѣстность, подолгу ли остаются школы грамотности въ одномъ и томъ же мѣстѣ, сколько обучается въ нихъ учениковъ и ученицъ, какъ долго, среднимъ числомъ, продолжается курсъ ученья, какъ и въ какомъ размѣрѣ вознаграждается учитель, гдѣ и какъ помѣщается школа, какими она располагаетъ учебными пособіями. Болѣе трудно, но все-таки возможно было бы узнать результаты ученья, опредѣлить число и степень развитія учениковъ, перешедшихъ въ нормальную школу, или прямо изъ школы грамотности явившихся къ испытанію на льготу. Всего труднѣе, безъ сомнѣнія, было бы раскрыть внут-

реннюю сторону дѣла,—мнѣніе крестьянъ о школѣ стараго и новаго типа, вліяніе той и другой на учениковъ и вообще на населеніе, отношенія между патентованными и непатентованными учителями. О способѣ дѣйствій учебной и общей администраціи можно было бы судить уже по распространенности школъ грамотности. Весьма можетъ быть, что фактъ, встрѣченный нами въ лужскомъ уѣздѣ—доброжелательное вниманіе къ крестьянской школѣ инспекціи и училищнаго совѣта — оказался бы не единичнымъ; весьма можетъ быть, что въ распоряженіи многихъ училищныхъ совѣтовъ уже теперь имѣются свѣдѣнія, перечисленныя нами выше. Очень многое могла бы выяснить и земская статистика, еслибы она включила школу грамотности въ кругъ своихъ изслѣдованій; ни для кого изученіе этого предмета не было бы такъ удобно, какъ именно для людей, знакомящихся на мѣстѣ со всѣми подробностями крестьянскаго быта. Правда, матеріалъ для земскихъ статистическихъ работъ собирается, большею частью, лѣтомъ, когда школы закрыты; но весьма многое могло бы быть раскрыто путемъ разспроса учениковъ и ихъ родителей, а иногда и самого учителя, если онъ принадлежитъ къ числу мѣстныхъ жителей. Школа грамотности—если не въ качественномъ, то въ количественномъ отношеніи — такой же, быть можетъ, могучій факторъ въ дѣлѣ образованія народа, какъ и земская школа; оставаться при тѣхъ скудныхъ свѣдѣніяхъ о ней, какія теперь имѣются на лицо, рѣшительно невозможно.

Въ наступающемъ маѣ мѣсяцѣ петербургская городская дума въ седьмой разъ должна будетъ приступить къ избранію столичныхъ мировыхъ судей. Заботливость о мировомъ институтѣ составляетъ несомнѣнную заслугу столичнаго самоуправленія, наряду съ его заботами о народномъ образованіи. Съ 1881 года оно взяло на себя наемъ помѣщеній для камеръ мировыхъ судей, опредѣливъ вмѣстѣ съ тѣмъ наименьшій ихъ размѣръ. Кромѣ залы засѣданій, въ каждой камерѣ должно быть еще шесть комнатъ: передняя, арестантская, свидѣтельская, канцелярія, кабинетъ мирового судьи и комната для разсыльныхъ. Теперь всѣ камеры должны соотвѣтствовать этому типу; не будетъ болѣе тѣсныхъ, темныхъ, грязныхъ помѣщеній, въ которыхъ едва находила мѣсто публика, и невозможно было соблюденіе внѣшнихъ условій, требуемыхъ достоинствомъ суда. Устранено, вмѣстѣ съ тѣмъ, и то неравенство въ матеріальной обстановкѣ судей, которое проистекало изъ разницы въ цѣнѣ квартиръ, смотря по части города. Пока квартира оплачивалась изъ средствъ самого судьи, привилегированными являлись тѣ судьи, участки которыхъ лежали на окраинахъ столицы; въ централь-

ныхъ участкахъ судья либо тратилъ на квартиру несоразмѣрно большую часть своего содержанія, либо нанималъ квартиру не удовлетворявшую своему назначенію. Наемъ помѣщеній для 26 камеръ обходится теперь городу въ 31,396 рублей; 9,000 р. платится, сверхъ того, за помѣщеніе мирового съѣзда. На содержаніе канцеляріи каждый судья получаетъ, съ 1881 г., весьма значительную сумму (2,400 р.), но въ израсходованіи ея онъ обязанъ отчетомъ; канцелярія должна состоять, притомъ, по меньшей мѣрѣ изъ пяти лицъ—трехъ для занятія письмоводствомъ и двухъ разсыльныхъ. Отсюда возможность требовать отъ судьи полнѣйшаго канцелярскаго порядка, столь важнаго для всѣхъ имѣющихъ надобность въ судѣ. Назначеніе добавочнаго вознагражденія мировымъ судьямъ, вновь выбираемымъ на ту же должность (500 руб. въ годъ послѣ вторичнаго избранія, 1000 р. — послѣ третьяго) способствуетъ удержанію на городской службѣ судей, пользующихся довѣріемъ избирателей. Въ продолженіе послѣдняго трехлѣтія (1881—84) участковыхъ мировыхъ судей, не имѣвшихъ права на добавочное вознагражденіе, было въ Петербургѣ только трое (изъ 26).

Для того, чтобы мировой судъ достигалъ своей цѣли, недостаточно еще, конечно, хорошей обстановки камеры и правильнаго устройства канцеляріи, недостаточно даже опытности самихъ судей; необходимо, чтобы доступъ къ суду былъ по возможности облегченъ, чтобы въ дѣятельности судей постоянно отражалось начало: „не общество для суда, а судъ для общества". Съ этой точки зрѣнія заслуживаютъ вниманія нѣкоторыя постановленія новаго наказа, выработаннаго столичнымъ мировымъ съѣздомъ и дѣйствующаго, съ минувшаго апрѣля, въ мировыхъ установленіяхъ столицы. Наказъ обязываетъ мирового судью присутствовать въ камерѣ ежедневно, за исключеніемъ праздниковъ и дней участія въ съѣздѣ, съ десяти часовъ утра по крайней мѣрѣ до двухъ часовъ пополудни. Во все это время мировой судья долженъ не только принимать просьбы и жалобы (пріемъ ихъ, по закону, обязателенъ для судьи вездѣ и во всякое время), но и выдавать копіи, справки, исполнительные листы и т. п.; во время судебнаго разбирательства эти дѣйствія совершаются имъ по окончаніи разбора каждаго дѣла. Другими словами, мировой судья не имѣетъ права, въ присутственные часы, сказать просителю: вы опоздали, мнѣ нѣтъ времени, приходите за справкой или копіей въ другой разъ,—не имѣетъ права и отложить исполненіе его просьбы до закрытія засѣданія; промежутокъ между двумя дѣлами — вотъ моментъ, въ который обязательно должны быть удовлетворены всѣ просьбы, накопившіяся во время слушанія дѣла. Въ мировомъ съѣздѣ, непремѣнный членъ съѣзда принимаетъ про-

шенія и выдаетъ копіи и справки ежедневно (кромѣ праздниковъ и четверга, дня общихъ собраній) отъ 11 час. утра до 2 ч. по полудни. Весьма цѣлесообразна, и та статья наказа, въ силу которой судебныя засѣданія мирового съѣзда должны быть открываемы въ 11 ч. утра, съ тѣмъ, что если открытіе засѣданія замедлится больше чѣмъ на полчаса, то о причинахъ замедленія предсѣдательствующій обязанъ довести до свѣденія ближайшаго общаго собранія мирового съѣзда. Обычай не стѣсняться временемъ, назначеннымъ для открытія засѣданія, до сихъ поръ еще настолько распространенъ, чтобы предосторожность, установленную наказомъ, можно было признать излишней.

Не менѣе полезнымъ, чѣмъ новый наказъ, представляется другое нововведеніе, которымъ столичное населеніе также обязано мировому съѣзду, поддержанному городскою думой. Еще въ 1867 г. состоялся законъ, уполномочившій земскія собранія и городскія думы понижать нормы вознагражденія судебныхъ приставовъ, состоящихъ при мировыхъ съѣздахъ. Необходимость такого пониженія была признана, въ принципѣ, и петербургскою думой пятнадцать лѣтъ тому назадъ, но состоялось оно на самомъ дѣлѣ только въ минувшемъ году. Согласно съ мнѣніемъ мирового съѣзда, городская дума вовсе освободила отъ платежа по таксѣ иски до десяти рублей включительно, выселеніе изъ части комнатъ или изъ угловъ и отобраніе паспортовъ, понизила платежи по другимъ мелкимъ взысканіямъ, отмѣнила одинъ изъ частныхъ сборовъ (плату за сообщеніе приставомъ мировому судьѣ объ исполненіи рѣшенія) и уменьшила на половину сборъ по таксѣ при охраненіи денежныхъ документовъ. По своему характеру и своей цѣли, эта небольшая реформа примыкаетъ къ общему направленію новѣйшей финансовой политики; она имѣетъ въ виду, по крайней мѣрѣ отчасти, облегченіе нуждающагося класса населенія. Къ половинѣ будущаго года мировой съѣздъ обязанъ представить думѣ свои соображенія о возможности дальнѣйшаго пониженія таксы.

Число дѣлъ, производящихся въ столичныхъ мировыхъ установленіяхъ, было особенно велико въ первое время послѣ введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ; масса мелкихъ споровъ, при старомъ порядкѣ вовсе не доходившихъ до суда, вслѣдствіе дороговизны и запутанности судопроизводства, а также вслѣдствіе недовѣрія къ судьямъ, наводнила собою новыя учрежденія. Весьма вѣроятно, что увеличенію числа процессовъ способствовало и незнакомство съ новыми формами суда, отъ которыхъ слишкомъ многаго ожидали; одни надѣялись возстановить или отстоять, съ ихъ помощью, воображаемое или утраченное право, другіе разсчитывали сдѣлать ихъ орудіемъ ябеды и кляузы. Какъ бы то ни было, цифра гражданскихъ дѣлъ, въ продолженіе перваго трехлѣтія доходившая до 175 тысячъ,

упала во второе трехлѣтіе до 154 тысячъ, въ третье—до 129 тысячъ, потомъ стала подниматься, но медленно, и даже въ послѣднее (шестое) трехлѣтіе не дошла еще до 150 тысячъ. Числомъ уголовныхъ дѣлъ послѣднее трехлѣтіе превосходитъ, наоборотъ, всѣ остальныя; въ продолженіе перваго трехлѣтія ихъ было 73 тысячи, въ продолженіе шестого—86 тысячъ. Общая цифра дѣлъ у столичныхъ мировыхъ судей въ 1883 г. простиралась почти до 80 тысячъ (болѣе 32 тысячъ уголовныхъ и почти 48 тысячъ гражданскихъ), т.-е. среднимъ числомъ приходилось по три слишкомъ тысячи дѣлъ на каждый участокъ. Больше этого приходится работать, кажется, только варшавскимъ мировымъ судьямъ; въ Москвѣ средняя цифра держится около 2$^1/_2$ тысячъ, въ Одессѣ—около 2 тысячъ, въ Кіевѣ—не доходитъ и до 1500. Въ уѣздахъ мировой судья считается обремененнымъ дѣлами, когда ихъ набирается у него около тысячи; намъ извѣстны мѣстности, гдѣ среднее число дѣлъ не превышаетъ 500 на участокъ. Въ столичномъ мировомъ съѣздѣ производилось въ 1883 г. около 8000 дѣлъ.

О правильности рѣшеній, постановляемыхъ столичными мировыми учрежденіями, трудно судить по отчетнымъ цифрамъ; кое-что, однако, можно вывести и изъ этого матеріала. Мировыми судьями столицы постановлено было, въ трехлѣтіе 1881—83 г., около 108 тысячъ рѣшеній, подлежавшихъ обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ (46.560 по дѣламъ уголовнымъ и 61.324 по дѣламъ гражданскимъ); обжаловано было изъ нихъ только 15.605 (5818 по дѣламъ уголовнымъ и 9787 по дѣламъ гражданскимъ), т.-е. не болѣе 14$^1/_2$%. Всѣхъ жалобъ на мировыхъ судей (апелляціонныхъ, кассаціонныхъ и другихъ) разсмотрѣно мировымъ съѣздомъ, въ продолженіе того же трехлѣтія, 18.479; уважительными изъ нихъ признано 6534, т.-е. немного болѣе одной трети. Невысокій процентъ обжалованныхъ рѣшеній—весьма краснорѣчивое свидѣтельство въ пользу дѣятельности мировыхъ судей, особенно въ столицѣ, гдѣ нѣтъ недостатка ни въ адвокатахъ, ни въ „аблакатахъ", ни въ юристахъ, способныхъ обнаружить и доказать погрѣшность мирового судьи, ни въ практикахъ, способныхъ склонить тяжущагося или подсудимаго къ обжалованію, per fas et nefas, всякаго состоявшагося противъ него рѣшенія. Процентъ рѣшеній, отмѣненныхъ съѣздомъ, довольно, наоборотъ, высокъ; между столичными мировыми судьями, очевидно, не существуетъ той ложной солидарности, во имя которой стушевываются или игнорируются товарищескія ошибки. Весьма незначительно число кассаціонныхъ жалобъ, приносимыхъ на рѣшенія мирового съѣзда. Въ продолженіе послѣдняго трехлѣтія такихъ жалобъ разрѣшено прав. сенатомъ всего 1056 (изъ нихъ уважено 264, т.-е. одна четверть)—

а между тѣмъ рѣшеній съѣзда состоялось, за тотъ же періодъ времени, болѣе 18 тысячъ.

Мы далеки отъ мысли, чтобы положеніе столичныхъ мировыхъ установленій не оставляло желать ничего лучшаго. Для рѣшительнаго заключенія, въ какомъ бы то ни было смыслѣ, намъ недостаетъ ближайшаго, личнаго знакомства съ дѣятельностью столичныхъ мировыхъ судей. Утвердительно сказать, на основаніи данныхъ, которыми мы располагаемъ, можно только одно: петербургская городская дума не жалѣетъ средствъ на правильное устройство мировóго института, и усилія ея не остаются безплодными. Весьма можетъ быть, что съ поднятіемъ уровня городской думы, т.-е. съ измѣненіемъ къ лучшему городской избирательной системы, поднялся бы и уровень мировыхъ учрежденій; взаимнодѣйствіе между избирателями и избираемыми существуетъ вездѣ и всегда — различной бываетъ только его степень. Не совсѣмъ нормальной кажется намъ крайне незначительная цифра *новыхъ* кандидатовъ на званіе столичнаго мироваго судьи; въ нынѣшнемъ году ихъ заявлено, напримѣръ, только двѣнадцать. Объяснить этотъ фактъ, при несомнѣнной привлекательности самаго званія, можно только съ помощью извѣстнаго юридическаго афоризма: beati possidentes. Обладаніе должностью составляетъ, по всей вѣроятности, такой аргументъ въ пользу ея обладателя, съ которымъ трудно бороться постороннему лицу. Само собою разумѣется, что *при равныхъ условіяхъ* преимущество должно принадлежать лицу, доказавшему уже на практикѣ свою способность и свое усердіе къ дѣлу; но фактъ занятія должности не установляетъ, *самъ по себѣ*, никакихъ особыхъ правъ для лица, ее занимающаго. Населеніе Петербурга имѣетъ полное основаніе требовать отъ думы не только удовлетворительныхъ, но *вполнѣ хорошихъ* мировыхъ судей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое мая, 1884.

Соціалистическое движеніе во Франціи.—Рабочій конгрессъ въ Рубэ. — Программа революціонеровъ-поссибилистовъ.—Министерскія рѣчи въ Кагорѣ и Периге.—„Крестьянская" республика.—Соціальныя реформы въ Англіи.—Гладстонъ, Гошенъ и сэръ Леббокъ.—Общество пропорціональнаго представительства. — Консервативная оппозиція и радикализмъ. — Внутренніе вопросы въ Германіи и въ Австро-Венгріи.—Положеніе дѣлъ въ Болгаріи.

Повидимому, соціалистическое движеніе въ полномъ разгарѣ во Франціи. Газеты переполнены отчетами о сходкахъ, собирающихся въ разныхъ мѣстахъ Парижа и принимающихъ самыя воинственныя рѣшенія. Многочисленные ораторы громятъ буржуазію и правительство, возстаютъ противъ капитала во имя священныхъ правъ труда, горячо проповѣдуютъ соціальную революцію и весьма щедро вознаграждаются за свои усилія популярностью народныхъ трибуновъ. Масса именъ всплываетъ на поверхность и мелькаетъ предъ глазами газетныхъ читателей; люди, скромные по положенію и по заслугамъ, становятся героями дня, ихъ рѣчи и дѣйствія обсуждаются въ печати и въ парламентѣ, за ними ухаживаютъ политическіе дѣятели и стараются пріобрѣсть ихъ довѣріе. Не всегда, конечно, удается представителямъ рабочаго класса овладѣвать въ такой мѣрѣ общественнымъ вниманіемъ; для этого нужны особыя благопріятныя условія, которыя и существовали въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ, благодаря вопросу о парижскихъ тряпичникахъ и объ анзенскихъ углекопахъ.

Рабочій кризисъ вызвалъ сильный спросъ на соціализмъ; издавна накопившееся раздраженіе прорвалось наружу въ видѣ шумныхъ митинговъ, жестокихъ рѣчей и убійственныхъ революцій. Трактирщикъ Бали, руководившій стачкою въ Анзенѣ, сразу составилъ себѣ громкую извѣстность; Рошфоръ называетъ его не иначе какъ „своимъ другомъ". Умѣренные республиканцы, защищающіе капиталистовъ, не разъ подвергались проклятію; потревожена была даже тѣнь Гамбетты, котораго объявили „негодяемъ" на одномъ изъ революціонныхъ собраній. Жюль Ферри и Вальдекъ-Руссо заслужили ненависть рабочихъ тѣмъ, что послали отрядъ жандармовъ на мѣсто стачки; военная сила должна была вмѣшаться въ дѣло, для защиты несчастныхъ „измѣнниковъ", подчинившихся условіямъ хозяевъ. Жан-

дармамъ пришлось употребить оружіе; нѣсколько человѣкъ было ранено, многіе арестованы. Положеніе дѣлъ ухудшалось съ каждымъ днемъ. Въ палатѣ крайняя лѣвая штурмовала министерство своими запросами и нападками; поэтъ Кловисъ-Гюгъ произносилъ весьма оригинальныя филиппики, въ которыхъ фантазія перемѣшивалась съ печальною дѣйствительностью; депутатъ Жіаръ обругалъ самую палату, назвавъ ее „гнилою". Среди этого безплоднаго политическаго шума, большинство рабочихъ, участвовавшихъ въ стачкѣ, не видѣло никакой реальной для себя опоры; помощь не приходила ни откуда, а денежныя приношенія быстро истощались, вмѣстѣ съ сбереженіями самихъ рабочихъ. Богатая нѣкогда компанія не могла согласиться на уступку, въ виду сравнительнаго упадка своихъ дѣлъ; соціальный переворотъ, провозглашаемый соціалистами, былъ только журавлемъ въ небѣ для населенія, нуждавшагося въ немедленномъ пропитаніи. Около 70,000 франковъ находилось въ распоряженіи руководителей стачки; на эти деньги содержалось въ теченіе почти двухъ мѣсяцевъ около 8000 человѣкъ съ семействами—содержалось впроголодь, съ большими лишеніями и страданіями. За это-же время рабочіе получили-бы болѣе милліона франковъ заработной платы, если-бы работы не прекращались. Результаты оказались во всякомъ случаѣ крайне тяжелыми для рабочихъ. Когда всѣ рессурсы были исчерпаны, не оставалось другого исхода, какъ возобновить работы на прежнихъ основаніяхъ. Дѣло окончилось къ невыгодѣ обѣихъ сторонъ: компанія была побѣждена стачкою, а рабочіе—голодомъ.

Соціалистическая горячка мало-по-малу затихла; грозныя вспышки погасли безслѣдно; порохъ израсходованъ на фейерверки словъ, безъ всякаго другого употребленія. Но нельзя сказать, чтобы изъ всей этой агитаціи публика не извлекла никакихъ полезныхъ для себя уроковъ. Одна новая и чрезвычайно характерная черта обнаружилась въ собраніяхъ парижскихъ революціонеровъ. Французскіе рабочіе побратались съ нѣмецкими, въ лицѣ ихъ случайныхъ представителей; они не только выслушивали нѣмецкія рѣчи, которыя тутъ-же переводились имъ на родной языкъ, но прямо заявляли свою солидарность съ нѣмецкимъ трудящимся классомъ. Еще очень недавно подобный фактъ былъ бы немыслимъ. Нѣмцы ораторствовали, правда, только на одной или двухъ сходкахъ; но сочувственное отношеніе къ нимъ французскихъ слушателей принято было, какъ нѣчто вполнѣ естественное и, повидимому, никого не удивило. Въ печати мы не встрѣтили никакихъ по этому поводу комментаріевъ. Одинъ французскій рабочій, желая сказать комплиментъ нѣмцамъ, замѣтилъ, что у нихъ былъ великій соціалистъ Гусъ и что въ сущности „мы всѣ гуситы". Такого рода замѣчанія, при всей ихъ наивности, указы-

вають на значительную перемѣну во взглядахъ и чувствахъ французской демократіи.

Вмѣсто прежней слѣпой вѣры въ безусловное превосходство своего народа надъ всѣми народами земного шара, у французовъ все болѣе крѣпнетъ сознаніе культурной общности съ другими европейскими націями; все болѣе распространяется пониманіе того, что можно научиться кое-чему полезному у сосѣдей, и что сближеніе съ ними настоятельно требуется не только нравственными, политическими, но и чисто-матеріальными интересами. На французскіе рабочіе конгрессы приглашаются уполномоченные отъ англійскихъ рабочихъ союзовъ, проникнутыхъ трезвымъ практическимъ духомъ; въ этихъ конгрессахъ участвуютъ также представители другихъ странъ, и такое общеніе устраняетъ чрезмѣрную односторонность выводовъ, расширяя возможность критики и провѣрки ихъ. Защитники рабочаго класса по-неволѣ спускаются изъ сферы отвлеченныхъ декламацій въ область реальныхъ фактовъ и осуществимыхъ улучшеній. Значительный шагъ впередъ сдѣланъ въ этомъ смыслѣ во Франціи за послѣднія нѣсколько лѣтъ.

Революціонеры по профессіи утратили замѣтную долю своего обаянія съ тѣхъ поръ, какъ имъ предоставлено дѣйствовать свободно и публично на глазахъ всего общества. Ихъ не окружаетъ ореолъ мученичества и преслѣдованія; ихъ ученія не покрыты таинственною завѣсою и не влекутъ къ себѣ заманчивымъ вкусомъ запретныхъ плодовъ. Публика равнодушно проходитъ мимо самыхъ яркихъ программъ; она привыкла къ нимъ и не придаетъ значенія призывамъ, повторяющимъ „великія истины", которыя отъ частаго употребленія превратились въ общія мѣста. Ораторы соціалистическихъ сходокъ начинаютъ собирать свѣденія о дѣйствительномъ положеніи вещей, объ условіяхъ быта рабочихъ и ихъ семействъ; даже г-жа Полина Минкъ сообщила нѣкоторыя данныя объ эксплуатаціи дѣтей на стеклянныхъ заводахъ и рекомендовала мѣры для прекращенія возмутительныхъ злоупотребленій. Очевидно, одними громкими словами нельзя уже заинтересовать или увлечь рабочихъ. Положительнымъ, дѣловымъ характеромъ отличался также рабочій конгрессъ въ Рубэ, засѣданія котораго посвящены были главнымъ образомъ изслѣдованію причинъ рабочаго кризиса во Франціи. Конгрессъ окончился почти одновременно съ прекращеніемъ стачки въ Анзенѣ.

Соціалисты имѣютъ еще политическія цѣли, кромѣ экономическихъ; они составляютъ особую партію, которая, какъ извѣстно, играетъ видную роль въ муниципальномъ совѣтѣ Парижа. Въ совѣтѣ засѣдаетъ между прочимъ одинъ изъ наиболѣе дѣятельныхъ вождей революціонеровъ-поссибилистовъ, Жоффренъ. Эта оригинальная партія,

предлагающая совершать революцію по мѣрѣ возможности, выпустила манифестъ отъ имени „федераціи работниковъ-соціалистовъ во Франціи", по поводу предстоящихъ 4 мая муниципальныхъ выборовъ. Программа по содержанію своему касается не столько городского управленія Парижа, сколько высшихъ интересовъ всего человѣчества. „Рабочая революціонно-соціалистическая партія Парижа,— какъ сказано въ программѣ,—ставитъ себѣ конечною цѣлью полную эмансипацію *всѣхъ человѣческихъ существъ*, безъ различія пола, расы и національности". Задача, правда, слишкомъ широкая даже для парижской городской думы; но ничего дурного или обиднаго въ ней нѣтъ. Что можетъ быть безвреднѣе стремленія облагодѣтельствовать весь земной шаръ при помощи городскихъ выборовъ? Для достиженія всеобщей эмансипаціи, — говорится далѣе, — необходимо стремиться къ коммунистическому устройству общества, при которомъ „каждый, давая по своимъ силамъ, будетъ получать по своимъ потребностямъ". Какъ-же устроить, чтобы люди давали побольше и брали бы поменьше? Для этого предлагается цѣлый рядъ капитальныхъ преобразованій, изъ которыхъ самое малѣйшее невозможно безъ упраздненія существующаго законодательства и существующихъ общественныхъ условій. Но законы декретируются палатами, и было бы вполнѣ естественно возбуждать какіе угодно вопросы при избраніи депутатовъ, облеченныхъ законодательною властью; но причемъ же тутъ городской совѣтъ Парижа? Очевидно, парижскіе соціалисты въ духѣ Жоффрена думаютъ не объ осуществленіи программы, а о пріобрѣтеніи возможно большаго числа голосовъ въ средѣ рабочаго класса. Комитетъ партіи выставляетъ также нѣсколько рабочихъ кандидатуръ. Такіе кандидаты имѣютъ однако очень мало шансовъ на успѣхъ, не смотря на выразительную краткость ихъ professions de foi. „Если вы не будете довольны нами, вы насъ отошлете обратно—одного къ его бочкамъ, а другого въ кузницу",—вотъ вся избирательная рѣчь двухъ рабочихъ, предложенныхъ кандидатами въ члены городского совѣта. Принципы коммуны 1871 года вполнѣ усвоены революціонерами-поссибилистами съ тою только разницею, что способомъ дѣйствія признается не насиліе, а мирное „завоеваніе публичной власти въ общинѣ, департаментѣ и государствѣ".

Муниципальные выборы имѣютъ отчасти политическій характеръ; они до сихъ поръ вертѣлись обыкновенно около вопроса о томъ, высказываются ли кандидаты за республику или противъ нея. Для каждой партіи было чрезвычайно важно, чтобы составъ мѣстныхъ общественныхъ управленій былъ благопріятенъ ея цѣлямъ. Заботы о формѣ правленія стояли долго на первомъ планѣ, а общинные, городскіе и генеральные совѣты вліяютъ прямо и косвенно на составъ

парламента, отъ котораго зависитъ составъ правительства. Но республика упрочилась уже настолько, что муниципальнымъ учрежденіямъ не приходится болѣе рѣшать политическіе вопросы; различныя общественныя функціи обращаются на нормальный путь. Твердость установленнаго режима вошла въ сознаніе самыхъ рѣшительныхъ враговъ его; самая возможность выражать враждебныя чувства къ республикѣ безъ всякихъ стѣсненій—примиряетъ съ нею монархистовъ, которые не могли бы имѣть такую свободу мысли и слова при господствѣ своей собственной правительственной системы. Въ школѣ политической свободы французы пріучаются трезво относиться къ общественнымъ явленіямъ, перестаютъ вѣрить въ спасительныя формулы и ограничиваются публичнымъ заявленіемъ своихъ требованій,—ибо они знаютъ, что эти требованія не пропадаютъ безслѣдно, а расходятся по странѣ, встрѣчая сочувственный отголосокъ въ печати и въ парламентѣ. Народъ понимаетъ, что всякія улучшенія и реформы зависятъ въ концѣ-концовъ отъ него самого и отъ его выборныхъ представителей; исчезли поводы къ тѣмъ уличныхъ вспышкамъ, которыя отъ времени до времени колебали общественный строй при прежнихъ правительствахъ. Поэтому-то даже трудные рабочіе кризисы не нарушаютъ теперь законнаго порядка, не влекутъ за собою исключительныхъ мѣръ и кончаются мирно, безъ баррикадъ. Никто не мѣшаетъ недовольнымъ высказаться, формулировать свои нужды и дать волю своему негодованію, хотя бы въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ;—спокойствіе государства отъ этого нисколько не страдаетъ.

Это внутреннее сознаніе силы отражается въ недавнихъ министерскихъ рѣчахъ въ Кагорѣ и въ Перигё. При открытіи памятника Гамбеттѣ въ родномъ его городѣ, 14 апрѣля, министръ-президентъ Жюль Ферри произнесъ восторженную рѣчь о великихъ подвигахъ вождя народной обороны. Военный министръ, генералъ Кампенонъ, выразилъ такія же чувства отъ имени французской арміи, а генералъ Питтье—отъ имени президента республики. Главная, центральная струна, которая затрогивалась и возбуждалась всѣми рѣчами на этомъ празднествѣ,—это было чувство патріотизма, поглощающее собою всѣ другіе интересы націи, чувство глубокой вѣры въ будущее возрожденіе внѣшняго могущества Франціи. Наиболѣе осторожные и миролюбивые дѣятели забываютъ обо всемъ остальномъ, когда дѣло коснется вопроса о военномъ величіи. Армія есть самое популярное учрежденіе для современныхъ французовъ; она составляетъ предметъ особаго культа, обязательнаго даже для крайнихъ отрицателей. Когда одинъ ораторъ, упомянувъ о вмѣшательствѣ жандармовъ въ Анзенѣ, употребилъ слово „солдатчина", все собраніе,

какъ одинъ человѣкъ, прервало его криками: „да здравствуетъ армія". А въ собраніи было не мало людей, готовыхъ подписаться подъ революціонною программою, провозглашающею упраздненіе нынѣшней военной организаціи. Празднество въ Кагорѣ было посвящено этому высшему инстинкту международнаго честолюбія: въ покойномъ Гамбеттѣ превозносили исключительно его страстную любовь къ родинѣ, его неустанную, энергическую заботливость о военной силѣ Франціи. Передъ этою заботою кажутся мелкими и ничтожными всякіе другіе вопросы и кризисы. Такъ смотрѣлъ на дѣло Гамбетта; такъ полагаютъ, повидимому, и многочисленные послѣдователи его, находящіеся нынѣ у кормила власти.

Нѣкоторыя заявленія Жюля Ферри, высказанныя на банкетѣ въ Перигё, обратили на себя вниманіе въ Европѣ. Французскіе министры такъ рѣзко говорятъ объ иностранной политикѣ и объ отношеніяхъ къ великимъ державамъ, что малѣйшая попытка въ этомъ направленіи естественно вызываетъ общее любопытство. На этотъ разъ самоувѣренный тонъ министра иностранныхъ дѣлъ послужилъ предметомъ разнообразныхъ толковъ въ европейской печати. „Мы—не только держава континентальная, но и вторая морская держава въ свѣтѣ,—сказалъ, между прочимъ, Жюль Ферри,—а занимая такое положеніе, мы имѣемъ интересы во всемъ мірѣ. Чтобы оставаться уважаемою силою на материкѣ, нужно показать на дѣлѣ, что мы не допустимъ нарушенія законныхъ интересовъ Франціи ни въ одной части свѣта. Необходимо, чтобы демократія отдала себѣ ясный отчетъ въ условіяхъ, при которыхъ демократическая страна, какъ наша, можетъ оказывать на судьбы Европы, на движеніе умовъ и мнѣній, свое могущественное и спасительное вліяніе. Давно было замѣчено, что когда недостаетъ Франціи въ Европѣ, послѣдняя страдаетъ отъ недуга, который состоитъ въ отсутствіи равновѣсія. Это великая истина; но чтобы Франція имѣла вѣсъ въ балансѣ европейскихъ дѣлъ, она должна обезпечить своему правительству извѣстныя гарантіи прочности и показать себя способною къ послѣдовательному, опредѣленному образу дѣйствій, безъ частыхъ перемѣнъ и скачковъ. Если въ настоящее время положеніе наше въ Европѣ лучше прошлогодняго, то это происходитъ отъ одной причины, а именно, что парламентъ пожелалъ придать лицамъ, облеченнымъ его довѣріемъ, ту степень постоянства, которая вызываетъ довѣріе другихъ. Это даетъ правительству необходимый авторитетъ для того, чтобы заявлять свой голосъ за-границею. Что касается правительства, то обязанность его—не допускать никакого тумана относительно своихъ намѣреній, открыто выражать свою волю, принимать извѣстный планъ дѣйствій и держаться его. Мы думаемъ, что, по

мѣрѣ нашихъ силъ, мы не уклонялись отъ этой обязанности. И дѣйствительно, всѣ знаютъ ясно, и внутри и извнѣ, съ кѣмъ мы идемъ и кого мы чуждаемся". Далѣе Ферри слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ характеръ нынѣшней французской республики: „она создана соглашеніемъ интересовъ и стремленій, духомъ компромисса, любовью къ порядку и къ прогрессу, старательно и окончательно пріобрѣтеннымъ довѣріемъ великаго народа французскихъ крестьянъ. Республика будетъ *крестьянскою*, или она не будетъ вовсе. И теперь, когда республика нашла въ французскихъ крестьянахъ свою вѣрнѣйшую опору, остерегайтесь повторять ошибки прошлаго, не удаляйте отъ себя эти глубокіе, могучіе слои народа".

Странно и какъ-то непривычно звучатъ эти слова въ устахъ французскаго республиканскаго министра. Республика, созданная Парижемъ и управляемая городскою интеллигенціею, опирается вдругъ на крестьянство, какъ на самую надежную и широкую почву. Лѣтъ десять тому назадъ, слово „крестьянскій", (les ruraux) было чуть ли не ругательнымъ словомъ въ политикѣ; такъ называли реакціонную версальскую палату, состоявшую преимущественно изъ представителей землевладѣнія, при Тьерѣ и Макъ-Магонѣ. Французское крестьянство считалось вмѣстилищемъ традиціоннаго консерватизма и всевозможной отсталости; оно долго выбирало монархистовъ и клерикаловъ,—а теперь оно служитъ опорою республикѣ, сообщая ей извѣстную долю своей консервативной стойкости и постоянства. Крестьянская республика—самая крѣпкая и долговѣчная изъ республикъ; но она едва ли соотвѣтствуетъ идеалу парижскихъ радикаловъ. Перемѣщеніе центра тяжести отъ городского населенія къ сельскому является естественнымъ результатомъ всеобщей подачи голосовъ. Имѣя за собою неподвижныя массы крестьянства, республика становится консервативною и легко выдерживаетъ всякія бури радикализма. Радикалы и соціалисты, содѣйствовавшіе такъ много основанію республики, составляютъ уже вновь оппозицію, хотя и болѣе свободную, чѣмъ при монархическомъ режимѣ. Республика перемѣнила фронтъ, укрѣпившись на болѣе глубокихъ устояхъ народной жизни; она какъ-будто отказалась отъ своихъ шумныхъ традицій и превратилась окончательно въ обыкновенное, законное, консервативное правительство Франціи. На эту важную метаморфозу, совершившуюся на нашихъ глазахъ, указываютъ характерныя слова Жюля Ферри.

Замѣчанія Ферри объ иностранной политикѣ были еще рѣзче подчеркнуты министромъ публичныхъ работъ Райналемъ. „Если Франція должна слѣдовать мирной политикѣ, — говорилъ онъ въ Монтобанѣ, — то для великой страны и для демократіи было бы

вредно имѣть во внѣшнихъ дѣлахъ политику отреченія. Стараясь идти по стопамъ Гамбетты, мы думаемъ, что повсюду, гдѣ замѣшаны великіе французскіе интересы, необходимо умѣть ихъ защищать и ни въ какомъ случаѣ не допускать предположенія, что Франція, сохраняя политику мира, готова отступить отъ своихъ интересовъ. По этому поводу не мѣшаетъ вспомнить слова Гамбетты: „лица, имѣющія честь держать власть въ своихъ рукахъ, не должны позволять, чтобы уменьшалось въ чемъ бы то ни было наслѣдіе Франціи, и чѣмъ стариннѣе это наслѣдіе, тѣмъ оно священнѣе".

Желаніе занять вновь подобающее мѣсто въ дѣлахъ Европы идетъ рука объ руку съ отрицаніемъ „народничанья", національной исключительности, бывшей долго одною изъ слабыхъ сторонъ французскаго патріотизма. Самодовольныя изреченія въ родѣ того, что „Парижъ—солнце, отъ котораго всѣ прочіе народы заимствуютъ свой свѣтъ",—уже вышли изъ моды. Прекрасно выразилъ это знаменитый Эрнестъ Ренанъ въ торжественной рѣчи по поводу чествованія памяти трехъ профессоровъ—Мицкевича, Мишле и Эдгара Кинэ, удаленныхъ отъ своихъ должностей принцемъ Луи-Наполеономъ тридцать-два года тому назадъ. „Никогда мы не станемъ смотрѣть на науку, цивилизацію, правосудіе, какъ на дѣло одной расы или одного народа. Мы продолжаемъ вѣрить, что всѣ націи служатъ этимъ интересамъ, каждая сообразно своему духу. Разработывая науку, мы никогда не скажемъ—„наша наука"; истинное, доброе и прекрасное составляютъ достояніе всѣхъ. Намъ не могутъ быть симпатичны ни педантизмъ, раздѣляющій область человѣческаго ума на перегородки, ни лицемѣріе, завладѣвающее Провидѣніемъ и восклицающее: „нашъ Богъ, наша истина".

Въ Англіи соціальные вопросы имѣютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ гдѣ бы то ни было: тамъ предстоятъ еще кризисы, которые давно пережиты въ другихъ европейскихъ государствахъ; тамъ готовятся перевороты, — быть можетъ, мирные, — могущіе радикально измѣнить общественное устройство Англіи. Феодальная англійская аристократія не имѣла еще своего 4 августа, которымъ закончился родственный ей французскій феодализмъ почти цѣлыхъ сто лѣтъ тому назадъ. Остатки средневѣковыхъ учрежденій и порядковъ упорно сохраняютъ свое господство, уступая почву лишь шагъ за шагомъ, цѣною долгой борьбы. Масса населенія сознаетъ свои права и добивается реформъ; агитація противъ поземельныхъ лордовъ, съ ихъ пагубными для народа привилегіями, разростается все болѣе и болѣе; тысячи бездомныхъ поселянъ и городскихъ рабочихъ, выброшенныхъ на улицу промышленною или землевладѣльческою аристо-

кратіею, терпѣливо ожидаютъ улучшенія своей судьбы въ разныхъ областяхъ Англіи. Демократическое движеніе дѣлаетъ непрерывные успѣхи, завладѣвая постепенно литературою, общественною жизнью и законодательствомъ. Правительство идетъ осторожно на встрѣчу новымъ теченіямъ, стараясь обойти подводные камни и избѣгнуть опасныхъ толчковъ.

Важнѣйшая политическая реформа, служащая необходимымъ преддверіемъ къ переустройству общаго соціальнаго строя, есть, безъ сомнѣнія, расширеніе избирательнаго права, предложенное парламенту министерствомъ Гладстона. Для всякаго ясно, что аристократическій характеръ англійскаго общественнаго быта подвергнется коренному измѣненію, когда право выбирать членовъ палаты общинъ будетъ предоставлено большинству населенія. Во всемъ британскомъ королевствѣ числится теперь около трехъ милліоновъ избирателей, удовлетворяющихъ условіямъ имущественнаго ценза. Новый билль, принятый палатою во второмъ чтеніи, прибавляетъ къ этому числу еще два милліона, преимущественно изъ класса поселянъ. До всеобщей подачи голосовъ еще далеко, но она виднѣется уже вдали, какъ смутный призракъ, пугающій воображеніе проницательныхъ дѣятелей консерватизма. Необходимость реформы чувствовалась всѣми, а естественные противники ея не рѣшались выступить прямо противъ принциповъ билля, чтобы не быть обвиненными въ недовѣріи къ народу и не отталкивать отъ себя заранѣе новыхъ избирателей. Притомъ консерваторы, преимущественно землевладѣльцы, разсчитываютъ на свое вліяніе среди зависящихъ отъ нихъ поселянъ и мелкихъ хозяевъ, которымъ либеральный кабинетъ рѣшился дать права полнаго гражданства.

Гладстону не трудно было доказать справедливость и пользу предпринятой реформы. „Для государства важно,—объяснялъ онъ,—чтобы возможно большее число гражданъ привлечено было къ участію въ парламентскихъ выборахъ. Распространеніе избирательнаго права имѣетъ громадную воспитательную силу, и кто былъ хорошимъ гражданиномъ до полученія этого права, сдѣлается лучшимъ по полученіи его. Когда мы говоримъ объ усовершенствованіи палаты общинъ, мы не имѣемъ въ виду ввести въ нее тотъ или другой кругъ частныхъ лицъ, хотя бы наиболѣе образованныхъ. Мы имѣемъ въ виду совсѣмъ другое — составить собраніе, лучше приспособленное къ пониманію нуждъ страны и болѣе расположенное заняться удовлетвореніемъ этихъ нуждъ. У насъ есть *вѣра въ народъ*, ибо мы полагаемъ, что первое, основное начало либерализма заключается въ существованіи такой вѣры; сила и преимущество либерализма лежатъ именно въ томъ, что онъ имѣетъ эту вѣру; и вотъ именно

причина, почему либеральная партія пользовалась преобладаніемъ въ странѣ, въ теченіе послѣдняго полустолѣтія".

Болѣе мрачно и недовѣрчиво смотритъ въ будущее бывшій товарищъ Гладстона по кабинету, Гошенъ, одинъ изъ самыхъ видныхъ представителей умѣренной либеральной партіи въ парламентѣ. Гошенъ желалъ бы обезпечить права меньшинства въ избирательныхъ округахъ, прежде чѣмъ расширять кругъ избирателей. Демократія враждебно относится къ мѣрамъ, способнымъ установить какія-либо гарантіи противъ подавляющаго значенія большинства; поэтому и парламентъ, избранный на основаніи новаго билля, едва ли окажется склоннымъ позаботиться объ этомъ великомъ принципѣ. По мнѣнію Гошена, значительное число городскихъ обывателей, живущихъ въ окрестностяхъ и предмѣстьяхъ городовъ, окажется въ сельскихъ округахъ и несомнѣнно превыситъ собою обычный контингентъ землевладѣльцевъ и фермеровъ; во многихъ графствахъ произойдетъ, такимъ образомъ, полное перемѣщеніе политической власти отъ поземельнаго класса къ городскому. Гошенъ боится этой перемѣны и выражаетъ „пожеланіе, чтобы событія не оправдали его боязни, чтобы демократія, которой предполагается ввѣрить будущія судьбы страны, представила блестящій контрастъ сравнительно съ демократіею другихъ странъ, и чтобы своею справедливостью и умѣренностью она доказала, что исторія не всегда повторяется и что изъ примѣровъ не всегда вытекаютъ уроки". Гошенъ измѣнилъ либераламъ,—онъ подалъ голосъ противъ билля. Его опасенія могутъ быть вполнѣ основательны; но онъ не сдѣлалъ изъ нихъ никакого положительнаго вывода. Если непріятная ему демократія имѣетъ за собою многочисленныя народныя массы, требующія равноправности предъ закономъ, то какъ задержать этотъ потокъ, стремящійся поглотить привилегированныхъ цензовыхъ избирателей? Какъ доказать большинству трудящагося населенія, что оно не можетъ пользоваться правами зрѣлыхъ гражданъ? Отказавъ въ реформѣ сверху, правительство могло бы встрѣтиться съ весьма неудобнымъ движеніемъ снизу. Уклоняться отъ предстоящей задачи—самая худшая политика въ дѣлахъ внутреннихъ. Министерство не могло сдѣлать лучшаго выбора, какъ смѣло взять на себя починъ въ расширеніи избирательныхъ правъ, слѣдуя примѣру консервативныхъ предшественниковъ—Роберта Пиля и Дизраэли. Что касается гарантій для меньшинства, то существуютъ особые способы, примѣненіе которыхъ могло бы вполнѣ возстановить нарушаемыя права.

Извѣстный ученый и банкиръ, сэръ Джонъ Лёббокъ, спеціально занялся этимъ вопросомъ и, по англійскому обыкновенію, тотчасъ же основалъ „Общество пропорціональнаго представительства". Въ ко-

роткое время „общество“ успѣло привлечь на свою сторону болѣе 170 членовъ парламента, въ томъ числѣ 90 либеральныхъ. Въ любопытной статьѣ, помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ „Nineteenth century“, сэръ Лёббокъ приводитъ убѣдительные примѣры несостоятельности и несправедливости обычной системы выборовъ. Нѣсколькихъ голосовъ достаточно иногда для того, чтобы перенести большинство отъ одной партіи къ другой; а голоса меньшинства не принимаются вовсе въ разсчетъ. Поэтому только часть избирателей имѣетъ своихъ уполномоченныхъ въ парламентѣ, а остальная часть, какъ бы значительна она ни была, лишается всякаго представительства. Въ Бельгіи въ 1882 году голоса раздѣлились почти поровну между католиками и либералами; но еслибъ въ одномъ городѣ двадцать человѣкъ перешло на сторону клерикаловъ, то большинство въ палатѣ оказалось бы не либеральнымъ, а клерикальнымъ, и направленіе дѣлъ было бы совсѣмъ другое. Распредѣленіе голосовъ приводитъ часто къ удивительному результату: большинство избранныхъ кандидатовъ можетъ принадлежать не той партіи, которая располагаетъ большимъ числомъ голосовъ въ странѣ. Въ 1874 году парламентскіе выборы дали лорду Биконсфильду большинство въ 50 человѣкъ; между тѣмъ по счету голосовъ выходитъ, что либеральная партія была сильнѣе въ странѣ: за консерваторовъ подано на 200,000 голосовъ менѣе, чѣмъ за либераловъ. Это значитъ, что представительство не соотвѣтствуетъ количеству избирателей, и что громадныя цифры голосовъ пропадаютъ напрасно, тогда какъ небольшія числа могутъ имѣть рѣшающее значеніе. Нужно поэтому, чтобы голоса меньшинства въ отдѣльныхъ округахъ относились также къ какому-нибудь имени, и чтобы за каждымъ избраннымъ кандидатомъ считалось только такое число голосовъ, какое достаточно для выбора; это достигается тѣмъ, что избиратель имѣетъ предъ собою нѣсколько именъ, которыя ставитъ въ извѣстномъ порядкѣ: когда первый кандидатъ соединилъ около себя надлежащее число голосовъ, то дальнѣйшіе голоса, поданные за него, достаются слѣдующему кандидату, и такъ далѣе. Тогда и меньшинство получаетъ своихъ представителей и „парламентъ дѣлается вѣрнымъ отраженіемъ націи“.

Противъ пропорціональнаго представительства возражаютъ обыкновенно, что сложная система выборовъ можетъ сбить съ толку избирателей. Одинъ изъ сторонниковъ проекта сэра Лёббока пожелалъ предупредить это возраженіе при помощи оригинальнаго опыта: онъ произвелъ пробные выборы въ начальной школѣ, при участіи нѣсколькихъ членовъ парламента. Избирателями были дѣти до 14-лѣтняго возраста, въ числѣ 130 мальчиковъ и 50 дѣвочекъ. Имъ

дана была краткая инструкція, съ объясненіемъ условій избранія кандидатовъ; выборы произведены были совершенно правильно, и никакихъ затрудненій или ошибокъ не оказалось. Подробный отчетъ объ этомъ опытѣ напечатанъ въ той же книжкѣ журнала, вслѣдъ за статьею сэра Лёббока. Въ скоромъ времени предполагается повторить опытъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, при участіи не менѣе 20,000 избирателей. Такимъ нагляднымъ способомъ пропагандируются улучшенія, которыя имѣютъ противъ себя силу рутины и традиціи. Современемъ усилія сэра Леббока и его единомышленниковъ увѣнчаются, быть можетъ, практическимъ успѣхомъ,—хотя подобныя реформаторскія попытки съ трудомъ пролагаютъ себѣ дорогу въ Англіи. Здоровая энергія и живой общественный духъ англичанъ не останавливаются предъ трудностями, которыя въ другихъ краяхъ отнимаютъ у людей охоту работать надъ проектами, выходящими за предѣлы частныхъ интересовъ.

Англійскіе политическіе дѣятели, каковы бы ни были ихъ личныя воззрѣніи, никогда не теряютъ изъ виду фактической почвы и не пытаются идти противъ силы вещей. Они не ослѣпляютъ себя и другихъ напрасными иллюзіями, а прямо смотрятъ въ лицо дѣйствительности, почерпая изъ нея полезные для себя уроки. Предводитель консервативной партіи, маркизъ Солсбюри, произнесъ въ Манчестерѣ рѣчь, въ которой встрѣчается замѣчательная фраза, высказанная какъ бы мимоходомъ: „безъ сомнѣнія, рабочій классъ будетъ въ значительной мѣрѣ управлять Англіею въ будущемъ“. Герцогъ Аргайль, владѣлецъ обширныхъ земель въ Шотландія, добросовѣстно и обстоятельно полемизируетъ съ Генри Джорджемъ, предлагающимъ уничтожить право частной собственности на землю. Лордъ Рандольфъ Черчиль, сынъ герцога Марльборо̀, имѣетъ болѣе общаго съ радикалами, чѣмъ съ торіями, среди которыхъ онъ занимаетъ совершенно особое независимое мѣсто. Лордъ Черчиль дѣйствуетъ настолько удачно, что одинъ изъ главныхъ оплотовъ либерализма, городъ Бирмингамъ, принимаетъ его кандидатуру въ члены парламента. Арена, прославленная краснорѣчіемъ Брайта и Кобдена, занята торійскимъ ораторомъ, который великодушно признаетъ заслуги радикальной партіи въ прошедшемъ и отрицаетъ роль ея въ будущемъ. Смѣшеніе радикализма съ торійскими принципами лежало въ основѣ политики Биконсфильда; извѣстно, что Дизраэли началъ свою карьеру въ качествѣ радикала.

Чтобы ограничить демократію, англійскіе консерваторы стараются завладѣть ея движеніемъ; они готовы допускать всякія реформы, кромѣ одной—поземельной. Министерство лорда Солсбюри было бы по всей вѣроятности столь же реформаторскимъ, какъ и кабинетъ

Гладстона. Часто споры между партіями кончаются тѣмъ, что одна изъ нихъ осуществляетъ программу другой. Гладстонъ, нападавшій такъ рѣзко на внѣшнюю политику Биконсфильда, самъ продолжалъ дѣйствовать въ томъ же родѣ, подъ вліяніемъ обстоятельствъ. Избирательная реформа 1867 года, которой добивались либералы, совершена была консервативнымъ министерствомъ Дизраэли. Принципъ и требованія различныхъ партій переплетаются между собою въ своеобразныхъ очертаніяхъ; только вліятельная передовая группа, имѣющая своимъ выразителемъ министра Чамберлёна, обладаетъ точно опредѣленною программою, частица которой усвоена и Гладстономъ.

Князь Бисмаркъ поглощенъ заботами о сокращеніи своихъ заботъ: онъ выходитъ изъ прусскаго министерства, чтобы остаться лишь имперскимъ канцлеромъ; онъ слагаетъ съ себя трудныя обязанности министра торговли и иностранныхъ дѣлъ; онъ хлопочетъ о возстановленіи прусскаго „государственнаго совѣта", для противодѣйствія бюрократизму министерствъ; онъ убѣждаетъ германскаго наслѣднаго принца принять на себя предсѣдательство въ преобразованномъ „совѣтѣ". Канцлеръ заранѣе приводитъ въ порядокъ наслѣдство, которое можетъ достаться его преемникамъ по должности. Семидесятилѣтній возрастъ, усталость отъ многолѣтнихъ трудовъ и болѣзненное состояніе—причины вполнѣ достаточныя для подготовленія заслуженнаго отдыха; но нѣмецкая публика не можетъ примириться съ мыслью, что князь Бисмаркъ руководствуется мотивами, присущими обыкновеннымъ смертнымъ, безъ таинственныхъ заднихъ мыслей. Большинство газетъ придумываетъ сложныя политическія объясненія для такого естественнаго факта, какъ желаніе престарѣлаго канцлера облегчить бремя своихъ служебныхъ обязанностей. „Сѣверо-германская газета" справедливо замѣчаетъ, что даже кончина князя Бисмарка вызоветъ, вѣроятно, глубокомысленныя догадки о томъ, съ какою цѣлью онъ умеръ, и почему онъ совершилъ это именно въ данный моментъ.

Въ былое время, въ періодъ полнаго обладанія своими физическими силами, предпріимчивый канцлеръ соединялъ въ своихъ рукахъ самыя разнообразныя функціи, изъ которыхъ каждая должна поглощать время и способности спеціальнаго дѣятеля. Въ качествѣ прусскаго министра-президента онъ взялъ на себя общее руководство дѣлами прусскаго управленія, превративъ своихъ товарищей по кабинету въ простыхъ помощниковъ, лишенныхъ самостоятельной роли; какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, онъ входитъ во всѣ детали внѣшнихъ сношеній; какъ министръ торговли, онъ слѣдитъ за эко-

номическими и коммерческими интересами Пруссіи, вырабатываетъ нужные законопроекты и защищаетъ ихъ въ прусскомъ сеймѣ; наконецъ, какъ имперскій канцлеръ Германіи, онъ олицетворяетъ собою общую политику имперіи и поддерживаетъ необходимое единство между союзными государствами; сверхъ того онъ служитъ представителемъ Пруссіи въ имперскомъ союзномъ совѣтѣ. Какъ-бы геніаленъ ни былъ человѣкъ, онъ при самомъ желѣзномъ здоровьѣ не выдержитъ долго такого необычайнаго, непрерывнаго напряженія, и рано или поздно природа возьметъ свое. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ князь Бисмаркъ хотѣлъ измѣнить свое положеніе; но всякая подобная перемѣна встрѣчаетъ большія трудности на практикѣ, пока личность канцлера сохраняетъ свое руководящее вліяніе на общій ходъ дѣлъ. Эти же трудности выступили и теперь на первый планъ. Если кто-либо будетъ назначенъ прусскимъ министромъ-президентомъ на мѣсто Бисмарка, то послѣдній окажется въ подчиненномъ къ нему отношеніи, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, а иностранная политика Пруссіи должна неизбѣжно оставаться въ его рукахъ, по общему признанію. Притомъ, гдѣ найти государственнаго человѣка, который соединялъ бы самостоятельность дѣйствій съ безусловною вѣрностью существеннымъ взглядамъ Бисмарка? Человѣкъ, независимый по характеру и убѣжденіямъ, будетъ непріятенъ канцлеру, а пассивный исполнитель не годится для высокаго поста министра-президента и нуждался бы, во всякомъ случаѣ, въ контролѣ.

Неудивительно поэтому, что предстоящія преобразованія въ составѣ прусскаго правительства вызываютъ множество толковъ въ нѣмецкой печати. Особенно интересуетъ всѣхъ вопросъ о государственномъ совѣтѣ. Для чего понадобилось канцлеру возстановлять это забытое учрежденіе, съ которыми связаны непопулярныя воспоминанія временъ прусской реакціи? Сущность проекта очевидно сводится къ тому, чтобы поставить будущихъ прусскихъ министровъ подъ надзоръ особаго собранія свѣдущихъ лицъ, назначаемыхъ королемъ. „Совѣтъ“ долженъ обсуждать законодательныя мѣры, приготовляемыя министерствомъ, прежде внесенія ихъ въ прусскую палату депутатовъ. Оффиціозные органы объясняютъ, что такое предварительное обсужденіе въ средѣ лицъ, стоящихъ внѣ бюрократіи, послужитъ гарантіею противъ односторонности бюрократическихъ проектовъ и противъ поспѣшныхъ или незрѣлыхъ предположеній. Говоря менѣе деликатно, — съ уходомъ князя Бисмарка, станутъ возможны неосновательные поступки со стороны высшей администраціи, ибо надъ нею не будетъ всевидящаго ока нынѣшняго министра-президента. Канцлеръ плохо вѣритъ въ здравый смыслъ своихъ преемниковъ и старается заранѣе окружить ихъ пожизненными совѣтниками,

раздѣляющими его воззрѣнія. Государственный совѣтъ будетъ также представлять свои заключенія королю, для того чтобы до монарха доходили не одни лишь министерскія свѣденія и взгляды. Бисмаркъ дѣлается даже либеральнымъ насчетъ своихъ замѣстителей: самъ онъ всегда устранялъ отъ императора постороннія вліянія и не любилъ критики свѣдущихъ людей. Значитъ, онъ считаетъ свою систему пригодною только для себя самого, для своего исключительнаго таланта и ума, а не для заурядныхъ министровъ,—ибо quod licet Jovi, non licet bovi.

Достигнетъ ли государственный совѣтъ предполагаемой цѣли, будетъ ли онъ полезнымъ регулирующимъ посредникомъ между короною и бюрократіею,—это другой вопросъ. Старое учрежденіе, которое думаетъ оживить князь Бисмаркъ, не принесетъ съ собою прежнихъ традицій; оно будетъ обставлено теперь совсѣмъ иначе, чѣмъ въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда не было еще парламента, не было свободы печати и сходокъ. Теперь „государственный совѣтъ" можетъ имѣть только значеніе постоянной совѣщательной коммиссіи, услугами которой министерство будетъ пользоваться по своему усмотрѣнію. Возстановленіе „совѣта" было бы, конечно, немыслимо, еслибъ для этого требовалось изданіе особаго закона: палата отвергла бы проектъ безъ долгихъ разсужденій. Ограничиться королевскимъ приказомъ было бы также неудобно, съ точки зрѣнія конституціи. Дѣло обойдется, вѣроятно, гораздо проще: прусскій „государственный совѣтъ", фактически упраздненный уже давно, не вычеркнутъ формально изъ списка государственныхъ учрежденій; многіе члены его живутъ еще и могутъ быть созваны для засѣданій, а существующіе пробѣлы въ его составѣ будутъ пополнены обычнымъ порядкомъ. Между прочимъ, въ 1854 году назначенъ былъ членомъ совѣта Бисмаркъ, бывшій тогда прусскимъ уполномоченнымъ при союзномъ сеймѣ. Въ томъ же году вступилъ въ совѣтъ наслѣдный принцъ. Назначеніе принца предсѣдателемъ должно придать совѣту авторитетъ въ глазахъ нѣмецкаго общества и администраціи. Несмотря на всѣ эти старанія, „государственный совѣтъ" не обѣщаетъ жизненности и останется излишнимъ, безсильнымъ колесомъ въ политическомъ механизмѣ, подобно тому какъ это случилось съ „народно-хозяйственнымъ совѣтомъ", на который канцлеръ въ свое время возлагалъ обширныя надежды.

Еще одинъ важный вопросъ возникъ по поводу новѣйшихъ предположеній князя Бисмарка. Въ программѣ новой „свободномыслящей" партіи заключается требованіе объ учрежденіи имперскаго министерства, отвѣтственнаго предъ парламентомъ. Этотъ пунктъ сильно напугалъ союзныя нѣмецкія правительства, такъ какъ въ немъ видѣли

отголосокъ прусскихъ притязаній, не высказываемыхъ еще оффиціально. Южно-германскія государства, имѣющія своихъ собственныхъ министровъ, утратили бы тѣнь самостоятельности, еслибы ими стали управлять министерства, засѣдающія въ Берлинѣ. Саксонія энергически протестовала въ союзномъ имперскомъ совѣтѣ противъ мысли, высказанной „свободномыслящими"; приведено было много доводовъ для доказательства того, что это было бы явнымъ нарушеніемъ условій германскаго союза, и большинство членовъ согласилось съ этимъ взглядомъ. Представители второстепенныхъ нѣмецкихъ государствъ едва ли занялись бы такъ горячо опроверженіемъ мысли объ имперскихъ министерствахъ, еслибы дѣло шло лишь о программѣ одной изъ оппозиціонныхъ партій. Весьма возможно, что рядомъ съ желаніемъ князя Бисмарка отказаться отъ участія въ прусскомъ управленіи, появились и другія теченія, касающіяся перемѣнъ въ управленіи имперіею. Союзный совѣтъ поспѣшилъ предупредить опасность, прежде чѣмъ она возникла въ дѣйствительности, и въ этомъ случаѣ Пруссія была на сторонѣ большинства.

Вѣрная союзница Германіи, Австро-Венгрія, не имѣетъ своего князя Бисмарка, и въ ней внутренніе вопросы имѣютъ національную, а не личную подкладку. Съ трудомъ поддерживается равновѣсіе между различными частями имперіи, и малѣйшая неловкость или бестактность властей производитъ замѣшательство въ положеніи дѣлъ. Изъ ничтожной повидимому причины выросло въ прошломъ году серьезное хорватское возстаніе; недавно столь же незначительный поводъ возбудилъ шумную распрю между двумя половинами монархіи — Венгріею и Цислейтаніею. Намѣстникъ нижне-австрійской области призналъ нужнымъ воспретить пропускъ венгерскаго скота въ ея предѣлы, подъ предлогомъ заразительныхъ болѣзней; такимъ образомъ вѣнскіе скотопромышленники избавились отъ неудобной для нихъ конкурренціи Пресбурга. Но торжество этихъ почтенныхъ гражданъ было непродолжительно: вся Венгрія, какъ одинъ человѣкъ, ополчилась на Вѣну за враждебное отношеніе ея къ мадьярскимъ баранамъ и послѣ энергической кампаніи добилась почетнаго мира. Довѣріе къ венгерскому скоту возстановлено, и кризисъ окончился побѣдою пештскихъ патріотовъ. Борьба велась упорно съ обѣихъ сторонъ; министръ-президентъ Тисса говорилъ твердо и рѣзко, газеты грозили разрывомъ, закипѣла старинная непріязнь, и въ концѣ-концовъ вѣнскій кабинетъ долженъ былъ уступить. Венгрія обладаетъ мужествомъ и постоянствомъ — двумя драгоцѣнными качествами, которыя доставили ей гораздо больше вѣса, чѣмъ слѣдовало

бы ей по праву, сравнительно съ прочими народностями имперіи. Политическая жилка сильно развита у мадьяръ, и потому-то они успѣшно подчиняють себѣ другія племена, особенно славянъ, которые составляють значительный контингентъ населенія въ земляхъ короны св. Стефана.

Въ сферѣ внѣшней политики нѣмцы и австрійцы сохраняютъ спокойствіе. Египетскій вопросъ, волнующій Англію и Францію, мало касается интересовъ центральной Европы. Международная конференція, предложенная лондонскимъ кабинетомъ для обсужденія финансовыхъ дѣлъ Египта, можетъ только косвенно затронуть слабыя стороны европейскаго вооруженнаго мира. Для вѣнской дипломатіи представляютъ болѣе практической важности маленькіе кризисы, возникающіе по временамъ на Балканскомъ полуостровѣ. Въ Восточной Румеліи австрійское вліяніе пустило корни, при управленіи князя Вогориди; но полномочія генералъ-губернатора кончаются въ настоящемъ году, и державы, подписавшія берлинскій трактатъ, должны высказываться за или противъ продленія полномочій Алеко-паши. Прежній правитель былъ бы оставленъ на дальнѣйшій пятилѣтній срокъ, если бъ ни одинъ изъ вліятельныхъ кабинетовъ не возражалъ противъ его вторичной кандидатуры; между тѣмъ возраженіе существуетъ со стороны Россіи. Алеко-паша, какъ говорятъ, велъ себя двусмысленно во время недавнихъ демонстрацій въ пользу возсоединенія съ Болгаріею; онъ намекалъ на внѣшнія вліянія и вообще относился недоброжелательно къ русскимъ. Однако австрійскія газеты находятъ, что русское правительство не имѣло основанія уклоняться отъ мнѣній Австріи и Германіи, если оно дорожитъ дружбою съ сосѣдями; полемическій тонъ становится все оживленнѣе, и вновь повторяются воинственныя выходки, прекратившіяся на время благодаря толкамъ о тройственномъ союзѣ. Вѣнскіе патріоты съ восторгомъ обсуждаютъ странное заявленіе эрцгерцога Альбрехта при пріемѣ офицеровъ одного прусскаго полка: австрійскій полководецъ, побѣдитель при Кустоццѣ, выразилъ надежду, что австрійскимъ войскамъ придется еще въ недалекомъ будущемъ дѣйствовать за одно съ пруссаками противъ общаго врага. Для нѣмецкихъ газетъ ясно, кто этотъ общій врагъ, — хотя для многихъ очень не ясно, почему надо было предсказывать войну между государствами, находящимися нынѣ въ полномъ мирѣ. Впрочемъ, отдаваться воинственному патріотизму удобнѣе всего въ мирное время, когда побѣдоносный пылъ удовлетворяется фантазіями. Въ этомъ смыслѣ и нужно понимать угрожающую полемику нѣкоторыхъ органовъ австрійской печати.

На ряду съ національнымъ движеніемъ въ Восточной Румеліи

обращаетъ на себя вниманіе государственный порядокъ Болгаріи,— порядокъ основанный на свободномъ развитіи народной жизни и на фактическомъ взаимномъ довѣріи между властью и населеніемъ. Князь Александръ нашелъ теперь настоящій источникъ правительственной силы: онъ перестал придумывать искусственные способы для укрѣпленія своего трона, онъ просто довѣрился народу и его выборнымъ представителямъ, пригласилъ въ свой совѣтъ лучшихъ и популярнѣйшихъ людей страны, далъ болгарамъ возможность открыто выражать свои желанія, и сразу пріобрѣлъ незыблемую опору для своей власти, казавшейся столь шаткою года два тому назадъ. Бывшіе вожди оппозиціи ратуютъ за князя и содѣйствуютъ ему въ управленіи; возникшія вновь газеты проникнуты вѣрою въ будущее и служатъ общественнымъ интересамъ съ юношескимъ увлеченіемъ. Жители Восточной Румеліи, оторванные отъ болгарскаго княжества берлинскимъ трактатомъ, невольно направляютъ свои взоры на родственную страну, достигшую дѣйствительной свободы. Народныя собранія, происходившія въ разныхъ мѣстахъ, заявляли въ болѣе или менѣе энергической формѣ стремленіе присоединиться къ Болгаріи. Князю Алексадру представляются адресы со многими тысячами подписей, относительно этого желаннаго присоединенія; достаточно какого-нибудь случайнаго толчка, чтобъ движеніе приняло неожиданные размѣры и разрослось до степени неустранимаго совершившагося факта. Вся болгарская интеллигенція соединилась около правительства, руководимаго популярными людьми, и князь Александръ сталъ громадною силою съ той минуты, какъ отдался теченію народному.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е мая, 1884.

— *А. Д. Ушинскій.* О причинахъ появленія раціоналистическихъ ученій штунды и нѣкоторыхъ другихъ подобныхъ сектъ и о мѣрахъ противъ распространенія ученія этихъ сектъ. Кіевъ, 1884.

Небольшая брошюра г. Ушинскаго содержитъ въ себѣ довольно много интересныхъ свѣденій по исторіи штундизма, особенно въ кіевской губерніи. Она подтверждаетъ еще разъ ту старую истину, что преслѣдованія за вѣру не только не достигають своей цѣли, но приводятъ, въ большинствѣ случаевъ, къ результатамъ прямо противоположнымъ. Свидѣтельство автора заслуживаетъ, въ этомъ отношеніи, тѣмъ большаго довѣрія, что онъ вовсе не сочувствуетъ штундѣ и считаетъ ея распространеніе зломъ, противъ котораго должны безотлагательно быть приняты энергичныя мѣры. Высшія духовныя власти еще недавно предлагали вести борьбу противъ штундизма чисто свѣтскими, насильственными средствами; митрополитъ кіевскій Арсеній считалъ полезнымъ удалить въ монастыри, *временно, но безсрочно* (!), всѣхъ расколовожатаевъ, а сектантовъ, по мѣрѣ надобности, переселять изъ однѣхъ мѣстностей въ другія, гдѣ удобнѣе учредить за ними надзоръ, и ограничить ихъ гражданскую правоспособность, запрещеніемъ арендованія и покупки имуществъ извѣстнаго рода. Кое-что изъ этой системы было испробовано на самомъ дѣлѣ. Одинъ изъ пропагандистовъ штунды, Яковъ Коваль, провелъ три года въ тюрьмѣ—и воспользовался этимъ временемъ для основательнаго изученія священнаго писанія. Когда онъ былъ освобожденъ изъ тюрьмы и отосланъ въ монастырь на „увѣщаніе", то на всѣ доводы въ истинѣ православія, онъ возражалъ, по словамъ г. Ушинскаго, „съ дерзкою самоувѣренностью". То же самое сообщаетъ авторъ и о другихъ штундистахъ, перенесшихъ заключеніе въ тюрьмѣ и монастырѣ; „до крайности раздраженные противъ духовенства, которое считали

единственнымъ виновникомъ всѣхъ преслѣдованій, какимъ они подвергались, могли ли они"—спрашиваетъ г. Ушинскій—„довѣрчиво относиться къ увѣщаніямъ духовныхъ лицъ?" Судя по даннымъ, приводимымъ въ брошюрѣ, южно-русскіе протестантскіе колонисты, съ своими пасторами, не принимали активнаго участія въ распространеніи штундизма. Пасторъ Бонекемпферъ, котораго считали чуть не основателемъ русской штунды, былъ переведенъ изъ одного уѣзда въ другой, въ мѣстность, отдаленную отъ русскихъ поселеній; вскорѣ послѣ того онъ вовсе оставилъ Россію—едва ли добровольно,—но это нимало не остановило успѣховъ новаго ученія. Въ кіевской губерніи, въ 1875 г., оно имѣло послѣдователей въ одномъ только уѣздѣ (таращанскомъ), въ пяти селеніяхъ — а пять лѣтъ спустя г. Ушинскій нашелъ штундистовъ уже въ 35 селеніяхъ четырехъ уѣздовъ (таращанскаго, сквирскаго, звенигородскаго и уманскаго). Положить конецъ распространенію штунды можетъ, по мнѣнію г. Ушинскаго, устраненіе причинъ, способствующихъ ея развитію—а причины эти слѣдующія: неудобопонятность многихъ мѣстъ въ церковной службѣ и несогласіе церковныхъ книгъ, особенно псалтыря, съ русскимъ переводомъ священнаго писанія; плохое чтеніе и пѣніе въ сельскихъ церквахъ; религіозное невѣжество простого народа, противъ котораго недостаточно борются священники, въ богатыхъ приходахъ увлекающіеся хозяйствомъ, въ бѣдныхъ—угнетаемые нуждою и поглощаемые заботой о пріисканіи лучшаго мѣста; злоупотребленія нѣкоторыхъ священниковъ при взиманіи платы за требоисправленія и унизительный для духовенства способъ собиранія по домамъ прихожанъ подаянія хлѣбомъ и другими продуктами; сокращеніе числа приходовъ, слабый надзоръ благочинныхъ за поведеніемъ священниковъ. Большою полнотою этотъ перечень не отличается; авторъ ограничился поверхностнымъ наблюденіемъ явленій, не проникая въ самую глубь дѣла. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только припомнить констатируемый самимъ авторомъ фактъ распространенія сектантства въ протестантскомъ населеніи Германіи, къ которому ни одна изъ вышеисчисленныхъ причинъ непримѣнима.

— *В. С. Пругавинъ*. Сельская община, кустарные промыслы и земледѣльческое хозяйство юрьевскаго уѣзда, владимірской губерніи. Москва, 1884.

Изслѣдованіе г. Пругавина подходитъ, по своему характеру и цѣли, по способу собранія и группировки матеріала, къ типу тѣхъ статистическихъ работъ, начало которымъ положило московское земство. Оно обнимаетъ собою не весь юрьевскій уѣздъ; подробно изучены авторомъ только четыре волости, но каждая изъ нихъ имѣетъ

свои особенности и представляетъ собою одну изъ полосъ, на которыя можетъ быть раздѣленъ уѣздъ по свойству почвы. Весьма любопытенъ тотъ фактъ, что изъ числа 303 общинъ, разсмотрѣнныхъ г. Пругавинымъ, передѣлъ земли, въ томъ или другомъ видѣ, совершается въ 273 (90%). Основной принципъ общиннаго землевладѣнія держится, такимъ образомъ, весьма крѣпко, хотя въ условіяхъ, расшатывающихъ общину, и здѣсь нѣтъ недостатка. Одна изъ причинъ, противодѣйствующихъ передѣламъ — малоземелье — парализуется въ юрьевскомъ уѣздѣ, до извѣстной степени, довольно значительнымъ количествомъ помѣщичьихъ земель, арендуемыхъ крестьянами (большею частью—цѣлыми крестьянскими обществами). Аренда этихъ земель играетъ, вообще говоря, видную и полезную роль въ экономической жизни юрьевскаго крестьянства. Въ противоположность общераспространенному явленію, положеніе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ въ юрьевскомъ уѣздѣ лучше положенія крестьянъ государственныхъ—и это объясняется, между прочимъ, именно тѣмъ, что первые сплошь и рядомъ арендуютъ земли бывшихъ своихъ владѣльцевъ. Въ глумовской волости, напримѣръ, душевой надѣлъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ на 1½ десятины меньше надѣла государственныхъ крестьянъ—но благодаря арендѣ, количество дѣйствительно обработываемой земли у первыхъ составляетъ на душу почти полудесятиной больше, чѣмъ у послѣднихъ. Хозяйство тѣхъ и другихъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: изъ ста домохозяевъ—бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ—обработываютъ землю лично 90, наймомъ 8, совсѣмъ не обработываютъ 2; а изъ ста домохозяевъ—государственныхъ крестьянъ—къ первой категоріи принадлежатъ 85, ко второй—12, къ третьей—три. Безлошадныхъ домохозяевъ между помѣщичьими крестьянами 10%, между государственными—14%. Арендованію помѣщичьихъ земель крестьянами много способствуетъ упадокъ помѣщичьяго хозяйства. „Существовавшія прежде въ юрьевскомъ уѣздѣ“, говоритъ г. Пругавинъ, „громадныя, на десятки верстъ тянувшіяся помѣщичьи запашки въ настоящее время все болѣе и болѣе сокращаются. Во всемъ уѣздѣ можно насчитать теперь не болѣе десяти крупныхъ помѣщичьихъ экономій, удачно устроенныхъ, имѣющихъ собственную запашку и выгоднымъ образомъ ведущихъ свое хозяйство. Да положеніе и этихъ экономій далеко нельзя назвать прочнымъ и установившимся. Всѣ мы дышемъ на ладонъ, всѣ держимся лишь до перваго хорошаго неурожая—заявлялъ мнѣ одинъ изъ авторитетныхъ сельскихъ хозяевъ юрьевскаго уѣзда“. А между тѣмъ, юрьевскій уѣздъ—одинъ изъ самыхъ плодородныхъ уголковъ центральной Россіи, съ слабо развитою фабричною промышленностью. Какъ бы то ни было, расширеніе крестьян-

скаго землевладѣнія, хотя бы путемъ аренды, несомнѣнно увеличиваетъ благосостояніе крестьянъ—и это является новымъ аргументомъ противъ тѣхъ опасеній, которыми было встрѣчено съ разныхъ сторонъ учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка.

Въ подтвержденіе того, что формы жизни, сложившіяся подъ вліяніемъ общиннаго землевладѣнія, сохранились въ юрьевскомъ уѣздѣ еще довольно хорошо, г. Пругавинъ приводитъ цѣлый рядъ фактовъ, болѣе или менѣе характеристичныхъ. Мірская самопомощь, въ видѣ помочей, не представляетъ, по мнѣнію автора, такого традиціоннаго остатка добраго стараго времени, какъ это думаютъ иные; она сохраняется даже тамъ, гдѣ общинная жизнь клонится къ упадку, подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ условій — малоземелья, широкаго развитія отхожихъ промысловъ и т. п. Ея главная цѣль—поддерживать наиболѣе слабыхъ домохозяевъ и тѣмъ гарантировать общину отъ развитія въ ней бездомовнаго и безземельнаго пролетаріата. Міръ старается помочь упавшимъ крестьянамъ снова возвыситься *на точку*, завести *табельное хозяйство*. „Весной 1881 г. въ с. Спасскомъ двѣ семьи, надѣлы которыхъ обработывались до этого времени другими, пожелали вновь сдѣлаться *табельными* земледѣльцами. Тогда міръ сдѣлалъ все, чтобы дать имъ возможность достигнуть своей цѣли. Для нихъ были собраны сѣмена, по лукошку съ дома; затѣмъ міръ устроилъ помочь и запахалъ поля этихъ семей. Въ деревнѣ Ярденихѣ у крестьянки Дарьи Михайловой есть въ семьѣ двое убогихъ. Поэтому міръ даромъ обработываетъ ей землю, которой она имѣетъ на двѣ души, и отбываетъ за ея домъ всѣ платежи и повинности". Въ той же деревнѣ міръ выстроилъ бобылю Павлову безплатно новую избу. Во многихъ селахъ міръ даетъ бобылкамъ даромъ по нѣскольку грядъ, на прокормленіе семьи. Во всѣхъ селеніяхъ старухи и калѣки имѣютъ право жить, по очереди, въ каждомъ домѣ извѣстное число дней, сообразно числу душъ въ домѣ.

— *Статистическій Ежегодникъ* С.-Петербурга на 1882 годъ. Изданіе Городской управы по статистическому отдѣленію. С.-Петербургъ, 1884.

Статистическое отдѣленіе петербургской городской управы, руководимое профессоромъ Ю. Э. Янсономъ, въ короткое время сдѣлало уже немало для изслѣдованія разныхъ сторонъ столичной жизни. Въ новомъ его изданіи особенно интересны отдѣлы, касающіеся здоровья населенія, несчастныхъ случаевъ съ людьми и начальнаго образованія. Свѣдѣнія о начальномъ образованіи показываютъ, что введеніе обязательнаго обученія въ Петербургѣ въ скоромъ времени можетъ оказаться задачей вполнѣ осуществимой. Дѣтей школьнаго воз-

раста (отъ 7 до 15 лѣтъ) въ Петербургѣ, въ 1881 г., было 108,515 (61.373 мальчика и 47.142 дѣвочки); изъ нихъ грамотныхъ было 86.619 (49.870 мальчиковъ и 36.749 дѣвочекъ), неграмотныхъ—21.896 (11.503 мальчика и 10.393 дѣвочки). Послѣдняя цифра сдѣлается менѣе страшной, если принять во вниманіе, 1) что особенно много неграмотныхъ (7376, т.-е. около $^1/_3$) между дѣтьми семи и восьми лѣтъ, т.-е. такими, которыя могутъ еще поступить въ школу; 2) что между дѣтьми 9, 10 и 11 лѣтъ сравнительно гораздо меньше неграмотныхъ (1155, 1310 и 1398), чѣмъ между дѣтьми 12, 13, 14 и 15 лѣтъ (2002, 2268, 2696 и 3103); изъ чего можно заключить о постоянномъ, изъ года въ годъ, возрастаніи числа дѣтей, обучающихся грамотѣ; и 3) что къ концу настоящаго года число городскихъ начальныхъ училищъ, а слѣдовательно и число обучающихся въ нихъ, будетъ почти въ полтора раза больше того, которое имѣлось на лицо въ 1882 г. По свѣдѣніямъ Ежегодника, въ 128 училищахъ обучалось почти 6000 человѣкъ; можно надѣяться, что въ 180 училищахъ число учащихся будетъ близко къ девяти тысячамъ. Если городъ будетъ продолжать открывать ежегодно по 25 училищъ, т.-е. увеличивать ежегодно число учащихся на 1250, приблизительно, человѣкъ, то лѣтъ черезъ 15—20, а можетъ быть и раньше, число городскихъ училищъ будетъ соотвѣтствовать числу дѣтей школьнаго возраста, нуждающихся въ этомъ способѣ обученія. Увеличеніе населенія мы не принимаемъ въ разсчетъ, потому что городскими училищами не исчерпываются средства начальнаго обученія, которыми располагаетъ столица, и ни одно изъ этихъ средствъ, по всей вѣроятности, не остается неподвижнымъ.

Всего болѣе неграмотныхъ дѣтей школьнаго возраста, какъ и слѣдовало ожидать, на окраинахъ столицы и въ тѣхъ центральныхъ ея участкахъ, гдѣ скучено бѣдное, рабочее населеніе. Всего выше процентъ неграмотныхъ (отъ 43 до 39%) въ третьемъ участкѣ нарвской части, второмъ—выборгской, и третьемъ—спасской. Изъ общаго правила есть, однако, и исключенія; такъ напримѣръ, въ петербургской части, не смотря на принадлежность ея къ числу окраинъ, процентъ неграмотныхъ, кромѣ одного только участка (третьяго), вовсе не высокъ и колеблется между $15^1/_2$ и $18^1/_2$%. Главной причиной, препятствующей посѣщенію школы или вообще ученью, нельзя считать раннюю отдачу дѣтей въ какую-нибудь работу. Изъ 6,520 неграмотныхъ мальчиковъ и 7,309 неграмотныхъ дѣвочекъ, въ возрастѣ отъ 7 до 12 лѣтъ, самостоятельный заработокъ имѣютъ только 1,540 мальчиковъ и 722 дѣвочки; всѣ остальные просто живутъ при родителяхъ и родственникахъ. Гораздо замѣтнѣе вліяніе работы на прекращеніе ученья; такъ какъ мальчики отдаются въ работу, боль-

шею частью, раньше тѣмъ дѣвочки, то первые раньше и перестають учиться. Между десятилѣтними мальчиками, напримѣръ, учащіеся составляютъ около 73%, между двѣнадцатилѣтними — около $43^1/_2$%, между четырнадцатилѣтними — около 22%; для дѣвочекъ тѣхъ же возрастовъ процентныя цифры слѣдующія: 70%, 51%, 45%. Въ городскихъ начальныхъ училищахъ дѣти младшихъ возрастовъ преобладаютъ и между мальчиками, и между дѣвочками; всего больше учащихся 9 и 10 лѣтъ, всего меньше—11 и 12 лѣтъ, а учащихся старше 12 лѣтъ въ городскихъ училищахъ не показано вовсе. Раннее окончаніе ученья, въ нуждающемся классѣ населенія—фактъ почти неизбѣжный, но тѣмъ не менѣе печальный; оставить начальную школу въ 10—11 лѣтъ—далеко не то же самое, съ точки зрѣнія прочности пріобрѣтенныхъ знаній, что оставить ее въ 13—14 лѣтъ, и рецидивъ невѣжества весьма возможенъ для многихъ.—К. К.

— Записка объ основаніяхъ дѣятельности и проектъ устава Историко - Этнографическаго музея въ г. Ростовѣ ярославской губерніи. *А. И. Кельсіева.* Москва, 1884. Изданіе А. А. Титова.

Въ октябрѣ прошлаго года, въ г. Ростовѣ ярославской губерніи открытъ былъ историко-этнографическій музей съ цѣлью собиранія остатковъ древности и предметовъ народнаго быта. Помѣщеніе для музея нашлось въ такъ называемой „бѣлой палатѣ", въ знаменитомъ своей старой архитектурой бывшемъ митрополичьемъ домѣ, который самъ по себѣ составляетъ интересный археологическій памятникъ. Только-что открытый музей еще не успѣлъ, конечно, вполнѣ организовать ни самаго собранія, ни своей будущей дѣятельности; этимъ предметамъ и посвящена записка г. Кельсіева, хранителя московскаго музея прикладныхъ знаній, извѣстнаго писателя и практическаго работника по русской археологіи и этнографіи, слѣдовательно вполнѣ компетентнаго судьи въ такомъ вопросѣ. Ростовскимъ музеемъ завѣдуетъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ ярославскаго губернатора, и этому послѣднему представлена была записка г. Кельсіева, заключающая въ себѣ предположенія о дальнѣйшемъ собираніи и наилучшемъ распредѣленіи коллекціи и о такомъ устройствѣ музея, при которомъ онъ всего лучше могъ бы исполнять двоякое назначеніе подобныхъ учрежденій — спеціально археологическое и обще-образовательное. Авторъ дѣйствительно даетъ много полезныхъ практическихъ указаній и о томъ, какъ могутъ быть увеличены коллекціи музея однимъ возбужденіемъ общественнаго интереса къ этому дѣлу, и о томъ, какъ должны быть располагаемы и хранимы самые предметы съ наибольшей пользой для ученыхъ изслѣдователей и для

обыкновенныхъ посѣтителей. Наши музеи, даже и самые богатые, часто страдаютъ немалыми недостатками въ этомъ послѣднемъ отношеніи. „Удовлетворить любознательность посѣтителей, — говоритъ г. Кельсіевъ,—даже возбуждать ее всякими благими средствами, и вносить черезъ приходящихъ, лучшихъ изъ публики людей, просвѣщеніе въ массу темнаго народа, быть вольнымъ училищемъ для взрослыхъ, которые пожелали бы выбиться изъ своего невѣжества— вотъ обязанность и одна изъ главнѣйшихъ цѣлей существованія музея.—Научный музей, ограничивающійся только ролью разстановки и храненія поступившихъ предметовъ, при всей даже красотѣ и систематичности своего убранства, будетъ факторъ просвѣщенія очень слабый, полезный лишь тѣмъ избраннымъ, которые вообще могутъ обойтись и безъ музея. Видъ такихъ музеевъ, дремлющихъ по отсутствію человѣческой энергіи, весьма печаленъ, ибо свидѣтельствуетъ о невниманіи завѣдующихъ къ нуждамъ народнаго просвѣщенія, о неразвитости ихъ *гражданскаго смысла*. Завѣдующіе ссылаются, обыкновенно, на равнодушіе публики, на недостатокъ средства, на правительственныя стѣсненія. Они, однако, умѣютъ устраивать въ музеѣ, вспышки показной жизни во время пріѣзда какого-либо высокопоставленнаго лица, для коего приготовляются и устныя толкованія, и пояснительныя книжки, и временныя выставки, и лицо, получивъ отъ музея много полезныхъ свѣдѣній, уѣзжаетъ—ошибочно увѣренное, что музей приноситъ подобную пользу каждому. Но объ тѣхъ же удобствахъ для неименитыхъ посѣтителей никто не заботится; побывавши въ музеѣ, послѣдніе оставляютъ его неудовлетворенные, съ иными впечатлѣніями. Равнодушный къ обществу, музей замираетъ самъ подъ общественнымъ равнодушіемъ. Грустные примѣры сему есть и въ провинціяхъ, и въ столицахъ".

Эти замѣчанія совершенно справедливы, и авторъ „записки" указываетъ цѣлый рядъ способовъ, которыми могла бы быть устранена эта нынѣшняя безжизненность многихъ нашихъ музеевъ, и которые, напротивъ, могли бы сдѣлать музей средоточіемъ умственной жизни скромнаго провинціальнаго уголка и вмѣстѣ ввести его въ кругъ научно-литературной дѣятельности по русской старинѣ и современной этнографіи. Такими способами могутъ служить: точное описаніе собраній музея, наибольшее облегченіе его осмотра посѣтителями, устройство образовательныхъ чтеній въ его помѣщеніи, возможное сближеніе съ умственными интересами мѣстнаго общества и возбужденіе этихъ интересовъ, въ чемъ мѣстному музею могли бы много помочь связи съ столичными учрежденіями подобнаго рода, какъ московскій музей прикладныхъ знаній, петербургскій педагогическій музей, комитетъ грамотности, коммиссія народныхъ чтеній и т. п.

Наконецъ авторъ записки дѣлаетъ соображенія и объ обезпеченіи матеріальныхъ средствъ для поддержанія и дальнѣйшаго развитія музея.

Нельзя не отдать полной справедливости какъ дѣльнымъ совѣтамъ г. Кельсіева, такъ и прекрасному чувству заботы о поднятіи образовательныхъ интересовъ въ мѣстномъ провинціальномъ обществѣ, которые дѣйствительно остаются слишкомъ забыты. Дѣло это гораздо болѣе важно, чѣмъ обыкновенно представляютъ. Вопросъ идетъ не объ одной спеціальной археологіи, которая всегда, конечно, можетъ занимать только немногихъ спеціалистовъ и любителей, но также о гораздо болѣе широкихъ нуждахъ общественнаго и народнаго образованія. Давно раздаются жалобы на отсутствіе образовательныхъ интересовъ въ массѣ нашего общества, на отсутствіе всякой нравственной связи между высшими классами и народной массой, на безжизненность нашей народной школы, которая не можетъ даже предохранить своихъ питомцевъ отъ рецидивовъ безграмотности, на крайнее равнодушіе и народной массы, и людей образованныхъ къ сохраненію мѣстной старины и т. д. Нѣтъ сомнѣнія, что такое устройство мѣстныхъ музеевъ, какое г. Кельсіевъ рекомендуетъ для Ростова, могло бы быть полезно и во множествѣ другихъ мѣстъ; подобные музеи могли бы служить въ высшей степени полезнымъ учрежденіемъ, гдѣ нашла бы себѣ нѣкоторую опору любознательность, которой такъ легко заглохнуть въ провинціальныхъ захолустьяхъ. При нынѣшнемъ положеніи народнаго просвѣщенія, несомнѣнно пропадаетъ отъ недостатка умственной пищи не мало прекрасныхъ силъ, которыя въ иныхъ условіяхъ могли бы съ пользой послужить интересамъ своей мѣстной родины. Съ другой стороны, провинціальные музеи чрезвычайно помогли бы развитію мѣстной исторіи, въ которой теперь чувствуется все болѣе сильная потребность. Чѣмъ больше настаиваютъ теперь на необходимость изученія народа, тѣмъ больше надобно желать, чтобы понята была необходимость расширенія историческихъ и этнографическихъ изслѣдованій на мѣстѣ. Никакой самый ревностный ученый не въ состояніи обнять одинъ того громаднаго матеріала, который представляется стариной и современными обычаями нашего народа, разсѣяннаго на такой громадной географической территоріи. Русская наука потратила не мало трудовъ на то, чтобы овладѣть этимъ матеріаломъ; но не нужно много объясненій, чтобы увѣриться, что сдѣланнаго до сихъ поръ крайне недостаточно; цѣлыя области остаются неизслѣдованными, почти абсолютно нетронутыми. Еще недавно сдѣланы были настоящія открытія въ области русской этнографіи, и ничто не говоритъ, чтобы подобныя открытія были невозможны и впредь, и такимъ образомъ

можемъ ли мы считать уже теперь рѣшенными вопросы о характерѣ русскаго народа, его желаніяхъ и потребностяхъ, о типѣ его жизни и т. п., а особенно рѣшать ихъ въ извѣстномъ мистическомъ вкусѣ? Для успѣха самой русской науки нужны были бы десятки такихъ учрежденій, какъ ростовскій музей въ его устройствѣ, проэктированномъ въ запискѣ г. Кельсіева. Этихъ десятковъ мы, конечно, дождемся очень не скоро. Пожелаемъ, по крайней мѣрѣ, успѣха тому, что̀ начато въ Ростовѣ для ростовскаго края.

— Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона. Составилъ, по оффиціальнымъ документамъ, *Н. Гиббенетъ*. Часть вторая. Спб. 1884.

Два года тому назадъ, мы отмѣтили въ „Литературномъ Обозрѣніи" первую часть изслѣдованія г. Гиббенета; теперь вышла вторая часть этой книги—огромный томъ, больше 1100 страницъ, въ числѣ которыхъ около 600 страницъ занято приложеніями изъ разнаго рода документовъ, относящихся къ дѣлу патріарха Никона. Поводомъ къ составленію этого труда было то, что въ историческихъ изложеніяхъ дѣла Никона было до сихъ поръ много неяснаго и неточнаго, между прочимъ и въ изложеніи Соловьева, въ XI томѣ „Исторіи Россіи". Соловьевъ пользовался документами государственнаго архива, но, какъ объясняетъ г. Гиббенетъ, въ изложеніи Соловьева остается много недосказаннаго и неточно переданнаго. Такъ, напр., изъ писемъ Никона онъ выбираетъ то, что̀ могло служить къ обличенію патріарха въ суровости, властолюбіи и т. п.; между тѣмъ какъ пропущено то, чѣмъ высказывалось его смиреніе, желаніе мира и успокоенія церкви. Мы упоминали прежде другое обстоятельство, которое препятствовало точности изслѣдованія: дѣло въ томъ, что столбцы документовъ, когда занимался ими Соловьевъ, были перебиты и иногда совсѣмъ неправильно склеены: оттого при бѣгломъ чтеніи столбцовъ и въ самомъ изложеніи была спутана дѣйствительная послѣдовательность событій. Надо было, слѣдовательно, привести въ порядокъ самые источники, правильно собрать отдѣльные документы, опредѣлить ихъ время, привести ихъ въ хронологическую послѣдовательность и т. д. Этотъ кропотливый и долгій трудъ былъ исполненъ авторомъ настоящаго изслѣдованія, который имѣлъ такимъ образомъ возможность исправить ошибки прежнихъ историковъ, напр., кромѣ Соловьева, также ошибки въ послѣднемъ изслѣдованіи покойнаго митрополита Макарія, въ XII томѣ „Исторіи русской церкви", изданномъ послѣ его смерти. Особенную заслугу г. Гиббенета составляетъ изданіе большой массой подлинныхъ документовъ, гдѣ исторію дѣла патріарха Никона можно слѣдить шагъ за шагомъ.

Авторъ ограничивается своей спеціальной задачей, исторіей процесса, и не входитъ въ изслѣдованіе общаго историческаго вопроса о значеніи личности и дѣятельности знаменитаго патріарха; но вообще, авторъ склоненъ брать его подъ свою защиту противъ обвиненій въ суровости, самовластіи, и старается оправдать личный характеръ Никона и объяснять иные рѣзкіе его поступки характеромъ самаго времени, чего, конечно, и не слѣдуетъ упускать изъ виду.—А. Н.

ЗАМѢТКА.

Новая книга о Мишле.

J. Michelet. Ma jeunesse. Paris, 1884.

Біографія знаменитаго историка, отчасти написанная имъ самимъ, отчасти составленная его вдовою, на основаніи его замѣтокъ и другого собраннаго имъ матеріала, посвящена молодежи; ея эпиграфомъ служатъ слова: „à ceux qui veulent devenir des hommes“. Книга оказывается достойной этого эпиграфа; она производитъ ободряющее, освѣжающее впечатлѣніе. Въ дѣтствѣ, въ первой молодости, Мишле перенесъ очень многое — и вышелъ изъ всѣхъ испытаній не холоднымъ стоикомъ, не озлобленнымъ, ожесточеннымъ мизантропомъ, а человѣкомъ, глубоко чувствующимъ и сочувствующимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ полнымъ энергіи и жизненной силы. Отецъ Мишле былъ сначала наборщикомъ, потомъ хозяиномъ типографіи; его вывела въ люди мимолетная свобода печати, ознаменовавшая собою промежуточную эпоху между революціоннымъ терроромъ и Наполеоновскимъ деспотизмомъ. Черные дни, наступившіе для французской прессы вслѣдъ за 18-мъ брюмера, довели семью Мишле до крайней бѣдности; послѣднія вспышки произвола, все болѣе и болѣе граничившаго съ безуміемъ, разорили ее въ конецъ, оставили ее на время безъ всякихъ средствъ къ существованію. Будущему историку не было еще двухъ лѣтъ, когда сокращеніе числа періодическихъ изданій—одно изъ самыхъ раннихъ консульскихъ распоряженій—нанесло первый ударъ типографскому промыслу. Типографія Мишле печатала въ это время военную газету: „Courrier des armées“; правительство

присвоило себѣ монополію извѣстій, касающихся войска. Попытка замѣнить одно дѣло другимъ, военную газету—духовною, не удалась; разрѣшеніе сначала было дано, но потомъ взято назадъ и предоставлено племяннику одного изъ министровъ. Мишле напечаталъ и издалъ какой-то романъ — все изданіе было конфисковано безъ суда, по просьбѣ задѣтаго въ немъ вліятельнаго человѣка. Не удивительно, что за этими неудачами послѣдовалъ рядъ другихъ; преслѣдованія администраціи, въ связи съ невыгодными сдѣлками, въ которыя вовлекъ бѣдствующаго типографщика мошенникъ-ростовщикъ, довели Мишле-отца до долговой тюрьмы. Возвратясь на свободу, онъ работаетъ въ своей типографіи какъ простой наборщикъ, учитъ тому же ремеслу своего старика—отца, своего ребенка—сына, въ рѣдкія минуты досуга пишетъ романъ, сочиняетъ романсы. Декретъ 1812 г., уничтожившій однимъ почеркомъ пера всѣ мелкія типографіи, полагаетъ конецъ этой лихорадочной дѣятельности. Семьѣ Мишле и прежде случалось страдать отъ голода и холода; теперь и то, и другое становится на нѣсколько лѣтъ ея нормальнымъ состояніемъ. Здоровье матери писателя, давно уже слабое, быстро клонится къ упадку; ей нужна укрѣпляющая пища — а дома не всегда есть кусокъ хлѣба. Лишенія всякаго рода тяжело отзываются на организмѣ маленькаго Жюля, безъ того уже нервномъ, раздражительномъ. Единственный сынъ, онъ растетъ безъ товарищей, почти безъ игръ, подъ крыломъ матери, нѣжной, но склонной къ меланхоліи, вѣчно погруженной въ печальныя мысли. Его поддерживаетъ веселый нравъ отца, не унывающаго среди самыхъ трудныхъ обстоятельствъ, поддерживаетъ также раннее развитіе воображенія, мечтательности, любви къ чтенію. Семи лѣтъ онъ составляетъ планъ трагедіи; немногимъ позже онъ начинаетъ чувствовать страсть къ исторіи, подъ вліяніемъ посѣщеній историческаго музея. Способности его, замѣченныя родителями, составляютъ для нихъ предметъ гордости и вмѣстѣ съ тѣмъ надежды. Какъ ни важна его помощь въ бѣдной отцовской типографіи, его посылаютъ сначала въ частную латинскую школу, потомъ въ одинъ изъ парижскихъ лицеевъ. Онъ поступаетъ туда неохотно, подавленный сознаніемъ бѣдности, застѣнчивый, неловкій, заранѣе предназначенный быть мишенью для товарищескихъ насмѣшекъ. „Если я такъ живо могъ понять“,—читаемъ мы въ біографіи Мишле,—„мрачное однообразіе среднихъ вѣковъ, это ожиданіе безъ надежды, безъ желаній, или съ однимъ только желаніемъ смерти, то я обязанъ этимъ всему пережитому мною въ послѣдніе годы имперіи. Мое личное положеніе такъ полно гармонировало съ этой печальной эпохой, что никто больше меня не чувствовалъ ея тяжесть. Несмотря на мою молодость, я испытывалъ на себѣ дѣйствіе тоски,

которою была проникнута тогдашняя атмосфера... Прикованный къ своей наборной кассѣ, въ подвальномъ этажѣ, куда едва проникало солнце, я узналъ, что̀ значитъ безконечная, скучная работа; я могъ представить себѣ по опыту ощущенія еврея, строющаго пирамиды, ощущенія средневѣковаго крестьянина, пашущаго землю въ тѣни феодальной башни; я понялъ страданіе, понялъ усилія воли". Съ такимъ прошедшимъ за плечами, четырнадцатилѣтній Мишле не могъ ужиться сразу среди школьнаго населенія, принадлежавшаго, большею частью, къ достаточнымъ семействамъ. Самая подготовка его была иная, чѣмъ у большинства; привычкой къ труду, къ самостоятельнымъ занятіямъ, онъ превосходилъ, можетъ быть, всѣхъ своихъ соучениковъ, но ничего не зналъ въ той системѣ, которой требовала школа. Отсюда медленность, съ которою онъ пробивался впередъ. Очутиться однимъ изъ послѣднихъ въ классѣ ему было тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ бо̀льшаго ожидала отъ него семья, лишавшая себя необходимого, лишь бы только онъ могъ получить образованіе. Приготовленіе самаго простого греческаго урока стоило ему цѣлыхъ часовъ; онъ долженъ былъ бороться, безъ посторонней помощи, не только съ трудностями языка, но и съ физическою слабостью—послѣдствіемъ постояннаго недоѣданья. Въ одну изъ такихъ минутъ, когда къ личнымъ его невзгодамъ присоединилась, въ добавокъ, и общая — союзники стояли въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Парижа — Мишле почувствовалъ въ себѣ живѣе чѣмъ когда-нибудь присутствіе силы, достаточной для завоеванія будущаго. Главнымъ источникомъ этой силы служили его любимые латинскіе авторы—Тибуллъ, Горацій, въ особенности Виргилій; онъ называетъ ихъ друзьями, въ обществѣ которыхъ онъ забывалъ людскую мелочность и злобу, опять становился мягкимъ, добродушнымъ. Чтеніе ихъ было почти единственнымъ удовольствіемъ, которое онъ позволялъ себѣ въ праздничные дни. Иногда онъ гулялъ по окрестностямъ Парижа, чтобы набрать травы для козы, молокомъ которой питалась его больная мать; иногда коза паслась, подъ его присмотромъ, въ глухой улицѣ, гдѣ они тогда жили, а онъ читалъ въ это время трагедіи Расина, прислушиваясь къ отдаленнымъ звукамъ бальнаго оркестра. Бюффона и Боссюэ онъ изучалъ съ цѣлью овладѣть изящнымъ слогомъ; по части исторіи настольными его книгами были Ролленъ и Тацитъ. Вкусъ его къ исторіи, впрочемъ, въ это время нѣсколько ослабѣлъ и пробудился съ новою силой лишь года два или три спустя, благодаря первой его поѣздкѣ въ провинцію и знакомству съ лѣтописями края.

Рѣдкое прилежаніе Мишле помогло ему побѣдить предубѣжденіе, съ которымъ относились къ нему сначала его учителя; вслѣдъ за-

тѣмъ они признали въ немъ и дарованіе, особенно литературное, и изъ послѣднихъ рядовъ онъ прямо перешелъ въ первые. Въ одномъ изъ старшихъ классовъ лицея преподавателемъ былъ Виллыменъ, уже тогда пользовавшійся извѣстностью; читая всему классу сочиненіе Мишле, удавшееся ему лучше обыкновеннаго, профессоръ сошелъ съ каѳедры и сѣлъ подлѣ ученика, какъ равный подлѣ равнаго. Это было только предисловіемъ къ еще большему торжеству. На публичномъ конкурсѣ 1816 г., Мишле получилъ три награды; его французская рѣчь обратила на себя вниманіе министровъ и сдѣлалась популярной въ средѣ молодежи. Мать Мишле не дожила, къ несчастію, до этого дня, такъ блистательно оправдавшаго ея надежды; она умерла еще въ 1815 г. Положеніе семьи вскорѣ послѣ того нѣсколько измѣнилось къ лучшему, благодаря скромному мѣсту, которое отецъ Мишле получилъ въ одной изъ частныхъ парижскихъ лечебницъ. Окна квартиры, отведенной ему вмѣстѣ съ сыномъ, выходили на Jardin des plantes—и здѣсь молодой Мишле, выросшій въ темныхъ и сырыхъ улицахъ стараго Парижа, въ первый разъ испыталъ на себѣ благодѣянія чистаго воздуха и солнца. Здѣсь же онъ въ первый разъ полюбилъ, глубокою, чистою юношескою любовью, описаніе которой принадлежитъ къ числу лучшихъ страницъ біографіи. Легкой и веселой его жизнь не была и теперь; не имѣя возможности, за недостаткомъ средствъ, поступить въ Нормальную школу, не умѣя и не желая хлопотать, просить, напоминать о себѣ, онъ не нашелъ ничего лучшаго, несмотря на своя лицейскіе лавры, какъ мѣсто репетитора исторіи и философіи въ частномъ пансіонѣ, за ничтожное вознагражденіе (60 франковъ въ мѣсяцъ). Въ теплое время ежедневныя утреннія путешествія въ другой конецъ Парижа (Мишле обязанъ былъ являться въ пансіонъ къ шести часамъ утра) не были лишены прелести, тѣмъ болѣе, что они совершались съ книгой въ рукахъ; но осенью и зимой картина перемѣнялась. Вставанье до свѣту, въ нетопленной комнатѣ, напоминало былые годы; руки Мишле по прежнему покрывались трещинами отъ холода. На улицахъ бывало темно, скользко; чтобы подняться по одной изъ нихъ, шедшей въ гору, Мишле приходилось иногда снимать сапоги и идти чуть не босикомъ. Упорный трудъ примирялъ девятнадцатилѣтняго учителя со всѣми неудобствами его положенія, позволялъ ему переносить терпѣливо даже вынужденную разлуку съ любимой дѣвушкой. „Умственныя страсти поглотили мою молодость". Этими словами Мишле резюмировалъ когда-то первое десятилѣтіе своей самостоятельной жизни. Необходимость учить другихъ заставляла его усиленно работать надъ самимъ собою; преподаваніе его уже въ то время возвышалось надъ общимъ уровнемъ и оставляло неизгладимые слѣды въ

умѣ слушателей. Въ безвѣстномъ, скромномъ репетиторѣ медленно созрѣвалъ великій профессоръ и писатель.

Рожденный въ революціонную эпоху, Мишле не былъ крещенъ и воспитывался внѣ всякой оффиціальной религіи, но не чуждымъ вѣрѣ. Первыя ея сѣмена были брошены въ душу мальчика чтеніемъ „Подражанія Христу"; позже она росла въ немъ подъ вліяніемъ Виргилія, еще позже—подъ вліяніемъ Руссо. Католическая реакція временъ реставраціи побудила Мишле креститься, на восемнадцатомъ году отъ роду—но католикомъ въ душѣ онъ не былъ никогда; его христіанство имѣло скорѣе протестантскій характеръ. „Прочностью и твердостью религіознаго чувства", говоритъ Мишле, „я обязанъ именно тому, что меня никогда методически не обучали религіи; у многихъ моихъ товарищей, наоборотъ, соблюденіе обрядовъ культа совмѣщалось съ сухимъ, безплоднымъ скептицизмомъ". На развитіе политическихъ убѣжденій Мишле всего больше повліяли также сочиненія Руссо. Вредъ, причиненный Наполеономъ семьѣ Мишле, ласковый пріемъ, встрѣченный юношей со стороны министровъ Людовика XVIII-го, легко могли сдѣлать его роялистомъ; но, враждебный имперіи, онъ былъ только равнодушенъ къ Бурбонамъ. Первый томъ біографіи заканчивается 1818-мъ годомъ; слѣдующія ея части, обработанныя тою же любящею рукою, будутъ представлять по всей вѣроятности, еще больше интереса.

А—въ.

ЦИРКУЛЯРНОЕ ПИСЬМО И. С. ТУРГЕНЕВА,

съ „Проектомъ программы Общества для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія".

(1860 г.)

Отъ редакціи.—Алексѣй Дмитріевичъ Галаховъ обязательно предоставилъ въ наше распоряженіе копію, хранившуюся въ его бумагахъ, съ циркулярнаго письма И. С. Тургенева, которое было обращено, лѣтъ двадцать пять тому назадъ, къ нему и къ редактору „Отечественныхъ Записокъ" того времени, А. А. Краевскому, съ приложеніемъ „Проекта программы общества распространенія грамотности и первоначальнаго образованія", составленнаго, какъ видно изъ самаго письма, Тургеневымъ, при участіи встрѣтившихся съ нимъ

случайно за границею соотечественников [1]). Къ біографіи Тургенева этотъ любопытный документъ присоединитъ еще новую и весьма симпатичную черту его характера, которая, впрочемъ, составляла главную основу всей его литературной дѣятельности, столько же художественной, сколько и просвѣтительной. Въ тоже время этотъ документъ носитъ на себѣ ясные слѣды того восторженнаго оживленія и готовности къ труду на пользу общую, какими отличалась вообще вторая половина 50-хъ и начало 60-хъ годовъ предшествующей намъ эпохи. Въ концѣ 50-хъ годовъ Тургеневъ жилъ, какъ извѣстно, въ Римѣ, и, вѣроятно, тамъ былъ составленъ и этотъ проектъ, вмѣстѣ со многими другими, въ которыхъ онъ также принималъ дѣятельное участіе. Въ Римѣ тогда жило много русскихъ; тамъ находились въ то время и князь Черкасскій, и Я. И. Ростовцевъ, и В. П. Боткинъ; намѣреніе правительства приступить къ освобожденію крестьянъ интересовало всѣхъ и повсюду; во многихъ кружкахъ озабочивались мыслью о необходимости оказать правительству въ такомъ дѣлѣ всяческое содѣйствіе, и русская колонія въ Римѣ съ своей стороны напала на мысль о пользѣ основать періодическое изданіе, которое имѣло бы своимъ предметомъ исключительно разработку крестьянскаго вопроса, съ цѣлью подготовить умы къ болѣе легкому воспринятію великой реформы, задуманной правительствомъ. Записку къ проекту такого изданія писалъ также Тургеневъ; намъ не извѣстна судьба ея, но остается, тѣмъ не менѣе, любопытнымъ тотъ фактъ, что, какъ оказывается, авторъ „Записокъ Охотника“, пытался выступить и на публицистическую арену, для практическаго содѣйствія къ осуществленію той мысли, которая лежала въ основѣ его художественнаго творчества. Съ мыслью объ освобожденіи крестьянъ должна была тѣсно связываться въ умахъ современниковъ той замѣчательной эпохи необходимость одновременной заботы объ образованіи народныхъ массъ, которымъ предстояло вскорѣ, съ 1861 г., стать на собственныя ноги и вести самостоятельно какъ хозяйство, такъ и всѣ свои мѣстныя дѣла, наравнѣ съ другими сословіями государства, давно и далеко опередившими его въ образованіи и умственномъ развитіи. Потому-то надобно думать, что и проектъ „Общества для распространенія грамотности“ былъ составленъ въ ту-же эпоху и въ томъ же кружкѣ русскихъ, проживавшихъ въ Римѣ, въ концѣ 50-хъ годовъ.

[1]) А. Д. Галаховъ получилъ упомянутыя копіи при слѣдующемъ письмѣ отъ А. А. Краевскаго: „Я получилъ отъ Тургенева на мое и твое имя письмо и программу затѣваемаго имъ общества. Подлинныя письмо и программу оставилъ я у себя, а для тебя велѣлъ списать прилагаемыя у сего копіи. 21 сентября 1860 г.“.

Вотъ самый текстъ циркулярнаго письма Тургенева и составленнаго имъ проекта:

Циркулярно.—Андрею Александровичу Краевскому и Алексѣю Дмитріевичу Галахову.

Мм. Гг. Изъ прилагаемаго при семъ проекта програмы „Общества для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія"—вы усмотрите цѣль моего письма къ вамъ. Эта программа составлена при участіи и съ согласія нѣсколькихъ русскихъ, случайно съѣхавшихся въ одномъ заграничномъ городѣ — и представляетъ только первоначальныя черты будущаго устройства Общества. Надѣюсь, что вы одобрите мысль, которая лежитъ ей въ основаніи, и захотите посвятить ей и собственныя размышленія, и бесѣды съ друзьями. Я бы почелъ себя счастливымъ, еслибы ко времени моего возвращенія въ Россію (весной 1861 года), предлагаемая мысль получила обработку, достаточную для приведенія ея въ исполненіе. Обращаясь къ вамъ, я не нуждаюсь въ громкихъ словахъ: я и безъ того увѣренъ, что вы охотно согласитесь принять участіе въ дѣлѣ подобной важности, или, по крайней мѣрѣ, выразите свое воззрѣніе на него. Я увѣренъ также, что вы не откажетесь распространять списки прилагаемой программы. Предпріятіе наше касается всей Россіи; намъ нужно знать, по возможности, мнѣніе всей Россіи, о чемъ съ искренней благодарностью получилъ бы я всякое возраженіе или замѣчаніе. Мой адресъ: Парижъ, poste restante. — Остаюсь съ сердечнымъ и полнымъ уваженіемъ, преданный вамъ—

И. Тургеневъ.

Парижъ, 15 сентября 1860 г.

ПРОЕКТЪ

програмы „Общества для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія.

Есть факты, очевидная полезность которыхъ до того несомнѣнна, что не нуждается ни въ какихъ доказательствахъ. Къ такимъ фактамъ принадлежитъ необходимость распространенія грамотности и элементарныхъ общеполезныхъ свѣденій въ Россіи. Эта необходимость чувствуется всѣми: и правительствомъ, которое, между прочими заботами, клонящимися къ просвѣщенію нашего отечества, печется также о распространеніи грамотности въ полкахъ, и частными людьми, заводящими школы—воскресныя, городскія и сельскія, и другими лицами, занимающимися изданіемъ дешевыхъ книгъ и сборниковъ для народа. Всѣ эти стремленія благотворны и достойны полнаго сочувствія: но они разрознены, часто неясны, не имѣютъ достаточнаго обезпеченія—ни вещественнаго, ни нравственнаго—а потому слабы и подвержены всѣмъ невыгодамъ случайныхъ

стремленій. Намъ кажется, что настало время собрать во-едино, направить къ опредѣленной ясной цѣли всѣ эти отдѣльныя силы, замѣнить частныя, всегда болѣе или менѣе неудовлетворительныя попытки, совокупнымъ, обдуманнымъ дѣйствіемъ всѣхъ образованныхъ русскихъ людей—однимъ словомъ, свести въ это благое дѣло могущество единодушныхъ дружныхъ усилій и свѣтосознательной мысли. Проникнутые этимъ убѣжденіемъ, мы предлагаемъ основать „Общество для распространенія грамотности и первоначальнаго образованія".

Мы твердо уповаемъ на разумный привѣтъ со стороны всѣхъ сословій нашего народа, а также на сочувствіе и покровительство самого правительства. Мы являемся передъ нимъ въ видѣ его помощниковъ въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія; мы желаемъ придать устройство и организацію разрозненнымъ, часто ему самому неизвѣстнымъ общественнымъ силамъ; мы подвергаемъ ихъ и себя его постоянному контролю. Обучая грамотности тѣхъ самыхъ людей, которыхъ оно освобождаетъ, мы продолжаемъ его дѣло; мы также освобождаемъ ихъ отъ другого рабства—отъ рабства невѣжества.

Прежде всего мы должны объявить, что наше общество не имѣетъ и не можетъ имѣть цѣлью воспитаніе народа: такое дѣло превышаетъ силы какого бы то ни было общества. Мы не имѣемъ подобныхъ притязаній; мы намѣрены строго ограничиться однимъ первоначальнымъ, элементарнымъ обученіемъ; мы желаемъ распространенія грамотности въ тѣсномъ ея смыслѣ. Заводить какъ можно болѣе школъ—пропускать какъ можно болѣе лицъ сквозь эти школы—прибавимъ—въ наивозможно кратчайшее время (что, конечно, никакъ не должно мѣшать основательности получаемыхъ свѣдѣній)—вотъ въ чемъ должна состоять задача нашего общества. Другими словами: мы должны стараться развести какъ можно болѣе лицъ, умѣющихъ читать, писать, знающихъ Законъ Божій, первыя правила ариѳметики и имѣющихъ самыя первоначальныя свѣдѣнія въ исторіи и географіи. Для достиженія этой цѣли, общество:

a) само заводитъ школы;

b) входитъ въ сношенія со всѣми лицами, желающими заводить школы; предлагаетъ имъ свое дѣятельное участіе (въ особенныхъ, комитетомъ общества опредѣляемыхъ случаяхъ, помогаетъ денежными пособіями), сообщаетъ имъ по возможно-уменьшеннымъ цѣнамъ необходимыя руководства, а также всѣ добытыя опытомъ педагогическія и экономическія свѣдѣнія;

c) само издаетъ эти руководства, а также и другія сочиненія для первоначальнаго чтенія, перечень которыхъ будетъ представленъ ниже;

d) издаетъ „Ежемѣсячный Вѣстникъ", который, помѣщая на

своихъ страницахъ предложенія и пожертвованія членовъ, ихъ поименный списокъ, отчетъ о школахъ, объявленія о новыхъ изданіяхъ и мѣрахъ—словомъ, ограничиваясь преимущественно одними статистическими данными, касающимися дѣла распространенія грамотности, будетъ служить какъ бы оффиціальнымъ органомъ дѣятельности общества [1]), и—

е) предоставляетъ себѣ, при развитіи своихъ трудовъ, право заводить дешевые кабинеты для чтенія, въ которыхъ, кромѣ собственныхъ изданій общества, будутъ находиться только такія сочиненія, строго элементарный характеръ которыхъ будетъ соотвѣтствовать постоянной и неизмѣнной цѣли нашихъ усилій.

Мы не намѣрены входить въ подробныя объясненія того, какимъ образомъ будутъ устроены школы общества, назначенныя, какъ это явствуетъ изъ самой сущности дѣла, для однихъ приходящихъ лицъ обоего пола и всѣхъ сословій. Скажемъ только, что устройство школъ будетъ, по мѣрѣ возможности, просто, несложно, дешево; что все въ нихъ будетъ доступно контролю общества, гласности, правительства. При составленіи устава нашего общества, а еще болѣе при составленіи необходимыхъ инструкцій о самыхъ способахъ обученія и распространенія грамотности, всѣ подобные вопросы будутъ разработаны съ надлежащею зрѣлостью; ничего не будетъ оставлено безъ вниманія, мы воспользуемся и богатствами другихъ странъ, опередившихъ насъ на поприщѣ общественной педагогики, и трудами собственныхъ ученыхъ, на дѣятельное содѣйствіе которыхъ мы заранѣе разсчитываемъ. Мы полагаемъ, однако, нужнымъ теперь же указать на этотъ принципъ, которому наше общество будетъ слѣдовать при изданіи элементарныхъ книгъ, о которыхъ было говорено выше, и необходимость которыхъ бросается въ глаза каждому. Необходимость эта подтверждается, между прочимъ, цѣлымъ рядомъ неудачныхъ, иногда даже вредныхъ попытокъ народныхъ изданій; отсутствіе знаній, опредѣленной цѣли, отсутствіе правильно-проведенной системы не могло привести къ доброму результату: за такое дѣло слѣдуетъ браться осмотрительно и сообща. Нечего и говорить, что составленіе изданій общества будетъ поручено нашимъ лучшимъ дѣятелямъ и подвергнуто возможно-строгой оцѣнкѣ. Мы будемъ постоянно имѣть въ виду, что наши изданія назначаются исключительно для людей, желающихъ обучиться грамотѣ, и для людей, только что обучившихся ей; а потому они должны быть:

---

[1]) Время покажетъ, полезно ли будетъ основать въ этомъ „Вѣстникѣ Общества" отдѣлъ, посвященный научной разработкѣ вопросовъ, касающихся первоначальнаго обученія.

а) Многочисленны, по мѣрѣ возможности, дешевы, всюду и всякому доступны.

в) Они и содержаніемъ, и изложеніемъ своимъ, должны соотвѣтствовать степени развитія того народнаго слоя, для котораго они назначены. Едва-ли слѣдуетъ упоминать о совершенной неумѣстности въ нихъ всякаго прибауточнаго и сказочнаго тона: съ народомъ должно обращаться искренно, честно и съ полнымъ уваженіемъ.

с) Наконецъ, самая цѣль нашего общества ограничивать уже число предметовъ, которымъ будутъ посвящены наши изданія. Перечень ихъ слѣдующій: азбука; грамота (въ смыслѣ писанія); элементарныя начертанія—законодательства русскаго относительно правъ и обязанностей состояній, ариѳметики, географіи, естественныхъ наукъ, технологіи по всѣмъ ея отраслямъ, земледѣлія, и скотоводства, вообще хозяйства въ обширномъ смыслѣ. Беллетристика допускается только съ величайшей осторожностью и не иначе какъ съ общеполезною, обучающею цѣлью; сочиненія, имѣющія предметомъ одинъ интересъ вымысла, не допускаются вовсе; избранныя біографіи, хорошія описанія путешествій, получаютъ почти исключительное предпочтеніе. Одна изъ главныхъ обязанностей будущихъ комитетовъ должна состоять въ неуклонномъ надзорѣ за этимъ отдѣломъ и въ недопусканіи въ него всякихъ постороннихъ элементовъ. Объявить заранѣе невозможность какихъ-либо отступленій отъ этого перечня—было бы неумѣстнымъ; но принципъ долженъ быть сохраненъ.

О кабинетахъ для чтенія и устройствѣ ихъ теперь распространяться не для чего: они предвидятся только при дальнѣйшемъ развитіи общества.

Считаемъ нужнымъ сказать здѣсь нѣсколько словъ въ предупрежденіе возможныхъ возраженій насчетъ излишней обширности нашей программы, а именно, насчетъ соединенія школьнаго дѣла съ дѣломъ изданія элементарныхъ книгъ.

Въ нашихъ глазахъ заведеніе школъ стоитъ на первомъ планѣ въ вопросѣ народнаго просвѣщенія, а изданіе элементарныхъ книгъ является уже какъ необходимое ему подспорье: на неподготовленной почвѣ не взойдутъ и лучшія сѣмена. Намъ прежде всего предстоитъ создать читателей, а потомъ дать имъ возможность продолжать свое образованіе. Заведеніе элементарныхъ школъ своимъ, такъ сказать, первобытнымъ, не литературнымъ, а чисто общественнымъ и нравственнымъ характеромъ, привлечетъ къ намъ всѣхъ желающихъ блага Россіи, возбудитъ благородное соревнованіе во многихъ умахъ, не находившихъ доселѣ поприща для своей дѣятельности. Правительство будетъ несомнѣнно сочувствовать нашимъ яснымъ и простымъ цѣлямъ: вспомнимъ, что ни одно изъ европейскихъ прави-

тельствъ не могло, именно въ дѣлѣ элементарнаго образованія, обойтись безъ содѣйствія частныхъ обществъ; вспомнимъ также и то, что наше правительство, въ инструкціяхъ г. министра внутреннихъ дѣлъ по поводу освобожденія крестьянъ, прямо поставило на видъ дворянству пользу и необходимость заведенія частныхъ школъ. Повторяемъ: программа наша не страдаетъ излишнею обширностью. Дѣятельность общества проникнута одною мыслью и,—выражаясь двояко: заведеніемъ школъ и изданіемъ элементарныхъ книгъ,—стремится къ единной цѣли, которой тѣмъ самымъ вѣрнѣе достигаетъ.

Мы переходимъ къ бѣглому изложенію способовъ осуществленія общества. Матеріальныя средства, на которыя оно должно открыться, будутъ состоять изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ и добровольныхъ пожертвованій. Общество намѣрено отстранить совершенно систему выбора въ члены: всякій взносящій minimum опредѣленной платы (мы предлагаемъ 3 р. сер. въ годъ) тѣмъ самымъ дѣлается членомъ общества; сверхъ того, оно приглашаетъ къ соучастію всѣ сословія Россіи безъ исключенія отъ крестьянина до богатаго и знатнаго человѣка, и даже можетъ считать въ числѣ своихъ членовъ цѣлыя сельскія общины, если бы онѣ пожелали числиться между его соучастниками подъ своимъ собирательнымъ именемъ. Какъ на особенную честь для себя, будетъ смотрѣть общество, если русскія женщины всѣхъ классовъ соблаговолятъ принять на себя званіе его членовъ.

Извѣстное количество лицъ (мы предлагаемъ 80), объявившихъ свое согласіе на участіе въ обществѣ, уже достаточно для открытія его.

Остается важный пунктъ, именно—образованіе центральнаго комитета, на который возложено будетъ исполненіе предначертаній общества. Здѣсь представляется необходимость двоякихъ мѣръ и правилъ: а) для первоначальнаго существованія комитета, съ исключительной цѣлью, устроить возникающее общество и составить инструкціи для послѣдующихъ комитетовъ съ одобренія общаго собранія членовъ; и б) для постояннаго его дѣйствія. Въ первомъ случаѣ мѣры и правила могутъ быть изложены довольно кратко:

Принимая во вниманіе, что центральное управленіе общества должно непремѣнно находиться въ С.-Петербургѣ, какъ въ мѣстѣ наиболѣе удобномъ для полученія административныхъ, статистическихъ и другихъ свѣденій, и принимая тоже во вниманіе великую важность, которую имѣетъ и старая наша столица въ дѣлѣ народнаго образованія, программа наша предполагаетъ соединить въ одномъ спискѣ 80 именъ, принадлежащихъ извѣстнымъ дѣятелямъ обоихъ городовъ. При этомъ, намъ кажется, не можетъ быть и по-

мина о какомъ-либо самопроизвольномъ выборѣ съ чьей-либо стороны 80 именъ; по 40 въ каждомъ городѣ будутъ указаны общественнымъ мнѣніемъ, ихъ репутаціей и собственнымъ согласіемъ на участіе въ обществѣ. Затѣмъ предоставляется той и другой столицѣ, въ частныхъ собраніяхъ своихъ, избрать по 8 лицъ изъ сказанныхъ 80 членовъ, и избранные такимъ образомъ 16 человѣкъ составятъ первоначальный комитетъ, засѣдающій, какъ и всѣ послѣдующіе комитеты, непремѣнно въ С.-Петербургѣ. Затѣмъ уже новосоставленный центральный комитетъ избираетъ изъ среды своей, по большинству голосовъ, предсѣдателя, секретаря, кассира и т. п. Существованіе, какъ первоначальнаго, такъ и послѣдующихъ комитетовъ, не должно превышать одного года, хотя лица, составляющія комитетъ, могутъ быть каждый разъ вновь избираемы.

Но при развитіи общества уже простое чувство справедливости показываетъ, что привилегія избирать членовъ въ центральный комитетъ не можетъ быть предоставлена исключительно ни Петербургу, ни Москвѣ, а должна принадлежать въ равной степени всѣмъ членамъ общества, на какихъ бы концахъ Россіи они ни находились. Вопросъ такимъ образомъ усложняется, и сыскать мѣру для разрѣшенія его становится нѣсколько труднѣе. Мы предлагаемъ слѣдующій способъ:

Не всякій членъ, сочувствующій цѣли общества, можетъ принять на себя званіе члена комитета, ибо это званіе требуетъ многихъ жертвъ, какъ-то: обязательнаго пребыванія въ Петербургѣ въ продолженіе года и отдачи своего времени и своей дѣятельности на безвозмездное, въ матеріальномъ смыслѣ, служеніе обществу. Съ другой стороны, не всякій членъ, желающій воспользоваться правомъ выбора, имѣетъ возможность наименовать 16 лицъ, соединяющихъ условія, необходимыя для комитетской дѣятельности. Вотъ почему наша програмиа, признавая право выбора въ комитетъ за всѣми членами общества во всей Россіи, считаетъ наиболѣе удобнымъ положить слѣдующія правила, облегчающія самый этотъ выборъ: всѣ тѣ лица, которыя находятся въ положеніи, дозволяющемъ имъ принять на себя обязанность комитетскаго члена, имѣютъ объявить себя кандидатами на это званіе, присылая имена свои, за три мѣсяца до выборовъ, въ С.-Петербургъ, гдѣ они будутъ напечатаны въ „Вѣстникѣ Общества“ и распубликованы по всей Россіи. Такимъ образомъ, съ одной стороны, будетъ открыта дорога для всѣхъ и сохранено равенство правъ, а съ другой стороны, будетъ отстранена возможность выбора въ комитетъ лицъ, хотя бы и весьма достойныхъ, но не могущихъ, по положенію своему, подчиниться обязанностямъ, сопряженнымъ съ званіемъ комитетскаго члена; ибо всѣ

члены общества, объявившіе себя кандидатами, тѣмъ самымъ объявили готовность принять на себя эти обязанности. Съ помощью вышеозначеннаго списка, члены общества, разсѣянные по всей Россіи, будутъ имѣть готовый матеріалъ для произведенія выборовъ и къ назначенному сроку могутъ присылать имена своихъ кандидатовъ въ Петербургъ, гдѣ присланные голоса разбираются не иначе какъ въ общемъ собраніи общества. Въ публичномъ затѣмъ засѣданіи провозглашаются имена 16 лицъ, получившихъ большинство голосовъ. Комитетъ, составленный этимъ способомъ, можетъ, кажется, служить самымъ вѣрнымъ выраженіемъ общихъ желаній всѣхъ членовъ общества. Нечего опасаться, что немногіе пожелаютъ внести свои имена въ этотъ списокъ: состоять въ комитетѣ не есть преимущество, а услуга, жертва, — русскіе люди ни отъ того, ни отъ другого не отказываются.

Общія собранія для повѣрки дѣйствій комитета и для выслушанія его отчетовъ созываются ежегодно въ день основанія общества.

Въ первомъ общемъ собраніи будутъ разсмотрѣны инструкціи, составленныя первоначальнымъ комитетомъ.

Комитетъ имѣетъ право, въ случаѣ необходимости, созывать и экстренныя собранія, объявивъ предварительно вопросы, которые онъ желаетъ подвергнуть общему обсужденію.

Дальнѣйшія подробности, какъ-то: о подраздѣленіи комитета на коммиссіи, объ отношеніи къ обществу его агентовъ, находящихся по губерніямъ и т. д. и т. д., предоставляется опредѣлить уставу.

NB. Всякаго рода возраженія или замѣчанія на этотъ проектъ съ благодарностью будутъ приняты по слѣдующимъ двумъ адресамъ:

Ивану Сергѣевичу Тургеневу, въ Парижъ, poste restante;

Павлу Васильевичу Анненкову, въ С.-Петербургѣ—въ Демидовскомъ переулкѣ, въ домѣ Висконти.

Ив. Тургеневъ.

ЕЩЕ ДРУЖЕСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ О ТУРГЕНЕВѢ.

По поводу воспоминаній г. Лудвига Питча.

Смерть Тургенева вызвала не мало „дружескихъ" о немъ воспоминаній; но извѣстный нѣмецкій художникъ Питчъ, по нашему мнѣнію, успѣлъ превзойти своею памятью все, что намъ случалось читать по этому поводу. Теперь недостаетъ только одного, чтобы кто нибудь заявилъ, что, напримѣръ, „Дымъ" написанъ собственно Ауэрбахомъ или Шпильгагеномъ, а Тургеневъ только перевелъ нѣмецкій текстъ на русскій языкъ и подписалъ свое имя. Въ ожиданіи такой интересной подробности изъ литературной жизни Тургенева, мы должны пока довольствоваться небольшимъ опытомъ въ этомъ родѣ, предпринятымъ г-мъ Питчемъ: онъ хочетъ увѣрить насъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что извѣстное предисловіе Тургенева къ роману Ауэрбаха: „Дача на Рейнѣ", написано имъ, г-мъ Питчемъ, а Тургеневъ только перевелъ его писаніе на русскій языкъ, и подъ всѣмъ этимъ подписался: „Ив. Тургеневъ.—Баденъ-Баденъ, августъ, 1868 г.".

Подробный разсказъ объ этомъ изумительномъ происшествіи перепечатанъ въ переводѣ изъ нѣмецкихъ газетъ во многихъ нашихъ газетахъ, и притомъ не только безъ восклицательныхъ и вопросительныхъ знаковъ, но даже нѣкоторыя газеты сопровождали это „не любо—не слушай"—аттестаціей „чрезвычайно интереснаго случая". Это послѣднее обстоятельство заставляетъ насъ объяснить, въ чемъ тутъ именно заключается дѣйствительно „чрезвычайный интересъ".

Мы, по правдѣ сказать, ожидали встрѣтить, въ концѣ такого воспоминанія, замѣтку автора, а именно, о томъ, что все это не болѣе, какъ шутка или сонъ г-на Питча; но, не встрѣтивъ ничего подобнаго, можемъ только пожалѣть, что онъ нѣсколько поторопился съ своимъ интересымъ сообщеніемъ и не далъ умереть всѣмъ свидѣтелямъ этого дѣла. Впрочемъ, и безъ того, стóитъ прочесть самое „Предисловіе" Тургенева, чтобъ заподозрить авторство г-на Питча въ самомъ существенномъ мѣстѣ его свидѣтельскаго показанія. Г-нъ Питчъ увѣряетъ, что русскій переводъ его предисловія къ роману Ауэрбаха былъ потомъ обратно переведенъ на нѣмецкій языкъ „въ одной южно-нѣмецкой газетѣ". Это весьма возможно; но вотъ что совершенно немыслимо и невозможно: „Я прочелъ,—говоритъ г. Питчъ—

его (т.-е. обратный нѣмецкій переводъ, яко бы, его труда, присвоеннаго себѣ Тургеневымъ), и могу (!!) засвидѣтельствовать, что Тургеневъ сдержалъ слово: *не перемѣнилъ въ своемъ переводѣ ни одной моей фразы!*" А, между прочимъ, въ „Предисловіи", гдѣ Тургеневъ говоритъ о значеніи Ауэрбаха, какъ перваго „народническаго" писателя въ Германіи, эта мысль сопровождается слѣдующими соображеніями: „Точно также,—если позволительно сравнивать малое съ великимъ—и у насъ (русскихъ), въ „Саввушкѣ" злополучнаго, скоро погибшаго И. Т. Кокорева, чувствуется, при всей скудности содержанія и неумѣлости исполненія, своеобразная, теплая струя, которая дается только особенной, бытовою близостью автора съ описываемымъ нравомъ. Кокоревъ былъ, какъ извѣстно, сынъ мѣщанина; колыбель Ауэрбаха стояла въ бѣдномъ деревянномъ домикѣ, въ Нордштеттенѣ (онъ родился въ 1812 г.); съизмала и со всѣхъ сторонъ, у домашняго очага, въ школѣ, на улицѣ, въ лѣсахъ и долинахъ, охватилъ его крестьянскій бытъ", и т. д. Нашъ читатель, прочтя хотя бы этотъ отрывокъ изъ „дословнаго" перевода статьи г. Питча, долженъ воскликнуть: „или г. Питчъ—большой знатокъ русской литературы въ мельчайшихъ ея подробностяхъ, или онъ..."

Но это не все. Мы можемъ доказать, что всѣ подробности „воспоминанія" представились автору согласно не съ обстоятельствами дѣла, а съ позднѣйшими фактами, которые онъ перенесъ на давнопрошедшее время. Такъ, вотъ въ какихъ словахъ Тургеневъ объясняетъ въ *августѣ 1868 года* свое затруднительное положеніе по отношенію къ редактору „Вѣстника Европы":

— „Я сдѣлалъ огромную глупость... Ауэрбаху очень хотѣлось, чтобы его романъ („Дача на Рейнѣ") появился тоже въ Россіи. Онъ попросилъ моей помощи. Само собою разумѣется, что я опять не могъ отказать и уговорилъ издателя журнала, *въ которомъ всегда печатаются мои вещи*, пріобрѣсти за очень приличный гонораръ произведеніе нашего друга... но все это съ однимъ условіемъ (и я-то, старый оселъ, согласился!)—чтобы я написалъ къ его роману предисловіе!.. Все это я обязался написать, и написать къ сроку! Мой издатель—настоящій кровопійца: покоя не даетъ; на будущей недѣлѣ онъ будетъ *въ Висбаденѣ* и требуетъ прислать ему туда рукопись! Да убей онъ меня—не могу; какъ ни бился, ничего не выходитъ. Что мнѣ дѣлать?—И вотъ, г. Питчъ выводитъ бѣднаго Тургенева изъ затрудненія, „употребляетъ извѣстнаго рода насиліе надъ совѣстью" (т.-е. пишетъ о томъ, чего онъ вовсе не знаетъ), а Тургеневъ подписывается подъ его предисловіемъ, и т. д., и т. д.

Вся вышеупомянутая исторія написана „заднимъ числомъ", и потому преисполнена ошибокъ: во-первыхъ, Тургеневъ не могъ гово-

рить, въ 1868 г., не только г-ну Питчу, но и никому, что онъ уговорилъ къ напечатанію романа Ауэрбаха редактора „Вѣстника Европы"—„журнала, въ которомъ *всегда* печатаются мои вещи". 1868-й годъ былъ *первымъ* годомъ существованія „Вѣстника Европы", какъ литературнаго журнала, и въ 1868 г. былъ напечатанъ впервые разсказъ Тургенева: „Бригадиръ", а одновременно съ тѣмъ „Исторія лейтенанта Ергунова" въ „Русскомъ Вѣстникѣ", гдѣ до 1868 г. Тургеневъ „всегда печаталъ свои вещи". Очевидно, всю эту фразу вложилъ въ уста Тургенева и придумалъ ее самъ г. Питчъ, сообразно уже съ послѣдующими обстоятельствами. Во-вторыхъ, редакторъ „Вѣстника Европы" изъ Висбадена никогда не могъ переписываться съ Тургеневымъ, по той простой причинѣ, что онъ никогда не живалъ въ Висбаденѣ. И это придумано авторомъ „воспоминаній". По словамъ г. Питча, Тургеневъ, имѣвъ въ 1868 г. первый случай сношенія съ редакторомъ „Вѣстника Европы", называетъ его уже „кровопійцей", не дававшимъ ему покоя. Это Тургеневъ могъ бы въ шутку сказать послѣ многолѣтняго опыта, но не въ первый годъ литературныхъ отношеній. Дѣйствительно, какъ всѣ знаютъ, Тургеневъ былъ тяжелъ на подъемъ, особенно если дѣло шло о предметѣ, лежащемъ внѣ области его художественнаго творчества, гдѣ онъ обнаруживалъ изумительную неутомимость и трудолюбіе: ему ничего не стоило собственноручно переписывать по три раза свои романы съ цѣлью окончательной ихъ отдѣлки. Но за то мелочи давались ему необыкновенно легко, и едва ли бы онъ могъ затрудниться тѣми 5 или 6 страницами, изъ которыхъ состоитъ его „Предисловіе" къ роману Ауэрбаха; для него и часъ времени было бы слишкомъ много для такой работы. Мы это лично знаемъ, по одному случаю, вѣроятно, памятному многимъ изъ присутствовавшихъ при этомъ. Весною 1880 г., пріѣхавъ на Пушкинскій праздникъ, прямо изъ Берлина, Тургеневъ, за завтракомъ у редактора журнала, заинтересовалъ всѣхъ своимъ разсказомъ о пергамскихъ раскопкахъ, которыя въ томъ году только-что начали приводиться въ порядокъ въ берлинскомъ музеѣ. Кто-то изъ присутствовавшихъ замѣтилъ ему, что онъ непремѣнно долженъ написать статью объ этомъ; Тургеневъ тотчасъ же пообѣщалъ, но редакторъ выразилъ сомнѣніе, что бы это когда-нибудь было исполнено имъ, если его не запереть въ комнату. Тургеневъ торжественно всталъ, напомнилъ какъ въ старину въ сенатѣ снимали сапоги съ неблагонадежныхъ писарей, чтобъ они не убѣжали со службы, извинился, что подагра не позволяетъ ему прибѣгнуть къ такому способу удостовѣренія въ его благонадежности, и тутъ же снялъ съ себя галстукъ, въ видѣ залога, замѣтивъ, что порядочному человѣку безъ галстуха нельзя

уйти такъ же, какъ и безъ сапогъ, — и ушелъ въ кабинетъ. Мы продолжали бесѣду, а черезъ часъ времени онъ уже вынесъ написанный имъ этюдъ: „Пергамскія раскопки"—одинъ изъ прелестнѣйшихъ его этюдовъ въ области искусства—объемомъ не менѣе „Предисловія" къ роману Ауэрбаха. Такъ легко давались ему подобныя мелочи.

Но — скажутъ намъ — неужели г. Питчъ такъ-таки все и выдумалъ въ своемъ воспоминаніи; неужели не существовало даже и канвы, по которой онъ вышилъ свои рисунки, какъ спеціалистъ-художникъ и иллюстраторъ?—Нѣтъ! мы не заходимъ такъ далеко, и даже довольно просто себѣ объясняемъ, какъ все это могло случиться. Очень возможно, что Тургеневъ, живя съ г. Питчемъ въ Баденѣ, могъ дать ему порученіе навести справки въ какомъ нибудь „Conversations Lexicon" и сдѣлать ему выписку фактической стороны біографіи Ауэрбаха: когда и гдѣ онъ родился, въ какомъ году вышло то или другое его сочиненіе и т. п. Если наша догадка справедлива, то не принялъ ли г. Питчъ подобную записку, если онъ только ее дѣлалъ, за авторство того „Предисловія", которое вышло потомъ изъ-подъ пера Тургенева. Далѣе этого наше воображеніе не можетъ идти, и мы скорѣе повѣримъ, что Тургеневъ могъ когда нибудь заказать скорѣе сапожнику пирогъ, чѣмъ *художнику* Питчу *критическую* статью, а затѣмъ еще подписаться подъ ней, не измѣнивъ въ текстѣ ни одного слова. Намъ вся эта выдумка кажется тѣмъ болѣе чудовищною, что мы живо припоминаемъ себѣ всѣ подробности, которыми сопровождалось напечатаніе романа Ауэрбаха въ „Вѣстникѣ Европы". Тургеневъ рѣдко интересовался въ такой степени печатаніемъ своихъ произведеній, какъ онъ дорожилъ тѣмъ, чтобы романъ Ауэрбаха былъ напечатанъ и переведенъ наилучшимъ образомъ; все „Предисловіе" его есть не что иное, какъ подробное развитіе тѣхъ доводовъ, которые онъ приводилъ прежде въ бесѣдѣ съ нами, предлагая романъ для печатанія: когда онъ писалъ „Предисловіе", романъ не былъ еще и конченъ, и Тургеневъ, судя только по началу и конспекту романа ожидалъ чего-то необыкновеннаго отъ „Дачи на Рейнѣ". При такомъ интересѣ покойнаго къ роману, весь разсказъ г. Питча является сочиненнымъ a posteriori: концомъ романа онъ дѣйствительно остался недоволенъ, да и вообще, вслѣдствіе различныхъ причинъ, его отношенія къ Ауэрбаху скоро измѣнились; вотъ это-то послѣднее обстоятельство и осталось, вѣроятно, въ памяти г. Питча, и согласно съ тѣмъ, онъ изобразилъ намъ и исторію „Предисловія".

Точно также, если только не болѣе, — видны бѣлыя нитки и въ письмѣ къ Тургеневу, которое г. Питчъ приписываетъ редактору

„Вѣстника Европы", печатая его въ ковычкахъ, какъ подлинное. Во всякомъ случаѣ, мы не писали Тургеневу по-нѣмецки, а потому, если г. Питчъ могъ знать содержаніе того или другого нашего письма, то въ переводѣ Тургенева, который ему пришлось удержать въ памяти. Мы не можемъ помнить, какія письма были писаны нами въ такое отдаленное время, но и теперь мы не можемъ не видѣть, что такого письма мы не могли написать, такъ какъ ни теперь, ни тогда, не ставили Тургенева и Ауэрбаха на одну доску, какъ то сдѣлано въ письмѣ, написанномъ теперь болѣе смѣло, нежели основательно, г. Питчемъ—отъ нашего имени.

PS.—Когда наша замѣтка была уже набрана, въ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что въ „Schlesische Zeitung" печатаются письма Тургенева къ г. Питчу, и извлеченіе изъ того письма, гдѣ покойный сообщаетъ ему, что въ Баденъ-Баденъ пріѣхалъ Ауэрбахъ: „я—пишетъ Тургеневъ — долженъ былъ перевести ему мое предисловіе и выслушать его остроумныя и глубокомысленныя замѣчанія (я просто переписалъ собственноручно вашъ оригиналъ)". Для всякаго, кто зналъ сколько-нибудь близко Тургенева, тутъ можетъ возникнуть только одинъ вопросъ: кого онъ при этомъ мистифицировалъ—Ауэрбаха или самого г. Питча? Послѣ всего вышесказаннаго нами, мы не сомнѣваемся, что мистификація относилась къ г. Питчу, котораго Тургеневъ хотѣлъ оставить въ увѣренности, что будто бы написанное имъ предисловіе есть „просто переписка" той фактической замѣтки, которую могъ г. Питчъ подготовить Тургеневу, сдѣлавъ справку въ какомъ-нибудь энциклопедическомъ словарѣ. Мы привели выше несомнѣнныя свидѣтельства тому, что предисловіе ни въ какомъ случаѣ не могло быть „простой перепиской" оригинала г. Питча, который едва ли слыхалъ когда-нибудь, напримѣръ, о „Саввушкѣ" И. Т. Кокорева, упоминаемомъ въ предисловіи. Вотъ этого рода мистификація была бы похожа на Тургенева, при его рѣдкомъ добродушіи: онъ способенъ былъ оставить въ невинномъ заблужденіи не Ауэрбаха, а г. Питча, самолюбію котораго льстило подобное заблужденіе. Другого же рода мистификація не походитъ на него уже и потому, что мы были бы первые, кому Тургеневъ, рано или поздно, сообщилъ бы свою шутку: тутъ онъ никакъ не могъ бы воздержаться, и непремѣнно проговорился бы и принесъ повинную въ такой формѣ, что не было бы возможности ему не простить и вмѣстѣ съ нимъ не посмѣяться, какъ это и случалось не разъ. Но ничего подобнаго никогда не было, по отношенію предисловія къ роману Ауэрбаха, между тѣмъ какъ именно Тургеневу было бы даже пріятно въ этомъ случаѣ признаться во всемъ, такъ какъ не далѣе, какъ годъ спустя, послѣ 1870 г., вслѣдъ за франко-прусской войной, отношенія Турге-

нева къ Ауэрбаху, какъ мы выше замѣтили, по извѣстнымъ причинамъ, измѣнились самымъ существеннымъ образомъ, и трудно было бы ему пропустить случай — и не разсказать такого анекдота, который могъ какъ бы оправдывать его шутку надъ Ауэрбахомъ. Вотъ почему весь разсказъ г. Питча, помимо вышеприведенныхъ доводовъ, мы считаемъ болѣе чѣмъ не истиннымъ,—онъ не правдоподобенъ. Но въ то же время мы признаемъ этотъ разсказъ весьма характернымъ, такъ какъ онъ разъясняетъ намъ многое въ различныхъ воспоминаніяхъ другихъ „друзей" Тургенева, гдѣ ему приписываются самымъ серьезнымъ образомъ, съ цѣлью характеристики покойнаго, невѣроятныя изреченія и размышленія, идущія въ разрѣзъ какъ съ тѣмъ, что онъ писалъ, такъ и съ тѣмъ, что онъ говорилъ въ бесѣдахъ, болѣе серьезныхъ. При этомъ, оказывается, надобно всегда помнить, что, во-первыхъ, такія курьезныя размышленія Тургенева, излагаемыя теперь смѣло въ ковычкахъ и отъ его имени, въ первомъ лицѣ, профильтрованы сквозь голову сообщающихъ лицъ, а, во-вторыхъ, такія размышленія, если и предположить вѣрную ихъ передачу, характеризуютъ не столько Тургенева, сколько тѣхъ, кто дѣлаетъ подобныя сообщенія—послѣ его смерти, когда онъ безсиленъ сказать имъ то, что имѣлъ бы полное право сказать, еслибы онъ еще жилъ.

М. С.

20 апрѣля, 1884 г.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е мая, 1884.

Значеніе классицизма въ Западной Европѣ и у насъ.—„Русь" о городскомъ самоуправленіи.—Городъ Петербургъ и общество водопроводовъ передъ судомъ.

Въ біографіяхъ и автобіографіяхъ западно-европейскихъ писателей, ученыхъ, государственныхъ людей часто встрѣчается одна черта, останавливающая на себѣ вниманіе русскаго читателя: это—большая роль, которую играла въ ихъ жизни древняя классическая литература. Не говоримъ уже о такихъ знатокахъ ея, какъ Гладстонъ, лордъ Дерби, Корнвалль Льюизъ; для насъ интереснѣе дилеттанты, никогда не изучавшіе ее спеціально—и тѣмъ не менѣе находившіе въ ней неисчерпаемый источникъ наслажденій. Возьмемъ, для примѣра, хотя бы недавно умершаго англійскаго романиста, Антони Троллопа. Онъ получилъ крайне недостаточное образованіе, долго

велъ образъ жизни, ни мало не располагавшій къ серьезнымъ занятіямъ—и все-таки мы видимъ его на старости лѣтъ охотно читающимъ римскихъ писателей, не пропускающимъ почти ни одного дня безъ бесѣды съ ними, издающимъ, въ перемежку съ романами, цѣлую книгу о Юліѣ Цезарѣ. Еще гораздо большее значеніе имѣли классики для французскаго историка, біографіи котораго посвящена, въ этой же книжкѣ нашего журнала, особая замѣтка. Они рано подчинили Мишле́ своей власти и сохранили ее до конца. „Серьозность, величественность латинской рѣчи"—читаемъ мы въ „Ma jeunesse"—„внушали мнѣ отвращеніе ко всему низкому и пошлому"... „Нѣжная душа Виргилія овладѣла моею; онъ говорилъ со мною, какъ невидимый другъ, его слова часто звучали во мнѣ какъ мой собственный внутренній голосъ—и таковъ онъ былъ для меня и позже, въ часы испытаній". Кто станетъ отрицать могучую воспитательную силу подобныхъ впечатлѣній, особенно, когда они западаютъ въ молодой умъ и молодое сердце? Едва ли можно сомнѣваться и въ томъ, что прочность, глубина впечатлѣнія обусловливалась здѣсь взаимнодѣйствіемъ содержанія и формы; что въ переводѣ, даже самомъ удачномъ, Виргилій не сталъ бы для Мишле столь дорогимъ и близкимъ. Между древними писателями есть, конечно, и такіе, которые мало выигрываютъ отъ чтенія въ подлинникѣ; достаточно назвать Плутарха, герои котораго говорятъ сами за себя, не нуждаясь въ особомъ искуствѣ разсказчика—но уже въ Тацитѣ или Ѳукидидѣ чрезвычайно важно непередаваемое на другомъ языкѣ мастерство рѣчи, а въ поэтахъ оно, разумѣется, еще важнѣе. Чѣмъ же объяснить, что у насъ древней классической литературѣ никакъ не удается занять хоть нѣчто похожее на то мѣсто, которое принадлежитъ ей въ Западной Европѣ? Много ли найдется у насъ образованныхъ людей, для которыхъ чтеніе классиковъ было бы развлеченіемъ, какъ для Троллопа, утѣшеніемъ—какъ для Мишле? Растетъ ли ихъ число со времени послѣдней гимназической реформы? Замѣтно ли въ нашемъ обществѣ усиленіе интереса къ классической древности, хотя бы до той степени, которой онъ начиналъ достигать около 1850 г., въ эпоху изданія „Пропилеевъ"? Появляются ли у насъ художественно-исполненные переводы классическихъ произведеній, въ родѣ вышедшаго въ свѣтъ, лѣтъ тридцать тому назадъ, Кронеберговскаго перевода „Лѣтописей" Тацита [1])? Всѣ эти вопросы пришли намъ на мысль, когда мы прочли въ газетахъ слухъ о предстоящемъ, будто бы, измѣненіи гимназической программы, въ смыслѣ увеличенія числа уроковъ древ-

[1]) Полный переводъ Горація, недавно изданный въ свѣтъ г. Фетомъ, составляетъ только завершеніе дѣла, начатаго еще въ пятидесятыхъ годахъ.

нихъ языковъ. Вѣроятнаго вліянія такой мѣры на остальныя отрасли преподаванія, безъ того уже не обрѣтающіяся въ авантажѣ, мы касаться не будемъ; насъ занимаетъ теперь вопросъ о томъ, насколько результаты преподаванія древнихъ языковъ могутъ измѣниться отъ нѣкотораго расширенія внѣшнихъ его рамокъ?

Довольно правдоподобнымъ, съ перваго взгляда, можетъ показаться предположеніе, что если классическое образованіе за-границей развиваетъ, сплошь и рядомъ, вкусъ къ древнимъ литературамъ, а у насъ приводитъ къ этой цѣли развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, то это зависитъ отъ болѣе ревностнаго и правильнаго изученія древнихъ языковъ, отъ болѣе основательнаго и близкаго съ ними знакомства. Разъ, что это такъ, средство пособить нашему горю представляется само собою; оно заключается именно въ томъ, чтобы еще больше прежняго налечь на древніе языки, отвести имъ еще больше мѣста въ гимназическомъ преподаваніи! Едва ли, однако, ларчикъ открывается до такой степени просто. Нѣкоторое сомнѣніе возбуждаютъ уже тѣ самые факты, которые послужили исходной точкой нашихъ размышленій. Троллопъ никогда не былъ тѣмъ, что называется у англичанъ a thorough scholar, никогда не проходилъ полнаго, систематическаго курса древнихъ языковъ. Мишле былъ обязанъ пониманіемъ Виргилія не столько школѣ, сколько собственному труду, и долго отставалъ отъ товарищей въ знаніи грамматическихъ правилъ; даже позже, когда онъ сталъ отличаться въ сочиненіи латинскихъ стиховъ, они блестѣли больше поэтичностью содержанія, чѣмъ безукоризненностью размѣра. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что такихъ примѣровъ можно было бы привести множество; что наиболѣе вѣрными друзьями древнихъ авторовъ остаются на всю жизнь не самые ловкіе подражатели ихъ манеры, а самые восторженные цѣнители ихъ духа, ихъ своеобразной красоты. Число уроковъ не играетъ здѣсь, очевидно, преобладающей роли; оно состоитъ въ прямомъ отношеніи только съ количествомъ, но отнюдь не съ качествомъ знанія. То погруженіе въ римскую древность, которое мы видимъ у Мишле, возможно и безъ умѣнья воспроизвести стилистическія тонкости Виргиліевскаго стиха, Цицероновской рѣчи — и наоборотъ, вовсе не вытекаетъ изъ этого умѣнья, не идетъ съ нимъ неразрывно рука объ руку. Можно научиться хорошо писать, даже говорить по-латыни или по-гречески—и все-таки быстро и всецѣло забыть древніе языки, если нѣтъ на лицо вкуса къ чтенію авторовъ, любви къ литературѣ. И за-границей этотъ вкусъ, эта любовь прививаются къ ученикамъ далеко не всегда—но во всякомъ случаѣ несравненно чаще, чѣмъ у насъ. Много значитъ, въ этомъ отношеніи, вѣковая опытность, усовершенствовавшая пріемы препо-

даванія, создавшая цѣлыя поколѣнія преподавателей; много значитъ и весь складъ западно-европейской жизни, обезпечивающій за древними языками такое мѣсто, которое у насъ для нихъ недоступно. Приблизиться къ своему образцу нашъ классный классицизмъ (просимъ извинить невольную игру словъ) можетъ не путемъ безусловнаго подражанія, а путемъ приспособленія къ условіямъ русской дѣйствительности. Центръ тяжести классическаго обученія лежалъ и лежитъ у насъ до сихъ поръ въ переводѣ *съ русскаго языка* на древніе; извѣстно, какую роль играетъ именно этотъ переводъ въ испытаніи зрѣлости, къ которому по необходимости приноровляется и все предшествующее преподаваніе. Чтобы справиться хоть какъ-нибудь съ главной задачей, приходится пренебрегать остальными—а въ числѣ этихъ остальныхъ заключается и та, которая одна только можетъ оплодотворить знаніе древнихъ языковъ: чтеніе авторовъ, съ переводомъ на русскій языкъ. Мы знаемъ очень хорошо, что она фигурируетъ въ программѣ и исполняется, такъ или иначе, на практикѣ; но она не можетъ не страдать отъ искусственнаго преобладанія другой, несравненно менѣе важной. Это преобладаніе такъ велико, что сколько бы ни было прибавляемо учебныхъ часовъ по древнимъ языкамъ, они неизбѣжно будутъ поглощаться все тѣмъ же ненасытнымъ минотавромъ. Русская натура менѣе всего способна углубляться въ детали чисто формальнаго свойства, ставить условныя грамматическія требованія на одинъ рядъ съ крупными данными науки. Недостатокъ ли это или достоинство—мы рѣшить не беремся; но не случайно же, въ самомъ дѣлѣ, въ то же, приблизительно, число часовъ и тѣми же средствами достигается у насъ — въ области, о которой мы теперь говоримъ—гораздо менѣе, чѣмъ за-границей, не даромъ же нерасположеніе къ изученію древнихъ языковъ составляетъ у насъ явленіе до такой степени распространенное и между родителями, и между учениками. Мы не хотимъ возвращаться теперь къ старому спору между двумя противоположными системами средняго образованія; мы не сходимъ съ почвы наличныхъ фактовъ и думаемъ только о томъ, что могло бы быть предпринято въ предѣлахъ дѣйствующаго порядка. Мы не возстаемъ даже безусловно противъ перевода съ русскаго языка на древніе, особенно въ низшихъ классахъ, гдѣ онъ безспорно способствуетъ твердому усвоенію основныхъ грамматическихъ и синтаксическихъ правилъ; мы желали бы только, чтобы въ концѣ концовъ успѣхи учениковъ измѣрялись сознательнымъ знакомствомъ съ авторами, привычкой понимать лучшія произведенія классической древности, а не механической сноровкой, выражающейся въ умѣньѣ написать нѣсколько фразъ по-гречески и по-латыни. Это умѣнье, за самыми рѣдкими исключеніями, исчезаетъ съ быстротою,

пропорціональною медленности его пріобрѣтенія; пониманіе авторов, согрѣтое любовью, остается надолго или навсегда. Съ измѣненіемъ мѣрила измѣнился бы, самъ собою, и характеръ преподаванія—измѣнился бы именно въ томъ, въ чемъ теперь главный камень претккновенія для учащихся, главная, можетъ быть, разгадка неутѣшительныхъ цифръ, которыми опредѣляется отношеніе оканчивающихъ курсъ въ гимназіи къ общему числу гимназистовъ.

Около двухъ лѣтъ тому назадъ намъ случилось говорить на этомъ мѣстѣ [1]) о раздорѣ въ средѣ консервативной печати, внезапно заступившемъ мѣсто кажущагося единодушія. Съ тѣхъ поръ то же самое явленіе повторялось нѣсколько разъ, по аналогичнымъ поводамъ и въ аналогичной, болѣе или менѣе, формѣ. Крайняя разнузданность фанатиковъ реакціи возбуждаетъ протестъ со стороны недавнихъ союзниковъ ея—и самый источникъ протеста увеличиваетъ его значеніе. Способствуетъ силѣ отпора и то воодушевленіе, тотъ паѳосъ, въ которомъ никакъ нельзя отказать „Руси", когда она стоитъ за правое дѣло. Между статьями, нарушающими отъ времени до времени обычное однообразіе славянофильской газеты, особенно выдается та, которую вызвалъ на дняхъ совсѣмъ уже было забытый, но опять разогрѣтый „Московскими Вѣдомостями" вопросъ о правильности постановленія петербургской городской думы, принявшаго на городской счетъ расходы по погребенію Тургенева. Съ формальной точки зрѣнія это постановленіе, а слѣдовательно и утвердившее его опредѣленіе перваго департамента Сената, признается „Русью" лишеннымъ будто бы законнаго основанія—но зато еще менѣе основательнымъ кажется ей самый законъ, стѣсняющій права города, и попытка примѣнить его къ данному случаю, послѣ цѣлаго ряда никѣмъ не оспоренныхъ его нарушеній. Суть вопроса безспорно заключается именно въ этихъ послѣднихъ обстоятельствахъ—но согласиться съ юридическими соображеніями „Руси" мы все-таки не можемъ. Еслибы задача Сената, при всякой повѣркѣ постановленій городовъ и земствъ, ограничивалась *буквальнымъ* примѣненіемъ закона, то опредѣленіе, о которомъ идетъ рѣчь, могло бы, пожалуй, быть названо „беззаконнымъ"; но *буква*, мертвая буква, обязательна для высшаго административнаго суда лишь настолько, какъ и для суда кассаціоннаго, какъ и для всякой вообще судебной инстанціи. Она составляетъ для него абсолютный императивъ или абсолютную преграду лишь тогда, когда невозможно сомнѣніе относительно ея

---

[1]) См. Общественную Хронику въ № 7 „Вѣстника Европы" за 1882 г.

смысла, когда нѣтъ надобности въ толкованіи закона по его духу, по его происхожденію и цѣли. Статья 140-я городового положенія, прямо относящаяся къ спорному вопросу, не можетъ быть подведена подъ эту норму уже потому, что она изложена въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ; понятіе о *пользахъ города* такъ эластично, такъ неопредѣленно, что путемъ буквальнаго толкованія изъ него нельзя вывести рѣшительно ничего. При такомъ положеніи дѣла, приводимые самой „Русью" примѣры широкаго пониманія ст. 140-й—примѣры, къ которымъ легко было бы прибавить еще множество другихъ—не могли не имѣть вліянія на рѣшеніе Сената, какъ доказательство безмолвнаго согласія, установившагося между администраціей и общественными учрежденіями, и сдѣлавшагося для послѣднихъ, вслѣдствіе своей продолжительности и непрерывности, чѣмъ-то въ родѣ масштаба или руководительной нити. Газета г. Аксакова совершенно права, утверждая, что у городскихъ думъ имѣются „кое-какія функціи помимо городского хозяйства и благоустройства"; но если это такъ, то можно ли толковать законъ, самъ по себѣ по меньшей мѣрѣ неясный, въ смыслѣ запрещенія, устраненія вышеупомянутыхъ функцій?.. Какъ бы то ни было, на юридической почвѣ сомнѣніе еще мыслимо—но на фактической почвѣ вопросъ допускаетъ только одно разрѣшеніе, прекрасно указанное „Русью". „Сочетать живое, органическое, съ механическимъ, соединить съ выгодами самодѣятельности удобства послушной машины, допустить участіе жизни настолько, чтобы она двигалась, какъ заведенные часы, по статьямъ и параграфамъ законоположеній, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво"—задача дѣйствительно неисполнимая, даже „при сводѣ законовъ въ сто пятнадцать томовъ, вмѣсто пятнадцати". Въ высшей степени любопытенъ одинъ изъ фактовъ, приводимыхъ г. Аксаковымъ на основаніи собственнаго опыта. Въ городѣ Мологѣ (ярославской губерніи) существовало, съ самаго изданія Екатерининской городовой грамоты до сороковыхъ годовъ нашего столѣтія, два самоуправленія: „одно—*казенное*, по штату и по закону, для видимости и для исполненія требованій начальства, подъ его контролемъ; другое — *настоящее*, свое, подъ контролемъ самого общества. Собранная для послѣдняго складочная сумма была пущена въ оборотъ; помощью ея выстроился гостиный дворъ, приносившій значительные барыши. *Оффиціальный* городъ былъ бѣденъ, имѣлъ не свыше 4,000 руб. дохода и столько же расхода, чему составлялись формальныя смѣты, которыя тщательно разсматривались и утверждались губернскимъ правленіемъ. *Неоффиціальный* городъ имѣлъ дохода свыше 20 тысячъ рублей; расходовались они по приговорамъ городского общества, которое составляло изъ себя то законную общую городскую думу, то незаконное вѣче.

Благодаря тайному самоуправленію, городъ, сравнительно съ прочими, процвѣлъ: онъ былъ и вымощенъ, и освѣщенъ лучше другихъ уѣздныхъ городовъ ярославской губерніи; въ немъ построено было два каменныхъ дома для училищъ, выдавалось пособіе бѣднымъ церквамъ, пожарный обозъ былъ исправнѣе чѣмъ гдѣ-либо". *Законное* распоряженіе губернатора положило конецъ этому „безпорядку"—а вмѣстѣ съ нимъ и благосостоянію города. Неужели намъ суждено возвратиться къ такимъ же „возстановленіямъ закона"?.. Городовое положеніе 1870 г., насколько оно касается правъ и предѣловъ власти городского самоуправленія, стоитъ несравненно выше Екатерининской грамоты; оно нуждается, съ этой стороны, не столько въ дополненіи, сколько въ свободномъ развитіи, въ широкомъ примѣненіи его основныхъ положеній. Оружій противъ *злоупотребленій* оно даетъ правительству вполнѣ достаточно; остается только желать, чтобы злоупотребленіемъ признавалось лишь то, что направлено ко вреду города и его жителей, къ злонамѣренному нарушенію закона. Во всемъ остальномъ долженъ быть предоставленъ просторъ жизни—*настоящей* жизни. „Пусть жизнь и нашалитъ,—восклицаетъ г. Аксаковъ,—надѣлаетъ глупостей и вздору подчасъ: не смущайтесь тѣмъ—это принадлежность развитія, это все къ росту, въ науку; *жизнь же сама и цѣленіе подаетъ*". Послѣдняя черта—отличительное свойство свободы, во всѣхъ ея видахъ. Она была констатируема тысячу разъ, но напоминать о ней никогда не мѣшаетъ; ничто не забывается такъ скоро, ничто не игнорируется такъ упорно. Ошибки самоуправленія подчеркиваются съ особеннымъ удовольствіемъ—а его хорошія стороны, его успѣхи, рѣдко выставляются на видъ въ надлежащемъ свѣтѣ.

Одинъ изъ тѣхъ цѣлительныхъ процессовъ, возможность которыхъ коренится въ самой сущности самоуправленія, совершается теперь на нашихъ глазахъ; петербургская городская дума занята исправленіемъ ошибки или ряда ошибокъ, ею же сдѣланныхъ въ регулированіи отношеній столицы къ обществу петербургскихъ водопроводовъ. Мы не касались до сихъ поръ, по весьма понятнымъ причинамъ, судебнаго дѣла, производящагося между обществомъ и городомъ; мы не станемъ говорить и теперь о тѣхъ вопросахъ, которые разрѣшены, покамѣстъ, одною лишь первою судебною инстанціею. Насъ занимаютъ, въ настоящую минуту, только тѣ превращенія, театромъ которыхъ, по поводу спора о фильтрахъ, сдѣлалась наша ежедневная печать. Сначала въ дружномъ ея хорѣ не было никакихъ диссонансовъ; она выступила, какъ одинъ человѣкъ, противъ общества водопроводовъ, и рѣшимость города соединить на-

паденіе съ обороной, предъявить, одновременно съ отвѣтомъ, встрѣчный искъ къ обществу—вызвала со всѣхъ сторонъ сочувствіе и одобреніе. Въ промежутокъ времени между слушаніемъ дѣла въ окружномъ судѣ и провозглашеніемъ резолюціи, заявлены были первыя сомнѣнія не только въ вѣроятности, но и въ *возможности* удовлетворенія требованій города; искъ о фильтрахъ стали называть безнадежнымъ, неизбѣжно обреченнымъ на неудачу. Когда пророчество не оправдалось, въ нѣкоторыхъ газетахъ выдвинута была на сцену другая тэма: начались увѣренія, что резолюція суда не имѣетъ практическаго смысла и не можетъ привести ни къ какимъ практическимъ результатамъ; что возложеніе на общество обязанности устроить фильтры *когда-нибудь* равносильно освобожденію его отъ этой обязанности. Возраженія, разъяснявшія полнѣйшую исполнимость судебнаго рѣшенія, были проходимы молчаніемъ, какъ будто бы ихъ вовсе не существовало. 16-го апрѣля, наканунѣ дня, назначеннаго для объявленія рѣшенія въ окончательной формѣ, дѣлается еще шагъ назадъ съ прежней позиціи; городъ оказывается уже не только юридически, но и нравственно не-правымъ. Претензія города „получить, путемъ одного только судебнаго рѣшенія, милліонное сооруженіе, требующее для своего возведенія многихъ лѣтъ и громаднаго мѣста", признается „странною"; фильтрація невской воды „безполезною"; потребителямъ воды, „желающимъ поливать улицы и мыть ватерклозеты непремѣнно фильтрованною невскою водою", показывается въ перспективѣ, какъ заслуженный имъ штрафъ, платежъ процентовъ и погашенія по „значительному оборотному капиталу", котораго потребуетъ эксплоатація фильтровъ. „Нужно обратиться къ инженеру—читаемъ мы въ той же газетной статьѣ—а мы лѣземъ въ судъ; нужно послушать химика и гигіениста, а мы слушаемъ г. Шаумана, громящаго Неву (Неву ли?) за безнравственность ея загрязненной воды. Но эти громы не мѣшаютъ намъ (?) разрѣшать по той же Невѣ, выше города, 18-ти-верстную линію всевозможныхъ фабрикъ (желательно было бы знать, кто разумѣется здѣсь подъ словомъ: „мы?—столичное населеніе, въ лицѣ его представителя—городскаго управленія? Но вѣдь не отъ него же зависитъ разрѣшать или не разрѣшать постройку фабрикъ *выше города*, т.-е. за городскою чертою! Кто-нибудь другой? Но „лѣзетъ въ судъ" вѣдь именно городское управленіе; хотя, собственно говоря, уже послѣ того, какъ „полѣзло" въ судъ общество водопроводовъ). „Намъ нужно, чтобы въ одномъ случаѣ дважды два выходило, какъ и вездѣ, четыре, а въ другомъ (обыкновенно на чужой счетъ благородномъ) — пять; иначе мы пожалуемся окружному суду на несправедливость таблицы умноженія". Въ одномъ мѣстѣ статьи, общество водопроводовъ выставляется имѣющимъ на

своей сторонѣ если не право, то *силу*—а въ другомъ мѣстѣ идетъ рѣчь о неизбѣжной для общества ликвидаціи дѣла, если постройка фильтра будетъ признана обязательною *за счётъ стараго контракта*, т.-е. если рѣшеніе окружнаго суда не будетъ отмѣнено судебною палатою. Что же это за сила, которой предстоитъ, быть можетъ, добровольное самоуничтоженіе? Такихъ противорѣчій можно было бы указать еще много. Почему, напримѣръ, продолжительность сооруженія фильтровъ или необходимость для нихъ „громаднаго (?) мѣста" должна быть разсматриваема, какъ аргументъ противъ требованій города? Развѣ нигдѣ не найдется 6 — 7 десятинъ городской земли, свободной и удобной для постройки фильтровъ? А, напримѣръ, Преображенскій плацъ, имѣющій свободной земли болѣе 18 тысячъ кв. саженъ, и лежащій не далѣе 500 саженъ отъ водоподъемной башни? Развѣ предметомъ судебнаго иска могутъ быть только такія дѣйствія, для совершенія которыхъ достаточно нѣсколькихъ дней или нѣсколькихъ минутъ? Развѣ не можетъ быть, наконецъ, придумана такая комбинація, при которой фильтрировкѣ подвергалось бы только количество воды, необходимое собственно для питья и для приготовленія пищи? Городское управленіе отсылаютъ, вмѣсто суда, къ инженеру, къ химику, къ гигіенисту; но который же изъ нихъ компетентенъ рѣшить, на чей счетъ должны упадать расходы по постройкѣ фильтровъ? который изъ нихъ можетъ постановить опредѣленіе, обязательное для общества водопроводовъ? Что касается до пользы фильтровъ вообще, то она не требуетъ доказательствъ; за нее говоритъ опытъ большихъ западно-европейскихъ городовъ; она признана, по крайней мѣрѣ косвенно, уставомъ общества (§ 14), слова котораго повторены и въ контрактѣ между городомъ и обществомъ (§ 10), и весьма несомнѣнно указана въ § 1 того же устава и въ Высочайше утвержденномъ планѣ фильтровъ 1859, неотмѣненномъ и по настоящее время въ узаконенномъ порядкѣ. Свойства нефильтрованной невской воды, особенно въ весеннее и осеннее время, слишкомъ хорошо извѣстны всѣмъ петербургскимъ жителямъ, помимо всякой научной экспертизы. Все это, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, оспаривалось только завзятыми защитниками водопроводнаго общества, не находившими отголоска въ печати; но и они едва ли бы рѣшились утверждать, что обращеніе къ суду по вопросу о фильтрахъ равносильно жалобѣ на „несправедливость таблицы умноженія".

Намъ могутъ возразить, что разбираемыя нами газетныя статьи направлены не противъ требованій города по вопросу о фильтрахъ, не противъ рѣшенія суда, признавшаго правильность этихъ требованій, а противъ „суда въ дѣлахъ техники" вообще, противъ раз-

рѣшенія судебнымъ порядкомъ споровъ, однородныхъ съ тѣмъ, который возникъ между городомъ и обществомъ водопроводовъ. Допустимъ, что это такъ — хотя общій тезисъ статьи едва виднѣется изъ-за частностей—и посмотримъ на дѣло съ той же точки зрѣнія. Въ рѣшеніи суда, — говорится — „выказалось достаточно ярко безсиліе формальнаго, писаннаго права при рѣшеніи живыхъ экономическихъ и техническихъ вопросовъ самой жизни... Одни юристы пытаются еще спорить съ силой вещей, забывая, что они кромѣ несправедливости ничего реальнаго своими приговорами и судами сдѣлать не могутъ. Дѣлъ, подобныхъ дѣлу о петербургскомъ водопроводѣ, нынѣ встрѣчается довольно много, и въ будущемъ ихъ предвидится еще болѣе, потому что тутъ именно новое, сильно бродящее вино влили въ старые, совершенно ветхіе мѣха... Желѣзнодорожные вопросы никакъ не рѣшаются на старыхъ юридическихъ понятіяхъ о правахъ собственности, а сами пишутъ свои желѣзнодорожные законы, часто возмутительные съ чисто юридической стороны, но подчиниться которымъ, въ силу комфорта цивилизаціи, необходимо“. Крохотная доля истины тонетъ здѣсь среди колоссальной путаницы понятій. Да! формальное, писанное право часто оказывается безсильнымъ, въ особенности для регулированія тѣхъ отношеній, которыя созданы новыми условіями жизни; но безсильнымъ оказывается именно *право*, а не *судъ*, или, лучше сказать, судъ оказывается безсильнымъ настолько, насколько онъ стѣсненъ и парализованъ закономъ. Слѣдуетъ ли отсюда, что ничего, кромѣ несправедливости, отъ суда, въ „дѣлахъ техники“, ожидать нельзя, что обращеніе къ суду должно быть замѣнено чѣмъ-нибудь другимъ, болѣе обезпечивающимъ осуществленіе реальной правды (потому что —нельзя же сидѣть сложа руки, пока для новаго вина не будутъ приготовлены „новые мѣха“)? Очевидно, нѣтъ! Если рѣшеніемъ суда, въ однихъ случаяхъ, можетъ быть нарушена справедливость, то въ другихъ случаяхъ она можетъ быть возстановлена имъ; если власть, которою облеченъ судъ, можетъ иногда причинить вредъ, то столь же возможно для нея и достиженіе противоположнаго результата. Представимъ себѣ, что при дѣйствіи тѣхъ же постановленій матеріальнаго права, при томъ же государственномъ строѣ, при томъ же складѣ общественной жизни, рѣшеніе „дѣлъ техники“ и другихъ, особенно важныхъ или сложныхъ, переходитъ изъ вѣденія суда въ вѣденіе того или другого административнаго учрежденія. На чемъ будутъ основываться рѣшенія этого учрежденія — на законѣ, или на такъ называемомъ *усмотрѣніи* (alias — произволѣ)? Въ первомъ случаѣ, это будетъ тотъ же судъ, только иначе названный и не обладающій качествами, обезпечивающими за судомъ — въ свой-

ственной ему сферѣ дѣйствій — преимущество передъ администраціей. Во второмъ случаѣ, это будетъ чѣмъ-то патріархальнымъ, перенесеннымъ въ не-патріархальную обстановку, чѣмъ-то случайнымъ, капризнымъ, подчиняющимся то одному вліянію, то другому—etwas unberechenbares, по непереводимому нѣмецкому выраженію. Для рѣшенія техническихъ вопросовъ администрація можетъ прибѣгать къ помощи техниковъ, спеціалистовъ, экспертовъ—но та же помощь доступна вѣдь и для суда, и онъ гораздо больше привыкъ пользоваться ею. Чтобы возстановить гармонію между „виномъ и мѣхами", существуетъ только одно цѣлесообразное средство—это отмѣна или измѣненіе устарѣвшихъ законовъ, обновленіе матеріальнаго права согласно съ указаніями жизни и науки. Само собою разумѣется, что руководительною нитью при исполненіи этой задачи долженъ служить не „комфортъ цивилизаціи", всегда доступный только для меньшинства, а интересъ всѣхъ или многихъ, благосостояніе народа или каждаго отдѣльнаго лица. Многаго можно ожидать, въ этомъ отношеніи; отъ новаго гражданскаго уложенія, составленію котораго уже положено начало; но нѣтъ никакой надобности откладывать до его изданія тѣ частныя реформы, необходимость которыхъ представляется всего болѣе настоятельною. Объектомъ такихъ реформъ могутъ быть, какъ мы уже нѣсколько разъ говорили, и уставы частныхъ обществъ—а поводомъ къ реформѣ можетъ служить явное противорѣчіе между назначеніемъ общества и его дѣятельностью, если несомнѣнно была бы доказана невозможность устранить это противорѣчіе путемъ судебнаго процесса или другимъ способомъ, предусмотрѣннымъ въ самомъ уставѣ.

Въ заключеніе, достаточно сослаться на историческій примѣръ, какъ „техники" рѣшили вопросъ о фильтрахъ въ 1867 году: тогда Общая Дума энергически возстала противъ мнѣнія о безполезности фильтровъ и не хотѣла даже возвращать залога; а „техники", рѣшившіе этотъ вопросъ, отозвались, что они, „признавая пользу фильтровъ", не считаютъ построенія ихъ „неотложнымъ", и дѣло было опущено въ долгій ящикъ, гдѣ оно и пролежало до 17 апрѣля 1884 г., когда судъ вытянулъ его снова на Божій свѣтъ.

ИЗВѢСТІЯ.

Отъ „Кружка учредителей школьной дачи".

Подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, образовался въ минувшемъ 1883 году „Кружокъ учредителей школьной дачи" для болѣзненныхъ воспитанницъ С.-Петербургскихъ гимназій, чьи родители по ограниченности средствъ не могутъ переселиться на дачу. Результаты, достигнутые для здоровья дѣтей пребываніемъ ихъ на свѣжемъ воздухѣ и хорошею пищею, настолько удовлетворительны, что и на предстоящее лѣто учредители школьной дачи намѣреваются продолжать благое дѣло.

Кому Богъ далъ и оставилъ великую радость о здоровомъ ребенкѣ—кто хранитъ у себя въ сердцѣ тайну великой скорби о дѣтяхъ, взятыхъ изъ міра—всѣхъ, кто любитъ дѣтей, призываютъ принять участіе въ дѣлѣ, никому не чуждому—благо дѣтей.

Учредители школьной дачи не прибѣгаютъ къ обычнымъ пріемамъ общественной увеселительной благотворительности — вполнѣ уповая на успѣхъ прямого обращенія къ чувству христіанскаго состраданія къ бѣднымъ дѣтямъ и желанія придти имъ на помощь.

Ни отъ кого не требуется большого пожертвованія—наименьшій размѣръ дара будетъ принятъ съ благодарностью. Да благословитъ Господь дѣло, во Имя Его начинаемое!

Пожертвовованія принимаются у слѣдующихъ лицъ:

1. Графиня *О. В. Левашева*, Фонтанка, близъ Лѣтняго сада, д. № 18.
2. Баронесса *Э. Ѳ. Раденъ*, Михайловскій дворецъ.
3. Тайный совѣтникъ *Ѳ. А. Оомъ*, секретарь Ея Имп. Величества (а въ случаѣ отсутствія его, собственная Ея Величества канцелярія, изъ которой будутъ доставляемы росписки въ полученіи пожертвованій за подписью Ѳ. А. Оома, Фонтанка, у Аничкина моста № 50.
4. Докторъ *К. А. Раухфусъ*, въ дѣтской больницѣ принца Ольденбургскаго на Лиговкѣ.
5. Графъ *П. Ю. Сюзоръ*, Вас. Островъ, Кадетская линія, № 21.
6. Начальникъ С.-Петербургскихъ женскихъ гимназій *П. Т. Осининъ*, Вас. Островъ, 9 линія, № 6.

Сверхъ того пожертвованія могутъ быть доставляемы г-жамъ главнымъ надзирательницамъ всѣхъ женскихъ гимназій, и въ контору редакціи „Вѣстника Европы", Вас. Остр. 2 л. 7.

Краткія свѣдѣнія о школьной дачѣ, устроенной лѣтомъ 1883 года въ Левашевѣ.

На школьной дачѣ въ Левашевѣ лѣтомъ 1883 года было помѣщено 45 слабыхъ здоровьемъ дѣвочекъ, избранныхъ изъ ученицъ всѣхъ с.-петербургскихъ женскихъ гимназій, на основаніи медицинскаго освидѣтельствованія со стороны состоящихъ при гимназіяхъ врачей [1]). Во вновь устроенномъ дачномъ домѣ, отличающемся всѣми необходимыми удобствами и приспособленіями, благодаря широкой благотворительности графини О. В. Левашевой, дѣти пользовались въ теченіе лѣта полнымъ безвозмезднымъ содержаніемъ, находились подъ постояннымъ наблюденіемъ опытной воспитательницы и имѣли необходимую медицинскую помощь. На гигіеническія условія, на разумный воспитательный надзоръ и на удовлетворительное веденіе хозяйства было обращено особенное вниманіе. Изъ числа 45 ученицъ, помѣщенныхъ на дачѣ въ Левашевѣ, 14 провели тамъ все лѣто, а 31 ученица пользовались дачей отъ 6—8 недѣль. Всѣ, безъ исключенія, дѣти замѣтно поправились и окрѣпли уже послѣ 2—3 недѣльнаго пребыванія на дачѣ. Наискорѣйшее улучшеніе здоровья было замѣчено у тѣхъ, которые были истощены разными острыми болѣзнями, перенесенными ими въ теченіе года; но и у остальныхъ улучшеніе общаго состоянія и уменьшеніе разныхъ болѣзненныхъ явленій были весьма рѣдки.

Хорошая, здоровая и обильная пища, пребываніе и движеніе на чистомъ воздухѣ, холодныя купанья въ озерѣ, холодныя обтиранія, души и т. д., имѣли на дачныхъ питомицъ самое благотворное вліяніе.

Отрадно было видѣть, какъ быстро поправлялись дѣвицы малокровныя, расположенныя къ разнымъ нервнымъ заболѣваніямъ, и какъ постепенно исчезали хроническіе катарры дыхательныхъ путей.

Всѣ расходы, какъ на пріобрѣтеніе внутренней обстановки дачи, такъ и на наемъ помѣщенія (уступленнаго за весьма умѣренную плату, 300 руб.), на надзоръ и управленіе хозяйствомъ, на полное содержаніе дѣтей, прислугу и проч., обошлись въ 4.222 рубля.

Расходъ этотъ былъ покрытъ частью пожалованными отъ Государыни Императрицы деньгами, частью сборомъ доброхотныхъ пожертвователей.

Въ нынѣшнемъ году потребуется лишь 2,500 руб. на покрытіе необходимыхъ расходовъ по содержанію дѣтей.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

[1]) Принимались, конечно, лишь дѣти неимущихъ родителей.

БИБЛОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

М. Д. Скобелевъ. Этюдъ по характеристикѣ нашего времени и его героевъ. Г. К. Градовскаго. Спб. 1884. Стр. 113, съ тремя чертежами. Ц. 1 р.

Авторъ поставилъ себѣ цѣлью, въ небольшомъ этюдѣ, сдѣлать „съ возможною объективностью и безпристрастіемъ“ оцѣнку личности покойнаго Скобелева и критически разсмотрѣть основанія того „культа“, какимъ онъ пользовался при жизни. По мнѣнію автора, этому культу Скобелева не предшествовало ни изученіе его дѣятельности, ни серьезная критика тѣхъ идей, которыхъ представителемъ онъ считался. Послѣднее, впрочемъ, не составляетъ главной задачи этюда, и авторъ останавливается преимущественно на тѣхъ четырехъ дѣлахъ, которыя приводятся, какъ основаніе для „культа“, а именно: на переправѣ чрезъ Дунай, взятіи Ловчи, паденіи Плевны, и на дѣлѣ подъ Шипкою. Не соглашаясь съ панегиристами покойнаго, и въ то же время отдавая должное талантамъ и заслугамъ Скобелева, авторъ оправдываетъ нѣсколько его только тѣмъ, „что неблагопріятныя условія жизни сталкиваютъ съ пути истины далеко не дюжинныхъ людей и обрекаютъ на бездѣйствіе или обращаютъ даже во зло и вредъ самые богатые природные дары и задатки русскаго человѣка“. Этюдъ написанъ по первоначальнымъ источникамъ и дополненъ новѣйшими изслѣдованіями той эпохи.

Уставъ торговый, уставы: ремесленный и фабричный, съ приложеніемъ устава о пошлинахъ за право торговли и проч. Состав. Д. А. Носенко. Вып. 1. Спб. 1884. Стр. 174 и LXXIV. Ц. 1 р. 50 к.

Практическое назначеніе подобнаго изданія можетъ быть оцѣнено вполнѣ нашимъ многочисленнымъ міромъ торговымъ, ремесленнымъ и фабричнымъ; дѣятельность его обставлена многими условіями, которыя въ большинствѣ случаевъ дѣлаются ему извѣстными, вслѣдствіе ихъ нарушенія и привлеченія виновнаго къ суду. Такое изданіе, какъ настольная книга, можетъ часто послужить предупрежденіемъ, облегчая добываніе необходимыхъ свѣденій касательно юридическаго быта, какимъ обусловлено наше торговое, ремесленное и фабричное населеніе. Въ настоящій сборникъ внесены всѣ продолженія къ т. XI ч. 2 свода законовъ, а также и рѣшенія правительствующаго сената, разъясняющія тотъ или другой вопросъ.

Египетъ. Описаніе путешествія въ 1880 и 1881 г. В. Андреевскаго. Спб. 1884. Стр. 471.

Авторъ книги сдѣлалъ свое путешествіе, какъ любитель, подготовленный однако ознакомленіемъ съ извѣстнѣйшими изслѣдованіями той мѣстности, по которой ему пришлось странствовать, и исто... памятниковъ, которыми такъ богатъ Еги... Къ этому онъ присоединилъ и свои лич... наблюденія надъ современнымъ положеніемъ ...раны и ея населенія. Начавъ съ Александріи и Каира, онъ совершилъ поѣздку къ пирамидамъ и плавалъ по Нилу до первыхъ пороговъ. Читатель найдетъ много любопытнаго въ разсказахъ и замѣткахъ автора о странѣ, которой послѣдніе политическія событія готовятъ, повидимому, новую исторію, вполнѣ отличную отъ ея прежней судьбы. Изданіе снабжено картами, фототипіями и многочисленными политипажами.

Панамскій морской каналъ и прилежащія страны. Сост. Н. Латкинъ. Спб. 1884. Стр. 68. Ц. 1 р.

Мы находимся наканунѣ весьма крупнаго событія, которое можетъ измѣнить весь ходъ всемірной торговли. Прорытіе Панамскаго перешейка каналомъ, длиною, почти равною теченію Невы, сократитъ для Англіи и Франція путь въ Австралію и Калифорнію на 13 тысячъ верстъ, или 33 *дня*. Намъ предвидится новая и опасная конкурренція по хлѣбной торговлѣ, облегченной на цѣлый мѣсяцъ доставки. Вся стоимость постройки оцѣнена въ 300 мил. рублей золотомъ, и одна такая затрата показываетъ, какіе коллосальные обороты ожидаются отъ этого новаго пути. Авторъ настоящей брошюры соединилъ въ ней всѣ, весьма любопытныя извѣстія объ исторіи этого гигантскаго предпріятія и о его ходѣ до настоящаго времени, и далъ такимъ образомъ возможность и русской публикѣ познакомиться ближе съ подробностями новаго акта неутомимой предпріимчивости и дѣятельности Лессепса.

Николай Ивановичъ Уткинъ, его жизнь и произведенія. Изслѣдов. Д. А. Ровинскаго. Спб. 1884. Стр. 196, съ портретомъ. Ц. 3 р.

Извѣстный знатокъ, изслѣдователь и издатель русскихъ народныхъ картинокъ, сдѣлавшій много для ознакомленія публики съ нашимъ граверпымъ искусствомъ и его дѣятелями, присоединилъ теперь къ своимъ прежнимъ, многочисленнымъ работамъ новый трудъ о жизни одного изъ самыхъ замѣчательныхъ нашихъ граверовъ. Кромѣ жизнеописанія Н. Уткина, авторъ помѣстилъ въ приложенія всѣ оправдательные къ ней документы, а также подробный каталогъ его произведеній, съ перечнемъ работъ въ хронологическомъ порядкѣ и замѣткою о продажныхъ цѣнахъ на его гравюры.

Сокровище. Le trésor. Чтеніе и разговоръ. Вып. I. Спб. 1884. Стр. 104. Ц. 75 к.

Настоящее, ежемѣсячное изданіе имѣетъ одинаковую программу и цѣль съ подобнымъ же изданіемъ, предназначеннымъ для упражненій въ англійскомъ языкѣ: „Our Children“. „Сокровище“ посвящается французскому языку, и точно также, какъ и англійское, въ подстрочномъ отдѣлѣ имѣетъ указатель съ переводомъ на русскій языкъ. Какъ хрестоматія, появляющаяся выпусками, она даетъ въ годъ, рублей за 10, матеріалу для чтенія около 70 листовъ. При такомъ порядкѣ изданія, конечно, нѣтъ возможности установить какую-нибудь систему перехода отъ болѣе легкаго къ болѣе трудному чтенію, и выгода его состоитъ въ одномъ постоянномъ обн... леніи матеріала для чтенія, какого не пр... ляютъ такъ-называемыя хрестоматіи. Въ пр... женіи помѣщенъ алфавитный указатель р... скихъ словъ, заимствованныхъ изъ французск... го языка—„Dictionnaire des mots français russifiés; желательно, чтобы издатели не продолжали въ дальнѣйшихъ выпускахъ сдѣланной ими ошибки: такія слова, какъ евангеліе, Іисусъ, алфавитъ, автографъ, іюнь, іюль, и т. п. не могутъ быть никакъ отнесены къ числу словъ, заимствованныхъ изъ французскаго языка. Русскій языкъ, наравнѣ со всѣми другими языками, заимствовалъ ихъ прямо изъ первоначальнаго источника, и притомъ сохранилъ сходство ихъ съ оригиналомъ болѣе, чѣмъ французскій, чему доказательствомъ служатъ такія слова, какъ Іисусъ, евангеліе, іюль, и мн. др., испорченные ... французскомъ языкѣ до неузнаваемости: ...зю“, „Эванжиль“, „Жюлье“ и т. д.

Типографія М. М. Стасюлевича, В. О., 2 лин., 7.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: Спб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Вас. Остр., 2 л., 7.

ЭКСПЕДИЦІЯ ЖУРНАЛА: Вас. Остр., Академ. пер., 7.

1802
1876
ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ
ЛИТЕРАТУРЫ.
ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ.—КНИГА 6-я.
ІЮНЬ, 1884.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА
ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1884.

ОБЪЯВЛЕНІЯ см. ниже: XVI стр.

ИСТОРІЯ ОДНОЙ ВОЛОСТИ

Очерки изъ жизни приволжскаго захолустья.

IV *).

Конецъ счастливаго десятилѣтія.

Открытіе земскихъ учрежденій въ 1864 г. ничѣмъ не возмутило счастливаго десятилѣтія: обитатели захолустья не обратили на нихъ вниманія, они наслаждались, пользовались жизнью, да къ тому же очень мало понималось значеніе этихъ учрежденій, возбуждавшихъ чаще недоумѣніе, какое вызывается и въ наши дни неслыханными и не бывшими въ употребленіи словами: кадастръ, ипотека, земская статистика и т. д. Наконецъ, въ то блаженное и счастливое время глушь не изобиловала еще въ такой степени оскудѣвшими помѣщиками, жаждавшими земскихъ окладовъ и по этому случаю получившими нынѣ необычайную способность быстро соображать и схватывать суть дѣла.

— Что такое земство, что за штука, кому понадобилось и зачѣмъ?—приступали отсталые и ничего не читающіе помѣщики къ [illegible]ющимъ и вояжирующимъ,—но въ большинствѣ случаевъ пол[illegible]ли только темныя и весьма запутанныя разъясненія.

[illegible]щее же впечатлѣніе, на первый разъ вызванное земскими учр[illegible]ніями въ Никольской волости, на которой главнымъ обра-

*) [illegible]выше: май, 5 стр.

зомъ намѣреваемся мы сосредоточить вниманіе читателя, было такого рода, что въ губернскомъ городѣ избраны-молъ чиновники, съ порядочнымъ жалованьемъ, обязанные заботиться о дорогахъ, школахъ и больницахъ. Но даже и такое скромное ожиданіе значительно омрачилось, когда въ предѣлахъ волости появился только-что избранный членъ управы, прошедшій огонь и воду, побывавшій волостнымъ писаремъ, головой удѣльнаго вѣдомства, а въ настоящее время бойко размножавшій кабаки и въ то же время изображавшій рогъ изобилія, изъ коего должны были посыпаться на Никольскую волость всякаго рода благодѣянія и улучшенія.

Трудно вообразить себѣ, сколько забавнаго и печальнаго представляли въ себѣ первые шаги дѣятелей уѣздныхъ и губернскихъ управъ, а между тѣмъ, не взирая на происходившій хаосъ и сумбуръ, на отсутствіе всякой связи между вновь открытымъ земствомъ и темной глушью, старшій писарь Никольской волости важно и внушительно вычитывалъ членамъ правленія, изъ только-что полученной памятной книжки 1869 года,—слѣдующія строки, живо напоминавшія старую, давно знакомую ложь: «съ открытіемъ земства, члены уѣздной земской управы, не только успѣли проявить самую энергичную дѣятельность, но и нашли средство заявить о своей дѣятельности печатно. Явленіе это весьма утѣшительно для всякаго, кто не потерялъ вѣры въ самодѣятельность русскаго народнаго духа, при данномъ ему просторѣ. Не мало положено средствъ и труда къ распространенію народнаго образованія, къ коему члены земства отнеслись съ глубокимъ сочувствіемъ; но, заботясь о просвѣщеніи народа, они не оставили въ сторонѣ и вопросы о народномъ здравіи, а также вопроса объ улучшеніи путей сообщенія въ уѣздѣ, составлявшихъ одинъ изъ главныхъ предметовъ дѣятельности земскаго собранія въ разсматриваемый нами періодъ времени, съ 1866 г. по 1867 годъ» и т. д. и т. д.

Вышло положеніе и о приходскихъ попечительствахъ, но пастыри Никольской волости, о большинствѣ коихъ прихожане говорили: «хорошъ бы батюшка—степенный человѣкъ, если бы не слабость»—росписались въ полученіи и положили подъ сукно. По всей губерніи, точно первая ранняя ласточка, почуявшая весну, носился вновь назначенный инспекторъ школъ, тщетно взывая къ земству о помощи и сочувствіи къ школамъ. Но, какъ извѣстно, одна ласточка еще не дѣлаетъ весны, и отношенія земства и училищнаго совѣта къ школамъ продолжали быть фиктивными и безучастными. Наконецъ-то, уже къ концу перваго деся-

лѣтія, на голосъ инспектора откликнулся молодой Карцевъ, окончательно поселившійся на своемъ хуторѣ и случайнымъ образомъ сдѣлавшійся отголоскомъ новыхъ вѣяній и благихъ начинаній въ Никольской волости.—Значеніе уединеннаго, затерявшагося въ степи, хутора еще болѣе увеличилось съ тѣхъ поръ, какъ на одной изъ хуторскихъ избъ появилась грубо намалеванная вывѣска съ надписью: «Мировой судья второго участка»—а обладатель хутора подружился съ новымъ никольскимъ священникомъ, замѣчательно энергичнымъ и отзывчивымъ человѣкомъ. Разыскано положеніе о приходскихъ попечительствахъ, завербованы болѣе трезвые старики, а въ небольшомъ домѣ священника открыта школа для крестьянскихъ дѣтей. Но вскорѣ оказалось, что матушка, по своимъ хозяйственнымъ соображеніямъ, неодобрительно смотрѣла на это нововведеніе, и послѣ многихъ хлопотъ, на сельской площади, рядомъ съ церковью, появилась крытая тесомъ изба, раздѣленная на двѣ половины: въ одной помѣщался учитель, въ другой классная комната.

Какъ мы уже сказали выше, никакихъ мечтаній о возстановленіи старыхъ порядковъ въ Никольской волости не проявлялось, но они отчасти вернулись сами собой, благодаря все болѣе и болѣе съ каждымъ годомъ увеличивавшемуся спросу на испольную земли... Окончательно водворившаяся въ волости испольная работа живо напоминала барщину, исключивъ изъ нея произволъ и насиліе... Такимъ образомъ, половинная часть земли, оставшаяся въ распоряженіи бывшихъ помѣщиковъ на всѣ десять лѣтъ, перешла въ пользованіе крестьянъ, безъ всякой тяжелой надбавки, какъ это дѣлается въ наши дни, а просто десятина за десятину. Ко всему этому крестьяне пользовались почти безвозмезднымъ пастбищемъ на барскихъ земляхъ и въ теченіе всей зимней, ручной молотьбы усердно развозили по домамъ большую часть соломы, мякины и колоса.

О кругахъ, отдаваемыхъ въ обработку, о годовыхъ батракахъ, или лѣтникахъ, о плугахъ или удобреніи, о какихъ-либо постороннихъ заработкахъ и отхожихъ промыслахъ—не было, какъ говорится, ни слуху, ни духу, а если аренда на земли и повысилась съ 15 руб. за пару—до 25-ти, то такое повышеніе не могло еще пагубно отзываться на крестьянахъ, въ достаточномъ количествѣ пользовавшихся землею испола.

Къ началу семидесятыхъ годовъ какъ внѣшній видъ, такъ и внутренній бытъ Никольской волости нѣсколько измѣнился и представлялся въ такомъ видѣ: большая часть селъ и деревень украсилась новыми просторными избами, а тесовыя крыши, са-

ноги, красныя рубахи и нарядные сарафаны перестали быть исключительными явленіями; появилось достаточное количество оборотливыхъ мужиковъ, уже не прятавшихъ своихъ денегъ, а пустившихъ ихъ въ оборотъ; но въ то же время можно было насчитать десятки домохозяевъ, существовавшихъ на какомъ-то мѣщанскомъ положеніи и выброшенныхъ изъ крестьянской среды; одно никольское общество, вмѣстѣ съ обществомъ деревни Большой-Карцовки, получало до 600 рублей аренды за питейныя заведенія, хотя никто не считалъ и даже не подозрѣвалъ, сколько мірскихъ денегъ поглощали эти самыя заведенія; пьянство стало обыденнымъ явленіемъ, и первыми пьяницами оказались однодворцы и крестьяне деревни «Колодцы», устроившіе нескончаемое пиршество по случаю принятія въ общество новыхъ лицъ, (за что взималось по 50 руб. деньгами и по 5 ведеръ вина съ каждаго лица), или же, по поводу увольненія коренныхъ обывателей, выселявшихся въ городъ и продававшихъ свои надѣлы; общинные порядки, все болѣе и болѣе удалялись отъ совершенства; новое самоуправленіе, сильно отзывавшееся книгой, наложивъ руку на міръ, извратило самую суть народныхъ воззрѣній и преданій, а либеральный посредникъ, основавшій никольскую волость, за десять лѣтъ преобразился въ тучнаго барина и страстнаго псоваго охотника. Изрѣдка, по пути и только во время отъѣзжихъ полей, заглядывалъ онъ въ волостныя правленія, не замѣчая, что тамъ давно уже водворилась канцелярія и формализмъ, а живое дѣло утопало въ морѣ чернилъ, что міръ уже пересталъ быть народнымъ, самостоятельнымъ, а волостной судъ вытѣснилъ все еще державшійся, даже во время крѣпостного права, судъ стариковъ.

Вскорѣ обнаружились и плоды невмѣшательства, котораго придерживалось большинство почившихъ на лаврахъ посредниковъ... Большая часть старшинъ Никольской волости кончили тѣмъ, что теряли образъ и подобіе мужика: неимовѣрно расползались въ ширину, спивались и запускали руку въ мірскія суммы... Изъ отчета 1868 г. о злоупотребленіяхъ должностныхъ лицъ въ губерніи, къ которой принадлежала Никольская волость, оказалось, что въ 68 году, за всякія злоупотребленія, удалены отъ должностей, преданы суду, или административнымъ взысканіямъ волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ 681 человѣкъ. Но, не взирая на крутыя мѣры, хищенія всякихъ видовъ не только не прекращались, но окончательно водворились въ волостныхъ правленіяхъ, не вызывая ни малѣйшаго раздраженія со стороны міра, какъ будто мірскія деньги для того только и собирались,

чтобы около нихъ нагрѣвали руки сельскія власти и сборщики. Ко всему сказанному остается добавить, что при внѣшнемъ обновленіи Никольской волости, крѣпостныя традиціи очень мало поддавались вліянію времени и новымъ реформамъ; также отсутствовало понятіе о правѣ, о личной неприкосновенности, и въ случаѣ надобности каждый, ни мало не задумываясь, умѣлъ и могъ обходиться своими средствами, не теряя времени на напрасные поиски суда, а вся житейская премудрость исчерпывалась пословицей «съ сильнымъ не борись», и пр.; въ такомъ же туманѣ представлялось понятіе о собственности, о томъ, что́ можно и чего нельзя, также смутны были представленія о своей и барской землѣ, о недоступности лѣса для общаго пользованія и барскихъ луговъ и озимей для крестьянской скотины.

Все, что мы только-что разсказали и лично наблюдали въ началѣ семидесятыхъ годовъ, все это представляетъ только обратную сторону медали, между тѣмъ, какъ показная сторона могла внушить, особенно людямъ поверхностнымъ, самыя свѣтлыя упованія и надежды; и дѣйствительно десятилѣтіе, о которомъ шла рѣчь въ настоящей главѣ, по своимъ безпрерывнымъ, вошедшимъ въ привычку урожаямъ, по своему приволью и безмятежности имѣло нѣкоторое право называться счастливымъ.

Такъ или иначе, но все приспособилось къ новымъ порядкамъ... Всюду царила тишь и гладь, а на престольныхъ праздникахъ и пирушкахъ, между подгулявшими мужиками только и слышалось: наши земли—первыя земли... да на нашихъ земляхъ!.. да съ нашими землями!

Ни малѣйшаго движенія или прогресса какъ въ помѣщичьемъ, такъ и въ крестьянскомъ хозяйствѣ, не замѣчалось, да никому и въ голову не приходили какія-либо улучшенія, такъ какъ никольскія земли, эти «первыя» земли, не требовали никакихъ заботъ или затратъ. Всѣмъ и каждому, начиная съ размашистыхъ помѣщиковъ Лихачевыхъ и кончая какимъ-нибудь бобылемъ и пастухомъ мірского стада, Мыськой, жилось привольно, сытно и беззаботно, и какъ первымъ, такъ и послѣднему не представлялось особенной надобности быть бережливымъ, трудолюбивымъ и трезвымъ: всѣхъ выручалъ, кормилъ и поилъ, казалось, неистощимый, благодатный черноземъ.

V.

Еще десять лѣтъ.

Второе десятилѣтіе (1871—1881 г.г.) послѣ освобожденія крестьянъ, началось при такихъ же благопріятныхъ условіяхъ, какъ и первое, и Никольская волость продолжала наслаждаться безмятежнымъ благополучіемъ и вошедшими въ привычку урожаями, ставившими даже въ тупикъ и приводившими въ недоумѣніе людей мнительныхъ и захолустныхъ пессимистовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ начало новаго десятилѣтія совпадаетъ съ вторженіемъ нѣсколько запоздавшихъ нововведеній и благихъ начинаній, наконецъ-то добравшихся до Никольской волости.

Расходы земства на школьное дѣло вдругъ поднялись съ 1,800 руб. до 10.000; скромная Никольская школа преобразилась въ двухъ-этажный домъ, съ большой классной залой, до такой степени заставленной всякими вспомогательными пособіями, что она болѣе походила на игрушечный магазинъ; а въ 73-мъ году на мѣсто бывшей вывѣски, появилась другая, на которой золотыми буквами, по голубому фону, было изображено: «Никольская школа и ссудо-сберегательное товарищество». Въ томъ же году, состоялись публичныя испытанія учениковъ, въ присутствіи предсѣдателя, членовъ училищнаго совѣта, инспектора, волостного старшины, родителей и сбѣжавшихся мужиковъ и бабъ.

Результаты испытаній оказались блестящими; одинъ заклятой консерваторъ призналъ себя побѣжденнымъ и разчувствовался до такой степени, что пожертвовалъ школѣ прекрасный глобусъ, а по окончаніи церемоніи выступилъ симпатичный предсѣдатель и, обращаясь къ присутствующимъ, дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесъ длинную рѣчь, до такой степени растрогавшую деревенскихъ бабъ, что онѣ принялись всхлипывать и утирать слезы концами головныхъ платковъ. Но не одинъ предсѣдатель Богъ-знаетъ куда уносился въ эту, можно сказать, первую свѣтлую минуту въ жизни темнаго захолустья. Если не всѣ, то большинство такъ же много ожидало, такъ же много надѣялось, такъ же чувствовало въ себѣ неутомимую жажду и рвеніе къ доброму и хорошему дѣлу. Только что выступившихъ на сцену сельскихъ учителей и учительницъ носили на рукахъ, высшее общество осаждало залы окружнаго суда, мировыхъ и учительскихъ съѣздовъ, а провинціальныя дамы и царицы баловъ на перебой занимали первые ряды креселъ. Ни одинъ, даже семейный обѣдъ,

не обходился безъ рѣчей и спичей, до такой степени чувствовалась потребность высказаться и упражняться въ ораторствѣ... Между, точно съ неба свалившимися, ораторами оказались люди весьма даровитые, способные говорить очень много и гладко, но рядомъ съ ними выступили субъекты, только чудомъ какимъ-то не попавшіе въ лечебницы для душевнобольныхъ. Дошло наконецъ до того, что пересуды, сплетни и пошловато-пикантный разговоръ, составлявшій принадлежность провинціальныхъ гостиныхъ, все это на нѣкоторое время было вытѣснено разговорами о дѣлахъ, разбиравшихся въ окружномъ судѣ, или на съѣздѣ, о рѣчахъ и спичахъ земскихъ ораторовъ, о сельскихъ школахъ, учителяхъ и учительницахъ.

Въ настоящее время, полнаго затишья, смиренія и какой-то грусти, трудно даже вообразить себѣ, что все это когда-то происходило, что это не былъ сонъ.

Единственнымъ двигателемъ и проводникомъ новыхъ стремленій въ никольской волости оказалась престарѣлая тетка и воспитательница Карцева, замѣнившая ему мать и вмѣстѣ съ нимъ поселившаяся въ уединенномъ хуторѣ. До настоящаго времени восторженная дѣвица сосредоточивала всю свою нѣжность на племянникѣ и, дождавшись новыхъ вѣяній, положила всю свою душу на служеніе меньшей братьи, темному и бѣдному люду. Само собою разумѣется, что въ стремленіяхъ восторженной тетушки было не мало простодушныхъ преувеличеній, недостаточнаго пониманія, но въ основаніи было много искренняго убѣжденія, глубокаго и беззавѣтнаго желанія служить народному дѣлу. Она сіяла и точно молодѣла, прочитавъ въ газетахъ какое-нибудь извѣщеніе о крупныхъ пожертвованіяхъ и подвигахъ въ пользу народа, она только что не молилась на портретъ барона А. Н. Корфа, постоянно висѣвшій надъ ея изголовьемъ, и точно на крыльяхъ переносилась изъ ссудо-сберегательнаго товарищества въ курныя избы больныхъ и нуждающихся мужиковъ, а отъ нихъ въ сельскую школу, гдѣ обучала мальчиковъ и дѣвочекъ всему, что знала сама, чему научилась въ пятьдесятъ лѣтъ: чтенію, письму, черченію, рисованію, вышиванію, исторіи, географіи и проч... При этомъ въ каждомъ крестьянскомъ мальчикѣ она видѣла будущаго Ломоносова, въ каждой дѣвочкѣ грамотную, развитую мать,—просвѣтительницу будущей крестьянской семьи, и никакія мятели, морозы или болѣзни не могли помѣшать ей ежедневно, ежечасно, кого-нибудь утѣшать, обучать, лечить, кому-нибудь помогать, однимъ словомъ, исполнять то, что она считала своимъ долгомъ. Она давно уже потеряла всякую спо-

собность думать и говорить о чемъ бы то ни было, кромѣ крестьянской нужды, сельскихъ школъ и ссудо-сберегательныхъ товариществъ, и въ концѣ-концовъ навела такое уныніе, даже панику на всѣхъ сосѣдей и знакомыхъ своего племянника, что они стремглавъ разбѣгались въ разныя стороны, завидѣвъ восторженную старушку, въ ея неизмѣнно черномъ костюмѣ и самодѣльныхъ шерстяныхъ ботинкахъ, съ красными стрѣлками и смотрѣвшими вверхъ носками, и какъ можно далѣе объѣзжали уединенный хуторъ молодого Карцева. Восторженная старушка, какъ и слѣдовало ожидать, живо схватила воспаленіе легкихъ и умерла въ тихомолку, безъ стоновъ и жалобъ, помышляя только о томъ, чтобы какъ нибудь не безпокоить своего любимца и, насколько возможно, уменьшить для него тяжесть вѣчной разлуки. Оставшись одинъ, молодой Карцевъ, уже не на шутку начинавшій тяготиться уединеніемъ и неизмѣнно восторженнымъ настроеніемъ покойницы, по своему обыкновенію, до крайности преувеличилъ тяжесть своей потери. Онъ такъ настроилъ себя, что заболѣлъ и подъ первымъ впечатлѣніемъ горя, далъ торжественную клятву идти по слѣдамъ своей воспитательницы; но онъ не обладалъ ни ея энергіей, ни ея способностью забывать себя для другихъ, и потому вся суть его дѣятельности сводилась, къ исполненію, по чести и совѣсти, какой-то тяжелой обязанности. Напрасно онъ подогрѣвалъ себя твердо заученными изреченіями кн. Васильчикова и кстати и не кстати повторялъ, что «народное образованіе есть вопросъ жизни и смерти для народовъ нашего времени», а «отказъ народнымъ массамъ въ кредитѣ составляетъ такое же преступленіе, какъ и отказъ въ правосудіи»; напрасно мучилъ себя, просиживая цѣлые дни въ помѣщеніи ссудо-сберегательнаго товарищества и въ школѣ — ничего не помогало, и Карцевъ постоянно чувствовалъ давленіе какихъ-то тисковъ и страстное желаніе иной, болѣе спокойной и пріятной жизни. Въ такой ежеминутной борьбѣ съ самимъ собою быстро пробѣжали для Карцева десять лѣтъ его общественной дѣятельности. Въ эти десять лѣтъ, то-есть съ 1871 по 81 годъ, онъ истратилъ кучу денегъ на всякія благотворительныя учрежденія и, свято исполняя обязанности члена училищнаго совѣта и мирового судьи, не одинъ разъ замерзалъ — во время снѣжныхъ метелей, тонулъ въ весеннихъ заторахъ, угоралъ на въѣзжихъ квартирахъ, нажилъ кучу враговъ, перенесъ массу мелкихъ и крупныхъ непріятностей, и наконецъ, самъ того не замѣчая, въ какія нибудь десять лѣтъ, изъ молодого человѣка превратился въ дряхлаго, больного, наводящаго уныніе, желчнаго и уже украшеннаго преждевременными сѣдинами ми-

зантропа. Въ началѣ десятилѣтія онъ еще находилъ не только слушателей, но и поклонниковъ, а потомъ потерялъ всякій кредитъ, сошелъ со сцены, жаждалъ только покоя и уединенія, заперся въ своемъ кабинетѣ, все болѣе и болѣе примиряясь съ мыслью, что онъ лишній, никому не нужный, только-что не пропащій человѣкъ.

Предоставляя другимъ глумиться надъ неудавшимся дѣятелемъ и придерживаясь одной справедливости, мы обязаны сказать, что Карцевъ не былъ ни лучше, ни хуже, извѣстныхъ намъ и вмѣстѣ взятыхъ дѣятелей нашего захолустья: юныхъ, престарѣлыхъ, интеллигентныхъ, невѣжественныхъ, такъ-называемыхъ передовыхъ и отсталыхъ. Всѣ они, безъ всякаго исключенія, начинали и оканчивали такъ же точно, какъ началъ и кончилъ Карцевъ, а типъ безвольныхъ идеалистовъ до сихъ поръ еще не смѣнился въ глуши типомъ «новыхъ людей», о существованіи коихъ мы знаемъ только изъ журнальныхъ очерковъ и повѣстей.

Что же дѣлать, если своеобразная и въ то же время необычайно живучая глушь, рано или поздно, но неминуемо налагаетъ свой особый отпечатокъ на всѣхъ и на все, что только попадетъ въ ея бездонную трясину; какъ же быть, когда до сихъ поръ всякія благія начинанія и преобразованія тотчасъ же перерождались на нашей почвѣ, такъ же точно, какъ перерождался какой нибудь калифорнскій овесъ на никольскомъ черноземѣ.

Съ своей стороны, мы можемъ только указать, какимъ превращеніямъ подвергались дѣятели и всякаго рода мѣропріятія, насильственнымъ образомъ, такъ сказать по приказу, занесенные въ захолустье.

Начнемъ съ мировыхъ посредниковъ. Первый и единственный изъ нихъ, оставившій по себѣ добрую память, въ Никольской волости, давно уже сошелъ со сцены, а послѣ него почтенная должность окончательно поступила въ распоряженіе отъявленныхъ вѣтрогоновъ, уже успѣвшихъ разстроить свои дѣла и схватившихся за мѣсто посредника, какъ утопающій за соломинку. Дошло до того, что представленіе о мировыхъ посредникахъ какъ-то слилось съ представленіемъ о цыганскомъ таборѣ, поселившемся въ городѣ, куда безпрекословно и направлялись всякаго рода просители. Наконецъ посредники были выпровожены изъ города, по распоряженію власти, но тотчасъ же послѣ грозы, они снова очутились въ таборѣ, потомъ ихъ снова водворяли въ участкахъ, но они не сдавались и окольными путями пробирались назадъ. Такой порядокъ вещей продолжался до тѣхъ поръ, пока наконецъ самая должность посредника не была

упразднена, а съ 1874 года мѣсто промотавшихся шалуновъ и кровныхъ баричей заступилъ непремѣнный членъ, маленькій человѣчекъ, до того времени состоявшій при конскихъ заводахъ и рысистыхъ бѣгахъ... Онъ изрѣдка наѣзжалъ въ никольское волостное правленіе въ собственной телѣжкѣ, на своей парочкѣ добрыхъ лошадокъ, съ своимъ собственнымъ самоваромъ и погребцомъ, и тотчасъ же принимался любезничать съ сельскими властями и всячески убѣждать и упрашивать ихъ исполнить то или другое мѣропріятіе, угодное высшему начальству. Въ волостныхъ правленіяхъ такъ и смотрѣли на него, какъ на назойливаго просителя, а не какъ на начальника.

Переходя отъ мировыхъ посредниковъ и непремѣннаго члена къ мировымъ судьямъ, мы должны сказать, что въ началѣ десятилѣтія, о которомъ идетъ рѣчь, вся дѣятельность ихъ ограничивалась почти ежедневнымъ выпроваживаніемъ крестьянъ Никольской волости изъ своихъ камеръ, куда они все-таки продолжали являться, съ жалобами на безсмысленныя рѣшенія волостного суда, или на злоупотребленія сельскихъ властей. Затѣмъ вдругъ совершилась неожиданная метаморфоза... Благодаря необузданному усердію урядниковъ, обязанныхъ ежемѣсячно, и во-что-бы то ни стало, представлять каждому судьѣ не менѣе 40 актовъ,— усердію, не дававшему обитателямъ Никольской волости ни сна, ни покоя, ни днемъ, ни ночью, ни на улицѣ, ни дома, ни въ праздники, ни въ будни, ни въ лѣсу, ни въ полѣ, ни гумнѣ,— въ камерѣ мѣстнаго судьи перебывали всѣ обыватели волости, безъ различія пола и возраста. Количество уголовныхъ дѣлъ въ участкѣ, къ которому принадлежала Никольская волость, мигомъ поднялось съ 300 до 1,200 въ годъ, а вся дѣятельность судьи превратилась въ какой-то безплодный, одуряющій физическій трудъ... Весна мировыхъ учрежденій быстро смѣнилась осенью, а всѣ мысли и стремленія сельскаго судьи сосредоточились на томъ, чтобы, какъ попало и какъ можно скорѣе, перемолотить сотню безграмотныхъ полицейскихъ актовъ и за эту работу получить 175 рублей мѣсячнаго вознагражденія.

Не долго навоевалъ и первый урядникъ Объѣдимовъ, этотъ новый энергичный дѣятель, въ какой-нибудь мѣсяцъ перевернувшій вверхъ дномъ Никольскую волость... Онъ точно изъ земли выскочилъ въ своемъ кепи, съ шашкой черезъ плечо и накрылъ никольскихъ мужиковъ въ самый разгаръ праздника Косьмы и Даміана, высоко чтимыхъ въ приходѣ.

Бабы и молодые парни играли пѣсни, около трехъ кабаковъ собрались тѣсные кружки и завязалась отчаянная орлянка;

въ народной толпѣ прохаживались безпардонные гуляки, всячески стараясь удивить и поразить напускной удалью; сельскіе караульщики бросили посты свои при пожарныхъ инструментахъ и околицахъ и разбѣжались по селенію; въ одномъ изъ питейныхъ заведеній выплясывало нѣсколько человѣкъ судейскихъ, только-что кончившихъ свою сессію и, какъ должное, принимавшихъ угощеніе отъ истцовъ и отвѣтчиковъ;—волостной старшина новаго типа, бывшій сидѣлецъ, дѣлецъ первой руки, самый ловкій сборщикъ податей и любимецъ исправника, благодушествовалъ за самоваромъ, окруженный своими сподвижниками, то-есть писарями и ихъ помощниками—какъ вдругъ, среди общаго ликованія, явился урядникъ Объѣдимовъ и тотчасъ же принялся водворять порядокъ и тишину. «Стой! ты что орешь?»—Я гуляю!—«Взять его!»—«Ты чего съ трубкой шляешься?»—А ты что за указъ?—«Десятникъ, въ холодную, на хлѣбъ и на воду!»—«Гдѣ караульщики, куда отлучились?»—«Вы что орете, на ночь глядя!» — Мы, ваше благородіе, радуемся, что Богъ хлѣбца послалъ. — «Маршъ въ конюшню!» — Ваше благородіе! — «Я не ваше благородіе,—я урядникъ!—Лови орлянщиковъ! Держи! держи!»

Невообразимая паника охватила разгулявшееся селеніе, погасли огни въ питейныхъ, все искало спасенія въ бѣгствѣ: волостные судьи, орлянщики, караульщики, широкія натуры, мужики, бабы; а значительная часть обитателей с. Никольскаго встрѣтили восходъ солнца въ одиночномъ заключеніи, то-есть въ амбарахъ, конюшняхъ и сараяхъ, замѣнявшихъ темницы.

— Такъ ихъ и надо; ловко закрѣпляютъ, недавно посвятились, а такъ закрѣпили, что небось дорогу-то въ кабакъ забудутъ,—одобряли степенные мужики, всегдашніе сторонники крутыхъ мѣръ.

— Не унывай, братцы!—въ свою очередь толковали гуляки,—новая метла всегда чисто мететъ. Тоже видали виды: канавы на улицахъ копали, сады разсаживали, чистоту соблюдали и все это оставлено, замялось—такъ и это замнется.

Дѣло дѣйствительно замялось, и не прошло мѣсяца, какъ толки напуганныхъ крестьянъ принимаютъ все болѣе и болѣе успокоительный характеръ: «Съ Протафія-то полтинникъ сгладилъ, у сидѣльца Абросима въ гостяхъ былъ; въ Шимовкѣ, на свадьбѣ, двое сутокъ гулялъ... значитъ, жить можно».

Вскорѣ урядникъ Объѣдимовъ, въ пьяномъ видѣ, произвелъ грандіозный погромъ, кого-то изувѣчилъ, въ свою очередь былъ

жестоко побитъ, потомъ уличенъ въ лихоимствѣ и, по распоряженію исправника, лишенъ цепи и шашки.

Къ концу десятилѣтія скончался симпатичный предсѣдатель училищнаго совѣта, о которомъ мы упомянули въ началѣ настоящей главы, и точно унесъ съ собой въ могилу большую часть общественнаго сочувствія къ дѣлу народнаго образованія. Кратковременное увлеченіе школами отошло въ область воспоминаній, и только имя одного изъ его предмѣстниковъ, промотавшаго учительское жалованье и со стыда бѣжавшаго въ Америку, навсегда останется въ печальной лѣтописи школьнаго дѣла.

Первый и едва-ли не единственный въ своемъ родѣ инспекторъ народныхъ школъ, вмѣстѣ съ производствомъ въ высшій чинъ, съ которымъ ему было такъ же легко уживаться, какъ съ узкими сапогами, или тѣснымъ сюртукомъ, былъ обреченъ на полнѣйшее бездѣйствіе, то-есть на приведеніе въ порядокъ массы отчетовъ, исправно доставляемыхъ подчиненными... Въ этихъ отчетахъ только и говорилось, что объ «отрадныхъ» явленіяхъ, да о томъ, что народная школа крѣпнетъ и развивается, а количество учащихся растетъ не по днямъ, а по часамъ; но такъ какъ новая школа была только плохой копіей съ нѣмецкой, позаимствовавъ у послѣдней даже всѣ мелочи, начиная съ подниманія рукъ, такъ какъ даже при значительномъ увеличеніи числа учениковъ выдающимся свойствомъ школьнаго образованія все-таки оставалась способность его испаряться немедленно по выходѣ изъ школы,—то она продолжала быть чуждой народу, а сочиненныя инспекторами отрадныя явленія существовали только на бумагѣ, а не въ дѣйствительности.

Такимъ образомъ, школьное дѣло, по крайней мѣрѣ, въ никольскомъ училищѣ, продолжавшемъ оставаться единственнымъ въ цѣлой волости, представлялось въ слѣдующемъ видѣ: съ 1871 по 1881 годъ, содержаніе школы обошлось, по меньшей мѣрѣ, въ 6 тысячъ рублей, а съ 75-го года по 82-й выдано было 47 льготныхъ свидѣтельствъ... Всего же въ теченіе десяти лѣтъ выпущено было 85 мальчиковъ и 5 дѣвочекъ, кончившихъ первоначальное обученіе; но можно съ увѣренностью сказать, что изъ числа ихъ не болѣе десяти и то самымъ нежелательнымъ образомъ воспользовались грамотой, занявъ мѣста сельскихъ писцовъ, лавочниковъ, лакеевъ, сидѣльцевъ, и только одному изъ числа ихъ грамота послужила въ пользу, изъ него вышелъ хорошій сельскій учитель и скромный труженикъ.

Такъ же безплодно, по своимъ результатамъ, оказалось для Никольской волости и основанное Карцевымъ ссудо-сберегатель-

ное товарищество, съ величайшимъ трудомъ протянувшее свое существованіе около девяти лѣтъ и ликвидировавшее, только благодаря крайне осторожному и честному веденію дѣла. Прежде всего оно, какъ и всѣ учрежденія такого рода, основанныя въ губерніи, нисколько не походило на товарищество, такъ какъ во все время его существованія ни одно изъ правилъ устава не было усвоено мѣстнымъ населеніемъ. Напротивъ того—все приняло свой особый, мѣстный отпечатокъ, измѣненіе коего оказалось не по силамъ учредителей, истомившихся въ напрасной борьбѣ. Деньги охотно разбирались, въ срокъ никогда не уплачивались, поручители тотчасъ же обложили заемщиковъ извѣстнымъ количествомъ вина, а сельскіе старосты и волостные писаря извѣстнымъ количествомъ денегъ, за приложеніе печати и свидѣтельство; никто изъ лицъ, приглашенныхъ на общее собраніе, не слушалъ, не понималъ, да и не хотѣлъ понимать годового отчета, и въ то же время самый исправный и надежный мужикъ Никольской волости, приглашенный въ члены правленія, тотчасъ же начиналъ пользоваться невинными доходами «на лаптишки», а затѣмъ окончательно смѣшивалъ понятіе о своихъ деньгахъ съ деньгами товарищества, и никакой мудрецъ, въ цѣломъ свѣтѣ, не убѣдилъ бы его въ незаконности и неблаговидности такого воззрѣнія.

Кабакъ по прежнему продолжалъ замѣнять для крестьянъ клубъ, карты, театръ, однимъ словомъ, всѣ удовольствія, которыми пользуются городскіе жители. Число питейныхъ заведеній оставалось то же самое, но арендная плата за нихъ нѣсколько повысилась, и никольское общество, вмѣстѣ съ обществомъ деревни Малой-Карцовки, получало уже 800 рублей, вмѣсто 600, изъ числа коихъ едва-ли десятая часть шла на полезное дѣло. При всемъ этомъ пьянство въ значительной степени было слабѣе разгула прошлаго десятилѣтія, а потому сидѣльцы не только конкуррировали между собою, но не разъ, тутъ же на площади, вступали въ открытый бой, въ которомъ участвовали сами сидѣльцы, ихъ жены, дѣти и пріятели. Взаимное ожесточеніе кончилось поджогомъ одного изъ трехъ сельскихъ вертеповъ и ссылкой въ Сибирь молодого, спившагося съ кругу парня, принявшаго слишкомъ живое участіе въ распрѣ кабачныхъ содержателей. Какъ въ первомъ, такъ и во второмъ десятилѣтіи, послѣ освобожденія крестьянъ, пьянствомъ отличались крестьяне деревни «Колодцы», успѣвшіе спустить третью часть своего огромнаго надѣла, и всѣ безъ исключенія однодворцы, изъ числа коихъ, самый работящій и зажиточный, Иванъ Журавлевъ, или Журав-

леновъ, какъ называли его мужики, преждевременно кончилъ жизнь, благодаря пьянству, въ концѣ-концовъ сломившему его мощную натуру. Такимъ образомъ, самыми разгульными, изъ числа обывателей Никольской волости, продолжали быть крестьяне и однодворцы, обладавшіе наибольшимъ количествомъ земли; но опираясь на факты, взятые прямо изъ жизни, было бы крайне несообразно, дѣлать общіе выводы о вредномъ вліяніи многоземелья, такъ какъ намъ лично извѣстна масса фактовъ, приводящихъ къ заключенію, совершенно противоположному.

Въ самомъ селѣ Никольскомъ, пьянство замѣтнымъ образомъ увеличивалось только во время годовыхъ праздниковъ и свадебъ, въ воскресные дни засѣданій товарищества (къ величайшему отчаянію его учредителей), а также въ октябрѣ и ноябрѣ мѣсяцѣ, по случаю проводовъ новобранцевъ. Введеніе общей повинности, на первыхъ порахъ, очень мало измѣнило старые порядки, и парень, назначенный къ призыву, задолго бросалъ работу и принимался бражничать, а проводы «призывныхъ» все также дорого обходились не только ихъ семействамъ, но и всему міру, съ котораго еще долгое время собирались деньги на сдачу и на какое-то придуманное по этому случаю пьянство.

Обращаясь къ общему виду Никольской волости, мы должны сказать, что большая часть селъ и деревень, вошедшихъ въ составъ этой волости, до такой степени измѣнили свой внѣшній видъ къ началу 1878 года, такъ расширились и растянулись, что были почти не узнаваемы для человѣка, знавшаго ихъ не болѣе пятнадцати лѣтъ тому назадъ. Можно съ увѣренностью сказать, что всѣ поселки увеличились, по крайней мѣрѣ, на третью часть, а нѣкоторые болѣе нежели на половину; такъ, напримѣръ, въ деревнѣ «Колодцы» изъ 6 дворовъ, оставшихся послѣ ссылки татаръ конокрадовъ, благодаря принятымъ на надѣлъ постороннимъ лицамъ, количество дворовъ выросло до двадцати, а однодворческіе выселки Глѣбовка и Шитовка протянулись на цѣлую версту длиннымъ порядкомъ жалкихъ сѣрыхъ щебенокъ подъ соломенными крышами. Вся эта масса новыхъ крестьянскихъ дворовъ, отличавшихся отъ старыхъ своимъ видимымъ убожествомъ, появилась вслѣдствіе эпидемическаго, вдругъ нахлынувшаго стремленія къ раздѣламъ. Причины, вызвавшія эпидемію раздѣловъ, въ большинствѣ случаевъ могутъ быть объяснены весьма естественной и понятной жаждой самостоятельности и домашняго спокойствія, въ одинаковой степени необходимаго и драгоцѣннаго какъ въ хижинахъ, такъ и въ палатахъ; но, не входя въ анализъ отдѣльныхъ случаевъ, мы обязаны ска-

зать, что вошедшіе въ обычай и то-и-дѣло практиковавшіеся въ волости раздѣлы, самымъ плачевнымъ и невыгоднымъ образомъ отразились на благосостояніи крестьянъ, такъ какъ вмѣстѣ съ раздѣломъ и безъ того обременительные расходы крестьянина тотчасъ же удвоивались, а болѣзнь одного изъ рабочихъ прямо и неизбѣжно ведетъ къ разоренію; да и вообще таковъ былъ складъ и условія жизни обывателя Никольской волости, что при совершенномъ отсутствіи постороннихъ заработковъ, при шестимѣсячной зимѣ, обременяющей крестьянина на невольное бездѣйствіе, онъ могъ существовать, могъ быть сытъ, одѣтъ и обутъ, могъ справиться съ многочисленными денежными поборами, только при дружномъ, ни на минуту не остывающемъ содѣйствія всей семьи, неразрывно соединенной общими интересами и неустанной борьбой съ тяжелыми условіями жизни. Не даромъ же сами крестьяне говорятъ: «раздѣлились», желая тѣмъ самымъ сказать: «разорились». Но изъ числа, кое-какъ и на скорую руку, возникшихъ новыхъ хозяйствъ, еще болѣе выступали и поражали посторонняго наблюдателя десятки мизерныхъ избенокъ, или скорѣе никогда невиданныхъ юртъ, принадлежавшихъ крестьянамъ уже съ первыхъ лѣтъ, послѣ 19 февраля 61 года, бросившимъ земледѣліе и проживавшимъ на положеніи птицъ небесныхъ.

Такимъ образомъ, уже къ началу 78-го года, въ Никольской волости, образовался своего рода сельскій пролетаріатъ, возможность коего давно предвидѣли многія газеты и журналы. Это были первыя жертвы неурядицы и развращающаго кабака, въ скоромъ времени превратившіяся въ бродячихъ и крайне ненадежныхъ батраковъ. Коренные мужики называли ихъ «хивинцами» а поселенія ихъ «хивой разореной», и въ то же время охотно снимали надѣлы несчастныхъ «хивинцевъ» на годъ, на два, даже на десять лѣтъ впередъ, по условіямъ, то и дѣло совершаемымъ въ Никольскомъ волостномъ правленіи. Во всемъ остальномъ внѣшность волости нисколько не измѣнилась, не прибавилось ни одной ветлы, ни одного деревца, ни кустика кругомъ, одно голое, чистое, сѣрое поле, разбитое на хозяйственныя десятины и—ничего больше.

Съ этого времени замѣчается видимое распаденіе крестьянъ Никольской волости на зажиточныхъ, среднихъ и окончательно отставшихъ отъ земли. Первые богатѣли и, эксплуатируя нужду бѣдняковъ, раздавали деньги и хлѣбъ подъ жнитво и другія работы; вторые, по большей части состоявшіе изъ раздѣлившихся одиночекъ, съ величайшимъ трудомъ и только до первой неудачи,

поддерживали свое хозяйство, между тѣмъ, какъ третьи, извѣстные подъ именемъ «хивинцевъ», давно уже роздали свои надѣлы въ аренду и смотрѣли на землю только, какъ на доходную статью, дающую средство къ скудному существованію. Община видимо зачахла, а соблюденіе общиннаго союза, призрѣніе сиротъ и вдовъ, пособіе слабымъ, хворымъ и погорѣвшимъ—все это перестало быть обязанностью общины, а вся сила перешла въ руки немногихъ, болѣе ловкихъ и наглыхъ крестьянъ, по своему усмотрѣнію заправлявшихъ мірскими дѣлами. Волостные старшины то-и-дѣло смѣщались за пьянство, или растрату общественныхъ денегъ, до тѣхъ поръ, пока обязанность эта, на долгое время, не попала въ руки молодого дѣльца, изъ бывшихъ сидѣльцевъ, съ необычайной ловкостью умѣвшаго собирать недоимки, смотрѣвшаго на свою должность исключительно со стороны доходовъ и выгодъ, и то-и-дѣло отлучавшагося въ городъ, гдѣ обзавелся постоялымъ дворомъ и втихомолку устраивалъ себѣ надежный пріютъ. Что же касается до сельскихъ старостъ, то обязанность эта окончательно стушевалась: ни одинъ изъ нихъ своихъ обязанностей не зналъ и къ дѣлу не прилагалъ, а самая должность на нашихъ глазахъ перешла въ руки ничего не значущихъ личностей, находившихся въ полномъ распоряженіи вліятельныхъ крестьянъ. Ни малѣйшаго давленія, или вмѣшательства въ крестьянское самоуправленіе, со стороны мѣстной администраціи, не замѣчалось, такъ какъ она никогда не интересовалась какимъ бы то ни было живымъ дѣломъ, а исключительно заботилась о правильномъ поступленіи податей и недоимокъ. Только однажды проснулись мѣстныя власти, по случаю обнаружившагося лихоимства никольскихъ волостныхъ судей, въ полномъ составѣ попавшихъ на скамью подсудимыхъ, но и это временное волненіе вскорѣ уступило мѣсто обычному равнодушію.

Обращаясь къ экономическому и хозяйственному положенію землевладѣльцевъ Никольской волости, мы прежде всего обязаны сказать, что появленіе малосильныхъ крестьянъ и такъ-называемымъ «хивинцевъ» положило начало отдачи круговъ съ платою 15 рублей за полную обработку ихъ, а также вызвало все еще незначительный запросъ на годовыхъ батраковъ и лѣтниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ самыми практичными изъ числа землевладѣльцевъ Никольской волости оказались обитательницы «бабьяго угла», то-есть помѣщицы. Онѣ первыя сообразили несомнѣнную выгоду отдачи «кружковъ», а также возможность накинуть добавочныя работы на испольную землю, тѣмъ болѣе, что арендная цѣна

на землю стала замѣтно подниматься; самымъ же ловкимъ и чуткимъ къ вѣянію времени оказался бывшій джигитъ-Баевъ, открывшій нѣчто въ родѣ негласной кассы ссудъ для нуждающихся крестьянъ, и рядомъ съ никольскимъ товариществомъ взимавшій по 20% въ мѣсяцъ и платившій за работы не иначе, какъ гнилымъ ситцемъ и другими вещами, оцѣненными втрое противъ ихъ настоящей стоимости. Быстро приближавшійся періодъ ликвидацій и оскудѣнія землевладѣльцевъ еще только слегка коснулся Никольской волости и начался продажей земель въ конецъ разорившагося любителя хорошихъ вещей Клочкова, а также неожиданнымъ и въ то же время въ высшей степени благопристойнымъ крушеніемъ одного изъ братьевъ Лихачевыхъ, все имѣніе коего куплено было женою очень молодого и энергичнаго человѣка, кандидата правъ, только что оставившаго университетскую скамью и поселившагося въ селѣ Лихачевкѣ.

При всемъ этомъ, при массѣ недобрыхъ предзнаменованій, уже тяготѣвшихъ надъ Никольской волостью, благодаря точно обязательнымъ, непрерывнымъ и усыпляющимъ урожаямъ, все обстояло благополучно, все жило спустя рукава, не думая о завтрашнемъ днѣ, и каждому вѣрилось, что какія-то несокрушимыя, таинственныя силы чернозема продолжаютъ работать за всѣхъ и за вся. — Никто не приступалъ къ какимъ-либо улучшеніямъ, или нововведеніямъ, но не взирая на то, что всѣ управляющіе почти одновременно пришли въ совершенную негодность и, точно согласившись разомъ, выпустили изъ рукъ бразды правленія, рутинное хозяйство продолжало кое-какъ плестись по старой, давно проложенной дорожкѣ.

Неугомонный и когда-то грозный Францъ Антоновичъ потерялъ зрѣніе и поневолѣ, прикованный къ покойному креслу, убивался и мучился своей безполезностью и безпомощностью, то и дѣло вызывая Ракитова изъ-за границы, гдѣ тотъ основался на постоянное жительство, и только благодаря издѣльной повинности, до сихъ поръ удержавшейся въ селѣ Ракитовѣ, дѣло все-таки не останавливалось, и концы сводились съ концами. Волковскій управитель спился съ кругу, а имѣніемъ управляла его жена, безграмотная и безтолковая женщина. Въ такую же негодность пришелъ и молчаливый Евлампій, управитель Карцевскаго хутора, дошедшій до такого монашескаго смиренія, что работники и окрестные мужики смотрѣли на него, какъ на блаженнаго, обреченнаго на то, чтобы только лѣнивый не надувалъ и не обманывалъ его. Въ свою очередь, если не болѣе, то уже ни какъ не менѣе другихъ, опустился и доморощенный

механикъ. Постепенно, самъ того не замѣчая, Степанъ Савельевичъ дѣлался все болѣе и болѣе кабинетнымъ и ученымъ хозяиномъ и все рѣже и рѣже появлялся въ полѣ. Наконецъ, онъ вовсе переталъ наблюдать за испольниками, считая такое занятіе слишкомъ мелкимъ, а себя призваннымъ рѣшать важные, такъ сказать, міровые агрономическіе вопросы, и если кто-нибудь изъ числа, изнывавшихъ отъ тоски и скуки, сосѣдей, навѣщалъ доморощеннаго механика, то неминуемымъ образомъ заставалъ его надъ кучей бумагъ, съ изображеніями колесъ, приводовъ и прочихъ принадлежностей какой-то сложной машины.

— Это что такое?—спрашивалъ озадаченный гость, указывая на массу чертежей и плановъ.

— Это—жнея-молотилка, это наше спасеніе, спасеніе всѣхъ землевладѣльцевъ!

Сосѣдъ приходитъ въ смущеніе, и считаетъ долгомъ издали замѣтить механику, чтобы онъ не слишкомъ углублялся, потому что это иногда плохо отзывается на здоровьѣ.

— Что! Не вѣрите? А дѣло въ сущности самое пустое,— все болѣе и болѣе одушевляясь, продолжаетъ механикъ.—Такая машина уже явилась въ южной Австраліи. Но, не смотря на то, что она разошлась въ числѣ двухъ тысячъ экземпляровъ, что была уже нѣсколько разъ испытана во Франціи, Англіи и Канадѣ, и что изобрѣтатель ея, г. Ридлей, получилъ большія выгоды, она все-таки имѣетъ огромныя неудобства, которыя я устраню.

— Какія же неудобства?

— Во-первыхъ, все основано на усиленной вертикальности; потомъ жнея-молотилка Ридлея стоитъ около семидесяти фунтовъ стерлинговъ, — какъ по писанному рѣжетъ механикъ... — Но я устраню всѣ эти недостатки, и не пройдетъ года, какъ моя жнея пойдетъ въ ходъ; тогда не нужно будетъ ни жать, ни вязать, ни возить снопы, ни молотить — все это дѣлается за одинъ разъ!

Гость слушаетъ съ напряженнымъ вниманіемъ, но ничего не понимаетъ... Наконецъ, выбившись изъ силъ, онъ, какъ можно спокойнѣе, устраивается на диванѣ и вскорѣ погружается въ пріятную дремоту, между тѣмъ, какъ въ ушахъ его продолжаютъ раздаваться мудреныя слова: шкивъ, заводъ Меллеръ и К°, Вунтингъ и К°, западная Канада, южная Австралія и даже какіе-то, неслыханные острова принца Эдуарда.

При всемъ этомъ, вызывая дружный смѣхъ, или недоумѣніе сосѣдей, Степанъ Савельевичъ, до конца своей жизни, оставался единственнымъ человѣкомъ въ Никольской волости, не

соблазнявшимся никакими накладками и добавочными работами на испольную землю, и крестьяне продолжали пользоваться землею, лугами и выгонами, на старыхъ, уже около двадцати лѣтъ установившихся условіяхъ, оказавшихся невыгодными для землевладѣльцевъ. Но, странное дѣло, при всѣхъ льготахъ предоставляемыхъ никольскимъ мужикамъ, они годъ отъ году становились менѣе исправными и исполнительными въ отношеніи работъ, и точно вымѣщали на бѣдномъ механикѣ свое, все болѣе и болѣе возраставшее ихъ недовольство надѣломъ, не привычной для нихъ тѣснотой и непомѣрной цѣной на землю, вызванной спекуляціей и увеличеніемъ населенія. По временамъ, Степанъ Савельевичъ приходилъ въ ярость, обрушивался на сельскаго старосту и въ сотый разъ грозилъ мужикамъ лишить ихъ испольной земли и завести своихъ рабочихъ. Староста передавалъ міру негодованіе управителя, нѣсколько дней сряду по всему Никольскому только и слышалось:—Степанъ Савельевичъ сердится... осерчалъ Степанъ Савельевичъ...—а потомъ все стихало и успокоивалось, до новой вспышки доморощеннаго механика. Между тѣмъ, скрытое недовольство и страшная, хотя и затаенная всеобщая скорбь, все росли и росли какъ бы наперекоръ всякимъ уступкамъ, и уже близокъ былъ часъ покаянія (о которомъ мы подробнѣе поговоримъ въ слѣдующей главѣ) общаго покаянія, какъ богатыхъ, такъ и бѣдняковъ, какъ землевладѣльцевъ, такъ и крестьянъ, глубоко понявшихъ свои ошибки и дѣтское легкомысліе, съ которымъ одни—Богъ знаетъ зачѣмъ садились на одну десятину и отшатнулись отъ земли, между тѣмъ, какъ другіе наперерывъ спускали прадѣдовскія гнѣзда всякимъ проходимцамъ и спекулянтамъ.

Быстро смѣнялись событія, такъ или иначе, являясь рано или поздно, но неминуемымъ образомъ отзываясь на глухой Никольской волости.

Наступилъ 1877 годъ. По всѣмъ селамъ и деревнямъ проѣхались и прошлись ревностные члены краснаго креста, съ кружками въ рукахъ, встрѣчавшіе полнѣйшее недоумѣніе и невѣжество крестьянъ, когда рѣчь заходила о славянскихъ братьяхъ, и величайшую готовность отдать послѣдній грошъ, какъ только онъ выпрашивался на больныхъ и раненыхъ русскихъ воиновъ. Само собою разумѣется, что эти гроши теряли всякое значеніе, при крупныхъ пожертвованіяхъ, собираемыхъ въ городѣ, гдѣ добровольцы маршировали подъ музыку, а капитанъ Бачмановъ на нѣкоторое время преобразился изъ губернскаго Ювенала въ пламеннаго сочувственника сербскому дѣлу...

Не обошла Никольскую волость и эпидемія самоубійствъ, хотя они и не представляли ничего трогательнаго, или романическаго, а были только послѣдствіемъ ограниченности, или выходящаго изъ границъ самолюбія. Первый примѣръ показалъ сынъ разорившагося землевладѣльца, исключенный когда-то изъ гимназіи. —За нимъ застрѣлилась племянница богатой барыни, несъумѣвшая справиться съ бездѣльемъ и одуряющей скукой деревенской жизни. Болѣе же всего надѣлала шуму преждевременная кончина молодого дьякона с. Ракитова, долгое время бывшаго героемъ дня и постояннымъ предметомъ толковъ и разговоровъ въ Никольской волости. Въ Ракитовскомъ дьяконѣ соединялось столько необузданности дикихъ странностей, и вмѣстѣ столько даровитости, способности увлекаться и остывать, что мудрено не только встрѣтить, но даже вообразить себѣ подобный типъ. Этотъ, въ высшей степени подвижной, маленькій, худощавый человѣкъ, съ цѣлымъ лѣсомъ черныхъ вьющихся, никогда не чесаныхъ волосъ на головѣ, съ горѣвшими, какъ уголья глазами, надѣленъ былъ какой-то выходящей изъ ряда вонъ, вулканической натурой, возможной только при ежеминутной дѣятельности безъ отдыха и требовавшей все новаго и новаго. Въ одно и то же время онъ былъ замѣчательный плотникъ, великолѣпный столяръ, рѣзчикъ, часовщикъ, механикъ, однимъ словомъ, не существовало такого ремесла или искусства, за которое не брался бы молодой дьяконъ и, при полномъ отсутствіи подготовки, не достигалъ бы совершенства; но какъ только остывало увлеченіе, онъ тотчасъ же переходилъ къ невообразимому образу жизни, становился жестокъ съ семействомъ, и т. д. и т. д. Такой порядокъ вещей, возможный только въ забытой глуши, продолжался около пяти лѣтъ на глазахъ у крестьянъ, сосѣднихъ священниковъ, благочиннаго, никого не волнуя, никого не задѣвая, не вызывая ничего, кромѣ дружнаго смѣха, и вѣроятно, продолжался бы до нашихъ дней, если бы одна страшная, неожиданная катастрофа не избавила волость отъ невозможнаго человѣка. Прихожане, изъ православныхъ, имѣли какой-то растерянный видъ, за то торжествовали раскольники Никольской волости и тотчасъ же воспользовались настоящимъ случаемъ для своей пропаганды.

Наступила ветлянская паника и вскорѣ отозвалась въ Никольской волости энергичными мѣрами, направленными къ очищенію селъ и деревень отъ массы сотнями лѣтъ накопившагося навоза. Справедливость требуетъ сказать, что лихорадочная дѣятельность администраціи, въ этомъ случаѣ, принесла благодѣ-

тельныя послѣдствія, и что первый возъ навоза, послѣ цѣлаго ряда штрафовъ и актовъ, былъ вывезенъ, въ Никольской волости весною 1878 года, по распоряженію урядника.

Этого мало; съ этого времени вывозка навоза, до сихъ поръ считавшаяся не только безполезной, но даже вредной, на нѣкоторое время входитъ въ обычай между крестьянами и до такой степени увеличила плодородіе крестьянскихъ надѣловъ, прилегающихъ къ селеніямъ, что они совершенно затмили урожаи помѣщичьихъ земель.

Вскорѣ состоялся объѣздъ мѣстнымъ «навознымъ генераломъ» [1]) его участка, благодаря неудержимой ретивости урядника, превратившійся въ какую-то военную рекогносцировку. Въ назначенный часъ около каждаго селенія, деревни, или выселка Никольской волости, выстраивалось все мѣстное населеніе безъ шапокъ и сельское начальство съ присвоенными знаками на груди. Смущенный «генералъ» видимымъ образомъ спѣшилъ, какъ можно скорѣе, окончить свой торжественный объѣздъ, а подготовившій такой парадъ, урядникъ превзошелъ самого себя: онъ то мчался какъ угорѣлый, на своемъ борзомъ конѣ, то останавливался какъ вкопанный и пріосанившись, раздавалъ приказанія оторопѣвшему народу.

Къ концу семидесятыхъ годовъ, вѣчныя сплетни и пересуды на счетъ постепенно разорявшейся губернской аристократіи смѣнились въ Никольской волости толками по поводу громкихъ процессовъ, производившихся въ мѣстномъ окружномъ судѣ, въ которыхъ впервые фигурировали доморощенные бубновые валеты, самымъ безцеремоннымъ образомъ очистившіе чужіе карманы и при всемъ этомъ, находившіе себѣ ярыхъ защитниковъ, даже въ образѣ столичныхъ знаменитостей, удивительнымъ образомъ превратившихся въ адвокатовъ изъ прокуроровъ, два года тому назадъ, отличавшихся своею ревностью въ томъ же самомъ судѣ. Эти процессы, валеты, еще вчера бывшіе душою провинціальнаго общества, адвокаты, точно саранча кружившіеся въ воздухѣ, это были первые признаки новой эры, долженствовавшей на долгое время заполонить и заглушить Никольскую волость.

Страсть къ наживѣ, къ поглощенію лакомыхъ кусковъ, эта жгучая страсть, давно уже охватившая города и столицы, со всѣхъ сторонъ нахлынула на беззащитную, отсталую и все еще дремавшую глушь, не встрѣчая ни малѣйшаго сопротивленія или

[1]) Навозными генералами называли лицъ, назначенныхъ земствомъ для наблюденія за чистотою въ селеніяхъ.

готовности къ борьбѣ, ничего такого, чтобы могло, хотя въ нѣкоторой степени, противодѣйствовать безпощадности, беззастѣнчивости и алчности новыхъ вожделѣній,—ни проповѣди, ни школы, ни крѣпкихъ семейныхъ узъ, ни твердыхъ установившихся убѣжденій. Все перемѣшалось и перепуталось: землевладѣльцы, мужики, передовые, отсталые, старики, юноши, люди съ большими средствами, люди безъ средствъ, все это разомъ устремилось къ однимъ и тѣмъ же матеріальнымъ цѣлямъ, молилось одному и тому же золотому тельцу. И никто не зналъ, да и не хотѣлъ знать, гдѣ границы этому поклоненію, что честно, что безчестно, что возможно, что нѣтъ, чего можно было касаться, чего нельзя. Всѣми руководила одна и та же мысль, какъ можно скорѣе воспользоваться отсталостью и запоздавшимъ дѣтствомъ захолустья, какъ можно лучше встряхнуть и обобрать эту, только-что открытую, Калифорнію.

Глухая Никольская волость быстро утрачиваетъ свою бывшую невозмутимость и патріархальность и разъ навсегда перестаетъ быть замкнутымъ уголкомъ и мирнымъ убѣжищемъ отъ житейскихъ бурь. Такой безотрадный фактъ выразился еще съ большею ясностью, вслѣдствіе неурожая 1878 года, этого перваго несчастія, постигшаго мирную волость, послѣ семнадцати лѣтъ невозмутимаго благополучія,—несчастія, въ значительной степени пошатнувшаго вѣру въ таинственныя, усердно работающія за насъ силы чернозема.

Рожь, бывшая до того времени въ загонѣ и пренебреженіи, по выраженію купцевъ «защеголяла» и вдругъ поднялась съ 60 к. до 1 р. 30 к. за пудъ. Глаза разгорались, никому не сидѣлось на мѣстѣ, всѣ хлопотали и толковали о цѣнахъ на хлѣбъ, о барышахъ, о доходности имѣній, о продающихся участкахъ земли, сдѣлавшихся предметомъ какой то азартной игры, а весь сельскохозяйственный прогрессъ выражался исключительно въ томъ, чтобы, хорошо ли, худо ли, запахать какъ можно болѣе ржи и получить какъ можно болѣе дохода. Добрыхъ сосѣдей, простаковъ, идеалистовъ, какъ рукой сняло, а на мѣсто ихъ выступаютъ новые типы, олицетворяющіе вѣчное движеніе и суету, они неутомимо шныряютъ по всѣмъ закоулкамъ, ко всему прицѣняются, все ощупываютъ, взвѣшиваютъ, все торгуютъ, покупаютъ и продаютъ. «Нынче не прежнее время, отвезъ возъ ржи, привезъ возъ денегъ», загалдѣли болѣе зажиточные мужики, и вплоть до зимы 1879 года по непроходимымъ дорогамъ Никольской волости тянулись нескончаемые обозы съ хлѣбомъ.

Быстро начинаютъ исчезать громадные запасы старыхъ, хлѣ-

ныхъ копенъ, составлявшихъ гордость мужика, и на нашихъ глазахъ превращаются въ рубль, который тотчасъ же пускается въ оборотъ и обращается на наемъ или покупку земли, обѣщающей неслыханные барыши. Несомнѣнный практическій смыслъ мужика сейчасъ же подсказалъ ему всю выгоду снимать землю по дорогой цѣнѣ, достигавшей 25 руб. за паровую десятину, когда она давала ему болѣе ста рублей доходу.

Ослѣпленные радостью землевладѣльцы и ихъ управляющіе, за исключеніемъ Степана Савельевича, разомъ раскусили невыгодность испольной работы, при громадныхъ цѣнахъ на землю, и всячески старались раздавать обработку круговъ за что попало, за деньги, за солому, за хлѣбъ или лѣсъ; набирали какъ можно болѣе батраковъ и только въ крайнемъ случаѣ имѣли дѣло съ испольниками, требуя за одну паровую десятину обработки полутора, или даже двухъ десятинъ. Въ лихорадочномъ стремленіи къ увеличенію запашки, они попробовали обходиться безъ мужика, наперерывъ заводили плуги Але, которыми, въ большинствѣ случаевъ, только перепортили свои земли и въ конецъ замучили лошадей. Никольское волостное правленіе было завалено массой условій между нанимателями и рабочими, а въ мирной и когда-то патріархальной глуши только стонъ стоялъ отъ нескончаемыхъ жалобъ, споровъ, обоюдныхъ надувательствъ и недоразумѣній, неизбѣжныхъ при новомъ порядкѣ вещей.

Все, что можно было распахать: луга, выпуски, чищобы, все это было распахано, между тѣмъ какъ, благодаря ошибочному взгляду закона, кругомъ все чаще и чаще повторялись случаи выкупа надѣловъ, отдѣльными домохозяевами, съ цѣлью какъ можно скорѣе воспользоваться высокими цѣнами, т.-е. продать землю и сбѣжать въ городъ, или пуститься въ торговлю. Такимъ образомъ, изъ 40 дворовъ дер. Малой-Карцовки, тяготившейся своимъ надѣломъ, восемью дворами куплено у крестьянъ дер. Колодцы, ихъ ближайшихъ сосѣдей, 42 десятины, однимъ зажиточнымъ домохозяиномъ — 68 десятинъ, и другимъ — 40 десятинъ. Всего же было продано отдѣльными семьями дер. Колодцы—185 десятинъ; если же прибавить къ этому 20 дворовъ, въ теченіе послѣдняго десятилѣтія принятыхъ въ общество, за особое денежное вознагражденіе, то окажется, что самое многоземельное общество въ цѣлой волости превратилось въ малоземельное и слабосильное.

Итакъ, какъ землевладѣльцы, такъ и крестьяне, помышляли только о томъ, чтобы тѣмъ или другимъ способомъ извлечь изъ земли какъ можно болѣе выгодъ и барышей, ни на минуту не

задумываясь надъ улучшеніемъ хозяйства. Вмѣстѣ съ тѣмъ рядомъ съ крупными и средними землевладѣльцами образуется небывалая масса мелкихъ собственниковъ; а множество небольшихъ участковъ земли, отъ 20 до 100 десятинъ, съ неимовѣрной быстротой и по огромной цѣнѣ (отъ 100—140 руб. за десятину), расходятся по рукамъ зажиточныхъ крестьянъ, чиновниковъ, священниковъ, писарей, сидѣльцевъ и т. д., однимъ словомъ, людей, никогда не помышлявшихъ сдѣлаться землевладѣльцами и только увлеченныхъ денежной страстью и выгоднымъ помѣщеніемъ своихъ капиталовъ. Между ними встрѣчались весьма практичные и умные люди, вполнѣ убѣжденные, что купить имѣніе далеко проще, нежели купить лампу въ магазинѣ, что для этого даже не стоитъ безпокоить себя осмотромъ, а только нужно знать, что земля, т.-е. пашня, дѣйствительно существуетъ и на этой землѣ сидитъ мужикъ.

Чтобы сдѣлаться землевладѣльцемъ, не требовалось ни опытности, ни знанія, ни даже денегъ, чтò нагляднымъ образомъ доказалъ новый владѣлецъ села Лихачевки, кандидатъ правъ, съ помощью кредита и банковыхъ операцій скупившій, одно за другимъ, всѣ громадныя владѣнія братьевъ Лихачевыхъ. Ближайшіе сосѣди, не имѣвшіе никакого понятія о томъ, что такое кредитъ, спекуляція, рискъ, и едва знакомые съ первыми правилами ариѳметики, встали въ совершенный тупикъ: они дивились, пожимали плечами, шептались, но болѣе всего злословили, завидовали и терзались своей неумѣлостью, между тѣмъ какъ мужики, всегдашніе поклонники всякой изворотливости и ловкости, восхищались кандидатомъ, тотчасъ же лишившимъ ихъ испольной земли и, скрѣпя сердце, повторяли: «страсть, какъ заботливъ, огнемъ горитъ, ключемъ кипитъ». А между тѣмъ, поселившись въ глуши, кандидатъ правъ былъ преисполненъ другихъ стремленій—стремленій высшаго порядка, жаждалъ только честной и полезной дѣятельности; но условія жизни направили его на дорогу спекулянта, крупнаго землевладѣльца и страстнаго хозяина. Безпокойная натура кандидата не могла примириться съ обезпеченной праздностью и толкнула его въ водоворотъ денежныхъ страстей и спекуляцій. Онъ скупилъ смежныя земли и чѣмъ болѣе пріобрѣталъ, тѣмъ болѣе хотѣлось купить и еще купить, чтобы округлить свое имѣніе. Но это еще не все: купивши безъ гроша денегъ массу земли, кандидатъ умудрился вести свое огромное и сложное хозяйство безъ всякаго капитала и велъ на славу, возбуждая еще бòльшую зависть сосѣдей, не умѣвшихъ хозяйничать «на новыхъ началахъ» и только злобно

предсказывавшихъ и поджидавшихъ его разоренія. Не обращая никакого вниманія на настроеніе сосѣднихъ землевладѣльцевъ, энергичный хозяинъ, въ то же время, былъ крайне озабоченъ ожесточенной и все еще не конченной борьбой съ патріархальными привычками крестьянъ, совершенно распущенныхъ добродѣтельными помѣщиками Лихачевыми, — въ настоящее время очутившимися въ нищетѣ и голодѣ, на земскихъ кормахъ.

Судьба Лихачевки, это — судьба всѣхъ имѣній, долгое время находившихся во владѣніи простоватыхъ и безпечныхъ добряковъ, одержимыхъ невоздержанностью страстей. При старыхъ порядкахъ они процвѣтали и благодушествовали; при новыхъ владѣльцахъ, «страсть какъ заботливыхъ» и принявшихся за хозяйство «на новыхъ началахъ», они съ каждымъ годомъ испытываютъ непривычное и въ высшей степени тягостное для нихъ стѣсненіе. Новый владѣлецъ Лихачевки былъ несомнѣнно человѣкъ честный: за нимъ никогда не пропадала крестьянская копѣйка, онъ не бралъ штрафовъ за потравы, всегда стоялъ на законной почвѣ, даже ратовалъ на земскихъ собраніяхъ за крестьянскіе интересы, но въ то же время не терпѣлъ испольной работы, поднялъ межи, на которыхъ крестьяне привыкли косить траву, заводилъ свой скотъ, а потому ревностно охранялъ выпуски, озими и гуменный кормъ, — а эти-то самыя нововведенія, неизбѣжныя въ каждомъ порядочномъ хозяйствѣ, шли какъ разъ въ разрѣзъ съ интересами крестьянъ, съ ихъ привычками и всѣмъ строемъ ихъ жизни.

На такихъ же «новыхъ началахъ» повелось хозяйство въ с. Васильевкѣ, перешедшей отъ послѣдней пассіи и фаворитки нѣжнаго и давно уже скончавшагося недоросля изъ дворянъ къ скромному учителю музыки, лѣтъ двадцать тому назадъ пріѣхавшему въ губернскій городъ въ одномъ легкомъ пальто, съ легкимъ сакъ-вояжемъ въ рукахъ. Явившись въ Васильевку, бывшій музыкантъ прежде всего поразилъ мужиковъ своей необычайной мягкостью, потомъ несказанно огорчилъ отказомъ въ испольной землѣ и съ чисто нѣмецкой аккуратностью и настойчивостью принялся равнять, чистить, удобрять, осушать, городить, копать канавы, заводить плуга и мялки, закупать скотину.

— Ограничилъ, совсѣмъ ограничилъ, въ разоръ разорилъ, — вскорѣ заговорили мужики, почесывая затылокъ и приходя въ совершенное отчаяніе.

Въ такомъ видимомъ и очевидномъ противорѣчіи оказались интересы новыхъ землевладѣльцевъ, начавшихъ хозяйство «на новыхъ началахъ» съ интересами крестьянъ. Эти противорѣчія вызывали недовольство, нескончаемую и неутомимую борьбу—

старыхъ привычекъ къ простору съ новыми порядками, и кто побѣдитъ, кто скорѣе сбѣжитъ съ земли, это—вопросъ спорный и трудно разрѣшимый, между тѣмъ какъ величайшимъ, настоящимъ счастіемъ для нашего захолустья было бы скорѣйшее наступленіе мира и возможнаго соглашенія интересовъ землевладѣльцевъ съ интересами крестьянъ, безъ чего самая жизнь въ захолустьѣ, въ этомъ тихомъ омутѣ, среди вѣчной войны и постоянной непріязненности, становится тяжелою до крайности.

Денежныя страсти разгорѣлись еще съ большей силой, при видѣ необычайнаго урожая 1881-го года. Всѣ заранѣе принялись вычислять будущіе доходы и барыши. У всѣхъ на первомъ планѣ были деньги, и только десятка два безсребренниковъ взирали на море слегка уже волновавшейся ржи съ какимъ-то умиленіемъ, свойственнымъ очень пожилымъ крестьянамъ, суровымъ идеалистамъ, уже отживающимъ свое время, никогда не разсчитывающимъ на высокія цѣны и считавшимъ даже большимъ грѣхомъ подобные разсчеты. Какъ вдругъ, послѣ небольшого мороза, бывшаго 15-го мая, въ ночь на 17-е число, того же мѣсяца, выпалъ снѣгъ на цѣлый вершокъ, при морозѣ, достигшемъ 8-ми градусовъ. Снѣгъ быстро растаялъ, но вмѣсто темно-зеленаго моря преждевременно поднявшейся ржи, вся Никольская волость представляла мертвую, точно выглаженную морозомъ блѣдно-желтую равнину, на которой еще печальнѣе и безотраднѣе выступали сѣрыя деревушки, переполненныя нытьемъ и стенаніемъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, оцѣпенѣвшихъ отъ неожиданности и страха за будущее. Всѣ озимыя поля были убиты на повалъ. Небывалая паника и впервые явившаяся мысль о голодѣ и спасеніи души отъ голодной смерти замѣнили розовыя надежды, и хотя проливные дожди, наступившіе въ серединѣ лѣта, и вызвали новые побѣги, но они мало поправили дѣло, и рожь уродилась мелкая и въ ничтожномъ количествѣ.

Чувствовалась необходимость немедленной помощи, но такъ какъ губернская и уѣздная управа были завалены канцелярскимъ дѣломъ, то-есть повѣркой массы приговоровъ о вспомоществованіи, то потерявшимся и брошеннымъ на произволъ судьбы обитателямъ Никольской волости пришлось сѣять никуда не годными, тощими сѣменами и такимъ образомъ хоронить надежду даже на будущій урожай.

Такъ какъ послѣдствіе катастрофы, разразившейся надъ Никольской волостью 17-го мая, вполнѣ обнаружились только въ теченіе зимы 1882-го года, то намъ необходимо, въ настоящей главѣ, хотя слегка коснуться этой страшной зимы.

Счастливъ тотъ, кто живетъ подальше отъ деревни въ тяжелые дни голодовки и только изъ газетъ узнаетъ, что гдѣ-то голодаютъ, но горестное положеніе мало-мальски мягкосердаго землевладѣльца, когда въ его дверь то-и-дѣло стучится голодный человѣкъ, и въ ушахъ ежеминутно раздается: «укусить нечего, нѣтъ ни хлѣбца, ни работы...» и когда на всѣ обращенныя къ нему мольбы, кое какъ перебиваясь со дня на день, онъ можетъ предложить бѣдняку только новый затягивающій хомутъ и ничего больше. Впрочемъ въ цѣлой Никольской волости не нашлось почти ни одного человѣка, остановившагося надъ подобными соображеніями, напротивъ того—всѣ сейчасъ же, самымъ отчаяннымъ образомъ принялись эксплуатировать нужду крестьянъ и раздавать имъ подъ работу хлѣбъ и деньги, за годъ, за два и даже за три года впередъ, утѣшаясь мыслью, что каждый крестьянинъ, въ свою очередь и при первой возможности, будетъ такъ же беззастѣнчиво эксплуатировать всякаго другого и выжимать изъ него сокъ.

Но самое трудное для крестьянъ Никольской волости было то, что при полномъ неурожаѣ на все, они въ то же время не имѣли ни сѣна, ни соломы для продовольствія скота. Голодъ не свой братъ, но когда къ нему присоединяется отсутствіе корма, тогда уже положеніе мужика становится такъ плохо, что хуже быть не можетъ.

Бѣдняки вымели послѣднее зерно изъ своихъ закромовъ, но такое, казалось бы, отчаянное положеніе края нисколько не мѣшало не только землевладѣльцамъ или такъ называемымъ «богачамъ» изъ крестьянъ, но и крестьянамъ средней руки, съ какимъ-то удвоеннымъ рвеніемъ обмолачивать остатки своихъ копенъ, переправлять въ городъ послѣдніе запасы ржи, чтобы продать ее по высокой цѣнѣ и вмѣсто воза ржи, привезти возъ денегъ.

Тронулись съ рожью и аркашинскіе чуваши, до настоящаго времени удержавшіе въ полной неприкосновенности свои безчисленныя копны, а русское населеніе считало тоже неслыханное событіе едва ли не первымъ признакомъ свѣтопреставленія. Что же касается до цыльнинскихъ татаръ, то они давнымъ давно перебивались исключительно тѣмъ, что забирали въ разныхъ экономіяхъ деньги впередъ подъ возможныя работы, чтобы потомъ обмануть довѣрчивыхъ людей и цѣлой ордой убѣжать на дорогое жнитво, за Волгу.

Наконецъ-то члены управы объѣхали уѣздъ, составили списки нуждающимся, но въ большинствѣ случаевъ все дѣло ограничи-

лось запоздавшимъ, крайне ничтожнымъ вспомоществованіемъ, испарившимся такъ же быстро, какъ вода, брошенная на раскаленное желѣзо. При всемъ этомъ, послѣ неурожая 1881 года, по сведеніи счетовъ по 8 уѣздамъ губерніи, къ 1-му декабрю 1882 г., оказалось, что губернская управа имѣла въ долгахъ за крестьянами хлѣбныхъ запасовъ 254,236 пуд. озимаго и 134,738 пуд. ярового, денежнаго же капитала 72,324 руб. общественнаго и 659,345 руб. губернскаго.

Въ это тяжелое время, съ поразительной ясностью обозначилось, что каждое общество, вошедшее въ составъ Никольской волости, за исключеніемъ чувашъ, раздробилось на крестьянъ зажиточныхъ, за рѣдкимъ исключеніемъ, обладавшихъ большой дозой эгоизма и кулачества, крестьянъ средней руки, едва сводившихъ концы съ концами и озабоченныхъ тѣмъ, чтобы какънибудь пережить голодовку, и такъ-называемыхъ «хивинцевъ», давнымъ давно бросившихъ хозяйство, отдававшихъ свои надѣлы въ арендное содержаніе и одаренныхъ безпечностью небесныхъ птицъ.

Такой въ высшей степени прискорбный фактъ не замедлилъ выразиться въ тѣхъ затрудненіяхъ, которыя оказались при составленіи мірскихъ приговоровъ, для полученія вспомоществованія изъ управы на продовольствіе. Требованія ссуды были всегда далеко не пропорціональны съ нуждами въ продовольственныхъ ссудахъ, или же такіе приговоры совершенно отмѣнялись и встрѣчали самое энергическое противодѣйствіе со стороны богачей и даже крестьянъ средней руки, напуганныхъ круговой порукой и не желавшихъ имѣть *ничего общаго* съ бѣдняками и такъназываемыми «хивинцами», то-есть единственными жертвами голода—таково было отношеніе къ нимъ сельскихъ обществъ, но это были только цвѣтики, настоящими же ягодами, выросшими при новыхъ порядкахъ и новомъ складѣ сельской жизни, представляются такъ-называемые мірскіе люди, то-есть сельскіе старосты и уполномоченные отъ обществъ, по покупкѣ хлѣба, раздачѣ сѣмянъ и вообще при расходованіи суммъ, отпущенныхъ управой на продовольствіе голодающихъ.

Твердо рѣшившись не отступать отъ правды и дѣйствительности, какъ бы она ни была неприглядна, мы приведемъ краткое извлеченіе изъ доклада уѣздной земской управы, относящагося уже къ 1883 году.

1) Обществу с. Шувати было разрѣшено купить 2,008 пуд. гречи; уполномоченные этого общества Григорій Черновъ, Степанъ Караваевъ и сельскій староста Пятаковъ, въ счетъ этого

количества купили гречи 510 пудовъ, которая принята вполнѣ и пошла на посѣвъ; на остальныя же деньги сельскій староста и уполномоченные сдѣлали темную сдѣлку, выдали завѣдомо фальшивую квитанцію и взамѣнъ остального количества гречи получили разнообразный товаръ и деньгами 609 руб. 63 коп. Кромѣ того, уполномоченные и сельскіе старосты злоупотребляли еще тѣмъ, что всѣмъ полученнымъ распоряжались по своему усмотрѣнію, предоставляя получать деньги и прочее такимъ домохозяевамъ, которые вовсе не нуждались, и отказывали такимъ, которые дѣйствительно нуждались въ сѣменахъ.

2) Обществу крестьянъ села Русеневки разрѣшено купить на засѣвъ перепаханныхъ полей гречи 120 пуд., уполномоченные отъ общества Логинъ Вѣткинъ и Алексѣй Кузминъ также вошли въ темную сдѣлку на 15 руб., выдавъ мѣщанину Чеснову квитанцію на 120 пуд. гречи по 85 к.—на 102 р., которые Чесновъ и получилъ изъ управы; потомъ обнаружилось, что Чесновымъ отпущено 120 пуд. гречи, а 87 руб. деньгами уполномоченные роздали въ обществѣ, по своему усмотрѣнію.

3) Обществу села Винновки было разрѣшено обсѣмененіе перепаханныхъ полей овса 1,836 пуд.; для покупки и раздачи сѣмянъ уполномочены отъ общества сельскій староста Яковъ Яковлевъ Яшкинъ и крестьяне Макаръ Вьюновъ и Шишкинъ, которые тоже вошли въ темную сдѣлку съ мѣщаниномъ Чаркинымъ, выдавъ ему квитанцію не на 1,836 пуд., а на 1,759½ пуд. по 63 коп., на сумму 1,108 р. 48 к., которые Чаркинъ и получилъ сполна; затѣмъ обнаружилось, что Чаркинъ отпустилъ овса только 1,024½ пуд. на 645 руб. 43½ коп., а взамѣнъ остальнаго количества 735 пуд, отпустилъ 223 пуд. гречи на 178 р. 40 к., и выдалъ деньгами 205 руб. 4 коп., всего на 1,028 р. 87¼ к., менѣе чѣмъ получилъ самъ на 79 р. 60½ к., въ которыхъ уполномоченные не могли даже дать никакого отчета.

«Усматривая въ дѣйствіяхъ старостъ и уполномоченныхъ, говорилось въ заключеніи доклада, неправильную покупку и раздачу сѣмянъ съ выдачею фальшивыхъ квитанцій, для полученія денегъ, уѣздная управа представила обстоятельства этого дѣла на распоряженіе прокурора, окружнаго суда, а для привлеченія къ отвѣтственности должностныхъ лицъ сообщила уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію и къ свѣденію губернской управы».

Порицая и преслѣдуя такого рода злоупотребленія, мѣстная интеллигенція въ то же время ничего не сдѣлала для голодаю-

щихъ и проживала на положеніи какихъ-то иностранцевъ, не имѣвшихъ ничего общаго съ коренным населеніемъ. Никакихъ пожертвованій не поступало, ни дамъ-благотворительницъ, ни кавалеровъ-благотворителей не оказывалось, даже любительскихъ спектаклей, или иныхъ увеселеній въ пользу голодающихъ не устроивалось. Сочувствіе мѣстной интеллигенціи выразилось только жаркой полемикой, завязавшейся между крупнымъ землевладѣльцемъ, санитарнымъ врачемъ и ученымъ агрономомъ, по поводу замѣны ржаного хлѣба картофельнымъ, оказавшимся, на основаніи научныхъ данныхъ, едва ли не лучше и не питательнѣе. Эта горячая полемика, въ значительной степени оживившая мѣстную газету, пришлась какъ нельзя болѣе по вкусу новому крайне любознательному писарю Никольской волости, бывшему ученику духовной семинаріи и едва ли не единственному, усердному читателю газеты въ цѣлой волости. Изъ этой горячей полемики, бывшій семинаристъ почерпнулъ много весьма полезныхъ свѣденій: такъ, напримѣръ, онъ узналъ, что въ ржаной мукѣ столько-то %—въ извѣстномъ вѣсовомъ объемѣ—мясообразовательныхъ частей, а въ картофелѣ столько-то; что веществъ дыхательныхъ (тепловыхъ) болѣе въ картофелѣ и менѣе въ ржаной мукѣ; узналъ, что Розенбергъ, Липинскій и многіе другіе категорически доказываютъ, что введеніемъ культуры картофеля въ поляхъ можно въ нѣсколько лѣтъ поднять сельское хозяйство выше, нежели усиленными трудами въ теченіе десятковъ лѣтъ безъ картофеля и т. д., и т. д. Но наперекоръ ученымъ людямъ и агрономамъ, крестьяне Никольской волости продолжали ѣсть кислый ржаной хлѣбъ и не дошли до такого несчастья, чтобы питаться картофелемъ.

Въ началѣ января 1882 г. положеніе было ужасное: крестьяне, кто побѣднѣе, давно уже съѣли послѣдній кусокъ собственнаго хлѣба, казалось, что уже близокъ страшный часъ, когда люди начнутъ помирать съ голоду. Между тѣмъ, медленно протянулся январь, за нимъ кое-какъ миновалъ февраль, дошла очередь и до марта, а всѣ были живы, ѣли хлѣбъ и не только не теряли бодрости духа, но даже исправно попивали водку по праздникамъ. Какъ же объяснить это чудо и кто прокормилъ голодающихъ?... Вотъ вопросы, которые могли бы поставить въ тупикъ не только поверхностнаго наблюдателя, но даже каждаго обитателя Никольской волости, чуждаго обыденной крестьянской жизни.

Въ одно прекрасное, почти весеннее утро марта 1882 г., пишущему эти строки пришлось быть у крестьянина д. Малой-

Карцовки, Ивана Борисова, извѣстнаго въ цѣлой волости подъ именемъ «скорохода»;—это былъ благообразный, моложавый старикъ, лѣтъ шестидесяти, почти безъ признака морщинъ или сѣдины, весьма недружелюбно относившійся къ своему прозвищу, какъ нельзя болѣе подходившему къ его необычайно дѣятельной натурѣ. Старикъ былъ цѣлый день на ногахъ и тотчасъ же, послѣ окончанія полевыхъ работъ, вплоть до самой весны занимался мелочной торговлей скотомъ, хлѣбомъ и всякимъ нужнымъ въ крестьянствѣ товаромъ, не пропуская ни одного базара, то и дѣло, съ необычайной быстротою, перебѣгая взадъ и впередъ, изъ одной деревушки въ другую и закупая все, что отдавали дешево. Отдыхалъ ли, спалъ ли онъ когда-нибудь — это было подъ большимъ сомнѣніемъ, и даже мужики, относившіеся къ «скороходу», какъ къ кремню и скареду, дивились его, выходящей изъ ряда вонъ, заботливости и неутомимости.

Изба у «скорохода» была просторная, теплая и содержалась въ большой чистотѣ и опрятности; видно было, что хозяинъ не пускалъ въ нее скотину въ зимнее время, какъ дѣлаютъ сосѣди. Между мной и хозяиномъ тотчасъ же завязался оживленный разговоръ, а между тѣмъ, входная дверь то и дѣло отворялась, и одна партія дѣтей, съ сумками черезъ плечо, смѣняла другую. Какъ-то стыдливо входя въ избу, оборванные мальчики и дѣвочки набожно крестились и потомъ молча выстраивались у порога. «Скороходъ», со счетами въ рукахъ, горячо продолжалъ разговоръ, не обращая никакого вниманія на входившихъ, какъ будто ихъ и не было въ избѣ, но старшая сноха, тотчасъ же при появленіи новой партіи направлялась къ столу, вынимала каравай хлѣба, нарѣзывала небольшіе кусочки и подавала. Дѣти крестятся и уходятъ, а на мѣсто ихъ уже выстроилась другая партія...

Я уже не слушалъ хозяина и только наблюдалъ безпрестанно повторявшуюся раздачу хлѣба.

— Обробилъ, совсѣмъ обробилъ народъ... только кусочками и перебиваются... Самому-то мужику совѣстно просить, такъ вотъ изобрѣли средство: дѣтей посылаютъ... — мимоходомъ сказалъ хозяинъ, замѣтивъ мое изумленіе, и потомъ еще азартнѣе защелкалъ на счетахъ, и никто не убѣдилъ бы его, что онъ дѣлаетъ доброе дѣло, благодѣяніе, выручаетъ изъ нужды и бѣды.

— А много расходится хлѣба...—перебилъ я «скорохода».

— Старую... все еще старую подъѣдаемъ... Расходъ большой!.. Мы не считаемъ... да и считать-то грѣшно!..—нехотя отвѣчалъ скопидомъ и съ новымъ усердіемъ принялся навязывать мнѣ

свой товаръ, заламывая ровно втрое, призывая всѣхъ святыхъ, какъ свидѣтелей его добросовѣстности и очевиднымъ образомъ желая во чтобы то ни стало обойти меня и нагрѣть.

Распрощавшись съ хозяиномъ, я принялся внимательно наблюдать за ежедневнымъ, продолжавшимся до новаго хлѣба мірскимъ подаяніемъ, и эти наблюденія привели меня къ заключенію, что «кусочки» можетъ быть спасли десятки и сотни людей отъ страшнаго бѣдствія.

Правда обязывала насъ останавливаться передъ такими печальными явленіями сельской жизни, какъ пьянство, появленіе «хивинцевъ», оскудѣніе общинныхъ началъ, міроѣдство отталкивающихъ видовъ и формъ и т. д., но та же правда поставила насъ лицомъ къ лицу съ такимъ фактомъ, какъ чудесное, почти невѣроятное, при нашей привычной обстановкѣ, спасеніе отъ голодной смерти большой половины населенія Никольской волости. Спасеніе совершалось безграмотнымъ, темнымъ мужикомъ, въ концѣ-концовъ оказавшимся единственнымъ существомъ, крѣпко сохранившимъ идеи древнихъ порядковъ,—существомъ, способнымъ безъ всякихъ фразъ и рисовки, не мудрствуя лукаво, исполнить нравственную обязанность человѣка къ человѣку.

В. Назарьевъ.

ДЖОРЖЪ ЭЛІОТЪ

Очеркъ жизни и сочиненій *).

— George Eliot, by Mathilde Blind. Lond. 1883.

Окончаніе.

Въ сужденіяхъ о третьемъ романѣ Дж. Эліота: «Сайлесъ Марнеръ» (1862), которымъ заключается первый блестящій періодъ ея литературной дѣятельности, встрѣчаются большія разногласія. Для однихъ этотъ романъ—идеально округленное и законченное художественное произведеніе, равно удачное по замыслу и выполненію—едва ли не самый безупречный и занимательный изъ ея романовъ. Другіе, болѣе взыскательные цѣнители, признавая всѣ его несомнѣнныя достоинства, отрицаютъ эту цѣльность; находятъ первую часть, по обыкновенію, выдержаннѣе второй, и видятъ даже признаки торопливости въ распутываніи сложныхъ нитей интриги. Что же касается «занимательныхъ происшествій», то этотъ, чуждый таланту Дж. Эліота элементъ вредитъ, по ихъ мнѣнію, художественному впечатлѣнію и отвлекаетъ вниманіе отъ истинныхъ красотъ. Красоты эти въ картинахъ природы, въ бытовыхъ сценахъ, въ высокой морали, которою свободно и непосредственно дышетъ эта повѣсть, и наконецъ, главнымъ образомъ, въ характерахъ, настолько жизненныхъ, что они свободно выносятъ на своихъ плечахъ бремя чрезвычайныхъ происшествій.

*) См. выше: май, 133 стр.

Главный интересъ романа сосредоточивается на личности героя и совершившихся въ немъ дважды въ жизни нравственныхъ переворотахъ. Сайлесъ Марнеръ—ткачъ-отшельникъ, худой, болѣзненный, съ растерянными близорукими глазами и умственнымъ горизонтомъ, столь же ограниченнымъ, какъ его физическій кругозоръ,—отъ природы душа честная, наивная и довѣрчивая. Онъ только ушелъ въ себя и одичалъ вслѣдствіе тяжкихъ разочарованій, которыя въ молодыхъ лѣтахъ убили въ немъ вѣру въ людей и даже въ небесный промыселъ. Жертва несправедливыхъ подозрѣній со стороны членовъ религіозной секты, въ которой пользовался большимъ уваженіемъ, Марнеръ, послѣ предательства друга и измѣны невѣсты, оставилъ родной городъ и поселился близъ мѣстечка Ревенло. Здѣсь онъ какъ бы умеръ для всего на свѣтѣ, кромѣ станка, на которомъ, съ настойчивостью насѣкомаго, ткетъ съ утра до ночи, и—денегъ, получаемыхъ за работу. Любовь къ деньгамъ замѣняетъ у него всѣ прежнія привязанности и мало-по-малу превращается въ манію.—Легко поэтому представить себѣ его отчаяніе, когда, вернувшись домой въ ненастный зимній вечеръ, онъ не находитъ своихъ кошельковъ въ обычномъ мѣстѣ, подъ кирпичами пола. Всѣ поиски напрасны. Марнеръ, еще болѣе худой и блѣдный, бродитъ, словно помѣшанный, и, вѣроятно, чаще прежняго подвергается припадкамъ каталепсіи (которыми страдалъ съ молоду). По крайней мѣрѣ такой припадокъ застаетъ его однажды на порогѣ двери, которую онъ собирается закрыть. Прійдя въ себя и почувствовавъ ознобъ, онъ садится къ камину, и вдругъ, при свѣтѣ тлѣющихъ угольевъ видитъ на полу что-то свѣтлое, точно кучку золота; нагнувшись же съ бурнымъ біеніемъ сердца, ощупываетъ—не холодный жесткій металлъ, а теплые, мягкіе, дѣтскіе волосы. Чтобы разсѣять призракъ, онъ бросаетъ хворосту въ огонь и убѣждается, что передъ нимъ маленькая, бѣдно одѣтая дѣвочка лѣтъ трехъ — точь-въ-точь сестренка, которую онъ, мальчикомъ, таскалъ на рукахъ. Давно замолкнувшія струны отозвались въ его сердцѣ. Дѣвочка между тѣмъ просыпается и начинаетъ плакать. — Слѣдуютъ картины робкаго няньчанья близорукаго, неловкаго и неумѣлаго мужчины съ маленькимъ безпомощнымъ существомъ, которое деспотически имъ распоряжается, и сцены совѣщаній съ доброй сосѣдкой Долли Уинтропъ насчетъ одежды, пищи, педагогическихъ пріемовъ и т. д. — страницы, полныя обаятельной прелести.

Водвореніе ребенка въ одинокой хижинѣ ткача измѣняетъ, разумѣется, всю жизнь послѣдняго. Въ немъ совершается вто-

ричный переворотъ; онъ оживаетъ для человѣческихъ привязанностей, заботъ и радостей и (подобно всѣмъ героямъ Дж. Эліота) находитъ счастье тамъ, гдѣ оно дѣйствительно можетъ быть найдено — въ живой связи съ людьми, любви къ другому и забвеніи самого себя.

Типы простолюдиновъ вообще очень удачны въ этомъ романѣ. Долли Уинтропъ, къ которой Марнеръ обращается въ своихъ затрудненіяхъ, полна жизни и правды и столько же симпатична въ своей дѣятельной, чисто-христіанской любви къ ближнему, сколько забавна невѣденіемъ церковныхъ догматовъ и правилъ, пополняемыхъ собственными соображеніями.—Вечеръ въ гостинницѣ «Радуги», куда Марнеръ, не найдя своихъ денегъ, является точно привидѣніе среди бесѣдующихъ завсегдатаей таверны,— безподобная бытовая картина, которую нельзя выкинуть, не лишивъ романа одного изъ лучшихъ украшеній. «Такъ и чувствуешь,—говоритъ рецензентъ Cornhill Magazine'а,—что у камина сидитъ молчаливый гость, ни мало не стѣсняющій веселья обычныхъ посѣтителей, *свой человѣкъ*, хотя и видѣвшій иные виды кромѣ сельской колокольни. Гость слѣдитъ за деревенскими рѣчами и шутками, какъ и за деревенскими происшествіями съ высшей точки зрѣнія, но *не свысока*. Онъ способенъ открывать въ этомъ узкомъ мірѣ тѣ же чувства и страсти, которыя въ иной сферѣ поражаютъ менѣе наблюдательные взоры крупными размѣрами и сложными формами». Талантъ Дж. Эліота переселяться въ души разныхъ существъ, а также богатство, глубина и разнообразіе ея юмора («почти Шекспировскаго, по обширности регистра») очаровываютъ во всѣхъ ея романахъ перваго періода. «Но здѣсь особенно поражаетъ способность писательницы, съ серьезнымъ и утонченнымъ умомъ, овладѣть въ совершенствѣ областью забавнаго, свойственной необразованнымъ людямъ, воспроизвести типичныя, по безцеремонной откровенности, шутки ихъ, не допуская и тѣни цинизма, и наконецъ ея способность уловить ту степень непроходимости, которая уживается въ деревенскихъ головахъ, рядомъ съ здравымъ смысломъ».—Изъ дѣйствующихъ лицъ высшаго слоя очень милы Ненси и ея сестра. Слабохарактерный Годфри, дѣлающій подлости, не будучи подлецомъ, тоже очерченъ мастерски. Негодованіе противъ малодушія, нравственной несостоятельности и всякаго потворства себѣ, замѣтно наросло у Дж. Эліота со времени созданья «Артура Донинторна», и достигаетъ апогея въ героѣ подготовляемой «Ромолы».

«Ромола», занимавшая Дж. Эліота въ теченіе нѣсколькихъ

лѣтъ [1]), вышла въ 1863 г. и, въ противоположность прежнимъ романамъ, не имѣла непосредственнаго успѣха въ публикѣ. Серьезнымъ людямъ она понравилась; но масса нашла ее слишкомъ серьезной, ученой и скучной. Отъ читателя требовалась извѣстная подготовка, чтобы дышать свободно въ этой исторической атмосферѣ, или извѣстная энергія для борьбы съ преградами, мѣшающими отдаться вполнѣ лицамъ, выведеннымъ на сцену,—именно лицамъ, а не событіямъ, потому что величайшее достоинство «Ромолы» (помимо исторической вѣрности, удивляющей знатоковъ) заключается не въ занимательности событій, а въ глубокомъ психологическомъ интересѣ характеровъ.—Многіе называютъ этотъ романъ исторической картиной, гдѣ читателя поражаетъ не столько жизнь и движеніе, сколько умъ и вкусъ въ выборѣ, постановкѣ и освѣщеніи сюжета. Центръ культуры эпохи возрожденія, Флоренція, съ ея мягкими изысканными нравами, не превращена у Дж. Эліота въ арену кровопролитій и ужасовъ, хотя изображаемый ею періодъ принадлежитъ къ самымъ бурнымъ. Взоръ художника и мыслителя остановился не на судорожныхъ искаженіяхъ, вызванныхъ потрясающими событіями, — хотя событія не обойдены — а на обычной физіономіи города и его преобладающемъ настроеніи. Но главное—авторомъ не забыто, что «при всѣхъ условіяхъ общественнаго броженія, люди всегда остаются одними и тѣми же изъ вѣка въ вѣкъ»; и что «борьба партій и мнѣній всѣхъ временъ — итогъ борьбы отдѣльныхъ существъ на жизнь или смерть». Этой точки зрѣнія, прямо высказанной въ поэтической «проэмѣ» (гдѣ, какъ въ оперной увертюрѣ, намѣчены всѣ основные мотивы), Дж. Эліотъ остается вѣрна и сосредоточиваетъ свое вниманіе на томъ, что вѣчно и неизмѣнно въ природѣ и человѣкѣ, а слѣдовательно неизмѣнно близко и понятно каждому. Вотъ почему, при полномъ равнодушіи къ Флоренціи 1484—1509 гг. и наперекоръ всякой археологіи, лица, выведенныя на эту чуждую намъ сцену, способны увлекать и возмущать насъ.

Въ послѣднемъ отношеніи, первое мѣсто принадлежитъ безспорно молодому греку Тито Мелемѣ, котораго можно назвать идеаломъ безнравственности. Мы видимъ передъ собой не кровожаднаго или сумрачнаго злодѣя, а обольстительнаго юношу, который не только далекъ отъ намѣренія дѣлать зло, но даже не выноситъ зрѣлища страданія и не можетъ жить безъ людской

---

[1]) „Я начала этотъ романъ молодой женщиной, а кончаю старухой", пишетъ Дж. Эліотъ одной пріятельницѣ.

симпатіи. Тайна всѣхъ его преступленій и всей его низости въ томъ, что онъ слабъ и любитъ себя, свой покой и свое удовольствіе больше всего на свѣтѣ. Особенно тонко организованный инстинктъ себялюбія побуждаетъ его постоянно стремиться къ пріятнымъ ощущеніямъ и избѣгать всего непріятно-дѣйствующаго на его утонченную нервную систему [1]). Съ этого прямого пути Тито никогда не сбивается посторонними соображеніями; руки его безошибочно протягиваются къ тому, что всего заманчивѣе или доступнѣе; препятствія обходятся, отодвигаются или опрокидываются, смотря по обстоятельствамъ. Какъ человѣкъ весьма образованный и развитой, и притомъ крайне чуткій, Тито не можетъ не замѣчать содѣяннаго; но онъ умѣетъ ловко стряхнуть съ себя тягостное бремя внутренняго недовольства и снова прійти въ равновѣсіе. Сознаніе вины вызываетъ въ немъ еще другую характерную реакцію—отчужденіе, болѣе или менѣе враждебное, отъ тѣхъ, кто пострадалъ по его милости или имѣютъ право порицать его, вмѣстѣ съ стремленіемъ пріютиться въ такомъ уголкѣ, гдѣ судить его некому и гдѣ слѣдовательно дышется свободно. (Отъ зоркихъ глазъ Ромолы Тито бѣжитъ къ молящейся на него дурочкѣ Тессѣ; и, разумѣется, обманываетъ и ее безъ зазрѣнія совѣсти).

Пока жизнь идетъ, что называется, «по маслу», ничего отъ него не требуя, Тито—олицетворенная доброта и мягкость. Его безпечная веселость, его лучезарная улыбка сіяетъ, какъ солнце, на праведныхъ и злыхъ. Онъ очаровываетъ всѣхъ и каждаго. Но чуть на пути задоринка, затрудненіе, искушеніе — свѣтлый обликъ его души мѣняется и проходитъ всѣ метаморфозы, требуемыя обстоятельствами, прихотью минуты и неизмѣннымъ инстинктомъ достиженія наибольшаго счастья для себя. Внѣшній же его образъ упорно противостоитъ внутреннему разложенію и остается безмятежнымъ и обязательнымъ. Не даромъ чудакъ-живописецъ, скептически взирающій на людей, замѣчаетъ при встрѣчѣ съ Тито, что лицо этого юноши идеальный типъ предателя: «порокъ и измѣна не могутъ оставить на немъ слѣда».—Въ личныхъ отношеніяхъ Тито и въ общественныхъ столкновеніяхъ того смутнаго времени много нежелательныхъ осложненій и препятствій, много соблазновъ. И вотъ—при полномъ отсутствіи нравственнаго тормаза и возжей, именуемыхъ совѣстью—онъ катитъ подъ гору все быстрѣе и быстрѣе, отъ мелкихъ къ крупнымъ

---

[1]) Видъ чужихъ страданій принадлежитъ къ разряду непріятныхъ ощущеній и обращаетъ его въ бѣгство.

обманамъ, измѣнамъ и предательствамъ, отъ преступленій тонкаго разбора къ грубымъ злодѣйствамъ. Тито въ полномъ смыслѣ слова *ужасенъ*. Нельзя безъ содроганія видѣть этой постепенно разверзающейся бездны нравственнаго паденія. Такъ и чувствуешь, что она готова поглотить любого изъ насъ въ указанныхъ намъ предѣлахъ.

Разумѣется, не Дж. Эліотъ открыла, что сердце человѣческое есть бездна подлости, и что необходимо зорко слѣдить за собой и оглядываться на другихъ. Но она облекла эту старую и вѣчно юную истину въ осязательный образъ и, отмѣтивъ съ особеннымъ искусствомъ первыя ступени паденія и ихъ роковую послѣдовательность [1]—(количественное, а не качественное измѣненіе)—сдѣлала изъ Тито Мелемы страшное memento mori. Всѣ единогласно признаютъ, что на созданіи этого характера лежитъ печать генія; что только глубокій мыслитель могъ взяться за развитіе отъявленнаго злодѣя изъ добродушнаго юноши, и только великій художникъ могъ осуществить эту задачу столь блестящимъ образомъ. Одинъ Шекспиръ, прибавляютъ многіе, способенъ создавать такіе общіе типы, при рѣзкой индивидуальности; такія осязательныя живыя лица, для воплощенія отвлеченной идеи.

Противоположность Мелемы находимъ мы въ совершенномъ отсутствіи своекорыстныхъ стремленій, прямотѣ и искренности его жены Ромолы. Вѣра въ любимаго человѣка составляетъ вопросъ жизни для ея нѣжнаго и гордаго сердца. Нравственные идеалы ея возвышенны и опредѣленны. Смѣлый и свѣтлый умъ не допускаетъ лжи ни въ какой формѣ. Образованіе, пріобрѣтенное въ студіи ученаго отца, ставитъ ее на высотѣ всѣхъ общественныхъ и научныхъ интересовъ того времени. Ее нельзя удовлетворить призраками и надолго затуманить ея ясныхъ глазъ. Ромола—идеальная красавица и идеальная женщина, но все-таки не отвлеченная добродѣтель и не теорія, какъ увѣряли нѣкоторые. Она не чужда увлеченій и слабостей, и въ своей любви къ Тито—проникшему въ студію ея слѣпого отца на подобіе луча свѣта—и въ горькомъ разочарованіи, заставившимъ ее бѣжать отъ него, и наконецъ даже въ той возвышенной метаморфозѣ, которую производятъ во всемъ ея существѣ слова Савонаролы.—

[1] Такъ Тито начинаетъ съ того, что только откладываетъ на время исполненіе непріятнаго долга (т.-е. поиски за пріемнымъ отцомъ, попавшимъ въ неволю во время ученаго путешествія); но психическій процессъ, сопровождающій эту первую поблажку себѣ или измѣну дѣлаетъ ее по существу равной его послѣдующимъ злодѣйствамъ. Или, другими словами, его послѣдующее предательство является неожиданнымъ для него самого итогомъ цѣлаго ряда мелкихъ измѣнъ.

Обращеніе Ромолы до извѣстной степени напоминаетъ исторію Жанеты и Тріана [1]), хотя въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ и съ значительными видоизмѣненіями. О задушевности и смиреніи, о чувствѣ братства, которыми дышетъ бесѣда Тріана, разумѣется, не можетъ быть и рѣчи. Савонарола говоритъ тономъ человѣка непогрѣшимаго и властнаго съ заблудшей женщиной. Онъ побѣждаетъ гордость Ромолы, искусно затронувъ самую живую и больную струну ея уязвленной души (обвиняя ее въ измѣнѣ долгу, потворствѣ страстямъ, малодушіи—тѣхъ свойствахъ, которыя убили ея любовь къ Тито и заставили покинуть его домъ). И, гонимая страшнымъ призракомъ, Ромола смиряется передъ логикой самоотверженія, передъ проповѣдью креста изъ устъ грубаго доминиканца, одного изъ тѣхъ людей, которыхъ она привыкла презирать за узкій фанатизмъ, невѣжество и суевѣріе. Она зоветъ его отцомъ—именемъ для нея святымъ—она рыдаетъ у его ногъ. По своему воспитанію въ правилахъ древнихъ стоиковъ, Ромола была способна увлечься въ христіанскомъ ученіи одной любовью къ ближнему, чертой, отсутствующей въ отвлеченной классической морали — и потому, вернувшись, по приказанію Савонаролы, во Флоренцію, гдѣ царили голодъ, чума и всякія смуты, весьма естественно ушла въ дѣла милосердія.

Исторія отношеній Тито и Ромолы до ея бѣгства представляетъ психологическій этюдъ необычайной тонкости. Столь же художественно изображены послѣдующія болѣе крупныя столкновенія въ жизни супруговъ. Тито, падая ниже и ниже, переходитъ постепенно отъ отчужденія къ враждѣ и ненависти, а Ромола, въ своихъ чувствахъ къ нему — отъ жгучихъ страданій у постели умирающаго къ тупой боли при отпѣваніи трупа. Подъ конецъ она только слѣдитъ за нимъ съ холоднымъ отчаяніемъ, стараясь предупредить бѣды, которыя онъ можетъ навлечь на Флоренцію и близкихъ ея сердцу людей, потому что Тито ведетъ опасную двойную игру съ разными политическими партіями, игру, за которую платятъ жизнью достойнѣйшіе граждане, и которая въ концѣ-концовъ губитъ его самого.

Весьма интересна также исторія второго удара, постигшаго сердце этой женщины, т.-е. ея разочарованія въ Савонаролѣ. Когда Ромолѣ пришлось увидить честолюбивые расчеты, уклончивость и малодушіе въ любимомъ учителѣ, котораго она счи-

---

[1]) Жаль только, что сцена слишкомъ растянута въ „Ромолѣ“ и постепенно расхолаживаетъ читателя; въ „Исповѣди“ же напротивъ сила впечатлѣнія наростаетъ до конца.

тала недосягаемымъ для мелкихъ личныхъ соображеній—и когда міръ, въ которомъ пріютилась ея душа послѣ перваго крушенія, въ свою очередь рухнулъ,—то понятно, что жизнь должна была утратить для нея смыслъ и цѣну, а смерть показаться желаннымъ исходомъ. Эпизодъ съ лодкой, въ которой она отдалась на произволъ волнующагося моря, и зачумленнымъ селомъ, къ которому прибило лодку, при всей поэтичности, слишкомъ замысловатъ; но фактъ возвращенія къ вѣрѣ въ высокія истины, независимо отъ того, кто ихъ проповѣдывалъ, непреложенъ въ природахъ такого закала. Глубокимъ убѣжденіемъ звучатъ поэтому слова Ромолы: «низостью было съ моей стороны желать умереть. Если всё на свѣтѣ ложь — страданіе, которое можно облегчить, несомнѣнная истина». И читатель убѣжденъ, что дальнѣйшая жизнь ея будетъ осуществленіемъ этихъ словъ.

Въ романѣ имѣетъ совершенно мелодраматическій характеръ —одна исторія сумасшедшаго Бальтазаро. При всемъ томъ она хватаетъ за сердце, благодаря мастерскому изображенію душевнаго состоянія безпомощнаго старика, сознающаго, что теряетъ память и разсудокъ въ то самое время, какъ все существо его судорожно цѣпляется за прежнее я для осуществленія завѣтнаго, жгучаго желанія.—Языческое міросозерцаніе сдѣлало для Бальтазаро месть закономъ; и когда предательство Тито падаетъ тяжкимъ ударомъ на его сѣдую голову, уже расшатанную крутымъ переломомъ въ судьбѣ и непосильными трудами неволи—его любовь превращается въ ненависть, въ инстинктивную жажду мести. Въ такомъ настроеніи слушаетъ онъ, укрывшись въ соборѣ, пламенную проповѣдь Савонаролы, громящую зло и злодѣевъ, и, разумѣется, слышитъ въ ней только то, что соотвѣтствуетъ его оскорбленному чувству—то, что касается часа отмщенія, вѣчныхъ каръ, вѣчныхъ мукъ. Онъ упивается восторгомъ проповѣдника и, подобно ему, готовъ идти на смерть за святое дѣло. Это переложеніе мотивовъ проповѣди на регистрѣ разстроеннаго мозга слушателя, одержимаго неотвязной мыслью, какъ равно и вся картина помѣшательства Бальтазаро, поразительно вѣрны и способны привести въ восторгъ психіатра. Вся театральность сценъ, въ которыхъ мы видимъ старика, исчезаетъ передъ осязательной реальностью его образа. Только заключительный эпизодъ между Бальтазаро и Тито все-таки желательно было бы замѣнить менѣе жестокой развязкой.

Переходимъ къ послѣднему изъ главныхъ лицъ. Нѣкоторые находятъ, что, послѣ Мелемы, интересъ романа сосредоточивается на характерѣ Савонаролы, одинаково замѣчательномъ съ истори-

ческой и художественной точки зрѣнія. По мнѣнію же другихъ, на этомъ характерѣ слишкомъ явны слѣды обдуманной и кропотливой работы вмѣсто свободнаго творчества. Дж. Эліоту, говорятъ они, не удалось сдѣлать Савонаролу живымъ лицомъ, хотя удалось воплотить въ его проповѣдяхъ восторженный аскетизмъ монаха съ такой силой, какъ будто она была ревностнѣйшей католичкой и сама пережила всѣ стадіи религіознаго экстаза.

Савонарола изображенъ у Дж. Эліота весьма сложной природой, соединеніемъ большой нравственной силы съ болѣзненной впечатлительностью, и безкорыстной жажды добра и правды съ широкимъ честолюбіемъ. Въ тиши монастыря, бѣжавшій отъ міра аскетъ «постигъ великія истины и вѣрилъ, что онъ, а никто другой, призванъ осуществить ихъ для общаго блага». Въ этомъ сознаніи онъ вполнѣ искренно обрекалъ себя на мученичество въ минуты молитвеннаго восторга. По мѣрѣ того, однако, какъ неблагопріятныя обстоятельства и гоненія стали накопляться на его пути, послѣ временнаго упоительнаго успѣха, честолюбіе высшаго порядка стало постепенно вырождаться въ желаніе во что бы то ни стало удержать за собой власть надъ умами. Савонарола началъ измѣнять себѣ въ словахъ и поступкахъ и, обладая возвышеннымъ и утонченнымъ умомъ, не могъ не гнушаться избираемыми средствами и не сознавать мучительно своего паденія. Въ этомъ основной трагизмъ его судьбы, по мнѣнію Дж. Эліота. Осуждать его она предоставляетъ тому, «кто въ полдень своей жизни, усталый и разбитый, не вспоминалъ обѣтовъ юности съ краской въ лицѣ».

Всего удачнѣе изображенъ Савонарола къ концу своей карьеры, когда его аскетическая проповѣдь успѣла надоѣсть изнѣженнымъ высшимъ слоямъ; простой народъ, озлобленный напрасными ожиданіями, голодомъ и болѣзнями, сталъ тяготиться запросами на самоотреченіе; а враги, зорко слѣдившіе за Савонаролой и колебаніями общественнаго мнѣнія, начали пускать въ ходъ недостойнѣйшія средства съ цѣлью подорвать авторитетъ бывшаго народнаго любимца и добить человѣка, утратившаго популярность вмѣстѣ съ вѣрой въ себя. Послѣднія главы романа читаются съ глубокимъ волненіемъ. Савонарола здѣсь точно живой стоитъ передъ нами «въ своей двойной агоніи». Дж. Эліотъ не отступила отъ исторической правды изъ любви къ своему герою. Твердости, мужества, нравственнаго величія онъ не обнаруживаетъ передъ варварскимъ судомъ. Подъ вліяніемъ жестокихъ пытокъ, онъ то признается въ честолюбивыхъ замыслахъ, ради

святой цѣли; то обвиняетъ себя въ тщеславіи и гордости, повергаясь въ прахъ передъ карающей десницей; то смиренно бесѣдуетъ на единѣ съ божествомъ, мучительно сознавая свои ошибки, моля о духовномъ обновленіи, вѣря что «онъ ничто, но что свѣтъ, видѣнный имъ, былъ истинный свѣтъ». На кострѣ мы видимъ его безгласной жертвой. Кругомъ вопитъ чернь, издѣваясь и проклиная: она отчасти вѣритъ, что со смертью лжепророка кончатся бѣдствія Флоренціи, отчасти непосредственно наслаждается зрѣлищемъ униженія и мукъ. Друзья трепетно ждутъ, что хоть въ послѣднюю минуту онъ выйдетъ изъ оцѣпененія, скажетъ что-нибудь, отстоитъ себя. Но Савонарола обводитъ толпу тусклымъ безучастнымъ взглядомъ и молчитъ. «Не такою, конечно, рисовалъ онъ себѣ мученическую смерть!»... «Тѣмъ съ большей справедливостью», говоритъ Дж. Эліотъ въ заключеніе своей художественной лѣтописи, «назовутъ его мученикомъ будущія поколѣнія; потому что сильные міра возстали противъ него не за его слабости, а за его величіе; не за то, что онъ хотѣлъ обольстить міръ, а за то, что хотѣлъ возвысить его и облагородить».

Читателю пріятно поэтому, что Ромола, въ эпилогѣ, вспоминаетъ о своемъ учителѣ съ теплымъ чувствомъ и отдаетъ ему должное. Весьма характерна ея бесѣда съ Лилло (сыномъ Тесси и Тито, напоминающемъ отца лицомъ и замашками). Она говоритъ ему въ словахъ, понятныхъ для отрока, что преслѣдуемъ ли мы высшія или себялюбивыя цѣли, мы одинаково не застрахованы отъ несчастныхъ случайностей. Погибъ Савонарола, погибъ и «одинъ человѣкъ», искавшій только пріятнаго себѣ. Вся разница въ томъ, что если бѣдствіе постигаетъ низкую душу, то отрады нѣтъ уже ни въ чемъ, и человѣку остается сказать: «лучше бы мнѣ не родиться».

Дж. Эліотъ вполнѣ сознавала и не разъ высказывала, что писателю не слѣдуетъ отрываться отъ родной почвы, и все-таки увлеклась прелестью чужой страны настолько, что захотѣла населить ее созданіями своего воображенія. Подготовляясь въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ къ своему роману, изучая бытъ средневѣковой и новѣйшей Флоренціи до послѣднихъ мелочей, она вѣроятно, надѣялась проникнуться этими впечатлѣніями настолько, чтобы образы прошлаго приняли яркость дѣйствительныхъ воспоминаній. Ей однако измѣнило художественное воображеніе: «характеры» вышли у нея великолѣпно, но въ общемъ, обширный матерьялъ сталъ балластомъ, замедляющимъ дѣйствіе и движеніе

въ романѣ [1]); «топливо, по выраженію одного рецензента, заглушило пламя». Дж. Эліоту не удалось вдохнуть въ свою широкозадуманную историческую картину ту жизнь, которая присуща ея простѣйшимъ эскизамъ изъ родного быта; ту поэзію и свѣжесть, которыми дышатъ ея главные романы. Замѣчательно также, что юморъ, область, въ которой она царитъ на англійской землѣ, ускользаетъ изъ ея рукъ на чужбинѣ. Всѣ попытки въ этомъ направленіи неудачны въ «Ромолѣ»; болтовня цирюльника и его кліентовъ, всякія флорентинскія шутки и остроты наводятъ скуку или досаду. Почитатели Дж. Эліота особенно горевали объ утратѣ этой симпатичнѣйшей стороны ея таланта и боялись, что разъ уклонившись въ историческія дебри, она уже не вернется къ прежней простотѣ и естественности.

«Феликсъ Гольтъ» (1866) въ значительной мѣрѣ оправдалъ эти опасенія. Несмотря на очаровательную вступительную картину путешествія въ дилижансѣ въ доброе старое время (гдѣ Дж. Эліотъ какъ будто возвращается домой), въ этомъ романѣ, съ политической и общественной тенденціей, нѣтъ прежней простоты, а напротивъ, много дѣланнаго въ завязкѣ и развязкѣ, равно и въ драматическихъ положеніяхъ главныхъ лицъ. Одинъ диссидентскій проповѣдникъ м-ръ Лайонсъ и маленькій Тоджъ нарисованы прежней кистью. Новыя вѣянія въ средѣ рабочихъ не изображены достаточно наглядно и опредѣленно. Самъ Феликсъ Гольтъ (радикалъ) составленъ по извѣстному рецепту изъ разныхъ свойствъ, не совсѣмъ ладящихъ между собой, съ замѣтнымъ излишкомъ неотесанности. Цѣльнаго характера или живого лица въ немъ нельзя признать. Всего лучше и естественнѣе бываетъ онъ въ обществѣ мальчугана Тоджа, который оказываетъ благодѣтельное вліяніе и на маменьку радикала (сцена въ саду сквайра). Въ прочихъ же случаяхъ миссисъ Гольтъ представляетъ неудачную разновидность ноющихъ, упрямыхъ и тупоумныхъ бабъ, способныхъ вывести изъ себя не только злополучныхъ домочадцевъ, но и читателя. Эдитъ — изящная барышня и безупречная героиня, но почему-то оставляетъ насъ холодными зрителями ея благороднаго самоотверженія. Г-жа Тренсомъ — нѣкогда преступная жена, а теперь несчастная мать — не столько «характеръ», сколько назидательный и страшный урокъ, въ лицѣ бѣдной сѣдой леди, казнимой за грѣхи молодости. Дж. Эліотъ поставила ее въ безвыходное положеніе между самодовольнымъ

[1]) Вслѣдствіе этихъ соображеній, въ „Отеч. Запискахъ" 1864 г. былъ помѣщенъ переводъ „Ромолы", гдѣ сохранено все, касающееся главныхъ лицъ и исключены подробности, „замедляющія дѣйствіе".

пошлякомъ, для котораго она когда-то пренебрегла долгомъ, и котораго, на старости лѣтъ, не только понимаетъ вполнѣ, но и должна бояться, и сыномъ, страстно любимымъ и инстинктивно чуждающимся матери. Въ столкновеніяхъ съ Гарольдомъ, г-жа Тренсомъ внушаетъ вообще глубокую жалость; а нѣкоторыя сцены и даже подробности (наприм., впечатлѣніе, которое производитъ сходство рукъ сына и бывшаго красавца-адвоката) просто хватаютъ за сердце. Не даромъ эти страницы написаны великимъ знатокомъ женскаго сердца. Вообще Феликса Гольта можно было бы причислить къ обыкновеннымъ замѣчательнымъ романамъ, если-бы не отдѣльныя картины, которыя подъ силу только самому крупному таланту. Мы узнаемъ также знакомыя черты Дж. Эліота въ нѣсколькихъ живыхъ бытовыхъ набросках, которые на этотъ разъ взяты преимущественно изъ среды бѣдствующихъ рабочихъ, выбитыхъ изъ прежней колеи новыми идеями, и незнающихъ куда пристроиться, между тѣмъ, какъ холодъ и голодъ берутъ свое.

Въ связи съ этимъ тенденціознымъ романомъ слѣдуетъ упомянуть объ одной журнальной статьѣ (Blackwood's Mag. 1868), озаглавленной: «Письмо Феликса Гольта къ товарищамъ», гдѣ Дж. Эліотъ излагаетъ свои взгляды на рабочій вопросъ. Она убѣдительно доказываетъ, что внезапные перевороты и внѣшнія реформы не способны уничтожить исконнаго зла—наслѣдія цѣлаго ряда поколѣній,—слишкомъ тѣсно переплетеннаго съ сложными общественными условіями, чтобы уступить внѣшней силѣ. Только продолжительное вліяніе образованія и просвѣщенія можетъ постепенно истребить его. Приводя Ирландію въ примѣръ, она замѣчаетъ: «мы терпимъ за грѣхи тѣхъ, кто жилъ до насъ, и за наши проступки другъ противъ друга; дѣти наши будутъ страдать отъ тѣхъ же причинъ. Она считаетъ ребячествомъ розовыя мечты по поводу какого-нибудь билля о реформѣ и совѣтуетъ возлагать надежды на школы, ничего не жалѣя для подготовки гражданъ, которые станутъ сознательно отдавать власть въ руки людей достойныхъ и способныхъ согласовать внѣшнія условія жизни съ разумными человѣческими требованіями. Двухлѣтній промежутокъ между романомъ и статьей указываетъ, что писательница не переставала интересоваться этимъ насущнымъ современнымъ вопросомъ и изучать его съ разныхъ сторонъ.

«Ромола» и «Феликсъ Гольтъ» возбудили въ печати много толковъ, притомъ не совсѣмъ благопріятныхъ. Для Дж. Эліота составилась особая мѣрка совершенства и геніальности, и все, что было ниже этого идеала, не удовлетворяло критику. Дохо-

дили ли эти толки до автора и какое впечатлѣніе производили; неизвѣстно. Есть впрочемъ основаніе думать, что Дж. Эліотъ ничего о нихъ не знала. По окончаніи каждаго изъ своихъ произведеній, она «переживала періодъ тяжкаго сомнѣнія», и Льюисъ, зная ея мнительность, взялъ съ нея слово не читать журнальныхъ рецензій. По этому поводу кстати будетъ привести здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ писемъ къ двумъ американкамъ, хотя они относятся къ позднѣйшему періоду (1875). «Я не читаю журнальныхъ отзывовъ обо мнѣ или читаю въ видѣ исключенія по настоянію мужа» (пишетъ г-жа Льюисъ къ миссъ Фельнтъ). «Я приняла это за правило много лѣтъ назадъ, какъ необходимое огражденіе отъ вліяній, которыя въ концѣ-концовъ уничтожили бы во мнѣ всякую способность писать». «Я убѣдилась, что рецензіи всякой новой книги шатки и невѣрны. Не думаю, чтобы какой-либо критикъ могъ видѣть недостатки моихъ сочиненій съ той неумолимой ясностью, которая преслѣдуетъ меня во время писанья. Не могу также представить себѣ, чтобы авторъ могъ извлечь пользу изъ указаній, которыя состоятъ въ приписываньи ему мнѣній, имъ не высказанныхъ, и въ придумываньи мелкихъ личныхъ поводовъ для затрогиванья вопросовъ, имѣющихъ общечеловѣческое значеніе».—Цензура Льюиса, допускавшая, повидимому, одни одобрительные отзывы, открываетъ любопытную черту въ характерѣ Дж. Эліота. Помимо непосредственнаго удовольствія, похвалы внушаютъ ей неизмѣнно чувство благодарности. «Не могу успокоиться, пока не выражу вамъ моей признательности за вашъ теплый сочувственный отзывъ», пишетъ она г-жѣ Ф.—Письмо къ миссъ В. [1]) одинаково наглядно обрисовываетъ указанную выше черту—серьезный взглядъ Дж. Эліота на литературную дѣятельность, всякій трудъ вообще, теплое отношеніе къ молодежи и, наконецъ, ту непритязательность и милую шутливость, которыми она привлекала къ себѣ всѣхъ. Письмо это стоитъ нѣсколькихъ біографическихъ страницъ и потому приводимъ его цѣликомъ.

«Дорогая миссъ В... Выраженія сочувствія, пересланныя мнѣ вами изъ-за океана, тронули меня особенно потому, что вы упоминаете о своей молодости. Я же болѣе всего на свѣтѣ желала бы приносить хоть нѣкоторую пользу тѣмъ, у кого долгая жизнь впереди.

«М-ръ Льюисъ не даетъ мнѣ читать разборовъ моихъ повѣстей. Онъ ихъ просматриваетъ самъ, а мнѣ сообщаетъ иногда

---

[1]) Помѣщено въ Нью-Іоркскомъ „Critic“ за январь 1882.

отрывки — такіе, которые всего болѣе способны внушить мнѣ чувство признательности къ моему критику. Статьи, приложенныя къ вашему любезному письму, онъ прочелъ внимательно и вынесъ весьма лестное мнѣніе о чувствахъ и взглядахъ ихъ авторовъ. Нѣсколько заключительныхъ фразъ, прочтенныхъ имъ вслухъ, могутъ служить мнѣ величайшей отрадой при воспоминаніи о томъ, что я писала, если не поощреніемъ для будущихъ трудовъ.—Итакъ, благодарю васъ, милый юный другъ, котораго мнѣ, вѣроятно, не придется знать иначе, какъ этимъ духовнымъ путемъ. Но вы, вѣроятно, согласитесь, что послѣ личныхъ отношеній, соединенныхъ съ исполненіемъ долга и ежедневнымъ обмѣномъ дружелюбія и нѣжности, самая отрадная связь между людьми именно—плодотворное и невидимое общеніе ума болѣе пожилого съ болѣе юнымъ.—Цитата изъ Готорна, приведенная вами, можетъ служить для мужчинъ и женщинъ прекраснымъ указаніемъ на значеніе того рода труда, который считають второстепеннымъ, но который облагораживаетъ людей при тщательномъ выполненіи. Остаюсь, съ искренней признательностью, ваша М. И. Льюисъ». «P. S. Кстати, по словамъ м-ра Льюиса, вы приписываете мнѣ предубѣжденіе противъ голубыхъ глазъ. Это довольно забавно, т.-к. у меня самой голубовато-сѣрые глаза. Должна сознаться, что ни въ какомъ отношеніи не принадлежу къ «умѣющимъ ненавидѣть». Напротивъ, всего чаще грѣшу излишней мягкостью и наклонностью стушевывать рѣзкія очертанія вещей».

Отношеніе Дж. Эліота къ молодому поколѣнію было самое искреннее и теплое. На дѣвушекъ и юношей, пробивающихся, съ нуждой пополамъ, къ образованію и независимости, она смотрѣла не только съ материнской нѣжностью и сочувствіемъ, но и съ полнымъ сознаніемъ, что будущее принадлежитъ имъ, и что каждый, достигшій цѣли человѣкъ обязанъ помогать имъ выйти на дорогу. Не говоря о возвышающемъ нравственномъ вліяніи ея книгъ на массу и на отдѣльныхъ лицъ, многіе и въ особенности многія сохраняютъ горячую благодарность къ Дж. Эліоту за непосредственное и благотворное участіе въ ихъ судьбѣ; за добрый совѣтъ; за теплый уголокъ, всегда открытый въ ея сердцѣ для страждущихъ; за матерьяльную поддержку, оказанную во-время щедрой, умѣлой и любящей рукой. Добродушный м-ръ Льюисъ былъ во всѣхъ случаяхъ дѣятельнымъ помощникомъ своей жены, раздѣляя вполнѣ ея воззрѣнія и обладая большимъ запасомъ энергіи и изобрѣтательности въ практическихъ вопросахъ. Оба умѣли сверхъ того вѣрно угадывать признаки

таланта въ молодыхъ людяхъ и направлять ихъ на настоящій путь.

Посторонніе посѣтители и корреспонденція съ незнакомцами отнимали у Дж. Эліота не мало времени. Всѣ дивились ея добротѣ и терпѣнію въ этихъ случаяхъ. Она старалась удовлетворить всѣхъ, насколько могла, часто даже на перекоръ личной антипатіи: ни одинъ человѣкъ не уходилъ отъ нея безъ отраднаго впечатлѣнія. Ея письменные отвѣты были по необходимости кратки; но даже тѣ, которыхъ она «выносила единственно изъ любви къ человѣчеству», не бывали уязвлены. Благотворительность была въ ней и сознательной, и непосредственной. Жертвуя много денегъ на полезныя цѣли, она, наперекоръ разсудку, не могла отказать нищему на улицѣ и говорила, что желаніе помочь нуждающемуся должно быть также невольно, какъ хватанье падающаго человѣка за первую встрѣчную опору.

Слава романовъ Дж. Эліота успѣла облетѣть весь читающій міръ, когда въ печати появилась поэма «Испанскій цыганъ», подписанная ея именемъ. Близкіе люди давно знали, что миссисъ Льюисъ пишетъ иногда стихи, для собственнаго удовольствія, и даже умѣетъ искусно управлять этой, какъ бы несвойственной ей стихіей; но публика не имѣла на этотъ счетъ ни малѣйшихъ подозрѣній, и была естественно заинтригована этимъ, во всѣхъ отношеніяхъ новымъ, произведеніемъ любимой писательницы. Поэму читали на расхватъ; многіе восхищались ею, главнымъ образомъ, со стороны высказанныхъ мыслей — но въ общемъ всѣхъ постигло извѣстное разочарованіе. Даже горячіе поклонники должны были признаться, что истиннымъ поэтомъ Дж. Эліотъ бываетъ въ прозѣ, а не въ стихахъ, и что преобладаніе тенденціи и учености превратило, какъ ея первую поэму, такъ впослѣдствіи и остальныя, въ отвлеченные трактаты, которыми можно сильно заинтересоваться, и изъ которыхъ можно очень многому научиться — но которыми увлечься трудно, не взирая на всѣ ихъ поразительныя достоинства и даже поэтическую красоту многихъ страницъ. — При избранныхъ для большинства стихотвореній далекихъ и туманныхъ сюжетахъ, нуженъ былъ въ самомъ дѣлѣ исключительный поэтическій огонь, лирическій порывъ, или особое обаяніе звуковъ, чтобы покорить читателя. Такихъ свойствъ не оказалось у Дж. Эліота, и на ея поэмахъ повторилась, но въ усиленной степени, исторія «Ромолы»: онѣ оставляютъ насъ холодными зрителями патетическихъ сценъ.

Разсмотримъ, ради удобства и сокращенія, всѣ стихотворенія Дж. Эліота за разъ, хотя между выходомъ I и II тома прошло

около восьми лѣтъ. Въ этотъ періодъ времени вышелъ въ свѣтъ знаменитый «Миддльмарчъ» и нѣсколько мелкихъ разсказовъ, помѣщенныхъ въ журналахъ.

«Испанскій цыганъ» (1868), длинная драматическая поэма въ бѣлыхъ стихахъ, переноситъ насъ въ Испанію XV вѣка. Вступительная картина, изображающая состояніе цивилизованнаго міра въ эту эпоху, хотя длинна (и грозитъ длиннотами въ будущемъ), но очень красива. Герой поэмы, Зарка — цыганскій вождь и непреклонный фанатикъ — поставилъ себѣ цѣлью освобожденіе и возрожденіе своихъ единоплеменниковъ цинкаловъ, отверженцевъ, стоящихъ внѣ закона. Онъ въ плѣну, и для осуществленія великихъ замысловъ ему нужна свобода и содѣйствіе дочери Федальмы. Федальма, воспитанная испанской герцогиней въ качествѣ сиротки, дѣвушка необычайной красоты, великодушная и утонченная въ понятіяхъ и чувствахъ, охотно готова помочь отцу — въ предположеніи, что это не заставитъ ее разстаться съ ея возлюбленнымъ, герцогомъ Сильвой. Разлука между тѣмъ оказывается неизбѣжной, по программѣ суроваго родителя. Отсюда возникаетъ борьба чувствъ, жертвоприношеніе, измѣна, смерть—словомъ, много несчастій и въ полномъ смыслѣ погибельныхъ осложненій, развивающихся въ длинную мелодраму.—Не совсѣмъ естественныя ситуаціи этой мелодрамы маскируются и выкупаются великолѣпными мѣстами (нетолько по мысли, но и по формѣ, потому что Дж. Эліотъ мастерски владѣетъ бѣлымъ стихомъ), вслѣдствіе чего поэму можно читать съ интересомъ; но передать ея патетическое содержаніе вполнѣ соотвѣтственнымъ тономъ довольно мудрено. Испанскій цыганъ — родъ оперы съ слишкомъ растянутымъ и подчасъ нелѣпымъ либретто, но съ блестящими аріями и выразительными речитативами, при эфектныхъ декораціяхъ и даже танцахъ. Нѣтъ недостатка и въ увертюрѣ. Зная страсть Дж. Эліота къ музыкѣ и пѣнью, невольно приходитъ въ голову, что въ созданіи поэмы — независимо отъ дѣтскихъ воспоминаній о цыганахъ, путешествія по Испаніи и соціологическихъ теорій—принимало косвенное участіе и какое-нибудь представленіе итальянцевъ.

Между дѣйствующими лицами живыхъ мало. Первенство принадлежитъ во всѣхъ случаяхъ Заркѣ, который производитъ извѣстное впечатлѣніе своими крайними убѣжденіями и красноречіемъ. Многіе изъ его монологовъ стоило бы привести цѣликомъ; но предѣлы статьи заставляютъ ограничиться указаніемъ ихъ содержанія, т.-е. руководящихъ мыслей Дж. Эліота.

Въ первомъ монологѣ, гдѣ Зарка старается убѣдить дочь

пожертвовать собой ради цинкаловъ—племени, которое она только-что назвала отребіемъ человѣческаго рода—онъ говоритъ, напр.: «Ты права. Именно такъ презрѣнны люди, съ которыми у насъ общая кровь... Но потому-то, я и льну къ нимъ. Потому-то, никакія приманки не заставятъ меня отречься отъ нихъ и покинуть захудалое, заблудшее стадо, требующее указанія пути. Наше племя не имѣетъ завѣтныхъ преданій—но я наживу, чтобы ему было что помянуть. Оно не отличаетъ добра отъ зла—научу его» и т. д. (Зарка намѣренъ увезти своихъ цыганъ въ Африку и вліять на нихъ на подобіе большихъ рѣкъ, которыя цивилизуютъ людей, надѣляя ихъ всякими благами. Федальмѣ же онъ предназначаетъ завидную роль быть для этихъ дикарей откровеніемъ высшихъ и лучшихъ сторонъ человѣческой природы). Когда Федальма, удовлетворенная въ своемъ любопытствѣ на счетъ самаго процесса возрожденія, смущается отсутствіемъ у цинкаловъ всякаго понятія о высшемъ существѣ, Зарка излагаетъ будущую вѣру цинкаловъ по шаблону позитивизма, но въ горячихъ и прекрасныхъ стихахъ («Oh, it is a Faith»). Дж. Эліотъ высказываетъ его устами свою любимую мысль, что непосредственной чудесной помощи ждать не откуда—и зачѣмъ; что бѣдствія и нужды учатъ людей понимать свою солидарность и черезъ то сближаютъ ихъ. Въ такой зависимости другъ отъ друга писательница привыкла видѣть залогъ истиннаго развитія, нравственнаго, общественнаго и матеріальнаго, и не разъ предостерегала противъ праздныхъ иллюзій, затемняющихъ зрѣніе и отвлекающихъ отъ дѣйствительности съ ея прямыми требованіями и обязанностями. На сомнѣніе Федальмы въ удачѣ его плановъ, Зарка возражаетъ, что въ такихъ дѣлахъ «намѣреніе и подвигъ—все». Лучшій даръ героя своему племени то, что онъ былъ героемъ. Неудачи и ошибки при стремленіи къ великой цѣли—зло ничтожное передъ великимъ благомъ завѣщаннаго преданія, передъ тѣмъ духомъ, который остается въ наслѣдство народу. Умереть даромъ Зарка не боится. «Смерть напрасная, одной любви ради,—великая смерть», по его мнѣнію.

Въ первой части поэмы, кромѣ рѣчей Зарки, заслуживаетъ вниманія молитва инквизитора; да и вся фигура этого святого отца очерчена рельефно. Послѣ разговора съ герцогомъ Сильвой, касательно грѣховности предполагаемаго брака съ Федальмой, о. Исидоръ (наслушавшійся, между прочимъ, горькихъ истинъ отъ своего собесѣдника) долго ходитъ подъ темными сводами монастыря, обрекая на смерть Сильву и цыганку и казня себя за излишнюю мягкость. Тутъ-то сходитъ на него благодать

молитвы. Молитва эта считается мастерскимъ произведеніемъ, «достойнымъ Шекспира», и дѣйствительно она пылаетъ мрачнымъ огнемъ и зловѣщей энергіей. Логика гоненій, вытекающая изъ представленія о Богѣ, какъ о вѣчномъ мстителѣ, развита въ ней съ удивительной силой, но нѣсколько иначе, чѣмъ у Торквемадо В. Гюго. Не избавлять людей отъ вѣчныхъ каръ, путемъ временныхъ, хочетъ о. Исидоръ, а просто истреблять зло и злодѣевъ, всю скверну, которой кишитъ земля, изъ любви къ Богу. «Любовь порождаетъ ненависть. Кто любитъ Господа, ненавидитъ его враговъ». Онъ кается въ малодушіи, въ милосердіи ложномъ—«слабый въ ненависти, онъ былъ слабъ и въ любви». «Ты, содрогающійся, окровавленный, томимый жаждой, умирающій Богъ», говоритъ онъ, взявъ въ руки распятіе; «ты сосудъ скорби человѣческой, израненный, истерзанный, замученный ради спасенія людей—не ты ли будешь судьей міра? Руки, обнимавшія дѣтей, блѣдныя длани, нѣжно прикасавшіяся къ очамъ слѣпца, и покорно открывшіяся для язвъ отъ гвоздей, будутъ простерты одесную Престола во всеоружіи власти, дающей силу молніямъ, и низвергнутъ враговъ твоихъ въ неугасимое пламя. И ты, непорочная Матерь, Дѣва Пречистая, семь разъ пронзенная мечемъ печали, утѣшительница скорбныхъ и заступница угнетенныхъ—и ты станешь радостно взирать, какъ грѣшныя души, въ смрадной тяжести, ринутся въ бездну, переставъ затемнять свѣтъ предвѣчный».

Федальма, излюбленное чадо Дж. Эліота, не удалась вовсе. Она, разумѣется, безусловно благородна и женственна (и развита необыкновенно для XV вѣка), но безцвѣтна, даже въ эксцентрическихъ порывахъ въ родѣ пляски на площади. И рѣчи ея блѣдны, все равно, говоритъ ли она о личныхъ или общихъ радостяхъ и страданіяхъ. Ея дуэты съ Сильвой очень нѣжны, но впечатлѣнія не производятъ. Страстью дышетъ только одинъ монологъ упрековъ съ горькой ироніей, въ которой сказывается кровь Зарки; обращается она къ отцу (отравившему для нея всѣ источники радости ядомъ гражданской скорби и требующаго полнаго отреченія отъ всего, что ей дорого) и спрашиваетъ, «всѣ ли женщины будутъ осуждены на подобную участь, когда совершится возрожденіе цинкаловъ?» Она желаетъ, «чтобы ихъ лучше прямо жгли на кострахъ».

Предметъ любви и огорченій Федальмы, герцогъ Сильва—ничтожное существо, легко измѣняющее долгу и приходящее въ умоизступленіе при видѣ дѣла рукъ своихъ (взятія цинкалами крѣпости, которую онъ бросилъ на произволъ судьбы, убѣжавъ

за Федальмой). Съ инквизиторомъ Сильва бесѣдуетъ очень язвительно, такъ что приходится изумляться терпѣнью святого отца; съ Федальмой нѣжно воркуетъ, а для Зарки находитъ слова жестокаго обличенія. Но вообще ничего замѣчательнаго въ его рѣчахъ нѣтъ.

Вводныхъ лицъ, назначенныхъ для полноты картины Испаніи въ XV вѣкѣ, очень довольно; но всѣ они, говоря по совѣсти, мало интересны; а одно даже весьма докучливо—именно Жуанъ, родъ Фигаро, путающійся вездѣ подъ ногами съ шутками, пѣснями и плясками. Дѣло не обходится безъ астролога, которому вложенъ въ уста поучительный спичъ на тэму, что каждому человѣку необходимо имѣть знамя, или хоть ливрею, которой онъ, во всѣхъ случаяхъ жизни, оставался бы неизмѣнно вѣренъ. Выходитъ на сцену и пажъ, которому, между прочимъ, достался короткій, но самый красивый и «стильный» вокальный № поэмы—баллада объ отшельникѣ («There was a holy hermit»).

Вообще, отдѣльныхъ перловъ въ поэмѣ много; и потому, когда перипетіи мелодрамы кончены и занавѣсъ опускается надъ несбывшимися мечтами возрожденія дикарей и трагической смертью всѣхъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ—въ сердцѣ читателя остается искреннее сожалѣніе, что столько въ самомъ дѣлѣ высокихъ и увлекательныхъ мыслей, столько сокровищъ ума и чувства вставлено авторомъ въ вычурную рамку, стоившую очевидно продолжительной работы и доставляющую читателю гораздо больше скуки, нежели удовольствія.

«Сказаніе о Ювалѣ» (1874)—повѣсть въ стихахъ изъ временъ допотопныхъ. Нельзя отрицать поэтичности этой легенды, но также и того, что поэма имѣетъ отчасти характеръ теологическаго или философскаго разсужденія.

Каинъ, отвергнутый сынами Божьими, уходитъ на дальній востокъ и въ мѣстѣ, «обильномъ прѣсной водой», строитъ городъ. Никто изъ его приближенныхъ не слыхалъ о смерти, и самъ онъ обольщаетъ себя надеждой, что въ такой глуши можно ускользнуть отъ карающей десницы. Никто также не понимаетъ значенія печати на челѣ, и матери даже любуются этимъ знакомъ отличія своихъ младенцевъ. Всѣ наслаждаются праздной нѣгой, пьютъ и ѣдятъ, безъ мысли о завтрашнемъ днѣ. Но вотъ однажды Ламехъ, во время игры, попадаетъ камнемъ въ своего первенца. О, ужасъ, отрокъ недвижимъ и безмолвенъ. Тогда Каинъ открываетъ тайну: это смерть, и всѣмъ суждено умереть. Съ этого мгновенія все мѣняется въ колоніи. Смерть царитъ надъ жизнью, отравляя всякую радость, пробуждая чувство само-

сохраненія, жажду извлечь что можно изъ короткаго срока, дѣятельность, изобрѣтательность. Работа кипитъ: кто разводитъ сады, кто пасетъ скотъ, кто куетъ желѣзо.

Во время ковки желѣза, одинъ изъ братьевъ, Ювалъ, подмѣчаетъ нѣчто особенное въ мѣрныхъ ударахъ молота — родъ музыкальнаго ритма или мелодіи. Онъ начинаетъ прислушиваться къ голосамъ природы, шуму водъ и пѣнью птицъ и, наконецъ, изображаетъ лиру, звуками которой плѣняетъ и смягчаетъ сердца Каинцевъ. Однообразные восторги братьевъ и сестеръ перестаютъ однако вскорѣ удовлетворять его и, чтобы поучить и послушать другихъ людей, онъ отправляется путешествовать и доходитъ до океана. На обратномъ пути, его вездѣ встрѣчаютъ ласково. Но въ одномъ мѣстѣ онъ попадаетъ въ руки варваровъ и можетъ откупиться только цѣной своей лиры. Подходя къ родному городу древнимъ старикомъ, тѣнью прошлаго, Ювалъ встрѣчаетъ веселую молодую толпу съ лирами, флейтами, кимвалами. Всѣ поютъ и играютъ, восторженно повторяя одно имя: «Ювалъ». Съ замираніемъ сердца подбѣгаетъ старикъ къ своимъ сродникамъ и называетъ себя. Отвѣтомъ служатъ взрывы насмѣшекъ и оскорбленій; нѣсколько наиболѣе рьяныхъ почитателей «Ювала» бьютъ лжеца флейтами и прогоняютъ въ лѣсъ. Здѣсь умираетъ одиноко родоначальникъ музыки въ то время, какъ въ воздухѣ раздается его безсмертное имя.

Общечеловѣческіе мотивы, включенные въ эту легенду, (при ея небольшомъ объемѣ и красивыхъ стихахъ), если и не увлекаютъ читателя, то все же заставляютъ относиться къ «Ювалу» гораздо теплѣе, чѣмъ къ первой поэмѣ.

Сверхъ «Легенды», во II томѣ стихотвореній находится нѣсколько мелкихъ поэмъ. «Армгартъ»—исторія пѣвицы, отвергшей преданную любовь одного человѣка изъ желанія властвовать надъ толпой, и внезапно потерявшей голосъ. Слишкомъ понятное отчаяніе ея и желаніе покончить съ собой не встрѣчаетъ однако одобренія подруги. Послѣдняя того мнѣнія, что каждому слѣдуетъ нести свою ношу, а не бѣжать отъ нея, выдѣляя себя изъ общей доли. Возмущеніе достойное всегда поднимаетъ общее бремя. Въ глазахъ Дж. Элліота большинство обыкновенно стоитъ на первомъ планѣ, и всякое отличіе и величіе въ отдѣльныхъ личностяхъ не привилегія, а обязательство передъ менѣе одаренными. Въ «Страдиваріусѣ», въ образѣ артиста-труженика, развита тэма любви къ дѣлу ради самого дѣла; а такъ какъ подобнымъ отношеніемъ ко всякому труду отличается отецъ писа-

тельницы, то говорятъ, что она изобразила м-ра Ивенса подъ видомъ знаменитаго скрипачнаго мастера.

Въ поэмѣ «Одинъ изъ меньшихъ пророковъ», Дж. Эліотъ открываетъ видѣнія будущаго и вмѣстѣ съ тѣмъ жалѣетъ, что въ лучшія времена люди не будутъ знать и половины тѣхъ слабостей и несовершенствъ, безобидныхъ уловокъ и несообразностей, которыя теперь вызываютъ смѣхъ и слезы, и внушаютъ ясное сознаніе братства съ прочими скудельными сосудами человѣческаго рода.

«Какъ Лиза любила короля» — переложеніе въ стихи одной Новеллы Бокаччіо, изъ серіи «самопожертвованій ради любви». Канва, по обыкновенію, служитъ Дж. Эліоту для вышиванія дидактическихъ узоровъ, правда, весьма тонкихъ. Слѣдуетъ еще отмѣтить интересную сатиру въ формѣ застольной бесѣды, гдѣ остроумно и съ знаніемъ дѣла разобраны современныя ученыя и философскія теоріи.

Самыми удачными произведеніями музы Дж. Эліота всякій признаетъ, конечно, ея сонеты: «Братъ и сестра». Они теплы, просты и естественны, и сверхъ того даютъ интересный біографическій матеріалъ. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что и прочія стихотворенія заслуживаютъ вниманія съ этой стороны, обрисовывая личность писательницы рельефнѣе, нежели ея проза. Любимыя мысли, разсѣянныя въ повѣстяхъ, собраны тутъ въ маломъ объемѣ и могутъ быть, слѣдовательно, легче изучены. Насъ поражаетъ и здѣсь ея мрачное міросозерцаніе рядомъ съ возвышенными стремленіями и вѣрой въ людей. Въ стихотвореніяхъ, кромѣ того, рѣзко выступаетъ и руководящее чувство жизни и литературной дѣятельности Дж. Эліота — желаніе быть полезной: «Быть для другихъ душъ поддержкой въ тяжелую минуту, пробуждать великодушныя стремленія, питать чистую любовь, вызывать улыбки, чуждыя жестокости». Таковъ для нея смыслъ жизни и даже безсмертія. Тоже выражено и въ заключительной горячей молитвѣ, цитируемой всѣми: «О, еслибъ я могла примкнуть къ невидимому сонму тѣхъ безсмертныхъ усопшихъ, которые живутъ въ сердцахъ людей, облагораживая ихъ своимъ присутствіемъ, живутъ въ великодушныхъ порывахъ, въ дѣлахъ безстрашной прямоты, въ презрѣніи къ жалкимъ личнымъ разсчетамъ, въ великихъ мысляхъ, пронизывающихъ тьму, подобно звѣздамъ, и съ кроткой настойчивостью направляющихъ исканія человѣка къ высшимъ цѣлямъ». («O, may I join the choir invisible of those immortal dead» и т. д.).

Въ жизни Льюисовъ за послѣдніе годы не произошло перемѣнъ. Самыми выдающимися событіями были окончаніе и выходъ въ свѣтъ сочиненій Дж. Эліота. М-ръ Льюисъ волновался въ этихъ случаяхъ еще болѣе самого автора. Его нѣжная опека во всѣхъ дѣлахъ и мелочахъ, касавшихся жены, поистинѣ трогательная [1]). Недаромъ его называли ея «нянькой» и «преданной собакой». Дружба, согласіе и взаимное уваженіе между супругами не уменьшались, а крѣпли съ годами, составляя отрадную для всѣхъ атмосферу дома, гдѣ и съ внѣшней стороны все шло стройно и тихо, разъ заведеннымъ порядкомъ. День былъ распредѣленъ у нихъ по часамъ. Вставали рано и писали до 2-хъ ч. [2]). Время между завтракомъ и обѣдомъ было посвящено катанью или прогулкѣ. Шли они обыкновенно скорыми шагами, оживленно разговаривая и размахивая руками, чѣмъ иногда обращали на себя вниманіе прохожихъ. По замѣчанію г-жи Блайндъ, его можно было подчасъ счесть за нечесаннаго эмигранта, а ее за какую-то вѣщую сивиллу». Цѣлью поѣздокъ бывалъ нерѣдко Зоологическій садъ; у Дж. Эліота были здѣсь свои любимцы, которыхъ она всякій разъ навѣщала. Свободные часы проводились иногда въ картинныхъ галереяхъ, гдѣ слабая женщина оказывалась неутомимѣе мужчинъ; ей нравились особенно голландская живопись и ландшафты. Гораздо чаще, можно сказать, при всякой возможности, посѣщались концерты, такъ какъ въ страсти къ музыкѣ эта вообще согласная пара сходилась безусловно. Вечера проводились обыкновенно дома въ занятіяхъ, за исключеніемъ случаевъ, когда давали что-нибудь хорошее въ театрѣ или оперѣ. Въ гости Льюисы ѣздили очень рѣдко, а у себя принимали только по воскресеньямъ.

---

[1]) Такъ, напримѣръ, Льюисъ не только слѣдилъ за печатными, но и письменными отзывами о сочиненіяхъ Дж. Эліота и скрывалъ тѣ письма, которыя могли ее разстроить.—Неудачная фотографическая карточка жены могла заставить его требовать отъ фотографа уничтоженія негатива, а отъ тѣхъ, кому она была подарена, клятвы не воспроизводить и не распространять ее. Дж. Эліотъ, между прочимъ, терпѣть не могла сниматься, и ея портретовъ очень немного. Два портрета, составляющіе собственность семьи, неудачны по выраженію, хотя и писаны извѣстными художниками. Портретъ, писанный д'Альберомъ и эскизъ г-жи Брей, (гдѣ Маріанна изображена въ локонахъ), тоже неизвѣстны публикѣ. Послѣдней приходится поэтому довольствоваться карточкой, гдѣ Дж. Эліотъ изображена въ профиль, старушкой въ кружевномъ чепцѣ, подвязанномъ у подбородка—ея обычномъ головномъ уборѣ за послѣдніе годы.

[2]) Сверхъ прочихъ занятій, Льюисъ съ 1865 г. былъ редакторомъ „Fortnightly Review", въ которомъ писала иногда и Дж. Эліотъ. Статья о Лекки, въ первой январьской книжкѣ, принадлежитъ ей.

Въ 1866 г. совершился переѣздъ семейства въ изящный домъ «The Priory» (въ улицѣ St. John's Wood), сдѣлавшійся вскорѣ извѣстнымъ всему Лондону, какъ жилище Дж. Эліота. Здѣсь по воскреснымъ вечерамъ собиралось большое и блестящее общество, въ томъ числѣ много знаменитыхъ ученыхъ, литераторовъ, артистовъ и художниковъ. Льюисъ бывалъ неистощимо занимателенъ, да и знаменитые посѣтители были рады способствовать, чѣмъ могли, оживленію и украшенію этой гостиной. Но главной притягательной силой ея оставалась все-таки хозяйка, которая обладала способностью очаровывать всѣхъ своей личностью, независимо отъ обаянія славы и таланта, и умѣла придать разговору интересный и поучительный оборотъ, безъ всякой натяжки или педантичной серьезности. По воскресеньямъ собирались чужіе и друзья дома. Для послѣднихъ (говоритъ одинъ изъ близкихъ знакомыхъ писательницы) «всего пріятнѣе бывали, однако, тѣ вечера, когда Лондонъ былъ пустъ или погода слишкомъ дурна, и къ Льюисамъ собирались только свои. Тутъ разговоръ пріобрѣталъ только послѣдовательность и непринужденность, какихъ не могъ имѣть при смѣняющихся группахъ полной гостиной. Дж. Эліотъ, не стѣсняемая посторонними соображеніями, говорила по внушенію минуты и высказывалась вполнѣ. Ея рѣчь, когда она бывала въ духѣ, лилась такъ же свободно, какъ строки ея книгъ, отличаясь тѣмъ же остроуміемъ, той же глубиной и прелестью. Притомъ, она умѣла нетолько говорить, но и слушать, и своей задушевностью и пониманіемъ мельчайшихъ изгибовъ сердца, вызывать другихъ на откровенность». При своихъ близкихъ друзьяхъ, она иногда садилась за фортепьяно и играла свои любимыя пьесы. Иногда читала что-нибудь, всего чаще стихи (она читала великолѣпно), и обыкновенно чужіе, такъ какъ о себѣ и своихъ сочиненіяхъ вообще избѣгала говорить. Произведеніямъ другихъ она отдавала полную справедливость и была даже склонна преувеличивать ихъ достоинства. Ей часто случалось выражать сожалѣніе, что недосугъ заставляетъ ее отказываться отъ чтенія многихъ привлекательныхъ книгъ, въ томъ числѣ романовъ, и ограничиваться книгами «полезными для души». Это не мѣшало ей впрочемъ внимательно слѣдить за литературой и, какъ оказывалось при случаѣ, все выдающееся входило въ кругъ «душеполезнаго чтенія».

Городская жизнь была вообще не по сердцу Дж. Эліоту, и, съ наступленіемъ весны, она спѣшила уѣхать изъ Лондона. «Миссисъ Льюисъ не можетъ быть вполнѣ счастливой, если надъ

ней нѣтъ вольнаго неба, а кругомъ зелени полей и холмовъ», пишетъ Льюисъ одному пріятелю. Въ первую пору ихъ совмѣстной жизни, они любили отправляться на континентъ и побывали въ Германіи, Швейцаріи, Италіи, Франціи и Испаніи. Позже стали предпочитать глухія мѣста Англіи и, наконецъ, въ семидесятыхъ годахъ пріобрѣли собственную дачу (въ Сѣррейскомъ графствѣ, близъ Уатли), удовлетворявшую вполнѣ вкусамъ Дж. Эліота: съ лѣсистаго холма открывался широкій видъ на зеленѣющую окрестность. Миссисъ Льюисъ любила дѣлать прогулки пѣшкомъ, собирая растенія и насѣкомыхъ; а въ мѣстахъ, гдѣ ее не знали, любила тряхнуть стариной и посидѣть въ какомъ-нибудь коттеджѣ, калякая съ хозяйкой о деревенскомъ обиходѣ, сырѣ и маслѣ. Своими практическими познаніями въ хозяйствѣ, она удивляла нетолько женщинъ, но и мужчинъ. Одинъ извощикъ былъ пораженъ меткимъ сужденіемъ о статьяхъ его лошади изъ устъ элегантной пожилой леди. Зато кучеръ, который возилъ обыкновенно эту леди въ Уатли, весьма не одобрялъ ее: «такая умная женщина, а все время труситъ, что ее опрокинешь и проситъ выбирать дорогу по-ровнѣе», —сообщалъ этотъ возница одной знакомой Льюисовъ, поднимаясь въ гору къ дачѣ по совершенно гладкому шоссе.

М-ръ и миссисъ Льюисъ много работали во время лѣтнихъ каникулъ, и ихъ посѣщали въ это время одни близкіе друзья. «Работа идетъ у насъ, какъ по маслу, вдали отъ пріятельскихъ помѣхъ», пишетъ Льюисъ изъ Уатли; «лордъ Г. говорилъ мнѣ, что постичь не можетъ, какъ это мы умудряемся выносить эту жизнь Симеоновъ Столпниковъ, вѣчно одни, съ глазу на глазъ. Дѣло въ томъ, что мы никогда не бываемъ *одни*, когда вмѣстѣ».—Въ другомъ письмѣ Льюисъ жалуется на плохое здоровье, называя себя и жену «двумя разслабленными диспептиками», двумя «больными созданьями». Онъ былъ сравнительно здоровъ, но Дж. Эліотъ жаловалась на частые припадки слабости и почти постоянный ознобъ. Она работала даже лѣтомъ съ грѣлкой въ ногахъ, въ жаркіе дни любила сидѣть на самомъ припекѣ, а въ нежаркіе куталась и пристраивалась поближе къ камину. Но привычка и страсть къ работѣ брали верхъ надъ недугами. «Миддльмарчъ» былъ написанъ именно въ такомъ состояніи нездоровья съ небольшимъ въ два года.

«Миддльмарчъ» [1]), самый объемистый изъ романовъ Дж.

[1]) Русскій переводъ былъ напечатанъ въ „Отечеств. Зап." соотвѣтств. годовъ, а затѣмъ изданъ отдѣльной книгой, подъ редакціей М. Е. Салтыкова. Въ „Дѣлѣ" Миддельмарчъ", былъ сокращенъ и передѣланъ неудачно подъ заглавіемъ: „Въ тихомъ омутѣ буря".

Эліота, выходилъ въ теченіе 71—72 года отдѣльными выпусками (книгами), возбуждая общій интересъ и массу толковъ. Большинство признало его «вѣнцомъ творческаго генія» писательницы — произведеніемъ, въ которомъ сила ума и таланта опытнаго художника, наблюдательность и тонкій анализъ психолога выразились особенно рельефно при большой ширинѣ плана и разнообразіи дѣйствующихъ лицъ. Съ другой стороны, новому роману ставили въ упрекъ нѣкоторую искусственность и преобладаніе научнаго и философскаго элемента [1]) надъ непосредственнымъ вдохновеніемъ. «Въ первыхъ повѣстяхъ Дж. Эліота, напр., въ Адамѣ Бидѣ»,—говорили эти голоса,—«мы прежде всего поддаемся очарованію, а затѣмъ уже начинаемъ сознавать силу ума и таланта автора; здѣсь же сознаніе этой, дѣйствительно поразительной силы стоитъ на первомъ планѣ, а прежнее обаяніе отсутствуетъ». «Вполнѣ понятно,—добавляли они,—что житейскій опытъ придаетъ болѣе суровый и мрачный оттѣнокъ міросозерцанію писателя; что интересъ къ мелочамъ падаетъ и воображеніе холодѣетъ. Но подобныя соображенія не уничтожаютъ непосредственнаго впечатлѣнія. Непосредственное же впечатлѣніе при чтеніи «Миддльмарча»—горькое сознаніе торжества низшихъ сторонъ человѣческой природы и мелкихъ интересовъ надъ высшими—гнетущее чувство, вмѣсто яснаго настроенія, которое мы привыкли получать». Люди, склонные къ цинизму, находили даже, что «Миддльмарчъ» можно назвать са-

---

[1]) Въ послѣднемъ отношеніи обвиняли обыкновенно среду натуралистовъ и ученыхъ, въ которой вращалась Дж. Эліотъ, указывая преимущественно на Спенсера Льюиса. Журнальныя статьи М. Ивенсъ доказываютъ несостоятельность этихъ нареканій. Но имѣются и болѣе вѣскія доказательства. По поводу Спенсера, Дж. Эліотъ пишетъ г-жѣ Ф: «Я дѣйствительно имѣла честь и счастье пользоваться его дружбой въ теченіе двадцати лѣтъ; но, сколько мнѣ извѣстно, умъ мой принялъ опредѣленный складъ раньше этого знакомства. Тѣмъ не менѣе, подобно всѣмъ его читателямъ, я обязана ему значительнымъ выясненіемъ и расширеніемъ моихъ взглядовъ". Самъ Гербертъ Спенсеръ, въ письмѣ о Дж. Эліотѣ (въ „Daily News") говоритъ: „Наше знакомство началось не ранѣе 1851 г., когда она уже отличалась той многосторонностью познаній и глубиной ума, которыя впослѣдствіи пріобрѣли ей всемірную извѣстность". Что касается заимствованій отъ Льюиса, то можно указать на одно шутливое замѣчаніе въ послѣднихъ главахъ „Миддльмарча". Фредерикъ Винси и Мери Гартъ, его молодая жена, оба самостоятельно занимаются литературой", но публика, какъ водится, приписываетъ сочиненія жены мужу, а трудъ мужа —женѣ". При совмѣстной жизни близкихъ друзей обоюдное вліяніе неизбѣжно. Но рѣзкая самобытность направленія и дарованія Дж. Эліота такъ же мало могла быть создана Льюисомъ, какъ умственный складъ и своеобразный талантъ послѣдняго могъ быть обусловленъ вліяніемъ его подруги—хотя она съумѣла нѣкогда привлечь его къ серьезному труду, а онъ—заставить ее писать романы.

тирой на высокія стремленія, съ ихъ обычнымъ исходомъ—неравнымъ бракомъ у женщинъ и подчиненіемъ идеаловъ средѣ, у мужчинъ. О приблизительномъ отсутствіи картинъ природы и о томъ, что прежняя добродушная шутливость рѣдко озаряетъ страницы «Миддльмарча» и замѣняется сарказмомъ — сожалѣли всѣ.

Нельзя отрицать, что публика, подъ вліяніемъ послѣднихъ произведеній Дж. Эліота, отнеслась къ ея новому роману съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, и что предисловіе мало было способно разсѣять его. Какъ ни поэтичны и увлекательны, сами по себѣ, страницы, посвященныя св. Терезамъ—роману, и особенно его героинѣ, онѣ положительно вредятъ. Читатель отъ начала ждетъ исполненія пророческихъ словесъ и, противъ воли, прикладываетъ къ лицамъ и событіямъ данную ему въ руки мѣрку, критикуя, вмѣсто того, чтобы просто слушать и смотрѣть. Еслибъ онъ не зналъ напр., что героиня этого «очерка провинціальныхъ нравовъ» должна олицетворять собой одну изъ современныхъ св. Терезъ и кончить земное поприще по заранѣе намѣченной программѣ, Доротея произвела бы на него впечатлѣніе, гораздо болѣе сильное и пріятное, потому что она и при такихъ невыгодныхъ условіяхъ невольно располагаетъ его къ себѣ.

Доротея Брукъ, старшая изъ двухъ сестеръ, живущихъ подъ опекой дяди—дѣвушка съ серьезнымъ направленіемъ и восторженнымъ характеромъ. Она жаждетъ дѣятельности болѣе широкой и раціональной, нежели обычныя филантропическія занятія англійскихъ дѣвицъ, и проектируетъ перестройку деревенскихъ коттеджей (находя между прочимъ дѣятельную поддержку въ влюбленномъ въ нее сэрѣ Джемсѣ); но и планы раціональныхъ коттеджей не вполнѣ удовлетворяютъ ее. Ея завѣтное желаніе—встрѣтить геніальнаго человѣка (новаго слѣпого Мильтона или одинокаго Гукера) и посвятить ему свою жизнь. Доротея, живя постоянно въ мірѣ фантазіи, оказывается неопытной и простоватой при столкновеніяхъ съ будничной дѣйствительностью и склонна не видѣть того, что у нея прямо передъ глазами. Немудрено, что ея младшая сестра Силія, съ узкимъ, но за то осязательнымъ горизонтомъ, въ предѣлахъ коего она вращается съ полной цѣлесообразностью и невозмутимымъ спокойствіемъ, считаетъ себя выше Доротеи по уму и оказывается проницательнѣе ея на дѣлѣ. Напр., ограниченная Силія видитъ, что сэръ Джемсъ влюбленъ въ ея сестру и справедливо считаетъ его завидной партіей, а коттеджи вздоромъ. Умная же Доротея убѣждена въ его любви къ Силіи и безкорыстномъ увлеченіи чертежами ра-

ціональныхъ жилищъ для бѣдныхъ. Силія смѣется надъ достопочтеннымъ м-ромъ Кезобономъ, его наружностью и манерами; а Доротея не обращаетъ вниманія на внѣшніе признаки и видитъ искомаго генія въ 50-лѣтнемъ педантѣ, который успѣлъ состариться и изсохнуть надъ матерьялами для своего «Ключа ко всѣмъ миѳологіямъ, не написавъ ни строки. Когда Кезобонъ, въ гостяхъ у м-ра Брука, начинаетъ мѣрно и плавно излагать свои взгляды въ длинныхъ, строго обдуманныхъ періодахъ—съ требуемой его достоинствомъ сдержанностью и снисхожденіемъ къ темнымъ людямъ;—или когда онъ, съ тѣмъ же чувствомъ своего превосходства, выслушиваетъ другихъ внимательно пригнувъ голову (давая безполезный урокъ тѣмъ, кто склоненъ перебивать рѣчь авторитетныхъ людей)—читатель злится, Силія продолжаетъ свои насмѣшливыя наблюденія, а Доротея внимаетъ съ восторгомъ. Кезобону, снѣдаемому глубоко-скрытыми язвами самолюбія, сладка эта невольная дань удивленія молодой души, одаренной къ тому же весьма привлекательной внѣшностью. Въ его лысой головѣ возникаютъ вновь давно забытыя не мечты конечно—не для нихъ сотворена его голова—а соображенія, насчетъ желательности союза съ этой достойной дѣвицей, соединяющей въ себѣ, повидимому, всѣ данныя для его благополучія (т.-е. способной быть благоговѣйнымъ домашнимъ секретаремъ, нѣжной сидѣлкой и сверхъ того скрашивать своей женственной прелестью минуты отдохновенія ученаго). Размышленія эти, по маломъ времени, приводятъ его къ сватовству.

Длинное и обстоятельное письмо, въ которомъ Кезобонъ дѣлаетъ предложеніе миссъ Брукъ, совершенство въ своемъ родѣ. Отъ его размѣренныхъ періодовъ, съ цѣлой ратью вводныхъ предложеній (отчасти заключенныхъ въ скобки), вѣетъ тупымъ и узкимъ себялюбіемъ, книжной пылью, умственной и сердечной плѣсенью. Но цитата изъ Донъ-Кихота поставлена авторомъ въ эпиграфѣ не даромъ. Доротея принимаетъ предложеніе, и ея краткій отвѣтъ краснорѣчиво передаетъ торжественное и радостное біеніе молодого сердца передъ перспективой служенія великому человѣку. Невозмутимая Силія плачетъ отъ досады и жалости.

Хотя Дж. Эліотъ дала понять заранѣе, что 20-лѣтняя Доротея наивна не по годамъ,—такая слѣпота поражаетъ непріятно не одну Силію, симпатичнаго сэра Джемса и друзей дома, но и читателя, потому что Кезобонъ сразу весь на лицо. Справедливо отмѣчая этотъ промахъ художника, вредящій иллюзіи и набрасывающій тѣнь излишней простоты на героиню, критикъ «Cornh.

Mag.» [1]) впадаетъ съ другой стороны самъ въ ошибку. Онъ утверждаетъ, что и въ исторіи своего быстраго и горькаго разочарованія, Доротея оказывается столь же недалекой: она будто бы скорбитъ не о томъ, что Кезобонъ безсердечный и бездарный педантъ, а лишь о томъ, что онъ стоитъ на ложной научной стезѣ, изучая не тѣ источники, какіе нужно (кстати замѣтить, по мнѣнію молодого Вилля Ледислау). Тотъ, кто внимательно прочелъ повѣсть супружеской жизни Доротеи, этого не скажетъ. Мы видимъ ее въ Римѣ, въ первыя недѣли послѣ брака, предъ скорбнымъ изваяніемъ статуи Аріадны, и одиноко плачущей въ своей комнатѣ, между тѣмъ, какъ Кезобонъ корпитъ въ архивѣ. Мы знаемъ, до чего болѣзненно отзывались въ ея сердцѣ чисто-внѣшняя, холодная любезность мужа, подавленное нетерпѣніе, съ которымъ онъ отклонялъ всякое ея вмѣшательство въ свои дѣла, и непонятныя ей, но томительныя проявленія его скрытой ревности. Мы не въ силахъ забыть сцены въ саду, послѣ разговора съ докторомъ, когда Кезобонъ, угрюмый и сердитый, продолжаетъ идти, скрестивъ руки за спиной (будто не замѣчая присутствія жены и того, какъ неловко рукѣ, обнявшей его съ теплымъ участіемъ); а также рыданій Доротеи подъ жгучими лучами солнца (послѣ этой сцены), ея гнѣва, отчаянія и великодушнаго порыва состраданія къ больному и раздраженному старику.—Нѣтъ, горькое разочарованіе Доротеи, конечно, не обусловливалось неправильнымъ выборомъ изучаемыхъ Кезобономъ источниковъ, хотя безцѣльность и безплодность работы, низведшей его до муміеобразнаго состоянія, должна была естественно прибавить горечи къ общему итогу неудовлетворенныхъ порывовъ молодого сердца и ума, горячо стремившагося къ свѣту.—Какъ исторія Доротеи [2]), такъ и картина тройного взаимодѣйствія столь различныхъ природъ, какъ главныя лица этой драмы—Кезобонъ, Доротея и Вилль—поражаютъ правдой, глубиной и оригинальностью всей постановки.

---

[1]) Рецензія въ „Cornh. Mag.“ одна изъ лучшихъ и кромѣ того отличается отъ прочихъ наклонностью отыскивать не достоинства, а напротивъ недостатки произведеній, которыя въ общемъ итогѣ признаетъ геніальными.

[2]) Въ біографіи Дж. Эліота приведенъ слѣдующій любопытный анекдотъ. Одна сердобольная дама выразила г-жѣ Льюисъ глубокое соболѣзнованіе по поводу тяжкаго опыта ея супружеской жизни, приведшаго къ созданію ужаснаго характера Кезобона. Когда писательница, невольно улыбнувшись предположенію и безтактности своей гостьи, стала—въ виду ея несомнѣнной искренности—доказывать, что никто не можетъ походить на Кезобона менѣе живого и добродушнаго Льюиса, дама вновь вопросила: „Съ кого же вы, въ такомъ случаѣ, писали Кезобона, откуда вы могли взять его?“ Дж. Эліотъ съ шутливой серьезностью указала на свое сердце.

Кезобонъ совсѣмъ живое лицо и потому, при всей антипатичности, внушаетъ порой искренную жалость. Вѣдь и онъ глубоко несчастливъ: онъ также обманулся въ своихъ иллюзіяхъ или соображеніяхъ. Старое сердце не расцвѣло, не забилось живѣе отъ близости молодого существа; а постоянное сообщество жены, наклонной къ тому же путаться не въ свое дѣло, оказалось тяжкимъ игомъ для застывшаго въ своихъ привычкахъ холостяка. Не отдохновеніе обрѣлъ онъ, а новый постоянный запросъ на свои угасающія силы, да пару глазъ, слѣдящихъ за мертвой неподвижностью «Ключа»,—за тѣмъ червемъ, который гложетъ его и котораго онъ такъ тщательно скрываетъ.—А родственникъ Виллъ, шляющійся артистъ, передъ которымъ его совѣсть не абсолютно чиста, не взирая на благодѣянія, и который подкапывается подъ его семейный покой своимъ задорнымъ смѣхомъ и бойкой болтовней, обаяніемъ молодости, силы и вѣры въ себя.—Мало затаенныхъ мукъ, что-ли, перенесъ м-ръ Кезобонъ, лицемѣря передъ всѣми, начиная съ самого себя, и отбиваясь отъ недостойныхъ подозрѣній, прежде чѣмъ нарушилъ преданія порядочности (ибо таковыя онъ отчасти сохранилъ), прежде чѣмъ унизился до приписки къ завѣщанію, въ высшей степени оскорбительной для неповинной Доротеи и надѣлавшей много напрасной кутерьмы.

При всей безупречности Доротеи относительно мужа, дѣла Кезобоновъ очевидно не пошли бы такъ быстро подъ гору, безъ Вилля. Виллъ бродило, приводящее всѣ элементы разрыва въ дѣйствіе. Онъ обладаетъ способностью раздражать Кезобона, однимъ своимъ появленіемъ и дѣлать его несноснѣе обыкновеннаго. Доротея, незамѣтно для самой себя, расцвѣтаетъ и молодѣетъ при немъ. Его ясный взглядъ на жизнь неотразимо сообщается ей. За то, когда онъ уходитъ, контрастъ между могильнымъ склепомъ и вольнымъ воздухомъ выясняется рѣзче для ея чувства. Доротея долго не сознаетъ, что ея пріязнь къ Виллю и удовольствіе, испытываемое въ болтовнѣ съ нимъ—любовь. Онъ же, который при всемъ легкомысліи полонъ чувства чести, ничѣмъ не выдаетъ свой страсти. Такъ наростаетъ обоюдное чувство до той напряженности, когда съ близорукихъ глазъ овдовѣвшей Доротеи спадаетъ завѣса, а Виллъ перестаетъ владѣть собой. Неожиданныя препятствія и недоразумѣнія даютъ послѣдній толчокъ, и наконецъ, послѣ свиданія, которое должно быть прощальнымъ визитомъ и по случаю грозы затягивается и ведетъ къ страстному признанію — Доротея обѣщаетъ быть женой Вилля.

Многимъ Вилль кажется недостойнымъ Доротеи (о лицахъ Дж. Эліота всегда разсуждаютъ, какъ о настоящихъ людяхъ, критикуя ихъ поступки)—а ея бракъ съ нимъ—вторичной непростительной ошибкой, вслѣдствіе которой романъ какъ бы смѣется надъ своей программой. По программѣ, говорятъ эти критики, «св. Терезы, не найдя, при данныхъ условіяхъ современной жизни, достойнаго приложенія своимъ силамъ, должны пасть въ борьбѣ, не утративъ своего нравственнаго величія, а напротивъ, возвысившись въ самомъ паденіи». Доротея же, послѣ нѣкоторыхъ превратностей, просто выходитъ замужъ за добраго малаго по взаимной склонности, дѣлается обыкновенной счастливой женщиной, и по мѣрѣ того, какъ сходитъ съ пьедестала, т.-е. выбрасываетъ бредни изъ головы, становится не выше, конечно, но несравненно милѣе и привлекательнѣе.

Совершенно вѣрно, что Доротея становится женственнѣе и привлекательнѣе по мѣрѣ того, какъ мы ее видимъ лицомъ къ лицу съ жизнью, а не въ отвлеченныхъ мечтахъ. Но мысли Дж. Эліота она остается вѣрна до конца: «обстоятельства не дали этой богатой природѣ заявить себя въ яркомъ блескѣ подвиговъ, но она, подобно другимъ высшимъ и безвѣстнымъ существамъ того же закала, несомнѣнно будетъ развивать вокругъ себя добро и счастье, способствуя въ общемъ итогѣ міровому прогрессу». Указаніе подобныхъ благотворныхъ вліяній можно видѣть изъ разговора Доротеи съ Лидгетомъ, гдѣ его участіе и довѣріе спасаютъ человѣка отъ отчаянія. Также изъ сцены съ Розамундой, гдѣ ревность двухъ женщинъ принимаетъ столь оригинальный оборотъ вслѣдствіе нравственнаго величія одной изъ нихъ; и гдѣ задушевность и доброта Доротеи вызываютъ непривычный порывъ искренности и великодушія въ мелкомъ сердцѣ Розамунды—правда, тоже задѣтой за живое и потому болѣе воспріимчивой. Разсуждая о симпатичности женскихъ типовъ Дж. Эліота, рецензентъ «Cornh Mag.» ставитъ ей въ упрекъ спеціализацію занятій героинь. Задача художника лишь въ томъ, чтобы заставить, такъ сказать, влюбиться въ Ромолъ и Доротей и непосредственно сознать, что онѣ «соль земли». Когда же Дж. Эліотъ приводитъ читателя къ такому чувству, не указавъ Доротеи опредѣленныхъ занятій, изъ тѣхъ же устъ слышится нелогичный приговоръ «паденія». Мнимое паденіе зависитъ не отъ того, что въ Виллѣ нѣтъ исключительныхъ талантовъ и добродѣтелей—онъ ими надѣленъ въ достаточной мѣрѣ—а просто отъ того, что портретъ его, рисованный, съ очевидной любовью, не представляетъ живого лица. Вилль—образъ, который даетъ уловить себя въ рѣд-

кихъ случаяхъ. Поэтому увлеченіе Доротеи не сообщается читателю, и онъ недоволенъ ея бракомъ.

Намѣреніе художника и удача, зависящая отъ какого-то наитія свыше, не всегда идутъ рука объ руку даже у великихъ мастеровъ. Примѣрами могутъ служить Кезобонъ и Вилль, изъ которыхъ первый стоитъ живой передъ глазами, а второй безличенъ; тотъ внушаетъ рѣзкое враждебное чувство или жалость, а этотъ весьма смутную симпатію. Изъ женскихъ типовъ, Розамунда, антипатичная всему существу писательницъ [1]), вышла цѣльнѣе, живѣе и рельефнѣе милой ея сердцу Доротеи,—вышла совсѣмъ живая—вслѣдствіе чего отрицательное впечатлѣніе отъ ея суетности и эгоизма несравненно сильнѣе увлеченія совершенствами Доротеи. Послѣднюю многіе могутъ не признать «солью земли»; за то всѣ безъ исключенія согласятся, что первая—язва общества и пагуба честныхъ людей, увлеченныхъ ея внѣшней прелестью.

Д-ръ Лидгетъ и его обворожительная супруга—вторая изъ наиболѣе замѣчательныхъ группъ «Миддльмарча». Исторія этой пары ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ жизнью, возбуждая настоящую горечь и злобу. Передъ нами грустная картина гибели честнаго и талантливаго человѣка въ борьбѣ, не съ внѣшними преградами, а главнымъ образомъ съ вліяніями домашняго очага. Лидгетъ, молодой врачъ, искренно преданный наукѣ и желающій работать не для одной личной славы. Онъ, повидимому, одаренъ достаточной энергіей и увѣренностью въ себѣ, чтобы преодолѣть видимыя препятствія на своемъ пути. Но чарамъ, служащимъ личиной пошлости и мелкаго, безпощаднаго эгоизма, онъ противостоять не умѣетъ. Очаровательная Розамунда—нѣжный цвѣтокъ по миловидности и граціи, камень и дерево по внутреннему содержанію, всегда кроткая, спокойная, изящная и столь же незыблемая въ своихъ рѣшеніяхъ, какъ и въ сознаніи своей правоты—опутываетъ Лидгета, подобно сказочному Спруту, тянетъ его въ бездну и мало-по-малу заставляетъ отречься, ради ея удобства и прихотей, отъ всего, что ему было дорого и свято. Разложеніемъ всего существа своего мужа цвѣтетъ красота и ясность духа Розамунды; и не даромъ сломленный, но горько сознающій свое пораженіе, Лидгетъ называетъ жену «базиликой» (растеніемъ, выросшимъ по преданію изъ мозговъ убитаго человѣка).

[1]) До того, что Дж. Эліотъ, по собственному признанію, съ трудомъ „выдерживала" характеръ Розамунды (т.-е. ея безусловный эгоизмъ). Состояніе духа Кезобона было для нея понятнѣе и ближе, увѣряла она.

Лидгетъ вѣроятно не погибъ бы такъ безславно, не будь у него своей Ахиллесовой пяты (указанной Дж. Эліотомъ весьма искусно при первомъ же знакомствѣ съ нимъ). Онъ честолюбивъ; до извѣстной степени падокъ къ внѣшнему изяществу (слѣдствіе аристократическаго происхожденія), а главное слабъ, физически безпомощенъ передъ страданіемъ и слезами женщинъ и дѣтей. Привычки свѣтскаго человѣка и постоянная возня доктора съ больными усилили его врожденную мягкость. Розамунды, при видимой хрупкости, живучи до нельзя и можно сказать непобѣдимы—по крайней мѣрѣ порядочному человѣку съ ними очень трудно вести борьбу не въ ущербъ себѣ. Доведенный до бѣшенства компрометирующими его продѣлками супруги, «чувству себя опаснымъ», Лидгетъ убѣгаетъ изъ дому, пока еще въ силахъ владѣть собой. Позднѣе, поддаваясь гнѣву, онъ стыдится себя и кается передъ Розамундой, ломающей комедію нѣмой скорби, и въ обоихъ случаяхъ оставляетъ поле битвы за нею. Сильный человѣкъ дѣлается, такимъ образомъ, добычей слабаг и смиряется, наконецъ, съ грустнымъ сознаніемъ, что «раз взявъ судьбу хрупкаго созданія на свои плечи, онъ обязан идти впередъ, какъ можетъ, бережно неся свою ношу». Лидгет живой и симпатичный человѣкъ и его такъ жаль видѣть в концѣ концовъ свѣтскимъ докторомъ, проводящимъ время межд Лондономъ и модными водами, что его ранняя смерть служит для читателя немалой отрадой. Вполнѣ послѣдовательно такж что прелестная Розамунда выходитъ вскорѣ замужъ за богача и, продолжая считать себя образцомъ всѣхъ совершенств признаетъ свое благополучіе наградой свыше—не поясняя, впро чемъ, за что именно.

Изъ второстепенныхъ группъ «Миддльмарча» особенно пріятн остановиться на многочисленной семьѣ Калеба Гарта, котора отъ мала до велика изображена Дж. Эліотомъ съ прежним юморомъ и простотой. Какъ въ главѣ семейства видятъ портрет м-ра Ивенса, а въ г-жѣ Гартъ находятъ сходство съ г-же Ивенсъ, такъ въ Мери узнаютъ черты самой Маріанны. В любви Мери къ легкомысленному Фреду Винси видятъ сверх того ясные намеки на чувства писательницы къ Льюису (Вил тоже считаютъ подобіемъ Льиса въ молодости). Къ идиллическимъ лицамъ принадлежитъ также симпатичный викарій Фер бротеръ и его добродушныя родственницы. Исторія его любв къ Мери и ревности къ Фреду—очаровательна.—Силія въ рол супруги сэра Джемса и особенно въ роли матери очень мила забавна—сама жизнь.

Изъ типовъ не идиллическаго свойства заслуживаетъ вниманія лицемѣръ Бёльстрадъ, какъ удивительно выдержанный характеръ. Его сравниваютъ, по силѣ концепціи, съ Анджело въ «Мѣрѣ за мѣру». Нельзя только не пожалѣть объ искусственной и банальной почвѣ, на которой разыгрывается завязка и развязка его загадочной жизни. Весьма своеобразенъ скупой и злой старикъ Фетерстонъ, который съ наслажденіемъ мучитъ приближенныхъ и водитъ ихъ за носъ надеждами на наслѣдство, подготовляя имъ въ то же время горчайшее разочарованіе въ своемъ завѣщаніи.

Забавлять читателя беретъ на себя м-ръ Брукъ, пустой болтунъ, сующійся всюду, отъ ученыхъ разговоровъ до сельскаго хозяйства, изданія газеты и выборовъ, и получающій вездѣ заслуженныя осѣчки. Онъ изображенъ очень живо и съ удивительнымъ чувствомъ мѣры. Непринужденность его безсвязныхъ рѣчей дѣлаетъ его не только комичнымъ, но и назидательнымъ: уподобиться м-ру Бруку слишкомъ легко въ собственныхъ разговорахъ. Вторая занимательная особа миссисъ Кедволеддеръ, скупая жена добряка-ректора, бой-баба, съ злымъ и острымъ языкомъ, бичъ ненаходчиваго и безалабернаго Брука. Разновидности г-жи Пойзеръ всегда удаются Дж. Эліоту, и ректорша очень типична. Безподобны также представители провинціальной медицинской среды, съ которой приходитъ въ соприкосновеніе Лидгетъ. Вообще въ «Миддльмарчѣ» нѣтъ недостатка ни въ трогательныхъ, ни въ забавныхъ, ни въ высоко-комичныхъ лицахъ и сценахъ. Но читатель, поглощенный душевными драмами главныхъ лицъ, идетъ какъ бы мимо всего остальнаго, и въ общемъ у него остается отъ этого удивительнаго романа впечатлѣніе очень глубокое, но мало отрадное.

Не удивительно, что окончивъ «Миддльмарчъ» Дж. Эліотъ, при ея слабомъ здоровьѣ, чувствовала физическое и нравственное утомленіе. Въ ея письмахъ звучитъ какая-то печальная нотка. «Что касается «великаго романа», который по вашему мнѣнію мнѣ еще предстоитъ написать (пишетъ она около этого времени г-жѣ Ф.), то я должна признаться, что не вѣрю въ свои будущія произведенія. Окончивъ книгу, я обыкновенно переживаю періодъ тяжелаго сомнѣнія, удастся ли мнѣ еще подарить свѣту что-нибудь достойное вниманія. Отвѣтственность писателя становится все тяжелѣе и тяжелѣе, не правда ли, по мѣрѣ того, какъ міръ старится и голоса умершихъ дѣлаются многочисленнѣе. Пока замыселъ новаго созданья не разовьется въ непреодолимый порывъ творчества, трудно вѣрить, чтобы удалось прибавить что-

либо цѣнное въ поэзіи міра, т.-е. мнѣ трудно этому вѣрить относительно меня самой. Однако не хочу надоѣдать вамъ личными тревогами»... Въ другомъ письмѣ говорится о нездоровьѣ, какъ важномъ препятствіи въ работѣ, и о «тяжелой необходимости ограничиваться мелкими дѣлами, въ то время какъ мечтаешь о большихъ». «Этого рода покорность судьбы, въ большей или меньшей мѣрѣ, удѣлъ каждой пылкой души, потому что стремленія и желанія всегда идутъ дальше выполненія. Но когда грань указывается физическимъ страданіемъ или недомоганіемъ, испытаніе несравненно тяжелѣе».

Долгій періодъ литературнаго молчанія служитъ какъ бы подтвержденіемъ этихъ писемъ. «Даніель Деронда», слѣдующій романъ Дж. Элiота (почти равный «Миддльмарчу» по объему) вышелъ въ 1876 г., т.-е. черезъ 4 слишкомъ года, а въ промежуткѣ появился лишь второй томъ стихотвореній (легенда о Ювалѣ, сонеты, мелкія поэмы), написанныхъ въ разное время.

Сказать, что «Даніель Деронда» самое слабое изъ произведеній Дж. Элiота—несправедливо, такъ какъ исторія Гвендолины и Грендкорта — созданье поразительной художественной силы. Но онъ безспорно наименѣе занимательный изъ ея романовъ и наиболѣе тенденціозный, притомъ въ сторону, не интересную для большинства. Дж. Элiотъ пожелала ознакомить читателя съ интеллигентнымъ еврейскимъ міромъ и стремленіями его лучшихъ представителей, очевидно надѣясь завоевать общія симпатіи. Между тѣмъ, въ результатѣ оказалось, что никто не могъ увлечься аспираціями этой среды и типами, созданными авторомъ съ очевидной любовью, за исключеніемъ самихъ евреевъ, разумѣется. Послѣдніе были удивлены сочувствіемъ христіанской писательницы столько же, какъ ея знакомствомъ съ ихъ бытомъ, и «Деронда» былъ тотчасъ же переведенъ на еврейскій языкъ [1]). Неудача этого романа въ массѣ публики не можетъ быть объяснена равнодушіемъ или предубѣжденіемъ относительно изображаемой національности, а зависитъ, разумѣется, въ большой мѣрѣ отъ того, что кисть художника утратила прежнюю волшебную силу. Почтенный Мардохей вышелъ докучной отвлеченностью [2]), а про главнаго героя, Деронду, приходится сказать, что онъ не только

[1]) Деронда, пробно всѣмъ романамъ Дж. Эл., переведенъ и на другіе языки, между прочимъ, и на русскій (крайне плохо).

[2]) Лицо это, между прочимъ, не вымышлено. Льюисъ разсказывалъ Дж. Элiоту про еврейское семейство, съ главой котораго познакомился въ молодости въ Германіи. Мардохей портретъ нѣкоего Когана, часовщика, страстнаго почитателя Спинозы и поборника еврейства. Другіе члены этой семьи тоже выведены въ романѣ.

безличенъ, но и прямо не соотвѣтствуетъ програмѣ высокихъ добродѣтелей, которыхъ долженъ служить олицетвореніемъ. Деронде никакъ не удается привлечь на свою сторону читателя или хотя бы дать о себѣ опредѣленное понятіе.

Весь интересъ повѣсти сосредоточивается на характерѣ Гвендолины и ея супружествѣ съ лордомъ Грендкортомъ. Гвендолина — суетная, своенравная и надменная красавица, привыкшая слѣдовать своимъ прихотямъ, не заботясь о другихъ. Она вообще мало симпатична въ первомъ періодѣ своей жизни; но разбирая всѣ за и противъ ея богатой и сложной природы, мы находимъ всѣ задатки будущаго обращенія. Характеръ Гвендолины развитъ необыкновенно искусно [1]). Мы ясно видимъ, что она, при всей глубинѣ своего эгоизма, не чета Розамундѣ по общей закваскѣ и степени ума и дарованій. Она существо высшаго полета въ сферѣ зла и вмѣстѣ съ тѣмъ существо, одаренное большой впечатлительностью, задатками совѣсти и нѣжности — напр., въ отношеніи къ порабощенной ею матери. Гвендолина, по природѣ своей, неспособна наслаждаться, поступая дурно, и не можетъ быть ни спокойной, ни довольной при осужденіи, хотя бы безмолвномъ, со стороны другихъ. Она отнюдь не могла бы расцвѣсть изъ мозговъ убитаго человѣка, подобно Розамундѣ, хотя способна увлечься денежными разсчетами до забвенья всякихъ основъ и дойти въ ненависти до убійства. Тщеславіе и властолюбіе очень сильны въ ней, но уловки и происки не входятъ въ ея програму для достиженія цѣли. Она не лгунья по природѣ, и если не особенно смѣла, то задорна. Сопротивленіе служитъ ей вызовомъ на рѣзкій и злой отпоръ, пока онъ возможенъ. При всемъ кокетствѣ Гвендолина недотрога; она любитъ только покорять и не скрываетъ своей брезгливости передъ слишкомъ экспансивными ухаживателями. Честнаго Ренса, влюбленнаго въ нее до безумія, она презрительно отталкиваетъ, а въ числѣ пріятныхъ свойствъ Грендкорта отмѣчаетъ его слабую наклонность къ нѣжностямъ. Сама она не играетъ ни малѣйшей комедіи любви къ жениху и не намѣрена играть ее передъ мужемъ.

Грендкортъ — олицетвореніе холоднаго свѣтскаго деспота, искутившагося и выдохшагося до той степени, когда въ кругу аристократическихъ вивёровъ считается приличнымъ искать себѣ

---

[1]) Невѣрны только легкіе намеки на змѣиныя свойства героини, въ первой главѣ. Въ дальнѣйшемъ развитіи повѣсти въ гордой Гвендолинѣ не оказывается никакой ползучести и наклонности жалить изподтишка.

жену, молодую и прекрасную. Чувство внѣшняго приличія вообще сохранилось въ Грендкортѣ во всей неприкосновенности, но изъ прочихъ принадлежностей живого существа въ немъ не осталось ничего, кромѣ упрямаго желанія гнуть всѣхъ на свой ладъ и способности слѣдить съ любопытствомъ (хотя и совершенно оловянными глазами) за процессомъ сопротивленія намѣченной жертвы. Онъ говоритъ мало, всегда съ опредѣленной заранѣе цѣлью, и его вялая, медлительная, но лаконическая рѣчь вполнѣ соотвѣтствуетъ всему его характеру. Подъ внѣшнимъ безстрастіемъ въ немъ кроется не одно желѣзное упорство, но и холодная жестокость, положившая себѣ за правило ломать все, что не согнется. Послѣ первыхъ прелюдій ухаживанія, нѣсколько обостреннаго неподатливостью Гвендолины, Грендкортъ не даетъ себѣ труда плѣнять сердце или воображеніе избранной имъ невѣсты какой-нибудь личиной и въ свою очередь не обольщается. Онъ смотритъ на Гвендолину въ упоръ со всей возмутительной безжизненностью своихъ выцвѣтшихъ глазъ (отъ которыхъ, какъ Гвендолинѣ извѣстно, не ускользаетъ ничто), предоставляя и ей дѣлать свои наблюденія и выводы. Онъ знаетъ, что его прошлое для нея не тайна, и цинически увѣренъ въ ея согласіи. Гвендолина видитъ ясно все это, сверхъ того подавляетъ укоры совѣсти и суевѣрный страхъ (по поводу оттѣсненной ею г-жи Глешеръ) и сознаетъ, что ей придется дорого заплатить за богатство и знатность. И тѣмъ не менѣе она выходитъ замужъ, съ цѣлью избавить себя (а отчасти и мать) отъ нужды и унизительнаго положенія. Она разсчитываетъ, что ея упрямая воля, которой до того покорялись всѣ, а отчасти и красота, очаровывавшая всѣхъ, пересилитъ желѣзное упорство Грендкорта, покоритъ его ей.—То же думаетъ и женихъ, обсуждая шансы союза съ этой надменной, насмѣшливой красавицей, способной блистательно удовлетворять тщеславіе мужа въ свѣтѣ. Мало того, одной изъ существенныхъ приманокъ брака съ ней служитъ для изношеннаго кутилы перспектива нешуточной борьбы и увѣренность въ побѣдѣ. Повѣсть супружества этой милой четы, исторія косы, нашедшей на камень, и камня, пошедшаго въ концѣ концовъ ко дну—изображена Дж. Эліотомъ съ такимъ искусствомъ, правдой, силой и знаніемъ человѣческихъ чувствъ и страстей, что читателю трудно оторваться отъ длинной книги, и невозможно отдѣлаться отъ иллюзіи истиннаго происшествія.

Выйдя за лорда Грендкорта изъ корыстныхъ разсчетовъ, Гвендолина чувствуетъ себя глубоко несчастной. Укоры совѣсти и невѣдомая дотолѣ потребность излить свою душу, оправдаться

передъ кѣмъ-нибудь способнымъ ей сочувствовать («потребность въ духовникѣ», томящая, по насмѣшливому выраженію одного рецензента, всѣхъ женщинъ Дж. Эліота) примѣшивается къ аду супружеской жизни. Въ борьбѣ между двумя волями, Грендкортъ оказывается сильнѣйшимъ, и Гвендолина дѣлается вскорѣ его рабой: она покорена его холодной настойчивостью и инстинктивнымъ страхомъ физическаго насилія со стороны этого съ виду вялаго и апатичнаго джентльмэна, проникнутаго чувствомъ приличія. За то въ головѣ ея горячая работа: планы бѣгства, отвергаемые благоразуміемъ, смѣняются мыслями болѣе страшными, пріобрѣтающими рѣшительную власть надъ ея воображеніемъ. Тутъ на пути ея встрѣчается мнимый кузенъ мужа, Даніель Деронда (порицаніе котораго произвело уже однажды сильное впечатлѣніе на Гвендолину дѣвицу, игравшую въ рулетку на водахъ)—встрѣчается искомый духовникъ. Она убѣждена въ его нравственномъ превосходствѣ и его непогрѣшимости, и презрѣвъ великосвѣтскій этикетъ, съ почти дѣтской довѣрчивостью ищетъ у него указаній и совѣтовъ. Въ ней одновременно наростаетъ грозная волна ненависти къ мужу, вмѣстѣ съ преступнымъ желаніемъ такъ или иначе извести его, и безсознательно закрадывается въ душу любовь къ Дерондѣ, придающая ея влеченію къ добру жизнь и силу. Деронда во всѣхъ случаяхъ держитъ себя холодно и нелѣпо.

Великолѣпна съ художественной стороны и ужасна, какъ фактъ, развязка борьбы между Грендкортомъ и Гвендолиной. Грендкортъ, считая слишкомъ замѣтное вниманіе жены къ кузену Деронду досадной нелѣпостью, которой слѣдуетъ положить конецъ изъ приличія (до ревности онъ не снизойдетъ), увозитъ Гвендолину на собственной яхтѣ въ Средиземное море. Онъ не принимаетъ въ разсчетъ, что продолжительное пребываніе глазъ на глазъ съ нимъ обостритъ ненависть и отвращеніе жены до степени уже совсѣмъ нежелательной, и ослѣпленный успѣхомъ прежнихъ опытовъ играетъ ею и даже издѣвается, по поводу случайной встрѣчи съ Дерондой въ Генуѣ (куда тотъ явился по вызову неизвѣстной матери). Въ самый день встрѣчи, негодующая, искушаемая демономъ, Гвендолина должна идти кататься съ мужемъ въ лодкѣ по заливу, когда ей смертельно хотѣлось бы остаться дома и поговорить съ Дерондой по душѣ, чтобы отогнать ужасныя мысли. Моряки находятъ погоду ненадежной, но Грендкортъ увѣренъ въ себѣ и ничего не боится;—до того же, что чувствуетъ жена, ему не бываетъ дѣла. Между тѣмъ, неожиданный порывъ вѣтра и ударъ паруса — въ ту минуту, какъ

Гвендолина, по приказанію мужа, берется снова за руль (она его бросила подъ вліяніемъ злого искушенія, съ воплемъ о помощи къ небесамъ), — ударъ паруса сбиваетъ Грендкорта въ волны, и Гвендолина видитъ во очію исполненіе своего давнишняго желанія. «Веревку», кричитъ Грендкортъ не своимъ голосомъ. Гвендолина беретъ веревку въ руки, но не бросаетъ: ея сердце шепчетъ: «умри». Еще разъ раздается тотъ же крикъ, затѣмъ передъ глазами Гвендолины выплываетъ помертвѣлое лицо, и внѣ себя отъ ужаса она бросается въ воду.

Сцена исповѣди, когда Гвендолина, спасенная рыбаками, изливаетъ свою душу, отягченную преступленіемъ, передъ Дерондой, всего яснѣе выказываетъ силу и живненность кающейся и несостоятельность духовника. Рядомъ съ живыми струнами изболѣвшаго сердца звучитъ тутъ мѣдь. Кромѣ того, насъ поражаетъ практичность идеальнаго героя [1]. Какъ ни виновна Гвендолина, мы ей прощаемъ, жалѣемъ ее и вѣримъ вполнѣ ея обращенію. Вмѣстѣ съ тѣмъ всякому очевидно, что не нравоученія Деронды и даже не любовь къ нему спасаютъ ее. Страданіе подготовило, а сильное нравственное потрясеніе довершило переворотъ, для котораго всѣ условія были даны въ ея природѣ. Нравственное обновленіе въ ней такъ глубоко и прочно, что величайшія испытанія уже безсильны поколебать ее и даже не стоятъ ей большой борьбы — по крайней мѣрѣ въ первое время, когда послѣ пережитаго душевнаго потрясенія, мечты о личномъ счастьѣ естественно должны быть подавлены. Такъ, узнавъ, что Деронда любитъ другую, она удивлена и огорчена; но не ревность или чувство обиды подступаетъ къ ея сердцу, а желаніе счастья для обоихъ и рѣшимость, еще болѣе твердая, сдѣлаться хорошей женщиной на перекоръ всему.

Мирра, возлюбленная Деронды, столь же безлична, какъ онъ самъ, хотя по замыслу автора должна быть очаровательной при своей красотѣ, граціи и удивительномъ голосѣ. Женихъ и невѣста, съ ихъ патентованными добродѣтелями и изреченіями, стоютъ другъ друга и хорошо дѣлаютъ, отправляясь на дальній востокъ для какихъ-то патріотическихъ изысканій.

Къ удачнымъ, живымъ и симпатичнымъ второстепеннымъ лицамъ романа принадлежитъ сэръ Гуго Мелинджеръ; его отеческая нѣжность къ Даніелю, чуждому ему сыну любимой нѣ-

[1]) Деронда совѣтуетъ ей скрыть отъ всѣхъ свое участіе въ смерти мужа; а позднѣе будетъ совѣтовать не отказываться отъ денегъ, оставленныхъ ей мужемъ по завѣщанію.

когда женщины, трогательна отсутствіемъ всякой декламаціи и кажется вполнѣ естественной. Музыкантъ Клеслеръ и семья Мейрикъ нравились бы гораздо болѣе, безъ излишняго преувеличенія перваго и чрезмѣрной миньятюрности второй. Рексъ и его любящая сестра Анна симпатичны и естественны. Забавныхъ лицъ и эпизодовъ въ романѣ почти нѣтъ, картинъ природы тоже и проблески прежняго юмора могутъ быть сочтены по пальцамъ. «Никто другой не могъ бы написать подобнаго романа», говорятъ безусловные поклонники Дж. Эліота, указывая на фактъ, что оторваться отъ книги все-таки нельзя. На это имъ отвѣчаютъ, что будь онъ написанъ кѣмъ нибудь другимъ, мало кто сталъ бы читать длинную и монотонную повѣсть, весь интересъ которой сосредоточенъ на изученіи двухъ мудреныхъ характеровъ. Нужно обаяніе имени и особое мастерство первыхъ штриховъ, чтобы читатель вооружился терпѣніемъ и не соскучилъ слѣдить за двумя фигурами, среди толпы безцвѣтныхъ, но притязательныхъ лицъ, участвующихъ въ безразличныхъ событіяхъ.

Дж. Эліотъ въ этотъ періодъ своей литературной дѣятельности какъ будто тяготилась углубляться въ житейскія мелочи и любовныя перипетіи. Прямой намекъ на это мы находимъ въ XII гл. «Деронды». По той же причинѣ она очевидно придавала значеніе серьезной сторонѣ своего романа—защитѣ правъ и достоинства евреевъ и тѣмъ глубокимъ общечеловѣческимъ истинамъ, которыя ей удалось высказать мимоходомъ. Публика въ виду этого имѣла извѣстное право роптать на настойчивость, съ какой любимый авторъ читаетъ ей мораль, угощаетъ теоріями и правилами въ разныхъ костюмахъ и влечетъ въ области, чуждыя симпатіямъ большинства, вмѣсто того, чтобы, какъ въ былое время, радовать сердце родными картинами, тѣми ясными, теплыми, поэтическими созданьями, которыя, своимъ непосредственнымъ обаяніемъ, дѣйствовали вѣрнѣе всякихъ нравоученій. Что касается послѣдняго пункта, то надо замѣтить, что дидактическое настроеніе никогда не покидало Дж. Эліота, и что именно оно пріобрѣло ей самыхъ горячихъ поклонниковъ. Люди, что ни говори, любятъ, чтобы ихъ учили. Бѣда лишь въ томъ, что сила художественнаго творчества слабѣла у Дж. Эліота съ годами: ея созданья начали такъ сказать спадать съ тѣла и скелетъ морали сталъ непріятно обрисовываться. Зато тѣмъ труднѣе понять, какъ могли не узнать ея руководящей мысли и обвинять въ перемѣнѣ направленія. Письмо къ г-жѣ Ф. доказываетъ, что такое мнѣніе существовало даже у людей, близко знакомыхъ съ ея воззрѣніями. «По поводу различія, которое вы, повидимому,

дѣлаете между моими первыми и послѣдними повѣстями,—пишетъ Дж. Эліотъ,—я должна замѣтить, что хотя мое недовѣріе къ себѣ и уваженіе къ другимъ съ годами постепенно усиливалось, точка, съ которой я смотрю на жизнь не измѣнилась со времени «сценъ». Видимыя другимъ перемѣны во взглядахъ ускользаютъ отъ моего сознанья. Тѣ самыя начала, которыя я старалась воплотить въ Динѣ Моррисъ, лежатъ и въ основѣ моихъ усилій изобразить Мардохея. Однако довольно обо мнѣ и моихъ дѣяніяхъ», заключаетъ она, переходя отъ серьезнаго тона къ шутливому.

Отъ «Деронды», какъ выраженія симпатіи къ евреямъ, всего естественнѣе перейти къ статьѣ «Современная Травля» («The modern hep. hep!»), которою заканчивается послѣднее изъ произведеній Дж. Эліота—рядъ памфлетовъ подъ названіемъ «Впечатлѣнія Теофраста Сѣча» (1879). Антисемитическое движеніе клеймится здѣсь съ ожесточеніемъ, права и заслуги евреевъ находятъ краснорѣчивую защиту, и вся статья читается съ живымъ интересомъ.

Къ сожалѣнію нельзя сказать того-же о большинствѣ статей этого сборника, осмѣивающихъ человѣческія слабости и притязанія бездарностей въ наукѣ и литературѣ. Онѣ холодны, натянуты и скучны, за немногими исключеніями. Болѣе остроумныя изъ нихъ: «Не въ духѣ» (Only Temper) и «Повѣрка себя» ("Looking inward."). Всего-же симпатичнѣе «Взглядъ назадъ» («Looking backward»), гдѣ Дж. Эліотъ, въ послѣдній разъ въ жизни, заявляетъ о своей горячей и неизмѣнной любви къ мѣсту, гдѣ родилась, и скромной средѣ, въ которой выросла. Эта статья обновляетъ въ нашей памяти лучшія страницы, посвященныя изображенію средней Англіи въ началѣ нашего столѣтія, ея ландшафта и нравовъ, сдѣлавшихся и намъ близко знакомыми, благодаря волшебному перу Дж. Эліота.

Въ то время, какъ печатались «Впечатлѣнія Т. Сѣча», Дж. Эліотъ жила въ глубокомъ уединеніи, подъ вліяніемъ тяжкаго горя. Льюисъ, другъ и товарищъ столькихъ лѣтъ, умеръ послѣ непродолжительной болѣзни въ 1878 г. Понятна пустота, которую эта смерть оставила въ ея существованіи, и понятно ея стремленіе уйти отъ постороннихъ глазъ и обычныхъ изъявленій соболѣзнованія. Насколько позволяло разстроенное здоровье, она искала облегченія въ работѣ, а утѣшенія—въ составленіи правилъ для стипендіи, учрежденной ею въ память Льюиса. Стипендія, въ 200 фунтовъ въ годъ, назначалась молодымъ

людямъ (безъ различія пола), сдѣлавшимъ самостоятельныя физіологическія работы. Извѣстно, что Льюисъ самъ занимался физіологіей, и что его книга «Физіологія обыденной жизни» имѣла въ свое время большой успѣхъ. Правила оказались превосходно составленными и нашли подражателей, что̀ доставило ихъ автору большое удовольствіе.

Дж. Эліотъ въ это время не только не принимала никого, кромѣ ближайшихъ друзей, но и избѣгала переписки. Г-жа Фильисъ получила отвѣтъ лишь на свое второе письмо, и то не скоро, вопреки привычкѣ Дж. Эліота. Въ этомъ отвѣтѣ, написанномъ неровнымъ и весьма измѣненнымъ почеркомъ, есть одно мѣсто, которое стоитъ привести. «Ваше письмо нашло въ моемъ сердцѣ отрадный откликъ, особенно его заключительныя строки, гдѣ вы говорите, что смерть не худшее изъ золъ... Да, счастливы, въ относительномъ значеніи этого слова, въ нашей юдоли, тѣ, которые видятъ любимаго человѣка умирающимъ съ чистой совѣстью и могутъ сохранить о немъ память, ничѣмъ не запятнанную и не омраченную». Отрадно еще разъ убѣдиться, что такое утѣшеніе выпало на долю этой любящей женщины, и что не личныя разочарованія открыли ей тайники отчаянія Ромолъ и Доротей. Общая симпатія и уваженіе къ Льюису постепенно наростали съ годами, и его подругѣ было утѣшительно видѣть, что многіе сохраняли о немъ самое теплое воспоминаніе.

Въ 1880 г. Дж. Эліотъ снова стала показываться прежнимъ знакомымъ, а въ маѣ того же года уѣхала на континентъ, обвѣнчавшись съ м-ромъ Кроссомъ—весьма симпатичнымъ, но сравнительно молодымъ человѣкомъ, принадлежавшимъ къ числу самыхъ близкихъ пріятелей Льюисовъ. Друзья, знакомые и публика едва вѣрили своимъ ушамъ и глазамъ, слыша и читая эту новость. Друзья писательницы не распространяются объ этомъ событіи въ своихъ воспоминаніяхъ, а ея біографъ замѣчаетъ только, что бракъ съ м-ромъ Кроссомъ обезпечивалъ преданную заботливость искренняго и давнишняго друга и счастливую семейную обстановку женщинѣ, очевидно неспособной жить безъ теплыхъ лучей взаимной привязанности и симпатіи. Никакихъ другихъ данныхъ для комментаріевъ не существуетъ, но личность Дж. Эліота служитъ достаточнымъ ручательствомъ отсутствія всякихъ нелѣпыхъ мотивовъ.

Въ началѣ декабря, Дж. Эліотъ вернулась въ Лондонъ и поселилась въ домѣ м-ра Кросса въ Чельси. Зима 80-го года была необыкновенно сурова, и Дж. Эліотъ, вообще недомогавшая послѣ тяжелой болѣзни, перенесенной прошлой зимой, и еще

болѣе прежняго ощутительная къ холоду, послѣ пребыванія на югѣ, простудилась при выходѣ изъ концерта или театра. Простуда, которой въ началѣ она не придавала значенія, внезапно обострилась, приняла характеръ серьезнаго воспаленія легкихъ и сердца, и въ три дня свела ее въ могилу (22 дек.). Не говоря о близкихъ людяхъ, потерявшихъ въ ней дорогого друга, всѣ знакомые были потрясены этой внезапной кончиной: не далѣе 19 числа видѣли они Дж. Эліота (на воскресномъ собраніи въ новомъ помѣщеніи) съ виду здоровой и веселой, сидящей у камина, какъ всегда, и жаловавшейся близкимъ только на то, что ей какъ-то холодно. Печальная вѣсть быстро облетѣла всю Англію, омрачивъ для многихъ рождественскіе праздники 1880 года.

Общественное сочувствіе и уваженіе къ Дж. Эліоту, какъ писательницѣ и женщинѣ, высказались вполнѣ на ея похоронахъ. Несмотря на ужасную погоду, мокрый снѣгъ и вѣтеръ, гробъ провожали лучшіе представители науки и литературы, много изящныхъ лэди и джентльменовъ, съ громкими именами, и громадная толпа не титулованныхъ, но горячихъ поклонниковъ и поклонницъ. Могила была буквально покрыта фіалками: какъ бы сговорившись, всѣ женщины принесли съ собой эти символическіе цвѣты. Въ числѣ провожавшихъ замѣтили многихъ варвикширцевъ, родныхъ и знакомыхъ, и въ особенности м-ра Исаака Ивенса, получившаго знаменитость, благодаря своей великой сестрѣ. По желанію покойной, ее похоронили рядомъ съ Дж. Г. Льюисомъ.

Все свое состояніе, пріобрѣтенное литературнымъ трудомъ (40,000 фунтовъ), Дж. Эліотъ завѣщала сыновьямъ и роднымъ Льюиса, не забывъ свою пріятельницу Сару Геннель и старую служанку. Имя м-ра Кросса ни разу не замѣшано въ имущественныхъ вопросахъ. Душеприказчикомъ выбранъ тоже одинъ изъ Льюисовъ.

Что касается наслѣдства, котораго могла ожидать публика, т.-е. посмертныхъ сочиненій, то родные и друзья, съ согласія м-ра Кросса, рѣшили сжечь недоконченные очерки и начатый романъ, найденные въ бумагахъ покойной [1]). Они поступили такъ не въ силу формальнаго завѣщанія, а просто изъ уваженія къ памяти дорогой особы. Дж. Эліотъ всегда заявляла себя энергичной противницей посмертнаго изданія отрывковъ и набросковъ, которыхъ авторъ не успѣлъ бросить въ печь, и кото-

[1]) Кромѣ нѣсколькихъ мелкихъ статей и части записной книжки, предназначенныхъ къ печати самой Дж. Эліотъ, и вышедшихъ вмѣстѣ съ ея „Essays".

рые ни подъ какимъ предлогомъ не пожелалъ бы видѣть въ печати. Сожалѣть о такомъ образѣ дѣйствія не станетъ, вѣроятно, никто изъ истинныхъ почитателей Дж. Эліота. Отрывочныя и недодѣланныя произведенія врядъ ли могли бы «прибавить что-либо цѣнное къ поэзіи міра», къ тѣмъ сокровищамъ мысли и художественнаго творчества, которыя писательница такъ щедро расточала при жизни, на радость и пользу людямъ. Говоримъ: *пользу*, потому что мало упоминать объ одномъ эстетическомъ наслажденіи, доставляемомъ ея романами. Дж. Эліотъ по-истинѣ «сѣяла доброе, честное, вѣчное»... и правы англичане, говоря, что ея память будетъ жить въ благодарности многихъ тысячъ сердецъ.

А. С.

БЕЗЪ НАЧАЛА И БЕЗЪ КОНЦА.

ДНЕВНИКЪ

ВЪ ОТРЫВКАХЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ДѢТСТВѢ.

. . . . [1]).

...Разобраться?! Легко сказать!.. Нѣтъ ужъ тутъ ничего не подѣлаешь! Мои симпатіи сильнѣе моей воли, и она послушно идетъ у нихъ на привязи, иногда только сопротивляясь и доставляя тѣмъ мнѣ же лишнюю мучительную боль. Чѣмъ больше отдаюсь я наплывающимъ на меня картинамъ и образамъ, чѣмъ больше вдумываюсь и вглядываюсь въ свое прошлое, тѣмъ настойчивѣе бьетъ мнѣ въ глаза странный, непонятный фактъ: что-то внѣ меня, неуловимое, но и не отразимое, всегда тащитъ меня въ сторону совсѣмъ противоположную той, какую мнѣ намѣчали въ дѣтствѣ, о какой даже я мечталъ. Конечно, мнѣ стыдно этихъ мечтаній теперь, но давно ли, давно ли стыдно? И отчего мой стыдъ прочнѣе — несмотря на сравнительную недавность происхожденія,—чѣмъ выроставшія со мной мечтанія?.. Вотъ и разберись тутъ!.. Ничего особеннаго нѣтъ въ моемъ прошломъ: у родителей единственный балованный сынокъ, выросшій «на всей своей волѣ» въ лѣсной глуши, среди простыхъ людей, я жилъ такъ же какъ и всѣ товарищи... Я былъ хорошимъ, однимъ изъ лучшихъ даже учениковъ въ школѣ; учителя меня хвалили

---

[1]) Первыя страницы дневника, къ сожалѣнію, затеряны, и рукопись начинается послѣдними строками второй главы. Судя по сохранившемуся, можно думать, что авторъ воспоминаній писалъ, выйдя только-что изъ опасной, перенесенной имъ болѣзни, наложившей на него свою тяжелую печать, когда образы прошлаго возстаютъ зато предъ человѣкомъ съ полною ясностью.

и поощряли, и пророчили будущность. Иногда наказывали меня за шалости, но и то далеко не чрезмѣрно, опять таки въ уваженіе къ моимъ быстрымъ способностямъ. Кажется, при этихъ ли условіяхъ не быть «паинькой»? И что особенно мило, я самъ всегда хотѣлъ быть паинькой, и своими «быстрыми способностями» сдѣлать хорошую карьеру. Да, я и объ этомъ мечталъ еще на школьной скамьѣ!.. Но милѣе всего то, что я и въ школѣ, и съ этими мечтаніями — не знаю какъ, не знаю, почему — оказывался въ рядахъ шалуновъ и попадалъ въ просакъ передъ начальствомъ, и помню, еще мальчишкой, упрекалъ себя за шалости и давалъ себѣ слово исправиться впредь, и старался исправиться, но оказывался неисправимымъ!.. Мнѣ всѣ говорили о карьерѣ; я слушалъ и хотѣлъ «оправдать довѣріе», а какая-то неотразимая сила стаскивала меня съ прямой и ровной дороги «паинекъ», помимо моего сознанія, моей воли, и сопротивленіе этой силѣ доставляло мнѣ только страданія... Откуда эта сила? Какъ она выросла? Почемъ я знаю!.. Только вотъ теперь я уже очень ясно вижу, что она сильнѣе меня и всегда тащитъ меня даже туда, куда бы я, можетъ, не захотѣлъ... И я вижу теперь одно, что лучше совсѣмъ ей отдаться, покрайней мѣрѣ это значительно упрощаетъ жизнь... Лучше! — но вѣдь и мечты о карьерѣ чуть не съ молокомъ матери всосаны...

Все равно!.. Въ душѣ моей нѣтъ упрека прошлому. Длинной вереницей проносятся теперь предо мной знакомые, родные, дорогіе образы прошлаго дѣтства и юности. Вся жизнь переживается снова... И миръ, и забвенье этой тяжелой остановки жизни принесите вы мнѣ, дорогія тѣни прошлаго, толпой тѣснящіяся теперь предо мною... Я—вашъ. Вы меня выростили, я болѣю вашими скорбями и болѣзнями, ваше во мнѣ добро и зло... Будемъ бесѣдовать, времени у больного много, да и Богъ-вѣсть, увидимся ли вновь!..

III.

...Я родился вмѣстѣ съ началомъ нашей «эпохи прогресса», въ маленькомъ погостѣ, затерянномъ въ лѣсу одного изъ глухихъ мѣстъ средней полосы. Я былъ, говорятъ, въ дѣтствѣ очень спокойный ребенокъ, что, по всей вѣроятности, происходило отъ того, что у меня былъ нянькой чуть не весь маленькій погостъ. И хотя говорятъ, что у семи нянекъ дитя безъ глаза, но моя особа служитъ тому самымъ блистательнымъ опроверженіемъ.

Милыя, старыя и молодыя няньки, вотъ и ваши образы всплы-

ваютъ предо мной, и прежде всѣхъ, и яснѣе всѣхъ моя бабушка, крѣпкая, «день деньской» постоянно на ногахъ и въ хлопотахъ, ворчунья съ безумной добротой въ глазахъ... О, какъ часто грозила ты мнѣ постегать свѣжей крапивой спину, и какъ весело я смѣялся этимъ угрозамъ и вмѣсто крапивы всегда получалъ что нибудь гораздо болѣе вкусное и питательное... Я любилъ вертѣться около бабушки; она была такая веселая, живая, съ громкимъ голосомъ и громкимъ смѣхомъ, и она разсказывала такія славныя сказки. Но, хоть убей, я не помню теперь бабушкиныхъ сказокъ, и только одинъ разсказъ такъ глубоко врѣзался въ памяти, что и теперь, вспоминая бабушку, я вспоминаю и ея разсказъ, какъ она устраивала семью. Часто и охотно она вспоминала объ этомъ; любилъ я слушать ея быль, и мое дѣтское сердце горѣло и страдало за баловницу-разсказчицу. То была грустная исторія, полная разнообразныхъ хожденій по инстанціямъ, обиды, неправды. Смутно помню я иныя подробности, но зато колоритъ разсказа до сихъ поръ совершенно ясенъ. Исторія начиналась трагически: дѣдушка уѣхалъ въ деревню съ требой и оттуда воротился—мертвымъ: онъ умеръ скоропостижно... На рукахъ у бабушки осталась семья: двое учащихся сыновей и три невѣсты-дочери, и затѣмъ ничего, кромѣ надежды, что можетъ быть по обычаю за одной изъ дочерей оставятъ мѣсто «съ прискaніемъ жениха». Нужны были во всякомъ случаѣ хлопоты, а начальство, недовольное покойнымъ, еще обрадовалось случаю высказать свое недовольство на несчастной и безпомощной семьѣ...

— Что дѣлать! И отъ горя-то сердце разрывается,—да тутъ еще идолы эти изо рта послѣдній кусокъ рвутъ... Ахъ,—мои батюшки,—горько какъ!.. Пережить то время не чаяла!—и голосъ бабушки нервно дрожалъ, слеза блестѣла на глазахъ; и жалко было баловню-внуку своей милой бабушки...

Мѣсто наше было не плохое, и кому-то выходила очень хорошая «линія» занять весь погостъ своими родственниками. Для этого не жалѣли денегъ. Если бы, впрочемъ, и бабушка, какъ оказывалось изъ ея разсказа, заткнула бы ротъ одному, да сунула бы тому-то, да подмазала такого-то, такъ и ея дѣло пошло бы въ ходъ и уладилось. Но въ томъ-то и дѣло, что рѣшительно нечѣмъ было «сунуть и подмазать»... Всѣ ей говорили, что дѣло ея пропащее. Одинъ только братъ ея, дѣдушка Матвѣй, поддержалъ и утѣшилъ беззащитную сестру.

Отчаяніе придало бабушкѣ храбрости (она, впрочемъ, и безъ того, по видимому, никого и ничего не боялась) и «сло-

пать» ее оказалось нелегко. Въ губерніи скоро «самъ владыка» былъ до такой степени недоволенъ ея неотвязными просьбами, ея заявленіями,—что-молъ вѣдь ей все обѣщали за столько-то, а у нея столько нѣтъ, а есть лишь одна правда, и т. д.—что онъ «самъ» крикнулъ однажды:

— Бунтовская ты баба,—и больше ничего!..

— Ваше пр-во,—да вы мнѣ правду-то отдайте...

Тогда она въ синодъ отправилась съ жалобой на архіерея. Ловкій старый сутяга-приказный страшными красками росписалъ въ ея прошеніи губернскую неправду, но все же это было страшное дѣло жаловаться въ ту пору на архіерея.

— Да ужъ мнѣ все равно было,—говорила бабушка,—что, въ самомъ дѣлѣ?! Сирота, такъ и правды нѣтъ?.. Нѣтъ, думаю, ужъ не поддамся, будь что будетъ!..

Всѣ отговаривали, однако, бабушку и рисовали ей всякія страсти. Опять только одинъ дѣдушка Матвѣй поддерживалъ энергію.

— Иди, иди, сестра, хуже не будетъ!.. Пускай ѣдятъ, да хоть не даромъ, не вотъ-тотчасъ!..—И снабдилъ ее лошадью, и отдалъ послѣдніе гроши на дорогу.

Бабушка добилась-таки пересмотра дѣла; но вѣдь для пересмотра оно было отослано туда же, гдѣ она всѣхъ такъ озлобила своимъ «бунтовскимъ» упорствомъ, и новое рѣшеніе было бы, можетъ быть, такое же, если бы на ея счастье не пріѣхалъ «на эпархію» новый преосвященный, еще незнакомый съ туземными отношеніями, безпристрастный, внимательный. Онъ удовлетворилъ, какъ вполнѣ справедливыя, всѣ просьбы бабушки...

— Да, такъ-то вотъ!.. И не чаяла жива быть, а добилась!.. Всего добилась, и ни одна шельма, вотъ какая есть копѣечка, копѣечкой не попользовалась!..—неизмѣнно заключала свой разсказъ бабушка. И должно быть очень ужъ пристально смотрѣли на нее внимательные глазенки внука, потому что бабушка также неизмѣнно гладила его головенку и прибавляла:

— Такъ-то, внучекъ!.. Бѣда маленькому человѣку на свѣтѣ,—заклюютъ коршуны! Только, что съ бою возьмешь, то и твое счастье!..

Да, она съ бою взяла свое счастье; устроила новую семью, свила на мѣстѣ разрушеннаго новое гнѣздышко, и «непокладывая рукъ» продолжала устраивать его, и торжествовала побѣду... Выразителемъ этого торжества неизмѣнно являлся дѣдушка Матвѣй, когда пріѣзжалъ къ намъ на праздники. Побѣдный пафосъ возрасталъ въ немъ обыкновенно, начиная съ послѣ обѣда до поздней ночи, съ неумолимо строгою постепенностью. Высокій,

сѣдѣющій, съ громогласнымъ, оглушающимъ голосомъ, ходилъ онъ по комнаткамъ нашего новаго домика и заливался добродушнѣйшимъ хохотомъ; и хохотъ этотъ, вырываясь изъ растворенныхъ лѣтомъ оконъ, эхомъ звучалъ и разносился по лѣсу, со всѣхъ сторонъ обступившему маленькій погостъ.

— Возгаркнемъ!—провозглашалъ онъ своимъ могучимъ голосомъ, и гости чуть не зажимали уши, а старый купецъ изъ сосѣдней деревни, почетный прихожанинъ, умилялся и лепеталъ:—Экій голосъ у тебя, Алексѣичъ, экій голосъ!.. Одно слово—труба архангелова!..

— Нѣтъ, вотъ она труба-то, вотъ взгляни!.. И дѣдушка указывалъ на свою сестру.—Вотъ точно, мертвыхъ можетъ разбудить—герой-то этотъ!.. Мужчинѣ супротивъ нея не выстоять!.. А!.. Анаѳемы прокляты, они думали сироту слопать; думали, правды-то на семъ свѣтѣ вотъ на эстолько нѣтъ?.. Мы-ста сила!.. Кто супротивъ насъ?!.. А мы на мѣсто того выпьемъ!.. Ха, ха, ха!.. Сестра, бунтовская баба, выпьемъ—что ли?.. Живы ли мы съ тобой?.. Выпьемъ!..

Достойнымъ концомъ этого, все возраставшаго паѳоса, было тоже неизмѣнное выраженіе, резюмировавшее въ одномъ высшемъ обобщеніи всѣ мысли и чувства, волновавшія дѣдушку:

— Stultorum plena sunt omnia!..—возглашалъ онъ послѣ ужина, и непосредственно послѣ громогласнаго исповѣданія этой истины отправлялся спать...

Совершенно идиллическій характеръ имѣютъ всѣ мои личныя воспоминанія о маленькомъ погостѣ, и изъ этой сплошной идилліи остались въ моей памяти особенно идиллическіе лѣтніе вечера... Солнце уже спустилось за-лѣсъ, только остался багряный просвѣтъ тамъ, гдѣ дорога идетъ къ погосту, да верхушка высокой колокольни еще горитъ огнемъ заката. Но и багряный просвѣтъ скоро блѣднѣетъ. Такъ пріятно—свѣжо на улицѣ, и такъ весело, потому что на улицу выбрались всѣ обыватели мирнаго погоста. Всѣ ужъ засвѣтло и поужинали, но сонъ еще на умъ нейдетъ, особенно нашей небольшой, но шумной ребячьей стаѣ. Человѣкъ семь семинаристовъ пріѣхали на каникулы, почти столько же есть взрослыхъ невѣстъ. Хороводъ составляется по вечерамъ на общей площадкѣ среди погоста, и льется унылый, чуть не похоронный, семинарскій напѣвъ. Даже развеселая:

„Дунай мой, Дунай,
Веселый, гуляй!“

—выходитъ такъ, что мое юное сердце охватываетъ какая-то непонятная, щемящая тоска, тяжелая, но и пріятная въ то же время. Стройно льется тягучая пѣсня, и присмирѣешь бывало, и слушаешь всѣмъ существомъ своимъ, и хочется, чтобы снова и снова звучала пѣсня. Подъ ея звуки невѣдомо откуда выростаетъ въ душѣ желаніе улетѣть вольной птицей далеко, далеко вмѣстѣ съ замирающими звуками...

Или вотъ еще вечеръ—въ церкви. Въ верхній рядъ церковныхъ оконъ ударили послѣдніе лучи заката и освѣтили фантастическими отблесками темнѣющую внутренность. Свѣжесть волнами льется въ настежь раскрытыя окна церкви, откуда только что разбрелась густая толпа народа. Остался тамъ только причтъ, да семинаристы и я, ихъ неразлучный спутникъ. Идетъ какой-то богословскій споръ.

— Нѣтъ,—это надо разъяснить,—гудитъ басъ ученаго дьякона Павла Дорофеича:—«и праведнаго жертву водою попалиша»... Это нельзя сказать, чтобъ объ Ильѣ Пророкѣ; я такъ полагаю тутъ... тово оно... нѣкій особый таинственный смыслъ заключается...

Сыплются оживленныя возраженія, но такъ какъ споръ идетъ въ алтарѣ, то говорятъ не громко и съ разстановкой... Величайшимъ уваженіемъ проникался я къ дьяконской учености при такихъ спорахъ: онъ то и дѣло цитировалъ, и, кажется, мой отецъ и другой его товарищъ — священники, отдѣлывались всегда отъ дьякона только своею діалектикой. Тяжеловѣсная мысль дьякона скоро утомлялась въ діалектическихъ извивахъ богословія, но онъ не скоро уступалъ тѣмъ не менѣе поле сраженія, спасаясь отъ діалектики за цитатами.

Въ церкви стемнѣло совсѣмъ; слипаются глаза, и я ухожу. Споръ еще продолжается. На дорогѣ встрѣчаешься съ матерью или бабушкой.

— Миша, зови отца-то, тащи его за полу, ужинъ стынетъ... Безрядники,—нѣтъ имъ дня-то!.. Днемъ дрыхнутъ, а какъ ночью, такъ разговоры подимутъ—не дождешься!

Лѣниво возвращаешься въ церковь. Компанія уже выбралась изъ алтаря и стоитъ среди церкви въ полуоборотъ къ выходу. Очевидно, кому нибудь пришло въ голову новое соображеніе по предмету спора и его обсуждаютъ.

— Папаша, ужинать!..

— Сейчасъ, сейчасъ, милый... Нѣтъ, Дорофеичъ, ужъ ты не спорь, — вѣрно!.. Потому самъ видишь,—контекстъ...—и опять пошла исторія.

Добрались до выхода, опять стали; и ужъ на улицѣ совокупными усиліями всего женскаго персонала погоста наконецъ разводятъ за день выспавшихся спорщиковъ.

— Ну, ужъ тó хоть народъ ученый! — ворчитъ на дьячка Андреича его супруга,—а и эти тутъ же торчатъ, ушами хлопаютъ. Ровно что понимаютъ!..

— У, дура!—скороговоркой, нѣсколько конфузливо бормочетъ Андреичъ, въ душѣ признавая мѣткость замѣчанія своей «дрожайшей»:—умныхъ людей и послушать занятно... Около умнаго самъ поумнѣешь... Это, братъ, не около тебя. Около тебя и послѣдній-то умишко растрясешь!..

— Ахъ, кривой дуракъ!—весело смѣется супруга,—было бы еще чего растрясти-то!..

А дьяконъ дома, сидя за ужиномъ, соображаетъ вслухъ:

— Эка, парень, забылъ я эту штуку-ту!.. Надо справиться у Златоуста,—это надо думать къ тому... Забылъ, забылъ!.. Ну, да ладно, еще я имъ подставлю закавыку!.. Еще мы поспоримъ!..

Дѣйствительно, мнѣ помнится, чуть не цѣлое лѣто рѣшался этотъ важный вопросъ: въ какомъ смыслѣ разумѣть должно—«и праведнаго жертву водою попалиша»?.. Этимъ вопросомъ занимались и на купаньѣ, полураздѣтые, съ папиросками и табакерками въ рукахъ, и у колодца, сидя вечеромъ на старомъ насосѣ, и у кого-нибудь изъ спорщиковъ за чаемъ... Вопросъ, кажется, такъ и сошелъ со сцены нерѣшеннымъ.

И не удивительно, что такъ надолго затягивались богословскіе споры: торопиться было некуда, жили всѣ, сколько я помню, сытно. Только дьячки сами исполняли кое-какія полевыя работы, батюшки же и дьяконъ сами въ полѣ не работали. Что же больше и дѣлать было, какъ не вести богословскіе споры?.. Батюшки, конечно на церковный счетъ, выписывали большую пачку духовныхъ журналовъ и газетъ; часто видалъ я также и журналы свѣтскіе. Въ нашемъ погостѣ любили «книжку». Батюшки читали охотно и много, а дьяконъ такъ просто былъ ненасытенъ. Всегда онъ самъ находилъ случай «кстати» побывать на ближайшей почтовой станціи въ сроки полученія журналовъ, и залучивъ къ себѣ книжки, не выпускалъ ихъ изъ рукъ, пока не прочтетъ все до послѣдняго листочка. Онъ исчитывалъ даже выписанный спеціально для меня отцомъ «Воскресный Досугъ», и давалъ мнѣ постоянно не мало труда подобрать по порядку страницъ растрепанные листочки сразу полученныхъ трехъ, четырехъ №№.

Ученый человѣкъ былъ дьяконъ Дорофеичъ. Онъ написалъ даже толкованіе на текстъ: «Изберите себѣ друга отъ мамона неправды». Это солидный трудъ. Позже я посѣтилъ какъ-то маленькій погостъ и, вспоминая съ батюшкой—товарищемъ отца, объ умершихъ старожилахъ, вспомнилъ и о грандіозномъ трудѣ Дорофеича; и до сихъ поръ иначе я и не представляю себѣ этого достопочтеннаго человѣка, какъ занятымъ—или писаніемъ этого толкованія, или производствомъ какой-то сложной машины. Батюшка предупредительно при первомъ случаѣ въ церкви подвелъ меня къ библіотечному шкафу и показалъ стопу (буквально) красиво, стариннымъ почеркомъ, исписанной бумаги.

— Вотъ, не хотите-ли полюбопытствовать?—коварно посмѣиваясь, спросилъ меня батюшка.—Вы вѣдь охотникъ до рѣдкостей и курьезностей натуры?.. А тутъ все по словамъ автора «на натуральномъ разумѣ рѣченій основано»...

Я поблагодарилъ. Попробовалъ только вѣсъ (около полупуда), да запахъ (сырой, загнивающей бумаги), прочелъ посвященіе «десятилѣтняго труда Всемилостивѣйшему Архипастырю и Отцу» — и резолюцію: «Благодарю за усердіе. Богъ труды любитъ». Рукопись съ надписью была, повидимому, не прочитана: правда, оцѣнку «усердія» можно было и на вѣсъ сполна произвести. А вѣдь между тѣмъ, о, честолюбецъ, ты посвящалъ свое «капитальное» произведеніе съ громко высказываемой надеждой, что тебѣ отпустятъ на изданіе труда изъ «спеціальныхъ суммъ». Ахъ, это была стрѣла въ сердце Дорофеича, когда его малое дѣтище съ благочиннымъ было возвращено ему!.. И съ этой стрѣлою онъ умеръ; говорятъ даже, что именно она-то и сразила бѣднягу. Послѣ полученія рукописи онъ больше не писалъ ничего, кромѣ росписокъ и надписей въ церковныхъ книгахъ, и не продолжалъ постройку своей должно быть столь же глубокомысленной машины.

Разобрана потомствомъ и сожжена въ печи и машина Дорофеича послѣ его смерти. Деревянная модель ея занимала ровно половину самой большой комнаты его дома, и къ ней онъ даже жену не подпускалъ ближе, какъ на разстояніе другой незанятой половины. Мы же, малые ребята, не должны были подходить даже къ дверямъ завѣтной комнаты. И мы свято хранили завѣтъ Дорофеича: мы боялись дьякона, боялись этой громадной головы съ страшною черной гривой и широкой, вѣчно всклокоченной бородой. Мнѣ всегда онъ казался колдуномъ, о которыхъ я слыхалъ такъ много страшныхъ сказокъ. Даже «мамона», котораго Дорофеичъ десять лѣтъ объяснялъ, я представ-

лялъ себѣ тоже таинственнымъ какимъ-то колдуномъ, очень похожимъ на своего истолкователя. Впрочемъ, благодаря его машинѣ, которую можно было видѣть черезъ окна, его и весь приходъ принималъ за колдуна и побаивался. Его на свадьбахъ всегда сажали на самое почетное мѣсто, а за нимъ—батюшекъ. Бѣдный Дорофеичъ, а вѣдь ты принималъ это всегда какъ заслуженную дань своимъ познаніямъ и способностямъ!..

Вспоминаю я теперь жизнь нашего мирнаго погоста и нахожу, что вѣдь, право же, его обыватели старались идти за вѣкомъ. Струйка чего-то новаго била и тамъ рѣшительно замѣтно, недаромъ то было время «возрожденія»... Сосновый лѣсъ густо обступалъ маленькій погостъ, но не спряталъ, не могъ схоронить его отъ дѣйствія «духа времени». Конечно, духъ этотъ часто очень неуклюжими и своеобразными порывами вѣялъ сквозь узкую просѣку лѣсной дороги къ нашему погосту, ну да вѣдь «кто-жъ Богу не грѣшенъ?» «Конфуза» и въ центрахъ не мало было, говорятъ...

Когда послѣ освобожденія заговорили о свободѣ труда, о новыхъ сельско-хозяйственныхъ системахъ, о земледѣльческихъ машинахъ, я помню, что и нашъ маленькій погостъ не остался безучастнымъ, равнодушнымъ зрителемъ этого движенія. Много и часто обо всѣхъ этихъ матеріяхъ толковали у насъ, а когда въ нашихъ краяхъ образовалось сельско-хозяйственное общество, — мой отецъ написалъ въ «Записки» общества статью о сельско-хозяйственныхъ примѣтахъ и получилъ за это красиво напечатанный дипломъ на званіе члена-корреспондента общества, а Дорофеичъ принялся за изобрѣтеніе молотилки.

— Да, гм...—басилъ онъ,—машина!.. Машина—дѣло великое!.. По нашему времени нельзя безъ машины!.. Мужикъ-то, вотъ увидите, во сколько себя оцѣнитъ. Съ нимъ—дѣло брось! Это вотъ тутъ въ «Запискахъ» справедливо прописано...

И Дорофеичъ изобрѣлъ молотилку, «самородную» въ полномъ смыслѣ слова. Это была точно «машина», вполнѣ заслуживающая свое названіе; нѣчто столь же страшное, громадное, несуразное, какъ и самъ Дорофеичъ. Я и къ этой машинѣ чувствовалъ какое-то суевѣрное уваженіе и разсматривалъ ее всегда на почтительномъ разстояніи, но помню, что погосту она доставляла постоянно неизсякаемый источникъ потѣхи. До сихъ пора эта деревянная машина не разрушена и не разрушилась подъ безжалостнымъ дѣйствіемъ стихій. Грузно осѣла она въ землю, и когда я ее видѣлъ—густая веселая, зеленая трава обступала ее съ какой-то ехидной улыбкой... По идеѣ Дорофеича,

громадное деревянное колесо, сплоченное изъ толстыхъ бревенъ, катится по желобу изъ самыхъ длинныхъ бревенъ, какія только можно найти «на общественную пользу» въ богатомъ церковномъ лѣсу, и выминаетъ рожь изъ сноповъ, положенныхъ перпендикулярно къ желобу... Увы! Колесо въ дѣйствительности производило свою работу столь основательно, что не оставалось ни ржи, ни колосьевъ; въ желобахъ получалась какая-то сомнительная пыль, если рожь была суха, или не менѣе фантастическая грязь, если рожь была сыровата (первый опытъ).

Десять бревенъ лѣса, два десятка сноповъ ржи и годъ труда принесъ Дорофеичъ на пользу общественную... И до сихъ поръ свидѣтельствуютъ объ этой жертвѣ десять бревенъ, обросшихъ густой, веселой, зеленой травой, или полузанесенныхъ пушистымъ снѣгомъ, но еще не тронутыхъ ничьей святотатственной рукой... О, не смѣйся надъ этимъ бѣднымъ памятникомъ бѣдной мысли, случайный посѣтитель маленькаго погоста,—все-таки это памятникъ возрожденія нашего медвѣжьяго угла и, какъ онъ ни курьезенъ,—«въ немъ есть идея!..»

Впрочемъ, въ нашъ скромный погостъ залетали идеи поглубже и пошире, чѣмъ—вычитанная Дорофеичемъ въ «Записках». Ихъ привозилъ съ собою въ головѣ и въ чемоданѣ студентъ. Да, въ числѣ обывателей нашего мирнаго погоста лѣтомъ считали мы и студента, сироту, сына покойнаго дьячка Павлыча. Ѳедоръ Борисычъ былъ, какъ говорили у насъ, «битка-парень». Съ пустымъ карманомъ, но за то съ полнымъ надеждами сердцемъ и съ жаждущей свѣта головой, окончивши семинарскій курсъ, пустился онъ наудачу въ Москву, и когда я его помню, былъ уже на послѣднихъ курсахъ медицинскаго факультета. Часто декламировалъ онъ мнѣ стихи и особенно своего любимаго «Школьника», послѣ котораго обыкновенно говорилъ задумчиво:

— Славная, братъ, штука!.. Да. Вотъ этакъ я, бывало, точь въ точь, бродилъ по нашему сыпучему песочку въ семинарію... Ты вотъ счастливчикъ!.. Тебя батюшка будетъ въ тарантасѣ возить.. Да тебѣ это ничего! У тебя глазенки хорошо смотрятъ... Учись, мой милый, славный мальчикъ, учись... Не робѣй, не пропадешь!..»

Прекрасно говорилъ Ѳедоръ Борисычъ со мной; такъ просто, просто, душевно, мягко и разсказывалъ такія славныя вещи: то приключенія славнаго ламанчскаго рыцаря, то забавное вранье Мюнхгаузена, или Фенимора Купера. Онъ не учительствовалъ, но всегда послѣ его разговоровъ и разсказовъ такъ хотѣлось самому узнать все и разсказывать такія же хорошія вещи.

Я очень любилъ славнаго Өедора Борисыча. Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидалъ я его пріѣздовъ, когда узнавалъ отъ его старушки матери, что Өедя рано уѣдетъ съ кондицій и завернетъ въ свой погостъ. И когда онъ пріѣзжалъ, я совсѣмъ отбивался отъ своихъ однолѣтковъ пріятелей и пріятельницъ. По цѣлымъ часамъ я терпѣливо просиживалъ съ нимъ за удочками на берегу нашей маленькой, рыбной рѣчки, неотлучно сопутствовалъ ему въ прогулкахъ за грибами. Я непомню—спрашивалъ ли я его о чемъ-нибудь, а онъ вовсе не старался занимать, или поучать меня. Но ему должно быть нравилось, что около него копошится и болтаетъ, и смѣется его шуткамъ, его доброй, доброй улыбкѣ, маленькое, любящее сердце, и онъ постоянно звалъ меня съ собой. Онъ со всѣми держался просто, душевно; онъ не рисовался своими знаніями, своими взглядами предъ туземнымъ и «наѣзжимъ» людомъ маленькаго погоста, не проповѣдывалъ свысока, хотя и не отказывался спорить. Онъ спорилъ горячо, даже раздражаясь тѣми, очевидно, дикими возраженіями, какія ему предъявляли батюшки-сверстники, и чуть ли не однокашники его по семинаріи, и семинаристы, пріѣзжавшіе гостить на каникулы. Я часто присутствовалъ и при этихъ спорахъ; я ничего не понималъ въ нихъ, но смѣлостью и гордой свободой дышали его рѣчь и фигура, и я любовался имъ, я торжествовалъ его побѣды... Часто споръ, оборвавшись, уступалъ мѣсто простой, душевной бесѣдѣ; Өедора Борисыча засыпали вопросами и онъ разсказывалъ, объяснялъ и батюшки потомъ говорили: «умница», «битка», «точно въ ротъ кладетъ — объясняетъ!..» «Горячая, горячая голова, не сдобровать!» гудѣлъ, покачивая головой Дорофеичъ. Дѣйствительно, должно быть, сужденія Өедора Борисыча приводили если не въ ужасъ, то въ весьма комическое смущеніе мирныхъ обывателей маленькаго погоста. Иногда онъ читалъ съ торжествующей улыбкой газету, на которую собесѣдники смотрѣли съ такимъ же суевѣрнымъ страхомъ, какъ я на «машину» Дорофеича. И мнѣ нравились прекрасные звучные стихи, которые увлекаясь читалъ Өедоръ Борисычъ изъ этой газеты; потомъ въ бумагахъ отца я нашелъ цѣлую тетрадь, выписанныхъ оттуда стиховъ и выучилъ ихъ наизусть... «Горячую голову» любили въ нашемъ погостѣ, гордились имъ. И хотя Дорофеичъ сурово покачивалъ головой и говорилъ, что «не сдобровать парню», но нужно было слышать, какъ онъ говорилъ: «вѣдь я его, шельмеца, на рукахъ нянчилъ, грамотѣ училъ»,— и какая гордость няньки своимъ возлюбленнымъ питомцемъ сквозила въ этихъ словахъ...

Былъ только одинъ человѣкъ изъ пріѣзжихъ въ нашемъ погостѣ, который терпѣть не могъ Ѳедора Борисыча, не могъ говорить о немъ безъ злобныхъ выкриковъ, — это сосѣдній управляющій, свысока обращавшійся со всѣми въ нашемъ погостѣ.

— Мальчишка, выскочка!—кричалъ онъ каждый разъ, какъ заходила при немъ рѣчь о Ѳедорѣ Борисычѣ.—Это язва нашей жизни, это волки въ овечьей шкурѣ! Для нихъ ничего святого нѣтъ!.. Да имъ каторги мало,—этимъ безроднымъ проходимцамъ!.. Всѣхъ бы я ихъ на осину!.. Эмансипація?! Кто раздулъ эту эмансипацію? Они, они все, эти мальчишки, голытьба, которой терять нечего!.. Надо учить народъ! (И онъ противно передразнивалъ манеру Ѳедора Борисыча). Погодите, они васъ выучатъ!

Какъ страдалъ я при этихъ выкрикахъ, какъ всей своей дѣтской душой ненавидѣлъ это толстое лицо съ его узкими, заплывшими жиромъ глазками; какъ обидно въ моемъ дѣтскомъ сердцѣ отзывались эти фразы о выскочкахъ, которымъ терять нечего, для которыхъ нѣтъ ничего святого... Я былъ маленькій мальчикъ, я ничего не понималъ въ этой злобѣ, но тѣмъ не менѣе злился и самъ и очень хотѣлъ также чѣмъ-нибудь обидѣть, унизить этого «зазнаишку»... Много разъ потомъ мнѣ приходилось слышать рѣчи о выскочкахъ и по отношенію къ себѣ, и къ другимъ, и всякій разъ тѣ же чувства волновали меня, но ужъ я потомъ зналъ, что-то кипитъ моя глупая кровь, моя глупая гордость...

Наши батюшки молчали обыкновенно при злобныхъ выходкахъ надменнаго сосѣда. Но съ какимъ удовольствіемъ слышалъ я потомъ, какъ и ихъ задѣвало за живое, сердило это пренебреженіе къ уму, къ энергіи, съ которой люди собственнымъ лбомъ пробиваютъ себѣ дорогу...

IV.

Я поступилъ въ школу 11 лѣтъ. Въ то время еще можно было отдавать въ школу и ребятъ 8—9 лѣтъ, но мой отецъ баловалъ меня. Ему жаль было со мной разстаться, а между тѣмъ я шутя, мало-по-малу, глядя ли на старшихъ, или ужъ такъ по врожденной любви къ книгоѣдству,—пріохочивался къ книжкѣ, шутя выучивалъ уроки, какіе иногда давалъ мнѣ отецъ, прочиталъ отъ доски до доски «Историческія книги Ветхаго Завѣта» и «Евангеліе съ Дѣяніями», которыя подарилъ мнѣ отецъ въ русскомъ переводѣ, и потомъ разсказывалъ и матери, и ба-

бушкѣ, что осталось въ моей памяти. Отецъ видѣлъ, что способности мои «быстрыя» и не торопился.—«Пускай поокрѣпнетъ,—лучше!»—говорилъ онъ на совѣты поскорѣе отдать меня въ школу. Дѣйствительно, въ школѣ я оказался гораздо развитѣе большинства своихъ товарищей по классу 8—9-лѣтнихъ «сопляковъ», и несмотря на то, что рѣдко заглядывалъ въ книжку, по отзывамъ начальства, «преуспѣвалъ и въ наукѣ, и въ шалостяхъ». Господи, и что же было мнѣ дѣлать, когда уроки не стоили мнѣ никакого труда? Виноватъ ли я въ томъ, что родился въ нашемъ маленькомъ погостѣ и Богъ наградилъ меня быстрыми способностями?.. Я хотѣлъ быть «паинькой», но, право же, мнѣ нечего было дѣлать!...

Еще дома я прочелъ первый романъ. И въ училищѣ между шалостями романы были моимъ любимымъ чтеніемъ. Впрочемъ, я былъ добросовѣстенъ и съ полнымъ вниманіемъ отнесся къ училищной библіотекѣ. Путешествія, дѣтскіе разсказы, историческіе и бытовые, были мною очень скоро «проглочены», и, должно быть, затѣмъ, чтобы утолить мою жажду, батюшка-библіотекарь сталъ давать мнѣ «Душеполезное чтеніе», «Странникъ», разные «Вѣнки на могилы» приснопамятныхъ особъ преимущественно духовнаго вѣдомства, а я былъ все-таки глупый мальчикъ, несмотря на всю быстроту своихъ способностей, и въ простотѣ души своей думалъ, что эти книги больше годны для катанья на нихъ съ горы отъ училища къ квартирѣ и для дракъ съ товарищами, чѣмъ для моей дѣтской души. Я иногда и за нихъ брался, но отъ этихъ солидныхъ томовъ на меня 11—12-лѣтняго ребенка вѣяло такой сухой и мертвой скучищей, что мое непочтительное отношеніе къ нимъ казалось мнѣ тогда совершенно извинительнымъ...

Опять-таки—что же мнѣ оставалось дѣлать, какъ не искать чтенія на сторонѣ, и виноватъ ли я, что Парижскія, Берлинскія, Лондонскія и иныя «Тайны», «Монте-Кристо», «Лѣсной Бродяга» и пр. и пр. были тогда мнѣ гораздо интереснѣе, чѣмъ умныя и душеспасительныя книжки, въ которыхъ я однако, на бѣду мою, ничего не понималъ?.. Богъ мой, какой гадости я не перечиталъ за это время!.. Я былъ въ нѣкоторомъ родѣ начальствомъ—авдиторомъ, и всѣ мои «подъавдиторные» были обложены повинностью добывать мнѣ книжки, а я за это самымъ безсовѣстнымъ образомъ аттестовалъ ихъ въ «нотатѣ».

Вотъ въ этихъ-то поискахъ за книжками я познакомился съ Ермолаемъ Иванычемъ. Это былъ единственный въ нашемъ городишкѣ «часовщикъ» и фотографъ.

— Эхъ, парень, вотъ у кого много книгъ-то, да мнѣ онъ не дастъ,—говорилъ мнѣ однажды одинъ изъ «камчатниковъ», передавая какого-то невозможнаго «Мамая—или жертву порока», —историческій романъ въ трехъ частяхъ. — У часовщика, у Ермолая Иваныча. Вотъ, братъ, человѣкъ-отъ!.. Ученый!.. Говорятъ, будто онъ колдунъ, только онъ добрый!..

Я очень заинтересовался. Мы бесѣдовали раннимъ, зимнимъ утромъ въ громадномъ, почти еще пустомъ классѣ, въ совершенной тьмѣ. (Обыкновенно мы забирались зимой въ классъ «ни свѣтъ, ни заря», какъ говорилъ сторожъ, съ ругательствами отпирая намъ входную дверь).

Слово «колдунъ», сказанное боязливымъ шопотомъ во тьмѣ огромнаго класса, тотчасъ же произвело впечатлѣніе. Нашей маленькой кучкѣ какъ-то жутко сдѣлалось. Мы поближе придвинулись другъ къ другу.

— А ты почему знаешь, что онъ колдунъ?

— Да говорятъ!.. Да, братъ, можетъ и вправду. Онъ, братъ, такія разныя удивительныя штуки дѣлаетъ — страсть!.. У него въ задней комнатѣ въ углу человѣкъ стоитъ, кто его знаетъ изъ чего сдѣланъ. Во всѣ стороны гнется, какъ живой. Какъ Ермолай Иванычъ изогнетъ, такъ и стоитъ, — страшный!.. Въ бѣлой рубахѣ, лицо завѣшено,—словно мертвецъ!..

— А зачѣмъ ему этотъ человѣкъ?—совсѣмъ ужъ робко спрашиваетъ кто-то изъ кучки.

— Кто его знаетъ? Я не спрашивалъ—не смѣю. А можетъ онъ какъ-нибудь съ нимъ колдуетъ?!.. Я недавно со старшими былъ у Ермолая Иваныча, такъ онъ намъ волшебныя картины показывалъ, вотъ какъ въ балаганахъ на ярмаркѣ... Вотъ такъ, братъ, штука! И старшіе даже не знаютъ, какъ онъ это дѣлаетъ, — вотъ какой!.. А потомъ вдругъ загасилъ свѣчу, да и началъ какую-то проволоку жечь, такъ, братъ, словно солнышко, такъ глаза слѣпитъ!.. Горитъ проволока, а отъ нея искры — синія, зеленыя,—ловко!..

Мое любопытство было въ сильнѣйшей степени возбуждено.

— Ловко, кабы къ нему пойти!..

— Пойдемъ! — позвалъ меня пріятель, разсказывавшій объ удивительномъ часовщикѣ. — Онъ, братъ, добрый! Онъ всѣхъ зоветъ... Къ нему старшихъ много ходитъ...

Я присталъ къ своему старшему, который тоже, какъ оказалось, навѣщалъ Ермолая Иваныча, чтобы онъ свелъ меня къ этому удивительному человѣку. Въ уваженіе къ моимъ «талантамъ» (я «сочинялъ задачки» по-русскому языку для старшаго)

онъ согласился, и въ ближайшее же воскресенье мы отправились. Ермолай Иванычъ встрѣтилъ меня очень ласково.

— Знаю, знаю, сказывали товарищи... Все «въ книжку» читаетъ?.. Читатель ненасытный?!.. Ахъ вы, читатели!.. Что съ тобой будетъ дальше-то, ежели теперь съ этихъ лѣтъ ты заразился, а, сказывай?..—шутливо трепалъ меня за борта пиджачка Ермолай Иванычъ.

Небольшого роста, съ умнымъ, выразительнымъ, очень блѣднымъ лицомъ, запущеннымъ окладистой черной бородкой, въ какомъ-то странномъ не то халатѣ, не то сюртукѣ, перепачканномъ, какъ и длинныя, тонкія руки ляписомъ, Ермолай Иванычъ производилъ сразу самое выгодное впечатлѣніе—своей привѣтливой улыбкой, своими добрыми карими глазами. Признаюсь, я шелъ къ нему не безъ нѣкоторой робости; не безъ робости входилъ въ его небольшую комнату, перегороженную пополамъ высокимъ и длиннымъ шкафомъ со стеклами съ обѣихъ сторонъ, гдѣ на полкахъ стояли какія-то машинки и приборы, а внизу лежали груды книгъ разныхъ форматовъ, преимущественно толстыя, закоптѣвшія, въ старинныхъ кожанныхъ переплетахъ. Обстановка, среди которой жилъ Ермолай Иванычъ, дѣйствительно могла суевѣрному обывателю уѣзднаго городишка, или мальчику, котораго по профессіи съ юныхъ лѣтъ воспитываютъ на всякой чертовщинѣ, дать поводъ думать, что тутъ неладно. Странные эти приборы, вогнутое зеркало, электрическая машина, маленькія модели разныхъ машинъ въ шкафу, — эти толстыя закоптѣлыя книги, наконецъ, скелетъ и манекенъ, видимые черезъ дверь въ другой комнатѣ, все это такія вещи, употребленіе и назначеніе которыхъ рѣшительно непонятно мирному обывателю уѣзднаго захолустья, — и естественно предположеніе, что хозяинъ этихъ вещей долженъ имѣть близкое знакомство и даже непосредственныя сношенія съ нечистой силой. И я, признаюсь, не безъ суевѣрной робости припоминалъ разсказы товарища. Я уже былъ вольнодумцемъ насчетъ «нечистой силы», но тѣмъ не менѣе и мнѣ на первый взглядъ хозяинъ показался, чѣмъ-то въ родѣ «мага и чернокнижника». Но почти тотчасъ же мнѣ стало стыдно своего страха, и я внутренно смѣялся надъ легковѣріемъ товарища и своимъ. Оглядѣвшись, я узналъ электрическую машину, о которой мнѣ разсказывалъ Ѳедоръ Борисычъ, и рисунокъ которой я видалъ въ его толстой «физикѣ». Я смекнулъ, что можетъ и другіе приборы тоже относятся къ этой наукѣ. Манекенъ я видалъ раньше у одного богатаго провинціальнаго живописца, къ которому заѣзжалъ вмѣстѣ съ отцомъ, а части

скелета мнѣ рѣшительно присмотрѣлись у Ѳедора же Борисыча, который черепъ постоянно возилъ съ собой и употреблялъ какъ пепельницу къ ужасу своей матушки, боявшейся переставить даже его съ мѣста на мѣсто! Не безъ удовольствія думалъ я, оглядывая знакомые предметы, какъ завтра же буду доказывать пріятелямъ, что Ермолай Иванычъ вовсе не «магъ и волшебникъ», и что глаза у него такіе же славные, добрые, какъ у Ѳедора Борисыча, и что такъ же онъ просто и тихо говоритъ, и весело смѣется... Черезъ мѣсяцъ или два я такъ полюбилъ бывать у этого милаго человѣка, что бѣгалъ къ нему чуть не каждый день. Я вѣроятно у него дневалъ бы и ночевалъ, что называется, если бы не опасеніе, какъ бы начальство не провѣдало объ этихъ посѣщеніяхъ, потому что ходить къ Ермолаю Иванычу было почти запретнымъ плодомъ, а вѣдь я хотѣлъ быть «паинькой!..»

Ермолая Иваныча не любили въ городѣ, хотя и не отказывались пользоваться его услугами и даже его обществомъ. Не любили его «за языкъ», звали его гордецомъ и «фармазономъ». Дѣйствительно, Ермолай Иванычъ, сравнительно съ другими обывателями, жилъ очень странно, хотя мы, его маленькіе друзья — рѣшительно не понимали этой «странности», находили, что онъ живетъ просто. Въ то время какъ я съ нимъ познакомился, онъ уже лѣтъ десять жилъ въ нашемъ городѣ. Онъ былъ не изъ коренныхъ уроженцевъ города и даже губерніи; въ его паспортѣ значилось, что онъ мѣщанинъ одного изъ южныхъ городовъ. Почему бросилъ онъ свои палестины? Почему выбралъ для осѣдлости именно нашъ глухой городишка, Богомъ спасаемый, но людьми совсѣмъ забытый, хотя и игралъ роль лѣтъ тысячу тому назадъ,—этого никто не зналъ. Самъ Ермолай Иванычъ обо всемъ этомъ никогда не распространялся, отдѣлывался на докучные вопросы очень короткими отвѣтами, изъ которыхъ мало что можно было извлечь опредѣлительнаго. На первыхъ порахъ, съ нимъ, какъ и со всякимъ свѣтскимъ человѣкомъ, туземные обыватели старались свести знакомство. Ермолай Иванычъ ласково встрѣчалъ всякаго, кто къ нему приходилъ, и много народа толкалось въ его рабочей комнатѣ, гдѣ онъ обыкновенно принималъ гостей, копаясь въ то же время съ лупой у глаза за разобранными часами. Для обывателя, никуда дальше своей губерніи не высовывавшаго носа, Ермолай Иванычъ былъ просто кладъ, потому что онъ былъ занятный, веселый и остроумный собесѣдникъ, и при томъ «бывалый человѣкъ», «видавшій виды», съ порядочнымъ запасомъ житейской опытности. Онъ очень хорошо

игралъ на скрипкѣ, хорошо рисовалъ, разъ даже признался, что одно время въ «Питерѣ» посѣщалъ академію художествъ, но почему-то сбѣжалъ оттуда. Своими знаніями онъ поражалъ туземныхъ обывателей даже высшихъ ранговъ. Это конечно еще не опредѣляло истинныхъ размѣровъ свѣденій Ермолая Иваныча, но позднѣе я имѣлъ возможность убѣдиться, что его знанія, если и не отличались въ иныхъ случаяхъ отчетливостью, то были все-таки довольно разнообразны и хорошо усвоены. И вотъ поэтому на первыхъ порахъ въ его рабочей комнатѣ была настоящая толкучка, и Ермолай Иванычъ говорилъ,—говорилъ то въ шутливо проповѣдническомъ родѣ, читая житейскую мораль, сквозь которую проскальзывала какъ будто усмѣшечка, то въ дѣловомъ, хозяйственномъ, наводя справки объ экономическомъ положеніи уѣзда, какъ будто онъ затѣвалъ какое-нибудь промышленное предпріятіе и предварительно хотѣлъ оріентироваться въ туземныхъ отношеніяхъ. Обыватель болталъ съ нимъ охотно, безхитростно выкладывалъ наружу свое иногда слишкомъ даже упрощенное нутро; обижались только тѣмъ, что хозяинъ ничѣмъ не подчуетъ и упорно отказывается ходить въ гости. Но Ермолай Иванычъ никуда не ходилъ. А между тѣмъ, присмотрѣвшись къ посѣтителямъ, пообжившись, Ермолай Иванычъ какъ-то незамѣтно утратилъ мало-по-малу свою обходительность. Та «усмѣшечка», которая проскальзывала сначала въ шутливой морали его, начала прорываться чаще и сильнѣе и обратилась совсѣмъ въ яркую, рѣзкую, злобную насмѣшку, точно неумѣренные пріемы обывательской простоты начали его тошнить. Пожалуй это такъ и было, потому что ужъ очень «простъ» былъ обыватель нашего историческаго городишка. Сидитъ, напр., у Ермолая Иваныча почтенный лабазникъ. Пришелъ по дѣлу—часы починить, работу сдалъ, въ цѣнѣ условились, предварительно поторговавшись,—«все честь честью». Гостю дѣлать нечего и, сдавши дѣло, онъ сидитъ и точитъ балясы, соловьемъ заливается, перемалывая пустопорожній вздоръ насчетъ того, какой нонѣ народъ мошенникъ сталъ, пальца въ ротъ не клади—откуситъ; какъ дѣлъ нынѣ нельзя дѣлать по чести... Молчитъ Ермолай Иванычъ, долго и терпѣливо слушаетъ, и вдругъ его точно что взорветъ.

— Всю теперь пустяковину-то перемололъ, Никита Мосѣичъ?..

— Пустяковину?!.. Дѣло говорю...

— А я тебѣ, коли такъ, вотъ что скажу: самъ ты первый мошенникъ!..

Собесѣдника такъ поражаетъ столь непредвидѣнный оборотъ

рѣчи, что онъ даже сообразить не успѣетъ, ругается это человѣкъ, или шутки свои шутить начинаетъ; а Ермолай Иванычъ вскакиваетъ съ мѣста, торопливо бѣгаетъ по комнатѣ, то и дѣло запахивая полы своего расползающагося балахона и ругается,— душу отводитъ.

— Да какъ же ты не мошенникъ?.. Да еще поискать такихъ-то плутовъ, какъ ты!.. Видѣлъ я онамеднись какъ ты рожь у мужиковъ принималъ... Еще чортъ тебя знаетъ, какая тамъ у тебя мѣра, ну да ужъ это у васъ и въ счетъ нейдетъ! Такъ вѣдь этого имъ мало! Онъ поставилъ мѣру-то на плохонькія дощечки, — одинъ молодецъ у него зерно въ эту мѣру сыплетъ вѣрхомъ, а другой то и дѣло, будто за дѣломъ по мосткамъ мычится. Мѣра извѣстно дрожитъ, рожь съ нея плыветъ внизъ подъ доски, ну а ужъ тамъ подобрать дѣло хозяйское!.. По горсточкѣ, да по горсточкѣ, мужику молъ не видно, а намъ разсчетъ!.. Сколько этакъ-то за утро мѣрочекъ Господь Богъ послалъ?.. Нельзя, слышь, дѣло по чести дѣлать?..

Лабазникъ до сихъ поръ въ восторгѣ отъ своей выдумки. Онъ забылъ даже, что его обругалъ Ермолай Иванычъ. Онъ очень радъ, что послѣдній такой догадливый человѣкъ, что даже эту хитрую механику усмотрѣлъ.

— Ну, братецъ ты мой, быть бы торговцемъ въ самый разъ, ей Богу!.. Сразу проникъ!.. А ничего—перепадаетъ, что Бога гнѣвить!..

— Перепадаетъ!.. А, скажите!—перепадаетъ!?.. Курочка по зернышку клюетъ?.. Ахъ, живодеры проклятые, пропасти на васъ нѣту!.. Ты у кого горсти-то эти укралъ?.. Вѣдь онѣ потомъ—кровью политы!.. Вѣдь ты этими горстями-то на томъ свѣтѣ подавишься идолъ!.. А вѣдь небось подъ постный день съ женой не цѣлуется,—какъ же-съ, грѣхъ!.. Каждый праздникъ толстую свою рожу предъ Божьимъ алтаремъ уставитъ, молится земными поклонами; колоколъ въ соборъ пожертвовалъ!.. Да вѣдь одна твоя рожа Господу Богу оскорбленье!..

— Ты тоже, Иванычъ, не охальничай!—успѣваетъ наконецъ вставить лабазникъ свое словечко сквозь неудержимо-рвущуюся бурю злобныхъ восклицаній.

— Ты не охальничай, ты!.. Хоть паскудныхъ-то словъ своихъ не говори по крайности!.. А то ишь ты: жить на семъ свѣтѣ нельзя, вездѣ обманы!.. Истинно, что вездѣ обманы!.. Кому лучше знать,—самъ первый обманщикъ!..

Лабазникъ молча встаетъ, плюетъ презрительно въ сторону и уходитъ.

— Вѣдь не прошибешь, ничѣмъ не прошибешь, толстомясую дубину!—посылаетъ въ догонку Ермолай Иванычъ въ какомъ-то отчаяніи, бросаясь на стулъ и хватаясь за свои инструменты дрожащими отъ волненія руками.

Не рѣдко намъ, малымъ ребятамъ, приходилось присутствовать при подобныхъ сценахъ и много житейской подлости и грязи видѣли мы въ такомъ сильномъ освѣщеніи презрѣнія и горькаго смѣха. Онъ, не стѣсняясь, велъ при насъ такіе разговоры, и «простодушный» обыватель нерѣдко служилъ для насъ «илотомъ», не понимая «въ простотѣ души» своей постыдной роли. Но какъ только Ермолай Иванычъ сталъ почаще «откалывать эти штуки», такъ ряды его посѣтителей порѣдѣли значительно: скоро къ нему стали ходить только такіе люди, которые, лишь бы послушать остроумной и ѣдкой брани, готовы были даже себя отдать на поруганье, точно имъ это поруганье дѣйствительно «какъ стѣнѣ горохъ», лишь бы смѣшно и занятно было; или такіе, въ комъ его горячія рѣчи будили что-то въ глубинѣ души, съ чѣмъ не хотѣлось разставаться, а скорѣе зарождалось желанье понять, что̀ это тамъ такое странное засѣло и мѣшаетъ ясными глазами, въ простотѣ, созерцать міръ Божій,— да бѣгали мы, малые ребята.

Изъ посѣтителей второй категоріи я помню одного юношу, приказчика изъ самой богатой въ городѣ лавки «панскихъ товаровъ» купцовъ NN. Онъ былъ родственникъ хозяина лавки, одѣвался всегда франтомъ, по модному, бросалъ деньгами зря, по обычаю всѣхъ «соврасовъ», но жилъ какъ-то порывисто, точно стараясь заглушить въ себѣ какого-то червя, который «нутро сосётъ—не отходитъ». То онъ шумно веселъ, говоритъ глупости, хохочетъ, чуть не прыгаетъ, какъ теленокъ весной; то угрюмый сидитъ и жалуется на свое разнесчастное житье. Сирота-молъ онъ горькая, долженъ самъ о себѣ подумать, а между прочимъ, дяденька держитъ его въ ежовыхъ рукавицахъ, все онъ долженъ кланяться, смотрѣть изъ рукъ, жить на помочахъ!..

Ермолай Иванычъ раздражался этимъ нытьемъ. Онъ обрушивался на торговлю, на обманъ, на мерзость жизни въ этой средѣ и обстановкѣ, растлѣвающей тѣло и душу. Онъ злобно смѣялся надъ этимъ безпомощнымъ хныканьемъ; гдѣ-то у человѣка чешется, а невѣдомо гдѣ, лѣнь руки приложить!.. Тяжко жить безъ своей воли, а скажи: ступай, возьмись за честный трудъ, ѣшь сухую корку заработаннаго хлѣба, да! какъ же!.. Зубки сломаешь, тяжко, непереносно!..

Юноша жадно вслушивался въ эти рѣчи, смиренно перено-

силъ насмѣшки и, должно быть, въ душѣ его происходила тяжелая борьба; онъ прежде румяный, полный,—похудѣлъ и поблѣднѣлъ и все чаще ходилъ къ Ермолаю Иванычу, и все душевнѣе и душевнѣе говорилъ съ нимъ послѣдній. Потомъ разъ былъ я у Ермолая Иваныча одинъ, когда къ нему пришелъ этотъ юноша. На этотъ разъ онъ былъ какъ-то сосредоточенъ, но и возбужденъ вмѣстѣ съ тѣмъ. Унынія на его лицѣ не было и слѣдовъ. Онъ съ жаромъ торопливо что-то началъ разсказывать. Я возился въ это время съ маленькимъ органчикомъ за перегородкой и изъ отрывочныхъ фразъ, долетавшихъ до меня, могъ уловить, что юноша выдѣляется изъ семьи, что дядя наконецъ согласился и даетъ ему сколько-то тысячъ, и что онъ заводитъ свое дѣло. Онъ просилъ совѣта. Ермолай Иванычъ молчалъ. Я радовался за юношу. Но вдругъ въ это время Ермолай Иванычъ порывисто вскочилъ такъ, что даже стулъ упалъ.

— Дубина ты вязовая!.. Да неужели ты не видишь, что вѣдь ты сбѣжишь отъ этого дѣла-то?

— Зачѣмъ сбѣжать? Дѣло чистое—самъ говорилъ... совѣтовалъ! Ты же въ долю хотѣлъ пойти?..

— Въ долю?!. Говорилъ!.. А ты слушай, распустя уши-то!.. Какъ же, совѣтчикъ, а самъ себя не могу ни чему пристроить: ахъ, кабы не согрѣшить! ахъ, кабы не было себя стыдно!.. Чистое дѣло... Самъ сюда пріѣхалъ, по дьявольски сѣти раскинулъ, обывателя выщупалъ... да на томъ и осѣлъ!..

Ермолай Иванычъ смолкъ и тяжело опустился на стулъ. Потомъ снова заговорилъ и мольбой, и безконечной скорбью звучалъ его голосъ.

— Петруша, брось ты меня, уйди, что я тебѣ дался?!. Заводи дѣло, не думай,—вѣрно—дѣло чистое; уходи ты отъ моихъ глупыхъ разговоровъ; ты человѣкъ свѣжій, — тебѣ жить надо!..

— Нѣтъ, какъ же — уходи? — это, братъ, такъ нельзя; ты откройся... А можетъ, и впрямь тутъ неладно что, а я хочу по правдѣ!..

— Зря — это я, зря!.. Повѣрь,—чуть не плакалъ Ермолай Иванычъ.

Я невнимательно слушалъ, пока говорилъ Петръ но рѣчи Ермолая Иваныча глубоко поразили меня, хотя я совсѣмъ ихъ не понималъ. Я зналъ дѣло, которое хотѣлъ завести Петруха,— это было открытіе небольшой фабрички для производства картофельнаго крахмала. Дѣло, какъ говорили, обѣщало нѣкоторыя выгоды, и Ермолай Иванычъ самъ очень имъ увлекался. Не разъ

бросая какой-нибудь свой подпилокъ на рабочій столъ онъ говаривалъ:

— Нѣтъ, провались ты эта гадость!.. Выгоды отъ ремесла, какъ отъ козла молока, а и глаза болятъ, и грудь сохнетъ! (Ермолай Иванычъ дѣйствительно покашливалъ). Нѣтъ, братцы, «отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ»— вѣрно сказано, ей-Богу!.. Въ самую линію, какъ хочешь верти!.. За грошъ на этакой-то работѣ съ тобой торгуются, норовятъ еще за починку-то съ тебя на чай получить, а ты тутъ околѣвай!.. Да что я имъ дался за тряпица—въ самомъ дѣлѣ?..

И вотъ поэтому-то Ермолай Иванычъ, какъ намъ казалось, въ серьезъ разрабатывалъ проектъ маленькой фабрички, гдѣ онъ и самъ съ семьей работалъ бы, что можно, и рабочаго онъ не сталъ бы тѣснить, какъ «здѣшніе идолы»...

Понятно, что я рѣшительно недоумѣвалъ, слушая его плачевныя, покаянныя тирады... Я долго старался своей ребячьей головой уразумѣть, что за причина страданій Ермолая Иваныча; а не видѣть, что онъ иногда мучительно страдалъ, нельзя было даже намъ, малымъ ребятамъ. Я долго думалъ, почему «нечистое» дѣло производство крахмала, и ничего придумать не могъ... Уже позднѣе я догадался въ чемъ суть, но смѣло ручаюсь, что самъ Ермолай Иванычъ едва ли могъ бы «открыться» Петрухѣ и разсказать такъ же ясно, какъ иногда многое разсказывалъ, почему «картофельный крахмалъ»—дѣло нечистое?..

Я не знаю, что сталось съ юношей. Помню только, что онъ не завелъ крахмальнаго производства, хотя и отдѣлился отъ дяди. Онъ пропалъ изъ города, и не знаю, являлся ли туда, знаютъ ли о немъ тамъ что-нибудь теперь...

Такъ ли, сякъ ли, но общество Ермолая Иваныча рѣдѣло все больше. Только мы оставались вѣрны этому, выбитому изъ колеи человѣку.

— Да вѣдь вы, ребятки, люди, какъ я же, пропащіе, коли вотъ на книжки устремитесь, да думать начнете; тутъ ужъ я ничѣмъ повредить не могу... А то вѣдь, братцы, я и васъ бы прогналъ!.. Одинъ бы совсѣмъ съ своей старухой остался!..

Начальство все строже относилось къ нашему шатанью къ часовщику, но какъ же мы могли не шататься къ нему, когда и онъ, и старушка мать его, встрѣчали насъ всегда съ самой сердечной лаской, съ участливою внимательностью къ нашимъ маленькимъ нуждамъ и дѣтскимъ печалямъ. Какъ было не бѣгать изъ нашей смрадной квартиры, гдѣ шло сплошное, явное пьянство, драки, а наша квартира вовсе не была

какимъ-нибудь несчастнымъ исключеніемъ... Какъ было не бѣгать туда, гдѣ съ веселыми шутками намъ объясняли трудныя мѣста въ нашихъ, часто нелѣпыхъ книжкахъ, объясняли охотно, просто, ясно... Собственно для того, чтобы репетировать съ нами уроки, Ермолай Иванычъ на нашихъ глазахъ, по нашимъ книжкамъ выучился по-латыни и по-гречески, сколько нужно было для насъ, и даже теперь я помню, съ какимъ беззавѣтнымъ азартомъ объяснялъ намъ аористы этотъ нигдѣ не учившійся мѣщанинъ. За успѣхи въ наукахъ онъ показывалъ намъ, маленькимъ, туманныя картины, а когда подросли, читалъ стихи. Онъ отлично декламировалъ, — выразительно, съ огнемъ, съ чувствомъ. Удивительно ли, что насъ неудержимо тянуло въ этотъ маленькій домикъ, затерянный среди великолѣпно разросщихся сиреней и вишенъ.

...Это было весной, спустя ужъ года четыре послѣ того, какъ я познакомился съ Ермолаемъ Иванычемъ. Весь его садикъ представлялъ одинъ сплошной цвѣтокъ. Точно прикрытыя простынями, бѣлѣли въ цвѣту вишни и яблони на сѣровато-синемъ фонѣ сиреней. Только что распустились піоны. Большой щитъ, служившій фономъ при сниманіи портретовъ, прикрытый сверху парусиной, а съ боковъ окруженный густыми кустами вишенъ и смородины, представлялъ прекрасный, тѣнистый уголокъ. Здѣсь и расположились мы большой компаніей около нашего милаго хозяина, послѣ веселой, оживленной прогулки въ загородную рощу. Ермолай Иванычъ взялъ одинъ изъ своихъ альбомовъ съ стихами. Онъ сегодня былъ «въ ударѣ», былъ веселъ, чувствовалъ себя здоровѣе обыкновеннаго. (Онъ только и читалъ стихи тогда, когда былъ «въ ударѣ»).

Солнце спускалось къ вечеру. Изъ окрестныхъ садиковъ не доносилось ни звука. Издали, изъ слободки за рѣкой слышалась плавная, тягучая пѣсня: «Какъ по морю, морю синему»... Садики дышали свѣжестью и прохладой. Едва замѣтный вѣтерокъ лѣниво шевелилъ листы и цвѣтки кустовъ, мирно и дружно густой семьей окружившихъ нашу группу, раскиданную въ живописномъ безпорядкѣ. Ермолай Иванычъ читалъ. И подъ звуки этой пѣсни, несшейся изъ-за рѣки, среди безмятежнаго покоя цвѣтущихъ садовъ, въ этой свѣжести, намъ было такъ вольно, чудно хорошо, каждымъ фибромъ своимъ ощущали мы жуткій трепетъ жизни... Захватывающая, мучительно сладкая боль щемила сердца подъ пѣсню о синемъ хвалынскомъ морѣ и несчастной бѣлой лебеди...

Далеко впередъ уносятся думы. Рисуется широкая дорога,

пропадающая въ какомъ-то далекомъ туманѣ, и по этой дорогѣ, усѣянной дѣлами лжи, обмана, корысти неправой, жестокости, идетъ спѣшнымъ, бодрымъ шагомъ богатырь и рубитъ, и бьетъ окружающую неправду, и таетъ она предъ нимъ, поворно прячется, исчезаетъ безслѣдно въ туманной мглѣ. Народнымъ героемъ выступаетъ богатырь въ большихъ городахъ, геройски онъ жертвуетъ собою за правду предпринятаго имъ подвига и душу свою изъ-за гроба посылаетъ на ту же борьбу...

— Прекрасно, Ермолай Иванычъ,—вы настоящій проповѣдникъ,—произнесъ при заключительныхъ словахъ стихотворенія знакомый, насмѣшливый голосъ. Мы совсѣмъ растерялись отъ страха и застыли, какъ были, на мѣстахъ. Ермолай Иванычъ тоже поблѣднѣлъ. Его рука, державшая книгу, примѣтно дрогнула.

— Кажись, тутъ ничего худого нѣтъ?—нервно возразилъ онъ.

— Встать, олухи! — скомандовалъ намъ нашъ смотритель и затѣмъ прежнимъ язвительно-любезнымъ тономъ отвѣтилъ Ермолаю Иванычу:

— Какъ вамъ сказать-съ?!. Незнаю-съ, не все слышалъ... Худо только то, что неизвѣстно, кто вамъ далъ право просвѣщать,—вотъ въ чемъ собственно дѣло.

Тутъ Ермолай Ивановичъ вспыхнулъ, но вспышка его скоро потухла. Онъ какъ-то съежился, присмирѣлъ и смотрѣлъ убитымъ и виноватымъ. Смотритель удалился.

— Братцы, братцы, что я съ вами надѣлалъ, непутный?! Вѣдь загубилъ я васъ!.. Что, ежели васъ выгонять,—вѣдь это мнѣ—петля!..—вдругъ, неожиданно для насъ заговорилъ старикъ.

— Что вы, Ермолай Иванычъ?.. Какъ можно!.. Чѣмъ вы-то виноваты... Мы виноваты, мы къ вамъ сами шлялись... Знали вѣдь, что у насъ ругаются за то!—разомъ заговорили мы.—Да и не выгонять!.. У насъ вѣдь ужъ экзамены идутъ; все одно—здѣсь не будемъ больше!..

Ермолай Иванычъ зарыдалъ...

Мы были однако правы. Намъ пришлось поплатиться только карцеромъ, даже «поведенія не замарали» въ нашихъ свидѣтельствахъ.

V.

... Но что за образы, Создатель мой, что за знакомства для маленькаго мальчика, который желаетъ быть «паинькой»!.. Вотъ и этотъ, мой первый городской другъ, стоитъ какъ живой предо

мною и не отходитъ, и смотритъ на меня такимъ добрымъ, добрымъ, жалостнымъ взглядомъ... Что, ты не ожидалъ?.. Укора нѣтъ въ твоемъ взглядѣ... Жалко тебѣ?.. Эхъ, мой добрый, что же, что же мнѣ дѣлать?!.

Когда я его увидѣлъ въ первый разъ, онъ ходилъ на костыляхъ, но, и ковыляя на некрасивыхъ деревяшкахъ въ своемъ отрепанномъ дьячковскомъ балахонѣ, онъ все-таки съ честью носилъ свое имя. Его звали Львомъ, и дѣйствительно, онъ былъ левъ въ сравненіи съ прочими мокрыми курицами нашей улицы, да и со всѣми спѣсиво-задорными и наглыми фигурами уѣзднаго городишка. Онъ былъ дьячекъ, да при томъ уже заштатный дьячекъ; и родню его, и всю его породу, наперечетъ знали въ городѣ, но въ его фигурѣ рѣшительно ничего не было изъ унаслѣдованныхъ физіологическихъ чертъ касты. Онъ давно и страшно пилъ, его лицо избороздили морщины, безукоризненно правильный носъ началъ опухать и пріобрѣтать фіолетовый оттѣнокъ, но мрачно смотрѣвшіе изъ-подъ вѣчно сдвинутыхъ, почти сросшихся, густыхъ бровей черные глаза исключительно привлекали къ себѣ ваше вниманіе, и ненадлежащій эффектъ фіолетоваго съ маленькими розовыми жилками носа рѣшительно терялся. Ахъ, какъ страстно хотѣлось мнѣ, двѣнадцати-лѣтнему мальчугану, узнать, какая дума, какая печаль сдвинула эти густыя брови, какія напасти избороздили такими глубокими морщинами еще не старое, поразительно красивое лицо?..

Интересовалъ меня Левъ и легендарными разсказами, какіе о немъ ходили между горожанами и особенно школьниками, да и тѣмъ, что вскорѣ привелось узнать самому. Когда я пріѣхалъ въ N, онъ ходилъ на костыляхъ. Эти костыли заполучилъ онъ до моего пріѣзда за полгода довольно оригинальнымъ способомъ. По какому-то случаю онъ страшно запилъ; пилъ очень долго и много, чуть не до бѣлой горячки; по крайней мѣрѣ, ничѣмъ инымъ нельзя объяснить того, что онъ однажды забрался на колокольню «своей» церкви, и со словами: «ангелы на рукахъ возьмутъ тя и понесутъ тя», бросился внизъ съ четырехсаженной высоты. Безумное ожиданіе оказалось совершенно напраснымъ, а обѣ ноги—перебитыми. Говорятъ, что когда его изувѣченнаго поднимали на носилки, онъ только попросилъ у частнаго пристава папироску...

Весь городъ былъ того мнѣнія, что Лёвку это за гордость Богъ наказалъ. Черти заманили его на колокольню и спихнули оттуда, подшепнувши текстъ. Всѣ ждали, не приберетъ ли Богъ этого дикаго человѣка, эту ходячую совѣсть N-скихъ обыва-

телей, и не одна усердная, наивная молитва возносилась къ Богу о смерти ближняго. Могучая натура Льва выдержала, однако, и бѣлую горячку, и переломъ ногъ. Полгода онъ пролежалъ въ больницѣ, затѣмъ полгода проходилъ на костыляхъ, а потомъ и ихъ бросилъ и на радостяхъ свирѣпо напился (до тѣхъ же поръ не пилъ и усерднѣйшимъ образомъ работалъ). И начались опять его дѣянія.

Онъ былъ дѣйствительно ходячая совѣсть города N. Неудивительно, что онъ, какъ и всякій N-скій обыватель, зналъ всѣ тайны, все наперечетъ грязное бѣлье городскихъ обывателей, особенно видныхъ и вліятельныхъ. И онъ испытывалъ какое-то демоническое наслажденіе тихимъ лѣтнимъ вечеромъ, когда всѣ улицы тихаго городка оживлены, всѣ окна раскрыты настежъ, и всѣ почти обыватели вернулись домой послѣ тоскливаго ничегонедѣланья днемъ въ разныхъ «присутствіяхъ» и канцеляріяхъ,— въ такое время подойти къ раскрытымъ окнамъ обывателя попочетнѣе, особенно если у него гости, и на всю улицу своимъ громовымъ басомъ разсказать всю грязную «подноготную» этого обывателя со всѣми житейскими подробностями, во всей словесной наготѣ и даже съ приличными случаю комментаріями изъ библейскихъ текстовъ...

Такъ и въ тотъ день, когда онъ бросилъ костыли, съ утра начались его похожденія.

Мы сидѣли на урокѣ закона Божія, который преподавалъ смотритель училища, когда подъ окномъ раздался звучный голосъ Льва.

— Съ избраннымъ избранъ будеши, съ нечестивымъ развратишися!.. Дѣтки, кутейнички, милые, не слушайте вы его...

Тихо въ классѣ; блѣдные, не переводя дыханія, не смѣя взглянуть на смотрителя сидимъ мы, какъ приговоренные къ смерти, и ждемъ, что будетъ.

— Закрыть окна!.. Выпучили глаза-то!—командуетъ, наконецъ, смотритель: — Скворцовъ, иди скажи, чтобы убрали!..

Нѣсколько человѣкъ бросаются исполнить приказъ. Но голосъ Льва слышится уже гдѣ-то далеко. Долетаютъ только неясные обрывки новаго обличенія.

И доставалось же бѣднягѣ Льву за эти обличенья! Сколько разъ ночевалъ онъ въ части, сколько разъ выходилъ оттуда съ помятыми боками и подбитыми глазами,—этого рѣшительно сосчитать нельзя. Вотъ уже поистинѣ могъ сказать: «всяко дѣлаша на хребтѣ моемъ грѣшницы!..» Но кромѣ того, попавши подъ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ, Левъ нѣсколько

разъ высидѣлъ въ тюрьмѣ. Это, впрочемъ, не только не обезкураживало его, но даже какъ будто придавало новаго жара, особенно когда знакомый кабацкій «аблакатъ-дока» выяснилъ Льву, какъ слѣдуетъ обличать, чтобы это не было ни клеветой, ни диффамаціей, ни даже «словеснымъ оскорбленіемъ». Впрочемъ, послѣ того, какъ случилось нѣсколько разъ, что, позванный къ мировому, Левъ при громкомъ хохотѣ массы публики повторялъ вмѣсто защиты то, что говорилъ подъ окнами истца и даже со ссылками на свидѣтелей грязной исторіи и съ точнымъ указаніемъ подробностей мѣста и времени,—истцы благоразумно рѣшили, что на Лёвку жаловаться, только себя срамить, и что, чортъ съ нимъ, «собака лаетъ, вѣтеръ относитъ!..»

Левъ громко торжествовалъ это внезапное прекращеніе жалобъ. Много разъ по этому случаю ходилъ онъ подъ окна жалобщиковъ и тамъ самымъ задушевнымъ образомъ хохоталъ съ приличными комментаріями. Особенно занимало его, кажется, въ этомъ случаѣ то обстоятельство, что какъ это его, Льва, и вдругъ какая-то маленькая, маленькая порода «двуногихъ безъ перьевъ» серьезно хотѣла испугать мировымъ и кутузкой!.. Устрашить Льва мировымъ и кутузкой—да это была такая несообразность, что Левъ хохоталъ по этому поводу, чуть не по недѣлѣ всякій разъ, какъ выходилъ изъ-подъ ареста.

Лёвка былъ отличный сапожникъ. Несмотря на обличенья, всѣ обличаемые заказывали ему сапоги, хотя онъ и дорого бралъ, и не переставалъ издѣваться надъ своими давальцами: онъ и сапоги-то приносилъ имъ съ такимъ видомъ, какъ будто дѣлалъ величайшее одолженіе. Вздумалъ было ему пригрозить уѣздный начальникъ, что запретитъ давать ему работу и зашлетъ куда-нибудь административнымъ порядкомъ. Левъ очень равнодушно отвѣчалъ на это:

— Съ моими-то руками, ваше-скородіе мнѣ это все одно—хлѣбъ вездѣ найду, а теперь не работа меня и кормитъ,—плевалъ я и на вашу-то работу!.. Вы же мнѣ рублемъ дороже платите, стало быть, вамъ же разсчетъ... А мнѣ все одно!.. «Богъ дастъ день, Богъ дастъ и пищу!..»

Левъ былъ неуязвимъ—это вѣрно. И не мудрено, что его никто не любилъ, особенно послѣ смерти его жены. При ея жизни, если не любили, то хоть уважали его потому что онъ былъ хорошій дьячекъ, отличный сапожникъ и совсѣмъ трезвый человѣкъ. Левъ тогда и не обличалъ, а мирно сидѣлъ подъ своей «смоковницей». Пить и обличать онъ началъ года два-три спустя послѣ смерти жены, оставившей ему сына и дочь.

Онъ любилъ читать. Послѣ смерти жены онъ съ какою-то болѣзненною страстностью набросился на чтеніе и, какъ говорили въ N., «дочитался и зачитался»... Вѣрно во всякомъ случаѣ, что «съ энтого самого» у Льва и начались пьянство и обличенія. Читалъ онъ исключительно церковныя книги; въ нихъ искала его страдающая душа отвѣтовъ на какіе-то наболѣвшіе вопросы... Нашелъ ли онъ эти отвѣты? Не знаю; вѣдь я былъ тогда маленькій мальчикъ и совсѣмъ ничего не понималъ, только чувствовалъ по временамъ какую-то нескладицу...

Пускай, что Льва не любили тѣ, кого онъ обличалъ, кому его громкій голосъ, ненавистью отравленный смѣхъ не давалъ спокойно спать. Но его не любили, боялись даже собственныя дѣти, даже та отверженная голытьба, выброшенная за бортъ жизни, голытьба, которой онъ могъ служить истымъ представителемъ. Эта униженная и обиженная голытьба, всласть смаковавшая бурные потоки Левкиныхъ обличеній, доставлявшая ему то и дѣло свѣжій матеріалъ для нихъ, про себя ихъ повторявшая съ безчисленными и еще болѣе подчасъ рѣзкими комментаріями, — тѣмъ не менѣе съ пѣной у рта набрасывалась на Левку, лишь только заходила о немъ рѣчь, и буквально разрывала его въ клочки. Левъ-то все-таки, конечно, цѣлъ оставался послѣ этой жестокой «критики»: довольно мудрено было его уничтожить, даже соединенными усиліями всѣхъ N-скихъ кумушекъ, если ужъ не могли этого сдѣлать мировой и кутузка. Но меня всегда это глубоко поражало по одной, такъ сказать, спеціальной причинѣ. Дѣло въ томъ, что какъ я ни былъ малъ и, стало быть, сообразно съ возрастомъ глупъ, но тѣмъ не менѣе и я въ силахъ былъ понять, что, вѣдь не смотря на всю глубину своего нравственнаго паденія, Левъ все-таки головой выше всей окружающей его мелюзги. И если бы мелюзга злорадно казнила эту силу, издѣвалась надъ ней, и этими насмѣшками и бранью старалась низвести ее до мелкоты и приниженности собственнаго уровня, какъ это и дѣлали иные, это бы я понялъ, какъ понималъ язвительныя, шипящія злобой рѣчи на этотъ счетъ своей квартирной хозяйки. Точно также былъ понятенъ обывательскій смѣхъ надъ «обанкрутившимся» купцомъ, другой N-ской «притчей во языцѣхъ», не нашедшимъ ничего лучшаго послѣ краха какъ прикинуться «блаженненькимъ». Вѣдь и со Львомъ случился какой-то крахъ. Вѣдь и онъ когда-то жилъ скромно и гордо, держалъ нѣсколькихъ рабочихъ; его сапогами хвалился цѣлый уѣздъ. Онъ выстроилъ себѣ хорошенькій домикъ и начиналъ богатѣть, такъ что даже подумывалъ бросить волокольню

и въ купцы выйти. И вдругъ все благосостояніе пошло прахомъ... Два-три обличенія, паденіе съ колокольни, — и Льва отчислили изъ дьячковъ «въ заштатъ», опредѣливъ къ колокольнѣ его сына, только что выгнаннаго за малоуспѣшность изъ училища. Всѣ скопленныя деньги Левъ въ скорости спустилъ и началъ жить день за днемъ. Но вѣдь не тѣшилась голытьба надъ «проферштилившимся» Львомъ. Чувствовалось, что стоитъ ему захотѣть, и снова онъ въ самое короткое время создастъ себѣ то, что самъ же разрушилъ однимъ поворотомъ своихъ могучихъ плечъ. И вотъ за то, что онъ *не хотѣлъ* этого, и допекала его голытьба. И въ этой брани его превосходство надъ остальной голытьбой, его же охотно признавали.

— Вѣдь онъ, идолъ, статуй подлый!.. Вѣдь онъ четверыхъ подмастерьевъ содержалъ!.. Вѣдь у него сапоги-то на всю округу!.. Онъ бы теперь при степенствѣ-то какой бы человѣкъ-отъ былъ, —рукой недостать!.. А онъ замѣсто того, тьфу, анаѳема, прости Господи... Глядѣть не хочется!.. Ишь изъ кабака нейдетъ!.. Что за работу получилъ, пропилъ и ладно!.. Ахъ, братецъ ты мой, то-есть разорвалъ бы, кажись, этакаго человѣка на части: не дури, не лоботрясничай, очнись!.. Да кажись бы съ его-то мастерствомъ, Отецъ Небесный, да я бы во...—и авторъ монолога отъ полноты душевной прибѣгаетъ даже къ совершенно невразумительной мимикѣ...

— Вѣдь, окаянный онъ чортъ, — волновались кумушки нашей улицы,—вѣдь у него дѣти!.. Вѣдь у него вонъ дочь—невѣста выросла!.. Вѣдь онъ бы ей какую линію-то могъ бы приспособить, — купецкую — одно слово!.. Кажись бы, вотъ годокъ какой скрѣпись, да поработай, да не пей, анъ оно дѣвкѣ-то и приданое!.. А теперь, что она? Что у ней? Кто ее у экого-то осталопа, озорника несусвѣтимаго, возьметъ-то? Вѣдь надо это подумать!.. А онъ, накась, оретъ день деньской, въ кабакѣ и дневетъ и ночуетъ... Ахъ, экихъ людей-то!.. Господи, палка-то какъ по нимъ плачетъ, какъ плачетъ, Создатель ты мой милосердный!..

— Да ужъ пилъ бы анаѳема, что ли; ну ужъ такъ! Вали валомъ, послѣ разберемъ,—плачется конкуррентъ.—Ужъ ежели тебѣ, чорту, предѣлъ такой положенъ,—жри ужъ что ли!.. А то вѣдь онъ, ни дна ему, ни крышки, — вѣдь онъ хлѣбъ отбиваетъ... Теперь сколько одни кутейники сапоговъ оттреплютъ.— Извѣстно, починить, новые сшить—все къ Левкѣ... А онъ, идолъ, что дѣлаетъ? Онъ, сапогъ-отъ починитъ, ему деньги даютъ, а онъ ихъ назадъ въ пазуху суетъ.. «Пригодится, говоритъ, ду-

ракъ!.. Хозяйки-то, говоритъ, знаемъ мы, голодомъ вѣдь васъ морятъ... Хоть калачами отъѣдайся!..» Вѣдь онъ вонъ какъ, анаѳема, кочевряжится, ровно у него тысячи по полу валяются... «Мы-ста! Да намъ-ста гривенникъ не разсчетъ», — своя, слышь, порода!.. Своя порода, да вѣдь ты, пьяная рожа, вѣдь ты цѣну сбиваешь!.. Вѣдь съ тобой, съ подлымъ, работать возможности нѣтъ!..

Конечно, это было нехорошо, что, имѣя полную возможность быть человѣкомъ почтеннымъ и достаточнымъ, Левъ предпочиталъ роль какого-то городского страшилища и вмѣстѣ съ послѣднею кабацкою голью въ питейномъ ухлопывалъ и доходъ съ своего хорошенькаго домика, и все, что онъ зарабатывалъ своимъ ремесломъ. Да, и я находилъ, что это нехорошо... Но я никакъ не понималъ того ѣдкаго озлобленья, какое слышалось въ этихъ порицаніяхъ и осужденіяхъ, тѣмъ болѣе, что та же голь однако пила съ осуждаемымъ на его счетъ безъ всякаго зазрѣнія совѣсти и даже подбадривала на еще большее пьянство!.. Пила и ругалась, и не за глаза только, но и въ глаза. Въ отвѣтъ на эту брань Левъ только неподражаемо иронически смотрѣлъ на ругателя и ухмылялся. А ругатель, еще больше поджигаемый этой усмѣшкой, чуть не въ драку лѣзъ, чтобы урезонить Левку на счетъ правильной жизни, а не такой вотъ собачьей, эзоповской и пр.

Хладнокровно, презрительно насмѣшливо слушалъ Левъ этотъ лай маленькихъ, заэвонистыхъ дворняжекъ, терпѣливо отстранялъ руки совѣтчика, ежели онѣ уже слишкомъ близко подсовывались къ его физіономіи. И ужъ, наконецъ, когда ругатель исчерпывалъ весь лексиконъ красныхъ словечекъ, всѣ аргументы отъ разума, и отъ преданія, и утомившись «многоглаголаніемъ», «хлопалъ» стаканище водки, Левъ лѣниво цѣдилъ сквозь зубы:

— Промочи, промочи горло-то, дурья твоя голова!..

Я познакомился съ нимъ въ такое время, когда у насъ у обоихъ большое горе лежало на сердцѣ. Я былъ маленькій мальчикъ, только-что изъ родной семьи, гдѣ не слыхалъ ни брани, ни грубостей, изъ спокойнаго довольства брошенный въ омутъ самаго бѣднаго городского мѣщанства и бурсацкой дикости. И мое маленькое сердце возмущалось этими дикостями, этою гадостью жизни, какую вынуждала бѣднота, и къ какой я только теперь сталъ присматриваться по-неволѣ, такъ какъ ужъ очень близко, даже въ самой центръ этой бѣдноты попалъ я, и постоянно видѣлъ ее не съ казоваго конца; бѣднота привольно разверты-

валась предо мной со всѣмъ своимъ непокрытымъ цинизмомъ... Я широко раскрылъ глаза, смотрѣлъ и ничего не понималъ, а мое маленькое сердце горѣло отъ горя, а иной разъ и отъ ненависти... Къ кому? Къ чему? Опять-таки тогда я этого не сказалъ бы... Я, можетъ быть, и эту бѣдноту тогда ненавидѣлъ, но ее же и жалко было до слезъ...

На нашей квартирѣ у пьяницы—чиновника полицейскаго управленія, съ утра до глубокой ночи было, можно сказать, разливанное море. Пилъ хозяинъ, пила хозяйка, пили наши старшіе; а съ ними еще компанствовалъ жившій въ нашемъ же домишкѣ «лихачъ» изъ хохловъ, съ молоденькой, красивой женой, и прислуга купца сосѣда. Вся компанія опредѣлялась однимъ присловіемъ: «не пролей капельки»... И намъ маленькимъ «кутейничкамъ» то и дѣло приходилось по приказанію старшихъ бѣгать въ питейный за косушками и полуштофами. Но это бы еще ничего. Хуже было. Хохолъ «лихачъ» былъ страшно ревнивъ. Вполпьяна онъ пріѣзжалъ домой и, убравши лошадь, первымъ дѣломъ огрѣвалъ разъ другой кнутомъ жену, приговаривая при этомъ такія словечки, отъ которыхъ коробило;—«уши вянутъ» — даже сосѣди говорили о привѣтствіяхъ лихача, даже сосѣди, которыхъ такъ мало чѣмъ можно было удивить. А къ этому тотчасъ же прибавлялся рѣжущій сердце визгъ несчастной, визгъ, повторявшійся буквально каждый день. Хуже всего то, что хохолъ былъ правъ въ своихъ подозрѣніяхъ: его Настька совсѣмъ не умѣла прятать своихъ увлеченій, а у хохла постоянно находились такіе милые пріятели, которые услужливо сообщали ему то съ соболѣзнованіемъ, то съ наглымъ хохотомъ объ интрижкахъ жены. Послѣ каждаго такого сообщенія лихачъ возвращался домой «чортъ-чортомъ», какъ говорили, и тогда экзекуція не ограничивалась двумя регулярными ударами, которые Настасья получила ежедневно... Впрочемъ у лихача сердце было «хоть кипуче, да отходчиво»—и непосредственно за экзекуціей слѣдовала мировая съ угощеніемъ посредниковъ, посредницъ и даже соперниковъ... И несчастная, изсѣченная Настька тутъ же пила со всѣми, и пѣла, и хохотала...

Не могу выразить, какъ все это казалось мнѣ дико и безобразно. Мое маленькое сердце надрывалось при крикахъ Настасьи, слезы душили меня... А когда я видѣлъ потомъ, какъ она, изсѣченная, пила и хохотала и за спиной мужа кокетничала съ своими обожателями,—злость брала на нее, на мужа, на безсовѣстныхъ посредниковъ и увлекавшихъ ее «молодцовъ», и стыдъ охватывалъ за свои слезы и скверно становилось, тяжело до

крайности... А наши старшіе, мутившіе Настьку, и пьянствовавшіе тутъ же въ одной компаніи съ ея звѣремъ-мужемъ по пріятельски, уже устраивали надъ нами малыми подъ пьяную руку свои веселыя потѣхи...

Послѣ одной изъ такихъ сценъ мнѣ до такой степени сдѣлалось тяжело, такъ захотѣлось пожаловаться кому-нибудь на этотъ ужасъ, тяжелымъ кошмаромъ висѣвшій надъ моей ребячьей головой, такая появилась потребность уйти изъ этого болота, что я написалъ письмо отцу, и просилъ перевести меня куда-нибудь съ этой невозможной квартиры и совершенно откровенно разсказывалъ, что у насъ дѣлается чуть не каждый день... И писать-то совсѣмъ не нужно было; скоро подходили экзамены, а затѣмъ отпускъ на вакаціи, — за мной пріѣдутъ; отчего бы тогда не разсказать при свиданьи?.. Главное, должно быть, очень ужъ накипѣла потребность высказаться, излиться... Конечно, письма своего я не послалъ, а заложилъ его за толстую обложку «Русской грамматики» и совсѣмъ забылъ о немъ...

Должно быть, черезъ недѣлю послѣ этого на нашу квартиру зашелъ инспекторъ. Копаясь между разспросами и разговорами въ моей грамматикѣ, онъ посмотрѣлъ и за обложку. Я обмеръ отъ ужаса, когда вспомнилъ о своемъ письмѣ и увидалъ, что оно попалось инспектору на глаза. Медленно, внимательно прочелъ онъ мои жалобы, и каждая секунда казалась вѣчностью, пока онъ читалъ эту несчастную четвертушку бумаги... Не сказавши ни слова, онъ положилъ письмо къ себѣ въ карманъ. Послѣ его ухода, ко мнѣ приступили съ разспросами, что̀ это за записка, что въ ней такое? Почему ее взялъ инспекторъ?.. Я сказалъ только, что это «описаніе природы», и отъ насмѣшекъ надъ моимъ «писательствомъ» поскорѣе убѣжалъ въ нашъ садикъ, гдѣ въ самой глухой чащѣ вишенъ у меня былъ любимый уголокъ, котораго не зналъ никто изъ товарищей. Я былъ совсѣмъ мальчикъ, но съ ужасомъ, съ тупою, ноющею болью думалъ, что сдѣлалъ низость, что (хотя и ненамѣренно) выдалъ своихъ, (я въ письмѣ таки я не особенно щадилъ своихъ старшихъ и разсказывалъ о нихъ такія вещи, за которыя, какъ мнѣ казалось, ихъ могли навѣрное выгнать изъ училища)... «Выдалъ, ябедникъ, фискалъ»!.. Эти ужасныя слова стояли въ моихъ ушахъ. Я представлялъ себѣ, какъ ихъ исключатъ, какъ они узнаютъ за что̀, и всѣ товарищи отвернутся отъ меня съ обидными словами... Куда пойдутъ старшіе? Что они будутъ дѣлать? Вся жизнь ихъ исковеркана, и я, скверный ябедникъ, виноватъ въ этомъ...

Голова моя горѣла; меня душили рыданья; я метался по

землѣ отъ тоски и раскаянія, отъ злости на себя за свой «писательскій» духъ; я молился горячо, искренне... Съ тѣхъ поръ я ужъ не молился никогда съ такой горячей вѣрой... А время тянулось такъ медленно, что я не зналъ, какъ дождусь хотя бы до завтрашняго утра, до класса, гдѣ, можетъ быть, что и объяснится... Я не пошелъ ужинать; ѣсть совсѣмъ не хотѣлось. Я боялся показаться на глаза своимъ старшимъ, своей хозяйкѣ, которой въ виду моего письма тоже могли запретить держать на квартирѣ учениковъ нашего разсадника, (а это была большая подмога въ хозяйственномъ обиходѣ обывателей нашей мирной улицы). Мнѣ стыдно было смотрѣть на этихъ, выданныхъ мною, несчастныхъ изъ-за меня людей... Ужъ почти стемнѣло, но еще слышны были на нашемъ дворикѣ и въ саду голоса товарищей и старшихъ, а я лежалъ, притаясь въ своемъ убѣжищѣ, и старался только сдерживать свои рыданія, чтобъ никто не услыхалъ... Меня искали, окликали и каждый окликъ приводилъ меня въ ужасъ: казалось, что все ужъ извѣстно, что меня зовутъ упрекать, ругать, бить...

Потомъ все смолкло. Я далъ волю своимъ рыданіямъ и сдѣлалось будто немного легче... И вдругъ къ величайшему моему удивленію, мой слухъ поразили чьи-то рыданія въ сосѣднемъ саду... То плакалъ старый, подвыпившій человѣкъ,—это ясно сдѣлалось послѣ нѣсколькихъ минутъ, въ теченіе которыхъ я прислушивался къ рыданіямъ сквозь собственныя слезы... Мой уголокъ приходился около разрушеннаго частокола, отдѣлявшаго сосѣдній садъ. Выглянувши туда, я увидалъ моего Льва. Онъ лежалъ на-взничъ подъ кустами и шепталъ что-то, и тяжелые вздохи невольно рвались у него въ минуты молчанія...

Чужое горе отвлекло меня отъ своего собственнаго. — «О чемъ онъ плачетъ?» Такъ поразительно было видѣть Льва плачущимъ, что я даже нескоро могъ съ этимъ освоиться. Я слышалъ еще утромъ, что у него тоже есть горе, въ которомъ сосѣднія кумушки, конечно, сполна и жестоко обвиняли его же самого. Но онѣ же говорили:—«да ему это что? Ему и горя мало!.. Избилъ дѣвку до синяковъ, да и въ кабакъ»!.. «Неужели же по этому поводу плачетъ Левъ теперь»?.. А случилось вотъ что: на нашей улицѣ разсказывали весь день новость съ разными комментаріями, что Левка раннимъ утромъ поймалъ свою дочь въ то время, какъ она выходила изъ комнаты жившаго у него холостого постояльца чиновника... Отправляясь въ классъ мы — правда — слышали нечеловѣческіе крики Дуни и свирѣпое шипѣнье Льва... За обѣдомъ хозяйка разсказывала, какъ Левка, исколотивши дочь,

обрубилъ ей топоромъ длинную косу, изрубилъ ея наряды, какъ онъ поклялся изувѣчить жильца и что жилецъ сбѣжалъ изъ квартиры въ окно полураздѣтый, оставивъ все свое имущество...

И этотъ жестокій человѣкъ плакалъ, какъ я, маленькій мальчикъ!.. «Неужели ему стало жаль своей избитой, изувѣченной Дуни»?..

Какъ бы въ отвѣтъ на мои вопросы, Левъ приподнялся, сѣлъ и прошепталъ:

— Ты кто еси судяй чуждему рабу!.. Всѣ, поднявшіе мечъ, отъ меча погибнутъ.

— Обличитель!—и страшная, злобная иронія слышалась въ голосѣ,—сучекъ видишь въ глазу ближняго, а бревна въ своемъ не чувствуешь!.. Господи, и въ кого она уродилась, въ кого?..—И опять рыданье вырвалось у него, и онъ опять упалъ на землю; судорожно рвали траву его сильныя руки; онъ корчился и стоналъ сквозь рыданія отъ внутренней боли.

Тексты Льва возвратили меня къ дѣйствительности; съ жгучей болью я припомнилъ свое горе и неудержимо расплакался вновь.

Левъ вздрогнулъ. Его рыданія вдругъ прекратились. Онъ приподнялся, сталъ оглядываться и увидалъ меня.

— Миша, Мишутка, чего ты, дураченокъ, плачешь?.. Чего?.. Ну, подь сюда, скажи... Али урокъ не выучилъ, али старшіе буяны дерутся?..—И голосъ Льва звучалъ такой безконечно доброй, мягкой, печальной лаской, что мнѣ сразу сдѣлалось легче. Я пролезъ въ садъ къ Льву и въ перемежку съ подступами рыданій разсказалъ, что случилось, что я надѣлалъ.

Онъ обнялъ меня какъ добрая нянька, гладилъ по головѣ, пока я разсказывалъ, и долго молчалъ потомъ: ждалъ, пока я успокоюсь, укоризненно покачивалъ головой и вздыхалъ...

— Не хорошо, ай не хорошо, Миша, глупый ты мальчикъ!.. Гордыня это злая... Отъ дьявола гордыня-то, сударикъ мой!.. Вотъ и смотри: вотъ ты возгордился, а твоихъ старшихъ за твою гордыню выгонятъ... Пропадутъ совсѣмъ мальчишки!.. И хозяйка-то ваша... Знаешь чай, какая у нихъ бѣднота?.. А у ней квартиру закроютъ, а мужъ-отъ—пьяница,—что съ нимъ будетъ?.. Ты подумай-ка это!.. А смирился бы—и все такъ бы по немножку и обошлось!.. Ну, да и то сказать—сдѣлано, не воротишь, что ужъ тутъ?!..

И долго каралъ Левъ гордость и въ себѣ и во мнѣ, маленькомъ мальчуганѣ. Я рыдалъ у него на груди, и онъ плакалъ надо мной о своемъ горѣ... Я заснулъ у него на рукахъ. А на

утро, по его совѣту, пошелъ къ своему начальству и сказалъ, что все, написанное въ моемъ письмѣ, ложь, что я по злобѣ хотѣлъ наговорить на старшихъ и хозяйку всякую гадость отцу, только бы онъ перевелъ меня съ этой квартиры, потому что тутъ надо-мной смѣются...

Два дня просидѣлъ я за это въ карцерѣ.

— Ну, иди,—сказалъ, отпуская меня, инспекторъ,—и счастливъ Богъ твоихъ большихъ остолоповъ, что экзамены на носу, не хочу ихъ губить... А съ тобой, еще и не такъ раздѣлаюсь, ежели ты и впредь укрывательствомъ такимъ заниматься будешь!..

Левъ былъ единственный человѣкъ, знавшій мою тайну. Вышедши изъ карцера, я со всѣхъ ногъ бросился къ нему разсказать исходъ дѣла.

— Ну, да ужъ это такъ!..—злобно ворчалъ онъ,—уже маленькій человѣкъ вездѣ долженъ пострадать,—это вѣрно!.. Учись, Михалко, учись, братъ!.. Ученаго никто не тронетъ; достигай!.. Вонъ у тебя бабушка,—молодецъ!.. Знаю я твою бабушку!.. Небось, братъ, никто ей на ногу не наступитъ, нѣ-ѣтъ!.. Вотъ и ты будь въ нее!.. Никому не давайся въ обиду; учись, въ люди выходи!..

Съ этой поры мы сдѣлались большими друзьями...

Зачѣмъ же, мой старый другъ, ты смотришь на меня теперь такими печальными глазами?..

IV.

Долго стояли вы предо мною, дорогія тѣни, то укоряя, то жалѣя, то напутствуя меня святыми словами любви. Долго терзался я съ вами, болѣлъ вмѣстѣ съ вами общими намъ болѣзнями и скорбями, радовался немногими счастливыми часами и днями, которые судьба отпустила и на нашу скромную долю... Голова уставала думать и припоминать, больная, ноющая грудь просила пощады, отдыха... Бывали минуты, что, подавленный, угнетенный картинами прошлаго, въ малодушіи и тоскѣ глубокой, я силился вырвать изъ памяти, стереть ваши образы, отвернуться отъ нихъ, забыться, не думать... Но мои усилія ни къ чему не приводили кромѣ того, что я видѣлъ васъ яснѣе и читалъ на вашихъ добрыхъ лицахъ, въ вашихъ строгихъ печальныхъ глазахъ упреки, и это становилось ужъ совсѣмъ невыносимымъ... Много разъ въ экстазѣ, въ нѣмомъ восторгѣ, полный сознаніемъ величайшаго счастья, какое только выпадаетъ на долю смертнаго, я отдавался созерцанію какихъ-то сновъ на яву,

блестящихъ всѣми красками жизни картинъ грядущаго и ваши лица, дорогія тѣни, я узнавалъ, въ фигурахъ этихъ картинъ, лица, преображенныя счастьемъ и полнымъ развитіемъ силъ и способностей... Я не звалъ васъ, но вы являлись густой вереницей, и я опять сполна погружался въ прошлое. Одна вереница тускнѣла и расплывалась въ сумеркахъ, зато другая тотчасъ являлась на смѣну, точно предо мною развертывалось широкое дѣйствіе безконечной драмы.

И вдругъ все пропало. Что случилось? Что со мной?... Просто —понять не могу. Это было вчера. Можетъ быть, и не вчера пропали тѣни,—все такъ спуталось что-то въ моей несчастной уставшей отъ напряженной работы головѣ,—но вчера только я замѣтилъ ихъ отсутствіе, ихъ упорное нежеланіе снова посѣтить меня. Да, вчера что-то странное было со мною, что̀ и теперь еще отдается, гнететъ меня, душитъ...

Рано стемнѣло въ моей комнатѣ, а вчера день былъ очень пасмурный, и сумерки чуть не съ утра у меня стояли. Тѣмъ не менѣе я читалъ весь день до тѣхъ поръ, пока не стало страшно рѣзать глаза отъ напряженія. Я бросилъ книгу, когда уже совсѣмъ стали сливаться строчки.

«Проглядѣвши» попусту глаза, намучивши мозгъ, я оставилъ книгу, бросился въ постель и закрылъ усталые глаза. Во всемъ тѣлѣ чувствовалась тупая боль, точно послѣ лихорадочнаго пароксизма; отдыхъ, покойное положеніе не доставили облегченія... Въ закрытыхъ глазахъ плылъ какой-то сѣроватый туманъ; въ сознаніи не было мысли, но въ головѣ чувствовалось такое же тяжелое непріятное напряженіе, какое испытываешь, когда долго и безуспѣшно что-нибудь стараешься припомнить или понять... Обыкновенно въ туманѣ сумерекъ воспоминанія особенно сильно наплывали на меня. И теперь я ихъ ждалъ, не отдавая впрочемъ себѣ въ томъ отчета, но сѣроватый туманъ по прежнему плылъ въ глазахъ, въ немъ мелькали иногда какія-то слабыя, безформенныя пятна, и больше ничего не было. Я, наконецъ, усиливался что-нибудь припомнить, но ни одна тѣнь не выходила, ни одинъ эпизодъ прошлаго не всплывалъ поверхъ этого сѣроватаго тумана, который только сгущался и темнѣлъ... Зритель готовъ, но сцена пуста и занавѣсъ спущенъ... Я остался самъ съ собой, и вдругъ меня охватила такая страшная тоска одиночества въ мірѣ, какой я еще не испытывалъ до сихъ поръ... Меня охватило жуткое сознаніе безсилія и безпомощности, точно странная какая глыба свалилась на мою больную грудь и безъ жалости, безъ пощады раздавила ее въ конецъ, но не убила со-

знанія; точно кошмаръ душилъ меня, лишилъ возможности крикнуть, пошевелиться... А какъ страстно хотѣлось пошевелиться и крикнуть!.. Какое-то безобразное, нелѣпое, жестокое чудовище душило меня во мглѣ сумерекъ, и я страстно хотѣлъ и не могъ, силъ не имѣлъ ему сопротивляться...

Потомъ я не знаю, что такое было со мной—сонъ или горячечный бредъ—на яву. Передо мной раскрывалась снова какая-то широкая даль—ярко освѣщенная, громадная, безпредѣльная до безконечности. Гиганты шли предо мною толпой и тащили меня туда въ эту даль. Но они шли такими страшными шагами, а моя грудь, раздавленная чудовищемъ, мучительно ныла, я задыхался; я, то и дѣло, долженъ былъ преодолѣвать страшныя препятствія; я хотѣлъ просить пощады, хотѣлъ отказаться, но неодолимая сила влекла меня вслѣдъ за этими гигантами, шагавшими такъ легко, въ такомъ ослѣпительномъ блескѣ величія... Я карабкался по отвѣснымъ крутизнамъ, падалъ, и въ то время, какъ сердце сжималось отъ ужаса—въ ушахъ моихъ раздавался смѣхъ Лёвки — пьяный, презрительный, и онъ стоялъ предо мною съ горькой, полной злобы усмѣшкой и тоже тащилъ меня своими огромными руками; потомъ онъ разростался во весь видимый мною горизонтъ, становился безформеннымъ, и изъ него опять и опять выростало чудовище, и это чудовище держало меня, давило, одуряло своимъ тлетворнымъ дыханіемъ... А свѣтлые призраки все шли и увлекали меня въ блестящую даль... Я задыхался, мои ноги не повиновались мнѣ, съ тоской глядѣлъ я вслѣдъ свѣтлымъ видѣніямъ, и Левка стоялъ около меня, и грустно смотрѣли его черные глаза, и брови раздвигались на суровомъ лбѣ...

Сонъ ли то былъ или грёзы съ раскрытыми глазами?... Когда я опомнился, было утро.

О, какъ тяжело! какъ я разбитъ и усталъ, какъ мучительно ноетъ и надрывается моя больная, усталая грудь... Зачѣмъ? Зачѣмъ вы зовете меня такъ властно? Что общаго у тебя, Левъ, несчастный, жалкій пигмей, съ этими гигантами?.. Зачѣмъ вамъ мое, истерзанное противорѣчіями, нытьемъ, сомнѣніями, нерѣшительностью сердце, моя измученная голова, моя разбитая грудь?.. О, ради Бога, воздуху, свѣта!..

И. Х—иовъ.

РУССКАЯ НАУКА

и

НАЦІОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ

въ XVIII-мъ вѣкѣ.

II *).

Историческая ошибочность мнѣнія объ оторванности русскаго образованія прошлаго вѣка отъ народности.—Отношеніе науки къ жизни—раціоналистическое и утилитарное: „Духовный Регламентъ", Ломоносовъ.—Обзоръ русскихъ путешествій: Лепехинъ, Озерецковскій, Соколовъ, Иноходцовъ и пр.—Сильный интересъ къ народному быту.—Возникновеніе трудовъ по мѣстной исторіи и этнографіи. — Вліяніе новой науки на развитіе національнаго самосознанія. — Историческая литература: Татищевъ, Миллеръ, Болтинъ.

Перечисленныя нами путешествія русскихъ ученыхъ восемнадцатаго вѣка представляютъ въ особенности любопытный матеріалъ для сужденія о томъ, въ какое отношеніе наша новая наука становилась къ русской жизни и старымъ преданіямъ; и къ сожалѣнію онъ до сихъ поръ очень мало оцѣненъ въ этомъ отношеніи. Между тѣмъ, при нѣкоторомъ вниманіи къ этой сторонѣ литературы прошлаго вѣка и при нѣкоторомъ безпристрастіи не трудно убѣдиться, что ходячіе толки объ оторванности образованныхъ классовъ прошлаго вѣка отъ національнаго преданія, объ ихъ рабскомъ и безплодномъ подражаніи Западу и т. п.,

*) См. выше; май, 212 стр.

составляютъ безсодержательную фразу, непозволительную для тѣхъ, кому знакомо понятіе объ исторіи. Наука,—не говоря о томъ, что она была бы нужна уже для одного достоинства человѣческой личности, — необходима была для самыхъ реальныхъ интересовъ государства и народной жизни. Но ея у насъ не было, и чтобы ввести ее, не оставалось ничего иного, какъ сдѣлать то самое, что дѣлалъ Петръ Великій: заводить школы, призывать иностранныхъ учителей, приготовлять русскихъ ученыхъ людей дома, посылать ихъ въ иностранныя школы и т. д. Все это требовало времени; послѣ-Петровская неурядица и ничтожество его преемниковъ замедляли дѣло, и потому результаты его заботъ въ этой области являются съ нѣкоторымъ обиліемъ уже только во второй половинѣ вѣка; но и къ концу первой успѣла развиться энергическая и многосторонняя дѣятельность Ломоносова. Въ Петровское время уже ясно высказывается однако то отношеніе, въ которое наука неминуемо должна была стать къ старому быту. Вопіютъ обыкновенно противъ нарушенія преданія: но преданіе было уже впередъ, ничего не видя, противъ науки, и чтобы дать мѣсто послѣдней, надо было отвоевывать его у стараго предубѣжденія, суевѣрія и невѣжества. Преданіе было такъ сильно, что смѣшно говорить, будто бы Петръ Великій былъ въ состояніи сразу его нарушить и подорвать. Совсѣмъ напротивъ, оно было такъ могущественно, имѣло глубокіе корни въ такой подавляющей массѣ людей, такъ проникало ихъ бытъ, міровоззрѣніе и привычки, что не только во времена Петра, но и долго спустя, и даже теперь, послѣ того, какъ мы праздновали двухсотлѣтній юбилей его рожденія, наукѣ приходилось и приходится продираться черезъ толщу традиціоннаго невѣжества и предразсудка. Наука издавна и донынѣ все еще составляетъ интересъ незначительнаго меньшинства.

При Петрѣ В. и въ теченіе всего XVIII вѣка вообще никакому разумному человѣку не приходила въ голову мысль о какомъ-нибудь противорѣчіи между *наукой*, взятой съ *запада* (ее не откуда больше было и взять), и нашимъ народнымъ духомъ,—тогдашніе образованные консерваторы говорили послѣ только о дурныхъ *нравахъ*, притомъ только нравахъ свѣтскаго общества,—которыхъ не слѣдовало заимствовать не у запада, а спеціально изъ свѣтскихъ нравовъ французскихъ. Полагалось напротивъ, что наука намъ необходима, потому что окажетъ пользу въ жизни народа и государства, и что она послужитъ къ возвышенію народнаго духа; ясно было ея противорѣчіе съ

суевѣріемъ, но никто не думалъ, что это будетъ противорѣчіе съ духомъ цѣлаго народа.

Мы сказали, что отношеніе науки къ жизни опредѣлилось съ первымъ ея появленіемъ въ русскомъ обществѣ. Это было отношеніе раціоналистическое и утилитарное. Первое знакомство съ наукой указывало несостоятельность множества традиціонныхъ понятій о природѣ и человѣкѣ; наука и не могла обойтись безъ этого указанія, стараясь замѣнить неправильныя понятія правильными, тѣмъ болѣе, что понятія неправильныя были часто и прямо вредными. Біографія Петра представляетъ множество анекдотическихъ примѣровъ, гдѣ онъ наглядно объяснялъ пользу науки; мысль объ этой пользѣ повторяется безпрестанно въ его распоряженіяхъ и въ самомъ законодательствѣ. «Извѣстно есть всему міру, — говорится въ Духовномъ Регламентѣ,—каковая скудость и немощь была воинства россійскаго, когда оное не имѣло правильнаго себѣ ученія, и какъ несравненно умножилась сила его, и надчаяніе велика и страшна стала, когда державнѣйшій нашъ монархъ, его царское величество Петръ Первый, обучилъ оное изрядными регулами. Тожъ разумѣть и о архитектурѣ, и о врачествѣ, и о политическомъ правительствѣ и о всѣхъ прочихъ дѣлахъ. И наипаче тожъ разумѣть объ управленіи церкви: когда нѣтъ свѣта ученія, нельзя быть доброму церкве поведенію», и т. д. Съ этимъ понятіемъ пользы соединялось у Петра и раціоналистическое значеніе науки. Петръ былъ у насъ однимъ изъ первыхъ приверженцевъ и распространителей Коперниковой системы. Извѣстно, какъ во время путешествія онъ былъ заинтересованъ знаменитымъ готторнскимъ глобусомъ, сработаннымъ въ половинѣ XVII столѣтія подъ надзоромъ извѣстнаго путешественника Олеарія. Петръ выразилъ желаніе имѣть глобусъ и былъ чрезвычайно радъ, когда этотъ глобусъ ему подарили. «Практическій умъ государя,—говоритъ одинъ изъ историковъ его времени, — тотчасъ оцѣнилъ всю пользу, какую могъ приносить глобусъ для нагляднаго изученія системы Коперника, а Петръ, несмотря на возгласы современныхъ ханжей, былъ однимъ изъ первыхъ послѣдователей и распространителей ея въ Россіи» [1]). Раціонализмъ составляетъ вообще существенную черту въ умственномъ характерѣ Петра и, кромѣ другихъ историческихъ условій, объясняетъ многое въ его отношеніи къ старой русской церковности, съ которою такъ тѣсно связывалась русская старина. Однимъ изъ любопытнѣй-

---

[1]) Пекарскій, Исторія Академіи Наукъ, т. II, стр. XXXV, прим.

шихъ примѣровъ этого отношенія служитъ «Духовный Регламентъ», составленный, кажется, при гораздо большемъ участіи самого Петра, чѣмъ до сихъ поръ думали. «Духовный Регламентъ» довольно неожиданно, какъ мы сейчасъ видѣли, объясняетъ пользу науки для церковной жизни указаніемъ этой пользы въ воинскомъ дѣлѣ, и необходимость поваго церковнаго поученія подкрѣпляетъ примѣрами народнаго суевѣрія, противнаго здравому смыслу и вреднаго для самой чистоты религіознаго чувства. Въ церковныхъ правилахъ мы находимъ такимъ образомъ и любопытный этнографическій матеріалъ. Точка зрѣнія составителей «Регламента» сильно раціоналистическая. Приводимъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, въ исчисленіи дѣлъ, подлежащихъ разсмотрѣнію «духовнаго коллегіума», между прочимъ, говорится:

«Смотрѣть исторій святыхъ, не суть ли нѣкія отъ нихъ ложно вымышленныя, сказующія чего не было, или и христіанскому православному ученію противныя, или бездѣльныя и смѣху достойныя повѣсти, и таковыя повѣсти обличить и запрещенію предать со объявленіемъ лжи во оныхъ обрѣтаемой (приводится примѣръ изъ житія Евфросина Псковскаго о сугубой аллилуіи)... Обаче духовному управительству не подобаетъ вымысловъ таковыхъ терпѣть, и вмѣсто здравой духовной пищи отраву людемъ представлять, наипаче, когда простой народъ не можетъ между десными и шуими разсуждать, но что либо видитъ въ книгѣ написанное, того крѣпко и упрямо держится.

«Собственно же и прилежно розыскивать подобаетъ оные вымыслы, которые человѣка въ недобрую практику или дѣло ведутъ, и образъ ко спасенію лестный предлагаютъ, напримѣръ: не дѣлать въ пятокъ и празднованіемъ проводить, и сказуютъ, что Пятница гнѣвается на непразднующихъ и съ великимъ на оныхъ же угроженіемъ наступаетъ... Суть симъ же подобныя ученія, которыя и честнѣйшимъ лицамъ за ихъ простоту вѣроятно быти мнятся, и потому вреднѣйшая суть; и таковое Кіево-печерскаго монастыря преданіе, что погребенный тамо человѣкъ, хотя бы и безъ покаянія умеръ, спасенъ будетъ»...

„Могутъ обрѣстися нѣкія и церемоніи непотребныя, или и вредныя. Слышится, что въ Малой Россіи, въ полку Стародубскомъ, въ день уреченный праздничный водятъ жонку простовласую подъ именемъ Пятницы, а водятъ въ ходѣ церковномъ (если то по истинѣ сказуютъ), и при церкви честь оной отдаетъ народъ съ дары и со упованіемъ нѣкоей пользы. Такожъ на иномъ мѣстѣ попы съ народомъ молебствуютъ предъ дубомъ, и вѣтьви онаго дуба попъ народу раздаетъ на благословеніе. Розыскать, такъ ли дѣется и вѣдаютъ ли о семъ мѣстъ оныхъ епископи. Аще бо сія и симъ подобныя обрѣтаются, ведутъ людей въ явное и стыдное идолослуженіе.

„О мощахъ святыхъ, гдѣ какія явятся быть сумнительныя, розыскивать: много бо и семъ наплутано; напримѣръ, предлагаются чуждыя нѣкія: святаго первомученика Стефана тѣло лежитъ и въ Венеціи на предградіи, въ монастырѣ Бенедиктинскомъ, въ церкви святаго Георгія, и въ Римѣ въ загородной церкви святаго Лаврентія; такожъ много гвоздей креста Господня, и много млека Пресвятыя Богородицы по Италіи, и иныхъ симъ подобныхъ безъ числа. Смотрѣть же, нѣсть ли и у насъ таковаго бездѣлія.

„Худый и вредный и весьма богопротивный обычай вшелъ, службы цер-

ковныя и молебны двоегласно и многогласно пѣть, такъ что утреня или вечерня, на части разобранна, вдругъ отъ многихъ поется, и два или три молебны вдругъ же отъ многихъ пѣвчихъ и чтецовъ совершаются...

„Вельми срамное и сіе обрѣталося (какъ сказуютъ): молитвы людемъ, далече отстоящимъ, чрезъ посланниковъ ихъ въ шапку давать. Для памяти сіе пишется, чтобъ иногда отвѣдать, еще ли сіе дѣется. Но здѣ не нужда исчислять вся неправости, словомъ рещи что либо именемъ суевѣрія нарещися можетъ, си есть лишнее, ко спасенію не потребное, на интересъ только свой отъ лицемѣровъ вымышленное, а простой народъ прельщающее, и аки снѣжные заметы, правымъ истины путемъ идти возбраняющее“ [1]).

Эта явная антипатія къ народной вѣрѣ въ чудесное, наклонность объяснять происхожденіе народныхъ суевѣрныхъ преданій намѣреннымъ вымысломъ лицемѣрныхъ людей, находившихъ въ томъ «свой интересъ» (что, правда, нерѣдко и бывало)—все это черты чисто раціоналистическія.

Прямымъ продолженіемъ взглядовъ Петровскаго времени была и дѣятельность Ломоносова. Онъ былъ человѣкъ религіозный, но и въ большой степени раціоналистъ: научная истина и вмѣстѣ практическая польза были постоянной мыслью его трудовъ не только ученыхъ, но нерѣдко и поэтическихъ. Онъ столько же, какъ составители «Регламента», зналъ обиліе невѣжества въ русской жизни, подозрительное недовѣріе и вражду къ наукѣ, и при всякомъ удобномъ случаѣ объяснялъ права науки и пользу знанія и сожалѣлъ о недостаточности этого знанія въ русскомъ народѣ. Нѣтъ надобности приводить много примѣровъ, — болѣе или менѣе извѣстныхъ; ограничимся двумя-тремя указаніями. По поводу астрономическаго явленія (прохожденія Венеры черезъ солнце), наблюдавшагося въ академіи въ 1761 г., онъ защищаетъ науку отъ подозрѣній невѣжества и разсуждаетъ о согласіи естествознанія съ религіей, обращаясь къ «благоразумнымъ и добрымъ людямъ», приводя слова Евангелія, ссылаясь на исторію науки и на Василія Великаго. Религія и наука, каждая имѣютъ свою область. Богъ далъ роду человѣческому двѣ книги: въ одной показалъ свое величіе, въ другой—свою волю; первая —видимый міръ, по которому человѣкъ можетъ познать Божіе всемогущество «по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія»; вторая — священное писаніе. Истолкователи послѣдняго — великіе церковные учители; а что касается до перваго, то «въ оной книгѣ сложенія видимаго міра сего, физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій

[1]) Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Спб. 1869, т. I, стр. 6—7.

суть таковы, каковы по оной книгѣ (т.-е. по священному писанію) пророки, апостолы и церковные учители. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю вымѣрить циркулемъ. Таковъ же и богословія учитель, если онъ думаетъ, что по псалтирѣ научиться можно астрономіи и химіи». Итакъ дѣятель науки приравненъ Ломоносовымъ ни болѣе, ни менѣе, какъ къ пророку и учителю церкви: и въ наше время немногіе рѣшатся такъ высоко ставить значеніе науки. Ломоносовъ не дѣлаетъ никакой уступки изъ этого права науки и въ другую сторону—въ сторону народнаго невѣжества, которое теперь такъ усердно стараются смѣшать съ «народнымъ духомъ». Давая свой отвѣтъ ревнителямъ къ православію, онъ не забылъ и людей, «не просвѣщенныхъ никакимъ ученіемъ». «Не рѣдко,—говоритъ онъ,—легковѣріемъ наполненныя головы слушаютъ и съ ужасомъ внимаютъ, чтó при таковыхъ небесныхъ явленіяхъ пророчествуютъ бродящія по міру богаделенки, кои не токмо во весь свой долгій вѣкъ объ имени астрономіи не слыхали, да и на небо едва взглянуть могутъ, ходя сугорбясь. Таковыхъ несмысленныхъ прорекательницъ и легковѣрныхъ внимателей скудоуміе ничѣмъ, какъ посмѣяніемъ презирать должно. А кто отъ такихъ пугалищъ безпокоится, безпокойство его должно зачитать ему жъ въ наказаніе за собственное его суемысліе. Но сіе больше касается до простонародія, которое о наукахъ никакого понятія не имѣетъ». Но любопытнѣйшее изъ сочиненій Ломоносова въ этомъ отношеніи есть знаменитое «Разсужденіе о размноженіи и сохраненіи россійскаго народа», отъ котораго къ сожалѣнію сохранилась только одна часть. Ломоносовъ ставитъ существенный вопросъ народной жизни—самое сохраненіе и размноженіе этой жизни, и наука привела его къ строгому осужденію многихъ формъ стародавняго обычая, по новѣйшимъ славянофильскимъ понятіямъ несомнѣнно принадлежащаго къ нерушимому «народному духу». Ломоносовъ не замаскировывалъ ничѣмъ слабыхъ сторонъ этого преданія и прямо отвергалъ его, когда оно противорѣчило здравому смыслу и пользѣ самаго народа. Укажемъ его разсужденія о вредѣ для народной жизни, «отъ суевѣрія и грубаго упрямства происходящемъ», какъ напр. о нелѣпости крестить младенцевъ въ ледяной водѣ, о заговѣньяхъ и розговѣньяхъ и т. п. Онъ сурово обличаетъ «невоздержаніе и неосторожность съ уставленными обыкновеніями, особливо у насъ въ Россіи вкоренившимися и *имѣющими видъ нѣкоторой святости.* Паче другихъ именъ пожираютъ у насъ масляница и св. недѣля великое множество народа однимъ только пере-

мѣннымъ употребленіемъ питья и пищи. Легко разсудить можно, что готовясь къ воздержанію великаго поста, во всей Россіи много людей такъ загавливаются, что и говѣть времени не остается. Мертвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ и частые похороны доказываютъ то ясно. Разговѣнье тому жъ подобно. Да и дивиться не для чего». Разговѣнье представляетъ картину необузданнаго обжорства и пьянства, которому предаются бывшіе постники, «какъ съ привязу спущенныя собаки». «О, истинное христіанское пощеніе и праздненство! не на такихъ ли Богъ негодуетъ у пророка: праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя и кадило ваше мерзость есть предо мною!» Бросается въ глаза сходство взглядовъ Ломоносова съ тѣмъ, какъ относился къ подобнымъ обычаямъ «Духовный Регламентъ».

Литература XVIII-го вѣка нерѣдко возвращалась къ тэмѣ предразсудковъ и невѣжества не только простого народа, но средняго и дворянскаго, и самаго духовнаго сословія, и, какъ бы ни были подражательны формы и каковы бы ни были другіе недостатки этой литературы (слишкомъ часто бичевавшей «маленькихъ воришекъ для удовольствія большихъ»), трудно сказать, чтобы въ этомъ случаѣ она ошибалась, и чтобы Кантемиръ, Ломоносовъ, фонъ-Визинъ, Новиковъ были отступниками отъ своего народа...

Тоже раціоналистическое и утилитарное направленіе мы встрѣчаемъ и у нашихъ первыхъ ученыхъ путешественниковъ; и ихъ труды въ этомъ отношеніи тѣмъ болѣе важны исторически, что въ нихъ наука становилась лицомъ къ лицу съ народною жизнью. Выше мы приводили примѣры того, съ какой ревностью эти ученые вступали въ новыя, неизвѣданныя прежде, области, открывавшія богатую добычу для науки, и какъ въ то же время ихъ постоянно сопровождала мысль о пользѣ россійскаго народа, о его достоинствѣ и славѣ.

Любопытнѣйшимъ произведеніемъ этой литературы ученыхъ путешествій были, безъ сомнѣнія, дневныя записки Лепехина. Молодой ученый, хорошо подготовленный въ различныхъ отрасляхъ естествознанія, докторъ страсбургскаго университета, отправлялся на нѣсколько лѣтъ въ путешествіе по далекимъ окраинамъ Россіи, гдѣ онъ долженъ былъ стать въ прямое соприкосновеніе съ народомъ, кромѣ явленій природы, наблюдать и жизнь этого народа. По распространяемымъ нынѣ славянофильскимъ понятіямъ, надо было бы ожидать, что Лепехинъ, этотъ типъ «петербургскаго» по тогдашнему образованнаго человѣка, останется чуждъ народу, не пойметъ его, даже пожалуй и не

замѣтитъ его быта, занимаясь своими специальными вопросами, «чуждыми» народу, или, наконецъ, отнесется къ этому народу съ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ. Достаточно прочитать нѣсколько страницъ «Дневныхъ Записокъ», чтобы убѣдиться, что на дѣлѣ ничего этого нѣтъ. У Лепехина нѣтъ и тѣни такого, придуманнаго теперь, отношенія. Онъ, конечно, человѣкъ ученый, знающій многое, чего не знаютъ не только деревенскіе, но и огромное большинство неученыхъ городскихъ жителей; встрѣчаясь съ невѣжествомъ или незнаніемъ, онъ не думаетъ отказываться отъ своего знанія изъ опасенія противорѣчить «народному духу», но и не величается имъ. Предметъ его изученій, между прочимъ, и народъ; онъ часто видитъ несовершенства его понятій и быта, но всегда это для него *свой* народъ, и ему не приходитъ на мысль чѣмъ-нибудь себя выдѣлять отъ него, кромѣ того, что ему случилось пріобрѣсти знанія, которыми ему хотѣлось быть полезнымъ и этому народу. Форма его «Записокъ» чрезвычайно проста: онъ ведетъ дневникъ своего путешествія изо-дня въ день, не только отъ города до города, но отъ деревни до деревни, и записываетъ свои наблюденія, встрѣчи и разговоры совершенно безхитростно, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, какъ будто эти встрѣчи даже съ самымъ захолустнымъ населеніемъ были для него дѣло совершенно привычное. Въ «Запискахъ» постоянно перемежаются ученыя описанія природы и простые разсказы о народномъ бытѣ: по пути нашъ ученый обращаетъ вниманіе на почву и геологическія свойства края, уйдетъ со станціи впередъ и собираетъ растенія и насѣкомыхъ; встрѣтившись и познакомившись съ крестьяниномъ-охотникомъ, добываетъ черезъ него разныя породы звѣрей и птицъ, и за страницами описаній мѣстной природы и ландшафта, любопытныхъ растеній, бабочекъ, птицъ и рыбъ, слѣдуютъ разсказы о крестьянскомъ земледѣліи и промыслахъ, подробныя описанія мѣстныхъ производствъ, наконецъ, бесѣды съ хозяевами-крестьянами, у которыхъ остановился, и гдѣ конечно выступаютъ на сцену всякіе деревенскіе интересы, радости, а чаще заботы, и все это, видимо, совершенно понятно нашему путешественнику, не требуетъ для него никакихъ толкованій, какъ будто онъ самъ давній деревенскій житель, которому все это давно знакомо; при случаѣ онъ дастъ полезный совѣтъ и замѣтитъ въ дневникѣ, какими мѣрами можно было бы помочь какой-нибудь крестьянской бѣдѣ и неустройству. Судя по разсказу, и самъ путешественникъ не внушалъ народу недовѣрія, съ нимъ охотно бесѣдовали, развѣ кому-нибудь приходило въ

голову увидѣть въ немъ «чиновника»—качество, въ какомъ онъ самъ вовсе не желалъ являться народу. Наконецъ, онъ интересовался историческими преданіями и народными повѣрьями, и собралъ въ этомъ отношеніи не мало матеріала, любопытнаго для историка и этнографа. Это простое отношеніе къ предмету изученій сказывается и на самомъ языкѣ «Записокъ»; онъ очень простъ и тогда, когда авторъ говоритъ о предметахъ научныхъ, и тогда, когда онъ переходитъ къ обыденному крестьянскому житью. Онъ можетъ даже удивить однимъ свойствомъ, котораго, по нынѣ распространяемымъ понятіямъ, мудрено ожидать отъ ученаго петербуржца прошлаго вѣка: это—большое знаніе народной рѣчи; авторъ въ простомъ разсказѣ употребляетъ такія народныя слова, которыя далеко нельзя назвать общеупотребительными, и которыя однако не казались ему неудобными.

Таковъ общій литературный характеръ его книги. Самое направленіе писателя отличается именно тѣмъ же раціоналистическимъ и утилитарнымъ характеромъ. Онъ интересуется народными понятіями, но его взглядъ на ихъ содержаніе есть взглядъ критическій: они любопытны ему въ интересѣ къ своему народному и въ интересѣ научномъ; онъ записываетъ ихъ, какъ мѣстную бытовую черту, необходимую «для познанія россійскаго народа», но не думаетъ возводить ихъ въ перлъ созданія. То время было по преимуществу разсудочное, и рядомъ съ передачей исторической легенды, народнаго повѣрья и примѣты, является критическая ихъ оцѣнка,—а потому тѣмъ естественнѣе, что путешественникъ видѣлъ всѣ эти народныя представленія во-очію и въ практическомъ примѣненіи: онъ, наприм., объясняетъ простымъ естественнымъ путемъ плавающіе острова въ озерѣ Поганомъ, съ которыми соединялась историческая легенда; объясняетъ непрактичность традиціонныхъ врачебныхъ средствъ, употребляемыхъ народомъ, ошибочность или неполноту иныхъ народныхъ примѣтъ надъ явленіями природы и т. п., но точно также объясняетъ ихъ правильность, когда они вѣрно подмѣчаютъ происходящее въ природѣ. Точно также путешественникъ говоритъ и съ самимъ народомъ. Въ его литературной манерѣ сказывается обычный стиль прошлаго вѣка, и вмѣстѣ особенности его личнаго характера. Онъ обстоятельно разсказываетъ подробности путешествія, снабжая разсказъ размышленіями по поводу встрѣченныхъ фактовъ и случаевъ, небольшими нравоописательными картинками и т. п. Въ его характерѣ была юмористическая складка, которая находила себѣ пищу въ иныхъ встрѣчахъ съ

подробностями захолустной жизни, съ деревенскими и городскими оригиналами,—въ дорожныхъ приключеніяхъ.

«Записки» Лепехина отличаются чрезвычайнымъ разнообразіемъ предметовъ, на которыхъ останавливалось его вниманіе: не говоря о томъ, что̀ относится спеціально къ естествознанію и имѣло свою величайшую важность для изученія природы нашего отечества, остановимся лишь на томъ, что касалось изученія народа. Рѣдкій путешественникъ нашего времени можетъ представить такое разнообразіе свѣденій естественно-научныхъ, бытовыхъ и этнографическихъ; наука, конечно, спеціализируется, но вмѣстѣ съ тѣмъ, къ сожалѣнію, становится тѣснѣе и горизонтъ наблюденій. Современный натуралистъ рѣдко подумаетъ объ археологіи и этнографіи; этнографъ рѣдко имѣетъ точное понятіе о свойствахъ почвы, о климатическихъ условіяхъ, имѣющихъ, однако, существенное вліяніе на самый складъ мѣстнаго быта. Ученая любознательность Лепехина распространялась одинаково на всѣ эти предметы, и вездѣ онъ является просвѣщеннымъ наблюдателемъ, способнымъ опредѣлить значеніе подобныхъ условій. Въ старомъ городѣ его интересуютъ остатки древности, и онъ умѣетъ отчетливо разсказать о нихъ; въ деревнѣ онъ выслушиваетъ народныя преданія и повѣрья, провѣряетъ ихъ мѣстными данными, указываетъ различные роды и способы крестьянскаго труда; на Волгѣ опишетъ волжскія суда и способы плаванія; встрѣтивши какіе-нибудь заводы, кожевенные, мыловаренные, сѣрные и т. п., подробно разсказываетъ о тѣхъ пріемахъ, съ какими ведется дѣло, сличаетъ съ такими пріемами въ другихъ мѣстахъ, указываетъ ихъ удобства и неудобства; разскажетъ, какъ поступаютъ крестьяне въ случаяхъ скотскаго падежа (какіе встрѣчалъ онъ очень часто) и постарается отыскать причину бѣды; разскажетъ народныя примѣты относительно погоды, болѣзней и т. п., и объяснитъ ихъ дѣйствительную или вѣроятную подкладку, или укажетъ ихъ несообразность; опишетъ народные обычаи, разскажетъ о встрѣченныхъ имъ инородцахъ, остановится на объясненіи ихъ быта, нравовъ, вѣрованій, одежды и т. д. Два, три образчика дадутъ понятіе объ его манерѣ, гдѣ не разъ проглядываетъ добродушная шутка и юморъ, которыя не мѣшаютъ ему дать точное понятіе о дѣлѣ. Вотъ, напр., его разсказы о встрѣчахъ съ народнымъ врачевствомъ и знахарствомъ.—Во время пребыванія во Владимірѣ путешественники, между прочимъ, набрали травы, называемой царь-трава, или большой прикрытъ:

«Дворница, старуха пожилая, которая въ городѣ, какъ мы послѣ спровѣдали, за сродницу Эскуляпову почиталася, увидя копенку травъ, спрашивала у насъ: на какую потребу мы травы собираемъ? Но какъ мы ей отвѣтствовали, что мы никакого другого къ тому предмета, кромѣ любопытства, не имѣемъ, и силы сихъ травъ не разумѣемъ, то она столь была ободрена нашимъ отвѣтомъ, что не оставила и похулить нашего предмета, и возгордяся своимъ знаніемъ сказала: и золото въ рукахъ незнающаго грязь. Потомъ взяла царь-траву, и называя ее земнымъ сокровищемъ, отрадою болящихъ, и проч., вознамѣрилася быть нашимъ Иппократомъ. Это царь-трава—продолжала она,—трава надъ травами, угодная во многихъ болѣзняхъ, отъ утробы, водяной болѣзни, отъ матки, когда она засядетъ въ горлѣ; отъ паралича, отъ всякой нечисти. Я бы безъ сумнѣнія навелъ страхъ читателю, естьли бы привелъ здѣсь толкованія почтенной нашей бабушки на помянутыя болѣзни. Но какъ бабушка начала на своемъ безмѣнѣ развѣшивать пріемы, то и у насъ стали волосы дыбомъ, и вышедъ изъ терпѣнія, осмѣлилися попротивурѣчить Ескуляповой сродственницѣ. Споръ нашъ съ начала обоюду былъ нарочито горячъ; но бабушка скоро опѣшила. Одержанная нами побѣда весьма была намъ непріятна: ибо никто болѣе бабушку къ разговору склонить не могъ, и мы нашею неосторожностію лишилися случая испытать сокровенная Владимирской врачебницы. Она еще болѣе находилася въ трусости, когда отъ бывшихъ у меня солдатъ спровѣдала, что я принадлежу такъ же къ числу врачей, и стороною старалася насъ увѣрить, что разсказывала слышанное, а сама никого не лѣчитъ. Сей случай сдѣлалъ меня осторожнымъ, чтобы никогда не сказываться докторомъ между чернью, но употреблять мой академической чинъ.

„Хотя такое лѣченіе, сравнивая съ записками и примѣчаніями врачей, кажется быть убійственнымъ: однако должно и то взять въ разсужденіе, что ежели бы наша бабушка часто своимъ лѣченіемъ отправляла на тотъ свѣтъ, то бы безъ сумнѣнія скоро потеряла себѣ довѣренность. Можетъ статься, что крѣпость сложенія нашихъ простолюдиновъ въ состояніи понесть и ядовитое лѣкарство; и всякъ, кто предосудительныхъ мыслей о ядовитыхъ тѣлахъ не имѣетъ, безпрекословно со мною согласится, что многія, называемыя отъ насъ ядомъ, могутъ въ рукѣ разумнаго быть божественнымъ лѣкарствомъ, только бы онѣ не были развѣшаны по бабушкиному безмѣну [1]).

Старый обычай былъ въ тѣ времена еще такъ силенъ, что нашъ путешественникъ встрѣтилъ знахарство не только у владимірской дворничихи, но и у чиновнаго офицера въ Арзамасѣ:

„Хотя городъ Арзамасъ снабденъ ученымъ врачемъ; однако люди въ болѣзняхъ своихъ полагаютъ болѣе надѣяніе на незаконно ко врачеванію рожденныхъ, какъ-то на старухъ, мальханницъ, ворожей и прочая. На сколько тамъ наши единоземцы не рѣдко подвергаютъ себя въ опасность жизни, не трудно будетъ заключить изъ слѣдующаго.

„По утру весьма рано посѣтилъ насъ одинъ изъ чиновныхъ отставныхъ офицеровъ, о котораго имени и чинѣ благопристойность упомянуть не дозволяетъ. Онъ былъ человѣкъ пожилой и словохотливъ. Разсказывая многія свои странныя похожденія, которыя намъ, какъ всякъ легко понять можетъ, не весьма были пріятны, довелъ рѣчь до нашихъ врачей, при которой, естьли бы

---

[1]) „Дневныя Записки“, Спб. 1771, т. I, стр. 16—18.

кто имѣлъ охоту, совершенно бы могъ научиться злословію. Сколько онъ унижалъ наше трудами и порядочнымъ ученіемъ пріобрѣтенное искусство врачеванія, столь много выхвалялъ покойной бабушки своей лѣчебникъ и неудобопонятную его пользу.

„Оказывая желаніе быть соучастниками его премудрости, безъ дальнаго прошенія, Брамарбазъ [1]) обѣщалъ намъ открыть сокровенная своего наслѣдственнаго лѣчебника; и такъ пошли мы съ нимъ за городъ по Алаторской дорогѣ. Первою встрѣчею намъ была плакунъ-трава (Eithrum folicaria), которую нашъ Иппократъ, пошептавъ, не знаю что, сорвалъ и остановясь говорилъ: плакуномъ ее называютъ для того, что она заставляетъ плакать нечистыхъ духовъ. Когда будешь при себѣ имѣть сію траву, то всѣ непріязненные духи ей покоряются. Она одна въ состояніи выгнать домовыхъ дѣдушекъ, кикиморъ, и проч., и открыть приступъ къ заклятому кладу которой нечистые стрегутъ духи; что послѣднее собственнымъ своимъ утверждалъ примѣромъ, хотя онъ съ пріобрѣтеннымъ кладомъ столь бѣденъ, сколько можно представить себѣ бѣдность въ совершенномъ ея видѣ. Отъ чертей дошло дѣло до ворожей. Колюка (Carlina vulgaris), въ великомъ множествѣ по пригоркамъ растущая, подала къ тому поводъ. Траву сію, — продолжалъ онъ, — должно знать всякому военному и проѣзжающему человѣку. Дымомъ ея когда окурить ружье, то никакой колдунъ его заговорить не можетъ.

„Царь-трава имѣла такія же похвалы, какъ отъ Владимирской врачебницы“ [2]), и т. д.

И затѣмъ идетъ на цѣлыхъ шести страницахъ перечисленіе лекарственныхъ травъ, дѣйствіе которыхъ объяснялъ арзамасскій знахарь и къ которымъ Лепехинъ прибавилъ ихъ ботаническія названія. Очевидно, мы имѣемъ тутъ дѣло съ народнымъ старымъ «травникомъ» или «зелейникомъ» еще въ живомъ употребленіи, и любопытно, что находимъ его въ дѣлѣ у «чиновнаго офицера». Останавливаясь, нашъ путешественникъ обстоятельно описываетъ способы крестьянскаго труда, разсказываетъ бытовыя повѣрья, деревенскіе нравы и обычаи, и если бы новѣйшіе народники больше знакомы были со старой литературой, они увидѣли бы, что Лепехинъ больше ста лѣтъ тому назадъ описывалъ бытовыя формы, которыя, по ихъ мнѣнію, чуть ли не въ первый разъ ими открыты. Укажемъ, напр., на описаніе деревенской помочи (I, стр. 129—130): разсказавъ о помочи обыкновенной, Лепехинъ упоминаетъ и другой ея родъ, который «всякой похвалы достоинъ» и называется сиротскою или вдовьею помочью. Лепехинъ разсказываетъ о дѣлежѣ пашни, уборкѣ хлѣба, устройствѣ одоньевъ и овиновъ, постройкѣ избъ, и, встрѣчаясь въ восточныхъ краяхъ Россіи съ инородческими племенами, даетъ

[1]) Дѣйствующее лицо изъ комедіи Сумарокова „Тресотиніусъ“, — офицеръ-хвастунъ.

[2]) Тамъ же, стр. 72 и слѣд.

любопытные факты объ ихъ отношеніяхъ съ русскими. Плавая по Волгѣ, онъ выслушиваетъ народныя легенды (напр., любопытная легенда о Царевѣ курганѣ, I, стр. 234 — 235) и старается провѣрить ихъ фактическими наблюденіями. Дальше мы упомянемъ объ его археологическихъ и историческихъ замѣткахъ, которыя остаются любопытны и понынѣ.

Однимъ словомъ, мы видимъ въ Лепехинѣ умнаго наблюдателя, съ простымъ здравымъ отношеніемъ къ дѣлу, разносторонне подготовленнаго къ изученію, которое онъ предпринимаетъ, вовсе не чуждаго народной жизни и не имѣющаго понятія объ «оторванности», которую хотятъ навязать ему услужливые потомки. Научное знаніе, съ которымъ онъ обращается къ народной жизни, есть такое простое знаніе природы, исторіи, человѣческаго труда, въ которомъ онъ и вообразить не могъ какого-нибудь противорѣчія съ народнымъ духомъ, и которое онъ очень естественно примѣняетъ къ различнымъ явленіямъ русской жизни и природы. Какъ ученый и какъ человѣкъ своего времени, онъ былъ, конечно, раціоналистъ, да иначе и не можетъ быть отношеніе научнаго знанія къ фактамъ дѣйствительности: не могъ же онъ, ради фантастическаго представленія объ охраненіи народныхъ преданій, увѣровать въ розсказни Эскулаповой родственницы или офицера-знахаря въ Арзамасѣ; но онъ тѣмъ не менѣе записалъ ихъ, какъ потому, что это была любопытная черта народнаго быта, такъ и потому, что ему уже видѣлась важность этихъ фактовъ для науки, хотя настоящая этнографическая наука въ то время еще не существовала. Народная жизнь вовсе не представляла какой-нибудь особливой новости для Лепехина, человѣка самаго петербургскаго и воспитавшагося на самой западной наукѣ: явленія народной жизни были любопытны ему, какъ ученому; нерѣдко они бывали ему новы только какъ уроженцу другого края и человѣку другихъ занятій, но вовсе не были сюрпризомъ. У себя дома онъ былъ окруженъ тою же русской жизнью; тогдашняя городская (даже столичная) жизнь отличалась еще большой патріархальностью: довольно прочесть разсказы не только, напр. о московской, но о петербургской городской жизни тѣхъ временъ чтобы увѣриться, что она была переполнена старинными нравами и народнымъ обычаемъ: на городскихъ улицахъ справлялись деревенскіе праздники и шли кулачные бои; служилое дворянство было въ большинствѣ наѣзжее, привозившее въ своей дворнѣ деревенскіе элементы и не прерывавшее связей съ деревней; въ быту средняго класса (какъ теперь въ извѣстной части купечества) свято хранились дѣдовскіе пріемы, и,

напр., Лепехинъ могъ знавать Эскулаповыхъ родственницъ въ самомъ Петербургѣ. Немудрено, что въ его «Запискахъ», какъ мы замѣчали, видно хорошее знаніе народнаго языка: у него встрѣчаются въ самомъ его разсказѣ термины, иногда, вѣроятно, неизвѣстные новѣйшимъ народникамъ.

Деревня временъ Лепехина живетъ вполнѣ патріархальной жизнью, но въ средѣ помѣщиковъ уже принимаются техническія знанія и научная любознательность. Таковъ былъ въ то время извѣстный П. И. Рычковъ, котораго Лепехинъ посѣтилъ въ его заволжкомъ имѣніи.

Озерецковскій былъ спутникомъ Лепехина въ качествѣ студента и участникомъ его работъ, и его собственныя путевыя записки составлялись въ томъ же духѣ и по той же программѣ. Въ это время онъ уже исполнялъ самостоятельно особыя поѣздки, и многія описанія его вошли въ составъ «Записокъ» Лепехина. Это былъ опять натуралистъ и вмѣстѣ съ тѣмъ археологъ и этнографъ; интересъ научный опять соединяется съ вопросами практической пользы. Отмѣчая характеръ мѣстности, описывая флору и фауну, онъ собираетъ мѣстныя географическія названія, статистическія свѣденія о народныхъ промыслахъ и нерѣдко даетъ любопытныя бытовыя картинки, которыя могутъ послужить цѣннымъ матеріаломъ для исторической этнографіи. При собираніи свѣденій Озерецковскій поступалъ вообще съ большой ученой осмотрительностью: онъ собиралъ ихъ отъ свѣдущихъ мѣстныхъ людей и знатоковъ края изъ всякихъ классовъ общества, осматривалъ памятники, сличалъ данныя и старался провѣрять ихъ собственными наблюденіями. Такъ онъ дѣлалъ и въ вопросахъ историческихъ, и въ описаніяхъ народныхъ промысловъ и обычаевъ. Дальше мы упомянемъ объ его историческихъ наблюденіяхъ, а здѣсь ограничимся двумя, тремя образчиками его бытовыхъ описаній, относящихся къ олонецкому и новгородскому краю.

«Въ селѣ Видлицѣ былъ я въ праздникъ Иліи пророка. По окончаніи обѣдни, женскій полъ разбрелся по кладбищу, церковь окружающему, и каждая женщина, поклонясь со знакомою ей могилою, обнимала оную обѣими руками. То же самое дѣлали онѣ и между собою при свиданьи одной съ другою: охватывались только руками, а не цѣловались. Такое повѣрье во всей странѣ сей есть общее. Другое обыкновеніе—строить въ деревняхъ и въ лѣсу часовни, ставить въ нихъ образа, изъ коихъ всегда бываетъ одинъ мѣстный, то-есть такой, которому предпочтительно передъ другими часовня посвящается. Большая часть часовень посвящены Иліѣ пророку и святителю Николаю...

«Въ Старой Русѣ середа и пятница дни весьма непріятные и тягостные отъ бродягъ, приходящихъ въ городъ изъ всего округа не просить, а требовать

милостыни отъ всякаго дома, по заведенному тамъ обыкновенію. Не успѣетъ хозяинъ или хозяйка дома одѣлить копѣйками мужиковъ, бабъ, дѣвченокъ, ребятишекъ и пр., какъ тотчасъ приходятъ къ окну другіе канюки, которымъ нѣтъ счету, сколько ихъ по середамъ и пятницамъ въ городѣ таскается. Въ другіе дни ихъ не бываетъ. Бродяги сіи не отходятъ отъ дому, развѣ отгонишь ихъ тѣмъ, когда позовешь мужика покопать въ огородѣ землю, а женщину или дѣвку вымыть полъ въ горницѣ...

«Во время ярмарки на Валаамѣ, деревенскія женщины и дѣвки ранѣе всѣхъ отъ сна пробуждались, и вставши, немедленно бросались къ водѣ, чтобъ умываться. Дѣйствіе сіе продолжается у нихъ не мало времени, потому что онѣ во-первыхъ полощутся водою, потомъ моются мыломъ, которое смывъ, натираются бѣлилами, и натершись, стоятъ или сидятъ на судахъ безъ всякаго дѣйствія, давая время бѣлиламъ хорошенько вобраться въ кожу. Послѣ сего бережно смываютъ ихъ съ лица, и какъ многія изъ нихъ зеркалъ не имѣютъ, то смотрятся въ воду, и съ помощью сего зеркала уравниваютъ на себѣ подложную бѣлизну, которую, наконецъ, прикрашиваютъ румянами; надѣваютъ на себя кумачные сарафаны и повязываются алыми платками или лентами, и тогда уже съ судовъ своихъ сходятъ. Многіе безъ сумнѣнія уборку сію похулятъ, особливо за излишнее употребленіе бѣлилъ, которыя составляются изъ вредной свинцовой извести; но поелику деревенскія женщины убираются такимъ образомъ только во время ярманки, а въ домахъ у себя въ одни большіе праздники, то бѣленье сіе ни мало лицъ у нихъ не портитъ, а доказываетъ, напротивъ того, ихъ опрятность, веселость духа и охоту нравиться, когда есть кому казаться. Изъ сего ясно также видѣть можно, что въ нравахъ ихъ грубости нѣтъ, и что народъ, который печется о убранствѣ, весьма способенъ къ принятію просвѣщенія, ему приличнаго».

Отъ путешественника не укрылись и такія черты нравовъ, которыя свидѣтельствовали о самоуправствѣ и грабительствѣ чиновнической братіи и о загнанности народа:

«При устьѣ Большой Инцы,—говоритъ онъ,—жилъ одинъ только крестьянинъ, который, испужавшись ночного моего пріѣзда, въ клѣти своей, за одною только отъ меня перегородкою, вслухъ совѣтуется съ женою своею, чѣмъ меня подарить. По окончаніи совѣта, который весь я слышалъ, приноситъ онъ мнѣ рублевикъ съ боязнью, со страхомъ, чтобъ я малымъ его подаркомъ не огорчился. На вопросъ мой, за что даетъ онъ мнѣ рубль, отвѣчалъ онъ, чтобы я его не обидѣлъ.—Поди съ твоимъ рублемъ, сказалъ я; мнѣ обидѣть тебя незачто.—Когда мужикъ вышелъ отъ меня въ сѣнцы къ женѣ своей, и отдалъ ей рубль, то она сказала: другому офицеру пригодится. Такимъ-то образомъ бѣдные люди отъ проѣзжающихъ безчинниковъ тамъ откупаются».

По своему взгляду на вещи, ученому и житейскому, Озерецковскій былъ опять раціоналистъ, въ духѣ прошлаго столѣтія. Такъ, напр., онъ смотритъ на монастыри и на расколъ: въ одномъ случаѣ онъ руководится соображеніями пользы и вознагражденія за труды, въ другомъ—побужденіями вѣротерпимости, которая мало придаетъ значенія внѣшнимъ формамъ религіознаго чувства. Разсказывая о валаамскомъ монастырѣ, жизнь въ

которомъ, за исключеніемъ одной годовой ярмарки, представляетъ почти абсолютное уединеніе, Озерецковскій прибавляетъ:

«Потому валаамскій монастырь наиспокойнѣйшимъ можетъ быть убѣжищемъ для такихъ людей, кои въ обществѣ исполнили долгъ человѣка и гражданина, и тѣмъ заслужили, чтобъ оно позволило имъ препровождать остальную жизнь въ совершенномъ спокойствіи, не требуя отъ нихъ больше никакого служенія. Но грѣшно бы было, если бы такое спокойствіе безъ разбору давалось людямъ, обществу не служившимъ, которые однимъ только отрицаніемъ отъ міра право на то снискиваютъ». Монастырь на Череменецкомъ озерѣ, близъ Луги, имѣетъ «собственное землепашество, скотоводство и рыбную ловлю. Разумѣется, что монахи сами ни земли не пашутъ, ни скота не пасутъ, ни рыбы не ловятъ, а отдаютъ угодья свои крестьянамъ; сами-жъ живутъ какъ помѣщики, имѣя превыгодныя мѣста, на какихъ лежатъ всѣ въ Европѣ монастыри, которыхъ многое множество» и т. д.

Раскольники, по его мнѣнію,— «такіе же христіане, какъ я и всякъ мнѣ подобный, но думаютъ, что особливыми своими обрядами въ богослуженіи лучше угождаютъ Богу; у всѣхъ сего рода людей спасеніе души есть главная причина ихъ заблужденій» [1]).

Не будемъ останавливаться на описательныхъ трудахъ названнаго выше академика Иноходцова: довольно сказать, что въ нихъ опять господствуетъ та же программа, какую мы видѣли у Лепехина, но съ бо́льшимъ количествомъ свѣденій географическихъ и статистическихъ. Иноходцовъ посвящаетъ также не мало труда на розысканія историческія и сообщаетъ также не мало подробностей о мѣстномъ бытѣ, нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ, препровожденіи времени, такъ что его описанія причисляются къ лучшимъ этнографическимъ трудамъ нашей литературы прошлаго вѣка [2]). Такимъ же характеромъ отличаются и путешествія академика Севергина, гдѣ опять среди естественно-научныхъ описаній разсѣяно не мало любопытныхъ этнографическихъ и бытовыхъ свѣденій и т. д. [3]).

Въ то же время, когда академія предпринимала рядъ ученыхъ экспедицій въ разные края Россіи, интересъ къ изученію своего отечества развивается въ средѣ частныхъ лицъ, и эта

[1]) Путешествіе по озерамъ Ладожскому и Онежскому, стр. 66—68, 78—80, 109—110; Путешествіе на озеро Селигеръ, стр. 33—34, 41—42; Путешествія Лепехина, ч. IV, стр. 92 и проч.; Сухомлинова, Ист. Росс. Акад. II, 329—334.

[2]) Ист. Росс. Акад., т. III (Сборникъ, т. XVI, 1877), стр. 217—233, 430.

[3]) Сухомлиновъ, тамъ же, т. IV (Сборникъ, т. XIX, 1878), стр. 55 и слѣд. Отмѣтимъ, напр., разсказы о городахъ Торопцѣ, Порховѣ, Валдаѣ; замѣчанія о финскомъ населеніи въ западномъ краѣ, гдѣ онъ одну изъ причинъ умственной и физической подавленности этого населенія очень основательно видитъ въ крѣпостномъ правѣ и т. п. Но при описаніи русско-польскихъ провинцій ученый академикъ имѣетъ наивность говорить о „шизматикахъ", не подозрѣвая, что это просто—русскіе православные.

сторона тогдашней описательной литературы опять чрезвычайно любопытна исторически, какъ фактъ самостоятельнаго общественнаго интереса къ дѣлу. Ученые путешественники встрѣчали въ самыхъ далекихъ захолустьяхъ людей съ научной любознательностью, съ хорошимъ и разностороннимъ знаніемъ своего края, отъ которыхъ имъ случалось получать весьма полезную поддержку. Въ литературѣ второй половины столѣтія является новый разрядъ сочиненій, посвященныхъ именно мѣстнымъ изученіямъ. Не входя въ подробности этой литературы, укажемъ нѣкоторые факты. Однимъ изъ первыхъ дѣятелей этой мѣстной литературы былъ извѣстный Петръ Ивановичъ Рычковъ (1712 — 1777). Сынъ купца, водившаго дѣла съ иноземцами, Рычковъ не проходилъ никакой правильной школы, но владѣя хорошо нѣмецкимъ языкомъ (которому отецъ хотѣлъ выучить его для торговыхъ дѣлъ), нашелъ службу сначала въ купеческой конторѣ одного иностранца, а вскорѣ и казенное мѣсто бухгалтера въ таможнѣ. Въ этой же должности онъ отправился въ 1734 г. на службу въ «оренбургскую экспедицію», которою начальствовалъ названный нами раньше Кириловъ, а за нимъ Татищевъ, извѣстный историкъ. Оба начальника были просвѣщенные люди, проникнуты великой ревностью къ изученію отечества, и подъ ихъ вліяніемъ Рычковъ усердно занялся изслѣдованіемъ края, въ которомъ проходила его служебная дѣятельность. Онъ дослужился до чиновъ и деревень, былъ членомъ-корреспондентомъ академіи наукъ и дѣятельнымъ писателемъ по исторіи оренбургскаго края, и по различнымъ вопросамъ торговой и хозяйственной практики. Много его сочиненій помѣщено было въ «Сочиненіяхъ и переводахъ, къ пользѣ и увеселенію служащихъ», Миллера, съ которымъ онъ велъ дѣятельную переписку, въ «Трудахъ» тогда только-что основаннаго Вольнаго экономическаго общества, отъ котораго получалъ медали; было наконецъ и нѣсколько отдѣльныхъ изданій. Труды его обратили на себя вниманіе и въ нѣмецкой литературѣ, въ которой былъ въ тѣ годы вообще большой интересъ къ Россіи [1]).

[1]) „Исторія оренбургская“ помѣщена была въ „Сочиненіяхъ и переводахъ“, изд. Миллера, 1759; „Топографія оренбургская, то есть обстоятельное описаніе оренбургской губерніи“, 2 ч. Спб. 1762 (нѣмецкіе переводы: пастора Газе въ Бюшинговомъ „Магазинѣ“, V, 1771, и Родде, Рига 1772); „Опытъ казанской исторіи древнихъ и среднихъ временъ“, Спб., 1767 (нѣм. переводъ, Рига, 1772); „Введеніе къ астраханской топографіи“ и пр. (книга слабая), М. 1774. Наконецъ, онъ составилъ записки объ осадѣ Оренбурга Пугачевымъ, и оренбургскій „Топографическій лексиконъ“,—послѣдній затерялся. Біографія въ книгѣ Пекарскаго: Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. Спб. 1867.

Труды Рычкова имѣютъ свои немалые недостатки, и именно недостатокъ критическаго отношенія къ источникамъ, свидѣтельствующій объ отсутствіи правильной подготовки; но они важны по обилію свѣденій—самъ Палласъ началъ-было переводъ «Оренбургской топографіи». Мѣстная исторія была, по его мнѣнію, необходима: «общая исторія всей Россіи, — говоритъ онъ, въ предисловіи къ своей «Казанской исторіи»,—чтобъ быть ей полною и совершенною, по великости имперіи и по множеству ея провинцій, изъ которыхъ въ древнія времена во многихъ бывали особенныя царства и княженія, необходимо требуетъ особенныхъ описаній»... Сынъ Рычкова, Николай, также работалъ въ этой описательной литературѣ. Записанный въ полкъ мальчикомъ, онъ 21 года уже вышелъ въ отставку съ чиномъ капитана, въ 1767 г., и въ томъ же году опредѣленъ «въ команду г. профессора Палласа», т.-е. въ составъ его ученой экспедиціи. Рычковъ-младшій не имѣлъ настоящей подготовки, но добросовѣстный и усердный работникъ онъ собралъ много полезныхъ свѣденій по исторіи и этнографіи сѣверо-восточнаго края Россіи, а позднѣе о киргизъ-кайсацкихъ степяхъ [1]).

Еще болѣе, чѣмъ Рычковъ-старшій, были самоучками два усердные труженика по мѣстной исторіи архангельскаго края— Крестининъ и Ѳоминъ. Вас. Вас. Крестининъ (1728—1795), «архангелогорскій гражданинъ», не прошелъ, повидимому, правильной школы, но представляетъ тѣмъ болѣе любопытный примѣръ серьезной любознательности и упорнаго труда, положеннаго имъ на изученіе своей родины. Его отецъ изъ бѣдныхъ сиротъ холмогорскаго посада вышелъ въ первостатейные купцы и занималъ важныя посадскія должности въ Архангельскѣ (напр., былъ бургомистромъ), но потомъ потерялъ состояніе и Крестининъ-сынъ не былъ богатъ и жилъ собственными трудами. Онъ также занималъ разныя посадскія должности, бывалъ посадскимъ старшиной, архиваріусомъ въ магистратѣ, мѣщанскимъ писаремъ; впослѣдствіи, за свои службы по выборамъ онъ получилъ званіе «степеннаго гражданина». Можно замѣтить, что онъ зналъ по-нѣмецки и по-латыни. Среди провинціальнаго захолустья и невѣжества собрался въ Архангельскѣ въ 1760-хъ годахъ не-

[1]) „Журналъ или дневныя записки путешествія капитана Николая Рычкова по разнымъ провинціямъ россійскаго государства 1769 и 1770 году" и „Продолженіе Журнала", Спб. 1770—1772; „Дневныя записки путешествія кап. Ник. Рычкова въ киргизъ-кайсацкой степи 1771 году". Спб. 1772. Нѣмецкій переводъ всѣхъ записокъ, Рига, 1774.—Объ авторѣ ихъ въ той же книгѣ Пекарскаго, стр. 114, 125 и слѣд.

большой кружокъ людей, на которыхъ отозвалось просвѣтительное вліяніе времени. Душою этого кружка былъ Крестининъ, къ которому присоединился молодой купецъ Александръ Ѳоминъ и еще два-три человѣка, между прочимъ, прокуроръ Нарышкинъ. Они возъимѣли мысль завести нѣчто въ родѣ историческаго общества для изученія своего края; но обстоятельства мало благопріятствовали ихъ работѣ: захолустное невѣжество всегда съ недовѣріемъ и недоброжелательствомъ смотритъ на такія попытки умственнаго труда; любители исторіи, какъ говорятъ, прослыли вольнодумцами и даже «фармазонами». Въ 1768 эти любители старины просили себѣ разрѣшенія пересмотрѣть мѣстные архивы, но получили отказъ, а въ 1770-хъ годахъ архивъ губернской канцеляріи, гдѣ было безъ сомнѣнія много важныхъ остатковъ старины, сгорѣлъ. Между тѣмъ общество распалось, но Крестининъ продолжалъ трудиться; великой нравственной поддержкой послужило ему знакомство съ Лепехинымъ и Озерецковскимъ, которые заѣхали въ архангельскій край въ 1771 году. Ученые путешественники получили отъ Крестинина много важныхъ указаній и, благодаря имъ, онъ впослѣдствіи сдѣланъ былъ корреспондентомъ академіи наукъ.—Ревностнымъ поискамъ Крестинина удалось собрать много важнаго историческаго матеріала, не только по исторіи края, но и по далекой русской древности. Такъ, онъ доставилъ для «Древней Россійской Вивліоѳики» Новикова цѣлый рядъ замѣчательныхъ памятниковъ, извлеченныхъ имъ изъ старой Кормчей, какъ, напр., Уставъ князя Владиміра о церковныхъ судахъ и о десятинахъ, дополненіе къ нему Вел. Кн. Ярослава Владиміровича и новый важный текстъ Русской Правды. Впослѣдствіи, въ IV посмертномъ томѣ путешествія Лепехина напечатано было Озерецковскимъ нѣсколько двинскихъ грамотъ съ объясненіями Крестинина, другія работы помѣщалъ онъ въ академическихъ изданіяхъ, какъ «Новыя ежемѣсячныя сочиненія» и мѣсяцесловы. Наконецъ, Крестининъ издалъ нѣсколько отдѣльныхъ сочиненій по исторіи двинского края [1]).

Упомянутый А. И. Ѳоминъ, въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка публичный нотаріусъ въ Архангельскѣ, составилъ описаніе Бѣла

[1]) „Историческіе начатки о двинскомъ народѣ древнихъ, среднихъ, новыхъ и новѣйшихъ временъ“, ч. I (доведено до конца XVII вѣка). Спб. 1784; „Историческій опытъ о сельскомъ старинномъ домостроительствѣ двинскаго народа въ сѣверѣ“, Спб. 1785; „Начертаніе исторіи города Холмогоръ, съ двумя таблицами, издано академикомъ Озерецковскимъ, Спб. 1790; „Краткая исторія о городѣ Архангельскомъ“, Спб. 1792.

моря, былъ также корреспондентомъ академіи наукъ и членомъ Вольнаго Экономическаго Общества [1]).

Для мѣстныхъ описаній Россіи много работалъ плодовитый собиратель Вас. Григ. Рубанъ (1739—1795). Онъ учился въ кіевской, потомъ въ московской славяно-латинской академіи и московскомъ университетѣ, издавалъ нѣсколько журналовъ и много писалъ по исторіи и статистикѣ Малороссіи; въ своихъ «Любопытныхъ мѣсяцесловахъ» (съ 1776) онъ помѣстилъ много матеріаловъ для мѣстной исторіи (росписи губерній или намѣстничествъ, съ показаніемъ числа провинцій и городовъ; описанія епархій и т. п.); издалъ описанія Петербурга и Москвы и т. д. [2]). Въ Малороссіи, присоединеніе которой не было еще слишкомъ давнимъ фактомъ, мѣстный интересъ подобныхъ изученій связывается еще съ воспоминаніями о недавней исторической особности, съ чувствомъ особности этнографической, и мѣстная исторія вызвала рядъ отчасти замѣчательныхъ работъ, которыя, впрочемъ, въ то время обращались больше въ рукописяхъ и изданы были уже къ нашему времени. Такова, напр., замѣчательная книга Шафонскаго, изданная уже въ наше время [3]): это—по-истинѣ драгоцѣнный матеріалъ для изученія южной Россіи, своей мыслью и исполненіемъ не уступающій лучшимъ работамъ новѣйшихъ статистиковъ народнаго быта. Таковы были историческіе труды Ханенка, Симоновскаго, Ригельмана и др. Изданы были еще въ прошломъ столѣтіи «Записки о Малороссіи, ея жителяхъ и произведеніяхъ», Якова Маркевича (ч. I, Спб. 1798). — Упомянемъ еще отдѣльные географическіе труды Засѣцкаго, московскаго профессора Дильтея, Миллера, Павла Сумарокова и др. [4]).

---

[1]) Описаніе Бѣлаго моря съ его берегами и островами вообще, и пр. Спб. 1797. Біографическія свѣденія о Крестининѣ и Ѳоминѣ см. въ журналахъ: „Маякъ“ 1844, № 10, стр. 54, и „Финскій Вѣстникъ“, 1845, т. VI, стр. 195; далѣе „Архангельскія Губ. Вѣдомости“, 1858, № 43, ст. Гр. Зарнаскаго, и 1871, № 58—73, въ статьяхъ П. Е. (Ефименко): „Что сдѣлано для исторіи крайняго сѣвера и что слѣдуетъ сдѣлать“, о Крестининѣ и Ѳоминѣ въ № 60—62.

[2]) Землеописаніе Малыя Россіи, Спб. 1777; Историческое, географическое и топографическое описаніе Санктпетербурга, въ 1703 по 1751 годъ, сочин. Андрея Богданова, дополнено и издано В. Рубаномъ, Спб. 1779; Описаніе императорскаго столичнаго города Москвы, Спб. 1782; Всеобщій и совершенный гонецъ и путеуказатель, или полный повсемѣстный россійскій и повсюдный европейскій дорожникъ, 2 части, Спб. 1791.—О Рубанѣ, см. Филарета, Обзоръ дух. литературы, кн. 2, изд. 2-е. Черниговъ, 1863, стр. 126—128; Ист. Росс. Акад. I, стр. 304—308.

[3]) Черниговскаго намѣстничества топографическое описаніе съ краткимъ географическимъ и историческимъ описаніемъ Малыя Россіи, сочиненное Аѳанасіемъ Шафонскимъ, въ Черниговѣ, 1786 года. Кіевъ, 1851.

[4]) Историческія и топографическія извѣстія по древности о Россіи, и частно о

Наконецъ, большая масса описательныхъ, географическихъ и историческихъ работъ помѣщалась въ «Мѣсяцесловахъ», издававшихся академіей наукъ. Эти статьи были потомъ соединены въ особомъ сборникѣ, составляющемъ весьма цѣнный историко-географическій матеріалъ [1]).

Вся эта литература описаній Россіи, отмѣченная здѣсь только въ самыхъ общихъ чертахъ, составляетъ именно произведеніе реформы и «петербургскаго періода», и кажется, не требуетъ особенныхъ объясненій то, какое значеніе принадлежитъ ей въ вопросѣ развитія нашего національнаго сознанія. Русскому народу привелось, еще въ незаконченномъ ростѣ самаго государства, раскинуться на такія громадныя пространства, что вопросъ этого національнаго сознанія получалъ у насъ особенную черту, незнакомую другимъ народамъ. Нѣмцу, французу, англичанину старыхъ временъ не очень трудно было освоиться со всѣми краями своего отечества, составить понятіе объ его цѣломъ и варіаціяхъ страны и населенія. У насъ было не то. Не только въ старое, но и въ наше время только очень рѣдкимъ людямъ удавалось своими глазами видѣть разные концы государства, населенные и русскими, и не-русскими, совершенно непохожіе одинъ на другой по всѣмъ условіямъ почвы, климата и быта: отдѣльныя части государства разъединялись громадными пространствами, трудностью сообщеній, разъединялись наконецъ національностью и языкомъ, религіей, всей прежней исторіей,— но съ этимъ разъединялось конечно и сознаніе. Мѣстныя населенія жили особнякомъ, чуждыми другъ другу, а вмѣстѣ чуждыми тѣмъ умственнымъ и нравственнымъ возбужденіямъ, которыя проистекаютъ изъ болѣе тѣснаго общенія. Правда, были сильные элементы объединенія: безграничный авторитетъ власти, централизація управленія, одна вѣра и языкъ огромнаго господствующаго большинства; но при недостаткѣ общественно-бытового

городѣ Вологдѣ и его уѣздѣ, и о состояніи онаго по нынѣ, собралъ Алексѣй Засѣцкій, М. 1780. Собраніе нужныхъ вещей для сочиненія новой географіи о россійской имперіи, часть 1-я: О тульскомъ намѣстничествѣ, соч. Филиппа Дильтея; на россійскомъ и французскомъ языкахъ, Спб. 1781. Описаніе живущихъ въ казанской губерніи языческихъ народовъ, соч. Герарда Миллера, Спб. 1791. Путешествіе по всему Криму и Бессарабіи въ 1799 году, соч. Павла Сумарокова, М. 1800. О географическихъ работахъ Дильтея, см. въ „Біографическомъ словарѣ моск. профессоровъ“, т. I, стр. 309—310.

[1]) Собраніе сочиненій, выбранныхъ изъ мѣсяцеслововъ на разные годы, издано академіею наукъ. 10 частей, Спб. 1785—1793. — Объ этой литературѣ мѣстныхъ описаній см. еще въ книгѣ г. В. Семевскаго: Крестьяне въ царствованіе имп. Екат. II, Спб. 1881, стр. XLV.

соединенія и взаимодѣйствія національная жизнь самого большинства оставалась въ какомъ-то безсознательномъ туманѣ подъ властью инстинктивныхъ побужденій преданія и случайностей. Если въ смыслѣ чисто административномъ отдѣльные края Россіи становились въ старину настоящими сатрапіями подъ самовольнымъ и грабительскимъ правленіемъ воеводъ, отъ которыхъ жители — «сироты» бѣгали съ своими «животишками и дѣтишками», или на которыхъ они слезно (и всего чаще безплодно) жаловались въ Москву, то подобный разбродъ и стихійность, конечно, должны были отражаться и въ умственной жизни народа, въ стихійномъ складѣ народнаго сознанія. Тѣ живыя силы, какія не могли отсутствовать въ народѣ, силы ума, таланта, любознательности, пропадали отъ недостатка школы и отъ недостатка общенія: имъ не на чемъ было развиваться, внѣ общенія горизонтъ съуживался. Въ то время какъ въ европейской литературѣ совершались уже великія пріобрѣтенія научнаго знанія, у насъ не было ни признаковъ научныхъ понятій о природѣ, ни географическаго знанія своей страны, ни сознательнаго пониманія своей исторіи. Петровская реформа не измѣнила внутренняго политическаго положенія, но она внесла великую двигательную силу народной жизни — научное знаніе. Только съ этимъ положено было прочное основаніе истиннаго національнаго сознанія,—такого, которое истекаетъ не изъ одного инстинкта, но изъ болѣе или менѣе точнаго представленія о дѣйствительности народной жизни, ея условіяхъ, ея внѣшнемъ и внутреннемъ складѣ, которое указываетъ народу возвышенныя цѣли просвѣщенія и вызываетъ къ жизни умственныя силы и поэтическое творчество народа. Мы привели слова знаменитаго европейскаго ученаго, который въ нашихъ старыхъ путешествіяхъ XVIII вѣка видѣлъ не только великое обогащеніе науки, но знаменательный фактъ національнаго самосознанія. Дѣйствительно, эти работы первыхъ русскихъ изслѣдователей были дѣломъ никогда ранѣе небывалымъ: они заключали въ себѣ начало новыхъ внутреннихъ отношеній общества и народа, освѣщенныхъ научнымъ знаніемъ и сознательной общественной мыслью. Вотъ еще слова историка русской науки прошлаго вѣка, въ которыхъ указывается великое значеніе трудовъ нашихъ ученыхъ какъ для чистой науки, такъ и для прямыхъ потребностей русскаго общества. То поколѣніе русскихъ ученыхъ,—говоритъ онъ, — которое дѣйствовало во второй половинѣ прошлаго столѣтія, образовывалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ Ломоносова и про-

должало преданія его дѣятельности; черезъ это посредство оно продолжало преданіе Петровской реформы.

«Румовскій, Котельниковъ, Протасовъ, получили свое научное образованіе подъ руководствомъ Ломоносова; Лепехинъ и Иноходцовъ были учениками Румовскаго и Котельникова; Озерецковскій, Соколовъ, Севергинъ образовались подъ благотворнымъ вліяніемъ Лепехина, и т. д. Названныя нами поколѣнія русскихъ ученыхъ, отъ Ломоносова до Севергина, связаны между собою основными началами своей научной дѣятельности и литературнымъ преданіемъ, вытекавшимъ изъ жизненныхъ условій времени и историческаго хода русской образованности.

«Всѣ эти ученые принадлежали, подобно Ломоносову, къ математикамъ и натуралистамъ, и, также подобно ему, расширяли кругъ своей дѣятельности, перенося ее въ область чисто литературную. Такое же явленіе замѣчается и у другихъ народовъ, будучи естественнымъ слѣдствіемъ тогдашняго состоянія наукъ и образованности въ Европѣ. Заслуги нашихъ ученыхъ признавались и признаются какъ современными имъ свѣтилами науки, такъ и позднѣйшими судьями (отзывы Палласа, Леонарда Эйлера)...

«Русскимъ ученымъ восемнадцатаго столѣтія приходилось, подобно Ломоносову, прокладывать путь къ водворенію у насъ науки и защищать права ея въ борьбѣ съ невѣжествомъ, равнодушіемъ и предразсудками. Сама жизнь заставляла Ломоносова такъ часто и такъ горячо доказывать, что наука не враждебна религіи; что изученіе законовъ природы не умаляетъ, а возвышаетъ религіозное чувство, и что великій грѣхъ возставать на науку и задерживать ея свободное развитіе. Одинъ изъ учениковъ Ломоносова, Протасовъ, подробно объяснялъ значеніе слова «природы» съ цѣлью опровергнуть обвиненіе, взводимое на науку, что будто бы она приписываетъ природѣ и ея законамъ ту силу и то всемогущество, которыя неотъемлемо и нераздѣльно принадлежатъ божеству. Подобная же мысль проглядываетъ и въ доказательствахъ важности и значенія той или другой науки, приводимыхъ ея представителями...

«Вторая половина восемнадцатаго столѣтія ознаменована пробужденіемъ въ русскомъ обществѣ самосознанія. Въ литературѣ оно выразилось въ дѣятельности Новикова—въ содержаніи и направленіи его журналовъ, въ изданіи памятниковъ исторической жизни русскаго народа, и т. д. То же стремленіе къ самопознанію обнаруживается и въ ученыхъ путешествіяхъ по Россіи, предпринятыхъ съ цѣлью ознакомиться съ естественными и бытовыми особенностями Россіи. Еще Ломоносовъ доказывалъ необходимость путешествія по Россіи для опредѣленія географическаго положенія мѣстъ, для производства метеорологическихъ наблюденій, вмѣстѣ съ тѣмъ для собиранія лѣтописей, и т. п. Такъ же широко задуманы и достойнымъ образомъ исполнены путешествія по Россіи, совершенныя Лепехинымъ, Иноходцевымъ, Озерецковскимъ, Соколовымъ, обогатившія науку новыми данными и положившими твердое начало всестороннему изученію Россіи.

«Русскіе академики, отъ Ломоносова до Севергина, трудились для водворенія знаній въ Россіи, для поднятія умственнаго уровня русскаго общества и для народнаго образованія. Съ этими цѣлями они составляли учебники и руководства на русскомъ языкѣ, читали публичныя лекціи, помѣщали научныя, общедоступныя, статьи въ повременныя изданія, и т. д. Членамъ академіи наукъ и россійской академіи принадлежитъ честь созданія и усовершенствованія русской научной терминологіи. Благодаря ихъ усиліямъ, наука впер-

вые заговорила у насъ на родномъ языкѣ—событіе въ высшей степени важное не только въ исторіи русскаго литературнаго языка, но и въ исторіи русской образованности вообще. Въ литературѣ всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ считается эпохою введеніе родного языка въ область науки, и высоко цѣнятся заслуги лицъ, которыя, подобно Вольфу въ Германіи, начали писать о научныхъ предметахъ на отечественномъ языкѣ.

Трудясь для науки и просвѣщенія, наши ученые, отъ Ломоносова до Севергина, отзывались на требованія общественныя, и не мало содѣйствовали внесенію въ общество просвѣтительныхъ началъ. То, что написано Озерецковскимъ по поводу университетовъ и цензуры, проникнуто такимъ уваженіемъ къ правамъ разума и къ свободѣ изслѣдованія, такимъ сочувствіемъ къ наукѣ и литературѣ, что должно быть по всей справедливости отнесено къ лучшимъ произведеніямъ тогдашней, не только русской, но и вообще европейской, публицистики» [1]).

Такимъ образомъ, научное изслѣдованіе Россіи шло рядомъ и въ одномъ духѣ съ лучшими стремленіями литературы. Общественная мысль все болѣе останавливается на положеніи народа, на характерѣ его понятій, на степени его образованія или невѣжества, на его матеріальныхъ и умственныхъ правахъ и потребностяхъ. Въ 1760-хъ годахъ возникала мысль объ освобожденіи крестьянъ. Въ 1780-хъ годахъ, когда правительство еще не было напугано французской революціей и сохраняло прежнія просвѣтительныя намѣренія, предпринятъ былъ замѣчательный планъ народнаго образованія и основаніе «народныхъ училищъ», для которыхъ издана была извѣстная книжка: «О должностяхъ человѣка и гражданина». Указателемъ того, къ чему приходила общественная мысль, служитъ книга Радищева, которая любопытнымъ образомъ приняла тогда форму такихъ же «дневныхъ записокъ», какъ путешествія нашихъ ученыхъ.

Тотъ же общій характеръ, какой имѣли труды нашихъ ученыхъ въ области естествознанія и описанія Россіи, гдѣ даже натуралистъ становился этнографомъ и затрогивалъ жизненные вопросы быта, повторяется и въ развитіи нашей исторической науки. Здѣсь совершался тотъ же процессъ общественнаго самосознанія.

Нѣтъ надобности входить здѣсь въ подробности развитія нашей исторіографіи съ ея спеціальной технической стороны: какъ возникали первыя научныя работы по русской исторіи, какъ собирались ея памятники, возникала и совершенствовалась историческая критика, расширялся объемъ предметовъ изслѣдо-

[1]) Исторія Росс. Академіи, IV, стр. 2—5.

ванія, дѣлались первые опыты ея систематическаго построенія и расчлененія и т. д. Обо всемъ этомъ есть довольно свѣденій въ нашей исторической литературѣ [1]). Развитіе нашей научной исторіографіи само по себѣ составляетъ знаменательный фактъ въ судьбѣ нашей образованности: съ этимъ получалась первая возможность сознательнаго пониманія прошедшаго, которое до тѣхъ поръ было доступно только чрезъ посредство компилятивнаго набора свѣденій, или сырого, полузабытаго, полупонимаемаго преданія. Исторіографія прошлаго вѣка успѣла сдѣлать, говоря безотносительно, не очень много. Занятая въ особенности вопросами о началѣ государства, первымъ сборомъ матеріаловъ и ихъ первоначальнымъ разборомъ, она не оставила цѣльнаго труда, не успѣла даже намѣтить цѣльнаго плана: Карамзину пришлось быть первымъ строителемъ русской исторіи. Тѣмъ не менѣе историки прошлаго вѣка имѣютъ великую заслугу: какъ названные выше ученые изслѣдователи и путешественники впервые приводили въ извѣстность и сознаніе общества самую территорію отечества, ея природу, разнообразныя формы народнаго быта и труда, такъ историки впервые собирали забытые, полупонимаемые памятники старины, давали имъ научное объясненіе, пытались внести связь въ disjecta membra историческаго преданія, собрать ихъ въ цѣлое и понять ихъ историческій смыслъ. Тѣ и другіе одинаково старались на мѣсто грубаго и неполнаго эмпиризма поставить точное знаніе, отдать себѣ отчетъ въ прошлыхъ и настоящихъ фактахъ народной жизни, уразумѣть ея нужды и найти средства къ ихъ удовлетворенію. Словомъ, это былъ умственный переворотъ, логически да и фактически слѣдовавшій изъ реформы,—потому что первые начатки историческаго знанія, какъ и описаній Россіи, восходятъ ко временамъ Петра, къ трудамъ его собственнымъ и его непосредственныхъ выучениковъ. Итакъ, не касаясь развитія собственно технической стороны исторіографіи прошлаго вѣка и занимавшихъ ее част-

[1]) См. очеркъ литературы русской исторіи до Карамзина, А. Старчевскаго, Спб. 1845; Общія понятія о хронографахъ вообще и описаніе нѣкоторыхъ списковъ ихъ, хранящихся въ библіотекѣ спб. и моск., Н. Иванова, Казань, 1843; Н. М. Карамзинъ. Матеріалы для біографіи, М. Погодина, 2 т., М. 1866; „Современное состояніе русской исторіи какъ науки“ (Моск. Обозр., 1859, кн. I, въ началѣ статьи); отдѣльныя изслѣдованія о нѣмецкихъ и русскихъ историкахъ прошлаго вѣка, напр. Соловьева—о Миллерѣ, Шлецерѣ, Болтинѣ и др.; Нила Попова—о Татищевѣ; А. Н. Попова—о Шлецерѣ; Бестужева-Рюмина—о Татищевѣ и Шлецерѣ; Сухомлинова—о Болтинѣ; Незеленова—объ историческихъ трудахъ и изданіяхъ Новикова; Добролюбова—о „Собесѣдникѣ“ и историческихъ трудахъ имп. Екатерины II, и т. д.

ныхъ вопросовъ, остановимся на томъ общемъ настроеніи, въ какомъ совершались работы историковъ прошлаго столѣтія, и гдѣ мы опять встрѣтимся съ самыми непосредственными вліяніями западной науки и ихъ отраженіемъ въ русскихъ умахъ. Ограничимся лишь немногими примѣрами.

Намъ прожужжали уши толками о петербургскомъ періодѣ, оторвавшемъ русскихъ образованныхъ людей отъ народа. Можно положительно сказать, что живучесть этихъ толковъ да и самое ихъ начало въ большой мѣрѣ идутъ отъ незнакомства съ дѣйствительнымъ характеромъ научнаго движенія XVIII вѣка. Конечно, отрывался отъ народа небольшой слой богатыхъ тунеядцевъ, которые въ XVIII вѣкѣ перенимали нѣмецкія и французскія моды, какъ ихъ предки въ XVII вѣкѣ перенимали моды польскія, а въ XVI даже и татарскія. Но если всмотрѣться въ факты дѣйствительнаго вліянія западной науки въ лучшихъ умахъ прошлаго столѣтія, то насъ не могутъ не поражать двѣ вещи: во-первыхъ, что дѣйствительное вліяніе западной науки тотчасъ обращается въ разумное примѣненіе къ русской жизни и содержанію, и во-вторыхъ, что люди, наиболѣе серьезно принимавшіе это вліяніе и работавшіе въ его смыслѣ, оставались однако такими русскими людьми, какихъ только можно желать. Таковъ былъ Ломоносовъ, сильнѣйшій изъ всѣхъ русскихъ ученыхъ прошлаго вѣка; таковы были ученые, совершившіе столько важныхъ трудовъ для изученія Россіи; въ исторической литературѣ таковы были два замѣчательнѣйшіе писателя прошлаго вѣка на этомъ поприщѣ, Татищевъ и Болтинъ. Мы увидимъ дальше, какъ ревностно тотъ и другой старались усвоить себѣ замѣчательнѣйшіе труды европейской науки въ области исторіи и ея философскаго толкованія, какъ любили они опираться на эти западные авторитеты, и какъ много на дѣлѣ брали у нихъ готовыхъ мыслей и объясненій; но это не помѣшало имъ съ одной стороны быть отличными знатоками русской жизни, въ ея разнообразнѣйшихъ сторонахъ, и съ другой—сохранить всѣ тѣ черты ума, какія считаются особенностями русскаго ума, и оставаться ревностными приверженцами своего русскаго. Общій характеръ ихъ научнаго взгляда былъ тотъ же, какой мы отмѣчали у ихъ ученыхъ современниковъ: и тотъ, и другой—раціоналисты, какъ истыя дѣти прошлаго вѣка; у обоихъ ревностная забота воспользоваться указаніями западной науки для русскаго просвѣщенія и народной пользы.

Біографія Вас. Никитича Татищева (1686 — 1750) была

очень подробно разработана нашими историками [1]). Довольно сказать, что онъ получилъ образованіе въ Петровской школѣ; это образованіе было научно-практическое, такъ что интересъ къ описанію Россіи и изученію ея исторіи, наполнившій его литературную дѣятельность, былъ развитъ въ немъ не самой школой, а именно духомъ времени, возбуждавшимъ въ серьезныхъ умахъ широкую и пытливую любознательность. Служба заводила его въ разные края Россіи, въ разныя отрасли управленія, и наблюдательность дала ему большой опытъ и практическое знаніе жизни. Пріятельство съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ и другими учеными людьми, вѣроятно, помогло ему освоиться въ историко-философской литературѣ. Извѣстно съ какой ревностью онъ сталъ заниматься русской исторіей, собиралъ гдѣ только могъ историческіе памятники, лѣтописи и т. п. Его трудъ былъ собственно не исторія, а лѣтописный сводъ, но этотъ сводъ уже совсѣмъ не былъ похожъ на произвольныя, старыя, компиляціи. Сопоставляя лѣтописныя извѣстія, Татищевъ постоянно сопровождаетъ ихъ внимательнымъ критическимъ разборомъ, опредѣляетъ большую или меньшую ихъ вѣроподобность и останавливается на томъ, какое, по его мнѣнію, наиболѣе отвѣчаетъ условіямъ времени. Татищевъ старается возстановить фактъ съ его дѣйствительнымъ смысломъ, понять его происхожденіе и послѣдствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ,—и это въ особенности интересно,—онъ старается опредѣлить себѣ самый характеръ времени, политическія и общественныя формы государства и ихъ различное вліяніе.

Это былъ не только пріемъ первоначальной критики, но уже высшій, такъ сказать, философскій взглядъ на исторію. Откуда онъ взялся у Татищева? Конечно, онъ не вынесъ этого взгляда изъ своей артиллерійской и инженерной школы и пріобрѣлъ его изъ чтенія въ кругу образованнѣйшихъ людей той эпохи, подъ вліяніемъ того умственнаго толчка, который былъ данъ реформой.—Петровской реформѣ любятъ приписывать тѣсную утилитарность, спеціально казенныя цѣли, клонившіяся прежде всего, или исключительно, къ усиленію государственнаго авторитета. Для полной точности слѣдуетъ только прибавить, что утилитарные разсчеты Петра распространялись и на умы его подданныхъ, которые онъ старался развивать и обогащать при помощи той же европейской науки, какая должна была улучшать рус-

[1]) Нилъ Поповъ, В. Н. Татищевъ и его время, М. 1861; Пекарскій, Новыя извѣстія о Татищевѣ, Спб. 1864, и его же книга о Рычковѣ, Спб. 1867; В. Н. Татищевъ, администраторъ и историкъ начала XVIII вѣка, въ „Біографіяхъ и характеристикахъ“, Бестужева-Рюмина, Спб. 1882 (стр. 1—175).

скую артиллерію и фортификацію, русское морское дѣло и т. д. Петръ Великій, безъ сомнѣнія, долженъ былъ предвидѣть, что со временемъ наука сообщитъ русскимъ умамъ и извѣстную самостоятельность. Въ заботѣ о государственныхъ пользахъ Петръ прилагалъ большія старанія къ тому, чтобы русскимъ былъ понятенъ смыслъ его дѣла, старался развивать ихъ политическія понятія, употреблялъ для этого и оффиціальныя объявленія, «вѣдомости» и «реляціи» о государственныхъ событіяхъ, и газету, и народные праздники, и церковную проповѣдь, наконецъ литературу по его иниціативѣ, и даже при его личномъ участіи и трудѣ, впервые стали печататься книги о политической исторіи, о государственномъ управленіи,—появляется въ русской одеждѣ Самуилъ Пуффендорфій съ его «Введеніемъ» и книгой «О должностяхъ человѣка и гражданина»; является «Ѳеатропъ или позоръ историческій», Стратемана и т. п. Въ связи съ этимъ, въ рукописяхъ того времени является цѣлый рядъ переводовъ изъ политической и философской литературы того времени, гдѣ мы встрѣчаемся съ неслыханными дотолѣ на русскомъ языкѣ именами знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ и философовъ: такъ мы находимъ здѣсь знаменитую книгу Гуго Гроція — «О законахъ брани и мира»; того же Пуффендорфа — «О законахъ естества и народовъ»; Бесселя — «Политическаго счастія Ковачъ»; Юста Липсія — «Увѣщаніе и приклады политическіе»; другія «Увѣщанія политическія» Гвиччардини (подъ именемъ господина Гвикцеардина); разные «Дискурсы политичные» и т. п.; являются въ печати и въ рукописяхъ переводы книгъ Аполлодора, Квинта Курція, Тита-Ливія, Баронія, Мавро Урбина, Іоанна Слейдана и т. д. [1]). Эта литература Юстовъ Липсіевъ, Пуффендорфовъ, Гвиччардини и проч.; печатные переводы Петровскаго времени; цитаты тогдашнихъ писателей — даютъ понятіе о литературныхъ интересахъ образованныхъ людей той эпохи и между прочимъ объ интересахъ Татищева.

«Исторія Россійская» Татищева имѣетъ необычную для нашего времени форму. Это текстъ изъ сухого лѣтописнаго свода, представляющаго матеріалъ и многочисленныя примѣчанія, въ которыхъ заключается критическая и объяснительная работа автора. Эти примѣчанія останавливаютъ на себѣ вниманіе двумя чертами: во-первыхъ, обиліемъ указаній на иностранную лите-

---

[1]) Изъ такихъ книгъ составлена была старинная библіотека, находящаяся нынѣ въ Толстовскомъ собраніи Публичной Библіотеки, и принадлежавшая князю Д. М. Голицыну, одному изъ „верховниковъ".

ратуру, которою авторъ пользовался; во-вторыхъ, массой разнаго рода историческихъ и практическихъ свѣденій, собранныхъ имъ самимъ и свидѣтельствующихъ объ его старательномъ изученіи Россіи. Въ книжкѣ Пекарскаго о Татищевѣ напечатанъ между прочимъ каталогъ его библіотеки, который даетъ понятіе о разнообразіи его любознательности; результаты его чтенія оказываются и въ его цитатахъ. Онъ знаетъ греческихъ и римскихъ классиковъ, средневѣковыхъ лѣтописцевъ (въ русскихъ переводахъ или по чужимъ указаніямъ); его справочными книгами были: Вальха — Лексиконъ философскій; Буддея — Лексиконъ историческій; Гейнсіуса или Мартиньера—Лексиконъ географическій, Лексиконъ святыхъ, Лексиконъ математическій; Іохера — Лексиконъ ученыхъ; наконецъ Лексиконъ критическій «Байлевъ» (т.-е. Бэйлевъ); наконецъ, общія руководства, какъ Фабріуса — Исторія міра; Себастіана Мюнстера—Космографія; Варенія—Генеральная географія (въ русскомъ переводѣ); Вольфа — Мнѣніе о естественныхъ приключеніяхъ; историческія книги де-Ту, Слейдана, Theatrum Europaeum; Имгофа — Залъ историческій, и проч. По русской и славянской древности онъ знаетъ книгу Фриша о глаголитѣ, Клюверія о скиѳахъ и сарматахъ, примѣчанія Бержерона къ путешествіямъ Плано-Карпини, Асцелина и Рубруквиса, переведенныя на русскій языкъ; онъ знаетъ путешествія по Россіи Олеарія, Страленберга, сочиненія Миллера, Рычкова; далѣе, всякія спеціальныя исторіи: древнегерманскую, цельтическую, сибирскую, калмыцкую и т. д. Въ предметахъ философско-политическихъ онъ ссылается на Пуффендорфа—О должностяхъ человѣка и гражданина; Локка — Правленіе гражданское; на книгу Маккіавеля (существовавшую въ русскомъ переводѣ), на «Гобезіевъ» Левіаѳанъ, на сочиненія Декарта, Ньютона, Галлея и т. д. Книги въ родѣ послѣднихъ Татищевъ читалъ, или по крайней мѣрѣ цитировалъ съ большой осторожностью; ихъ философское, натуралистическое, или историческое содержаніе нерѣдко очень не подходило, а иногда и совсѣмъ шло наперекоръ обычнымъ русскимъ понятіямъ; въ глазахъ тогдашнихъ охранителей Татищевъ, какъ человѣкъ, обращавшійся съ подобными вещами, и безъ того пріобрѣлъ репутацію вольнодумца или даже безбожника; поэтому, называя Маккіавеля или Гобезія, онъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что это писатели «вредительные», которыхъ нужно читать съ осторожностью, но самъ онъ, видимо, любилъ ихъ почитывать. Это можно замѣтить по складу его собственныхъ мнѣній.

Съ другой стороны, какъ мы сказали, Татищевъ былъ весьма

разностороннимъ, самостоятельнымъ наблюдателемъ. Для своей книги онъ успѣлъ собрать множество стараго рукописнаго матеріала, между прочимъ, такого, который исчезъ потомъ и сохранился теперь только въ его указаніяхъ и извлеченіяхъ, какъ напр. знаменитая Іоакимовская лѣтопись и разныя отдѣльныя лѣтописныя извѣстія. Въ то же время онъ собралъ множество бытовыхъ фактовъ современной ему жизни, такъ что по этому разнообразному практическому знанію Россіи съ нимъ какъ и съ Болтинымъ, пожалуй, не сравняются кабинетные исторіографы нашего времени. Такъ, — разсказываетъ его біографъ, — онъ роется въ архивахъ, покупаетъ рукописи на площадяхъ у разносчиковъ; читаетъ у кн. Д. М. Голицына письмо царя Михаила Ѳеодоровича къ Ѳедору Шереметьеву, у князя А. М. Черкасскаго два или три письма царя Алексѣя Михайловича къ И. Бор. Черкасскому; разъѣзжая по уральскимъ горамъ, бесѣдуетъ съ инородцами; спрашиваетъ поясненія слова: татаръ — у бухарцевъ; о томъ же спрашиваетъ Дондукъ-Даши, его абугелюнга; черезъ оренбургскаго ассесора Рычкова распрашиваетъ ученыхъ магометанъ о разныхъ наименованіяхъ заморскихъ народовъ, и тѣ доставляютъ ему письменные отвѣты; того же требуетъ отъ служившихъ при немъ восточныхъ переводчиковъ; переписывается о литовскихъ древностяхъ съ однимъ знатнымъ смоленскимъ шляхтичемъ; чуваши, черемисы толкуютъ ему свои собственныя имена; о томъ же распрашиваетъ онъ вогуличей черезъ переводчиковъ; говоритъ съ грузинскимъ царевичемъ Бакаромъ о книгахъ Меѳодія Патарскаго; донскіе казаки показываютъ ему различныя мѣстности, слывшія знаменитыми въ древности; кабардинскіе уздени передаютъ ему преданія кавказскихъ горцевъ; онъ самъ осматриваетъ развалины старыхъ городовъ на рѣкахъ Ахтубѣ, Волгѣ, Ингулу, Пронѣ, и посылаетъ съ тою же цѣлью офицеровъ и геодезистовъ; евреи ему показываютъ свои библіи въ сверткахъ; онъ дѣлаетъ наблюденія надъ солнечными затмѣніями, записываетъ себѣ на память годы, когда было сѣверное сіяніе, когда являлись метеоры, плодилась саранча, записываетъ различныя повѣрья и т. д. «Много бы можно было собрать подобныхъ подробностей и мелкихъ, иногда случайныхъ, чертъ изъ жизни Татищева; онъ весь — вниманіе и любопытство, онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ для пополненія запаса своихъ свѣденій» [1]). Подобныя черты личнаго и ученаго характера мы найдемъ далѣе у Болтина.

[1]) Н. Попова, „Татищевъ и его время", стр. 434—435.

Какъ сравнить съ этимъ и стариковъ новѣйшихъ, которые такъ часто прячутся отъ жизни, зарываясь въ кабинетахъ и архивахъ, и могутъ писать исторію Россіи, не полюбопытствовавъ видѣть Кіевъ или Волгу...

Вліяніе иноземной ученой литературы отразилось на самыхъ задачахъ, которыя ставилъ себѣ Татищевъ. Въ тогдашнемъ состояніи едва начинавшагося образованія, при новыхъ заботахъ, предстоявшихъ болѣе сложному государственному управленію, въ виду настоятельныхъ потребностей научнаго знанія, Татищевъ очень вѣрно и просто понялъ, что первые необходимѣйшіе труды должны быть направлены на «собираніе» русской географіи и исторіи. Это было непосредственное примѣненіе и продолженіе Петровскихъ идей; работы Татищева частію совпадали съ только-что начавшейся тогда дѣятельностью академіи наукъ, но частію и предшествовали ей. Онъ уже составляетъ замѣчательное «Предложеніе о сочиненіи исторіи и географіи россійской», которое было внесено въ академію и уже начало-было приносить свои результаты. Это была цѣлая обширная программа вопросовъ по предметамъ исторіи, географіи и народнаго быта, задача для цѣлыхъ экспедицій (какъ и дѣйствовали потомъ академическія экспедиціи), для труда цѣлыхъ поколѣній ученыхъ; вопросы не были голословны—имъ предшествовало объясненіе великой важности историческаго и географическаго знанія для цѣлей государства и для всякаго просвѣщеннаго человѣка; вопросы сопровождались объясненіемъ самаго способа собиранія свѣденій, напр., среди народа (что могло бы быть полезно и въ настоящее время); не были забыты вопросы о такихъ предметахъ, какіе составляютъ теперь заботу археологіи и этнографіи; было наконецъ и предостереженіе о томъ, чтобы не поддаваться ложнымъ показаніямъ или хвастовству. Обращеніе съ названными выше западными учеными энциклопедіями внушило Татищеву мысль составить подобный трудъ о Россіи: таковъ былъ его «Лексиконъ Россійскій, историческій, географическій, политическій и гражданскій; такова, наконецъ, была и его «Россійская Исторія».

Положеніе людей новаго образованія въ Петровскомъ и послѣ-Петровскомъ обществѣ было вовсе не легко. Общество первой половины прошлаго столѣтія, мнимо оторванное отъ старыхъ началъ, напротивъ, въ громадномъ большинствѣ, было такъ крѣпко привязано къ этимъ старымъ началамъ, что первые шаги научнаго изслѣдованія и простой любознательности были окружены чрезвычайной подозрительностью. Если, какъ мы упоминали,

Ломоносову и его ученикамъ приходилось защищать право и невредность науки, то въ началѣ столѣтія, когда начиналъ свои работы Татищевъ, эта защита была еще необходимѣе. Этому предмету посвященъ вновь открытый и чрезвычайно любопытный трудъ Татищева. Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ» [1]). Разговоръ даетъ чрезвычайно любопытныя черты тогдашняго умственнаго состоянія общества, той заботы, какая лежала на первыхъ приверженцахъ науки. Это была забота объ укрѣпленіи въ русской жизни той науки, въ которой они видѣли кровную потребность русскаго народа, необходимѣйшее условіе его благосостоянія, и которую надо было защищать отъ озлобленныхъ враговъ, ссылавшихся (какъ и донынѣ!) на мнимое преданіе и на мнимыя свойства этого же народа.

Знакомство съ философско-политическими произведеніями XVII и начала XVIII вѣка ярко отразилось на историческихъ взглядахъ Татищева, именно тамъ, гдѣ являлся поводъ къ раціоналистическому толкованію и къ скептицизму. «Бэиль», «Гобезій», Христіанъ Вакхъ и другіе подобные писатели внушили Татищеву большое недовѣріе ко всякому древнему баснословію и наводили на простыя реальныя толкованія событій; онъ остается, и считаетъ нужнымъ выставлять себя человѣкомъ религіознымъ, но не пропускаетъ случая возставать противъ суевѣрій, противъ своекорыстія и «выдумокъ» духовенства, какъ любили говорить объ этомъ тогдашніе писатели-раціоналисты. Разсужденія подобнаго рода имѣютъ у Татищева двоякую цѣль—не только объяснить старыя событія, но и подѣйствовать на современниковъ; изъ исторіи онъ выводитъ и нравоученіе. Вотъ, напр., одно изъ его разсужденій о суевѣріяхъ: «Ужасно и прискорбно было Нестору писать суевѣрствіе народа, неимущаго нимало ума и просвѣщенія, но разсудя по настоящему въ христіанахъ именующихся, что имѣя законъ божій и другими вольными науки умъ просвѣщенный, но меньше оныхъ суевѣрствуетъ. Я не почитаю то въ диво, когда слышу отъ людей къ знанію закона божія неприлежащихъ и о разсужденіяхъ невнимающихъ, а вкорененныя имъ суевѣрныя бабьи басни и безумныхъ наукъ толкованія за истину почитающихъ; но дивнѣе всего онаго, когда видимъ и слышимъ нѣкоторыхъ тѣхъ, которые особливо народомъ и властію избраны и учреждены на проповѣдь слова и закона божія къ наученію народа истинной вѣрѣ Христовѣ и благо-

---

[1]) Изложеніе въ „Біографіяхъ и характеристикахъ“, Бестужева-Рюмина, стр. 69—71, 99 и слѣд.

нравію, яко соль обуявшая ни сами хотятъ законъ божій разумѣть, ни народъ обучать, и еще того тягчѣе, когда слышимъ преданія и узаконенія человѣческія, и для своихъ лакомствъ вымышленное за сущее, яко спасенію нужное предаютъ». Въ другомъ примѣчаніи Татищевъ говоритъ: «Здѣсь Несторъ сказуетъ о нѣкоихъ волхвахъ, или обманщикахъ, съ пространствомъ, частью сумнительно, частію къ исторіи не касается, того ради я сократилъ, а въ концѣ обстоятельно положилъ. Сіе не дивно, что тогда народъ, не имѣющій довольнаго ума и просвѣщенія, такимъ безумнымъ баснямъ, или паче сущимъ вракамъ, вѣрилъ; но удивительнѣе видимъ нынѣ, сколько есть суевѣрныхъ, которые безумныхъ ханжей или пустосвятовъ разсказы и враки паче святаго писанія и ученія мудрыхъ людей почитаютъ, яко то именующіеся староверы, или паче сказать, пустовѣры, хрястовщина какой-то былъ безумный и мерзкій законъ, славный пустосвятъ и плутъ Андрюшка, и другіе, не говорю о подлыхъ, но знатныхъ женъ и мужей суевѣрныхъ, сколько въ безуміе привели, и къ своему богомерзкому сборищу пріобщили. Я сіе не пишу въ обличеніе и поношеніе впадшихъ въ такія мерзости; ибо они могли уже, или могутъ покаяться; но паче для тѣхъ, которые впредь таковыхъ ханжей услышатъ разсказы, чтобъ себя отъ вѣроятности остерегли, а паче прилежали умъ свой святымъ писаніемъ, въ немъ же мы вѣримъ животъ вѣчный пріобрѣсти, и вольными науки просвѣтить, и не токмо себя, но и другихъ, отъ таковыхъ паденій охранить» [1]).

Въ послѣднемъ разсужденіи Татищевъ опять направляетъ свое обличеніе суевѣрія не на однихъ старовѣровъ спеціально, но и вообще на людей стараго вѣка, охранявшихъ дѣдовскія суевѣрныя преданія, и такихъ людей было въ его время множество въ самомъ высшемъ и «образованномъ» классѣ.

Отраженіемъ чтенія европейскихъ писателей были у Татищева разсужденія о духовенствѣ, къ которымъ онъ возвращается многократно, приписывая духовенству съ самыхъ первыхъ поръ стремленіе къ властолюбію, къ захвату земель и имуществъ, къ вліянію на свѣтскія дѣла. Въ событіяхъ старой исторіи онъ вообще старается открыть ихъ практическія причины и побужденія дѣйствующихъ лицъ, старается понять въ исторіи дѣйствительную жизнь. Но всѣ его опыты раціоналистической критики

---

[1]) Исторія Росс. Татищева, кн. II, примѣч. 134. Ср. другія выписки, характеризующія Татищева со стороны его церковныхъ, философскихъ и политическихъ мнѣній, въ книгѣ Н. Попова, стр. 464 и слѣд.

бывали вѣрны, приложенія заимствованнаго взгляда бывали поспѣшны; но во всякомъ случаѣ въ замѣчаніяхъ не было много разумнаго, и стремленіе видѣть въ исторіи не отдаленную чуждую легенду, а простую дѣйствительную жизнь прошлыхъ вѣковъ было вѣрнымъ приступомъ къ научному пониманію дѣла. Наконецъ, несмотря на всѣ заимствованія отъ иностранныхъ авторитетовъ, Татищевъ остается чисто русскимъ человѣкомъ, вполнѣ пропитаннымъ особенностями русской жизни; его господствующая особенность есть не столько логическое разсужденіе ученаго, опирающагося на многочисленныхъ изслѣдованіяхъ, сколько сильный здравый смыслъ практическаго человѣка, опытнаго въ житейскихъ дѣлахъ,—характерную черту времени и людей его круга практическихъ дѣльцовъ, составляетъ и то, что Татищевъ, какъ можно видѣть по приведенной выпискѣ,—очень небрежно относился къ языку, и безъ того неровному и необработанному въ то время. Онъ пишетъ иногда полуграмотно.

Возвратимся теперь къ историческимъ трудамъ Миллера. Одинаковость положенія дѣла вызывала и у нѣмецкаго ученаго тѣ же представленія о необходимыхъ научныхъ работахъ, какія мы видѣли у Татищева. Тотъ и другой одинаково думали о необходимости предварительныхъ работъ, собиранія матеріала, историко-географической энциклопедіи, и какъ Татищевъ собиралъ свой географическій и гражданскій лексиконъ, такъ Миллеръ трудился надъ дополненіемъ и изданіемъ географическаго словаря Полунина; какъ Татищевъ составлялъ свое упомянутое «Предложеніе» о собираніи историческихъ и бытовыхъ свѣденій о Россіи, такъ Миллеръ дѣлалъ свои предложенія объ учрежденіи при академіи «департамента россійской исторіи» [1]). Планъ этого учрежденія, составленный Миллеромъ вскорѣ по возвращеніи изъ его путешествія, въ 1744 году, замѣчательнымъ образомъ предупреждаетъ ту мысль, съ какою почти уже сто лѣтъ спустя была предпринята археографическая экспедиція, а по обширности предполагавшихся работъ идетъ и гораздо дальше ея. Понятія нашихъ историковъ XVIII-го вѣка о задачахъ исторической науки, конечно, не имѣли уже ничего общаго съ теологической точкой зрѣнія старыхъ историковъ-лѣтописцевъ. Исторія перестаетъ быть для научныхъ историковъ рядомъ случайныхъ событій, объясняемыхъ путемъ религіознаго фатализма; напротивъ, они ищутъ въ ней внутренней связи событій, соединенныхъ между собой какъ причина и слѣдствіе, и думаютъ

[1]) Пекарскій, Исторія Акад. Н. т. I, стр. 338—342.

(какъ Миллеръ), что она есть зерцало человѣческихъ дѣйствій, по которому о всѣхъ приключеніяхъ нынѣшнихъ и *будущихъ временъ, смотря на прошедшія*, разсуждать можно». Положеніе историческаго писателя было въ тѣ времена окружено очень серьезными трудностями, но эти трудности не ослабили у Миллера его строгаго понятія объ исторической правдивости. «Все заключается въ трехъ словахъ,—писалъ онъ объ обязанностяхъ историка:—быть вѣрнымъ истинѣ, безпристрастнымъ и скромнымъ. Обязанность историка трудно выполнить: вы знаете, что онъ долженъ казаться безъ отечества, безъ вѣры, безъ государя. Я не требую, чтобы историкъ разсказывалъ все, что онъ знаетъ, ни также все, что истинно, потому что есть вещи, которыя нельзя разсказывать, и которыя, быть можетъ, мало любопытны, чтобы раскрывать ихъ предъ публикою; но все, что историкъ говоритъ должно быть истинно, и никогда не долженъ онъ давать поводъ къ возбужденію къ себѣ подозрѣнія въ лести»... [1]) Біографы Миллера разсказываютъ о томъ, какъ тяжело давалась ему его литературная работа; для нея требовалась настойчивость не совсѣмъ обыкновенная. При изданіи «Ежемѣсячныхъ сочиненій», перваго нашего учено-литературнаго журнала, ему приходилось выносить не только непріятности отъ цензуры, но и отъ придворныхъ сплетенъ, отъ чрезвычайно притязательнаго патріотизма иныхъ читателей и т. п. Въ работахъ историческихъ затрудненія достигали до крайней степени. Весьма осторожный академическій біографъ Миллера, по поводу отъѣзда Гмелина-старшаго изъ Россіи, не могъ удержаться отъ замѣчанія, что этому отъѣзду нельзя не радоваться для судьбы его трудовъ, такъ какъ товарищъ его Миллеръ, благодаря той средѣ, въ которой онъ жилъ, обнародовалъ едва сотую часть тѣхъ драгоцѣнныхъ извѣстій, какія были имъ собраны и находились въ его полномъ распоряженіи [2]).

Съ обыкновенными толками о подчиненіи западному вліянію людей прошлаго вѣка очень мало вяжутся факты, изъ которыхъ видно напротивъ, что даже образованные люди были чрезвычайно недовѣрчивы къ тому, что казалось западнымъ мнѣніемъ, и до крайности притязательны тамъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, затрогивалось достоинство русскаго народа. Простое требованіе исторической критики, въ сущности нисколько не касавшееся этого достоинства, поднимало часто цѣлыя бури; простое упоминаніе

[1]) Пекарскій, Исторія Акад. Н., т. I, стр. 381.
[2]) Тамъ же, стр 370—449.

иныхъ мрачныхъ событій русской исторіи съ негодованіемъ осуждалось, какъ оскорбленіе націи. Всматриваясь въ тѣ побужденія, какими внушались подобныя исторіи, нельзя не видѣть, что они были двоякаго рода: съ одной стороны, простая непривычка къ исторической критикѣ, съ другой—проявленіе (хотя неловкое) того самаго чувства, какое называютъ теперь чувствомъ національной самобытности и т. п. Выше мы замѣчали, что то же ревнивое чувство національнаго достоинства, а не «рабское подчиненіе», побуждало нашихъ писателей прошлаго вѣка отыскивать въ своей средѣ россійскихъ Пиндаровъ, Расиновъ и Вольтеровъ, — это было, по тогдашнему глубокому убѣжденію, не умаленіе, а возвышеніе русскаго достоинства,—свидѣтельство, что русскіе уже равняются съ другими просвѣщенными народами: дѣло въ томъ, что тогда и не знали другихъ образчиковъ превосходства.

До чего доходила тогда нетерпимость и подозрительность въ вопросахъ исторіи, даютъ понятіе извѣстные разсказы о томъ, какой переполохъ произвела диссертація Миллера о происхожденіи Руси, или о томъ, съ какимъ озлобленіемъ Ломоносовъ нападалъ на Шлецера. Приведемъ еще только двѣ-три подробности изъ біографіи Миллера. Послѣдній былъ уже старый заслуженный человѣкъ, множествомъ трудовъ доказавшій свою ревность къ изученію Россіи, принявшій, наконецъ, русское подданство, неутомимо работавшій для русской литературы,—но все это не спасало его отъ самыхъ ожесточенныхъ нападокъ, и между прочимъ не со стороны какихъ-нибудь легкомысленныхъ невѣждъ, но и людей ученыхъ, какъ напр. Ломоносовъ. Въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, Ломоносовъ, въ качествѣ академическаго совѣтника, продолжалъ то недоброжелательство, какое Миллеру прежде приходилось испытывать наравнѣ отъ русскаго Теплова и нѣмца Шумахера. Поводомъ служили историческія работы Миллера и изданіе «Ежемѣсячныхъ сочиненій», противъ которыхъ Ломоносовъ возставалъ съ цензурной точки зрѣнія. По мнѣнію Ломоносова, у Миллера нѣтъ достаточно патріотизма, и отзывы его о трудахъ послѣдняго представляютъ образчикъ крайней нетерпимости. По словамъ Ломоносова, въ каждомъ произведеніи Миллера «множество пустоши и нерѣдко досадительной и для Россіи предосудительной»; вездѣ онъ «всѣваетъ, по обычаю своему, занозливыя рѣчи» и «больше всего высматриваетъ пятна на одеждѣ россійскаго тѣла, проходя многія истинныя ея украшенія». Ломоносову не нравилось и то, что Миллеръ занимался изслѣдованіями о «смутныхъ временахъ Годунова и Разстриги—самой мрачной части россійской исторіи»; не

нравилось даже и то, что «напр., описывая чувашу, не могъ пройти, чтобы ихъ чистоты въ домахъ не предпочесть россійскимъ жителямъ». Подобныя обвиненія противъ Миллера были собраны Ломоносовымъ въ статьѣ, озаглавленной: «Для извѣстія о нынѣшнихъ академическихъ обстоятельствахъ», и посланной имъ къ президенту академіи наукъ. Академическій біографъ обоихъ догадывается, что Ломоносовъ не удовольствовался однимъ донесеніемъ ближайшему начальству, потому что черезъ нѣсколько времени Миллеръ получилъ «жестокій выговоръ» и отъ высшаго правительства за «нѣкоторыя въ его сочиненіяхъ о россійской исторіи находящіяся непристойности». Миллеръ оставилъ намекъ объ этой враждѣ Ломоносова, говоря въ одномъ письмѣ къ Рычкову объ одномъ человѣкѣ, который всегда желалъ его погибели и «добился таки, что я не смѣю продолжать новой русской исторіи». Вражда была давнишняя, и еще по поводу сибирской исторіи Миллера, Ломоносовъ представлялъ академической канцеляріи, что въ ней непристойны подробности автора о пушкарѣ Воротилкѣ и его «худыхъ поступкахъ», такъ какъ, по мнѣнію Ломоносова, «весьма неприлично, когда сочинитель довольно другихъ знатныхъ дѣлъ и приключеній имѣть можетъ»; Ломоносову не нравилось даже упоминаніе о построеніи такихъ церквей, какія потомъ погорѣли, и выраженіе «праздность всероссійскаго престола» въ междуцарствіе [1]).

Отношенія Миллера и Ломоносова чрезвычайно характерны для оцѣнки тогдашней роли науки въ русскомъ обществѣ. Если можно еще понять озлобленіе Ломоносова противъ Шлёцера, въ характерѣ котораго было раздражающее высокомѣріе, отзывавшееся и въ его сочиненіяхъ, то это озлобленіе очень мало извинительно относительно Миллера. Случилась, можетъ быть, и здѣсь нѣкоторая неосторожность со стороны Миллера; но общій характеръ его дѣятельности былъ таковъ, что никакому добросовѣстному критику не придетъ въ голову мысль, будто въ самомъ дѣлѣ Миллеръ въ русской исторіи хотѣлъ только выставлять досадительныя и занозливыя вещи; мы видѣли, напротивъ, что его основнымъ характеромъ былъ просто историческій взглядъ, какой только могла воспитать тогдашняя наука. Миллеръ былъ, конечно,

---

[1]) Пекарскій, Исторія Акад. Н., т. I стр. 338, 380, 406—407; т. II, стр. 720 и слѣд. См. также разсказъ объ изумительныхъ придиркахъ къ сибирской исторіи Миллера, и къ изданію сибирскихъ лѣтописей, которыя, по мнѣнію академическихъ центровъ, должны были быть „очищены отъ древнихъ „лже-басней“ (!) и о которыхъ должны бы разсудить „министры и правительствующій сенатъ“, а не Миллеръ Тамъ же, I, стр. 353—355.

совершенно правъ, когда находилъ необходимымъ собираніе древнихъ «лже-басней» (!), изслѣдованіе о смутныхъ временахъ, или упоминаніе о пушкарѣ Воротилкѣ, хотя бы поступки этого Воротилки и были худы, и т. д. Воспитанный въ нѣмецкой школѣ, Миллеръ выносилъ изъ нея строгое представленіе о научной и нравственной обязанности историка и, конечно, старался быть вѣрнымъ этой обязанности; если самъ Ломоносовъ не понималъ его, это указываетъ только, что общество еще не понимало научной критики, не умѣло правильно ставить свои требованія національнаго достоинства, не умѣло, напр., понять, что это достоинство вовсе не увеличивается скрываніемъ непріятныхъ историческихъ фактовъ или стремленіемъ ихъ закрашивать. Тогдашнія обвиненія этого рода намъ представляются уже мелочными и несправедливыми; но самый недостатокъ сохраняется и до сихъ поръ: напомнимъ, какъ еще недавно одинъ изъ самыхъ авторитетныхъ русскихъ писателей страннымъ образомъ подновлялъ эту войну противъ нѣмцевъ-историковъ, а другой скорбѣлъ, что «русскому человѣку» не легко быть объективнымъ—относительно Шлецера (!); да и много можно было бы привести жалкихъ примѣровъ, даже въ кругу спеціальныхъ вопросовъ и между русскими спеціальными учеными...

Вліяніе Миллера имѣло вѣроятно свою долю и въ характерѣ тѣхъ ученыхъ путешествій, о которыхъ мы прежде разсказывали. Въ нихъ не послѣднее мѣсто занимаютъ интересы историческіе. Ученые странствователи, хотя по профессіи натуралисты, не пропускали исторической мѣстности безъ того, чтобы не собрать о ней мѣстныхъ преданій, книжныхъ свѣденій, чтобы не отмѣтить сохранившихся памятниковъ и т. п. Лепехинъ въ своихъ запискахъ помѣщаетъ подробный разсказъ о Пловучемъ озерѣ и мѣстныя легенды объ убіеніи Андрея Боголюбскаго; заѣхавъ на Волгу, онъ осматриваетъ Царевъ-Курганъ, сооруженіе котораго «приписывалось» грабителю и праотцу донского войска, Стенькѣ Разину; дѣлаетъ раскопки, находитъ подъ нѣкоторымъ слоемъ земли кости слона и остатки оружія и дѣлаетъ при этомъ свои оригинальныя соображенія [1]; помѣщаетъ подробное описаніе развалинъ болгаръ, говоритъ о старыхъ преданіяхъ у инородцевъ и т. д. Этнографическія описанія инородцевъ: мордвы, чувашъ, татаръ, калмыковъ, «кизиль-башей» у Лепехина и другихъ тогдашнихъ ученыхъ путешественниковъ давали едва ли не въ первый разъ точное понятіе объ этихъ племенахъ, мало

[1]) Дневныя Записки, I, 296 и слѣд.

по малу входившихъ въ составъ русскаго народа. Озерецковскій собиралъ на мѣстѣ историческія извѣстія и преданія объ Олонецкомъ краѣ, о старой Двинской землѣ, приводилъ грамоты, указывалъ на рукописныя богатства новгородскихъ монастырей; въ свое первое путешествіе Озерецковскій, между прочимъ, собралъ на мѣстѣ свѣденія о родѣ Ломоносова и «первоначальныхъ ума его открытіяхъ», и «планъ мѣстъ, прилежащихъ къ Куростовской волости, гдѣ родился г. Ломоносовъ» [1]). Астрономъ и натуралистъ Иноходцовъ въ своихъ этнографическихъ описаніяхъ обращаетъ большое вниманіе и на исторію, разсказываетъ о прошлой судьбѣ края или города, пользуясь для этого, какъ настоящій историкъ-спеціалистъ, сохранившимися памятниками старины, лѣтописями и грамотами, изъ которыхъ приводитъ много извлеченій, мѣстными преданіями и разсказами старожиловъ и т. д. [2]). Мы упоминали выше о той литературѣ мѣстныхъ описаній, какая начинала развиваться со второй половины прошлаго вѣка: въ ней заключаются и цѣнные начатки мѣстной исторіи.

Однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей всей нашей литературы прошлаго вѣка былъ Иванъ Никитичъ Болтинъ (1735—1792), на которомъ мы и остановимся нѣсколько подробнѣе. Біографія его нѣсколько выяснилась только въ послѣднее время изъ архивныхъ документовъ. Происходя изъ достаточнаго дворянскаго рода, Болтинъ учился дома и 16-ти лѣтъ поступилъ на службу въ конную гвардію, гдѣ его товарищемъ въ продолженіе многихъ лѣтъ былъ Потемкинъ, который и впослѣдствіи сохранилъ съ нимъ очень дружескія отношенія и не разъ оказывалъ ему и его роднѣ свою могущественную протекцію. Въ конной гвардіи Болтинъ оставался до 1768, когда перешелъ на службу въ таможенномъ вѣдомствѣ, сначала начальникомъ одной таможни на югѣ, потомъ въ главномъ таможенномъ управленіи. Въ 1781 онъ назначенъ былъ прокуроромъ военной коллегіи, а въ 1788 членомъ этой коллегіи. Послѣ присоединенія Крыма, онъ былъ вызванъ Потемкинымъ на югъ, въ 1783,

[1]) Дневн. Записки Лепехина, т. IV, стр. 298—303, и карта въ концѣ тома. Планъ напечатанъ въ 1788.

[2]) Таковы, напр., его разсужденія о началѣ города Вологды, причемъ онъ сообщаетъ любопытныя мнѣнія о происхожденіи имени Вологды „отъ баснословныхъ какихъ-то Волотовъ, подобныхъ греческимъ гигантамъ, якобы они задолго прежде просвѣщенія святымъ крещеніемъ тутъ жили, и построивъ сей городъ, назвали оный, такъ какъ и рѣку, по имени своему, Волотой или Володой“. Мѣсяцословъ историческій и географическій на 1790 годъ, стр. 83 и слѣд.; Сухомлиновъ, Исторія Рос. Акад., т. III, стр. 218—225.

и нѣкоторое время былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Потемкина по устройству новопріобрѣтеннаго края. Такова была, въ общихъ чертахъ, его біографія [1]).

Гораздо интереснѣе біографія внутренняя, о которой, впрочемъ, мы не имѣемъ другихъ данныхъ, кромѣ сочиненій Болтина. Какъ мы сказали, онъ учился дома, и не прошедши никакой высшей школы, вступилъ прямо въ практическую жизнь: природный умъ и любознательность повели его къ обширному чтенію и наблюденію дѣйствительности; не знаемъ, имѣлъ ли онъ при этомъ какого-нибудь руководителя, но въ его чтеніе вошли именно замѣчательнѣйшія произведенія вѣка, и не только тѣ, какія были особенно въ ходу по своей доступности, но и труды серьезнаго ученаго характера. Съ другой стороны, Болтину случилось не мало разъѣзжать по Россіи и по своимъ, и по служебнымъ дѣламъ; поѣздки давали много пищи для его наблюденій, которыя отличались, вообще, чрезвычайной внимательностью и точностью, соединялись обыкновенно съ кругомъ вопросовъ, составлявшихъ его научный интересъ. Это былъ умъ точный, положительный, не склонный къ фантазіи. Не знаемъ опять, что навело его на занятія русской исторіей; но онъ, не будучи ученымъ спеціалистомъ, ни профессоромъ, ни академикомъ, сталъ однимъ изъ сильнѣйшихъ знатоковъ дѣла, какіе были у насъ въ то время. Очевидно, это былъ интересъ, къ какому влекла тогда живые пытливые умы самая сила вещей: возникала внутренняя потребность историческаго національнаго самосознанія; въ исторіи искалось разрѣшеніе вопросовъ, какіе выростали въ обществѣ вслѣдствіе Петровской реформы; желали выяснить себѣ русское прошедшее и настоящее, роль русскаго народа среди народовъ европейскихъ, свойства русскаго образованія и т. д. Со времени реформы прошло уже болѣе полувѣка, видѣлись ея результаты, представлялась возможность провѣрки, и однимъ изъ главныхъ средствъ провѣрки представлялась исторія.

Въ послѣднее время Болтина причисляютъ иногда къ предшественникамъ того направленія, которое заявляетъ притязаніе быть самымъ настоящимъ русскимъ. Дѣйствительно, Болтинъ могъ давать отчасти поводъ къ этому нѣкоторыми эпизодами своихъ

---

[1]) Наиболѣе обстоятельное жизнеописаніе Болтина собрано частію по новымъ архивнымъ матеріаламъ, у Сухомлинова въ „Исторіи Рус. Акад.“, т. V (Сборникъ, т. XXII), 1881, стр. 62—296, 317—432. Изъ другихъ трудовъ о Болтинѣ отмѣтимъ статью Соловьева: „Писатели русской исторіи XVIII вѣка, въ „Архивѣ“ Калачова т. II, 1855 и П. Знаменскаго: „Историческіе труды Щербатова и Болтина въ отношеніи къ русской церковной исторіи“, въ Трудахъ Кіевской Дух. Акад., т. II, 1862.

сочиненій, гдѣ онъ противопоставляетъ русское съ иноземнымъ, и вооружается противъ иноземныхъ вліяній, особенно французскаго, настаивая взамѣнъ того на необходимости самостоятельнаго характера нашей жизни. Замѣтимъ прежде всего, что это исканіе зачатковъ славянофильства въ одномъ изъ характернѣйшихъ писателей прошлаго вѣка мало вяжется съ утвержденіемъ объ оторванности нашего тогдашняго образованія отъ народныхъ началъ; но на дѣлѣ предположеніе о славянофильствѣ Болтина не совсѣмъ подтверждается фактами. Нашему славянофильству въ прошломъ столѣтіи отвѣчаютъ не столько такіе люди, какъ Болтинъ, человѣкъ ума по преимуществу критическаго, сколько тѣ патріоты-самохвалы, которые тогда находили, что Россія достигла уже во всѣхъ отношеніяхъ великаго совершенства, не нуждается больше ни въ какихъ заимствованіяхъ у Европы, представляетъ вообще лучшій изъ всѣхъ возможныхъ міровъ. Болтинъ не былъ изъ такихъ людей. Если онъ нападалъ на Леклерка, это не значитъ вовсе, что онъ нападалъ на Европу: самодовольный французъ, съ нѣсколько сомнительной біографіей, могъ самъ по себѣ быть достаточнымъ объясненіемъ той антипатіи, которую онъ внушалъ Болтину. Довольно было его историческаго невѣжества и нахальства, чтобы Болтинъ обрушился на него съ своими желчными опроверженіями, какъ иной разъ желчно опровергалъ и русскихъ историковъ. Но если присмотрѣться ко всему складу его мыслей, мы не найдемъ въ немъ не только какой-нибудь принципіальной вражды къ Европѣ, но напротивъ, увидимъ человѣка, котораго понятія самымъ тѣснымъ образомъ примыкаютъ къ европейскимъ идеямъ прошлаго вѣка. Болтинъ—такой же просвѣщенный русскій человѣкъ XVIII столѣтія, какими были Татищевъ, Ломоносовъ, Лепехинъ, Новиковъ, Радищевъ и проч.; для него нѣтъ вопроса о необходимости какого-нибудь другого просвѣщенія кромѣ европейскаго, и онъ желаетъ, чтобы этого просвѣщенія было какъ можно больше въ Россіи; но конечно, онъ желалъ также, чтобы оно скорѣе получило возможность жить своими силами, не нуждаясь каждый разъ въ иностранномъ учителѣ, и во всякомъ случаѣ не думалъ, чтобы европейское образованіе состояло въ одномъ свѣтскомъ пустозвонствѣ богатыхъ тунеядцевъ и перениманіи чужихъ модъ, съ которымъ могло соединяться, и дѣйствительно очень часто соединялось на дѣлѣ, круглое невѣжество. Какъ увидимъ далѣе, высшіе авторитеты мысли были для Болтина въ первостепенныхъ умахъ тогдашней европейской, особливо французской, литературы. Если Болтинъ не взялъ своего взгляда на вещи готовымъ

изъ школы, если этотъ взглядъ не умалялся у него ни практическимъ знаніемъ русской жизни, ни постояннымъ обращеніемъ къ исторической русской старинѣ, если онъ соединялся съ постоянной критической работой крѣпкаго ума, въ этомъ нельзя не видѣть весьма характернаго факта: этотъ взглядъ является выраженіемъ глубокой потребности общественнаго сознанія.

Основнымъ, даже исключительнымъ, интересомъ литературной дѣятельности Болтина была русская исторія. Ему, какъ и всѣмъ истинно-научнымъ умамъ того времени, было ясно, что настоящее изученіе русской исторіи прежде всего требуетъ собранія и первоначальной реставраціи ея памятниковъ. Старая Россія такъ мало сдѣлала для этого, что новому времени приходилось розыскивать вновь самыя основныя произведенія русской старины, абсолютно забытыя въ московскомъ періодѣ. Цѣлый рядъ памятниковъ русской древности былъ настоящимъ открытіемъ прошлаго вѣка. Петръ Великій открылъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ списковъ русской лѣтописи; Шлёцеръ открылъ истинное значеніе Нестора для исторической науки; Болтинъ открылъ настоящее значеніе «русской правды»; гр. Мусинъ-Пушкинъ открылъ «Слово о полку Игоревѣ»; Миллеръ цѣлую массу историческихъ документовъ, которымъ безъ него грозила бы гибель; открыты были духовная Владиміра Мономаха, Судебникъ и т. д., какъ немного времени спустя Калайдовичъ открылъ Іоанна экзарха Болгарскаго, Кирилла Туровскаго, эпическій сборникъ Кирши Данилова и проч. Болтинъ въ небольшомъ дружескомъ кружкѣ, къ которому принадлежалъ гр. А. И. Мусинъ-Пушкинъ и Елагинъ, занимался именно этимъ старымъ полузабытымъ періодомъ русской исторіи, изучалъ и комментировалъ Русскую Правду и Духовную Владиміра Мономаха, собиралъ старыя рукописи и т. д. Это изученіе было въ тѣ времена несравненно труднѣе, чѣмъ теперь,—памятники не были изданы, варіанты не сличены; встрѣчаясь съ памятникомъ въ первый разъ, надо было самому продѣлать надъ нимъ всю ту предварительную критическую работу, которая теперь представляетъ намъ эти памятники готовымъ, осмотрѣннымъ со всѣхъ сторонъ, матеріаломъ, такъ что намъ остаются одни заключенія. Болтинъ съ большой проницательностью оріентировался въ этомъ сыромъ матеріалѣ и указывалъ его историческую цѣнность. О достоинствѣ его трудовъ въ этомъ отношеніи можетъ дать понятіе отзывъ Шлёцера: опытный и требовательный нѣмецкій критикъ, не любившій расточать своихъ похвалъ, называетъ Болтина «величайшимъ русскимъ знатокомъ отечественной исторіи» и замѣчаетъ, что еще

никто изъ русскихъ не писалъ исторіи своего отечества съ такими познаніями, остроуміемъ и вкусомъ, хотя въ частности Шлёцеръ рѣзко оспаривалъ многія отдѣльныя мнѣнія Болтина.

Къ сожалѣнію, Болтинъ не предпринялъ никакого систематическаго труда по русской исторіи. Вообще его отношеніе—дилеттанта. Замѣчательно, что кромѣ книги противъ Леклерка другіе важные труды Болтина, даже спеціально археологическіе, изданы были только послѣ его смерти [1]). Самый разборъ сочиненія Леклерка и отвѣтъ на книжку князя Щербатова, гдѣ всего больше высказались историческіе взгляды Болтина, были вызваны случайными поводами. Но въ дѣйствительности Болтинъ былъ всего менѣе дилеттантъ. Не знаемъ, и безполезно загадывать, имѣлъ ли онъ въ виду когда-нибудь и цѣльный трудъ по русской исторіи, вѣроятнѣе всего, что онъ нашелъ бы сначала необходимыми множество предварительныхъ изслѣдованій; но во всякомъ случаѣ и въ томъ, что осталось отъ Болтина, мы имѣемъ чрезвычайно любопытные образчики его мнѣній о разныхъ періодахъ русской исторіи и отдѣльныхъ ея вопросахъ, какъ политическія учрежденія и народный бытъ, церковь, законы, образованіе, обычаи и т. д.

Какимъ же образомъ сложилось историческое міровоззрѣніе

---

[1]) Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка, сочиненныя генералъ-маіоромъ Иваномъ Болтинымъ. 2 ч. 4°. Спб. 1788. Съ эпиграфомъ: Je voudrais que chacun écrivit ce qu'il sait et autant qu'il en sait, mais pas plus. Montaigne.

— Отвѣтъ генералъ-маіора Болтина на письмо князя Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи. Спб. 1789. (Этотъ отвѣтъ былъ вызванъ книгой: „Письмо князя Щербатова, сочинителя Россійской Исторіи, къ одному его пріятелю, въ оправданіе на нѣкоторыя сокрытыя и явныя охуленія, учиненныя его исторіи отъ г. генералъ-маіора Болтина, творца примѣчаній на Исторію древнія и нынѣшнія Россіи г. Леклерка". М. 1789. Подразумѣваются охуленія, сдѣланныя Болтинымъ въ книгѣ противъ Леклерка. По выходѣ „Отвѣта" Болтина, Щербатовъ отвѣчалъ новой книгой, изданной уже послѣ смерти Щербатова: „Примѣчанія на отвѣтъ г. генералъ-маіора Болтина на письмо князя Щербатова". М. 1792).

— „Книга Большему Чертежу, или древняя карта Россійскаго Государства, поновленная въ разрядѣ и списанная въ книгу 1627 года". Спб. 1792. (Болтинское изданіе Чертежа повторено было Д. Языковымъ, Спб. 1838, съ прибавленіемъ сюда же „Древней Росс. Гидрографіи, изданной Новиковымъ въ 1773. Затѣмъ, новое изданіе, по нѣсколькимъ рукописямъ сдѣлано было г. Спасскимъ, М. 1846).

— Духовная великаго князя Владиміра Всеволодовича Мономаха, названная въ лѣтописи суздальской Поученье, Спб. 1793.

— Критическія примѣчанія генералъ-маіора Болтина на первый и второй томъ Исторіи князя Щербатова, 2 ч. Спб. 1793—1794.

— Правда русская или законы великихъ князей Ярослава Владиміровича и Владиміра Всеволодовича. М. 1799.

Болтина? Мы упоминали, что нашъ историкъ былъ близко знакомъ съ капитальными философско-политическими произведеніями тогдашней французской литературы, и они несомнѣнно оказали вліяніе на складъ его мыслей. Новѣйшій біографъ замѣчаетъ, что это вліяніе было очень второстепенное, что взгляды Болтина политическіе и соціальные коренятся въ русской дѣйствительности, добыты изысканіями въ русской исторіи, наблюденіями надъ жизнью общества и народа, что «цитатами изъ европейскихъ авторитетовъ только поясняется и подтверждается то, что сложилось въ умѣ его помимо всякихъ чужихъ вліяній (?), а на основаніи данныхъ, представляемыхъ отечественною исторіею и современнымъ состояніемъ Россіи». Біографъ прибавляетъ дальше, что «русскія лѣтописи и русскія села и деревни служили ему источниками; изъ нихъ получалъ онъ свѣденія о томъ, какое правленіе всего пригоднѣе для Россіи, о томъ, какъ дѣйствуетъ у насъ крѣпостное право» [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что въ рѣшеніи ближайшихъ вопросовъ Болтину и не оставалось другихъ источниковъ, кромѣ русскихъ лѣтописей и русской деревни, т.-е. данныхъ русскаго быта; но въ историческихъ предметахъ, его занимавшихъ, была другая сторона, гдѣ ему помогли не лѣтописи и не деревня. Эта сторона есть самая постановка вопросовъ, самая мысль изслѣдованія тѣхъ или другихъ государственныхъ и общественныхъ отношеній, и нравственно-политическая точка зрѣнія, съ которой писатель относился къ этимъ вопросамъ. Русская жизнь сама по себѣ еще не помышляла о многихъ изъ тѣхъ вопросовъ исторіи и современности, которые занимали Болтина; въ русской литературѣ того времени многія мысли Болтина были новостью, и теоретическій источникъ ихъ находится именно во вліяніяхъ западной литературы. Біографъ Болтина собралъ самъ много фактовъ этого вліянія и составилъ длинный списокъ западныхъ писателей, начиная съ среднихъ вѣковъ и до современниковъ русскаго историка, которыхъ онъ цитируетъ въ своихъ сочиненіяхъ [2]). Старые писатели нужны были Болтину по фактическимъ свѣденіямъ; новые давали ему не малый запасъ мыслей, которыя онъ примѣнялъ къ своему изслѣдованію русской жизни. Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Однимъ изъ наиболѣе сильныхъ авторитетовъ Болтина былъ знаменитый Байль (1647—1706), тотъ самый «Баиль», которымъ поучался еще Татищевъ. Знаменитый французскій эмигрантъ при самомъ началѣ XVIII вѣка

[1]) Исторія Росс. Акад., V, стр. 224—225.
[2]) Тамъ же, стр. 135 и слѣд.

былъ замѣчательнымъ представителемъ того скептическаго раціонализма, какой сталъ потомъ отличительной чертой этого вѣка, и именно этой стороной своей дѣятельности онъ дѣйствовалъ на двухъ важнѣйшихъ нашихъ историковъ прошлаго столѣтія. Какъ авторъ извѣстнаго «Словаря», Байль становился и въ этомъ отношеніи какъ бы предшественникомъ энциклопедистовъ. Наши писатели находили въ «Словарѣ» массу справочныхъ философско-историческихъ свѣденій и охотно брали отсюда факты, потому что имъ сочувственно было самое освѣщеніе, въ какомъ эти факты являлись у Байля. Новѣйшій біографъ указалъ у Болтина много заимствованій изъ Байля, между прочимъ такихъ, которыя не были имъ самимъ отмѣчены, и заключаетъ: «Словарь Байля, по всей вѣроятности, былъ настольною книгою Болтина, который до того сдружился съ своимъ любимымъ писателемъ, что слова и мысли его приводилъ какъ бы невольно: они припоминались ему при каждомъ малѣйшемъ поводѣ, вслѣдствіе того сильнаго впечатлѣнія, которое производили они на его ясный и воспріимчивый умъ. Болтинъ выписывалъ изъ Словаря Байля не только фактическія свѣденія, не только философскіе выводы и воззрѣнія, но и множество отдѣльныхъ мыслей, летучихъ замѣтокъ, счастливыхъ выраженій и т. п. Идетъ ли рѣчь объ истинномъ значеніи воинскихъ доблестей и побѣдъ, которыя такъ высоко цѣнятся и современниками, и потомствомъ; указывается ли на произведеніе писателя и на печальныя уклоненія отъ его благородныхъ обязанностей, и т. п. — все подтверждается и какъ бы скрѣпляется умнымъ и правдивымъ свидѣтельствомъ Байля. Свой образъ мыслей относительно значенія литературы и обязанностей писателя Болтинъ выражаетъ словами Байля, утверждающаго, что писатели, достойные своего имени, не признаютъ другой власти, кромѣ правды и разума, и подъ ихъ защитою ведутъ войну со всякимъ уклоненіемъ отъ разума и правды, со всѣмъ ложнымъ и нечистымъ [1]). Такимъ образомъ заимствованія изъ Байля простирались на весьма существенные пункты во всемъ складѣ мыслей Болтина, и становится очень мудрено сказать, чтобы нашъ историкъ составлялъ свои идеи лишь на основаніи того, что узнавалъ изъ лѣтописей и изъ деревни... Другимъ авторитетомъ Болтина былъ нерѣдко цитируемый имъ «писатель знаменитый нашего вѣка», подъ которымъ разумѣется Вольтеръ. Изъ него, какъ изъ Байля, Болтинъ заимствовалъ не только факты, но и общія философскія положенія, и напр. то раціоналистическое свободомысліе, кото-

[1]) Тамъ же, стр. 143—144, 215.

рое у Болтина, какъ у Татищева, подавало поводъ къ первой критической оцѣнкѣ церковнаго элемента нашей исторіи. Отношеніе науки къ религіи, историческая роль духовенства, значеніе народнаго обычая опредѣляются у Болтина подъ несомнѣннымъ вліяніемъ Вольтера и съ точки зрѣнія, которой не знали ни лѣтопись, ни деревня, обѣ стоявшія на точкѣ зрѣнія непосредственно патріархальной. Далѣе, большимъ уваженіемъ Болтина пользуется писатель, который былъ столь почитаемымъ авторитетомъ для самой императрицы Екатерины при составленіи «Наказа»—Монтескьё; «затѣмъ Рейналь и Руссо». Изъ всѣхъ этихъ писателей Болтинъ бралъ общія представленія о политическихъ учрежденіяхъ, формахъ благоустроеннаго общества, отношеніяхъ закона и обычая и т. п. Словомъ, присматриваясь къ теоретическимъ взглядамъ Болтина, нельзя не видѣть, что они образовались подъ сильнымъ вліяніемъ западныхъ и особливо французскихъ философско-историческихъ понятій. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти взгляды представляли нѣчто новое, неизвѣстное старымъ традиціоннымъ понятіямъ нашего общества.

Болтинъ, какъ и Татищевъ (но уже гораздо многостороннѣе послѣдняго), ищетъ объясненія событій въ реальныхъ условіяхъ жизни; чудесное не находитъ мѣста въ исторіи и объясняется только понятіями вѣка; чтобы объяснить прошедшее, историкъ старается раскрыть и сопоставить обстоятельства и интересы, среди которыхъ совершались событія, и это сопоставленіе должно объяснять ихъ смыслъ. Въ соотвѣтствіе съ авторитетными писателями своего вѣка, Болтинъ настаиваетъ на необходимости для историка и для политика уразумѣть существенныя особенности народа, или, по нынѣшнему, понять свойства народности. Въ этихъ свойствахъ нѣтъ ничего произвольнаго и сверхъестественнаго: они проистекаютъ изъ совокупности причинъ нравственныхъ и физическихъ, и въ ряду послѣднихъ особенно отъ климата. Какъ историкъ не можетъ объяснить судьбы народа, не принявъ во вниманіе народныхъ свойствъ, такъ политикъ въ своихъ практическихъ мѣрахъ необходимо долженъ сообразоваться съ ними, чтобы не впасть въ ошибки и не причинить вреда. Производя нововведеніе, необходимо сообразоваться съ обычаемъ и мѣстными условіями; иначе законы будутъ напрасны или даже вредны.

Русскій народъ Болтинъ считаетъ народомъ вполнѣ европейскимъ въ томъ смыслѣ, что это—народъ равноправный съ европейцами и вполнѣ способный къ тому высокому просвѣщенію, какого достигла Европа. Болтинъ знаетъ и указываетъ различія въ характерѣ самыхъ народностей и въ складѣ ихъ исторіи

(какъ не забываетъ мѣстныхъ отличій и въ кругу самой русской народности), но совершенно признаетъ ту однородность русскихъ съ народами Европы, какую хотѣли отвергать новѣйшіе славянофилы [1]). Этими общими понятіями о народныхъ особенностяхъ, о необходимости просвѣщенія, о важности народнаго обычая опредѣляются мнѣнія Болтина о новѣйшихъ событіяхъ русской исторіи. Онъ говоритъ съ великимъ почтеніемъ о дѣятельности Петра Великаго, въ которомъ видѣлъ героя и насадителя наукъ, но строго осуждаетъ оказавшіяся потомъ неблагопріятныя вліянія западныхъ нравовъ, и испорченному новому обществу противополагаетъ здравую простоту стараго обычая. Онъ съ величайшимъ негодованіемъ говоритъ о временахъ Бирона, о которыхъ зналъ еще по живымъ преданіямъ. Онъ привѣтствовалъ времена Екатерины II, которая, по тогдашнему представленію, дала свободу мысли и совѣсти русскаго народа. Любовь къ старинѣ, въ которой Болтинъ сочувствовалъ, цѣнилъ простоту нравовъ, не мѣшала ему высоко оцѣнивать это освободительное настроеніе временъ Екатерины (надо разумѣть первые годы ея царствованія), конечно весьма мало похожее на эту старину. Онъ радуется, что съ воцареніемъ Екатерины «совѣсть не судится, мысль свободна, языкъ развязенъ». Въ духѣ этой терпимости и согласно своему взгляду на значеніе народнаго обычая, котораго не слѣдуетъ измѣнять насильственно, Болтинъ относится весьма разумно къ расколу. Если разсмотрѣть, — разсуждаетъ онъ,—обряды и религіозныя понятія нашихъ раскольниковъ, то не найдется въ нихъ ничего такого, что противорѣчило бы правиламъ и обязанностямъ истиннаго христіанина и добраго гражданина. «Какой вредъ, напримѣръ, наносили государству бороды? Никакой. Какую пользу принесло обритіе ихъ? Никакой же, но принужденіе къ тому великій вредъ причинило. Когда характеръ мой хорошъ, что кому нужды до того, что лицо у меня мохнато; что платье на мнѣ длинно; что знаменуя себя крестомъ не такъ персты складываю какъ другіе; что вмѣсто трехъ разъ, по два раза аллилуіа читаю; что по солнцу а не противу солнца обращаюся; что старопечатныя книги признаю исправнѣйшими новыхъ, и проч.?.. Оставь слабости при мнѣ, если основаніе сердца моего благо. Признавая всѣ сіи мелочные обряды и ничего въ существѣ своемъ незначущіе, за важные, за необходимые ко спасенію, подвергаю себя всеобщему осмѣянію, являю свое невѣжество, невозгласіе; но не дѣлаюся преступникомъ, не

[1]) Ср. Исторію Росс. Акад., V, стр. 188 и слѣд.

заслуживаю ненавидѣнія, наказанія, гоненія. Наблюдая сіи странности, могу быть вѣренъ Государю, усерденъ къ отечеству, добрымъ и честнымъ членомъ въ общежитіи, храбрымъ солдатомъ, трудолюбивымъ земледѣльцемъ, хорошимъ семьяниномъ. Пусть мнитъ о вещахъ всякой по своему, но дѣлаетъ только то, что повелѣваетъ законная власть. Не будетъ о мнѣніяхъ спора, прекратятся и разгласія. Не будетъ принужденія, насилія, исчезнетъ изувѣрство. Не сильно могущество власти противу мрачныхъ привидѣній невѣжества и суевѣрія: свѣтъ единъ заставляетъ ихъ исчезати» [1]).

Новѣйшій біографъ, отмѣчая въ историческихъ взглядахъ Болтина наклонность къ старинѣ, указываетъ также его нерасположеніе къ Франціи и французскому вліянію. «Вліяніе Франціи,—говоритъ онъ,—чувствовалось у насъ не только въ литературѣ, но и въ жизни. Оно отражалось не только въ нашихъ понятіяхъ, но и въ нашихъ нравахъ, общественныхъ и даже семейныхъ; оно разрывало живую связь русскихъ людей съ русскою землею; оно грозило имъ умственнымъ и нравственнымъ порабощеніемъ (?). Сама собою создалась у насъ обличительная литература, направленная противъ иноземнаго вліянія. Въ смѣшныхъ и правдивыхъ укорахъ, выходившихъ изъ круга людей, подобныхъ Новикову и Болтину, слышится не слѣпая ненависть къ иностранцамъ, а горячая любовь къ Россіи и сознаніе духовныхъ силъ русскаго народа» [2]). Болтинъ, какъ и Новиковъ, не одинъ разъ возвращается къ обличенію вредныхъ слѣдствій французскаго воспитанія и приписываетъ ему презрѣніе къ прекраснымъ обычаямъ родной старины по той причинѣ, что такихъ обычаевъ не водится у французовъ; онъ возмущается, что русскіе люди дѣлятся на «благородныхъ» и «чернь», и первые смѣются надъ народными старыми обычаями,—въ чемъ теперь и указываютъ разрывъ съ народомъ. Мы объясняли въ другомъ мѣстѣ, къ чему исторически сводится французское вліяніе и разрывъ съ народомъ. Общественныя формы и обычаи не падаютъ безъ достаточной причины отъ чьего-нибудь произвола; въ старыхъ обычаяхъ было много прекраснаго, но много и не-прекраснаго, и это послѣднее должно нести на себѣ въ значительной степени вину тѣхъ нововведеній, которыя его устраняли: не мудрено затѣмъ, что съ непривлекательными подробностями старины падало и то, что въ ней было хорошаго и сочувствен-

[1]) Примѣч. на Исторію Леклерка II, стр. 363—364.
[2]) Исторія Росс. Акад. V, стр. 194.

наго. Съ другой стороны, процентъ французскаго вліянія былъ очень не великъ, и оно приносило не одни только прискорбныя послѣдствія: Болтинъ не вспомнилъ (да и его біографъ также), что раздѣленіе на благородныхъ и чернь началось гораздо раньше французскаго вліянія и даже гораздо раньше XVIII-го вѣка (оно началось съ появленія привилегированной дружины и «смердовъ» или «холоповъ», и продолжалось во все теченіе русской исторіи); они оба забыли также, что французское вліяніе вызывалось скудостью умственныхъ интересовъ стараго патріархальнаго общества и недостаткомъ общественности въ старыхъ нравахъ, и наконецъ, что французское вліяніе очень помогло нашему собственному общественному сознанію. Прекрасный образчикъ послѣдняго представляетъ тотъ самый писатель, изъ котораго мы приводимъ обличеніе французскаго вліянія: Болтинъ пропитанъ былъ этимъ вліяніемъ; его научными авторитетами были знаменитые тогда французскіе писатели, между прочимъ тѣ самые, которые потомъ считались наиболѣе зловредными [1]), но это не помѣшало ему остаться самымъ русскимъ человѣкомъ и цѣнить преданія старины; напротивъ, съ помощью французскихъ мыслителей онъ и научился сознательно относиться къ этой старинѣ, понимать силу обычая и его народное право. Болтину и Новикову было трудно сказать, а новѣйшему біографу можно было бы не забыть, какая роль въ вопросѣ о французскомъ вліяніи принадлежала одному существенному обстоятельству, которое тутъ несомнѣнно и сильно дѣйствовало, — именно тому примѣру, который подавали придворные нравы.

Не будемъ останавливаться на томъ, какъ Болтинъ относился къ основному факту тогдашней народной жизни, т.-е. крестьянскому вопросу. Онъ не настаивалъ на освобожденіи крестьянъ; въ полемикѣ съ Леклеркомъ онъ даже выставляетъ положеніе русскихъ крестьянъ болѣе обезпеченнымъ, чѣмъ положеніе земледѣльца европейскаго; но съ другой стороны, онъ и не думаетъ скрывать, что измѣненіе этого дѣла желательно, — только оно должно произойти медленно и постепенно. Любопытно, что и здѣсь онъ подкрѣпляетъ свои разсужденія французскимъ авторитетомъ, онъ ссылается на слова Руссо, что «прежде должно учинить свободными души рабовъ, а потомъ уже тѣла»; эту мысль онъ приписываетъ и Екатеринѣ, и объясняетъ ею основаніе училищъ «для нижнихъ чиносостояній», которое, по его мнѣнію,

[1]) Имя Вольтера стало, какъ извѣстно, обозначеніемъ необузданнаго и безнравственнаго вольномыслія; объ Рейналѣ вспомнила сама императрица Екатерина, дѣлая замѣтки на книгу Радищева.

должно было «пріуготовить души юношества, въ нихъ воспитываемаго, къ воспріятію сего великаго и божественнаго дара» [1]). Радищевъ тогда же отвѣчалъ на это предположеніе страшной картиной положенія крѣпостного, получившаго по волѣ барина высшее образованіе и «пріуготовленнаго къ воспріятію божественнаго дара», но оставленнаго наслѣдникомъ этого барина въ рабствѣ... Болтинъ не скрывалъ отъ себя и отъ своихъ читателей, что одною изъ причинъ, требовавшихъ измѣненія въ положеніи крестьянъ, были свойства помѣщичьей власти: между помѣщиками бывали люди жестокіе и безчувственные, «дѣлающіе стыдъ русскому имени и человѣчеству», бывали «чудовищные и презрительные выродки въ природѣ»... Но какъ бы ни смотрѣлъ Болтинъ на вопросъ освобожденія, онъ зналъ очень хорошо фактическое положеніе народа въ свое время, никакъ не хуже, чѣмъ въ наше время знаютъ это положеніе новѣйшіе народники. Онъ совершенно понимаетъ и толково объясняетъ порядки и обычаи общиннаго землевладѣнія [2]) и вообще хорошо знакомъ съ бытомъ, народными преданіями и обычаями, народной поэзіей и языкомъ. Онъ пользуется этимъ матеріаломъ народнаго преданія и въ своихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, приводитъ народныя пѣсни, повѣрья, пословицы, какъ остатокъ и свидѣтельство минувшихъ временъ. Ему извѣстны и произведенія былинной поэзіи, къ которымъ однако онъ относится иначе, чѣмъ наши новѣйшіе ученые. Болтинъ не думаетъ приписывать былинамъ такую древность, такое глубокое полу-мистическое національное значеніе, какъ это любятъ дѣлать теперь, или недавно любили. Для изображенія древнѣйшаго быта надо, по его мнѣнію, обращаться никакъ не къ этой народной поэзіи, а къ древнимъ письменнымъ памятникамъ, къ лѣтописи Нестора, къ законамъ Ярослава и Изяслава, къ договорамъ, грамотамъ,

[1]) Прим. на исторію Леклерка, II, стр. 236—237. Въ другомъ мѣстѣ Болтинъ говоритъ: „При дачѣ рабамъ свободы, все благоразуміе въ томъ, по мнѣнію моему, должно состоять, чтобъ не прежде оную имъ даровать, какъ науча ихъ познавать ея цѣну, и какъ надлежитъ ею пользоваться; въ противномъ случаѣ, вмѣсто благодѣянія сдѣланъ будетъ имъ вредъ, зло и гибель... La liberté est un aliment de bon suc, mais de forte digestion; il faut des estomacs bien sains pour le supporter (*Rousseau*)". Тамъ же, стр. 328.

[2]) Исторія Россійской Академіи, V, стр. 284, 414. Сколько указанія Болтина и другихъ названныхъ нами раньше ученыхъ, путешественниковъ, историковъ и этнографовъ, послужили для новыхъ изслѣдователей народнаго, спеціально крестьянскаго вопроса въ прошломъ столѣтіи, читатель можетъ увидѣть въ книгѣ г. Семевскаго, „Крестьяне въ царствованіе имп. Екатерины II". Спб. 1881. См. также его статью „О крестьянскомъ вопросѣ при Екатеринѣ II", въ Отеч. Зап. 1879, № 12.

церковнымъ памятникамъ и т. п.; напротивъ, былинная поэзія, въ которой полагается высшее произведеніе народнаго творчества, и даже важное исторически свидѣтельство, не пользуется сочувствіемъ Болтина ни съ исторической, ни съ той стороны. Пѣсни объ Ильѣ Муромцѣ, о пирахъ князя Владиміра и проч., по мнѣнію Болтина, — пѣсни подлыя, безъ всякаго складу и ладу. «Подлинно таковыя пѣсни изображаютъ вкусъ тогдашняго вѣка, но не народа, а *черни*, людей безграмотныхъ, и можетъ быть, бродягъ, кои ремесломъ симъ кормилися, что слагая таковыя пѣсни, пѣли ихъ для испрошенія милостыни; подобно тому, какъ и нынѣ нищіе, а паче слѣпые, слагая нелѣпые стихи, поютъ ихъ ходя по торгамъ, гдѣ чернь собирается. Сказанныя пѣсни такого-жъ точно рода какъ сіи нищенскія, называемыя стихами, и сочинены подобными авторами; слѣдовательно вкуса и нравовъ народа изображать не могутъ» [1]).

Замѣчаніе Болтина о происхожденіи былинъ не такъ поверхностно, какъ можетъ казаться нѣкоторымъ любителямъ былинной поэзіи. По всей вѣроятности во времена Болтина былина не имѣла уже, какъ и теперь, общаго распространенія въ народѣ, или бывала, какъ теперь, извѣстна только въ видѣ отдѣльныхъ сказочныхъ сюжетовъ, гдѣ Илья Муромецъ, національный герой, шелъ рядомъ съ Бовой-Королевичемъ и Ерусланомъ: Болтину могло казаться, что изображеніе былиннаго богатыря есть не общенародное созданіе, а фантазія одного разряда народныхъ пѣвцовъ и сказочниковъ, какъ духовные стихи были дѣломъ своихъ особыхъ спеціалистовъ. Изслѣдователямъ новѣйшимъ также приходитъ мысль о частномъ сословномъ происхожденіи былины. Наконецъ, Болтину не безъ основанія могла не нравиться новѣйшая форма былинныхъ сказаній, гдѣ старыя черты эпоса подпали позднѣйшему огрубѣнію народной фантазіи и самаго выраженія.

Общее значеніе Болтина наиболѣе отчетливо опредѣлено въ характеристикѣ Соловьева. Болтинъ былъ свидѣтелемъ перемѣны, которая произошла со второй половины прошлаго вѣка во взглядахъ общества на науку и просвѣщеніе. Въ началѣ вѣка, въ эпоху преобразованія, на науку смотрѣли преимущественно съ точки зрѣнія практической пользы; теперь обратили вниманіе на вопросъ о воспитаніи. Моралисты временъ Екатерины II по-

---

[1]) Примѣч. на исторію Леклерка, II, стр. 60. Замѣтимъ кстати, что простой, безграмотный народъ, авторъ народной нашей поэзіи, и у самого Болтина является въ видѣ весьма презираемой имъ „черни“.

стоянно говорили о воспитаніи, какъ залогѣ благосостоянія общества. Это отразилось и во взглядахъ на русскую исторію. Въ Петровскія времена надо было защитить права просвѣщенія противъ невѣжества и суевѣрія, и приверженцы новаго порядка естественно проникались враждой къ старинѣ, которая казалась олицетвореніемъ предразсудковъ и невѣжества. Теперь вопросъ ставился иначе, и одно образованіе ума, безъ воспитанія нравственнаго, стало казаться недостаточнымъ—оно часто сопровождалось нравственной порчей или пристрастіемъ къ чужеземному, хотя бы и дурному. «Лучшіе умы,—говоритъ Соловьевъ,—стали вооружаться теперь уже не столько противъ вредныхъ слѣдствій стариннаго, до-Петровскаго быта, сколько противъ вредныхъ слѣдствій односторонняго стремленія ко всему новому и чужому: отсюда недовольство предшествовавшимъ направленіемъ; борьба съ нимъ нечувствительно вела къ примиренію съ стариною, которая уже не возбуждала сильной вражды, ибо признала себя побѣжденною и прикрылась другимъ слоемъ, а на мѣсто ея явился другой, новый врагъ, болѣе опасный. Въ борьбѣ съ недавнимъ зломъ нечувствительно стали бросать благопріятные взгляды на старину отдаленную, именно уже потому, что она была враждебна новому врагу, противъ котораго нужно было вооружиться всѣми средствами; нужно было показать его незаконное вторженіе на мѣсто прежняго, лучшаго, а между тѣмъ старина, вслѣдствіе самого отдаленія своего и неизвѣстности, начала представлять пріятные образы. Это недовольство направленіемъ, господствовавшимъ въ первую половину восемнадцатаго вѣка, и примиреніе съ враждебною ему стариною до-Петровскою, объясняетъ намъ взглядъ Болтина на древнюю русскую исторію» [1]).

Мы упоминали уже о томъ, насколько это новое обращеніе къ старинѣ выдерживало историческую и общественную критику. Старина могла казаться привлекательной, какъ патріархальный бытъ, не испытавшій множества новыхъ условій и соблазновъ, которые иногда дѣйствовали неблагопріятно на нравы и обычаи; любители старины во времена Болтина, какъ и теперь, вообще возвращались къ ней не въ силу живого сознанія, а путемъ теоретическаго разсужденія, и при этомъ обыкновенно забывали, что старину вообще нельзя разсматривать съ точки зрѣнія однѣхъ лучшихъ ея сторонъ: онѣ были такъ переплетены со всѣмъ ея характеромъ, что выборъ въ сущности не мыслимъ, что взявши

---

[1]) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, Калачова, кн. II, половина первая, 1855, ст. Соловьева: „Писатели русской исторіи XVIII вѣка“.

одно, надо было брать и другое, вмѣстѣ съ лучшимъ придеть и самое худшее; съ патріархальной простотой нравовъ, которая прельщала моралистовъ прошлаго вѣка, какъ и ихъ нынѣшнихъ подражателей, *неразрывно* соединялось и патріархальное невѣжество, и еслибы возможно было когда-нибудь возстановленіе старины, то націи и обществу снова пришлось бы вынести такой же кризисъ ожесточенной борьбы противъ нея, какимъ она однажды была удалена. Но возвращеніе и невозможное стремленіе къ этому возвращенію бываютъ только или мечтой идеалистовъ-археологовъ, или чистыхъ ретроградовъ; попытки фактическаго возстановленія старины всегда сводились къ одной декораціи и театральному (или балаганному) переодѣванью. Старинный обычай сохраняетъ жизненное могущество только тамъ, гдѣ онъ несетъ съ собой, какъ въ Англіи, преданіе общественной свободы и самодѣятельности.

Но главнѣйшій интересъ, какой имѣетъ для насъ Болтинъ, заключается не въ этой наклонности идеализировать старину, а въ его общемъ отношеніи къ историческому и народному вопросу. На этомъ, безъ сомнѣнія умнѣйшемъ изъ нашихъ историковъ прошлаго вѣка, мы убѣждаемся еще разъ, что принятіе западной науки, глубокое уваженіе къ ней не только не были подчиненіемъ, повтореніемъ чужихъ словъ, отдаленіемъ отъ національнаго содержанія, а напротивъ, именно будили мысль, вели ее на критическую работу и въ концѣ концовъ возвращали къ тому же національному содержанію, но понятому уже сознательно. Такимъ образомъ, у писателей XVIII вѣка сама собой возникала мысль о народѣ, не какъ чужое указаніе, а какъ живая органическая мысль, исторію которой не трудно прослѣдить не только въ теченіе XVIII вѣка, но даже и раньше, въ проблескахъ критической мысли XVII столѣтія.

А. Пыпинъ.

ЛИСТКИ

изъ

СИБИРСКАГО АЛЬБОМА

I.

Дикій шаманъ.

Верстахъ въ десяти отъ П-аго пріиска, возвышалась гора. Вырѣзываясь своими причудливыми очертаніями, на безоблачномъ небѣ, она была всегда на виду. Куда бывало ни направишься: на охоту ли, которая по обилію дичи и въ то же время по невозможности отъискать въ чащѣ убитую птицу, скоро надоѣла; на прогулку ли, на безцѣльное ли шатанье, въ свободныя отъ дѣла дни,—гора эта мелькаетъ бывало передъ глазами, рѣзко отдѣляясь отъ всѣхъ другихъ. Ея сравнительно узкая вершина напоминала нѣкоторыя, хорошо сохранившіяся развалины прирейнскихъ, средневѣковыхъ замковъ, съ большой, вполнѣ уцѣлѣвшей башней въ одномъ изъ угловъ. Откладывая со дня на день намѣреніе добраться до этого фантастическаго замка, я иногда спрашивалъ пріѣзжавшихъ на пріискъ инородцевъ, бывали ли они на хребтѣ, въ которомъ гора эта составляла одну изъ выдающихся вершинъ,—но всѣ отвѣчали отрицательно. При этомъ я замѣтилъ, что всѣ старые инородцы на мои разспросы какъ-то неохотно отвѣчали, и когда я заговорилъ о моемъ предположеніи добраться до горы, выходили изъ обычной имъ апатіи и старательно отговаривали меня, пугая отсутствіемъ тропокъ, болотами, провалами

и разнымъ вздоромъ, видимо придуманнымъ ими. Когда я, наконецъ, предлагалъ проводить меня, или хотя сопутствовать, всѣ отказывались съ необычной имъ энергіей, и даже обѣщаніе бутылки настоящаго спирту не имѣло своего всемогущаго вліянія, и одно «Іокъ! Іокъ»! съ тяжелымъ вздохомъ, было мнѣ обычнымъ ихъ отвѣтомъ.

Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ и, наконецъ, въ одно безоблачное, жаркое іюньское утро, я взялъ рабочаго, изъ бывшихъ сибирскихъ казаковъ, и захвативъ цѣлый вьюкъ съ провизіей, кошмами, чугункомъ, чайникомъ и т. п., отправился въ развѣдку, рѣшившись проходить, если придется, хоть сутки, но добраться до вершины.

Первыя двѣ три версты намъ пришлось продираться сквозь глухую таежную чащу. Кто не бывалъ въ сибирскихъ лѣсахъ, тотъ не можетъ себѣ представить, какого труда стоитъ проложить тропинку въ нетронутой чащѣ. Приходится работать топоромъ чуть не ежеминутно. Иногда свѣже упавшее дерево представляетъ такую сплошную стѣнку вѣтвей перепутанныхъ съ валежникомъ, сухостоемъ и молодой порослью, что приходится обходить его, а это равносильно крюку въ 20—50 саженъ; десятокъ же такихъ обходовъ, на разстояніи въ одну версту, удвоиваетъ разстояніе и отнимаетъ около часу времени. При этомъ приходится и человѣку, и лошади продѣлывать такую головоломную гимнастику и быть такъ исхлестаннымъ гибкими вѣтвями и тонкими побѣгами, такъ поцарапаться о хвою и сухостой, что подъ конецъ третьей версты по неволѣ и безотчетно человѣкъ начинаетъ безпричинно браниться и даже способенъ даромъ хлестнуть своего добросовѣстнаго помощника—лошадь или беззавѣтно преданнаго друга—остроухую сибирскую собаку, которая смѣло можетъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду собачьихъ породъ.

Болѣе двухъ часовъ пробились мы, прежде чѣмъ прошли три версты, и, наконецъ, исцарапанные и слегка мѣстами оборванные, остановились передохнуть. Я скрутилъ папиросу, а рабочій пошелъ впередъ и черезъ нѣсколько минутъ бѣгомъ вернулся ко мнѣ.

— Вотъ чудеса-то, ваше благородіе,—радостно заговорилъ онъ,—саженяхъ въ тридцати отсель тропинка идетъ, да не простая, а напрямикъ, какъ бы по старой просѣкѣ проложена.

— Что ты, братецъ, городишь, какая тутъ можетъ быть просѣка!

— Да я самъ диву дался, а просѣка какъ есть, даже старые пни примѣтить можно. Вотъ сами извольте поглядѣть.

Дѣйствительно, онъ былъ правъ. Длинная просѣка, хотя и сильно заросшая не только порослью, но даже порядочными деревьями, которыя, въ нашихъ, сплошь попорченныхъ безтолковой рубкой, бѣдныхъ русскихъ лѣсахъ, сошли бы за строевыя,— для привычнаго къ тайгѣ глаза была замѣтна сразу. Мнѣ была хорошо знакома окружающая мѣстность, и я зналъ, что по этому направленію не существуетъ пріисковъ и не было никогда развѣдокъ. А между тѣмъ, подобную просѣку, даже на большой пріискъ, вести бы никогда не стали. Я внимательно осмотрѣлъ болѣе толстыя деревья, и мы съ рабочимъ порѣшили, что одному кедру, стоявшему на серединѣ просѣки, много больше пятидесяти лѣтъ. А за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, въ этой мѣстности еще и не ступала нога золотопромышленника, да и вообще никакихъ дорогъ существовать не могло. И я, и рабочій были съ разу заинтересованы, усталости какъ не бывало, и наша лошадь теперь смѣло зашагала размашистымъ шагомъ, за которымъ мы едва поспѣвали.

— Тише, идолъ! чего Воронко обрадовался!—окрикнулъ его рабочій.—Этакъ мы за тобой не поспѣемъ.

Воронко умно взглянулъ на насъ своими добрыми глазами и уменьшилъ шагъ. Скоро его подковы застучали по каменьямъ.

— Часъ отъ часу не легче! — изумился рабочій, ощупывая руками почву. — Гляньте, ваше благородіе, вѣдь всамдѣлишная мостовая, какъ слѣдуетъ быть изъ плитъ сложена.

Мы остановили лошадь и при помощи лопаты и лома очистили около квадратной сажени наносу, подъ которымъ, на глубинѣ 5—6 вершковъ, оказались наваленные камни и куски плитняка. Если это и не была правильная мостовая, то все-таки видны были слѣды работы человѣческихъ рукъ. Съ удвоеннымъ любопытствомъ мы тронулись далѣе. Просѣка замѣтно подымалась въ гору, и скоро, версты черезъ четыре, при поворотѣ по направленію къ цѣли нашего путешествія, оказалась настолько заросшей, что мы предпочли сойти съ нея въ сторону, гдѣ деревья росли рѣже. Вновь напали мы на удобо-проходимую тропинку. Изъ-за деревьевъ трудно было разсмотрѣть гору, къ которой мы пробирались. Просвѣтовъ почти не было, и оріентироваться было не легко. Казалось, что тропинка, подымаясь все круче и круче, вмѣстѣ съ тѣмъ сильно уклоняется въ сторону. Я рѣшился ударяться круто вправо, и вскорѣ мы подошли къ обрыву. Длинная узкая поляна, среди которой густо росли кусты, какъ бы указывая направленіе пересохшей горной рѣчки, тянулась вдаль и прямо упиралась въ мою гору. До нея оставалось

не болѣе трехъ верстъ. Въ бинокль я могъ ясно разсмотрѣть всѣ ея очертанія. Съ этой стороны она подымалась мѣстами почти отвѣсной стѣной, вся изрытая большими расщелинами и мелкими уступами. У подножія были навалены, не равными кучами, большіе обломки плитняка, составлявшаго главное ея содержаніе, и разнородные камни.

Осмотрѣвъ внимательно одну изъ расщелинъ, я рѣшилъ попробовать подняться на прямикъ. Мы подошли къ подножію, стреножили лошадь, и покуда рабочій началъ устраивать костеръ и готовить шалашъ на ночь, я полѣзъ на верхъ. Восхожденіе оказалось гораздо легче, чѣмъ я сперва предполагалъ. Мѣстами камни расположились такъ ловко, что представляли собою какъ будто нарочно сдѣланныя ступени.

Не прошло и часу съ той минуты, какъ я началъ карабкаться, и я уже взобрался къ подножію того, что издали казалось башней. Я очутился на длинной узкой площадкѣ, которая со стороны, противоположной той, съ которой я взобрался, была обведена стѣнкой, аршинъ трехъ въ высоту и аршинъ пяти въ толщину, грубо сложенной изъ плитника и камней. Видно было, по валявшимся у стѣнки и по разбросаннымъ по всей площадкѣ каменьямъ, что стѣнка была когда-то гораздо выше, но, судя по толщинѣ деревьевъ, успѣвшихъ мѣстами разрушить ее своими корнями, это было очень и очень давно,—лѣтъ сто или болѣе тому назадъ.

То, что издали походило на башню, была цѣльная скала, правильной, четырехъ-угольной формы. Съ задней отъ обрыва стороны, къ ней примыкали еще два громадныхъ обломка, и въ одномъ изъ нихъ виднѣлись поросшія и разрушенныя временемъ, но еще ясно обозначенныя ступени, изъ коихъ самая малая была не менѣе аршина вышины. Въ основаніи скалы я вымѣрилъ болѣе сорока шаговъ въ ширину и приблизительно (точному измѣренію мѣшали обломки) болѣе шестидесяти шаговъ въ длину. Высота скалы отъ площадки была не менѣе двѣнадцати саженъ. Я съ лихорадочнымъ, непонятнымъ самому себѣ любопытствомъ, началъ карабкаться по ступенямъ и сперва хотѣлъ оставить оттягивавшее плечо ружье внизу, но потомъ раздумалъ. На двухъ третяхъ вышины, ступеньки переходили съ обломка на самую скалу, и тутъ мнѣ стало немного тяжело, такъ какъ приходилось лѣпиться къ скалѣ, и куски вѣкового щебня то и дѣло выскальзывали изъ подъ ногъ и съ какимъ-то зловѣщимъ шумомъ сыпались внизъ. Наконецъ, я вскарабкался на вершину скалы и чуть было не скатился въ не глубокую яму.

Вершина скалы представляла собою небольшое углубленіе, которое было наполнено перегорѣлыми головешками и золой. Я вспомнилъ, что наши рабочіе, дежурившіе ночью въ разрѣзѣ, нѣсколько разъ увѣряли меня, что гора «курится». Оказывалось, что они были правы. Кто-то и зачѣмъ-то разводилъ огонь, и судя по нѣкоторымъ еще свѣжимъ угольямъ разводилъ его недавно.

Съ вершины этой башни жертвенника окрестность на нѣсколько десятковъ верстъ въ окружности вырѣзывалась, какъ на планѣ. Можно было прослѣдить всю систему рѣки Аб—на, къ которой принадлежала и та рѣчка, на которой мы работали. Рѣка, рѣчки и ручьи, то блестящими какъ серебро на солнцѣ, то совсѣмъ черными толстыми штрихами, змѣились по всѣмъ прогалинамъ и долинамъ. Темныя массы еще не тронутаго рукой всесокрушающей цивилизаціи вѣкового лѣса чернѣли по всѣмъ направленіямъ. Тишина полная, абсолютная, царила надъ дикимъ краемъ, и слухъ, пріученный къ городскому треску или деревенскому немолчному шуму, къ людскому говору, къ свисту пара, какъ - то странно напрягался и старался уловить хотя какой-либо звукъ. Но кромѣ легкаго шелеста травы, проросшей въ разщелинахъ, и тяжелаго перерывистаго, послѣ крутого подъема, дыханія, все окрестъ, какъ бы въ сказкѣ, казалось спало заколдованнымъ сномъ. Разстилавшійся подо мною видъ былъ совершенно своеобразенъ и не напоминалъ ничего видѣннаго въ былыхъ поѣздкахъ. Ни Швейцарія, ни Кавказъ, ни Финляндія не могли вспомниться для сравненія, а это былъ лишь весьма невысокій отрогъ Саянскаго хребта.

Рискуя жестоко перепачкаться въ золу и сажу, я осторожно началъ обходить углубленіе кругомъ, стараясь не смотрѣть внизъ. На одной изъ сторонъ четыреугольника, я открылъ еще продолговатое углубленіе, въ которомъ былъ сваленъ цѣлый запасъ валежнику. Тутъ же я замѣтилъ что въ большомъ углубленіи существуетъ у самаго дна пробитая въ скалѣ щель, видимо, для спуска дождевой воды, которая иначе могла бы въ немъ застаиваться.

Запасъ валежнику навелъ меня на мысль развести костеръ и дать знать этимъ огнемъ на пріискъ, что я достигъ вершины.

Задумано—сдѣлано. Не прошло и десяти минутъ, какъ густой, смолистый, черный дымъ, красивой спиралью поднимался къ безоблачному небу. Вѣтру не было вовсе, и дымъ шелъ прямо въ высь, безъ малѣйшаго колебанія. Щель для стока воды играла роль, поддувала, и скоро затлѣлись и старыя, вѣроятно, не перегорѣвшія, а залитыя бывшимъ дня за три дождемъ, головешки.

Я осторожно спустился на площадку и только что хотѣлъ перелѣзть стѣнку, чтобы продолжать свои изслѣдованія, какъ изъ-за малаго обломка скалы шарахнулось что-то громадное, и два крыла беззвучнымъ размахомъ вскинули это «что-то» надъ моей головой. Не успѣвъ даже разсмотрѣть хорошенько во что стрѣляю, я уже приложился и спустилъ курокъ.

Огромный филинъ, гораздо больше тѣхъ старыхъ пугачей, которыхъ мнѣ случалось видѣть въ уцѣлѣвшихъ лѣсахъ на югѣ Россіи, грузно упалъ на площадку. Правое крыло волочилось по землѣ, и филинъ, при помощи лѣваго и двухъ толстыхъ когтистыхъ лапъ, живо заковылялъ къ обломку, и забившись въ уголъ, грозно защелкалъ громаднымъ клювомъ, и пуча свои круглые глаза, какъ бы перерѣзанные съузившимися въ черточку зелеными зрачками, какъ будто вызывалъ меня на бой.

Мнѣ стало жаль бѣднаго старика. Богъ вѣсть сколько лѣтъ жилъ онъ въ этой недоступной крѣпости, охотясь по ночамъ и сладко высыпаясь въ жаркіе солнечные дни, и нужно же было мнѣ, не разсмотрѣвъ его типичной, круглой, ушастой головы, принять его за орла и подстрѣлить картечью. Я видѣлъ, что рана его изувѣчила; кости крыла были раздроблены, и чтобы избавить его отъ напрасныхъ, видимо, по судорожнымъ вздрагиваніямъ, мучительныхъ страданій, я докончилъ дѣло разрушенія. Второй выстрѣлъ срѣзалъ его разомъ. Онъ развернулъ здоровое крыло, рванулся впередъ и замеръ. За стѣнкой открылась вторая площадка, гораздо больше первой. Она тоже была обнесена стѣнкой и довольно круто спускалась внизъ. Съ этой стороны обрывовъ не было, и спускъ былъ хотя и довольно крутой, но совершенно ровный. Во второй стѣнкѣ, съ двухъ противоположныхъ концовъ, были пробиты бреши, и вмѣсто воротъ возвышались большія каменныя глыбы, изъ коихъ одна была грубо обтесана на подобіе каменныхъ бабъ, которыя такъ часто попадались на новороссійскихъ курганахъ.

Осматривая внимательно вторую стѣнку, которая была разрушена еще болѣе первой, я замѣтилъ выросшій изъ-подъ камня необыкновенно красивый и еще болѣе оригинальный цвѣтокъ. Онъ походилъ на такъ-называемый у садовниковъ «львиный зѣвъ», но только раза въ четыре болѣе по объему, и съ сильнымъ довольно пріятнымъ, прянымъ запахомъ. Цвѣтокъ этотъ я еще ни разу не встрѣчалъ въ тайгѣ и рѣшился выкопать его съ корнемъ и отвезти, при случаѣ, въ городъ, нашему доктору, у котораго былъ собранъ очень хорошій гербарій изъ мѣстной флоры.

Присѣвъ на корточки, я началъ работать охотничьимъ широкимъ ножемъ и такъ занялся этимъ дѣломъ, что не обратилъ даже вниманія на шумъ отъ падающихъ камней, раздавшійся неподалеку.

Цвѣтокъ былъ мною осторожно выкопанъ; я началъ заворачивать корень въ платокъ, какъ вдругъ, близъ моего лица, просвистѣлъ порядочный камень, и сильно ударившись о стѣнку, раскололся на нѣсколько кусковъ.

Я живо вскочилъ на ноги и только тутъ вспомнилъ, что ружье мое разряжено. Револьверъ, который я всегда носилъ на кушакѣ, былъ оставленъ внизу рабочему, и для защиты у меня оставался лишь мой ножъ и прикладъ ружья. Второй и третій камни ударились вплоть около меня въ стѣнку, и по силѣ, съ какой они ударялись, мнѣ казалось, что ихъ бросаютъ не рукой, а изъ пращи. По направленію, откуда они прилетѣли, не было ничего видно, кромѣ густыхъ кустовъ. Я перепрыгнулъ стѣнку обратно, и присѣвъ за нее, живо зарядилъ ружье, верхній штуцерный стволъ—пулей, нижній дробовикъ—картечью, и сталъ высматривать невидимаго врага.

Черезъ нѣсколько минутъ изъ кустовъ выползъ на четверенькахъ человѣкъ, котораго можно было легко принять за звѣря. Это былъ старый, страшно исхудалый инородецъ. Длинные, густые, почти сплошь сѣдые волосы всклоченной шапкой покрывали его какую-то остроконечную голову. Лицо, съ выдающимися скулами, отъ страшной худобы казалось трехъугольнымъ, и прилипшая къ костямъ кожа была такъ натянута, что морщинъ не было, а лишь тонкіе рубцы испещряли лобъ и виски. Узенькіе, широко разставленные, глубоко впалые глаза горѣли, какъ два уголька, какимъ-то фосфорическимъ блескомъ. Нѣсколько рѣдкихъ сѣдыхъ волосковъ покрывали верхнюю губу и подбородокъ, который острымъ угломъ загибался впередъ.

Инородецъ выпрямился и быстро подбѣжалъ къ брошенному мной цвѣтку. Съ какимъ-то остервенѣніемъ онъ сорвалъ и бросилъ платокъ, въ который я завернулъ-было корень, и началъ осторожно сажать цвѣтокъ на прежнее мѣсто, быстро, не то бормоча, не то напѣвая какую-то монотонную пѣсню.

Въ это время, со стороны обрыва, послышался громкій окликъ. Рабочій, наскучивъ ожидать меня, въ свою очередь взобрался на гору и громко вопилъ: ваше благородіе! баринъ! а баринъ!

Инородецъ какъ то съежился и совершенно по звѣриному повелъ носомъ.

— Степанъ! сюда, скорѣй!—крикнулъ я рабочему, который

живо перелѣзъ первую стѣнку, и замѣтя, что я прицѣливаюсь въ невидимый ему предметъ, кинулся черезъ проходъ, и схватилъ инородца за руки.

— Попался, дикій! теперь шалишь, не уйдешь, мы тебя допрошаемъ съ бариномъ-то!

— Развѣ ты его знаешь?

— Какъ не знать чортова сына! это ихній дикій шаманъ— инородцевъ-то! они его страсть какъ боятся. Ихъ сюда водкой не заманишь, двадцать верстъ крюку дадутъ, чтобы съ этой образиной не повстрѣчаться, а то онъ съ ихняго брата какой хочетъ ясакъ возьметъ. Чтобы ни приглянулось, все отыметъ, да еще на придачу поколотитъ. Ему, ваше благородіе, говорятъ, много за сто лѣтъ перевалило.

Рабочій, отрывочно сообщая мнѣ эти свѣденія, наложилъ на ноги инородцу импровизированныя путы, которыя онъ устроилъ изъ собственнаго ременнаго кушака. Тотъ безъ малѣйшаго сопротивленія самъ подставлялъ ему обѣ ноги и даже поправилъ свернувшуюся пряжку.

— Вотъ теперь ладно будетъ. Не скинешь и не убѣжишь, а внизъ я тебя въ лучшемъ видѣ спущу. Ты ножками передвигать-то можешь, а я тебя за загривокъ придержу. У меня, баринъ, внизу-то все готово. Боюсь какъ бы звѣрь не набрелъ, надо бы намъ спуститься. А онъ у насъ заговоритъ!—добавилъ онъ, похлопывая по плечу инородца.—Ахъ ты, идолъ!—вдругъ крикнулъ онъ, запуская руку за пазуху войлочнаго азяма, который составлялъ всю одежду старика, — ты это зачѣмъ же каменьевъ набралъ? опять метаться думалъ. Такъ-то онъ ловко камни бросаетъ, ваше благородіе, что, говорятъ, за десять шаговъ птицу бьетъ.

Мы хотѣли спуститься обрывомъ, но дикій шаманъ залопоталъ по-своему, и рабочій, свободно говорившій по-инородчески, перевелъ мнѣ, что онъ хочетъ показать другую дорогу. Старикъ, которому я снялъ путы, къ большому неудовольствію Степана, проговорившаго: «вотъ дастъ стрекача въ кусты, только мы его и видѣли»,—провелъ насъ къ логу, который выходилъ прямо къ мѣсту нашего привала. Притоптанная въ чащѣ дорожка служила указаніемъ, что старикъ часто ходилъ по этой тропкѣ.

Предсказанія Степана не оправдывались. Дикій шаманъ и не думалъ давать «стрекача», а напротивъ, пристроился къ огню и приручился. Онъ подправилъ костеръ, умѣло сгребъ въ кучу золу, въ которой Степанъ намѣревался испечь картофель, и увидя чайникъ, предложилъ принести хорошей воды. Чайника Степанъ ему не довѣрилъ, а далъ кожаное ведро, а когда шаманъ

вернулся, онъ помѣшалъ воду ложкой, и зачерпнувъ полную чашку, заставилъ его выпить до капли.

— А то чортовъ сынъ чего подмѣшаетъ; неровенъ часъ,— замѣтилъ рабочій.

Я заварилъ чай и досталъ изъ вьюка бутылку водки. Глаза шамана вновь загорѣлись, и онъ, тронувъ однимъ пальцемъ бутылку, причмокнулъ и проговорилъ: Добро! ухъ, якши!

— Любишь водку-то! губа не дура,— сказалъ Степанъ, отстраняя его руку.—Пожди маненько, баринъ и тебѣ дастъ.

Шаманъ осклабился.

— Скажи ему, Степанъ, что если онъ разскажетъ намъ все, что знаетъ объ этой горѣ, то я ему дамъ бутылку водки и чаю и сахару на цѣлый мѣсяцъ.

— Да вы, сударь, не думайте, что онъ по-русски не понимаетъ. Говорить не можетъ, это точно, а понимать почитай все пойметъ, коли ему раза два повторить повнятнѣе. Ну что, чортова перешница, будешь про гору барину разсказывать?

Шаманъ посмотрѣлъ на гору, потупился и что-то пробормоталъ. Степанъ заставилъ его повторить, и перевелъ:

— Говоритъ: глядя по тому, что спрашивать будете.

Мы выпили по чарочкѣ водки и принялись за похлебку, сваренную Степаномъ, причемъ онъ отлилъ шаману отдѣльную порцію въ туесокъ, который тотъ принесъ, когда ходилъ за водой. За похлебкой слѣдовалъ печеный картофель и крутыя яйца, а на десертъ Степанъ предложилъ мнѣ нѣсколько вѣтокъ съ цѣлыми гроздьями черной смородины, которыя онъ наломалъ въ ближайшихъ кустахъ; но шаманъ, увидя, что я ѣлъ смородину, вырвалъ у меня вѣтку и пошелъ въ лѣсъ, откуда вскорѣ притащилъ чуть не цѣлый кустъ съ такими крупными ягодами, какихъ я ни прежде, ни послѣ не видывалъ. Онѣ были не меньше вишенъ и необыкновенно сладки и ароматны.

— Ишь, собака, какихъ ягодъ раздобылъ. Онъ, сударь, окрестъ верстъ на сто каждое дерево и каждый камушекъ наизусть знаетъ. Завяжите ему глаза, лучше зрячаго дорогу найдетъ.

Мы начали пить чай и старику дали стаканъ.

Шаманъ опять тронулъ пальцемъ бутылку съ водкой.

— А вотъ ты разскажи про гору, такъ и еще получишь,— сказалъ Степанъ, вновь отводя его руку.

Шаманъ вздохнулъ; и говорить-то ему не хотѣлось, и водка-то соблазняла. Соблазнъ взялъ свое, и онъ началъ несвязный разсказъ, который я съ трудомъ могъ понять, потому что Степанъ оказался плохимъ переводчикомъ, когда пришлось говорить не

объ обиходныхъ предметахъ первой необходимости. Приходилось переспрашивать, наводить и догадываться. Вотъ приблизительно, что онъ намъ передалъ:

— «Давно это было. Мнѣ, говорятъ старые люди, больше ста лѣтъ и ста зимъ; моему дѣду, когда онъ умеръ и того больше было, а онъ говорилъ,—ему очень старые люди, которые отъ своихъ дѣдовъ слышали, вотъ что разсказывали: когда нашъ народъ еще сюда не пришелъ, а когда еще мы около Иртыша кочевали, здѣсь жилъ другой народъ, который ваши русскіе воины никогда и не видали. Онъ весь перемеръ, и кости его лежатъ въ тѣхъ курганахъ, что по степной полосѣ вдоль Енисея тянутся, да здѣсь въ лѣсахъ по долинамъ,—тоже въ курганахъ, только эти курганы не видны; на нихъ очень старыя деревья уже отросли и сгнили, а новыя въ два и три обхвата растутъ. Мы были прежде чудь, а теперь инородцы, а тѣхъ звали парсы и были они тоже не здѣшніе, а пришли издалека, съ юга, съ такой стороны, гдѣ зимы не бываетъ, а снѣгъ и ледъ только на горахъ увидать можно. Когда они сюда пришли, здѣсь большого народа не было, а лишь кучками люди жили и ни въ какихъ боговъ не вѣровали. Только думали, какъ бы звѣрья набить, да орѣховъ и кореньевъ набрать. Хлѣба сѣяннаго не знали и коровъ и овецъ не знали. Бѣдный народъ былъ, всегда ѣсть хотѣлъ; голодный народъ, въ шалашахъ и норахъ жилъ.

«Вотъ когда пришли парсы (шаманъ очень чисто выговаривалъ это слово), они этихъ голодныхъ людей обратили въ рабовъ и заставили землю копать, лѣсъ рубить, камень ломать, и скоро тѣ люди совсѣмъ съ ними перемѣшались. И были у парсовъ большіе дома и крѣпости; и скотъ и овецъ они развели. А на эту гору они по своему молиться приходили и на этой скалѣ огонь зажигали и всѣ вмѣстѣ свои пѣсни пѣли. Дѣдъ говорилъ, что это такія хорошія пѣсни были, что даже звѣри изъ лѣсовъ выходили ихъ слушать. А изъ скалы изъ этой ключъ воды горячій бѣжалъ, и въ этой водѣ всѣ купались и отъ всякой болѣзни она помогала. Когда я маленькій былъ, то еще та вода тоненькой струйкой бѣжала, и меня въ ней купали, а потомъ она совсѣмъ пропала. А теперь изъ подъ горы бѣжитъ холодный ключъ, изъ котораго я воду принесъ. И народъ этотъ очень былъ умный и красивый, и добрый. Потомъ наша чудь начала сюда приходить и съ парсами воевать, а они воевать не любили и съ чистыхъ мѣстъ ушли въ лѣса, и на этой горѣ у нихъ была крѣпость, и часто на эту крѣпость нападали, но взять ее никогда не могли. А потомъ болѣзнь на нихъ напала, и

начали они умирать, и еще чуди много пришло, и всѣ парсы пропали».

Шаманъ умолкъ и выразительнымъ жестомъ попросилъ водки. Я налилъ ему чарку, которую онъ выпилъ маленькими глотками, смакуя жгучую влагу.

— А пусть-ка онъ скажетъ намъ, что самъ на этой горѣ выдѣлываетъ,—сказалъ Степанъ.—Ну говори, что ты тамъ по ночамъ продѣлываешь?—спросилъ онъ шамана.

— Будешь тутъ ночевать—увидишь,—отвѣтилъ тотъ.

Я далъ ему толсто скрученную папиросу. Онъ раскурилъ ее жадными затяжками, и выкуривъ половину, тщательно потушилъ о свою ладонь, а окурокъ бережно завернулъ въ кусочекъ бересты.

— Нашъ народъ—глупъ (я передаю его слова опять приблизительными выраженіями, такъ какъ онъ говорилъ частью по своему, частью ломалъ русскій или, вѣрнѣе, сибирско-русскій языкъ), всего боится, всякій и каждый его обижаетъ, а онъ потерялъ силу и терпитъ. Старыхъ боговъ забылъ, русскому молится. А русскій богъ свой народъ больше любитъ и силы ему больше даетъ. Наши боги совсѣмъ захудали, молитвы нѣтъ, жертвы нѣтъ, они и ослабѣли. Насъ очень мало, чтобы имъ по старому молиться; мы совсѣмъ бѣдные, жертвы дать не можемъ. А наши боги тоже сильные были, и наше царство большое и богатое было. Теперь, что мы такое? либо у своихъ богачей рабами стали, либо какъ я, въ лѣсахъ какъ звѣри живемъ. Я трáвы знаю, слова знаю, силу на звѣрей имѣю, много чего знаю. Просилъ, дайте мнѣ мальчика; пусть при мнѣ живетъ, научу его; настоящій шаманъ будетъ, сильнѣй меня будетъ. Я старъ, скоро помру. Не дали. Врешь, говорятъ.

— Какую же ты силу на звѣрей имѣешь?—спросилъ я его.

Онъ взглянулъ на меня своими зоркими глазками и вмѣсто отвѣта закаркалъ ворономъ и погодя немного застрекоталъ сорокой. Онъ повторялъ свое очень искусное подражаніе нѣсколько разъ, и скоро пара горныхъ, краснолапыхъ и красноклювыхъ сорокъ спустились къ намъ и заскакали около костра.

— Воронъ мой далеко ушелъ, не слышитъ,—сказалъ шаманъ и началъ насвистывать. Степанъ его тотчасъ обругалъ.

— Это онъ, ваше благородіе, змѣй насвистываетъ. Сохрани Богъ, гадина-ядовитая наползетъ, того гляди ужалитъ.

— Если я призову—кусать не будетъ,—замѣтилъ шаманъ.

Вечерѣло. Мнѣ хотѣлось еще разъ взобраться на гору и взглянуть на окрестности, при заходящемъ солнцѣ. Степану ка-

залось рискованнымъ пустить меня вдвоемъ съ шаманомъ, которому онъ, не смотря на видимую прирученность, все-таки не довѣрялъ. Онъ далъ ему корку хлѣба для сорбкъ, и отведя меня въ сторону, таинственнымъ шопотомъ заговорилъ:

— Ваше благородіе! вамъ въ руки кладъ пришелъ. Вѣдь насъ никто не накроетъ, такъ позвольте мнѣ съ дикимъ шаманомъ по-своему поговорить. Онъ, шельма, многое знаетъ. Коли его попытать маленько, онъ вамъ такую розсыпь укажетъ, что во всей округѣ такой никому не найти.

— Какъ попытать?—удивился я.

— Да разнымъ манеромъ попробовать можно. На-перво я ему подъ ноготки занозы подпущу, а не пройметъ, пятки подпалю. Мнѣ говорили, что какъ сильно прохватить, то передъ самымъ смертнымъ часомъ и то говорить будешь!

— Съ ума ты сошелъ?

— Оборони Богъ! да нешто это человѣкъ? мразь одна. Первое дѣло—идольщикъ, а второе—онъ вѣдь духу злому молится. Его шайтанъ—по-нашему чортъ. Значитъ, мы какъ бы самого чорта пощупаемъ.

— Ну, это оставь. Я тебѣ человѣка пытать не дамъ.

— Воля ваша, а только вы богатѣющій случай изъ рукъ выпускаете. Его сколько разовъ ловили, ни разу пымать не удалось, а тутъ самъ въ руки дался. Кабы онъ только могъ—навѣрняка бы и васъ, и меня изъ-за угла камнемъ пришибъ.

Я умолчалъ о томъ, что шаманъ уже пробовалъ меня пришибить, и успокоивъ расходившагося Степана (замѣчу при этомъ, честнаго и трезваго рабочаго), отдалъ ему ружье, взялъ револьверъ и пошелъ за шаманомъ, который повелъ меня еще новой тропкой. Мы обогнули гору, съ восточной, еще не осмотрѣнной стороны. Тутъ гора шла тоже крутымъ обрывомъ безъ малѣйшей растительности, и только въ расщелинахъ виднѣлся какой-то мохнатый и густой мохъ. Шаманъ сорвалъ пригоршню и сунулъ мнѣ подъ самый носъ.

— Нюхай—лекарка!—сказалъ онъ.

— Отъ чего лекарство?

— Знашь когда такъ,—и онъ началъ кашлять,—пулужи вода. Кипи! много кипи, холодна пей. Много пей—все прошла.

Мы обогнули гору и скоро взошли хотя по крутой, но удобной для входа тропинкѣ, на которой мѣстами были сложены охапки вѣтокъ и сучьевъ, видимо припасенныхъ нарочно. Шаманъ подхватывалъ по дорогѣ эти охапки и скоро превратился въ кучу двигавшагося валежника. Ноша была бы въ пору здоровому ра-

бочему, но худой какъ щепка старикъ несъ ее какъ перо. Мы вошли на первую площадку черезъ одинъ изъ входовъ. Проходя, шаманъ ткнулъ свободной рукой въ грубое изваяніе и сказалъ.

— Стара, мнуго стара.

На первой верхней площадкѣ шаманъ сбросилъ свою ношу, и подойдя къ убитому филину, потрогалъ его за крыло и, злобно взглянувъ на меня, какъ-то прошипѣлъ.

Онъ прикрѣпилъ филина къ своей связкѣ валежника и быстро пополэъ по обломку, на верхъ скалы. Когда онъ перешелъ на ступени, пробитыя въ самой скалѣ, я невольно изумился его ловкости и цѣпкости. Онъ, вися надъ камнями, какъ векша, лѣпился къ скалѣ и всползалъ на высоту ловче, быстрѣе, а главное смѣлѣе и увѣреннѣе меня. Я не рискнулъ слѣдовать за нимъ, сознавая, что на вершинѣ скалы, гдѣ гладкаго выступа, отъ ямы до краю, было не болѣе полутора аршина, онъ легко могъ однимъ толчкомъ сбросить меня въ пропасть. Видъ и съ первой площадки былъ такъ хорошъ, что я невольно имъ залюбовался. Ущелья и долины курились сизоватымъ, туманомъ, и дальнія вершины болѣе высокаго хребта окрашивались отъ лучей заходящаго солнца красноватыми, фіолетовыми и розовыми оттѣнками. Мѣстами облака, сливаясь съ силуэтами сравнительно невысокихъ горъ, казались снѣжными великанами громаднаго хребта. На востокѣ небо уже потемнѣло, и то тутъ, то тамъ загорались звѣзды, а на горизонтѣ начинала вырѣзываться широкая полоса млечнаго пути.

Пора было подумать и о ночлегѣ. Я хотѣлъ уже возвращаться къ шалашу внизъ, какъ вдругъ сзади меня раздались громкіе возгласы:

— Ну! ого! понатужься, Воронко! а ты, крыса, не отвиливай, не то я тебя хуже твоей клячи отхлещу! Сказано попался, ну и иди! Не то пристрѣлю какъ собаку!

На вторую площадку взбирался, съ отлогой стороны, цѣлый караванъ. Впереди бодро шагалъ Воронко, навьюченный нашимъ добромъ, а сзади его шагали еще двѣ лошади, на которыхъ были навалены громаднѣйшія охапки валежнику, толстыхъ сучьевъ и зеленыхъ хвойныхъ вѣтвей. За ними, сгибаясь подъ громадной связкой валежнику, неохотно шелъ человѣкъ, въ которомъ я узналъ одного изъ инородцевъ, который не разъ отговаривалъ меня отъ поѣздки на гору. Степанъ, съ ружьемъ въ рукахъ, замыкалъ эту неожиданную для меня процессію.

— Вотъ, баринъ, гусь мнѣ попался. Своему шаману жратвы да даровъ привезъ, да на меня и напоролся, а я его и сцапалъ.

Пущай намъ маленько послужить, — весело доложилъ мнѣ Степанъ, живо разгружая вороха сучьевъ.

Инородецъ, подчиняясь силѣ, помогъ ему устроить шалашъ около стѣнки и одинъ маленькій и три большихъ костра.

— Зачѣмъ ты столько костровъ готовишь? — спросилъ я у Степана.

— Все лучше, ваше благородіе! не ровенъ часъ. Вонъ онъ змѣй насвистывалъ, а ночью, гляди, начнетъ по-волчьи подвывать, а не то медвѣдицей орать. Чего добраго все звѣрье съ околотку скличетъ. Я этихъ костровъ сразу зажигать не стану, а только въ малый буду подбрасывать, а чуть что не ладно покажется, мы ихъ и запалимъ. Медвѣдь сперва подумаетъ, прежде чѣмъ на такое пожарище сунется.

Стемнѣло совсѣмъ. Черная стѣна надвинулась на насъ вплотную, и кругомъ на десять шаговъ ничего нельзя было разсмотрѣть. Только надъ нами, въ безпредѣльной вышинѣ ярко горѣли и переливали алмазными лучами звѣзды всѣхъ величинъ, и очертанія созвѣздій вырисовывались почти на черномъ фонѣ. И я, и Степанъ взапуски подливали горячій чай въ стаканы и невольно прислушивались къ ночному шороху и шелесту лѣса.

Инородецъ, получивъ свои двѣ кружки, свернулся и крѣпко заснулъ.

Очертанія горныхъ вершинъ едва вырѣзывались черными линіями на сравнительно менѣе темномъ небѣ. Мы оба часто поглядывали вверхъ, какъ будто намъ что либо грозило оттуда. Спать не хотѣлось, и только-что досталъ я изъ вьюка подушку, какъ вдругъ Степанъ, начинавшій умащиваться поудобнѣе у огня, крикнулъ:

— Гляньте-ка, баринъ! Должно, дикій шаманъ на камнѣ костеръ развелъ.

На вершинѣ скалы мелькнулъ свѣтъ. Разъ, другой, и широкая огненная полоса заколебалась на высотѣ. При полномъ отсутствіи вѣтра, пламя высоко поднималось, и красный отблескъ освѣщалъ ближайшія скалы и камни. Деревья отчетливо вырѣзывались на черномъ фонѣ, и причудливыя очертанія вѣтвей казались какими-то фантастическими змѣями и драконами, которые вотъ-вотъ сорвутся съ горъ и полетятъ, вслѣдъ за дымомъ и за искрами, въ безконечное темное пространство.

Скоро къ треску костра присоединились какіе-то странные, необычные звуки. То казалось, что къ намъ доносится издалека призывъ на помощь погибающаго, то слышался жалобный, дѣтскій плачъ, то ревъ невѣдомаго звѣря. Звуки неслись съ вер-

шины скалы, изъ яркаго пламени все сильнѣе и сильнѣе разгоравшагося костра. Я въ первую минуту подумалъ: не принесъ ли шаманъ въ жертву «старымъ богамъ» самого себя. Но скоро, на ярко красномъ фонѣ, вырисовался черный силуэтъ шамана. Онъ раздѣлся до гола и въ какой-то бѣшеной пляскѣ кружился и изгибался на узкомъ выступѣ, держа высоко надъ головою, за распростертыя крылья, убитаго мною филина. Три раза обѣжалъ шаманъ свой жертвенный огонь и затѣмъ бросилъ въ него трупъ птицы.

— Экъ его ломаетъ, — дивился Степанъ на акробатическіе фокусы шамана.—Нешто я не правду говорилъ, ваше благородіе? Кабы его черти не держали, разѣ онъ не сверзился бы оттоль.

Шаманъ, вѣроятно утомившись, выбралъ наиболѣе выдающійся уступъ, и присѣвъ на корточки, еще рѣзче и пронзительнѣе затянулъ свою дикую пѣсню.

— Лѣшій! идолъ! перестань выть—водки дамъ!—во все горло заоралъ Степанъ, сложивъ руки около рта, въ видѣ рупора.

Шаманъ заливался еще пуще.

— Водки! слышь вооодки! спи-и-ирту дадимъ! — оралъ рабочій.

Послѣднія слова должно быть донеслись до шамана. Онъ пріостановилъ свое вытье, вновь пустился въ дикую головоломную пляску и, наконецъ, скрылся. Пламя его костра начало по немногу умаляться, и вскорѣ только красноватый отблескъ отъ груды углей едва виднѣлся на вышинѣ.

Когда мы вспомнили о нашемъ инородцѣ, то оказалось, что онъ по прежнему лежитъ недвижимо у нашего потухающаго костра и только завернулся съ головой въ свой халатъ.

— Ты чего же на своего родича не любуешься, Киримка?— спросилъ его Степанъ,—безцеремонно открывая ему лицо.

— Мнѣ нельзя смотрѣть, — съ неподдѣльнымъ ужасомъ отвѣтилъ инородецъ, крѣпко зажмуривая свои узенькіе глаза.

И онъ вновь надвинулъ полу халата на голову и свернулся.

Долго не могли мы заснуть. Въ ушахъ все звенѣли завыванія шамана, и мы какъ будто ждали, что вотъ-вотъ вновь вспыхнетъ пламя, и снова заскачетъ надъ пропастью сумасшедшій, бѣсноватый старикъ. Наконецъ потянулъ предразсвѣтный, пропитанный лѣсными испареніями, сырой и свѣжій вѣтерокъ, и мы незамѣтно сперва задремали, а тамъ и крѣпко заснули, забывъ всякія опасенія.

Когда мы одновременно проснулись, солнце уже взошло, но все видимое съ горы пространство было окутано бѣлымъ густымъ

туманомъ, и его мягкая волнистая завѣса, прорываясь то тутъ, то тамъ, еще не давала глазу охватить горизонтъ. Инородецъ крѣпко спалъ. Степанъ растолкалъ его и приказалъ отвести себя къ ключу. Когда они тронулись, я пошелъ взглянуть на камень. На немъ, оказалось, лежалъ большой пучекъ лѣсныхъ цвѣтовъ, связанныхъ моимъ платкомъ, а въ туесѣ красовалось, посаженное въ него съ корнемъ, то самое растеніе, изъ-за котораго шаманъ чуть меня не убилъ. Самого же жреца первобытнаго храма мы такъ больше и не видали.

II.

Бродяги.

День обѣщалъ быть знойнымъ и душнымъ. Роса, обильно смочившая густую траву глухого мѣстечка неисхоженной тайги, м-го округа е—ской губерніи, быстро испарялась, и хотя солнце еще не поднялось надъ горами, окружавшими долину пріиска, и въ ущельяхъ лежали предразсвѣтныя тѣни, но уже было жарко. Рабочіе лѣниво разбирали кайлы, лопаты и лома, и, переругиваясь между собой и съ торопившими ихъ надсмотрщиками, направлялись кучками и въ одиночку къ глубокому разрѣзу. Начинался тяжелый день пріисковой работы.

Изъ отдѣльно стоявшаго домика, въ которомъ помѣщалось главное начальство пріиска, вышелъ высокій и худощавый молодой человѣкъ, одѣтый въ сѣрую полотняную блузу, перетянутую широкимъ кожанымъ кушакомъ. Высокіе сапоги, съ мягкими голенищами, перетянутыми выше колѣнъ ремешками на пряжкахъ; мягкая пуховая шляпа, съ широкими полями, и отличная двухстволка за плечами, мало гармонировали съ окружавшими его, грязными, истрепанными костюмами не только рабочихъ, но и начальствующихъ. Онъ, прищурившись, лѣниво обвелъ узенькими сѣрыми глазами представившуюся ему невеселую картину пріисковаго пробужденія и обратился къ вышедшему слѣдомъ за нимъ, толстому и обрюзглому господину лѣтъ сорока:

— Кажется, сегодня далеко не уйдешь!—даже теперь ужъ паритъ.

— Тѣмъ болѣе послушайте моего совѣта и захватите ягдташъ и фляжку, да и топоръ за кушакъ засуньте. Вы еще новѣ, и если пойдете на тощакъ, да безъ провизіи, вѣрьте слову, лихоманка привяжется, — отвѣтилъ толстякъ, обтирая съ длинныхъ усовъ остатки жирнаго завтрака.

— И безъ того тяжело...

— А къ тяжести, если хотите тайговымъ охотникомъ сдѣлаться, привыкать надо.

— Пожалуй, вы и правы. Иванъ!— крикнулъ говорившій:— давай ягдташъ и флягу...

Онъ лѣниво перекинулъ черезъ плечо ремень ягдташа и, кивнувъ головой толстяку, большими шагами направился въ сторону отъ разрѣза, на ходу скручивая толстую папиросу.

Скоро пріисковый гулъ затихъ; охотникъ свернулъ въ чащу еще не тронутаго вѣкового лѣса и, взглянувъ на часы, кстати посмотрѣлъ на прицѣпленный къ часовой цѣпочкѣ маленькій компасъ и замѣтилъ направленіе тропинки, по которой шелъ. Тропинка извивалась между громадныхъ хвойныхъ великановъ, неправильными рядами толпившихся кругомъ и глушившихъ молодыя деревца и побѣги, которыя густо тянулись вверхъ своими тонкими вершинками, тщетно стараясь пробиться къ теплымъ солнечнымъ лучамъ, золотившимъ вершины великановъ. И здѣсь, какъ и у людей, сильные давили слабыхъ: «погодите!— какъ бы говорили великаны своему мелкому потомству,—дайте время, мы свалимся и дадимъ и вамъ простору и свѣту». Въ лѣсу было тихо, какъ въ пустомъ громадномъ храмѣ. Изрѣдка, гдѣ нибудь въ чащѣ хрустнетъ вѣтка или зашумитъ вершиной громадное дерево, отъ случайнаго порыва вѣтра, дунувшаго изъ согрѣтаго солнцемъ ущелья. Еще рѣже прошелеститъ крылышками спугнутая пичуга, рѣдкая гостья глухой тайги, или прошмыгнетъ почти беззвучно маленькій грызунъ, бѣлка или крошечный турухтанчикъ, цѣпляясь тонкими когтями по вѣтвямъ. Охотникъ прошелъ уже съ полверсты, какъ вдругъ остановился и началъ чутко прислушиваться. До него явственно донеслись слова: «хоть другъ друга сожрать—такъ и то въ пору!» Онъ, удивленно прислушиваясь къ нежданнымъ звукамъ, бросилъ папиросу, снялъ съ плеча ружье и, взведя курки, сталъ тихо подаваться впередъ, стараясь осторожнѣе передвигать свои длинныя ноги. Вскорѣ, за крутымъ колѣномъ тропки, открылась небольшая полянка, и онъ могъ, изъ за толстаго ствола столѣтняго гиганта, осмотрѣть всю прогалину.

Подъ большимъ раскидистымъ кустомъ курился маленькій костеръ изъ мелкаго валежнику. Вплоть къ огню, на корточкахъ, примостился не то человѣкъ, не то звѣрь. Нѣчто, когда-то бывшее тулупомъ, а теперь облѣзлый и заштопанный всякимъ трапьемъ закорузлый кусокъ овчины, съ короткими остатками рукавовъ, облегалъ широкія и костистыя плечи здоровеннаго

малаго, возрастъ котораго было невозможно опредѣлить. Богъ вѣсть когда чесанные и стриженные волосы, обратившіеся чуть не въ войлокъ, образовали цѣлую природную шапку, очень схожую съ кавказской папахой. Короткая, густая борода скрывала нижнюю часть лица; носъ и щеки были сильно обвѣтрены и обожжены солнцемъ, и лишь одни выразительные глаза лихорадочно сверкали изъ подъ прямыхъ, красиво очерченныхъ бровей. Близъ костра лежали и сидѣли четыре подобія людей, съ такими же некрасивыми, обожженными и обвѣтренными, почти черными лицами, едва одѣтые въ разнородныя, грязныя, отрепанныя лохмотья. Только на одномъ была почти цѣльная рубаха изъ синей дабы [1]), цвѣтъ которой можно было лишь угадывать по случайно не замазаннымъ мѣстечкамъ. Всѣ пятеро были до того худы и видимо истощены, что казались выброшенными изъ больницы въ лѣсъ, за безнадежностью.

Охотникъ разсматривалъ ихъ изъ-за своего дерева съ какимъто страннымъ любопытствомъ. Ему случалось не разъ видѣть вблизи самую отчаянную нищету, но ничего подобнаго онъ еще не видывалъ.

Это были не нищіе оборванцы большихъ городовъ, у которыхъ все-таки какіе ни на есть лохмотья прикрываютъ голое тѣло, это была какая-то первобытная, голодная и холодная, безнадежная, звѣриная нищета. Всѣ пятеро видимо выбились изъ силъ и дошли до той степени страданій, когда въ отуманенной головѣ, впервые зарождается страшная мысль о возможности съѣсть себѣ подобнаго.

Охотникъ, уже встрѣчавшій сибирскихъ бродягъ, впервые увидалъ бродягъ, заблудившихся и отощавшихъ.

— И время тоже! — какимъ-то глухимъ голосомъ, — проговорилъ одинъ изъ лежавшихъ, — ни ягоды тебѣ, ни гриба. Хоть-бы падаль какая попалась...

— Погоди малость! — едва слышнымъ голосомъ отозвался другой, — ужотко я подохну, вотъ вамъ и падаль готовая будетъ!

— Ништкни, Кондратъ! — огрызнулся сидѣвшій на корточкахъ, — чего надъ собой каркаешь. Коли я, послѣ стольквхъ лѣтъ, Богу помолился, такъ безпремѣнно, отколь ни на есть, помога намъ будетъ.

— Мало у Бога-то заботы, чтобъ объ такихъ какъ мы думать?! — скептически отвѣтилъ первый.

Лежавшій въ сторонѣ высокій, старый бродяга тяжело по-

---

[1]) Особый сортъ бумажной матеріи.

вернулся на бокъ и, взглянувъ спокойно на говорившихъ, тихо прошепталъ: «винъ все знае! винъ все бачитъ! може трошки и намъ поможетъ!»

Бродяги посмотрѣли на него съ изумленіемъ.

— А что, братцы? коли Хвылыпъ заговорилъ, пожалуй и въ правду о насъ Богъ вспомнитъ! — замѣтилъ сидѣвшій на корточкахъ.

Охотникъ невольно усмѣхнулся: люди умираютъ съ голоду, а добродушный юморъ остается до послѣдней минуты. Взявъ, на всякій случай, ружье на изготовку, онъ вышелъ изъ за своего прикрытія.

— Эй, ребята!—громко окрикнулъ онъ бродягъ.

Отъ внезапнаго окрика бродяги до того изумились, что даже не тронулись съ своихъ мѣстъ. Лишь сидѣвшій на корточкахъ выпрямился во весь ростъ, но при этомъ его сильно покачнуло, какъ пьянаго. Никто изъ нихъ не отозвался, и они съ недоумѣніемъ переглядывались, не постигая откуда взялся, въ глухой тайгѣ, какой-то выходецъ.

— Что же вы, онѣмѣли, что-ль?—вторично окрикнулъ ихъ охотникъ.

— Онѣмѣешь,—когда трое сутокъ маковой росинки во рту не было,—угрюмо отозвался предлагавшій себя вмѣсто падали.

— Оставайтесь, какъ были. Я хоть и одинъ, да сильнѣе васъ, а въ полуверстѣ сотня, другая, помощниковъ найдется. Будете смирно сидѣть, дамъ перекусить, а тамъ и совсѣмъ накормлю,—сказалъ охотникъ.

— Сидай, Жукъ, панычъ взаправду поснидать намъ дасть, —промолвилъ старикъ, котораго назвали Филиппомъ.

— Откуда ты, старый?—спросилъ его охотникъ, ставя ружье между ногъ и раскрывая ягдташъ.

— Харьковскій, съ-пидъ Лебедина,—отвѣтилъ тотъ.

— Вотъ и земляка межъ вами нашелъ,—усмѣхнулся охотникъ, доставая изъ ягдташа большой кусокъ бѣлаго хлѣба и пятокъ крутыхъ яицъ. Онъ разрѣзалъ хлѣбъ на пять кусковъ, насыпалъ на нихъ соли, прибавилъ по ломтику жареной баранины и положивъ все это на траву, налилъ въ стаканъ водки изъ фляги.

— Эй ты, Жукъ!—обратился онъ къ бродягѣ въ подобіи тулупа,—подойди и возьми. Да только, ребята, ѣшьте по крупицамъ, а водку пейте по каплямъ. Ну, а ты, кажись, по крѣпче остальныхъ будешь; пойдемъ со мной за провіантомъ.

Жукъ поднялъ порціи и отнеся ихъ товарищамъ, вернулся за водкой.

— Что, братцы,—заговорилъ старикъ, перекрестившись и дрожащей рукой отламывая крошечный кусочекъ хлѣба,—вспомнилъ и насъ Богъ.

Всѣ промолчали и поочередно стали прикладываться къ стакану съ водкой, который четыре раза обошелъ въ круговую.

— Ухъ!—крякнулъ говорившій о падали.—Теперь, братцы, не подохну. По жиламъ да по суставамъ такъ и побѣжала, а кажись и глотка одного настоящаго въ четыре приклада не отхлебнулъ. Поболѣ мѣсяцу ее, родимую, не смаковалъ. Да и водка у тебя, баринъ, не кабацкая; мекаю, самъ изъ Россіи привезъ?

— Угадалъ, водка изъ Москвы,—отвѣтилъ охотникъ, завинчивая флягу.

— Съ такой плетушечкой, братцы, я бы до Перми дошелъ, —вздохнулъ бродяга, внимательно слѣдя за оборотами винтомъ нарѣзанной крышки.

Жукъ, съ молчаливымъ поклономъ, подалъ охотнику стаканъ, тщательно слизнувъ послѣднія капли.

— Ну, Жукъ, ползи впередъ по этой тропкѣ, а вы, ребята, сиди смирно. Сюда, кромѣ меня, никто не заглядываетъ. Увидать васъ некому.

Бродяга, котораго прозывали Жукомъ, довольно бодро шелъ впередъ, и скоро они подошли на видъ пріиска.

— Слушай, Жукъ!—обратился къ нему охотникъ,—ложись ты за эту колоду и жди, я вернусь скоро.

Онъ пошелъ къ пріиску, но не по дорогѣ, а съзаду построекъ, стараясь, чтобы его не примѣтили. Дверь амбара была открыта и въ немъ кто-то шевелился. Онъ вошелъ въ темную кладовую, куда свѣтъ попадалъ только сквозь отворенную дверь.

— Кто тамъ?—раздалось изъ темноты.

— Ты здѣсь одинъ, Стратилатъ?—спросилъ охотникъ.

— Одинъ, ваше благородіе!—отозвался маленькій рабочій, словно вынырнувъ изъ темноты къ свѣту.

Охотникъ оглядѣлся кругомъ. Вдоль стѣнъ тянулись широкія полки, сплошь заставленныя ящиками, коробами и свертками. Потолокъ пестрѣлъ отъ вбитыхъ въ него крючьевъ, на которыхъ были прицѣплены пуки веревокъ и ремней. Цѣлыя связки хомутовъ, шлей и подпругъ; гирлянды нанизанныхъ на веревку бродней свѣтлѣли въ темнотѣ. Весь полъ былъ уставленъ кадками, кадушками и заваленъ кулями. Въ темнотѣ вырѣзывались силуэты бочекъ, и мѣстами мерцали металлическимъ блескомъ лезвія топоровъ, широкія полосы пилъ и чернѣли цѣлыя связки

ломовъ, лопатъ и полосъ брусковаго и прутоваго желѣза. Острые запахи кожи, спирту, уксусу съ примѣсью букета перцу и специй, ударяли въ голову входившимъ съ свѣжаго воздуху. Мучная пыль носилась и бѣлѣла въ столбѣ свѣта, проникавшаго въ узенькія щели, отъ раздавшихся толстыхъ бревенъ, изъ которыхъ была грубо срублена тяжелая постройка.

— Что прикажете, ваше благородіе?—спросилъ амбарный.

— Прежде всего я тебѣ прикажу забыть, что я къ тебѣ сегодня приходилъ, Стратилатъ, и ни одной живой душѣ объ этомъ не проговориться. Понялъ?

— Какъ не понять, ваше благородіе! кому какое дѣло, что хозяинъ надумаетъ.

— Хлѣбъ печеный у тебя есть?

— Сегодня новый замѣсили, и суточную пропорцію я уже выдалъ. Впрочемъ, двѣ ковриги еще остались; хотѣлъ инородцамъ въ зачетъ за барановъ сбыть.

— А солонины открытый боченокъ есть?

— Сегодня новый почали.

Охотникъ нащупалъ ногой кучу пустыхъ мѣшковъ и поднялъ одинъ изъ нихъ.

— Клади сюда обѣ ковриги, фунтовъ десять солонины, кусокъ нашего сала, мѣшочекъ крупы, кирпичъ чаю, да фунтовъ пять сахару. Только послѣднее-то заверни отдѣльно.

Амбарный изумленно взглянулъ на охотника, но безъ слова и живо исполнилъ его приказаніе.

— Теперь отбери мнѣ пять бродней и пять готовыхъ рубахъ, только не ситцевыхъ, а холщевыхъ, знаешь.

— Слушаю-съ. Готово,—добавилъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, въ теченіе которыхъ охотникъ выбралъ изъ склада топоръ и налилъ въ пустую бутылку спирту. Ноша оказалась и объемистая и тяжелая. Охотникъ улыбнулся, снялъ ягдташъ и, приспособившись, вбросилъ мѣшокъ на свои широкія плечи.

— Подожди, я сейчасъ вернусь за остальнымъ,—сказалъ онъ, и быстро зашагалъ къ ожидавшему его бродягѣ. Скоро онъ вернулся за остальными вещами и захватилъ при этомъ маленькій чугунокъ и пачку сѣрыхъ спичекъ.

— Помни, Стратилатъ:—ты меня не видалъ, а забранное запиши на мой заборъ для инородцевъ.

— Слушаю, ваше благородіе, будьте покойны,—отвѣтилъ тотъ, приводя въ порядокъ разрытое добро.

Когда охотникъ вторично вернулся къ лежавшему за колодой бродягѣ, тотъ даже ахнулъ, но не проронивъ ни одного

слова, взвалилъ мѣшокъ на плечи, забралъ что смогъ подъ локти и, съ удвоенными отъ радости силами, широко зашагалъ по тропинкѣ.

Бродяги, какъ будто предчувствуя, что имъ понадобится больше жару, чѣмъ могъ дать ихъ убогій костеръ, выкопали, при помощи единственнаго бывшаго у нихъ, одного на всѣхъ, подобія ножа и собственныхъ рукъ, ямку, и сгребя въ нее угли, развели костеръ болѣе основательный, углубивъ его въ самую чащу куста. Дымъ, разбѣгаясь по сучьямъ и листвѣ, едва замѣтной дымкой разсѣявался по воздуху. Увидѣвъ цѣлую кучу принесеннаго добра, они радостно переглянулись.

— Уфъ! — вздохнулъ Жукъ, собравшій послѣднія силы, чтобы дотащить ношу, которую въ другое время онъ бы легко пронесъ хоть десятокъ верстъ. Онъ тяжело уронилъ на земь мѣшокъ и сѣлъ. Ноги отказывались его поддерживать.

— Аль изморился?—спросилъ его одинъ изъ бродягъ.

— Кажись, еще сотня шаговъ—не добрелъ бы!

Старикъ-бродяга, по знаку охотника, развернулъ закрученный верхъ мѣшка и началъ вынимать припасы. Остальные молча окружили его.

— Что, ребята, хватитъ наѣсться вдоволь?—спросилъ охотникъ.

— Какъ не хватить, баринъ; намъ этого провіанту на недѣлю хватитъ; паёнъ достаточный, отозвался одинъ изъ бродягъ.

— За что дарить изволите, сударь? — спросилъ другой, разсматривая бродни и рубахи,—заслужить тебѣ ничѣмъ не можемъ.

— Заслуги отъ васъ себѣ я не жду, ребята, а отблагодарить меня вы легко можете. Кто вы-такіе, что за-люди, я не знаю, да и спрашивать васъ не стану. Нашелъ я васъ въ лѣсу, съ голоду ослабѣвшихъ, чуть не голыхъ. Вы для меня странные и голодные, я помогаю вамъ чѣмъ могу. Обогрѣйтесь, пріодѣньтесь, обуйтесь и если встрѣтите странника по дорогѣ, то въ свою очередь помогите, чѣмъ можете. Еще даю я вамъ топоръ, только прежде дайте мнѣ, всѣ пятеро, слово, что скорѣй у васъ руки отсохнуть, чѣмъ этотъ топоръ вы на дурное дѣло въ ходъ пустите.

— Эхъ, баринъ! Тоже поди какая ни на есть совѣсть да осталась у каждаго:—Бога тоже помнимъ,—сказалъ Жукъ, наполнивъ котелокъ водой и подвѣшивая его надъ огнемъ.

— А ты въ Бога-то вѣруешь?—спросилъ охотникъ.

— Нешто можно въ него не вѣровать?—изумился бродяга.

— Шутки баринъ шутитъ, а ты и въ заправду принялъ,—

вмѣшался другой бродяга.—А что, ваше благородіе, наймите насъ въ рабочіе? денька черезъ два, поотъѣвшись, лихо бы въ забой стали.

— Безъ паспорта я не принимаю, а у васъ, полагаю, паспортовъ не водится?

— Грѣхъ отъ вашей милости потаить, въ этомъ не виновны. Вотъ какъ на трактъ выйдемъ, какіе ни на есть глаза добудемъ. Теперь нашего брата на заимкахъ со всякимъ удовольствіемъ на работу примутъ. Страда въ разгарѣ, скоро и хлѣбъ убирать начнутъ.

— А далеко вы пробираетесь?

— Гадаемъ такъ, чтобы къ третьему Спасу въ Томскъ попасть. Тамъ, если работы на зиму не найдемъ, такъ пріютъ выгодный; глядишь, и земляковъ встрѣтишь, и новости узнаешь, и маршрутъ на Россію укажутъ. Мы то всѣ вновѣ; въ первые этотъ ходъ-то узнали. Ну, а въ крайности и въ острогѣ зазимуемъ.

— А не боитесь вы, что васъ поймаютъ?

— Хуже того, что было не будетъ, а ловить насъ кому корысть? вотъ теперь развѣ по парѣ бродней, да по рубахѣ снять можно; да здѣшними мѣстами пойдетъ народъ помягче, на это не позарятся. Здѣсь и за окно побольше выставляютъ [1]); другой разъ и молока хлѣбнуть доведется.

— На что же вы надѣетесь, ребята, если и удалось-бы вамъ перевалить обратно въ Уралъ?

— Эхъ, баринъ! на что волкъ надѣется, когда изъ неволи, гдѣ его все чѣмъ ни есть кормятъ, обратно въ лѣсъ бѣжитъ. Изъ той жизни, отъ которой мы ушли, и то ужъ барышъ, что хотя день на волѣ себя почуешь. Вѣдь вотъ уже было и умирать совсѣмъ собрались; а еслибы примѣтили вашу милость, прежде чѣмъ вы насъ окликнули, изъ послѣднихъ бы силъ въ тайгу уползли.

— Да вы какъ полагаете, сударь? отъ работы мы не прочь, кой какое рукомесло знаемъ. Лишь бы дойти не попавшись, да на мѣстѣ пристроиться, такъ другой разъ нашъ братъ въ именитые люди выходитъ. Вонъ у меня благопріятель въ N. губерніи, тоже по этой дорожкѣ прошелъ, а теперь гляди — богачъ! по первой гильдіи прописанъ. Слава про насъ, что мы нѣхода людей грабимъ да убиваемъ, а коли посчитать, такъ куда больше нашего брата поубивали разные сибиряки. А душа все одна, что

[1]) По большому сибирскому тракту, во многихъ деревняхъ существуетъ обычай выставлять на ночь за окно краюху хлѣба и туесокъ съ водой для «несчастныхъ», т.-е. бродягъ, пробирающихся изъ Сибири въ Россію.

у бродяги, что у заимщика. Начальство многихъ знаетъ, которые по нашему брату, какъ по красному звѣрю, охотятся, а небось ихъ въ каторгу не сажаютъ. Да вотъ, къ примѣру, хочешь, баринъ, вѣрь, хочешь, не вѣрь, а у насъ у пятерыхъ на рукахъ капли крови нѣтъ, и стащили если что, такъ только изъ съѣстного. Не поколѣвать съ голоду-то. А случаи бывали, и одежой, и ружьемъ могли раздобыться!

Вода въ котелкѣ забила ключемъ. Старикъ положилъ въ него кусокъ солонины, насыпалъ крупъ и соли и старательно снималъ накипь, самодѣльной ложкой, которую уже успѣлъ смастерить изъ щепки и бересты. Другой бродяга, при помощи топора, уже вырубилъ шесть здоровыхъ дубинокъ, и выбравъ изъ нихъ одну, съ толстымъ комлемъ, и взявъ топоръ за обухъ, началъ вырѣзывать фигурный набалдашникъ. Не видавъ лично, трудно бы было повѣрить, до чего тщательно и тонко рѣзалъ топоръ еще совершенно сырое дерево, повинуясь грубой мозолистой, закорузлой, но умѣлой рукѣ.

— Одначе и мастеръ же ты, Иванъ—сказалъ Жукъ, замѣтивъ работу рѣзчика.—Едва оболванилъ комель, а уже видать, что медвѣжья морда выйдетъ.

— Это я барину памятку подарить хочу. Пущай вспоминаетъ, что мы теперь при топорѣ Мишеньку встрѣтить не побоимся.

— Что ты самоучкой до рѣзьбы дошелъ?—спросилъ его охотникъ.

— Съ измальства охочь до рѣзьбы былъ, да потомъ довелось у нѣмца, у токаря, два года проработать. Съ настоящимъ струментомъ рѣзать легко, ну а топорнымъ лезвіемъ тонко не сдѣлаешь. — Да и отвычка мѣшаетъ; въ острогѣ всякую «острину» отъ насъ отбираютъ.

— Правда, баринъ,—обратился Жукъ къ охотнику,—что въ нѣмецкихъ земляхъ въ острогахъ всякое мастерство дозволено?

— Правда, только не вездѣ. Начинаютъ теперь въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ заводить мастерскія, но только не всякое мастерство разрѣшается, чтобы мѣстнымъ рабочимъ подрыву не дѣлать. Арестантская работа много дешевле обходится, такъ цѣны мастеровыхъ роняютъ.

— Можетъ, у нихъ оно и такъ, а у насъ въ Россіи и то въ другомъ городѣ, опричь острога, и мастеровъ настоящихъ нѣту. А хорошо бы было,—со вздохомъ замѣтилъ рѣзчикъ,—кабы каждому арестанту позволили своимъ дѣломъ заниматься. Жить бы нашему брату куда легче бы было. И казнѣ барышъ, и намъ,

что ни на есть, къ концу срока на руки бы перепало, и мастерство бы не забывалось, да и другихъ бы научали. А то слоняешься по казармѣ безъ дѣла, ажъ одурь да злоба возьмутъ, и начнешь зря ругаться, да всякую пакость слушать. И на-волѣ безъ дѣла да работы одна дорога—въ кабакъ, а въ острогѣ хоть руку на себя наложить такъ въ пору.

— А что я тебя спрошу, баринъ?—заговорилъ молчавшій до того старикъ бродяга, какъ-то пытливо взглянувъ на охотника, который, сидя около огня, видимо интересовался ихъ бесѣдой.— Ты не обезсудь, коли глупо говорить буду. Бывало, съ барами, изъ тѣхъ что подушевнѣй, я не мало говаривалъ. Думается мнѣ, отчего въ тюрьмы да остроги почти сплошь въ начальство какую ни на есть калечь назначаютъ. Въ попечители да въ дилехтуры тоже безъ выбору попадаютъ, а лишь чтобы по скольку тамъ назначено, каждый годъ вносилъ, да еще за это имъ чины да ордена даютъ. А по нашему только такихъ бы допущать слѣдовало, которые нашимъ братомъ не брезгуютъ и поговорить не гнушаются. Какъ попадетъ случайно такой человѣкъ, сейчасъ въ тюрьмѣ-то какъ будто свѣту прибавится, дышать легче станетъ, да и народъ куда мягче да покладливѣе дѣлается. Вотъ хоть бы къ примѣру отчего по монастырямъ кличь не кликнуть. Про монаховъ чего-чего не говорятъ: и пьяницы то они и пакостники. А я на своемъ вѣку не мало монастырей видалъ, и по-моему, и тамъ, какъ и всюду, всякаго есть, да за то и душевные люди попадаются. И чѣмъ правильнѣе человѣкъ въ монахи попалъ, тѣмъ ему, какъ еще не совсѣмъ старость одолѣла, труднѣе безъ живого дѣла обходиться. Что бы имъ въ тюрьмы доступъ открыть, да на годъ или на два въ надзиратели назначать. Отъ міра-то онъ отказался, да и мы то вѣдь отъ міра ломти откромсанные... а онъ бы, монахъ-то настоящій, ни отъ одежи нашей, ни отъ пайка не попользовался, да и за работой бы приглядывалъ.

— Въ монахи тѣ уходятъ,—замѣтилъ охотникъ, которымъ мірское опостылѣло; они не хотятъ съ людьми быть.

— Монахъ тебѣ сейчасъ псалтырь да житія походя читать начнетъ, да молитвами и поклонами такъ дойметъ, что ты и на Бога-то роптать станешь и изъ мыслей выйдешь, — добавилъ Жукъ.

— Мы—не міръ,—задумчиво отвѣтилъ старикъ.—Мы рѣшонные, всего лишенные. Умный монахъ, я такъ замѣтилъ, безъ твоего спросу о божественномъ никогда самъ разговору не начнетъ. Говорятъ, ихъ бѣсъ смущаетъ, а какіе тамъ бѣса: просто отъ

бездѣлья кровь у него стучитъ, и они ее поклонами да стояніемъ охолаживаютъ. Дай ему, коли онъ въ міру на волѣ не уживается, искусъ настоящій, тяжелый. Онъ его съ радостью возьметъ. Въ больницѣ въ простой, да въ тюрьмѣ, работа не легкая и не сладкая. Тоже подъ началомъ, да за то при дѣлѣ будетъ. А я такихъ не одинъ десятокъ видалъ, что съ охотою, на недолгій срокъ, на такое дѣло пойдутъ.

— Похлебка кажись готова,—прекратилъ бесѣду худой бродяга.

Охотникъ всталъ. Бродяги послѣдовали его примѣру.

— Ну, братцы, бывайте здоровы,—сказалъ онъ, приподымая свою шляпу.

— Спасибо тебѣ, баринъ,—отвѣтилъ за всѣхъ старикъ, отвѣшивая ему поклонъ въ поясъ.—Спасибо и за то, что накормилъ да обулъ, и за то спасибо, что бесѣдой не погнушался. Не какъ собакамъ голоднымъ кость кинулъ, а какъ людямъ помогъ. Мы хоть и каторжные были, а все понимать розницу-то можемъ.

— Не откажи, баринъ, возьми мою палочку,—сказалъ рябчикъ, подавая дубинку.—Великое дѣло въ тайгѣ топоромъ разжиться. Все равно, что безрукому руку вернуть.

Охотникъ взялъ палку, и еще разъ кивнувъ, пошелъ въ лѣсъ, а бродяги примкнули вплотную къ котелку, съ давно не виданнымъ горячимъ варевомъ.

Прошло съ недѣлю времени. Однажды ночью, въ разрѣзѣ пріиска поймали какого-то бродягу, неизвѣстно зачѣмъ туда забравшагося. Украсть тамъ было нечего, а сломать себѣ шею въ темнотѣ онъ могъ легко. Поставили раба Божьяго передъ лицомъ начальства, стали допрашивать: молчитъ парень, словно воды въ ротъ набралъ. Послали за хозяиномъ-охотникомъ. Лишь только онъ взглянулъ на бродягу, какъ тотчасъ призналъ его.

— Это ты, Жукъ?

Бродяга какъ-то безсмысленно взглянулъ на него и сдѣлалъ глупое лицо, ничего не отвѣтилъ.

— Развѣ вы изволите знать его?—спросилъ хозяина толстый надсмотрщикъ.

— Нѣтъ, должно быть я обознался;—отвѣтилъ хозяинъ, и разспросивъ, при какихъ обстоятельствахъ онъ былъ схваченъ и убѣдившись, что бродягой ничего украдено не было, приказалъ отпустить его на всѣ четыре стороны.

При вечерней провѣркѣ добытаго за день золота, оказалось,

что съемка на пятнадцать золотниковъ болѣе средней нормы. Думали, не пойдутъ ли болѣе богатые содержаніемъ пески, но на другой день и въ слѣдующія съемка золота пошла нормальная, и объ этомъ эпизодѣ уже забыли, когда черезъ мѣсяцъ случайно узнали, что на одномъ изъ сосѣднихъ пріисковъ, верстахъ въ тридцати, начато слѣдствіе. Оказались рабочіе безъ паспортовъ, съ борку да съ сосенки, которыхъ всячески обирали и тиранили, разсчитывая на ихъ безотвѣтственность, и довели дѣло до уголовщины. До начала слѣдствія половина разбѣжалась; на сосѣднихъ пріискахъ пришлось держать ухо востро; началось воровство, конокрадство, доходило дѣло до грабежа, но нашъ пріискъ былъ какъ будто застрахованъ отъ всякихъ покушеній. Накормленные и обутые охотникомъ бродяги пустили слухъ по бродяжной братіи, какъ ихъ выручилъ баринъ, и этого было довольно, чтобы пріискъ оставался неприкосновеннымъ.

III.

Саженный алмазъ.

Кончивъ осмотръ громадной лѣсной дачи, пробродивъ двѣ недѣли по глухимъ лѣсамъ и крутымъ отрогамъ Саянскаго хребта, сдѣлавъ сотни двѣ верстъ, то по едва виднѣвшимся слѣдамъ давно заброшенныхъ дорогъ, то по узенькимъ тропкамъ звѣровщиковъ, а то и просто цѣликомъ,—мы стали пробираться къ жилью. Солнце начало уже склоняться, оставалось верстъ десять до выхода изъ тайги, когда на одной изъ сравнительно не высокихъ вершинъ горы, которую мы огибали, что-то ярко блеснуло.

Насъ было двое золотопромышленниковъ, вожакъ и человѣкъ шесть рабочихъ изъ сосѣдней съ лѣсной дачей деревни и двое инородцевъ,—всѣ верхами. Три вьючныхъ лошади везли разный инструментъ, необходимый при розыскахъ, и остатки харчей. Были съ нами лопаты и ломы, и кайлы и веревки, и щупы и топоры. Четырнадцать лошадей шли гусемъ и растянулись длинной лентой по узкой тропинкѣ, которая вилась зигзагами у подножія горы.

— Что бы это могло быть? — спросилъ мой спутникъ у вожака.

Шестидесятилѣтній старикъ Филиппъ, родившійся и выросшій въ этихъ мѣстахъ, зналъ чуть не каждую тропку и каждый камень. Онъ прикрылъ рукой глаза отъ лучей солнца и внимательно вглядѣлся въ блестѣвшую точку.

— Странное дѣло...—какъ-то недоумѣвая проворчалъ онъ,— блеститъ такъ, что глазамъ больно. И не разберешь.

Я досталъ изъ пристегнутаго къ кушаку чехла морской бинокль и, повернувъ окуляръ на «marine», сталъ смотрѣть. Изъ темнаго цвѣта одиноко выдавшейся скалы, на двухъ третяхъ отвѣсно подымавшейся саженъ на сорокъ каменной стѣны, выставлялся угломъ какой-то, повидимому, камень, который горѣлъ и переливалъ всѣми оттѣнками призмы, отражая ударявшіе въ него солнечные лучи.

Я передалъ бинокль моему спутнику, который, посмотрѣвъ нѣсколько секундъ, промолвилъ:

— Точно громадный алмазъ!

Рабочіе тоже замѣтили блестѣвшую точку и начали строить разныя предположенія.

— Словно въ сказкѣ, баринъ, — сказалъ молодой красивый парень, сынъ Филиппа, грамотный и начетчикъ. — Подумаешь, какой-нибудь Кащей свою замѣтку положилъ. Ишь какъ горитъ, да переливаетъ, точно самоцвѣтъ!

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, камень вырѣзывался отчетливѣе, и блескъ его усиливался. Скоро мы подъѣхали совсѣмъ близко; скала висѣла надъ нашими головами, но блестящій камень вдругъ пропалъ.

— Что за притча?!—не выдержалъ Филиппъ, — точно его украли! Заверни назадъ, Абрамъ,—обратился онъ къ сыну, глянь-ка, видать ли его поотдаль?

Абрамъ отъѣхалъ шаговъ съ тридцать.

— Отсель видно! — крикнулъ онъ намъ, — только тухнуть началъ, чуть брезжитъ.

Мы всѣ остановились. Я рѣшилъ разслѣдовать непонятное явленіе и предложилъ одному изъ инородцевъ, который отличался способностью лазить словно векша, попробовать подняться вмѣстѣ со мною къ скалѣ, до которой было на глазъ саженъ двадцать пять. Сдѣлали привалъ, лошадямъ отпустили подпруги, вожакъ развелъ огонекъ и началъ кипятить воду для чая, а мы, съ инородцемъ Киримкой, захвативъ веревки, топоръ, кайлу и маленькій ломъ, начали карабкаться по отвѣсной каменной стѣнѣ.

Сперва дѣло шло легко. Пользуясь трещинами и выступами, мы живо взобрались саженъ на десять вверхъ, но дальше пошло хуже. Приходилось перепрыгивать съ выступа на выступъ; мы помогали другъ другу, цѣпляясь за высовывавшіеся каменья и осторожно ставя ногу, пробуя по нѣсколько разъ камни, то и дѣло вырывавшіеся изъ подъ ноги и съ зловѣщимъ шумомъ летѣвшіе

внизъ, рикошетами и скачками. Смотрѣть внизъ становилось все труднѣе, голова кружилась. Иногда, вися на рукахъ и болтая ногой, не попадавшей на надежную точку опоры, невольно думалось: «а не лучше ли бросить это дѣло и вернуться, покуда не свернулъ себѣ шею».

Но любопытство и самолюбіе, эти двѣ возбуждающія силы, подталкивали и ноги, и руки, прибавляли смѣлости и ловкости, и мы, съ инородцемъ, все ползли и карабкались.

Пришлось, однако, пріостановиться. Мы взобрались, сдѣлавъ головоломные прыжки вверхъ и одновременно немного въ бокъ, на довольно широкій выступъ и начали оглядываться; до скалы было, какъ говорится, рукой подать, но руку нужно было бы имѣть аршинъ въ пять. Обломокъ камня, съ прожилками кварца, выдавался острымъ многоугольникомъ, и изъ одной изъ его трещинъ выставлялся какой-то полупрозрачный, не то сталактитъ, не то горный хрусталь. Лучи солнца уже не ударяли въ скалу, и то, что казалось саженнымъ алмазомъ, теперь потеряло и блескъ и искру, а о степени прозрачности судить было нельзя, такъ какъ отъ верхней части скалы падала густая тѣнь.

— А что, бачка, какъ думашь? не доберемся—сказалъ мнѣ инородецъ, тяжело переводя духъ и примащиваясь поудобнѣй на выступъ.

Добраться и думать было нечего. Надъ нами стѣна горы шла гладкимъ отвѣсомъ, и не видно было ни самомалѣйшаго выступа. Усѣвшись, я посмотрѣлъ внизъ и ужаснулся.

Наши спутники казались карликами. Къ намъ наверхъ едва долетали чуть слышные звуки, и въ мой биновль я ясно видѣлъ, что они машутъ руками, и догадывался, что кричатъ.

Приходилось подумать не о томъ, какъ добраться до камня, а о томъ, какъ благополучно сойти съ головокружительной высоты, на которую мы взобрались. Инородецъ, какъ бы угадывая мои мысли, проговорилъ:

— Ни до камня не долѣзала, ни внизъ не сошла.

— Отчего ты думаешь, Киримка, что мы не спустимся?

— Гляди: мы сюда на рукахъ въ бокъ прыгнулъ. На верхъ такъ можна, а внизъ никакъ не можна, раскачиваться нужно.

Устами инородца гласила сама истина. Положеніе наше становилось трагическимъ. Мы должны были казаться нашимъ спутникамъ не много больше птицы; знаковъ нашихъ, если бы мы вздумали объясняться пантомимой, они не разглядѣли бы.

— Пиши, бачка, записку. Пущай гору обходятъ, да намъ сверху веревки спущаютъ.

Другого исхода не было. Я досталъ бумажникъ,—вырвалъ страничку и кратко изложилъ наше положеніе. При этомъ я просилъ увѣдомить насъ, что записка найдена и прочтена, и для того выстрѣлить два раза.

Мы съ Киримомъ закричали въ унисонъ, что было силы, и затѣмъ, завернувъ записку въ платокъ, а къ платку привязавъ камень, бросили примѣтный узелокъ. Скоро раздались два выстрѣла, и мы увидѣли, какъ большинство людей тронулись въ обходъ горы.

Оставалось сидѣть смирно и ждать. Кажется, сдѣлать это было не трудно, но страшная высота, на которой мы находились, препятствовала намъ предаваться беззаботности. Чѣмъ дальше мы ждали, тѣмъ тяжелѣе намъ было сидѣть смирно, а между тѣмъ чувство самосохраненія какъ бы прижимало насъ къ стѣнѣ и отнимало увѣренность и свободу движеній. Инородецъ былъ спокойнѣе меня и сперва довольно флегматично покуривалъ свою трубку, но когда прошло болѣе часу и тѣни стали замѣтно удлиняться—и его невозмутимость иссякла.

— Плохо дѣло наше, — какъ-то сомнительно поглядывая вверхъ, подѣлился онъ со мною своими размышленіями.

Прошло еще съ полчаса, и надъ нами раздался окрикъ. Мы встрепенулись и подали голосъ. Веревка скользнула мимо насъ по отвѣсу.

— Правѣе!—правѣе!—закричалъ Киримъ, не сообразивъ, что слѣдовало сказать именно наоборотъ. Веревка отскочила, еще дальше.

— Лѣвѣе! — крикнулъ я въ свою очередь, и веревка приблизилась къ намъ.

Маленькій ломъ, кайла и топоръ насъ только стѣсняли. Мы тотчасъ привязали ихъ къ спущенной веревкѣ и крикнули: «подымай». Связка быстро пошла на верхъ, но у края инструменты врѣзались въ камень, и не успѣли мы вскрикнуть, какъ мимо головы инородца пролетѣлъ выскользнувшій изъ петли ломъ; ударившись о нашу площадку, онъ подпрыгнулъ и гремя, и звеня полетѣлъ дальше. Инородецъ, сильно струхнувшій, какъ-то потрогалъ свою голову и затѣмъ пощупалъ щербинку, которая отъ удара лома образовалась въ камнѣ.

— Мало, мало, не пропалъ! — сказалъ онъ мнѣ, широко улыбаясь и прищуривая свои разставленные, узкіе глазки. Веревка вновь закачалась надъ нами. На этотъ разъ она была толще, съ нею скрутили всѣ арканы и ремни, какіе нашлись. Киримъ, поймавъ веревку, живо сдѣлалъ на концѣ петлю, вста-

вилъ въ нее ногу, и схватившись обѣими руками, крикнулъ: «подымай». Веревка натянулась, и инородецъ повисъ въ воздухѣ, крутясь отъ ея развива. «Опускай», крикнулъ онъ къ немалому моему изумленію, и когда его команду исполнили и опустили его на нашъ выступъ, онъ одобрительно крякнулъ и обратился ко мнѣ.

— Ну, бачка, таперя ладна будетъ.

Онъ живо помогъ мнѣ подхватить петлю подъ мышки и изъ куска нашей веревки сдѣлалъ стремя на одну ногу, а другой конецъ привязалъ къ подъемной веревкѣ, такъ что тяжесть тѣла раздѣлялась на двѣ точки.

По командѣ меня начали подымать, и хотя много лѣтъ прошло съ той минуты, когда я висѣлъ на страшной высотѣ—стоитъ лишь закрыть глаза и ощущеніе замиранія, которое я тогда испытывалъ, вновь охватываетъ всего. Подымали, по часамъ, всего минутъ десять, но эти десять минутъ показались вѣчностью.

Встащили и Кирима. Онъ тотчасъ сталъ осматривать веревку и, показывая намъ перетертыя болѣе чѣмъ на половину толщины мѣста добродушно замѣтилъ:

— Будь тамотка третья человѣка, шабашъ!—сиди и жди покуль въ деревня за веревка Киримка смахаетъ.

Такъ и осталось неизвѣстнымъ, какой камень смущалъ насъ своимъ блескомъ.

IV.

Только пять рублей!

Партія арестантовъ, гремя кандалами, спустилась съ крутого откоса нагорнаго берега Волги и подошла къ пристани, у которой стояла желѣзная баржа, оригинальной конструкціи. На палубѣ баржи высилась желѣзная постройка, въ видѣ громадной клѣтки, раздѣленной на три отдѣленія. Вдоль борта былъ оставленъ проходъ, и двое изъ конвойныхъ, приведшихъ арестантовъ, спустившись первыми на баржу, были поставлены часовыми и начали мѣрно и лѣниво прохаживаться по этому узкому проходу, хотя въ клѣткѣ еще никого не было.

На берегу толпились три отдѣльныхъ группы. Одну, состоявшую преимущественно изъ женщинъ съ дѣтьми, окружала цѣлая толпа бабъ и мужиковъ, но, странное дѣло, не слышно было ни громкаго говору, ни бабьяго визга. Лишь по временамъ раздавался дѣтскій плачъ, который какъ-то скоро затихалъ. Стоило

ребенку расплакаться, и тотчасъ кто-либо изъ окружавшихъ протискивался и совалъ ему въ ручку бубликъ, кусокъ пирога или грошовый пряникъ, купленый тутъ же, у одной изъ торговокъ, расположившихся съ своимъ не мудренымъ съѣстнымъ товаромъ не вдалекѣ отъ пристани.

— Эхъ ты, болѣзная!—раздался участливый голосъ старушки, которая подперевъ рукой щеку, долго разсматривала одну изъ женщинъ, возившуюся около трехъ ребятишекъ, сидѣвшихъ на двухъ большихъ мѣшкахъ, наполненныхъ разной рухлядью.— Съ тремя-то дѣтенками, столько тысячовъ верстъ, во всякую мокроту проѣхать, легкое ли дѣло, подумаешь!

Женщина тоскливо взглянула на говорившую большими впалыми глазами и молча продолжала окутывать самаго маленькаго изъ ребятъ.

— За мужемъ, што-ль, идешь-то? — продолжала допрашивать старуха.

— За мужемъ...—не охотно отвѣчала женщина,—смахнувъ набѣжавшую слезу, и какъ-то невольно взглянувъ на группу кандальныхъ арестантовъ, которая была окружена цѣпью конвойныхъ, отгонявшихъ всѣхъ, кто пробовалъ подойти поближе.

— Эй, вы, бабьё!—раздалось съ пристани,—вали на баржу. Женщины съ дѣтьми зашевелились; толпа провожавшихъ и зѣвакъ загудѣла. Посыпались прощальныя привѣтствія и пожеланія. Женщины, съ грудными дѣтьми на рукахъ, первыми потянулись гуськомъ къ сходнѣ, положенной съ пристани на баржу. Старый унтеръ, со спискомъ въ рукахъ, началъ провѣрять входившихъ. Нѣкоторые изъ толпы несли за ними узлы и котомки и передавали ихъ черезъ бортъ, такъ какъ доступъ на баржу постороннимъ былъ строго воспрещенъ.

Кандальные арестанты присѣли, кто гдѣ стоялъ; только одинъ изъ нихъ высокій и стройный, несмотря на свой безобразный костюмъ изъ толстѣйшаго сѣраго и грубаго сукна, съ вставкой на спинѣ, остался на ногахъ. Онъ облокотился на деревянный брусъ, положенный на стойки около пристани, и безучастно смотрѣлъ на гудѣвшую толпу. Энергичное, красивое лицо его рѣзко отличалось отъ некрасивыхъ лицъ остальныхъ арестантовъ, которые какъ-то сторонились отъ этого товарища по несчастію.

Около того-же бруса стоялъ молодой человѣкъ въ щегольскомъ дорожномъ костюмѣ и съ любопытствомъ разглядывалъ новую и не виданную имъ картину. Замѣтивъ арестанта, онъ обратился къ нему:

— Скажите, много всѣхъ въ этой партіи?

Арестантъ вздрогнулъ и тревожно оглянулся. Вниманіе всѣхъ, а также и конвойныхъ, было устремлено на баржу. Онъ, какъ-то незамѣтно передвигая ноги, не отдѣляя ихъ отъ земли, пододвинулся къ статскому.

— Право не знаю,—отвѣтилъ онъ въ полголоса.—Вы вѣрно пріѣзжій?

— Да, я впервые въ этихъ мѣстахъ.

— Послушайте...—какъ-то торопливо заговорилъ арестантъ, не глядя на своего собесѣдника и наблюдая за конвойными...— Быть можетъ сама судьба... или тамъ провидѣніе, послало вас... это мой послѣдній шансъ... хотите сдѣлать доброе дѣло?

— Какого рода?

— Мнѣ. Подайте мнѣ милостыню, но не просто, а съ условіемъ. Мнѣ нужно не болѣе и не менѣе какъ пять рублей. Вы меня спасете отъ самоубійства, на которое я твердо рѣшился, а еще быть можетъ дадите средство начать новую жизнь... Не отвѣчайте, отвернитесь, на насъ смотрятъ...

Молодой человѣкъ увидѣлъ конвойнаго унтеръ-офицера, который приближался къ нимъ.

— Унтеръ-офицеръ!—крикнулъ онъ, и въ этомъ восклицаніи сразу сказался начальническій тонъ бывшаго командира роты или эскадрона. Спроси у этапнаго, скоро ли пріѣдетъ Петръ Петровичъ, я ихъ жду.

— Слушаю, ваше благородіе! — отвѣтилъ конвойный и повернулся въ баржѣ.

Молодой человѣкъ быстро вынулъ портсигаръ и, доставая папироску, незамѣтно взялъ изъ другого отдѣленія пяти-рублевую бумажку. Сдѣлавъ видъ, что роняетъ папиросу, онъ нагнулся и поднялъ камушекъ, который, завернувъ въ ассигнацію, положилъ на брусъ. Арестантъ, внимательно слѣдившій за его движеніями, быстро протянулъ руку и успѣлъ сжать въ ней камень прежде, чѣмъ посланный унтеръ-офицеръ вернулся съ докладомъ: «ихъ высокоблагородіе изволятъ ѣхать!»

Арестантъ не замѣтно передвинулся дальше, и присѣвъ на землѣ, сталъ оправлять свою обувь.—Шевелись,—крикнулъ на него унтеръ,—чего раньше, ворона, думалъ!

Въ это время къ пристани подъѣхала большая коляска. Конвойные вытянулись; ихъ начальникъ, старый и худой штабсъ-капитанъ, въ поношенномъ пальто и смятой фуражкѣ, взялъ подъ козырекъ. Изъ коляски вылѣзъ еще молодой, толстый краснощекій подполковникъ, въ новенькой, щегольской шинели, которую онъ ловкимъ движеніемъ сбросилъ на руки соскочившаго кубаремъ съ козелъ молодцоватаго денщика.

Всѣ притихли и въ наступившей, послѣ громкаго говору многосотенной толпы,—тишинѣ, особенно рѣзко раздались слова подполковника:

— Арестантовъ еще не начали сажать на баржу?

— Никакъ нѣтъ-съ! — отвѣчалъ штабсъ-капитанъ, — только семейства нагружать начали.

— Vous entendez cette expression?—обратился подполковникъ къ своему спутнику, высокому статскому, въ военной кавалерійской фуражкѣ, медленно и лѣниво спустившемуся съ подножки коляски, съ которой онъ, прищурившись, осматривалъ разношерстную толпу.

— C'est vrai qu'on les plonge dans le desespoir, ou ils s'engoufrent pour toujours!—А гдѣ же вашъ братъ?

Статскій оглянулся. Замѣтивъ пріѣхавшихъ, молодой человѣкъ, говорившій съ арестантомъ, быстрыми шагами подошелъ къ нимъ и, пожавъ протянутую руку щеголеватаго подполковника, обратился къ статскому:

— А я уже думалъ, что ты не пріѣдешь?

— Какъ видишь, мы пріѣхали во-время, и ты напрасно отправился такъ рано.

— Я не жалѣю. Съ минуты вашего пріѣзда картина перемѣнилась; всѣ подтянулись, примолкли... Здѣсь гулъ стоялъ отъ говору, а теперь видишь, всѣ притихли; смотрятъ выпуча глаза. Впрочемъ, это было неизбѣжно. Высшее начальство должно было появиться рано или поздно.

Подполковникъ какъ-то недоумѣвая посмотрѣлъ на говорившаго, стараясь угадать: шутитъ ли онъ почтительно, или почтительно насмѣхается.

— Мнѣ хотѣлось самому показать вашему брату и вамъ новый способъ перевозки арестантовъ, котораго, entre nous soit dit, они не стоютъ, — заговорилъ онъ.—Только подумайте, что любой изъ добровольныхъ переселенцевъ, — а ихъ съ каждымъ годомъ прибавляется,—съ наслажденіемъ проѣхалъ бы съ своей семьей на этой баржѣ и былъ бы счастливъ имѣть возможность такъ кормиться всю дорогу, какъ почтенный штабсъ-капитанъ N. будетъ кормить свою команду.

— Это точно-съ,— вставилъ свое замѣчаніе старый офицеръ. —Могу сказать—они у меня до Перми отъѣдаются и даже толстѣютъ.

— Отъѣшься на пустыхъ-то щахъ, да хлѣбомъ съ мякиной! —явственно раздалось изъ группы арестантовъ, которыхъ конвойные незамѣтно сжали въ сплошную кучу, тогда какъ прежде позволили имъ расползтись въ разныя стороны.

Капитана передернуло, а подполковникъ сдѣлалъ видъ, что не разслышалъ случайнаго заявленія.

— Не угодно ли, господа,—любезно обратился онъ къ молодымъ людямъ,—сперва мы осмотримъ баржу, а то когда эти господа на нее взойдутъ, то пребываніе на ней можетъ оказаться съ послѣдствіями.

— Какими?—невольно спросилъ одинъ изъ приглашаемыхъ.

— Мы будемъ атакованы цѣлыми отрядами пѣхоты и кавалеріи изъ царства насѣкомыхъ.

Говорившіе пошли на баржу. Младшій изъ статскихъ, пропустивъ впередъ подполковника съ братомъ, обратился къ штабсъ-капитану.

— Позвольте васъ спросить, капитанъ,—имѣютъ ли право арестанты держать при себѣ деньги?

— Отнюдь нѣтъ-съ! — живо отвѣтилъ старикъ,—всякое подаяніе поступаетъ въ артель, если оно сдѣлано натурою и ко мнѣ, если это деньги, а я выдаю ихъ для покупки чего-либо на всю артель. Собственныхъ денегъ въ отдѣльности имъ не полагается. Оно и опасно.

— Почему опасно?

— А какъ же-съ. Примѣромъ, судьбой помѣняться захотятъ.

— Какъ это: помѣняться судьбой?

— Очень просто. Положимъ Иванъ Непомнящій идетъ на поселеніе, а Степанъ Кривой на каторгу. Дайте Степану пять рублей, и онъ купитъ у Ивана его имя. Ивану съ пола-горя, онъ все равно, рано ли поздно ли удеретъ, а Степану очень лестно вмѣсто каторги поселеніе отбыть. Трудно только до Перми эту штуку продѣлать, а тамъ, дальше, — легко. Вотъ говорятъ ихъ скоро отъ Тюмени до Томска тоже водою сплавлять будутъ, тогда эту штуку не продѣлаютъ, ну а теперь еще случается. Впрочемъ, я всѣхъ еще въ острогѣ до голаго тѣла обыскалъ-съ.

Баржу осмотрѣли скоро и вновь вернулись на пристань. Арестанты, по командѣ штабсъ-капитана, тронулись въ свою очередь, и тотчасъ было доложено, что все готово. Со стоявшаго выше по теченію парохода начали подавать буксиры.

— Вы мнѣ позволите, Петръ Петровичъ, — обратился молодой человѣкъ къ подполковнику, — еще разъ пройти по баржѣ вмѣстѣ съ капитаномъ. Они теперь всѣ устроились по дорожному, и мнѣ интересно посмотрѣть, какъ они размѣстились.

— Сдѣлайте одолженіе,—только gare aux parasites!

Пробравшись не безъ труда черезъ ноги и головы разсѣвшихся на палубѣ поселенцевъ, молодой человѣкъ, сопровождае-

мый не поспѣвавшимъ за нимъ капитаномъ, подошелъ къ отдѣленію кандальныхъ. У самой перегородки стоялъ арестантъ, съ которымъ онъ разговаривалъ на берегу.

— Si vous ne voulez pas me dire votre nom et prénom, je ne veux pas de votre argent, et je le jette à l'eau,—тихо, но отчетливо проговорилъ арестантъ, лишь только увидѣлъ посѣтителя.

— Pour quoi faire?... — удивленно замѣтилъ молодой человѣкъ.

— Je vous en supplie!...

— Эрастъ Викторовичъ N.

— Merçi, et que Dieu vous bénisse! — прошепталъ арестантъ, и увидя подходившаго начальника, отошелъ отъ перегородки.

— Угодно войти въ это отдѣленіе?—спросилъ этапный.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Кажется, буксиры уже закрѣплены.

— Точно такъ-съ! – вмѣшался унтеръ-офицеръ.—Сейчасъ свистокъ будетъ.

Они отправились къ сходнѣ.

— Скажите, капитанъ, за что сосланъ этотъ высокій арестантъ, который стоитъ отдѣльно отъ другихъ?—спросилъ молодой человѣкъ.

— Этотъ, черный?—за убійство-съ. Изъ ревности убилъ свою жену и ея возлюбленнаго. Очень образованный человѣкъ; на четырехъ языкахъ свободно говоритъ и много путешествовалъ. Ему тяжелѣе всѣхъ-съ. Арестанты сторонятся отъ него и рѣдко съ нимъ говорятъ; боюсь, какъ бы онъ надъ собою чего не сдѣлалъ, еще въ отвѣтѣ за него будешь...

Съ парохода раздался протяжный свистокъ. Посѣтитель вышелъ на пристань; сходню сняли. По второму свистку отдали причалы, пароходъ тронулся; туго натянувшіеся буксиры дернули баржу впередъ, и она, тихо отойдя отъ пристани, описала кругъ и плавно поплыла за пароходомъ. Съ берегу замахали платками и шапками, а на баржѣ невольные пассажиры почти всѣ обнажили головы и стали креститься на куполы церквей нижегородскаго кремля.

Черезъ полтора года по уходѣ баржи изъ Нижняго-Новгорода въ гостинницѣ одного изъ сибирскихъ городовъ, на большомъ сибирскомъ трактѣ остановился проѣзжій изъ Петербурга; онъ спѣшилъ въ Иркутскъ по казенному дѣлу. Сопровождавшій его камердинеръ захворалъ и былъ оставленъ имъ въ Томскѣ, и неудобство путешествовать одному сказывалось чуть не на

каждой станціи. Проѣзжій заказалъ себѣ обѣдъ и въ ожиданіи его усѣлся около буфета, просматривая старые №№ газетъ. Въ чистенькой гостинницѣ было тихо; хозяинъ, добродушный нѣмецъ, дремалъ за стойкой крошечнаго буфета, на которой, подъ стеклянными колпаками, на маленькихъ тарелочкахъ, были разложены миніатюрные бутерброды съ сыромъ и колбасой, и переливали, въ граненыхъ графинахъ, разноцвѣтныя домашнія настойки. Маятникъ старыхъ часовъ, съ видомъ германскаго городка на циферблатѣ, мѣрно отстукивалъ тикъ-такъ. Часы по временамъ не то шипѣли, не то ворчали, собираясь, но безуспѣшно, отбивать четверти, своимъ старымъ, какъ ихъ хозяинъ механизмомъ, и каждый разъ хозяинъ ихъ, выходя изъ дремоты, взглядывалъ съ улыбкой на циферблатъ, а иногда приговаривалъ:

— Geht doch! geht doch!.. könnt nicht mehr singen! seit so alt, wie ich es bin!

Часы продолжали отсчитывать секунды, и нѣмецъ, откидываясь на спинку стула, вновь погружался въ сладкую дрему и на его добродушномъ лицѣ появлялась блаженная улыбка человѣка, живущаго лишь воспоминаніями невозвратнаго, давно прошедшаго времени.

Наконецъ часы собрались съ силами и пробили три раза. Проѣзжій положилъ газеты на столъ и обратился къ нѣмцу:

— А что, хозяинъ, скоро вы мнѣ дадите пообѣдать.

— Подождить миножко.

Въ комнату вошелъ, одѣтый въ красную рубаху поверхъ черныхъ шароваръ, высокій, красивый брюнетъ, съ выразительнымъ, умнымъ взглядомъ.

— Вашъ обѣдъ готовъ,—обратился онъ къ проѣзжему.

Проѣзжій, съ любопытствомъ оглянувъ вошедшаго, отправился въ свою комнату.

Въ отдѣльномъ № проѣзжаго былъ сервированъ, очень порядочной посудой и тонкимъ богемскимъ стекломъ, столъ на одинъ приборъ. Вся сервировка и въ особенности чистое, тонкое столовое бѣлье невольно обратили на себя вниманіе проѣзжаго.

— Васъ удивляетъ сервировка?—спросилъ его слуга, возвѣстившій объ обѣдѣ.

— Я съ Москвы подобной не видалъ,—замѣтилъ проѣзжій.

— Это хозяйка, по моей просьбѣ, рѣшилась открыть свой завѣтный сундукъ. Они съ мужемъ были когда-то богатые люди, и это остатки прежней роскоши.

Проѣзжій, усѣвшійся за свой приборъ и попробовавъ супъ, удивленно посмотрѣлъ на слугу.

— Это отличный супъ? кто его готовилъ?—спросилъ онъ.

Между тѣмъ, слуга, который безъ церемоніи осматривалъ открытую дорожную малетку съ нессесеромъ проѣзжаго, замѣтилъ томикъ Tauhnitz edition, и не отвѣчая, въ свою очередь, спросилъ:

— Вы говорите по-англійски?

— Говорю.

— Если вамъ безразлично, будемте продолжать разговоръ на этомъ языкѣ, а то обычные посѣтители гостиницы, которые, я слышу, уже бродятъ по корридору, навѣрное будутъ подслушивать.

Проѣзжій молча кивнулъ головой своему непрошенному собесѣднику. Тотъ свободно и съ безукоризненнымъ произношеніемъ, заговорилъ по-англійски.

— Вашъ супъ и остальное готовилъ я, только не подумайте, что я поваръ по профессіи. Не то, чтобы я стыдился этого ремесла, которое не только меня прокормило полтора года, но даже помогло заработать не одну сотню рублей, но я думаю вамъ пріятнѣе будетъ говорить съ человѣкомъ, который не поваръ, а любитель, державшій самъ дорогихъ поваровъ въ не очень дальнемъ прошломъ. У меня къ вамъ большая просьба,—продолжалъ онъ, приводя въ порядокъ разбросанныя вещи пріѣзжаго. —Вы оставили вашего человѣка въ Томскѣ, и вамъ, какъ непривычному къ дальней дорогѣ, трудно обойтись безъ услугъ. Возьмите меня съ собой до Иркутска. Я буду ходить за вами и прислуживать до чистки сапогъ ваксой моего изобрѣтенія, включительно. Что я васъ не ограблю и ничего не украду, вамъ поручится не только здѣшній хозяинъ, который знаетъ меня всего лишь съ мѣсяцъ, но и здѣшній исправникъ, который знаетъ меня давно. Жалованья мнѣ не нужно, и чемоданчикъ у меня небольшой, а кибитка у васъ просторная.

— Но кто вы?

— Я здѣшній поселенецъ и видъ у меня въ порядкѣ, съ правомъ разъѣздовъ по Восточной Сибири, такъ что со стороны легальности вы можете быть совершенно покойны. Что я не изъ политическихъ ссыльныхъ, вамъ порукой исправникъ, а что касается моихъ убѣжденій, то скажу откровенно, что въ душѣ я русскій, а по обстоятельствамъ, не отъ меня зависящимъ, я вѣроятно буду жить и умру космополитомъ.

— Пожалуй, — немного подумавъ, отвѣтилъ проѣзжій, — только вы извините, если я все-таки спрошу исправника и кромѣ того безъ церемоніи буду пользоваться вашими услугами.

— Then all right! — весело отвѣтилъ Иванъ и пошолъ за вторымъ блюдомъ.

Проѣзжій, отлично пообѣдавъ, вышелъ въ общую столовую, гдѣ мѣстный исправникъ пилъ кофе. Они разговорились, и исправникъ охотно поручился за Ивана, отрекомендовавъ его, какъ мастера на всѣ руки и притомъ испытанной честности, относительно всѣхъ, кто «къ нему относится честно», подчеркнулъ исправникъ, заканчивая этими словами свою рекомендацію.

Скоро лошади были поданы проѣзжему, и новый слуга его, одѣтый въ щегольской полушубокъ, высокіе сапоги и настоящую соболью шапку, ловко закуталъ ноги «своего барина» въ медвѣжье одѣяло, и усѣвшись рядомъ, раскланялся съ хозяиномъ и хозяйкой гостинницы.

— Lebt woll, Herr Ivan! — крикнулъ хозяинъ.

— Fergist nicht: 5, Avenue B. 22, — добавила хозяйка, и кибитка скользнула изъ воротъ, бубенчики задребезжали, колокольчикъ залился и издали донеслось:

— Danke schön, frau Helena!

Прошло опять много лѣтъ. Въ одномъ изъ кабинетовъ ресторана собралось нѣсколько старыхъ товарищей, которые случайно встрѣтились въ Петербургѣ и сошлись помянуть пролетѣвшую молодость. Вспоминали былыя времена; разсказывали эпизоды изъ прошлыхъ дней; передавали впечатлѣнія разныхъ поѣздокъ. Почти всѣ перебывали въ разныхъ закоулкахъ Россіи и Европы, а двое не однократно прокатились вокругъ всего земного шара и уже забыли, сколько разъ пересѣкали экваторъ.

Одинъ изъ нихъ вдругъ обратился къ своему сосѣду:

— Совсѣмъ было забылъ, хотя цѣлый годъ ношу въ карманѣ. У меня вѣдь къ тебѣ, Эрастъ, есть порученіе.

Говорившій досталъ изъ кармана кожаный портмоне и вынувъ изъ бокового отдѣленія завернутую въ бумажку монету, или, точнѣе, половину золотой монеты подалъ ее своему сосѣду.

— Эту половину американскаго игля я получилъ при обстоятельствахъ не совсѣмъ обыкновенныхъ. Былъ я, какъ вы всѣ знаете, довольно долго въ Америкѣ, и однажды въ Нью-Іоркѣ, у меня украли чемоданъ и сумку. Отправился въ полицію. По-англійски я, какъ вамъ извѣстно — швахъ, а изъ числа достопочтенныхъ янки, которыхъ я засталъ у инспектора, ни одинъ ни на какомъ діалектѣ, кромѣ англійскаго, ни звука. Меня уже начало что-то разбирать и я собрался выругаться по-русски и махнуть рукой на пропажу, какъ вдругъ въ комнату вошелъ,

не снимая шляпы, весьма презентабельный господинъ, и мои янки накинулись на него и залопотали всѣ разомъ.

Слышно было только: mister Johnoff! mister Johnoff! Онъ ихъ раздвинулъ, какъ раздвигаютъ мебель, и обратился ко мнѣ—представьте!—на чистѣйшемъ русскомъ языкѣ, безъ какого-то бы ни было акцента. Само собою разумѣется, я обрадовался, разсказалъ ему, въ чемъ дѣло. Онъ выслушалъ меня внимательно и передалъ мой разсказъ полицейскому инспектору. Мнѣ обѣщали помочь, и дѣйствительно въ тотъ же день мои вещи нашлись. Я на другой день отправился благодарить mister'а Johnoff. Оказалось, что онъ натурализованный американецъ, пайщикъ одного изъ банковъ, имѣетъ свой домъ, хорошенькую жену и пару ребятишекъ. Онъ оставилъ меня обѣдать; за рюмкой хорошаго вина мы разговорились и какъ-то упомянули объ оригинальныхъ именахъ. Онъ меня и спрашиваетъ: незнаю ли я mister'а Эраста Викторовича N?—Какъ не знать,—отвѣчаю—старые однокашники.—Не увидите ли его въ Петербургѣ?—Навѣрное! Мой американецъ на русской подкладкѣ всталъ, вынулъ изъ стола новенькій игль, досталъ изъ висѣвшаго на столѣ panoplie охотничій ножъ и ловкимъ ударомъ разрубилъ игль пополамъ. Одну половину онъ спряталъ, а другую—вотъ эту самую—завернулъ въ бумажку и просилъ передать тебѣ.—Скажите Эрасту Викторовичу (я помню каждое его слово), скажите ему, что гора съ горой не сходятся, а люди встрѣчаются часто совершенно неожиданно. Пусть онъ хранитъ эту половинку игля, какъ квитанцію въ томъ, что mister Johnoff еще не заплатилъ ему своего долга, но не теряетъ надежды расквитаться.

— Ничего не понимаю,—замѣтилъ Эрастъ Викторовичъ.—Въ Нью-Іоркѣ я въ жизнь не бывалъ, и никакого mister'а Johnoff, въ числѣ моихъ должниковъ, не помню.

— Онъ такъ и думалъ, что ты съ разу не вспомнишь и просилъ передать какую-то странную фразу. Дай Богъ памяти... да! такъ: Нижній. Баржа. Пять рублей.

— Неужели онъ живъ и въ Америкѣ?!—воскликнулъ Эрастъ Викторовичъ.

— Какъ же ты только что увѣрялъ, что не знаешь такого должника?

— Должника все-таки не знаю, потому что въ долгъ я ему не давалъ, а что за пять рублей можно «помѣняться судьбой» —теперь вѣрю.

В. Ро—въ.

МУСУЛЬМАНСКІЕ ПАЛОМНИКИ

Изъ путешествія по Аравіи.

I.

Заходило солнце, погружаясь за песчаный горизонтъ Этъ-Тихской пустыни Аравіи. Все вокругъ тонуло въ волнахъ неуловимаго всеобъемлющаго свѣта, который проникалъ въ каждую песчинку, каждую частичку дремлющаго воздуха, каждый атомъ всего того, что̀ составляетъ пустыню. То было море свѣта, въ которомъ потонуло и море песку, какъ любятъ называть пустыню, и далекія скалы, и горизонтъ, и даже безконечная синева неба;—все какъ-то сіяло, блистало и сливалось въ нѣчто свѣтлое, чарующее, ослѣпляющее глазъ человѣческій...

Нашъ небольшой караванъ, направлявшійся въ Аравію, отдыхалъ въ тихій іюньскій вечеръ на окраинѣ аравійскихъ пустынь по срединѣ дороги между Синаемъ и Іерусалимомъ. Подобно древнимъ израильтянамъ, мы пробирались черезъ горы и пустыни, ища страны обѣтованной, и уже сдѣлали двѣ трети своего многотруднаго пути. Забыты были прежнія страданія, забыты нужда и лишенія, забыты и зной, и безкормица, и жажда...

Послѣдняя остановка въ Акабѣ,—небольшомъ арабскомъ городкѣ, пріютившемся въ уголку Краснаго моря между Каменистою и Собственною Аравіею, возобновила наши силы и при-

дала намъ нѣкоторую бодрость, потребную для далекаго пути. Путникъ, какъ ребенокъ, скоро забываетъ прошедшія страданія и смѣло идетъ впередъ, не засматриваясь далеко, не вѣдая и не справляясь о будущемъ, хотя бы оно было непроницаемо, какъ покрывало богини Нейтъ въ Саисѣ. Онъ уже бодръ и свѣжъ, когда имѣетъ случай или возможность вздохнуть свободно, хотя нѣсколько часовъ, и этими минутами—не нѣги и упоенья, а утоленья всѣхъ насущныхъ потребностей, купить себѣ новыхъ силъ и крѣпости, столь необходимыхъ въ пути. Онъ предоставленъ самому себѣ; одинъ, вдали отъ всякой цивилизаціи, безъ друзей, въ пустынѣ среди ряда опасностей и лишеній, онъ можетъ надѣяться только на самого себя, на свою энергію, на свое здоровье, и, если такъ можно выразиться, на свою счастливую звѣзду. Въ трудномъ путешествіи человѣкъ начинаетъ вѣрить въ fatum; оно не представляется ему чѣмъ-то непонятнымъ и несуществующимъ;—нѣтъ—твердое убѣжденіе—чему быть, того не миновать—сидитъ крѣпко въ немъ и влечетъ его неудержимо въ таинственную даль... Чтὸ манитъ его туда, онъ не можетъ дать себѣ въ томъ отчета, но отдается тому влеченію безкорыстно и безотчетно, и, если счастливое открытіе увѣнчаетъ его труды, онъ такъ же безотчетно порадуется своему успѣху, какъ и поскорбитъ о его неудачѣ. Ему кажется, что онъ исполняетъ свой долгъ, тὸ, чтὸ ему назначено судьбою, съ чѣмъ связывается все его существованіе... Не слава, не гордость, не авантюризмъ влечетъ его впередъ; тѣ чувства и не должны владѣть тѣмъ, кто отправляется въ путь; онъ долженъ быть трезвъ мыслью, далекъ отъ всякихъ другихъ побужденій, кромѣ чистой идеи, въ пользу которой онъ несетъ всѣ свои лучшія силы, весь свой умъ, часть своей жизни... То чувство, та идея, влекущія человѣка въ таинственную даль на нужды и лишенія, должны быть не выжаты изъ человѣка,— они должны родиться съ нимъ, быть взлелѣяннымъ «отъ младыхъ ногтей» и наполнить все его существованіе...

Послѣ отдыха и утоленія своихъ физическихъ потребностей, мы были бодры и смѣло шли впередъ. Тотъ вечеръ, о которомъ я поведу свой разсказъ, былъ однимъ изъ первыхъ по выходѣ изъ Акабы, и мы, свѣжіе, безпечно отдыхали въ dolce far niente на мягкомъ пескѣ Уади-ель-Араби. На длинныхъ палкахъ, которыя мы везли издалека, были натянуты синія полотнища, взятыя изъ Акабы; съ боковъ ихъ дополняли двѣ простыни, что вмѣстѣ составляло импровизированную палатку. Вмѣсто софъ и דивановъ лежали наши вьюки, вмѣсто ковра—плащи, покрываю-

щіе песовъ, и вмѣсто ограды—четыре дромадера, мирно дремавшіе вокругъ нашей стоянки. На жалкомъ кострѣ кипятился небольшой чайникъ; вокругъ него мои проводники готовили ужинъ и чай, которымъ мы любили баловаться въ пустынѣ, особенно когда вблизи была чистая вода. То былъ обыкновенный, незатѣйливый порядокъ нашего вечерняго отдыха и обыкновенная картина, которую представлялъ нашъ небольшой караванъ, едва мы останавливались на становище.

Въ тотъ день мы рано расположились на ночлегъ, потому что я въ окрестностяхъ нашей стоянки нашелъ много поучительнаго для изученія. Потрудившись довольно, мы отдыхали и любовались чуднымъ закатомъ солнца, которое быстро спускалось къ горизонту. Тѣ волшебные переливы цвѣтовъ, которыми заблистала пустыня, не поддаются простому описанію; даже бойкая кисть художника не въ состояніи передать всей прелести гармонической игры свѣта и тѣней, цвѣтовъ и оттѣнковъ на ширинѣ безграничной пустыни и необъятнаго неба. Оставалось только безмолвно созерцать ту дивную панораму и полною грудью вдыхать бальзамическій воздухъ пустыни, въ которомъ уже чувствовались струйки освѣжающаго вѣтерка, прилетѣвшаго съ недалекаго берега Краснаго моря. Виднѣлось отчасти съ окрестныхъ горъ и холмовъ и само, знаменитое издревле Чермное море. Какъ длинная рѣка, извивался его восточный рукавъ между берегами Собственной и Каменистой Аравіи, окруженный высокими горами, отражающимися въ его волшебномъ зеркалѣ, и хранящими въ своихъ дебряхъ гнусные притоны торговцевъ человѣческимъ мясомъ, продавцами тѣла рабынь. Та рѣка или рукавъ издревле звался Эланитскимъ заливомъ; а когда на развалинахъ славной Элани стала жалкая Акаба, тотъ рукавъ прозвали Акабинскимъ заливомъ. Со временъ незапамятной древности, со временъ доисторическихъ, былъ славенъ тотъ заливъ. Много тогда онъ послужилъ человѣчеству какъ гавань Краснаго моря,—протокъ, ведущій въ сердце Счастливой Аравіи и Петры. Не были тогда пустынны и эти дикіе нынѣ берега, и эти кристальныя воды Чермнаго моря, бороздимыя судами фараоновъ, финикіянъ (этихъ англичанъ древняго міра), арабовъ и индусовъ. Жизнью и счастьемъ цвѣла нынѣ пустынная Аравія, и не даромъ ее издревле прозвали Счастливою. Но тѣ времена прошли уже безвозвратно. Никогда больше міровой транзитъ не пойдетъ черезъ Синайскій полуостровъ, никогда порты его не будутъ центрами міровой торговли и движенія. Только Суецъ начинаетъ входить въ роль, и то пока не совсѣмъ удачно. Сама же Петра, Каме-

нистая Аравія, никогда не процвѣтетъ; вѣчно она будетъ пустынею, которую будутъ бороздить полудикіе сыны ея—бедуины, да хаджи, мусульманскіе паломники, пробирающіеся въ Мекку, да смѣлые европейскіе туристы. И долго эта древняя страна останется во всей своей библейской простотѣ, какою описываетъ ее библія; очень долго она сохранитъ свой непривѣтливый характеръ, несмотря на то, что съ тѣхъ поръ, какъ человѣкъ сталъ помнить себя, она служила страною, около которой вращалась половина исторіи древняго міра.

Убаюканный легкою, пріятною свѣжестью, утомленный моремъ свѣта, разливающагося вокругъ и полупотухающаго на востокѣ, откуда уже появлялась синеватая, съ лиловою оторочкою, дымка, закутывающая далекіе Акабинскіе альпы, я заносилъ впечатлѣнія дня въ свою записную книжку, какъ мой проводникъ Рашидъ, выпрямившись, и какъ бы ужаленный змѣею, произнесъ:

— Смотри, эффенди [1]), отъ востока виднѣется караванъ; вонъ идутъ дромадеры; много ихъ тамъ,—то хаджи, а не простой караванъ... Они идутъ прямо на насъ...

Я и другіе мои проводники поспѣшили высунуться изъ палатки и обглядѣть горизонтъ. Дѣйствительно, занявшись кейфомъ, мы и не замѣтили, какъ изъ далекаго ущелья выдвинулся огромный караванъ. Длинною лентою чернѣлся онъ на облитомъ золотомъ и пурпуромъ горизонтѣ; впереди и сзади его неслись столбы пыли, которые лучами заходящаго солнца освѣщались въ чудныхъ переливахъ. Словно перья волшебной птицы, вились они вокругъ каравана, темно-красными, золотыми, пурпурными волнами и облачками, стремясь кверху и переходя въ розоватую дымку, уже сливающуюся съ лиловыми и голубоватыми тонами потухающаго неба. Несмотря на значительное разстояніе, я простымъ глазомъ даже различалъ нѣкоторыя подробности, благодаря замѣчательной чистотѣ воздуха пустыни. Нѣсколько десятковъ верблюдовъ было легко насчитать въ приближающемся караванѣ. Какъ бы выточенные изъ камня, обрисовывались они рѣзко-темными силуэтами на цвѣтномъ фонѣ горизонта и, преобразованные тою же оптическою иллюзіею, которая обусловливаетъ и миражи, они казались сравнительно огромными. Съ помощью простого бинокля я различалъ уже и всадниковъ, уныло покачивавшихся на горбахъ «кораблей пустыни». Половина хеджановъ [2]) была вооружена, другая нѣтъ. Я сообщилъ

---

[1]) Эффенди—господинъ, ваше благородіе.

[2]) Хеджанъ—всадникъ, сидящій на верблюдѣ-хеджинѣ.

объ этомъ своимъ проводникамъ. Въ одинъ голосъ тогда, при этомъ признакѣ, они отвѣчали, что то несомнѣнно хаджіаджъ [1])— паломники изъ Мекки и Медины. Поклонившись священной Каабѣ, облобызавши стопы и прахъ великаго пророка, они пробираются черезъ пустыни Іемена, Геджаса и Синая по пути хаджей (дербъ-ель-хаджіаджъ) въ Каиръ — настоящую Москву мусульманскаго міра. Давно мнѣ уже хотѣлось видѣть этихъ паломниковъ и пробыть хотя нѣсколько часовъ съ такими интересными людьми, если будетъ возможно. Мое давнишнее желаніе исполнялось: хаджи шли прямо на насъ. Небольшой ручеекъ, у котораго мы остановились, обыкновенно высыхающій въ это время года, манилъ видно и ихъ къ себѣ, какъ приманилъ онъ и нашъ караванъ, хотя мы имѣли еще полные бурдюки воды.

Я не сводилъ глазъ съ интересной группы людей, приближавшихся къ намъ какъ-то особенно быстро. Чрезвычайная ли зеркальность воздуха, или другая оптическая иллюзія, приближала ихъ къ намъ какимъ-то волшебнымъ образомъ, хотя они были еще далеко отъ насъ. Вотъ уже можно различить не только самихъ всадниковъ, но даже и ихъ одежды; вотъ виднѣются бороды почтенныхъ шейховъ, или хаджей, а тамъ еще какія-то странныя фигуры, словно закутанныя въ саванъ мертвыхъ; онѣ не-то полусидятъ, не-то полулежатъ на цѣломъ ворохѣ одежды на бокахъ огромныхъ животныхъ. Все ближе и ближе придвигается караванъ; верблюды его уже фыркаютъ, какъ бы предвкушая отдыхъ; наши вторятъ имъ; словно тяжелая кавалерія, возсѣдающая на какихъ-то чудовищныхъ коняхъ, несется прямо на насъ нѣсколько десятковъ арабовъ. Заходящее солнце причудливо обливаетъ золотыми своими брызгами приближающійся караванъ, и эти металлическіе переливы свѣта въ пустынѣ, производящіе чудный эффектъ, заиграли на чалмахъ, бурнусахъ и ружьяхъ всадниковъ и на спинахъ ихъ животныхъ, казавшихся не-то золотистыми, не-то золотисто-пурпуровыми...

Мы приподнялись на своихъ мѣстахъ, пріосанились, и Юза — самый бойкій и юркій изъ моихъ проводниковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ переводчикъ, величественно пошелъ впередъ, привѣтствуя пришельцевъ правою рукою и наклоненіемъ головы. Шаговъ за пятьдесятъ караванъ пріостановился, какъ бы по данному знаку, и изъ строя верблюдовъ отдѣлилось одно могучее животное, на спинѣ котораго возсѣдалъ живой и вертлявый человѣкъ, сухощавый, какъ щепка, съ длинною съ просѣдью бородою, быстро

---

[1]) Хаджіаджъ—множественное число отъ хаджъ, по-арабски.

бѣгавшими глазами и въ зеленой чалмѣ,—признакъ, указывавшій, что владѣлецъ ея не разъ уже побывалъ въ Меккѣ у гроба пророка и носитъ почетное имя хаджи. То былъ, вѣроятно, хабиръ — вожакъ каравана, или старшій изъ погонщиковъ — шейхъ-ель-джемали, на что отчасти указывало и его, изящно украшенное оружіе, которое онъ носилъ съ большимъ достоинствомъ, нарочно выставляя на показъ.

— Ель-саламъ-алэйкумъ (миръ вамъ)! — было его первымъ словомъ, съ которымъ арабы — этотъ народъ молитвы — обращаются къ путнику, гдѣ бы ни встрѣтили его.

— А-алэйкумъ-ель-саламъ-у-рахмедъ-лилляхи-у-варакату (да будетъ милость Господня съ вами, его благословеніе и любовь)! —отвѣчалъ я, прибавивъ еще:—мархаабкумъ (милости просимъ).

— Тайбинъ, салямятъ-сіакъ-кейфъ-калекъ-ву (привѣтъ и тебѣ, здоровъ ли ты)?—спрашивалъ меня дальше хабиръ.

— Тайбинъ, ель-хамди-лилляхи (благодаря Бога, здоровъ),— было отвѣтомъ съ моей стороны.

Обмѣнявшись привѣтствіями, какъ глава своего каравана съ главою или выборнымъ пришедшаго, я предоставилъ дальше слово Юзѣ, приказавъ ему пригласить караванъ къ «благодатной и волшебной струйкѣ воды, которую послалъ Магометъ на помощь усталому путнику»,—такъ полагается величать въ пустынѣ даже самую ничтожную лужу воды, хотя бы ее едва можно было пить. Наше приглашеніе не было впрочемъ необходимо, потому что бывалый предводитель хаджей безъ насъ зналъ, что не нужно проходить мимо хорошаго источника, когда онъ стоитъ на самомъ пути.

— Эль-хамди-лилляхи! — было единственнымъ отвѣтомъ со стороны араба.

Мой Юза что-то еще сказалъ, должно быть, очень хорошее, предводителю хаджей, такъ какъ этотъ послѣдній послѣ того обратился къ своимъ спутникамъ съ нѣсколькими словами, на которыя они отвѣчали дружнымъ:—машаллахъ (да будетъ восхвалено имя Господне)!

Караванъ сталъ подходить еще ближе къ намъ и расположился шагахъ въ двадцати отъ нашей стоянки. Безъ всякихъ усилій со стороны вожатыхъ, верблюды стали, согнули колѣни и жалобно заревѣли, какъ бы прося, чтобы сняли скорѣе грузъ съ ихъ, вытертыхъ дó крови, спинъ и горбовъ. Нѣсколько десятковъ всадниковъ медленною и важною поступью сошли со своихъ сэрджъ (нѣчто въ родѣ верхового сѣдла) и сняли разное тряпье, служившее имъ подстилкою. Затѣмъ стали разгружать

животныхъ съ тою величественною медленностью и неторопливостью, какою отличается житель востока отъ юркаго, суетливаго европейца.

Несмотря на всевозможныя восклицанія и привѣтствія, сыпавшіяся вокругъ меня и обращенныя, разумѣется, ко мнѣ, на которыя бойко отвѣчалъ Юза, я стоялъ, какъ вкопанный, и не спускалъ глазъ съ разгружающагося каравана. Полный напряженнаго вниманія, я только и видѣлъ темнобронзовыя, загорѣлыя, большею частью испитыя, лица, освѣщенныя огненными глазами, сурово глядѣвшими изъ подъ черныхъ съ поволокою длинныхъ рѣсницъ... Цѣлая коллекція всевозможныхъ типовъ предстала предо мною, и сердце мое дрогнуло отъ пріятной возможности видѣть и сравнить цѣлый рядъ типическихъ физіономій, принадлежавшихъ къ самымъ разнообразнымъ областямъ мусульманскаго міра. Въ первую же минуту я уже началъ различать представителей различныхъ мусульманскихъ націй, и струнка этнографа первая заговорила во мнѣ, едва я успѣлъ оправиться отъ изумленія, овладѣвшаго мною, когда вокругъ нашего тихаго становища закопошился многочисленный людъ. Даже не вѣрилось, чтобы полчаса тому назадъ мы были одни въ мертвой пустынѣ, безъ всякой надежды увидѣть лицо человѣческое,—и вдругъ очутились въ большомъ обществѣ, подобныхъ намъ, странниковъ. Прошло съ четверть часа, и я уже освоился съ своими новыми товарищами настолько, что пересталъ чуждаться ихъ и съ любопытствомъ разсматривалъ эту смѣсь народностей. Рядомъ съ величавымъ туркомъ, одѣтымъ въ великолѣпную чалму и въ широчайшихъ шальварахъ, выступалъ стройный, закутанный въ бурнусъ, сынъ аравійской пустыни, съ мускулами, какъ бы вылитыми изъ стали; рядомъ съ гибкимъ и юркимъ египтяниномъ выдѣлялся черный лоснящійся суданецъ, —ѳеіопъ въ полномъ смыслѣ этого слова, съ бѣлыми, словно слоновой кости, зубами, желтоватыми зрачками и курчавыми жесткими волосами; кромѣ этихъ преобладающихъ типовъ, въ караванѣ хаджей были и другія народности, которыхъ трудно было распознать точно съ перваго взгляда. Съ чувствомъ, понятнымъ этнографу и антропологу, я разсматривалъ эту смѣсь народностей, и отыскивалъ сходства и различія, проводилъ параллели, устанавливалъ антропологическія характеристики. Скоро, однако, мое вниманіе было отвлечено новою оригинальнѣйшею личностью.

Мой Юза уже давно говорилъ съ однимъ почтеннымъ паломникомъ съ длинною сѣдою бородою и въ цвѣтномъ бурнусѣ,

но я какъ-то не сразу остановилъ на немъ свой глазъ; но зато обратившн свое вниманіе на этого старца, я уже не могъ оторваться отъ него. Невольно привлекала меня эта почтенная личность. Благообразный, сѣдой, высокій старикъ съ умнымъ складомъ лица, обрамленнаго длинною шелковистою бородою, съ прекрасными не потухшими глазами, такъ напоминалъ собою библейскаго патріарха, что сравненіе само напрашивалось на языкъ. Длинный посохъ въ рукѣ и нѣчто въ родѣ капюшона, одѣтаго на зеленую чалму, еще болѣе дополняли сходство; когда же послѣдній лучъ догоравшаго солнца освѣтилъ еще этого истаго сына пустыни, позолачивая верхнія складки его бурнуса, который развѣвался тихо въ воздухѣ, онъ явился мнѣ вдохновеннымъ старцемъ, повѣдающимъ волю небесъ избранному народу. Рѣчь его также тихо и торжественно лилась изъ устъ, осѣненныхъ шелковистыми сѣдыми усами и бородою, а безпрестанно подымающіяся руки вверху съ развѣвающимися рукавами и возводимыя часто къ небу черные пламенные глаза словно призывали небесное благословеніе на окружающихъ.

Окончивъ разговоръ съ Юзою, благообразный старецъ подошелъ и ко мнѣ; снова вдохновенная рѣчь полилась изъ его устъ, глаза сверкнули какимъ-то яркимъ огнемъ, какъ у провозвѣстника правды, въ голосѣ послышались чудныя ноты, въ поднимающейся рукѣ—казалось, творилось благословеніе... Много и долго говорилъ почтенный старецъ, Юза едва успѣвалъ переводить.

— Миръ тебѣ благородный хакимъ (врачъ) московъ [1]), началъ онъ, прикладывая свою правую руку по очередно то ко рту, то къ сердцу, то къ головѣ,—Аллахъ да благословитъ твой путь, умножитъ твою силу, укрѣпитъ твоихъ верблюдовъ; да будетъ милость великаго пророка надъ твоею головою. Абдъ-Алла, шейхъ арабовъ пустыни, призываетъ тѣнь Аллаха на тебя и твоихъ спутниковъ. Отъ священной Каабы и горы Арарата идетъ Абдъ-Алла и ведетъ оттуда много хаджей въ Масеръ-ель-Кахира (Каиръ). Онъ проситъ своихъ верблюдовъ, благородный господинъ, поставить рядомъ съ твоими и раскинуть свои шатры на томъ же благословенномъ мѣстѣ, куда пророкъ привелъ и твой караванъ, эффенди.—Аллахъ муссэлемъ, вуссэлемъ аалейху (хвала Богу, а послѣ Бога—пророку!!!).

На эту длинную рѣчь я отвѣчалъ всѣми, извѣстными мнѣ, арабскими вѣжливостями и приглашалъ именемъ пророка—вахіатъ-

[1]) Московъ—русскій; такъ называютъ насъ на Востокѣ.

эль-расуль—весь караванъ расположиться рядомъ съ нашею стоянкою, прибавивъ еще нѣсколько разъ—мархаабкумъ! (добро пожаловать).

Шейхъ, а затѣмъ Юза, громогласно передали еще разъ мое приглашеніе, что было совсѣмъ напрасно, потому что караванъ и безъ того уже остановился вполнѣ въ нашихъ владѣніяхъ. Послѣ вторичнаго приглашенія однако, хаджи начали ставить свои походныя палатки изъ войлока, грубо скатаннаго изъ темной верблюжьей шерсти при постоянныхъ восклицаніяхъ:

— Аллахъ-селлэмакъ (Господи, благослови)!—и—бэ-биссмиллахи (во имя Божіе),—обращенныхъ къ Богу или его пророку.

Теперь вокругъ нашей, еще недавно мирной, стоянки образовалось нѣчто въ родѣ базара; люди толклись, путались и копошились, хотя и не безъ дѣла; только одни верблюды были спокойны; разгруженные со спутанными ногами, они бродили вокругъ становища, отыскивая свою незатѣйливую пищу на полувыжженной пустынѣ и изрѣдка только пофыркивая, какъ бы отъ наслажденія отдыхомъ послѣ труднаго перехода. Изъ разгруженныхъ пожитковъ образовались небольшія кучи, около которыхъ темнолицые ихъ обладатели разбивали свои незатѣйливые шатры такимъ первобытнымъ способомъ, что казалось, будто передъ нами семья древнихъ евреевъ или блуждающихъ номадовъ—семитовъ—дѣтей пустыни, разбиваетъ свои палатки во времена, которыя знаетъ Библія.

Да они и не измѣнились почти съ тѣхъ поръ—истые сыны пустыни... Какими были они во времена Моисея, такими остались и понынѣ. Какъ однообразна и неизмѣнчива пустыня, такъ неизмѣнчивы и обитатели ея — пожалуй, счастливыя дѣти пустыни и свободы... Да и тѣ, которые не могутъ назвать своею матерью пустыню, ея временные гости въ родѣ насъ, или этихъ хаджей, хлопочущихъ около нашей стоянки, не далеко стояли отъ истыхъ дѣтей пустыни въ отношеніи жизненнаго комфорта. Пустыня представляетъ свои условія, она требуетъ, чтобы всякій кто ни придетъ сюда,—гость или постоянный житель ея, жилъ такъ, какъ слѣдуетъ жить въ пустынѣ — этомъ безграничномъ просторѣ, морѣ песковъ, царствѣ свободы, которое, однако, не создано для жизни... Только насильно врывается жизнь въ эту безжизненно-мертвую часть природы и, благодаря своей живучести и могучимъ силамъ приспособляемости, она еще можетъ не только существовать съ боя, но и развиваться въ пустынѣ..

II.

Разбиты шатры, угомонились понемногу верблюды и люди... Солнце уже закатилось, и ночь какъ-то незамѣтно, неслышно подкралась и опустилась надъ пустыней... Есть зôри и въ пустынѣ, и онѣ такъ прекрасны, что ихъ не опишетъ никакое перо, ихъ надо видѣть, чтобы имѣть понятіе... Но того сумрака, который бываетъ у насъ на сѣверѣ передъ наступленіемъ ночи, не бываетъ въ пустынѣ. День смѣняется ночью прямо, какъ только дневное свѣтило утонетъ въ золотѣ, пурпурѣ, лазури и огнѣ за песчаною каемкою, за которую уходитъ горизонтъ пустыни. Ночи и зôри въ пустынѣ—это гордость ея; лучшаго она дать не можетъ, да и трудно себѣ представить что-нибудь лучшее на землѣ...

Суетня и бѣготня въ нашемъ становищѣ уже прекратились... Человѣкъ и животное отдыхаютъ въ ночной тиши. Кое-гдѣ вспыхнули огоньки, зажженные изъ сучьевъ тарфъ (манновыхъ деревьевъ), бурьяну и навозу, отчасти привезенныхъ издалека, отчасти собранныхъ по берегамъ привѣтливо журчащаго ручейка. Какъ отрадно, тихо и спокойно все вокругъ! Какъ все дышетъ нѣгою, покоемъ и южною ночью! Не могу успокоиться только я, потому что вниманіе мое развлечено разнообразными сценами усыпающагося каравана. Наконецъ вниманіе мое остановилось на группѣ, которую я замѣтилъ уже давно. Не видъ мирно отдыхающаго каравана, не прелесть ночи, къ которымъ я успѣлъ уже присмотрѣться впродолженіе многихъ дней, прожитыхъ въ пустынѣ — привлекли мое вниманіе, а тѣ бѣлыя странныя фигуры, которыя я замѣтилъ еще издалека полулежащими на бокахъ верблюдовъ... Я видѣлъ, какъ ихъ бережно снимали, какъ ихъ укладывали на пескѣ, предварительно устроивъ нѣчто въ родѣ постели, какъ ихъ накрывали шатромъ; видѣлъ даже, что эти фигуры двигались, но подходить къ нимъ не рѣшался, думая, что это похищенныя, выкраденныя гдѣ-нибудь по дорогѣ... Зная же ревность мусульманъ по отношенію къ женщинамъ и свое положеніе одного среди десятковъ правовѣрныхъ, я не могъ и думать поближе разсмотрѣть предметъ, привлекшій мое вниманіе.

Недавняя встрѣча съ торговцами невольницъ на берегу Краснаго моря такъ врѣзалась въ мою память, что я и теперь чуть не въ каждомъ арабѣ пустыни видѣлъ продавцевъ живого товара. Въ данномъ случаѣ подобное подозрѣніе было вовсе не

основательно, потому что воровать для продажи женщинъ каравану паломниковъ, возвращающихся изъ Мекки, едва ли было прилично, хотя и случались подобные грѣхи. Юза говорилъ, что иногда хаджи привозятъ съ собою въ Каиръ хорошенькихъ рабынь изъ Счастливой Аравіи и выгодно перепродаютъ ихъ въ Египтѣ сластолюбивымъ пашамъ, что, разумѣется, дѣлается секретно, потому что торговля человѣческимъ мясомъ запрещена теперь въ Египтѣ. Почтенная личность шейха, обходившаго весь караванъ, и напутствовавшаго его привѣтливыми пожеланіями—Аллахъ-маакумъ (Богъ съ вами),—прогоняли это подозрѣніе. Я терялся въ догадкахъ насчетъ значенія этихъ таинственныхъ бѣлыхъ фигуръ и внимательно наблюдалъ за ними; ихъ было всего три; около нихъ стояло нѣсколько человѣкъ, которые по временамъ что-то бормотали надъ лежащими, призывали громко имя Аллаха, но меня не подпускали подойти поближе. Около четверти часа я наблюдалъ за этою любопытною группою, пока громкій, словно предсмертный, стонъ не вырвался изъ груди одной изъ бѣлыхъ фигуръ, которая вдругъ начала шевелиться и развертываться.

— Аллахъ-архамкумъ (да помилуетъ тебя Господь!)—воскликнули арабы въ одинъ голосъ и принялись начитывать цѣлые зурэ (стихи) изъ корана... Тогда я понялъ, что странныя бѣлыя фигуры были больные паломники, которыхъ добрые товарищи не хотѣли бросить въ пустынѣ на пути, гдѣ ихъ ожидала вѣрная смерть, а везли съ собою, несмотря на то, что они были лишнимъ, тяжелымъ балластомъ. Я командировалъ Юзу къ старому шейху распросить подробнѣе объ этихъ больныхъ, потому что во мнѣ заговорило тогда чувство состраданія къ ближнимъ. Теперь я уже удивлялся тому, что не могъ догадаться сразу, что передо мною были больные, и терялся напрасно въ догадкахъ... Стоны, однако, начали вырываться изъ груди несчастнаго все сильнѣе и сильнѣе. Онъ началъ вдругъ изо всѣхъ силъ корчиться, а потомъ кричать раздирающимъ образомъ, какъ бы стараясь освободиться отъ савана, крѣпко окутывающаго его члены. Несмотря на всѣ препятствія со стороны окружавшихъ, я пробился къ несчастному страдальцу и сорвалъ покровы съ его головы...

Передо мною предстало тогда не человѣческое лицо, а образъ воплощенной смерти... Обтянутый посинѣлою морщинистою кожею черепъ съ глубоко ввалившимися потускнѣвшими глазами и черною, окаймлявшею обводъ лицевыхъ костей, бородою въ видѣ узкой ленты, которая придавала еще болѣе смертной блѣдности и синевы этому ужасному лицу,—вотъ что явилось передъ моими гла-

зами, когда я снялъ покрывало. Всѣ мускулы его лица — подобія смерти, были передернуты; страшныя муки изображались на немъ; углы рта были оттянуты, ротъ полуоткрытъ; холодное дыханіе, казалось, вырывалось изъ этихъ посинѣвшихъ, покрытыхъ коркою губъ; растрескавшійся языкъ, огромные темнозеленые круги вокругъ глазъ, глубоко запавшихъ въ орбиты, заостренный носъ—все это придавало лицу больного такой потрясающій видъ, что, разъ увидѣвъ его, нельзя было забыть во всю жизнь. Я понялъ тогда, почему арабы такъ бережно закрывали это ужасное лицо умирающаго: они сами не могли видѣть безъ ужаса страданій своего товарища; не будучи въ состояніи помочь ему, они могли только читать надъ нимъ зурэ и фэтвы (молитвы) изъ корана, да молиться пророку, чтобы онъ помиловалъ правовѣрнаго и прекратилъ его невозможныя страданія; я понялъ тогда, почему другіе отступили отъ этого несчастнаго подобія смерти.

Отступилъ невольно и я, отступилъ не оттого, что испугался вида смерти... Я отступилъ потому, что узналъ *ее*—тотъ ужасающій бичъ, отъ котораго нѣтъ спасенія, который, какъ гнѣвъ божій, какъ страшная кара провидѣнія, иногда обрушивается на погрязшее въ житейской суетѣ человѣчество, словно для того, чтобы искоренить грѣхъ, искупить его огромною гекатомбою — десятками и сотнями тысячъ смертей... Я узналъ *ее*, — она шла тогда черезъ пустыни отъ священныхъ городовъ Геджаса въ Египетъ, и призналъ въ лицо ту ужасную эпидемію, которой одно имя наводитъ смертельный ужасъ и теперь на всю Европу. Это была—азіатская холера... Передъ страшнымъ призракомъ невидимой, но жестокой гостьи, я отступилъ въ ужасѣ, потому что сердце невольно дрогнуло при одной мысли о томъ, что я долженъ произнести ея настоящее имя.

Я слыхалъ уже давно объ этой ужасной эпидеміи, но никогда не чаялъ встрѣтить ее лицомъ къ лицу... И вотъ, она внезапно предстала передо мною во всемъ своемъ ужасающемъ величіи, окруженная жертвами своего смертоноснаго дыханія. Еще вскорѣ послѣ выѣзда изъ Суеца по караванной дорогѣ къ Синаю при встрѣчѣ съ бедуинами Каменистой Аравіи я началъ слышать, что на Востокѣ у «святыхъ городовъ», какъ называютъ арабы Мекку и Медину, появилось снова «джино-туси», дыханіе злого духа, о которомъ не слышно было уже нѣсколько лѣтъ. Я зналъ, что подъ этимъ именемъ бедуины разумѣютъ какую-то эпидемію въ родѣ чумы или холеры. Болѣзнью этою, по словамъ арабовъ пустыни, хвораютъ по преимуществу хаджи, идущіе отъ

поклоненія священной Каабѣ. Бедуины, Феранской долины (недалеко отъ Синая), только-что пріѣхавшіе изъ Акабы, города стоящаго на границѣ Собственной и Каменистой Аравіи, описывали болѣзнь, поражающую паломниковъ по гнѣву пророка, такъ ясно, что уже и тогда для насъ не оставалось никакого сомнѣнія, что дѣло идетъ о холерѣ, хотя въ Египтѣ о ней еще не говорили вовсе. Отдыхая въ синайскомъ монастырѣ, мы получили отъ одного путешественника такое обстоятельное описаніе болѣзни, встрѣченной имъ среди каравановъ паломниковъ у развалинъ Петры, что сомнѣваться было нельзя, что джино-туси арабовъ не что иное, какъ cholera asiatica. Теперь же, пройдя Акабу и столкнувшись на пути хаджей со страшною эпидеміею, я тотчасъ созналъ свое полное безсиліе въ борьбѣ съ такимъ ужаснымъ врагомъ, тѣмъ болѣе, что, вѣроятно, я первый изъ европейцевъ увидѣлъ воочію и окрестилъ ея собственнымъ именемъ ту эпидемію, которой въ 1881 году было суждено напугать всю Европу, всполошить весь образованный міръ... Страшный бичъ человѣчества почему-то остановился въ этомъ году; онъ не проникъ даже черезъ пустыни Каменистой Аравіи въ Египетъ, а остановился гдѣ-то, на границахъ ли пустыни съ Египтомъ, или въ самой дельтѣ благословеннаго Нила, чтобы черезъ два года выступить снова на борьбу съ человѣкомъ съ удесятерившеюся силою. Тысячи, а, можетъ быть, и десятки тысячъ жертвъ, нажатыхъ уже холерою въ Египтѣ въ послѣднее время, служатъ ужаснымъ memento mori человѣчеству, за ту неряшливость и пренебреженіе къ гигіеническимъ мѣропріятіямъ, которыхъ оно не хочетъ и знать, ослѣпленное житейскою суетою...

Новые стоны и страшныя корчи страдальца перервали мои размышленія; я поборолъ свои колебанія и бросился къ больному. Быстро совлекъ я съ него излишніе, спутывающіе покровы и далъ волю судорожнымъ сгибаніямъ конечностей... Я прикоснулся къ рукѣ умирающаго—она была холодна, какъ ледъ; посинѣлая, сморщенная, въ мелкія складки отлупливающаяся кожа едва обтягивала кости, которыя были видны такъ же хорошо, какъ на скелетѣ; пульса не было слышно, жизнь бѣжала уже отъ «дыханія злого духа», и приближалась роковая развязка...

— Хауэнъ-аалляйна-я-рабба! (Помилуй насъ, Господи), — вопили вокругъ стоявшіе арабы, подымая руки къ небу. А небо было такъ высоко и чисто, и облито такимъ прекраснымъ мерцаніемъ звѣздъ, какъ будто на землѣ не было мученій...

Я влилъ согрѣтой воды и вина въ запекшійся ротъ стра-

дальца, что мнѣ едва позволили сдѣлать арабы. Слабый крикъ «А-я-рабба» (о, Боже мой)! — раздался изъ изсохшей груди умирающаго.

Арабы — «народъ молитвы», какъ ихъ справедливо называютъ. Имя божіе у нихъ всегда на устахъ — и въ минуту торжества, и въ минуты страданія, и при послѣднемъ предсмертномъ воздыханіи. Около часу еще я провозился съ умирающимъ, а потомъ онъ заснулъ на вѣки, обернувъ свое лицо къ той сторонѣ, гдѣ находится Кааба. Его полузасохшіе уста еще силились произнести имя пророка, но изъ его груди вырывались одни хриплые звуки; губы шептали еще что-то, и только одно отрывочное — лиллахи — показывало, что страдалецъ шепталъ ту заповѣдь, на которой зиждется Магометовъ законъ... Страшно тяжело мнѣ было въ эти минуты, и я вздохнулъ свободнѣе, когда мученикъ пересталъ дышать. Онъ не долго боролся съ страшною смертью, потому что отъ него оставался одинъ скелетъ, обтянутый пергаментообразною кожею. Возясь съ однимъ, я забылъ о двухъ другихъ; но когда отходилъ я отъ свѣжаго трупа, на который мы набросили его бурнусъ, двое другихъ боролись съ тою же ужасною болѣзнью... Старый Абдъ-Алла стоялъ уже надъ ними и читалъ длинную зурэ изъ корана, гдѣ описывались страданія человѣческія, и гдѣ великій пророкъ обѣщаетъ за то много наградъ правовѣрному, когда онъ перейдетъ въ загробную жизнь. «Страшно мученіе земное, но презрѣнно, — говорилось тамъ, — огонь, кажется, попаляетъ твои внутренности, червь точитъ твое тѣло, и скорпіонъ разитъ твое сердце; но ты борись со смертію, правовѣрный, жди и надѣйся... Исповѣдуй, что Богъ единъ, сынъ мой!..»

Но не до исповѣданія имени Аллаха и пророка было несчастному страдальцу; онъ стоналъ отъ нестерпимой боли и корчился отъ судорогъ; обѣщаніе райскихъ радостей и жаркихъ объятій хорошенькихъ черноокихъ гурій не услаждало «земныхъ, презрѣнныхъ мученій».

Когда я подошелъ къ Абдъ-Аллѣ, онъ пересталъ читать и привѣтствовалъ мой приходъ. Старый шейхъ уже зналъ отъ Юзы, что я принадлежу къ «благородному роду хукама» (врачей), а потому, указывая на больныхъ, сказалъ:

— Ты врачуй тѣло, благородный хакимъ, а я буду врачевать душу. «Аллахъ-ху-акбаръ» (Богъ великъ!) Онъ поможетъ намъ. Страшное джино-туси — гнѣвъ великаго пророка; онъ ниспосылаетъ его въ міръ, чтобы наказать его за беззаконія...

Теплое вино, горячіе компрессы, обтираніе и другія посиль-

ныя средства, бывшія у насъ подъ руками, сдѣлали свое дѣло. Больнымъ стало немного легче... Они смолкли и, повидимому, спокойно заснули. Тогда-то и началось настоящее врачеваніе души. Десятка полтора арабовъ съ Абдъ-Аллою во главѣ затянули такую длинную молитву, что, казалось, ей не будетъ и конца. По временамъ чтеніе на распѣвъ прерывалось громогласнымъ исповѣданіемъ вѣры: — Ляль-иль-лаха-иль-Аллахъ, ву-Махометъ-расуль-Аллахъ (нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его!) которое повторяется десятки разъ на день мусульманами и способно разстроить самые крѣпкіе нервы. Несмотря на всѣ мои просьбы, врачеватели души не замолкали и на мое заявленіе, что подобное средство можетъ повредить больнымъ, мнѣ отвѣчали единогласно:

— Мафишь, фаида, минъ-шанъ-эльмухтъ-аббаттенна (смерти не избѣжишь!)

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда окончилось врачеваніе души. Ночь чудная, звѣздная, какія бываютъ только въ пустынѣ, царила вокругъ... Я еще разъ влилъ немного теплаго вина въ ротъ своихъ паціентовъ и обложилъ ихъ конечности тряпками, согрѣтыми у костра, который приказалъ поддерживать всю ночь. Затѣмъ я могъ вздохнуть свободнѣе, какъ человѣкъ, исполнившій свой долгъ. Мои, Ахмедъ и Рашидъ, тоже развели небольшой костеръ невдалекѣ отъ нашего шатра и самымъ невиннѣйшимъ образомъ варили похлебку и чай, какъ будто до нихъ ничего и не касалось, не вѣдая и не догадываясь, что около насъ рѣетъ невидимая ужасная смерть, которой дыханіе, быть можетъ, мы уже вдохнули въ себя. Прилегъ было у костра и я, чтобы отдохнуть отъ треволненій, какъ къ нашему огоньку подошелъ Абдъ-Алла и привѣтствовалъ насъ пожеланіемъ спокойной ночи—лейльвумъ!

Мы пригласили почтеннаго старца присѣсть и раздѣлить нашъ скудный ужинъ. Абдъ-Алла отвѣчалъ самыми изысканными арабскими выраженіями и сталъ размѣщаться на подложенномъ для него кускѣ войлока. Мы и не замѣтили, что съ нимъ пришелъ и другой гость къ нашему костру. То былъ высокій мужчина съ красивымъ, немного загорѣвшимъ лицомъ не арабскаго типа, небольшими подстриженными усами и бородою, и въ костюмѣ, отличавшемъ его сразу среди другихъ богомольцевъ. Мы изъ вѣжливости пригласили и этого незнакомца къ своему огоньку, на что онъ тотчасъ согласился. Нѣсколько минутъ мы сидѣли молча, не зная о чемъ говорить. Лицо Абдъ-Аллы, озаренное багровымъ пламенемъ костра, было торжественно-спо-

койно; поджавъ ноги подъ себя, онъ сидѣлъ, уставивъ глаза свои въ огонь, и перебиралъ четками, тогда какъ его спутникъ долго осматривалъ меня своими черными, живыми глазами, которые какъ будто говорили что-то, но не могли остановиться на одной точкѣ. Я нарочно старался не смотрѣть на любопытнаго незнакомца, какъ вдругъ онъ произнесъ довольно чисто по-русски.

— Вѣдь вы, кажется, русскій? Не правда ли?

Я встрепенулся и вздрогнулъ невольно при звукахъ родного языка. Громъ среди яснаго неба меня не могъ бы поразить сильнѣе, чѣмъ русская рѣчь, которую я услышалъ въ дикой пустынѣ недалеко отъ Чермнаго моря, на границахъ Собственной Аравіи. Первую минуту я не могъ придти въ себя и только внимательно уставилъ оба свои глаза въ эту красивую физіономію. Она, правда, была не похожа на арабскую, но и русскаго, даже европейскаго, ничего не было въ ней.

— Да,—машинально отвѣчалъ я, не сводя глазъ съ таинственнаго незнакомца, слегка улыбнувшагося при этомъ отвѣтѣ.

— Вы, кажется, удивляетесь, что я говорю по-русски,—продолжалъ онъ:—правда, я не русскій, но я живу въ Россіи; мое семейство и теперь тамъ. Я русскій татаринъ, купецъ изъ Ташкента—Букчіевъ,—прибавилъ онъ, видя мое возрастающее смущеніе; я былъ въ Меккѣ, а теперь пробираюсь въ Каиръ, а оттуда черезъ Стамбулъ въ Россію.

Мнѣ оставалось только пожать руку своему соотечественнику, хотя мое изумленіе не могло пройти такъ скоро.

— Я удивился еще болѣе,—продолжалъ мой новый знакомый,—встрѣтивъ одинокого русскаго среди пустынь Аравіи, а вамъ, кажется, удивляться нечего. Вѣдь не мало насъ, магометанъ, ежегодно уходитъ изъ Россіи помолиться въ Мекку ко гробу Магометову... Я такъ радъ былъ увидѣть русскаго, послѣ того, какъ восемь мѣсяцевъ не слыхалъ слова по-русски, что не могъ скрываться болѣе, и пришелъ прямо къ вамъ, хотя это не совсѣмъ-то удобно для меня... Вы не говорите только шейху, что я вашъ соотечественникъ, иначе они подумаютъ, что я переодѣтый гяуръ, и тогда горе мнѣ!..

Несмотря на всѣ эти объясненія, очень понятныя и правдивыя, несмотря на то, что въ этомъ, собственно говоря, ничего не было удивительнаго, я все-таки не могъ оправиться вполнѣ—теперь уже отъ пріятнаго изумленія. Вѣдь встрѣчалъ же я на берегахъ Нила феллаховъ, болтающихъ русскія слова, вынесенныя изъ плѣна; вѣдь говорилъ же я съ природнымъ

египтяниномъ по-русски въ вагонѣ Каиро-Александрійской дороги; встрѣчалъ я и русскихъ богомольцевъ въ Синайской пустынѣ и слышалъ самое лестное мнѣніе о русскихъ отъ араба пустыни, шейха племени терабиновъ на берегу Акабинскаго залива,—и думалось мнѣ: такъ нечего послѣ того удивляться тому, что русскій мусульманинъ встрѣтился на пути въ Мекку и Медину. Не прошло и десяти минутъ, какъ мы съ Букчіевымъ были, какъ старинные знакомые. Какъ-то отрадно стало на душѣ, когда я услышалъ хорошую русскую рѣчь, послѣ того, какъ нѣсколько недѣль не слыхалъ ни одного родного слова... Въ Россіи я равнодушно посмотрѣлъ-бы на этого татарина, но здѣсь,—среди пустынь, среди полудикихъ арабовъ, египтянъ, суданцевъ и др. выходцевъ всего мусульманскаго міра,—онъ былъ для меня совсѣмъ роднымъ человѣкомъ, котораго я отличалъ отъ всѣхъ, какъ земляка. Даже мои проводники, съ которыми я такъ сроднился во время пути и лишеній, стали въ эти минуты не такъ дороги и близки моему сердцу, какъ этотъ ташкентскій татаринъ купецъ. А когда поспѣлъ нашъ русскій чай и кружки съ душистымъ напиткомъ, такъ необходимымъ въ пустынѣ, были поднесены нашимъ обоимъ гостямъ, мы уже сплотились въ одинъ тѣсный кружокъ, около небольшого ярко-вспыхивавшаго костра, нѣсколько поодаль отъ остальныхъ членовъ нашего каравана. Даже суровый Абдъ-Алла оживился, потому что бойкій ташкентецъ, говорившій хорошо по-арабски и еще лучше по-русски, былъ гораздо лучшимъ переводчикомъ, чѣмъ много уже послужившій нашъ Юза, переводившій съ арабскаго на ломанный французско-итальянскій языкъ. Абдъ-Алла сперва съ нѣкоторымъ смущеніемъ, которое старался не показывать, попробовалъ первый глотокъ чаю, причемъ на своемъ лицѣ изобразилъ такую гримасу, какъ будто онъ вкушалъ ужасную кислоту; но послѣ нѣсколькихъ глотковъ нашъ напитокъ такъ ему понравился, что онъ, забывъ свое достоинство, воскликнулъ отъ души: «Аа-джайбэ-таибъ-валлахи!» (клянусь Богомъ, удивительно хорошо). Про Букчіева и говорить нечего. Земляку чашка чаю показалась такимъ угощеніемъ, о которомъ онъ никогда и не мечталъ.

— Много мѣсяцевъ,—говорилъ онъ,—я вспоминалъ только о чаѣ, къ которому такъ привыкъ въ Россіи, и часто готовъ былъ за чашку чаю заплатить сколько угодно денегъ, и вотъ Богъ мнѣ судилъ пить его въ аравійской пустынѣ у русскаго въ гостяхъ.

За чаемъ оживился еще болѣе нашъ, сперва безмолвный

кружокъ. Былъ веселъ больше всѣхъ я, обрадовавшись отчасти встрѣчѣ земляка, отчасти возможности разузнать кое-что о паломничествѣ мусульманъ, о чемъ такъ мало еще извѣстно; забыта была даже на время страшная холера, которой жертвы лежали въ нѣсколькихъ десяткахъ шаговъ отъ насъ, забыты и труды, и лишенія, и неопредѣленная будущность,—все было забыто пока, въ дружеской бесѣдѣ за кружкой чаю, казавшагося божественнымъ нектаромъ въ аравійской пустынѣ.

Рашидъ и Ахмедъ, молча, только вслушивались въ нашъ разговоръ, который я велъ съ почтеннымъ шейхомъ при посредствѣ Букчіева и Юзы, и, повидимому, тоже чувствовали особенное уваженіе какъ къ сѣдовласому старцу, уже много разъ побывавшему въ Каабѣ, такъ и къ моему соотечественнику, котораго они уважали, какъ «москова». О многомъ я выспросилъ обоихъ хаджей въ эту тихую ночь. Живой разсказъ паломниковъ, только-что возвращавшихся послѣ труднаго богомолья, живое описаніе всего видѣннаго и претерпѣннаго, украшенное еще арабскою фигурностью слова и чисто восточными преданіями,—какъ-то особенно слушалось ночью, среди песковъ, около ярко вспыхивавшаго костра, подъ легкое журчаніе недалеко катившагося ручейка, мертваго безмолвія пустыни—и тишины, царствовавшей во всемъ нашемъ караванѣ, затерявшемся въ пескахъ.

III.

Оживился старикъ Абдъ-Алла, черныя его глаза сверкали не разъ огонькомъ юности, когда онъ вспоминалъ старое, говорилъ о своихъ походахъ, о тѣхъ сраженіяхъ, гдѣ участвовалъ подъ знаменами основателя современнаго Египта Махмета-Али и его побѣдоноснаго сына Ибрагима. Абдъ-Алла былъ въ то время беемъ, начальникомъ бедуинской кавалеріи. Онъ участвовалъ и въ походахъ въ Суданъ, и въ Абиссинію, и въ Малую Азію, когда отъ меча Ибрагима затрепетала вся оттоманская имперія. Въ битвѣ при Коніи, когда Ибрагимъ сокрушилъ окончательно силы Порты, Абдъ-Алла былъ раненъ и былъ близокъ къ смерти. На смертномъ одрѣ, умирая, онъ далъ обѣтъ, если поправится, посвятить всю жизнь свою Богу и Магомету, и Аллахъ сохранилъ его жизнь, чтобы въ новомъ Абдъ-Аллѣ умеръ старый воинъ и неукротимый человѣкъ. Абдъ-Алла сдержалъ свое слово; онъ сталъ вѣчнымъ хаджею—вѣчнымъ паломникомъ къ священной Каабѣ и ко гробу Магометову. Много разъ онъ побывалъ уже

тамъ, много каравановъ сводилъ онъ къ святымъ городамъ; и много хаджей погибаетъ въ пустынѣ въ тѣ полтора или два мѣсяца, которые они употребляютъ на переходъ, но никогда еще не погибалъ караванъ, предводительствуемый Абдъ-Аллою.

— Аллахъ-архамту (Господь ихъ помиловалъ)! — говорилъ сѣдовласый старецъ, возводя глаза свои къ небу и благодаря Бога и великаго пророка. Только мерцающія звѣзды и темно-лазурное небо слышали молитву стараго хаджи.—Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ пророкъ его! —вотъ вся суть исламизма, его первая заповѣдь, основаніе его ученія. Эту заповѣдь готовъ денно и нощно исповѣдывать Абдъ-Алла и среди песковъ, и среди морей, и среди многочисленной толпы гяуровъ; за это онъ пойдетъ и въ огонь, и въ воду, не попобоится принять самую смерть. Онъ знаетъ весь коранъ, ниспосланный Богомъ великому пророку чрезъ архангела Гавріила; всѣ сто-двадцать зурэ этой божественной книги знаетъ наизусть старый Абдъ-Алла. Не десятую часть имущества, какъ повелѣваетъ коранъ, а девять-десятыхъ раздалъ нищимъ Абдъ-Алла и не жалѣетъ о томъ. Къ чему ему всѣ прелести міра сего, когда его страстное ожиданіе—пророкъ! Ради его, онъ сталъ и хаджею, и шейхомъ. Всѣ семь членовъ тѣла своего бережетъ отъ грѣха Абдъ-Алла, чтобы достигнуть благочестія, безъ котораго, говоритъ Магометъ, лучшими дѣлами нельзя угодить Богу. Уши, глаза, языкъ, руки, ноги, животъ — сдѣлаются вратами ада, если не смотришь за ними. И вотъ Абдъ-Алла, храбрый воинъ, мужъ десяти женъ, упивавшійся въ крови и сладострастіи уже сорокъ лѣтъ, больше не преклонитъ уха своего ко лжи или непристойнымъ рѣчамъ и не посмотритъ на то, на что запрещено смотрѣть доброму мусульманину. Не только на женскія прелести не засмотрится старый шейхъ, но онъ отворачивается даже отъ тѣла голаго мужчины. Выше колѣна не добро смотрѣть истому мумманину (правовѣрному), и Абдъ-Алла всегда отвернется, когда Ахмедъ обнажается въ глазахъ мусульманина до неприличія, хотя мой проводникъ грѣетъ только свой животъ. Тридцать лѣтъ уже отказался старый хаджа отъ жены и не смотритъ вовсе на женщину, хотя коранъ дозволяетъ самому примѣрному мусульманину имѣть до четырехъ законныхъ женъ. Языкъ Абдъ-Аллы свободенъ ото лжи, клеветы или злословія; рука его никогда не осквернилась въ продолженіе сорока лѣтъ прикосновеніемъ къ чему-нибудь нечистому, нога не совершила умышленно того же грѣха и не вошла туда, куда не слѣдуетъ ходить мусульманину; не погрѣшили

ничѣмъ и другія части его тѣла, отданнаго всецѣло на служеніе Богу и великой идеи—паломничества...

Абдъ-Алла за свою мудрость, благочестіе и многократное посѣщеніе Мекки пользуется большимъ почетомъ среди своихъ соотечественниковъ. Онъ, вѣроятно, сантонъ (святой) или уэли (любимецъ неба), говорили мнѣ потомъ Юза и Ахметъ, пораженные благочестіемъ стараго хаджи. Онъ настоящій рабъ божій, какъ говоритъ его самое имя (Абдъ—рабъ, Алла—Богъ). Я видалъ многихъ «сантоновъ» въ Египтѣ—этихъ полусумасшедшихъ, полуидіотовъ, которыхъ, какъ и у насъ, подъ именемъ блаженныхъ и юродивыхъ, почитаетъ простой народъ. «Они носятъ на себѣ печать Аллаха; ихъ умъ и душа на небесахъ въ рукахъ великаго Бога,—такъ говоритъ коранъ,—только бренное тѣло ихъ осталось блуждать по землѣ—этой юдоли борьбы и страданій...» Я не думаю, чтобы Абдъ-Алла былъ такимъ сантономъ на родинѣ, но что онъ могъ считаться уэли—любимцемъ неба и чудотворцемъ, можно было повѣрить по тому почету, какимъ онъ пользовался во всѣхъ караванахъ. Какъ истинный святой, онъ, погруженный въ созерцаніе великихъ тайнъ исламизма, часто не обращалъ вниманія на самого себя и, какъ буддистъ, иногда цѣлые часы проводилъ въ священномъ безмолвіи и самозабвеніи, погружаясь въ нирвану мусульманскихъ міросозерцаній, вылившихся въ форму одного принципа, одной заповѣди... Старый Абдъ-Алла прошелъ всѣ ступени іерархіи ислама; онъ былъ много лѣтъ имамомъ (священникомъ) въ разныхъ мечетяхъ Каира, раньше того онъ исполнялъ обязанности кайина (дьячка) и даже муэзинна (призывателя къ молитвѣ). Теперь онъ шейхъ и проводникъ въ одной изъ знаменитыхъ мечетей Масфа-ель-Кахира.

Никто изъ правовѣрныхъ такъ не чтитъ молитвъ, омовеній и постовъ, предписанныхъ кораномъ. Онъ знаетъ, что постъ есть преддверіе рая, а молитва—средство возвести свой умъ и направить его на высокіе помыслы, и ничто въ мірѣ не отвратитъ Абдъ-Аллы отъ совершенія положенныхъ фэтха (молитвъ), эль-удгуу (омовеній) и всего предписаннаго закономъ (ракаатъ) въ родѣ священныхъ обрядовъ, колѣнопреклоненій и т. п. Гдѣ бы ни засталъ часъ молитвы Абдъ-Аллу, будь то на морѣ, или въ пустынѣ, или среди огня, суеты базара, или во дворцѣ калифа, онъ станетъ тотчасъ же на молитву, когда съ высокого минарета муэзинъ провозгласитъ: «Гай-аль-эль-салахъ (живѣе на молитву)! Аллаху-акбаръ» (Богъ великъ)! и исповѣданіе вѣры. Пять разъ въ сутки молится Абдъ-Алла: утромъ за полчаса до восхода солнца, въ полдень, за два часа до заката, въ минуту

заката и часа черезъ полтора послѣ заката. Онъ становится тогда на молитву благоговѣйно: разстелетъ небольшой коверъ — седжадекъ, (который всегда у него съ собою), чтобы не стать колѣнами на нечистое мѣсто, возьметъ въ руки освященныя суббахъ—четки и сотворитъ омовеніе; затѣмъ уже, обратившись лицомъ къ Каабѣ, т.-е. той линіи, по направленію которой виднѣется полумѣсяцъ минарета, онъ произноситъ молитву. Сверхъ положенныхъ ракаатъ, Абдъ-Алла всегда еще прибавитъ нѣсколько поклоновъ во славу Бога, потому, что ему все извѣстно—Аллаху-далемъ!

Ни одной пятницы не пропускалъ Абдъ-Алла, чтобы не сказать проповѣди, чающему отъ него поученія народу. Какимъ являлся этотъ бывалый старикъ, искушенный жизнью и благочестивыми подвигами хаджи, когда произносилъ съ высоты каѳедръ свою пламенную рѣчь; какимъ огнемъ тогда блистали его черные глаза изъ-подъ сѣдыхъ длинныхъ бровей, какою силою и фанатизмомъ дышало каждое слово вдохновенной проповѣди того, кто Бога ради и пророка въ себѣ убилъ и воина, и сластолюбца, убилъ свои помыслы, свое собственное *я*. Въ каждый муллэтъ—день, посвященный воспоминаніямъ о пророкѣ—старый шейхъ говорилъ также свои вдохновенныя рѣчи, и тогда, по словамъ Юзы, во всемъ громадномъ Каирѣ никто не говорилъ лучше Абдъ-Аллы. «Самъ пророкъ (да будетъ благословенно имя его!) влагалъ силу и огонь въ уста сѣдовласаго старца на поученіе правовѣрныхъ, самъ пророкъ въ иныя минуты говорилъ словами стараго шейха», и народъ въ трепетѣ внималъ пламенной рѣчи.

Только на праздникѣ курбамъ-байрамѣ не бываетъ въ Каирѣ вдохновенный проповѣдникъ-хаджа. Онъ молится тогда у гроба пророка, и тамъ у самаго подножья таинственной Каабы или на горѣ жертвоприношеній Араратѣ слышится его вдохновенная, горячая, какъ огонь рѣчь. Букчіевъ слышалъ эту проповѣдь стараго шейха и, удивляясь силѣ его краснорѣчія и огня, сравнивалъ ее съ трубою архангела Израфіила, который будетъ трубить при всеобщемъ воскресеніи. Большой (курбамъ) байрамъ —величайшій изъ мусульманскихъ праздниковъ, когда коранъ открылся людямъ и, низойдя на землю, сталъ свѣточемъ правовѣрнаго человѣчества—лучшій день въ году для стараго хаджи. Онъ молится тогда не столько за себя у гроба Магометова, сколько за свою обширную паству; всю ночь онъ лежитъ тогда ницъ передъ святынею и ждетъ, когда тѣнь великаго пророка пройдетъ передъ нимъ и коснется его головы... Тѣ минуты—райское блаженство для Абдъ-Аллы; тогда онъ предвкушаетъ и

небо, и рай, и все, что уготовано въ горныхъ высяхъ для истиннаго правовѣрнаго. Весь постный мѣсяцъ рамазанъ,—предшествующій байраму, строго постится суровый къ самому себѣ Абдъ-Алла. Съ ранняго утра, какъ только утренняя заря позволитъ различить черную нитку отъ бѣлой, и до наступленія ночи не только ничего не ѣстъ и не пьетъ старый хаджа, но даже не куритъ, не вдыхаетъ благовоній. Даже легкій ароматъ аравійской розы, питающій обоняніе, по убѣжденію шейха, несетъ съ собою невидимый грѣхъ. Ни болѣзнь, ни путешествіе не отклоняютъ его отъ этихъ священныхъ обязанностей, хотя коранъ, снисходя къ слабости человѣчества, и дозволяетъ въ этихъ случаяхъ смягченіе поста. Много разъ рамазанъ заставалъ Абдъ-Аллу въ пустынѣ, и онъ, сгорая отъ нестерпимой жажды, падая отъ изнеможенія, не позволялъ себѣ до наступленія ночи не только-что ни капли воды, но даже глотнуть свою собственную слюну. И даже ночью, когда законъ разрѣшаетъ мусульманину и пить, и ѣсть, и веселиться, когда въ городахъ Египта происходятъ ночныя оргіи, когда красивыя раузіатъ (публичныя танцовщицы) и альмеи пляшутъ сладострастные танцы, когда пиршество и «фантазія» (всякое увеселеніе) правовѣрныхъ достигаетъ nec plus ultra страстности, Абдъ-Алла читаетъ только молитвы и перебираетъ свои освященныя суббахъ (четки), поддерживая свое изможденное строгимъ постомъ тѣло одною ключевою водою, хлѣбомъ, плодами и трубкою душистаго наргиле.

Только въ день малаго байрама расправляются морщины на челѣ стараго хаджи. «Аллахъ-ху-акбаръ», повторяетъ онъ нѣсколько разъ, одѣвается въ свои лучшія одежды и идетъ на базаръ, гдѣ для праздной толпы придуманы всевозможныя увеселенія въ родѣ качелей, пѣсенниковъ, сказочниковъ, укротителей змѣй, раузіатъ, обезьянъ, музыкантовъ и т. п. Но и въ тотъ день веселья ни одного больного не оставитъ Абдъ-Алла; онъ не пройдетъ мимо ни одного несчастнаго, нуждающагося въ помощи; въ день праздника много денегъ своихъ раздаетъ старый шейхъ неимущимъ и сиротамъ...

Чистъ и праведенъ Абдъ-Алла, и онъ можетъ съ чистою совѣстью ожидать смерти, чтобы исповѣдывать громогласно Бога и пророка, умереть во имя божіе, чтобы двери рая Магометова отверзлись передъ нимъ. Поселится онъ тогда въ саду наслажденій, и какъ добрый мусульманинъ возляжетъ на одръ, усыпанный самоцвѣтами, изваянный изъ драгоцѣннаго металла, и будетъ, окруженный своими друзьями, пить искрометное вино изъ золотыхъ чашъ, которыя поднесутъ ему вѣчно-

юныя, кудрявыя дѣти. То вино не затуманитъ головы, оно просвѣтитъ только болѣе разумъ и духовное око. Мясомъ рѣдкихъ птицъ и лучшими плодами будетъ тамъ въ селеніи Аллаха питать свое просвѣтленное тѣло правовѣрный, а кто не найдетъ утѣхи въ винѣ и яствахъ, того утѣшитъ милосердный Аллахъ неземною прелестью. Чудныя небесныя гуріи съумѣютъ вознаградить мусульманина за добрыя дѣла, совершенныя въ семъ мірѣ — юдоли страданія. Ихъ черныя глаза, темныя какъ мракъ полуночи, блещутъ огнемъ и неземною страстью, ихъ станъ, стройный, какъ пальма Востока, ихъ тѣло, которое бѣлѣе ливанскихъ снѣговъ и блестящѣе перловъ, заставятъ забыть о всемъ пережитомъ на землѣ, а ихъ улыбка прекрасная, какъ день, ихъ поцѣлуи горячіе, какъ песокъ пустыни, ихъ прекрасное, какъ роза изъ садовъ Фарсистана, лицо и объятія, подобныхъ которымъ нѣтъ на землѣ—все это создано для утѣхи правовѣрныхъ въ горнемъ мірѣ, чтобы вознаградить ихъ за молитвы, омовенія, посты и добрыя дѣла...

Люди, подобные Абдъ-Аллѣ, служатъ настоящею опорою исламизму, и не мудрено, что послѣ смерти они будутъ почтены, какъ великіе шейхи и сантоны, и надъ могилою ихъ будутъ построены цѣлые храмы и гробницы, какихъ много стоитъ на всѣхъ караванныхъ дорогахъ на протяженіи всей аравійской пустыни.

Пока Букчіевъ и Юза повѣствовали мнѣ о знаменитомъ паломникѣ мусульманства, возсѣдавшемъ вмѣстѣ съ нами, костеръ нашъ то вспыхивалъ ярко, озаряя живописную группу, среди которой старый шейхъ казался настоящимъ патріархомъ, то опять погасалъ, пока Ахмедъ и Рашидъ не подкладывали снова сучковъ тарфы (манноваго дерева) или сухого бурьяна. Абдъ-Алла и Букчіевъ остались у насъ ужинать. Мы ничего не могли предложить своимъ гостямъ, кромѣ той же бурды, которую ѣли сами. Хотя Юза—нашъ поваръ, и величалъ ее громкимъ именемъ супа, но то было самообольщеніе, и наше варево походило не столько на супъ, сколько на пойло для коровъ, въ которомъ были сварены вмѣстѣ и хлѣбъ, и оливки, и финики, и все это было подкрашено для цвѣта и вкуса краснымъ виномъ. Небольшой кусочекъ перепелки, убитой мною на восходѣ солнца въ тотъ день, служилъ вторымъ блюдомъ, а сладкіе финики составляли недурной, но сильно пріѣвшійся дессертъ. Поѣвши, мои собесѣдники смолкли; даже словоохотливый Букчіевъ молчалъ, о чемъ-то задумавшись; Рашидъ и Ахмедъ дремали, а старый Абдъ-Алла, затянувшись душистымъ наргилэ, который онъ сперва предложилъ мнѣ, сидѣлъ, потупивъ свои глаза, какъ буддистъ, и погрузившись

въ свою священную нирвану. Казалось все смолкло, все приготовлялось ко сну; даже костеръ нашъ, не поддерживаемый никѣмъ, началъ потухать. Только отъ меня сонъ бѣжалъ далеко; я всталъ и пошелъ къ своимъ паціентамъ; обернутые въ бѣлье, какъ бы въ саваны, они лежали неподалеку, около другого, тоже полупотухающаго огонька. Вокругъ курившагося небольшого костра сидѣло нѣсколько хаджей, дежурившихъ у своихъ умирающихъ сотоварищей, съ которыми они раздѣлили много горя и лишеній, проведя десятки дней на многотрудномъ пути къ священной Каабѣ. Полумерцающій огонекъ слабымъ багровымъ свѣтомъ озарялъ, и саваны живыхъ мертвецовъ, и испитыя физіономіи людей, сидѣвшихъ вокругъ пламени...

Пустыня, объятая ночнымъ спокойствіемъ, спала мертвымъ сномъ... Легкая ночная свѣжесть смѣнила удушающій дневной зной. Воздухъ, казалось, благоухалъ. Дышалось какъ-то легко, свободно, полною грудью... Въ благовоніяхъ пустыни былъ заключенъ чистый бальзамическій, озонированный воздухъ не загрязненный міазмами. Чуднымъ голубымъ шатромъ покрыло небо пустыню, какъ бы сжимая ее въ своихъ объятіяхъ... И въ небѣ, и на землѣ, и въ воздухѣ, все было такъ тихо, торжественно и спокойно... Пустыня спала мертвымъ сномъ, погрузившись въ ту дымку полумрака, который не есть ни туманъ, ни испареніе, а какое-то среднее состояніе между свѣтомъ и тьмою, въ которомъ тонутъ всѣ рельефы, всѣ очертанія, всѣ цвѣта, и выступаютъ одни легкіе абрисы, одни цвѣтовыя отраженія. Небо спало тоже, но не тѣмъ мертвеннымъ сномъ, какъ пустыня... Въ немъ виднѣлась, чудилась незримая, особенная, широко разлитая жизнь... Оно жило жизнью милліоновъ свѣтилъ, мерцавшихъ въ его голубомъ просторѣ, оживлялось милліонами серебристыхъ лучей, которыхъ совокупность придаетъ особенный фосфорическій оттѣнокъ звѣздному небу, видный только въ пустынѣ въ безлунныя, но чудныя звѣздныя ночи.

Вдали на голубоватой дымкѣ, ближе къ горизонту виднѣлись неясные очертанія горныхъ массъ, которыхъ зубчатыя вершины казались Юзѣ таинственными горами Кафа, замыкавшими плоскую, по понятіямъ мусульманъ, поверхность земли. Въ тѣхъ горахъ еще не ступала нога человѣка; въ ихъ дебряхъ живутъ злые геніи—африты—полустихійныя существа, старающіяся днемъ и ночью вредить Аллаху и его любимому созданію—человѣку. Ихъ не любитъ пророкъ, но безконечно милосердный Аллахъ терпитъ ихъ, какъ и гяуровъ (невѣрныхъ) и другую нечисть, до поры, до времени.

— Смотри, эффенди, — вдругъ произнесъ Юза, приподнимаясь и указывая на падающую звѣзду, — то долготерпѣливый Аллахъ послалъ огненную стрѣлу, чтобы поразить африта, совершившаго много горя людямъ и пророку. Да сокрушитъ Господь врага вѣры, — прибавилъ онъ, провожая глазами блестящій метеоръ, оставившій длинную серебристую ленту на своемъ пути.

— Оборони меня Господи отъ злого духа! Злой афритъ въ эту ночь имѣетъ большую силу, эффенди, — пояснилъ мнѣ дальше мой проводникъ. — Сегодня ночь афритовъ, въ которую джины (тоже злые духи) пустыни собираются вмѣстѣ, чтобы играть человѣческими головами; ихъ приносятъ съ собою нечестивцы (да проклянетъ ихъ Аллахъ на вѣки!) Эль-дабахъ (гіены) и эль-тибъ (шакалы) сбѣгаются сотнями на эту игру афритовъ и воютъ вокругъ ихъ собранія, и когда вой тотъ дойдетъ до ушей Аллаха, онъ посылаетъ свое огненное копье или стрѣлу, чтобы разогнать отверженныхъ. Посмотри, эффенди, — продолжалъ далѣе Юза, — кругомъ спятъ и горы, и песокъ; какъ тихо все вокругъ, но не спятъ африты. У ручья, который создалъ пророкъ для утоленія жаждущаго путника и верблюда, живутъ джинъ и афритъ. Въ эту ночь они бродятъ по пустынѣ и носятся въ видѣ пара надъ сыпучими песками. Въ каждой горѣ, каждомъ ручьѣ, каждомъ деревѣ, живетъ свой джинъ или афритъ, который выходитъ по ночамъ и пугаетъ путниковъ. Храни меня отъ него Господы! Прислушайся чуткимъ ухомъ, эффенди!

Невольно я прислушивался къ безмолвію пустыни при этихъ словахъ Юзы, но ничего не было слышно, кромѣ развѣ легкаго лепетанія катившагося по песку ручейка. Мой проводникъ замолчалъ и прислушивался тоже, какъ будто онъ ожидалъ чего-то. Нѣсколько минутъ продолжалось это молчаніе.

Немного мы прождали... и дождались. Глухой, отрывочный, словно замогильный звукъ, несшійся какъ будто изъ группы скалъ, замыкающихъ выходъ изъ нашей уади, прервалъ ночное безмолвіе пустыни.

— Слышишь, эффенди, какъ стонетъ вдали худхудъ (таинственная птица арабскихъ сказаній); онъ сзываетъ афритовъ на ночное пиршество, — вдругъ произнесъ Юза трепетавшимъ отъ страха и волненія голосомъ.

Я прислушался еще внимательнѣе къ этому таинственному крику и взглянулъ невольно и на Юзу, и на Абдъ-Аллу, и на другихъ арабовъ. Мой проводникъ, обыкновенно смѣлый, на этотъ разъ слегка вздрогнулъ; при слабомъ отблескѣ костровъ казалось, что бронзовое лицо его стало блѣднѣе. Букчіевъ былъ

спокоенъ, а Абдъ-Алла сидѣлъ неподвижно какъ статуя, словно замеръ на мѣстѣ, прислушиваясь къ стонамъ миѳической птицы. Прошло еще минуты двѣ... Зловѣщіе крики невѣдомаго пѣвца становились все рѣзче и рѣзче, и, казалось, приближались. На моемъ храбромъ Рашидѣ, смѣло глядѣвшемъ въ глаза смерти, теперь не было и лица. Близость непогребеннаго трупа и безъ того дурно дѣйствовала на суевѣрнаго проводника, а при дикомъ крикѣ худхуда онъ трясся, какъ осиновый листъ. Многіе въ караванѣ уже спали давно, измученные дневнымъ переходомъ; бодрствующіе же видимо чувствовали себя не лучше, чѣмъ Рашидъ. Нѣсколько минутъ длилось это всеобщее оцѣпенѣніе, которое дѣйствительно могло разстроить нервы, даже не поддающагося общему влеченію, человѣка; но худхудъ не замолкалъ. Его потрясающіе, леденящіе душу крики, казалось, вырывались изъ могилы; въ тѣхъ заунывныхъ протяжныхъ стонахъ слышался и вой дикаго звѣря, и стонъ умирающаго, и вопль страдальца, и еще что-то такое, чему нѣтъ опредѣленія на языкѣ человѣческомъ...

Вдругъ Абдъ-Алла приподнялся; его могучая фигура встала какъ привидѣніе, слегка озаренное отблескомъ костра. Онъ приподнялъ руку, поднялъ глаза къ небу и торжественно спокойнымъ голосомъ произнесъ:

— Да проклянетъ Господь этого дьявола, а насъ помилуетъ! —Какъ могучее заклинаніе, прозвучали эти слова въ ночной тиши въ мертвой пустынѣ и замерли въ отдаленіи... Старый хаджа, полуосвѣщенный пламенемъ костра, казался настоящимъ жрецомъ подземнаго бога, заклинающимъ силы ада и преисподней и вызывающимъ духовъ. Я поглядѣлъ тогда снова на арабовъ. Большинство паломниковъ переполошилось, на лицахъ всѣхъ было написано не то изумленіе, не то страхъ. Боязливо перебирая четки и бормоча про себя священные зурэ изъ корана, они исповѣдывали Бога и его великаго пророка.

Снова застоналъ худхудъ, и на этотъ разъ ближе... Какъ изъ каменной могилы, отражаясь и дробясь на рѣжущіе ухо и тянущіе душу мотивы, слышались эти отрывистые звуки. Я былъ хорошо знакомъ съ ними, и въ горахъ Ливійскихъ въ Египтѣ, въ Феранѣ, дебряхъ Синая и Акабинскихъ альпахъ, я слышалъ не разъ эти звуки, дѣйствующіе обаятельно на самаго хладнокровнаго человѣка; я зналъ, что страшный худхудъ не что иное какъ горная сова. Мнѣ припомнились тогда тѣ свѣтлыя майскія и апрѣльскія ночи въ лѣсахъ нашего сѣвера, въ Финляндіи, Пріонежьѣ и на Уралѣ, когда я на зарѣ своей сча-

тальческой жизни съ такимъ же трепетомъ, какъ и эти арабы, прислушивался къ страшнымъ завываніямъ совъ и филиновъ... Я помню, какъ тогда у меня замирало и трепетало сердце, какъ стучало въ вискахъ, какъ холодѣло въ головѣ, и волосы какъ-то ерошились невольно, когда пятнадцати-лѣтнимъ юношей, забредшимъ ночью въ дикую тайгу и заночевавшимъ у костра, я прислушивался къ крикамъ и стонамъ лѣшихъ и русалокъ, какъ называютъ на Руси темныхъ ночныхъ виртуозовъ лѣса. Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ; позже я уже часто съ удовольствіемъ слушалъ концерты совъ и филиновъ въ нашихъ сѣверныхъ лѣсахъ на охотничьей сидьбѣ въ короткія весеннія ночи; но въ ночь афритовъ и я поддался отчасти чувству, какъ и десять лѣтъ тому назадъ. Обстановка была, правда, самая располагающая. Кругомъ меня въ пустынѣ творились молитвы, усердно призывалось имя Аллаха, какъ заклинаніе, шепталось «ля-иллехи-иль-аллахъ», и трепетно всѣ прислушивались въ эту ночь злыхъ духовъ, какъ будто ждали появленія неземныхъ существъ. Съ такимъ священнымъ трепетомъ древніе жрецы и заклинатели ожидали появленія изъ мрака своихъ божествъ или духовъ, которыхъ они вызывали. Легкое замираніе костра, всполошившійся лагерь, безмолвіе пустыни и мертвецъ, лежащій среди живыхъ, какъ нельзя болѣе способствовали тяжелому состоянію духа у суевѣрныхъ и безъ того арабовъ.

Худхудъ все еще не умолкалъ; его дикіе, заунывные и рѣзкіе крики, то приближаясь, то отдаляясь, одни нарушали безмолвіе пустыни. Немного прошло еще времени, вѣроятно казавшагося часами для трепетавшихъ хаджей, какъ другой, тянущій душу вой жалобно раздался не вдалекѣ отъ нашего каравана; казалось, эхо въ недалекомъ дикомъ ущельѣ усиливало этотъ отвратительный звукъ.

— Это шайтанъ (чортъ), это ел-таабъ (гіена), это марафилъ (оборотень),—раздался шопотъ вокругъ меня.—Да проклянетъ его аллахъ! Это не звѣрь, а марафилъ (оборотень) и саахръ (волшебникъ); у-аллахъ (клянусь Богомъ)! клянусь великимъ пророкомъ—проговорилъ, возвышая голосъ Абдъ-Алла,—онъ не обманетъ меня.—Слышишь, благородный хакимъ (врачъ) московъ, какъ воетъ сынъ проклятаго; такъ не можетъ выть звѣрь; въ эту ночь афритовъ свободно живется проклятому!

Еще сильнѣе зашептали молитвы перепуганные члены каравана; даже верблюды какъ-то громко зафыркали и зачихали, будто сочувствуя своимъ хозяевамъ въ дѣлѣ прогнанія нечистой силы отъ становища. Злой же саахръ, какъ будто не слуша-

ясь молитвы и заклинаній, въ эту ночь свободно надрывался все сильнѣе и сильнѣе, чѣмъ приводилъ въ неописанный ужасъ весь караванъ. Гіена чуяла запахъ мертвеца и думала поживиться добычею; она чуяла, быть можетъ, что смерть готова скосить и еще двѣ жертвы и была особенно назойлива. Смѣлые и испытанные хаджи, много разъ слышавшіе не только гіенъ и шакаловъ, но даже и львовъ въ пустыняхъ,—только подъ приливомъ особеннаго суевѣрія и тѣхъ чрезвычайныхъ обстоятельствъ, которыя сопровождали вой эль-таабъ въ ночь афритовъ, могли трепетать при каждомъ надрывающемъ душу завываніи этого знакомаго на Востокѣ отвратительнаго звѣря ночи и падали.

Абдъ-Алла, какъ истый мусульманинъ и служитель пророка, былъ неистощимъ въ средствахъ для прогнанія злыхъ духовъ отъ становища правовѣрныхъ; когда не помогли молитвы изъ корана, когда не могло отогнать дьявола даже заклинаніе именемъ пророка и Аллаха, когда самое проклятіе не могло заставить замолчать этого трижды проклятаго,—тогда старый шейхъ рѣшился пустить въ ходъ самое сильное средство.

— Братья мои,—заговорилъ старикъ торжественнымъ голосомъ,—отдайте мнѣ свои хеджабы (талисманы) для прогнанія си[...] проклятаго, злого духа, афритовъ горъ и пустыни. Аллахъ-[...] снарлакъ (Богъ ихъ да сокрушитъ)!

— Хвала тебѣ Абдъ-Алла!—проговорили паломники и нача[...] подавать шейху свои ладанки и амулеты. Большинство ихъ бы[...] завернуто въ шелковыя матеріи, и въ видѣ свертковъ носило[...] на груди или на шеѣ; нѣкоторыя были даже вшиты въ одежд[...] Тутъ попадались, какъ пояснилъ Букчіевъ, и кусочки крыши Кааб[...] и прахъ съ гроба Магометова, и камешки съ горы Арарата, [...] вѣтви дерева пророка изъ Мекки, и священная земля изъ М[е]дины, по которой ступалъ посланникъ божій, и благовонія, [со]ставленныя изъ аравійской смолы и камеди, обладающія сило[й] отгонять духа тьмы, и вода изъ фонтана Зинзенъ, бьющаго [въ] храмѣ Каабы, и цѣлыя зурэ Корана, написанныя на клоч[]ках бумаги. Хеджабъ Абдъ-Аллы былъ самый сильный и д[ѣй]ствительный—это песчинка съ самаго гроба Магометова, обли[тая] водою священнаго фонтана и завернутая въ шелковую матер[ію,] одѣвавшую нѣкогда махмиль (имущество пророка, о которо[мъ] мы скажемъ впослѣдствіи), на которой были написаны всѣ д[е]вяносто-девять титуловъ и именъ пророка. Этотъ талисманъ имѣ[лъ] великую силу, и пожелай Абдъ-Алла, онъ могъ бы при помощ[и] его «заключить дьявола въ темницу въ сердцѣ скалы, какъ за[]ключаетъ его Аллахъ во дни святого рамазана».

Собравши талисманы на шелковый платокъ, старый шейхъ прочиталъ тукейатъ (особая молитва) изъ корана; провозгласилъ хвалу пророку, и потомъ именемъ божьимъ приказалъ дьяволу уйти отъ правовѣрныхъ или въ преисподнюю, или къ горамъ Кафа на край міра. Приглашеніе это онъ сопровождалъ поднятіемъ рукъ къ небу; затѣмъ онъ замахалъ по воздуху платкомъ, въ которомъ были заключены хеджабы. Послѣ этой церемоніи, Абдъ-Алла, какъ бы сдѣлавъ все, что могъ, усѣлся спокойно у костра, скрестилъ свои ноги, опустилъ лицо на сѣдую бороду и забормоталъ молитвы. Другіе арабы тоже послѣдовали его примѣру; даже мои проводники, вообще плохо исполнявшіе свои религіозные обряды, разсѣлись подобно великому шейху. Но шакалы не унимались.

Зато ночь была обворожительно хороша. Изъ-за темной зубчатой линіи горъ, идущихъ къ Петрѣ, показался серебристый мѣсяцъ; онъ тихо выплылъ изъ-за каменныхъ громадъ, и, какъ лучезарный шаръ, покатился по небу. Поблѣднѣло темно-голубое небо, легкій серебристый свѣтъ пробѣжалъ по его темной лазури, какъ-то короче и блѣднѣе стали трепещущіе лучи звѣздъ, словно померкая, сбѣжали со свода серебристыя звѣздочки и утонули гдѣ-то въ безконечной глубинѣ надзвѣзднаго эѳира. Какъ лучезарная царица, тихо плыла по небу луна и своею золотистою ризою наполнила колеблющійся воздухъ... Воздухъ затрепеталъ, утопая въ легкомъ сіяніи, пронизывающемъ каждый атомъ его; въ немъ утонули и всѣ тѣни, и горизонтъ, и вдали синѣющая полоса моря, и темныя громады аравійскихъ горъ, и мертвая блѣдная пустыня... Но затѣмъ ожило и небо, и земля, ожила и пустыня, облитая фосфорическимъ свѣтомъ луны. Въ свѣтозарной дымкѣ, окутавшей весь горизонтъ, возстали какія-то неясныя очертанія, какъ бы отраженія пустыни, какъ бы другіе горизонты, за которыми начиналось уже настоящее царство полумрака и тѣней.

Все было хорошо и прекрасно вокругъ. Одинъ темный худхудъ, да проклятая гіена все продолжали стонать въ грозной дебри горнаго ущелья, которое выходило близко къ становищу, выпуская изъ своей каменной груди нашъ журчащій ручеекъ съ кристальною водою. Страшныя заклятія, которыми можно вогнать дьявола въ камень и поворотить землю, и священные талисманы, обладающіе могучею силою, не могли испугать ни совы, ни гіены, вѣроятно, и не помышлявшихъ объ ужасныхъ орудіяхъ, направленныхъ на ихъ головы благочестивыми хаджами.

Долго я стоялъ погруженный въ раздумье, забывъ даже о

томъ, что полчаса тому назадъ собрался-было пойти къ своимъ пацiентамъ, казавшимся издалека настоящими бѣлыми пятнами, особенно выдѣлявшимися изъ слегка озаренной луною мрачной массы каравана. Легкiй стонъ одного изъ несчастныхъ прервалъ мои размышленiя и направилъ мои мысли опять къ земл. Несчастный просилъ пить, а взявшiеся сидѣть около больного арабы, испугавшись крика худхуда и марафила, бѣжали съ своего поста и столпились въ кучу вокругъ Абдъ-Аллы, какъ бы ища защиты подъ сѣнiю сѣдовласаго шейха. Послѣ глот теплой воды съ виномъ и перемѣны теплыхъ компрессовъ моем пацiенту стало лучше, и онъ опять погрузился въ то полуз бытье, изъ котораго легко перейти въ иной мiръ, не просыпаяс, но изъ котораго вывести его едва ли было возможно при самы даже утонченныхъ терапевтическихъ прiемахъ. Безоружный, как врачъ, безсильный вполнѣ, я могъ быть только нѣмымъ свид телемъ и пассивнымъ участникомъ сцены, разъигрывавшейся в моихъ глазахъ. Передо мною уже умеръ одинъ несчастный; дв другихъ умирали тою же ужасною, къ несчастью, медленн смертью. Страшно было смотрѣть на эти осунувшiяся, прiостренн черты лица, на эту характерную его синеву, на эти зловѣ круги подъ глазами, синiя губы и потухшiе глаза, и ужасн худобу всѣхъ, какъ бы высыхающихъ членовъ, чтó такъ хар терно для холеры — этой ужасной болѣзни, которая лиша организмъ его дѣятельной подвижной силы — всѣхъ его сок Страшно было смотрѣть, но еще страшнѣй было представ что помочь уже ничѣмъ нельзя, когда смерть носится уже на нашими живыми мертвецами, рѣетъ, быть можетъ, и надъ н шими головами, готовая выхватить облюбленную жертву... эту чудную ночь, казалось, должна быть далеко всякая мы о смерти, но условiя были такъ исключительны, что мнѣ, крайней мѣрѣ, ни о чемъ другомъ и не думалось, какъ тол о смерти и болѣзни. Грозный призракъ страшной эпидемiи сился, какъ живой, передъ моимъ воображенiемъ и под лялъ всѣ другiе образы и представленiя своею ужасною ре ностью, которой прообразомъ мнѣ являлся изможденный тру только что похищенной холерою, жертвы.

А ночь была по прежнему упоительно хороша, и возду благоухающiй такъ и трепеталъ въ лунномъ сiянiи, такъ переливались его живительныя струи, наполняя грудь жиз и радостью существованiя... Зачѣмъ же эта ужасная встр думалось мнѣ,зачѣмъ смерть является тамъ, гдѣ все должно гов рить о жизни?.. Зачѣмъ такiе ужасающiе контрасты?

Вой гіены между тѣмъ сталъ видимо приближаться; онъ слышался уже вблизи отъ нашихъ верблюдовъ. Рашидъ сперва хотѣлъ отогнать несносное животное, но потомъ, какъ ужаленный змѣею, вѣроятно, вспомнивъ, что это не гіена, а саахръ или марафилъ, вернулся назадъ и прижался ближе къ толпѣ трепещущихъ арабовъ. Видя смущеніе своего беззавѣтнаго храбреца и желая хотя немного успокоить волненіе суевѣрной толпы, я рѣшился прогнать ночного хищника, вой котораго началъ разстраивать въ эту ночь даже мои крѣпкіе нервы. Но едва я, взявъ свою берданку, направился черезъ шатры хаджей и верблюдовъ, лежавшихъ со связанными ногами и пережевывавшихъ жвачку, какъ Абдъ-Алла остановилъ меня словами предостереженія.

— Куда ты благородный хакимъ-московъ? Вѣдь ты идешь на вѣрную смерть, потому что это не звѣрь, а саахръ,—клянусь Богомъ! Останься у костра твоихъ друзей и у хеджаба Абдъ-Аллы; сюда не подойдетъ трижды проклятый, потому что онъ побоится гнѣва пророка. Бойся, чтобы его айетель-хассидъ (злой глазъ) не увидѣлъ тебя вдали отъ святого покрова Магомета; онъ пронзитъ твое сердце, прожжетъ твой мозгъ и попалитъ твои внутренности. Не ходи, храбрый московъ. Послушайся Абдъ-Аллы. Твое ружье не можетъ убить марафила—да проклянетъ Господь врага человѣка!

Предоставивъ Букчіеву разубѣждать старика шейха и рѣшившись хотя немного успокоить переполошившійся караванъ, я былъ твердъ въ своемъ намѣреніи и быстро пробирался между верблюдами, пережевывавшими колючій бурьянъ, обильно росшій у нихъ подъ ногами, и направился къ горамъ, откуда слышался еще вой гіены, и по временамъ—горной совы.

Я подошелъ къ ручейку; тихо журча, онъ катился по своему песчаному ложу, блистая серебряными и жемчужными струйками, слегка змѣившимися отъ камней, загромождавшими путь. Такъ и хотѣлось зачерпнуть этихъ перловъ и алмазовъ, сверкавшихъ подъ ногами на подобіе баснословной розсыпи, такъ и хотѣлось умыться этою серебристою влагою, чтобы «заблистать красотою подобно гуріямъ Магометова рая, умывающимся серебристою водою райскихъ фонтановъ». Кругомъ было такъ торжественно и спокойно, что еслибы не вой гіены, раздававшійся за скалою, какъ надгробный вопль надъ мертвецомъ, лежавшимъ непогребеннымъ въ караванѣ, то можно было бы вспомнить одну изъ тѣхъ безмолвныхъ лунныхъ ночей, которыя описываетъ волшебными красками «Тысяча и одна ночь».

Пройдя съ четверть версты по теченію ручейка, я подошелъ къ каменной громадѣ, подходившей съ сѣверо-востока и замыкавшей въ себѣ узкую горную уади. Какъ узкая трещина, въ стѣнѣ чернѣлось ущелье; его мрачныя, словно прорубленныя, скалы расходились, казалось, только внизу, чтобы образовать ложбинку для ручейка, да на верху, чтобы пропустить снопъ серебристыхъ лучей въ мрачную тѣснину.

Все ущелье было загромождено камнями, разбросанными въ хаотическомъ безпорядкѣ, и въ каменной стѣнѣ тѣснины, и на пути извивающагося змѣйкою ручейка. Когда я вступилъ въ эту горную трещину, когда охватили меня отовсюду каменныя стѣны въ свои холодныя объятія,—какъ-то грустно защемило сердце; мнѣ показалось, что я изъ вольнаго простора сіяющей пустыни попалъ въ темницу, изъ трепещущаго, пронизаннаго фантастическимъ свѣтомъ, воздуха—въ какую-то мрачную, давящую своею неподвижностью атмосферу. Настоящимъ входомъ въ Дантовъ адъ мнѣ казалось это дикое ущелье, которое Абдъ-Алла поэтически прозвалъ почему-то сердцемъ дьявола—кхольбиэль-шайтанъ.

Гіена, почуявъ приближеніе человѣка, быстро начала удаляться; ея вой уже слышался все выше и выше и вмѣстѣ съ тѣмъ все дальше и дальше, такъ что два мои выстрѣла, пронесшіеся съ грохотомъ по ущелью и отдавшіеся по нѣскольку разъ въ горныхъ дебряхъ, служили скорѣе указаніемъ несносному животному, чѣмъ дѣйствительною угрозою. Послѣ выстрѣла совсѣмъ замолкъ марафилъ и саахръ—волшебникъ, испугавшійся не столько гнѣва пророка и заклинанія съ талисманами Абдъ-Аллы, сколько выстрѣловъ берданки, которые дѣйствительно были очень эффектны въ мертвой тишинѣ ночи въ горномъ ущельѣ. Даже мрачный худхудъ, другъ афритовъ, до сихъ поръ, несмотря на всѣ проклятія и самыя ужасныя пожеланія арабовъ, продолжавшій сзывать духовъ пустыни, замолкъ послѣ двухъ выстрѣловъ, потрясшихъ всю окрестность. Простякъ Рашидъ, восхищенный эффектомъ берданки, все-таки утверждалъ, что, вѣроятно, сами африты попрятались по своимъ норамъ и ущельямъ, если они прогуливались вблизи, заслышавъ ружье москова, не испугавшагося ихъ близкаго присутствія.

Настоящимъ побѣдителемъ я вернулся въ нашъ лагерь.

— Аллахъ-арханкулъ, эффенди (Господь тебя помиловалъ господинъ)! Машаллахъ (да будетъ восхваленъ Богъ)!—встрѣтили меня при моемъ возвращеніи.

— Субхану-ву-талэ (Ему честь и слава)! — отвѣчалъ я,

стараясь попасть въ тонъ мусульманъ. Этотъ отвѣтъ до того пріятно поразилъ Абдъ-Аллу, что онъ пожелалъ мнѣ столько благополучій, что я не понялъ и десятой доли ихъ.

Было уже далеко за полночь, когда я воротился съ цѣлью поскорѣе лечь спать. Луна сіяла въ полномъ величіи на серебристой синевѣ неба, озаряя спавшую непробуднымъ сномъ пустыню; костры потухали по недостатку топлива; верблюды дремали сладко; только люди еще не могли успокоиться. Долго еще продолжались толки и шопотъ и разговоры; много еще было прочтено молитвъ и стиховъ изъ корана, много душеспасительныхъ изреченій было произнесено для назиданія некрѣпкимъ въ вѣрѣ; много еще проклятій раздалось въ ночной тиши несчастнымъ афритамъ, худхуду и марафиламъ, которымъ, вѣроятно, пришлось бы разсыпаться въ прахъ, еслибы хотя одна сотая пожеланій, сыпавшихся на ихъ головы, могла бы исполниться... Мало-по-малу, однако, всѣ начали поуспокоиваться. Абдъ-Алла, пожелавъ мнѣ спокойной ночи, отправился въ свою палатку.

— Лейлькумъ-саиди (пріятнаго сна)!—отвѣчалъ я ему поарабски, подученный Букчіевымъ.

— Раббэна-щаликъ-муселемъ-эффенди (Господь да сохранитъ тебя, благородный господинъ)!—проговорилъ самымъ нѣжнымъ голосомъ старый шейхъ, уже опуская полотнища своего шатра.

Двое часовыхъ были оставлены на всякій случай Абдъ-Аллою; съ своей стороны, я поставилъ на первую очередь Рашида. Всѣ трое ночныхъ караульныхъ собрали со всѣхъ костровъ оставшійся горючій матеріалъ, зажгли огонекъ, осмотрѣли тщательно оружіе, и закуривъ свои длинныя трубки, которыхъ было много у хаджей, расположились коротать свою очередь до второй смѣны. Когда Ахмедъ и Юза улеглись, а Букчіевъ забрался подъ свой шатеръ, я обошелъ еще разъ весь караванъ, уже начинавшій укладываться, а потомъ и самъ собрался отдохнуть послѣ треволненій ночи.

Какъ изваянные изъ камня, высились верблюды, лежавшіе неправильнымъ кругомъ около нашей стоянки; палатки и покрывала, натянутыя на ружья и палки, разбросанныя въ безпорядкѣ корзины съ провизіею, занны и зимзиміэ (кожаные мѣшки съ водою), кое-гдѣ торчавшія ружья и пики, и кучка людей у небольшого костра — все это, залитое луннымъ сіяніемъ, представляло чудную картину, которой декораціями служила только блистающая пустыня, да блѣдно-голубое небо, подернутое серебристою дымкою, сливающеюся съ горизонтомъ.

Какъ и въ прежнія ночи, проведенныя въ пустынѣ, я не хотѣлъ спать въ палаткѣ, а предпочелъ лечь подъ покровомъ голубого неба, вдыхая бальзамическій ночной воздухъ пустыни. Подложивъ толстое одѣяло въ углубленіе въ пескѣ, а свою походную сумку подъ голову, и прикрывшись простынею, я улегся рядомъ съ Ахмедомъ и Юзою, уже давно спавшими богатырскимъ сномъ въ ожиданіи своей очереди. Событія послѣднихъ дней прошли длинною вереницею въ моемъ воображеніи, невольно я перебиралъ ихъ по одиночкѣ, какъ бы стараясь запомнить хорошенько. Переходъ черезъ пустыню въ 40° жары, хорошій отдыхъ въ Акабѣ послѣ перенесенныхъ страданій въ глубинѣ Синайскаго полуострова и на берегахъ Краснаго моря, встрѣча съ паломниками и антропологическія наблюденія надъ арабами на пути—вотъ въ общемъ все, чѣмъ наполненъ былъ мой дневникъ за послѣднее время. Хотя я и давно ожидалъ встрѣтить паломниковъ Мекки, и хотѣлъ, если возможно, провести съ ними нѣсколько часовъ, но все-таки я никогда и не думалъ, чтобы можно было такъ близко сойтись съ мусульманскими фанатиками—хаджами, и встрѣтить среди ихъ два такихъ различныхъ типа, какъ Абдъ-Алла и нашъ Букчіевъ.

Оба они отличались другъ отъ друга, какъ небо отъ земли, и оба вмѣстѣ съ тѣмъ они сходились между собою, если не по наружному, то по внутреннему содержанію. Ихъ разсказы для меня были полны такого захватывающаго интереса, что я едва успѣвалъ записывать ихъ въ свою дорожную книжку. Сцена, происшедшая съ суевѣрными паломниками при крикѣ худхуда и воѣ гіены, отчасти видѣнная мною въ Феранѣ и Буддра, скоро улетучилась въ моихъ воспоминаніяхъ, уступивъ мѣсто мысли о встрѣчѣ съ грозною эпидеміею, о которой я доселѣ зналъ только по наслышкѣ; она показалась мнѣ центромъ событій моихъ послѣднихъ дней, группировавшихся вокругъ нея, какъ группируются факты обыденной жизни около событія, составляющаго эру. Снова защемило и сжалось успокоившееся было сердце, какъ бы въ предчувствіи грозящаго несчастія; снова ничѣмъ инымъ какъ мыслью о ней—страшной гостьѣ—наполнилось все мое существованіе... Голова, уставшая уже мыслить логично, стала создавать грозные образы, страшныя видѣнія... Мнѣ казалось тогда, что я увидѣлъ воочію ужасную гостью, бичъ человѣчества, который съ этимъ караваномъ идетъ въ Египетъ, чтобы оттуда пробраться въ Европу. Грозный призракъ неумолимаго врага всталъ во всемъ всеоружіи своего потрясающаго облика, своей безпощадной жестокости въ моемъ вообра-

женіи и заставилъ померкнуть другіе образы, другія представленія... Порою, сквозь сонъ, мелькала мысль о томъ, что я долженъ остановить этотъ караванъ, несущій смерть въ благословенную Нильскую долину; порою казалось мнѣ, что я и самъ служу сосудомъ, въ которомъ азіатская гостья пойдетъ далѣе въ глубь тѣхъ земель, куда она не могла бы проникнуть иначе. Какъ тяжелый кошмаръ, давили меня эти неотвязныя мысли и не давали забыться мозгу, и безъ того усталому отъ впечатлѣній минувшихъ дней... Не много, вѣроятно, я спалъ въ эту ночь, потому что работа мысли не давала покоя; отдыхало тѣло, но не покоился умъ; что-то душило мою грудь, что-то заставляло трепетать и замирать сердце, что-то непонятное наполняло все мое существованіе...

IV.

Проснулся я на другой день рано, сонъ какъ-то бѣжалъ отъ меня. Когда я открылъ глаза и приподнялся, караванъ хаджей уже шевелился, несмотря на то, что всѣ улеглись очень поздно вчера, послѣ сцены заклинанія худхуда. Солнце еще не взошло, но по всему небу уже побѣжали пурпуровыя, багровыя и золотистыя съ краснымъ полосы, которыя, играя по голубому небосклону, то расходясь, то сливаясь, производили игру утренней зари. Чтобы видѣть это прекрасное явленіе природы во всей его красотѣ, надо пойти самому въ пустыню, переспать на ея пескахъ подъ покровомъ безоблачнаго неба и его блестящихъ созвѣздій, и, вперя свой взоръ въ небеса, обрызганныя ихъ серебристымъ мерцаніемъ, дождаться того часа, когда на ясномъ сводѣ померкнутъ свѣтила ночи, и, утопая въ набѣгающемъ откуда-то на небосклонъ бѣловатомъ свѣтѣ, уйдутъ въ безпредѣльную надзвѣздную глубину. Тогда почувствуетъ каждый, кто до сихъ поръ жилъ далеко отъ природы, забившись въ тѣсныя конуры городовъ, все величіе и красоту міросозданія; тогда ему станетъ понятно, почему арабъ—этотъ сынъ пустыни, который ежедневно видитъ и золото, и пурпуръ, и лазурь на востокѣ, обращаетъ туда свое лицо и, повергаясь въ прахъ, полный благоговѣнія произноситъ свой утренній феджэръ (утренняя молитва)... Я провелъ уже много ночей въ пустынѣ на ея сыпучихъ пескахъ подъ покровомъ одного неба и много разъ любовался чуднымъ восходомъ дневного свѣтила; мнѣ была знакома волшебная картина этого явленія, и, несмотря на то, каждое утро съ одинаково напряженнымъ

вниманіемъ я созерцалъ всѣ фазисы расцвѣта утренней зари,—этой прекрасной богини арійскихъ миѳологій.

— Аллахъ-ху-акбаръ (Богъ великъ!)!—раздалось около меня. Я оглянулся; старый Абдъ-Алла вышелъ изъ палатки съ глиняной кружкой съ длинною шейкой. Увидѣвъ восходящее свѣтило, онъ набожно развелъ руками и повергся ницъ, погружая свое лицо въ песокъ, и прочиталъ небольшую фэтха. Затѣмъ онъ привѣтствовалъ меня словами—саба-хельхеръ (счастливое утро)! Пожелавъ кромѣ того мира душѣ моей и освѣдомившись о моемъ здоровьѣ, онъ пошелъ къ ручейку, чтобы совершить омовеніе. Уже въ догонку старику я послалъ свое привѣтствіе.

За полчаса до восхода солнца каждый мумменинъ (правовѣрный) долженъ совершить утреннюю молитву—феджэръ, чтобы ангелъ утра, нисшедшій съ небесъ, занесъ его въ списокъ совершившихъ законъ пророка. Въ городахъ Востока муэзинъ съ высоты минарета въ этотъ часъ дѣлаетъ свой первый призывъ къ молитвѣ, обыкновенно далеко до восхода солнца, когда задребезжатъ первые лучи нарождающагося дня.

Старый Абдъ-Алла въ пустынѣ принялъ на себя обязанность муэзина. Громкимъ, привычнымъ проповѣдывать голосомъ, онъ началъ приглашеніе, войдя въ середину каравана.

Зычный голосъ стараго шейха, то подымаясь, то опускаясь на цѣлыя октавы, разносился далеко по пустынѣ, которая еще была безмолвна и покоилась сномъ, облитая золотыми лучами восходящаго солнца. Быстро вставали и выходили изъ своихъ палатокъ правовѣрные, произнося хвалу Богу и великому пророку. Всѣ они имѣли въ рукахъ небольшіе кувшины и коврики и отправлялись за Абдъ-Аллою на ручеекъ, чтобы совершить священное омовеніе (ель-удгуу) текучею водою, какъ предписываетъ коранъ. Мои проводники,—очень плохіе мусульмане, сильно объевропеившіеся,—въ дорогѣ часто не исполняли того, что требуетъ законъ, но теперь, слѣдуя благому примѣру, отправились за хаджами, чтобы не отстать отъ нихъ...

Все всполошилось, пришло въ движеніе. Началась вседневная жизнь. Всполошились даже верблюды въ ожиданіи того, что скоро наступитъ минута, когда опять нагрузятъ несносные вьюки и мѣха съ водою на ихъ мозолистыя, протертыя до крови спины. Они жалобно заревѣли, и тотъ ревъ, похожій на вопль, исторгшійся изъ ихъ многострадальной груди, выражалъ протестъ дальнѣйшему путешествію. Разумѣется, не этотъ протестъ животныхъ, а другія соображенія заставили хаджей остаться на этомъ мѣстѣ цѣлый день и провести еще одну ночь у животворной

воды горнаго ручейка. Такъ рѣшилъ Абдъ-Алла, и никто не былъ противъ этого рѣшенія, потому что всякому хотѣлось отдохнуть. Ради хаджей, конечно, остался и я еще на одинъ день. Но не ради отдыха одного остановились хаджи. Какихъ-нибудь десять дней осталось имъ для того, чтобы перейти пустыни Синайскаго полуострова и достигнуть границъ Египта, гдѣ они могутъ отдохнуть вполнѣ послѣ многотруднаго пути и получить въ награду почетное имя—паломниковъ Мекки—блаженныхъ хаджіаджъ, и зеленую чалму, какъ лавровый вѣнокъ, увѣнчивающую головы божьихъ подвижниковъ. Пользуясь отдыхомъ и остановкою, хаджи намѣревались похоронить умершаго собрата, потому что мусульмане никогда не оставляютъ своихъ покойниковъ безъ торжественнаго погребенія, даже когда они умерли жертвою эпидеміи. Правовѣрный не боится заразиться; онъ даже прямо одѣваетъ одежду умершаго отъ холеры или чумы, какъ это было и въ настоящемъ случаѣ.

Вмѣстѣ съ правовѣрными пошелъ и я на ручеекъ — эту «благословенную струйку воды, чистую какъ роса»,—такъ прозвали его благодарные арабы, знающіе цѣну каждой каплѣ воды въ пустынѣ. Тамъ думалъ и я совершить, если не омовеніе, то, по крайней мѣрѣ, умовеніе, имѣющее живящую силу въ пути. Паломники уже начали свой религіозный обрядъ, кажущійся страннымъ и непонятнымъ для европейца, но въ высшей степени гигіеническій и цѣлесообразный на неряшливомъ Востокѣ, гдѣ гнѣздятся всѣ эпидеміи. Коранъ предписываетъ мусульманину не совершать молитвы, пока онъ не совершитъ омовенія всѣхъ нечистотъ своего тѣла и не умоетъ лица. Освятивъ воду призваніемъ имени божія и пророка, каждый правовѣрный зачерпнулъ кружкою воды изъ потока и полилъ сперва правую—чистую руку, потомъ лѣвую — нечистую, по три раза, шепча при этомъ зурэ изъ корана. Затѣмъ, наполнивъ ротъ водою, онъ долго полощетъ его; послѣ трехъ прополаскиваній очищаются уста. Въ очищенный ротъ онъ снова вбираетъ воду и умываетъ ею лицо обѣими руками, послѣ чего приступаетъ къ омовенію передней части головы, ушей, а также и затылка, потомъ обмываются трижды руки до локтя. Въ заключеніе обмывается сперва правая, а потомъ лѣвая нога до щиколки; этимъ и кончается эль-удгуу — омовеніе, за что правовѣрный приноситъ благодареніе Богу словами—эль-хамди-меллахи (слава Богу)!

Въ разныхъ мѣстахъ по протяженію источника творился этотъ копотливый обрядъ. Абдъ-Алла мылся тщательнѣе и долѣе всѣхъ, присоединивъ еще къ омовенію смываніе нечистотъ тѣла,

для чего удалился отъ прочихъ. Весь обрядъ продолжался около десяти минутъ, послѣ чего шейхъ провозгласилъ громогласно призваніе къ молитвѣ. Кружки были отставлены въ сторону, развернуты на пескѣ коврики — седжадэхъ, чтобы не прикоснуться къ нечистому мѣсту омытыми колѣнями, и всѣ правовѣрные стали на нихъ, обратившись на югъ къ Каабѣ, какъ приказываетъ XX сурэ, такъ какъ въ той сторонѣ стоитъ древнѣйшій храмъ въ мірѣ, воздвигнутый еще Авраамомъ. Размахнувши руками трижды, всѣ произнесли Аллаху: акбаръ!—и затѣмъ начали молитву. Сперва каждый сдѣлалъ по нѣскольку поклоновъ, прикасаясь слегка руками къ колѣнямъ, и произнесъ — гай-аль-иль-саллахъ, иль-фэтахъ (приступимъ къ священной молитвѣ). — Съ этими словами правовѣрные приложили свои ладони къ груди и начали въ одинъ голосъ читать фэтху. Послѣ небольшого молитвословія они опустились на колѣни, присѣли, а потомъ пали ницъ. Со словами: Аллахъ-ху-акбаръ (Богъ великъ)! они подымали голову отъ земли. Нѣсколько разъ совершилось такое колѣнопреклоненіе, положенное по уставу, послѣ чего нѣсколько минутъ правовѣрные перебирали четки, шепча молитвы. Въ заключеніе фэтхи, произносилось исповѣданіе вѣры и превознесеніе имени Аллаха. Окончивъ молитву, всѣ хаджи, обращаясь другъ къ другу, произнесли: эль-саламъ-алейкумъ (миръ вамъ)! Абдъ-Алла по окончаніи общей молитвы совершилъ еще нѣсколько колѣнопреклоненій и что-то еще долго бормоталъ про себя, павъ лицомъ на землю. Когда всталъ старикъ и подошелъ къ лагерю, на его длинныхъ рѣсницахъ виднѣлась слеза.

Пока совершался весь этотъ религіозный обрядъ, день наступилъ вполнѣ; ослѣпляющимъ золотымъ блескомъ засіяло солнце, выкатываясь изъ-за далекаго горизонта; пустыня вспыхнула отъ блеска лучей, отражавшихся отъ бѣловатыхъ песковъ ея; мрачная каменная масса на вершинахъ украсилась золотистою каемкою; ночная свѣжесть какъ-то незамѣтно пропала въ воздухѣ, и все преисполнилось свѣта, блеска и огня...

Караванъ усѣлся закусывать, напередъ давши и верблюдамъ по горсточкѣ ячменя и пустивъ ихъ пастись опять по окрестностямъ становища, отыскивать кустики артемизіи, терновника и бурьяна. Юза зажегъ изъ сучьевъ тарфы небольшой костеръ и началъ варить утренній чай, къ которому я пригласилъ Абдъ-Аллу и Букчіева. Старый шейхъ, пожелавъ всего лучшаго намъ всѣмъ и произнеся имя Аллаха, бросилъ въ огонь пучекъ душистыхъ травъ; ароматное куреніе поднялось прямо къ залитому свѣтомъ небу тонкою струйкою, какъ жертва Богу

за благополучно проведенную ночь. Выпили мы чаю, закусили черствымъ хлѣбомъ, оливками и козьимъ сыромъ. Абдъ-Алла и Букчіевъ были неумолкаемы и разсказывали многое изъ своей паломнической жизни.

Мои паціенты были все въ томъ же ужасномъ положеніи, умирая медленною смертью. Большую часть времени они остались въ забытьи; иногда какъ бы просыпались, просили воды, шептали молитвы; изрѣдка корчились, словно терзаемые внутренними мученіями, и тогда ихъ лица искажались до невѣроятности. Мое простое средство всегда облегчало ихъ страданія; прикладываніе теплыхъ, нагрѣтыхъ, то на солнцѣ, то у костра, кусковъ матерій на животъ и на ноги было, повидимому, особенно пріятно страдальцамъ. Къ мертвецу меня не подпускалъ даже близко Абдъ-Алла, прося не нарушать его вѣчнаго сна. Трупъ былъ положенъ въ отдѣльную палатку, гдѣ еще съ вечера возилось нѣсколько паломниковъ, хотя самъ шейхъ туда не входилъ, пробывъ весь вечеръ съ нами. Закусивъ у нашего костра, старикъ вдругъ приподнялся, словно по сигналу, и произнесъ:

— А теперь, мои братья, надо предать землѣ тѣло нашего собрата. Аллахъ да благословитъ его! Пойдемъ и ты со мною, благородный московъ. Милосердный Аллахъ назначилъ Хафизу умереть въ пустынѣ, совершивъ свой жизненный путь; отправимъ же его въ землю, какъ повелѣваетъ Коранъ. Изъ земли созидается тѣло человѣка, въ землю оно снова и возвращается. Хвала и честь всемогущему Богу!

Я пошелъ за Абдъ-Аллою. Тѣло покойнаго четверо хаджей бережно вынесли изъ шатра. Оно было уже обмыто и облечено въ погребальный саванъ съ ногъ до головы. Въ виду этой-то церемоніи, вѣроятно, и не допустили меня въ палатку къ покойнику, чтобы гяуръ не могъ видѣть нагого тѣла правовѣрнаго. Омовеніе покойника есть такое святое дѣло у мусульманина, что омытый трупъ считается уже вполнѣ чистымъ, и надъ нимъ уже могла быть совершена молитва. Хотя по обычаю мусульманъ, при церемоніи омовенія умершаго, тѣло очищается даже отъ волосъ, которые выбриваются, спеціально занимающимися этимъ дѣломъ людьми — мухазилами, но въ пустынѣ, вѣроятно, было сдѣлано исключеніе для погибшаго такъ внезапно Хафиза. Только затылокъ до темени былъ пробритъ, да всѣ отверстія тѣла были заткнуты чистыми тряпками для того, чтобы тѣло, очищенное омовеніемъ, не запачкалось изверженіями, какъ пояснилъ Букчіевъ. Лица покойнаго, впрочемъ, я не видалъ, по-

тому что все тѣло было съ головы до ногъ закутано въ кеффнъ — саванъ — простой, не сшитый кусокъ хлопчато-бумажной матеріи, который хаджи имѣютъ всегда съ собою на случай смерти, отправляясь въ дальній путь. Такая предусмотрительность нѣсколько странна для насъ, но она показываетъ, насколько хладнокровно относится къ смерти мусульманинъ, хорошо зная, что—отъ смерти не уйдешь. Всегда ожидая и помня о смерти, правовѣрный въ большихъ путешествіяхъ обыкновенно возитъ съ собою и саванъ — кеффнъ, въ который должно быть завернуто его тѣло. Бояться, впрочемъ, ему нечего, чтобы тѣло его осталось не обвитымъ погребальными одеждами: всякій магометанинъ считаетъ своею святою обязанностью прикрыть трупъ единовѣрца.

Положенный на песокъ, обвитый какъ кукла, лежалъ несчастный Хафизъ; случайные товарищи его по путешествію, сдружившіеся на долгомъ пути среди опасностей и лишеній, окружали его тѣснымъ кругомъ и читали молитвы. У многихъ на глазахъ были видны слезы; нѣкоторые рыдали; но тѣхъ отвратительныхъ причитаній и «улулеха» — этого, потрясающаго самые крѣпкіе нервы, вопля по умершемъ, на Востокѣ исполняемаго тоже особыми спеціалистами и въ особенности женщинами, не было слышно вокругъ тѣла несчастнаго хаджи, потому что, вѣроятно, у него изъ окружающихъ не было ни одного родственника. Но тихая грусть, слезы, катившіяся по загорѣлымъ впалымъ щекамъ хаджей, прошедшихъ огонь и воду, и горячія молитвы говорили о томъ чувствѣ, которое одушевляло всѣхъ окружавшихъ. Въ этой безмолвной скорби высказывалось глубокое горе, рѣдкое у фанатика-мусульманина въ особенности по отношенію къ чужому человѣку; оно свидѣтельствовало о томъ, какъ дорогъ каждый членъ каравана, который можно назвать настоящею религіозною общиною. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ-нибудь въ Каирѣ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, собрались вмѣстѣ во имя одной идеи нѣсколько человѣкъ, сплотились они во едино, бэ-иссле-лиллахи (во имя Божіе)!—выбрали себѣ хабира — главу и вожака, и пошли черезъ горы и пустыни, чтобы выполнить обѣтъ, данный Аллаху и великому пророку. Много выстрадаетъ потомъ такой мусульманскій паломникъ, прежде чѣмъ доберется до Каабы, много перенспытаетъ онъ, а потому вполнѣ понятно, почему такъ сдруживаются между собою члены каравана хаджей. Это настоящіе «братья въ Богѣ», истинные «друзья въ пророкѣ» — какъ ихъ называетъ одно арабское изреченіе.

Я стоялъ тоже молча, занятый иными чувствами, иными

мыслями, при видѣ укутаннаго въ бѣлый саванъ мертвеца. Мнѣ представилась воочію одна изъ тѣхъ невѣдомыхъ міру смертей, которыя уставляютъ мертвыя пустыни какъ вѣхами — костями и черепами людей, погибшихъ на пути. Какъ memento mori, стоятъ онѣ на всѣхъ тропахъ, пересѣкающихъ пустыню, какъ бы говоря путнику: «иди впередъ скорѣе, чтобы пройти это царство смерти...» Смерть и жизнь идутъ тутъ рядомъ, но смерть преобладаетъ надъ жизнью, — болѣе мертвыхъ, чѣмъ живыхъ... Стоитъ только изнемочь хотя на одни сутки и склонить свою усталую голову, — и новыя безвѣстныя кости забѣлѣются въ пустынѣ и, торча изъ песку, будутъ говорить новому страннику: «и отъ тебя недалека смерть»!...

Минутъ десять продолжалось общее безмолвіе, и эти минуты казались часами. Солнце, уже выкатившееся теперь во всемъ своемъ величіи на безоблачномъ небѣ пустыни, освѣщало ярко бѣлоснѣжный саванъ несчастнаго Хафиза, такъ что даже трудно было на него смотрѣть, и глаза отворачивались невольно; но и вокругъ негдѣ было отдохнуть взору: вся окрестность блистала тѣмъ же нестерпимымъ свѣтомъ, а лучи аравійскаго солнца начали вновь опалять и безъ того опаленные мертвые пески. На восходѣ солнца другого дня обыкновенно мусульмане хоронятъ своихъ умершихъ, чтобы червь тлѣнія не прикоснулся къ тѣлу правовѣрнаго на землѣ, чтобы лучи дневного свѣтила еще разъ облили трупъ своимъ живительнымъ свѣтомъ, прежде чѣмъ онъ будетъ погруженъ въ темную могилу. Уходя изъ міра и изъ жизни во прахъ, изъ свѣта во тьму, онъ долженъ уносить съ собою лучи свѣта, которые должны не потухать во мракѣ могилы, какъ не исчезнетъ безвѣстно и душа правовѣрнаго...

Старый Абдъ-Алла, какъ шейхъ и имамъ, приступилъ къ обряду погребенія немедленно, какъ только была готова могила. Пятеро хаджей длинными своими ножами и ятаганами, при помощи другихъ товарищей, работавшихъ просто руками, выкопали небольшую яму въ пескѣ, саженяхъ въ ста отъ нашего становища. Мои, Юза и Рашидъ, усердно помогали имъ въ ихъ благочестивомъ занятіи; ханджары (длинные ножи) оказывали мнѣ всегда большую услугу въ раскопкахъ, и теперь они работали, какъ лопаты, въ сыпучемъ пескѣ. Не трудно рылась могила, но работа спорилась не быстро, такъ какъ часто ее прерывали обильными молитвословіями и отдыхами. Наконецъ выкопана была яма сажени полторы длиною и футовъ пять глубиною, — и настоящее погребеніе началось съ подобающею торжественностью.

Послѣ короткой молитвы, произнесенной шейхомъ, человѣкъ восемь хаджей на помочахъ, сдѣланныхъ изъ плаща покойнаго, подняли его трупъ и медленно понесли по направленію къ могилѣ головою впередъ. Вся толпа громогласно возопила: ля-иль-аллахъ-аллахъ, у-Мухаметъ-расуль-аллахъ! Напѣвая медленнымъ и торжественно печальнымъ голосомъ слова этого символа исламизма, всѣ пошли вслѣдъ за покойнымъ. Многіе хаджи при этомъ плакали и шептали въ промежутки зурэ изъ корана. Мы съ Букчіевымъ замыкали шествіе, а Абдъ-Алла открывалъ его. Нѣсколько верблюдовъ, увлеченные толпою людей, признали своихъ хозяевъ и присоединились къ процессіи. Человѣкъ до шестидесяти участвовали въ этомъ погребальномъ шествіи. Только Ахмедъ да трое хаджей, ухаживавшихъ за умирающими собратами, остались въ становищѣ. Недалеко было до могилы, но наша печальная процессія продолжалась минутъ десять, въ продолженіе которыхъ безостановочно слышалось мѣрное, потрясающее своимъ однообразіемъ и заунывнымъ напѣвомъ исповѣданіе мусульманской вѣры.

Абдъ-Алла снялъ свой голубой плащъ съ плечъ и положилъ въ могилу; въ этомъ актѣ должна была выразиться вся теплая привязанность его къ умершему собрату; на длинныхъ рѣсницахъ шейха виднѣлись крупныя слезы, катившіяся по щекамъ сѣдовласаго старца. На плащъ Абдъ-Аллы былъ опущенъ бережно трупъ Хафиза, причемъ ноги покойнаго были обращены къ юго-востоку, къ Меккѣ, по направленію Каабы, куда долженъ смотрѣть правовѣрный, даже въ могилѣ. Когда воструботъ Израфіилъ въ день судный, тогда возстанетъ и мусульманинъ прямо лицомъ къ Каабѣ и провозгласитъ исповѣданіе вѣры. Въ голубой плащъ обвернули покойнаго, чтобы этотъ плащъ съ плечъ самого шейха служилъ и гробомъ, и покровомъ, которыхъ нельзя достать въ пустынѣ. Короткую молитву прочиталъ Абдъ-Алла надъ опущеннымъ въ могилу покойнымъ, и должно быть эта фэтха была очень умилительна, потому что прослезился даже Букчіевъ, до сихъ поръ довольно холодно относившійся ко всему обряду. Про другихъ хаджей и говорить нечего, они и не скрывали своихъ слезъ.

— Братья мои и друзья, — началъ наконецъ Абдъ-Алла послѣ долгаго молчанія, окончивъ религіозную сторону погребенія: — эшхету-ипула-иль-аллахъ (исповѣдуйте, что Богъ единъ)!

— Ву-эшхету-ину, Мухаметъ-расуль-аллахъ (исповѣдуемъ, что Магометъ пророкъ его)! — отвѣчали всѣ въ одинъ голосъ.

Такое исповѣданіе вѣры, со стороны присутствовавшихъ при

церемоніи, свидѣтельствовало, что они всѣ ручаются, что погребенный умеръ истиннымъ мусульманиномъ, и что ушедшій въ могилу и въ другой жизни, словами своихъ, оставшихся въ живыхъ товарищей, исповѣдуетъ исламъ.

— Господь благій и премудрый отнялъ отъ насъ товарища,— продолжалъ снова старецъ:—онъ взялъ Хафиза съ земли, чтобы водворить его въ своемъ раю, гдѣ встрѣтятъ ангелы угоднаго пророку. Онъ много претерпѣлъ ради Аллаха, и Аллахъ его помиловалъ)!.. Хафизъ молился у гроба пророка и у святого чернаго камня; онъ приносилъ жертву на горѣ Аратѣ; онъ былъ истый мусульманинъ, но дни его были сочтены. Его жёны не увидятъ болѣе мужа, дѣти—своего отца, мы—своего друга; онъ останется здѣсь въ пустынѣ, пока ангелъ смерти не позоветъ его на небо... На берегу тихаго Нила есть небольшая деревня; въ ней жилъ Хафизъ; я знаю его благословенный домъ, осѣненный пальмами, и онъ былъ всегда открытъ для странника. Добрый Хафизъ (да благословитъ его Богъ!) былъ радъ всякому гостю, и Аллахъ благословилъ его своею милостью за его благодѣянія... Но потомъ послалъ ему испытанія. Старшій сынъ Хафиза—Юсуфъ, былъ убитъ въ Суданѣ въ войнѣ съ шилуками; старшая дочь его Заина, красотой подобная цвѣту жасмина, утонула въ рѣкѣ; любимая жена его была похищена изъ гарема пашею Хуссейномъ. Померкли дни Хафиза, какъ померкаютъ звѣзды передъ зарей. Онъ пошелъ со мною въ Мекку, чтобы молить пророка помиловать его, и Аллахъ услышалъ молитву праведнаго, призвавъ Хафиза къ себѣ... Садъ, орошенный небесною влагою, возраститъ цвѣты и плоды; роса, подобная жемчугу, разбросанная по травѣ, напитаетъ мотыльковъ; роза, преисполненная благоуханіемъ, дастъ плодъ и сѣмена,—но земля, принявъ въ себя человѣка, не возраститъ изъ положеннаго въ нее—другого человѣка... Жизнь человѣка подобна сорванному цвѣтку...

Выстрѣлъ, похожій на хлопанье бича, раздавшійся недалеко отъ насъ въ ущельѣ прервалъ краснорѣчіе Абдъ-Аллы. Онъ остановился на минуту, посмотрѣлъ въ сторону выстрѣла и закончилъ свою рѣчь обычнымъ призываніемъ имени Аллаха.

Онъ замолчалъ; потомъ нагнулся и обѣими пригоршнями бросилъ песокъ на завернутое въ плащъ тѣло Хафиза; за нимъ четверо арабовъ начали руками и ногами сбрасывать песокъ въ могилу, произнося: хауэнъ-залейна, я-раббэна (помилуй насъ, Господи)! Скоро было засыпано, виднѣвшееся сначала голубымъ пятномъ изъ-подъ золотистаго песка, тѣло погребеннаго; могила его срав-

нялась съ землей, и надъ нею поднялся небольшой холмикъ изъ песку.

— Эль-хамди-лиллахи!—проговорили арабы вслѣдъ за Абдъ-Аллою и пошли прочь отъ могилы.

А солнце по прежнему свѣтило ярко и горячо, наполняя всю пустыню и воздухъ безпредѣльнымъ сіяніемъ. Но не долго кости Хафиза будутъ лежать въ землѣ; гіены и шакалы разроютъ своими лапами небольшой холмъ, и разбросаютъ обглоданныя кости безвѣстно погибшаго путника по пустынѣ, чтобы напомнить и другимъ о смерти... Скоро люди, забудутъ о Хафизѣ, но — вѣритъ мусульманинъ—не забудутъ его небожители: Мункиръ и Накиръ, два ангела, придутъ тотчасъ же навѣстить покойнаго и спросятъ его, доволенъ-ли онъ вѣчнымъ сномъ и могилою. И когда онъ дастъ утвердительный отвѣтъ, тогда душа его придетъ въ послѣдній разъ взглянуть на покинутое тѣло, чтобы возлетѣть въ заоблачныя выси, а тамъ Аллахъ въ день судный взвѣситъ все содѣланное Хафизомъ на землѣ и разсудитъ по справедливости...

Мрачные возвращались хаджи отъ могилы къ своему становищу, какъ будто они оставили въ ней самое дорогое для нихъ всѣхъ. Даже мой веселый Юза былъ хмуръ, какъ осенняя ночь, что вовсе не шло къ его подвижному лицу.

А. Елисѣевъ.

БЕЛИНДА

Романъ, соч. Роды Броутонъ.

ПЕРІОДЪ II.

VIII [1]).

Уже трое сутокъ какъ Белинда замужемъ. Всѣ люди рабы привычки, и удивительно даже—съ какой легкостью мы прилаживаемся ко всякой новой обстановкѣ, которую судьба посылаетъ намъ. Но какъ ни скоро, однако, привыкаешь ко всякой новизнѣ,—все же трое сутокъ—срокъ слишкомъ короткій для того, чтобы успѣть привыкнуть къ какому бы то ни было новому положенію. Во всякомъ случаѣ, Белинда еще не привыкла къ тому, что она замужемъ. Ей все еще представляется чѣмъ-то невѣроятнымъ, мало того, чудовищнымъ, что она сидитъ за завтракомъ напротивъ профессора Форта, въ ихъ фолькстонской квартирѣ и завариваетъ для него чай въ чайникѣ изъ британскаго металла, старательно припоминая, сколько кусковъ сахару онъ любитъ, чтобы ему клали въ чашку, — а она успѣла уже замѣтить, что мужъ не охотникъ повторять два раза сряду одно и то же. Не менѣе чудовищнымъ ей кажется и то, что она согрѣваетъ ему пальто, разрѣзываетъ газеты и заказываетъ обѣдъ съ соблюденіемъ тѣхъ правилъ гигіены и экономіи, какихъ онъ отъ нея требуетъ. Эти трое сутокъ показались ей невѣроятно долгими. Ей кажется, что она уже цѣлые мѣсяцы какъ глядитъ на безобразную отдѣлку камина въ гостиной и тщетно старается запахнуть занавѣсы изъ

1) См. выше: май, 274 стр.

легкой лѣтней матеріи на окнахъ, лишенныхъ ставней и потрясаемыхъ вѣтромъ; цѣлые мѣсяцы слушаетъ вѣчные стоны, вздохи и завыванія этого вѣтра и шумъ морскихъ волнъ, разбивающихся о берега; цѣлые мѣсяцы прогуливается съ профессоромъ Фортомъ въ одинъ и тотъ же часъ, и по одной и той же дорогѣ; цѣлые мѣсяцы пишетъ подъ его диктовку письма до тѣхъ поръ, пока рука у нея не онѣмѣетъ, и читаетъ ему вслухъ до тѣхъ поръ, пока не охрипнетъ. Что касается чтенія и письма—то она не ропщетъ: чѣмъ больше, тѣмъ лучше! Ничто кромѣ труда, непрерывнаго труда не можетъ заглушить словъ Сары, мучительно раздающихся въ ея ушахъ: «въ твоемъ поведеніи нѣтъ смысла!»

Но она не хочетъ ихъ слышать. Еслибы даже они и были справедливы, то какой толкъ прислушиваться къ нимъ теперь? И кромѣ того, чтеніе и письмо спасаетъ отъ разговоровъ. Изъ убѣжденія, что какъ бы ни былъ человѣкъ преданъ умственнымъ занятіямъ, а стоитъ только пожить съ нимъ подъ одной крышей, чтобы увидѣть, что онъ живетъ не однимъ умомъ,—Белинда уже вывела, что ея профессоръ интересуется многимъ другимъ. Удивительно даже, что онъ теперь гораздо меньше толкуетъ объ отвлеченныхъ вопросахъ, чѣмъ о цѣнѣ на уголь и негодности служанокъ въ отеляхъ и пансіонахъ. Первый изъ этихъ сюжетовъ привелъ къ тому, что онъ уже предложилъ своей молодой женѣ топить каминъ только одинъ разъ въ день и употреблять для этого не болѣе двухъ корзинокъ угля; а второй—занимаетъ и теперь его мысли и языкъ. Итакъ, они сидятъ за завтракомъ, Белинда передъ чайникомъ изъ британскаго металла, а супругъ ея, напротивъ нея, передъ блюдомъ съ поджаренньмъ свинымъ саломъ, поглощающимъ все его вниманіе.

— Совершенно невозможно,—медленно произноситъ онъ наконецъ,—чтобы мы вдвоемъ съѣли полтора фунта свиного сала въ три дня, тѣмъ болѣе, что я замѣтилъ, что вы его вчера совсѣмъ не ѣли.

— Въ самомъ дѣлѣ?—возражаетъ Белинда равнодушно;—я не помню.

— И если справедливо,—продолжаетъ м-ръ Фортъ, а глаза его со строгимъ порицаніемъ перебѣгаютъ съ блюда съ саломъ на сахарницу:—какъ только-что намъ объявила Марія, что отъ фунта сахару, купленнаго мною вчера, остаются всего только эти нѣсколько кусковъ, то очевидно, что здѣсь происходитъ организованное воровство.

— Это очень дурно съ ихъ стороны,—беззаботно замѣчаетъ

Белинда, поправляя рукою волосы, которые никакъ не хотятъ гладко и спокойно держаться на головѣ съ тѣхъ поръ, какъ ихъ больше не причесываетъ горничная:—еслибы вы позволили мнѣ привести съ собой Дженнинкъ, она бы за всѣмъ присмотрѣла.

— Я былъ противъ того, чтобы брать съ собой горничную,— отвѣчаетъ онъ, задѣтый ея словами,—потому что находилъ, и все еще нахожу, что это былъ бы только лишній расходъ. Что касается провизіи,—прибавляетъ онъ, внимательно оглядывая комнату,—то здѣсь есть, какъ я вижу, комодъ, а потому почему бы намъ не прятать...

— Какъ! сохранять свиное сало въ комодѣ, который стоитъ въ гостиной!—восклицаетъ Белинда съ негодующимъ смѣхомъ;— вы шутите!

— Если вы можете присовѣтовать лучшій способъ положить конецъ ихъ расхищеніямъ,—то я вамъ буду очень благодаренъ,— сердито отвѣчаетъ онъ.

— Если бы они съѣдали по фунту свиного сала въ день,— возражаетъ съ горячностью Белинда, вздергивая свой надменный носикъ,—то я бы нашла, что это небольшая бѣда въ сравненіи съ тѣмъ, чтобъ вѣчно жить въ атмосферѣ мелочной лавочки.

Говоря это, она поспѣшно встала и направилась къ окну; воздухъ Фолькстона, повидимому, не придаетъ ей аппетита, и все остальное время завтрака она простаиваетъ спиной къ экономисту, засѣдающему за столомъ. Уже не въ первый разъ въ теченіе послѣднихъ трехъ дней убѣждается она, что его взглядъ на разныя житейскія дѣла вполнѣ расходится съ ея взглядомъ. Она знала, что не любитъ его, но не знала, что онъ будетъ появляться въ ковровыхъ туфляхъ въ гостиной. Хуже всего то, что она вообще убѣдилась, что вкусы ихъ діаметрально противуположны. Это сознаніе гложетъ ее и теперь, когда она стоитъ у окна и мрачно глядитъ сквозь стекло.

За ночь выпалъ снѣгъ, и природа кажется такой же печальной, какъ и ея мысли. То же самое сознаніе слѣдуетъ за ней и въ церковь—сегодня воскресенье,—хотя она и старается убѣдить себя, что вовсе не обрадовалась, узнавъ, что мужъ не намѣренъ сопровождать ее.

Профессоръ, всегда отличавшійся зябкостью, просидѣлъ весь день у камина, поставивъ ноги на его рѣшетку и закутавшись не только во все теплое платье, имѣвшееся въ его собственномъ гардеробѣ, но еще и во все то, что нашлось въ гардеробѣ Белинды. Позабывъ про экономію, онъ зажегъ и газъ, и

растопилъ каминъ, изъ котораго, при каждомъ порывѣ вѣтра въ трубу, врывалось въ комнату облако удушливаго, вонючаго дыма.

Белинда, хотя тоже продрогла до костей, но не подошла къ камину. Она стоитъ у окна съ бутылкой клею и полосками бумаги въ окоченѣвшихъ рукахъ, и заклеиваетъ всѣ отверстія въ плохо пригнанныхъ оконныхъ рамахъ, сквозь которыя ледяной вѣтеръ свиститъ и завываетъ. Время отъ времени она обращается за инструкціями къ живой грудѣ платья, возсѣдающей у камина, стараясь сдержать дрожь, отъ которой у ней стучатъ зубы, главное же—стараясь противиться безнадежному унынію, овладѣвшему всѣмъ ея существомъ и не слушать ироническаго и демоническаго голоса, нашептывающаго ей въ уши:

— «Хорошъ твой медовый мѣсяцъ!—хорошъ твой медовый мѣсяцъ»!

Весь день длился снѣжный ураганъ. Весь день море, котораго по временамъ совсѣмъ не видно сквозь бѣлый вихрь, реветъ и бьется о берега. Снѣгъ прилипаетъ къ окнамъ, замерзаетъ на нихъ, и мрачная комната становится еще мрачнѣй. Ни души не видно на улицѣ съ самыхъ сумерекъ и до глубокой ночи. Окончивъ оклейку оконныхъ рамъ, Белинда спрашиваетъ голосомъ, которому тщетно старается придать веселую бодрость: уменьшился ли сквозной вѣтеръ?—но получаетъ меланхолическій отрицательный отвѣтъ. Изъ-подъ дверей дуетъ такъ, что сколько ни замазывай оконъ, отъ сквозного вѣтра не спасешься. А вѣдь нельзя же замазать дверей.

— Но подъ нихъ можно положить мѣшки съ пескомъ,—предлагаетъ Белинда съ той же отчаянной попыткой поддержать въ себѣ бодрость духа. Быть можетъ, у нихъ въ домѣ имѣются мѣшки съ пескомъ, она позвонитъ и спроситъ.

Но таковыхъ мѣшковъ въ домѣ не имѣется,—а хозяйка, ожесточенная какъ и всѣ вообще, погодою,—сердито отвѣчаетъ, что никто никогда отъ нея не требовалъ ничего подобнаго. Однако Белинда придумываетъ новый рессурсъ.

— Я думаю,—говоритъ она,—если свернуть всѣ эти газеты толстымъ жгутомъ и заложить ихъ подъ дверь, то это поможетъ отъ сквозного вѣтра; нужны онѣ вамъ или нѣтъ?—могу я взять «Pall-Mall», «Spectator», «Academy», «Times?»

Получивъ разрѣшеніе, она перебираетъ ихъ, чтобы выбрать наиболѣе пригодныя для своей цѣли, и взглядъ ея нечаянно натыкается на собственное имя—«Фортъ-Чорчиль».—Это объявленіе объ ея бракѣ, крупно напечатанное въ «Daily News». Белинда роняетъ газету, точно она ее укусила.

Свертокъ изъ газетъ оказывается такимъ же безсильнымъ оплотомъ отъ вѣтра, какъ игрушечная плотина, возведенная дѣтскими руками, отъ моря. Но такъ какъ она сдѣлала все, что могла, то и считаетъ себя въ правѣ присѣсть къ огню, натянувъ до самыхъ ушей свое мѣховое пальто. Она предлагаетъ мужу почитать вслухъ.

— Очень благодаренъ, — отвѣчаетъ профессоръ угрюмо: — но я такъ озябъ, что не могу сосредоточить своего вниманія.

Онъ какъ будто обиженъ тѣмъ, что она беретъ въ руки книгу. Но и она точно также не въ силахъ сосредоточиться. Въ ея умѣ шевелится вопросъ: наступитъ ли когда конецъ этому томительному дню? и тутъ же возникаетъ другой, не менѣе мучительный: стоитъ ли желать, чтобы этотъ день поскорѣй прошелъ, когда за нимъ должны послѣдовать другіе, точь въ точь такіе же? Никто не заглянулъ къ нимъ во весь день; даже почтальонъ не приходилъ. Безъ сомнѣнія, сообщеніе по желѣзной дорогѣ пріостановилось вслѣдствіе мятели. Темнота давно наступила, если только можно такъ выразиться, принимая во вниманіе, что сегодня весь день было болѣе или менѣе темно. Газъ горитъ ярче, въ каминъ подложены новыя уголья, и въ комнатѣ становится какъ будто теплѣе. Пульсъ у Белинды бьется сильнѣе, и кровь живѣе обращается въ жилахъ. И вдругъ... о, счастіе! — входитъ служанка съ пачкой писемъ въ рукахъ. Слава Богу! сообщеніе по желѣзной дорогѣ не прекратилось. Вотъ лондонская почта, которая должна была придти въ восемь часовъ утра. Она хватается за письма съ оживленіемъ. Письма не могутъ принести ей добрыхъ вѣстей, но она рада, что они нарушаютъ убійственное однообразіе и скуку этого дня. Кромѣ того, они разсѣеваютъ ужасное чувство полнаго обособленія отъ всего остального человѣчества, которое давило ее весь день. Профессоръ получилъ цѣлую массу писемъ. А для Белинды имѣется большой конвертъ, надписанный рукою Сары. Белинда ближе подвигается къ огню и плотнѣе запахиваетъ свое мѣховое пальто. Она намѣрена съ полнымъ комфортомъ наслаждаться своими письмами. Она разрываетъ конвертъ, и изъ него падаетъ цѣлыхъ шесть писемъ: одно отъ Сары, четверо другихъ, надписанные знакомыми женскими почерками, и одно съ незнакомой, мужской надписью. Но дѣйствительно ли этотъ почеркъ незнакомъ ей?

IX.

Ей самой показалось это такъ на первый взглядъ; но вотъ, при болѣе внимательномъ осмотрѣ, ей припоминается другое письмо, о которомъ, по-правдѣ сказать, она никогда не забывала, и почеркъ котораго, хотя и твердый, имѣлъ странное сходство съ настоящимъ.

Она все глядитъ на письмо: неизъяснимый страхъ сжимаетъ ей сердце и не даетъ распечатать письма. Уголь въ каминѣ трещитъ. Профессоръ перевертываетъ страницу своего письма. Онъ читаетъ уже третье письмо, а она еще не принималась и за первое.

— Я надѣюсь, что вѣсти изъ дому хорошія?—вѣжливо спрашиваетъ онъ.

— Я... я надѣюсь,—отвѣчаетъ она, колеблясь.—Я еще не знаю.

Она должна однако справиться съ этимъ нелѣпымъ смущеніемъ. По всей вѣроятности, навѣрное даже, она игрушка галлюцинаціи, случайнаго сходства. Нѣтъ сомнѣнія, что сходство это ограничивается однимъ адресомъ. Стóитъ только распечатать письмо, и всѣ эти глупыя бредни разсѣятся. Она разрываетъ конвертъ и съ трепетомъ глядитъ на подпись.

Нѣтъ, это не галлюцинація, это не случайное сходство! Она не ошиблась; письмо подписано: Давидъ Райверсъ! Въ первую минуту ею овладѣваетъ сумасшедшая радость, которая однако немедленно смѣняется такою жгучею болью, что у нея темнѣетъ въ глазахъ.

Итакъ, онъ ей написалъ наконецъ! Что можетъ онъ ей сказать теперь? Поздравить съ замужествомъ? Онъ могъ бы избавить ее отъ этого! Она не станетъ читать его письма, она сожжетъ его, не читая.

Но, нѣтъ! она прочтетъ его, только не на глазахъ *у мужа*.

Она бросаетъ на мужа отчаянный взглядъ, затѣмъ вскакиваетъ съ мѣста и бѣжитъ въ спальную. Пусть онъ зоветъ ее! онъ, кажется, и позвалъ ее, но она не отвѣчаетъ. Она взбѣгаетъ по сырой лѣстницѣ въ спальную и запирается въ ней на ключъ. Профессоръ, смиловавшись, разрѣшилъ затопить и въ ней каминъ. Но онъ такъ дымилъ, что огонь пришлось погасить. Въ комнатѣ ужасно, убійственно, нестерпимо холодно, но она этого не чувствуетъ. Можетъ ли быть холодно человѣку, у котораго въ сердцѣ точно раскаленное желѣзо.

Въ одну минуту она зажгла газъ и свѣчи. Для того, чтобы прочитать свой смертный приговоръ, необходимо ярко освѣтить комнату. Теперь она безумно торопится прочитать письмо, которое пять минутъ тому назадъ собиралась сжечь непрочитаннымъ.

Она читаетъ его стоя, и вотъ что оно гласитъ:

«5, Парадизъ-Роу, Мильнъ-Торпъ, Іоркширъ.

«Января 10-го.»

Десятое января! да это какъ разъ тотъ день, когда была ея свадьба! Значитъ, онъ пишетъ ей не затѣмъ, чтобы поздравить съ замужествомъ; онъ не могъ еще знать о немъ, когда писалъ!

«Слава Богу! я могу наконецъ написать вамъ, хотя думаю, что письмо мое будетъ безтолковово, такъ какъ я обезумѣлъ отъ радости. Вы поняли конечно—вы всегда всѐ понимали — чтó удерживало меня вдали отъ васъ. Конечно, вы слышали, какъ и всѣ, о банкротствѣ, предшествовавшемъ смерти моего бѣднаго отца и вызвавшемъ его кончину. Что бы вы ни слышали, не считайте его виновнымъ. Я такъ плохъ на счетъ писемъ, что лучше разскажу вамъ все при личномъ свиданіи. Но не хочу, чтобы вы заблуждались даже одну лишнюю минуту, если я могу этому помѣшать. Онъ разорился вслѣдствіе внезапнаго и совершенно неожиданнаго повышенія цѣнъ на желѣзо, какъ разъ послѣ того, какъ онъ взялся по контракту доставить огромное число тоннъ желѣзныхъ рельсовъ въ Америку по дешевой цѣнѣ. Такая бѣда могла случиться съ каждымъ проницательнымъ и осторожнымъ человѣкомъ. Вы знаете, чѣмъ онъ былъ для меня; я часто вспоминалъ, какъ я вамъ надоѣдалъ своими разсказами объ отцѣ. Вы можете себѣ представить, каково мнѣ было вернуться домой! Если бы было время задумываться надъ своимъ положеніемъ, то я бы, вѣроятно, съума сошелъ. Къ счастію мнѣ некогда было. Если бы я потерялъ присутствіе духа, что было бы съ матушкой и моими братьями и сестрами? Тогда же послѣ похоронъ мы узнали, что разорены въ конецъ, и что намъ нечѣмъ жить. А между тѣмъ у матушки было на рукахъ трое маленькихъ мальчиковъ, которыхъ необходимо воспитывать. Мнѣ ничего не оставалось, какъ отказаться отъ личнаго счастія. Мы наняли маленькій домикъ въ грязномъ переулкѣ въ Мильнъ-Торпѣ—я въ немъ пишу вамъ это письмо, но въ настоящую минуту онъ кажется мнѣ дворцемъ. Мнѣ посчастливилось получить мѣсто приказчика въ торговомъ домѣ одного изъ бывшихъ товарищей моего отца, но я вскорѣ перемѣнилъ его на

другое на желѣзномъ заводѣ. Мы съ трудомъ справлялись; матушка выбивалась изъ силъ, и сестры тоже работали сколько могли. Много разъ я собирался писать вамъ. Если бы вы отвѣтили мнѣ на записку, которую я нацарапалъ вамъ, уѣзжая изъ Дрездена, то я думаю, что написалъ бы вамъ: но вы не отвѣтили; конечно, вы были правы. Цѣлыхъ полтора года я работалъ, какъ волъ, не давая себѣ отдыха. Такъ какъ я не готовился къ этому дѣлу, то мнѣ было труднѣе, чѣмъ моимъ товарищамъ. Я жилъ изо дня въ день, не рѣшаясь заглядывать въ будущее, какъ вдругъ на дняхъ мы получили письмо отъ стряпчаго одного дальняго родственника, котораго мы очень мало знали, и тѣмъ менѣе разсчитывали на его помощь. Въ этомъ письмѣ, насъ извѣщали, что родственникъ нашъ умеръ и оставилъ намъ по завѣщанію 30.000 ф. стерлинговъ. Этой суммы конечно, достаточно чтобы обезпечить матушку и младшихъ братьевъ и сестеръ, и я могу теперь работать на себя. Рѣшите сами: буду ли я также работать и на васъ. Изумительно ли послѣ этого, что я не въ силáхъ писать толково? Могу ли я пріѣхать къ вамъ? И когда именно? Не заставляйте меня долго ждать отвѣта, потому что я, пожалуй, пріѣду безъ позволенія. Милая! милая! милая! Можетъ быть, я не имѣю право называть васъ такъ, но не сердитесь, я нечаянно написалъ это и не могу рѣшиться вычеркнуть такое хорошее слово! Послѣ полутора лѣтъ, другой подумалъ бы, что его забыли, но вы не изъ тѣхъ, которыя забываютъ. Милая! неужели вы забыли Везенштейнъ!

«Давидъ Райверсъ».

Белинда однимъ духомъ прочитала письмо, не останавливаясь до самой подписи. Письмо дочитано, а она все еще не можетъ отвести отъ него глазъ. На одну секунду настоящее умерло для нея; она живетъ только прошлымъ. *Забыла ли она Везенштейнъ?* Она весело улыбается. Такая улыбка ни разу не появлялась на ея лицѣ послѣ того дня, который она провела въ Везенштейнѣ. «Милая! милая! милая!». Она считаетъ по пальцамъ. Онъ три раза назвалъ ее милой. Онъ говоритъ, что это хорошее слово. Онъ правъ; его весело читать.

Легкій шумъ выводитъ ее изъ забывчивости. То профессоръ мѣшаетъ уголья въ каминѣ внизу въ гостиной. Сквозь тонкій полъ можно явственно разслышать это. Но если бы то была труба архангела, возвѣщающая о кончинѣ міра, она не могла бы сильнѣе поразить ее. Въ глазахъ у нея темнѣетъ, и голова идетъ кругомъ. Да! вотъ хорошее письмо, и ни одна женщина не

могла бы пожелать болѣе искренняго и нѣжнаго письма отъ любимаго человѣка. Одна бѣда только: оно опоздало на три дня. Оно пришло совсѣмъ не кстати теперь, когда, чтобы прочитать его, ей приходится хорониться отъ избраннаго ею самой супруга!

— Да!—я сама избрала его!—говоритъ она, и это-то всего и забавнѣе! Она громко смѣется.

Смѣхъ пугаетъ ее самое.

— Ужъ не схожу ли я съ ума?—спрашиваетъ Белинда себя.

Она бросается къ окну и открываетъ его. Она задыхается даже въ этой ледяной атмосферѣ. Ураганъ стихъ въ настоящую минуту. Все кругомъ покрыто снѣгомъ и озарено блѣдной луной. Она съ дрожью отстраняется отъ рѣзкаго уличнаго воздуха, остраго какъ бритва, и закрываетъ окно, садится къ столу, беретъ письмо и снова медленно читаетъ отъ перваго слова до послѣдняго. Глаза ея сухи, и слезъ не видно на щекахъ. Говорятъ, что гроза менѣе опасна, когда начинается дождь, и худшее въ человѣческомъ горѣ изжито, когда появляются слезы. Но горе Белинды далеко еще отъ этого спасительнаго періода. Чего бы она не дала за нѣсколько слезинокъ или за обморокъ, который бы хоть на время избавилъ ее отъ острой, внутренней боли! И въ томъ и въ другомъ утѣшеніи ей отказано! Если бы онъ написалъ свое письмо только однимъ днемъ раньше! если бы она послушалась страстной мольбы Сары отложить свадьбу только на одинъ мѣсяцъ! Если бы, если бы! Мало ли сколько такихъ *если бы*, которые могли бы открыть для нея рай.

— Я сама выбрала свою долю! — горько повторяетъ она, снова чувствуя страшное желаніе громко расхохотаться надъ мрачной ироніей этихъ словъ. *Доля, выбранная ею*, заставляетъ ее сидѣть теперь одинокой въ этомъ сыромъ и холодномъ погребѣ, съ раскаленной стрѣлой въ сердцѣ, и не смѣть даже громко застонать, чтобы не быть услышанной внизу,—тогда какъ могло бы быть...

Но она не смѣетъ вызывать въ воображеніи противуположной картины. Она чувствуетъ, что это прямой путь къ умопомѣшательству. Глаза ея дико блуждаютъ по открытому письму, и какъ на зло, останавливаются на самыхъ нѣжныхъ фразахъ.

— «Я обезумѣлъ отъ радости!» «Удивительно ли послѣ этого, что я не въ состояніи писать толково?»

Пока она глядитъ на эти слова, написанныя съ такой чистой, радостной вѣрой, но которыя теперь кажутся ей горькой и жестокой насмѣшкой,—судорожное, сухое рыданіе потрясаетъ ее всю съ головы до ногъ. Жалость, которую она до сихъ поръ чувство-

вала только къ самой себѣ, обращается теперь и на него. «*Обезумѣлъ отъ радости!*» а до какихъ поръ? До тѣхъ, пока не возьметъ въ руки газеты и не прочтетъ въ ней, что десятаго января Джемсъ Фортъ профессоръ этрусскихъ древностей въ оксфордскомъ университетѣ обвѣнчался въ такой-то церкви, въ такой-то улицѣ, съ Белиндой, старшей дочерью покойнаго Джона Чорчиля, сквайра, изъ Чорчиль-Парка въ Ломширѣ.—«Онъ не повѣритъ этому! Онъ подумаетъ, что кто-нибудь въ шутку напечаталъ это. Онъ никому не повѣритъ, кромѣ ея самой. А въ какихъ словахъ сообщитъ она ему это? Снова рыданіе потрясаетъ ее; но она подавляетъ его, и нѣсколько секундъ сидитъ неподвижно, задумавшись. Затѣмъ, очевидно, ей приходитъ въ голову какая-то мысль, потому что она встаетъ и, взявъ въ руки свѣчу, смотрится въ зеркало. Съ минуту она разглядываетъ свое лицо. Слава Богу! лицо ея не обезображено слезами; а единственный человѣкъ, имѣющій право наблюдать за ней, не настолько прозорливъ, чтобы услѣдить за измѣненіемъ выраженія на ея лицѣ.

Она, повидимому, довольна результатомъ своего осмотра, потому что идетъ къ двери, отпираетъ ее и, забывъ притворить, спускается внизъ по лѣстницѣ и входитъ въ гостиную.

М-ръ Фортъ сидитъ все въ той же позѣ, въ какой она его оставила, съ тою только разницей, что дочитавъ свои письма, онъ получилъ возможность завернуться вмѣстѣ съ руками въ свои одежды. Только лицо его, сморщенное и еще сильнѣе постарѣвшее отъ холода и раздраженія, остается наружи.

— Гдѣ вы были?—что вы дѣлали все это время?—сердито спрашиваетъ онъ.

— Я была въ своей комнатѣ.—Она боялась, чтобы голосъ не выдалъ ее и не заставилъ его оглянуться на нее. Но нѣтъ!—онъ не отводитъ глазъ отъ камина.

— Я надѣюсь, что на верху каминъ хорошо топится. Если въ немъ такая же рѣшетка, какъ и въ этомъ, то за нимъ надо постоянно смотрѣть.

— Я... я... Кажется, что онъ совсѣмъ не топится,— отвѣчаетъ Белинда неувѣренно.

До этой минуты ей не приходило въ голову, въ какой мѣрѣ физическое страданіе отъ холода усиливаетъ ея нравственную муку.

— Не топится?—каминъ не топится?

Въ одну секунду онъ хватается за колокольчикъ и изо всей мочи звонитъ. Но такъ какъ служанка, по обыкновенію, не спѣ-

шитъ явиться на зовъ, то между мужемъ и женой происходитъ слѣдующій разговоръ.

— Вы вѣрно заклеивали окна? Если же нѣтъ,—то я, право, не постигаю, что могло побудить васъ просидѣть добрый часъ времени въ такой температурѣ?

— Я.. я не заклеила ихъ. Если хотите, то я ихъ заклею.

— Вы оставили дверь открытой?

— Да,—извините. Я сейчасъ затворю ее.

— Что вы тамъ дѣлаете?—почему вы не сидите здѣсь?

— Я... я ищу «Daily-News».

— «Daily-News»! Зачѣмъ вамъ «Daily-News»? Неужели вы уже забыли, что подсунули ее подъ дверь, вмѣстѣ съ остальными газетами, хотя и безъ всякаго толку, — неблагодарно доканчиваетъ онъ.

— Я не брала «Daily-News», я отложила ее.

Белинда не объясняетъ почему именно.

Она открываетъ комодъ, въ которомъ супругъ ея намѣревался прятать свиное сало, и изъ котораго она не въ силахъ была изгнать банки съ вареньями и пикулями. Она совсѣмъ забыла про эти банки, и теперь онѣ являются послѣдней каплей, переполняющей ея чашу, хотя можетъ показаться страннымъ, чтобы такой пустякъ могъ повліять на такое крупное горе. Впослѣдствіи ей даже представлялось, что вся бѣда произошла отъ этихъ несчастныхъ банокъ. *Зачѣмъ ей нужна* «Daily-News»?! Отчаянная рѣшимость овладѣваетъ ею. Она скажетъ ему—зачѣмъ.

— Я хочу вырѣзать изъ этой газеты объявленіе о нашей свадьбѣ, чтобы послать его...

Она умолкаетъ. Имя остановилось у нея въ горлѣ. Она *не можетъ* произнести его.

— Моей матушкѣ?—доканчиваетъ профессоръ за нее.—Я уже послалъ его.

Белинда разражается такимъ же безумнымъ смѣхомъ, какъ и на верху, когда ей показалось, что она сходитъ съ ума.

— Нѣтъ,—не вашей матушкѣ; но... одному знакомому.

Она нашла газету. Рабочій ящикъ, въ которомъ лежатъ ея ножницы, стоитъ на столѣ возлѣ ея супруга.

Белинда спокойно беретъ ихъ и осторожно вырѣзываетъ объявленіе изъ газеты. Рука должна быть тверда, а объявленіе—вырѣзано аккуратно; ничто не должно выдавать ея волненія; пусть тотъ, кто получитъ объявленіе, не догадывается, что эти острыя ножницы рѣзали вмѣстѣ съ бумагой и ея собственное сердце.

— Не понимаю, къ чему вамъ понадобилось непремѣнно

сегодня вечеромъ заниматься этимъ!—сердито замѣчаетъ ея супругъ, какъ-то дѣлаютъ и многіе другіе, лучшіе, чѣмъ онъ, люди, когда срываютъ досаду, вызываемую мѣшкотностью служанки, на первомъ, кто подвернется имъ подъ руку. — Сегодняшняя почта давно ушла. По всей вѣроятности всѣ линіи завалены снѣгомъ.

— Я знаю, знаю,—рѣзко перебиваетъ она;—но мнѣ хочется сдѣлать это сегодня, потому что завтра я... я могла бы позабыть..

Белинда ускользаетъ въ свою комнату незамѣтно, воспользовавшись появленіемъ служанки, которая съ большой неохотой оказываетъ имъ требуемыя отъ нея услуги, такъ какъ не разсчитываетъ на вознагражденіе: профессоръ тотчасъ же по пріѣздѣ отнялъ у нея всякую надежду на этотъ счетъ. Итакъ, Белинда опять очутилась наединѣ въ своей комнатѣ, но она знаетъ, что не долго пробудетъ въ ней одна, такъ какъ за ней вскорѣ появится служанка, чтобы затопить погасшій каминъ. Она должна поэтому торопиться съ своимъ дѣломъ. Открывъ пюпитръ, она вынимаетъ изъ него листъ почтовой бумаги и конвертъ; надписываетъ адресъ на конвертѣ, а на листѣ—крупнымъ, четкимъ почеркомъ пишетъ: «Отъ Белинды Фортъ». Все это заняло не болѣе минуты времени: тяжелыхъ шаговъ служанки еще не слыхать; къ счастію, она по своему обыкновенію не торопится. Белинда старательно складываетъ бумагу, вкладываетъ въ нее объявленіе, кладетъ то и другое въ конвертъ и запечатываетъ. Слава Богу, кончено! и теперь ей смертельно хочется нынче же отправить конвертъ на почту. Онъ, конечно, не пойдетъ сегодня изъ Фолькстона, но по крайней мѣрѣ съ ея стороны дѣло будетъ сдѣлано. Ей нестерпима мысль, что онъ пролежитъ тутъ всю ночь, и что завтра по утру она увидитъ его снова — каково это думать, что «завтра» непремѣнно наступитъ!—Но кому можетъ она довѣрить его?—служанкѣ? эта строптивая особа ни за что не согласится выдти на улицу въ такую погоду и, право, ни у кого не хватитъ духу упрекать ее за это. Разсыльному мальчишкѣ, который чиститъ сапоги и служитъ на посылкахъ? Онъ навѣрное сунетъ его въ карманъ, да тамъ и позабудетъ. Почему ей не снести его самой? Почтовый ящикъ находится всего лишь въ какихъ-нибудь двадцати саженяхъ разстоянія отъ ихъ двери. Сказано — сдѣлано!

Въ одну минуту накинула она еще какую-то мѣховую вещь на плечи, поспѣшно застегнула ее дрожащими пальцами, тихонько спустилась съ лѣстницы, на цыпочкахъ прокралась мимо дверей гостиной; напрасная осторожность: профессоръ, хотя и не

совсѣмъ еще глухъ, но далеко не обладаетъ острымъ слухомъ, рѣдко выпадающимъ намъ на долю, когда мы перевалимъ за сорокъ лѣтъ. Служанка тоже не попалась ей, какъ она того боялась, навстрѣчу. Выходная дверь не заперта и легко отворяется, слишкомъ легко, такъ какъ едва она затворила ее за собой, какъ она снова раскрылась, точно десять тысячъ титановъ толкали ее сзади. Послѣ долгихъ стараній, употребивъ въ дѣло всю силу, какая у нея есть, удается ей наконецъ затворить дверь, при чемъ она захлопывается съ такимъ шумомъ, что отъ него содрогается весь домъ.

И снова Белинда громко смѣется. Луны опять какъ не бывало; тучи снова заволокли небо и море.

Ураганъ возобновился съ прежней силой. Можно подумать, что во всей вселенной онъ одинъ хозяинъ и его страшный братъ — снѣгъ. Воздухъ до того наполненъ бѣлой снѣжной пылью, тонкой и плотной, какъ луна, — что дышать тяжело. Белинда съ трудомъ переводитъ духъ. Она пріостанавливается, чтобы не потерять равновѣсія и не быть унесенной вѣтромъ. Затѣмъ смѣло двигается впередъ, одинокимъ борцомъ съ расходившимися стихіями. Время отъ времени она поворачивается спиной къ снѣжному вихрю, чтобы перевести духъ. Но она ни на минуту не сожалѣетъ о томъ, что вышла на улицу. Она не чувствуетъ ни страха, ни вражды къ разнузданнымъ стихіямъ. Въ душѣ у нея свирѣпствуетъ такая же буря. Ей даже пріятно бороться съ нею. Это какъ будто облегчаетъ бремя, которое давитъ ей грудь, отгоняетъ безуміе, которое казалось такъ близко. Тѣмъ не менѣе однако эти двадцать саженей стоятъ двадцати миль.

Наконецъ она добралась до почтоваго ящика, нашла въ немъ отверстіе и опустила въ него конвертъ, старательно припрятанный подъ пальто, чтобы сохранить его въ цѣлости и сохранности. Да! теперь онъ пойдетъ своей дорогой!—пойдетъ и такъ же не вернется назадъ какъ и день, прожитой въ Вевенштейнскомъ лѣсу,—какъ и другъ, закопанный въ могилу, и на гробъ котораго мы бросили послѣднюю горсть земли. Но ей некогда объ этомъ раздумывать. Новый и сильнѣйшій порывъ вѣтра заставляетъ ее ухватиться за столбъ, на которомъ прибитъ почтовый ящикъ, и въ ту минуту, какъ она выпускаетъ его изъ рукъ, вихрь подхватываетъ ее и несетъ къ морю.

Одну страшную минуту ей кажется, что вѣтеръ низвергнетъ ее съ утесовъ въ мрачную бездну, изъ которой, сквозь завыванія бури, доносится до нея ропотъ разъяренныхъ волнъ. Въ

эту краткую, но страшную минуту, она убѣждается, что жизнь, которая представлялась ей постылой, все еще для нея дорога.

Со страшнымъ усиліемъ она поднимается на ноги. Ослѣпленная снѣгомъ, оглушенная вѣтромъ, сквозь мятель и вьюгу, съ трудомъ добирается она до дому, и наконецъ, все-таки попадаетъ подъ его сохранный кровъ.

Служанка сначала не узнаетъ ее, до того она занесена снѣгомъ, но Белинда не обращаетъ вниманія на ея удивленные восклицанія. Быть можетъ, она настолько оглушена бурей, что даже и не слышитъ ихъ.

Въ полу-безсознательномъ состояніи поднимается она по лѣстницѣ въ спальную. Газъ все такъ же ярко горитъ въ ней, какъ и въ тотъ моментъ, какъ она уходила изъ нея; служанка, наконецъ, растопила каминъ.

Ее приводитъ въ чувство голосъ, кричащій съ низу:

— Белинда! Белинда!

Это мужъ зоветъ ее. Пусть зоветъ!

Голосъ кричитъ громче и настоятельнѣе:

— Белинда! Белинда!

Но вѣдь это голосъ человѣка, который всю жизнь будетъ звать ее Белиндой, и развѣ не сама она дала ему право звать ее Белиндой, приказывать Белиндѣ, бранить Белинду и... хуже всего... ласкать Белинду? Къ чему же безсмысленно, безцѣльно возмущаться? Она поспѣшно отряхаетъ снѣгъ съ платья, перемѣняетъ мокрые башмаки, приглаживаетъ сырые волосы, и приличная и степенная, сходитъ внизъ,—приличная и степенная по внѣшности, для тѣхъ, кто не видитъ ея внутренняго волненія и безумнаго блеска въ глазахъ.

Она находитъ своего супруга въ той же позѣ. Ей кажется, что онъ былъ бы для нея менѣе непріятенъ, еслибы онъ перемѣнилъ хоть сколько-нибудь свое положеніе. Но нѣтъ! онъ такъ же закутанъ и согбенъ надъ каминомъ.

— Я много разъ звалъ,—говоритъ онъ съ довольно понятнымъ раздраженіемъ,—неужели вы не слышали меня?

Она не отвѣчаетъ, потому что все еще не можетъ справиться съ собой.

— Гдѣ вы были? что вы дѣлали?

— Я уходила изъ дому.

— Изъ дому? вы должно быть съ ума сошли?

— Я сама иногда такъ думаю, — спокойно отвѣчаетъ она, глядя прямо ему въ лицо.

— А можно спросить,—продолжаетъ онъ саркастически,—

что́ именно побудило васъ выбрать такую прекрасную погоду для прогулки?

— Я ходила опустить письмо въ ящикъ.

— Гмъ!

Она сѣла на прежнее мѣсто, напротивъ него. Сѣверо-восточный вѣтеръ разрумянилъ ея обыкновенно блѣдныя щеки.

— О вкусахъ не спорятъ, — медленно произноситъ она: — мои вкусы часто порицались; но *вы* по крайней мѣрѣ не имѣете право жаловаться на нихъ. Желаете, чтобы я вамъ читала?

И говоря это, она беретъ книгу, и не дожидаясь позволенія, начинаетъ читать.

Переходъ отъ леденого уличнаго воздуха къ теплой комнатной температурѣ производитъ странное ощущеніе въ ея головѣ. Голова кружится, но Белинда не обращаетъ на это вниманія и читаетъ. Буквы прыгаютъ у нея передъ глазами, но она все читаетъ и читаетъ. Смыслъ прочитаннаго, совершенно ускользаетъ отъ нея, но она читаетъ дальше:

«Еслибы можно было доказать, что какой-нибудь изъ сложныхъ организмовъ не прошелъ черезъ рядъ многочисленныхъ и постепенныхъ измѣненій (черезъ сколько лѣтъ могу я надѣяться умереть?), то моя теорія оказалась бы вполнѣ несостоятельной. Но я не знаю такого случая. Нѣтъ сомнѣнія, что существуютъ организмы (можетъ ли человѣкъ страдать больше, чѣмъ я страдаю?), промежуточныя ступени которыхъ намъ неизвѣстны...»

Ахъ! какъ несносно прыгаютъ буквы и кружится голова, — но это пройдетъ. Она читаетъ дальше.

— Пожалуйста повторите послѣднюю фразу, я ее не понялъ, вы такъ спутанно ее прочитали.

Но вмѣсто того, чтобы исполнить требованіе профессора, Белинда роняетъ книгу изъ рукъ и сама вслѣдъ за ней валится на полъ. Ея желаніе исполнилось: она упала въ обморокъ.

ПЕРІОДЪ III.

I.

Зима съ ея вьюгами и мятелями прошла. Сидя у раскрытыхъ оконъ или въ садахъ, гдѣ уже распустились весенніе цвѣты, люди спокойно толкуютъ про минувшія мятели и пересказываютъ личныя невзгоды и неудобства, которыя онѣ имъ причинили. Анекдоты про страшныя ночи, проведенныя въ вагонахъ поѣзда, занесеннаго въ полѣ снѣгомъ, служатъ предметомъ оживленной бесѣды на обѣдахъ: каждый изъ собесѣдниковъ старается доказать, что онъ натерпѣлся больше, чѣмъ его сосѣдъ, и въ результатѣ оба успѣваютъ подружиться къ концу обѣда.

Между тѣмъ, отъ жестокихъ и тяжкихъ опустошеній, произведенныхъ непогодой, остается мало слѣдовъ въ настоящее время, за исключеніемъ побитыхъ морозомъ лавровыхъ и другихъ кустовъ. Да еще можно было бы спросить: сколько нѣжныхъ, музыкальныхъ голосовъ загублено навѣки? Надъ обломками разбитыхъ судовъ море катитъ свои волны, а въ глубинѣ материнскихъ сердецъ схоронены имена потопленныхъ имъ моряковъ! Не существуетъ ли аналогіи между физическимъ и нравственнымъ міромъ? Не смылъ ли океанъ забвенія тяжелое горе и съ души нашей героини, которая въ страшную бурную ночь не побоялась выдти на улицу?

Такъ могли бы подумать посторонніе наблюдатели, которые заглянули бы въ одну изъ загородныхъ виллъ университетскаго города Оксфорда. Май мѣсяцъ на дворѣ, и время—послѣ полудня, то-есть тотъ именно часъ, когда завтракъ давно уже снятъ со стола, а передобѣденный чай еще не появлялся. Вдоль сверкающей рѣки, на протяженіи цѣлой мили гоняются восьми-весельныя, четырехъ-весельныя и иныя лодки. Толпы счастливыхъ юношей слѣдятъ съ береговъ за интересующими ихъ гребцами, поощряя ихъ криками, пока не осипнутъ. Но шумъ, производимый ими, какъ онъ ни великъ, не достигаетъ даже въ слабыхъ отголоскахъ до спокойной гостиной, гдѣ засѣдаетъ такая же спокойная лэди у открытаго окна, подперевъ голову бѣлой рукой и глядя на клумбы и осыпанныя цвѣтомъ деревья своего небольшого садика.

Хотя на дворѣ очень тепло, но въ каминѣ горитъ огонь, и отъ его досадливаго тепла Белинда старается защититься вѣеромъ, которымъ вяло обмахивается.

Въ послѣдній разъ, когда мы простились съ Белиндой, она лежала на полу въ обморокѣ. Теперь она спокойно и безмятежно засѣдаетъ у окна. Выражаетъ ли собой это наружное спокойствіе также и внутреннее успокоеніе души? Кто скажетъ это? Она пережила уже тотъ возрастъ, когда искаженное лицо, дрожащія губы и громкія рыданія выражаютъ горе, а розовыя щеки и громкій смѣхъ—радость. На видъ она не особенно весела,—но ктó изъ насъ способенъ быть веселымъ наединѣ съ самимъ собой, когда присутствіе постороннихъ лицъ не вызываетъ изъ нѣдръ души дремлющее въ ней веселье!—а между тѣмъ въ настоящую минуту она очевидно думаетъ о чемъ-то пріятномъ. Одну минуту даже легкая улыбка появляется на ея молодыхъ, но меланхолическихъ устахъ. При шумѣ отворяющейся двери эта улыбка мигомъ пропадаетъ.

— Вы, я вижу, сидите безъ дѣла,—говоритъ мужъ, входя въ комнату и шлепая туфлями, чтó ясно указывало на то, что онъ въ туфляхъ (Белинда не смогла отучить его сразу отъ ковровыхъ туфель).

— Если я сижу безъ дѣла, то всего лишь одну минуту,—холодно отвѣчаетъ она.

— Но такъ какъ вы не заняты, — продолжаетъ онъ, не обращая вниманія на ея ледяной тонъ, ибо очевидно привыкъ къ нему,—то я безъ церемоніи обращусь къ вамъ за содѣйствіемъ.

— Что вамъ нужно?—спрашиваетъ она, взглядывая на него.

Очень пріятно, когда на васъ глядитъ хорошенькая женщина, но когда взглядъ ея красивыхъ голубыхъ глазъ холоденъ и враждебенъ, это должно испортить все удовольствіе.

— Что вамъ нужно? Неужели вы хотите опять приняться за работу? вѣдь вы уже окончили свой дневной урокъ? и письма ваши я всѣ написала. Они лежатъ на вашемъ письменномъ столѣ, и я строго сообразовалась въ нихъ съ вашими инструкціями.

— Вотъ объ этомъ-то именно я и пришелъ съ вами поговорить, — возражаетъ онъ, глядя въ бумагу, которую держалъ въ рукѣ. — Вы не совсѣмъ точно передали то, что я хотѣлъ сказать геттингенскому профессору о новомъ «Отрывкѣ изъ Эмпедокла», и я долженъ попросить васъ переписать его.

— А я должна попросить васъ уволить меня на этотъ разъ,—отвѣчаетъ она спокойно, но рѣзко: — я уже отбыла сегодня свою барщину.

Наступаетъ минутное молчаніе, въ продолженіе котораго Белинда намѣренно отворачиваетъ голову отъ профессора и глядитъ въ садъ. Но профессоръ не сдается.

— Еслибы я отрывалъ вась отъ другого занятія, то быть можетъ поцеремонился,—настаиваетъ онъ съ досадной неделикатностью,—но такъ какъ вы ровно ничего не дѣлаете...

— Я ничего не дѣлаю только въ настоящую минуту,—отвѣчаетъ она, съ трудомъ сдерживая свое нетерпѣніе,—но черезъ пять минутъ я буду занята; черезъ пять минутъ я отправляюсь на станцію желѣзной дороги, чтобы встрѣтить Сару; она должна пріѣхать въ 4 ч. 35 м. Вы вѣдь, конечно, не наймете мнѣ извощика,—замѣчаетъ она съ саркастической улыбкой,—а сегодня слишкомъ жарко, чтобы бѣжать сломя голову.

При упоминовеніи о Сарѣ, явная досада выражается на морщинистомъ лицѣ м-ра Форта и прибавляетъ ему еще нѣсколько лишнихъ морщинъ.

— Я не понимаю, зачѣмъ вамъ встрѣчать свою сестру; она, слава Богу, взрослая и можетъ сама позаботиться о себѣ.

Белинда пожимаетъ плечами.

— Это дѣло привычки,—говоритъ она сердитымъ тономъ:—если вы родились въ такой средѣ, которая пріучила васъ толкаться и пробивать себѣ дорогу въ толпѣ, то, конечно, это не можетъ затруднить васъ, но Сара къ этому не привыкла; а такъ какъ вы рѣшительно отказали въ своемъ гостепріимствѣ ея горничной, то она пріѣдетъ одна.

Сказавъ эти любезныя слова, она умолкла, и послѣ краткаго молчанія профессоръ ворчливо произнесъ:

— Если вы считаете это нужнымъ, то я готовъ послать служанку встрѣтить вашу сестру, но покорнѣйше прошу васъ отказаться отъ мысли идти самой на станцію. Такимъ образомъ вамъ ничто не помѣшаетъ оказать мнѣ ту услугу, которой я отъ васъ требую.

— Вы не хотите отказаться отъ выговореннаго вами фунта живого мяса!—кричитъ она, внезапно вставая съ мѣста; она вся дрожитъ, а большіе глаза ея сверкаютъ отъ гнѣва и досады.

— Поздравляю васъ! вы счастливѣе своего прототипа! Вы получите фунтъ моего живого мяса!

До самой своей смерти нѣмецкій ученый не будетъ знать, какими яростными, бѣшеными пальцами начертаны были тѣ вѣжливыя, ясныя и ученыя строки о новомъ «Отрывкѣ изъ Эмпедокла», которыя онъ получилъ вскорѣ затѣмъ.

Много времени проходитъ, прежде чѣмъ прихотливое ухо и педантическій умъ профессора подобрали приличныя для настоящаго случая выраженія. Много листовъ бумаги съ сердцемъ изорвано Белиндой; много разъ приходится ей начинать съизнова,

прежде нежели ея «руководитель, философъ и другъ» облекается съ ея помощью въ свой парадный костюмъ, чтобы идти на профессорское собраніе. Только тогда, когда стукъ выходной двери возвѣщаетъ ей объ его уходѣ, только тогда вздыхаетъ она съ облегченіемъ.

Она снова усаживается въ большое кожаное кресло, въ которомъ сидѣла за письменнымъ столомъ и, закинувъ за голову утомленныя руки, мрачно глядитъ на мухъ, расхаживающихъ по потолку.

— Богъ любитъ добровольныя жертвы!—громко произноситъ она.—*Онъ* не похожъ на Бога (для женщины человѣкъ, котораго она любитъ, и тотъ, котораго она ненавидитъ всегда—*онъ*). Лишь бы ему получить выговоренный фунтъ живого мяса, до остального ему дѣла нѣтъ!

И съ этими словами ѣдкія слезы навертываются у нея на глазахъ; но она рѣшительно отираетъ ихъ. Она не хочетъ, чтобы зоркіе глаза Сары видѣли, что она плакала.

— Не хочу, чтобы меня жалѣли!—говоритъ она, вставая и оправляясь.—Она не должна жалѣть меня! пусть никто меня не жалѣетъ!

Белинда идетъ въ свою комнату, перемѣняетъ платье и надѣваетъ болѣе нарядное, причесывается къ лицу и старается передъ зеркаломъ придать счастливое выраженіе своей физіономіи. Но прежде нежели она успѣваетъ добиться этого, на улицѣ показалась ручная телѣжка, медленно направлявшаяся къ ея воротамъ, подъ бременемъ громаднаго дамскаго дорожнаго сундука. Сара пріѣхала, а она не встрѣчаетъ ее! Эта мысль придаетъ ей крылья; и румянецъ, и улыбка, которыхъ она тщетно добивалась передъ зеркаломъ, оживляютъ ея лицо. За пять минутъ передъ тѣмъ, она не думала, чтобы что-нибудь могло возбудить въ ней то радостное волненіе, какое она испытываетъ теперь, заслышавъ знакомый веселый смѣхъ, завидѣвъ хорошенькое личико, напоминающее дрезденскую фарфоровую куколку, и эти ножки, обутые въ чудовищно-нелѣпые башмаки. Когда онѣ жили вмѣстѣ, онѣ почти никогда не цѣловались или очень рѣдко. Теперь же не могутъ оторваться другъ отъ друга. Но одну ли только Сару цѣлуетъ Белинда? Не цѣлуетъ ли она также въ ней свою погибшую молодость, свою дорогую любовь, свой милый Везенштейнъ?

Въ душѣ обѣихъ сестеръ встаетъ воспоминаніе ихъ тяжелаго разставанія въ то ужасное январское утро! Въ продолженіе минуты онѣ обѣ не въ силахъ произнести ни одного слова, хотя бы имъ посулили за то тысячу фунтовъ. Ихъ выводятъ изъ за-

бытья звуки маленькаго колокольчика и ощущенье чего-то круглаго, плотнаго, крѣпко прижимающагося къ ихъ ногамъ. Это Пончъ!—онъ позабылъ уже про непріятную цѣпь, на которой просидѣлъ всю дорогу отъ самаго Лондона, и теперь въ восторгѣ отъ того, что его снова выпустили на свободу и онъ встрѣтился съ старыми знакомыми.

— Какъ? это Пончъ!—говоритъ Белинда, съ смущеннымъ смѣхомъ становясь на колѣни, беретъ на руки взволнованную собачку и ласково глядитъ въ ея эѳіопскую мордочку.—Ты здѣсь, Пончъ? скажи, пожалуйста, кто пригласилъ тебя пріѣхать?

— Никто, — отвѣчаетъ Сара смиренно, но ему такъ хотѣлось повидаться съ тобой и твоей собаченкой, что я не рѣшилась отказать ему въ этомъ; развѣ ты недовольна?—вопрошаетъ она съ прежнимъ лукавымъ блескомъ въ глазахъ.

— *Я* недовольна? — повторяетъ Белинда съ упрекомъ напирая на слово *я*, и слегка прикладываясь губами къ курчавой головкѣ.—Пончъ, неужели ты думаешь, что *я* могу быть недовольна твоимъ пріѣздомъ?

— Значитъ, *онъ* будетъ недоволенъ?—спрашиваетъ Сара тихо.

— *Онъ* не любитъ собакъ,—отвѣчаетъ Белинда, и лицо ея снова омрачается, словно кто потушилъ свѣтъ въ ея глазахъ.— Онъ съ трудомъ терпитъ и мою собачку.

— Фю-ю!—тихо свиститъ Сара съ вытянутымъ личикомъ. Можетъ быть, и мое присутствіе будетъ съ трудомъ терпима?

Белинда освободила себя отъ необходимости отвѣчать на этотъ вопросъ, что ей было бы довольно непріятно, такъ какъ ей пришлось бы или быть невѣжливой или солгать. Въ эту самую минуту онѣ вошли уже въ домъ, и прыткіе глаза Сары и ея вниманіе отвлеклись другими предметами. Собачки бѣгутъ впереди, причемъ собачка Белинды, хозяйка дома, ворчитъ довольно не гостепріимно въ отвѣтъ на любезныя заигрыванія Понча. Вся компанія входитъ въ гостиную.

— Не дурная комната!—говоритъ Сара покровительственно, оглядываясь кругомъ;—гораздо лучше, нежели я ожидала; только пуста немного.

— М-ръ Фортъ не любитъ тѣсно заставленныхъ комнатъ.

Сестра хохочетъ.

— *М-ръ Фортъ*! Неужели послѣ шестимѣсячнаго замужества ты все еще зовешь его... *м-ръ Фортъ!*

— Какъ же еще звать его? — замѣчаетъ Белинда съ натянутымъ и смущеннымъ видомъ.—Его еще не произвели въ перы, онъ еще не «лордъ Фортъ!»

— Я буду звать его «Джемсъ»,—твердо заявляетъ Сара;—я увѣрена, что ему будетъ пріятно, если я буду звать его «Джемсъ».

Жена м-ра Форта угрюмо смѣется.

— Во всякомъ случаѣ это будетъ имѣть для него прелесть новизны.

Такая горечь была слышна въ ея притворно-шутливомъ тонѣ, что Сара вдругъ прекратила осмотръ комнаты, и устремивъ на старшую сестру пронизывающій на сквозь взглядъ, крѣпко схватила ее за руки и спросила:

— Мы теперь однѣ; скажи, мнѣ какъ устроилась твоя жизнь? ты довольна своимъ положеніемъ?

— Я должна показать тебѣ весь домъ,—отвѣтила Белинда, какъ бы не разслышавъ вопроса сестры;—погляди мою спальную и твою комнату; она выходитъ окнами на tennisground; ты вѣдь привезла, конечно, всѣ принадлежности къ игрѣ? мы будемъ играть въ tennis?

Сара не настаиваетъ на своемъ прежнемъ вопросѣ, но идя за сестрой по лѣстницѣ, нѣсколько разъ качаетъ головой.

— Вотъ моя комната,—говоритъ Белинда, растворяя дверь.— А вотъ эта *его* (въ ея голосѣ при этомъ слышится легкое колебаніе, показывающее, что только боязнь насмѣшекъ сестры мѣшаетъ ей называть своего мужа тѣмъ оффиціальнымъ титуломъ, къ какому она привыкла): а это (не открывая третьей двери, а только указывая на нее) комната старой миссисъ Фортъ.

— О! пожалуйста представь меня ей!—кричитъ Сара.—Мечта моей жизни познакомиться съ его матерью. Ты не разсердишься, но мнѣ какъ-то смѣшно думать, что у него есть мать.

— Это было бы безполезно,—отвѣчаетъ Белинда, не выказывая желанія исполнить требуемое; она, по всей вѣроятности, приметъ тебя за своего сына.

— Ну что-жъ такое! мы поглядимъ другъ на друга,—кричитъ Сара съ восхищеніемъ.—Но неужели она такъ плоха?—спрашиваетъ она, приподнимая брови почти до самыхъ волосъ.

Белинда киваетъ въ отвѣтъ.

— И постоянно задаетъ разные вопросы?

— Постоянно.

— И ты постоянно на нихъ отвѣчаешь?

— Бѣдная старуха!—конечно, отвѣчаю. Не все ли равно разговаривать съ ней или съ кѣмъ другимъ.

Въ голосѣ ея слышится такая усталость и отвращеніе, что глаза сестры снова вопросительно устремляются на нее. Но на

этотъ разъ Белинда не даетъ ей опомниться и вталкиваетъ ее въ четвертую комнату.

— А вотъ это твоя комната,—говоритъ она съ улыбкой, снова озарившей ея лицо, какъ и тогда, когда она встрѣтила сестру, и совершенно преобразившей ея обычно-мрачную физіономію.

— Неправда ли, хорошо пахнетъ?

— Да ты пожертвовала мнѣ всѣми своими цвѣтами!—кричитъ Сара, хороня свое личико въ вазѣ съ только-что нарѣзанными нарцисами.— Я не видѣла совсѣмъ цвѣтовъ въ гостиной.

— М-ръ Фортъ не любитъ запаха цвѣтовъ,—возражаетъ Белинда.

Она произнесла это покорнымъ, спокойнымъ тономъ, не какъ жалобу, а какъ простое заявленіе.

— Онъ, кажется, много чего не любитъ,—замѣчаетъ Сара сухо.

Белинда оставляетъ это замѣчаніе безъ отвѣта.

II.

Сегодня пообѣдали у Фортовъ рано и на-скоро. Обѣ сестры стояли у запертого окна гостиной, припавъ носомъ къ стеклу.

— Неужели онъ *никогда* не открываетъ оконъ?—спрашиваетъ Сара, съ жадностью вперяя взоры въ зеленую сѣть вьющихся растеній, обвивающихъ стѣну дома.

— *Никогда*!

— Если такъ, то я буду падать въ обморокъ ежедневно за обѣдомъ, пока онъ не начнетъ отворять окна.

— Тебѣ придется въ такомъ случаѣ падать въ обморокъ до скончанія вѣка,—возражаетъ Белинда съ каменнымъ спокойствіемъ.

— Еслибы только не эта тепличная атмосфера,—продолжаетъ Сара,—то я нашла бы, что дѣло обошлось не такъ худо какъ я ожидала; сначала намъ всѣмъ было какъ будто неловко; я уже думала, что Пончу въ самомъ дѣлѣ лучше было бы остаться дома;—но затѣмъ все обошлось благополучно, благодаря моей ловкости и такту.

— Однако ты ни разу не назвала его «Джемсомъ»,—замѣчаетъ Белинда съ саркастическимъ смѣхомъ.

— Нѣтъ,—коротко согласилась Сара, впервые въ жизни не пытаясь отдѣлаться ни шуткой, ни другой какой уверткой.—Но

скоро ли мы отправимся?—весело прибавляетъ она.—Вѣдь коллегія св. Урсулы самая большая въ Оксфордѣ, неправда ли? Весь Оксфордъ соберется на-встрѣчу герцогу? Только всѣ вы здѣсь придаете мало цѣны внѣшнимъ отличіямъ! Вы цѣните, конечно, только умственное превосходство,—напыщенно произноситъ она.

— Не знаю,—съ сомнѣніемъ отвѣчаетъ Белинда.

— Что до меня касается,—конфиденціально заявляетъ Сара,—то я обожаю земное величіе; меня интересуютъ всякіе даже пустяки, если они касаются великихъ міра сего. Мнѣ было бы крайне интересно узнать, сколько паръ чулокъ у королевы, и кладетъ ли она въ чай сахаръ?

Белинда смѣется.

— Тамъ будетъ вѣдь весь ученый свѣтъ, и ты представишь меня всѣмъ рѣшительно, неправда ли? Что они обо мнѣ подумаютъ? Потребуютъ они отъ меня умныхъ рѣчей или нѣтъ? Понравлюсь я имъ, какъ ты думаешь?

— Гмъ!—сомнительно произноситъ Белинда, окидывая ласковымъ взглядомъ привлекательную, но отнюдь не академическую фигуру сестры;—сомнѣваюсь!

— Вѣдь въ сущности они такіе же люди, какъ и всѣ,—философствуетъ Сара,—и если пробить толстую кору ихъ учености...

— Быть можетъ, эта кора и не такъ толста,—иронически замѣчаетъ Белинда.

— ...То подъ ней окажется сердце... чувствительное къ моимъ стрѣламъ?

— Можетъ быть!—слышится не вполнѣ увѣренный отвѣтъ.

— Я займусь исключительно студентами перваго курса,—задумчиво произноситъ Сара.—Ты знакома со многими изъ нихъ? Они бываютъ у тебя?

Белинда равнодушно пожимаетъ плечами и говоритъ:

— Бѣдные мальчики! они приходили съ визитомъ, но они слишкомъ боятся меня, чтобы разговаривать. Я не потеряла способности внушать ужасъ,—горько улыбается она.—Этотъ даръ природы я сохранила во всей цѣлости.

— Мы все это перемѣнимъ,—хвалится Сара;—царство страха пройдетъ и наступитъ царство любви.

Белинда вышла на середину комнаты и поправила одинъ изъ газовыхъ рожковъ въ люстрѣ. Поза ея съ закинутой назадъ головой и поднятой красивой обнаженной рукой рельефно выдаетъ стройныя очертанія ея красивой фигуры.

— И неужели никто не восхищается тобой?—спрашиваетъ Сара съ дружескимъ недовѣріемъ въ голосѣ.

Белинда качаетъ головой.

— Если кто и восхищается, то отлично это скрываетъ. Постой! — прибавляетъ она съ жестомъ, призывающимъ вниманіе: — я вспомнила, что какой-то молодой человѣкъ, большой поклонникъ эстетики, сказалъ какъ-то про меня, что я «величественна и спокойна». Но вотъ единственный комплиментъ, какой я снискала въ полгода, да и тотъ нѣсколько двусмысленнаго характера.

— Величественна и спокойна! — повторяетъ Сара, весело хихикая, — ну этого про меня они ни въ какомъ случаѣ не скажутъ!

Она все еще хихикаетъ, какъ вдругъ дверь растворяется и пропускаетъ ея зятя. Смѣхъ готовъ замереть на ея губахъ, но она бодрится и, смѣло направляясь къ Форту, говоритъ ему:

— Представьте, какъ Белинда позоритъ вашъ городъ: она утверждаетъ, что никто здѣсь ею не восхищается, и что я тоже никому не понравлюсь. Неужели это правда? неужели это возможно?

Конечно, пріятно быть на дружеской ногѣ съ своимъ зятемъ, но въ такомъ исключительномъ случаѣ, какъ настоящій, со стороны миссъ Чорчиль было бы пожалуй благоразумнѣе не обращаться съ нимъ съ такой развязной игривостью, которая напомнила ему былую неудачу. Какъ бы то ни было, попытка оказалась безуспѣшной.

— Я долженъ попросить васъ извинить меня, — кисло отвѣчаетъ онъ, поворачиваясь къ ней спиной: — обратитесь къ болѣе компетентному лицу за разрѣшеніемъ этого вопроса. Белинда, помоги мнѣ, пожалуйста, надѣть пальто.

Его тонъ до того рѣшительно угрюмъ, что даже Сара не рѣшается продолжать шутку и на минуту совсѣмъ сбита съ своей позиціи. Белинда встаетъ съ мѣста съ неудовольствіемъ въ глазахъ, чтобы оказать требуемую отъ нея услугу. Въ то время, какъ она неохотно подаетъ пальто мужу, обѣ фигуры ихъ отражаются въ большомъ зеркалѣ.

Белинда въ бальномъ платьѣ. Въ честь герцога, Оксфордъ впервые со времени ея замужества узритъ ея плечи и шею. При яркомъ свѣтѣ газа бѣлизна ихъ отливаетъ атласомъ; небольшой вѣнокъ изъ фіалокъ надѣтъ на ея красивой и хорошо посаженной головѣ. Она кажется олицетвореніемъ молодости и силы и окончательно уничтожаетъ сморщенную фигурку мужа.

Миссисъ Фортъ глядитъ на себя и на мужа въ зеркало и, слыша или притворяясь, что слышитъ подавленный смѣхъ за спиной, произноситъ отчетливымъ яснымъ голосомъ:

— Чему ты смѣешься, Сара? ты вѣрно любуешься нами? Неправда ли, какая мы пара?

Она слегка, но тѣмъ не менѣе очень зло напираетъ на мѣстоименіе *мы*. Дѣйствительно, рѣдко въ жизни когда судьба сводитъ вмѣстѣ такихъ неподходящихъ людей. Профессоръ торопливо отходитъ отъ зеркала, но жена съ удовольствіемъ успѣла замѣтить, что шпилька ея попала въ цѣль. Сара упорно молчитъ. Извощичья карета все еще не пріѣхала за ними. По всей вѣроятности, она должна отвезти многихъ и многихъ на празднество, прежде чѣмъ наступитъ очередь Фортовъ. Наконецъ, и какъ разъ въ ту минуту, • какъ Сара стала уже вопросительно поглядывать на свои башмаки на высокихъ, французскихъ каблукахъ и размышлять: донесутъ ли они ее до св. Урсулы пѣшкомъ,—экипажъ подъѣзжаетъ, и они всѣ усаживаются въ него. Быть можетъ, Белинда раскаявается въ своей выходкѣ, и потому не противится тому, чтобы окно въ каретѣ съ ея стороны было поднято и даже не прибѣгаетъ къ вѣеру, чтобы протестовать противъ оскорбленія лѣтней ночи.

Благодаря тому, что извощикъ запоздалъ, они пріѣзжаютъ не только не первые, какъ это въ обычаѣ у профессора, но, подъѣзжая къ св. Урсулѣ, находятъ большой квадратный дворъ весь заставленнымъ экипажами всѣхъ родовъ и размѣровъ и толпу мужчинъ и женщинъ, спѣшащихъ къ цѣли назначенія. Они всходятъ по отлогой, каменной лѣстницѣ, бока которой на этотъ разъ выстланы зеленымъ дерномъ со свѣжими полевыми цвѣтами, напоминающими своей свѣжестью прохладную, лѣсную чащу. Они прошли мимо стройныхъ столбовъ, поддерживающихъ своды сѣней, и вступили въ обширную залу, гдѣ нѣкогда Елисавета Тюдоръ глядѣла на аллегорическій маскарадъ, и гдѣ теперь сынъ позднѣйшей ея преемницы съ вѣжливымъ терпѣніемъ, по всей вѣроятности превосходящимъ то, которымъ располагала Елисавета, присутствуетъ при болѣе усовершенствованномъ зрѣлищѣ, чѣмъ тотъ варварскій маскарадъ и устарѣлая аллегорія. Въ настоящую минуту, замѣной прежнихъ увеселеній служитъ разсказъ, передаваемый не то, чтобы глупымъ, но необыкновенно взволнованнымъ молодымъ человѣкомъ, который время отъ времени беретъ нѣсколько чувствительныхъ аккордовъ на фортепіано, стоящемъ подъ балдахиномъ, тамъ, гдѣ обыкновенно возвышается каѳедра «Fellows». Чудовищно длинный разсказъ повѣствуетъ о стрѣлочникѣ, который въ то время какъ былъ занятъ своимъ дѣломъ, видитъ своего сына малютку прогуливающимся по рельсамъ какъ разъ въ ту минуту, какъ долженъ подойти курьерскій поѣздъ. Борьба между

его отеческими и служебными чувствами длится такъ безбожно долго, что публика не въ силахъ болѣе выносить напряженнаго вниманія, котораго отъ нея требуютъ, и начинаетъ бесѣдовать сначала «sotto voce», а затѣмъ и громче.

Но принцъ неизмѣнно вѣжливъ и внимателенъ, и даже не позволяетъ себѣ любезничать съ привлекательной хозяйкой праздника, возсѣдающей на креслѣ рядомъ съ нимъ въ первомъ ряду и расплывающейся въ вѣрноподаннической улыбкѣ.

Какъ ни многочисленно собраніе, а зала такъ велика, что не тѣсно. Всѣ женщины надѣли свои лучшія платья и съ удовольствіемъ убѣждаются, что туалеты ихъ не пропадутъ для зрителей и для соперницъ. Благодаря высокому потолку, въ залѣ не жарко и не душно.

— Ты должна познакомить меня со всѣми рѣшительно и объяснить, кто и чѣмъ изъ нихъ знаменитъ, такъ, чтобы я могла каждому сказать пріятное,—объявляетъ Сара, весело оглядывая эксцентрическіе ряды профессоровъ съ плоскими шляпами подъ мышкой и въ профессіональныхъ черныхъ костюмахъ.

— Ахъ! ради Бога, не задавайся такой мыслью, ты непремѣнно напутаешь!—урезониваетъ ее Белинда.

Сара только пожимаетъ бѣлыми плечиками. Она такъ жаждетъ знакомыхъ, что Белинда, терпѣливо указавъ, а при первой возможности и представивъ ей съ полдюжины мѣстныхъ, и одну или двѣ европейскихъ знаменитости, украшающихъ собою собраніе, наконецъ, проситъ пощады.

— Ты ненасытна! — говоритъ она.—Ты такъ же несносна, какъ и миссъ Уатсонъ!

— Не накликай бѣды!—кричитъ Сара съ дрожью, на половину искренней.—Не упоминай этого проклятаго имени; я готова побожиться, что мнѣ уже слышался ея голосъ!

Въ залѣ публика прибываетъ. Около двери, правда, можно двигаться все еще довольно свободно, но кто же захочетъ оставаться у двери и не пожелаетъ протолкаться впередъ, чтобы поглядѣть поближе на настоящаго живого англійскаго королевскаго принца, а не на какую-нибудь сомнительную германскую свѣтлость.

— И еще говорятъ, что мы не хорошіе вѣрноподданные!— замѣчаетъ Белинда съ ироніей, пробираясь вмѣстѣ съ сестрой впередъ. Имъ приходится самимъ пролагать себѣ путь. Немедленно по прибытіи, ихъ естественный покровитель, профессоръ, покинулъ ихъ и присоединился къ компаніи, болѣе подходящей ему по возрасту и вкусамъ, чѣмъ эти двѣ красивыхъ женщины, отданныхъ насмѣшливой судьбой подъ его юрисдикцію. Въ то

время, какъ онѣ медленно, шагъ за шагомъ подвигаются впередъ, въ ушахъ ихъ съ мучительной отчетливостью раздается знакомый голосъ, который не даромъ уже слышался Сарѣ:

— Извините, пожалуйста! но въ такой тѣснотѣ никакъ не избѣжишь толкотни. Пожалуйста посторонитесь! Мнѣ необходимо добраться до средины залы, такъ какъ я лично знакома съ герцогомъ, то-есть, почти-что знакома.

Звичный голосъ все ближе и ближе. Теперь онъ уже гремитъ за ихъ спиной.

Белинда поблѣднѣла и пришла въ ужасъ. Этотъ ненавистный голосъ! Даже здѣсь, въ эту душную майскую ночь, среди этой нарядной, праздничной толпы, съ какой силой воскрешаетъ онъ въ ея памяти то несчастное, туманное рождественское утро, когда въ своемъ безумiи она допустила нѣсколькимъ безсмысленнымъ словамъ, произнесеннымъ этимъ противнымъ голосомъ, вовлечь себя въ рабское иго.

— Ты говори съ ней!—шепчетъ она сдавленнымъ голосомъ сестрѣ.—Я не могу.

— Наклони голову скорѣй!—возражаетъ та, поспѣшно слѣдуя собственному предписанiю и хороня свой носикъ въ букетѣ ландышей, приколотый къ ея груди; — быть можетъ она насъ проглядитъ!

Но когда же это бывало, чтобы миссъ Уатсонъ кого-нибудь проглядѣла!

Она пробирается къ нимъ.

— Белинда! Сара! — громко кричитъ она, видя, что одного ея присутствiя, хотя она особа замѣтная, недостаточно, чтобы привлечь ихъ вниманiе, — развѣ вы меня не узнаете? Эмилiя Уатсонъ! Помните Дрезденъ... Что? уже давно началось? Я много пропустила. Я никакъ не могла прiѣхать раньше. Я вѣдь совсѣмъ неожиданно собралась сюда. Я услышала, что Сампсоны ѣдутъ сюда, чтобы повидаться съ сыномъ; онъ въ королевской коллегiи; мнѣ и пришло въ голову тоже прiѣхать сюда. Я сдѣлала имъ сюрпризъ и встрѣтила ихъ на станцiи. Почему, сказала я, не поглядѣть Оксфорда: въ компанiи расходы половинные, а удовольствiе двойное.

Она умолкаетъ, совсѣмъ запыхавшись, и поспѣшно глядитъ въ томъ направленiи, гдѣ сидитъ принцъ, спокойный и вѣжливый, съ своей свитой, размѣстившейся вокругъ него на креслахъ.

— Я такъ боялась, чтобы принцъ не уѣхалъ,—продолжаетъ она скороговоркой;—высочайшiя особы, знаете, часто очень рано уѣзжаютъ... Вы были ему представлены? вы знакомы съ нимъ?

вы можете, конечно, представить ему меня? Нѣтъ? Ну такъ я сама должна напомнить ему о себѣ; я не сомнѣваюсь, что онъ по первому слову узнаетъ меня. У высочайшихъ особъ всегда такая хорошая память. Гдѣ бы мнѣ только подцѣпить его конюшаго; я съ нимъ очень коротко знакома; мы съ нимъ плыли однажды изъ Ньюгэвена въ Діеппъ на одномъ пароходѣ.

Послѣднія слова она бросаетъ на ходу, такъ какъ опять пошла протискиваться въ толпѣ съ непреодолимой энергіей.

Сестры, словно заколдованныя, слѣдятъ за ея атлетическими усиліями пробраться къ фронту. Людскія волны разступаются передъ ней. Толпа остается позади. Она добралась до середины залы и до принца.

Къ этому времени тревоги «Стрѣлочника» подошли къ концу. Его невинный младенецъ найденъ цѣлымъ и невредимымъ на рельсахъ, съ улыбкой на розовыхъ устахъ: курьерскій поѣздъ, въ противность своему обычаю, пролетѣлъ надъ малюткой, не раздавивъ его. Многіе вздыхаютъ съ облегченіемъ, но потому ли, что рады избавленію малютки, или своему собственному?— неизвѣстно.

— Она заставила его пожать ей руку!—говоритъ Сара возмущеннымъ тономъ, стоя на цыпочкахъ и вытянувъ шею.

И это вѣрно. Наперекоръ этикету и вопреки испуганному взгляду хозяйки, миссъ Уатсонъ съ жаромъ пожимаетъ руку герцога. Фигура ея отчетливо выдѣляется на фонѣ стѣны и ряда креселъ. До ушей обѣихъ сестеръ долетаютъ отрывки ея громогласныхъ рѣчей:—Вашъ конюшій, сэръ... Ньюгэвенъ... Морская болѣзнь!

— Мнѣ бы хотѣлось сѣсть! — говоритъ Белинда слабымъ голосомъ.

Но это легче сказать, нежели сдѣлать. Мало-по-малу, однако, имъ удается выбраться изъ толпы и даже найти незанятый диванъ, на который Белинда садится. Къ ней подходятъ ея знакомые, раскланиваются и обмѣниваются замѣчаніями объ удачномъ праздникѣ, превосходномъ ужинѣ, любезности принца и пр.

Въ одномъ изъ промежутковъ между этими случайными переговорами, она замѣчаетъ, что сестры нѣтъ около нея. Но вскорѣ она усматриваетъ ее неподалеку у накрытаго стола съ мороженымъ въ рукахъ. Она уже успѣла, при посредствѣ только-что представленнаго ей знакомаго Белинды, познакомиться съ красивымъ студентомъ перваго курса, а тотъ представилъ ей товарища, который въ свою очередь представилъ ей третьяго, четвертаго и такъ далѣе.

Вокругъ нея образовался цѣлый кортежъ молодыхъ людей. Черезъ минуту, доѣвъ мороженое, Сара возвращается къ сестрѣ.

— Белинда,—говоритъ она,—я хочу представить тебѣ м-ра Беллерса, который сообщилъ мнѣ, что очень хорошо играетъ въ tennis (Беллерсъ, краснѣя, отнѣкивается); также м-ра Стенли; онъ тоже хорошо играетъ; а вотъ м-ръ Делиль полагаетъ, что будетъ играть очень хорошо, если только ему дадутъ случай упражняться.

Белинда смѣется надъ тѣмъ, какъ скоро запомнила Сара имена своихъ новыхъ поклонниковъ.

Жена м-ра Форта, которую студенты часто видали издали и любовались ею, выпрямляется во весь ростъ.

— Я буду очень рада,—говоритъ она съ любезной, но холодной улыбкой, — если вы испытаете нашъ небольшой tennis-ground...

Белинда высокаго роста, и глаза ея приходились на одномъ уровнѣ съ плечомъ Беллерса. Она поэтому легко могла заглянуть ему черезъ плечо. Но что̀ заставило ее внезапно умолкнуть, не договоривъ своего приглашенія, и даже не просто умолкнуть, а запнуться на полу-словѣ?

Пауза длилась недолго. Прежде чѣмъ ея слушатели успѣли ее замѣтить, она уже продолжала:

— Приходите когда вамъ угодно, завтра,—когда только вздумаете!

Она говорила спокойно, но лицо ея поблѣднѣло, а въ глазахъ появилось какое-то странное выраженіе.

— Право, мнѣ кажется, что эта женщина не въ своемъ умѣ!—конфиденціально сообщалъ Стенли Беллерсу, когда они возвращались домой при свѣтѣ луны;—замѣтилъ ты выраженіе ея глазъ, когда она съ нами говорила? у меня просто мурашки забѣгали отъ ея взгляда!

— Не въ своемъ умѣ!—ворчитъ Беллерсъ, находившій возможнымъ соединить живѣйшій интересъ къ Сарѣ съ подобострастнымъ восхищеніемъ болѣе строгой красотой ея старшей сестры:—будешь тутъ не въ своемъ умѣ, когда выдадутъ тебя за старую мумію!

III.

Но что же такое увидѣла миссисъ Фортъ изъ-за плеча Беллерса? какое зрѣлище такъ неотразимо притянуло къ себѣ ея вообще столь равнодушный взоръ, теперь, когда она не обязана больше

заниматься новыми знакомыми Сары? Къ счастью для нея новая толпа студентовъ устремилась быть представленной Сарѣ. Никогда еще съ самыхъ дрезденскихъ временъ и періода германскихъ воиновъ у миссъ Чорчиль не было такъ много дѣла. Белинда можетъ свободно и непримѣтно обводить всю залу съ молчаливымъ, страстнымъ ожиданіемъ. Ожиданіемъ — чего? Она не спрашиваетъ себя, что она выиграетъ, если найдетъ предметъ своихъ поисковъ. Только бы найти его! только бы найти его! А тамъ будь, что будетъ! Многіе подумали бы, что она была введена въ заблужденіе случайнымъ сходствомъ съ Райверсомъ: мужчины его роста и наружности, хотя такіе къ несчастью въ меньшинствѣ, но все же попадаются среди двухъ тысячъ англійскихъ юношей высшихъ классовъ. Но Белинда презрительно разсмѣялась бы надъ предположеніемъ, что она можетъ принять за него кого-нибудь другого, хотя бы видѣла его издалека и мимолетно.

Въ ея умѣ нѣтъ и тѣни сомнѣнія въ томъ, что лицо, мимолетно мелькнувшее передъ ея глазами снова скрывшееся въ толпѣ другихъ, было его лицо, или его призракъ! Быть можетъ, онъ умеръ и его призракъ явился ей. Беззвучное рыданіе поднимается въ ея горлѣ. Но живого или мертваго, а она найдетъ его! Черезъ каждыя пять минутъ ее задерживаютъ поклоны и разговоры встрѣчающихся знакомыхъ. Она отвѣчаетъ вѣжливо и толково, но такъ коротко, что отнимаетъ охоту продолжать бесѣду: вскорѣ всѣ оставляютъ ее въ покоѣ.

Въ залѣ стало просторнѣе или, вѣрнѣе сказать, толпа разбилась на нѣсколько кучекъ по всему пространству. Съ тѣхъ поръ какъ выросли столы съ ужиномъ, вѣрноподданническія чувства уступили мѣсто голоду; невѣрная надежда дождаться поклона отъ герцога смѣнилась увѣренностью получить саладъ изъ омара. Вся публика размѣстилась за столами. Сару едва можно примѣтить, такъ тѣсно сплотилась вокругъ нея толпа студентовъ.

Всякое ея слово возбуждаетъ смѣхъ: тѣ, которые не слыхали, смѣются такъ же весело, какъ и тѣ, которые слышали; репутація остроумія уже установилась за ней.

Біографъ «Стрѣлочника» сошелъ съ эстрады и такъ же спокойно разговариваетъ съ хозяйкой, какъ будто бы никогда и не знавалъ отеческихъ и служебныхъ тревогъ и какъ будто бы невиннаго ребенка уже уложили спать, задавъ уже предварительно порку, какую онъ заслужилъ. Благодаря тому, что толкотни стало меньше, теперь легче отыскать кого нужно въ толпѣ. Но долго поиски Белинды остаются безуспѣшными. Какъ много головъ собрано здѣсь! головы лысыя, какъ голова Цезаря; головы воло-

сатыя, какъ голова Авессалома; головы сѣдыя, темноволосыя, бѣлыя, съ желтыми, съ золотистыми кудрями; головы продолговатыя, круглыя, остроконечныя! И какъ онѣ колышатся и волнуются! Неужели ни на минуту онѣ не постоять смирно? Но среди всѣхъ ихъ—его нѣтъ! Онъ должно быть ушелъ... Ушелъ, даже не подозрѣвая объ ея присутствіи!

Снова беззвучное рыданіе сжимаетъ ей горло.

Почему ему было не уйти? Зачѣмъ она желаетъ, чтобы онъ былъ тутъ? Зачѣмъ ей нужно его видѣть? Что она скажетъ ему, когда они встрѣтятся? Но она не слушаетъ холодныхъ доводовъ разсудка. *Зачѣмъ* она желаетъ его видѣть? *Зачѣмъ, зачѣмъ?* Въ этихъ случаяхъ резономъ служитъ не *зачѣмъ*, а *хочу*, хочу, хочу—съ такой непреодолимой силой, что она должна, какъ кажется, превозмочь всѣ препятствія. И она превозмогаетъ! Она опять увидѣла его! Онъ близко теперь! такъ близко, что нельзя не узнать его. Если онъ еще подвинется въ томъ же направленіи, черезъ минуту, много двѣ, они встрѣтятся. Онъ увидитъ ее, какъ она его видитъ.

— Пора ѣхать домой,—произноситъ голосъ за ея плечомъ.

Она оборачивается назадъ и видитъ мужа. Ее такъ передергиваетъ, что языкъ отказывается ей служить.

— Я буду очень благодаренъ, если мнѣ укажутъ, гдѣ найти миссъ Чорчиль, — продолжаетъ онъ, принимая ея молчаніе за согласіе, такъ какъ она вообще съ нимъ неразговорчива:—мнѣ нужно сообщить ей, что мы уѣзжаемъ.

Но тутъ къ ней возвращается даръ слова.

— *Уѣзжаемъ!* — повторяетъ она, бросая на него взглядъ страстнаго возмущенія,—зачѣмъ намъ уѣзжать? Невозможно!

— Я не вижу никакой невозможности!—отвѣчаетъ онъ внушительно: — мы уже отдали долгъ вѣжливости. Невозможность, какъ вамъ хорошо извѣстно, заключается въ томъ, что нельзя рано встать поутру, когда ляжешь спать поздно вечеромъ.

— Но какая же надобность рано вставать?—отвѣчаетъ она съ непокорнымъ тономъ:—Безполезно объ этомъ и толковать, я не могу уѣхать. Вы забываете про Сару; это будетъ нехорошо относительно Сары; я не желаю и не считаю себя въ правѣ лишать ее удовольствія.

— Мнѣ кажется, что нѣтъ ничего легче, какъ найти кого нибудь, кому бы поручить ее,—настаиваетъ онъ,—если только (бросая ядовитый взглядъ въ сторону своей невѣстки) она нуждается въ охранѣ.

Но Белинда отвѣчаетъ молчаніемъ, въ которомъ онъ усма-

триваетъ бунтъ. Онъ привыкъ къ мрачной услужливости, неохотной уступчивости, вялой покорности, но онъ не привыкъ къ открытому неповиновенію, да еще въ публикѣ.

— Если у васъ такая страсть къ удовольствіямъ,—говоритъ онъ сердито,—я разрѣшаю вамъ остаться здѣсь еще на полчаса, по истеченіи которыхъ покорнѣйше прошу приготовиться съ сестрой сопутствовать мнѣ безъ дальнѣйшихъ возраженій.

Не дожидаясь отвѣта, быть можетъ потому, что знаетъ, что не получитъ его, онъ поворачивается къ ней спиной и уходитъ; она можетъ снова продолжать свои поиски, которые были такъ непріятно прерваны.

Нѣсколько секундъ проходитъ, прежде нежели она снова усматриваетъ предметъ своихъ поисковъ; эти секунды длятся настолько долго, что она въ душѣ съ горечью сознается, что тщетно боролась съ судьбой. Но вотъ, однако, она опять нашла его. Теперь онъ дальше отъ нея чѣмъ былъ прежде, должно быть что-нибудь увлекло его въ другомъ направленіи, и безсознательно онъ продолжаетъ увеличивать разстояніе, существующее между ними.

Неужели онъ направляется къ двери, и ей нельзя ни словомъ, ни знакомъ остановить его? О! жизнь тяжкое бремя! Знать, что одного слабаго звука съ ея стороны достаточно, чтобы задержать его, и не быть въ состояніи произнести этого звука! Но неужели крикъ ея души достигъ его души? вотъ онъ поворачивается и улыбается. Неужели онъ увидѣлъ ее, если улыбается? Ахъ! нѣтъ! развѣ бы онъ улыбнулся при видѣ ея! Нѣтъ! онъ благоразуменъ! онъ опять отворачивается, и полчаса проходятъ, неумолимые полчаса! Сколько уже прошло? Десять минутъ по крайней мѣрѣ.

Еще двадцать минутъ для надежды. Только двадцать минутъ, а затѣмъ... извощичья карета, возвращеніе домой, профессоръ Фортъ и отрывки изъ Менандера! До скончанія вѣка—профессоръ Фортъ и отрывки изъ Менандера!

Снова теченіе мыслей ея прервано знакомымъ голосомъ. На этотъ разъ это голосъ Сары. Сара отдѣлилась отъ толпы своихъ поклонниковъ. Сара глядитъ тревожно и озабоченно.

— Я подумала, что лучше предупредить тебя, — говоритъ она торопливо, пристально слѣдя за дѣйствіемъ своихъ словъ на сестру:—я побоялась, что кто-нибудь другой неожиданно сообщитъ тебѣ объ этомъ. Ты, вѣроятно, еще не видала *его*, но онъ здѣсь!

— Я знаю это,—отвѣчаетъ Белинда коротко и очень тихо.

— Ты... ты не упадешь въ обморокъ?

— *Въ обморокъ!* Съ какой стати? развѣ со мной бываютъ обмороки? — произноситъ она съ крайнимъ нетерпѣніемъ, не отрывая глазъ отъ приближающейся фигуры.

— Хочешь ѣхать домой?

— Ѣхать домой! — повторяетъ Белинда тономъ яростнаго отчаянія: — да что это вы всѣ поете одну и ту же пѣсню? почему вы рѣшили, что я должна ѣхать домой?

— Я подумала, что ты сама этого хочешь,—тревожно говоритъ Сара.—Я бы на твоемъ мѣстѣ уѣхала. Развѣ не лучше уѣхать?

Но она говоритъ глухому. Глаза ея, устремленные въ лицо сестры, видятъ, какъ это блѣдное лицо вдругъ заливается румянцемъ. Солнце взошло! Оно озарило своими лучами снѣжную вершину Юнгфрау, и весь міръ залитъ розовымъ сіяніемъ. Итакъ, онъ увидѣлъ ее! Теперь уже нечего бояться, что онъ уйдетъ, не подозрѣвая объ ея присутствіи.

На минуту въ ней просыпается тревожное сомнѣніе: а вдругъ онъ догадается, что въ душѣ она сознаётъ, что было бы благоразумнѣе ему уйти—да и какъ знать, можетъ, онъ и самъ сталъ благоразуменъ въ тѣ два года, что они не видались?—Если такъ, то онъ уйдетъ уже съ намѣреніемъ, избѣгая ее!... Но, повидимому, онъ не сталъ благоразумнѣе.

Въ одинъ моментъ онъ раздвинулъ небольшую толпу, все еще раздѣлявшую ихъ,—раздвинулъ съ энергіей, которая сдѣлала бы честь самой миссъ Уатсонъ. На минуту Белиндой овладѣло то же самое сладостное ожиданіе,—только въ тысячу разъ сильнѣе — какое она испытывала въ Lüttichau Strasse, когда раздавались дѣтскіе шаги Томми по каменной лѣстницѣ, а за ними слѣдовали твердые и торопливые шаги ея поклонника.

Въ слѣдующую минуту они сошлись, руки ихъ соединились, но уста безмолвствуютъ... Стоило ли призывать его всѣми силами души и безумными, безмолвными молитвами, чтобы, встрѣчаясь, не находить, что сказать? Но къ счастью, когда оба они лишились употребленія языка, Сара не утратила дара слова.

— Ахъ! и вы здѣсь?—сухо произнесла она:—Какой вѣтеръ занесъ васъ сюда?

Онъ не сразу отвѣчаетъ. Очевидно, онъ по старому не замѣчаетъ ея присутствія.

— Вижу, что вы намѣрены по прежнему не отвѣчать мнѣ,— продолжаетъ она съ шутливостью, прикрывающею непритворное безпокойство:—Но меня это не обижаетъ: есть «мѣста, гдѣ и мной

тоже восхищаются», какъ говоритъ Гольдсмитъ. Белинда, знаешь ли, что двадцать-шесть джентльменовъ изъ различныхъ коллегій были очень любезны и объявили, что придутъ къ тебѣ завтра съ визитомъ между тремя и семью часами пополудни?

Белинда силится справиться съ своимъ опьянѣніемъ. Она уже трезва настолько, чтобы знать, что *это* опьянѣніе.

— Неужели?—отвѣчаетъ она съ слабой усмѣшкой:—я очень буду рада ихъ видѣть.

— Кстати, что привело васъ сюда?—настаиваетъ Сара, обращаясь къ Райверсу, чтобы замаскировать волненіе сестры.

Ея слова заставляютъ Райверса тоже опомниться и возвращаютъ его къ трезвой прозѣ жизни.

— Я пріѣхалъ держать экзаменъ,—отвѣчаетъ онъ, — такъ-какъ до сихъ поръ мнѣ мѣшали... разныя обстоятельства.

Итакъ, она слышала его голосъ! Дотронуться до его руки, поглядѣть въ его глаза, услышать его голосъ—вѣдь это было ея страстное желаніе. Ну, вотъ теперь оно удовлетворено. Но кто же и когда удовлетворяется исполненіемъ своего желанія? Чье желаніе исчезаетъ безслѣдно, не порождая тысячи новыхъ?

— Полчаса прошло!—произноситъ вдругъ чей-то голосъ.

Дрезденскій квартетъ въ полномъ составѣ! Быть можетъ, эта мысль, одновременно возникшая въ умахъ троихъ изъ присутствующихъ, на минуту лишаетъ ихъ языка. Сара первая, разумѣется, приходитъ въ себя.

— Какое таинственное заявленіе?—смѣется она нѣсколько принужденно:—что это за полчаса? особенные какіе-нибудь? Вы помните, неправда-ли, м-ра Райверса? М-ръ Райверсъ, вы знакомы съ м-ромъ Фортомъ моимъ... моимъ зятемъ?

Прежде чѣмъ произнести это слово, она ненамѣренно запнулась, но произнося его, уже намѣренно подчеркнула. Райверсъ отступилъ-было назадъ шага на два и сталъ поодаль отъ остальной группы. Но при этомъ обращеніи снова пододвинулся, и ничто кромѣ побѣлѣвшаго какъ полотно лица и стиснутыхъ губъ не отличало его отъ всякаго другого приличнаго молодого человѣка, отвѣшивающаго церемонный поклонъ. Впрочемъ, профессоръ счелъ бы ниже своего достоинства замѣчать, блѣдны или красны студенты или экс-студенты, раскланивающіеся съ нимъ.

— Карета ждетъ,—обратился онъ къ женѣ, отвѣтивъ коротко и равнодушно на поклонъ Райверса.—Белинда, я прошу тебя слѣдовать немедленно за мной и не заставлять меня ждать.

Говоря это, онъ поглядѣлъ на жену, какъ бы ожидая но-

ваго проявленія непокорности и готовясь сломить его. Но не тутъ-то было.

— Идемъ скорѣе!—закричала Сара торопливо:—мы совсѣмъ готовы, неправда ли, Белинда?... Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше; мы достаточно нагулялись. Прощайте!—холодно кивнула она черезъ плечо Райверсу, беря подъ руку сестру.

Белинда не противится; она молча идетъ, не взглянувъ на Райверса и кивнувъ только головой въ его сторону. Всѣ трое уходятъ. Райверсъ безсмысленно глядитъ имъ вслѣдъ. Рѣзкій-ли и повелительный тонъ мужа; то-ли что онъ называетъ ее Белиндой, и ея собственная тупая покорность,—которая изъ этихъ трехъ вещей произвела на него такое впечатлѣніе, какъ будто бы его ударили обухомъ по головѣ? Механически и безцѣльно слѣдуетъ онъ за ними.

Толпа сгустилась у входа и на лѣстницѣ, — толпа разъѣзжающихся людей. Дворъ полонъ экипажей. Выѣздныхъ лакеевъ немного въ Оксфордѣ, но тѣ, которые имѣются, громко выкликаютъ кареты своихъ господъ; болѣе скромное большинство проталкивается сквозь толпу и разыскиваетъ извощичьи кареты. Счастливые находятъ ихъ и уѣзжаютъ; несчастные тщетно разыскиваютъ ихъ. Въ числѣ послѣднихъ находятся и Форты. Въ поискахъ за каретой они разошлись другъ съ другомъ, то-есть, вѣрнѣе сказать, сестры потеряли одна другую; младшая осталась гдѣ-то, кокетничая съ однимъ изъ своихъ новыхъ поклонниковъ; старшая, безучастная ко всему, кромѣ желѣзной необходимости, слѣдовала за своимъ повелителемъ.

Только тогда, когда карета была найдена, и нога ея уже занесена на подножку, а профессоръ Фортъ подсаживалъ ее сзади подъ локоть, она замѣтила, что сестры нѣтъ съ ними.

— Садись, садись!—сердито кричитъ онъ:—чего ты дожидаешься?

— Я не вижу Сары!—говоритъ она, выходя изъ забывчивости и торопливо оглядываясь кругомъ:—куда дѣвалась Сара? мы не можемъ уѣхать безъ Сары.

Онъ дѣлаетъ сердитый жестъ.

— Безъ сомнѣнія, она присоединилась къ какой-нибудь другой компаніи и безъ сомнѣнія, она не пропадетъ; во всякомъ случаѣ въ этой толкотнѣ невозможно разыскать ее.

— Я считаю немыслимымъ уѣхать безъ нея,—твердо возражаетъ она, отнимая ногу отъ подножки.—Я удивляюсь, что вы рѣшаетесь предлагать подобное!

— Она съумѣетъ сама о себѣ позаботиться! — это любимая и презрительная формула профессора:—она найдетъ дорогу домой.

— Если такъ, то и я найду дорогу домой,—отвѣчаетъ Белинда съ негодованіемъ и рѣшительно поворачивается спиной къ нему и къ каретѣ съ открытой дверцой.

Толпа все еще валитъ изъ дверей. Белинда возвращается къ лѣстницѣ. Вовсе нетрудно бороться противъ людского теченія, и она убѣждается въ этомъ. Утомительно только заглядывать во всѣ лица, подъ всѣ шляпки. Но Сары нигдѣ не видать. Очевидно, что профессоръ правъ. Она нашла дорогу домой.

Публика таетъ такъ быстро, что Белинда должна послѣдовать за нею, если только не хочетъ, чтобы ее заперли одну на ночь въ коллегіи. Что-жъ за бѣда, впрочемъ. Она находится въ томъ состояніи духа, когда все ненормальное, необычное, кажется легче и пріятнѣе, нежели все обыденное. Пробыть цѣлыхъ полчаса наединѣ съ самой собой! Цѣлыхъ полчаса быть только Белиндой, а не Белиндой Фортъ! Она сошла съ лѣстницы и уже прошла нѣсколько шаговъ, какъ вдругъ сзади раздались чьи-то шаги. Неужели она была такъ увѣрена, что онъ пойдетъ за нею, что нисколько теперь не удивляется и даже не останавливается?

— Вы однѣ?—спрашиваетъ Райверсъ съ волненіемъ.

— Какъ видите,—отвѣчаетъ она тѣмъ самымъ сухимъ тономъ, который такъ часто смущалъ и сбивалъ его съ толку въ Дрезденѣ.

— Вы потеряли вашего... вашу компанію?

— Я потеряла Сару.

— А вашъ... а профессоръ Фортъ?

— Онъ не могъ ждать, а я не рѣшилась уѣхать безъ Сары.

— И онъ оставилъ васъ... *одну?*

Она молчитъ, торопливо шагая въ полосѣ луннаго свѣта.

— Какъ же вы думаете добраться до дому? — спрашиваетъ онъ, рѣшительно слѣдуя за ней.

— Я иду домой.

— Пѣшкомъ?

— Какъ видите.

Тонъ ея рѣзокъ и непріятенъ; но если она тѣмъ надѣется отдѣлаться отъ своего спутника, то ошибается.

— Въ бальномъ платьѣ?

— Да!—говоритъ она съ жесткимъ смѣхомъ;—мы здѣсь вовсе не такъ щепетильны; я постоянно хожу пѣшкомъ на званые обѣды!

— Но не однѣ?

Лицо ея омрачается.

— Нѣтъ, не одна.

Они дошли до университетскихъ воротъ. Белинда остановилась и коротко проговорила:

— Здѣсь мы должны разстаться; прощайте.

— Позвольте мнѣ проводить васъ домой,—тревожно возражаетъ онъ.

— Я уже сказала вамъ, что это совершенно лишнее,—рѣзко замѣчаетъ она.

Райверсъ не сразу отвѣчаетъ. На университетскомъ дворѣ гасятъ газъ; огромное зданіе остается озареннымъ одной только луной. Лунный свѣтъ захватываетъ и фонтанъ посрединѣ двора. Фонтанъ не великъ, но какъ сладко журчитъ его слабый голосъ сквозь шумъ катящихся колесъ и окликающихъ людскихъ голосовъ! Сколько столѣтій съ радостью простояла бы она тутъ, прислушиваясь къ нему.

— Вы *должны* позволить мнѣ проводить васъ!—говоритъ онъ, наконецъ, почтительно, но упрямо.

— Нѣтъ, *не должна*!

— Какъ вамъ угодно,—отвѣчаетъ онъ, почтительно кланяясь.

Ничто больше не задерживаетъ ее, а она все еще медлитъ, точно ждетъ, что онъ скажетъ еще что-нибудь. Но онъ молчитъ. Она выходитъ въ ворота на улицу и скорымъ и твердымъ шагомъ идетъ своей дорогой. Немного есть городовъ на свѣтѣ, по которымъ молодая и одинокая женщина могла бы безопасно идти по улицѣ въ бальномъ платьѣ и съ открытой головой. Но въ Оксфордѣ можно гулять такимъ образомъ всю ночь отъ солнечнаго захода до восхода и не подвергнуться нападенію. Она невольно замедляетъ свой шагъ и идетъ тише. Къ чему ей спѣшить? Какая причина для поспѣшности! Богу извѣстно, что спѣшить некуда и незачѣмъ.

Она хорошо сдѣлала, что отказалась отъ его услугъ; но вѣдь, по-правдѣ говоря, онъ не особенно настаивалъ. Конечно, лучше, что онъ не настаивалъ; но фактъ остается фактомъ. Белинда глядитъ на небо; оно высыпало всѣ свои сокровища, которыя днемъ держитъ скрытыми отъ всѣхъ глазъ; всѣ свои блестящія созвѣздія, всѣхъ своихъ боговъ и богинь. Потомъ она озирается кругомъ. На улицѣ все еще довольно людно, но студентовъ больше не видно. Университетская alma mater укрыла на ночь своихъ питомцевъ въ своихъ нѣдрахъ.

Значитъ, человѣкъ, который идетъ за ней, на разстояніи двадцати шаговъ—не студентъ. Она снова ускоряетъ шагъ... Но,

что-жъ въ томъ однако! Его присутствіе до нея не касается. Онъ просто идетъ въ свою гостинницу. Но она больше не оглядывается до тѣхъ поръ, пока не миновала самыя людныя улицы, пока не дошла до широкой, спокойной дороги, вдоль которой рядъ сѣрыхъ коллегій и сторожевыхъ вязовъ ведетъ тихую бесѣду со звѣздами.

Тутъ словно кто толкнулъ ее, она почти противъ воли поворачиваетъ назадъ голову. Каково! въ двадцати шагахъ позади, онъ тоже остановился въ лунномъ свѣтѣ!

Она тихо, весело смѣется. Ну чтожъ! они оба поставили на своемъ; онъ не провожалъ ее домой,—и она не одна дошла до дому. Оба пошли на компромиссъ. Опять она оглядывается на небо. Какой прелестный сводъ! Какой дождь созвѣздій! Какой драгоцѣнный уборъ ихъ планетъ.

Часы бьютъ двѣнадцать,—безчисленные городскіе, соборные, коллегіальные, церковные часы. Какой у нихъ мелодичный бой сегодня ночью!

Теперь она дошла уже до загородныхъ виллъ съ ихъ садами; какимъ чуднымъ ароматомъ напоенъ воздухъ!

Она идетъ бодрой, молодой поступью. А вѣдь хорошо быть молодой; имѣть тонкій слухъ, чувствительное обоняніе и... сознавать, что сзади идетъ кто-то, желающій охранять и оберегать васъ хотя бы даже отъ мнимыхъ опасностей.

Она дошла до собственныхъ воротъ и уже занесла руку, чтобы отворить ихъ. Конечно, здѣсь, подъ эгидой своего собственнаго дома, она можетъ позволить себѣ быть любезнѣе.

Видя, что она дошла до дому, онъ тоже остановился, и рѣшился подойти къ ней только, когда она сдѣлала ему знакъ рукою.

— Благодарю васъ,—говоритъ она ему съ улыбкой,—но это было лишнее.

Онъ не отрицаетъ и не подтверждаетъ ея словъ. Онъ съ серьезнымъ лицомъ отворяетъ передъ ней желѣзныя ворота. Неужели онъ такъ-таки ничего не скажетъ ей?

— Я... я еще не уѣду завтра изъ Оксфорда. Я пробуду завтра въ Оксфордѣ.

— Да?—говоритъ она тихо.

— Вѣдь я ничего такого не сдѣлалъ, чтобы лишиться вашей дружбы,—не правда ли?—спрашиваетъ онъ.

Она молчитъ.

— Неправда ли?—повторяетъ онъ хотя и мягкимъ, но настойчивымъ тономъ.

Говорятъ, надо всегда говорить правду,—мелькнуло въ умѣ Белинды; если такъ, то будемъ говорить правду, и она отвѣтила:

— Ничего.

— Значить, нѣтъ никакой причины, по которой я не могъ бы пріѣхать къ вамъ завтра съ визитомъ?

Новое молчаніе. Глаза ея нерѣшительно блуждаютъ по клумбѣ съ цвѣтами.

— Есть, или нѣтъ?

Глаза ея остановились теперь на ночной лампѣ профессора, свѣтъ которой виднѣется въ окно. Вотъ тотъ злополучный блудящій огонекъ, которому суждено вѣчно свѣтить въ болотѣ ея жизни.

— Нѣтъ!—твердо отвѣчаетъ она, и на этомъ они разстаются.

IV.

— Онъ не ошибся,—говоритъ Сара спокойно,—хотя боюсь, что слова твоего мужа не были внушены добрымъ, братскимъ чувствомъ ко мнѣ.

Сегодня обѣ сестры спозаранку забрались въ садъ и гуляютъ по узкимъ дорожкамъ и по свѣжескошенному tennis-ground. Садикъ невеликъ, но въ немъ довольно мѣста для росы, которую еще не осушило солнце; для чернаго дрозда, обладающаго голосомъ, во сто разъ превосходящимъ по объему его маленькое тѣло; для кустовъ шиповника, акацій и сиреней. Чего же еще больше? Залитыя лучами восходящаго солнца, сестры прогуливаются въ сердечномъ удовольствіи.

— У меня нѣтъ фальшивой гордости,—продолжаетъ Сара самодовольно:—когда я убѣдилась, что отстала отъ васъ, то нашла, что мнѣ остается одно только: забраться въ чью-нибудь карету и попросить подвезти меня. Сначала моя просьба была встрѣчена не особенно радушно, но потомъ хозяева кареты были очень довольны, что «пріютили нежданно-негаданно ангела!»

— А какимъ образомъ они узнали это?—спрашиваетъ Белинда сухо.

— Я ихъ привела въ восторгъ своимъ разговоромъ,—заявляетъ Сара съ достоинствомъ.—При тебѣ я не могла бы этого сдѣлать,—добавляетъ она съ хохотомъ;—я разговаривала съ ними о высшемъ женскомъ образованіи.

Белинда тоже смѣется и не менѣе весело, чѣмъ сестра. Впереди прыгаютъ и рѣзвятся собачки, по крайней мѣрѣ

Пончъ рѣзвится; что касается жирной хозяйской собаченки, то ея досада на появленіе Понча все еще не прошла. Когда вы уже сами не первой молодости и пріобрѣли приличную вашимъ лѣтамъ полноту, то васъ не можетъ особенно забавлять, если васъ безпрестанно дергаютъ за хвостъ, кусаютъ за ноги и вообще всячески безпокоятъ и надоѣдаютъ вамъ.

— А ты какъ добралась домой?—спрашиваетъ Сара, приподнимаясь на цыпочкахъ, чтобы сорвать вѣтку сирени.

Въ лучахъ утренней зари лицо всегда кажется розовымъ.

— О! я дошла пѣшкомъ,—отвѣчаетъ Белинда съ притворной разсѣянностью.

— Одна?

Белинда колеблется съ секунду, прежде чѣмъ отвѣтить. Она по природѣ очень правдива. Но, вѣдь строго говоря, она имѣетъ право, не нарушая буквальной правды, отвѣтить:

— Да, одна.

— Тебѣ не было страшно?—спрашиваетъ Сара.

Тонъ ея беззаботенъ, но она выпустила изъ рукъ сиреневый кустъ, и ея хитрые глаза, можетъ быть случайно, устремлены на сестру.

— Страшно!—повторяетъ Белинда съ нетерпѣніемъ, которое кажется не совсѣмъ понятнымъ въ данномъ случаѣ, и слѣдуя примѣру сестры, прячетъ горячія щеки въ холодныхъ и душистыхъ вѣткахъ сирени:—какой глупый вопросъ! Отчего мнѣ могло быть страшно? Что могло пугать меня?

Но на эти горячіе возгласы Сара ничего не отвѣчаетъ. Ея молчаніе вызываетъ тревогу въ умѣ Белинды! Но нѣтъ! не можетъ быть! Комната Сары обращена окнами въ другую сторону. У Сары глаза, какъ у борзой собаки, ухо, какъ у меня, носъ какъ у ищейки,—но вѣдь и она не можетъ видѣть и слышать сквозь стѣны.

— Я принуждена оставить тебя,—говоритъ Белинда, поспѣшно перемѣняя разговоръ.—Постарайся не скучать до завтрака.

Сара поднимаетъ брови.

— Неужели ты хочешь этимъ сказать, что будешь цѣлыхъ три часа сряду заказывать обѣдъ.

— Заказывать обѣдъ!—повторяетъ та иронически:—какъ бы да не такъ! слыхала ты когда-нибудь про Менандера?

— Никогда.

— Ни про его «отрывки»?

— Нѣтъ.

— Ни про его замѣтки филологическія, критическія и археологическія?

— Нѣтъ.

— Счастливая!—сухо замѣчаетъ Белинда, направляясь къ дому.

— На твоемъ мѣстѣ,—рѣзко кричитъ Сара ей вслѣдъ:— я бы разорвала его «отрывки» на такіе мельчайшіе кусочки, что ихъ нельзя было бы даже называть и «отрывками».

Белинда смѣется.

— Но!—восклицаетъ она:—не это дѣло, такъ другое, не все ли равно. Можетъ быть, даже лучше быть заваленной работой какъ я, нежели праздной, какъ ты.

Въ ея тонѣ слышится такая непритворная бодрость, этотъ тонъ такъ разнится отъ мрачной покорности, выражавшейся ею не далѣе какъ вчера, что Сара подозрительно взглядываетъ на сестру.

— У тебя розовый взглядъ на вещи сегодня утромъ,—говоритъ она не безъ сарказма.

Белинда мѣняется въ лицѣ.

— Это отъ погоды,—быстро заявляетъ она.—На меня погода сильно дѣйствуетъ. Помнишь, ты всегда называла меня барометромъ.

Но неужели это только отъ погоды? Неужели погода заставляетъ ее, весело напѣвая, бѣжать по лѣстницѣ къ своему письменному столу и Менандеру? Весна, правда, возбуждаетъ; утро тоже возбуждаетъ; молодость—тоже. Отчего же, слѣдовательно, ей не быть возбужденной? Но эти ли только невинныя возбуждающія средства повліяли на нее? Должно быть, самая походка ея сегодня отличается отъ всегдашней, потому что мужъ поднимаетъ голову, когда она входитъ въ его кабинетъ.

— Вы опоздали,—коротко замѣчаетъ онъ.

— Всего только три минуты,—шутливо отвѣчаетъ Белинда:— я наверстаю ихъ.

Она садится за письменный столъ, съ трудомъ удерживаясь, чтобы не допѣть конца пѣсенки, которую распѣвала про себя все время на лѣстницѣ. Даже самая комната, — ненавистная рабочая комната—сегодня, кажется, смотритъ совсѣмъ другой. Обыкновенно въ ней не бываетъ солнца; но сегодня золотистый лучъ его ворвался въ нее и въ немъ прыгаютъ пылинки! Все сегодня расположено кажется прыгать.

Профессоръ во всякомъ случаѣ составляетъ исключеніе. Онъ не выказываетъ ни малѣйшаго желанія прыгать. Когда онъ диктуетъ, то обыкновенно прохаживается взадъ и впередъ. Она

наизусть знаетъ тотъ квадратъ на коврѣ, съ котораго онъ повернетъ назадъ. Вотъ онъ принялся за свою ежедневную прогулку; но проходитъ нѣсколько секундъ, прежде нежели онъ произноситъ первую фразу.

Она ждетъ съ перомъ въ рукахъ и въ это же самое время слѣдитъ за нимъ глазами, причемъ чувство искренняго сожалѣнія просыпается у нея въ душѣ.

«Какъ ужасно быть старымъ! какъ ужасно быть безобразнымъ, непривлекательнымъ, нелюбимымъ!»

— Я считаю нужнымъ извиниться передъ вами,—говоритъ она мягко и нерѣшительно,—за вчерашнія рѣзкія слова, сказанныя мною на вашъ счетъ при Сарѣ; вы, вѣроятно, уже позабыли про нихъ,—прибавляетъ она нервно смѣясь,—но во всякомъ случаѣ я буду спокойнѣе, высказавъ вамъ, что сожалѣю о нихъ.

Намѣреніе, съ какимъ это сказано, прекрасно; но было бы, пожалуй, благоразумнѣе и тактичнѣе не напоминать о нанесенной обидѣ, хотя бы даже и съ цѣлью извиниться за нее.

Выраженіе лица профессора показывало, что онъ ее не забылъ.

— Мнѣ кажется,—сухо отвѣтилъ онъ,—что такъ какъ мы уже опоздали, то лучше будетъ, если мы примемся прямо за дѣло.

Съ минуту или двѣ Белинда сидитъ, наклонивъ голову надъ столомъ, вся вспыхнувъ и досадуя на то, что сама накликала на себя такое униженіе. Но вскорѣ спокойствіе снова возвращается къ ней. Только тѣ раны болятъ, которыя нанесены людьми, которыхъ мы любимъ.

Въ сущности она сдѣлала свое дѣло. Она *извинилась*. Не все ли равно, какъ это было принято? А состраданіе къ нему давно умерло въ ней. Пусть его старъ, хилъ и малокровенъ,—ни малѣйшей жалости не шевелится у нея въ груди. Она не произнесла больше ни слова, которое бы не касалось прямо ихъ занятій.

Все утро часъ за часомъ прохаживается профессоръ отъ одной клѣтки на коврѣ до другой, подыскивая изысканныя, классическія фразы. А она послушно записываетъ ихъ за нимъ.

Солнце высоко поднимается въ небѣ; сонныя мухи ползаютъ по оконнымъ стекламъ. Ласточки проносятся мимо оконъ, поминутно раздается звонокъ у двери, пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ булочники и мясники; но она ни на минуту не отвлекается отъ своего дѣла. Она добросовѣстно работаетъ, чтобы не навлечь на себя ни его упрековъ, ни своихъ собственныхъ. А когда работа будетъ окончена—она весело станетъ отдыхать. Что-жъ! солнце еще высоко будетъ стоять въ небѣ; ласточки все еще бу-

дуть летать; длинный майскій день, обѣщающій столько радостей, что о нихъ и подумать страшно, будетъ принадлежать ей.

А тѣмъ временемъ перо скрипитъ. Какъ ясны сегодня ея мысли! Она даже посовѣтовала двѣ или три перестановки въ словахъ, которыя онъ милостиво принялъ. Неужели уже четверть перваго пробило на коллегіальныхъ часахъ!... Въ сущности не дурное дѣло служить секретаремъ ученому съ слабымъ зрѣніемъ... Вообще хорошо быть кому-нибудь полезной!

Она взглядываетъ на него, розово улыбаясь, и если не позабыла, то простила ему его давешній рѣзкій отпоръ.

— Мы славно сегодня поработали!—говоритъ она съ похвалой.—Вы сегодня были особенно въ ударѣ.

— Тѣмъ лучше,—отвѣчаетъ онъ кисло:—намъ надо нагнать запущенное.

— Какъ такъ?—спрашиваетъ она, слегка растерявшись и потирая онѣмѣвшіе пальцы правой руки:—но... но не сегодня же?

— А почему бы и не сегодня?—рѣшительно отвѣчаетъ онъ. Я обѣщалъ, что моя статья «О порядкѣ наслѣдованія у аѳинянъ», будетъ отослана въ типографію завтра, а потому намъ необходимо успѣть сегодня до отхода почты просмотрѣть корректуру.

— Не сегодня!—ревностно проситъ она,—не сегодня!

Улыбка и скоротечный румянецъ исчезли съ ея лица. Она смотритъ устало, но задорно.

— Почему же не сегодня?—повторяетъ онъ съ неудовольствіемъ, глядя на нее.

— Вы, кажется, забываете,—что у насъ есть гостья.

— Она, безъ сомнѣнія, съумѣетъ занять себя,—ѣдко отвѣчаетъ онъ;—она конечно съумѣетъ повеселиться и безъ вашей помощи.

— А я?—говоритъ она тихимъ голосомъ, побѣлѣвъ какъ полотно и уже съ ненавистью глядя на него:—а я когда буду веселиться?—вамъ приходило ли когда въ голову, что и я также могу желать повеселиться?

— Я не мѣшаю вамъ,—холодно отвѣчаетъ онъ,—вы вполнѣ свободны—кромѣ тѣхъ часовъ, когда я вынужденъ обращаться за вашей помощью—выбирать и свои занятія, и своихъ знакомыхъ.

— Да?—говоритъ она,—поспѣшно ловя его на словѣ, причемъ краска снова заливаетъ ея щеки.—Вы отпускаете меня.

Онъ глядитъ на нее съ такимъ искреннимъ и неодобрительнымъ удивленіемъ въ своихъ холодныхъ глазахъ, что она въ смущеніи отворачивается отъ него.

— Какъ долго я вамъ буду нужна? — спрашиваетъ она, запинаясь.—Сколько часовъ пойдетъ на корректуру?

— Этого невозможно опредѣлить заранѣе,—отвѣчаетъ онъ, спокойно выходя изъ комнаты. Онъ доволенъ, и тѣмъ, что она согласилась, и ему все равно, охотно или неохотно дано это согласіе.

Уже три часа пополудни, а Белинда все еще сидитъ за письменнымъ столомъ. Роса давно обсохла, и продолговатый солнечный лучъ исчезъ; хотя этотъ лучъ и не веселитъ ее больше своимъ присутствіемъ, но она замѣчаетъ по той духотѣ, какая стоитъ въ комнатѣ, что солнце палитъ и раскалило крышу и стѣны. Около нея лежитъ груда исправленныхъ корректуръ, а передъ ней возвышается другая, не менѣе объемистая. Она уже полтора часа сидитъ за ними и все не видитъ конца своему труду. Голова у ней разболѣлась отъ долгаго сидѣнья, пальцы въ чернилахъ, а глаза смотрятъ мрачно и устало. Время отъ времени звонокъ у дверей заставляетъ ее вздрагивать. Опять наступило время напряженнаго, непрерывнаго ожиданія! снова ожили тѣ далекіе, долгіе мѣсяцы, въ продолженіе которыхъ она жила однимъ слухомъ.

Наступилъ и тотъ часъ, когда всего вѣроятнѣе ждать гостей. Но вѣдь можетъ случиться и такъ, что ему откажутъ. Иногда, когда она бывала завалена работой или не въ духѣ, она приказывала служанкѣ отказывать гостямъ. Весьма возможно, что, видя ее сильно занятой сегодня, служанка придетъ къ заключенію, что гостей не слѣдуетъ принимать.

Эта мысль бросаетъ ее въ жаръ и въ холодъ. Она не слушаетъ мужа и дѣлаетъ непростительныя ошибки. Опять звонокъ. Фантазія это, или дѣйствительно онъ отличается отъ прежнихъ? Въ немъ слышна какая-то смѣсь робости и нетерпѣнія, точно человѣкъ призвалъ все свое мужество на помощь, чтобы позвонить, но затѣмъ нетерпѣніе попасть въ домъ превозмогло страхъ.

Она машинально пишетъ и смутно слышитъ, какъ мужъ бранитъ ее за неразборчивость почерка.

Дверь отворяется и входитъ служанка съ визитной карточкой на подносѣ. Она по первому же взгляду узнаетъ, что это его карточка. Блѣдныя губы съ трудомъ выговариваютъ:

— Онъ ушелъ?—и беря карточку, она невольнымъ движеніемъ сжимаетъ ее въ ладони.

— Я говорила ему, что вы заняты, миссисъ, — извиняется служанка, —но онъ просилъ меня подать вамъ его карточку. Прикажете отказать?

Профессоръ поднимаетъ голову, сердясь на перерывъ, и коротко произноситъ:

— Да.—Но жена перебиваетъ его.

— Просите,—говоритъ она поспѣшно, но рѣшительно:—скажите, что я сейчасъ приду и доложите миссъ Чорчиль.

Она снова принимается за перо по уходѣ служанки, но рука не слушается ее и такъ дрожитъ, что на страницѣ оказывается большая чернильная клякса.

— Пожалуйста, осторожнѣе!—кричитъ сердито мужъ.—Ваше перо можетъ...

Она бросаетъ перо и беретъ новое. Комната, въ которой они сидятъ, приходится надъ гостиной. Очевидно, онъ теперь находится тамъ, и Сара вышла къ нему, потому что слышны голоса. Что они говорятъ другъ другу? О чемъ они могутъ разговаривать?

— Вы написали *аллегорическій* съ однимъ *л!*—говоритъ профессоръ съ неудовольствіемъ.

— Неужели?—отвѣчаетъ она удивленно и невнимательно.—А какъ же надо написать?

Голоса долетаютъ все явственнѣе и явственнѣе. Они удаляются изъ гостиной. Очевидно, Сара ведетъ его гулять въ садъ, въ хорошенькій, маленькій прохладный садикъ, гдѣ поетъ черный дроздъ и жужжатъ пчелы. Она горько и завистливо вздыхаетъ.

— Пятилѣтній ребенокъ постыдился бы такой ошибки! —продолжаетъ мужъ, беря отъ нея листъ и съ негодованіемъ исправляя ошибку.

Изъ сада доносится смѣхъ; Сара вѣчно смѣется. Хорошо быть веселой, но вѣчно хохотать...

— Это очень грубая ошибка, — продолжаетъ мужъ, разсерженный молчаніемъ Белинды.

Новый взрывъ смѣха, и на этотъ разъ смѣется не Сара; это мужской здоровый, искренній смѣхъ. Какъ *онъ* можетъ смѣяться?

— Я совѣтую вамъ пригласить учителя правописанія, —иронизируетъ м-ръ Фортъ, все еще вперивъ взглядъ въ испачканную страницу.

Вмѣсто отвѣта Белинда встаетъ и швыряетъ перо на полъ.

— Ваша копировальная машина сломалась,—объявляетъ она съ непокорной усмѣшкой.—Разборчиво или неразборчиво, съ ошибками или безъ ошибокъ, а я больше ни слова не напишу сегодня!

А. Э.

—o<>o—

ПО ВОПРОСУ

о

ПРЕКРАСНОМЪ

—*James Sully*: Sensation and intuition.—*Techner*: Vorschule der Aestetik.—*Guyau*: Le plaisir du beau et le plaisir du jeu. — *Оболенскій*: Физіологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувствъ красоты.

Со всѣхъ сторонъ «абсолютному» въ области прекраснаго еще недавно наносились сильные удары, и тогда было основаніе провозглашать, что прекрасное есть жизнь, что искусство приближается къ прекрасному, воспроизводя эту жизнь. Такой взглядъ былъ естественнымъ протестомъ противъ искусства, которое пренебрегало величайшими жизненными задачами, и превратилось въ услажденіе для людей, индифферентныхъ къ различнымъ вопросамъ дня. Авторъ «Эстетическихъ отношеній искусства къ дѣйствительности» ясно понималъ и открыто признавалъ значеніе прекраснаго. Въ своей книжкѣ о Пушкинѣ онъ говорилъ: «Ученая литература спасаетъ людей отъ невѣжества, а изящная — отъ грубости и пошлости». Другіе потомъ исказили этотъ взглядъ, придали ему крайнюю односторонность, и, нападая на изящное, именно содѣйствовали усиленію въ русскомъ обществѣ грубости и пошлости.

Историческое направленіе, завоевавшее себѣ одно время почетное мѣсто въ нашей литературной критикѣ, также отбросило старыя эстетическія шаблонныя мѣрки при оцѣнкѣ художественныхъ произведеній, стало изучать и изображать условія среды, гдѣ эти произведенія возникли, ту преемственную связь, благо-

даря которой новый художникъ составляетъ новое звено въ неразрывной цѣпи развитія искусства. Романъ, драма, симфонія, картина и художественно построенное зданіе, съ тѣхъ поръ потеряли свою мнимо-безусловную самостоятельность, и творцы этихъ произведеній были введены въ общую культурную жизнь общества.

Плодотворные результаты такого пріема изученія не подлежатъ сомнѣнію. Но все же историческая критика художественныхъ произведеній, или критическая исторія искусства, впала, на нашъ взглядъ, въ весьма значительное заблужденіе. Изъ того, что искусство развивается исторически, еще нельзя выводить, что художественныя произведенія могутъ оцѣниваться только исторически, по степени ихъ вліянія на современниковъ, по вѣрности, съ которою въ нихъ отразилась дѣйствительная жизнь. И наука проходитъ историческія стадіи развитія; но истины, которыя она раскрываетъ, имѣютъ не одно только временное значеніе, но и вѣчное, т.-е. входятъ уже неизмѣнными составными частями въ совокупность постоянно увеличивающейся массы познаннаго. Когда указаны предшествовавшія обстоятельства, когда анализированы условія воспитанія художника, и объяснено, какъ, въ свою очередь, отразились его творенія въ обществѣ, къ которому онъ принадлежалъ,—то остается еще много неразрѣшенныхъ и важныхъ вопросовъ. Чтó такое дарованіе, талантъ въ человѣкѣ? Чѣмъ возможно измѣрять художественныя способности? Почему мы называемъ извѣстныя произведенія прекрасными? и т. д.

То одностороннее историческое направленіе, на которое мы выше указали, не даетъ отвѣта на поставленные и многіе другіе вопросы, да и не интересуется ими вовсе. Допустимъ на минуту, что такіе вопросы могутъ оказаться въ самомъ дѣлѣ праздными, остаткомъ обветшалыхъ заблужденій, или укоренившимся недоразумѣніемъ. Но дѣло въ томъ, что разсѣять эти предразсудки и недоразумѣнія не по силамъ одной исторической критикѣ: ей необходимо прибѣгнуть къ содѣйствію могучей союзницы—психологіи. Чтобы съ достаточнымъ авторитетомъ говорить о художественныхъ произведеніяхъ, слѣдуетъ познакомиться, насколько то возможно, съ процессомъ созданія подобныхъ произведеній. Чтобы выдѣлить эстетическія творенія въ особую группу изслѣдованія, должно подвергнуть анализу природу нашихъ способностей, раскрыть, чтó и почему называется нами прекраснымъ. Можетъ оказаться, что опытная психологія не подтвердитъ рѣшительнаго приговора исторической школы, по которому не существуетъ прекраснаго вообще, и прекрасное сегодня въ одномъ мѣстѣ считается безобразнымъ въ другомъ, и будетъ опять счи-

таться черезъ нѣкоторое время безобразнымъ и въ первомъ мѣстѣ. Развѣ нельзя предположить, что въ вѣчно развивающемся человѣчествѣ индивидуальныя способности вовсе не подлежатъ этому *вѣчному* развитію, въ смыслѣ улучшенія, совершенствованія? Основательна ли увѣренность, что природа *человѣка* доступна нескончаемымъ перемѣнамъ?

Мы лично склоняемся къ противоположному мнѣнію, и въ подтвержденіе его могутъ послужить данныя, тщательно разработанныя нѣкоторыми изъ новѣйшихъ изслѣдователей въ области психофизіологіи.

По мнѣнію Герберта Спенсера, искусство коренится въ инстинктѣ борьбы, въ стремленіи къ побѣдѣ. Миролюбивый игрокъ въ шахматы, самъ того не вѣдая, подчиняется этому инстинкту [1]). Игра доставляетъ удовольствіе, потому что она даетъ осуществленіе расовымъ влеченіямъ; къ этому присоединяются пріятныя ощущенія, проистекающія для насъ изъ подражанія. *Игра*—упражненіе (безъ всякихъ практическихъ цѣлей) *дѣятельныхъ* способностей (бѣгъ, охота и т. п.); *искусство* — такое же упражненіе *воспринимающихъ* способностей. Но это раздѣленіе не выдерживаетъ критики. Въ декламаціи артиста соединяются обѣ названныя группы способностей, и въ каждой игрѣ можно подмѣтить эстетическія черты (изящество, ловкость, и т. д.). Съ другой стороны, въ насъ возбуждаютъ удовольствіе красивыя движенія даже и у работающаго человѣка, а не одни только симулированныя. Утомленный жонглеръ производитъ антиэстетическое впечатлѣніе, котораго совсѣмъ не возбуждаетъ утомленный дровосѣкъ. Игра, можно сказать, опираясь на эти соображенія, далеко не составляетъ принципа искусства и нуждается, наоборотъ, въ оправданіи: зачѣмъ расходуется сила, для чего употребляются способности человѣка? Въ дѣйствительности же бываютъ высокія прекрасныя цѣли, которыя требуютъ чрезмѣрной, непосильной затраты силъ. Такъ, несомнѣнно прекрасенъ измученный гонецъ съ поля мараѳонской битвы, принесшій аѳинянамъ вѣсть о великой побѣдѣ и поплатившійся жизнью за это героическое усиліе. На все это указываетъ Гюйо.

Приведенныхъ замѣчаній французскаго писателя намъ кажется достаточно для того, чтобы избѣгнуть односторонности Спенсера, Грантъ-Аллена и многихъ другихъ писателей, которые въ игрѣ видятъ источникъ искусства вообще. Этотъ вопросъ не имѣетъ,

---

[1]) Guyau: Le plaisir du beau et le plaisir du jeu, d'après l'école de l'évolution (Revue des deux mondes, 1881, 15 août).

впрочемъ, существеннаго значенія при опредѣленіи прекраснаго. Гербертъ Спенсеръ, послѣ долгихъ размышленій, самъ отказался отъ своего первоначальнаго взгляда на прекрасное и принялъ въ данномъ случаѣ Кантовское воззрѣніе. По мнѣнію англійскаго мыслителя, чувство прекраснаго еще болѣе *безъинтересно*, чѣмъ чувство добраго и справедливаго. Конечно, косвенную пользу эстетическое наслажденіе приноситъ, совершенствуя организмъ; но гдѣ полезное, — тамъ нѣтъ прекраснаго. Такого же взгляда держится и Грантъ-Алленъ [1]).

Другая группа писателей выступаетъ съ прямо противоположною теоріею: прекрасное есть полезное,—есть специфически полезное. Къ этому направленію принадлежитъ и одинъ изъ весьма немногихъ нашихъ писателей въ области эстетики, г. Велямовичъ, который выставляетъ такое положеніе: «прекрасное есть полезное, полезность котораго выражается сложною совокупностью оптическихъ или акустическихъ атрибутовъ». Изъ этого мы можемъ заключить, что либо одна изъ упомянутыхъ теорій, либо обѣ онѣ не могутъ быть признаны правильными. И для разрѣшенія вопроса намъ необходимо начать съ происхожденія чувства удовольствія и чувства прекраснаго, какъ его особаго вида.

Что прекрасное не можетъ вызывать въ насъ отвращенія,— это не подлежитъ, конечно, сомнѣнію. Но что́ и почему вызываетъ въ насъ удовольствіе, и всякое ли пріятное ощущеніе можно назвать эстетическимъ наслажденіемъ?

Фехнеръ полагаетъ, что пріятное ощущеніе, удовольствіе, какъ и непріятное ощущеніе, не поддается описанію и ясно для непосредственнаго сознанія. Какъ золото всегда остается золотомъ, такъ удовольствіе есть удовольствіе; но какъ первое находится въ разнообразныхъ соединеніяхъ съ другими веществами, такъ и пріятныя ощущенія переплетаются съ множествомъ другихъ ощущеній, представленій и т. п. [2]). Прекрасное есть то, что *непосредственно* возбуждаетъ удовольствіе [3]), однако, не грубо чувственное. Къ послѣдней оговоркѣ Фехнеръ присоединяетъ и много другихъ. Во всякомъ случаѣ—воспріятіе прекраснаго (элементарное) есть неразложимый актъ [4]).

Наибольшее количество пріятныхъ ощущеній доставляютъ

---

[1]) ... the gradual progress in disinterestedness, which marks the evolution of the aesthetic feelings (Grant Allen: The colour-sense, 1879, 244).

[2]) Fechner: Vorschule der Aestetik, 9, 10.

[3]) Ibid. 15—16.

[4]) Фехнеръ: „Die Empfindung der Schönheit ist keine Sache des Verstandes“ (II, 18).

намъ ощущенія зрительныя и слуховыя. Грантъ-Алленъ выдвигаетъ въ этомъ отношеніи на первый планъ цвѣтовыя ощущенія («There is no element of our sensuous nature which yields us greater or more varied pleasure than the perception of colour». The colour-sense, intr.). Музыкальныя наслажденія также играютъ, какъ всѣмъ извѣстно, громадную роль въ эстетическомъ отношеніи. Тщательныя изслѣдованія новѣйшихъ физіологовъ раскрыли условія, при которыхъ тѣ или другія колебанія звуковыхъ или свѣтовыхъ волнъ производятъ пріятныя для насъ ощущенія. На русскомъ языкѣ существуетъ уже работа, въ которой были сведены результаты психо-физіологическихъ трудовъ по занимающему насъ вопросу. Мы имѣемъ въ виду брошюру г. Оболенскаго: *Физіологическое объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты*. Опираясь на изслѣдованія Гельмгольца и другихъ знаменитыхъ физіологовъ, брошюра доказываетъ слѣдующія положенія: 1) Намъ непріятно раздраженіе, быстро наростающее, или, говоря субъективнымъ языкомъ, впечатлѣніе, неподготовленное постепенно; 2) намъ непріятно долгое, однообразное раздраженіе. Мы нуждаемся въ разнообразіи впечатлѣній, *въ подготовленной новизнѣ* ихъ. Болѣе сложною формою послѣдней является *удовлетворенное ожиданіе*.

Въ личной красотѣ, — говоритъ авторъ далѣе, — людямъ нравится умѣренное усиленіе характерныхъ признаковъ окружающаго ихъ типа. Такъ, длинные волосы считаются уродствомъ въ странѣ маловолосыхъ, гдѣ мѣстные щеголи окончательно истребляютъ свои волосы. Бѣлила, румяна, парики имѣютъ цѣлью также поддержать и усилить существенныя особенности европейскихъ племенъ. Красота, — заключаетъ изъ подобныхъ фактовъ г. Оболенскій, — есть «видоизмѣненіе пропорцій между элементами привычной суммы привычныхъ впечатлѣній, причемъ это измѣненіе пропорціи, повидимому, есть усиленіе наиболѣе привычныхъ впечатлѣній» [1]). Объясняется это, съ физіологической точки зрѣнія, тѣмъ, что новыя ощущенія, не нарушающія установившихся привычекъ, составляютъ самый экономическій видъ отдыха. Г-нъ Оболенскій формулируетъ на этомъ основаніи слѣдующій «*законъ красоты личной*»: «красота есть наиболѣе экономическая форма отдыха центральныхъ частей нервной системы, состоящая въ томъ, что отдыхъ дается здѣсь умѣреннымъ усиленіемъ степени одного изъ постоянныхъ членовъ привычной пропорціи раздраженій и пропорціональнымъ ослабленіемъ прочихъ чле-

[1]) Физіол. объясненіе нѣкоторыхъ элементовъ чувства красоты, 52.

новъ пропорціи, черезъ что новизна раздраженія является наименѣе нарушающей привычку» [1]). Въ своихъ разсужденіяхъ г. Оболенскій допустилъ, по нашему мнѣнію, слѣдующую ошибку: анализируя условія возникновенія пріятныхъ ощущеній вообще, онъ въ дальнѣйшемъ изложеніи подставилъ вмѣсто пріятныхъ ощущеній—эстетическія, вмѣсто удовольствія—красоту. Между тѣмъ, чрезвычайно важно именно разрѣшеніе вопроса: какія изъ пріятныхъ ощущеній должны быть отнесены къ области эстетическихъ? Когда вы, въ холодную и грязную пору, послѣ долгаго пути, входите въ теплую комнату, вы испытываете весьма пріятное ощущеніе, не заключающее въ себѣ, однако, ничего эстетическаго. Когда у васъ прошла головная боль, вы испытываете большое удовольствіе, но о красотѣ въ данномъ случаѣ и рѣчи быть не можетъ. Наконецъ,—въ области не отрицательныхъ, а положительныхъ удовольствій,—вкусно приготовленное блюдо возбуждаетъ пріятное раздраженіе нервовъ, которое едва-ли справедливо называть эстетическимъ ощущеніемъ.

У г. Велямовича мы встрѣчаемъ попытку дать точное опредѣленіе прекраснаго (въ природѣ). Онъ утверждаетъ, что «зрѣнію и слуху всецѣло принадлежитъ монополія быть проводниками прекраснаго» [2]). Прекрасное, по мнѣнію г. Велямовича, есть полезное, но не наоборотъ: полезное не есть прекрасное. Кусокъ каменнаго угля, напримѣръ, или ткацкая машина не могутъ быть введены въ область эстетики. Вообще, этотъ писатель считаетъ прекрасное полезнымъ, «полезность котораго выражается сложною совокупностью оптическихъ или акустическихъ атрибутовъ [3]). Это опредѣленіе, какъ легко можетъ видѣть каждый, страдаетъ неточностью и односторонностью. О какой *полезности* говоритъ г. Велямовичъ, для вида или для отдѣльнаго человѣка? Онъ рѣшается утверждать, что полезное для индивидуума въ то же время полезно и для народа, а полезное для послѣдняго полезно и для всего человѣчества. Естественно, что при такомъ взглядѣ приходится понятію «полезное» давать весьма широкое и своеобразное толкованіе, и нашъ авторъ не останавливается передъ этимъ: «Поскольку часть,—говоритъ

[1]) Ibid, 69.

[2]) Это несомнѣнно по отношенію къ предметамъ искусства. James Sully говоритъ: «A work of art is a product of human activity wihch, through the impressions of the eye or of the ear affords the mind some delight, whether sensuous or emotional. „Sensation and intuition", „Studies in psychology and aesthetics, 2 edition, 345.

[3]) Психо-физіологическія основанія эстетики, 49.

онъ,—есть нераздѣльная часть цѣлаго, постольку же интересы части совпадаютъ съ интересами цѣлаго, хотя бы этотъ интересъ требовалъ *уничтоженія самой части*. На этомъ основаніи не будетъ парадоксомъ утвержденіе, что для данной націи можетъ быть *выгодно* погибнуть: здѣсь рѣчь идетъ не о выгодѣ націи, какъ націи, но о выгодѣ націи, какъ члена человѣческаго рода [1]), и т. д. Это утвержденіе не только парадоксъ, но и вопіющій абсурдъ, ибо утверждать, что для меня выгодно, если я погибну въ интересахъ общества или человѣчества, значитъ совершенно искажать понятіе *выгоды*. Исторія переполнена доказательствами того, что личность и государство вступали между собою въ безпощадную борьбу, что ихъ *выгоды* были прямо противоположны. Чтобы не отвлекаться въ сторону, упомянемъ о признаніи самого г. Велямовича. На страницѣ 19 своего сочиненія онъ говоритъ объ *индивидуальномъ идеалѣ красоты*, который *можетъ вовсе не удовлетворять общему идеалу красоты того же самаго человѣка*.

Чтобы ближе подойти къ правильной постановкѣ вопроса, перейдемъ въ область искусства. Прекрасное, замѣчаетъ г. Велямовичъ, находится въ природѣ въ недостаточномъ количествѣ. Оно отличается кромѣ того *несовершенствомъ*. Назначеніе художественныхъ произведеній состоитъ въ восполненіи этихъ пробѣловъ, въ подражаніи и заимствованіи природной красоты. Причина бездарности, нехудожественности произведенія зависитъ отъ неточности подражанія или заимствованія [2]). Кромѣ природной красоты (внѣшней), художественныя произведенія «содержатъ въ себѣ еще и нѣкоторый, совершенно особый, специфическій родъ прекраснаго» [3]). Въ чемъ же онъ заключается? «Сущность прекраснаго во всѣхъ родахъ художественнаго творчества,—говоритъ г. Велямовичъ,—состоитъ въ выраженіи психическаго характера или настроенія человѣка». (стр. 134) [4]). Это и есть *художественная красота*. Сопоставимъ это опредѣленіе съ слѣдующими словами г. Велямовича: «выраженіе: *характеръ внѣшней природы*, или, что то же, *характеръ объективнаго* міра, равносильно выраженью: *характеръ внутренней природы*, *характеръ субъ-*

[1]) Психо-физіол. осн., 17.

[2]) Ibid. стр. 73, 74, 75.

[3]) Ibid. 101.

[4]) Ср. съ этимъ опредѣленіе эстетика старой школы, Левека: „L'art est donc l'interprétation de la belle âme ou de la belle force au moyen de leurs signes les plus expressifs, c'est-à-dire au moyen de formes idéales“. (La science du beau, 2 éd. 1872. II, 8).

екта, или психическій характеръ человѣка вообще (стр. 132). Это объясняется тѣмъ, что нашему знанію доступны лишь «наши собственныя представленія, нашъ собственный духъ и его субъективныя отношенія». Г. Велямовичъ не замѣчаетъ, что наноситъ этимъ правильнымъ разсужденіемъ непоправимый ударъ своимъ опредѣленіямъ прекраснаго въ природѣ и въ искусствѣ. Грань между прекраснымъ въ природѣ и прекраснымъ произведеніемъ искусства сглаживается, ибо въ обоихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло лишь съ нашимъ настроеніемъ, съ нашими представленіями. Наслажденіе красотою моря или горной области есть, въ своемъ родѣ, художественное творчество личности, претвореніе объективныхъ впечатлѣній въ субъективное настроеніе. Съ другой стороны, прекрасное въ природѣ нельзя уже называть и полезнымъ для насъ (съ извѣстными ограниченіями), потому что полезность эта можетъ присутствовать, а можетъ и отсутствовать въ настроеніи. Мимоходомъ отмѣтимъ новое противорѣчіе, въ которое впадаетъ г. Велямовичъ. На стр. 142 онъ утверждаетъ: «Итакъ, вопреки Тэну, мы считаемъ себя въ правѣ принять за доказанное, что общая сущность всѣхъ художественныхъ произведеній состоитъ въ выраженіи психическаго характера или настроенія самого художника, ихъ создающаго», а на стр. 144 говорится слѣдующее: «сущность художественнаго произведенія состоитъ въ выраженіи характера (типа) данной вещи». Зачѣмъ же было возставать противъ Тэна? Впрочемъ г. Велямовичъ прибавляетъ, что это одно и то же: «типъ есть истинное выраженіе понятій художника о дѣйствительности, или иначе: типъ есть истинное выраженіе дѣйствительности, какъ она отражается въ духѣ художника» (147). Но не трудно замѣтить происходящее при этомъ смѣшеніе понятій: произведеніе можетъ быть *истиннымъ выраженіемъ понятій художника о дѣйствительности* и въ то же время со всѣмъ не заключать въ себѣ изображенія *типическихъ* явленій дѣйствительности. Нашему автору приходится вновь громоздить оговорки. Онъ замѣчаетъ, напримѣръ, что «какъ только выраженіе понятій художника о дѣйствительности перестаетъ быть *истиннымъ*, т.-е. становится неточнымъ, невѣрнымъ и ложнымъ, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, перестаетъ быть вовсе *выраженіемъ понятій художника*, и т. д. (150). Но мы не послѣдуемъ далѣе за подобными аргументаціями.

Само собою разумѣется, что для г. Велямовича и «сущность художественнаго творчества состоитъ въ выраженіи психическаго характера полезнаго для человѣка». Съ этой точки зрѣнія возможно сравненіе достоинства художественныхъ произведеній.

Только степень полезности того или другого *пониманія* изображенныхъ героевъ и ихъ дѣятельности, какъ и всего внѣшняго міра вообще, прямо опредѣляетъ степень красоты даннаго художественнаго произведенія. Степень художественной красоты зависитъ исключительно только отъ того, *какъ* понимаетъ художникъ изображаемую часть внѣшняго міра, но вовсе не отъ того, *какую* именно часть этого міра онъ выбралъ для своего изображенія (205). Г. Велямовичъ опять-таки непослѣдователенъ. Съ точки зрѣнія полезности, нельзя ставить въ одинъ рядъ художественное изображеніе груши или какого-нибудь историческаго событія. Кромѣ того, мы нерѣдко встрѣчаемся съ такими произведеніями, которыя, такъ сказать, *выше* своихъ творцовъ. Художникъ иногда не достаточно глубоко и ясно понимаетъ все значеніе выведенныхъ имъ лицъ и изображеннаго дѣйствія. Его собственное объясненіе своего произведенія представляетъ послѣднее въ невѣрномъ свѣтѣ, и нужна художественная критика, чтобы разъяснить все дѣло обществу, констатировать достоинства творенія, вопреки увѣреніямъ творца. Такіе случаи, конечно, рѣдки, но они бывали и въ русской литературѣ. Только геній понимаетъ всю глубину и мощь своихъ произведеній. Наконецъ, самъ г. Велямовичъ *вполнѣ раздѣляетъ* взглядъ Тэна, по которому степень красоты художественнаго произведенія *пропорціональна* степени полезности (благотворности) для человѣка характера, выражаемаго художественнымъ произведеніемъ.

Въ концѣ своего труда г. Велямовичъ приходитъ къ заключенію, что естественная градація художественныхъ произведеній основывается на двухъ началахъ: на *качествѣ* выражаемаго художественнымъ произведеніемъ характера, т.-е. степени прогрессивности послѣдняго [1]); на *количествѣ*, въ которомъ выраженъ характеръ, т.-е. степени его *полноты*, *общности и постоянства*. Оба эти начала и составляютъ основанія всякой раціональной эстетической критики (210). Въ этихъ словахъ

[1]) Для пониманія этого выраженія необходимы слѣдующія выдержки изъ названной книги: „Для того, чтобы выражаемый художникомъ характеръ былъ *полезный характеръ въ общечеловѣческомъ смыслѣ*, а не въ смыслѣ отдѣльной только группы людей, необходимо, чтобы онъ представлялъ собою характеръ *такой именно естественной группы, интересы которой совпадали бы съ интересами всего человѣчества*“ (206). Этому условію удовлетворяютъ „самыя прогрессивныя въ своемъ развитіи естественныя группы людей“ (ibid). Если этихъ группъ нѣсколько, то онѣ различаются между собою. Какая же изъ нихъ самая прогрессивная? На стр. 207 сказано: художественная красота находится въ непосредственной зависимости отъ степени прогрессивнаго развитія духа самого художника.

заключается вѣрная мысль, переплетающаяся съ ошибочной. Предположимъ падающій міръ, напримѣръ, греческій. Иныя начала, прогрессивныя, разрушаютъ строй античнаго общества, и оно, умирая, оставляетъ намъ художественныя произведенія, которыми мы и теперь восхищаемся. Скажутъ, что эти произведенія явились тогда, когда греческій духъ былъ носителемъ прогресса; но почему же мы любуемся такими произведеніями *въ настоящее время*?—Затѣмъ, художникъ, вовсе не стоящій въ средѣ «самой прогрессивной группы людей» даннаго времени, не можетъ развѣ создать геніальныхъ произведеній? Недавно скончавшійся Рихардъ Вагнеръ и Гуно могутъ служить олицетвореніями этой возможности.

Въ заключеніе отмѣтимъ сильно преувеличенное пренебреженіе въ книгѣ г. Велямовича къ старымъ эстетикамъ прежняго времени. Онъ говоритъ, что до трудовъ Тэна эстетика представляла «хаотическую груду голыхъ догматовъ и ничѣмъ необъяснимыхъ фактовъ, перемѣшанныхъ съ умопомрачающей метафизической туманностью въ родѣ, напримѣръ, пресловутой формулы, что прекрасное есть индивидуализація, т.-е. осуществленіе абсолютнаго» (125—126). Въ чемъ другомъ,—но въ хаосѣ старыхъ нѣмецкихъ эстетиковъ упрекать по меньшей мѣрѣ странно. И у нихъ, и у англичанъ XVIII еще столѣтія, не трудно найти драгоцѣннѣйшія указанія и соображенія. Чтобъ не быть голословнымъ и въ то же время не уклоняться далеко въ сторону, сошлемся на одного Борка. Въ своемъ трактатѣ о происхожденіи нашихъ идей возвышеннаго и прекраснаго [1]) онъ предупреждаетъ открытія современной нервной физіологіи. Боркъ говоритъ, что красота предметовъ требуетъ постояннаго, но легкаго измѣненія ихъ очертаній; рѣзкое же, угловатое измѣненіе этихъ очертаній непріятно, потому что производитъ судорожное сокращеніе оптическаго нерва [2]). Если сопоставить съ этими словами другое мѣсто знаменитаго трактата, въ которомъ говорится объ элементарномъ удовольствіи, доставляемомъ новизною, удовлетвореніемъ любопытства, то мы найдемъ у Борка и ученіе о подготовленной новизнѣ.

Г. Оболенскій также не свободенъ отъ противорѣчій. Въ упо-

[1]) *Edmund Burke*: A philosophical Inquiry into the Origin of our Ideas of the Sublime and Beautiful (Bohn's Britisch classics).

[2]) „An other principal property of beautiful objects is that the line of their parts is continually varying its direction; but it varies it by a very insensible deviation; it never varies it so quickly as to surprise or by the sharpness of its angle to cause any twitching or convulsion of the optic nerve“.

мянутой нами брошюрѣ онъ замѣчаетъ, что «искусство имѣетъ дѣло не съ исключительными явленіями, а съ явленіями типичными, характерными для данной среды» (54). А въ его же статьѣ, напечатанной позднѣе въ «Русскомъ Богатствѣ» (1883, №№ 5—6, *Искусство и тенденціозность*), авторъ заявляетъ, что «типичность явленій не есть особенность въ художественномъ смыслѣ». Но у г. Оболенскаго мы встрѣчаемъ серьёзную попытку выйти изъ узкихъ рамокъ утилитаризма, освободиться отъ его изсушающей догматики.

Простѣйшія свойства нервной системы, отъ которыхъ сложилось чувство красоты,—говоритъ онъ,—предшествовали мысли и разсчету, какъ дѣятельности болѣе сложной головного мозга. Затѣмъ, подъ вліяніемъ опыта, обнаружилось, «что въ чувствѣ красоты есть многое, что дѣйствуетъ губительно на жизнь индивидуума». Въ заключеніе г. Оболенскій находитъ, что «чувство красоты можетъ совпадать и не совпадать съ потребностями самосохраненія и наилучшаго присособленія; оно можетъ быть вредно; но тѣ свойства нервовъ, которыми оно обусловлено, вездѣ, гдѣ только можно замѣтить ихъ дѣятельность, двигали впередъ существующія формы» [1]). Цѣль искусства, по мнѣнію г. Оболенскаго, заключается въ томъ, чтобы «воспроизвести синтетическую эмоцію, передать намъ типично общечеловѣческую эмоцію отъ явленій» [2]).

Эта послѣдняя мысль (не новая) [3]) требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ. «Художественная эмоція, это сама человѣчность, любовь къ человѣку, а моральная эмоція, это,—утверждаетъ г. Оболенскій,—приговоръ аскета, которому нѣтъ дѣла до живого человѣка, до условій его жизни, до его слабостей». Если стать на точку зрѣнія нашего автора, то придется считать истинною областью нравственныхъ волненій область волненій эстетическихъ. Но кто же согласится признать въ великомъ приговорѣ: кто изъ васъ безъ грѣха, пусть первый броситъ въ нее камень!—приговоръ аскета? Развѣ заповѣдь любить ближняго, какъ самого себя,

---

1) Физіол. объясн., 81, 82, 84—85.

2) Названная статья въ „Русск. Богатствѣ".

3) См. у г. Троицкаго: Нѣмецкая психологія въ текущемъ столѣтіи, 1869. „Единственный признакъ, дающій прекраснымъ предметамъ право называться прекрасными, есть именно то духовное волненіе, какое мы называемъ эстетическимъ или чувствомъ красоты" (213). „Классъ красоты есть дѣло ума; позднѣйшее обобщеніе частныхъ эстетическихъ волненій, которымъ чувствуемое сходство не препятствуетъ оставаться съ ихъ частными разницами,—не мѣшаетъ *красотѣ отличаться отъ красоты*" (215). Ср. изложеніе ученій Стюарта, Рида, Брауна и др. въ этомъ же сочиненіи.

была художественнымъ произведеніемъ? Г. Оболенскій слишкомъ расширяетъ и возвеличиваетъ значеніе искусства, которое можетъ быть, да и бывало нерѣдко, безстрастнымъ свидѣтелемъ людского горя и радостей. Понятное дѣло, что въ сложныхъ проявленіяхъ высоко-развитой личной и общественной жизни вы найдете неразрывно переплетенными и чисто интеллектуальные, и нравственные, и эстетическіе ея элементы. Г. Оболенскій не совсѣмъ поэтому правъ, заявляя, что «брезгливость въ области нравственныхъ явленій есть *чисто* художественная эмоція». *Чистая* художественная эмоція, согласно Канту, Спенсеру, Бену, отличается полнымъ отсутствіемъ моральнаго или утилитарнаго сужденія. Но значеніе ассоціаціи и установившихся эстетическихъ сужденій въ развитіи художественныхъ волненій не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Алисонъ сводилъ даже всѣ эстетическія эмоціи къ одной ассосіаціи. Онъ утверждалъ, что среди скалъ прекрасенъ крикъ горной козы, какъ выраженіе дикости и независимости, и т. п. Однако, по справедливому замѣчанію Гена, такая ассосіація даетъ только возможность эстетически безразличнымъ предметамъ или явленіямъ производить (т.-е. участвовать въ возбужденіи) художественныя волненія [1]). Всякій изъ насъ знаетъ, какъ отражается господствующій въ обществѣ вкусъ, унаслѣдованные привычки и предразсудки—на нашу способность наслаждаться тѣми или другими художественными произведеніями [2]).

Все сказанное позволяетъ намъ придти къ слѣдующему заключенію.

Новѣйшая эстетическая школа, основывающаяся на психофизіологическихъ данныхъ, напрасно поторопилась выбросить за бортъ старыхъ эстетиковъ-философовъ (или метафизиковъ). У послѣднихъ найдется не мало весьма полезнаго для перестройки эстетической теоріи матеріала. Кромѣ того, *только* психо-физіологическія изслѣдованія не могутъ дать намъ *эстетики*, въ серьезномъ смыслѣ этого слова. Физіологія не имѣетъ основанія различать *пріятныхъ* ощущеній отъ *эстетическихъ*, она не въ состояніи разграничить *прекраснаго* отъ *возвышеннаго*. Она, слѣдовательно, не можетъ и привести къ надлежащему опредѣленію искусства, которое не такъ просто, какъ иногда кажется. Г. Троиц-

---

1) Cp. Fechner, Vorschule, I, 91.

2) Не можемъ не привести слѣдующаго, также не вполнѣ вѣрнаго утвержденія г. Оболенскаго: „красотой человѣчество считаетъ свой зоологическій или, вѣрнѣе, этнографическій типъ, съ его внѣшней и внутренней стороны". Почему же, въ такомъ случаѣ, прекрасны Альпы?

кій справедливо настаиваетъ на ошибкѣ тѣхъ писателей, которые предполагаютъ, что чувство красоты есть чувство простое (Sense of beauty Четчесона). Между тѣмъ, «отдѣленіе, въ нашихъ эстетическихъ чувствахъ, элемента умственнаго или мысли, отъ элемента страстнаго или волненій, поставляется обыкновенно въ заслугу Аддисону и отчетливо выражено у всѣхъ лучшихъ послѣдующихъ писателей о прекрасномъ и возвышенномъ» [1]). По мнѣнію Рида, на сужденіи основана универсальность вкуса или оцѣнки изящнаго, а Браунъ утверждаетъ: «не всякій рядъ звуковъ способенъ возбуждать волненіе красоты, но только извѣстные ряды, какъ бы они ни были разнообразны. Универсальность этого закона красоты въ одномъ изъ нашихъ чувствъ, по которому удовольствіе получается просто отъ распорядка или преемства звуковъ, даетъ основаніе думать, что по меньшей мѣрѣ не вся красота совершенно случайна, и внушаетъ аналогіи, которыя, конечно, не какъ доказательства, а какъ простыя аналогіи,—можно распространить и на другія внѣшнія чувства» [2]).

Въ отвѣтъ на замѣчанія исторической школы, мы приведемъ возраженіе Рида: если прекрасное относительно, то относительна вѣдь и истина. Субъективныхъ колебаній, а также историческихъ измѣненій вкуса никто не отрицаетъ. Фехнеръ говоритъ, что вкусъ (der Geschmack) именно и есть *субъективное дополненіе къ объективнымъ условіямъ удовольствія или неудовольствія* [3]). Морицъ Карьеръ въ свою очередь утверждаетъ, что вкусъ субъективенъ,—это всѣмъ извѣстно; но это не исключаетъ признанія общихъ основъ прекраснаго и, слѣдовательно, науки о прекрасномъ (Geschmack und Gewissen, Breslau, 1882). Душѣ человѣка, продолжаетъ этотъ писатель, прирожденъ идеалъ, какъ прирождено зародышу организаціонное начало, по которому растетъ и достигаетъ зрѣлости каждое животное, каждое растеніе. Совѣсть и вкусъ—субъективны и способны къ развитію («Das Gewissen wie der Geschmack ist subjectiv, ist bildbar»). Какъ въ нравственномъ, такъ и въ эстетическомъ отношеніи, благодаря сходству человѣческой природы, существуютъ общія понятія, отверженіе которыхъ мы называемъ безвкуснымъ и безсовѣстнымъ. Доброе и прекрасное вліяетъ другъ на друга въ развитіи нашей духовной жизни. Психологія и логика раскроютъ въ прекрасномъ *постоянное*, а исторія искусства—*мѣняющееся и нарос-*

---

[1]) Г. Троицкій, 210—211.
[2]) Ibid, 376, 219.
[3]) Vorschule der Aesthetik, I, 232

тающее. Изслѣдовавъ природу нашихъ чувствъ, говоритъ James Sully, эстетикъ можетъ построить руководящія начала для художественной дѣятельности, которая должна быть направляема *идеаломъ* [1]). Искусство восполняетъ недостатокъ прекраснаго въ нашей жизни; оно, идеализируя явленія этой жизни, возвышается надъ *простымъ* подражаніемъ дѣйствительности. Въ его распоряженіи находятся для этого ритмъ, краски и т. д. [2]). Эстетическое ощущеніе должно благодѣтельно дѣйствовать на весь организмъ, и на физическую, и на нравственную природу человѣка [3]). Однимъ словомъ, высшее наслажденіе, величайшая красота заключаются въ полной и напряженной умственной и нравственной жизни. Въ художественномъ изображеніи *подобной* жизни, *такихъ* характеровъ, состоитъ, по нашему мнѣнію, и величайшая задача искусства.

В. Гольцевъ.

---

[1]) „Sensation and intuition“, 340, 341—345, 346, 349. Одинъ изъ новѣйшихъ французскихъ писателей говоритъ: „L'art a pour fin non seulement de combiner les éléments qu'il emploie selon ses règles et les procédés en usage, il doit tendre à un résultat plus élevé: à la réalisation du beau“ (Ch. Beauquier: Du beau musical (La revue libérale, novembre, 1882).

[2]) Фехнеръ говоритъ, что искусство должно: „Stilisiren, idealisiren, symbolisiren (Vorschule, II, 57). Cp. James Sully: Sensation and intuition, 356, etc.

[3]) *Гюйо* замѣчаетъ по этому, что не одни только зрительныя и слуховыя ощущенія могутъ быть прекрасны; мы говоримъ о *свѣжести* и *теплотѣ* воздуха, о *запахѣ* розы, пробуждая этимъ художественное волненіе.

СТИХОТВОРЕНІЯ

НОВАЯ ВОЛНА.

Гони тоскливое раздумье,
Не поддавайся чаду грезъ,
И о быломъ воспоминанья
Не оживляй росою слезъ.

Оставь прошедшему былое,
Смотри впередъ, а не назадъ;
Забудь несбывшихся желаній,
Разбитыхъ вѣрованій рядъ;

Оставь всѣхъ тѣхъ—въ комъ обманулся,
Путь въ жизни новый избери,
Отребьевъ жизни миновавшей
Съ собой въ дорогу не бери!

За работой жаркою
Силы оживутъ—
Воскреситъ упорный ихъ
И кипучій трудъ!

А если сердце сильно ноетъ
Въ груди—для всѣхъ ее открой;
Въ такой любви одно спасенье,
Когда намъ нѣтъ любви иной...

И изъ бездны гибельной
 Вынесетъ она —
Жизни новой мощная
 Новая волна!

Жизнь гаситъ смѣной впечатлѣній
 Всѣ впечатлѣнія свои —
Такъ наслоенья новыхъ красокъ
 Скрываютъ прежніе слои.

Но краски старыя остались —
 Онѣ подъ новыми лежатъ,
Цвѣтъ новыхъ красокъ измѣняютъ,
 Хотя отсутствуютъ на взглядъ.

Если жизнь покажется горькой,
 То, ее не коря, разсуди —
Вѣдь ты самъ виноватъ, что родился
 Съ теплымъ, любящимъ сердцемъ въ груди.

Если-жъ ты не захочешь сознаться
 Даже въ столь очевидной винѣ —
Такъ заранѣе знай, что придется
 Расплатиться за это вдвойнѣ!

---

* * *

Половину небосклона
Тучей черной облегло,
А за тучей небо блещетъ
И привѣтно и свѣтло.

Съ болью горечи—надежда
Въ сердцѣ свѣтлая живетъ,
И порою пѣсни ласки
Тайный голосъ намъ поетъ;

И невнятны, но понятны
Этихъ пѣсенъ намъ слова:
Въ нихъ, какъ возлѣ черной тучи,
Блещетъ неба синева.

* * *

Много жилъ золотоносныхъ
Въ сокровенныхъ нѣдрахъ горъ
Отлилося въ исполинскій
И причудливый узоръ.

Ярко-красные кораллы,
Груды желтыхъ янтарей
И жемчужинъ бѣлоснѣжныхъ
Покрываютъ дно морей.

Какъ богатствъ въ горахъ гранитныхъ,
Въ глубинѣ морей нѣмой,
Много силъ природой скрыто
Въ тайникахъ души людской.

Ал. Ч—скій.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЧЕСКІЙ КРЕДИТЪ.

Закончившіяся къ веснѣ сессіи губернскихъ общественныхъ собраній отличались нѣсколько особеннымъ характеромъ. Земскія собранія прошли почти незамѣтно, а дворянскія, напротивъ, представляли такое оживленіе, какого въ нихъ давно не было видано. „Московскія Вѣдомости" даже заранѣе предваряли, что дворянскія собранія на этотъ разъ обнаружатъ какой-то особенный „государственный духъ", особливую государственную доблесть. Дѣйствительно, замѣтно было, что многіе члены дворянскихъ собраній настроились какъ-то особенно; но когда потребовалось выразить опредѣленное внутреннее содержаніе—то въ этомъ отношеніи обнаружился чувствительный недостатокъ: послышались даже просьбы объ открытіи новаго кредита для землевладѣльцевъ, на манеръ кредита прежнихъ опекунскихъ совѣтовъ; послышались предложенія ходатайствовать о предоставленіи дворянству еще новыхъ выморочныхъ имуществъ—и только. Очевидно, московскіе публицисты оказали собраніямъ плохую услугу, заранѣе наобѣщавъ слишкомъ много и не во время привлекши усиленное общее вниманіе къ дѣйствіямъ собраній, такъ какъ послѣ заключенія этихъ дѣйствій, внимательный наблюдатель невольно задавался вопросомъ: неужели же просить для себя денежныхъ займовъ или пожалованія новыхъ имуществъ значитъ обнаруживать *государственный* духъ?

Однако, какъ бы то ни было, вопросъ о государственномъ кредитѣ для землевладѣльцевъ настолько оживилъ послѣднихъ, что самое это оживленіе сдѣлалось изъ ряду выдающимся явленіемъ. Намекъ на возможность упомянутаго кредита, сдѣланный въ извѣстномъ

докладѣ министра финансовъ (при представленіи государственной росписи), оказался сущимъ благовѣстомъ для большой массы людей, и надежды стали возрастать съ каждымъ днемъ. Въ одномъ губернскомъ дворянскомъ собраніи предлагали просто ходатайствовать объ устройствѣ дешеваго государственнаго кредита; но вслѣдъ за тѣмъ съ другой стороны уже слышалась хвалебная пѣснь бывшимъ опекунскимъ совѣтамъ, и тамъ договорились до того, что опекунскіе совѣты своими ссудами помѣщикамъ совершили великую *государственную* заслугу; въ заключеніе: давайте намъ учрежденіе, напоминающее собою именно опекунскіе совѣты! Далѣе, откуда-то появилась мысль, что правительство не просто хочетъ дать землевладѣльцамъ кредитъ для избавленія ихъ отъ напрасной оплаты предпринимательскихъ барышей частныхъ банковъ, но именно желаетъ нести *жертвы* для выгодъ землевладѣльцевъ; эта мысль тоже пошла циркулировать въ обществѣ и рождать новыя надежды. Словомъ, воображеніе разыгралось сильно, и рѣдкая благая вѣсть у насъ была встрѣчаема съ такимъ восторгомъ, какъ намекъ на возможность появленія новаго источника денежныхъ займовъ.

Итакъ, въ то время, какъ еще неизвѣстно—на какихъ условіяхъ будетъ устроенъ новый кредитъ, когда нельзя даже сказать съ полною увѣренностью, что онъ дѣйствительно будетъ устроенъ и не останется въ области проектовъ,—надежды ростутъ и на нихъ опираются многіе разсчеты частныхъ лицъ. Ничто не растетъ быстрѣе надеждъ. Прислушавшись къ ходячимъ толкамъ по этому предмету, чего-чего нельзя услышать. Одни надѣются, что правительство не только заведетъ новое кредитное учрежденіе, но еще выкупитъ всѣ старые долги землевладѣльцевъ у частныхъ акціонерныхъ банковъ и у общества взаимнаго поземельнаго кредита (на что, разумѣется, потребовалось бы нѣсколько сотъ милліоновъ рублей), и такимъ образомъ сдѣлается чуть не единственнымъ помѣщичьимъ кредиторомъ. Другіе полагаютъ, что въ новомъ кредитномъ учрежденіи можно будетъ получать деньги очень дешево, процента за 4 или за 5 (какъ было встарину въ опекунскихъ совѣтахъ), а размѣры ссудъ вовсе не будутъ ниже, чѣмъ въ частныхъ банкахъ, т.-е. что можно будетъ получать не меньше 60% стоимости закладываемаго имѣнія. Встрѣчаются твердо вѣрующіе, что правительство намѣрено кредитовать землевладѣльцевъ за низшій противъ установившагося процентъ на капиталъ; само-де оно будетъ платить своимъ кредиторамъ больщій процентъ, а съ заемщиковъ землевладѣльцевъ станетъ брать меньшій, жертвуя разницу между этими процентами, т.-е. усвоивая новому кредиту отчасти благотворительный характеръ. Есть и люди, вовсе не добивающіеся казенныхъ пожертвованій, но и они затруд-

яются въ разрѣшеніи вопроса — на сколько же въ самомъ дѣлѣ правительство сможетъ удешевить долгосрочный помѣщичій кредитъ, сравнительно съ нынѣшнимъ? Такимъ образомъ, предъ массою чающихъ и жаждущихъ стоитъ какая-то крупная загадка; они видятъ, что на-встрѣчу имъ идетъ что-то темное, неясное, отъ чего можно ожидать многаго, но о чемъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго съ полною увѣренностью въ осуществленіи.

У новаго кредита есть сторонники, относящіеся къ нему не только съ точки зрѣнія личной выгоды, но усматривающіе въ немъ и принципіальныя достоинства. Удешевленіе землевладѣльческаго кредита— говорятъ они—несомнѣнный государственный интересъ; государство не можетъ не быть заинтересовано въ томъ, чтобы сельское хозяйство велось хорошо, чтобы хозяева не разорялись и производство шло безостановочно. Государство должно давать даже очень широкій кредитъ, потому что землевладѣлецъ можетъ нуждаться не въ одномъ только оборотномъ хозяйственномъ капиталѣ, но и въ капиталѣ на разныя другія предпріятія: напр., на покупку смежной земли и т. под. Пусть часть землевладѣльцевъ воспользуется кредитомъ неумѣло, за то-есть такіе, которые извлекутъ изъ удешевленія кредита существенную пользу, и о такихъ государство должно имѣть попеченіе. Но съ другой стороны, у новаго кредита есть и противники, тоже принципіальные, полагающіе, что расширеніе области денежныхъ займовъ приведетъ почти къ такимъ же послѣдствіямъ, къ какимъ привела дѣятельность опекунскихъ совѣтовъ, создавшая огромную задолженность земельной собственности ко времени наступленія критическаго момента перехода отъ крѣпостного труда къ свободному; что наши хозяева если кое чему и научились въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, то еще не далеко ушли въ этомъ направленіи; потому удовлетвореніе потребности въ деньгахъ слѣдуетъ предоставить частному кредиту; государственная же забота о землевладѣльческомъ кредитѣ будетъ имѣть чисто односторонній характеръ, т.-е. она была бы дѣломъ въ извѣстномъ смыслѣ тенденціознымъ, едва ли оправдываемымъ экономически и въ концѣ концовъ обѣщающимъ вредъ той самой группѣ людей, которой имѣется въ виду придти на помощь.

Такимъ образомъ, возникаетъ цѣлый рядъ сомнѣній и недоразумѣній: будетъ ли новый кредитъ или не будетъ, и если будетъ—то на какихъ именно основаніяхъ, и насколько онъ сможетъ удешевить полученіе хозяевами денегъ? Имѣетъ ли онъ значеніе только уступки извѣстной тенденціозности, или же въ немъ есть и болѣе положительная сторона; поправитъ ли онъ помѣщичьи дѣла или поможетъ многимъ скорѣе разориться, создавъ новый соблазнъ къ денежнымъ займамъ? Надо разобраться среди этихъ вопросовъ и сомнѣній.

Что касается вопроса о спасительности или разорительности кредита для землевладѣнія вообще, то намъ, кажется, что, и по осуществленіи нынѣшнихъ предположеній, дѣло почти не измѣнится противъ настоящаго его положенія. Невыгодность сравнительно дорогого кредита теоретически вѣрна, но если присмотрѣться къ бытовой сторонѣ дѣла, то эта невыгодность окажется на второмъ планѣ. Разореніе землевладѣльцевъ, заложившихъ имѣнія въ банкахъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ послѣдовало вовсе не оттого, что заемщикамъ приходилось платить процентомъ или двумя дороже противъ того, что можно было бы платить. Ихъ губила не высота процента, а неразсчетливость, непроизводительная затрата занятыхъ денегъ или, пожалуй, особенныя несчастія, въ родѣ ряда неурожаевъ, засухъ и т. п., какъ, напримѣръ, въ Новороссіи. Употребить неразсчетливо капиталъ, равный болѣе, чѣмъ половинѣ стоимости имѣнія, значило сразу убить этотъ капиталъ, какъ для себя, такъ и для страны; не получая дохода отъ этого капитала, выжимать изъ остальной части состоянія оплату его банку—значило сразу стать на путь разоренія; а такъ какъ въ рукахъ неразсчетливаго хозяина и остальная часть состоянія управляется плохо, то разореніе шло довольно скоро, очень мало завися отъ того излишка процентовъ, который переплачивался банкамъ. Неразсчетливость обходится гораздо дороже 1-го или 2-хъ процентовъ стоимости имѣнія; эти процентныя надбавки гораздо меньше обычныхъ колебаній урожая; они вполнѣ поглощаются колебаніями чистаго дохода имѣній, слѣдовательно взваливать на эти проценты всю бѣду, значитъ сознательно утверждать небылицу. Если владѣлецъ получилъ изъ банка даже $^2/_3$ стоимости имѣнія, то и тогда онъ упомянутымъ излишкомъ платежей обременилъ бюджетъ своего имѣнія только на 1% его стоимости, а такъ какъ имѣнія въ среднемъ выводѣ можно считать приносящими около 8% стоимости, то понятно, что тутъ разоряетъ вовсе не этотъ 1%; кто не смогъ изъ 8 руб. съэкономить одного—тотъ хозяинъ очень ненадежный и долженъ пенять больше всего на свою личную неумѣлость. А кто полагаетъ, что можно, сдѣлавъ долгъ на половину своего имѣнія, считать себя полнымъ его владѣльцемъ и жить по прежнему, тотъ просто не умѣетъ считать; деньги не падаютъ съ неба, и неблагоразумная трата безнаказанно не проходитъ. Назначеніе кредита—оживлять производство; но можно указать чуть не цѣлыя губерніи, гдѣ владѣльцы, взявъ ссуды, даже не пустили ихъ въ хозяйственный оборотъ, а сдали имѣнія въ аренду, причемъ уже никакіе оборотные капиталы имъ не требовались, ибо хозяйство ведетъ арендаторъ. Съ другой стороны, развѣ мало можно указать хозяевъ, которыхъ вовсе не разоряетъ

банковый процентъ, которые, платя какихъ-нибудь 8% на занятое, не уменьшаютъ, а поправляютъ свое состояніе просто вслѣдствіе благоразумнаго веденія дѣлъ. Можно сказать, что даже нынѣшнія жалобы на общество взаимнаго поземельнаго кредита довольно преувеличены. Пусть платежи этому обществу и не выгодны для плательщиковъ, пусть это общество и отличается видною Ахиллесовою пятою, но до разоренія здѣсь далеко, и если заемщики разоряются, то опять-таки не вслѣдствіе условій кредита. Какъ—говорятъ они—мы, обязанные расплачиваться металлическою валютою, платили прежде 6 рублей на 100 номинальныхъ, а теперь, по случаю упадка курса, платимъ почти 9,—развѣ это не разореніе?—Да, въ цифрѣ будетъ большая разница, но развѣ можно упускать изъ виду, что та же причина, которая увеличила число платимыхъ помѣщиками *кредитныхъ* рублей, увеличила и цѣну хлѣба, слѣдовательно и помѣщичій доходъ. Эту сторону дѣла наши хозяева вѣчно любятъ оставлять въ тѣни, между тѣмъ какъ она слишкомъ существенна и даетъ важныя данныя для критики жалобъ нашихъ алармистовъ. Вѣдь и теперь, когда такъ много говорятъ о пониженіи цѣнъ на хлѣбъ, эти цѣны все-таки значительно выше бывшихъ лѣтъ семьвосемь тому назадъ, когда полуимперіалъ стоилъ около 6 рублей. Жалующіеся указываютъ на одну сторону дѣла и упускаютъ другую. Если заемщикъ прежде платилъ свой взносъ стоимостью 100 четвертей хлѣба, т.-е. извѣстною частію продукта своего имѣнія, то и теперь онъ платитъ его тѣми же 100 четвертями, т.-е. тою же частію продукта,—только и стоимость этой части, и платежъ, одинаково стали выражаться большимъ числомъ кредитныхъ рублей. Скажемъ болѣе: упадокъ курса пошелъ нашимъ помѣщикамъ въ пользу, такъ какъ онъ повысилъ *весь* доходъ имѣній, а въ расходѣ увеличилъ только одну *часть* его,—ту, которая идетъ на уплату кредитному обществу. Въ итогѣ—чистый плюсъ, а не минусъ. Ту же выгоду, только въ большей степени, получилъ и заемщикъ, взявшій деньги въ банкахъ, ведущихъ счетъ на кредитные рубли, такъ какъ платежъ онъ вносить прежнимъ числомъ рублей, а доходъ, вслѣдствіе вздорожанія хлѣба, сталъ выражаться большимъ количествомъ тѣхъ же рублей.

Словомъ, нисколько не отрицая, что земельные банки берутъ съ заемщиковъ больше, чѣмъ *можно* бы брать, а общество взаимнаго поземельнаго кредита беретъ еще больше, нельзя не придти къ заключенію, что до разорительности кредита тутъ еще слишкомъ далеко. Можно говорить о *сравнительной* выгодности или невыгодности, но о разореніи можно говорить развѣ для эффекта; эффект-

ность же неудобна тѣмъ, что не внушаетъ довѣрія и напоминаетъ о необходимости очень осторожной критики.

Правда, мы замѣтили выше, что многихъ разорили неурожаи, сплошные по нѣскольку лѣтъ сряду засухи, а не одна неумѣлость хозяйничанья. Но при такихъ бѣдахъ размѣръ платежей заемщиковъ уходитъ уже на третій планъ, если еще не дальше. Когда неурожай сгубилъ три четверти обычнаго дохода, что̀ тутъ значитъ одинъ или два процента лишняго платежа? Когда платить нечѣмъ, тутъ не спасетъ уменьшеніе платежа съ 8% на 6%, или около того. Слишкомъ бы милостивы были неурожаи, если бы они колебали доходъ въ мѣру нѣсколькихъ только процентовъ.

Стало быть вопросъ о новомъ кредитѣ, какъ ни вглядывайтесь въ него, не представляется ни вопросомъ о разореніи или спасеніи, ни вопросомъ объ общемъ увеличеніи производительности помѣщичьихъ имѣній. Еслибы рѣчь *шла* о выборѣ между организованнымъ банковымъ кредитомъ, и предоставленіемъ землевладѣнія въ жертву случайностямъ частнаго кредита — тогда дѣло другое, потому что частныя лица, ростовщики, потребуютъ 15, 20 или больше процентовъ, т.-е. столько, сколько нельзя выручить изъ имѣнія ни при какомъ хозяйствѣ. Тутъ дѣйствительно пахло бы разореніемъ. Но когда рѣчь идетъ о разницѣ на 1, 2 или даже 3 процента, зачѣмъ вдаваться въ излишніе эффекты. Разсчетливый человѣкъ и при банковомъ процентѣ поведетъ свои дѣла хорошо, а кто умѣетъ разоряться — тотъ наипревосходнѣйшимъ образомъ разорится при дешевѣйшемъ государственномъ кредитѣ. Дайте такому человѣку деньги всего за 2% или за 3%—безтолковая трата занятой суммы все равно ляжетъ тяжелымъ камнемъ на имѣніе, и пониженіе процента развѣ-развѣ что продлитъ процессъ ликвидаціи на годъ или на полтора. Неумѣлый банковый должникъ не превратится въ отличнаго хозяина отъ одного только удешевленія займовъ, а въ легкомысленныхъ людяхъ это удешевленіе, пожалуй, увеличитъ только увѣренность въ возможности безнаказаннаго обращенія съ деньгами, усилитъ вѣру въ случайныя спасенія и возбудитъ претензіи на казенныя жертвы для того. Мы видимъ уже изъ ходячихъ теперь толковъ, куда можетъ заводить подобная вѣра.

Изъ сказаннаго выходитъ, что вопросъ объ улучшеніи хозяйствъ, о поднятіи общей производительности имѣній, а слѣдовательно и объ экономическомъ ростѣ страны, имѣетъ очень мало общаго съ вопросомъ о предполагаемомъ кредитѣ. Всѣ эти улучшенія, поднятія и росты остаются въ прежнемъ положеніи; не здѣсь находится центръ тяжести вопроса о необходимости или ненужности упомянутаго кредита, и не съ этой стороны подлежитъ оцѣнкѣ задуманное

дѣло.—Но, могутъ сказать, еслибы дѣло и не шло о спасеніи или разореніи, еслибы тутъ былъ вопросъ *только* объ извѣстной выгодѣ землевладѣльца,—за что лишать послѣдняго этой выгоды, за что заставлять его платить лишнее банковымъ заправиламъ, на утолщеніе кармана акціонеровъ, или на образованіе фондовъ для хищенія, когда есть возможность избавленія отъ этихъ переплатъ? За что дѣлать сельскихъ хозяевъ данниками случайныхъ предпринимателей, одаренныхъ только извѣстною ловкостью и умѣвшихъ во время воспользоваться прекращеніемъ широкаго прежде, казеннаго кредита? За что лишать хорошаго хозяина,—хотя бы и рѣдкаго, той выгоды избавленія отъ данничества банкамъ, которую онъ можетъ употребить на улучшеніе своего хозяйства, слѣдовательно съ извѣстною пользою для страны? Вѣдь если банковые акціонеры получаютъ изрядные дивиденды, если существуютъ фонды, ожидающіе своего расхищенія,—развѣ это не доказываетъ, что землевладѣльцы платятъ лишнее, что они поставлены въ роль данниковъ, и что слѣдовательно есть возможность дать имъ чувствительное облегченіе? Вотъ на такіе вопросы, устанавливающіе болѣе узкую, но болѣе правильную рамку задачи, нуженъ болѣе серьезный отвѣтъ, чѣмъ на эффектныя рѣчи о разореніяхъ.

Да, дѣйствительно, лишняя дань землевладѣльцами платится, и государство въ извѣстной степени заинтересовано въ томъ, чтобы хорошіе хозяева не были затрудняемы въ правильномъ веденіи хозяйства и въ улучшеніяхъ, чтобы производство шло безостановочно. Устранивъ изъ вопроса спасеніе неумѣлыхъ, все-таки стóитъ позаботиться о дѣльныхъ производителяхъ. Государственный интересъ связывается съ дѣломъ созданія новаго кредита въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдній способствуетъ поддержкѣ или усиленію производства, такъ какъ производство—источникъ богатства страны; пріостановите производство, уменьшится и государственный доходъ.

Но еще большее для государства значеніе этотъ кредитъ можетъ имѣть потому, что онъ усиливаетъ вліяніе государства на судьбы землевладѣнія. Эта сторона дѣла заслуживаетъ очень большого вниманія. Въ настоящее время государственное вліяніе на эти судьбы очень слабо, и физіономія землевладѣнія измѣняется нерѣдко крайне невыгодно. Частные земельные банки тутъ сослужили своего рода службу, большую, но незавидную по качеству. Устроенные частными предпринимателями, заботящимися исключительно о своихъ выгодахъ, эти банки имѣютъ въ виду только обезпеченіе выданныхъ ими денегъ и исправное поступленіе барышей. Пусть землевладѣлецъ-заемщикъ беретъ ссуды на самыя безумныя траты, пусть онъ получаетъ при этомъ чуть не всю стоимость своего имѣнія, пусть

послѣднее придетъ въ полное запущеніе—банку до этого рѣшительно нѣтъ никакого дѣла, коль скоро продажею имѣнія можно выручить выданную ссуду; пусть имѣніе перейдетъ въ самыя хищническія руки, выжимающія и производительную силу земли, и все, что можно выжать изъ сосѣднихъ крестьянъ—банку опять до этого нѣтъ никакого дѣла. Кому бы ни продать имѣніе—лишь бы продать скорѣе и выгоднѣе; дать ссуду хоть далеко выше разумной потребности заемщика, да лишь бы при этомъ пустить въ выгодный оборотъ бóльшій капиталъ—вотъ принципъ частнаго банка. Разоряется землевладѣлецъ, обезцѣниваются имѣнія—но хозяева банковъ умѣютъ строить свою выгоду на этомъ самомъ разореніи. Пусть страна при этомъ теряетъ милліоны, но банки рады, что сами выигрываютъ здѣсь тысячи. Въ такихъ-то рукахъ находится теперь столь важный предметъ, какъ судьбы землевладѣнія. При помощи банковъ земли переходятъ въ руки всякаго рода кулаковъ. Тамъ—бывшее помѣщичье имѣніе оказывается въ рукахъ купца, вовсе не умѣющаго толкомъ вести сельское хозяйство и только хищнически выжимающаго изъ имѣнія всѣ соки; здѣсь—владѣльцемъ оказывается деревенскій кулакъ, промышляющій тѣмъ, что взялъ въ кабалу чуть не все окрестное крестьянское населеніе; тутъ—въ такой же роли выступаетъ еврей, купившій землю съ единственною цѣлью спекуляціи; а немного подалѣе скупаютъ земли колонисты, которые и безъ того уже по горло сыты землею. Посмотрите документы владѣнія у этихъ людей, и выйдетъ, что всѣ они купили земли *съ торговъ*, произведенныхъ *земельными банками*. Между тѣмъ, среди этихъ самыхъ имѣній нерѣдко живетъ множество вполнѣ обдѣленныхъ земледѣльцевъ, которые изъ-за недостатка земли легко даются въ кабалу всякимъ выжимателямъ. Можетъ ли государство вполнѣ безразлично относиться къ подобнымъ явленіямъ? Однако, какъ бы горячо оно ни относилось къ нимъ, оно не въ силахъ что-нибудь сдѣлать, оно ничѣмъ не можетъ помочь. Своихъ собственныхъ земель тутъ у него мало, а частные банки дѣйствуютъ въ предѣлахъ своего права, слѣдовательно, вмѣшательство тутъ невозможно. Остается только роль зрителя; приходится спокойно смотрѣть на тяжелое стѣсненіе дѣйствительныхъ производителей и на развитіе кулачества. Дѣлались попытки обращенія къ земельнымъ банкамъ съ предложеніемъ продавать назначенныя въ продажу имѣнія группамъ нуждающихся земледѣльцевъ; но изъ этихъ предложеній ничего не вышло, потому что зачѣмъ же банкамъ хлопотать даромъ, когда все равно можно выручить свои деньги продажею земли кулаку? А имѣй тутъ вліяніе государство, оно конечно могло бы давать землямъ лучшее назначеніе.

Для государства вовсе не безразлично—кто владѣетъ землею; оно нерѣдко нуждается въ землѣ для осуществленія тѣхъ или другихъ собственныхъ предпріятій, и въ будущемъ задачи его по этой части конечно только расширятся. (Вспомнимъ хоть переселенческій вопросъ). Торговля земельною собственностью, разумѣется, не то, что торговля ситцами или хлѣбомъ, и подчиненіе судебъ этой собственности государственнымъ соображеніямъ составляетъ вовсе не ничтожный интересъ, а извѣстную необходимость. Потому-то далеко не все равно—будутъ ли земли заложены государству, или же частнымъ банкамъ, смотрящимъ на нихъ только какъ на орудіе своихъ узко-коммерческихъ цѣлей. Частный банкъ сбудетъ землю первому встрѣчному, который предложитъ деньги, вовсе не заботясь о томъ—придется ли населенію солоно отъ новаго владѣльца, и какъ послѣдній будетъ хозяйничать, а государство можетъ здѣсь сообразоваться съ общими экономическими выгодами страны, пріобрѣтя новое сильное средство для осуществленія своихъ видовъ. Какими именно пріемами тутъ могло бы дѣйствовать государство—объ этомъ много распространяться здѣсь неудобно, но для примѣра укажемъ хоть на такой конкретный случай: землевладѣлецъ накопилъ огромную недоимку, и нѣтъ уже шансовъ ея погашенія, а слѣдовательно, и предотвращенія продажи имѣнія за долгъ; вмѣсто продажи съ торговъ, государственное учрежденіе продаетъ землю нуждающимся земледѣльцамъ за достаточную сумму, съ разсрочкою, причемъ и само не въ убыткѣ, и массу людей устраиваетъ, и кулачества не поощряетъ. Сколько теперь упускается подобныхъ благопріятныхъ случаевъ, а при государственномъ земельномъ кредитѣ могло бы быть совсѣмъ иначе.

Принявъ все это во вниманіе, нельзя сказать, чтобы государственный земельный кредитъ былъ совсѣмъ праздною затѣею. Дѣльнымъ, благоразумнымъ хозяевамъ онъ сможетъ существенно помочь уменьшеніемъ платежнаго процента, избавленіемъ отъ напрасной дани банковымъ предпринимателямъ. Положеніе безразсчетныхъ помѣщиковъ и расточителей останется то же, каково оно и теперь, не улучшившись и не ухудшившись. А государство пріобрѣтетъ новое вліяніе на будущность землевладѣнія, получитъ новое средство къ достиженію государственно-экономическихъ цѣлей, стало быть, въ итогѣ —все-таки плюсъ. Пусть нынѣшнія громкія привѣтствія идеи государственнаго кредита идутъ отчасти изъ источниковъ невысокаго достоинства, изъ грубой похоти займовъ и даже поползновеній на казенную благотворительность; но дѣло въ томъ, что къ той же идеѣ можно отнестись не отрицательно и въ силу болѣе серьезныхъ соображеній, во имя выгодъ совсѣмъ иного рода.

Перейдемъ теперь къ другой сторонѣ дѣла, къ болѣе близкимъ

послѣдствіямъ задуманнаго дѣла, именно къ возможнымъ условіямъ кредита. Ожидаютъ дешевизны кредита,—въ какой же именно степени эта дешевизна возможна?

Удешевленіе кредита можетъ имѣть два источника. Первымъ является сравнительное большее довѣріе публики къ правительственнымъ бумагамъ, чѣмъ къ частнымъ, отчего за правительственныя бумаги публика готова платить дороже, хотя бы онѣ приносили тотъ же доходъ, что и частныя. Другой источникъ—тотъ, что правительство, задавшись цѣлью удешевленія кредита помѣщикамъ, можетъ давать деньги взаймы лишь за такой процентъ, который покроетъ собственные платежи правительства его кредиторамъ, да издержки управленія, безъ полученія предпринимательскихъ барышей.

Насколько правительственныя бумаги оплачиваются дороже частныхъ—это видно изъ ежедневныхъ биржевыхъ бюллетеней. Возьмемъ для примѣра бюллетени петербургской биржи, относящіеся къ половинѣ мая: пятипроцентные билеты государственнаго банка стояли 96 за 100, а пятипроцентныя облигаціи восточныхъ займовъ 94 за 100; напротивъ, пятипроцентныя облигаціи городскихъ кредитныхъ обществъ, С.-Петербургскаго и Московскаго, а также закладные листы общества взаимнаго поземельнаго кредита (кредитные) оплачивались 83 и 85 за 100; такимъ образомъ, публика даетъ правительству деньги за $5^{1}/_{4}\%$, а частному кредитному обществу—за 6%. Закладные листы частныхъ земельныхъ банковъ, приносящіе 6 рублей годового дохода и имѣющіе надежнѣйшее обезпеченіе въ постоянно дорожающихъ земляхъ южной черноземной полосы Россіи, покупаются по 93 за 100, т.-е. здѣсь покупатель даетъ свой капиталъ подъ условіемъ полученія съ него $6^{1}/_{2}\%$. Покупая $5^{1}/_{2}\%$ закладной листъ Херсонскаго земскаго банка за 88, публика помѣщаетъ капиталъ слишкомъ за $6^{1}/_{4}\%$. Это бумаги въ кредитной валютѣ; но то же выходитъ и при обращеніи къ бумагамъ съ металлическою валютою: правительственная „консолидированная облигація желѣзныхъ дорогъ“, дающая дохода 5 рублей металлическихъ, стоитъ на биржѣ 140 рублей; металлическій закладной листъ Харьковскаго земельнаго банка—134 рубля, а листъ общества взаимнаго поземельнаго кредита—$139^{1}/_{2}$. И здѣсь правительственная бумага дороже частной; но если разница между цѣнами ихъ менѣе значительна, чѣмъ при сравненіи бумагъ кредитныхъ, то это объясняется лишь тѣмъ, что правительственная бумага тиражируется по 100 за 100, а при тиражѣ частной бумаги платится, вмѣсто 100 рублей, 125, то есть курсъ частной бумаги подымается еще игрою на тиражъ, которой въ отношеніи къ правительственной бумагѣ нѣтъ. И при всемъ томъ частная бумага съ приманкою тиражной премiи—дешевле правитель-

ственной—безъ этой приманки. Итакъ, публика охотно даетъ правительству деньги взаймы за $5^1/_4\%$, а отъ самыхъ солидныхъ частныхъ банковъ она требуетъ отъ 6% до $6^1/_2\%$; то есть разница въ процентѣ по правительственнымъ и частнымъ бумагамъ составляетъ отъ $^3/_4\%$ до $1^1/_4\%$. При подобной разницѣ возможность удешевленія кредита становится очевидною.

Частные банки изъ платежей заемщиковъ извлекаютъ еще для себя барыши, выражающіеся въ формѣ дивидендовъ, учредительскихъ премій и т.-п., а для этого они должны облагать заемщиковъ добавочнымъ платежемъ. Обратясь къ уставамъ земельныхъ банковъ, мы находимъ въ нихъ слѣдующій составъ повинностей заемщиковъ: взносъ 6% процентовъ, слѣдующихъ на уплату облигацій, взносъ $^1/_2\%$ на погашеніе капитала, уплата до $1^1/_2\%$ на составленіе запаснаго капитала, въ дивидендъ акціонерамъ и на расходы по управленію, да сверхъ того единовременный 1% сборъ при совершеніи займа. Если въ запасный капиталъ и пр. банки не всегда возьмутъ полностью дозволенные $1^1/_2\%$, то возьмутъ 1%, и тогда общая сумма однихъ постоянныхъ платежей заемщиковъ составитъ $7^1/_2\%$ въ годъ, на номинальную сумму займа, не считая единовременнаго взноса. Общество взаимнаго поземельнаго кредита беретъ: на уплату процентовъ по облигаціямъ 5%, на погашеніе $^5/_8\%$, на расходы управленія 1%, да сверхъ того, подобно другимъ земельнымъ банкамъ, однопроцентный единовременный платежъ, т.-е. здѣсь одни постоянные годовые платежи составляютъ $6^5/_8\%$; независимо отъ означенныхъ платежей, заемщикъ еще долженъ внести въ складочный капиталъ двадцатую часть суммы займа, что увеличиваетъ годовой платежъ на нарицательную сумму выдаваемыхъ закладныхъ листовъ до 7%.

Итакъ, при займахъ у частныхъ банковъ заемщикъ, во-первыхъ, долженъ оплачивать занятую сумму высшимъ процентомъ, вслѣдствіе того, что кредиторы самаго банка требуютъ отъ послѣдняго бóльшаго процента, чѣмъ отъ правительства; а во-вторыхъ, заемщики оплачиваютъ дивиденды и другіе банковые барыши, отъ которыхъ правительство можетъ отказаться, если имѣетъ въ виду только удешевить кредитъ, довольствуясь одною безубыточностью для себя кредитной операціи. Но для большей наглядности различія выгодъ государственнаго и частнаго кредита, сдѣлаемъ нѣсколько болѣе подробный разсчетъ. Положимъ, заемщикъ беретъ въ частномъ банкѣ ссуду въ 10.000 рублей. Прежде всего у него учтутъ единовременно одинъ процентъ, а по реализаціи закладныхъ листовъ на остальную сумму, 9,900 рублей, выручится всего 9,200 рублей. Получивъ эти деньги, заемщикъ обязанъ будетъ ежегодно платить на всю *номинальную* сумму займа $7^1/_2\%$, т.-е. 750 рублей. Платя 750 рублей за дѣйствительно полученные 9,100 рублей, заемщикъ въ сущности платитъ

$8^1/_4$%. Если заемщикъ возьметъ ту же ссуду у Общества взаимнаго поземельнаго кредита, то разсчетъ будетъ такой: у него учтутъ 1% единовременный и 5% въ складочный капиталъ, а по реализаціи закладныхъ листовъ на остальную сумму, 9,400 рублей, выручится 8,180 рублей (реализаціонный курсъ принимаемъ 87 за 100, такъ какъ $139^1/_2$ рублевая цѣна закладного листа соотвѣтствуетъ этому курсу, когда 100 руб. мет.=160 р. кред.). Получивъ эти деньги, заемщикъ обязанъ платить $6^5/_8$% на номинальную сумму займа, т.-е. 662 р. 50 коп. Платя же $662^1/_2$ за дѣйствительно полученные 8,180 рублей, заемщикъ въ сущности платитъ $8^1/_{10}$%, т.-е. почти то же, что при займѣ у мѣстнаго земельнаго банка. Въ государственномъ же кредитномъ учрежденіи номинальная сумма займа и дѣйствительно выданная заемщику сумма могутъ быть одинаковы, если платежъ будетъ установленъ въ $5^1/_2$% такъ какъ публика охотно даетъ правительству деньги за такой процентъ. За прибавленіемъ къ этому проценту $^1/_2$% погашенія, да около $^1/_2$% на расходы управленія—заемщику придется вносить всего на все около $6^1/_2$%. Такимъ образомъ, государственный кредитъ можетъ быть на $1^3/_4$% или на $1^1/_2$% дешевле частнаго. Вотъ на что могли бы разсчитывать помѣщики при успѣшномъ ходѣ задуманнаго дѣла. Конечно, подобная разница процентовъ — очень чувствительная выгода, но зато о большей и мечтать уже не слѣдуетъ. Отказаться отъ прибылей, взять на себя заботу объ интересахъ заемщиковъ—государство можетъ, но дѣлать еще пожертвованія, обращать кредитъ въ дѣло благотворительности, нѣтъ рѣшительно никакого резона. Между тѣмъ, понижая кредитъ далѣе $6^1/_2$%, неминуемо пришлось бы допускать пожертвованія, т.-е. благотворительность. Но казенный кредитъ—не богадельня.

Точно также нѣтъ никакого основанія мечтать о выкупѣ старыхъ помѣщичьихъ долговъ земельнымъ банкамъ для уменьшенія помѣщичьихъ платежей. На подобный выкупъ понадобилось бы разомъ болѣе 400 милліоновъ рублей, а гдѣ ихъ взять? Сверхъ того подобный выкупъ былъ бы возможенъ развѣ путемъ сдѣлокъ съ частными банками, которые, разумѣется, постоятъ за свое положеніе и потребуютъ чего-нибудь такого, что въ корнѣ подрубитъ самую возможность удешевленія кредита. А если бы правительство вздумало скупить всѣ закладные листы, чтобы сдѣлаться единственнымъ кредиторомъ помѣщиковъ, то эта скупка, во-первыхъ, подняла бы цѣну листовъ (что опять парализировало бы возможность удешевленія), а во-вторыхъ, даже въ случаѣ особеннаго успѣха, привела бы только къ весьма ограниченному пониженію платежей. Правительство, добывъ деньги для этой скупки за $5^1/_2$%, могло бы до подобнаго же уровня довести только ту часть помѣщичьихъ платежей, которая идетъ на удовлетвореніе владѣльцевъ облигацій; часть же, идущая

на дивиденды и т. п. по прежнему поступала бы въ банки, а не правительству, такъ какъ банки отъ нея не откажутся, хотя бы правительство осталось единственнымъ владѣльцемъ всѣхъ облигацій, замѣнивъ собою публику.

Въ итогѣ всего сказаннаго выходитъ, что устройство новаго кредита не чуждо государственнымъ интересамъ и можетъ быть для государства безубыточно, а заемщикамъ дѣйствительно обѣщаетъ нѣкоторое облегченіе платежей, сравнительно съ нынѣшнимъ ихъ уровнемъ,—именно пониженіе ихъ почти до $6^1/_2\%$. Затѣмъ остается еще одинъ серьезный вопросъ—въ какомъ именно размѣрѣ могло бы новое кредитное учрежденіе выдавать ссуды? есть ли основаніе полагать, что ихъ станутъ выдавать подобно частнымъ банкамъ въ размѣрѣ до 60% стоимости имѣнія? Намъ кажется, что подобнымъ надеждамъ не должно быть мѣста. Если государство принимаетъ на себя попеченіе о помѣщикахъ и соблюдаетъ экономическія выгоды страны, то оно не должно раскошеливаться больше, чѣмъ сколько можетъ понадобиться на дѣйствительно полезное употребленіе. Цѣль кредита—дать производителю оборотный капиталъ, поддержать производство, а на оборотный капиталъ достаточно 20%—25% стоимости имѣнія. Давать больше, значило бы прямо поощрять непроизводительныя траты, а такая трата капитала—прямой убытокъ страны. Правда, иные говорятъ, что землевладѣльцу нуженъ не одинъ только оборотный капиталъ, что онъ можетъ, напримѣръ, съ пользою прикупить себѣ кусокъ земли и т. п., и что все это *для заемщика* будетъ производительная трата. Но здѣсь, не говоря уже о томъ, что рядомъ съ немногими производительными затратами станетъ масса совсѣмъ противуположныхъ—слѣдуетъ спросить: совпадаетъ ли польза заемщика съ пользою государства, государственную ли задачу составляетъ подобное передвиженіе владѣній? Въ поддержаніи производства государство конечно заинтересовано, и потому выдача оборотнаго капитала не представляется лишнею, но въ переходѣ земли отъ Иванова къ Петрову государство заинтересовано столько же, какъ и въ обратномъ переходѣ отъ Петрова къ Иванову. Кто хочетъ поддержать только производство своего имѣнія, тотъ удовольствуется и ограниченною ссудою; а кому охота разоряться или дѣлать спекуляціи—пусть лучше идетъ себѣ къ частнымъ заимодавцамъ.

Вотъ что, по нашему мнѣнію, находится въ предѣлахъ возможнаго. Пусть и чающіе отъ кредита слишкомъ многаго—замѣнятъ свои широкія мечты соображеніями о возможномъ.

Ѳ. Воропоновъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое іюня, 1884.

Совершеннолѣтіе Государя Наслѣдника.—Правительственное сообщеніе о ходѣ занятій Кахановской коммиссіи.—Вопросъ о совмѣстительствѣ государственной службы съ веденіемъ дѣлъ частныхъ обществъ.—Первый отчетъ крестьянскаго поземельнаго банка.

Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ родился въ Царскомъ-Селѣ, 6-го мая 1868 года, и въ нынѣшнемъ году достигъ 16-лѣтняго возраста, установленнаго, въ концѣ прошедшаго вѣка, основными законами имперіи, для совершеннолѣтія Наслѣдника престола. Вся исторія восемнадцатаго вѣка, начиная со смерти Петра Великаго, вполнѣ объясняетъ какъ чрезвычайную важность для государства и общества такого закона, который обезпечивалъ бы странѣ въ будущемъ порядокъ престолонаслѣдія, такъ и то значеніе торжества, какимъ всегда сопровождались на нашей памяти такіе дни, какъ 22-ое апрѣля 1834 г., когда праздновалось въ первый разъ, на основаніи упомянутыхъ законовъ, совершеннолѣтіе императора Александра II (род. 17-го апрѣля 1818 г.); 8-е сентября 1859 г.—день совершеннолѣтія покойнаго Цесаревича, скончавшагося въ 1865 г.,—и наконецъ, 6-е мая. Въ этотъ день, по принесеніи Его Императорскимъ Высочествомъ, въ церкви Зимняго Дворца, установленной присяги на вѣрность службы Государю и Отечеству и по принятіи Имъ во внутреннихъ покояхъ и въ залахъ дворца поздравленій отъ представителей иностранныхъ державъ, депутаціи с.-петербургскаго дворянства, губернскихъ предводителей дворянства, находившихся въ Петербургѣ, членовъ государственнаго совѣта, министровъ, сенаторовъ, придворныхъ чиновъ, и чиновъ арміи и флота,—Государь Наслѣдникъ вступилъ въ фельдмаршальскую залу, гдѣ Его ожидали депутаціи отъ города Петербурга, петербургскаго биржевого купечества и гельсингфорсскаго университета.

„Министръ внутреннихъ дѣлъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Толстой, представилъ Государю Наслѣднику Цесаревичу петербургскаго городского голову, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Глазунова, находившагося во главѣ депутаціи отъ городской думы, съ хлѣбомъ-солью на серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ. При поднесеніи хлѣба-соли городской голова привѣтствовалъ Его Императорское Высочество отъ лица с.-петербургской городской думы и прочиталъ адресъ слѣдующаго содержанія:

«Ваше Императорское Высочество!

«С.-петербургская городская Дума вмѣняетъ себѣ въ особое счастіе быть выразительницею всеобщей радости столичнаго населенія въ знаменательный день вступленія Вашего Императорскаго Высочества въ совершеннолѣтіе.

«Мы глубоко вѣруемъ въ Божественный Промыслъ, Который сохранитъ драгоцѣнные дни Ваши, Государь, на утѣшеніе Августѣйшихъ Родителей Вашего Императорскаго Высочества и на славу горячо преданной своимъ Монархамъ Россіи.

«Желая ознаменовать настоящее радостное событіе дѣломъ благотворенія, городская Дума постановила: принять на свое попеченіе бѣднѣйшихъ сиротъ и безпріютныхъ дѣтей въ С.-Петербургѣ, назначая на это по двадцати-пяти тысячъ рублей ежегодно».

„По принятіи хлѣба-соли и прочтеніи адреса, Его Императорское Высочество въ милостивыхъ выраженіяхъ благодарилъ депутацію и при этомъ изволилъ сказать: „Мнѣ весьма пріятно, что петербургская городская Дума, учреждая дѣло призрѣнія безпріютныхъ дѣтей и сиротъ бѣдныхъ обывателей, связала такимъ образомъ дѣло благотворенія съ днемъ Моего совершеннолѣтія“.

„Послѣ этого городской голова представилъ Его Императорскому Высочеству каждаго депутата.

„Затѣмъ принесла поздравленіе Цесаревичу депутація отъ петербургскаго биржевого купечества. Кромѣ хлѣба-соли на серебряномъ вызолоченномъ блюдѣ, депутація представила Его Императорскому Высочеству привѣтственный адресъ, по прочтеніи котораго Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ въ милостивыхъ словахъ благодарилъ биржевую депутацію. Всѣ депутаты также были представлены Цесаревичу.

„За этою депутаціею приносила поздравленіе депутація отъ гельсингфорсскаго университета, которая привѣтствовала Его Императорское Высочество вѣрноподданническимъ адресомъ, составленнымъ на французскомъ языкѣ. Выслушавъ адресъ, Цесаревичъ благодарилъ депутатовъ и каждому изъ нихъ подалъ руку [1])“.

Въ тотъ же день Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ обратился

---

[1]) „Правит. Вѣстн.“ 12-го мая, 1884, № 105.

въ Москву съ слѣдующимъ рескриптомъ на имя московскаго генералъ-губернатора князя, В. А. Долгорукаго:

„Князь Владиміръ Андреевичъ. По благословенію Божію, достигнувъ совершеннолѣтія, Я имѣлъ счастіе исполнить священный долгъ присяги въ вѣрности Государю Императору, Моему Родителю и, въ лицѣ Его, возлюбленной Россіи. Желая въ столь важный для Меня день изъявить чувство искренней Моей привязанности къ нашей первопрестольной столицѣ,—прошу васъ препровождаемыя при семъ пятнадцать тысячъ рублей распредѣлить, по усмотрѣнію вашему, между жителями Москвы, которые наиболѣе нуждаются въ помощи. Молю Бога, да ниспошлетъ Мнѣ силы достойно приготовиться къ предстоящимъ Мнѣ обязанностямъ, чтобы, исполняя оныя, заслужить одобреніе Моего Государя Родителя и любовь драгоцѣннаго сердцу Моему Отечества.

„Пребываю къ вамъ всегда благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Высочества рукою написано:

„НИКОЛАЙ".

„Въ С.-Петербургѣ,
6-го мая 1884 года".

Послѣ продолжительной неизвѣстности и слуховъ, мы узнали, наконецъ, нѣчто болѣе положительное о состояніи дѣла въ такъ-называемой Кахановской коммиссіи и о ближайшемъ будущемъ его. Правительственное сообщеніе, обнародованное въ началѣ истекшаго мѣсяца, знакомитъ насъ, прежде всего, съ исторіей занятій коммиссіи. Вскорѣ послѣ учрежденія коммиссіи, она выдѣлила изъ своей среды особое совѣщаніе, которое уже лѣтомъ 1882 г., послѣ двадцати шести засѣданій, установило въ общихъ чертахъ предварительныя заключенія по всѣмъ вопросамъ, подлежавшимъ вѣдѣнію коммиссіи. Цѣлый годъ былъ употребленъ, затѣмъ, на пересмотръ этихъ предварительныхъ заключеній; полученные такимъ путемъ выводы были облечены въ форму отдѣльныхъ статей, къ которымъ лѣтомъ 1883 г. были составлены объяснительныя записки. Съ начала осени 1883 г. совѣщаніе приступило къ повѣркѣ изложенія самыхъ статей и объяснительныхъ записокъ, возвращаясь иногда къ новому обсужденію вопросовъ, „по замѣчаніямъ отдѣльныхъ членовъ, возбуждавшихъ нѣкоторыя существенныя сомнѣнія относительно многихъ принятыхъ ими первоначально основаній и предположеній". Въ настоящее время, „выводы совѣщанія заключаютъ въ себѣ какъ изложеніе

основныхъ положеній, согласно выразившимся въ средѣ совѣщанія мнѣніямъ, такъ и нѣкоторое развитіе этихъ положеній, *не составляя, однако, окончательно выработаннаго законопроекта.* И по существу, и по формѣ, сдѣланныя намѣтки требуютъ дальнѣйшей разработки и, главное, провѣрки со стороны практической ихъ примѣнимости; онѣ могутъ служить исходными началами для дальнѣйшаго обсужденія вопросовъ и *восполняютъ такимъ образомъ существовавшій недостатокъ общаго плана преобразованій*". Возобновленіе работы, съ участіемъ „мѣстныхъ дѣятелей", ожидается по истеченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ нынѣшняго года.

Результатомъ дѣятельности коммиссіи, со времени учрежденія которой прошло уже $2^1/_2$ года, являются, такимъ образомъ, *намѣтки,* требующія „дальнѣйшей разработки" и не составляющія „окончательно выработаннаго законопроекта". Чѣмъ объяснить такую медленность въ движеніи дѣла, которое было съ самаго начала признано настоятельно-необходимымъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, нужно обратиться, прежде всего, къ оффиціальнымъ даннымъ, обнародованнымъ два года тому назадъ. Въ апрѣлѣ 1882 г.—т.-е. еще до перемѣны въ управленіи министерствомъ внутреннихъ дѣлъ—предполагалось приступить сначала къ *предварительному* разсмотрѣнію намѣченныхъ программою вопросовъ, въ *усиленномъ составѣ* коммиссіи, а составленіе самыхъ законопроектовъ возложить, затѣмъ, на подкоммиссіи. Въ іюлѣ того же года, по окончаніи первой серіи засѣданій „Особаго совѣщанія", имѣлось въ виду подготовить къ осени рядъ предположеній, которыя и обсудить въ *полномъ составѣ* коммиссіи. Другими словами, уже осенью 1882 г. долженъ былъ начаться тотъ фазисъ дѣла, который дѣйствительно начнется лишь осенью 1884 г. Два года употреблены на вращеніе около одного и того же пункта, на повтореніе, одними и тѣми же силами, одной и той же работы. Ни *полный,* ни *усиленный* составъ коммиссіи до сихъ поръ не выступалъ еще на сцену; трудилось только „особое совѣщаніе", назначеніе котораго было, въ сущности, исполнено уже лѣтомъ 1882 г. Установлены имъ теперь, какъ и тогда, только предварительныя предположенія, только вѣхи, между которыми должна пройти дорога. Одна изъ причинъ, неблагопріятно повліявшихъ на ходъ дѣла, указана въ правительственномъ сообщеніи: это — *недостатокъ общаго плана преобразованій.* Говоря о задачахъ коммиссіи, вслѣдъ за ея учрежденіемъ [1]), мы тогда же указали на необходимость руководящихъ началъ, которыя могли бы сдѣлаться для административной реформы тѣмъ же самымъ, чѣмъ были для судебной

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 12 „Вѣстника Европы" за 1881 годъ.

реформы знаменитыя основныя положенія 1862 г. Въ програму занятій коммиссіи, утвержденную комитетомъ министровъ весною 1882 г., составленіе основныхъ положеній, къ сожалѣнію, включено не было; отъ самой коммиссіи зависѣло избрать тотъ или другой способъ къ достиженію цѣли. Одно время можно было думать, что она пойдетъ именно тѣмъ путемъ, который всего болѣе обезпечиваетъ успѣхъ предпріятія; „предварительное разсмотрѣніе вопросовъ", о которомъ шла рѣчь въ апрѣлѣ 1882 г., „обсужденіе предположеній", о которомъ говорилось въ іюлѣ—все это клонилось, повидимому, именно къ выработкѣ главныхъ основъ, предопредѣляющихъ характеръ преобразованія. На самомъ дѣлѣ случилось иначе. Особое совѣщаніе перешло отъ общихъ началъ къ подробностямъ; вмѣсто того, чтобы передать свои „предварительныя заключенія" коммиссіи, въ полномъ или усиленномъ ея составѣ, оно стало пересматривать ихъ и не только выражать свои выводы въ формѣ *отдѣльныхъ статей*, но и „повѣрять изложеніе" этихъ статей, т.-е. покрывать лакомъ еще не додѣланную мебель. Отсюда—нѣчто въ родѣ работы Данаидъ; за одной серіей засѣданій слѣдовала другая, потомъ третья,—а „намѣтки" все оставались „намѣтками"; преждевременный редакціонный трудъ смѣнялся возвращеніемъ къ существу вопросовъ, продолжавшихъ возбуждать сомнѣнія, особенно съ точки зрѣнія „практической примѣнимости" первоначальныхъ рѣшеній. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что „особое совѣщаніе" слишкомъ многое брало на себя, слишкомъ долго оставляло за собою задачу, разрѣшимую только при другихъ условіяхъ, при помощи другихъ пріемовъ? Весьма можетъ быть, впрочемъ, что задержка исходила не исключительно отъ особаго совѣщанія, что она была, по крайней мѣрѣ отчасти, послѣдствіемъ колебаній между *полнымъ* и *усиленнымъ* составомъ коммиссіи —другими словами, послѣдствіемъ сомнѣній по вопросу о призывѣ „свѣдущихъ людей" [1]). Какъ бы то ни было, дѣло переходитъ теперь въ тѣ руки, которымъ оно могло быть передано два года тому назадъ; содѣйствіе „мѣстныхъ дѣятелей, практически знакомыхъ съ дѣйствующимъ порядкомъ" оказалось, въ концѣ-концовъ, незамѣнимымъ и неустранимымъ. Примиримся съ мыслью о потерянномъ времени, въ силу правила: „лучше поздно, чѣмъ никогда", и посмотримъ, въ чемъ будетъ заключаться *усиленіе* состава коммиссіи.

По соглашенію между предсѣдателемъ коммиссіи и министромъ внутреннихъ дѣлъ, въ составъ коммиссіи приглашено пятнадцать

[1]) Подъ именемъ *полнаго* состава коммиссіи слѣдуетъ разумѣть общее присутствіе всѣхъ постоянныхъ, правительственныхъ ея членовъ, а подъ именемъ *усиленнаго* состава — то же присутствіе, дополненное „свѣдущими людьми" (см. Внутр. Обозр. въ № 8 Вѣстн. Европы за 1882 г., стр. 727).

лицъ изъ числа губернаторовъ, губернскихъ и уѣздныхъ предводителей дворянства и предсѣдателей губернскихъ и уѣздныхъ земскихъ управъ; въ этомъ составѣ коммиссія предстоитъ, по предварительномъ соображеніи работъ совѣщанія, приступить къ составленію законопроектовъ. Итакъ, послѣ трехлѣтняго почти перерыва мы опять встрѣчаемся, въ сферѣ законодательной дѣятельности, съ „свѣдущими людьми", о которыхъ такъ много говорилось и въ обществѣ, и въ печати осенью 1881 г. Между тогдашнимъ ихъ призывомъ и настоящимъ есть, однако, существенная разница. Не случайно, по всей вѣроятности, измѣнено самое ихъ имя, съ которымъ, въ эпоху „народной политики", соединялся довольно знаменательный эпитетъ (*земскіе* свѣдущіе люди). Теперь говорится лишь о „мѣстныхъ дѣятеляхъ" — и, что еще важнѣе, къ числу этихъ мѣстныхъ дѣятелей отнесены, наравнѣ съ предсѣдателями земскихъ управъ, не только предводители дворянства, но и *губернаторы*. Въ 1881 г. „свѣдущіе люди" разсматривались какъ представители общества, участіе которыхъ въ преобразовательной работѣ можетъ устранить или уменьшить неудобства, сопряженныя съ исключительнымъ господствомъ бюрократическаго элемента; ихъ устами должны были говорить различные слои и группы общества (припомнимъ, что между свѣдущими людьми были лица, не занимавшія никакихъ выборныхъ должностей; былъ даже одинъ крестьянинъ). Въ 1884 г. мѣстные дѣятели разсматриваются, очевидно, какъ практики, какъ дѣловые люди, какъ техники, знакомые съ недостатками чинимаго механизма; изучили ли они этотъ механизмъ въ качествѣ агентовъ администраціи или земства, въ качествѣ коронныхъ или выборныхъ должностныхъ лицъ —это признается совершенно безразличнымъ. Предсѣдатель земской управы, спрашиваемый на томъ же основаніи какъ и губернаторъ, является уже не довѣреннымъ лицомъ населенія, а просто спеціалистомъ по тѣмъ отраслямъ управленія, которыя ввѣрены земскимъ учрежденіямъ. Не лишено значенія, далѣе, самое число лицъ, „усиливающихъ" собою составъ коммиссіи. „Свѣдущихъ людей" (второго призыва) въ 1881 г. было *тридцать-два*; „мѣстныхъ дѣятелей" въ коммиссіи (включая и губернаторовъ) будетъ только *пятнадцать*. Насколько меньше становятся, вслѣдствіе того, шансы всесторонняго обсужденія вопросовъ, шансы приглашенія людей противоположныхъ направленій—это не требуетъ поясненія. Не говоримъ уже о недостаткахъ, одинаково свойственныхъ и тогдашней, и нынѣшней системѣ—недостаткахъ, обусловливаемыхъ отсутствіемъ избирательнаго начала; для насъ достаточно установить, что „приглашеніе" 1884 г. не можетъ быть поставлено на одинъ уровень даже съ „призывомъ"

1881 г., слабыя стороны котораго были подробно указаны нами въ свое время [1]).

Не такъ, однако, смотрятъ на дѣло нѣкоторые органы печати. „Совершенно ясно", восклицаетъ одинъ изъ нихъ, „что мѣстные дѣятели—это тѣ же свѣдущіе люди, но въ условіяхъ дѣятельности гораздо болѣе благопріятныхъ. Они не выдѣлены въ качествѣ какого-то придатка къ учрежденію правительственному, съ правомъ подавать мнѣнія, безъ увѣренности, что эти мнѣнія будутъ приняты въ уваженіе. Въ коммиссіи мѣстные дѣятели являются равноправными членами, наравнѣ съ представителями разныхъ вѣдомствъ; опираясь на свою опытность, на свое знаніе жизни, они могутъ здѣсь, при живомъ обмѣнѣ мнѣній, достигнуть большаго вліянія на все направленіе дѣла, какъ и на постановку различныхъ подробностей его... Люди дѣла, которые умѣютъ смотрѣть на вещи не предубѣжденными глазами, не подъ угломъ зрѣнія разныхъ предусмотрѣнныхъ институтовъ, положенныхъ по либеральному штату, оцѣнятъ всю важность и все утѣшительное значеніе этого извѣстія". Мы принадлежимъ, должно быть, къ числу людей недѣловыхъ и предубѣжденныхъ, потому что никакъ не можемъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ. Будутъ ли *всѣ* „мѣстные дѣятели" *равноправными* членами коммиссіи — равноправными не по имени только, а на самомъ дѣлѣ, — въ этомъ нельзя не усомниться, если вспомнить, что между „мѣстными дѣятелями" есть губернаторы, а къ числу постоянныхъ членовъ коммиссіи принадлежитъ прямой ихъ начальникъ (товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ). Отношеніе предводителей дворянства къ министерству внутреннихъ дѣлъ также во многомъ напоминаетъ отношеніе подчиненныхъ къ начальству. Допустимъ, однако, что равноправность, въ данномъ случаѣ, не будетъ пустымъ словомъ, что роль „мѣстныхъ дѣятелей" въ коммиссіи ничѣмъ не будетъ отличаться отъ роли остальныхъ ея членовъ. Степень вліянія первыхъ не будетъ еще этимъ предрѣшена; она будетъ зависѣть отъ свойства мнѣній, заявляемыхъ мѣстными дѣятелями, отъ силы и убѣдительности приводимыхъ ими мотивовъ, и еще больше — отъ того направленія, которое будетъ господствовать въ моментъ окончательнаго рѣшенія дѣла. Сидѣнье за однимъ столомъ облегчитъ, внѣшнимъ образомъ, обмѣнъ мыслей, ускоритъ, быть можетъ, движеніе работы — но больше о немъ сказать ничего нельзя, и видѣть въ немъ гарантію успѣха по меньшей мѣрѣ странно. Представимъ себѣ, съ одной стороны, собраніе „свѣдущихъ людей", довольно многочисленное, ничѣмъ не стѣсненное въ выраженіи своихъ взгля-

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 11 „Вѣстника Европы" за 1881 г.

довъ, авторитетное и по составу, и по способу избранія, соединяющее въ себѣ представителей всѣхъ главныхъ мнѣній по данному вопросу—и съ другой стороны, небольшую группу „мѣстныхъ дѣятелей", не удовлетворяющую ни одному изъ этихъ условій; представимъ себѣ, далѣе, что первые совѣщаются отдѣльно отъ административныхъ должностныхъ лицъ, а вторые входятъ въ составъ правительственной коммиссіи. Неужели одного послѣдняго обстоятельства достаточно для того, чтобы дать второму разряду свѣдущихъ людей преимущество передъ первымъ, чтобы привѣтствовать его, какъ шагъ впередъ, какъ болѣе „благопріятную" постановку дѣла? Мы придаемъ вопросу о мѣстномъ управленіи и самоуправленіи очень большую важность и отъ души желали бы вѣрить въ счастливое его разрѣшеніе—но основаній для такой вѣры въ настоящую минуту мы видимъ столь же мало, какъ и мѣсяцъ тому назадъ, до обнародованія правительственнаго сообщенія объ *усиленіи* состава Кахановской коммиссіи. Способствуетъ нашему маловѣрію и тайна, продолжающая покрывать сущность заключеній, къ которымъ пришло „особое совѣщаніе". Въ одномъ изъ первыхъ правительственныхъ сообщеній, относившихся къ дѣятельности коммиссіи (апрѣль 1882 г.), обѣщано было *своевременное* оглашеніе ея работъ, *соотвѣтствующее положенію* ихъ и *свойству*. Обѣщаніе это до сихъ поръ остается неисполненнымъ. Будутъ ли появляться въ печати, по мѣрѣ ихъ подписанія, журналы засѣданій коммиссіи въ *усиленномъ* ея составѣ—этого мы не знаемъ. Неужели и въ этомъ отношеніи приглашеніе „мѣстныхъ дѣятелей" заставитъ вспомнить съ сожалѣніемъ о призывѣ „свѣдущихъ людей", занятіямъ которыхъ (зимою 1881—82 г.) была дана довольно широкая гласность?

Очень много толковъ возбуждалъ, въ послѣднее время, вопросъ о совмѣстительствѣ государственной службы съ частною. Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, оффиціальныхъ свѣденій о разрѣшеніи его еще не появлялось. Судя по слухамъ, оно не пойдетъ, по крайней мѣрѣ на первое время, дальше полу-мѣры. Несовмѣстными съ званіемъ члена правленія въ желѣзно-дорожномъ обществѣ или въ частномъ банкѣ предполагается признать—если вѣрить газетамъ—только высшія государственныя должности: членовъ государственнаго совѣта, сенаторовъ, товарищей министра, статсъ-секретарей. Наше мнѣніе по спорному вопросу заявлено уже давно; говоря, въ апрѣлѣ прошлаго года, о проектѣ общаго желѣзно-дорожнаго устава, мы высказались за *безусловное* запрещеніе *всѣмъ* должностнымъ лицамъ, занимающимъ на государственной службѣ мѣста не

ниже четвертаго или пятаго класса, участвовать въ управленіи дѣлами *всѣхъ* безъ различія акціонерныхъ обществъ [1]). Этого мнѣнія мы держимся и теперь. Мы не видимъ, во-первыхъ, никакой причины, по которой запрещаемое по отношенію къ желѣзно-дорожнымъ обществамъ и частнымъ банкамъ могло бы быть дозволено по отношенію къ остальнымъ акціонернымъ обществамъ. Правда, частные банки и въ особенности желѣзно-дорожныя общества чаще всего нуждаются въ государственной поддержкѣ, чаще всего приходятъ въ соприкосновеніе съ правительственною властью; но другія общества отличаются отъ нихъ, съ этой точки зрѣнія, только количественно, а не качественно. Директоромъ акціонернаго завода, питающагося правительственными заказами, директоромъ пароходнаго общества, получающаго субсидію отъ казны, вліятельный чиновникъ не долженъ быть по тѣмъ же самымъ соображеніямъ, по которымъ для него слѣдуетъ закрыть доступъ въ правленіе желѣзно-дорожнаго общества. Общество, сегодня ни прямо, ни косвенно не пользующееся правительственными дарами, завтра можетъ почувствовать въ нихъ потребность; общество, разсчитывающее исключительно на собственныя средства, можетъ нуждаться въ содѣйствіи того или другого вѣдомства для измѣненія устава, для распространенія круга дѣйствій и операцій. Другими словами, нѣтъ такого акціонернаго общества, которое сознавало бы себя совершенно независимымъ отъ администраціи—нѣтъ, слѣдовательно, такого акціонернаго общества, дѣлами котораго безъ неудобства могли бы завѣдывать высокопоставленныя должностныя лица. Столь же ясно для насъ, во-вторыхъ, и то, что высокопоставленными должностными лицами, съ занимающей насъ теперь точки зрѣнія, слѣдуетъ считать не только тѣхъ, которыя занимаютъ самыя верхнія ступени іерархической лѣстницы. Не нужно непосредственно участвовать въ *рѣшеніи* дѣла, чтобы имѣть вліяніе на исходъ его; для этого достаточно близости къ рѣшителямъ, достаточно активной роли въ той подготовкѣ, которою часто обусловливается рѣшеніе — достаточно, наконецъ, и такого служебнаго положенія, которое обезпечиваетъ доступъ въ „сферы" и растворяетъ настежъ многія двери. Директоры и вице-директоры департаментовъ, оберъ-прокуроры съ ихъ товарищами, члены министерскихъ совѣтовъ, предсѣдатели и члены общихъ судебныхъ мѣстъ подходятъ подъ то или другое изъ этихъ условій, а слѣдовательно и подъ запрещеніе совмѣстительства. Намъ могутъ замѣтить, что мы спускаемся не довольно низко, что реальная сила сосредоточи-

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 4 „Вѣстника Европы" за 1888 г., стр. 810—811, а также въ № 7, стр. 366.

вается весьма часто въ рукахъ „маленькихъ людей"; но здѣсь, какъ намъ кажется, слѣдуетъ имѣть въ виду одно весьма существенное обстоятельство. Мелкій, сравнительно, чиновникъ безспорно можетъ повліять на дѣло, *но только въ предѣлахъ своего вѣдомства*; для административнаго магната такой границы не существуетъ. *Спеціальное* запрещеніе совмѣстительства можно, поэтому, распространить и на низшихъ правительственныхъ агентовъ; можно, напримѣръ, принять за правило, какъ это сдѣлано въ проектѣ желѣзно-дорожнаго устава, чтобы директорами желѣзно-дорожныхъ обществъ не могли быть чиновники министерства путей сообщенія, министерства финансовъ и государственнаго контроля, независимо отъ класса занимаемой ими должности; но *общее* запрещеніе необходимо только для тѣхъ служебныхъ ступеней, на которыхъ начинается превращеніе чиновника въ сановника.

Переходя отъ подробностей къ общему характеру предполагаемой мѣры, остановимся на главныхъ возраженіяхъ, которыя она вызываетъ. Объ одномъ изъ нихъ—ограниченіи *свободы и правъ акціонерныхъ собраній*—мы имѣли уже случай говорить въ другомъ мѣстѣ [1]); напомнимъ только, что изъ-за этой такъ-называемой свободы нельзя поступиться ни однимъ сколько-нибудь серьезнымъ государственнымъ интересомъ. Говорятъ, далѣе, что управленіе дѣлами акціонерныхъ обществъ—такой же законный способъ употребленія служебнаго досуга, какъ и чтеніе, разговоры, игра на фортепіано или въ карты; что правительство не имѣетъ основанія контролировать и стѣснять частныя занятія должностного лица, пока они не мѣшаютъ ему хорошо исполнять свои служебныя обязанности; что выборъ должностныхъ лицъ въ члены правленій акціонерныхъ обществъ способствуетъ поднятію уровня правленій и предупреждаетъ переходъ акціонерныхъ предпріятій въ руки людей мало способныхъ и мало достойныхъ; что если администрація безсильна устоять противъ вліянія чиновниковъ—директоровъ, то столь же безсильной она окажется и противъ вліянія директоровъ—частныхъ лицъ; что запрещеніе совмѣстительства—мѣра чисто палліативная, послѣ принятія которой все останется по старому. Замѣтимъ, прежде всего, что закрытіе должностнымъ лицамъ доступа въ правленія акціонерныхъ обществъ вовсе не представляется какимъ-то неслыханнымъ, небывалымъ вторженіемъ въ сферу частной дѣятельности служащихъ. И теперь существуютъ профессіи, несовмѣстимыя съ государственной службой; назовемъ, для примѣра, профессію адвокатскую. Когда судебные уставы запретили принимать въ сословіе присяжныхъ повѣренныхъ всѣхъ состоящихъ

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 8 „Вѣстн. Евр." за 1883 г. стр. 805—6.

на государственной службѣ, никому не пришло въ голову вопіять о несправедливости такого запрещенія, ничѣмъ, въ сущности, не отличающагося отъ проектируемаго нынѣ. Объясняется это тѣмъ, что присяжная адвокатура была учрежденіемъ новымъ, въ которомъ чиновный міръ не успѣлъ еще свить себѣ прочнаго гнѣзда; судебные уставы предупредили нарожденіе порядковъ, которые теперь, въ другой сферѣ, предстоитъ уничтожить. Отстранить чиновниковъ отъ адвокатской дѣятельности законодатель счелъ нужнымъ, безъ сомнѣнія, не потому, что она отвлекала бы ихъ отъ служебныхъ занятій; чиновникъ обязанъ передъ государствомъ только извѣстнымъ количествомъ труда, по отбытіи котораго онъ можетъ ничего не дѣлать или дѣлать что ему угодно. Еще менѣе, вѣроятно, имѣлась въ виду опасность пренебреженія адвокатурой изъ-за службы. Мотивомъ закона очевидно было убѣжденіе, что между обязанностями чиновника и обязанностями адвоката слишкомъ возможно столкновеніе, что соединеніе тѣхъ и другихъ въ одномъ лицѣ слишкомъ легко можетъ сдѣлаться источникомъ злоупотребленій. Между тѣмъ, директоръ акціонернаго общества — постоянный за него ходатай, естественный адвокатъ его интересовъ. Всѣ соображенія, говорящія противъ чиновниковъ-адвокатовъ, примѣнимы въ гораздо большей еще степени къ чиновникамъ-распорядителямъ акціонерныхъ предпріятій. Адвокатъ, въ большинствѣ случаевъ, имѣетъ дѣло съ судебною коллегіей, дѣйствующей открыто, на точномъ основаніи закона и подъ самымъ строгимъ контролемъ; директора правленія всего чаще обращаются къ единоличной административной власти, дѣйствующей по усмотрѣнію и негласно. Адвокатъ не имѣетъ въ своемъ распоряженіи той силы, которою располагаетъ директоръ правленія—силы предпріятія, иногда громаднаго по своимъ размѣрамъ и могущественнаго по своему значенію для той или другой стороны общественной жизни. Прибавьте къ этой силѣ еще вліятельное служебное положеніе—и нарушеніе равновѣсія становится почти неизбѣжнымъ. Какъ часто и какъ рѣзко равновѣсіе нарушалось на самомъ дѣлѣ—объ этомъ говорить подробно еще не время; не даромъ, во всякомъ случаѣ, сложилось широко распространенное предубѣжденіе противъ совмѣстительства. Мы ссылались уже однажды на исторію с.-петербургскаго общества взаимнаго кредита, въ эпоху тѣсной его связи съ государственнымъ банкомъ—ссылались на нее потому, что она можетъ быть подтверждена оффиціальными данными, почерпнутыми изъ недавняго уголовнаго процесса. Само собою разумѣется, что она далеко не единственная въ своемъ родѣ.

Понизится ли уровень акціонернаго міра, если между распорядителями его не будетъ больше высокопоставленныхъ, должностныхъ

лицъ? Намъ случалось иногда слышать утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ—но въ основаніи такого отвѣта лежитъ явный анахронизмъ. Лѣтъ сорокъ, пятьдесятъ тому назадъ, когда у насъ только что начинали появляться акціонерныя общества, огромное большинство образованныхъ людей не знало другой карьеры, кромѣ служебной. Весьма можетъ быть, что въ то время запрещеніе совмѣстительства повлекло бы за собою большія затрудненія для акціонерныхъ обществъ; внѣ бюрократической сферы имъ негдѣ было бы искать тѣхъ людей пера, тѣхъ дѣльцовъ-юристовъ, въ которыхъ они нуждались. Теперь положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось; образованіе перестало быть монополіей небольшого кружка, государственная служба перестала притягивать къ себѣ всѣ интеллигентныя силы. На каждую вакансію, очистившуюся вслѣдствіе запрещенія совмѣстительства, найдется множество кандидатовъ, достаточно способныхъ и подготовленныхъ къ дѣлу. Такъ ли хорошо, притомъ, дѣйствовали до сихъ поръ правленія акціонерныхъ обществъ, чтобы можно было опасаться перемѣны въ ихъ составѣ? Акціонерные порядки давно стали у насъ притчей во языцѣхъ. Полнѣйшее пренебреженіе къ интересамъ акціонеровъ или охраненіе ихъ per fas et nefas, въ ущербъ казнѣ, публикѣ, народу—вотъ тѣ два типа, къ которымъ всего чаще приближается дѣятельность акціонерныхъ компаній. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что одна изъ причинъ такого положенія дѣлъ заключается именно въ обычномъ составѣ правленій. Если коллегіальность сплошь и рядомъ является въ нихъ мертвой буквой, если орудуетъ предпріятіемъ, бо́льшею частью, одинъ распорядитель, а должность остальныхъ директоровъ всего больше похожа на синекуру, то это зависитъ, между прочимъ, именно отъ того, что въ члены правленія избирается множество должностныхъ лицъ, не имѣющихъ ни времени, ни охоты, ни умѣнья управлять дѣлами общества. Вмѣсто труда ежедневнаго, усидчиваго и производительнаго, они даютъ обществамъ свое имя, свое вліяніе, свою протекцію. Нѣчто подобное существуетъ, какъ извѣстно, и въ другихъ государствахъ. Въ Англіи, напримѣръ, завѣтныя буквы M. P. (member of parliament), поставленныя послѣ имени директора правленія, служатъ приманкою для акціонеровъ. Во Франціи общественное мнѣніе возстаетъ противъ участія депутатовъ въ правленіяхъ желѣзнодорожныхъ обществъ. У насъ, вслѣдствіе особенностей нашего государственнаго и общественнаго строя, неудобства совмѣстительства болѣе замѣтны, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и запрещеніе его болѣе чѣмъ гдѣ-либо необходимо. Большой ошибкой было бы, конечно, ожидать отъ него необыкновенно важныхъ послѣдствій, внезапнаго и полнаго оздоровленія административныхъ и акціонерныхъ сферъ; но къ законодательной дѣятельности непримѣ-

нимъ девизъ: *все—или ничего*. Устранить хоть одинъ источникъ злоупотребленій—такое дѣло, надъ которымъ стоитъ потрудиться. Еслибы подозрѣнія, внушаемыя совмѣстительствомъ, были даже совершенно лишены основанія, уничтожить всякій къ нимъ поводъ было бы все-таки весьма желательно, въ силу извѣстнаго афоризма о женѣ Цезаря. Акціонерныя общества, оставаясь въ законной своей сферѣ, отлично обойдутся безъ помощи чиновниковъ— а бюрократическій міръ перестанетъ навлекать на себя упрекъ, не мало вредящій его авторитету.

На дняхъ исполнился годъ со времени открытія дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка. Въ это короткое время ему удалось сдѣлать сравнительно немало и занять выдающееся мѣсто въ ряду нашихъ государственныхъ учрежденій. Чрезвычайно характеристичными представляются уже слѣдующія цифры: въ первые четыре мѣсяца дѣятельности банка имъ было разрѣшено *двадцать девять*, въ слѣдующіе затѣмъ четыре мѣсяца — *двѣсти*, въ послѣднюю треть года—уже *двѣсти восемьдесятъ четыре* ссуды. Общая цифра ссудъ, разрѣшенныхъ въ теченіе года, составляетъ болѣе 6½ милліоновъ рублей, т.-е. превышаетъ на 1½ милліона сумму, намѣченную, примѣрно, уставомъ банка. Пріобрѣтено въ собственность съ помощью банка, въ продолженіе одного года, 132,097 десятинъ земли, 21,542 домохозяевами, въ семействахъ которыхъ числится 64,151 душа мужескаго пола. Необходимо замѣтить, что громадное большинство ссудъ, разрѣшенныхъ по 1-е мая (503 изъ 515), приходится на тѣ одиннадцать губерній, въ которыхъ отдѣленія банка были открыты еще въ 1883 г.; къ концу нынѣшняго года, когда успѣетъ развиться дѣятельность вновь открытыхъ и предполагаемыхъ къ открытію отдѣленій, размѣры ссудъ должны значительно возрасти, если только нормальный ходъ дѣла не будетъ задержанъ искусственными мѣрами. Есть, однако, нѣчто гораздо болѣе важное, чѣмъ количество ссудъ: это—способъ ихъ назначенія и распредѣленіе ихъ между различными категоріями заемщиковъ. Отчетъ банка за 1883 г. даетъ намъ возможность составить себѣ довольно ясное понятіе и о томъ, и о другомъ. Намъ было извѣстно уже раньше, изъ краткой вѣдомости, распубликованной банкомъ, что изъ числа 229 ссудъ, разрѣшенныхъ по 1-е января 1884, на долю сельскихъ обществъ приходилось 55, на долю товариществъ—124, на долю отдѣльныхъ крестьянъ—50; но мы не знали, сколько именно выдано въ ссуду каждому изъ этихъ разрядовъ, и сколько каждымъ изъ нихъ пріобрѣтено земли. Теперь оказывается, что первое мѣсто, и въ томъ, и въ другомъ отноше-

нія, занимають сельскія общества; ими куплена 31,931 десятина (изъ 60,528, т.-е. немного болѣе половины) и получено въ ссуду 1.544,154 рубля (изъ 2.817,579 руб., т.-е. около 54³/₄%). За ними слѣдують товарищества, купившія 28.854 десятины и получившія въ ссуду 1.258,188 руб.; послѣднее мѣсто принадлежитъ отдѣльнымъ крестьянамъ, купившимъ 283 десятины и получившимъ въ ссуду 15,237 р. Нельзя не пожелать, чтобы роль покупокъ, совершаемыхъ отдѣльными крестьянами, осталась и на будущее время столь же незначительною. Распространеніе круга дѣйствій крестьянскаго банка на отдѣльныхъ крестьянъ, безъ различія между мѣстностями общиннаго и подворнаго владѣнія и безъ оговорки относительно безземелья или малоземелья покупателей, всегда казалось намъ слабою стороною положенія о крестьянскомъ банкѣ [1]); данныя, заключающіяся въ отчетѣ банка, убѣждаютъ насъ еще больше въ правильности нашего взгляда. При покупкахъ, совершаемыхъ сельскими обществами, цифра доплаты изъ собственныхъ средствъ покупателей относилась къ цифрѣ банковой ссуды какъ 1 : 9²/₅; при покупкахъ, совершаемыхъ товариществами—какъ 1 : 7; при покупкахъ, совершаемыхъ отдѣльными крестьянами—какъ 1 : 0,97. Другими словами, отдѣльные крестьяне доплачиваютъ изъ своихъ собственныхъ средствъ нѣсколько больше, чѣмъ получаютъ въ ссуду отъ банка, между тѣмъ какъ при покупкѣ товариществами доплата составляетъ около одной седьмой, при покупкѣ сельскими обществами—около одной десятой части ссуды. Объясняется это, отчасти, бо́льшею стоимостью земли при покупкѣ небольшими участками [2]), но отчасти и большею состоятельностью покупщиковъ—отдѣльныхъ крестьянъ, сравнительно съ покупщиками—товариществами и обществами. Крестьянскій банкъ —учрежденіе, призванное помогать *нуждающимся* крестьянамъ; чѣмъ значительнѣе собственныя средства покупщиковъ, тѣмъ менѣе цѣлесообразна, слѣдовательно, помощь, оказываемая имъ банкомъ. Покупка земли отдѣльными крестьянами при помощи банка совершается, правда, преимущественно въ губерніяхъ съ преобладающимъ подворнымъ владѣніемъ, но начинаетъ встрѣчаться и въ губерніяхъ общиннаго владѣнія, напр., въ тверской. Отношеніе банка къ покупкамъ этого рода имѣетъ, въ нашихъ глазахъ, особенно серьёзное значеніе; онъ не можетъ предупредить ихъ вовсе, разъ что онѣ разрѣшены уставомъ, но отъ него зависитъ уменьшить или увеличить ихъ число, болѣе или менѣе снисходительною повѣркою

---

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе въ № 7 „Вѣстника Европы“ за 1882 г.

[2]) Средняя цѣна десятины, купленной, съ помощью банка, сельскими обществами—54 руб. 42 коп., товариществами — 49 руб. 90 коп., отдѣльными крестьянами—109 руб. 1 коп.

условій, которыми онѣ обставлены. Есть основаніе предполагать, что излишнею снисходительностью управленіе банкомъ грѣшить, въ этомъ отношеніи, не будетъ. Въ утвержденіи двухъ сдѣлокъ, какъ видно изъ отчета, было отказано на томъ основаніи, что покупщики владѣютъ уже такимъ количествомъ земли, обрабатывать которое силами своихъ семей не могутъ, а при обработкѣ покупаемой земли наемнымъ трудомъ доходность ея не была бы достаточнымъ обезпеченіемъ ссуды. Отказъ въ ссудѣ, такимъ образомъ мотивированный, гораздо важнѣе, чѣмъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Онъ свидѣтельствуетъ, во первыхъ, о томъ, что банкъ старается привести въ извѣстность положеніе лица, желающаго получить ссуду, т.-е. принимаетъ во вниманіе, между прочимъ, степень потребности его въ землѣ, о пріобрѣтеніи которой идетъ дѣло; онъ доказываетъ, во-вторыхъ, что банкъ не намѣренъ поощрять сосредоточеніе въ однихъ рукахъ такого количества земли, которое превышало бы рабочую силу семейства и могло бы сдѣлаться не подспорьемъ для труженика, а источникомъ наживы.

Столь же правильно разрѣшенъ управленіемъ банка другой вопросъ, возникшій при выдачѣ ссудъ товариществамъ. Покупку земли товариществами, съ помощью банка, первоначально предполагалось допускать только въ случаѣ выселенія части сельскаго общества на покупаемую землю; разрѣшивъ ее безусловно, дѣйствующій уставъ создалъ ту же самую опасность, какую представляетъ покупка земли отдѣльными крестьянами. Степень опасности, какъ мы сейчасъ увидимъ, здѣсь еще бо̀льшая; сообразно съ этимъ растетъ и важность противодѣйствія ей со стороны управленія банкомъ. Для того, чтобы покупка земли товариществами сдѣлалась средствомъ къ обходу закона, къ обогащенію немногихъ, къ переходу земель въ руки кулаковъ или міроѣдовъ, достаточно было допустить выдачу ссуды по числу душъ или домохозяевъ, входящихъ въ составъ товарищества, *независимо отъ распредѣленія покупаемой земли между отдѣльными товарищами*. Зажиточный крестьянинъ, набравъ десятка два или три бѣдныхъ односельцевъ, могъ бы купить такимъ образомъ, съ содѣйствіемъ казны, имѣніе въ 10—15 тысячъ рублей и сохранить его за собою почти цѣликомъ, выдѣливъ изъ него своимъ товарищамъ крошечные, минимальные участки. Благодаря Совѣту банка, эта комбинація, по крайней мѣрѣ въ простѣйшемъ своемъ видѣ, сдѣлалась немыслимой. Совѣтъ призналъ, что хотя неравенство товарищескихъ долей, ничѣмъ не ограниченное, и не предусмотрѣно буквою положенія о крестьянскомъ банкѣ, но оно представляется несогласнымъ съ основною мыслью положенія, и потому допускаемо быть не можетъ. Назначается ли ссуда по числу душъ или по числу

домохозяевъ—во всякомъ случаѣ она не должна служить пособіемъ къ покупкѣ отдѣльнымъ товарищемъ земли въ размѣрѣ высшемъ противъ установленной нормы (125 руб. на душу или 500 руб. на домохозяйство). Другими словами, цифра ссуды соразмѣряется не съ общимъ числомъ душъ или домохозяевъ, а съ величиною доли каждаго отдѣльнаго товарища; если кто-либо изъ товарищей покупаетъ больше земли, чѣмъ приходится на его часть по нормальному разсчету, то весь излишекъ цѣны долженъ быть покрытъ изъ собственныхъ средствъ его. Правда, ничто не мѣшаетъ, повидимому, одному изъ товарищей пріобрѣсти, впослѣдствіи времени, доли остальныхъ товарищей и сдѣлаться единственнымъ обладателемъ земли, купленной товариществомъ съ помощью банка; но это является уже результатомъ неполноты устава, устраненіе которой (безусловно, по нашему мнѣнію, необходимое) возможно лишь въ законодательномъ порядкѣ. Совѣтъ банка сдѣлалъ все зависящее собственно отъ него, чтобы остаться вѣрнымъ духу и цѣли закона.

Безземелье и малоземелье—вотъ то зло, къ борьбѣ съ которымъ былъ предназначенъ крестьянскій банкъ. Перемѣны, которымъ подвергся первоначальный проектъ устава банка, затруднили эту борьбу, но не сдѣлали ее невозможной. Свѣденія о покупщикахъ земли, собранныя управленіемъ банка, не отличаются еще безусловною полнотою, но господствующее побужденіе къ покупкѣ обнаруживается ими довольно ясно: это—именно недостатокъ земли, скудость земельнаго надѣла. Купленная съ помощью банка (по 1-е января 1884 г.) земля распредѣляется между 26,936 душами. О пространствѣ прежняго владѣнія 8,208 душъ свѣденій не имѣется; но изъ числа остальныхъ 18,728 душъ, у 10,392 (около 55½%) было до покупки менѣе 1½ десятины на душу. Среднимъ числомъ куплено на душу около 2¼ дес. —слѣдовательно, результатомъ покупки было для весьма многихъ увеличеніе землевладѣнія въ 2— 2½ раза. Весьма благопріятными могутъ быть названы и свѣденія, сообщаемыя отчетомъ относительно мѣста нахожденія купленной земли. Особенную важность представляетъ для крестьянъ, въ большинствѣ случаевъ, покупка земли, смежной съ ихъ надѣломъ, какъ вслѣдствіе удобствъ, вытекающихъ изъ близости земли, такъ и вслѣдствіе притѣсненій—столь обычныхъ при недостаточности надѣла—со стороны сосѣднихъ владѣльцевъ. Оказывается, что 17,247 душъ (изъ 24,873, такъ какъ относительно 2,063 данныхъ по этому предмету не собрано) купили именно участки земли, смежные съ прежнимъ ихъ владѣніемъ; 1811 душъ, сверхъ того, купили участки, отстоящіе отъ прежняго ихъ владѣнія не далѣе одной версты. Между покупками, не подходящими подъ эти условія, есть такія, которыя имѣютъ цѣнность дру-

гого рода—покупки, совершенныя съ цѣлью выселенія или разселенія. 1,429 душъ купили землю въ чужихъ уѣздахъ, 406—въ чужихъ губерніяхъ. Встрѣчаются случаи выселенія и въ предѣлахъ одного и того же уѣзда; такъ, напримѣръ, одно сельское общество Константиноградскаго уѣзда (полтавской губерніи) купило у частнаго лица 3,845 десятинъ земли, въ томъ же уѣздѣ, но въ двадцатипятиверстномъ разстояніи отъ селенія, и постановило приговоромъ выселить туда 1,000 душъ (изъ числа 3,117).

Въ отчетѣ банка мы не нашли одной категоріи свѣденій, имѣющихъ, въ нашихъ глазахъ, довольно большую важность: свѣденій о *званіи* землевладѣльцевъ, отъ которыхъ пріобрѣтена земля съ помощью банка. Не говоря уже о значеніи этихъ свѣденій для исторіи переворота, совершающагося въ распредѣленіи поземельной собственности, они должны разъяснить еще одинъ серьезный вопросъ: всегда ли помощь банка направлена къ расширенію *крестьянскаго* землевладѣнія, или она содѣйствуетъ иногда простой перетасовкѣ земель, уже крестьянскихъ, т.-е. переходу земли отъ одного крестьянина къ другому. Намъ кажется, что содѣйствовать сдѣлкамъ послѣдняго рода банку не представляется достаточнаго основанія, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда изъ рукъ отдѣльнаго крестьянина земля должна перейти въ руки сельскаго общества. Владѣетъ ли землею крестьянинъ А или крестьянинъ Б — это для государства совершенно безразлично. Правда, безъ банковой ссуды покупателемъ земли, продаваемой крестьяниномъ, легче можетъ сдѣлаться лицо другого, некрестьянскаго сословія; но случаи покупки небольшого земельнаго участка не-крестьяниномъ такъ рѣдки, что въ особенной заботливости о предупрежденіи ихъ едва-ли предстоитъ надобность. Въ одной изъ петербургскихъ газетъ напечатана была недавно корреспонденція изъ курской губерніи, сообщавшая о затрудненіяхъ, встрѣченныхъ курскимъ (только-что открытымъ) отдѣленіемъ банка въ утвержденіи сдѣлокъ по покупкѣ земли отъ крестьянъ-собственниковъ (такъ-называемыхъ четвертныхъ владѣльцевъ). Отсюда можно было бы заключить, что обсуждаемый нами вопросъ разрѣшается банкомъ именно въ томъ смыслѣ, какой кажется намъ наиболѣе правильнымъ. На самомъ дѣлѣ, однако, оказывается иное. Въ №№ 1 и 2 „Земскаго Обзора" (еженедѣльной газеты, издаваемой полтавскимъ губернскимъ земствомъ) мы встрѣтили подробныя свѣденія о земляхъ, пріобрѣтенныхъ при содѣйствіи крестьянскаго банка въ полтавской губерніи за декабрь прошедшаго и январь нынѣшняго года. Всѣхъ сдѣлокъ совершено 41; продавцами были въ 23 случаяхъ дворяне, офицеры, чиновники, потомственные почетные граждане, купцы и лица духовнаго званія, въ 3-хъ случаяхъ—кре-

стьяне, въ 15-ти случаяхъ—казаки, которые, какъ извѣстно, ничѣмъ не отличаются отъ крестьянъ (на этомъ именно основаніи совѣтъ банка совершенно правильно отнесъ ихъ къ числу лицъ, могущихъ получать ссуды изъ банка). Пріобрѣтателями земли отъ казаковъ и крестьянъ были 9 товариществъ и 9 отдѣльныхъ лицъ; сельскихъ обществъ между ними не было вовсе. Мы думаемъ, что правильнѣе было бы либо прекратить, за однимъ только указаннымъ нами исключеніемъ, выдачу крестьянскимъ банкомъ ссудъ на покупку земли у крестьянъ, какого бы то ни было наименованія, либо допускать ее лишь при значительномъ размѣрѣ покупаемаго участка, указывающемъ на то, что продавецъ его—крестьянинъ только по имени [1]). Въ противномъ случаѣ дѣло дойдетъ, пожалуй, до выдачи ссудъ на покупку земли отдѣльными крестьянами у сельскихъ обществъ, т.-е. до прямого противорѣчія съ основною цѣлью учрежденія банка.

Дѣятельность крестьянскаго банка встрѣтила сочувствіе даже въ одномъ изъ тѣхъ органовъ печати, которые наиболѣе горячо возставали противъ его учрежденія. На смѣну „Земледѣльцу", видѣвшему въ крестьянскомъ банкѣ чуть не орудіе разоренія крестьянства, выступилъ въ „Руси" г. Д. И., признающій открытіе банка „самою рѣшительною мѣрой для облегченія податной тяготы" и ставящій ему въ заслугу, что помощь крестьянскому землевладѣнію „не развѣшивается имъ на аптекарскихъ вѣсахъ". Къ похваламъ, вполнѣ заслуженнымъ, „экономическое письмо" г. Д. И. присоединяетъ совѣтъ, гораздо менѣе основательный. „Банкъ,—восклицаетъ авторъ,—не благотворительное учрежденіе. Помогать и содѣйствовать можно только тому, что имѣетъ въ себѣ надлежащую хозяйственную состоятельность. Мѣры, которыя приняты банкомъ, чтобы не содѣйствовать покупкѣ земли кулаками, совершенно правильны, но онѣ перестанутъ быть неполными или односторонними лишь въ томъ случаѣ, если банкъ не будетъ считать домохозяиномъ всякую голытьбу, которая не имѣетъ ни дома, ни хозяйства. Содѣйствовать покупкѣ земли подобными домохозяевами, значитъ губить средства банка. Земледѣльческое хозяйство нуждается не въ одной землѣ. Если хозяинъ не обрабатываетъ своего надѣла, не имѣетъ ни орудій, ни скота, то включеніе его въ списокъ покупающихъ землю есть обманъ или недоразумѣніе; вести хозяйство на дорого купленной землѣ онъ не можетъ, а потому это будетъ либо продажей своего имени, либо безпроиг-

---

[1]) Изъ числа вышеупомянутыхъ 18 участковъ, купленныхъ въ полтавской губерніи у крестьянъ или казаковъ, въ 10 было менѣе 10 десятинъ, въ 2—отъ 10 до 20, и только въ 6—отъ 20 до 85.

рыщная игра на повышеніе". Въ этихъ словахъ слышится та самая нота, которая звучала такъ громко въ первоначальныхъ (консервативныхъ) возраженіяхъ противъ крестьянскаго банка. Уже тогда подвергался порицанію *благотворительный* характеръ этого учрежденія, уже тогда право на полученіе ссуды признавалось преимущественно за *исправными, состоятельными хозяевами*. Нужно условиться, прежде всего, на счетъ значенія слова: *благотворительность*. Если разумѣть подъ этимъ словомъ пособіе нуждающемуся, опредѣляемое *только* степенью нужды, безусловное и безвозвратное, то крестьянскій банкъ безъ сомнѣнія не можетъ быть названъ благотворительнымъ учрежденіемъ; но если считать благотворительностью всякую помощь, сопряженную съ пожертвованіями или возможностью пожертвованій, не требующую взаимности услугъ и направленную исключительно къ пользѣ тѣхъ, кто ее получаетъ, то въ положеніи о крестьянскомъ банкѣ безспорно найдется извѣстная доля этого элемента. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно обратить вниманіе на сравнительную дешевизну кредита, оказываемаго банкомъ, и припомнить, что исправный платежъ процентовъ и возвратъ капитала по свидѣтельствамъ банка обезпечиваются не только принятыми въ залогъ землями, но и общими средствами государства. Насколько можетъ, вообще, идти рѣчь о *государственной* благотворительности, настолько мы имѣемъ здѣсь дѣло съ нѣкоторыми ея признаками. Крестьянскій банкъ созданъ не для того, чтобы обогащать имущихъ, чтобы увеличивать состоятельность *исправныхъ хозяевъ*; его настоящая цѣль—и вмѣстѣ съ тѣмъ оправданіе его существованія — это поддержка неимущихъ и малоимущихъ, поднятіе экономическаго уровня тѣхъ слоевъ крестьянства, которые безсильны поправиться безъ помощи государства. Достиженіе этой цѣли нѣсколько затруднено перемѣнами, внесенными въ первоначальную редакцію устава банка, но, къ счастію, не сдѣлано невозможнымъ. Бездомная и безхозяйственная *голытьба* — другими словами, возникающій сельскій пролетаріатъ—это именно та часть крестьянскаго населенія, для которой помощь банка представляется особенно необходимой и особенно плодотворной. Уставъ крестьянскаго банка можетъ и долженъ служить пополненіемъ пробѣловъ, исправленіемъ ошибокъ Положеній 19 Февраля; онъ долженъ способствовать устраненію зла, происходящаго отъ малоземелья и безземелья. Отказывая въ утвержденіи сдѣлокъ, послѣдствіемъ которыхъ было бы увеличеніе земельнаго владѣнія свыше нормы, соотвѣтствующей рабочей силѣ семьи, совѣтъ банка дѣйствуетъ не въ интересахъ *исправныхъ самостоятельныхъ хозяевъ*—но онъ и не призванъ къ охраненію этихъ интересовъ. *Односторонними* и *неполными* мѣры банка, направленныя противъ покупки земель кулаками, не мо-

гуть быть признаны ни въ какомъ случаѣ. Нежелательно, конечно, чтобы помощь банка пропадала понапрасну, чтобы сохраненіе купленной при его содѣйствіи земли оказывалось не по силамъ покупщиковъ, вслѣдствіе ихъ крайней бѣдности; но это во всякомъ случаѣ меньшее изъ двухъ золъ, сравнительно съ поощреніемъ сдѣлокъ, совершенныхъ кулаками или даже просто вполнѣ состоятельными крестьянами. Въ первомъ случаѣ земля будетъ продана, за неисправность заемщика, съ публичнаго торга, и вырученная сумма опять можетъ быть пущена въ оборотъ, съ большимъ противу прежняго успѣхомъ; во второмъ случаѣ земля безповоротно остается за лицомъ, не имѣвшимъ никакого права на помощь государства и обращающимъ ее, быть можетъ, въ орудіе эксплуатаціи чужого труда. Ошибочно было бы думать, впрочемъ, что покупка земли беззеиельнымъ и безхозяйственнымъ крестьяниномъ всегда сопряжена съ особымъ рискомъ для банка. Въ большомъ оборотномъ капиталѣ для обработки участка земли, не превышающаго рабочей силы крестьянскаго семейства, надобности нѣтъ; залогъ успѣха заключается здѣсь именно въ рабочей силѣ. Требовать *дома* и *хозяйства* отъ того, кто не имѣетъ земли, значило бы установлять безвыходный волшебный кругъ; чтобы построить домъ, чтобы основать хозяйство, надобно сначала заручиться землею. Если крестьянинъ или товарищество крестьянъ желаетъ купить, съ помощью банка, землю, то отсюда уже само собою возникаетъ предположеніе, что у покупщиковъ есть возможность обзавестись скотомъ и орудіями, безусловно необходимыми для земледѣльческой работы. Повѣрка этого предположенія банкомъ немыслима; ему не предоставлено право требовать отъ покупщиковъ денежнаго залога или доказаннаго документально счета ихъ денежныхъ средствъ—а иначе онъ не можетъ опредѣлить, есть ли у нихъ что-либо въ карманѣ. Замѣнить одно предположеніе другимъ, противоположнымъ, считать, a priori, беззеиельность и безхозяйственность синонимомъ несостоятельности, значило бы закрыть доступъ къ помощи банка именно тѣмъ, для кого она наиболѣе цѣлесообразна и драгоцѣнна. Скажемъ болѣе: послѣдовавъ совѣту, подаваемому „Русью", крестьянскій банкъ долженъ былъ бы значительно съузить самую полезную отрасль своей дѣятельности—выдачу ссудъ сельскимъ обществамъ. Авторъ „экономическихъ писемъ" протестуетъ противъ включенія въ списокъ покупщиковъ такихъ хозяевъ, которые не обрабатываютъ своего надѣла, не имѣютъ ни орудій, ни скота. Много ли найдется обществъ, въ которыхъ вовсе нѣтъ подобныхъ хозяевъ? А между тѣмъ, покупка земли не всѣми членами общества не была бы уже покупкой *обществомъ*; пришлось бы или отказать въ утвержденіи сдѣлки, или облечь ее въ форму покупки товариществомъ, со-

стоящимъ изъ остальныхъ, исправныхъ хозяевъ. Непонятно для насъ, наконецъ, выраженіе разбираемаго нами письма: „безпроигрышная игра на повышеніе". *Безпроигрышной* игры съ помощью банка нельзя вести уже потому, что неисправному плательщику погашенія и процентовъ угрожаетъ немедленная продажа земли съ публичнаго торга Помимо этого, разсчетъ на повышеніе цѣнности земли можетъ руководить покупщикомъ-кулакомъ, искусившимся въ тонкостяхъ коммерціи, но отнюдь не крестьяниномъ-пролетаріемъ, стремящимся къ пріобрѣтенію осѣдлости и хозяйства. Игра землею менѣе всего свойственна именно тому классу покупщиковъ, устранить который отъ пользованія банковою помощью желаетъ сотрудникъ „Руси". Настоящее назначеніе крестьянскаго банка не имѣетъ ничего общаго съ знаменитымъ девизомъ: „enrichissez-vous", провозглашеннымъ іюльской монархіей и нашедшимъ отголосокъ на нашей почвѣ, въ эпоху недавней спекулятивной лихорадки; оно заключается въ томъ, чтобы сдѣлать землю по возможности доступною для нуждающихся въ ней, какъ въ насущномъ хлѣбѣ.

Хорошимъ предзнаменованіемъ для дальнѣйшей дѣятельности банка первый отчетъ его служитъ уже потому, что въ немъ нѣтъ ничего банальнаго, формалистичнаго, казеннаго. И по содержанію, и по формѣ, и по скорости появленія въ печати онъ рѣзко выдѣляется изъ среды однородныхъ съ нимъ оффиціальныхъ документовъ. Высокая цѣль банка отразилась на его пріемахъ, освободила его отъ рутины, слишкомъ часто свойственной бюрократическому міру. Образцы толкованія имъ закона мы уже видѣли выше; когда этимъ путемъ нельзя достигнуть цѣли, тогда вопросъ получаетъ движеніе въ законодательномъ порядкѣ [1]). Понимая и памятуя ту простую, но очень охотно забываемую истину, что учрежденіе существуетъ для дѣла, а не дѣло—для учрежденія, управленіе банкомъ не отступаетъ передъ мѣрами, мало употребительными въ административномъ обиходѣ. Въ случаѣ надобности, оно производитъ всѣ сношенія по телеграфу и такимъ образомъ дѣлаетъ возможнымъ осуществленіе сдѣлокъ, которыя иначе, по всей вѣроятности, вовсе бы не состоялись. Въ то самое время, когда надъ вопросомъ о сокращеніи расходовъ по оффиціальнымъ командировкамъ безплодно и безконечно работаетъ цѣлая коммиссія, когда устарѣвшій, но выгодный для служащихъ порядокъ неуклонно соблюдается даже въ судебномъ вѣдомствѣ, управленіе банкомъ сразу становится на другую почву; признавъ необходимость разъѣздовъ, оно рѣшаетъ производить ихъ безъ соотношенія съ чи-

---

[1]) Такъ, напримѣръ, банкъ предполагаетъ ходатайствовать о разрѣшеніи ему выдавать ссуды при покупкѣ земли съ публичнаго торга.

номъ и классною должностью отправляющагося, т.-е. съ гораздо меньшими затратами, чѣмъ тѣ, которыя допускаются закономъ. Намъ остается только пожелать, чтобы крестьянскій банкъ продолжалъ идти по той же дорогѣ, постоянно расширяя область своихъ дѣйствій (въ географическомъ смыслѣ этого слова) и увеличивая общую цифру ссудъ, но сосредоточиваясь, вмѣстѣ съ тѣмъ, все больше и больше на своихъ главныхъ задачахъ. Затрудненій въ будущемъ ему предстоитъ еще много, но при надлежащей поддержкѣ онъ можетъ и долженъ выйти изъ нихъ побѣдителемъ.

Наше обозрѣніе было уже въ печати, когда мы прочли въ газетахъ правительственное сообщеніе по вышеупомянутому нами вопросу о совмѣстительствѣ государственной службы съ частною. Какія именно должности будутъ подведены подъ дѣйствіе запретительной мѣры—это остается еще не вполнѣ рѣшеннымъ; безусловно запрещено совмѣстительство, покамѣстъ, только по отношенію къ высшимъ ступенямъ государственной службы. Весьма важно, въ нашихъ глазахъ, то обстоятельство, что запрещеніе касается не однихъ лишь частныхъ банковъ и желѣзнодорожныхъ обществъ, но всѣхъ вообще акціонерныхъ промышленныхъ, торговыхъ и кредитныхъ обществъ, и обнимаетъ собою и правленія, и совѣты обществъ, а также участіе въ ихъ учредительствѣ. Остается только пожелать, чтобы ограничительное постановленіе, изданіе котораго предрѣшено въ принципѣ, отличалось достаточною полнотою, и чтобы изъятія изъ общаго правила—если ужъ нельзя обойтись безъ нихъ вовсе—были затруднены какъ можно больше и поставлены въ самые тѣсные предѣлы.

ДЕРЕВЕНСКАЯ МЕДИЦИНА.

Замѣтки врача [1]).

Мнѣ удалось пробыть мѣсяца полтора нынѣшнимъ лѣтомъ (1883 г.) въ деревнѣ въ одномъ изъ уѣздовъ псковской губерніи. Мѣстность, въ которой я жилъ, была удалена отъ центра земской уѣздной медицинской дѣятельности верстъ на 35—45. Единственную помощь, на которую мѣстные крестьяне могли разсчитывать въ случаѣ болѣзни, состояла въ примочкахъ или капляхъ, отпускаемыхъ благотворительною мѣстною интеллигенціею,—помѣщицею и женою священника. Кромѣ этихъ лицъ, въ упомянутой мѣстности практикуютъ еще двѣ-три знахарки изъ крестьянокъ, да кабатчикъ, лечащій заговариваніемъ. — Видя, что крестьяне часто серьезно нуждаются въ совѣтѣ врача, я имъ предложилъ свои услуги тѣмъ охотнѣе, что захватилъ съ собою изъ Петербурга достаточное количество медикаментовъ. Мало-по-малу начали стекаться со всѣхъ сторонъ больные, число которыхъ стало увеличиваться ежедневно; особенно много работы бывало по праздникамъ; въ эти дни обыкновенно наѣзжало человѣкъ 20 и болѣе. Каждому больному я самъ приготовлялъ ле-

---

[1]) Авторъ настоящей статьи — д-ръ Яковъ Мироновичъ Симоновичъ (1840—1883)—былъ очень извѣстенъ въ шестидесятыхъ годахъ, какъ основатель (вмѣстѣ съ своею женою) русскаго „Дѣтскаго сада“ и педагогическаго журнала съ тѣмъ же именемъ, посвященнаго вопросамъ начальной педагогіи. Журналъ въ свое время обратилъ на себя вниманіе и отличался крупными достоинствами, но не нашелъ поддержки. Симоновичъ продолжалъ педагогическую дѣятельность въ Тифлисѣ, затѣмъ обратился къ медицинѣ; онъ изучалъ ее еще ранѣе въ московскомъ университетѣ,—когда, между прочимъ, первый возъимѣлъ мысль о научныхъ лекціяхъ для женщинъ, которыя и устроилъ частнымъ образомъ вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами. Оставивъ педагогику, онъ, въ семидесятыхъ годахъ, вновь поступилъ въ медицинскую академію въ Петербургѣ,—перевелъ нѣсколько медицинскихъ книгъ (Кунце, Цимсена, Вуаллета) и издалъ самостоятельный трудъ: „Основы гигіены“. Лѣтніе мѣсяцы онъ нѣсколько лѣтъ кряду проводилъ въ глухой деревнѣ псковской губерніи, гдѣ какъ врачъ своимъ гуманнымъ, внимательнымъ отношеніемъ къ больнымъ привлекалъ къ себѣ полное довѣріе, такъ что къ нему стекались больные изъ-за нѣсколькихъ десятковъ верстъ въ окружности. Эта практика въ народной средѣ и доставила ему рядъ практическихъ наблюденій, которыя и послужили матеріаломъ для настоящей статьи. Простое, гуманное и практическое отношеніе къ дѣлу даетъ ей интересъ который, безъ сомнѣнія, будетъ оцѣненъ людьми, занимающимися труднымъ вопросомъ о постановкѣ сельской медицины. Онъ умеръ, случайно заразившись въ завѣдуемой имъ тифозной палатѣ здѣшней Александровской городской больницы. *Ред.*

карство, въ видѣ либо микстуры, капель, порошковъ, пилюль, или мазей.

Сопоставивъ свои наблюденія за лѣто надъ болѣзнями крестьянъ, я замѣтилъ, что нѣкоторые выводы, основанные хотя на кратковременномъ наблюденіи, не лишены общаго значенія. По этой причинѣ я рѣшился ихъ записать.

Прежде всего скажу нѣсколько словъ объ изслѣдованіи больныхъ. Крестьянинъ любитъ иногда поболтать, начнетъ о своей болѣзни и по пути разскажетъ всѣ побочныя обстоятельства, къ дѣлу не идущія. Необходимо поэтому распросами руководить его разсказомъ. — Объективное изслѣдованіе довольно затруднительно произвести скоро у крестьянъ, такъ какъ ихъ одежда, хотя немногосложная, не приспособлена къ легкому и быстрому сниманію. Часто крестьянки, при сниманіи рубахи или сарафана, прямо рвутъ ихъ спереди на $1/4$ или $1/2$ аршина внизъ,—иначе не снять одежды. А изслѣдовать подробно и всесторонне необходимо: иногда крестьянка жалуется, напр., на болѣзнь груди или боковъ, а при подробномъ объективномъ изслѣдованіи оказывается явная болѣзнь матки, въ родѣ полнаго ея выпаденія, которое крестьянка знаетъ, но о которомъ она не считаетъ нужнымъ упомянуть только потому, что выпаденіе матки у нея уже три года, а ея страданіе въ видѣ боли боковъ — лишь два года. Годъ цѣлый выпаденіе матки не причиняло ей крупныхъ чувствительныхъ разстройствъ, боли и т. п.; вотъ почему она считаетъ это обстоятельство не стоющимъ вниманія. — Одинъ крестьянинъ раза два жаловался мнѣ на тошноту и рвоту, особенно послѣ ѣды, и на боли въ области желудка, съ указаніемъ на поджелудочную область. При подробномъ же объективномъ изслѣдованіи оказался разлитой бронхитъ съ многочисленными храпами и свистами, а также одышкою и довольно частымъ кашлемъ. Но на одышку и кашель онъ не жаловался, даже не упомянулъ объ нихъ. При распросахъ его я даже не могъ сразу добиться признанія кашля. Такое неуказаніе сразу на сущность своей болѣзни у крестьянъ встрѣчается весьма часто; я объясняю себѣ это явленіе тѣмъ обстоятельствомъ, что крестьяне не привыкли излагать свои мысли и чувства, а также не умѣютъ себя анализировать, вслѣдствіе недостаточнаго развитія самонаблюденія. О своихъ болѣзняхъ крестьяне разсказываютъ почти одними и тѣми же словами. Если крестьянка слушаетъ, какъ ея сосѣдка разсказываетъ о своей болѣзни, то она станетъ излагать и свою болѣзнь словами только-что ушедшей крестьянки, хотя бы ея болѣзнь и была другая.

Поэтому при леченіи крестьянъ необходимо болѣе напирать на

объективное изслѣдованіе. Разсказъ больного можетъ лишь служить дополненіемъ къ найденнымъ при изслѣдованіи даннымъ.

Число больныхъ, являвшихся ко мнѣ за помощью, составляло 390 человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, взрослыхъ и дѣтей. Въ этотъ счетъ внесены лишь тѣ больные, которые приходили въ первый разъ; являвшіеся 2-ой, 3-ій и много разъ—не вошли въ этотъ счетъ.

Если раздѣлить число больныхъ на 41, число пріемныхъ дней, то получимъ среднимъ числомъ 9,5 больныхъ, не считая паціентовъ, приходившихъ по 2, 3 или даже 4 и 5 разъ,—такъ что ежедневно приходило круглою цифрою около 10 больныхъ новыхъ. Число больныхъ, приходившихъ во 2-ой разъ, составляло почти столько же. Вообще въ деревнѣ псковской губ. врачъ можетъ разсчитывать приблизительно на 20 слишкомъ больныхъ ежедневно. Въ будни приходитъ меньше; въ праздникъ—больше.

Число деревень, изъ которыхъ крестьяне приходили ко мнѣ, составляетъ 43. Самая близкая деревня находилась въ одной верстѣ отъ мѣста моего жительства, а самая дальняя, изъ которой пріѣзжали лишь опасно больные, находилась на разстояніи около 25—30 верстъ.

Между 390 больными, болѣзни, по частотѣ, распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

1) Болѣзни органовъ пищеваренія и кровотворенія . . .	97	больныхъ
2) Болѣзни глазъ	80	„
3) Хирургическихъ случаевъ	46	„
4) Болѣзни нервовъ	35	„
5) Болѣзни кожи	35	„
6) Болѣзни дыхательныхъ органовъ	32	„
7) Болѣзни женскихъ половыхъ органовъ	17	„
8) Ревматизмъ костей и мышицъ	16	„
9) Болѣзни головного и спинного мозга	9	„
10) Наслѣдственный сифилисъ	9	„
11) Болѣзни ушей	5	„
12) Хроническое отравленіе спиртомъ	2	„
13) Болѣзни мочеполовыхъ органовъ	4	„
14) Непродолжительныя лихорадки	2	„
15) Жалобы на несуществующую болѣзнь	1	„

Изъ этого перечня видно, что болѣзни органовъ пищеваренія и кровотворенія составляютъ главное страданіе нашего крестьянства и равняются 24,87%, почти четвертой части заболѣваемости. Большинство больныхъ этой категоріи—мужчины въ возрастѣ отъ 25 до 50 лѣтъ. Если сюда причислить болѣзни нервовъ, появляющіяся вслѣдствіе разстройства питанія и составляющія около 9%, то мы получимъ около 34%, т.-е. болѣе трети заболѣваемости отъ дурного

питанія. Слѣдовательно, питаніе въ деревнѣ совершается весьма неудовлетворительно. Ничѣмъ инымъ невозможно объяснить такую громадную цифру заболѣваемости органовъ пищеваренія.

Такъ какъ большинство этихъ болѣзней органовъ пищеваренія и кровотворенія и разстройство нервовъ, поражаютъ народъ хронически, тянутся чрезвычайно долго, иногда въ теченіе многихъ лѣтъ, по 15 и болѣе лѣтъ, то мы можемъ смѣло вывести заключеніе, что питаніе въ деревнѣ страдаетъ хронически.

Дѣйствительно, если присмотрѣться къ пищѣ народа, то не только съ физіологической, но и съ какой угодно точки зрѣнія, она окажется недостаточною. Хлѣбъ съ водою, хлѣбъ съ квасомъ, квасъ съ лукомъ и солью, окрошка (квасъ, лукъ, кислая капуста, соль, иногда со снятками), похлебка (горячее съ соленою свининою), кисель (гороховый) съ постнымъ масломъ, жито, яичникъ, блины и т. п., вотъ народныя блюда. Конечно, еще хорошо, если крестьянинъ можетъ употреблять яичникъ, или молоко, или похлебку съ мясомъ. Но дѣло въ томъ, что число постовъ громадно, чуть ли не болѣе половины года; въ эти постные дни народъ употребляетъ лукъ съ квасомъ и съ хлѣбомъ, а то и одинъ хлѣбъ съ водою. И какъ разъ лѣтомъ, въ самую горячую страдную пору, много постовъ; кромѣ того, женщинамъ въ это время некогда кушанье готовить, т.-е. сварить хотя бы и постное что-либо; имъ нужно поле убирать. Народъ соблюдаетъ посты строжайшимъ образомъ, видя въ этомъ самую существенную сторону религіи. Хотя съ другой стороны невольно навязывается вопросъ, чтó сталъ бы ѣсть народъ въ теченіе болѣе полугода, если бы постъ не былъ религіознымъ постановленіемъ. Еще хорошо — у кого хлѣбъ хорошій, а то и съ кострецомъ ѣдятъ, или съ чѣмъ-нибудь другимъ.

Сырой горохъ, зеленыя и кислыя яблоки тоже не могутъ способствовать правильному состоянію пищеварительныхъ органовъ.

Дурная пища обусловливаетъ то, что народъ у насъ слабосильный; работа производится съ значительною тратою силъ; поэтому рабочій дѣлаетъ работу кое-какъ. Хорошо спорится работа, когда поднесутъ рабочему рюмку водки; тогда спиртъ напрягаетъ послѣднія его силы; но рабочій отъ этого еще болѣе истощается.

Не менѣе дурно питаніе грудныхъ дѣтей. Крестьянки рѣдко имѣютъ достаточно молока въ груди, чтобы имъ однимъ выкормить ребенка, хотя бы до 4 — 5 мѣсяцевъ. Если крестьянку-кормилицу накормить какъ слѣдуетъ хорошею пищею или напоить ее молокомъ, то у нея еще скопится немного молока въ груди; въ противномъ случаѣ, даже у кормящихъ женщинъ, груди остаются совсѣмъ пусты. По этой причинѣ крестьянки начинаютъ прикармливать своихъ

грудныхъ дѣтей уже съ самаго рожденья цѣльнымъ коровьимъ молокомъ, а чтобы посытнѣе было — варятъ еще гречневую кашу на молокѣ. Состоятельные крестьяне вмѣсто гречневой каши—употребляютъ манную кашу. Часто даютъ еще соску (булку съ сахаромъ). Молоко даютъ изъ рогового рожка, обтянутаго овечьей кожею, неснимающеюся съ рожка. Рожокъ—образецъ нечистоты, кислятины, гнили. Отъ сосокъ развивается молочница, а отъ молока въ рожкахъ съ вѣчно кислымъ запахомъ появляются поносы, истощающіе мало-по-малу дѣтей и сводящіе ихъ преждевременно въ могилу. Только самыя здоровыя дѣтскія натуры изъ крестьянъ выдерживаютъ такой способъ кормленія. Но за то дѣти, остающіяся у крестьянъ въ живыхъ, дѣйствительно крѣпки. Это и нужно крестьянину. Слабый человѣкъ ему не нуженъ. Умри поскорѣе, не обременяй семьи! Крѣпкій—рости на тяжелый крестьянскій трудъ.

Крестьяне не разъ изъявляли мнѣ желаніе употреблять гуттаперчевые соски, которые можно каждый разъ послѣ кормленія снять со стклянки и вымыть, вслѣдствіе чего весь рожокъ возможно содержать въ чистотѣ. Только крестьянамъ негдѣ покупать гуттаперчевыхъ сосокъ. Не выписывать же ихъ по почтѣ изъ Петербурга, Москвы или губернскаго города. А въ уѣздномъ городѣ, верстъ за 40, 50, а отъ нѣкоторыхъ деревень и 60 верстъ, рожки съ сосками дороги и держатся въ ограниченномъ числѣ, именно для городскихъ обывателей. Если-бы рожки стеклянные съ гуттаперчевыми сосками продавались въ деревнѣ, подобно всякому товару, то крестьяне охотно стали бы ихъ употреблять вмѣсто существующихъ, и смертность между дѣтьми отъ болѣзней желудочно-кишечнаго канала могла бы понизиться.

Далѣе, по частотѣ заболѣваемости слѣдуютъ болѣзни глазъ—20,51%. Эти болѣзни происходятъ отчасти острымъ путемъ, вслѣдствіе попаданія инородныхъ тѣлъ въ глазъ, соломинокъ или осколковъ колосьевъ во время жатвы, укладки стоговъ, или во время молотьбы. Сюда принадлежатъ нѣкоторые конъюнктивиты, а также нѣкоторые кератиты съ послѣдовательными иритами. Большею же частью болѣзни глазъ составляютъ хроническое страданіе, начинаясь трахомою, заворотомъ вѣкъ, паннусомъ, и кончаясь полною потерею всего глаза. Частота же появленія трахомы у нашего крестьянина, находящагося большую часть времени на свободномъ воздухѣ, т.-е. въ условіяхъ, мѣшающихъ развитію трахомы, объясняется, по моему мнѣнію, лишь нецѣлесообразнымъ расположеніемъ избъ. Нужно знать, что въ той мѣстности, гдѣ были собраны эти наблюденія, всѣ избы строятся такъ, что входъ въ нихъ непремѣнно проложенъ черезъ скотный дворъ; невозможно попасть въ избу, не пройдя по

навозу скотнаго двора. Дверь избы открывается въ скотный дворъ, гдѣ навозъ лежитъ круглый годъ и вывозится лишь одинъ разъ въ году, именно весною, для удобренія паровыхъ полей.

Иногда вокругъ избы, съ двухъ или съ одной ея стороны, имѣется балкончикъ или галерея (сѣни), гдѣ члены семейства спятъ лѣтомъ на холодкѣ; эта галерея уже цѣликомъ помѣщается въ скотномъ дворѣ, окруженная навозомъ. Животная, навозная пыль постоянно носится вокругъ избы, и семейство крестьянина съ малыхъ лѣтъ вращается, хотя въ деревнѣ, среди атмосферы, пронизанной безчисленными животными пылинками, вызывающими съ малыхъ лѣтъ у крестьянскихъ дѣтей трахому. Эта болѣзнь, разъ образовавшись, тянется медленно, годами, обостряясь по временамъ острыми конъюнктивитами, вслѣдствіе частаго дыма въ избахъ, дыма въ баняхъ, строящихся безъ трубъ, а также иногда отъ работы на солнечномъ припекѣ съ опущенною головою и т. п. Годамъ къ 18 или 20, если трахома все шла безостановочно, молодые люди (больше женщины, такъ какъ онѣ сидятъ больше дома) пріобрѣтаютъ заворотъ вѣкъ внутрь, затѣмъ дѣлается у нихъ паннусъ и т. п. Такимъ путемъ крестьяне теряютъ глаза! По этой причинѣ болѣзни глазъ весьма часты въ деревнѣ и составляютъ пятую часть всей заболѣваемости. Мы, конечно, не говоримъ о потеряхъ глазъ, вслѣдствіе острыхъ заболѣваній: оспы, кори и т. п. Съ ними процентъ еще возрастетъ. Случайно, эти острыя заболѣванія не могли войти въ кругъ нашего разсматриванія. Но помимо ихъ, нѣтъ ни одной деревни, въ которой бы не было глазныхъ больныхъ отъ вышеуказанной причины. И они составляютъ огромный процентъ! Часто встрѣчаются слѣпые, которые совершенно потеряли глаза только вышеупомянутымъ путемъ. Земство обязано обратить вниманіе на это явленіе. Старанія и проповѣдь отдѣльныхъ и разрозненно дѣйствующихъ лицъ не помогутъ дѣлу. Необходимо посредствомъ школы, а также и другими путями, убѣдить крестьянъ въ полезности строить скотные дворы отдѣльно отъ жилыхъ избъ. Скотъ—со скотомъ, а человѣкъ долженъ жить отдѣльно отъ скота. Ходъ въ избу лучше дѣлать на широкую улицу, нежели черезъ скотный дворъ. Отъ подобнаго расположенія выиграла бы также чистота избъ, хотя необходимо признать, что существующее расположеніе избъ и построекъ имѣетъ свою экономическую выгоду для крестьянъ, сохраняя тепло въ длинную, суровую зиму, при недостаткѣ топлива.

Хирургическіе случаи составляютъ 11,79%, около $^1/_8$ всей заболѣваемости. Изъ нихъ главнымъ образомъ обращаютъ на себя вниманіе язвы голени ($^1/_4$ случаевъ); онѣ тянутся иногда годами, по 3—4—8 лѣтъ, обходя всю голень, сверху до низу, и снова снизу—

вверхъ. При этомъ всѣ мягкія части, мышцы и кожа атрофируются и голень становится похожею на тоненькую косточку, обтянутую блестящею, прозрачною рубцовою тканью. Причина длительности теченія этихъ язвъ заключается въ нечистотѣ перевязокъ, вслѣдствіе недостаточности перевязочныхъ средствъ и медикаментовъ, а отчасти вслѣдствіе невѣжества. Крестьяне, по незнанію, съ самаго начала заболѣванія пачкаютъ свои язвы, чѣмъ попало. Одна знахарка лечитъ паромъ и заговариваніемъ, другая—крѣпкою водкою; третья совѣтуетъ перевязывать рану мочею, коровьимъ пометомъ и т. п. Понятно, что при такомъ способѣ леченія и при отсутствіи необходимаго отдыха, эти язвы тянутся долго. Язвы эти сохраняютъ еще относительно чистый видъ, если крестьяне перевязываютъ ихъ одними лишь листьями; если же въ ходъ пускаются другія вышеупомянутыя средства, то язвы получаютъ нечистое, сальное дно и начинаютъ вонять. Тогда больной становится мученіемъ для всей семьи. Крестьяне, одержимые этими язвами, кидаются въ ноги, умоляютъ вылечить ихъ, или, по крайней мѣрѣ, улучшить ихъ состояніе. Если они не теряютъ терпѣнія, то при чистой и цѣлесообразной перевязкѣ ихъ удается въ довольно короткое время привести въ весьма удовлетворительное состояніе. Эти больные представляютъ удобный случай—заняться прививками кори въ обширныхъ размѣрахъ.

Разсѣченныя раны пріобрѣтаются въ кабакѣ, послѣ ярмарки, во время нападенія одной партіи парней на другую. Причиною къ бросанію камней другъ въ друга и къ опаснымъ пораненіямъ головы служатъ иногда ревность, зависть, обидное слово, ругательство, задѣваніе чести родственниковъ и т. п. Это явленіе есть еще остатокъ древняго обычая кровавой мести.

Болѣзни кожи, 8,9% всей заболѣваемости, составляютъ главнымъ образомъ хроническія экземы волосистой части головы у дѣтей, вслѣдствіе того, что крестьянки неохотно ихъ стригутъ; далѣе чесотки рукъ и туловища, вслѣдствіе отсутствія сколько-нибудь сносно устроенныхъ бань. Въ дымныхъ баняхъ нѣтъ котловъ, въ которыхъ могла бы нагрѣваться вода. Въ банѣ крестьяне коптятъ свое тѣло, а воду для мытья употребляютъ весьма скудно. Въ горячо натопленной банѣ, въ которой дымъ стоитъ густымъ столбомъ, крестьяне парятъ свое тѣло, скудно лишь омываясь холодною водою. Понятно, что такая баня мало смываетъ грязь.—Не мѣшало бы земству выработать образецъ дешевой крестьянской бани, по типу русской народной бани, съ дымовою трубою для отвода дыма и съ котломъ для нагрѣванія воды, и предлагать крестьянамъ строить свои бани по этимъ образцамъ. Необходимо, чтобы каждая баня отапливалась посредствомъ печки съ дымовою трубою, чтобы въ банѣ воздухъ

былъ чистъ, безъ дыма, и чтобы въ печку былъ вмазанъ котелъ, чтобы имѣть достаточно теплой воды для омовенія грязи съ тѣла. Только обиліе воды въ горячей банѣ можетъ смыть накопившуюся въ теченіе недѣли грязь.

Далѣе идутъ болѣзни органовъ дыханія. И тутъ замѣчаются лишь хроническіе случаи. Одинъ разъ наблюдалась обострившаяся катарральная пневмонія. Остальные случаи были больше бронхиты, хроническія воспаленія легкихъ, коклюши и т. п. Болѣзни легкихъ составляютъ 8,2%, слѣдовательно, втрое меньше болѣзней пищеварительныхъ органовъ.

Причины заболѣваній дыхательныхъ органовъ въ деревнѣ лежатъ отчасти въ дурномъ и душномъ воздухѣ избъ. Изба не домъ, а берлога, гдѣ крестьянское семейство скучивается, укрывается отъ непогоды, и гдѣ живетъ очень часто и скотъ, и птица. Попадаются и чистыя, просторныя избы, но ихъ меньшинство. Форточки въ окнахъ избъ малы и рѣдко отпираются. Вентилируется изба черезъ скотный дворъ. Воздухъ въ избѣ портится отъ полушубковъ, сушки мокрой и грязной одежды, скученія многихъ людей, а иногда и животныхъ. А главнымъ образомъ въ избахъ жарко, и вслѣдствіе этого душно. Непривыкшій человѣкъ еле просидитъ въ избѣ часъ, чтобы не вспотѣть, такъ что хоть бѣлье выжимай. Далѣе, дурное условіе для дыхательныхъ органовъ заключается въ молотьбѣ не на открытомъ воздухѣ, а въ гумнѣ. Во время молотьбы крестьяне вдыхаютъ угловатую, рѣзкую колющую пыль отъ колосьевъ ржи и соломы. Но такъ какъ молотьба производится съ промежутками, то она не оказываетъ собственно вреднаго вліянія на здоровыхъ людей, а приноситъ вредъ лишь уже страдающимъ дыхательными органами.

Далѣе располагаетъ къ болѣзнямъ дыхательныхъ органовъ ослабленное питаніе нѣкоторыхъ дѣтей бѣдныхъ крестьянъ, ходящихъ босикомъ въ дождь и холодъ, въ сырость и слякоть. Крестьяне рѣдко имѣютъ столько средствъ, чтобы для своихъ дѣтей приготовлять крѣпкую кожанную обувь. Дѣти бѣгаютъ босикомъ и въ однихъ рубашкахъ, какъ по грязи, такъ и по сырости, по лѣсамъ. Если ребенокъ изъ нагрѣтой и душной избы выбѣжитъ почти голый на улицу на непродолжительное время, то это ему сходитъ съ рукъ; но если онъ принужденъ пребывать дурно одѣтый и обутый въ теченіе долгаго времени въ мокротѣ и холодѣ, напримѣръ, пасти гусей, свиней или сторожить лошадей, то онъ легко начинаетъ кашлять.

Болѣзни женскихъ половыхъ органовъ составляютъ лишь 4,35%. Изъ нихъ главнымъ образомъ являются обильныя кровотеченія изъ матки. Только въ одномъ случаѣ можно было сказать, что эти кровотеченія обусловливаются изъязвленіемъ (ракомъ) влагалищной

части. Причины остальныхъ случаевъ не могли быть констатированы. Бѣли обусловливаются больше всего дурными болѣзнями мужа до женитьбы (больше у мѣщанъ, жившихъ прежде въ городахъ и поселившихся въ деревнѣ, съ цѣлью эксплуатированія сельскаго населенія).

Относительно часто встрѣчающееся выпаденіе матки обусловливается тяжелою, непосильною работою крестьянокъ; нѣкоторымъ приходится ворочать мельницы, орать, а жнитва—обыкновенная работа крестьянки. Оригиналенъ способъ, какимъ крестьянки лечатъ выпаденіе матки. Онѣ разрѣзываютъ рѣпу пополамъ, очищаютъ ее, просверливаютъ въ серединѣ дыру для помѣщенія шейки матки и просовываютъ эту машину во влагалище. Это въ родѣ *гистерофора*, до котораго дошла гинекологія сравнительно не очень давно. На ночь этотъ гистерофоръ вынимается, а на другой день вставляется свѣжая рѣпа. При этомъ народномъ леченіи крестьянки переносятъ свою болѣзнь довольно сносно, и не страдаютъ различными послѣдствіями выпаденія матки.

При улучшеніи экономическаго быта крестьянъ, съ распространеніемъ среди народа образованія и съ правильнымъ пониманіемъ положенія женщины, эти болѣзни, можетъ быть, уменьшатся въ народѣ.

Замѣчательно, что между крестьянками не встрѣчаются или мало встрѣчаются послѣродовыя болѣзни. Крестьянки встаютъ большею частью на второй или третій день послѣ родовъ, часто даже въ самый день родовъ, и исполняютъ затѣмъ обыкновенныя работы. Не смотря на это—периметриты, или параметриты встрѣчаются довольно рѣдко между ними. Натуры поистинѣ замѣчательныя! И въ этомъ отношеніи встрѣчается весьма мало исключеній. Причина этого явленія та, что въ крестьянскомъ быту дѣйствительно остаются въ живыхъ только крѣпкія натуры. Слабыя дѣти всѣ вымираютъ въ молодости и не доживаютъ до зрѣлости. Дѣти при суровомъ образѣ жизни мрутъ какъ мухи. Въ семействахъ, гдѣ родилось 10—12 человѣкъ дѣтей, остается лишь одинъ, или два, а иногда и ни одного не остается. Больныхъ дѣтей рѣдко везутъ къ врачу. Лишь изрѣдка привезутъ ребенка, и то, когда родители составили себѣ понятіе, что этотъ ребенокъ еще можетъ жить. Если же родители порѣшили, что ребенокъ слабъ, его къ врачу не везутъ, „все равно помретъ, зачѣмъ мучить“. Такимъ путемъ умираетъ много дѣтей, которыя могли бы еще жить.

Изъ болѣзней общаго разстройства питанія обращаютъ на себя вниманіе ревматизмы суставовъ и мышцъ. Они составляютъ 4,1%. Ревматизмомъ одержимы большею частью женщины, по всей вѣроят-

ности, оттого, что онѣ занимаются стиркою бѣлья и больше мужчинъ заняты также мочкою льна въ мочальняхъ.

Болѣзни головного и спинного мозга составляютъ небольшой процентъ, 2,3%. Одинъ случай старческаго слабоумія у бывшаго дьячка, 80 лѣтъ. Одинъ случай идіотизма врожденнаго у мальчика 9—10 лѣтъ; онъ же представлялъ случай увеличенія языка (macroglossia). Одинъ случай хроническаго воспаленія спинного мозга у отставного солдата. Что касается трехъ табетиковъ, то всѣ случаи зависѣли отъ дурной обуви и промачиванія ногъ въ теченіе продолжительнаго времени при полевыхъ работахъ раннею весною и позднею осенью во время моченія льна.

Случаевъ свѣжаго сифилиса я совершенно не встрѣчалъ въ деревнѣ. Всѣ случаи сифилиса, которые наблюдались мною, зависѣли отъ наслѣдственности, отъ давнымъ-давно занесеннаго сюда сифилитическаго зараженія. Крестьяне въ большинствѣ народъ цѣломудренный. Первичными сифилитическими язвами не страдаютъ. Только городскія сословія, наѣзжающія въ деревню изъ городовъ, передаютъ заразу, которая потомъ уже переходитъ по всѣмъ членамъ семьи. Всѣ случаи, мною видѣнные, уже не заразительны.

Два случая инородныхъ тѣлъ въ ухѣ состояли изъ комковъ грязи, травы, соломы, ушной сѣры и т. п. величиною въ 2—3 сентиметра. Болѣзни ушей составляютъ 1,28%.

Въ виду раздающихся криковъ про поголовное народное пьянство, отраднымъ кажется то явленіе, что отравленіе алькоголемъ въ деревнѣ составляетъ лишь 0,5%, т.-е. изъ двухъ сотъ больныхъ только одинъ бываетъ одержимъ запоемъ. Алькоголизмъ не былъ выраженъ въ формѣ бѣлой горячки, а лишь въ слабой степени, въ видѣ нервнаго разстройства и психоза послѣ запоя, который продолжается обыкновенно нѣсколько дней, и послѣ котораго наступаетъ нормальный промежутокъ въ 3—4 недѣли правильной жизни безъ пьянства.

Изъ болѣзней мочеполовыхъ органовъ, 1% уретриты замѣчались у 2 мѣщанъ, жителей городскихъ, занесшихъ эту болѣзнь изъ городовъ въ деревню, гдѣ поселились для занятій земледѣліемъ на правахъ кулаковъ. У настоящихъ крестьянъ уретриты не наблюдались.

Упомянемъ еще объ одномъ случаѣ, состоящемъ въ томъ, что крестьянка жаловалась на несуществующую у ея сына болѣзнь. Она просила вынуть у ея 2-лѣтняго ребенка лягушку изъ головы. Прикладывая свое ухо къ головѣ ребенка, она иногда слышала шумъ, похожій, какъ она говорила, на кваканіе лягушки или пискъ птицы. При выслушиваніи головы ребенка я слышалъ лишь дыхательные шумы и шумы, проведенные изъ гортани, слышимые обыкновенно у всѣхъ здоровыхъ дѣтей. Я объяснилъ ей значеніе шумовъ, ею

слышимыхъ, показалъ ей, что эти шумы можно слушать и у другихъ дѣтей, говорилъ ей о нелѣпости ея предположенія, внушеннаго ей деревенскими знахарями; баба повѣрила мнѣ и болѣе меня не тревожила.

Этотъ случай невѣжественнаго пониманія не долженъ однако приводить въ отчаяніе и заставить думать, что крестьяне крайне невѣжественны, не способны къ ясному и простому пониманію и значительно ниже стоятъ въ отношеніи суевѣрія образованныхъ людей. Дѣло въ томъ, что и между образованными людьми суевѣрія сильно распространены, иногда еще въ большей степени, чѣмъ у крестьянъ. Далѣе, не слѣдуетъ забывать, что еще въ прошломъ столѣтіи бывали врачи, которые вѣрили въ возможность жизни лягушекъ, змѣй, ящерицъ и т. п. въ тѣлѣ человѣка. Стоитъ только просмотрѣть медицинскіе журналы за прошлое столѣтіе, чтобы убѣдиться въ сильномъ распространеніи подобныхъ мнѣній между образованными; такъ что особенно винить нашъ народъ, у котораго нѣтъ школъ и вокругъ котораго нѣтъ людей, которые бы ему растолковали нелѣпость суевѣрій, нѣтъ никакой возможности.

Острыя заболѣванія инфекціоннаго характера совершенно не встрѣчались въ моей лѣтней практикѣ, по всей вѣроятности, потому, что заразныхъ болѣзней въ этомъ году не было въ той мѣстности, гдѣ я жилъ. Одинъ больной перенесъ тифъ, по всей вѣроятности, брюшной, до моего пріѣзда въ деревню. Его я видѣлъ лишь въ періодѣ выздоровленія отъ тифа. Онъ былъ крайне слабъ. Онъ все время тифа постничалъ, и въ періодѣ выздоровленія тоже аккуратно соблюдалъ посты, среды и пятницы, и питался квасомъ съ сухаремъ (чернаго хлѣба). Никакими силами я не могъ его уговорить употреблять скоромную пищу: молоко, яйца въ смятку и похлебку изъ курицы. Все это у него было въ обиліи, только никакъ не хотѣлось ему нарушать посты. — Потомъ я узналъ, что у него сдѣлался психозъ. Къ величайшему сожалѣнію приходится сознаться, что крестьяне смотрятъ на Бога, какъ на мстителя, котораго необходимо задобривать постомъ, свѣчкою и т. п.—Истинныя понятія о Творцѣ можетъ дать крестьянину дѣйствительное просвѣщеніе; въ деревнѣ сильно чувствуется отсутствіе народныхъ школъ. А между тѣмъ значительная доля блага и счастія нашего народа—въ школѣ!

Изъ лекарствъ я употреблялъ лишь сто названій, запасъ которыхъ захватилъ съ собою изъ Петербурга. Больше всего я пользовалъ минеральными кислотами, солями земель и металловъ, алкалоидами и вообще химически чистыми препаратами. Изъ растительныхъ средствъ употреблялъ лишь наперстянку и крушину. Спиртные настои я приготовлялъ самъ въ деревнѣ.

Достаточный запасъ лекарственныхъ средствъ въ сыромъ видѣ захваченъ былъ мною изъ Петербурга, на сумму всего въ 35—40 р. с. Крестьянамъ же отпущено мною болѣе 1½ тысячъ рецептовъ, въ видѣ микстуръ, порошковъ, капель, пилюль, мазей и т. п.—Лекарства отпускались мною безвозмездно. Нѣкоторые крестьяне предлагали деньги за лекарства, по 3, по 5, по 15 коп. с., а нѣкоторые даже по 20 коп. Но я отвергалъ подобныя предложенія, также и потому, что уѣздный аптекарь могъ бы изъявить претензіи ко мнѣ, сказавъ, что я занимаюсь продажею лекарствъ, не имѣя разрѣшенія содержать аптеку. При безвозмездной же раздачѣ лекарствъ никто не имѣлъ права мнѣ дѣлать какіе-либо упреки, назиданія или допросы, такъ какъ даромъ всякій имѣетъ право раздавать, что имѣетъ. Одинъ крестьянинъ даже явился ко мнѣ, не за совѣтомъ, а прямо за покупкою лекарства и предложилъ 50 коп., лишь бы ему дать 10 гранъ хинины (такъ онъ и просилъ 10 гранъ). Конечно, продажа не совершилась. — Но за то крестьяне стали мнѣ носить яйца, ягоды, грибы, полотенца за леченіе. При отказѣ съ моей стороны они сильно обижались, такъ что приходилось принимать эти приношенія, какъ изъявленія ихъ благодарности.

Лекарства отпускались мною часто въ двойной и тройной пропорціи, чтобы могло хватить на недѣлю, полторы, ибо крестьянинъ, пріѣзжающій издалека, не можетъ часто отлучаться отъ работы за лекарствомъ. Нѣкоторые врачи держатся того мнѣнія, что крестьянамъ не слѣдуетъ отпускать большихъ порцій лекарствъ, особенно, сильно дѣйствующихъ. Приводятъ то обстоятельство, что если дать крестьянину, напр., растворъ атропина для впусканія въ глазъ ежедневно по нѣскольку капель, то онъ станетъ пить это лекарство, выпьетъ и отравится. Поэтому, если необходимо пускать въ глазъ атропинъ, то подобные больные либо оставляются въ больницѣ, либо имъ велятъ приходить ежедневно къ врачу. Но оставленіе крестьянъ въ больницѣ изъ-за хронической болѣзни глазъ, которая не мѣшаетъ работать, не достигаетъ цѣли, ибо рѣдкій крестьянинъ согласится на такую жертву времени для своихъ глазъ; онъ скорѣе будетъ готовъ потерять глазъ, нежели не работать и предоставить семью голоду. Ежедневный приходъ глазныхъ больныхъ къ врачу, какъ это практикуется въ городахъ, немыслимъ въ деревнѣ, при порядочныхъ разстояніяхъ селъ другъ отъ друга, и при нашихъ путяхъ сообщенія. Вотъ почему многіе больные остаются въ настоящее время въ деревняхъ безъ лекарствъ; врачи не рѣшаются выписывать имъ на долго сильнодѣйствующія, или наркотическія средства. По нашему, такой образъ дѣйствія непростителенъ. Врачъ обязанъ выписывать больному даже сильнодѣйствующія средства и на продолжительное

время, если только этого требуетъ состояніе больного, и если послѣднему невозможно часто навѣщать врача. Дѣйствительно, курьезные случаи употребленія внутрь атропина, или выпиваніе цѣлой бутылки наперстянки, данной на недѣлю, въ одинъ присѣстъ, встрѣчаются въ крестьянскомъ быту, но подобные факты составляютъ исключенія. Изъ-за нихъ нельзя лишать медицинской помощи разумныхъ крестьянъ; а послѣднихъ громадное большинство. Развѣ между образованными людьми, которымъ никакой врачъ не затруднится давать опій или морфій на цѣлую недѣлю, не находятся личности, которыя намѣренно отравляются большими дозами лекарствъ, или пьютъ фосфоръ и т. п. На основаніи этихъ фактовъ, никто не станетъ нападать на образованное сословіе и доказывать, что нельзя отпускать на долго лекарства изъ боязни, что употребятъ за одинъ разъ все лекарство, назначенное на недѣлю. Точно также и крестьянъ, имѣющихъ въ большинствѣ случаевъ трезвый и разумный взглядъ на жизнь, нельзя лишить лекарства изъ-за самаго ничтожнаго процента больныхъ, не обладающихъ терпѣніемъ. Наоборотъ, мы можемъ удостовѣрить, что крестьяне весьма аккуратны даже въ счетѣ капель; въ этомъ мы могли убѣдиться не разъ. По этой причинѣ въ необходимыхъ случаяхъ я отпускалъ атропинъ и другія сильно дѣйствующія средства въ крѣпкомъ растворѣ, и довѣріемъ моимъ крестьяне не злоупотребляли.

Если переложить стоимость отпущенныхъ лекарствъ на деньги, которыя крестьянамъ пришлось бы заплатить за нихъ въ городской аптекѣ, то можно навѣрное сказать, что аптека взяла бы съ нихъ непремѣнно отъ 500 до 700 рубл., считая каждый рецептъ въ 40—50 коп. сер.—Привожу это обстоятельство для того, чтобы земства не брали для крестьянъ лекарствъ изъ аптекъ, а имѣли бы у себя склады лекарствъ, изъ которыхъ каждый врачъ могъ бы самъ, съ помощью фельдшера или фельдшерицы, приготовлять лекарства. Послѣдній способъ отпусканія лекарствъ выгоденъ во многихъ отношеніяхъ и для крестьянъ, такъ какъ имъ не приходится тратить время на шествіе въ городъ и ожиданіе въ аптекѣ, пока имъ приготовятъ лекарство. Уже не говоря о томъ, что земству выгоднѣе платить за лекарства по ихъ дѣйствительной стоимости, а не втридорога или еще больше, — крестьянинъ больше довѣряетъ лекарству, которое ему отпустилъ самъ врачъ; въ лекарствѣ изъ аптеки онъ часто сомнѣвается то-ли ему отпущено, что врачъ назначилъ, ибо встрѣчались случаи, когда изъ аптекъ отпускали крестьянамъ, неоднократно видѣвшимъ іодовую настойку, какую-то желтоватую жидкость, но отнюдь не іодъ. Кромѣ того, необходимо помнить, что деньги, которыя земство платитъ аптекарямъ за крестьянскіе рецепты, идутъ все-таки изъ ку-

жицкаго кармана; поэтому зачѣмъ платить, вмѣсто 35—40 или 50 рубл.,—500 руб.!

Весьма важно при леченіи крестьянъ въ деревнѣ тотчасъ имъ давать прописанное лекарство. Если снабдить крестьянина только рецептомъ, чтобы онъ купилъ лекарство въ вольной аптекѣ въ городѣ, то онъ во первыхъ не всегда поѣдетъ еще въ городъ, за 30—40 или даже 50—60 верстъ. А если и поѣдетъ нарочно, то лекарство подоспѣетъ дня черезъ 3—4, а иногда и позже, что не всегда имѣетъ значеніе. Крестьянину некогда лечиться; много времени отдавать леченію онъ не можетъ, ибо земля его ждетъ; природа требуетъ, чтобы сегодня онъ пахалъ землю, или сѣялъ, или молотилъ и т. п. Пропадетъ лишній день-другой на ѣзду въ городъ, и ѣсть будетъ нечего зимою ему и его семьѣ. Съ незначительною потерею времени для явки къ врачу крестьянинъ еще можетъ лечиться. Этой жертвы можно требовать отъ него. Хворать и лечиться для крестьянина роскошь, и на то и другое онъ не хочетъ и не можетъ тратить много времени. Онъ предпочитаетъ быть нездоровымъ, напрягать во время болѣзни всѣ свои силы, работать, что слѣдуетъ, по данному времени и погодѣ, но не тратить понапрасну время на ѣзду далеко къ врачу, а тѣмъ болѣе и къ врачу, а затѣмъ отъ послѣдняго еще въ городъ за лекарствомъ. Вотъ почему земскіе врачи должны всегда съ собою возить лекарства во время разъѣздовъ по уѣзду и тотчасъ при изслѣдованіи отпускать больнымъ, что требуется.

Если мы обратимъ вниманіе на тѣ болѣзни, которыми страдали крестьяне обитаемой нами мѣстности, то не трудно убѣдиться, что ни одна изъ нихъ не требуетъ, чтобы врачъ являлся къ больному; совершенно достаточно для хода названныхъ болѣзней, если больной является къ врачу. На такую жертву времени для явки къ врачу согласенъ всякій крестьянинъ, какъ бы занятъ онъ ни былъ. Кромѣ того, въ другихъ отношеніяхъ важно, чтобы не врачъ являлся въ деревню къ больному, а наоборотъ, больной къ врачу. Отлучка врача изъ дома къ больнымъ, на разстояніе иногда нѣсколькихъ верстъ, требуетъ, кромѣ расходовъ на лошадей, еще потерю времени, такъ что врачъ, при такомъ способѣ объѣзда своихъ паціентовъ, могъ бы осмотрѣть въ день лишь двухъ-трехъ больныхъ.

Далѣе, могло бы случиться, что во время отлучки врача къ одному больному, къ нему издалека пріѣзжаютъ другіе больные и не застаютъ его дома. Если подобные случаи стали бы повторяться часто, то крестьяне потеряли бы совершенно охоту ѣздить къ врачу, отдавая себя тогда уже всецѣло на произволъ бабъ, знахарокъ, дере-

венскихъ волхвовъ и ворожей. У себя же на дому врачъ, принимая даже 30—40 больныхъ въ день и самъ отпуская имъ лекарства, всегда имѣетъ еще достаточно времени на все. Еслибы при врачѣ находилась еще фельдшерица, которая помогала бы ему приготовлять лекарства и записывать подъ его диктовку наблюденія надъ больными, то оставалось бы земскому врачу много времени, и была бы ему дана возможность вести дальше науку о народномъ здравіи.

Возьмемъ однако же другую возможность: представимъ себѣ, что, кромѣ встрѣчавшихся намъ болѣзней, имѣлись бы еще тифы, острыя пневмоніи, острый сочленовный ревматизмъ и другія острыя заболѣванія. Какъ тутъ быть? Больные при этихъ болѣзняхъ слабы, сами къ врачу ходить не могутъ. Не долженъ ли врачъ навѣщать подобныхъ больныхъ у нихъ на дому? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо вникнуть въ положеніе крестьянской семьи. Нужно видѣть, что значитъ больной въ крестьянскомъ быту. Въ семействѣ крестьянина всѣ члены семьи, которые только способны работать, распредѣлены по разнымъ работамъ; рабочихъ рукъ всегда мало, а лишнихъ рабочихъ въ деревнѣ никогда не бываетъ. Когда заболѣваетъ рабочая рука, то отсутствіе ея отзывается крайне тяжело на всемъ крестьянскомъ хозяйствѣ; приходится остальнымъ членамъ семьи напрягать всѣ свои силы, чтобы не запустить работы, или даже приходится нанимать другую рабочую силу. Ходить же за больнымъ никому нѣтъ времени. Иногда мужъ, опасно больной, лежитъ дома въ тифѣ, бредитъ, безъ памяти, а жена жнетъ въ полѣ или оретъ вмѣсто него, съ груднымъ еще ребенкомъ, завернутымъ и лежащимъ тутъ же гдѣ-нибудь на землѣ; объ больномъ заботится какая-нибудь 4—5 лѣтняя дѣвочка. Случается, что ребенокъ 10—12 лѣтъ, страдающій хроническимъ воспаленіемъ легкаго въ послѣдней степени и одержимый сильными поносами, лежитъ одинъ дома, не пользуясь ничьимъ уходомъ. Никто изъ членовъ семьи не знаетъ, кашляетъ ли этотъ ребенокъ днемъ, сколько разъ въ сѣни бѣгаетъ. Даже бабушка, которая остается дома, готовитъ кушанье для работающихъ членовъ семьи; кромѣ того, у нея еще на рукахъ двое-трое меньшихъ ребятъ; поэтому и она не знаетъ, что происходитъ съ больнымъ. Умираетъ ребенокъ тихо, никто его не замѣчаетъ. Только вечеромъ, когда мать приходитъ съ поля домой, она, не слыша стоновъ дитяти, узнаетъ, что онъ померъ. Намъ, образованнымъ людямъ подобное обращеніе съ больными кажется безчеловѣчнымъ, жестокимъ. Когда у насъ захвораетъ кто-либо изъ семьи, мы останавливаемъ всѣ дѣла, ставимъ все на ноги, окружаемъ больного уходомъ и ласками. Но не забудемъ, что для этого мы имѣемъ средства, имѣемъ возможность. Наши ласки и тщательный уходъ, въ сущности, обходятся

намъ не очень дорого. Уходъ же крестьянина, еслибы онъ вздумалъ окружить имъ больного, обошелся бы ему весьма дорогою цѣною, можетъ быть благополучіемъ нѣсколькихъ другихъ членовъ семьи. Ѣсть было бы нечего, еслибы рабочіе посвятили себя уходу за больными вмѣсто работы. Вотъ почему невозможно осуждать крестьянина за оставленіе больныхъ на произволъ судьбы. Приходится жалѣть крестьянъ за такую нужду, которая выработала почти животныя отношенія между ними. Съ улучшеніемъ экономическихъ условій крестьянъ и съ распространеніемъ среди нихъ просвѣщенія посредствомъ сѣти разумныхъ народныхъ школъ, подобныя варварскія отношенія къ своимъ больнымъ исчезнутъ. Больной въ настоящее время —лишній человѣкъ въ крестьянской семьѣ. Если болѣзнь тянется долго и дѣлаетъ крестьянина неспособнымъ къ работѣ, то онъ самъ молитъ о своей смерти; да и вся семья, въ присутствіи больного, говоритъ, что лучше было бы, чтобы онъ поскорѣе померъ.

При такой постановкѣ вопроса, при такомъ беззащитномъ положеніи больного, при отсутствіи самаго ничтожнаго ухода, намъ кажется необходимымъ поставить правиломъ, чтобы больные и съ острыми заболѣваніями являлись къ врачу, въ его мѣстожительство и у него бы оставались впредь до излеченія. Для этого необходимо, чтобы въ томъ мѣстѣ, гдѣ живетъ врачъ, имѣлась небольшая больничка, кроватей на 5—6 или 10, смотря по мѣстности и по количеству постоянныхъ острыхъ заболѣваній.

Нечего бояться того, что крестьяне станутъ скрывать своихъ больныхъ, чтобы не попасть въ больницу. Все дѣло тутъ въ томъ, какъ себя поставитъ ближайшій врачъ. Если крестьяне имѣютъ къ нему довѣріе, то ни одинъ случай инфекціоннаго заболѣванія не будетъ скрытъ. Если же врачъ поставитъ себя въ глазахъ крестьянства, какъ начальство, тогда, конечно, онъ никогда не будетъ знать, какая заболѣваемость господствуетъ въ деревнѣ. Необходимо, чтобы врачъ дѣйствительно любилъ человѣка, тогда навѣрное и крестьяне будутъ его любить, уважать и исполнять всѣ его требованія.

Больницею могла бы завѣдывать фельдшерица, равно какъ аптекою, пищею больныхъ, бѣльемъ и т. п. На фельдшеровъ народъ смотритъ дурно, одинаково какъ на кабатчиковъ и кулаковъ. Къ фельдшеру крестьянинъ обратится лишь въ крайней нуждѣ; женщинамъ же, фельдшерицамъ, народъ довѣряетъ.

Кстати два слова о фельдшерахъ. Нѣкоторые земскіе дѣятели полагаютъ, что вмѣсто врачей достаточно имѣть въ деревнѣ фельдшеровъ. Такое мнѣніе вдвойнѣ ошибочно. Во-первыхъ, фельдшеръ это тотъ же знахарь; о болѣзняхъ онъ имѣетъ весьма смутное понятіе, но за то ему кажется, что онъ все знаетъ, и кромѣ того онъ обладаетъ

въ достаточной степени нахальствомъ. Во-вторыхъ, среди крестьянъ онъ является, благодаря своему положенію, эксплуататоромъ. Народъ поэтому и не довѣряетъ фельдшерамъ. Фельдшерицамъ же другое дѣло: онѣ относятся къ своему дѣлу честно, серіозно; кромѣ того, онѣ добросовѣстны; въ случаѣ незнанія чего-либо, онѣ обращаются тотчасъ къ врачу. Если земство рѣшится поставить фельдшеровъ вмѣсто врачей, то это обойдется дѣйствительно дешево, но за то народная медицина убьется окончательно и восторжествуетъ знахарство, заговариваніе и кабатчики, лечащіе зеліемъ. Земству необходимо реорганизовать свою медицинскую дѣятельность, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія и спору. Но преобразовывать надо толково, замѣнить худшее лучшимъ, а не наоборотъ.

Мы представляемъ себѣ земскую медицинскую дѣятельность въ слѣдующемъ видѣ. Каждый уѣздъ долженъ быть раздѣленъ на участки, приблизительно въ 20 верстъ каждый; въ центрѣ каждаго участка живетъ врачъ; при немъ больничка, аптечка, снабженныя всѣмъ необходимымъ отъ земства. Больные ѣздятъ къ врачу изъ-за десятиверстнаго разстоянія. Это разстояніе невелико и не дурно перенесется даже остро-заболѣвшими больными. Дальше 10 верстнаго разстоянія не придется ѣздить, такъ какъ въ слѣдующемъ участкѣ имѣется врачъ ближе. Изъ-за бо́льшаго разстоянія, чѣмъ 10 верстъ, стали бы ѣздить больные лишь въ исключительныхъ случаяхъ, съ хроническими только заболѣваніями, когда свой врачъ не помогъ. Такіе случаи были бы поучительны и для самихъ врачей.

Принимать больныхъ земскій врачъ долженъ во всякое время дня. Назначеніе опредѣленныхъ часовъ въ день для пріема больныхъ положительно немыслимо для крестьянскаго быта. Иной крестьянинъ пріѣзжаетъ къ врачу за 8 — 10 верстъ и болѣе, верхомъ ли, въ телегѣ ли, или даже пѣшкомъ. Останавливаться ему негдѣ, кромѣ двора или широкой дороги. Лошадь привяжетъ гдѣ-нибудь къ забору или дереву, а самъ идетъ къ врачу, чтобы получить совѣтъ и сейчасъ же уѣхать или идти обратно. Если крестьянинъ пріѣзжаетъ во время дождя, то ему негдѣ укрыться отъ него, ибо въ деревнѣ нѣтъ постоялыхъ дворовъ, а знакомые ему крестьяне этой деревни заняты работою. Если крестьянинъ пріѣзжаетъ къ врачу и не застаетъ его дома, то онъ тотчасъ же идетъ домой; ему негдѣ дожида́ться, да и некогда. Его дома ждетъ работа, оставленная лишь на нѣсколько часовъ. По этой причинѣ, если бы врачъ вздумалъ изъ педантизма принимать лишь въ опредѣленные часы, то онъ бы лишился многихъ больныхъ. Деревня—не городъ, гдѣ всякій больной имѣетъ возможность явиться къ врачу въ опредѣленный имъ для пріема часъ. Въ деревнѣ крестьянинъ идетъ лечиться къ врачу

тогда, когда ему позволяютъ его работы, которыя для него дороже самого себя, ибо работою кормится вся семья. Земскій врачъ никогда поэтому не долженъ упрекать крестьянъ въ томъ, что они явились издалека къ нему не во время его обычныхъ пріемныхъ часовъ. Ночью крестьяне сами никогда не безпокоятъ врача. День же врачъ весь долженъ принадлежать больнымъ.

При подобной организаціи, хроническіе больные отпускались бы врачемъ съ лекарствами домой; острыхъ же больныхъ онъ бы оставлялъ въ больничкѣ, до выздоровленія, подъ присмотромъ и ближайшимъ уходомъ опытной и преданной своему дѣлу фельдшерицы. Въ случаѣ, если бы врачу понадобилось отлучиться изъ дома, его бы могла замѣнить фельдшерица. Въ больницѣ врачъ ведетъ подробныя исторіи болѣзни. Также вкратцѣ отмѣчаются болѣзни приходящихъ больныхъ. Каждому больному слѣдуетъ удѣлить особую страничку въ книгѣ для приходящихъ больныхъ. Свѣденія эти, будучи приведены въ порядокъ и опубликованы, могли бы пролить свѣтъ на положеніе народнаго здравія.

Земская медицинская дѣятельность могла бы быть полезна и при другомъ способѣ ея примѣненія. Мы говоримъ *о странствующихъ врачахъ*. Послѣднихъ мы себѣ представляемъ въ слѣдующемъ видѣ.

Молодой врачъ, ищущій болѣе обширной дѣятельности и желающій примѣнить своя познанія на дѣлѣ отправляется странствовать по уѣзду, снабженный, конечно, всѣми возможными полномочіями. Съ нимъ имѣется около 60—70 названій лекарствъ; пріѣзжаетъ онъ въ одну деревню, останавливается въ ней у перваго попавшагося крестьянина, или у старосты, и объявляетъ о своемъ намѣреніи приносить пользу крестьянамъ въ болѣзняхъ. Къ нему приходятъ больные. Онъ ихъ осматриваетъ подробно, записываетъ результаты на особыхъ листочкахъ, которые выдаетъ крестьянамъ на руки. На этихъ листкахъ отмѣчается ходъ болѣзни и отпущенныя лекарства. У себя же врачъ оставляетъ въ книгѣ копію. Попользовавъ всѣхъ больныхъ данной деревни, т.-е. отпустивъ имъ лекарства и разсказавъ имъ какъ ихъ принимать, врачъ, отправляется далѣе, въ слѣдующую деревню, гдѣ происходитъ та же исторія. Листокъ о болѣзни выдается крестьянину на руки для храненія у себя. Въ случаѣ пріѣзда черезъ нѣкоторое время того же или другого странствующаго врача, послѣдній можетъ уже узнать теченіе болѣзни изъ листка, а не изъ разсказа крестьянъ, которые иногда останавливаются на пустякахъ, потому что они имъ кажутся важными, и забывая важныя данныя болѣзни, потому что онѣ имъ кажутся не

стоющими вниманія. Отчетъ обо всей заболѣваемости данной мѣстности странствующій врачъ могъ бы составить по своей книгѣ.

Странствующій врачъ, какъ вообще всякій земскій врачъ, долженъ быть свѣдущъ и напрактикованъ почти во всѣхъ отрасляхъ медицины. Онъ долженъ знать и внутреннія болѣзни, и хирургію, глазныя и накожныя болѣзни, акушерство, женскія и. дѣтскія болѣзни; также онъ долженъ знать зубныя болѣзни и т. п. Долженъ возить съ собою самые необходимые инструменты, чтобы дѣлать небольшія операціи. Съ этою цѣлью полезно, чтобы странствующій врачъ, по окончаніи курса медицинскихъ наукъ, приготовлялся къ своему званію и къ своей дѣятельности, учась еще въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ въ разныхъ большихъ больницахъ, посвящая по 3—4—6 мѣсяцевъ на каждую медицинскую спеціальность. Послѣ двухъ-трехъ-лѣтней практической дѣятельности, подъ руководствомъ болѣе опытныхъ врачей, въ большихъ больницахъ и клиникахъ, непосредственная дѣятельность среди народа и подъ своей личной отвѣтственностью, можетъ приносить, какъ странствующему врачу, такъ и народной медицинѣ, громадную пользу.

Интересныхъ случаевъ въ деревнѣ весьма много; многіе случаи, достойные научнаго описанія, въ настоящее время пропадаютъ даромъ. Я увѣренъ, что всякій врачъ, не эгоистъ и интересующійся своею наукою, съ удовольствіемъ посвятилъ бы два-три года странствованію по деревнямъ. Два-три года не вѣчность! Такимъ путемъ, живя въ самой деревнѣ, среди крестьянъ, а не являясь въ деревню наѣздомъ на нѣсколько минутъ и исчезая вновь въ свое гнѣздо, какъ это дѣлается теперешними земскими врачами, разъѣзжающими по деревнямъ, врачъ узналъ бы лучше народъ, чѣмъ онъ питается, какъ одѣвается и обувается, какъ живетъ, какимъ воздухомъ дышетъ, какія суевѣрія и обычаи мѣшаютъ выростанію молодого поколѣнія, степень его образованія, нужды и т. п. Тогда бы врачи не давали крестьянамъ невыполнимыхъ совѣтовъ, надъ которыми послѣдніе смѣются.

Прослуживъ года два-три деревнѣ въ качествѣ странствующихъ врачей, послѣдніе могли бы поступать въ земскую уѣздную, губернскую и столичную администрацію, гдѣ они были бы весьма полезны, такъ какъ они хорошо знали бы нужды и потребности народныя.

Конечно, мысль о странствующихъ врачахъ, разъѣзжающихъ въ крытыхъ кибиткахъ на одной лошади шагомъ, отъ деревни къ деревнѣ, и всюду останавливающихся по одному или два дня, смотря по надобности, можетъ нѣкоторымъ показаться забавною. Но нужно знать, что теперешній земскій врачъ, наѣзжающій въ невѣжественную волость на парѣ съ колокольчикомъ, опрашивающій огуломъ

всѣхъ крестьянъ и исчезающій, послѣ отдачи чиновническаго приказа, въ свой болѣе изящный городъ, гораздо болѣе смѣшонъ въ глазахъ народа и его истинныхъ друзей, чѣмъ странствующій врачъ, который бы посвятилъ себя на 2—3 года жизни въ деревнѣ, среди народа, и изученію его недуговъ и болячекъ.

Пока земство будетъ обдумывать, какъ организовать медицинскую помощь для народа, тѣмъ или другимъ способомъ, было бы полезно тѣмъ временемъ дозволять хоть сейчасъ нѣкоторымъ помѣщикамъ, желающимъ быть полезными народу, вести ручную продажу нѣкоторыхъ безвредныхъ медикаментовъ, именно тѣхъ, которые отпускаются изъ аптекъ безъ предписанія врача. Земство могло бы ходатайствовать о дозволеніи образованнымъ лицамъ, извѣстнымъ управѣ, продавать слѣдующіе медикаменты: касторовое масло, цинковую мазь, вытяжной пластырь, живительный пластырь, грудной чай, бобковую мазь, липкій пластырь, свиное сало, крушину, ревень, миндальное молоко, прованское масло, квасцы, алтейный сиропъ, нашатырный спиртъ, гуляровую воду, бензинъ, камфору, камфорное масло и спиртъ, анисовую воду, хинную корку, хининъ, мѣдный купоросъ, глицеринъ, александрійскій листъ, бѣлый купоросъ, марганцовокислый кали, тимонъ, карболовую кислоту, селитру, летучую мазь, известковую воду и мазь, оподельдокъ, магнезію, англійскую соль, мяту, лавровишневую воду, соду, глауберову соль, бертолетовую соль, рыбій жиръ, скипидаръ, сосновое масло, свинцовую воду, тоннинъ, Доверовы порошки, сантонинныя лепешки, зеленое мыло, дегтярное мыло, горчицу, гофманскія капли, мазь отъ чесотки, валеріановыя капли, дѣтскіе соски гуттаперчевые, резиновыя спринцовки и клистиры, кровоостанавливающую вату, и т. п.

Эти лекарства, изъ которыхъ ни одного нѣтъ опаснаго, крестьяне стали бы охотно покупать. Не было бы имъ тогда надобности со всякими пустяками обращаться къ врачамъ. Дѣлается запоръ у крестьянина, онъ принужденъ идти за 15 — 20 верстъ къ врачу; послѣднему онъ описываетъ свои страданія мрачными красками, ибо самъ крестьянинъ, хотя и знаетъ, что у него запоръ, не понимаетъ однако, что и остальные симптомы, и головная боль, и ломота, и одышка и т. п., могутъ тоже зависѣть отъ запора. Врачъ даетъ ему касторовое и досадуетъ, что съ пустяками лезутъ къ нему. Да и самъ крестьянинъ предпочелъ бы дать пятачекъ за касторовое масло у себя въ деревнѣ, или въ 2—3 верстахъ отъ своего дома, и вылечиться такимъ легкимъ способомъ, нежели ѣздить далеко къ врачу. Охотниковъ изъ образованнаго класса заниматься продажею вышепере-

численныхъ лекарствъ нашлось бы много. Нѣкоторые помѣщики, учителя, изъ доброжелательства къ крестьянамъ, завели бы у себя означенную продажу. Крестьяне были бы за это только благодарны. Въ настоящее же время изъ лекарствъ ничего нельзя достать въ деревнѣ. Сдѣлался нарывъ — прикладывай листъ; ни мази, ни примочки кругомъ нѣтъ, или приходится одолжаться у сосѣдняго помѣщика, у котораго кое-что припасено изъ города на случай хворости. За пустяками иногда приходится посылать въ городъ, за 30—40 и болѣе верстъ. Да изъ-за цинковой или какой-либо иной мази крестьянинъ въ городъ не поѣдетъ. Вотъ почему въ деревнѣ въ ходу знахари и ворожеи, да кабатчики и заговариватели. Будь позволена мелкая ручная продажа вышеперечисленныхъ средствъ въ деревнѣ, крестьяне рѣже стали бы обращаться къ знахаркамъ, и земская медицина значительно подвинулась бы впередъ. Обыкновенные случаи легкой хворости народъ сталъ бы лечить самъ, покупая за пятачекъ, гривенникъ—мазь, масло или примочку. Только въ серьезныхъ случаяхъ онъ сталъ бы обращаться къ врачамъ; за то и послѣдніе стали бы серьезнѣе смотрѣть на народныя болѣзни.

Отъ позволенія всѣмъ, извѣстнымъ управѣ, заниматься ручною продажею лекарствъ въ деревнѣ—никому бы не было убытку, даже аптеки отъ этого ничуть не пострадали бы, ибо тѣ крестьяне, которые станутъ покупать въ деревнѣ касторовое масло или мазь, все равно не купили бы лекарствъ у аптекарей, а обошлись бы листомъ отъ травы или дерева и т. п.

Контролировать продажу этихъ мелкихъ медикаментовъ нѣтъ никакой надобности; вѣдь не подлежатъ же контролю знахари, волхвы и разные кабатчики, торгующіе купоросннымъ масломъ, крѣпкою водкою, сулемою и т. п. Если же была бы признана необходимость контроля, то и его легко могли бы исполнить существующіе земскіе врачи.

Думаемъ, — если земство энергично возьмется ходатайствовать о дозволеніи продажи нѣкоторыхъ лекарствъ, безъ предписанія врача, въ деревняхъ, то его ходатайство, по всей вѣроятности, будетъ уважено.

Я. Симоновичъ.

ПИСЬМА ИЗЪ ПРОВИНЦІИ.

Тифлисъ.— Май, 1884 г.

Безпрестанно распускаемые у насъ слухи о несостоятельности самыхъ крупныхъ торговыхъ фирмъ тифлисскихъ являлись въ последнее время нашею главною злобою дня. Поводомъ къ появленію подобныхъ слуховъ, какъ это бываетъ обыкновенно, служитъ то обстоятельство, что люди, ворочавшіе до сихъ поръ сотнями тысячъ и милліонами рублей, затрудняются теперь, вслѣдствіе сильнаго упадка торговли и общаго безденежья, уплатой не только капитальнаго долга, но и процентовъ. Случаи ликвидаціи торговыхъ дѣлъ такъ участились, что наемная плата за зданія, отстроенныя подъ магазины и другія торговыя заведенія, упала въ послѣдніе два года на 40—50%. Стѣсненное же положеніе денежнаго рынка вызвало почти во всѣхъ мѣстныхъ банкахъ значительное повышеніе учетнаго процента. Среди акціонеровъ одного изъ самыхъ солидныхъ кредитныхъ учрежденій—тифлисскаго коммерческаго банка—явилась даже мысль объ отчисленіи всего дивиденда за прошлый годъ въ запасный капиталъ, съ цѣлью гарантировать банкъ отъ ликвидаціи въ случаѣ значительныхъ убытковъ, могущихъ произойти при нынѣшнемъ общемъ денежномъ кризисѣ.

Такое положеніе вещей принято объяснять въ мѣстномъ обществѣ упраздненіемъ кавказскаго намѣстничества и существовавшихъ при немъ нѣсколькихъ должностей, сокращеніемъ численности войскъ, состоящихъ на Кавказѣ, стремленіемъ правительства вообще къ сокращенію расходовъ и проистекающею отъ того строгостью военнаго таможеннаго, акцизнаго и другихъ начальствъ въ отношеніи коммерсантовъ, а также отчасти закрытіемъ закавказскаго транзита, дававшаго средства къ существованію многочисленному у насъ классу коммиссіонеровъ и рабочему люду.

Всѣ эти правительственныя распоряженія, нѣтъ сомнѣнія, могли имѣть вліяніе на застой нашей торговли. Если это такъ, то настоящимъ нашимъ положеніемъ какъ нельзя лучше подтверждается основная мысль извѣстной книги г. В. В.: „Судьбы капитализма въ Россіи", а именно, что русскій капитализмъ обязанъ своимъ существо-

ваніемъ покровительству правительства. Казенные подряды и откупа, выгодные для подрядчиковъ и откупщиковъ, но крайне убыточные для казны и населенія, служили до послѣдняго времени почти единственнымъ источникомъ обогащенія крупныхъ коммерсантовъ не на одномъ Кавказѣ. Разъ послѣдовали другія распоряженія и вообще появилось у правительства стремленіе къ экономіи, кавказская торговля неминуемо должна была сократить свои обороты.

Но всѣ перечисленныя мѣры тѣмъ не менѣе едва ли могутъ служить исключительной причиной застоя нашей торговли. Въ дѣйствительности, „строгости“ новаго начальства нѣсколько преувеличены; онѣ часто касаются лишь детальной стороны дѣла и упоминаются въ разговорѣ скорѣе для красоты слога. Упраздненіе намѣстничества имѣло последствіемъ упраздненіе двухъ, трехъ десятковъ неособенно завидныхъ синекуръ; сокращеніе численности войскъ на Кавказѣ было незначительное; прекращеніе же безпошлиннаго провоза чрезъ нашъ край въ Персію иностранныхъ товаровъ неблагопріятно повліяло главнымъ образомъ на государственный бюджетъ, такъ какъ отъ этой мѣры значительно пострадали дѣла общества закавказской желѣзной дороги, бумаги котораго гарантированы правительствомъ.

На кавказскій торговый кризисъ имѣло много вліянія, между прочимъ, измѣненіе значенія Тифлиса, какъ центральнаго торговаго пункта. Городъ этотъ до настоящаго времени составлялъ лишнюю станцію для товаровъ, идущихъ на Кавказъ изъ-за границы и русскихъ городовъ, и обратно, что происходило отъ отсутствія въ краѣ сколько-нибудь удобныхъ путей сообщенія. Тифлисъ, съ первыхъ же дней водворенія русскихъ на Кавказѣ, былъ признанъ административнымъ центромъ для всего края, и лучшія дороги со всѣхъ сторонъ проведены были прежде всего къ этому городу. По мѣрѣ же развитія у насъ путей сообщенія, морскихъ и сухопутныхъ, по мѣрѣ расширенія сѣти телеграфнаго сообщенія, кавказская столица стала терять свое привилегированное положеніе и на ея счетъ развились другія, глухія до того мѣстности. Въ этомъ случаѣ особенно много выиграли конечные, приморскіе пункты закавказской желѣзной дороги—Баку и Батумъ (послѣдній къ тому же пользуется выгодами порто-франко).

При описанномъ упадкѣ торговли, свободные капиталы, когда они еще имѣлись у насъ (послѣ послѣдней войны), естественнѣе всего было бы приложить къ какой-нибудь иной дѣятельности. Богатство кавказской природы, ежегодный вывозъ изъ края за границу громаднаго количества сырья, для обработки котораго на мѣстѣ не имѣлось фабрикъ, легко могли-бы натолкнуть нашихъ капиталистовъ

на мысль о необходимости развить мѣстную промышленность [1]). Но благоговѣйное поклоненіе рутиннымъ пріемамъ легкой наживы взяло верхъ, и весь запасъ капиталовъ, скопленныхъ во время послѣдней войны, ушелъ на прадѣдовскія затѣи: домостроительство, подряды, торговлю заграничными товарами и пр. Заводское же и фабричное производство у насъ находилось все время въ младенческомъ состояніи, и наше временное обогащеніе почти вовсе не коснулось его. Въ Тифлисѣ, напримѣръ, по описанію мѣстнаго статистическаго комитета, въ 1876 г., числилось въ качествѣ фабрикъ и заводовъ 144 заведенія, но за исключеніемъ одной бумагопрядильной фабрики, одного свѣчного завода и нѣсколькихъ табачныхъ фабрикъ, всѣ остальныя были „размѣровъ самыхъ незначительныхъ, нѣкоторыя изъ нихъ скорѣе слѣдовало бы назвать просто мастерскими или ремесленными заведеніями. Всѣ эти заводы и фабрики удовлетворяли лишь текущія нужды Тифлиса, преимущественно по постройкѣ домовъ; шелкомотальныя же фабрики, которыя могли бы работать для внѣшняго запроса, оказывались безполезными какъ для иностранцевъ, такъ и для русскихъ; первые вывозятъ преимущественно коконы и фризоны, вторые вовсе не вывозятъ размотаннаго въ Тифлисѣ шелка. На всѣхъ этихъ фабрикахъ и заводахъ трудно было встрѣтить какія-либо новѣйшія приспособленія. Такъ, напримѣръ, несмотря на обиліе въ нашемъ городѣ кирпичныхъ заводовъ, нельзя было ни на одномъ изъ нихъ найти кирпичедѣлательной машины, ни одной обжигательной печи новѣйшей системы, вслѣдствіе чего страдали и матерьялы и цѣны".

Послѣ же войны, въ 1879 г., по тому же статистическому описанію, хотя число заводовъ и фабрикъ въ Тифлисѣ возрасло съ 144 до 214, но вышеописанный характеръ ихъ слишкомъ мало измѣнился къ лучшему.

---

[1]) Чтобы дать читателямъ приблизительное понятіе о томъ количествѣ мало или совсѣмъ необработанныхъ произведеній, какое ежегодно вывозится изъ нашего края за границу, приводимъ слѣдующую таблицу изъ „Кавказскаго календаря" за 1881 г.:

	Въ 1878 г.	1879 г.	1880 г.
Шелковые коконы	1.283,540 р.	1.618,801 р.	797,641 р.
Шерсть	1.549,087 „	854,795 „	неизвѣстно.
Шелкъ-сырецъ	293,512 „	561,107 „	98,317 „
Кожа сырья	40,320 „	112,189 „	27,389 „
Орѣховое и пальмовое дерево	140,677 „	224,265 „	82,615 „
Марганецъ	—	—	82,000 „

Въ таблицѣ этой пропущены нѣкоторые изъ главныхъ предметовъ вывоза: такъ, здѣсь ничего не упоминается о нефти, вывозъ которой, впрочемъ, принялъ значительные размѣры лишь въ послѣдніе два года, послѣ устройства желѣзнаго пути отъ Каспійскаго до Чернаго моря.

Что же касается нашей промышленности болѣе широкихъ размѣровъ, то почти вся она находится въ рукахъ иностранцевъ. Немногія попытки кавказцевъ въ этой области имѣли до сихъ поръ послѣдствіемъ лишь однѣ неудачи. Бумагопрядильная фабрика тифлисскаго капиталиста Г. М. Мирзоева, устроенная нѣсколько лѣтъ назадъ въ Тифлисѣ, все время терпѣла невознаградимые для ея хозяина убытки и, наконецъ, перешла въ распоряженіе иностранца. Чатахскій чугунно-плавильный заводъ, находящійся въ 70 верстахъ отъ Тифлиса, у богатаго мѣсторожденія желѣзной руды, перейдя отъ иностранца къ мѣстному купцу, стоитъ нѣсколько лѣтъ въ бездѣйствіи. Между тѣмъ, на этотъ заводъ какъ частными лицами, такъ и правительствомъ, затрачены большіе капиталы, такъ какъ выгоды предпріятія были очевидны для лицъ, близко знакомыхъ съ этою областью заводского производства.

Керосиновые заводы, устроенные тифлисскими капиталистами въ бакинской губерніи, даютъ почти такіе же плачевные результаты, и заводчики доведены чуть не до банкротства. Между тѣмъ жаловаться на качество бакинской нефти было-бы крайне несправедливо. По изслѣдованію спеціалистовъ, Кавказъ, по мѣсторожденіямъ нефти, есть одна изъ самыхъ богатыхъ странъ на земномъ шарѣ, и нефтяное дѣло должно дать намъ неисчерпаемыя богатства.

Довольно поучительна параллель между дѣятельностью туземныхъ нефтепромышленниковъ и дѣятельностью людей пріѣзжихъ, гг. Нобеля (шведа) и Палашковскаго (петербургскаго инженера), имѣющихъ также свои заводы въ бакинской губерніи. Послѣдніе находятся далеко не въ отчаянномъ положеніи, въ какомъ—первые. Гг. Нобель и Палашковскій съумѣли найти пути для сбыта своей нефти: первый завелъ свои пароходы, а второй, въ компаніи съ другимъ нефтепромышленникомъ, инженеромъ Бунге, состоитъ однимъ изъ главныхъ акціонеровъ общества закавказской желѣзной дороги и пользуется этою дорогою не только въ настоящее время, но пользовался ею и до оффиціальнаго открытія ея, когда она была вовсе недоступна для остальныхъ нефтепромышленниковъ. Послѣдніе же, не стараясь сплотиться между собой для открытія себѣ новыхъ путей, могущихъ поддержать ихъ конкурренцію съ названными предпринимателями, стремятся только лишить своихъ конкуррентовъ существующихъ у нихъ средствъ къ сбыту нефти. Такъ, года четыре назадъ, американецъ Твидль, задумавшій проложить нефтепроводъ отъ Каспійскаго моря до Чернаго, ни отъ кого такого шумнаго сопротивленія не встрѣтилъ, какъ именно отъ мѣстныхъ нефтепромышленниковъ. Они сильно боялись въ этомъ случаѣ монополіи при сбытѣ нефти, въ пользу концессіонера нефтепровода.

Предпріятіе г. Твидля не осуществилось тогда, такъ какъ предложенія его казались правительству невыгодными, но легко оно можетъ осуществиться въ настоящее время, когда концессіонныя условія эти значительно измѣнились въ пользу казны.

Наши нефтепромышленники, недавно спрошенные по этому дѣлу, снова стали ополчаться противъ г. Твидля. Едва ли однако это обстоятельство повредитъ послѣднему, въ виду того, что выгоды сбыта нефти по нефтепроводу слишкомъ очевидны. Вопросъ только въ томъ, кто будетъ пользоваться этимъ путемъ, кто будетъ хозяиномъ бакинскаго нефтяного дѣла? Группа ли мѣстныхъ нефтепромышленниковъ, безсильная до сихъ поръ въ пріобрѣтеніи путей для сбыта своихъ произведеній, или американецъ Твидль и другіе пріѣзжіе люди. Не нужно быть пророкомъ, чтобъ предсказать пораженіе нашей рутины въ сложномъ дѣлѣ широкаго промышленнаго предпріятія и торжество американской энергіи и европейской науки.

Вышеперечисленныя и подобныя имъ неудачи туземныхъ предпринимателей въ промышленной дѣятельности часто даютъ у насъ поводъ къ обвиненію насъ, кавказцевъ, въ отсутствіи духа предпріимчивости, въ неспособности къ широкимъ коммерческимъ операціямъ и пр. Весьма часто можно слышать мнѣніе, перешедшее у многихъ въ убѣжденіе, что наиболѣе обезпеченные матерьяльно кавказцы,—армяне,—способны вести лишь мелкую торговлю, гдѣ нѣтъ большого риска и гдѣ все разсчитано на скорую наживу, и что другія кавказскія народности стоятъ еще на такой низкой ступени развитія, что пока онѣ дозрѣютъ до пониманія европейски-усовершенствованнаго фабричнаго производства, пришлый элементъ успѣетъ превратить ихъ въ круглыхъ пролетаріевъ.

Это мнѣніе достойно полнаго вниманія, такъ какъ оно въ извѣстныхъ слояхъ нашего общества принято чуть не за аксіому и, повидимому, вполнѣ подтверждается вышеприведенными примѣрами неудачъ мѣстныхъ промышленниковъ. Такіе отзывы о нашей непредпріимчивости имѣютъ еще ту важность, что они тѣсно связаны съ мнѣніемъ о нашей, кавказцевъ, неспособности къ какой-либо серьезной общественной дѣятельности и о преждевременности введенія у насъ земства, суда присяжныхъ, городского самоуправленія и другихъ установленій, требующихъ самодѣятельности общества. И съ заключеніемъ этимъ нельзя не согласиться, пока не опровергнуто мнѣніе о нашей неспособности къ обширной промышленной дѣятельности. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же мы можемъ вести общественныя дѣла, если не можемъ управиться со своими собственными дѣлами; какъ же мы можемъ заботиться объ общемъ благѣ, если не понимаемъ даже своей личной пользы.

Между тѣмъ, несмотря на всѣ эти разсужденія, при всеобщемъ нашемъ промышленномъ застоѣ, имѣются у насъ на лицо факты, явно свидѣтельствующіе о самодѣятельности нашего общества.

При несуществованіи у насъ земскихъ учрежденій, а въ нѣкоторыхъ городахъ—и городскихъ общественныхъ учрежденій, во многихъ центрахъ нашего края *фактически создалось мѣстное самоуправленіе.* Мы добровольно, безъ всякаго принужденія со стороны правительства, взвалили на свои некрѣпкія плечи всю тяжесть заботъ о своихъ общественныхъ дѣлахъ и всѣхъ расходовъ, сопряженныхъ обыкновенно съ ними. Такъ напр., достойно вниманія установленіе главными народностями Кавказа среди себя школьнаго налога. Онъ существуетъ теперь и у грузинъ, населяющихъ тифлисскую и кутаисскую губерніи, и у армянъ, разселившихся по всему Кавказу, и, наконецъ, у нѣкоторыхъ горцевъ (напр., въ кубанской области, гдѣ школьное дѣло вообще поставлено очень хорошо).

Привожу здѣсь нѣсколько свѣденій о ходѣ этого интереснаго дѣла.

Все болѣе и болѣе увеличивавшееся число дѣтей, оставшихся внѣ стѣнъ казенныхъ учебныхъ заведеній, а также неудовлетворительность преподаванія въ этихъ заведеніяхъ грузинскаго языка, подвинули лѣтъ пять назадъ грузинское дворянство устроить свою грузинскую дворянскую школу. Въ настоящее время такія школы уже существуютъ въ Тифлисѣ и въ Кутаисѣ и содержатся на счетъ дивидендовъ тифлисскаго и кутаисскаго (михайловскаго) дворянскихъ земскихъ банковъ. Основные капиталы этихъ банковъ образовались изъ извѣстныхъ процентовъ вознагражденія, полученнаго мѣстнымъ дворянствомъ отъ правительства при освобожденіи крестьянъ отъ личной зависимости, а слѣдовательно, и школы, содержимыя на счетъ прибылей означенныхъ банковъ, можно сказать, существуютъ средствами названнаго дворянства.

Кромѣ того, тифлисское губернское собраніе дворянства, въ 1882 г., постановило обложить себя посемейнымъ сборомъ, въ продолженіе трехъ лѣтъ, для составленія школьнаго фонда на образованіе дѣтей бѣднѣйшихъ дворянъ. Вслѣдствіе того, уѣздныя собранія въ настоящее время заняты раскладкой означеннаго сбора по уѣзду, сообразно состоянію каждаго. Все дворянство подѣлено на 5 категорій: первая вноситъ въ продолженіе трехъ лѣтъ 400 р., вторая—300 р., третья—200, четвертая—100 и пятая—50 р. Въ трехъ уѣздахъ сдѣлана уже такая раскладка, и сборъ по ней достигаетъ 237,000 р.; поступленіе же со всей губерніи ожидается въ размѣрѣ 400,000 р. Судя по настроенію недавно происходившихъ засѣданій уѣздныхъ собраній, сумма эта если не будетъ собрана вся полностью, то можно

ожидать внесенія, по крайней мѣрѣ, двухъ ея третей. Если и были на этихъ собраніяхъ лица, желавшія попасть изъ высшей категоріи въ низшую, то рядомъ съ ними сидѣли и такія, которыя желали перечислиться, наоборотъ, изъ низшей категоріи въ высшую; а тѣ немногіе дворяне, которые протестовали противъ образованія названнаго фонда, не нашли себѣ послѣдователей.

У армянъ съ давнихъ временъ духовенство является ревностнымъ распространителемъ просвѣщенія. Почти при каждой армянской церкви имѣется школа, содержащаяся на средства прихожанъ. Кромѣ того, существуетъ на счетъ армянскихъ благотворительныхъ обществъ множество другихъ духовныхъ учебныхъ заведеній, благодаря которымъ трудно встрѣтить въ закавказскихъ городахъ мальчика, оставшагося вовсе безъ образованія. Въ однихъ только приходскихъ школахъ насчитывается до 20,000 учащихся.

Къ сожалѣнію, отсутствіе статистическихъ свѣденій о филантропической дѣятельности армянскаго общества не позволяетъ привести цифровыя данныя о томъ, на какую сумму ежегодно составляются армянами завѣщанія въ пользу учебнаго дѣла. Судя же по газетнымъ сообщеніямъ, случаи подобныхъ завѣщаній не только со стороны богатыхъ армянъ, но и со стороны бѣдныхъ и чуть не нищихъ, весьма нерѣдки. Такъ, еще недавно, по словамъ одной мѣстной газеты, было утверждено судомъ завѣщаніе, въ которомъ завѣщательница весь свой капиталъ распредѣлила между мужемъ и школой: мужу—300 р., а школѣ—400.

Имѣя въ виду такіе примѣры мѣстной безкорыстной общественной дѣятельности, можно лишь удивляться той апатіи и безпомощности, въ какую мы безпрестанно впадаемъ въ преслѣдованіи собственной выгоды, взявшись за какое-либо промышленное дѣло. Такое странное явленіе, по нашему мнѣнію, объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что капиталы наши скопились не у лицъ предпріимчивыхъ и хорошо знакомыхъ со сложнымъ механизмомъ заводскаго и фабричнаго производства, а у тѣхъ, кто, какъ выше было сказано, съумѣлъ основать свое личное благополучіе на магическомъ вліяніи милости начальства. Подряды и откупа создали наши капиталы, и они же пріучили нашихъ капиталистовъ къ легкой наживѣ. Люди же трудолюбивые и образованные, способные добывать себѣ средства къ существованію, не прибѣгая къ казнокрадству,—не имѣли достаточныхъ капиталовъ, чтобы начать какое-либо серьезное промышленное предпріятіе. Нужно ждать, чтобы капиталы, находящіеся теперь въ плѣну у нашихъ неудавшихся промышленниковъ, перешли, естественнымъ путемъ конкурренціи, въ болѣе производительныя руки.

А когда такой переливъ капиталовъ можетъ у насъ совершиться и будетъ ли способствовать тому нашъ нынѣшній кризисъ—вопросъ будущаго.

Упомянувъ выше о первыхъ самостоятельныхъ шагахъ нашего общества, по школьному дѣлу, нельзя, къ сожалѣнію, обойти молчаніемъ, что шаги эти встрѣтили со стороны мѣстнаго начальства одно лишь недовѣріе. Произошло это вслѣдствіе того, что, по программѣ частныхъ народныхъ училищъ, преподаваніе русскаго языка начиналось не съ перваго года, а со второй половины второго года. Мотивы были здѣсь исключительно педагогическіе: хорошо извѣстно всѣмъ опытнымъ педагогамъ, что преподаваніе вовсе непонятнаго учащемуся языка можетъ быть начато лишь тогда, когда учащійся хорошо освоится съ чтеніемъ и письмомъ на своемъ родномъ языкѣ. Это вовсе не составляетъ новости и въ русской литературѣ, гдѣ ту же мысль горячо пропагандировалъ еще покойный Ушинскій.

Учебное же начальство кавказскаго округа, казалось, мало придавало значенія изученію русскаго языка, такимъ вполнѣ раціональнымъ педагогичнымъ методомъ. Оно заботилось придать государственному языку возможно большее значеніе, но не иначе, какъ мѣрами чисто внѣшними и механическими: оно потребовало, чтобы преподаваніе этого языка начиналось во всѣхъ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ *непремѣнно съ перваго года*. Частныя школы, неисполнявшія такого требованія, немедленно закрывались.

Возраженія, дѣлавшіяся противъ означеннаго взгляда мѣстнаго начальства, содержателями школъ и печатью, вызвали горячую полемику съ ними со стороны учебнаго начальства.

Печать, ссылаясь на слова покойнаго государя Александра II, а именно, что школа должна быть чужда какихъ бы то ни было политическихъ тенденцій, выражала желаніе не видѣть въ нашихъ народныхъ училищахъ проявленія какихъ бы то ни было узкихъ тенденцій.

Наши же оффиціальные педагоги, несмотря на то, вмѣшательство свое въ веденіи частныхъ школъ оправдывали политическими мотивами. Такъ напр. „Отчетъ г. попечителя кавказскаго учебнаго округа, о состояніи учебныхъ заведеній за 1882 г.“, упоминая объ учебномъ планѣ народной школы, принятомъ начальствомъ и требующемъ преподаванія русскаго языка съ перваго же года, замѣчаетъ:

„Этотъ планъ, имѣющій цѣлью оградить русскій языкъ отъ изгнанія (?) его изъ туземной школы, вопреки стремленій народа изучать его,—былъ примѣняемъ въ туземныхъ школахъ, подчиненныхъ округу; но при всемъ томъ были школы, руководимыя *неразумными педаго-*

гами и учредителями, которые уклонялись отъ примѣненія этого плана. Вслѣдствіе сего, относительно такихъ школъ принимаются соотвѣтственныя мѣры"... „Необходимо поддерживать,—говорится далѣе въ „Отчетѣ",—стремленіе общества устраивать правильно организованныя училища, т.-е. училища по образцу кавказскихъ нормальныхъ училищъ или образцовыхъ училищъ министерства народнаго просвѣщенія. Съ этою цѣлью слѣдуетъ, между прочимъ, въ точности примѣнять законы, ограждающіе такія училища отъ вреднаго вліянія *злонамѣренныхъ лицъ, враждебно относящихся къ школамъ, недопускающимъ анти-русскаго направленія*". Неполная подчиненность частныхъ училищъ окружному начальству, по словамъ „Отчета", можетъ оказаться „вредною не только для учебнаго дѣла, но даже и въ политическомъ отношеніи".

Нельзя не пожалѣть, что обвиненія „Отчета" составлены въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ, и что въ нихъ не упоминается, кто именно—тѣ злонамѣренныя лица и учрежденія, которыя покровительствуютъ анти-русскому направленію въ школѣ. Во всякомъ случаѣ, тифлисское городское общественное управленіе и грузинское „Общество распространенія грамотности", которыя нашли непримѣнимымъ къ своимъ школамъ вышеозначенный учебный планъ, не представляли никакихъ основаній и не давали повода къ подобнымъ обвиненіямъ.

Между тѣмъ, мѣстный учебный округъ, съ теченіемъ времени, принимаетъ все болѣе и болѣе значенія для края. Такъ, еще на дняхъ послѣдовало распоряженіе, чтобъ армянскія церковныя училища, по курсу своему выходящія изъ предѣловъ элементарной школы и по составу своему имѣющія болѣе двухъ классовъ, вполнѣ приравнивались къ частнымъ училищамъ и подчинялись на общемъ съ ними основаніи надзору учебнаго вѣдомства. Училища эти до послѣдняго времени находились въ вѣденіи министерства внутреннихъ дѣлъ, которое не стѣсняло ихъ въ развитіи своей вполнѣ легальной программы. Благодаря этому обстоятельству, многія изъ нихъ приняли прогимназическій курсъ и съ успѣхомъ подготовляли своихъ учениковъ въ высшіе гимназическіе классы, несмотря на то, что преподаваніе русскаго языка въ нихъ начиналось значительно позже преподаванія языка родного; очевидно, это обстоятельство нисколько не помѣшало успѣхамъ въ русскомъ языкѣ.

Что же касается начальныхъ церковно-приходскихъ школъ (армянскихъ же), то, по новому закону, хотя онѣ открываются безъ разрѣшенія попечителя учебнаго округа, и учителя ихъ назначаются также помимо учебнаго начальства, но преподаваніе въ нихъ русскаго языка должно строго согласоваться съ вышеозначеннымъ учебнымъ

планомъ, принятымъ г. попечителемъ и требующимъ преподаванія этого предмета съ первыхъ же дней учебнаго года.

Несмотря, однакожъ, на всю трудность исполненія этихъ требованій, школьное дѣло ведется у насъ представителями мѣстнаго общества, съ большою энергіей, самостоятельно, и безъ всякаго поощренія и поддержки со стороны.

Т.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-ое іюня, 1884.

Замѣчанія въ рѣчи князя Бисмарка о русскомъ обществѣ и избыткѣ учащихся въ Россіи.—Отношенія германскаго канцлера къ соціалистамъ и къ рабочимъ. — Прогрессисты въ Германіи и ихъ значеніе.—Процессъ Крашевскаго. — Положеніе дѣлъ во Франціи и въ Англіи.

Для насъ всегда интересны и часто весьма поучительны сужденія иностранцевъ о Россіи и о русскихъ дѣлахъ; но этотъ, понятный интересъ становится почти обязательнымъ, когда дѣло идетъ о взглядахъ такого лица, какъ князь Бисмаркъ. Во время недавнихъ преній въ имперскомъ сеймѣ по поводу закона противъ соціалистовъ, германскій канцлеръ провелъ любопытную параллель между соціалистическимъ движеніемъ въ Германіи и преступными покушеніями въ Россіи.

„Въ обстоятельствахъ обѣихъ странъ,—говорилъ князь Бисмаркъ, —нѣтъ никакого сходства. Русскій рабочій классъ проникнутъ вполнѣ монархическимъ духомъ; онъ истребилъ-бы нигилистовъ, еслибъ это было ему дозволено. Нигилисты принадлежатъ къ образованнымъ и полуобразованнымъ слоямъ общества; они рекрутируются по преимуществу изъ пролетаріата учащихся, изъ того избытка, который выпускается гимназіями и не находитъ примѣненія въ странѣ (*живое одобреніе справа*). Вы найдете тамъ студентовъ въ должности ночныхъ сторожей (?), когда имъ прекращена выдача стипендіи, а мечтали они, быть можетъ, о губернаторскомъ мѣстѣ. Ни одного рабочаго вы не встрѣтите между нигилистами; это или тонко образованные или полуобразованные люди, испорченные или также и не испорченные студенты, офицеры, которые порвали свои связи съ традиціями или не такъ подвинулись по службѣ, какъ желали-бы;—часто

при этомъ играютъ роль оскорбленные личные интересы. Еще недавно вліятельныя лица вступались за одного нигилиста, бѣжавшаго въ Швейцарію; это былъ сынъ богатаго банкира, по имени Мендельсонъ,—уже самое имя показываетъ, что это не рабочій и не бѣднякъ. Можно-бы, пожалуй, говорить здѣсь объ извращенномъ видѣ нашей прогрессивной партіи (*смѣхъ*). Русскія рабочія массы еще не тронуты, онѣ свободны отъ заботъ о своемъ будущемъ и чувствуютъ себя застрахованными на случай старости. Извѣстно, что въ Россіи собственность (поземельная?) принадлежитъ общинамъ и дѣлится за-ново отъ времени до времени, каждые три года (?), причемъ каждый безземельный имѣетъ право на участіе въ раздѣлѣ. Я не спорю, что возможно бросить опасный фитиль и въ народныя массы. Съ процесса Вѣры Засуличъ началась порча русскаго общественнаго мнѣнія. Русскіе не ушли еще въ этомъ такъ далеко, какъ мы. Восемнадцать лѣтъ тому назадъ, во время покушенія Блинда, мы стояли приблизительно на томъ-же пунктѣ, какъ русскіе въ настоящее время. Блиндъ былъ студентомъ, а не рабочимъ. Возгласы тогдашнихъ прогрессистовъ увлекли его противъ министра, котораго вы видите здѣсь, а оппозиціонныя газеты большею частью защищали Блинда и только сожалѣли о томъ, что я не былъ настолько любезенъ, чтобы дать себя застрѣлить. Полицейскіе чиновники сочувствовали всему этому; тѣло Блинда было предметомъ поклоненія,—дамы осыпали его вѣнками и цвѣтами, и это допускалось полиціею, безъ разрѣшенія которой нельзя было-бы проникнуть къ трупу. Меня вообще не одобряли за то, что я остался живъ. Это были такія-же рукоплесканія въ честь Блинда, какъ и въ дѣлѣ Засуличъ. Россія не стоитъ еще такъ далеко, какъ мы. У русскихъ вовсе не существуетъ опасности, что массы могутъ принять сторону нигилистовъ противъ правительства. У насъ-же отравляется все общественное мнѣніе".

Мы привели эту цитату цѣликомъ, отчасти для того, чтобы возстановить дѣйствительный смыслъ нѣкоторыхъ замѣчаній князя Бисмарка, которыя не совсѣмъ вѣрно переданы были въ нашихъ газетахъ [1]). Между прочимъ, канцлеру было приписано выраженіе, что „нигилизмъ есть разновидность прогресса". Многіе вѣроятно, недоумѣвали, что именно хотѣлъ этимъ сказать знаменитый ораторъ-дипломатъ. Не думалъ-же онъ обидѣть Россію предположеніемъ, что для нея прогрессъ замѣняется чѣмъ-то уродливымъ и преступнымъ, что она какъ-бы неспособна къ правильному общественному развитію,

[1]) Мы пользовались текстами (далеко не сходными въ частностяхъ) двухъ нѣмецкихъ газетъ: „Allgemeine Zeitung" и „Kölnische Zeitung".

составляющему удѣлъ культурныхъ народовъ. Оказывается, однако, что тутъ произошла маленькая ошибка со стороны нашихъ переводчиковъ: слово, употребленное Бисмаркомъ—Fortschritt—служитъ сокращеннымъ обозначеніемъ наиболѣе ненавистной правительству оппозиціонной партіи—прогрессистской, руководимой депутатомъ Евгеніемъ Рихтеромъ. Въ этомъ техническомъ смыслѣ и поняты были, очевидно, слова оратора въ палатѣ, какъ видно уже изъ вызваннаго ими „смѣха"; да и вся рѣчь наполнена рѣзкими нападками на прогрессистовъ, и даже въ революціонномъ нигилизмѣ отыскивается нѣчто общее съ принципами этой партіи. Такимъ образомъ, русскій прогрессъ, какъ оказывается, тутъ не при чемъ; его замѣшала сюда ошибка нашихъ переводчиковъ.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ другая, болѣе серьезная фраза князя Бисмарка, относящаяся къ чрезмѣрной будто-бы численности учащейся молодежи въ Россіи. Повидимому, германскій канцлеръ заимствовалъ эту мысль изъ русскаго источника, для многихъ въ Германіи авторитетнаго,—а именно изъ „Московскихъ Вѣдомостей", которыя не разъ высказывались въ этомъ родѣ. Названная газета давно уже пользуется особымъ уваженіемъ со стороны оффиціозныхъ берлинскихъ органовъ; быть можетъ, она иногда читалась и еще читается княземъ Бисмаркомъ, изучавшимъ русскій языкъ во время пребыванія въ Петербургѣ въ качествѣ прусскаго посланника; однимъ изъ результатовъ этого чтенія могла быть также извѣстная попытка подкупить московскую редакцію въ пользу нѣмецкихъ интересовъ, о чемъ сообщалось когда-то въ самой газетѣ съ патріотическимъ негодованіемъ. „Московскія Вѣдомости" не могутъ не видѣть теперь, что своею проповѣдью о неудобствахъ общедоступнаго университетскаго образованія онѣ дали вѣское оружіе въ руки нѣмцевъ и значительно усилили ихъ надежды на дальнѣйшее господство иностраннаго элемента въ разнообразныхъ сферахъ интеллигентнаго труда въ Россіи. Пренебрежительная фраза нѣмецкаго канцлера побудила „Московскія Вѣдомости" отречься отъ своихъ недавнихъ еще взглядовъ и выступить на защиту русскаго просвѣщенія, столь невыгоднаго и нежелательнаго для дальновидныхъ нашихъ сосѣдей. Всякому ясно, что возрастаніе числа образованныхъ людей въ народѣ дѣлаетъ все болѣе излишнимъ обращеніе къ услугамъ иностранцевъ и оставляетъ все менѣе простора пришлымъ искателямъ мѣстъ; этотъ упадокъ прежняго спроса на нѣмцевъ даетъ себя сильно чувствовать со времени эпохи реформъ. Наши патріоты привыкли давать совершенно фальшивый оттѣнокъ тому факту, что иностранцы, и особенно нѣмцы, играли у насъ преобладающую роль до новѣйшихъ временъ; патріотамъ это кажется дѣломъ случайности или произвола, они воз-

ражают и негодуют против иноземныхъ вліяній, не заботясь о томъ, чѣмъ же замѣнить ихъ,—какъ будто достаточно декретировать самобытность для ея фактическаго водворенія. Они забываютъ, что русская народность была оффиціальнымъ политическимъ знаменемъ именно въ то время, когда Ермоловъ просилъ пожаловать его въ нѣмцы. Участіе образованныхъ иностранцевъ въ важнѣйшихъ родахъ государственной службы—въ администраціи, въ арміи, въ учебномъ и ученомъ мірѣ,—объясняется вполнѣ естественно отсутствіемъ достаточнаго числа собственныхъ свѣдущихъ и трудолюбивыхъ людей, а нисколько не симпатіями или антипатіями правительства, такимъ или инымъ направленіемъ государственной политики. Самые чистѣйшіе и рѣшительные славянофилы не могли-бы обойтись безъ иноземныхъ знаній и исполнителей, пока не выросла еще русская наука до уровня иностранной и пока не появились на русской почвѣ обильные плоды народнаго образованія. Смѣшныя и безсильныя жалобы на нѣмцевъ, пользующихся успѣхомъ въ Россіи, могутъ вызвать одинъ только отвѣтъ: постарайтесь увеличить численность просвѣщенныхъ и дѣятельныхъ русскихъ, и тогда нѣмцы станутъ у насъ лишними и будетъ кого поставить на ихъ мѣсто. Между тѣмъ, наши патріоты разсуждаютъ, какъ разъ наоборотъ; они думаютъ вытѣснить иностранцевъ безъ равносильной имъ замѣны и подрываютъ необходимыя основы самостоятельнаго народнаго развитія своимъ близорукимъ противодѣйствіемъ распространенію научныхъ знаній въ родномъ обществѣ. Но вотъ, когда высказываемыя у насъ самобытныя идеи повторяются и преподаются государственнымъ человѣкомъ чужой державы, спеціально въ примѣненіи къ намъ, — тогда намъ вдругъ становится неловко, и даже „Московскія Вѣдомости", усиливаются отрицать то, что сами-же сѣяли.

Нельзя, конечно, винить князя Бисмарка, если онъ соглашается съ точкою зрѣнія русской газеты при оцѣнкѣ русскихъ дѣлъ. Каждая страна имѣетъ свои особенности, и нѣтъ ничего легче, какъ принять для Россіи такое правило, которое немыслимо было бы относительно другого европейскаго государства, — когда это правило провозглашается въ нашей же средѣ, къ великому удовольствію проницательныхъ иностранцевъ. Пусть князь Бисмаркъ допускаетъ, что какая-либо страна можетъ страдать избыткомъ образованія, „чрезмѣрнымъ производствомъ" аттестатовъ зрѣлости; но какъ понять, что такою страною является Россія, гдѣ только весьма незначительный процентъ населенія попадаетъ въ школы, гдѣ громадное большинство не знаетъ грамоты, гдѣ даже полуобразованіе открываетъ доступъ къ общественной службѣ, и гдѣ недостатокъ въ мало-мальски интеллигентныхъ людяхъ ощущается на каждомъ шагу. Откуда могло бы взяться такое странное,

изумительное предположеніе, еслибы оно не было навѣяно декламаціями московскихъ патріотовъ, совпадавшими въ данномъ случаѣ съ обычнымъ взглядомъ нѣмцевъ на Россію, гдѣ и до сихъ поръ недостатокъ своихъ образованныхъ людей, по необходимости, пополняется иностранцами?

Допустивъ хоть на минуту примѣненіе этого же взгляда къ Германіи, князь Бисмаркъ долженъ былъ бы разсуждать слѣдующимъ образомъ: нѣмцы страдаютъ излишествомъ средняго и высшаго образованія, ихъ умственный пролетаріатъ дошелъ до непомѣрнаго развитія, грамотность распространилась въ массахъ, каждый рабочій читаетъ свою газету, — быть можетъ, соціально-демократическую, — всѣ воспринимаютъ въ себя ядъ враждебной правительству печати; — необходимо поэтому положить предѣлъ „чрезмѣрному производству" нѣмецкихъ школъ, запретить оппозиціонныя газеты и сократить численность университетскихъ пролетаріевъ, которыхъ страна не можетъ переварить. Это скорѣе было бы правдоподобно; для Германіи; но ничего подобнаго не говоритъ князь Висмаркъ, ничего подобнаго не скажетъ ни одинъ образованный нѣмецъ,—ибо это было бы кощунствомъ надъ Германіею, все величіе которой создано ея „умственнымъ пролетаріатомъ", ея высокимъ и повсюду проникающимъ просвѣщеніемъ, ея безчисленными народными школами, средними и высшими учебными заведеніями, свободнымъ процвѣтаніемъ ея науки и литературы. Для нѣмцевъ считается безспорнымъ, что даже ихъ военныя побѣды достигнуты „школьнымъ учителемъ",—а нашей еще малограмотной Россіи указываютъ на избытокъ учащихся, на излишество образованія. Это какая-то насмѣшка надъ здравымъ смысломъ,—насмѣшка, имѣющая для себя оправданіе въ однихъ самобытныхъ теоріяхъ московскихъ охранителей. Пора отбросить въ сторону эти теоріи, оскорбительныя для русскаго самолюбія и столь ловко выставляемыя противъ насъ остроумными заграничными критиками. Только первый шагъ труденъ, а этотъ шагъ отчасти уже сдѣланъ „Московскими Вѣдомостями",—пусть онѣ идутъ дальше и откажутся отъ многаго другого, чтó проповѣдывалось ими во вредъ самостоятельному общественному развитію, во вредъ нашимъ умственнымъ и нравственнымъ интересамъ, подъ прикрытіемъ ложно понимаемаго, поверхностнаго, чисто-формальнаго патріотизма.

Говоря о болѣе близкомъ ему предметѣ — о нѣмецкой соціальдемократіи, — князь Бисмаркъ уже не упоминаетъ объ излишествѣ учащихся и о тому подобныхъ вещахъ, которыя, очевидно, годятся только для Россіи. Онъ серьезно изслѣдуетъ реальныя причины явленія и находитъ ихъ въ необезпеченности быта рабочаго класса, въ естественномъ недовольствѣ его своею шаткою судьбою и въ

справедливости основныхъ его требованій. Онъ берется по мѣрѣ возможности удовлетворить эти требованія и улучшить положеніе бѣдныхъ народныхъ массъ при помощи государственной власти; этимъ онъ разсчитываетъ въ то же время отнять почву у соціаль-демократовъ и прочно привязать трудящееся населеніе къ правительству. Онъ не останавливается на однихъ лишь симптомахъ болѣзни, а старается опредѣлить ея сущность, чтобы принять соотвѣтственныя противъ нея мѣры и остановить ея опасное внутреннее развитіе. Онъ дѣйствуетъ параллельно въ двухъ направленіяхъ: съ одной стороны, преслѣдуетъ соціаль-демократію энергическими законными средствами, а съ другой — предлагаетъ необходимыя реформы для улучшенія быта рабочихъ. Такъ мотивировалъ онъ свою соціальную политику въ двухъ рѣчахъ, произнесенныхъ 9 мая въ засѣданіи имперскаго сейма, въ отвѣтъ на критику депутата Рихтера.

„Дайте рабочему *право на трудъ*, пока онъ здоровъ, — заявилъ князь Бисмаркъ въ своей замѣчательной первой рѣчи,—доставьте ему уходъ, когда онъ боленъ, обезпечьте ему содержаніе, когда онъ старъ. Когда вы это сдѣлаете, не отступая предъ нужными жертвами, и перестанете кричать про государственный соціализмъ по поводу вопроса объ „обезпеченіи старости"; когда государство покажетъ болѣе христіанской заботливости по отношенію къ рабочимъ,—тогда составители революціонной программы будутъ напрасно трубить въ свои призывныя трубы,—наплывъ послѣдователей ихъ уменьшится, какъ только рабочіе увидятъ, что правительства и законодательства серьезно взялись за заботу объ ихъ благѣ". А когда депутатъ Рихтеръ выразилъ сомнѣніе въ цѣлесообразности такого провозглашенія „права на трудъ" со стороны правительства, то князь Бисмаркъ высказался еще болѣе категорически: „я безусловно признаю это право, и я твердо стою на этомъ, пока я занимаю свой постъ. Я стою на почвѣ прусскаго гражданскаго права (Landrecht'a); тамъ постановлено, что государству принадлежитъ забота о тѣхъ гражданахъ, которые не въ состояніи зарабатывать себѣ пропитаніе; въ другой статьѣ сказано, что лицамъ, не имѣющимъ случая или средствъ найти себѣ работу, должны быть даваемы занятія, соотвѣтствующія ихъ способностямъ. Это—дѣйствующее въ Пруссіи право, это лежитъ въ природѣ нашихъ христіанскихъ отношеній, въ силу которыхъ человѣкъ, не могущій пріискать себѣ заработокъ, имѣетъ право требовать, чтобы ему дали работу, и государство обязано доставить ему работу. Здѣсь было сказано, что въ такомъ случаѣ государство должно вызывать къ жизни обширныя предпріятія. Безъ сомнѣнія,—и оно не разъ уже дѣйствовало въ этомъ смыслѣ. То же самое предстоитъ и теперь, когда способные къ труду люди не на-

ходятъ себѣ занятій; приходится предпринимать работы, въ родѣ сооруженія каналовъ, полезныхъ построекъ и т. п... Нашъ императоръ, слѣдуя правилу Фридриха Великаго, написалъ на своемъ знамени защиту слабыхъ и угнетенныхъ въ экономическомъ отношеніи".

Засѣданіе 9 мая представляло вообще исключительный интересъ по важности рѣчей и затронутыхъ въ нихъ вопросовъ. Это былъ сверхъ того блестящій ораторскій турниръ между имперскимъ канцлеромъ и предводителями оппозиціи въ парламентѣ. Выдающаяся роль въ этомъ турнирѣ досталась депутату Рихтеру, говорившему два раза отъ имени „свободномыслящей" партіи,—и нельзя сказать, чтобы онъ могъ успѣшно состязаться съ княземъ Бисмаркомъ: онъ беретъ больше бойкостью и мѣткостью языка, чѣмъ вѣскостью содержанія. Такъ-называемые прогрессисты, во главѣ которыхъ стоялъ Рихтеръ до образованія новой партіи свободномыслящихъ, суть въ сущности чистѣйшіе либералы въ узкомъ смыслѣ этого слова; они ограничиваются отрицательными принципами и не выдвигаютъ никакой положительной программы, ни законодательной, ни политической. Они служатъ представителями средняго зажиточнаго класса и не допускаютъ серьезныхъ экономическихъ реформъ въ пользу трудящагося населенія, а при нынѣшнихъ народно-хозяйственныхъ условіяхъ Германіи это равносильно отказу отъ непосредственнаго вліянія на общій ходъ событій въ странѣ. Рабочій вопросъ настолько созрѣлъ въ Германіи, что партія, уклоняющаяся отъ разрѣшенія его въ ту или въ другую сторону, лишаетъ себя будущности и не можетъ называться передовою, свободномыслящею и тѣмъ менѣе прогрессистскою. Это партія собственно буржуазная, опирающаяся на общіе либеральные принципы и имѣющая многочисленныхъ послѣдователей въ образованномъ нѣмецкомъ обществѣ; главная ея сила заключается въ необходимости отстаивать парламентскія и общественныя вольности противъ личной политики князя Бисмарка. Какъ только правительство откажется отъ безплодной борьбы съ парламентомъ и съ либерализмомъ, прогрессисты и „свободномыслящіе" тотчасъ же останутся безъ прямого дѣла и потеряютъ значительную долю своей популярности,—если не успѣютъ во-время выработать и усвоить опредѣленную положительную программу, способную пріобрѣсть симпатіи большинства нѣмецкихъ избирателей. Такая перемѣна въ положеніи „свободномыслящихъ" совершится неизбѣжно въ случаѣ перемѣны правительственной системы въ Берлинѣ. Въ настоящее время прогрессисты дѣйствуютъ въ первомъ ряду бойцовъ либерализма въ Германіи, возстаютъ противъ произвола, защищаютъ всякія политическія права и непрерывно критикуютъ дѣйствія министровъ съ канцлеромъ во главѣ; но слабость ихъ наглядно выступаетъ на-

ружу, когда дѣло идетъ о положительныхъ преобразованіяхъ въ какой-либо области законодательства и экономической политики. Пока они спорятъ противъ исключительныхъ или несправедливыхъ, по ихъ мнѣнію, репрессивныхъ мѣръ, они имѣютъ подъ ногами твердую почву принциповъ; но когда они отвергаютъ реформы, требуемыя замѣтною частью народа, и не предлагаютъ ничего въ замѣнъ, они становятся безсильными охранителями, тщетно пытающимися бороться противъ естественнаго хода вещей. Эта внутренняя двойственность въ характерѣ партіи выяснилась какъ нельзя лучше во время преній 9 мая.

Депутатъ Рихтеръ говорилъ рѣзко и сильно противъ преслѣдованія соціальной демократіи при помощи временныхъ спеціальныхъ законовъ. Онъ приводилъ обычные въ такихъ случаяхъ доводы, которые всегда производятъ впечатлѣніе. „Убѣжденія нельзя вытѣснять иначе, какъ посредствомъ убѣжденій противоположныхъ. Несправедливо ограничивать выраженіе недовольства слабыхъ и бѣдныхъ, когда это съ полною свободою предоставлено сильнымъ и богатымъ, напр., крупнымъ землевладѣльцамъ. Это значитъ возстановлять для массы населенія старое правило: „платить подати, быть солдатомъ и держать языкъ за зубами“. Но обращаясь къ злобѣ дня—къ экономической реформѣ, тотъ-же защитникъ народныхъ правъ является уже энергическимъ защитникомъ существующаго порядка вещей противъ народныхъ правъ и притязаній, поддерживаемыхъ государственною властью. „Мы говоримъ рабочему: улучшеніе вашей участи зависитъ отъ васъ самихъ и отъ общихъ успѣховъ культурнаго міра“. Такова profession de foi партіи прогрессистовъ, въ лицѣ Рихтера; она не только ничего не обѣщаетъ, но еще служитъ косвеннымъ отрицаніемъ повсемѣстныхъ законодательныхъ попытокъ предпринять что-либо на пользу рабочаго класса. Что рабочіе сами могутъ улучшить свою участь—это вѣрно только въ весьма незначительной степени; въ общемъ положеніе ихъ зависитъ отъ постороннихъ причинъ, отъ спроса на рабочія руки, отъ состоянія промышленности, отъ интересовъ капиталистовъ и хозяевъ. Нигдѣ рабочіе не могли-бы сами добиться сокращенія рабочихъ часовъ, устраненія злоупотребленій при уплатѣ натурою и при назначеніи произвольныхъ вычетовъ изъ заработанныхъ денегъ; нельзя было-бы ограничить трудъ женщинъ и дѣтей на фабрикахъ безъ содѣйствія законодательства. Наконецъ, что могутъ сдѣлать рабочіе, выброшенные на рынокъ десятками тысячъ вслѣдствіе одного изъ тѣхъ промышленныхъ кризисовъ, которые становятся все чаще и грознѣе? Сказать этимъ бѣдствующимъ массамъ, требующимъ работы или хлѣба: — „помогите себѣ сами, и вамъ помогутъ со временемъ общіе успѣхи культуры“, — было-бы и

жестоко и безсмысленно; это было-бы въ то же время не безопасно съ точки зрѣнія общественнаго спокойствія. Всякое правительство, каково-бы оно ни было, считаетъ своею обязанностью предпринимать что-либо въ подобныхъ случаяхъ, и на практикѣ никто ничего не скажетъ противъ такого государственнаго вмѣшательства. Депутатъ Рихтеръ опасается увлеченій съ обѣихъ сторонъ; но возможность ошибокъ не можетъ служить оправданіемъ пассивнаго бездѣйствія. „Вызывая представленіе, что весь нашъ хозяйственный строй ненормаленъ, что передѣлка его зависитъ отъ желанія или здоровья министровъ,—объяснялъ ораторъ, — можно породить такія надежды и требованія по отношенію къ государству, которыхъ не въ состояніи удовлетворить никакое правительство, а этимъ искусственно питается недовольство. Страхованіе рабочихъ есть только маленькая мышь, сравнительно съ горою ожиданій, возбуждаемыхъ мотивами закона. Говорятъ, что не слѣдуетъ обезпеченіе отъ несчастныхъ случайностей превращать въ предметъ спекуляціи, что несчастье не должно быть предметомъ промышленной наживы; но съ такимъ-же правомъ можно утверждать, что голодъ нельзя дѣлать предметомъ спекуляціи, что поэтому нужно отдать въ руки государства посѣвъ пшеницы и разведеніе лѣса". Изъ этихъ замѣчаній вытекаетъ только одинъ выводъ,—что не надо вводить народъ въ заблужденіе слишкомъ широкими и не осуществимыми теоріями; но самый проектъ страхованія рабочихъ, при всей его скромности, нисколько этимъ не опровергается. Быть можетъ, правительство употребляетъ слова неосторожныя и опасныя; но если предлагаемая реформа есть только „маленькая мышь", порожденная горою, то чѣмъ-же объяснить шумную борьбу оппозиціи противъ этой ничтожной „мыши"? Зачѣмъ такъ категорически и упорно отвергать скромную сущность предпріятія? Это не совсѣмъ ясно изъ разсужденій Рихтера и другихъ „свободномыслящихъ". Трудно оспаривать пользу государственнаго участія въ обезпеченіи рабочихъ въ той или другой формѣ; сами рабочіе и ихъ представители въ парламентѣ относятся сочувственно къ попыткамъ правительства, такъ что принципіальныя возраженія прогрессистовъ оказываются направленными уже противъ интересовъ рабочаго класса.

Много шуму надѣлало открытое признаніе княземъ Бисмаркомъ одного изъ главныхъ догматовъ стараго революціоннаго соціализма— „*права на трудъ*". Въ воображеніи публики рисовались уже теоріи Луи-Блана, національныя мастерскія и кровавые іюньскіе дни 1848 года; канцлера упрекали въ крайней неосторожности, могущей привести къ результатамъ, которыхъ предвидѣть невозможно. На самомъ дѣлѣ страшное слово, произнесенное княземъ Бисмаркомъ, имѣетъ въ его устахъ вполнѣ своеобразный и невинный смыслъ; это не что

иное, какъ подтвержденіе филантропическаго принципа, освященнаго всѣми законами о бѣдныхъ имѣющаго въ сущность очень слабую связь съ соціализмомъ. Повсюду существуютъ правила о „призрѣніи нищихъ“; но отсюда дѣлать выводъ объ обязанности государства доставлять работу всѣмъ вообще ищущимъ занятій—скачокъ весьма рискованный и сомнительный. Тѣ статьи прусскаго земскаго уложенія, на которыя ссылался канцлеръ, помѣщены въ раздѣлѣ о „заведеніяхъ для бѣдныхъ“ и о „благотворительныхъ учрежденіяхъ“; въ статьяхъ говорится вовсе не о правѣ рабочихъ на трудъ, а объ оказаніи помощи отдѣльнымъ нуждающимся гражданамъ, причемъ исполненіе зависитъ, конечно, отъ усмотрѣнія мѣстныхъ начальствъ. Связывать эти постановленія съ современнымъ соціальнымъ вопросомъ—болѣе чѣмъ странно. Законодатели прежняго времени не имѣли предъ собою тѣхъ крупныхъ кризисовъ и задачъ, разрѣшеніе которыхъ предстоитъ имъ нынѣ; они предвидѣли случаи бѣдности и нищеты, но не могли предвидѣть требованій и нуждъ сплоченнаго самостоятельнаго рабочаго класса. Настоящій рабочій сочтетъ для себя постыднымъ обращаться къ оффиціальной благотворительности, предназначенной собственно для нищихъ; а еслибъ такое обращеніе практиковалось въ случаяхъ повальной безработицы, то оно все-таки не составляло-бы особаго права, о которомъ стоило-бы упоминать. Наконецъ, князь Бисмаркъ самъ не относится серьезно къ утвержденію, что „право на трудъ“ будто-бы признано прусскимъ ландрехтомъ; иначе онъ не имѣлъ-бы надобности выставлять такое требованіе: „*дайте* рабочему право на трудъ“ и пр. Разумѣется само собою, что заявленіе канцлера, открывающее рабочимъ новыя перспективы государственныхъ благодѣяній, должно было возбудить сильную полемику въ печати; оно было принято соціаль-демократіею, какъ залогъ дальнѣйшихъ успѣховъ правительства на пути къ соціализму. Чрезъ нѣсколько дней послѣ засѣданія 9 мая, соціаль-демократическая группа въ парламентѣ внесла предложеніе о томъ, чтобы скорѣе приготовленъ былъ проектъ закона, которымъ провозглашенное канцлеромъ "право на трудъ“ получило-бы практическое осуществленіе. Этотъ ловкій маневръ остался пока безъ послѣдствій.

Что касается главнаго предмета преній—вопроса о продленія дѣйствія закона 21 октября 1878 года противъ соціалистовъ еще на два года, то вся тактика партій разбилась объ угрозу канцлера немедленно распустить имперскій сеймъ въ случаѣ непринятія законопроекта. Новые выборы на этой почвѣ были не желательны ни одной изъ господствующихъ фракцій въ палатѣ; необходимо было только сохранить внѣшній декорумъ оппозиціи. Предводитель партіи центра, Виндгорстъ, предложилъ обставить нѣкоторыми гарантіями примѣненіе

исключительныхъ мѣръ и съ этою цѣлью внесъ соотвѣтственныя поправки къ закону; но въ концѣ второго чтенія, передъ самымъ голосованіемъ, онъ неожиданно взялъ назадъ свои предложенія, и правительственный законопроектъ былъ принятъ безъ всякихъ перемѣнъ, согласно категорическому желанію князя Бисмарка. Значительная часть „свободномыслящихъ", вопреки торжественно заявленнымъ принципамъ, уклонилась отъ согласія съ своими вождями, барономъ фонъ-Штауфенбергомъ и Рихтеромъ, и подала голосъ за принятіе закона. Такъ-же точно поступила часть партіи центра. Въ пользу правительства высказалось большинство 32 голосовъ. Порѣшивъ съ этою полицейскою стороною рабочаго вопроса, палата приступила къ обсужденію закона о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ, внесеннаго уже третій разъ, въ новомъ исправленномъ видѣ;—по всей вѣроятности этотъ проектъ, тщательно разсматривавшійся въ теченіе цѣлыхъ трехъ мѣсяцевъ въ особой парламентской коммиссіи, получитъ наконецъ законодательную санкцію. Все-таки это будетъ выигрышъ для рабочихъ, хотя соціальная проблема едва только затронута закономъ, о которомъ идетъ рѣчь.

Вообще надо сказать, что настоящій политическій сезонъ въ Германіи долженъ быть признанъ необычайно интереснымъ и оживленнымъ. Даже либеральные дѣятели прониклись новою энергіею и новыми надеждами, несмотря на то, что князь Бисмаркъ рѣшительнѣе чѣмъ когда-либо объявилъ имъ непримиримую войну. Стоитъ привести здѣсь слова его объ этомъ предметѣ: „Либерализмъ, какъ представляетъ его здѣсь депутатъ Рихтеръ, не имѣетъ по моему глубокому убѣжденію никакой будущности въ Германіи; я считаю задачею своей жизни, своимъ долгомъ предъ монархомъ и страною бороться съ этимъ либерализмомъ, пока хватитъ моихъ силъ, до послѣдняго моего дыханія. Изъ всего моего 22-лѣтняго прошлаго на этомъ мѣстѣ вы можете видѣть, что я неуклонно веду борьбу съ этими фантасмагоріями; это просто моя проклятая обязанность!" Сила выраженій растетъ здѣсь быстро и доходитъ до чисто-военнаго, угрожающаго тона; но и противники канцлера своими рѣзкими нападками и перерывами вызывали его на отпоръ. Либералы не только не унываютъ, но могутъ даже предаваться пріятнымъ размышленіямъ о счастливой судьбѣ Германіи: „хорошо жить въ наше время и чувствовать себя нѣмцемъ, — философствуетъ сотрудникъ одной изъ солидныхъ нѣмецкихъ газетъ;—въ нашей молодости мы увлекались именами Питта, Борка, Фокса, Шеридана и другихъ; теперь намъ не приходится болѣе смотрѣть съ завистью на Англію, съ ея политическими и парламентскими знаменитостями. Нашъ могучій канцлеръ выдается, правда, надъ всѣми своими противниками; но и такіе

люди, какъ Виндгорстъ, сохранятъ свои имена въ исторіи, единственно благодаря своей умственной силѣ. Въ этомъ нужно отдать справедливость и политическому противнику". И дѣйствительно, тутъ есть нѣкоторое утѣшеніе и для либераловъ, даже побѣжденныхъ.

Въ высшемъ имперскомъ судѣ въ Лейпцигѣ разбиралось въ началѣ мая замѣчательное уголовное дѣло, обращавшее на себя общее вниманіе не столько по сущности своей, сколько по участію въ немъ, въ качествѣ обвиняемаго, маститаго польскаго писателя, котораго еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ чествовали съ такимъ восторгомъ въ Краковѣ. Внезапный арестъ Крашевскаго возбудилъ въ свое время вполнѣ понятное удивленіе, съ примѣсью негодованія. Арестовать такого престарѣлаго и уважаемаго человѣка, по обвиненію въ государственной измѣнѣ, вмѣстѣ съ двумя темными личностями, — это казалось настолько страннымъ, что на первыхъ порахъ публика предполагала тутъ какое-то недоразумѣніе, которое должно вскорѣ разъясниться. Теперь, послѣ публичнаго разбирательства въ имперскомъ германскомъ судѣ, дѣло отчасти разъяснилось, — но и затѣмъ оно все еще остается неяснымъ.

Противъ Крашевскаго собраны улики почти безспорныя и какъ будто подавляющія. Проживая съ давнихъ поръ въ Дрезденѣ, онъ съ 1877 года платилъ большія суммы журналисту Адлеру за доставку разныхъ секретныхъ свѣденій о нѣмецкой арміи, а Адлеръ въ свою очередь добывалъ эти свѣденія при помощи прусскаго отставного капитана Гентша. Сойдясь непосредственно съ Крашевскимъ, Гентшъ получалъ отъ него за свои сообщенія по 450 марокъ въ мѣсяцъ, — жалованье весьма значительное для нѣмца; Адлеру уплачивалось по нѣсколько тысячъ марокъ только за возвращеніе компрометтирующихъ писемъ, которыми онъ грозилъ воспользоваться для доноса. За одну рукопись Гентша о способахъ сосредоточенія нѣмецкихъ войскъ къ французской границѣ Крашевскій уплатилъ тысячу марокъ; эту работу, онъ переслалъ въ Парижъ, куда посылались также всѣ другія военныя свѣденія. Для Крашевскаго требовались только такіе матеріалы, которые принадлежали къ числу безусловно-секретныхъ или доступныхъ лишь спеціальному кругу прусскихъ военныхъ людей; это видно изъ писемъ его, прочитанныхъ на судѣ. Для какой же цѣли нужны были эти дорого оплачиваемыя свѣденія? Крашевскій объясняетъ, что они нужны были для его хорошаго знакомаго, Залѣсскаго, жившаго безъ средствъ въ Парижѣ и желавшаго помѣщать военныя корреспонденціи во французскихъ журналахъ; ему-то оказывалъ помощь Крашевскій столь деликатнымъ и убыточнымъ

способомъ. Что сообщаемыя свѣденія добывались Гентшемъ незаконнымъ путемъ, — этого онъ не зналъ; даже содержаніемъ рукописей онъ почти не интересовался и часто пересылалъ ихъ Залѣсскому, не заглядывая въ ихъ заглавіе. Но отсюда легко было поставить вопросы, на которые нѣтъ отвѣта. Мыслимо ли, чтобы по тысячѣ марокъ платилось за рукописи, содержаніе которыхъ неизвѣстно? Тогда оказывалось бы благодѣяніе поставщику матеріала, а вовсе не Залѣсскому. Далѣе, ни въ одномъ французскомъ журналѣ не были и отчасти даже не могли быть напечатаны матеріалы, состоявшіе изъ цифръ, названій, инструкцій, правилъ и отчетовъ. Куда же направлялись эти свѣденія, которыя по характеру своему не годились для газетныхъ и журнальныхъ редакцій? Военные специалисты, выслушанные на судѣ, заявили единогласно, что работы Гентша представляли существенную важность только для французскаго правительства; такое же заключеніе дано было прусскимъ военнымъ министерствомъ.

Чтобы выяснить смыслъ и цѣль этой „политической“ дѣятельности Крашевскаго, прочитано было на судѣ письмо князя Бисмарка къ военному министру Бронсару фонъ-Шеллендорфу. По свѣденіямъ канцлера, въ 1864 году образовалось въ Парижѣ „военное польское общество“, поставившее себѣ задачею слѣдить за состояніемъ и статистикою европейскихъ армій, поддерживать связи съ офицерами польской національности, находящимися въ военной службѣ въ Германіи, Россіи и Австріи, принимать дѣятельное личное участіе во всѣхъ важныхъ событіяхъ въ Европѣ и содѣйствовать такимъ образомъ возможному возстановленію Польши. Съ начала семидесятыхъ годовъ всѣ члены этого общества употреблялись для добыванія секретныхъ свѣденій начальникомъ статистическаго бюро во французскомъ военномъ министерствѣ, полковникомъ Самюэлемъ. Въ 1877 году Гамбетта поручилъ устроить особое бюро для собиранія извѣстій о нѣмецкой, австрійской, русской и италіанской арміяхъ. Центромъ этого бюро сдѣлался Дрезденъ. Крашевскій взялъ на себя полученіе свѣденій и уплату за нихъ гонорара. Сверхъ того, онъ находился будто бы въ личныхъ сношеніяхъ съ Самюэлемъ и былъ даже представленъ французскому министру-президенту Ферри, который будто бы обѣщалъ ему орденъ,—что оказалось уже чистѣйшимъ вымысломъ, какъ видно изъ оффиціальнаго категорическаго опроверженія со стороны французскаго правительства. Когда читалось на судѣ это письмо князя Бисмарка, Крашевскій былъ видимо раздраженъ и затѣмъ заявилъ съ негодованіемъ, что тутъ нѣтъ ни слова правды, что онъ никогда не видалъ ни полковника Самюэля, ни министра Ферри, ни прочихъ лицъ, занимавшихся будто бы военными

шпіонствомъ. Однако, письмо произвело свое впечатлѣніе на судей и повліяло, быть можетъ, на приговоръ.

Дѣйствія Крашевскаго были подведены подъ понятіе государственной измѣны, благодаря случайному обстоятельству—а именно, принятію имъ саксонскаго подданства въ половинѣ шестидесятыхъ гогодовъ. Впрочемъ, Крашевскій никогда не выдавалъ себя за исконнаго нѣмца и особенно не скрывалъ своей антипатіи къ пруссакамъ. Мало того, можно было утверждать, что онъ ничѣмъ не былъ связанъ относительно германской имперіи, что онъ былъ совершенно свободенъ въ своихъ отношеніяхъ къ Пруссіи, и что поэтому нельзя было обвинять его въ измѣнѣ государству, подданнымъ котораго онъ вовсе не былъ,—ибо онъ сдѣлался саксонскимъ гражданиномъ ранѣе объединенія Германіи подъ прусскимъ главенствомъ, когда Саксонія была еще отдѣльною, самостоятельною державою. Присягнувъ въ вѣрности саксонскому королю, онъ никому другому не присягалъ,—а относительно Саксоніи онъ столь же мало нарушилъ свои обязательства, какъ и всѣ нѣмецкіе партикуляристы, приверженцы прежняго германскаго устройства и рѣшительные противники нынѣшней прусской Германіи. Защита Крашевскаго имѣла предъ собою чрезвычайно благодарную тэму; самъ обвиняемый писатель, какъ саксонскій партикуляристъ, могъ смѣло признаться въ своей ненависти къ прусской политической системѣ, въ своемъ искреннемъ желаніи по мѣрѣ силъ содѣйствовать ея паденію и въ своемъ сердечномъ сочувствіи къ побѣжденной Франціи. Однако, ни Крашевскій, ни его адвокатъ не затронули такихъ доводовъ и ограничились отрицаніемъ или смягченіемъ фактическихъ доказательствъ прокурорской власти. Оттого и весь процессъ прошелъ безжизненно и оставилъ тяжелое чувство въ средѣ многочисленныхъ почитателей заслуженнаго польскаго писателя,—точно осталось недосказаннымъ нѣчто весьма существенное, въ виду избраннаго Крашевскимъ способа защиты.

Но еще болѣе удивительно то, что пробѣлы защиты были зато указаны косвенно въ рѣчахъ прокурора Треплина и особенно въ заключительномъ словѣ президента Дренкмана. „Въ пользу Крашевскаго существуютъ,—сказалъ президентъ,—смягчающія обстоятельства, такъ какъ онъ находился въ томъ убѣжденіи, что только Польша, а не Германія есть его отечество, и что въ качествѣ поляка онъ дѣйствовалъ патріотично". „Какимъ образомъ,—спрашивалъ въ свою очередь прокуроръ,—человѣкъ старый, богатый и извѣстный, могъ дойти до того, чтобы сдѣлаться государственнымъ измѣнникомъ? Кто не понимаетъ этого, тотъ не понимаетъ завѣтныхъ польскихъ чувствъ и традицій. Личность и дѣятельность Крашевскаго вполнѣ совпадаютъ. Истинные поляки не покидаютъ мысли о

возрожденія старой Польши, а къ числу поляковъ, подчинявшихся обстоятельствамъ, менѣе всего можетъ быть отнесенъ Крашевскій,— иначе его не возносили бы на щитъ національной польщизны, какъ это было во время празднованія его юбилея въ Краковѣ. Для роли революціонера въ обыкновенномъ смыслѣ Крашевскій, правда, слишкомъ опытенъ и старъ. На мѣсто революціи съ мечомъ въ рукахъ онъ ставитъ правильно организованную работу, къ которой онъ также призываетъ соотечественниковъ въ своихъ романахъ. Въ его произведеніяхъ ясно отражаются двоякаго рода чувства — слѣпая вражда къ нѣмцамъ и столь же слѣпое преклоненіе предъ французскою націею; это видно и изъ новѣйшаго романа его: „Безъ сердца".

Президентъ суда Дренкманъ даже прямо выразился, что Крашевскій—не преступникъ, а „только достойный порицанія мечтатель", и что слѣдуетъ принять во вниманіе его прежнюю долговременную почетную жизнь. Но не смотря на такое заключеніе президента суда, Крашевскій приговоренъ къ заключенію въ крѣпость на три съ половиною года.

Министерство Жюля Ферри одержало важную политическую побѣду: 11 мая подписанъ трактатъ съ Китаемъ, обезпечивающій господство Франціи надъ обширною и богатою страною, съ двѣнадцатью милліонами жителей, причемъ французской торговлѣ открытъ также исключительный доступъ въ сосѣднія китайскія провинціи. Признаніе французскаго протектората надъ Тонкиномъ и Аннамомъ составляетъ новый блестящій успѣхъ той колоніальной политики, которая привела Францію къ пріобрѣтенію Туниса; эта политика идетъ вообще удачно въ рукахъ предпріимчиваго и упорнаго министра-президента Ферри. „Небесная" имперія, столь долго смущавшая французовъ своею увертливою дипломатіею, испугалась перспективы бомбардировки китайскихъ портовъ, когда французскія войска покончили съ Тонкиномъ и съ дѣйствовавшими тамъ негласно китайскими отрядами, подъ именемъ „черныхъ флаговъ". Въ виду совершившагося факта побѣды, самоувѣренный тонъ китайскаго дипломата Тзенга оказался уже неумѣстнымъ и опаснымъ; по восточному обычаю, правительство Китая сразу преклонилось передъ Франціею и выразило готовность вступить въ переговоры, которые и закончились подписаніемъ трактата въ Тьенцинѣ. Такому скорому результату содѣйствовало, безъ сомнѣнія, присутствіе эскадры адмирала Леспéса въ китайскихъ водахъ. Франція требовала денежнаго вознагражденія за убытки, понесенные отъ дѣйствій переодѣтыхъ китайскихъ войскъ въ Тонкинѣ; Китай согласился на всякія политическія уступки, лишь бы избавиться отъ уплаты значительной суммы денегъ и отъ возможной экзекуціи въ случаѣ отказа. Соглашеніе было тотчасъ же

достигнуто, когда Франція взяла обратно свое денежное требованіе. Дѣло велось въ совершенной тайнѣ, и извѣстіе о мирномъ договорѣ поразило публику своею неожиданностью. Французскимъ уполномоченнымъ былъ даже не дипломатъ по профессіи, а морской офицеръ, капитанъ Фурнье. Нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ, будучи въ то же время главою кабинета, усилилъ такимъ образомъ авторитетъ правительства и придалъ ему нѣкоторую долю блеска даже въ глазахъ обычныхъ враговъ республики.

Внѣшній престижъ необходимъ для государственной власти во Франціи; безъ военнаго или политическаго обаянія, безъ подвиговъ и успѣховъ въ международныхъ дѣлахъ, самый идеальный порядокъ вещей казался бы французамъ слишкомъ прозаическимъ, мизернымъ и безсильнымъ, недостойнымъ великаго и могущественнаго народа. Пока республика удерживалась отъ всякихъ внѣшнихъ предпріятій и жила исключительно мирною внутреннею работою, до тѣхъ поръ она вызывала вражду и насмѣшки монархистовъ; сторонники графа Парижскаго и принца Наполеона оплакивали упадокъ Франціи, отсутствіе ея въ совѣтахъ Европы и ничтожность ея политики. Эти патріоты отчасти обезоружены въ настоящее время; они не могутъ не признать, что республика дѣйствуетъ энергически и успѣшно на томъ именно международномъ полѣ, которое до сихъ поръ считалось спеціальнымъ удѣломъ Наполеоновскаго правительства. Ни графъ Парижскій, ни бонапартисты не въ состояніи обѣщать болѣе того, что дѣлаетъ министерство Ферри; они съ удовольствіемъ подписались бы подъ актами присоединенія Туниса и Тонкина, а эти акты совершены республикою. Главное оружіе противъ существующаго французскаго строя выпадаетъ изъ рукъ консервативной оппозиціи. Прочность, насколько она вообще возможна при французскомъ характерѣ, и слава, насколько она допускается современными условіями въ Европѣ,—эти два основные устоя политики для большинства французовъ,—становятся все болѣе принадлежностью республиканскаго режима. Большая доля заслуги въ этомъ отношеніи должна быть приписана министерству Ферри.

Слѣдуя благоразумному правилу—ковать желѣзо, пока горячо, правительство одновременно съ достигнутымъ внѣшнимъ успѣхомъ, подъ свѣжимъ его впечатлѣніемъ, старается завершить зданіе республики при помощи пересмотра конституціи 25 февраля 1875 года, съ цѣлью положить конецъ всякимъ дальнѣйшимъ надеждамъ монархистовъ. Изъ конституціи будетъ вычеркнута, между прочимъ, статья, допускающая измѣненіе образа правленія общимъ собраніемъ палаты депутатовъ и сената; эта статья давала еще возможность легальнаго выхода изъ республики, а теперь предполагается этотъ выходъ за-

крыть совершенно. Республика будетъ объявлена окончательною государственною формою Франціи, и всякая попытка измѣнить ее подойдетъ уже подъ понятіе мятежа. Судя по составу и настроенію палатъ, законопроектъ министерства будетъ принятъ, по всей вѣроятности, внушительнымъ большинствомъ голосовъ.

Разрѣшеніе тонкинскаго вопроса позволяетъ Франціи принять болѣе дѣятельное и вліятельное участіе и въ стоящемъ нынѣ на очереди обсужденіи запутанныхъ дѣлъ Египта. Предложенная Англіею конференція едва ли соберется скоро; быть можетъ, она совсѣмъ не состоится, если не послѣдуетъ предварительнаго соглашенія между обѣими западными державами, наиболѣе заинтересованными въ данномъ случаѣ. Французское правительство ставитъ свои условія, прежде чѣмъ согласиться на участіе въ конференціи, а англичанамъ эти условія кажутся слишкомъ неудобными. Между тѣмъ, египетскій кризисъ усложняется все болѣе, и плоды его для Англіи дѣлаются все болѣе горькими. Военная экспедиція противъ арабскихъ отрядовъ, угрожавшихъ портамъ Краснаго моря, не принесла никакихъ практическихъ результатовъ; кровопролитныя „побѣды" надъ войсками Асманъ-Дигмы оказались совершенно безцѣльными. Посылка генерала Гордона въ глубь Судана, въ Хартумъ, была крупною, почти непонятною ошибкою. Одинокій, окруженный враждебными племенами, представитель Англіи очутился въ невозможномъ положеніи: уйти ни съ чѣмъ онъ не можетъ безъ ущерба для англійскаго авторитета и для своего личнаго достоинства, а достигнуть онъ ничего не въ состояніи безъ достаточныхъ военныхъ силъ. Послать войско къ Хартуму чрезвычайно трудно и дорого; а оставить британскаго уполномоченнаго безъ помощи, въ жертву арабской мести, — немыслимо.

Эта тяжелая, почти неразрѣшимая дилемма не могла бы возникнуть, еслибы Гладстонъ былъ вполнѣ послѣдователенъ въ примѣненіи своихъ принциповъ къ иностранной политикѣ. Онъ не разъ заявлялъ, что Англія не имѣетъ ни права, ни надобности мѣшать обитателямъ Судана въ достиженіи независимости; а между тѣмъ, вопреки своей собственной программѣ, онъ допустилъ вмѣшательство въ суданскія дѣла ради избавленія египетскихъ гарнизоновъ и возложилъ это вмѣшательство на одного человѣка, надѣясь на его самоувѣренныя обѣщанія и на фантастическіе личные подвиги. Сдѣлавъ одинъ ложный шагъ, приходится дѣлать и дальнѣйшіе;—отступать нельзя въ подобныхъ случаяхъ. Личность генерала Гордона, его неустрашимость и энергія возбуждаютъ общія симпатіи въ Англіи; общественное движеніе въ пользу немедленной поддержки его распространяется въ угрожающихъ размѣрахъ, а уклончивые отвѣты министровъ встрѣчаются публикою съ видимымъ раздраженіемъ. Да-

либеральная печать начинаетъ нападать на нерѣшительность кабинета, и многіе изъ либеральныхъ членовъ палаты общинъ открыто присоединяются къ оппозиціи въ египетскомъ вопросѣ. Министерство до послѣдняго времени продолжало разсчитывать на то, что Гордонъ выпутается какъ-нибудь безъ посторонняго содѣйствія, и что дѣло обойдется безъ новой военной экспедиціи; но подъ сильнымъ давленіемъ общества и печати подготовляется, однако, смѣшанный англо-египетскій отрядъ, который будетъ только осенью направленъ къ Хартуму. Откладывать же дѣло до осени—крайне рискованно, въ виду опаснаго положенія Гордона; почти ежедневно въ лондонскихъ газетахъ появляются слухи о взятіи его въ плѣнъ или даже о гибели его, чтó еще болѣе усиливаетъ агитацію.

Въ засѣданіи палаты общинъ, 12 мая, внесено было предложеніе выразить порицаніе правительству за его образъ дѣйствій; такое порицаніе, еслибы оно было рѣшено палатою, означало бы паденіе министерства. Гладстонъ защищалъ свою политику съ обычнымъ краснорѣчіемъ, но не успѣлъ убѣдить никого въ основательности своихъ заявленій и надеждъ; онъ увѣрялъ, что Гордонъ пока не нуждается въ поддержкѣ, и что время еще терпитъ, въ чемъ никакъ не можетъ согласиться большинство англичанъ, почерпающихъ свои свѣденія изъ газетныхъ депешъ и корреспонденцій. На этотъ разъ рѣчь Гладстона не понравилась даже съ ораторской точки зрѣнія; она показалась вялою и безцвѣтною,—вѣроятно благодаря основной своей мысли, несимпатичной публикѣ. Одинъ изъ видныхъ либеральныхъ дѣятелей, миролюбивый финансистъ Гошенъ, также выступилъ противъ министерства; это служитъ симптомомъ настроенія, охватившаго даже самые мирные классы англійскаго общества. Особенно талантлива и остроумна была рѣчь лорда Черчилля, который въ послѣднее время рѣшительно заслоняетъ собою оффиціальнаго предводителя консервативной партіи въ парламентѣ. Послѣ двухдневныхъ преній, палата общинъ отклонила предложеніе сэра Гиксъ-Бича незначительнымъ большинствомъ 28 голосовъ,—и министерство Гладстона было спасено. Это была въ нѣкоторомъ родѣ Пиррова побѣда: еще одна такая битва, и кабинетъ можетъ оказаться въ меньшинствѣ. Противъ египетской политики правительства высказалось 275 членовъ парламента, и оппозиція не даромъ приняла результатъ голосованія съ оглушительными апплодисментами. Не все дается одному человѣку: знаменитый парламентскій вождь, образцовый правитель и реформаторъ въ области внутреннихъ интересовъ, оказывается нерѣдко плохимъ политикомъ въ дѣлахъ международныхъ.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-е іюня, 1884.

— Изслѣдованія народной жизни. *Александры Ефименко.* Выпускъ первый: Обычное право. Изданіе В. П. Касперова. Москва 1884.

Имя г-жи Ефименко принадлежитъ, безъ сомнѣнія, къ числу самыхъ симпатичныхъ въ нашей небогатой общественно-научной литературѣ. Изслѣдованія и статьи ея, печатавшіяся въ разныхъ журналахъ, обращали на себя вниманіе не только важностью избранныхъ тэмъ и обстоятельностью ихъ разработки, но и прежде всего теплымъ, искреннимъ отношеніемъ къ предмету и крайнею добросовѣстностью въ выводахъ. Г-жа Ефименко занималась главнымъ образомъ изученіемъ обычнаго народнаго права въ различныхъ его проявленіяхъ, причемъ пользовалась отчасти новымъ матеріаломъ, который собирала сама въ сѣверномъ краѣ. Нѣкоторыя работы автора имѣютъ вполнѣ самостоятельную научную цѣнность; таково обширное изслѣдованіе о „крестьянскомъ землевладѣніи на крайнемъ сѣверѣ“, „занимающее большую половину книги. Этюды о народныхъ воззрѣніяхъ на бракъ, о женщинѣ въ крестьянской семьѣ и о трудовомъ началѣ въ обычномъ правѣ написаны талантливо и дѣльно; единственная слабая статья въ сборникѣ о „субъективизмѣ въ русскомъ обычномъ правѣ“—слишкомъ незначительна по объему, чтобы нарушить общее впечатлѣніе.

Появленіе работъ г-жи Ефименко въ отдѣльномъ изданіи должно быть признано какъ нельзя болѣе своевременнымъ, въ виду предстоящей реформы нашихъ гражданскихъ законовъ. Въ предисловіи автор допустилъ маленькую ошибку: по его словамъ, „коммиссія, которой поручено было составленіе проекта гражданскаго уложенія, уже кончила свой трудъ“, тогда какъ въ дѣйствительности, насколько намъ извѣстно, задача коммиссіи далеко еще не исполнена. Говоря о необходимости принять обычное право за основаніе граж

данскаго законодательства, авторъ, очевидно, не имѣлъ свѣденій о томъ, что этотъ вопросъ обсуждался недавно въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ (по поводу реферата г-жи Евреиновой) и былъ разрѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, съ нѣкоторыми лишь ограниченіями (въ засѣданіи 12 марта). Въ нашемъ журналѣ уже говорилось о значеніи обычнаго права для законодательства и о предполагаемомъ характерѣ будущаго гражданскаго кодекса [1]), такъ что намъ нѣтъ надобности возвращаться теперь къ этому предмету. Замѣтимъ только, что, полемизируя вполнѣ основательно противъ схоластической односторонности нѣкоторыхъ нашихъ юристовъ, г-жа Ефименко напрасно обобщаетъ свои возраженія. Въ европейской юридической литературѣ она могла бы найти не мало точекъ опоры для взглядовъ, прямо противоположныхъ тѣмъ, которые иными спеціалистами выдаются у насъ за науку.

Основная тенденція автора—народническая, въ лучшемъ и чистѣйшемъ значеніи этого слова. Причисляя себя къ „самымъ крайнимъ поклонникамъ народа и его общины", авторъ съ замѣчательнымъ безпристрастіемъ собираетъ и анализируетъ факты, противорѣчащіе его завѣтнымъ воззрѣніямъ или рисующіе темныя стороны народнаго характера. Г-жа Ефименко не скрываетъ отъ себя, что нашему крестьянину свойственъ „легкій взглядъ на честность въ юридическихъ отношеніяхъ, выработавшій пословицы въ родѣ: не обманешь—не продашь"; иногда ее возмущаютъ „безобразныя крайности" брачныхъ сдѣлокъ въ народѣ; она видитъ неприглядное положеніе женщины, по поводу которой „заключаются въ пьяномъ видѣ договоры и расторгаются въ трезвомъ, даются неустойки и т. п."; — но она не останавливается на этой грубой оболочкѣ и находитъ подъ нею здоровое содержаніе, вытекающее изъ всего традиціоннаго склада народной жизни и въ сущности гораздо болѣе человѣчное, чѣмъ тѣ фарисейскія возвышенныя формулы, которыми прикрываются явныя несправедливости въ средѣ культурнаго класса. Законъ смотритъ на бракъ, какъ на актъ исключительно религіозный, и не признаетъ его договорнаго, гражданскаго значенія; а на практикѣ, какъ указалъ Оршанскій, духовенство до послѣднихъ годовъ чуть ли не публиковало о невѣстахъ, за которыми числятся приходы и на которыхъ должны жениться желающіе получить мѣста приходскихъ священниковъ. Въ глазахъ народа бракъ представляется просто гражданскимъ договоромъ, который освящается, но не совершается церковью; „всѣ теоріи,—говоритъ авторъ,—основанныя на признаніи

---

[1]) См. статью: „Къ вопросу о новомъ гражданскомъ кодексѣ", въ № 8 „Вѣстника Европы" за 1883 годъ, а также „Внутреннее Обозрѣніе въ № 3 за тотъ же годъ.

какого-то особеннаго православнаго народно-русскаго духа, который, наполняя собою все, спеціально присутствуетъ въ бракѣ, кажутся до такой степени несостоятельными съ точки зрѣнія фактовъ, что рѣшительно не постигаешь, чему приписать ихъ возникновеніе". Народныя понятія могутъ казаться низменными сравнительно съ высокимъ идеаломъ, начертаннымъ въ законѣ; но дѣйствительность, какова бы она ни была, должна быть регулируема, а не игнорируема законодателемъ. Народу чужды многія положенія формальнаго права, не соотвѣтствующія реальной правдѣ; „крестьянина сильно возмутилъ бы фактъ, встрѣчающійся сплошь и рядомъ въ другихъ сословіяхъ, мимо котораго совершенно равнодушно проходятъ люди, гораздо болѣе развитые, — тотъ фактъ, когда въ силу закона какіе-нибудь дальніе родственники покойнаго, которыхъ онъ могъ даже никогда не знать, выбрасываютъ на улицу женщину, пожертвовавшую для него всѣмъ, дѣлившую съ нимъ много лѣтъ горе и радость", хотя и безъ вѣнчанья. Для женщины, какъ жены, — по замѣчанію автора,—ничего не можетъ сдѣлать ни одно судебное мѣсто, кромѣ волостного суда. Волостной судъ, конечно, нарушаетъ законъ, утверждая разводы и разлученія супруговъ; однако, нельзя не сказать вмѣстѣ съ г-жею Ефименко: „да простятся волостному суду его прегрѣшенія, такъ какъ ими предупреждаются ужасныя катастрофы, приводящія многихъ жертвъ въ преждевременную кровавую могилу или на скамью подсудимыхъ". Любопытные примѣры, извлеченные изъ рѣшеній волостныхъ судовъ архангельской губерніи, а также изъ личныхъ наблюденій, прекрасно иллюстрируютъ мысль автора. Этому очерку предшествуетъ изложеніе историческаго развитія русской семьи и русскаго брачнаго права, въ связи съ устройствомъ семьи у другихъ славянскихъ народовъ.

Въ этюдѣ о трудѣ, какъ источникѣ права по народнымъ воззрѣніямъ, приведены вѣскіе доводы для доказательства того, что „въ народѣ существуетъ своеобразное право, въ которомъ первенствующую роль играетъ трудовое начало". Что трудъ порождаетъ извѣстное право на вещь, сдѣланную или измѣненную при его участіи, — это не отрицается даже римскимъ правомъ, вопреки мнѣнію г-жи Ефименко. Передѣлка или обработка чужой вещи влечетъ за собою пріобрѣтеніе ея въ собственность, если вещь не можетъ быть возвращена въ прежній видъ; также точно, картина, нарисованная на чужомъ полотнѣ, принадлежитъ художнику, а не собственнику полотна. Очевидно, авторъ невѣрно представляетъ себѣ положеніе вопроса, если считаетъ нужнымъ дѣлать такого рода оговорку: „мы не смѣемъ слишкомъ надѣяться на успѣхъ, особенно въ средѣ ученыхъ спеціалистовъ; всѣ факты могутъ разбиться о научные пред-

разсудки, тѣмъ болѣе когда въ основѣ ихъ лежать тѣ или иныя соціальныя симпатіи или антипатіи". Ошибка произошла, быть можетъ, отъ того, что авторъ принялъ мнѣнія профессора Пахмана и его сторонниковъ за истинное выраженіе науки права.

Г-жа Ефименко заявляетъ въ предисловіи, что ей „хотѣлось бы посвятить свою книгу нашей учащейся молодежи, особенно студентамъ-юристамъ нашихъ университетовъ". Выраженное при этомъ „завѣтное пожеланіе" имѣетъ видимую связь съ главнымъ трудомъ автора, могущимъ дѣйствительно служить образцомъ для изслѣдованій нашихъ молодыхъ, начинающихъ ученыхъ. Масса старинныхъ памятниковъ и документовъ хранится еще на сѣверѣ у крестьянъ и въ монастыряхъ; многое исчезаетъ вслѣдствіе невѣжества или небрежности, на что авторъ совѣтуетъ обратить вниманіе „ученымъ учрежденіямъ, вѣдающимъ нашу старину". Эта „исчезающая письменность" заключаетъ въ себѣ драгоцѣнные матеріалы для исторіи народа, и изъ того, что удалось собрать г-жѣ Ефименко, она построила цѣлое зданіе, не лишенное изящества и силы. „У нѣкоторыхъ изъ нашихъ молодыхъ и начинающихъ ученыхъ—говорится въ началѣ статьи,—проявляется стремленіе изучать западно-европейскую исторію въ ея источникахъ по архивнымъ памятникамъ. На это тратится много труда и средствъ. Стремленіе очень почтенное... Но какъ-то ужасно грустно становится при мысли, что въ то самое время какъ изучаются англійскіе памятники, свои, русскіе, немилосердно истребляются,—получается русская исторія французскаго крестьянина и въ то же время безвозвратно погибаетъ возможность выяснить когда-нибудь исторію своего собственнаго крестьянина". При такихъ условіяхъ попытка автора тѣмъ болѣе заслуживаетъ признательности.

Выводы, къ которымъ пришла г-жа Ефименко послѣ кропотливой двухлѣтней работы, оказались совершенно несогласными съ наиболѣе популярнымъ и господствующимъ мнѣніемъ, въ которомъ сама она до тѣхъ поръ „была глубоко и твердо убѣждена". Оказалось, что „поземельная община вовсе не исконная форма нашего землевладѣнія", что старая деревенская организація заключалась въ долевомъ владѣніи, имѣвшемъ личныя и частныя основанія, и что волость не была поземельною единицею, какъ это доказывалъ г. П. Соколовскій въ своемъ „Очеркѣ исторіи сельской общины на сѣверѣ Россіи". Періодическія измѣренія земли производились не въ смыслѣ передѣла, а исключительно для провѣрки количества владѣнія, подлежавшаго тяглу,—для уравненія податного, а не земельнаго. Были также на сѣверѣ обширныя личныя владѣнія новгородскихъ бояръ и купцовъ. Крестьяне были собственниками своихъ деревенскихъ

долей и распоряжались ими вполнѣ свободно; между прочимъ, существовалъ обычай дѣлать вклады въ монастыри съ тѣмъ, чтобы самъ вкладчикъ и его дѣти имѣли право жить и пользоваться всѣмъ необходимымъ вмѣстѣ съ монастырскою братіею. Впослѣдствіи монастыри, оставивъ за собою земельные и прочіе вклады, стали выгонять вкладчиковъ, какъ „разорителей и грабителей". Нѣкоторые монастыри были долго крестьянскими, мірскими, пока не отбирались въ пользу духовенства. Постепенно разлагалось деревенское устройство, по мѣрѣ увеличенія населенія и возрастанія гнета со стороны сильныхъ владѣльцевъ, монастырей и государства; крестьяне стали терять свободу, хотя поземельныя права ихъ оставались прежнія. Разложившееся долевое владѣніе перешло, однако, не въ участковое, а въ общинное, при сильномъ содѣйствіи государственныхъ мѣръ. Межевыя инструкціи прошлаго столѣтія прямо выразили идею о принадлежности всѣхъ крестьянскихъ земель государству и о необходимости передѣловъ для равномѣрнаго распредѣленія податныхъ средствъ и тягостей между поселянами; при этомъ посадскіе люди изгонялись изъ деревень. Эти инструкціи являются „настоящими декретами конвента". Родовыя, собственныя земли отдѣльныхъ крестьянъ должны были идти въ передѣлъ, что могло быть осуществлено фактически только въ началѣ тридцатыхъ годовъ, послѣ многихъ энергическихъ предписаній. При всемъ томъ авторъ „указываетъ съ настойчивостью на то, что деревня обращалась въ общину именно сама собою" (стр. 362). Изъ прошлыхъ судебъ крестьянства выводится, между прочимъ, урокъ для будущаго: „народная жизнь не есть пустота, которую можно по произволу наполнять какимъ угодно содержаніемъ".

Въ концѣ своего интереснаго и добросовѣстнаго изслѣдованія г-жа Ефименко неожиданно поражаетъ читателя сомнѣніемъ въ томъ, „отыщется ли таковой" вообще, т.-е. прочитаетъ ли кто-нибудь ея работу. Въ предисловіи она уже напередъ объясняетъ причины, почему трудъ этотъ не могъ и не можетъ заинтересовать собою читающую публику. Между тѣмъ, автору слѣдовало только вспомнить, что статья печаталась въ „Русской Мысли" по частямъ и что большинство читателей могло ожидать окончанія ея или изданія отдѣльною книгою, для болѣе удобнаго чтенія. Какъ бы то ни было, авторская скромность г-жи Ефименко, подсказывающая ей невѣроятныя предположенія, является рѣдкимъ и страннымъ исключеніемъ среди обычныхъ литературныхъ самолюбій.

— Цѣнность жизни. Изслѣдованіе *П. В. Мокіевскаго* Спб., 1884.
— О научномъ значеніи пессимизма и оптимизма, какъ міровоззрѣній. Профессора *Н. Я. Грота*. (Публичная лекція). Одесса 1884.

Г-нъ Мокіевскій находитъ необходимымъ и возможнымъ „научное рѣшеніе вопроса о цѣнности жизни“, а профессоръ Гротъ доказываетъ, что этотъ вопросъ не допускаетъ вовсе правильной научной постановки. Большинство читателей согласится, конечно, съ г. Гротомъ, что пессимизмъ и оптимизмъ имѣютъ въ своей основѣ извѣстныя душевныя настроенія, личныя или общественныя, и что философскія доктрины, выработанныя на почвѣ этихъ настроеній, не могутъ претендовать на совершенно объективное, научное оправданіе, построенное на фактахъ и теоріяхъ. „Удовольствіе и страданіе,— какъ справедливо замѣчаетъ г. Гротъ,—вполнѣ относительныя душевныя состоянія: то, что есть удовольствіе или страданіе для одного, не есть таковое для другого. Пользуясь этою относительностью чувствъ, а также фактами конечности, предѣльности удовольствій и страданій, а равно и самаго существованія человѣка, можно легко доказать иллюзорность, ничтожную цѣну, ничтожный смыслъ каждаго наслажденія и страданія человѣческаго организма. Это и выражается ходячей формулой обезцѣниванія человѣческихъ чувствъ, утверждающею, что всѣ они ничто въ сравненіи съ вѣчностью“. Ученія оптимистовъ и пессимистовъ не только не научны, но отчасти и вредны; они „способны только ослабить энергію человѣка и бодрость его настроенія“, тогда какъ въ жизни необходимо „надѣяться и дѣйствовать,—надѣяться потому, что для надежды можетъ существовать только одно препятствіе, а именно, увѣренность въ невозможности достиженія цѣли,—дѣйствовать же должно потому, что для достиженія данной цѣли существуетъ одинъ только путь—путь дѣйствія“. Если мы признаемъ, вопреки пессимистамъ, что не все потеряно, а съ другой стороны, допускаемъ, вопреки оптимистамъ, что достигнуто еще очень мало и что отъ человѣка самого только и можетъ зависѣть улучшеніе его судьбы, то признаемъ,—заключаетъ г. Гротъ,— что есть чего хотѣть и ради чего дѣйствовать. Въ концѣ своей брошюры авторъ намекаетъ на фактическую общественную подкладку пессимизма: „распространеніе въ обществѣ пессимистическаго настроенія, выражающагося въ учащеніи самоубійствъ, въ преобладаніи пессимистическихъ мотивовъ въ поэзіи, литературѣ и въ философіи, служитъ показателемъ ненормальности, неудовлетворительности существующаго соціальнаго строя, показателемъ кризиса въ умственныхъ, нравственныхъ и экономическихъ условіяхъ жизни общества; онъ долженъ поэтому служить предостереженіемъ и указаніемъ для полити-

ческихъ дѣятелей, для нравственныхъ и умственныхъ руководителей народовъ" (стр. 28).

Въ небольшой „публичной лекціи" г. Грота ясно и опредѣленно высказано то, что упущено изъ виду или изложено слишкомъ расплывчато въ книгѣ г. Мокіевскаго. Послѣдній авторъ весьма подробно излагаетъ ученія главныхъ теоретиковъ пессимизма и оптимизма Шопенгауэра, Гартмана, Дюринга и Сюлли, затѣмъ опять подробно разбираетъ ихъ, вдаваясь въ частыя повторенія, и наконецъ приходитъ къ выводамъ, нисколько не вытекающимъ изъ предшествующаго изложенія и не выдерживающимъ вообще серьезной критики. Г. Мокіевскій останавливается также на нѣкоторыхъ второстепенныхъ философахъ, удѣляя имъ однако въ совокупности гораздо меньше мѣста, чѣмъ одной фантастической картинѣ поэта Леонарди (стр. 21—28). Потративъ много времени и силъ на разборъ ученія Гартмана, авторъ въ концѣ концовъ упрекаетъ его въ „непростительномъ легкомысліи". Просто является непонятнымъ,—говоритъ онъ,—какъ въ Германіи, странѣ столь ученой, гдѣ множество ученыхъ изыскиваютъ самые точные психологическіе методы, спорятъ о самыхъ малѣйшихъ неточностяхъ этихъ методовъ,—какъ въ этой самой Германіи могъ получить широкую извѣстность и даже славу философъ, позволяющій себѣ столь легкомысленное отношеніе къ дѣлу (стр. 180). Критикуя пессимистовъ, авторъ заимствуетъ свои доводы изъ обычныхъ оптимистическихъ воззрѣній; наоборотъ, опровергая оптимизмъ Дюринга, онъ кажется завзятымъ пессимистомъ. Отсутствіе точнаго критерія даетъ себя особенно чувствовать въ самостоятельныхъ разсужденіяхъ о „балансѣ жизни" и о раціональномъ построеніи ея. Г. Мокіевскій пространно объясняетъ, что „для всякой (?) дѣятельности существуютъ предѣлы, внутри которыхъ она пріятна", что страданіе происходитъ отъ недостаточной или чрезмѣрной траты силъ, что „комбинируя разные роды дѣятельности, затѣмъ дѣятельность и покой, можно создать непрерывную цѣпь удовольствій", что различные люди не одинаково воспріимчивы къ тому или иному удовольствію или страданію и т. д.; но рядомъ съ этими здравыми и нерѣдко через-чуръ банальными разсужденіями высказывается много наивнаго и незрѣлаго. Авторъ берется „построить раціональную схему человѣческой жизни вообще", независимо отъ дѣйствительныхъ свойствъ и стремленій людей; онъ беретъ человѣка, не такъ какъ онъ есть, а какъ онъ долженъ быть, по мнѣнію г. Мокіевскаго. „Человѣкъ можетъ и *долженъ* сознательно стремиться къ какой-либо цѣли, вовсе не имѣющей отношенія къ его личному благосостоянію; постоянный притокъ удовольствія *долженъ* быть только слѣдствіемъ этого стремленія". Эта „великая, внѣ насъ лежащая цѣль, способная воодуше-

вить всѣхъ (?) людей и увѣковѣчить результаты ихъ дѣятельности, можетъ состоять только въ споспѣшествованіи благоденствію людей" (стр. 221—3). Такимъ способомъ легко устраняются, конечно, всѣ трудности вопроса, ибо для абстрактнаго человѣка законъ не писанъ; но построенная на подобныхъ началахъ теорія „цѣнности жизни" сама не имѣетъ никакой реальной цѣнности.

По мнѣнію автора, указаніе на высшіе мотивы „благожелательной дѣятельности" уничтожаетъ пессимизмъ въ самомъ зародышѣ,—какъ-будто человѣкъ, убѣжденный въ безцѣльности и пустотѣ существованія человѣчества и всего міра, можетъ считать великою, возвышенною цѣлью—содѣйствіе счастію ничтожной, обреченной на гибель, человѣческой толпы, населяющей нашу ничтожную планету. Очевидно, авторъ забываетъ сущность пессимистическаго міровоззрѣнія, когда думаетъ ослабить его сомнительными человѣческими идеалами или „иллюзіями". Онъ только мимоходомъ упоминаетъ о такомъ состояніи общества, при которомъ „всякая полезная дѣятельность въ высшей степени затруднена"; но за то въ будущемъ предвидится счастливое „общество, устроенное разумомъ (?) на нравственныхъ началахъ". Откуда возьмется этотъ разумъ и эта нравственность въ господствующихъ силахъ и страстяхъ человѣческихъ — неизвѣстно. Между тѣмъ, авторъ увѣренъ, что ему „удалось построить схему счастія" (!). Самонадѣянность его доходитъ до того, что онъ развязно заявляетъ: „мы не желаемъ слѣдовать легкомысленному примѣру Гартмана и судить съ плеча о будущемъ прогрессѣ науки"; и тутъ-же рѣшаетъ съ плеча соціальные и философско-историческіе вопросы, безъ малѣйшей къ нимъ подготовки. Между прочимъ, онъ сильно вѣритъ въ медицину, которая, по его словамъ, научитъ насъ лечить даже несчастные темпераменты (стр. 208); да и теперь образованные люди поступаютъ не хорошо, если не исполняютъ *всѣхъ* приказаній врача безъ всякихъ возраженій (стр. 255),—упрекъ довольно странный, если принять во вниманіе разногласія и ошибки самихъ врачей, отражающіяся сплошь и рядомъ на жизни и здоровьѣ паціентовъ.

Замѣтимъ еще, что авторъ толкуетъ о цѣнности жизни совершенно отвлеченно, не касаясь той реальной обстановки, среди которой выростаютъ настроенія и доктрины пессимизма или оптимизма; онъ забылъ о самомъ главномъ элементѣ вопроса—объ общественной атмосферѣ, порождающей извѣстныя чувства и теоріи. Оттого и вся книга производитъ впечатлѣніе какой-то безпредметности и безплодности. Трудъ г. Мокіевскаго имѣлъ-бы, быть можетъ, нѣкоторое значеніе для читателей, незнакомыхъ съ иностранною философскою литературою,—и если бы авторъ притомъ ограничился систематическимъ

изложеніемъ существующихъ ученій по данному вопросу, не вдаваясь въ рискованныя самостоятельныя попытки.

— Психологія великихъ людей, *Генриха Жоли*. Переводъ съ французскаго. Изданіе Ф. Павленкова. Спб. 1884.

Книга Жоли—не ученое изслѣдованіе, а рядъ бойко написанныхъ очерковъ, которые съ интересомъ прочитаетъ всякій любитель занимательнаго чтенія. Изучить природу генія, условія его появленія и успѣха,—задача заманчивая; на эту тэму писали очень многіе, преимущественно историки и философы, а въ новѣйшее время за нее съ успѣхомъ взялись психіатры, создавшіе теорію родства геніальности съ помѣшательствомъ. Психіатрическая точка зрѣнія нашла талантливыхъ выразителей, въ лицѣ Флуранса, Маудсли и Ломброзо. Извѣстный своими изслѣдованіями о „преступномъ человѣкѣ", о развитіи преступленій въ Италіи, о „геніи и сумасшествіи" и о другихъ подобныхъ предметахъ, профессоръ Ломброзо еще недавно далъ новый толчокъ указанному взгляду; — онъ придумалъ особое названіе для людей, способныхъ быть двигателями человѣческихъ обществъ, а названіе, какъ извѣстно, вѣрнѣе всего закрѣпляетъ выраженное въ немъ воззрѣніе въ умахъ публики. „Маттоиды" профессора Ломброзо не прибавляютъ ничего новаго къ существующимъ взглядамъ на великихъ дѣятелей; но новое *слово* принято было за новую теорію и въ этомъ смыслѣ могло дать лишній шансъ популярности самому ученію. Такого рода выводовъ совершенно чуждъ Жоли; онъ не обобщаетъ фактовъ ни въ сторону психіатрическую, ни въ направленіи философско-историческомъ, а даетъ отдѣльныя характеристики, проводитъ любопытныя параллели и высказываетъ общія замѣчанія, не могущія претендовать на научность. Жоли пользуется отчасти спеціальною литературою предмета и заимствуетъ не мало у Гальтона, книга котораго о наслѣдственности таланта переведена также на русскій языкъ; но личныя мнѣнія автора проникнуты значительною долею неопредѣленнаго мистицизма и грѣшатъ недостаткомъ критическаго анализа.

Авторъ склоненъ видѣть нѣчто провиденціальное въ появленіи великаго человѣка: геній появляется въ надлежащій моментъ, когда онъ наиболѣе нуженъ данной эпохѣ,—„всего чаще въ моменты основанія и организація новыхъ устоевъ"; надъ порожденіемъ его работаетъ какая-то таинственная сила, которая послѣ этого отдыхаетъ болѣе или менѣе долго. „Если природа и производитъ иной разъ рядомъ съ необыкновенною личностью, непосредственно послѣ нея, другую замѣчательную натуру, приближающуюся къ ней по своимъ

свойствамъ, то это натура является почти всегда въ женской формѣ. Такъ, что эти случаи появленія замѣчательныхъ женщинъ представляются здѣсь—по словамъ Жоли—или тѣми моментами, когда данная раса, послѣ долгаго отдохновенія (?), *готовится* произвести на свѣтъ великаго человѣка, который въ своей могучей дѣятельности доведетъ до послѣднихъ предѣловъ свойственныя ей дарованія и надолго истощитъ ея плодовитость по этой части,— или тѣми моментами, когда эта раса, давъ міру своего наиболѣе совершеннаго представителя и исчерпавъ на него свои силы, переходитъ къ отдохновенію (?), но все еще сохраняетъ нѣкоторый, не вполнѣ изсякшій запасъ даровитости, продолжающій свѣтиться обаятельнымъ блескомъ" (стр. 67—8). Не только раса трудится какъ бы сознательно, создавая исключительные таланты по мѣрѣ общественной въ нихъ надобности, но и самое число ихъ и время ихъ появленія оказываются вполнѣ цѣлесообразными: иногда „предстоящія для выполненія задачи такъ сложны, что ихъ достаточно для генія нѣсколькихъ великихъ людей; и вотъ въ такихъ случаяхъ мы часто видимъ, что эти люди охотно (!) являются на аренѣ исторіи въ видѣ соперниковъ, живущихъ или въ одно и то же время, или вскорѣ другъ за другомъ, причемъ, каждый изъ нихъ выражаетъ одинъ изъ двухъ противоположныхъ пріемовъ разрѣшенія поставленной задачи или одинъ изъ двухъ противоположныхъ способовъ понимать, чувствовать и выражать различныя стороны человѣка и природы" (стр. 158—9).

Нечего и говорить, что эта историческая цѣлесообразность существуетъ только въ воображеніи такихъ оптимистовъ, какъ Жоли. Великіе люди не справляются, нужны ли они или нѣтъ, и когда именно слѣдуетъ имъ родиться на свѣтъ Божій; иногда они цѣлыми десятками выступаютъ на сцену, при благопріятныхъ для нихъ обстоятельствахъ, какъ, напримѣръ, во время французской революціи, а чаще всего они становятся жертвами враждебныхъ условій и подавляются толпою посредственностей, не успѣвши выказать свои силы. Когда замѣчается отсутствіе великихъ дѣятелей въ эпоху общественнаго застоя или затишья, то это вовсе не значитъ, что данная раса не производитъ людей съ задатками большихъ дарованій, что она отдыхаетъ или еще готовится произвести генія въ будущемъ и т. п., а просто задатки геніальности глохнутъ раньше времени, не находятъ соотвѣтственной атмосферы и пропадаютъ безплодно отъ причинъ естественныхъ и соціальныхъ. Величіе и слава достигаются, быть можетъ, однимъ изъ сотни лицъ, одаренныхъ при рожденіи исключительными качествами мозга и нервной системы; между тѣмъ, Жоли разсуждаетъ такимъ образомъ, точно каждый родившійся съ задатками генія не-

премѣнно выживаетъ и непремѣнно получаетъ возможность исполнить свое назначеніе.

Для великихъ людей требуются великіе случаи; это особенно вѣрно въ политической исторіи. Наполеонъ — любимый, типическій геній для Жоли,—остался бы скромнымъ Бонапартомъ, еслибы его не выдвинулъ потокъ революціонныхъ событій; при мирномъ управленіи Людовика XVI, онъ дослужился бы, быть можетъ, до генеральскаго чина, или сохранилъ бы тѣсныя связи съ корсиканскими патріотами, мечтавшими объ отпаденіи отъ Франціи, или, наконецъ, пустился бы въ военныя приключенія въ далекихъ краяхъ,—и никто не зналъ бы, что въ этомъ человѣкѣ заключался матеріалъ для роли повелителя Европы. Мирабо пріобрѣлъ свою славу только благодаря національному собранію 1789 года; блестящая плеяда ораторовъ и молодыхъ полководцевъ была бы неизвѣстна міру, ихъ имена замѣнились бы совсѣмъ другими, еслибы король и его совѣтники оказались на высотѣ положенія. Возьмемъ болѣе близкій къ намъ примѣръ: Гамбетта, — о которомъ Жоли совершенно не упоминаетъ въ своей книгѣ,—не былъ бы тѣмъ, чѣмъ онъ былъ для Франціи, еслибы ему не представился единственный въ своемъ родѣ случай показать необычайную силу своей энергіи и своего организаторскаго таланта, во время народной обороны 1870—71 годовъ; не будь осады Парижа и турской делегаціи, онъ былъ бы только знаменитымъ республиканскимъ ораторомъ и не считался бы воплощеніемъ всѣхъ лучшихъ надеждъ французской націи, не обладалъ бы достаточнымъ авторитетомъ для успѣшной борьбы съ противниками республики и для образованія могущественнаго, сплоченнаго республиканскаго большинства, а безъ этихъ условій республика не водворилась бы во Франціи. Подобныхъ примѣровъ можно привести множество. Природная геніальность далеко не всегда связана съ великою ролью въ исторіи; это двѣ различныя категоріи явленій, рѣдко совпадающія между собою.

Даровитые люди могутъ не имѣть успѣха; они часто принадлежатъ къ числу побѣжденныхъ. Объ этомъ забываетъ Жоли; онъ принимаетъ побѣду за необходимую принадлежность генія; для него могущество есть символъ величія, хотя бы оно достигалось не однимъ умственнымъ превосходствомъ, а другими болѣе осязательными средствами. Онъ полагаетъ, что „Ришелье изгналъ изъ области политики всѣхъ строившихъ ковы противъ него“, только потому, что они были слабѣе его по способностямъ и талантамъ (стр. 151); мы думаемъ, напротивъ, что самый даровитый противникъ Ришелье казался бы ему наиболѣе опаснымъ, и никакая геніальность не спасла бы соперника отъ мести всемогущаго кардинала. Авторъ устанавли-

ваетъ также слишкомъ произвольный, оптимистическій рецептъ для дѣятельности великихъ людей;—„великій человѣкъ,—говоритъ онъ,—не вноситъ въ нашу среду такихъ усилій, которыя клонились бы къ раздѣленію и расхожденію людей, а напротивъ, неудержимо побуждаетъ насъ къ безконечному развитію во взаимномъ согласіи и единствѣ духа“ (стр. 162). Едва ли этотъ выводъ соотвѣтствуетъ исторіи такихъ дѣятелей, какъ Наполеонъ, предъ которымъ особенно преклоняется авторъ.

Генрихъ Жоли не выяснилъ точнаго понятія геніальности, не разобралъ ея различныхъ формъ и не разграничилъ ея отъ простого таланта; подъ именемъ „великихъ людей“ смѣшаны самые разнообразные элементы, изъ которыхъ многіе не имѣютъ ничего общаго съ величіемъ. На ряду съ Платономъ и Аристотелемъ, въ числѣ геніевъ поставлены французскіе художники Энгръ и Делакруа (стр. 159), а рядомъ съ Кантомъ стоитъ незначительный философъ Мэнъ-де-Биранъ (стр. 178). Съ другой стороны, относительно Наполеона, къ которому постоянно возвращается авторъ, у него въ одномъ мѣстѣ вырывается слѣдующая фраза: „Но что такое былъ прежде всего Наполеонъ I? Великій воинъ, — не болѣе“ (стр. 105). Читатель невольно теряется при такой неясности основного взгляда автора, и книга Жоли, будучи интересной, остается отчасти легковѣсною.

— Наслѣдственность душевныхъ свойствъ. Сочиненіе *Т. Рибо*. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей д-ра А. Черемшанскаго. Спб., 1884.

— Болѣзни воли. *Т. Рибо*. Переводъ съ французскаго, подъ редакціей д-ра Б. Б. Томашевскаго. Спб. 1884.

Почти одновременно появились въ русскомъ переводѣ два сочиненія Рибо,—обширное изслѣдованіе о „психологической наслѣдственности“, вышедшее уже сравнительно давно, и небольшая книжка о болѣзняхъ воли, напечатанная авторомъ въ прошломъ году и успѣвшая выдержать уже два изданія.

Талантливый редакторъ парижской „Revue philosophique“ принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые умѣютъ оживлять самые трудные спеціальные вопросы, облекая ихъ въ пріятныя, легкія формы. Это чисто-французское умѣнье соединять литературную заманчивость изложенія съ несомнѣнною научностью матеріала и выводовъ,—сразу обезпечило трудамъ Рибо широкое распространеніе среди образованной европейской публики. Рибо пріобрѣлъ популярность и у насъ, благодаря появившемуся два года тому назадъ переводу его книжки о „болѣзняхъ памяти“: книжка, прекрасно переведенная д-ромъ Черемшанскимъ, обратила на себя вниманіе массою любопытныхъ

фактовъ и разошлась довольно быстро. Особенность Рибо заключается въ томъ, что онъ отводитъ много мѣста отдѣльнымъ фактическимъ примѣрамъ, разсказамъ и анекдотамъ, заимствованнымъ изъ наблюденій врачей и изъ другихъ источниковъ; такимъ образомъ онъ освѣщаетъ путь цѣлымъ рядомъ интересныхъ иллюстрацій, незамѣтно завлекающихъ читателя въ область трактуемаго авторомъ предмета. При такой обстановкѣ, переплетаясь съ курьезными анекдотами, разсужденія и выводы автора усвоиваются чрезвычайно легко: предлагаемая публикѣ пища приготовлена столь аппетитно, что всякій можетъ приняться за нее съ удовольствіемъ, безъ опасенія скуки,—этого главнаго врага серьезнаго чтенія.

Книга о наслѣдственности касается одной изъ наиболѣе важныхъ и загадочныхъ проблемъ человѣческой жизни. Человѣкъ уже при рожденіи своемъ носитъ въ себѣ зачатки особенностей, признаковъ и привычекъ длиннаго ряда предковъ; эта наслѣдственная передача относится даже къ мелочамъ. Точно также у домашнихъ животныхъ замѣчаются инстинкты, совершенно непонятные при настоящемъ способѣ ихъ существованія. „Старый, истертый кусокъ волчьей шкуры, поднесенный маленькой собакѣ, вызываетъ у нея своимъ запахомъ судороги отъ ужаса,—между тѣмъ эта собачка никогда не видала волка; солома, употребленная въ звѣринцѣ, какъ подстилка для львовъ и тигровъ, не можетъ служить для лошадей, такъ какъ запахъ этой соломы наводитъ на нихъ ужасъ, какъ только ее внесутъ въ конюшню". Дикарь можетъ получать утонченное образованіе въ Европѣ, но онъ неизбѣжно превращается вновь въ дикаго человѣка по возвращеніи на родину; „ново-зеландецъ, весьма интеллигентный и вслѣдствіе долгаго пребыванія въ Англіи почти цивилизованный, признавалъ, что не хорошо ѣсть своего ближняго, но тѣмъ не менѣе съ нетерпѣніемъ ожидалъ наступленія того времени, когда ему можно будетъ доставить себѣ это удовольствіе". Отдѣльныя душевныя свойства, страсти и слабости передаются нерѣдко съ удивительною точностью отъ родителей къ дѣтямъ. „Одинъ оцѣнщикъ винъ, который ошибся въ качествѣ пробы вина, бросился съ отчаянія въ воду; его спасли, но впослѣдствіи онъ все-таки выполнилъ свое намѣреніе. Врачъ, лечившій этого человѣка, узналъ, что его отецъ и братья лишили себя жизни въ томъ же возрастѣ и тѣмъ же способомъ". Другой случай: нѣкто лишилъ себя жизни въ тридцать лѣтъ; его сынъ, едва достигнувъ тридцати лѣтъ, дѣлалъ двѣ попытки къ самоубійству; второй, въ цвѣтущемъ возрастѣ, впалъ въ меланхолію и утопился; его сынъ, человѣкъ вполнѣ здоровый, богатый, отецъ двоихъ дѣтей, также утопился и въ томъ же возрастѣ (стр. 137). Иногда дѣти повторяютъ во снѣ тѣ самыя тѣло-

движенія, которыя случайно усвоены были однимъ изъ родителей до вступленія въ бракъ. Какой-нибудь физическій признакъ, напр., носъ извѣстной формы, упорно переходитъ изъ рода въ родъ и становится какъ бы постоянною принадлежностью извѣстныхъ фамилій (носъ Бурбоновъ и губы Габсбурговъ). „Въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Англіи, докторъ Грегори, находясь въ замкѣ одной дамы, былъ пораженъ сходствомъ ея носа съ носомъ великаго канцлера въ Шотландіи при Карлѣ I; оказалось, что владѣлица замка приходилась правнучкою канцлеру, умершему два вѣка тому назадъ. Гуляя по окрестностямъ замка и по селу, докторъ Грегори замѣтилъ, такой же носъ у многихъ крестьянъ; тогда управляющій сообщилъ ему, что крестьяне эти—также потомки канцлера, только съ лѣвой стороны“ (стр. 185). Любопытны случаи такъ-называемаго атавизма, когда наслѣдственность „дѣлаетъ поворотъ къ прошедшему, возстановляя такія формы, которыя были нѣкогда естественными, но уже не соотвѣтствуютъ болѣе окружающей средѣ“; въ области чувствованій это явленіе объясняетъ авторъ тѣмъ, что „на днѣ нашей души, въ глубочайшихъ тайникахъ нашего существа, сокрыты дикіе инстинкты, кочевыя наклонности, необузданныя и кровожадныя побужденія, которыя спятъ, но не умираютъ“. Они—продолжаетъ Рибо—подобны зачаточнымъ органамъ, которые пережили свое значеніе, но сохранились еще у нѣкоторыхъ существъ, какъ свидѣтельство медленнаго и постепеннаго развитія жизненныхъ формъ; эти дикіе инстинкты, которые съ полною силою обнаруживались еще въ тѣ времена, когда человѣчество свободно жило въ лѣсахъ и на водахъ, воспроизводятся отъ времени до времени, по какой-то странной неуловимой для насъ игрѣ случая (стр. 302—3). Говоря объ „интеллектуальномъ результатѣ наслѣдственности“, авторъ приводитъ слова Спенсера: „человѣческій мозгъ представляетъ организованный реэстръ безчисленныхъ опытовъ, пріобрѣтенныхъ въ продолженіе постепеннаго развитія жизни вообще или, вѣрнѣе, въ продолженіе развитія того ряда организмовъ, который предшествовалъ появленію человѣческаго организма. Результаты вліяній опытовъ, наиболѣе однообразныхъ и наиболѣе частныхъ, передавались по наслѣдству, на подобіе капитала съ процентами, и постепенно достигли той высокой степени развитія разума, которая находится въ скрытомъ состояніи уже въ мозгу дитяти. Въ дальнѣйшей своей жизни, человѣкъ упражняетъ разумъ, увеличиваетъ можетъ быть ему силу или сложность и передаетъ его по наслѣдству съ маленькими прибавленіями слѣдующимъ поколѣніямъ. Такимъ-то образомъ, отъ дикарей, которые не могутъ опредѣлить числа своихъ пальцевъ и говорятъ на языкѣ, состоящемъ только изъ именъ и глаголовъ, происходятъ съ теченіемъ

времени наши Ньютоны и Шекспиры".—Въ отдѣлѣ о „соціальныхъ результатахъ наслѣдственности" одна изъ главъ замѣнена многоточіями (стр. 357).

Книжка о „болѣзняхъ воли" отличается такимъ же характеромъ и изложена столь же живо, какъ извѣстная уже читателямъ брошюра „Болѣзни памяти". Само собою разумѣется, что для Рибо „воля не есть сущность, господствующая по праву рожденія", а представляетъ собою „равнодѣйствующую всегда неустойчивую, всегда близкую къ распаденію" (стр. 86). Въ человѣкѣ происходитъ часто „борьба между двумя группами противоположныхъ и почти равныхъ стремленій", такъ что воля какъ бы распадается; это именно бываетъ въ случаяхъ неудержимаго влеченія къ какому-либо дѣйствію при полномъ сознаніи. При подобной борьбѣ—замѣчаетъ авторъ—какое „я" есть настоящее—то-ли, которое дѣйствуетъ, или то, которое сопротивляется? Если не сдѣлать выбора, то окажется два „я". Если же выборъ сдѣланъ, то нужно признать, что предпочтенная группа представляетъ „я" въ томъ же смыслѣ, какъ слабое большинство, полученное съ большимъ трудомъ, представляетъ волю народа въ конституціонномъ государствѣ". Хотѣніе есть только состояніе сознанія и можетъ остаться безъ дѣйствія, подобно судебному приговору, который остается безъ исполненія. Слабость или отсутствіе воли „обусловливается тѣмъ, что индивидуальная организація должна была произвести два дѣйствія, но произвела только одно состояніе сознанія: выборъ и утвержденіе послѣдовали, но двигательныя стремленія оказались слишкомъ слабыми",—вслѣдствіе недостатка возбужденія. По аномаліямъ воли авторъ пытается дѣлать заключенія о нормальномъ ея состояніи, причемъ пользуется обычнымъ своимъ методомъ, который можно бы опредѣлить въ нѣсколькихъ словахъ: „поменьше отвлеченныхъ разсужденій, побольше иллюстрирующихъ фактовъ и примѣровъ".

Переводъ обоихъ сочиненій редактированъ спеціалистами по психіатріи, что́ уже само по себѣ ручается за научную точность его; сверхъ того, д-ръ А. Черемшанскій прибавилъ отъ себя нѣкоторыя дополнительныя примѣчанія къ книгѣ о наслѣдственности. Укажемъ только на маленькій недосмотръ въ переводѣ книжки о „болѣзняхъ воли"; въ одномъ мѣстѣ упоминается о „монахахъ *Монтъ-Атоса*" (стр. 126), тогда какъ по-русски слѣдовало бы сказать: „Аѳонской горы".—Л. С.

— *А. Шабельская*, Наброски карандашемъ. С.-Петербургъ, 1884.

Большая часть разсказовъ г-жи Шабельской соотвѣтствуетъ тому общему имени, подъ которымъ они изданы авторомъ: это бѣглые очерки, легкіе эскизы, скорѣе намѣчающіе предметъ, чѣмъ исчерпывающіе его. Нѣкоторые типы, затронутые госпожею Шабельскою, заслуживали бы болѣе подробной отдѣлки; таковъ—старикъ Шершень въ „Параскѣ", такова—Христя въ разсказѣ: „Наканунѣ Ивана Купалы". Глухая вражда между Шершнемъ и Параской—вражда, при первомъ удобномъ случаѣ готовая перейти въ уваженіе и дружбу—представляетъ собою психологическое явленіе настолько сложное, что нельзя покончить съ нимъ двумя-тремя штрихами. Несмотря на неполноту, проистекающую иногда изъ самаго отношенія автора къ своей задачѣ, миніатюрные рисунки госпожи Шабельской весьма симпатичны; особенно удаются ей юмористическія сценки, въ родѣ брачнаго пира Мирона и Аннушки. Очень хорошъ, напримѣръ, цивилизованный лакей Ярмо, которому „малорусскій трепакъ внушалъ непреодолимое отвращеніе и даже какой-то тайный страхъ. Когда онъ смотрѣлъ на этотъ танецъ, ему приходила сумасшедшая мысль, что отъ трепака погибнутъ всѣ лакеи, не будетъ накрахмаленныхъ манишекъ, и господинъ не станетъ платить ему денегъ за неумничанье, или, какъ онъ выражался, за его добродѣтель". Всего слабѣе, изъ мелкихъ разсказовъ, „Нагорное", въ которомъ талантливая характеристика разбогатѣвшаго кулака совершенно напрасно уступаетъ мѣсто мало вѣроятной драмѣ.

Повѣсть: „Магистръ и Фрося" стоитъ въ сборникѣ госпожи Шабельской особнякомъ, какъ по объему, такъ и по тэмѣ, и по пріемамъ ея обработки. Далеко не свободная отъ недостатковъ, она показываетъ, однако, что дарованію автора чужда односторонность, что оно сохраняетъ свою силу и за предѣлами небольшой сферы, преимущественно излюбленной госпожею Шабельскою. Фигура Фроси нарисована съ тою же любовью, какъ и силуэты Аннушки, Приси, Параски; славянскій балъ въ Вѣнѣ—прелестная картинка, полная жизни и неподдѣльной веселости. Нѣкоторою сочиненностью отличается магистръ—и такъ какъ онъ занимаетъ въ разсказѣ первое мѣсто, то это вредитъ общему впечатлѣнію. Авторъ видимо ненавидитъ Петра Ивановича—и подъ вліяніемъ этой ненависти приписываетъ ему такія черты, которыя не клеятся ни съ основнымъ его характеромъ, ни съ ходомъ разсказа. Мелочной, сухой эгоистъ, снѣдаемый самообожаніемъ и завистью, злящійся на весь міръ за недостаточно быстрое и полное признаніе его великихъ достоинствъ—фигура вполнѣ возможная, взятая прямо изъ жизни; но авторъ идетъ

дальше и обращаетъ Петра Иваныча въ злодѣя, требующаго отъ Фроси чуть не дѣтоубійства, въ жалкаго труса, въ составителя ложныхъ доносовъ. Какимъ образомъ такой человѣкъ могъ не только понравиться Фросѣ, но поддерживать въ ней иллюзію нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ окончательнаго сближенія—это остается для насъ совершенно непонятнымъ. Чувство мѣры измѣнило автору—и конецъ повѣсти, вслѣдствіе этого, значительно ниже ея начала. Докторъ Гордѣевъ и братъ Фроси, Пименъ—фигуры нѣсколько шаблонныя, слишкомъ напоминающія заурядныхъ „новыхъ людей“ недавней беллетристики. „Исторія моихъ героевъ“—таковы заключительныя слова повѣсти—„только начинается; когда-нибудь я разскажу о нихъ“. Очень рады этому обѣщанію; Петръ Иванычъ—если авторъ отнесется къ нему болѣе спокойно—можетъ сдѣлаться лицомъ весьма интереснымъ и вполнѣ современнымъ.

— *Сочиненія И. А. Салова.* Повѣсти и разсказы, въ двухъ томахъ. С.-Петербургъ и Москва 1884.

Имя г. Салова сдѣлалось извѣстнымъ недавно, въ концѣ семидесятыхъ годовъ; многіе—не исключая даже присяжныхъ критиковъ—считаютъ его, повидимому, молодымъ беллетристомъ. На самомъ дѣлѣ это не такъ; мы узнаемъ изъ „Очерковъ по исторіи города Саратова и Саратовской губерніи“, первый выпускъ которыхъ только что изданъ Н. Ф. Хованскимъ [1]), что г. Саловъ началъ свою литературную дѣятельность еще въ срединѣ пятидесятыхъ годовъ и только возобновилъ ее въ 1877 г., послѣ семнадцатилѣтняго перерыва. Изъ числа разсказовъ, относящихся къ первому періоду, въ составъ настоящаго изданія вошли только три („Забытая усадьба“, „Мертвое тѣло“ и „Путиловскій регентъ“)—и они значительно слабѣе всего

---

1) Сборники этого рода весьма полезны, и мы желаемъ полнаго успѣха предпріятію г. Хованскаго; намъ кажется только, что ему слѣдовало бы нѣсколько измѣнить принятую имъ систему. Говоря о писателяхъ—уроженцахъ или жителяхъ саратовской губерніи, онъ ограничивается большею частью свѣдѣніями о мѣстѣ ихъ рожденія, воспитанія, службы и перечисленіемъ ихъ статей или сочиненій. Когда рѣчь идетъ о писателяхъ извѣстныхъ, выдающихся изъ ряда, данныя этого рода не лишены интереса; но въ большинствѣ случаевъ г. Хованскому приходится говорить о célébrités du clocher, формулярный списокъ которыхъ рѣшительно никому не нуженъ. Біографіи послѣдней категоріи становятся занимательными только тогда, когда даютъ матеріалъ для характеристики цѣлыхъ общественныхъ сферъ—учебныхъ заведеній, духовенства, чиновничьяго міра и т. д. Этому условію соотвѣтствуетъ покамѣстъ, въ сборникѣ г. Хованскаго, одинъ только очеркъ, посвященный А. Ф. Леопольдову. Если издатель постарается собрать для слѣдующихъ выпусковъ побольше воспоминаній въ родѣ тѣхъ, которыя даны имъ на стр. 177—179 или обѣщаны на стр. 167, то изданіе его будетъ имѣть значеніе не для однихъ только саратовцевъ.

остальнаго. Сильная сторона г. Салова—это вѣрное, живое изображеніе сценъ и лицъ, близко ему знакомыхъ. Онъ не создалъ ни одной типической фигуры, но прибавилъ нѣсколько хорошихъ портретовъ къ той галереѣ „героевъ нашего времени", основаніе которой положено еще Гоголемъ и расширено, сообразно съ новыми требованіями жизни, г. Салтыковымъ. Особенно облюбованъ г. Саловымъ сельскій кулакъ послѣдней формаціи, выводимый на сцену и въ „Мельницѣ купца Чесалкина" (самъ Чесалкинъ), и въ „Грызунахъ" (Требухинъ), и въ „Аспидѣ" (Глотовъ), и въ „Арендаторѣ" (Уховертовъ), и въ „Разбитой жизни" (Бузыкинъ, Блиновъ). До извѣстной степени они всѣ напоминаютъ щедринскихъ „столповъ", но это вовсе не вина г. Салова; когда характеристическія черты типа схвачены такъ мѣтко и освѣщены такъ ярко, какъ это сдѣлано нашимъ сатирикомъ, сходства съ ними, въ дальнѣйшемъ развитіи той же тэмы, избѣжать трудно, почти невозможно. Это не должно останавливать изслѣдователя; мастерское описаніе вида не дѣлаетъ излишнимъ изученіе разновидностей. Кулаки г. Салова не повторяютъ ни своихъ первообразовъ, ни другъ друга. Если Требухинъ и Глотовъ—родные братья Дерунова, то Уховертовъ и Бузыкинъ—только отдаленные родственники его. Уховертовъ—это своего рода „кандидатъ въ столпы", не развернувшійся еще вполнѣ, не вовсе утратившій совѣсть, способный разжалобиться горемъ обманутаго имъ человѣка и удѣлить ему малую толику изъ отнятой у него же добычи. Онъ похожъ на того разбойника, который, отобравъ у бабы корову и подойникъ, милостиво возвращаетъ ей подойникъ, а себѣ оставляетъ *только* корову. Бузыкинъ—это кулакъ-неудачникъ, кулакъ-расточитель и кутила, готовый пуститься во всѣ тяжкія, но не умѣющій взяться за дѣло и бросающій одной рукою то, что вытащилъ другою изъ чужого кармана. Въ перемежку съ кулаками проходятъ передъ нами другіе представители современной деревни: помѣщики, полуразорившіеся и вовсе разорившіеся, мировые судьи—формалистъ и душевный человѣкъ, управляющій—грабитель высшей школы, вѣчно подпившая деревенская интеллигенція, окончательно спившійся съ кругу купеческій братъ, и т. д. Разсказываетъ г. Саловъ просто, безъ ненужныхъ отступленій, безъ претензій; описаніями онъ не злоупотребляетъ, отъ крайностей реализма онъ свободенъ, хотя несомнѣнно черпаетъ матеріалъ изъ дѣйствительности и близко держится ея. Въ его талантѣ есть и юмористическая жилка, особенно замѣтная въ „Грачевскомъ крокодилѣ". Еслибы не нѣкоторая растянутость, мы назвали бы этотъ разсказъ лучшимъ изъ всѣхъ, вошедшихъ въ составъ настоящаго изданія. Завязка его черезъчуръ смахиваетъ на анекдотъ; но Анфиса Ивановна, отецъ Иванъ, учитель Знаменскій,

становой приставъ—совершенно живыя лица, и нѣкоторыя сцены (напр., молебенъ по случаю появленія крокодила и слѣдующій за нимъ завтракъ) дышатъ заразительною веселостью. Г. Салова сравниваютъ иногда съ Тургеневымъ; мы не послѣдуемъ этому примѣру. Если ему случается вести разсказъ отъ собственнаго лица и брать исходной точкой свои охотничьи или рыболовныя похожденія, то это еще не причина вспомнить о „Запискахъ охотника". Тургеневъ— прежде всего поэтъ; о г. Саловѣ этого сказать никакъ нельзя, да онъ и самъ, повидимому, вовсе не считаетъ себя поэтомъ. Между встрѣчающимися у него картинами природы нѣтъ ни одной, которая была бы чѣмъ-либо большимъ, нежели декораціей (часто очень хорошей) для послѣдующаго разсказа. Даровитый наблюдатель провинціальной жизни—не художникъ въ истинномъ смыслѣ этого слова; роль его въ нашей литературѣ гораздо скромнѣе, но это ничуть не мѣшаетъ ей быть видной и полезной.

— *Д. Голохвастовъ*, Письма изъ деревни. Москва, 1884 г.
— *Д. Дараганъ*, Мысли сельскаго хозяина по разнымъ земскимъ вопросамъ. С.-Петербургъ, 1884.

Мы поставили эти книги одну подлѣ другой, потому что между авторами ихъ есть точки соприкосновенія, есть и весьма поучительная разница. И тотъ, и другой—помѣщики, заботящіеся преимущественно объ интересахъ крупнаго землевладѣнія; и тотъ, и другой, принадлежатъ, хотя и далеко не въ одинаковой степени, къ правому флангу земскихъ дѣятелей и публицистовъ. По отношенію къ г. Голохвастову, какъ мы увидимъ ниже, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію; по отношенію къ г. Дарагану это доказывается отрицаніемъ крестьянскаго малоземелья, возраженіями противъ переселеній и противъ крестьянскаго кредита, жалобами на неисправность наемныхъ рабочихъ, несочувственными отзывами объ общинномъ землевладѣніи. Здѣсь оканчивается сходство между обоими писателями. Г. Дараганъ не вздыхаетъ о прошедшемъ, не вдается ни въ какія крайности, не предлагаетъ никакихъ крутыхъ мѣропріятій; онъ старается сохранить безпристрастіе, и большею частью достигаетъ своей цѣли. Признавая старую, „буржуазную" политическую экономію безусловно истинною, онъ находитъ, однако, что община соотвѣтствуетъ условіямъ великорусскаго быта, и что затрудненіе къ выходу изъ общины, установленное Положеніями 19 февраля, слѣдуетъ считать разумнымъ; сожалѣя о необезпеченности нанимателя, онъ объясняетъ ее не испорченностью народа, не потворствомъ или слабостью суда, а всею совокупностью условій нашей

жизни: громадностью пространствъ, недостаточностью и разбросанностью населенія, шаткостью нравственныхъ правилъ даже въ классѣ людей болѣе развитыхъ и т. п. Не таковъ г. Голохвастовъ. Онъ видитъ въ Положеніяхъ 19 февраля 1861 г. „окончательный перевѣсъ теорій конвента", считаетъ ихъ тѣмъ первымъ шагомъ по наклонной плоскости (нарушенія правъ собственности), послѣ котораго „трудно удержаться отъ второго, почти невозможно—отъ третьяго и т. д., причемъ быстрота движенія увеличивается въ геометрической пропорціи" (прогрессіи?). Онъ замѣчаетъ, съ горькой ироніей, что „было бы сущей клеветой обвинять правительство въ бóльшемъ уваженіи къ правамъ вообще и праву собственности поземельной въ особенности, чѣмъ французскій конвентъ, стяжавшій въ этомъ отношеніи безсмертную память". Онъ приписываетъ плачевное состояніе нашего крупнаго землевладѣнія не чему иному, какъ неувѣренности землевладѣльцевъ въ неприкосновенности права собственности ихъ на землю. Онъ убѣжденъ, что общинное владѣніе „очень скоро падетъ окончательно", и что „слѣдующее поколѣніе (!) будетъ знать о душевомъ надѣлѣ только какъ объ историческомъ фактѣ, какъ мы знаемъ о существованіи въ XVI в. Юрьева дня". Онъ твердо вѣруетъ, что безъ *кнехта* не можетъ обойтись никакое государство. Все значеніе книги г. Голохвастова (посвященной, собственно, опроверженію „Писемъ изъ деревни" г. Энгельгардта) заключается именно въ той откровенности, съ которою онъ высказываетъ мнѣнія и чувства небольшой группы — небольшой, но въ данную минуту далеко не безсильной. Спорить съ г. Голохвастовымъ было бы совершенно напрасно; озлобленіе и критика—орудія не одного и того же порядка. Мнѣнія, поддерживаемыя авторомъ, осуждены на безплодіе уже потому, что они колеблютъ краеугольный камень всего существующаго порядка, безъ всякой надежды сдвинуть его съ мѣста. Положенія 19-го февраля, съ точки зрѣнія фанатиковъ реакціи—настоящій источникъ зла, но источникъ неустранимый, потому что кто же рѣшится предложить возвращеніе бывшимъ помѣщикамъ земли, поступившей въ надѣлъ освобожденнымъ крестьянамъ? Крупное землевладѣніе необходимо для государства; процвѣтать оно можетъ только при полномъ довѣріи къ твердости права собственности; довѣріе это *непоправимо* подорвано Положеніями 19-го февраля—таковъ очарованный кругъ, изъ котораго, очевидно, нѣтъ никакого выхода... Партія, представителемъ которой можетъ служить г. Дараганъ, отличается отъ единомышленниковъ г. Голохвастова именно тѣмъ, чѣмъ консерваторы, говоря вообще, отличаются отъ реакціонеровъ. Она не отрицаетъ почвы, на которой мы всѣ стоимъ, она не бьется лбомъ объ стѣну совершившагося

факта. При такихъ условіяхъ возможна полемика, возможно детальное обсужденіе вопросовъ. Предѣлы нашей замѣтки не позволяютъ намъ коснуться всѣхъ тэмъ, затронутыхъ г. Дараганомъ; остановимся только на одной изъ нихъ, освѣщающей довольно ярко слабую сторону разсужденій автора. Онъ настаиваетъ нѣсколько разъ на необходимости сократить земскіе сборы до такихъ размѣровъ, въ какихъ они могли бы поступать безнедоимочно, „хотя бы для этого пришлось отказаться отъ новыхъ созданій и учрежденій"; непомѣрная высота земскихъ сборовъ кажется ему однимъ изъ условій, мѣшающихъ развитію народнаго благосостоянія. Мы не знаемъ съ точностью, какъ велики земскіе сборы въ псковской губерніи (которую преимущественно имѣетъ въ виду г. Дараганъ), но едва ли они тамъ многимъ выше, чѣмъ въ сосѣднихъ съ псковскою уѣздахъ петербургской губерніи, гдѣ крестьянамъ приходится платить въ земство около рубля съ души. До пониженія выкупныхъ платежей и подушной подати общая цифра всѣхъ сборовъ—казенныхъ, земскихъ и мірскихъ—составляла, въ той же мѣстности, отъ 11 до 12 рублей на душу. Отсюда ясно, что возрастаніе земской смѣты не могло, до сихъ поръ, имѣть существеннаго вліянія на положеніе крестьянства. Непріятнымъ оно было главнымъ образомъ для личныхъ землевладѣльцевъ, не привыкшихъ удѣлять значительную часть своихъ доходовъ на общія нужды—непріятнымъ тѣмъ болѣе, чѣмъ меньше, въ сѣверныхъ губерніяхъ, доходность помѣщичьихъ имѣній. Недоимокъ земскаго сбора числится особенно много именно на личныхъ землевладѣльцахъ—а заинтересованы они, прямо и непосредственно, въ необязательныхъ земскихъ расходахъ гораздо меньше, чѣмъ крестьяне. Не этимъ ли и объясняются жалобы на быстрый ростъ земскихъ смѣтъ—жалобы, отголосокъ которыхъ мы слышимъ въ книгѣ г. Дарагана? *Сократить земскіе расходы*—это значитъ (за невозможностью, или quasi-невозможностью, обрѣзать содержаніе земской управы и мировыхъ судей, стоимость земской почтовой гоньбы, квартирныя деньги чиновъ полиціи и т. п.) закрыть нѣсколько школъ или больницъ, уменьшить число фельдшеровъ или врачей. Понятно, что отъ такихъ сбереженій были бы не прочь нѣкоторые личные землевладѣльцы—но столь же понятно и то, что имъ противятся гласные отъ крестьянъ и тѣ земскіе дѣятели, которые болѣе правильно понимаютъ назначеніе земства.—К. К.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1-е іюня, 1884.

Новый доброволецъ начальной школы.—Смѣсь энтузіазма съ нетерпимостью.—Учительскія семинаріи и сельскія учительскія школы. — Мономанія политической подозрительности.—Шестьдесятъ-четыре года жизни русскаго журнала. — Бологовская катастрофа.—Примѣръ, достойный подражанія.

Прошло около двадцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ гр. Л. Н. Толстой, своею дѣятельностью въ Яснополянской начальной школѣ, показалъ русскимъ образованнымъ людямъ одно изъ самыхъ высокихъ ихъ призваній, одинъ изъ лучшихъ путей къ сближенію съ народомъ. Примѣръ даровитаго писателя не прошелъ безслѣдно; обученіе народа съ каждымъ днемъ переходитъ все больше и больше въ руки людей, достаточно подготовленныхъ къ этому великому дѣлу. Между начальными учительницами и учителями—въ особенности между первыми—уже теперь много окончившихъ курсъ въ гимназіяхъ и другихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Рѣдкимъ исключеніемъ остается до сихъ поръ только появленіе на этомъ поприщѣ лицъ, получившихъ высшее, университетское образованіе. Еслибы поискать хорошенько, то ихъ нашлось бы между народными учителями, можетъ быть, и больше, чѣмъ думаютъ обыкновенно; не всѣ бывшіе студенты, посвятившіе себя начальной школѣ, считаютъ нужнымъ доводить объ этомъ до всеобщаго свѣденія. Мы едва ли ошибемся также, если скажемъ, что для человѣка съ высшимъ образованіемъ попасть въ народные учителя, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, гораздо труднѣе, чѣмъ для человѣка безъ всякаго образованія. Какъ бы то ни было, каждый отдѣльный фактъ этого рода, такъ или иначе оглашенный, обращаетъ на себя—и обращаетъ по праву—всеобщее вниманіе. Всѣмъ памятенъ еще интересъ, возбужденный, года два тому назадъ, статьями С. А. Рачинскаго о созданной и руководимой имъ начальной школѣ. Однимъ изъ источниковъ этого интереса было именно то обстоятельство, что въ роли народнаго учителя выступалъ здѣсь бывшій университетскій профессоръ. Мы узнаёмъ теперь, что г. Рачинскій нашелъ себѣ сотрудника и продолжателя въ лицѣ г. Горбова — молодого человѣка, окончившаго курсъ въ московскомъ университетѣ и сдѣлавшагося учителемъ въ селѣ Глуховѣ (смоленской губерніи, бѣльскаго уѣзда), недалеко отъ села Татева, гдѣ работаетъ г. Рачинскій. Горячее письмо г. Горбова, напечатанное недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ", найдетъ, безъ

сомнѣнія, отголосокъ въ рядахъ молодежи. „Я вырвался изъ омута словъ,—говоритъ г. Горбовъ, — и вижу теперь вокругъ себя жизнь безъ поддѣлки и напускного; слѣдовательно, и живу такою же жизнью. Развѣ это не достойно зависти?“ Основываясь на собственномъ опытѣ, онъ приглашаетъ своихъ сверстниковъ „отказаться отъ всѣхъ умственныхъ и физическихъ благъ цивилизованной жизни, поселиться въ глухомъ изъ глухихъ мѣстъ Россіи, отдать часть своей жизни, изо дня въ день, изъ часа въ часъ, безъ возможности читать даже, крестьянскимъ ребятамъ“, и притомъ за самое скудное вознагражденіе. Жертвой, по словамъ г. Горбова, это будетъ только повидимому. „Они лишатся нѣкоторыхъ блестокъ цивилизаціи и матеріальныхъ удобствъ существованія; но посмотримъ, что они взамѣнъ ихъ получатъ! Жизнь въ вѣрѣ, жизнь исполненную важнаго дѣла,—развѣ будетъ жертвой, если за такую жизнь отдать кое-какія временныя, внѣшнія удобства? Не выигрышъ ли это, наоборотъ?“ Въ такомъ призывѣ можно усмотрѣть слишкомъ много правды, чтобы онъ не былъ услышанъ,—особенно людьми истинно скромными, лѣвая рука которыхъ не знаетъ что̀ даетъ правая, еще не избалованными жизнью, не успѣвшими привыкнуть, по выраженію Некрасова, къ ея „минутнымъ благамъ“; ихъ можетъ смутить развѣ одна мысль о томъ, что въ этомъ призывѣ слышится какъ будто и трезвонъ о скромномъ подвигѣ автора.

Что касается насъ, то чѣмъ выше мы цѣнимъ энтузіазмъ г. Горбова, тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе производитъ на насъ та высокомѣрная нетерпимость, которая составляетъ вторую отличительную черту его письма. Признаки ея можно было найти уже въ статьяхъ г. Рачинскаго —но ревность ученика, какъ это обыкновенно бываетъ, превзошла ревность учителя. „Теперь,—читаемъ мы въ письмѣ г. Горбова, —сельское учительство—лишь предметъ разговоровъ и того совершенно безсмысленнаго бумагомаранья, которое называется педагогической журналистикой; но вѣдь надо же когда-нибудь прекратить это презрительное въ сущности отношеніе къ нему и посмотрѣть на него какъ на дѣло важное и святое... Я не могу, — говоритъ авторъ, справедливо предупреждая читателя относительно того аффекта, въ который онъ впалъ — не теряя всякаго самообладанія, говорить о модномъ (?) направленіи народнаго образованія. Это направленіе видитъ въ ребятахъ матеріалъ для осуществленія разныхъ педагогическихъ теорій... Учительскія семинаріи выпустили множество неучей (!?) въ огромномъ большинствѣ ни къ чему не годныхъ, снабдивъ ихъ всякими недостатками, не вооруживъ почти никакими знаніями, запрудили ими школы и готовы были совершенно погубить народное образованіе, совершенно отбить у

крестьянъ охоту учить дѣтей. Къ счастію, замѣчается реакція противъ окончившихъ курсъ въ этихъ семинаріяхъ... Для такого опыта (т.-е. для устройства школы новаго типа, о которой мы скажемъ ниже) необходимы люди, совершенно свободные отъ лжи и вздора модныхъ педагогическихъ теорій, слѣдовательно, не имѣющіе никакой связи съ сословіемъ патентованныхъ народныхъ педагоговъ".

Болѣе односторонняго, пристрастнаго, кадетскаго, легкомысленнаго отношенія къ трудному, сложному вопросу нельзя себѣ и представить. Впрочемъ, авторъ предупредилъ, что имъ утрачено всякое самообладаніе. „Сословіе патентованныхъ народныхъ педагоговъ"—это вся масса тружениковъ, спеціально подготовленныхъ, опытомъ или школой, къ дѣлу начальнаго обученія. Неужели надъ цѣлыми тысячами людей, до крайности различныхъ по своимъ стремленіямъ и взглядамъ, слѣдуетъ поставить крестъ, какъ надъ живыми мертвецами или тяжко-больными, зараженными „ложью и вздоромъ педагогическихъ теорій?" Если „модныхъ теорій" нѣсколько, то онѣ неизбѣжно должны расходиться между собою; какимъ же образомъ онѣ всѣ могутъ быть одинаково негодны и фальшивы? Которая изъ нихъ смотритъ на дѣтей, какъ на „матеріалъ для экспериментовъ?" Или, можетъ быть, „экспериментомъ", въ глазахъ г. Горбова, представляется всякая новизна, всякое отступленіе отъ завѣтовъ традиціи и рутины? Въ такомъ случаѣ онъ долженъ признать экспериментаторомъ и г. Рачинскаго, потому что въ „часословной" школѣ не читали и не читаютъ Островскаго и Пушкина. Неужели до гг. Рачинскаго и Горбова сельское учительство было только „предметомъ разговоровъ", неужели никто не смотритъ на него, какъ на „дѣло важное и святое"? Развѣ гр. Л. Н. Толстой только „разговаривалъ" о начальной школѣ? Развѣ въ трудахъ покойнаго барона Н. А. Корфа нѣтъ ничего кромѣ „безсмысленнаго бумагомаранья"? Развѣ отношеніе Глѣба Успенскаго къ народной школѣ можетъ быть названо „презрительнымъ" или внушеннымъ „модными педагогическими теоріями"? Наша педагогическая журналистика оставляетъ желать весьма многаго, но и она, безъ сомнѣнія, принесла и приноситъ свою долю пользы. На чемъ основанъ, далѣе, огульный приговоръ, произносимый г. Горбовымъ надъ учительскими семинаріями? Гдѣ и какимъ путемъ онъ собралъ свѣдѣнія о дѣятельности учителей, подготовленныхъ этими учебными заведеніями — свѣдѣнія, изъ которыхъ вытекало бы заключеніе объ абсолютной негодности огромнаго ихъ большинства? Земскія и министерскія школы, въ которыхъ преподаютъ бывшіе воспитанники учительскихъ семинарій, переполнены учениками, число такихъ школъ постоянно растетъ, народное довѣріе къ нимъ, говоря вообще, ничуть не ослабѣваетъ; „охота учить дѣтей" никогда, можетъ быть,

не была такъ велика въ средѣ крестьянъ, какъ въ настоящее время. Доказательствъ этому мы здѣсь не приводимъ, потому что еще недавно имѣли случай привести ихъ, говоря о настоящемъ положеніи начальной школы [1]). Авторъ письма радуется наступленію „реакціи" противъ учительскихъ семинарій; мы желали бы знать, въ чемъ онъ усматриваетъ признаки ея? Не ограничиваются ли они, включая сюда и письмо г. Горбова, передовыми статьями „Московскихъ Вѣдомостей" и другихъ органовъ того же направленія? Гораздо правильнѣе, въ такомъ случаѣ, было бы говорить не о реакціи, а только о болѣе ожесточенномъ и болѣе настойчивомъ преслѣдованіи учрежденія, никогда не пользовавшагося сочувствіемъ нашихъ обскурантовъ, къ которымъ, очевидно, желаетъ пристроиться и г. Горбовъ.

Посмотримъ теперь, чѣмъ г. Горбовъ предполагаетъ замѣнить обреченныя имъ на смерть учительскія семинаріи. Онъ проектируетъ, для подготовки начальныхъ учителей, такую школу, которая была бы непосредственно соединена съ сельскимъ начальнымъ училищемъ. Ученики обѣихъ школъ должны жить вмѣстѣ, отличаясь только на урокахъ. „Этой связью съ начальной школой,—говоритъ г. Горбовъ,—будетъ избѣгнутъ главный недостатокъ воспитанниковъ учительскихъ семинарій: разрывъ съ средой, выходъ въ бары". Другой ихъ недостатокъ—„полу-образованіе, верхоглядство, потеря всякаго чувства живой дѣйствительности"—будетъ предупрежденъ програмной новой школы, исключающей логику, педагогику и всякія иныя „науки" (подчеркиваетъ это послѣднее слово самъ авторъ письма). Предметами преподаванія будутъ въ ней Законъ Божій, русскій и славянскій языкъ, ариѳметика, церковное пѣніе, немного исторіи и географіи; курсъ ученья — четырехлѣтній (считая со времени окончанія курса въ начальной школѣ). Въ соображеніяхъ г. Горбова не доказано, прежде всего, одно весьма важное обстоятельство: *выходъ въ бары*, какъ *неизбѣжный* результатъ ученья въ учительской семинаріи. *Возможность* его мы не отвергаемъ — но она обусловливается всего больше одной, чисто внѣшней, легко устранимой причиной: нахожденіемъ многихъ учительскихъ семинарій въ городахъ, иногда даже въ большихъ, губернскихъ городахъ (назовемъ, для примѣра, Самару). Ничто не мѣшаетъ принять за общее правило, чтобы учительскія семинаріи (какъ это мы видимъ уже теперь, напримѣръ, въ губерніяхъ симбирской, таврической, виленской) помѣщались непремѣнно въ селѣ; этимъ было бы достигнуто и соединеніе каждой изъ нихъ съ сельской начальной школой [2]). И въ городскихъ учительскихъ

[1]) См. Внутреннее Обозрѣніе, въ предъидущей книжкѣ нашего журнала.

[2]) При каждой учительской семинаріи обязательно существуетъ начальная школа, для практическихъ занятій учениковъ семинаріи.

семинаріяхъ, впрочемъ, далеко не всѣ ученики „выходятъ въ бары", т.-е. пріобрѣтаютъ вкусы и привычки болѣе или менѣе избалованныхъ людей; этому мѣшаетъ уже крайняя бѣдность большинства (особенно крестьянъ, поступающихъ въ семинарію изъ сельскихъ двухклассныхъ училищъ). Что касается до *разрыва съ средой*, то *совершенно* предупредить его едва ли окажется по силамъ и той школѣ, которую проектируетъ г. Горбовъ. Крестьянскій мальчикъ, семь лѣтъ употребившій на ученье и посвятившій себя учительскимъ занятіямъ, неизбѣжно отвыкнетъ отъ земледѣльческой работы, неизбѣжно поднимется надъ умственнымъ уровнемъ земледѣльческаго быта. Сколько бы ни урѣзывать программу учительской школы, она во всякомъ случаѣ дастъ своимъ ученикамъ охоту къ чтенію и способность понимать прочитанное, — а отсюда только одинъ шагъ до попытокъ самообразованія, которыя, смотря по обстоятельствамъ, одинаково легко могутъ привести и къ правильному развитію, и къ „верхоглядству". Оканчивая курсъ начальной школы, ученикъ умѣетъ читать и писать, знаетъ четыре ариѳметическія дѣйствія, съ простыми и именованными числами; занимать его еще *четыре* года русскимъ языкомъ и ариѳметикой, съ небольшой примѣсью исторіи и географіи, значитъ или топтаться съ нимъ на одномъ мѣстѣ, или *развивать* его умственно, и этимъ самымъ отдалять его отъ привычныхъ крестьянскихъ занятій. Гдѣ ручательство въ томъ, что молодой человѣкъ, окончившій курсъ въ учительской школѣ новаго типа, не станетъ мечтать о бѣгствѣ изъ деревни, о замѣнѣ учительской профессіи другою, болѣе привлекательною или болѣе выгодною? Намъ скажутъ, можетъ быть, что искать такое ручательство слѣдуетъ въ *направленіи* школы, въ духѣ, которымъ проникаются ея ученики. Но развѣ духъ и направленіе зависятъ отъ программы, отъ внѣшней постановки дѣла? Мы вполнѣ убѣждены, что еслибы г. Рачинскій былъ поставленъ во главѣ учительской семинаріи нынѣшняго типа, онъ съумѣлъ бы сдѣлать изъ нея разсадникъ учителей, близкихъ къ его идеалу. Сильная, даровитая натура всегда наложитъ свою печать на все входящее въ кругъ ея вліянія; для этого не нужно никакихъ особыхъ условій или обстановокъ. Наоборотъ, устройте наилучшую обстановку и отдайте ее въ руки заурядныхъ дѣятелей — результаты получатся также заурядные. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что учительская школа новаго типа, открытая въ селѣ Татевѣ или Глуховѣ подъ руководствомъ г. Рачинскаго, или хотя бы даже г. Горбова, принесетъ много пользы—но вѣдь рѣчь идетъ не объ этомъ частномъ случаѣ, а объ общихъ свойствахъ самаго типа, безотносительно къ исполнителямъ. Допустимъ, что учительскія семинаріи замѣнены сельскими учительскими школами, по проекту г. Горбова. Первымъ послѣдствіемъ такой перемѣны бу-

детъ сословный характеръ будущаго учительскаго персонала; въ начальные учителя—по крайней мѣрѣ въ деревняхъ—будутъ поступать *исключительно* крестьяне. Безспорно, учителя изъ крестьянъ имѣютъ много преимуществъ передъ остальными—но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы въ ихъ пользу нужно было установлять искуственную монополію, чтобы отъ преподаванія въ сельской начальной школѣ нужно было устранять всѣхъ родившихся въ другомъ классѣ общества, хотя бы они чувствовали призваніе именно къ закрываемой для нихъ дорогѣ. Учительскія семинаріи хороши, между прочимъ, именно тѣмъ, что онѣ не знаютъ сословныхъ перегородокъ, хотя фактически ученики ихъ и выходятъ, бо̀льшею частью, изъ среды крестьянства. Вторымъ послѣдствіемъ предположенной мѣры было бы уменьшеніе числа начальныхъ *учительницъ*, между которыми крестьянки составляютъ меньшинство, по очень понятной причинѣ: крестьяне слишкомъ мало еще сознаютъ необходимость ученья для дѣвочекъ, слишкомъ привыкли пользоваться ихъ трудомъ у себя дома. Если дѣвочекъ такъ мало, до сихъ поръ, въ сельскихъ начальныхъ училищахъ, то еще меньше, конечно, ихъ будетъ въ сельской учительской школѣ. Весьма важное значеніе, наконецъ, имѣетъ въ нашихъ глазахъ и вражда къ *наукамъ*, обнаруживаемая приверженцами новыхъ порядковъ. За логику и педагогику (послѣдняя совершенно напрасно сопричисляется г. Горбовымъ къ сонму наукъ) мы особенно стоять не будемъ; но неужели сельскому учителю излишне знать основанія физики и естественной исторіи, неужели ему ни на что негодна начальная геометрія, а географія и исторія полезны только въ гомеопатическихъ дозахъ? Неужели получить понятіе о свойствахъ тѣлъ, о причинахъ метеорологическихъ явленій, объ устройствѣ растительнаго и животнаго организма, значитъ сдѣлаться „полуобразованнымъ верхоглядомъ"? Ужъ не запретить ли сельскимъ учителямъ, для бо̀льшей послѣдовательности, самое чтеніе книгъ естественно-историческаго содержанія?

Есть еще одна черта, которою учительская школа, проектируемая г. Горбовымъ, должна отличаться отъ нынѣшнихъ учительскихъ семинарій: *во главѣ ея непремѣнно долженъ стоять священникъ*. Въ связи съ этимъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе слѣдующее мѣсто письма г. Горбова: „посмотрите, вотъ въ разныхъ углахъ сидятъ ребята и читаютъ. Что у нихъ за книги? У большинства духовныя: псалтырь, часословъ и до Ѳомы Кемпійскаго включительно". Мы знаемъ и безъ г. Горбова, что нашъ народъ любитъ духовное чтеніе; мы признаемъ за начальной школой обязанность поддержать эту любовь, дать учащимся всѣ средства къ ея удовлетворенію; мы боимся только чрезмѣрнаго переполненія школы однимъ элементомъ, слишкомъ легко, именно вслѣдствіе этого избытка, могущимъ обра-

титься въ мертвую букву. Мы знаемъ отъ свидѣтеля, котораго не заподозритъ г. Горбовъ—отъ г. Рачинскаго,—что крестьянскія дѣти охотно читаютъ лучшихъ изъ нашихъ свѣтскихъ писателей; не искусственными ли мѣрами, поэтому, достигается въ школѣ г. Горбова столь рѣзкое преобладаніе духовнаго чтенія? Искусственною, уже безъ всякаго сомнѣнія, слѣдуетъ признать привилегію, предоставляемую духовенству въ разбираемомъ нами проектѣ учительской школы. Систематически исключать священниковъ изъ числа руководителей начальной школы и систематически укрѣплять за ними одними руководительство его—это двѣ крайности, одинаково не выдерживающія критики. Представить себѣ священника, вполнѣ достойнаго и способнаго стоять во главѣ учительской школы, конечно, можно — но гораздо труднѣе допустить, чтобы такихъ священниковъ было много, и чтобы выборъ, въ большинствѣ случаевъ, упадалъ именно на нихъ. Считать духовенство вообще и наше духовенство въ особенности *единственнымъ*, прирожденнымъ вождемъ народной школы, значитъ не видѣть и не хотѣть видѣть дѣйствительной жизни. Чтобы правильно оцѣнить, въ этомъ отношеніи, проектъ г. Горбова, достаточно замѣтить, что, въ случаѣ осуществленія его, управленіе учительской школой не могло бы быть ввѣрено даже г. Рачинскому! Вотъ къ какимъ результатамъ приводитъ служеніе формѣ, преклоненіе передъ званіемъ. Чтобы быть вполнѣ послѣдовательнымъ, г. Горбову остается только отказаться отъ своего проекта и просто примкнуть къ „Московскимъ Вѣдомостямъ", давно уже пропагандирующимъ мысль о соединеніи въ одномъ лицѣ обязанностей начальнаго учителя и дьякона [1]). Только, что̀ стали бы дѣлать тогда бывшіе студенты университета, желающіе, подобно г. Горбову, посвятить себя обученію народа?

Противъ основанія духовенствомъ начальныхъ народныхъ училищъ, противъ широкаго распространенія такъ-называемыхъ церковно-приходскихъ школъ нельзя сказать ни слова, лишь бы только оно совершалось не въ ущербъ школамъ другихъ категорій, лишь бы только заботливость государства не сосредоточивалась на одномъ пунктѣ, далеко, притомъ, не самомъ сильномъ въ нашемъ учебномъ мірѣ. Пускай, напримѣръ, растутъ и множатся церковныя школы на окраинахъ Россіи—но возлагать на нихъ преувеличенныя надежды и пренебрегать изъ-за нихъ другими путями къ народному образованію—было бы громадною ошибкой. Маленькую „иллюстрацію" этого вопроса можно найти въ томъ самомъ нумерѣ „Руси", въ которомъ предвѣщаются чудеса отъ послѣднихъ распоряженій духовнаго вѣ-

[1]) Не слишкомъ заботясь о логикѣ, „Московскія Вѣдомости" продолжаютъ эту пропаганду въ той самой передовой статьѣ, въ которой сочувственно отзываются о письмѣ г. Горбова.

домства, направленныхъ къ увеличенію числа церковно-приходскихъ школъ въ сѣверо-западномъ краѣ. „Грязные полы — читаемъ мы въ письмѣ „Проѣзжей Бѣлоруски“, — запыленные образа и покровы, загрязненные подсвѣчники, индѣ полуразрушившіяся, грозящія скорымъ паденіемъ печи, покрытые сажею стѣны и потолки, массы паутины—вотъ, въ общихъ чертахъ, картина внѣшности виленскихъ (православныхъ) храмовъ. Есть, конечно, и исключенія, но ихъ не много. Затѣмъ, нестройное пѣніе, чтеніе *на всѣхъ парусахъ*, такъ что и *иже чтетъ, не разумѣетъ*; крестное знаменіе, полагаемое священнодѣйствующимъ небрежно—какое-то кощунственное маханіе рукою; ссоры причетниковъ на клиросѣ — все это, разумѣется, также не можетъ способствовать поднятію религіознаго чувства въ молящихся и поддержанію въ нихъ молитвеннаго настроенія“. Водвореніе внѣшняго порядка и благочинія въ богослуженіи—задача несравненно болѣе легкая, чѣмъ правильное устройство и веденіе начальной школы. Но если первая изъ этихъ задачъ остается неисполненною даже въ Вильнѣ, въ центрѣ края, на глазахъ у высшихъ духовныхъ властей, то гдѣ же основанія ожидать успѣшнаго исполненія второй, въ глухихъ бѣлорусскихъ или литовскихъ уѣздахъ, вдали отъ всякаго контроля? Не придется ли здѣсь повторить слова „проѣзжей Бѣлорусски“: „есть, конечно, исключенія, но ихъ немного“?

Наше время, столь богатое самыми разнообразными „неврозами“ и „психозами“, создало или, по крайней мѣрѣ, ожесточило особый видъ мономаніи—мономанію, если можно такъ выразиться, политической подозрительности. Этою болѣзнью страдаютъ у насъ не только отдѣльныя лица, но и цѣлые органы печати; зарождаясь въ передовыхъ статьяхъ, она поражаетъ, мало-по-малу, всѣ другіе отдѣлы газеты, не исключая фельетона, не исключая даже художественной критики. Въ Москвѣ открылась передвижная выставка; какъ и въ Петербургѣ, больше всего обратила на себя вниманіе общества картина Рѣпина: „Не ждали“, о которой мы бесѣдовали недавно съ читателями „Вѣстника Европы“. Больше всего говоритъ о ней и рецензентъ „Московскихъ Вѣдомостей“—но съ какой точки зрѣнія? Съ точки зрѣнія инквизитора, читающаго между строками, допытывающагося до самыхъ затаенныхъ мыслей автора. Логика, обнаруживаемая при этомъ составителемъ рецензіи, по-истинѣ удивительная. Догадки публики (правильнѣе было бы сказать — *небольшой части публики*, потому что впечатлѣніе, констатируемое рецензентомъ, было далеко не общее) обращаются у него внезапно въ намѣреніе самого художника. Публика, по словамъ рецензента, „видитъ въ картинѣ г. Рѣпина возвращеніе *политическаго ссыльнаго*.

Съ намѣреніемъ или нечаянно, но художникъ помѣстилъ на стѣнѣ изображенной имъ комнаты весьма ясно нарисованный портретъ Шевченка. Намека этого, въ связи съ полу-арестантской одеждой пришельца, было достаточно. Комментарій составился и распространился, картина получила опредѣленную окраску. Итакъ, покамѣстъ идетъ рѣчь только о комментаріяхъ зрителей; допускается даже предположеніе, что портретъ Шевченки попалъ въ картину *нечаянно*, т.-е. безъ опредѣленной задней мысли. „Въ то же мгновеніе—читаемъ мы дальше—исчезло *художественное* произведеніе, и на мѣсто его стала та непріятная гримаса, которая всегда является результатомъ художественной и всяческой фальши... Рядомъ съ техническимъ мастерствомъ, какое ребяческое, фельетонно-самодовольное отношеніе къ искусству, какое недостойное зрѣлаго художника отсутствіе зрѣлой мысли"! Г. Рѣпинъ является, такимъ образомъ, отвѣтственнымъ за чей-то комментарій; чужая мысль, какимъ-то волшебствомъ, становится его собственною мыслью. Объясненіе такому скачку можно найти только въ мономаніи, характеризованной нами выше. Мы понимаемъ, хотя и не раздѣляемъ, тотъ взглядъ, для котораго тенденція—могила вдохновенія; сознательное и намѣренное творчество—нѣчто несовмѣстное съ истиннымъ искусствомъ; но мы рѣшительно не понимаемъ, какимъ образомъ достоинство картины можетъ зависѣть отъ способа пониманія ея тою или другою частью публики, какимъ образомъ художественное произведеніе можетъ превратиться въ „гримасу", вслѣдствіе одного только толкованія его въ тенденціозномъ смыслѣ. Какою картина вышла изъ рукъ художника, такою она и остается, что̀ бы о ней ни говорилось. Нельзя же допустить, чтобы до появленія „комментарія" она имѣла одну цѣнность, а послѣ появленія—другую; это значило бы отдавать судьбу картины на волю случая, дѣлать ее жертвой первой досужей выдумки, мало заботящейся не только о правдѣ, но даже о правдоподобіи. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, опредѣлять основную мысль картины портретомъ, висящимъ на стѣнѣ комнаты, да еще въ добавокъ портретомъ такого лица, какъ Шевченко? Неужели его можно найти только или преимущественно у людей „политически неблагонадежныхъ"? Гораздо болѣе данныхъ для предположенія, что обладатель портрета—уроженецъ Украйны, хотя, впрочемъ, поклонниковъ Шевченки много не между одними малороссами. Полу-арестантская одежда пришельца не усиливаетъ ни на одну іоту догадку о прикосновенности его къ политическому дѣлу; политическіе арестанты одѣваются не иначе, чѣмъ другіе. Болѣе празднаго, болѣе ненужнаго „комментарія" нельзя, такимъ образомъ, себѣ и представить. Центръ тяжести картины лежитъ вовсе не въ томъ, за что нежданный гость былъ разлученъ съ

семьей, а въ томъ, какъ отнесется семья къ его возвращенію. Допустимъ, наконецъ, что г. Рѣпинъ дѣйствительно хотѣлъ изобразить политическаго ссыльнаго; въ чемъ же заключается его вина, съ точки зрѣнія критики „Московскихъ Вѣдомостей"? Въ томъ, что названіе картины недостаточно соотвѣтствуетъ ея содержанію; отсюда упрекъ въ употребленіи *рабьяго языка*. Итакъ, рабьимъ языкомъ можно писать не только сатиру или памфлетъ, но и каталогъ художественной выставки?.. Еслибы критикъ припомнилъ, что означаетъ *рабій языкъ* въ устахъ творца этого термина (г. Салтыкова), онъ исключилъ бы его, можетъ быть, изъ своего обвинительнаго акта противъ г. Рѣпина.

Если о мономаніи политической подозрительности можно сказать, послѣ прочтенія рецензіи „Московскихъ Вѣдомостей" на картину Рѣпина: „où cette monomanie va-t-elle se nicher",—то господство ея въ передовыхъ статьяхъ той же газеты уже давно никого не удивляетъ, какъ фактъ заурядный, почти ежедневный. Нужно очень уже сильное, очень яркое выраженіе ея, чтобы вновь привлечь вниманіе къ симптомамъ застарѣлой болѣзни. Выстрѣлите изъ ружья у самыхъ ушей человѣка, свыкшагося съ этимъ шумомъ—онъ даже не обернется и спокойно будетъ продолжать свое дѣло; но выстрѣлите подлѣ него изъ пушки или нѣсколькихъ пушекъ—и онъ по-неволѣ встрепенется и посмотритъ въ сторону стрѣльбы. Такимъ пушечнымъ выстрѣломъ (конечно—холостымъ) была недавняя статья „Московскихъ Вѣдомостей", отыскавшая въ самыхъ высшихъ сферахъ нашего государственнаго управленія нѣчто по-истинѣ ужасающее. Разразившись громомъ и молніями противъ медленности, съ которою двигается въ государственномъ совѣтѣ проектъ университетскаго устава, органъ г. Каткова заканчиваетъ свою филиппику слѣдующею параллелью: „князь Бисмаркъ, съ свойственною ему проницательностью и разумѣніемъ, справедливо находитъ, что прогрессисты хуже соціаль-демократовъ. *Еще хуже оппозиція, встрѣчаемая правительствомъ въ своихъ органахъ*". Итакъ, государственные люди, не во всемъ согласные со взглядомъ г. Каткова на проектъ университетскаго устава, хуже тѣхъ, которые въ свою очередь хуже соціаль-демократовъ? Сильно сказано—даже съ такимъ избыткомъ силы, который, по правилу о соприкосновеніи крайностей, равняется полному безсилію. Чтобы констатировать степень развитія изучаемой нами мономаніи, достаточно замѣтить, что проектъ устава — еще не законъ, и что несогласіе съ нимъ уже поэтому одному не имѣетъ и не можетъ имѣть ничего общаго съ оппозиціей правительству. Или, можетъ быть, мономанія подозрительности переходитъ въ мономанію величія, и стремленія газеты отождествляются, въ ея собственныхъ глазахъ, съ намѣреніями власти?...

Русская журналистика лишилась, мѣсяцъ тому назадъ, одного изъ самыхъ старѣйшихъ органовъ своихъ. Было бы и неосновательно, и преждевременно, говорить о причинахъ запрещенія „Отечественныхъ Записокъ", такъ какъ такое запрещеніе объявлено тѣсно связаннымъ съ неоконченными еще, повидимому, и долженствующими оставаться въ тайнѣ слѣдственными дѣйствіями. Мы хотимъ только бросить взглядъ на прошедшее этого изданія, въ сравненіи съ которымъ могли назваться молодыми не только русскіе „толстые" журналы, но и почти всѣ западно-европейскіе. „Отечественныя Записки" были основаны Свиньинымъ въ 1820 г., когда еще не было на свѣтѣ ни „Revue des deux Mondes", ни „Westminster Review", не говоря уже о такихъ юныхъ птенцахъ, какъ „Preussische Jahrbücher", „Deutsche Rundschau", „Fortnightly Review", „Nouvelle Revue" и т. п. Мы едва ли очень ошибемся, если скажемъ, что изъ всѣхъ существующихъ теперь журналовъ (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) въ то время издавались только ветераны англійской не-ежедневной прессы — „Quarterly Review" и „Edinburgh Review", а въ Россіи, въ 1820 г., наступило послѣднее десятилѣтіе стараго „Вѣстника Европы" (1802—1830) и послѣднее пятилѣтіе „Русскаго Вѣстника" (1808—1825). Правда, въ первыя одиннадцать лѣтъ со времени своего основанія, „Отечественныя Записки" влачили болѣе или менѣе жалкое существованіе, не претендуя на руководящую роль, переходившую отъ „Телеграфа" къ „Телескопу", отъ „Телескопа" къ „Московскому Наблюдателю". Еслибы журналъ спросить, что онъ дѣлалъ и сдѣлалъ въ это время, онъ могъ бы отвѣтить словами Сіейса: „j'ai vécu"; не заслуживъ похвалы, „Отечественныя Записки" Свиньина не заслужили и порицанія. Переходъ отъ прозябанія къ настоящей жизни совершился для „Отечественныхъ Записокъ" въ 1839 г., когда, вслѣдъ за пріобрѣтеніемъ ихъ А. А. Краевскимъ, во главѣ критическаго ихъ отдѣла сталъ Бѣлинскій. Первенство ихъ скоро сдѣлалось очевиднымъ и безспорнымъ; высота, занятая ими, была одинаково недосягаема, и для рутины Булгарина и Греча („Сынъ Отечества", „Экономъ"), и для индифферентизма Сенковскаго („Библіотека для чтенія"), и для безцвѣтности Пушкинскихъ эпигоновъ („Современникъ"), для обскурантизма Бурачка („Маякъ"), для задора и фразерства старыхъ и новыхъ славянофиловъ („Москвитянинъ"). Эпоха процвѣтанія обновленнаго въ 1839 г. журнала была, вмѣстѣ съ тѣмъ, цвѣтущимъ временемъ для русской литературы. Въ „Отечественныхъ Запискахъ" заканчивалъ свою короткую поэтическую карьеру Лермонтовъ, дебютировали Тургеневъ, Искандеръ, Григоровичъ; работали молодые тогда московскіе ученые (Грановскій, К. Д. Кавелинъ); произведенія Гоголя въ нихъ не появлялись, но зато въ нихъ находилъ себѣ главную опору Гоголевскій культъ, въ нихъ складывалась натуральная школа.

Если русская читающая публика 1846 г. во многомъ отличалась отъ публики конца тридцатыхъ годовъ, то это было преимущественно дѣломъ „Отечественныхъ Записокъ". Чтобы найти нѣчто аналогичное ихъ тогдашнему значенію,нужно обратиться ко временамъ французскихъ энциклопедистовъ; только вліяніе послѣднихъ можетъ сравниться (не по свойству, конечно, а по интенсивности и силѣ) съ тою ролью, которая принадлежала критикѣ Бѣлинскаго, поддерживаемой творчествомъ его литературнаго лагеря. Когда въ средѣ этого лагеря произошелъ памятный расколъ, завершившійся основаніемъ Некрасовскаго „Современника", можно было думать, что для „Отечественныхъ Записокъ" наступила эпоха непоправимаго упадка; на самомъ дѣлѣ, однако, онѣ спустились лишь на нѣсколько ступеней и скоро очутились снова на одномъ уровнѣ съ соперникомъ—больше, впрочемъ, потому, что послѣдній не могъ удержаться на сразу занятомъ имъ мѣстѣ. Смерть Бѣлинскаго совпала съ началомъ періода, вообще крайне неблагопріятнаго для русской журналистики. Въ критикѣ это было временемъ такъ-сказать междуцарствія. Доспѣхи Бѣлинскаго никому не оказались по силамъ; Майковъ, въ которомъ онъ видѣлъ своего преемника, умеръ почти одновременно съ нимъ самимъ. На критическую арену выступили труженики, знатоки исторіи литературы, болѣе добросовѣстные, чѣмъ даровитые—и въ этомъ отношеніи „Отечественнымъ Запискамъ" посчастливилось не меньше, чѣмъ „Современнику"; если послѣдній нашелъ Дружинина, то опорою первыхъ сдѣлался Дудышкинъ. По части беллетристики, особенно важной именно въ моменты журнальной невзгоды, „Отечественныя Записки" пріобрѣли Достоевскаго, въ нихъ промелькнулъ молодой тогда г. Салтыковъ („Запутанное дѣло", мартъ 1848 г.); потерявъ и того, и другого („Современникъ" въ то же самое время потерялъ Искандера), онѣ заручились крупнымъ дарованіемъ Крестовскаго-псевдонима. Двоевластіе обоихъ журналовъ продолжалось, на равныхъ, приблизительно, правахъ, до новаго поворотнаго пункта въ исторіи нашей умственной жизни—до „возрожденія" пятидесятыхъ годовъ. Здѣсь обстоятельства сразу стали не совсѣмъ благопріятными для старшаго изъ двухъ представителей. Въ русскіе журналы въ первый разъ проникъ, хотя и подъ полу-маской, элементъ публицистическій; преимущество должно было непремѣнно оказаться на сторонѣ тѣхъ, кто съумѣетъ дать этому элементу наиболѣе ясную, опредѣленную форму. „Отечественнымъ Запискамъ" это неудалось; онѣ очутились, если можно такъ выразиться, между двумя стульями, изъ которыхъ одинъ былъ занятъ „Современникомъ", другой—возрожденнымъ тогда „Русскимъ Вѣстникомъ". Второй, не менѣе важной неудачей было то, что мѣсто критика въ „Отечественныхъ Запискахъ" оставалось вакантнымъ, между тѣмъ какъ въ „Современникѣ" его съ такимъ блескомъ завоевалъ Добролюбовъ. До конца пятиде-

сятыхъ годовъ, „Отечественныя Записки“ находили поддержку въ такихъ романахъ, какъ „Тысяча душъ“, Писемскаго (1858), какъ „Обломовъ“ Гончарова (1859); затѣмъ изсякъ и этотъ источникъ — но тутъ подоспѣлъ на помощь Громека, сообщившій журналу, хотя и ненадолго, нѣкоторое искусственное оживленіе. Самый глухой періодъ въ исторіи „Отечественныхъ Записокъ“ (если вести эту исторію съ 1839 г.) настал около половины шестидесятыхъ годовъ, когда умеръ Дудышкинъ, удалился Громека, измѣнился вообще почти весь составъ сотрудниковъ, и первую роль въ беллетристикѣ журнала сталъ играть г. Всеволодъ Крестовскій, а въ критикѣ—Н. Соловьевъ. Если журналъ пережилъ это время, то только благодаря инертности нѣкоторой части подписчиковъ, а также благодаря общему плачевному состоянію журналистики (припомнимъ, что именно тогда погибли оба журнала братьевъ Достоевскихъ, былъ запрещенъ „Современникъ“, и появлялись такія эфемерныя изданія, какъ „Всемірный трудъ“, „Женскій Вѣстникъ“ и т. п.). Долго, во всякомъ случаѣ, такое положеніе продолжаться не могло—и вотъ, журналу еще разъ улыбнулось столь долго не измѣнявшее ему счастье. Съ 1 января 1868 г., т.-е. съ вступленіемъ въ редакцію покойнаго Некрасова, „Отечественныя Записки“ возвращаютъ себѣ утраченное-было ими литературное значеніе... Итакъ, шестьдесятъ-четыре года жизни вообще, и слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ жизни болѣе или менѣе активной, изъ которыхъ можно выкинуть развѣ десять лѣтъ такъ-называемыхъ mortes saisons (1849—54; 1863—67) — вотъ багажъ, съ которымъ „Отечественныя Записки“ отошли въ исторію журналистики. Много страницъ этой исторіи, и свѣтлыхъ, и печальныхъ, будетъ наполнено ихъ измѣнчивою судьбою.

Не прошло еще и двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы говорили на этомъ мѣстѣ о кукуевской драмѣ—и вотъ опять приходится занести въ нашу лѣтопись другую желѣзно-дорожную катастрофу, менѣе ужасную по результатамъ, но не менѣе знаменательную. Нѣтъ ли между ними причинной связи, въ томъ смыслѣ, что безслѣдностью первой до извѣстной степени обусловливалась возможность послѣдней? Подъ именемъ *безслѣдности* мы понимаемъ не столько безнаказанность желѣзно-дорожныхъ заправителей и агентовъ, сколько отсутствіе преобразованій въ самомъ устройствѣ желѣзно-дорожнаго дѣла, въ отношеніяхъ желѣзныхъ дорогъ къ правительственной власти. Первымъ и необходимымъ послѣдствіемъ бологовской катастрофы должно было бы быть, по нашему мнѣнію, скорѣйшее утвержденіе и изданіе тщетно ожидаемаго желѣзно-дорожнаго устава, не сдѣлавшаго, за цѣлый годъ, ни одного шага впередъ, хотя пови-

димому ничто не мѣшало окончанію столь давно начатаго и столь важнаго дѣла. Если такія явленія, какъ малочисленность служебнаго персонала, недостаточность вознагражденія низшихъ агентовъ, недоброкачественность шпалъ и т. п. возможны даже на николаевской желѣзной дорогѣ, то что же дѣлается на другихъ, менѣе видныхъ путяхъ, и сколько несчастій готовитъ близкое, быть можетъ, будущее!?

Заключимъ нашу хронику указаніемъ на одно явленіе, незамѣченное, кажется, нашею печатью, хотя оно безспорно заслуживаетъ подражанія. Въ одномъ изъ послѣднихъ №№ „Сельскаго Вѣстника" напечатанъ „Крестьянскій разговоръ", сообщенный К. Д. Кавелинымъ, и редакція обѣщаетъ еще нѣсколько бесѣдъ, идущихъ изъ того же источника. Предметъ разговора — неудобство чрезмѣрнаго дробленія крестьянской пашни на небольшія полосы и возможность другого, лучшаго ея распредѣленія между общинниками. Мы имѣли случай лично убѣдиться въ томъ, что „Сельскій Вѣстникъ" читается крестьянами весьма охотно — и это вполнѣ понятно, если принять въ соображеніе, какъ рѣдко, съ какимъ трудомъ газетный листъ проникаетъ въ глухія деревни, и какъ мало въ немъ интереснаго и понятнаго для массы. Свободнымъ отъ недостатковъ и пробѣловъ „Сельскій Вѣстникъ" назвать никакъ нельзя, но лучшее средство для ихъ устраненія — именно то, которое употребилъ К. Д. Кавелинъ. Писать для читателей-крестьянъ—великое и нелегкое дѣло, надъ которымъ стóитъ поработать знатокамъ нашего народнаго быта. Однимъ изъ самыхъ подходящихъ мѣстъ для такой работы служитъ именно „Сельскій Вѣстникъ". Никакая брошюра, никакая статья, помѣщенная въ другомъ изданіи, не найдетъ болѣе многочисленной и болѣе внимательной публики, чѣмъ та, которая получаетъ и читаетъ дешевую, общедоступную правительственную газету. Нельзя не пожелать, поэтому, чтобы хорошій примѣръ, данный К. Д. Кавелинымъ, не прошелъ безслѣдно.

Издатель и редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

МАЙ—ІЮНЬ, 1884.

Книга пятая.—Май.

Книга шестая.—Іюнь.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. XXXIX и XL. Спб. 1884. Ц. каждаго тома 3 руб.

Заслуги „Русскаго Историческаго Общества“, еслибы его дѣятельность ограничилась выпущенными ею по настоящее время сорока томами „Сборника“ — были бы тѣмъ не менѣе весьма велики, и отечественная исторія XVIII вѣка, времени перерожденія и государства, и народа, благодаря трудамъ этого Общества, получила дѣйствительно новое и богатое освѣщеніе. 39-ый томъ весь посвященъ донесеніямъ своему правительству англійскаго посла Ч. Витворта, въ 1704—1708 гг. Несмотря на всю спеціальность миссіи его, а именно защитить англійскую торговлю въ Россіи и въ частности табачную монополію англичанъ, авторъ докладовъ имѣлъ случай сообщить мимоходомъ весьма интересныя подробности о вновь зарождавшихся тогда военныхъ силахъ Россіи и характеристическія черты изъ нравовъ тогдашней администраціи и политики, а также обнаружилъ и тотъ эгоизмъ, съ которымъ иностранныя правительства, разсматривая „Московію“ какъ варварскую страну, заботились тогда объ одномъ обезпеченіи себѣ сбыта своихъ произведеній. Витвортъ получилъ предписаніе королевскаго совѣта выгнать изъ Россіи всѣхъ англичанъ, которые вздумали бы разводить въ Россіи табакъ, такъ какъ они тѣмъ подорвали бы англійскую торговлю въ Россіи табакомъ.—Не менѣе интересны, хотя и въ другомъ, болѣе политическомъ отношеніи, донесенія французскаго консула въ Петербургѣ Лави и посла при русскомъ дворѣ Кампредона, съ 1719—1722. Но и тутъ торговля не упускается изъ виду, и докладная записка о видахъ французской торговли въ Россіи, сравниваемая съ такими же видами Англіи, очевидно, доказываетъ, что въ западной Европѣ смотрѣли тогда на Россію, какъ теперь Англія и Франція относятся къ Египту, предлагая ему свои услуги и въ то же время оспаривая другъ у друга вліяніе на страну. „Записка о доходахъ царя“ доказываетъ, что иностранцы слѣдили тогда внимательно за всѣми внутренними дѣлами Россіи и отлично изучили ихъ. Извиняясь въ неточности своихъ свѣденій о русскихъ финансахъ, французскій агентъ говоритъ, что „и самъ царь (т.-е. Петръ В.) не знаетъ этого въ точности, хотя онъ во всемъ самый трудолюбивый, внимательный и точный правитель, какого можно только себѣ представить“. Къ числу главныхъ золъ нашихъ финансовъ того времени, онъ относитъ то обстоятельство, что „въ казну государя не попадаетъ и половины того, что взимается съ его подданныхъ“. Въ подтвержденіе этого приводятся примѣры, что „какой-нибудь мелкій чиновникъ, съ 12 рублями жалованья, и едва имѣвшій носильное платье при вступленіи на службу, въ 4—5 лѣтъ успѣваетъ выстроить себѣ каменныя палаты въ Петербургѣ“. Очень любопытно также разъясненіе, почему Петръ Великій, „такой заботливый и проницательный государь, не могъ положить предѣла злоупотребленіямъ“. — Всѣ вышепоименованные документы изданы въ подлинникѣ, съ русскимъ переводомъ.

Силуэты Крыма. Изъ путевой книжки А. Н. Нелидина. Спб. 1884. Стр. 241. Ц. 2 руб.

Авторъ настоящихъ очерковъ съ такою скромностью и вмѣстѣ съ такимъ усердіемъ предупреждаетъ въ предисловіи читателей противъ себя и выдаетъ весь свой трудъ за одну гимнастику фантазіи, посредствомъ которой онъ, по совѣту врача, разсчитывалъ избавиться навѣрняка отъ „канцелярскаго склероза мозга“, — что намъ ничего не остается, какъ принять его подъ свою защиту противъ такого самобичеванія. Или „канцелярія“ вовсе не довела его до упомянутаго „склероза“, или морскія купанья въ Крыму до того благодатны и всесильны, что живою рукой сняли съ него этотъ склерозъ; — но во всякомъ случаѣ „Силуэты Крыма“ не носятъ на себѣ и слѣда этой ужасной болѣзни; напротивъ, они по временамъ свидѣтельствуютъ скорѣе о томъ, что, какъ будто, никогда и никакая канцелярія не имѣла случая выдернуть даже ни одного перышка изъ крыльевъ его фантазіи. Благодаря указанію врача, совѣтовавшаго, въ противность общепринятому обычаю купаться въ одномъ мѣстѣ, выкупаться и чуть не завтра же ѣхать купаться на другой пунктъ берега, авторъ въ теченіе лѣта объѣздилъ, вездѣ купаясь, всѣ интереснѣйшія мѣста южнаго берега, и фотографировалъ въ своей записной книжкѣ все, что ему встрѣчалось на пути, что ему сказали, и что онъ на это отвѣтилъ. Многое при этомъ является въ очеркахъ не только интереснымъ, но и разсказаннымъ весьма живо, съ увлеченіемъ; многое весьма полезно знать и принять къ руководству тѣмъ, кто собирается насладиться Крымомъ и пожелаетъ при этомъ вооружить себя чужимъ опытомъ, во избѣжаніе встрѣчи съ оборотною стороною медали, которой не лишенъ и Крымъ. Авторъ, впрочемъ, не всегда предоставлялъ себя на волю случая, иногда позволялъ себѣ и инціативу въ выборѣ предмета для изслѣдованія, и тогда въ его очерки попадали наблюденія и надъ серьезными явленіями мѣстной общественной жизни: таково, напримѣръ, засѣданіе ялтинской городской думы, записанное имъ почти стенографически. Хотя въ этомъ засѣданіи предложено было рѣшить предварительно вопросъ: вредны ли отхожія мѣста въ санитарномъ отношеніи, да и вообще условиться сначала относительно того, «что такое вонь»?—но кончилось тѣмъ, что здравый смыслъ одержалъ верхъ, и ялтинская дума издала такое энергическое постановленіе, независимо отъ извѣстной русской пословицы о «своей вони», что оно можетъ возбудить зависть въ другихъ Думахъ — вовсе не уѣздныхъ: очистить на городской счетъ, а деньги взыскать съ виновныхъ.

Русскій Якобинецъ. Странная исторія М. А. Загуляева. Спб. 1884. Стр. 439. Ц. 1 р.

Мы не имѣемъ надобности рекомендовать эту полуисторическую, полуфантастическую, но во всякомъ случаѣ весьма интересную повѣсть, такъ какъ читателямъ нашего журнала она хорошо извѣстна. Можемъ только сказать, по впечатлѣнію, произведенному этою „исторіею“ что она дѣйствительно написана съ такимъ знаніемъ мемуаровъ, современныхъ великой революціи, и нравовъ того времени, что иллюзія, производимая разсказомъ, могла бы быть полною, еслибы въ то же время авторъ не предупредилъ, что во всякомъ случаѣ эта исторія— странная. Мы увѣрены, что и внѣ круга нашихъ читателей она найдетъ себѣ не мало новыхъ, которые прочтутъ ее съ интересомъ и не будутъ считать своего времени потеряннымъ, благодаря тому, что фонъ картины весьма вѣренъ исторіи и написанъ съ знаніемъ дѣла.